Ал. Котовичъ.

Духовная цензура

въ Россіи.

(1799—1855 гг.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія „Родникъ“, Невскій, 88.
1909.

Мы не отвергаемъ извѣстнаго рода привилегій, но больше всего на свѣтѣ любимъ мы то право, которое гарантируетъ намъ личную безопасность. А въ этомъ смыслѣ человѣку прежде всякихъ льготъ нужно право свободно пріобрѣтать познанія, свободно говорить и свободно судить о вещахъ сообразно своимъ убѣжденіямъ.

Мильтонъ.

Отъ автора.

Весною 1903 г. автору настоящаго труда впервые представилась осуществимою мысль заняться изученіемъ прошлаго духовной цензуры. Это былъ выводъ изъ цѣлаго ряда признаковъ того, что льдины тронулись. Дѣйствовавшая духовная цензура очутилась тогда у «Новаго пути», и не проявила обычной послѣдовательности, какъ-бы утратила связь со своими традиціями. Въ большемъ, чѣмъ ранѣе, количествѣ стали появляться не напечатанные еще матеріалы по исторіи русской цензуры,—даже по начальной исторіи цензуры духовной. Опубликованы были довольно объективныя характеристики церковныхъ дѣятелей николаевскаго времени. Погребенныя нѣкогда въ архивахъ за свои свободные взгляды докладныя записки церковныхъ ревнителей прежнихъ временъ находились теперь у членовъ св. синода: въ нихъ искали отвѣтовъ на очередныя темы.

Серьезный и живой интересъ къ воспроизведенію исторіи духовной цензуры авторъ встрѣтилъ почти вездѣ на мѣстахъ своей работы. Выраженіемъ его служили, между прочимъ, памятное содѣйствіе, предупредительность и довѣріе, о которыхъ авторъ считаетъ долгомъ засвидѣтельствовать здѣсь съ глубокою признательностью.

Лишь кое-гдѣ довелось натолкнуться еще на слѣды того порядка, при которомъ, выражаясь словами П. Строева, «доступъ къ иному хранилищу старины былъ многократно труднѣе и продолжительнѣе, нежели разборъ скрывающихся тамъ документовъ». Только изрѣдка приходилось чувствовать себя и подъ тѣмъ характернымъ взглядомъ, для котораго всякій, кто работаетъ въ цензурныхъ архивахъ, — или фельетонистъ, искатель «пикантныхъ анекдотовъ», или публицистъ, полный гнѣва и осужденія.

Однако, для того, чтобы получить собраніе анекдотовъ, вовсе нѣтъ нужды спускаться въ глубь исторіи. Прежде всего, иная современность въ состояніи дать такіе анекдоты, которые не по одной своей свѣжести превзойдутъ шедевры цензурныхъ архивовъ. А затѣмъ, всякое послѣдовательное изученіе историческихъ фактовъ само по себѣ имѣетъ свойство ни-

веллировать «удивляющій характеръ» отдѣльныхъ эпизодовъ. Поэтому въ частности, и при систематическомъ обозрѣніи прошлаго духовной цензуры интересъ изслѣдователя весьма скоро сосредоточивается по преимуществу на установленіи взаимной связи явленій, той закономѣрности, которая обязывала сдѣлавшихъ одинъ шагъ по пути принудительной охраны мысли дѣлать слѣдующіе шаги,—до тѣхъ поръ, пока неожиданно для нихъ поднявшаяся волна назрѣвшей жизни не отбрасывала ихъ обратно.

Что же касается выступленія въ роли публициста-историка, то эту роль выполнили недавнія событія. Каждый вдумчивый свидѣтель послѣднихъ лѣтъ изъ своего опыта, а не изъ исторіи, могъ убѣдиться, что существуетъ «духъ времени», «неотвратимыя теченія», общественные подъемы и отливы, дни, которые считаются за годы, и т. п. Онъ знаетъ, какъ безсильна въ критическіе моменты цензурная охрана, какъ, въ частности, духовная цензура едва ли не первая оставляетъ безъ руководства пріученныхъ къ ея опекѣ чадъ. Онъ слышалъ, наконецъ, какъ по примѣру прежнихъ кризисовъ оффиціальныя комиссіи о печати низлагали самыя основы цензуры и выносили ей заслуженный приговоръ.

Въ извѣстномъ смыслѣ можно, поэтому, признать, что уже по завершеніи кризисомъ каждаго періода духовной цензуры изложеніе ея организаціи, точекъ зрѣнія, вліянія на литературу и пр. пріобрѣтаетъ историческій, въ узкомъ смыслѣ слова, интересъ, и является обозрѣніемъ непрочныхъ дѣяній уже умершихъ учрежденій.

Тѣмъ не менѣе, даже и въ такомъ случаѣ остается еще одна—уже, безспорно, не мертвая—цѣль... Если въ свое время въ цензурные архивы сдавались на храненіе, вмѣстѣ со всякаго рода литературнымъ мусоромъ, самыя оригинальныя рукописи и въ протоколы заносились мысли, не вмѣщавшіяся въ параграфы цензурнаго устава, то теперь возможно и цѣлесообразно изученіе при посредствѣ этихъ архивовъ и протоколовъ самыхъ нѣжныхъ движеній духа, наиболѣе чуткихъ предвѣдѣній, самыхъ искреннихъ порывовъ въ религіозной области. Собрать все невысказанное, недоговоренное по независѣвшимъ отъ авторовъ условіямъ, прослѣдить вліяніе гнета на гибель полныхъ жизни и силы талантовъ, засвидѣтельствовать объективный характеръ ихъ сѣтованій—не значитъ ли осуществить цѣль, имѣющую положительное историко-литературное значеніе?

Наконецъ, въ этомъ своемъ положительномъ моментѣ не можетъ ли изслѣдованіе о духовной цензурѣ послужить и «оправданіемъ добра», заложеннаго, но нераскрытаго въ «подзаконной» дѣятельности нашихъ отцовъ?

По своему психологическому состоянію каждый носитель назрѣвшихъ для своего времени взглядовъ, убѣжденный въ ихъ правотѣ, но не выразившій—въ виду царившаго гнета—всего своего содержанія, испытываетъ въ той или другой степени трагедію Іова.

Горькое сознаніе того, что «дни мои прошли; думы мои—достояніе сердца моего—разбиты», порождаетъ послѣднее желаніе: «О если бы вѣрно взвѣшены были вопли мои, и вмѣстѣ съ ними положили на вѣсы страданіе мое! О если бы записаны были слова мои! Если бы начертаны они были въ книгѣ...» (Іов. XVII, 11; VI, 2; XIX, 23).

На архивныхъ кладбищахъ воскресаютъ писатели, и изъ-подъ цензурныхъ протоколовъ несутся къ намъ живые голоса невысказанныхъ убѣжденій. И посвящая эту книгу—книгу взвѣшенныхъ воплей и обсуженныхъ страданій—какъ первый даръ любви заживо похороненнымъ и ихъ разбитымъ думамъ, мы начинаемъ творить для нихъ и ихъ могильщиковъ судъ безпристрастной исторіи...

Предисловіе.

Исторіи русскаго цензурнаго надзора, удовлетворяющей требованіямъ науки, пока не существуетъ. Не говоря уже о деталяхъ, даже цѣлые отдѣлы его до сихъ поръ остаются-почти не разработанными. По крайней мѣрѣ изъ тѣхъ «двѣнадцати цензуръ, которыя насчиталъ въ свое время А. В. Никитенко [1]), не изучена систематически ни одна. Такъ, еще не вышла изъ стадіи погоднаго—даже фельетоннаго—изложенія событій исторія внутренней гражданской цензуры; почти не затронута громадная область дѣятельности цензуры иностранной. Лишь отдѣльными событіями воспроизводится и сложная картина духовно-цензурнаго надзора надъ книгою.

Правда, говоря о послѣднемъ, слѣдуетъ признать, что нѣкоторымъ эпизодамъ здѣсь посчастливилось. Относящіеся къ нимъ оффиціальные документы, сравнительно давно извлеченные изъ архивовъ и не разъ опубликованные на страницахъ журналовъ и монографій, успѣли вызвать комментаріи современниковъ и вообще получить всестороннюю оцѣнку. Трудно, напримѣръ, отмѣтить какія-либо новыя фактическія детали въ многократно воспроизведенномъ печатью инцидентѣ изъ эпохи мистицизма съ книгою «Бесѣда на гробѣ младенца». Обстоятельно изложено, затѣмъ, въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ (И. Чистовича, Н. Барсова) движеніе «весьма секретнаго» нѣкогда дѣла о противозаконномъ переводѣ ветхозавѣтныхъ книгъ прот. Павскаго. Достаточно очерчена также судьба катехизисовъ м. Филарета, академическихъ чтеній арх. Иннокентія (Борисова), Православнаго Собесѣдника въ Казани и нѣкоторыхъ другихъ изданій.

Вообще говоря, чѣмъ секретнѣе и экстраординарнѣе было «дѣло», тѣмъ настойчивѣе стремилась историко-критическая мысль узнать и повѣдать о немъ правду. Остается вѣдь фактомъ, что уже въ 1850 году, когда еще живы и сильны были не одни воспоминанія, но и грозные участники

---

[1]) Записки и дневникъ (1826—1877) А. В. Никитенко, т. I, (СПБ., 1893), стр. 518—19.

слѣдствія «о противозаконномъ переводѣ ветхозавѣтныхъ книгъ», этотъ инцидентъ обсуждался, хотя бы украдкою, съ академической каѳедры [2]).

И, тѣмъ не менѣе, по силѣ освѣщенія отдѣльныхъ моментовъ изъ исторіи духовной цензуры вовсе нельзя судить о степени научнаго знанія о всемъ ея прошломъ. Эти, безспорно «историческіе и поворотные», эпизоды необходимо все-таки сравнить ни съ чѣмъ инымъ, какъ съ выдающимися наслоеніями пластовъ земной коры или съ башнями и верхними частями засыпанныхъ древнихъ стѣнъ. Эти части уже по своей выпуклости и близости къ поверхности скорѣе всего обнажаются отъ естественныхъ или искусственныхъ прикрытій и первыми являются на свѣтъ. Но, удовлетворяя первоначальному любопытству, ознакомленіе съ ними въ то же время нерѣдко и притупляетъ научное вниманіе, создавая легенды и иллюзію, что уже многое, по крайней мѣрѣ важное, изслѣдовано, что раскопки доведены до конца. Такъ, долго остаются не открытыми цѣлые ряды возникавшихъ одинъ надъ другимъ городовъ. Между тѣмъ, для того, чтобы получить возможно точное понятіе о дѣйствительной структурѣ, образованіи, размѣрахъ и значеніи изслѣдуемыхъ пластовъ, геологи и археологи, въ концѣ концовъ, должны спуститься глубже, внизъ, и, руководясь своими методами, обязаны въ то же время неуклонно итти туда, куда ведутъ ихъ иногда мелкія, на первый взглядъ, особенности и отклоненія въ строеніи объектовъ наблюденія.

Предлагаемая работа и представляетъ собою попытку выясненія и обработки тѣхъ залежей, которыя въ нетронутомъ почти видѣ находятся въ архивахъ учрежденій, являвшихся въ свое время средоточіями духовно-цензурнаго надзора. Цѣль ея—воспроизвести на основаніи главнымъ образомъ этихъ архивныхъ данныхъ различныя перипетіи въ устройствѣ духовной цензуры за полувѣковый періодъ, выяснить и подчеркнуть измѣнявшіеся оттѣнки ея критеріевъ, указать личныя точки зрѣнія ея дѣятелей, наконецъ,—охарактеризовать роль и послѣдствія существованія духовно-цензурнаго надзора.

При этой работѣ наиболѣе данныхъ извлечено, конечно, изъ архива св. синода [3]), гдѣ находится узелъ—«начало и конецъ»—громаднаго боль-

---

[2]) Исторія казанской духовной академіи за первый (дореформенный періодъ ея существованія (1842—1870) П. Знаменскаго, вып. II, (Казань 1892), стр. 110—11.

[3]) Охваченные общимъ названіемъ „архивъ св. синода“ дѣла состоящихъ и состоявшихъ при синодѣ учрежденій приводятся ниже по иниціаламъ этихъ учрежденій, именно: А. С. С.=дѣла канцеляріи святѣйшаго синода; К. О. П. С. С.=канцеляріи оберъ-прокурора св. синода; К. Д. У-

шинства фактовъ, создающихъ исторію духовной цензуры. Описи и предметные указатели этого архива служатъ достаточнымъ руководствомъ къ тому, чтобы не обойти вниманіемъ чего-либо непосредственно касающагося избраннаго предмета. Необходима лишь слѣдующая оговорка. Канцелярская регистрація, сброшюровывая дѣла и давая имъ названія, руководится своими, часто механическими представленіями о томъ, что относится и не относится къ «дѣлу». Оттого, безъ сомнѣнія, значительное количество цѣнныхъ для изслѣдователя цензуры данныхъ разсѣяно въ дѣлахъ судебныхъ, сектантскихъ, о наслѣдованіи имущества, о сношеніяхъ съ заграничными священниками и т. д. Нѣкоторыя добытыя изъ такихъ дѣлъ свѣдѣнія введены въ настоящій трудъ. Но, безспорно, только доведенное до конца методическое «описаніе документовъ и дѣлъ св. синода» выяснитъ весь этотъ разсѣянный, но однородный матеріалъ и дастъ основаніе увѣренности, что по данному вопросу все исчерпано. Къ сожалѣнію, еще около полусотни лѣтъ отдѣляютъ систематически описанную эпоху отъ очерченнаго въ настоящемъ изслѣдованіи періода.

Зато авторъ считаетъ себя вправѣ не дѣлать подобной оговорки по отношенію къ слѣдующимъ четыремъ архивамъ: московской духовной цензуры и, затѣмъ,—петербургскаго, московскаго и кіевскаго духовно-цензурныхъ комитетовъ. Лишь въ слабой степени упорядоченные, насколько это вызывалось домашними нуждами вѣдавшихъ ими учрежденій, они требовали хотя бѣглаго взгляда на каждый листъ сгруппированныхъ въ нихъ дѣлъ, чтобы имѣть возможность отдѣлить шелуху отъ зерна. Такъ именно и были разсмотрѣны всѣ хранящіяся въ нихъ дѣла за годы: 1799-1828 по первому архиву; 1815-55 по второму; 1815-1855 по третьему, и 1824-1855 по скудному содержаніемъ четвертому. Комментаріи къ этимъ дѣламъ въ нужныхъ случаяхъ заимствовались изъ архивовъ академическихъ конференцій и особенно комиссіи духовныхъ училищъ и духовно-учебнаго управленія.

комиссіи духовныхъ училищъ; Р. Б. О.-россійскаго библейскаго общества: Дух.-учебн. управленія=духовно-учебнаго управленія. При цитаціи секретныхъ дѣлъ и всеподданнѣйшихъ докладовъ, хранящихся нынѣ какъ въ архивѣ св. синода, такъ и въ канцеляріи оберъ-прокурора, имена учрежденій приведены безъ этихъ сокращеній.

Аналогичныя сокращенія допущены и при ссылкахъ на дѣла архивовъ мѣстныхъ цензурныхъ комитетовъ. М. Д. Ц. означаетъ архивъ московской духовной цензуры; СПБ. Д. Ц. К., М. Д. Ц. К., Кіев. Д. Ц. К., означаютъ дѣла: с.-петербургскаго, московскаго, кіевскаго духовно-цензурныхъ комитетовъ. Первое изъ стоящихъ за названіемъ учрежденій чиселъ обозначаетъ годъ, второе—№ дѣла.

При систематическомъ обозрѣніи духовно-цензурныхъ архивовъ, въ частности, при разсмотрѣніи дѣлъ, носящихъ иногда спеціальное названіе «дѣлъ по сношеніямъ съ комитетами гражданской цензуры», оказалось возможнымъ опредѣлить характерныя черты взаимоотношеній духовной цензуры и существовавшихъ въ то время другихъ развѣтвленій цензурнаго надзора.

Къ числу первоисточниковъ обычно,—и въ извѣстной мѣрѣ справедливо,—относятся и появившіяся въ 1860—70 годахъ оффиціальныя изданія, какъ-то: «Сборникъ постановленій и распоряженій по цензурѣ, (СПБ., 1862 г.); Историческія свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи (1862 г., въ двухъ редакціяхъ 1) тип. морского м-ва и 2) тип. Персона); Матеріалы, собранные особой комиссіей, высочайше учрежденной 2 ноября 1869 г. для пересмотра дѣйствующихъ постановленій о цензурѣ и печати», СПБ., 1870 г., ч. I—V' «Сборникъ законоположеній и распоряженій по духовной цензурѣ (СПБ. 1870 г.) [4]).

Назначенныя первоначально для небольшого круга лицъ, эти изданія, въ общемъ, не извращали описанія событій во имя какой-либо тенденціи. Но съ точки зрѣнія пользы для изслѣдователя относительно этихъ сборниковъ приходится сдѣлать одно замѣчаніе. При всей значительности сгруппированнаго въ нихъ матеріала выступаетъ, однако, и общая ихъ особенность: они составлены для практическихъ надобностей, имѣли прежде всего въ виду дать возможность многочисленнымъ комитетамъ о печати разобраться въ опытѣ прежняго времени.

Правда, составители ихъ не всегда ограничивались механическою выпискою постановленій, распоряженій и законоположеній. Въ ихъ изданіяхъ замѣтно стремленіе связать хотя бы внѣшнимъ образомъ эти дѣйствія правительства съ предыдущими и послѣдующими фактами. Тѣмъ не менѣе, цѣли прагматизма стояли здѣсь далеко на заднемъ планѣ, и потому, представляя собою болѣе или менѣе удобные справочные указатели, эти сборники лишь въ весьма слабой степени облегчаютъ установленіе генезиса событій гражданской и духовной цензуры. Разумѣется, въ настоящей

---

[4]) Сюда же слѣдуетъ отнести и хранящіяся въ рукописи въ спб. публичной библіотекѣ „Выписки изъ цензурныхъ дѣлъ“ (т. I—IV), которыя весьма охотно воспроизводятся, въ качествѣ первоисточника, даже спеціальными изслѣдователями гражданской цензуры. Тамъ, подъ рубриками „религія“, и „нравственность“ сгруппировано существенное, основоположительное изъ практики свѣтскихъ цензоровъ въ религіозно-нравственной области.

работѣ, при изученіи и изложеніи «законоположеній и распоряженій по духовной цензурѣ», первоисточниками служили почти исключительно подлинныя дѣла, а не приведенные въ сборникахъ отрывки.

Заканчивая рѣчь объ архивныхъ данныхъ, необходимо указать на то, что послѣдовательное изученіе именно этого матеріала служитъ главнымъ средствомъ и для его систематизаціи. Именно этимъ путемъ, какъ бы изъ разрозненныхъ костей, возсоздается основной обликъ-скелетъ духовно-цензурнаго режима. Сверхъ того, приложенныя къ канцелярскимъ дѣламъ частныя записки, черновики и варіанты цензорскихъ отзывовъ, такъ живо иногда отражающіе душевное настроеніе ихъ составителей,—позволяютъ нерѣдко среди самыхъ оффиціальныхъ данныхъ ощутить уже нѣкоторое движеніе своеобразной жизни.

Однако, этого недостаточно: здѣсь еще не будетъ полноты и цѣлостности живого организма. Чтобы оживотворить «оффиціальную» схему, необходимо привести ее въ возможно тѣсное соотношеніе съ духомъ эпохи, съ общимъ состояніемъ ея культурной—въ данномъ случаѣ культурно-религіозной—жизни. Здѣсь-то выступаетъ на сцену почти неисчерпаемый матеріалъ, заключающійся въ запискахъ современниковъ, письмахъ оффиціальныхъ и частныхъ дѣятелей, монографіяхъ, даже,—по отношенію именно къ цензурѣ,—чуть ли не во всякой книгѣ и рукописи, которая даетъ возможность судить объ уровнѣ умственнаго развитія эпохи и о томъ, что было въ свое время дозволено и запрещено. И только одинъ невосполнимый, повидимому, пробѣлъ приходится ощущать изслѣдователю духовной цензуры при ознакомленіи съ этого рода матеріаломъ.

Историкъ цензуры гражданской, изучая ея судьбы и дѣянія, по крайней мѣрѣ въ николаевскую эпоху, сразу находитъ такія классическія пособія, какъ «Записки и дневникъ» цензора—проф. Никитенко, отчасти Греча, Шишкова, Корфа. Въ дневникѣ Никитенко, напр., онъ находитъ непосредственное отраженіе и вѣяній высшихъ сферъ, и цензорскихъ коллизій, и авторскихъ страданій,—найдетъ при желаніи и оцѣнку всего этого со стороны здраваго смысла.

Насколько важно и при обозрѣніи учрежденій духовнаго вѣдомства имѣть аналогичныя пособія, можно пояснить примѣромъ. Въ то время, какъ «исторія казанской академіи» ожила благодаря дневнику и частной перепискѣ нѣсколькихъ студентовъ, воспроизведеннымъ, правда, перомъ искуснаго историка, исторіи другихъ академій до сихъ поръ остаются сухими перечнями свѣдѣній, расположенныхъ по холоднымъ схемамъ. Но въ этомъ именно отношеніи очень скудно наслѣдство, оставленное дѣяте-

лями духовной цензуры. Послѣдніе,—сознательно или нѣтъ,—считали свою задачу исполненной, оставляя лишь удостовѣренные ихъ подписью протоколы и журналы дней засѣданій. Лишь въ письмахъ немногихъ изъ нихъ раскрыты интимныя стороны «цензурнаго дѣйствованія».

Болѣе или менѣе возмѣстить этотъ пробѣлъ можетъ лишь широта знакомства съ самымъ разнообразнымъ матеріаломъ, разсѣяннымъ въ томахъ духовныхъ и свѣтскихъ историческихъ журналовъ. Большинство изъ находящихся въ нихъ очерковъ былого, конечно, слишкомъ далеко отстоятъ по своему содержанію отъ темъ, соприкосновенныхъ съ духовною цензурою. Зато, бываетъ, что именно здѣсь одна или нѣсколько ненарокомъ брошенныхъ фразъ, случайно схваченный эпизодъ являются наилучшей,—по наблюдательности, силѣ и выразительности,—характеристикой церковнаго надзора за печатью.

Въ ссылкахъ дальнѣйшаго изложенія названы тѣ печатныя пособія, которыя привлечены для освѣщенія тѣхъ или другихъ сторонъ духовно-цензурнаго надзора. Сопоставленіе содержащихся въ нихъ свидѣтельствъ съ другими историческими данными опредѣляетъ и значеніе ихъ показаній въ отношеніи именно къ настоящей работѣ,—опредѣляетъ ближе, чѣмъ это могъ бы сдѣлать сухой предварительный перечень. Нѣкоторыя предварительныя замѣчанія надлежитъ сдѣлать лишь по отношенію къ тѣмъ трудамъ, которые представляютъ собою опыты спеціальной разработки матеріаловъ о цензурѣ и поэтому естественно предполагаютъ близкія родственныя отношенія къ данной работѣ.

Когда въ Русской Старинѣ, Русскомъ Архивѣ, Историческомъ Вѣстникѣ и другихъ журналахъ накопилось достаточно матеріаловъ о цензурѣ, А. М. Скабичевскій изложилъ ихъ въ живой литературной обработкѣ на страницахъ Отечественныхъ Записокъ. Статьи эти послужили ядромъ цѣлаго тома Очерковъ исторіи русской цензуры (1700—1863 г.)[5]. Живымъ чередованьемъ въ мѣру серьезнаго и въ мѣру анекдотическаго матеріала, авторитетнымъ тономъ характеристикъ духа того или другого времени, «очерки», безспорно, весьма содѣйствовали популяризаціи прошлаго русской цензуры въ широкихъ кругахъ. Что же касается ихъ научнаго значенія, то оно крайне умаляется уже тѣмъ признаніемъ, которое вынудилъ у ихъ автора въ пылу полемики М. Лемке: «Я, заявилъ самъ Скабичевскій, вовсе не человѣкъ науки, который могъ бы свободно располагать своимъ временемъ, возвращаться къ прежнимъ работамъ и дѣлать въ нихъ дополненія, измѣненія, словомъ, перерабатывать ихъ сообразно

---

5) СПБ., 1892 г.

вновь накопившемуся матерьялу... Я просто-по-просту скромный труженикъ-журналистъ, принужденный работать безъ оглядки ради насущнаго хлѣба. До того ли мнѣ было, чтобы снова и снова приниматься за свои «Очерки» по мѣрѣ обнародованія новыхъ и новыхъ матерьяловъ?.. Да, наконецъ, какъ природный журналистъ, не люблю и не люблю я возвращаться къ старымъ работамъ: онѣ претятъ мнѣ, какъ выплюнутый кусокъ пищи; я и корректуры своихъ отдѣльныхъ изданій читаю не иначе. какъ съ отвращеніемъ»[6]).

Въ виду такого своеобразнаго взгляда на характеръ работы, не удивительно, что не только вновь обнародуемыя данныя, но и просто внимательное отношеніе къ дѣлу въ состояніи вскрывать многія наскоро забѣленныя трещины въ построеніяхъ Скабичевскаго. Въ частности, это наблюденіе по преимуществу относится къ тѣмъ главамъ «очерковъ», которыя посвящены дѣятельности духовной цензуры. Представляя собою главнымъ образомъ, лишь обстоятельную сводку подробностей самыхъ замѣтныхъ эпизодовъ изъ этой области, эти главы спаяны весьма непрочнымъ цементомъ общихъ сужденій. Лучшимъ подтвержденіемъ можетъ служить та фраза,—точнѣе даже пол-фразы,—гдѣ авторъ, объясняя причины паденія мистицизма, даетъ характеристику партіи ревнителей православія «достопамятнаго 1824 года». «Партія эта, утверждаетъ онъ, представляла собою самую единодушную сплоченность, и представители ея духовные іерархи и дѣйствовавшіе подъ ихъ вліяніемъ нѣкоторые придворные сановники твердо и неуклонно преслѣдовали одну цѣль—низверженіе мистиковъ—безъ малѣйшей розни, колебаній или какихъ нибудь побочныхъ и заднихъ побужденій» [7]). Каждое слово этой тирады если и можно принять, то лищь... cum grano salis,—до того не гармонируетъ сказанное съ существомъ кризиса—верховенствомъ Аракчеева, колебаніями м. Серафима, протестами м. Филарета, пособничествомъ чиновника полиціи Штера, лицемѣріемъ Магницкаго, своеобразнымъ правовѣріемъ Фотія и т. д.

Сверхъ того, интересъ и цѣнность даже эпизодической стороны очерковъ Скабичевскаго въ значительной мѣрѣ понизились съ появленіемъ, «съ высочайшаго соизволенія», въ Русской Старинѣ за 1901, 1903 и 1904 гг. собранныхъ еще въ пятидесятыхъ годахъ комиссіею подъ предсѣдательствомъ барона М. А. Корфа матеріаловъ подъ общимъ заглавіемъ: «Цензура въ царствованіе имп. Николая I-го». Напоминая, по группировкѣ матеріала, трудъ Скабичевскаго, этотъ обзоръ, несмотря даже на нѣкото-

---

[6]) Новости, отъ 25 марта 1903 г., № 83.

[7]) Стр. 191—2.

рыя неточности, превосходитъ его сравнительнымъ обиліемъ привлеченнаго матеріала, большею близостью къ первоисточникамъ, что наглядно выразилось въ болѣе солидномъ, документальномъ, хотя и болѣе сухомъ изложеніи.

Еще одинъ шагъ впередъ въ области изслѣдованія прошлаго цензуры представляютъ «Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики XIX столѣтія» (Спб.. 1904 г.) М. Лемке, въ связи съ другими циклами статей того же автора [8]). Въ своихъ изслѣдованіяхъ названный авторъ видное мѣсто отводитъ раскрытію происхожденія верховныхъ цензурныхъ учрежденій (особенно комитета 2 апрѣля и III отдѣленія, какъ цензурной инстанціи), а также выясненію роли отдѣльныхъ личностей въ этой исторіи. Иллюстрированные портретами «неудобозабываемыхъ» дѣятелей по части цензуры, «очерки» Лемке болѣе другихъ обнаруживаютъ стремленіе вмѣсто простой фотографіи явиться картиной. Препятствуетъ этому лишь тяготѣніе автора къ хронологическому, погодному распредѣленію матеріала, а равно и другіе, отмѣченные уже критикою, дефекты изслѣдованій М. Лемке, напримѣръ: отсутствіе строгой системы, незаконченность характеристикъ учрежденій и дѣятелей, непропорціональность удѣляемаго авторомъ тѣмъ или другимъ лицамъ вниманія ихъ дѣйствительному значенію и фельетонный характеръ заглавій и изложенія [9]).

Наконецъ, есть еще одинъ трудъ, который, если бы былъ оконченъ, требовалъ бы отъ автора настоящаго изслѣдованія подробнаго выясненія взаимныхъ отношеній. Это очеркъ проф. Т. В. Барсова «О духовной цензурѣ въ Россіи», печатавшійся на страницахъ Христіанскаго Чтенія за 1901 годъ. Онъ представляетъ собою изложеніе исторіи духовной цензуры въ теченіе XVIII вѣка, доведенное до 1802 года.

Кромѣ ранѣе опубликованныхъ данныхъ, въ это изслѣдованіе въ значительной мѣрѣ введенъ сырой матеріалъ оффиціальныхъ духовно-цензурныхъ дѣлъ, которыми, кстати сказать, вообще довольно скуденъ XVIII вѣкъ. Со стороны содержанія, оно, такимъ образомъ, нуждается лишь въ немногихъ сравнительно дополненіяхъ [10]). Зато нельзя признать вполнѣ соот-

---

[8]) Особенно цѣнна составленная изъ нихъ книга „Николаевскіе жандармы и литература 1826—55 годовъ“ (СПБ., 1908 г.).

[9]) Сравн. Минувшіе годы, 1908 г. февраль, стр. 314—318. Рецензія П. Щ. на книгу „Николаевскіе жандармы и литература“.

[10]) Они, кстати, и сдѣланы въ рукописномъ курсовомъ сочиненіи кандидата петербургской академіи (вып. 1904 г.) Е. А. Остроумова о духовной цензурѣ XVIII вѣка.

вѣтствующими предмету изслѣдованія тѣ общіе пріемы и воззрѣнія, которыми руководился авторъ при обработкѣ матеріаловъ. Проф. Барсовъ, по его собственному признанію, преднамѣренно избѣгалъ касаться «острой стороны вопроса о духовной цензурѣ». Эта мысль въ одномъ изъ примѣчаній развивается такъ: «воздерживаясь отъ оцѣнки данной этимъ фактамъ окраски (Пекарскимъ, Скабичевскимъ), устраняемся и отъ критики тѣхъ или другихъ пріемовъ цензурнаго дѣйствованія, равно и отъ сужденія о томъ или другомъ литературномъ дѣятелѣ, дабы не нарушать принятаго нами метода историческаго изслѣдованія и оставаться на почвѣ оффиціальныхъ документовъ» [11]).

Эта осторожность, имѣя нѣкоторыя основанія въ цензурныхъ условіяхъ того, еще такъ недавняго времени, когда печатались эти статьи, все же болѣе вытекала изъ основныхъ предпосылокъ автора. По буквѣ и смыслу послѣднихъ, цензурный надзоръ слѣдуетъ признать естественной и необходимой функціей церкви. Проявленія этого надзора, притомъ по существу тождественныя съ нынѣшними цензурными репрессіями, авторъ склоненъ видѣть и въ апостольскихъ предостереженіяхъ вѣрующимъ и въ соборныхъ осужденіяхъ еретическихъ мнѣній [12]). Какъ одно изъ слѣдствій такого взгляда на цензуру, какъ на своего рода jus divinum, явилось слишкомъ осторожное отношеніе автора къ конкретнымъ фактамъ «цензурнаго дѣйствованія», каковы бы они ни были. Разработка темы въ очеркахъ страдаетъ отдаленностью отъ жизни.

Конечно, можно предполагать, что, перейдя къ обозрѣнію духовной цензуры въ XIX вѣкѣ, очерки проф. Барсова, даже оставаясь на прежней узкой «почвѣ оффиціальныхъ документовъ», неминуемо отразили бы на себѣ и большую сложность вопросовъ, связанныхъ съ цензурою этого періода. Но, имѣя въ виду одну напечатанную ихъ часть, необходимо сказать, что они не даютъ испытанныхъ пріемовъ и приспособленныхъ методовъ, которыми могли бы руководиться послѣдующіе обозрѣватели судебъ духовно-цензурнаго надзора.

Да и всѣ, можно сказать, перечисленные опыты стоятъ лишь на пути выработки «формы» цензурныхъ изслѣдованій, лишь постепенно приближаются къ установленію типа, наиболѣе пригоднаго для научнаго распредѣленія матеріала. Только появленіе опытовъ всесторонняго обозрѣнія хотя бы отдѣльныхъ отраслей цензуры и сравнительная критическая оцѣнка

---

[11]) Хр. Чт., 1901 г., августъ, стр. 238.
[12]) Тамъ-же, май, стр. 694-700.

этихъ опытовъ выяснить, въ концѣ концовъ, образецъ гармоническаго совмѣщенія всѣхъ факторовъ, изъ которыхъ слагается цензурный надзоръ. Пока же можно лишь съ относительною увѣренностью приводить въ систему, избѣгая притомъ повтореній, взаимное отношеніе литературныхъ теченій, съ одной стороны, и цензурныхъ, съ другой; роль мертвыхъ статей устава и личныхъ взглядовъ охранителей; судьбу отдѣльныхъ цензоровъ и судьбы группъ сочиненій по роду ихъ; относительное значеніе центральныхъ учрежденій и провинціальныхъ комитетовъ и т. п.

Затѣмъ, только путемъ изученія всей исторіи духовно-цензурнаго надзора можно открыть и то золотое число, которое такъ необходимо для надлежащей группировки относящихся къ этому виду цензуры историческихъ данныхъ. Между тѣмъ, если уже успѣли достаточно выясниться черты эпохи, предшествовавшей взятому нами періоду, то судьба цензуры второй половины минувшаго вѣка является мало извѣстной [13]). Восполняетъ, конечно, въ нѣкоторой степени этотъ пробѣлъ «свѣжее преданіе» о подвигахъ и дѣяніяхъ «отцовъ». Тѣмъ не менѣе, пока весь оффиціальный матеріалъ ждетъ окончанія срока—пусть даже и не пятидесятилѣтней давности, нельзя судить о его подлинныхъ свойствахъ, нельзя проводить и какой либо безусловной разграничительной линіи между эпохами.

Не отрицая, такимъ образомъ, относительности принятой въ данномъ трудѣ періодизаціи, скажемъ, однако, нѣсколько словъ въ оправданіе начальной и конечной его даты. Онѣ не являются какими-либо случайными хронологическими терминами, близко стоящими къ гранямъ полувѣка, а имѣютъ за себя болѣе серьезныя основанія. Въ первомъ случаѣ такимъ кореннымъ фактомъ можно признать учрежденіе 14 марта 1799 г. организованной духовной цензуры. Разсѣянный дотолѣ между представителями высшей духовной власти, епархіальными владыками, учебными заведеніями, избранными духовными особами, наконецъ, смѣшанными комитетами, церковный надзоръ за печатью теперь кристаллизовался въ особое установленіе. Какъ коллегіальнымъ петровскимъ строемъ, несмотря на присущія ему достоинства, не удовлетворилась централизующая мысль, пока не отчека-

---

[13]) Правда, лично для насъ, благодаря участію въ систематизаціи хранящагося въ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода обширнаго архива К. П. Побѣдоносцева, извѣстны по меньшей мѣрѣ самые выдающіеся цензурные эпизоды вплоть до самаго послѣдняго времени. Но... остается вспомнить, что въ свое время, въ самомъ началѣ царствованія имп. Александра II, на основаніи секретныхъ дѣлъ предыдущей эпохи были составлены о ней подробныя цѣнныя монографіи. Опубликованія же онѣ дождались лишь въ началѣ XX вѣка!...

нила его на рубежѣ XVIII и XIX вѣка во всеохватывающія министерства, такъ и въ той частной области, о которой здѣсь рѣчь, не успокоилась всегдашняя опека, пока не создала спеціальнаго, полномочнаго по идеѣ учрежденія. Поэтому, хотя всякая организація можетъ и должна быть предметомъ изученія во всѣхъ подготовительныхъ къ ней стадіяхъ, тѣмъ не менѣе она сама по себѣ уже есть и нѣчто самостоятельное. И, при извѣстныхъ предпосылкахъ, можно, взявъ за исходную точку самый фактъ организаціи, сосредоточить главное вниманіе на томъ, какимъ экспериментамъ подвергало ее теченіе времени, насколько она могла приспособиться къ требованіямъ среды, какое вліяніе оказывала сама она на ходъ жизни, и. по всему этому,—судить о ея дѣйствительныхъ свойствахъ.

Что же касается 1855 года, какъ конечной даты предлагаемаго изслѣдованія, то придать ему такое значеніе побудило автора прежде всего то «непосредственное чувство», которое заставило и А. Никитенко сдѣлать 18 февраля 1855 года существенной гранью въ своемъ дневникѣ. Вотъ монологъ, представляющій нынѣ окончаніе перваго печатнаго тома его записокъ:

«Государь скончался... Въ настоящихъ обстоятельствахъ смерть его является особенно важнымъ событіемъ, которое можетъ повести къ неожиданнымъ результатамъ. Для Россіи очевидно наступаетъ новая эпоха. Императоръ умеръ, да здравствуетъ Императоръ. Длинная и, надо таки сознаться, безотрадная страница въ исторіи русскаго царства дописана до конца. Новая страница перевертывается въ ней рукою времени. Какія событія занесетъ въ нее новая царственная рука, какія надежды осуществитъ она?»...

Оттого, не только предполагая, но и зная, что духовная цензура,—болѣе даже чѣмъ что-либо другое,—органически соединена съ послѣдующей эпохой однимъ и тѣмъ же уставомъ, однимъ въ сущности credo, одинаковыми большею частью взысканіями,—нельзя, однако, умалять и значенія словъ: «государь скончался». Нельзя забывать, что лишь мѣсяцемъ ранѣе не стало и его «достойнаго и вѣрнаго слуги» гр. Пратасова. Не стало, однимъ словомъ, той системы, которая всецѣло покоилась на личности неограниченнаго монарха и осуществлялась чрезъ его избранниковъ. Не стало силы, способной еще долѣе поддерживать крѣпостничество тѣла и безусловное крѣпостничество мысли...

Итакъ, вершины павловской цензуры, какъ источникъ организаціи и духовной цензуры, съ одной стороны, и прорывъ грандіознѣйшихъ «умственныхъ плотинъ», въ томъ числѣ и «секретнаго при св. синодѣ коми-

тета для наблюденія за дѣйствіями духовной цензуры», съ другой,—вотъ грани выдѣленнаго нами періода.

При частнѣйшей разработкѣ плана нѣкоторыя затрудненія создаетъ то обстоятельство, что внѣшнія измѣненія цензурнаго строя хронологически не совпадаютъ,—иногда даже далеко отстоятъ отъ появленія вызвавшихъ ихъ причинъ. Тѣмъ не менѣе сосредоточенному взгляду открываются тѣ стороны цензурнаго надзора, а равно хронологическіе и топографическіе термины, которые имѣли объединяющее значеніе для цѣлыхъ группъ явленій изъ исторіи цензуры и, въ силу такого своего значенія, позволяютъ разбить историческій матеріалъ на болѣе естественныя группы, не навязывая предвзятыхъ шаблоновъ.

Начальная исторія существованія организованной духовной цензуры, совпадающая съ первой половиной александровскаго времени, тѣсно связана съ судьбами единственнаго для своего времени духовно-цензурнаго учрежденія—московской церковной цензуры. Выясненію ея генезиса и внѣшнихъ отношеній. съ одной стороны, и дѣятельности, съ другой, посвящены двѣ первыя главы настоящаго изслѣдованія. Въ слѣдующей III главѣ на фонѣ характерныхъ для того времени фактовъ и господствовавшихъ правительственныхъ тенденцій вскрываются причины, подготовившія реформу духовно-цензурнаго дѣла—регламентированіе его уставомъ и пріуроченіе къ академическимъ округамъ.

Николаевская эпоха, непоколебимо вѣрившая въ спасительность умственныхъ плотинъ и усложненію жизни неизмѣнно противопоставлявшая лишь болѣе усовершенствованную систему охраны мысли, требуетъ и болѣе детальнаго раскрытія, притомъ съ разныхъ точекъ зрѣнія. Подобно тому, какъ введенный тогда въ дѣйствіе уставъ духовной цензуры въ своихъ раздѣлахъ, статьяхъ и примѣчаніяхъ стремился и намѣтить рядъ церковно-правительственныхъ предначертаній, и дать точную схему устройства цензуры,—предопредѣлить даже качества ея дѣятелей и ихъ критеріи при разсмотрѣніи сочиненій, сообразно содержанію послѣднихъ и положенію авторовъ,—такъ приблизительно тѣ же пункты долженъ имѣть въ виду и изслѣдователь фактическихъ обнаруженій духовно-цензурнаго надзора.

Съ цѣлью дать общее представленіе объ охранительной дѣятельности правительственныхъ круговъ николаевскаго времени, поскольку она имѣла въ виду заключить въ строгія рамки поступательное движеніе современной богословской мысли, введена особая глава (IV). Слѣдующая (V) имѣетъ въ виду характеристику высшей—синодальной—инстанціи цензурнаго надзора, какъ чрезъ выясненіе судебъ главнѣйшихъ группъ церковныхъ сочиненій,

такъ и чрезъ ознакомленіе съ личными взглядами «верховныхъ» цензоровъ. Глава VI состоитъ изъ очерковъ дѣятельности и дѣятелей столичныхъ и провинціальныхъ д.-цензурныхъ комитетовъ. Въ VII изложены главныя черты отношеній духовной цензуры къ свѣтской, съ указаніемъ обстоятельствъ происхожденія секретнаго при св. синодѣ цензурнаго комитета. Въ VIII сгруппированы типичные отзывы и критеріи духовныхъ цензоровъ николаевской эпохи, направленные противъ попытокъ литературнаго изображенія дѣйствительной—прошлой и современной имъ—жизни церкви. Наконецъ, поскольку русское духовенство, «по примѣру ветхозавѣтныхъ левитовъ»,—какъ тогда выражались,—сверхъ подчиненія общимъ цензурнымъ нормамъ, должно было удовлетворять еще особымъ требованіямъ «чистоты мысли и слова», и его литературная дѣятельность въ цензурномъ отношеніи была обставлена исключительными условіями,—оказалось необходимымъ спеціально (въ гл. IX), освѣтить черты подзаконнаго ига авторовъ изъ духовнаго сословія, выразивъ этимъ посильный отвѣтъ и на волновавшій многихъ современниковъ вопросъ: «почему духовные молчатъ?»

ГЛАВА I.

Происхожденіе и условія существованія московской духовной цензуры.

Со времени учрежденія святѣйшаго синода, ему было ввѣрено наблюденіе за чистотою «богословскихъ писемъ,“ богослужебныхъ и другихъ церковныхъ книгъ. «Аще кто о чемъ богословское письмо сочинитъ, говоритъ духовный регламентъ, и тое бъ не печатать, но первѣе презентовать въ коллегіумъ, а коллегіуму разсмотрѣть должно, нѣтъ ли каковаго въ томъ письмѣ погрѣшенія, ученію православному противнаго» [1]). Вѣдѣнію синода тогда же были подчинены существовавшія въ разныхъ мѣстахъ при духовныхъ учрежденіяхъ типографіи въ видахъ, между прочимъ, уничтоженія «неисправъ».

Преемники Петра В. держались принципа регламента, убѣждали синодъ «содержать въ добромъ порядкѣ и благочестіи духовныхъ, также типографіи» [2]) и заботиться о напечатаніи книгъ, которыя бы согласны были съ церковными преданіями. Кромѣ того, они иногда подчеркивали долгъ синода, какъ верховнаго блюстителя вѣры и нравственности, имѣть надзоръ вообще за литературой. И синодъ, дѣйствительно, не отказывался при случаѣ отъ роли верховнаго судіи по вопросамъ астрономическимъ, историческимъ и политическимъ, исключая, напр., все, «трактующее о множествѣ міровъ, о коперниковской системѣ и склонное къ натурализму» [3]).

Но такое расширеніе сферы надзора и увеличеніе числа книгъ, требующихъ «апробаціи», довольно скоро начало тяготить членовъ синода, и побудило ихъ въ срединѣ XVIII вѣка ходатайствовать предъ высочайшей властью объ учрежденіи особой «переводческой конторы съ искусными и вѣроятія достойными цензорами». Почвой для возникновенія такого проекта служила, безъ сомнѣнія, многовѣковая привычка высшей духовной власти видѣть возлѣ себя отдѣльныхъ лицъ,—даже цѣлыя корпораціи довѣренныхъ справщиковъ и переводчиковъ. Состоя при печат-

---

[1]) П. С. Зак., т. VI, 3718, 25 янв. 1721 г., ч III, п. 3.
[2]) П. С Зак., т. VII, 4. 919, 12 іюля 1726 г.; ср. т. VI, 3741.
[3]) Арх. Св. С. 1743, 27 іюля; 1755, 19 авг.

номъ дворѣ, они трудились главнымъ образомъ въ своей спеціальной церковно-богословской области. Лишь Петръ В. посягнулъ на обособленное положеніе типографскихъ дѣятелей, поручая, напримѣръ, протектору синодальной типографіи переводить и издавать на славянскомъ языкѣ римско-католическіе, лютеранскіе, кальвинскіе катехизисы и богослужебныя книги и книги чисто свѣтскаго содержанія [4]).

Указомъ Петра III, существовавшія при синодѣ и александро-невскомъ монастырѣ типографіи переводились со всѣми инструментами въ Москву. Московской синодальной типографіи было поручено «печатать однѣ церковныя книги, какъ издревле бывало въ одномъ мѣстѣ подъ вѣдѣніемъ синодскимъ» [5]). Оставалось сдѣлать еще шагъ и, образовавъ по возможности на старомъ мѣстѣ ученую корпорацію, вручить ей дѣло завѣдыванія спеціальной богословской литературой. Синодъ и попытался осуществить этотъ планъ въ всеподданнѣйшемъ докладѣ 1756 г. Мотивировка его разнообразна и довольно характерна. Здѣсь и ссылка на прежніе указы, ввѣрявшіе цензуру синоду, и жалоба по поводу множества непереведенныхъ, полезныхъ для церкви книгъ. И хотя, распространяется докладъ, переводъ этихъ книгъ и могъ бы быть порученъ синодомъ искуснымъ мужамъ, но въ освидѣтельствованіи переводовъ можетъ встрѣтиться главное затрудненіе, «ибо высочайшимъ указомъ, всѣ печатныя въ Россіи, принадлежащія до церкви и до церковнаго ученія книги печатать съ апробаціи повелѣно». А синодальные члены заняты какъ синодальнымъ, многаго труда требующимъ, такъ и сверхъ того собственно епархіальнымъ и монастырскимъ правленіемъ; имъ, поэтому, къ разсмотрѣнію таковыхъ переводовъ и времени конечно не достанетъ, а безъ освидѣтельствованія синодальнаго печатать нельзя. Между тѣмъ, «не безъ извѣстно, что въ прочихъ, европейскихъ государствахъ, для свидѣтельства ново-переведенныхъ книгъ имѣются особливые достойные и въ ученіи достаточные цензоры, за свидѣтельствомъ коихъ и переводимыя книги печатаются. Итакъ, за необходимо и нынѣ синодъ разсуждаетъ учредить при синодѣ переводческую контору, въ которую бы для переводу книгъ, каковыя синодомъ опредѣлены будутъ, опредѣлить особливыхъ переводчиковъ и къ свидѣтельству переводовъ, тако же и упомянутыхъ въ духовномъ регламентѣ богословскихъ писемъ, если таковыя отъ кого объявлены будутъ,—искусныхъ и вѣроятія достойныхъ цензоровъ, за свидѣтельствомъ, которыхъ оныя и печати предавать» [6]).

---

[4]) Полн. собр. пост. и расп. по вѣд. пр. исп., т. III, 976 и 1023.

[5]) Полн. С. Зак., т. VII, 5175.

[6]) Архивъ Св. Синода. Копіи всеподдан. докладовъ и рапортовъ, 1755 г., 13-20 мая (№ 5).

Высочайшаго утвержденія этотъ докладъ почему-то не получилъ, и синодъ въ 1760 году готовъ былъ даже безъ новаго доклада государынѣ приступить къ учрежденію переводческой конторы. Но необходимость выясненія ея деталей затормозила дѣло. Кажется, трудно было даже духовной власти рѣшить, гдѣ удобнѣе находиться конторѣ, связанной одновременно и съ синодомъ и съ московской типографіей. Во всякомъ случаѣ мысль объ особомъ центральномъ учрежденіи, съ учеными, цензурными и издательскими задачами, не была осуществлена до начала царствованія Екатерины II.

Тѣмъ менѣе было возможности создать что либо подобное въ наступившее царствованіе, съ общимъ ослабленіемъ цензурнаго надзора и съ полной его децентрализаціей. Съ дозволеніемъ учреждать явочнымъ порядкомъ частныя типографіи, цензура печатаемаго въ нихъ была предоставлена мѣстнымъ управамъ благочинія. Именно онѣ обязаны были отдаваемыя въ печать книги «свидѣтельствовать и, ежели что въ нихъ явится противное законамъ Божіимъ и гражданскимъ или же клонящееся къ явнымъ соблазнамъ, запрещать [7]). Недовѣріе къ подобнымъ судьямъ, правда, заставляло синодъ неоднократно испрашивать именные указы, подтверждавшіе какъ старый порядокъ разсмотрѣнія «богословскихъ писемъ», такъ и привилегіи синодальныхъ типографій. Однако, и синодъ, слѣдуя за временемъ, долженъ былъ раздроблять духовно-цензурный надзоръ. какъ бы размѣнивать высокое значеніе «церковной“ санкціи, ставить ее въ большую зависимость отъ личныхъ взглядовъ цензоровъ. Цензурныя полномочія были оффиціально предоставлены еще синодальной конторѣ, московскому и петербургскому митрополитамъ, а фактически-духовнымъ особамъ изъ академій, или избраннымъ «ученымъ и просвѣщеннымъ архимандритамъ», подписи которыхъ можно, напримѣръ, видѣть на многихъ изданіяхъ Новикова [8]).

Реакція послѣдняго десятилѣтія екатерининскаго царствованія обратила особенное вниманіе на должное охраненіе «книгъ церковныхъ, или къ св. писанію, вѣрѣ, либо толкованію закона и святости относящихся» [9]). Никому не было дозволено издавать ихъ помимо синодальныхъ типографій, изданныя же ранѣе предписывалось отбирать при посредствѣ мѣстныхъ духовныхъ и гражданскихъ властей. Но самые курьезы, которыми сопровождалось примѣненіе этихъ мѣръ [10]), ясно показывали, что, при су-

---

[7]) П. С. Зак. XXI, 15, 634, 15 янв. 1783 г.; т XX, 15.019.

[8]) Лонгиновъ. Новиковъ и Шварцъ, стр. 55—67, (2 изд.); ср. П. С. З., XX, 15.019; XXII, 16.301 и 16.378.

[9]) П. С. З., XII, 16556, указ. 1787 г., 27 іюля; также 16564.

[10]) Скабичевскій. Очерки по исторіи русской цензуры, стр. 55—6 (и 39. 1892 г.)

ществованіи частныхъ типографій, нужно было болѣе точное опредѣленіе того, что именно понималось подъ терминами: книги, «касательныя закона», относящіяся «къ вѣрѣ, святости» и т. д.

Радикальная попытка «разрѣшенія» этого вопроса (вмѣстѣ со многими другими) была сдѣлана лишь за мѣсяцъ до кончины императрицы, когда ея именнымъ указомъ 16 сентября 1796 г. были уничтожены почти всѣ частныя типографіи и учреждены смѣшанные цензурные комитеты. Въ каждомъ изъ нихъ, наряду съ двумя свѣтскими цензорами, должна была находиться и уполномоченная синодомъ духовная особа [11]). Очень возможно, что такое сліяніе съ свѣтскимъ духовно-цензурнаго надзора исчерпало бы все содержаніе послѣдняго, если бы не одно ограниченіе, еще раньше сдѣланное синодомъ. Въ 1787 году онъ издалъ по своему вѣдомству слѣдующее предписаніе: «ежели кто изъ духовныхъ чиновъ пожелаетъ свои сочиненія и переводы напечатать, то епархіальные преосвященные и настоятели монастырей какъ собственныя свои, такъ и подчиненныхъ имъ лицъ сочиненія, по разсмотрѣніи оныхъ, представляли бы прежде на апробацію къ изданію ихъ въ печать въ духовныхъ типографіяхъ св. синоду или московской онаго конторѣ, а безъ того какъ сами собою, такъ и посредствомъ другихъ для изданія въ печать никогда ни подъ какимъ видомъ не отдавали» [12]).

Этимъ распоряженіемъ сочиненія и переводы лицъ изъ духовнаго сословія подчинялись двойной цензурѣ—епархіальныхъ властей и синодальныхъ учрежденій. Вмѣстѣ съ тѣмъ труды авторовъ становилось въ крѣпостную зависимость отъ станковъ духовныхъ типографій. При желаніи, это распоряженіе могло получить развитіе, въ смыслѣ осуществленія устарѣвшаго проекта особой переводческой конторы съ цензурными полномочіями и издательскими функціями. Но во все екатерининское время проектъ этотъ оставался безъ движенія, по крайней мѣрѣ находился въ выжидательномъ положеніи. Журналомъ синода въ 1775 году было опредѣлено: настоящее дѣло производствомъ остановить, до воспослѣдованія отъ комиссіи о составленіи новаго уложенія генеральнаго положенія о духовныхъ училищахъ и, въ виду сего, исключивъ изъ числа нерѣшенныхъ, сдать въ архивъ съ роспискою [13]). Изъ архива проектъ былъ извлеченъ и „по дѣлу учинено исполненіе“ уже въ слѣдующее царствованіе, когда по типу переводческой конторы была основана московская духовная цензура.

---

[11]) П. Собр. Зак., т. XXIII, 17.508

[12]) Арх. Св. С., 1787 15 сент 44.

[13]) Христ. Чт. 1901 г., іюнь, «О духовной цензуры», проф· Т. В. Барсова, стр. 978=981; ср. содержащіяся тамъ ссылки на «дѣло арх. Св. Синода 1745, 30 янв., № 1,» котораго нынѣ нѣтъ въ этомъ архивѣ.

Время, на которое падаетъ учрежденіе московской духовной цензуры,—время апогея реакціи XVIII вѣка, эпоха спасанія вѣры и престоловъ. И не было бы ничего удивительнаго, еслибы тогдашняя атмосфера, насыщенная дѣйствіями цензора Туманскаго и тонкими интригами патера Грубера, сразу оттѣнила великую роль новаго цензурнаго учрежденія, сообщила ему инквизиціонные уставы и секретныя инструкціи, надѣлила его опытными исполнителями,—словомъ сразу и вполнѣ сдѣлала его выраженіемъ своего отрицательнаго духа.

Но, вопреки такимъ естественнымъ ожиданіямъ, приходится утверждать, что возникновеніе московской духовной цензуры стоитъ въ непосредственной связи съ положительными начинаніями имп. Павла I въ области духовнаго просвѣщенія. Суть дѣла лишь въ томъ, что слишкомъ своеобразны были мотивы этой заботливости, а оттого, въ частности, и стремленіе къ оживленію духовной литературы выразилось главнымъ образомъ въ учрежденіи спеціальной для нея цензуры.

Предписывая разборъ дѣтей духовенства, Павелъ I такъ формулируетъ указъ объ этомъ: „...священно и церковно-служительскихъ дѣтей, праздно живущихъ при отцахъ своихъ, для устройства состоянія ихъ съ лучшею выгодою, какъ для общества, такъ и для нихъ собственно, ...обратить въ военную службу, гдѣ они будутъ употреблены съ пользою, по примѣру древнихъ левитовъ, которые на защиту отечеству вооружались“ [14]).

Теперь, если поставить въ связь указы Павла I, касающіеся духовнаго просвѣщенія, то и здѣсь ясно обнаруживается то же стремленіе къ мобилизаціи пригодныхъ силъ левитовъ для защиты отечества.

Вслѣдствіе неясности программы правительства Павла I относительно крѣпостного права, уже въ концѣ 1796 года во многихъ губерніяхъ возникли крестьянскія движенія. Значительное участіе принимало въ нихъ и сельское духовенство. Этотъ фактъ и побудилъ имп. Павла, чрезъ три мѣсяца по вступленіи на престолъ, обратить вниманіе на духовное сословіе. „По происшедшимъ, гласитъ указъ, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ ослушаніямъ крестьянъ противу помѣщиковъ своихъ оказалось, что многіе изъ священниковъ и церковно-служителей, вмѣсто того, чтобы по долгу ихъ, правилами церковными и Регламентомъ Духовнымъ предписанному, наставлять прихожанъ своихъ въ благонравіи и повиновеніи властямъ, надъ ними поставленнымъ, сами къ противному сему подавали поводъ, а въ Великолуцкомъ уѣздѣ погоста Оконъ священникъ простеръ до такой степени свое неистовство, что изъявилъ неуваженіе къ Особѣ Государя подъ предлогомъ, что онъ еще не коронованъ“... Вслѣдствіе этого сино-

[14]) П. С. Зак. XXIV, 17.675.

домъ было предписано епархіальнымъ архіереямъ, „дабы они прилагали пастырское попеченіе, какъ о умноженіи въ семинаріяхъ учениковъ, такъ и о благоустройствѣ самыхъ училищъ, наблюдая всемѣрно о успѣхахъ ученія, а паче надъ благонравіемъ учениковъ, чтобы они чужды были всякаго буйства и въ поведеніи безпорочны, дабы вступя послѣ въ чинъ священный, и ученіемъ и примѣромъ собственнымъ утверждали духовныхъ чадъ своихъ въ покойствіи, послушаніи и добрыхъ поступкахъ и для того произведеніе въ санъ священный тако воспитанныхъ предпочитать неученымъ, хотя бы прихожане и просьбами объ нихъ настояли". [15])

Мѣры общаго характера, которыя, по мнѣнію правительства, могли служить къ возвышенію духовнаго сословія, изложены въ именномъ указѣ 18 декабря 1797 года. Поставивъ своимъ девизомъ: „просвѣщеніе и благонравіе духовнаго чина способствуетъ просвѣщенію и утвержденію добрыхъ нравовъ и въ міряиахъ",— указъ учреждаетъ новыя академіи и лавры, надѣляетъ духовенство землей, увеличиваетъ содержаніе, опредѣляетъ „особливыя почести для духовенства въ видѣ наградъ", и наконецъ, въ двухъ послѣднихъ пунктахъ, трактуетъ о „соборномъ" духовенствѣ.[16]).

Такимъ образомъ, мѣры, касающіяся съ одной стороны просвѣщенія, а съ другой—внѣшняго обезпеченія и даже блеска іерархіи, чередуются въ указѣ другъ съ другомъ. Мѣры второго рода власть имѣла даже возможность обрисовать болѣе опредѣленными чертами, чѣмъ первыя. Это, собственно говоря, характерная черта многихъ распоряженій Павла I относительно духовенства. Смотря на духовенство, говоритъ Е. Шумигорскій, съ точки зрѣнія службы государству, значеніе которой для отдѣльныхъ лицъ измѣрялось табелью о рангахъ, Павелъ косвеннымъ образомъ примѣнилъ эту табель и къ духовному сословію, чтобы сравнять его въ этомъ отношеніи съ главнымъ служилымъ сословіемъ—дворянствомъ [17]).

Въ частности, однимъ изъ проявленій симпатіи къ табели о рангахъ было созданіе [18]) и соборнаго духовенства, ради котораго, затѣмъ, была учреждена и спеціальная цензура. Что же такое долженъ былъ представлять этотъ институтъ соборныхъ по мысли указа и имѣлъ ли онъ какое либо значеніе въ дѣйствительности?

---

[15]) П. Собр. Зак. т. XXIV, 17958.

[16]) Тамъ-же, 18273.

[17]) Русскій Біограф. словарь, лит. «П.», стр. 36 ([3]).

[18]) Хотя въ нѣкоторыхъ монастыряхъ» соборные» были заведены гораздо ранѣе, но цѣль ихъ учрежденія была по преимуществу административнаго характера, «чтобы архимандритъ одинъ, ни келарь, ни казначей особливой власт иотнюдь не имѣли», ср. П. С. Зак., т. X, 7660, 1738 г., 21 сен.

Званіе соборныхъ было присвоено избраннымъ священнослужителямъ, причисленнымъ къ самымъ привилегированнымъ монастырямъ и придворнымъ соборамъ. Въ каждой изъ трехъ лавръ [19]) и ставропигіальномъ московскомъ донскомъ монастырѣ было положено по штату десять вакансій, а при церкви зимняго дворца, успенскомъ и благовѣщенскомъ соборахъ по шести. Зачислялись въ штатъ соборныхъ, съ дозволенія синода, лица, «съ успѣхомъ и пользою» окончившія академіи и семинаріи. Прибавка къ содержанію, полагавшаяся соборнымъ, въ нѣсколько разъ превосходила оклады рядовыхъ іеромонаховъ: послѣдніе получали 24 рубля въ годъ, соборные же 150 рублей. Обязанности и преимущества соборныхъ указъ намѣчалъ лишь въ общихъ чертахъ. „Синодъ же нашъ, говорится тамъ, не оставитъ предписать точную ихъ должность, имѣя за правило, чтобы они упражнялись въ переводахъ, сочиненіяхъ, проповѣди Слова Божія, въ преподаваніи наукъ по академіямъ и семинаріямъ; сверхъ того, чтобы въ томъ мѣстѣ, гдѣ состоятъ соборными, отправляли соборомъ своимъ службу Божію, въ назначаемые ими (имъ?) дни, какъ то въ первѣйшіе Господскіе праздники, такожъ въ дни Рожденія, Тезоименитства и Коронованія Государскаго, да и вообще, чтобы они не въ праздности обращались, но прямо на пользу церковную и Государственную служили, отличаяся добрымъ поведеніемъ, а тѣмъ могли бы достигать помѣщенія на степени Архіерейскія".

Обязанности соборныхъ изъ придворнаго духовенства указъ опредѣляетъ тѣми же чертами. Сверхъ того онъ поручилъ синоду дать имъ „именованія, изъ уставовъ и обрядовъ Православной Нашей Греческой Восточной Церкви заимствуемыя", и утверждалъ за ними право на знатнѣйшія протоіерейскія мѣста, почетнѣйшія службы и должности [20]).

Въ такія формы отлилась давнишняя идея относительно созданія ученой церковной корпораціи. Созданныя указомъ, эти формы сразу производятъ впечатлѣніе чего то искусственнаго, мишурнаго, проще являются изобрѣтеніемъ титула, соединеннаго съ нѣкоторою прибавкою содержанія. Такимъ же явилось соборное духовенство и въ дѣйствительности.

Полное отсутствіе въ монастыряхъ и лаврахъ образованныхъ іеромонаховъ, на что, напр., такъ жаловался въ письмахъ м. Платонъ [21]) заставило синодъ, при первомъ же замѣщеніи вакансій, ограничиться возведеніемъ въ званіе соборныхъ лучшихъ пре-

---

[19]) Тр.-Сергіева лавра сначала была демонстративно обойдена, но затѣмъ, въ 1798 г., по ходатайству м. Платона, положеніе о соборныхъ было распространено и на нее. П. С. Зак. XXV, 18, 787.

[20]) П. С. З. т. XXIV, 18273.

[21]) Письма къ Амвросію, № 58, 61, 107 (изд. 1870 г.).

подавателей духовно-учебныхъ заведеній. Но даже ихъ далеко не хватало для заполненія штатовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшенъ былъ вопросъ и о составленіи подробной инструкціи соборнымъ. Синодъ нашелъ, что, такъ какъ всѣ, опредѣленные въ число соборныхъ, уже занимаютъ по академіямъ и семинаріямъ учительскія должности, съ чѣмъ сами собой связаны и всѣ прочія, поименованныя въ указѣ, — то и не слѣдуетъ налагать на нихъ какихъ-либо особыхъ порученій [22]).

Въ результатѣ, какъ въ указѣ обязанность соборныхъ упражняться въ переводахъ и сочиненіяхъ весьма мало оттѣнена сравнительно съ перечисленіемъ „особливыхъ почестей", такъ же незначительна и заслуга ихъ передъ духовнымъ просвѣщеніемъ. Лишь немногіе изъ нихъ, по долгу званія, дѣлали попытки заниматься порученнымъ имъ переводомъ отдѣльныхъ частей различныхъ церковныхъ книгъ. Еще рѣже изъ этихъ опытовъ можно было сдѣлать какое либо употребленіе. [23]) Лучше всего резюмировалъ итоги блѣдной дѣятельности соборнаго духовенства архіеп. Филаретъ (Амфитеатровъ). Предполагая—въ 1828 году—обратить на содержаніе цензурныхъ комитетовъ всю сумму, ассигнованную на соборное духовенство, онъ прибавилъ: ибо извѣстно изъ опыта, что такъ называемые соборные іеромонахи, разсѣянные по разнымъ епархіямъ, доселѣ ничего полезнаго для церкви не сдѣлали [24]).

Но тридцатью годами ранѣе нѣкоторые изъ учредителей, повидимому, хотѣли вѣрить въ жизнеспособность подобныхъ ученыхъ дружинъ. Они даже рисовали себѣ картину, какъ эти, посѣянныя въ разныхъ мѣстахъ, зерна притянутъ къ себѣ жизненные творческіе соки, какъ „и изъ училищъ и отъ частныхъ духовныхъ людей при настоящемъ ихъ ободреніи Высокомонаршими щедротами будутъ стекаться полезныя для Церкви и училищъ сочиненія". И, надѣясь на такой продуктивный ростъ литературы, чтобы создать для нея „благопріятныя условія", а вмѣстѣ съ тѣмъ облегчить и свои труды по разсматриванію духовныхъ сочиненій, синодъ, предупреждая факты, не замедлилъ провести положеніе о „Духовной Цензурѣ или Коммисіи".

Во всеподданнѣйшемъ докладѣ и позднѣйшихъ разъясненіяхъ св. синода главныя основанія, на которыхъ должна была утверждаться московская цензура, и коренныя правила, данныя ей въ руководство, изложены слѣдующимъ образомъ.

Учреждаемая въ Москвѣ духовная цензура находится въ непосредственномъ вѣдѣніи св. синода. Она состоитъ—изъ предсѣдателя и трехъ членовъ, извѣстныхъ по своимъ познаніямъ въ

---

[22]) П. С. Зак. XXV, № 18, 767.

[23]) Арх. моск. дух. цензуры. 1800, № 14.

[24]) Арх. Св. С. 1818 г. № 1. 215.

словесныхъ наукахъ и языкахъ; избираются они изъ монашествующаго или бѣлаго духовенства, по разсмотрѣнію и утвержденію св. синода.

Предметомъ дѣятельности цензуры служитъ свидѣтельствованіе, разсмотрѣніе и исправленіе какъ переводовъ, касающихся церкви и церковнаго ученія, такъ и вообще—сочиненій, издаваемыхъ соборнымъ и не соборнымъ духовенствомъ. Обязанность духовной цензуры состоитъ не въ томъ лишь, чтобы, по примѣру гражданской, дѣлать простое одобреніе или неодобреніе сочиненія къ печатанію („поелику таковыя упражненія не суть важны"), но въ томъ, чтобы дѣлать имъ „рецензію, или строгое пересматриваніе и исправленіе". Вмѣняется это ей въ обязанность въ виду того, что, при свидѣтельствованіи сочиненій и переводовъ, могутъ оказаться между ними и такія, которыя не только въ литературномъ отношеніи потребуютъ исправленія, но и нужно будетъ, дѣлая замѣчанія о недостаткахъ или излишествахъ, вовсе возвратить ихъ въ то мѣсто, откуда они присланы, для приведенія ихъ въ надлежащій порядокъ, вразумивъ упражняющагося въ несовершенствѣ трудовъ его, дабы онъ съ пользою продолжалъ тѣ упражненія. Если изъ переводовъ, присланныхъ въ цензуру изъ св. синода, нѣкоторые окажутся уже напечатанными, то разсматривать и исправлять, сличая съ подлинникомъ, цензура должна только тѣ, которыя превосходятъ своими качествами прежніе переводы. Въ противномъ случаѣ, слѣдуетъ оставлять ихъ безъ всякаго употребленія и вниманія. Лишь послѣ всего этого цензура можетъ давать заключеніе, достойна ли напечатанія разсмотрѣнная книга и не является ли она излишнею.

Всѣ сочиненія, одобренныя цензурою, какъ не заключающія въ себѣ, по ея мнѣнію, ничего противнаго закону Божію, правиламъ государственнымъ, благонравію и литературѣ, надлежитъ издавать въ печать съ дозволенія синода, исключительно въ типографіяхъ, вѣдомству его принадлежащихъ. Изъ полученной при продажѣ такихъ переводовъ и сочиненій денежной суммы, прибыльную часть отдѣляя особо, слѣдуетъ производить изъ нея отлично успѣвающимъ въ трудахъ авторамъ и переводчикамъ, для поощренія ихъ, денежныя награды, по усмотрѣнію синода. На необходимые расходы по цензурѣ, а также и на то, чтобы члены ея „ободряемые содержаніемъ, охотнѣе и успѣшнѣе трудились въ порученномъ имъ дѣлѣ", былъ положенъ ежегодный кредитъ въ 3500 рублей.

Оффиціальное названіе цензурѣ было присвоено слѣдующее: „Учрежденная въ Москвѣ Духовная Цензура для свидѣтельства и разсматриванія сочиняемыхъ и переводимыхъ книгъ до Церкви и ученій церковныхъ касающихся" [25]).

---

[25]) П. Собр. Зак., т. XXV, 18888; ср. А. С. С., 1799 г., № 52; 1818 г. № 1215.

Вотъ основныя черты учрежденія, которое должно было явиться руководителемъ сначала „духовнаго чина“, а потомъ и людей всякаго званія на пути литературнаго творчества. Проектъ, сохранившійся еще отъ тѣхъ временъ, когда просвѣщеніе насаждалось указами правительства, когда дѣйствовали лишь казенныя типографіи, былъ взятъ изъ архива и получилъ, наконецъ, санкцію. Это случилось тѣмъ проще, что и въ царствованіе Павла также на все простиралась опека правительства, также бездѣйствовали всѣ частныя типографіи,—даже казенныя, не исключая и синодальныхъ, закрывались въ нѣкоторые моменты [26]).

Но когда, черезъ два года, окончилась эпоха реакціи, и въ московской духовной цензурѣ, безъ всякаго измѣненія ея облика, былъ сосредоточенъ духовно-цензурный надзоръ, сейчасъ началось треніе отжившаго свой недолгій вѣкъ учрежденія съ новымъ духомъ времени. Ненормальными оказались ея отношенія съ одной стороны къ гражданской цензурѣ и типографіямъ, а съ другой—къ синоду и мѣстной епархіальной власти. Самый бытъ ея носилъ признаки разложенія. Все это оказывало существенное вліяніе на роль и значеніе цензуры. Поэтому, прежде чѣмъ входить въ изложеніе ея прямой дѣятельности, необходимо отмѣтить особенности каждаго изъ этихъ отношеній цензуры, а также изложить черты внѣшняго ея устройства.

Насильно вдвинутая въ жизнь, московская духовная цензура никогда не могла установить вполнѣ опредѣленныхъ отношеній къ гражданской цензурѣ. Впрочемъ, сама она мало и заботилась объ этомъ, предоставляя свѣтской—на свой страхъ и рискъ—дѣлать попытки практическаго рѣшенія щекотливаго вопроса о спорныхъ границахъ.

До 1802 года существовали учрежденные въ 1796 г. смѣшанные комитеты. Духовные и свѣтскіе цензоры, составлявшіе ихъ, ревностно исполняли „службу его Величества“, и, собственно говоря, при нихъ всякому другому ревнителю не оставалось мѣста. Достаточно, напримѣръ, просмотрѣть хотя нѣсколько отзывовъ и заключеній цензора Туманскаго и его товарищей, чтобы убѣдиться въ достигнутомъ уже nec plus ultra и въ дѣлѣ охраненія вѣры и святости. Одно названіе могло погубить все сочиненіе, хотя бы изданное на иностранномъ языкѣ. Такъ, въ своемъ отзывѣ о книгѣ „Странные разговоры между нѣкіимъ путешественникомъ и разнаго рода другими лицами о религіозныхъ истинахъ“, Туманскій писалъ: „сіе сочиненіе подозрительнымъ дѣлаетъ то, что путешественникъ о важныхъ матеріяхъ, и большею частью къ христіанству относящихся, разговариваетъ низкимъ образомъ, какъ бы согласуясь съ простолюдинами, входя-

---

[26]) А. С. С., 1800, 335.

щими въ разговоръ съ нимъ". Или—на сочиненіи „Робертъ и Элиза или радости возвышенной любви" отмѣтилъ: „На стр. 310 считаетъ авторъ ненужною тайну брака благословеніемъ священно-іереевъ, да на стр. 314 совѣтуетъ дочери не присутствовать при погребеніи родителя, и безъ того уже въ жизни довольно черными красками описаннаго, что противно нравственности, обязывающей дѣтей къ почтенію родителямъ" [27]).

Благодаря такому усердію комитетовъ, въ духовную цензуру, за первые полтора года ея существованія, попало лишь нѣсколько спеціальныхъ сочиненій, присланыхъ изъ синода и отъ духовныхъ лицъ. Съ воцареніемъ же Александра I начались удивительныя колебанія и крайняя неопредѣленность въ общемъ положеніи цензурнаго дѣла.

Именной указъ 31 марта 1801 года, отмѣняя запрещеніе, наложенное Павломъ I на заграничныя книги, и распечатывая частныя типографіи, подтверждалъ, однако, указъ 16 сентября 1796 года относительно предварительной цензуры всѣхъ книгъ въ особыхъ цензурныхъ комитетахъ. [28]). На точномъ исполненіи того же указа Екатерины II настаиваетъ и указъ 14 іюля 1801 г. Между тѣмъ, именной указъ отъ 9 февраля слѣдующаго года, уничтожая смѣшанные комитеты, проводитъ уже иную точку зрѣнія. „Какъ, гласитъ онъ, съ одной стороны внѣшнія обстоятельства, къ мѣрѣ сей (указу 1796 г.) правительство побудившія, прешли и нынѣ уже не существуютъ, а съ другой—пятилѣтній опытъ доказалъ, что средство сіе было и весьма недостаточно къ достиженію предполагаемой имъ цѣли, то по уваженіямъ симъ и признали мы справедливымъ освободить сію часть отъ-препонъ, по времени сдѣлавшихся излишними и безполезными, и возвратить въ прежнее ея положеніе... Сіе распоряженіе (1783) мы считаемъ нужнымъ дополнить тѣмъ, чтобы отъ нынѣ разсматриваніе книгъ, внутри имперіи тисненію предаваемыхъ въ вольныхъ типографіяхъ, возложено было не на управы благочинія, но на самихъ гражданскихъ губернаторовъ, которые имѣютъ къ сему употреблять директоровъ народныхъ училищъ, и чтобы безъ одобренія и дозволенія ихъ ни одна книга не была издаваема подъ страхомъ наказанія [29]).

Затѣмъ весь 1803 годъ члены главнаго правленія училищъ обсуждали вопросъ о примѣненіи къ Россіи датскаго устава карательной цензуры, съ взысканіемъ по суду за нарушеніе ея правилъ, но, вмѣсто этого, ввели обычную предварительную цензуру, въ видѣ устава 9 іюля 1804 года.

---

[27]) Скабичевскій. Очерки по ист. русск. цензуры стр. 71.
[28]) П. Собр. Зак., т. XXVI, 19.807.
[29]) Пол. С. З. XXVII, 20. 139.

Среди этихъ метаморфозъ для московской духовной цензуры былъ и критическій моментъ, именно въ 1802 г. Вызванъ онъ былъ нѣкоторою неопредѣленностью 3 пункта указа 9 февраля. „Что принадлежитъ, говорится здѣсь, до книгъ церковныхъ и вообще къ вѣрѣ относящихся,—въ изданіи ихъ поступать на точномъ основаніи указа 27 іюля 1787 г., коимъ запрещается въ частныхъ типографіяхъ печатать церковныя или къ священному писанію, вѣрѣ, либо толкованію закона и святости относящіяся книги. Таковыя должны быть печатаны въ синодской или иныхъ типографіяхъ, подъ вѣдомствомъ синода состоящихъ, или же отъ коммиссіи народныхъ училищъ съ высочайшаго дозволенія издаваемы будутъ“ [30]). Опредѣляя права синодальныхъ типографій, этотъ параграфъ не касается объема и самаго способа разсмотрѣнія духовнымъ вѣдомствомъ къ вѣрѣ относящихся книгъ. Между тѣмъ, разъ возстановлялось положеніе, существовавшее до 1796 г., когда организованной духовной цензуры еще не существовало, то не трудно было сдѣлать изъ указа выводъ, что и московская духовная цензура должна раздѣлить судьбу прочихъ комитетовъ. „Статное въ Москвѣ казначейство“ не замедлило воспользоваться этимъ благопріятнымъ для себя выводомъ и прекратило со второй половины 1802 года выдачу жалованья членамъ цензуры. Синодъ отстоялъ, однако, ея существованіе, ссылаясь на то, что она учреждена „для свидѣтельствованія и разсматриванія сочиняемыхъ и переводимыхъ книгъ, до церкви и ученій церковныхъ касающихся“, слѣдовательно, не для той цѣли, для которой существовали остальныя, теперь упраздняемыя, цензуры [30а]). Такимъ образомъ, еще разъ былъ подчеркнутъ особый характеръ и назначеніе московской духовной цензуры.

Но если указаніе на ея замкнутость и исключительность было такъ осязательно полезно въ данномъ случаѣ, то нельзя сказать, чтобы для высшей духовной власти было удобно всегда оттѣнять эту точку зрѣнія. Мысль о тѣсныхъ, спеціальныхъ границахъ духовно-цензурнаго надзора была слишкомъ обоюдоостра. Это значило удалять свой контроль въ тихую заводь, между тѣмъ, какъ потокъ времени будетъ мчаться мимо, свободный отъ всякаго вмѣшательства и препятствій. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не могли директора училищъ, при желаніи пропускать антицерковныя книги лишь потому, что имъ онѣ казались не „церковными“? и не могли ли они наводнить книжный рынокъ мистико-масонскими сочиненіями на томъ основаніи, что содержащееся въ нихъ credo слишкомъ мало общаго имѣло съ „вѣрою и святостью“ господствующей? и т. д...

---

[30]) Пол. С. З. XXVII, 20. 139.
[30а]) А. С. С., 1799, 52, л. 256—58.

Опасаясь, очевидно, такихъ послѣдствій, высшая духовная власть уже въ 1802 году стала принимать нѣкоторыя мѣры. Когда цензура, считая подвѣдомственнымъ себѣ лишь духовное сословіе, отказалась принять къ разсмотрѣніе „Мѣсяцесловъ", изданный Глазуновымъ и Капустинымъ, „по причинѣ званія ихъ, что они свѣтскіе", синодъ по этому поводу сдѣлалъ разъясненіе и подтвержденіе. Московской цензурѣ было предписано, въ случаѣ, если отъ кого и изъ свѣтскихъ представлены будутъ въ цензуру книги, подлежащія ея разсмотрѣнію,—такія книги принимать и разсматривать на общемъ основаніи. Чрезъ сенатъ же еще разъ было строжайше подтверждено всѣмъ типографіямъ не печатать, даже съ дозволенія свѣтскихъ цензуръ, никакихъ книгъ, къ священному писанію, вѣрѣ, либо толкованію закона и святости относящихся [31]).

Но все это, въ сущности, было лишь повтореніемъ старыхъ терминовъ или новымъ палліативомъ. И это въ ту пору, когда шла разработка перваго цензурнаго устава, когда естественнѣе всего было бы стремиться рѣшить основные вопросы относительно духовной цензуры: о самомъ правѣ ея на существованіе, формахъ организаціи, границахъ надзора. Въ результатѣ же, благодаря постояннымъ заявленіямъ духовной власти, образовалась лишь прочная традиція, что есть и должна быть спеціальная духовная цензура, находящаяся въ вѣдѣніи синода, и что есть у ней свой опредѣленный кругъ и методы дѣятельности. Говоримъ традиція, потому что даже спеціалисты-составители устава 1804 года предпочли, въ соотвѣтствующихъ пунктахъ, просто воспользоваться существующимъ уже названіемъ „духовная цензура" и придать къ нему, въ качествѣ опредѣленій, такія же готовыя и избитыя выраженія указа 27 іюля 1787 г. Вотъ точная копія восьмого пункта устава, касающагося духовной цензуры: „Книги и сочиненія церковныя, къ Священному Писанію, Вѣрѣ, либо толкованію закона Божія и святости относящіяся, подлежатъ разсмотрѣнію Цензуры Духовной, находящейся подъ вѣдѣніемъ Святѣйшаго Синода и Епархіяльныхъ Архіереевъ. Таковыя книги и сочиненія должны быть печатаемы въ Синодской или иныхъ Типографіяхъ, подъ вѣдѣніемъ Синода состоящихъ" [32]).

Не трудно видѣть, что вопросъ о дѣйствительныхъ прерогативахъ и объемѣ вѣдѣнія этой „духовной цензуры" здѣсь почти не рѣшается. Если же сравнить этотъ параграфъ съ другими, то указанная проблема выступаетъ еще ярче. Вѣдь и свѣтской цензурѣ предписано было наблюдать, чтобы въ разсматриваемыхъ ею сочиненіяхъ „не было ничего противнаго Закону Божію и нрав-

---

[31]) Арх. Св. С. 1802, 723.
[32]) П. С. Зак., т. XXVII, 21, 388.

ственности“ (§ 15), и дано право удерживать у себя рукописи, „исполненныя мыслей и выраженій, явно отвергающихъ Бытіе Божіе, и вооружающіяся противъ вѣры и отечества“ (§ 19). Но еще болѣе условно можно было понимать § 22 того же устава свѣтской цензуры. „Скромное и благоразумное изслѣдованіе всякой истины, говорится здѣсь, относящейся до вѣры, человѣчества, гражданскаго состоянія, законоположенія, управленія государственнаго, или какой бы то ни было отрасли правленія, не только не подлежитъ и самой умѣренной строгости цензуры, но пользуется совершенною свободою тисненія, возвышающею успѣхи просвѣщенія“.

Неясность статей устава на практикѣ тотчасъ повлекла за собою разнаго рода недоумѣнія и дипломатическія сношенія между свѣтской и духовной властью. Первый поводъ къ этому въ 1806 году былъ данъ основателемъ Сіонскаго Вѣстника А. Ѳ. Лабзинымъ. Одушевленный широкими замыслами посредствомъ спеціальнаго христіанскаго журнала бороться противъ современнаго вольнодумства и индифферентизма, Лабзинъ, конечно, боялся подпасть подъ опеку духовной цензуры [33]). И, указывая на то, что противодѣйствіе антирелигіозному направленію было начато не духовенствомъ, а людьми свѣтскими, Лабзинъ просилъ о дозволеніи ему издавать журналъ съ разрѣшенія гражданской цензуры. Никакого препятствія къ этому въ статьяхъ цензурнаго устава онъ не видѣлъ. Онѣ требовали лишь, чтобы въ издаваемыхъ книгахъ не было ничего, противнаго высочайшей власти, гражданскимъ законамъ, христіанской религіи, установленіямъ церковнымъ, благопристойности лично каждаго и общественной безопасности.

Эта ли аргументація, или другія соображенія (напримѣръ, неудобство подчинять петербургскій журналъ московской цензурѣ) подѣйствовали на министра народнаго просвѣщенія, но разрѣшеніе было дано. Тѣмъ не менѣе, послѣ выхода первыхъ двухъ книжекъ журнала, министръ народнаго просвѣщенія Завадовскій уже призналъ, что Сіонскій Вѣстникъ, какъ по своему названію, такъ и по статьямъ, содержащимъ разсужденіе о религіи, долженъ подлежать разсмотрѣнію духовной цензуры и поручилъ попечителю петербургскаго округа Новосильцеву сообщить о томъ цензурному комитету.

Прежде чѣмъ исполнить приказаніе министра, Новосильцевъ счелъ необходимымъ просить разъясненія слѣдующихъ вопросовъ. Во-первыхъ, если Сіонскій Вѣстникъ по своему названію подлежитъ разсмотрѣнію духовной цензуры, то необходимо опредѣ-

---

[33]) Въ одной изъ первыхъ книжекъ Сіонскаго Вѣстника находится достойная вниманія фраза:.. «заинтересовался невѣрующій.., — вотъ лучшая цензура на книгу, съ которой всякая другая едва ли поравняться можетъ!» 1806 г., ч. II, Апрѣль, стр. 116).

лить, всѣ-ли книги къ заглавіями, заимствованными изъ св. писанія, должны быть также разсматриваемы духовною цензурою, какъ, напримѣръ, поэма „Потерянный и Возвращенный Рай“, трагедія „Есфирь и Атолія“, „Размышленія о величіи Божіемъ“ и многія другія. До сихъ поръ, онѣ всегда подлежали разсмотрѣнію гражданской цензуры. Во-вторыхъ, принявъ за основаніе, что сочиненія, касающіяся вопросовъ религіозныхъ, съ цитатами изъ св. писанія, подлежатъ духовной цензурѣ, надо допустить, что не только многія книги метафизическаго и нравственнаго содержанія, но и самыя повѣсти и романы должны также подлежать духовной цензурѣ. „Изъ множества примѣровъ, писалъ Новосильцевъ, я приведу здѣсь только одинъ, именно „Матильду“, — новый французскій романъ, въ шести томахъ, отмѣнно одобряемый со стороны нравственности и стиля, взятый изъ крестовыхъ походовъ и содержащій въ себѣ разсужденія о религіи христіанской и весьма многіе заводы и цитаты изъ св. писанія. Прилично ли духовной цензурѣ разсматривать сіи и подобныя книги, главнымъ предметомъ которыхъ, большею частью, является любовная интрига“?.. Наконецъ, и по самому смыслу восьмого параграфа цензурнаго устава, вѣдѣнію духовной цензуры подлежатъ только книги церковныя, проповѣди, катехизисы и богословскія сочиненія, всѣ же остальныя, какъ, напримѣръ, переложенія духовныхъ псалмовъ и даже „жизнь Іисуса Христа“, всегда печатались въ свѣтскихъ типографіяхъ и съ разрѣшенія гражданской цензуры.

„На все сіе, заключалъ Новосильцевъ, ожидаю разрѣшенія вашего сіятельства, которое тѣмъ нужнѣе, что цензоры, не имѣя точныхъ свѣдѣній о томъ, что принадлежитъ къ цензурѣ духовной и что слѣдуетъ къ ихъ разсмотрѣнію, невольнымъ образомъ могутъ учинить отступленіе отъ даннаго имъ предписанія и чрезъ то навлечь новыя непріятности“.

Графъ Завадовскій былъ поставленъ въ весьма затруднительное положеніе и вътеченіе трехъ недѣль не отвѣчалъ Новосильцеву. Наконецъ, отъ 21 апрѣля онъ сообщилъ „свою мысль“, что цензура должна руководствоваться въ разсмотрѣніи оныхъ (духовныхъ книгъ) § 22 цензурнаго устава, въ которомъ скромное и благоразумное изслѣдованіе всякой истины, относящейся до вѣры, предоставлено разсмотрѣнію гражданской цензуры [34]). Новосильцевъ всетаки поручилъ цензурному комитету отправить апрѣльскую книжку Сіонскаго Вѣстника на разсмотрѣніе митр. Амвросію, который не встрѣтилъ никакого препятствія къ ея выпуску, и 12 апрѣля она была издана въ свѣтъ. Вскорѣ, правда, кн. Голицынъ, еще не вполнѣ захваченный мистицизмомъ, прекратилъ существованіе журнала. Чрезъ десять лѣтъ, во всепод-

---

[34]) Р. Стар. 1894, XI, 71. Н. Дубровинъ. Наши мистики-сектанты.

даннѣйшей запискѣ, онъ такъ излагалъ причины своего поступка: „Возмнилъ я, что оный журналъ есть произведеніе какого-нибудь тайнаго общества, ищущаго вредить религіи, а, можетъ быть, и правительству. И, смотря съ ложной точки зрѣнія, думая защитить церковь, я сдѣлался гонителемъ ея, и, вслѣдствіи сихъ заключеній, представилъ В. Величеству о запрещеніи Сіонскаго Вѣстника. [35]).

Эта переписка по поводу журнала Лабзина ясно показываетъ, какъ смутно было представленіе о границахъ цензурной компетенціи даже у руководителей министерства народнаго просвѣщенія. И они не въ состояніи были указать какихъ-либо твердыхъ данныхъ для опредѣленія объема той и другой цензуры [36]).

Мало по малу, однако, гражданская цензура пріобрѣла извѣстный, навыкъ которымъ и руководилась въ сомнительныхъ случаяхъ. Для его характеристики интересный матеріалъ даютъ цензурныя мытарства переведеннаго на русскій языкъ второго тома сочиненія Іерузалема „Размышленія о важнѣйшихъ истинахъ религіи“. Московская гражданская цензура, куда первоначально, въ 1807 г., поступилъ переводъ, отказалась его разсматривать, въ виду множества „духовныхъ матерій“, и передала его въ духовную цензуру. Та, признавая достоинства произведенія, не рѣшилась, однако, дать о немъ одобрительный отзывъ. Найдя въ рукописи выводы, опасные для вѣры въ богодухновенность св. писанія и для содержащихся въ немъ истинъ, цензура возвратила ее переводчику для исправленія мѣстъ, несогласныхъ съ ученіемъ церкви. Въ слѣдующемъ же году, неудовлетворенная и сдѣланными поправками, цензура снова отослала переводчику Т. Крылову названное сочиненіе, „въ настоящемъ видѣ для Церкви не полезное“ [37]).

Благодаря ходатайству близкаго къ цензурѣ Н. Н. Бантышъ-Каменскаго и участію митр. Амвросія, рукопись въ третій разъ была поручена разсмотрѣнію члена московской цензуры Геннадія,

[35]) Свящ. Н. Стеллецкій. «Кн. А. Н. Голицынъ и его церковно-государственная дѣятельность». Кіевъ. 1901 г., стр. 147 –8.

[36]) Въ такой обстановкѣ даже грозные указы не пріобрѣтали особаго значенія... Такъ, въ 1807 г., по докладу Голицына о книгѣ «Ежедневныя христіанскія упражненія», «изданной еще въ 1801 г. безъ дозволенія св. синода и не въ подвѣдомственныхъ ему типографіяхъ, а въ сенатской, въ противность указа 27 іюля 1787 г., состоялось высочайшее распоряженіе «препроводить книгу сію къ министру народнаго просвѣщенія, дабы онъ подтвердилъ всѣмъ цензурамъ, въ вѣдомствѣ ввѣреннаго ему департамента находящимся, чтобы онѣ въ изданіи книгъ держались точной силы вышеупомянутаго указа, а также послѣдовавшаго въ 1802 г., 9 февраля, и высочайше конфирмованнаго въ 1804 г. іюля 9 дня, о цензурѣ гражданской устава, 1 отд., 8 п.». Съ московской свѣтской цензуры былъ взятъ отвѣтъ относительно пропуска книги, и продажа ея была воспрещена М. Д. Ц., 1807, 12. Указъ св. синода 28 февраля 1807 г

[37]) Арх. М. Д. Ц., 1807. 11.

вызваннаго синодомъ на череду служенія. Несмотря, однако, на его стараніе, „Размышленія“ подверглись запрещенію со стороны комиссіи дух. училищъ и отданы были въ архивъ при петербургскомъ духовно-цензурномъ комитетѣ. Но вотъ въ 1814 г. тотъ же переводъ былъ изданъ Крыловымъ (уже учителемъ армейской семинаріи) съ разрѣшенія свѣтской цензуры. Начался обмѣнъ мнѣній между духовнымъ и гражданскимъ вѣдомствами. На представленіе комиссіи, возбужденное по инициативѣ духовно-цензурнаго комитета, министръ народнаго просвѣщенія Разумовскій отвѣчалъ, что имъ сдѣлано уже распоряженіе объ остановкѣ, если еще возможно, изданія и о присылкѣ подлинника для провѣрки,—исключены-ли мѣста, замѣченныя духовною цензурою. Вмѣстѣ съ тѣмъ, желая, вѣроятно, покончить съ спорнымъ вопросомъ, онъ предлагалъ еще мѣру довольно принципіальнаго свойства. Воспретивъ цензурнымъ комитетамъ своего вѣдомства принимать на разсмотрѣніе книги духовнаго содержанія, онъ просилъ комиссію увѣдомлять его въ тѣхъ случаяхъ, когда духовные цензоры въ вышедшихъ уже, съ разрѣшенія свѣтской цензуры, книгахъ замѣтятъ мѣста, подлежащія сомнѣнію или запрещенію. Но комиссія, признавъ сдѣланное распоряженіе сильной мѣрой противъ печатанія сочиненій и переводовъ сомнительныхъ, повѣрку въ духовныхъ цензурахъ тѣхъ книгъ, кои уже вышли, по причинѣ многочисленности ихъ и по другимъ резонамъ, нашла неудобнымъ.

Пріостановка Разумовскимъ выпуска въ свѣтъ перевода Іерузалема вызвала со стороны одобрившаго переводъ с.-петербургскаго комитета гражданской цензуры объясненіе, съ указаніемъ мотивовъ его дѣйствій. Приводимые имъ въ свое оправданіе доводы были слѣдующіе. Во-первыхъ, переводчикъ скрылъ то, что книга уже была на разсмотрѣніи духовной цензуры. Тѣмъ не менѣе, всѣ исправленія послѣдней, какъ оказалось при сличеніи, были приняты во вниманіе и даже дополнены гражданскимъ цензоромъ. Во-вторыхъ, по самому содержанію своему, книга эта подлежитъ гражданской цензурѣ: она не богословіе, не катехизисъ, не проповѣдь, не толкованіе догматовъ вѣры, чѣмъ и исчерпывается объемъ духовной цензуры. Въ третьихъ, даже въ самой противоположности заключеній объ одной и той же книгѣ нѣтъ противорѣчія. Кругъ дѣйствія той и другой цензуры совершенно различенъ и правила, которыми руководствуется въ одобреніи книгъ духовная цензура, несравненно строже, чѣмъ тѣ, какія предписаны для гражданскихъ цензуръ; зато среди публики и книги, одобренныя духовной цензурой, пользуются гораздо большимъ уваженіемъ, нежели пропущенныя цензурой гражданской, допускающей болѣе свободы мыслить и писать [38]).

---

[38]) Дѣло Комис. дух. училищъ, 1809 г., № 182; ср. И. Чистовичъ. Руководящіе дѣятели дух. просвѣщенія... стр. 125—28.

Комиссія духовныхъ училищъ, въ виду такого отзыва, нашла возможнымъ снять запретъ съ Размышленій, хотя окончательное рѣшеніе дѣла предоставила гражданской цензурѣ. Но тогда министръ народнаго просвѣщенія подтвердилъ, чтобы книга оставалась подъ запрещеніемъ, пока духовная цензура ея не одобритъ. Въ такомъ безвыходномъ положеніи, Крыловъ обратился въ комиссію съ просьбою о снятіи запрещенія съ книги и ея одобреніи, но она опять отвѣтила уклончиво. Наконецъ, уже въ 1817—19 гг. книга эта была напечатана съ разрѣшенія свѣтской цензуры.

Итакъ, гражданская цензура, несмотря на неясность терминовъ устава, фактически весьма просто опредѣлила свое отношеніе къ духовной цензурѣ. Богословіе, катехизисъ, проповѣдь и толкованіе догматовъ—вотъ, по ея убѣжденію, весь объемъ духовной цензуры. И, какъ видимъ, высшая духовная власть не возражала въ этомъ дѣлѣ по существу, да и не могла возражать: жизнь слишкомъ опередила положеніе 1799 г. о „Коммисіи для свидѣтельствованія книгъ церковныхъ“.

Сама московская духовная цензура, далеко отступивъ предъ натискомъ гражданской и, за учрежденіемъ академическихъ духовно-цензурныхъ комитетовъ, фактически прекративъ свою дѣятельность, была, повидимому, вполнѣ довольна неясностью своей полустертой вывѣски. Въ 1813 году она возвращаетъ издателю (правда съ приложеніемъ тяжкихъ обвиненій) переводъ „Торжество Евангелія“, такъ какъ „образъ изложенія мыслей болѣе походитъ на романическій, нежели на церковный, почему книга сія и не можетъ отнестись къ классу книгъ, до церкви и ученій церковныхъ касающихся, и, слѣдовательно, не принадлежитъ до учрежденной въ Москвѣ цензуры“. Въ 1827 г., за нѣсколько мѣсяцевъ до оффиціальнаго закрытія цензуры, въ нее было прислано московской консисторіей стихотворное переложеніе „Страданія и смерть Богочеловѣка“. Оно было возвращено цензурой безъ разсмотрѣнія на томъ основаніи, что „не касается прямо до учрежденной въ Москвѣ духовной цензуры, разсматривающей сочиненія и переводы, до церкви и ученій церковныхъ касающіяся [39]).

Гражданская цензура, расширяя насчетъ духовной предѣлы своей компетенціи, могла дѣйствовать тѣмъ увѣреннѣе, что на ея сторонѣ были симпатіи не только авторовъ, но и издателей сочиненій. Одобряя сочиненія, она не вмѣшивалась въ дѣло ихъ изданія, не устанавливала какой-либо монополіи типографій, какъ это дѣлала духовная цензура. Послѣдняя же считала своимъ долгомъ держаться буквы указовъ, положенія 1799 г. и устава 1804 г.,

[39]) Арх. М. Д. Ц., 1813, 36; 1827, 22.

предписывавшихъ все, одобряемое ею, издавать исключительно въ синодальныхъ типографіяхъ. Но, въ такомъ случаѣ, интересно отмѣтить, какую цѣль преслѣдовали эти распоряженія, если на практикѣ они приводили къ самоограниченію духовно-цензурнаго надзора.

Цѣль эта, выражаясь словами оффиціальныхъ дѣлъ, была „отвращеніе ущерба типографскому капиталу и предупрежденіе могущихъ вкрасться въ издаваемыя частными людьми духовныя книги какихъ либо противностей Божію и гражданскому закону и благонравію, какъ то и бывало“ [40]). Экономическіе интересы типографій удивительно тѣсно переплетались съ проявленіемъ духовно-цензурнаго надзора. Отсюда, даже въ то время, когда цензура съ достоинствомъ заявляла, что ея цѣль—выпускать книги въ печать полезныя для церкви, а прибыли книготорговцевъ или ихъ знакомство совсѣмъ для нея дѣло постороннее, она фактически защищала книгоиздательскіе интересы... синодальныхъ типографій [41]).

Такое родственно-доброжелательное отношеніе цензуры къ типографіи установилось не безъ основаній,—можетъ быть даже изъ чувства состраданія и вмѣстѣ опасенія. Исключительное право московской синодальной типографіи на изданіе „церковныхъ книгъ“ являлось для нея не только привилегіей, но и существеннымъ препятствіемъ свободно развивать свою дѣятельность. Боязнь, какъ бы изъ духовной типографіи не вышло чего нибудь, компрометирующаго церковныя учрежденія, побуждала синодъ до 1821 года безусловно воспрещать печатаніе въ его типографіяхъ сочиненій, даже одобренныхъ свѣтскою цензурою, „во избѣжаніе всякаго сомнѣнія“ [42]). Зато съ тѣмъ большей энергіей готова была отстаивать свои законныя права типографія, хронически испытывавшая недостатокъ въ средствахъ, а послѣ войны двѣнадцатаго года постоянно находившаяся въ долгу у коммисcіи духовныхъ училищъ [43]). Въ частности, она ревниво наблюдала за своимъ правомъ исключительнаго печатанія всѣхъ книгъ, одобренныхъ духовной цензурой, согласно положенія 1799 года. Цензура, съ своей стороны, предупредительно устраняла поводы къ недоразумѣніямъ.

Правда, условіе, что данная книга должна быть напечатана въ синодальной типографіи, на такой то,—собственный или казенный,—коштъ, въ такомъ то количествѣ экземпляровъ и такимъ-то,—церковнымъ или гражданскимъ шрифтомъ,—включалось въ

---

[40]) Арх. Св. С. 1812 г., 3?0.
[41]) М. Д. Ц. 1802 г.. 22.
[42]) Арх Св С. 1824 г., 120.
[43]) Тамъ же, 1802, 723; 1812, 360; 1830, 94.

одобрительную формулу уже второй цензурной инстанціи — синода. Синодъ же былъ весьма послѣдователенъ въ защитѣ привилегій духовныхъ типографій. Иногда онъ предпочиталъ даже издавать сочиненія неимущихъ авторовъ на казенный счетъ, лишь бы не отступить отъ силы указовъ (правда,—именныхъ). И, лишь въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда его типографіи не имѣли физической возможности выполнять частные заказы, дѣлались исключенія въ пользу вольныхъ типографій, но и здѣсь послѣднюю корректуру должны были править корректоры синодальной типографіи [44]).

Но всѣ нужныя предварительныя свѣдѣнія должна была собирать московская цензура, при самомъ поступленіи въ нее рукописи или книги. И здѣсь именно ярче всего обнаруживалось столкновеніе жизненныхъ интересовъ авторовъ—преимущественно изъ духовенства — съ требованіями устарѣвшаго цензурно-типографскаго механизма.

Синодальныя типографіи обыкновенно не соглашались на печатаніе въ кредитъ; въ лучшемъ случаѣ они допускали лишь разсрочку платежа, обязывая вносить половину слѣдуемой суммы предъ началомъ печатанія и половину предъ выходомъ книги изъ типографіи. Частныя же типографіи нерѣдко удовлетворялись лишь небольшимъ авансомъ [45]). Сознаніе невыгоды печатанія книгъ въ подвѣдомственныхъ синоду типографіяхъ не разъ побуждало авторовъ и издателей просить цензуру о разрѣшеніи издавать помимо ихъ свои труды. Такъ, напримѣръ, въ одномъ прошеніи московскій священникъ Полубенскій ходатайствуетъ о дозволеніи напечатать книгу на собственной его счетъ „въ какой типографіи мнѣ по способности разсудится“ [46]). Въ другомъ— губернскій предводитель дворянства—о разрѣшеніи издать слово ректора семинаріи предъ открытіемъ дворянскихъ выборовъ въ мѣстной губернской типографіи [47]). Въ третьемъ—епископъ Ѳеофилактъ калужскій проситъ о такомъ же разрѣшеніи, ибо, доказываетъ онъ, для духовной цензуры, кажется, все одно—въ синодальной ли типографіи быть ей (проповѣди) напечатанною или въ другой какой либо. Но для меня калужская выгоднѣе по многимъ отношеніямъ [48]).

Между тѣмъ цензура, какъ въ началѣ, такъ и въ концѣ своей дѣятельности, предпочитала держаться „силы данныхъ ей наставленій“. Она даже не принимала прошеній съ указанными оговорками, или посылала соотвѣтствующіе запросы, ибо-де цензурѣ

44) Арх. Св. Синода, 1808, 970.
45) Тамъ же, 1804, 149.
46) М. Д. Ц. 1800,. 21.
47) Тамъ же, 1810, 15.
48) Тамъ же, 1806, 12.

необходимо знать, на чей именно счетъ и какимъ шрифтомъ представленная книга имѣетъ быть напечатана: безъ такого же заявленія и принять ее къ разсмотрѣнію она не можетъ [49]). Затѣмъ отъ авторовъ требовалась подписка о согласіи печатать на собственный или, наоборотъ, на казенный счетъ и т. д., и лишь послѣ этого цензура начинала разсматривать рукопись.

На почвѣ такого вниманія и предупредительности къ чисто типографскимъ дѣламъ происходили болѣе чѣмъ странные для спеціальнаго цензурнаго учрежденія факты. Напримѣръ, совѣтъ казанскаго университета, желая помѣстить въ своихъ періодическихъ извѣстіяхъ слово епископа иркутскаго Михаила, произнесенное въ гимназіи, требуетъ у цензуры соотвѣтствующаго разрѣшенія. Но цензура даже для повременнаго изданія не находитъ возможнымъ сдѣлать исключеніе и предлагаетъ совѣту: не угодно ли ему будетъ напечатать слово въ московской синодальной типографіи и, если угодно, то на чьи именно средства, сколько экземпляровъ и куда это слово по отпечатаніи препроводить [50]). Отвѣта не было получено... Въ другой разъ, по тѣмъ же мотивамъ, цензура отклонила отъ себя разсмотрѣніе присланнаго изъ той же Казани „патріотическаго стихотворенія“ [51]). Вообще, изъ ложной посылки, — изъ тѣхъ ненормальныхъ отношеній, какія существовали между цензурой и типографіей, вытекали и необыкновенныя сопоставленія понятій „чистота вѣры“ и „ущербъ капитала“, польза церкви и подрывъ типографіи... Нисколько, поэтому, неудивительно, если авторы готовы были прибѣгать къ самымъ разнообразнымъ средствамъ и толкованіямъ, чтобы, ускользнувъ отъ „строгой рецензіи“ цензуры, избавиться вмѣстѣ и отъ станка типографіи. И только немногія лица, имѣвшія основанія не бояться духовной цензуры и почему-либо останавливавшіе свой выборъ именно на синодальной типографіи, шли прямымъ путемъ и слѣдовали логикѣ Н. Н. Б.-Каменскаго. Отсылая въ цензуру свою „Исторію уніи“, онъ писалъ предсѣдателю ея Виктору: вотъ идетъ подъ вашъ молотокъ моя унія..., ибо въ духовной типографіи печатать буду [52]).

Ненормальнымъ и неопредѣленнымъ отношеніямъ московской духовной цензуры къ гражданскимъ цензурнымъ учрежденіямъ и типографіямъ вполнѣ соотвѣтствовали ея отношенія къ синоду и къ московскому м. Платону.

---

[49]) М. Д. Ц. 1800. 27; 18-6, 14; 1817, 17.
[50]) Тамъ же, 1817, 24.
[51]) Тамъ же, 1813, 30.
[52]) Тамъ же, 1804, 7.

Что касается первыхъ, то уже въ проектѣ 1756 г. они были формулированы несравненно логичнѣе, чѣмъ въ положеніи 1799 года. Въ самомъ дѣлѣ, разъ проектомъ было установлено, что синодальные члены не имѣютъ физической возможности исполнять цензорскія обязанности,—послѣднія въ полномъ объемѣ переходили къ „переводческой конторѣ". Затѣмъ, имѣя въ виду, что контора должна состоять изъ образованныхъ и заслуживающихъ довѣрія цензоровъ, проектъ находилъ ихъ одобреніе вполнѣ достаточнымъ для пропуска книги въ печать. Даже когда вносились поправки къ этимъ выводамъ,—авторамъ проекта оставалась ясною дилемма: или самостоятельное учрежденіе въ Москвѣ, при типографіи, или филіальное отдѣленіе въ Петербургѣ, при синодѣ.

Составители положенія 1799 года, напротивъ, о логикѣ заботились весьма мало. Они подчинили цензуру непосредственному вѣдѣнію синода, но нашли, что ей „удобнѣе и полезнѣе для всей имперіи быть въ Москвѣ". Отзывы о книгахъ должны были давать члены цензуры,—лица, „извѣстныя по своимъ познаніямъ въ словесныхъ наукахъ и языкахъ". Но провѣрять и утверждать одобрительные отзывы, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, должны были члены синода, о которыхъ тотъ же докладъ заявлялъ, что они „не могутъ съ желаемою поспѣшностью и пользою заниматься онымъ обревизованіемъ".

Очень возможно, конечно, что самыя обстоятельства времени заставляли членовъ синода подчеркивать во всеподданнѣйшемъ докладѣ „свое усердіе и ревность къ службѣ его императорскаго величества" [53]). Тѣмъ не менѣе, и съ перемѣной этихъ обстоятельствъ, отношенія синода и цензуры остались прежними. Во все время существованія московской духовной цензуры, относительно каждой разсмотрѣнной и одобренной ею рукописи, происходило сношеніе съ синодомъ, причемъ пересылался и самый оригиналъ. Это было общее правило, подвергнувшееся лишь нѣкоторымъ ограниченіямъ.

Первое изъ этихъ ограниченій было сдѣлано въ 1800 году, по поводу скитанія рукописи „Толкованія св. Іоанна Златоустаго на посланія ап. Павла". Препровожденная синодомъ въ Москву на рецензію, она, съ одобрительнымъ отзывомъ, была возвращена цензурой обратно. Отсылая ее въ московскую синодальную типографію, синодъ далъ цензурѣ предписаніе: въ случаѣ одобренія присылаемыхъ отъ него книгъ, представлять ему лишь письменный отзывъ. И только въ случаѣ неодобренія къ отзыву долженъ быть приложенъ и подлинникъ [54]).

---

[53]) А. С. С. 1799, 52. 8 марта.

[54]) Арх. Св. Синода, 1818, 1215; синодальный указъ 23 марта 1800 г.

Еще болѣе ненормальнымъ явленіемъ была переписка цензуры съ синодомъ относительно мелкихъ,—часто срочныхъ,—произведеній, напримѣръ, проповѣдей. Она то и побудила цензуру просить у св. синода нѣкоторой самостоятельности. Приводимые ею мотивы были взяты изъ жизни. Это—неудовольствіе авторовъ, стѣсненіе развитія духовной литературы,—потому что и представившіе въ цензуру свои произведенія, брали ихъ назадъ, когда охладѣвало сочувствіе „благодѣтелей", обѣщавшихъ субсидіи на изданіе. Такимъ образомъ, оставались въ неизвѣстности, безъ всякаго употребленія, и такія сочиненія, которыя могли бы дѣлать честь авторамъ, а читателямъ принести пользу. Указывалось, наконецъ, и на обычное отсутствіе въ такихъ сочиненіяхъ догматическаго и вообще важнаго содержанія. Синодъ уважилъ эту просьбу и указомъ 5 іюня 1805 г. разрѣшилъ сдавать мелкія сочиненія прямо въ типографію, обязавъ, впрочемъ, цензуру каждый разъ объ этомъ доносить ему рапортомъ [55]).

Впрочемъ, понятіе „мелкія сочиненія" довольно неопредѣленно и формально. И, не далѣе, какъ черезъ годъ, встрѣтились недоумѣнія, въ силу которыхъ данное право было ограничено. Увлеченные теплотою и благочестивыми чувствованіями „Краткихъ размышленій и молитвъ" Эккартсгаузена, члены московской цензуры поспѣшили дать свое разрѣшеніе, подведя ихъ подъ категорію мелкихъ сочиненій. Однако, синодъ, признавъ, что „молитвы эти не имѣютъ силы и важности церковныхъ", остановилъ ихъ печатаніе, предписавъ „подобныя сочиняемыя книги" представлять на его утвержденіе. Въ другой разъ такое же замѣчаніе вызвала и проповѣдь Ѳеофилакта калужскаго: она, по просьбѣ автора, была пропущена подъ именемъ „разсужденія", а систематическое разсужденіе, по мнѣнію синода, не подходило подъ указъ 1805 года. Цензура по этому поводу приготовила цѣлое объясненіе, гдѣ указывалось на то, что иное дѣло разсужденіе—проповѣдь и иное „разсужденіе, наполненное свидѣтельствами изъ свѣтскихъ писателей и историковъ, предназначенное для училищъ". Но эта попытка защиты цензурою своихъ правъ такъ и осталась въ видѣ черняка среди дѣлъ ея архива [56]).

Вообще, синодъ, не довольствуясь принятіемъ къ свѣдѣнію рапортовъ цензуры о пропускѣ мелкихъ сочиненій, считалъ иногда необходимымъ провѣрять дѣйствія цензуры. Такъ, напримѣръ, донесеніемъ отъ 3 марта 1814 года цензура извѣщала синодъ, что ею отосланы въ типографію „стихотворныя духовныя сочиненія" гр. Григорія Салтыкова. Черезъ два мѣсяца синодъ потребовалъ ихъ къ себѣ на разсмотрѣніе. Въ концѣ мая цензура

---

[55]) М. Д. Ц. 1805, 10.
[56]) М. Д. Ц. 1806, 8 и 24.

отправила уже отпечатанный экземпляръ и тѣмъ не менѣе въ августѣ получила изъ синода „указъ съ изъясненіемъ въ немъ позволенія на печатаніе“ [57]).

Какъ видно уже изъ даннаго примѣра, „непосредственная“ зависимость московской цензуры отъ синода рельефнѣе всего могла проявляться въ безплодной канцелярской перепискѣ. Почти также безрезультатна, была и двойная оцѣнка — въ Москвѣ и Петербургѣ—однѣхъ и тѣхъ же книгъ, съ какой стороны на нее ни посмотрѣть.

Прежде всего, синодъ не имѣлъ постояннаго контроля надъ существенною дѣятельностью цензуры: неодобренныя ею сочиненія въ синодъ не поступали, за немногими исключеніями. А вторичный просмотръ уже рекомендованныхъ цензурой сочиненій имѣлъ мало смысла, особенно въ виду тѣхъ условій, при которыхъ онъ производился.

Поступавшія изъ московской цензуры въ синодъ книги и рукописи отдавались на разсмотрѣніе одному изъ его членовъ, причемъ выборъ того или другого члена былъ, большею частью, случаенъ. Особенно это стало замѣтно послѣ того, какъ составъ самого синода, по волѣ оберъ-прокурора Голицына, сдѣлался весьма неустойчивымъ Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ замѣтно стремленіе, сообразно съ содержаніемъ книги, отдавать ее для рецензіи спеціалистамъ. Такъ члену россійской академіи архіеп. Меѳодію поручались сочиненія филологическаго характера Нѣсколько книгъ,—впрочемъ, самаго разнообразнаго содержанія, — было пересмотрѣно м. Амвросіемъ.

Отзывы членовъ синода нерѣдко излагались устно въ засѣданіи, и, будучи весьма краткими, отмѣчали лишь одну—двѣ черты. Отсюда, конечно, чаще всего вытекало полное „уваженіе“ синодомъ мнѣнія цензуры, особенно если она свой отзывъ сопровождала подборомъ выдержекъ изъ сочиненія, „дабы и въ синодѣ, ежели хотятъ любопытствовать, видѣть оныя могли“ [58]). Зато, съ другой стороны, при бѣгломъ просмотрѣ, одна неточность названія, погрѣшность въ хронологіи, неясность цѣли сочиненія могли рѣшить его судьбу.

Но самая печальная сторона этого сложнаго процесса оцѣнки въ томъ, что синодъ и прямыми предписаніями [59]), и косвеннымъ образомъ усиливалъ строгость и придирчивость цензуры. Свою точку зрѣнія, можетъ быть, болѣе или менѣе и соотвѣтствовавшую высшему церковному авторитету, онъ хотѣлъ сдѣлать единственнымъ угломъ зрѣнія и цензуры. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

---

[57]) Арх. Св. Синода, 1814 г., 319.
[58]) М. Д. Ц. 1804. 13
[59]) Опредѣленія св. синода 1799, 21 дек.; 1801, 12 авг., 1807, 30 сент.

Въ нѣкоторыхъ дѣлахъ о цензурѣ книгъ содержится лишь одно журнальное постановленіе синода, безъ отзыва кого-либо изъ членовъ. Такія своего рода синтетическія сужденія a priori иногда ясно освѣщаютъ взглядъ синода на извѣстный предметъ. Напримѣръ, въ противоположность мнѣнію цензуры относительно переводной книги „Жизнь Мартина Лютера", синодъ „изъяснилъ, что онъ въ книжицѣ сей надобности и пользы для церкви никакой не находитъ" [60]). Есть примѣры и возвращенія синодомъ въ цензуру книгъ для вторичнаго пересмотра. Интересна въ этомъ отношеніи судьба присланной изъ свѣтской цензуры рукописи „Послѣдованіе Пресвятой Богородицѣ". Синодомъ она была отослана въ московскую цензуру, гдѣ и удостоилась лестнаго одобренія за благочестивыя чувствованія. При этомъ указывалось, что „жизнь пр. Дѣвы предложена согласно исторіи, церковью пріемлемой, — и обстоятельства расположены такъ, какъ требуетъ исторія".

Желая, вѣроятно, дать урокъ цензурѣ, синодъ предписалъ ей сдѣлать, на основаніи этой книги, сводъ мѣстъ относительно жизни Богородицы и, затѣмъ, „сравнить съ словомъ Божіимъ, ч.-минеями и прологами, и, что тогда окажется, представить св. синоду". Такой исторической критики книга выдержать не могла, и цензурѣ пришлось уже доказывать, что „упомянутая книга не есть существенно историческая, а больше нравоучительная и притомъ отличная въ своемъ родѣ по простотѣ и ясности, съ которыми она является на россійскомъ языкѣ, равно какъ и по основательности нравоучительныхъ правилъ, которыя очень близко подходятъ къ чистой евангельской нравственности и необыкновенному св. отцевъ ученію"... Впрочемъ, заключеніе цензуры было прежнее, именно: она безъ малѣйшаго сомнѣнія одобряетъ эту книгу, какъ согласную съ ея правилами и излагающую предметъ просто, чисто и ясно.

Между тѣмъ, критерій синода въ этомъ пунктѣ былъ діаметрально противоположный: оказалось, что „оная не имѣетъ въ себѣ ни того достоинства, ни той важности, какія потребны для духовныхъ книгъ, и притомъ нѣтъ въ ней никакой нужды, поелику въ ч.-минеяхъ находится ясное и подробное изъясненіе житія пр. Богородицы". Книга была „оставлена безъ вниманія", сдана въ синодальный архивъ, и лишь впослѣдствіи о судьбѣ ея было сообщено цензурному комитету [61]).

Зато въ другихъ случаяхъ, когда цензура чувствовала подъ собою твердую почву, требованіе вторичнаго разсмотрѣнія ея не смущало. Такъ, представленную чрезъ митрополита Амвросія

---

[60]) Арх. Св. С., 1804, 524.
[61]) А. С. С., 1808, 385

книгу „Дѣянія святыхъ прав. церкви“,—московская духовная цензура признала „въ своемъ родѣ излишнею, недостаточною, сумнительною, отчасти суевѣрною, и безпорядочною“, сдѣлавъ нѣкоторые комментаріи. Синодъ предписалъ, однако, подвергнуть книгу новому разсмотрѣнію той же цензуры. Послѣдняя, дѣйствительно, вновь ее „наиприлежнѣйше свидѣтельствовала и вторично со всякимъ вниманіемъ разсматривала“, но въ результатѣ—до рѣзкости категорическое заключеніе: „и по вторичномъ разсмотрѣніи сея пустыя книги, на которую, равно и на чтеніе вздору, наполняющаго оную, напрасно потеряно время, цензура къ напечатанію ея одобренія дать не можетъ“... Книга возвращена была автору [62]).

Въ такихъ странствованіяхъ книгъ изъ Петербурга въ Москву и обратно проходило не мало времени, въ лучшемъ случаѣ нѣсколько мѣсяцевъ. Но это, конечно, являлось уже естественнымъ результатомъ непосредственной зависимости цензуры отъ синода.

Такъ какъ московская духовная цензура была непосредственно подчинена синоду, находилась въ ставропигіальномъ донскомъ монастырѣ и, наконецъ, состояла обыкновенно изъ лицъ, подвѣдомственныхъ синодальной конторѣ или придворному духовнику, то независимость ея отъ мѣстной епархіальной власти была безспорна. Зато не сразу могъ быть рѣшенъ вопросъ объ отношеніи ея лично къ м. Платону, традиціонному цензору въ московскихъ предѣлахъ. Ему еще въ 1785 г. синодъ предоставилъ право цензуры всѣхъ книгъ, переведенныхъ или сочиненныхъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ его вѣдомства [63]). Въ концѣ того же года на Платона именнымъ указомъ было возложено особенное порученіе „испытать поручика Новикова въ законѣ нашемъ и книги типографіи его освидѣтельствовать: не скрывается ли въ нихъ умствованій, не сходныхъ съ простыми и чистыми правилами вѣры нашей православной и гражданской должности“ [64]).

И, исполняя втеченіе многихъ лѣтъ,—лично или при помощи служащихъ въ академіи, — цензурныя обязанности, Платонъ привыкъ считать себя довѣреннымъ и вполнѣ законнымъ цензоромъ. Привыкъ онъ и къ праву собственной цензуры: „проповѣди, напр,, высокопреосвященнѣйшаго Платона, архіепископа московскаго и калужскаго“ выходили въ свѣтъ „по его дозволенію“. Зато всякое ограниченіе новыми цензурными учрежде-

---

[62]) Арх. Св. С., 1802, 55.

[63]) Указъ 22 фезраля, 1785 г.

[64]) П. С. Зак. т. XXII, 16, 301 и рескриптъ. Ср. также дѣло Арх. Св. С. 1789, 17 окт. № 31 «по именному повелѣнію о напечатаніи сочиненій Г. Вольтера безъ цензуры и апробаціи Преосвященнаго Московскаго».

ніями его полномочій, хотя бы вытекавшее изъ буквы устава, онъ склоненъ былъ принимать, какъ личную обиду, и протестовалъ.

Еще когда существовали (1796—1802 г.г.) смѣшанные комитеты изъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ, Платонъ готовъ былъ уличать ихъ въ притязаніяхъ на слишкомъ большую роль. Въ 1801 г. онъ жаловался митр. Амвросію: цензура столько предпринимаетъ, что въ одной книгѣ напечатала: „съ дозволенія св. синода и съ одобренія цензуры", какъ бы одно дозволеніе синода не довольно было: да еще кому? Архіепископу Могилевскому. Итакъ мы бѣдные епископы и старики въ своихъ сочиненіяхъ должны ожидать одобренія отъ ребятъ, да еще и лаиковъ (свѣтскихъ) [65]).

И все таки пока дѣйствовали смѣшанные комитеты, вообще пока цензура еще не кристаллизовалась, не было и пререканій Платона, какъ автора и вмѣстѣ цензора,—съ этими инстанціями. Но уставъ 1804 г. уже подробно назвалъ тѣ учрежденія, которымъ предоставлялось право собственной цензуры. О правѣ личной цензуры въ немъ уже нѣтъ рѣчи. А потому, не далѣе, какъ черезъ два мѣсяца послѣ его изданія, у Платона вышло недоразумѣніе съ свѣтской цензурой. Возвратившись изъ поѣздки въ Кіевъ, онъ хотѣлъ напечатать сто экземпляровъ „Описанія" этого путешествія въ гражданской типографіи. Но свѣтская цензура рекомендовала автору опустить или перемѣнить нѣкоторыя выраженія о вѣротерпимости [66]) и о злоупотребленіяхъ начальства въ городахъ. Платонъ отвѣтилъ протестомъ, хотя пассивнаго характера. Чрезъ викарія Августина онъ отправилъ записку, поручая передать ее цензору Невзорову; „но скажите, добавлялъ онъ, что она ему дается приватно, и, кому хочетъ, показать можетъ. Но никакъ не съ тѣмъ, чтобы ее вносить въ журналъ, ежели вздумаютъ: ибо она никѣмъ не подписана и потому въ приказный актъ вносима быть не должна. А могутъ они въ журналѣ только записать, что я свое сочиненіе въ цензуру отдать не согласенъ; а потому и печатать его болѣе не намѣренъ" [67]). Описаніе путешествія вышло лишь въ 1813 г.

Прекративъ дѣло съ свѣтской цензурой, Платонъ, въ самомъ началѣ 1805 г., долженъ былъ уже опредѣлять свои отношенія къ цензурѣ духовной, по поводу изданія любимаго своего дѣтища „Краткой церковной россійской исторіи". Не ожидая какихъ либо препятствій, Платонъ прямо отправилъ рукопись

---

[65]) Письма Платона Митрополита Московскаго къ преосвѣщеными Амвросію и Августину, съ прим. С. Смирнова (М. 1870 г.), 5 дек 1804 г. № 72.

[66]) Она здѣсь трактуется, какъ «новомодный образъ мыслей, чтобы всѣ вѣры смѣшать воедино и утѣшаться, когда онѣ, яко на театрѣ представляются въ разныхъ, но совокупныхъ явленіяхъ», (стр. 28—9, изд. 1813).

[67]) Къ Августину 1804 г., 30 сент.

къ своему викарію Августину — члену синодальной конторы. „Прошу, писалъ онъ, отъ св. синода-конторы предписать оную въ синодальной типографіи напечатать... Впрочемъ, честью сана моего свидѣтельствую, что въ сей исторіи ничего не усматриваю я противнаго церкви, правительству и правамъ". Августинъ объ этомъ порученіи сообщилъ конторѣ, заявивъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что и онъ въ названномъ трудѣ митрополита не находитъ препятствій къ изданію.

Однако, контора уже не рѣшилась принять на себя отвѣтственность за пропускъ исторіи и обратилась съ представленіемъ въ синодъ. Въ немъ она сгруппировала пять справокъ изъ указовъ. Указы екатерининскаго царствованія относительно цензурныхъ правъ Платона и синодальной конторы она сопоставила съ отмѣнявшими ихъ выдержками изъ положенія 1799 г. и устава 1804 г. Впрочемъ, воспользовавшись неяснымъ выраженіемъ этого устава о нѣкоторыхъ цензурныхъ полномочіяхъ „и епархіяльныхъ архіереевъ", контора ходатайствовала о разрѣшеніи вопроса согласно волѣ митрополита. И синодъ, очевидно, также желавшій рѣшить дѣло мирнымъ путемъ, уважилъ клятву Платона и въ мартѣ разрѣшилъ печатаніе [68]).

Тѣмъ не менѣе Платону не понравился уже самый фактъ обращенія конторы къ синоду, а еще болѣе, кажется, нѣкоторыя предосторожности, принятыя послѣднимъ, съ цѣлью очистить его „Краткую исторію" отъ всего соблазнительнаго. Въ томъ же мартѣ онъ послалъ выговоръ Августину. „О напечатаніи исторіи сожалѣю, что вы представляли въ синодъ. Меня бы увѣдомить, что другіе не согласуются. Я бы взялъ другія мѣры. Вотъ до чего дошли мы, и монахи и попы; да еще и прокуроръ [69]) требуетъ перваго листа. На что ему? Что онъ за цензоръ мой? Пожалуйте, до сего не допускайте, а первый листъ берите къ себѣ, а другой присылайте ко мнѣ:—вотъ каковы прокуроры. Сіе то меня выжило изъ конторы и синода, и въ духовныхъ дѣлахъ мы пастыри, но не мы дѣлаемъ, а Laici (свѣтскіе). Поживите, больше увидите" [70]).

Съ цѣлью смягчить форму цензурнаго—„прокурорскаго" надзора, Августинъ посовѣтовалъ митрополиту обратиться къ академіи. Но Платонъ отвѣтилъ: цензуру, когда не можно конторѣ синодальной имѣть, то какъ же училища ей предпочтутся? Я говорю о моей исторіи: дивлюсь, что мое собственное свидѣтельство не уважено". Печатаніе исторіи, однако, шло своимъ порядкомъ, хотя негласныя сношенія съ Петербургомъ лицъ, близкихъ къ типографіи, безспорно происходили. По крайней мѣрѣ, въ де-

---

[68]) Арх. Св. С. 1805 г., 185.
[69]) синодальной конторы Н. Яковлевъ.
[70]) Къ Августину, № 26, 19 марта.

кабрѣ митрополитъ писалъ своему викарію: объ исторіи пишетъ и Меѳодій (Смирновъ), что онъ ее читалъ. Удивляюсь, какъ она до нихъ дошла. Но утѣшился, что она и ему, и другимъ, яко то и новгородскому, не показалась быть предосудительною. Я буду ожидать переплетенныхъ книгъ къ будущему воскресенію, а между тѣмъ ихъ не открывать [71]).

Впрочемъ, и на этомъ не окончились тревоги перваго нашего церковнаго историка: предъ нимъ всталъ образъ цензуры карательной. „Какъ то примутъ мою исторію, писалъ онъ въ началѣ слѣдующаго года. Я къ Высочайшимъ персонамъ послалъ. Отвѣта нѣтъ. Нѣкоторые въ Москвѣ говорятъ, Синодъ-де удержитъ выдавать et caet. Я боюсь, чтобы Синоду не дали на разсмотрѣніе“ [72]).

Но въ тѣ же дни былъ присланъ рескриптъ имп. Александра, свидѣтельствовавшій, что „исторія сохранитъ подвиги ревности вашей, между тѣмъ, какъ краснорѣчивыя творенія ваши доставятъ потомству тѣ же утѣшенія, которыми услаждали они современниковъ“. Лишь послѣ этого обрадованный митрополитъ, „принося благодареніе Богу, старца милующему“, могъ сказать: „теперь, кажется, нѣтъ сомнѣнія оную выпустить въ свѣтъ“ [73]). Исторія на этотъ разъ дѣйствительно поступила въ продажу, хотя послѣ кончины Платона была подвергнута двукратной очисткѣ отъ „соблазнительныхъ“ мнѣній,—послѣдній разъ по суду Филарета [74]).

Несмотря на всю сложность вопроса о печатаніи исторіи Платона, здѣсь,—можно сказать,—была лишь завязка пререканій митрополита съ духовно-цензурнымъ надзоромъ. Признаніе, хотя бы и сдержанное, со стороны синода юридическаго значенія „свидѣтельства честью сана“ митрополита, побудило его поставить вопросъ ребромъ. Поводъ дала присылка въ декабрѣ 1805 г. „калужскаго сочиненія“, т. е. труда епископа Ѳеофилакта калужскаго, подъ названіемъ „Врачевство отъ унынія и отчаянія“. Платонъ направилъ его прежнимъ путемъ,—непосредственно въ синодальную контору. Она, дѣйствуя попрежнему уклончиво, отослала въ духовную цензуру, что и вызвало такіе упреки митрополита въ письмѣ къ Августину. „Калужское сочиненіе, я слышу, было отослано въ цензуру. Неужели ваше одобреніе въ конторѣ не можетъ уважено быть? Какая еще цензура? Послалъ я къ префекту напечатать одну рѣчь отца ректора Троицкаго. Онъ пишетъ, что безъ цензуры, но и безъ имени. На что имя? Сего и указы не требуютъ. На что цензура? Когда четвертка сама собою видна. Уди-

[71]) Письмо къ Августину, 4 дек. 1805 г.
[72]) Письмо къ Августину, 7 янв. 1806.
[73]) Письмо 11 янв. 1806 г.
[74]) Арх. Св. С. 1804, 410; Собр. мн. м. Филарета, т. II, №№ 156—160.

вительное стѣсненіе или интриги. Я посылаю письмо префекта: не можете ли вы доставить мнѣ сіе удовольствіе, чтобы оную четвертку напечатать,—да и сочиненіе поздравительное напечатано отъ академіи съ цензурою университетскою, а не съ своею, какъ я предписалъ. Я желаю, чтобы отъ нихъ взяли объясненіе, почему они не поступили по предписанію; или, коли сумнятся, представили бы. Omnia susquedeque feruntur. (Все дѣлается на выворотъ)" [75]). Въ слѣдующемъ письмѣ Платонъ опять вспоминаетъ о цензурномъ вопросѣ, прося поговорить съ членами типографской конторы, почему они не принимаютъ цензуры академической, „и мнѣніе свое, что дѣлать, прошу предложить. Примѣтьте, что академія печатала на сторонѣ, однако съ цензурою чужою" [76]).

Какъ видно, Платонъ теперь обратилъ серьезное вниманіе на отнятіе у академіи права цензуры и въ принципѣ готовъ былъ ходатайствовать за возстановленіе этого права. Но затянувшееся дѣло съ выпускомъ въ свѣтъ краткой исторіи пока останавливало его. „О цензурѣ нашей я не хочу писать ни къ новгородскому, ни къ оберъ-прокурору. Они не сильнѣе именнаго указа"... Однако, потомъ, вмѣстѣ съ рескриптомъ, у Платона оживилась энергія: онъ, пользуясь предложеніемъ А. Н. Голицына „относиться къ нему, ежели въ чемъ нужно",— отнеся въ Петербургъ. Но, вѣроятно, именно дѣло съ церковной исторіей не располагало синодъ въ пользу подверждещія права личной цензуры. Платонъ сразу замѣтилъ уклончивое настроеніе. „Оберъ-прокуроръ пишетъ: о цензурѣ онъ де поговоритъ съ членами, и не разсужу ли я, чтобы онъ доложилъ государю. Все странно". Черезъ недѣлю онъ пояснялъ тому же Августину: о цензурѣ сумнительно, чтобы вышло: ибо примѣчается что всѣ члены, да и оберъ-прокуроръ едва ли на то согласны [77]).

Между тѣмъ, колебанія въ высшихъ сферахъ сразу же отразилась на дѣйствіяхъ синодальной типографіи, печатавшей собраніе проповѣдей Платона. „Я, жалуется онъ, доселѣ не дождусь печатныхъ листовъ моихъ проповѣдей. Не опять ли представить въ синодъ? До рѣшенія дѣла о цензурѣ, примутъ ли цензуру за подписаніемъ моимъ, въ силу синодскаго указа; поговорите и меня увѣдомьте". Увѣдомленіе было неблагопріятно и вызвало горькія строки обиды (на латинскомъ языкѣ): не спѣшатъ печатаніемъ нашихъ трудовъ, я знаю для чего: въ ихъ глазахъ мы ничтожны. Вотъ уже и о цензурѣ, ежели выйдетъ отъ меня, сумнятся. Вотъ до чего мы дожили. Нужно терпѣть и всего ожидать только отъ Бога [78]).

---

[75]) № 40, 10 декабря 1805 г.

[76]) № 41, 26 декабря. (Кстати и впослѣдствіи синодальная типографія «не принимала подписанія» академическаго, ср. дѣло М. Д. Ц. 1813,17).

[77]) Письмо къ Августину 25 февр. и 4 марта 1806 г.

[78]) Письмо къ Августину 4 марта.

Еще нѣсколько мѣсяцевъ длились петербургскія „увертки“, по выраженію Платона, пока дѣло не рѣшилось вопреки желанію митрополита. Post—scriptum письма къ м. Амвросію отъ 6 іюля проникнутъ сдержаннымъ упрекомъ: удивительно, что о цензурѣ дѣло затрудняется, и синодальнымъ указомъ данное мнѣ дозволеніе нынѣ отмѣняется. Ужели и то не заслужилъ? Ужели мною рекомендованные цензоры болѣе довѣренности заслужили? [79]).

Волѣ Божіей повинуюся—такими словами выразилъ Платонъ свое отношеніе къ результату спора о цензурѣ. Но, можно сказать, до самой смерти его благородно-честолюбивый характеръ не въ состояніи былъ примириться съ этимъ исходомъ. Вотъ отрывокъ одного изъ послѣднихъ писемъ Платона къ Августину: „Прислалъ ко мнѣ сочиненіе какой-то обратившійся, очень изрядное. Я подписалъ: отдайте ему, чтобы онъ, коли хочетъ напечатать, отнесся бы. Намъ горе, что нельзя“ [80]).

Увертки, которыми защитники организованнаго „строгаго“ цензурнаго надзора отвѣчали на домогательства Платона, ясно показывали, что они не питали уже довѣрія къ отзывамъ московскаго митрополита. Нельзя сказать, чтобы они не имѣли своихъ основаній. Митр. Платонъ былъ ветеранъ эпохи просвѣщенія и несмотря на нѣкоторыя предубѣжденія, оставался просвѣщеннымъ до конца. Насколько его вгляды не совпадали съ критеріями московской цензуры,—лучше всего видно изъ различія отзывовъ объ одной и той же книгѣ „О внѣшнемъ богослуженіи“, свящ. І. Полубенскаго [81]). Приведемъ нѣсколько тезисовъ изъ этого труда, чтобы ознакомиться, подъ чѣмъ подписывался м. Платонъ.

„Возьмемъ, приглашаетъ въ введеніи авторъ, всѣ книги о системѣ натуры, о деизмѣ и проч. и проч. Подойдемъ и разсмотримъ вблизи подробно сей философическій „террибль“, безъ всякаго опасенія, по извѣстному правилу Государя Петра Великаго: Чѣмъ ближе къ пушкамъ, тѣмъ меньше вреда и опасности отъ нихъ“ [82]).

„Души ученыхъ заявляетъ авторъ, впадшихъ въ томленіе невѣрствія, заслуживаютъ нелестное мое состраданіе и весьма трогаютъ чувствительность сердца моего... Они вещи нѣжнѣе понимаютъ, и ихъ все сильнѣе трогаетъ, нежели грубѣйшаго образа души. Рѣшимый раскольникъ, послѣ великаго злодѣянія, вскорѣ потомъ крестится и творитъ молитву, хотя отъ нечистой совѣсти, и не робѣя говоритъ женѣ: „Дура, вить умолю“. Но душа ученаго..., какъ птичка, пойманная въ клѣтку, повсюду

---

79) Письмо къ Амвросію, 23 іюля 1806 г.

80) Къ Августину 12 сент. 1809 г.

81) или Петрова.

82) op. cit., изд. 1803, т. I, стр. 36.

ищетъ себѣ выхода...; переходя изъ системы въ систему, тайно мучается, несмотря на видимую веселообразность" [83]).

Объясняя причины успѣха антирелигіозныхъ теченій, авторъ имѣетъ силу сознаться: „силу и успѣхъ не имъ приписывать должно, а больше нашей неисправности, которая чѣмъ больше, тѣмъ сильнѣе наступаютъ на насъ противники... И потому... примемъ за правило... изреченіе Сигизмунда австрійскаго: они худо о насъ говорятъ, но и мы не хорошо дѣлаемъ".

Вообще, широкое знакомство какъ съ ученіемъ христіанскимъ, такъ и свѣтскою литературою, въ соединеніи съ природнымъ остроуміемъ и наблюдательностью,—вызывало въ Петровѣ дерзновеніе искренняго убѣжденія. Вотъ одинъ изъ афоризмовъ его „о силѣ и существенной важности доказательствъ, особливо въ дѣлахъ вѣры". „Есть, разсуждаетъ онъ, доказательства и такія, которыя отъ одного только прикосновенія къ нимъ твердѣйшихъ предъ ними разрушаются.... какъ на Волгѣ барки съ яйцами боятся толкнуться съ желѣзными барками, для предупрежденія чего лоцманамъ сихъ даютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ подарки" [84]).

„Дай Богъ намъ имѣть такую духа свободность",—отозвался м. Платонъ по прочтеніи перваго тама этой книги. А духовная цензураея „не пропустила" [85]).

Duobus litigantibus, tertius gaudet,— этого результата не лишенъ изложенный споръ о цензурѣ: авторамъ духовныхъ произведеній неопредѣленность положенія была выгодна. Исключительныя права московской духовной цензуры, находившіяся подъ сомнѣніемъ до введенія устава 1804 года, оставались, благодаря, между прочимъ, этимъ пререканіямъ, спорными и далѣе Выдвинутое, кромѣ того, Платономъ право академіи на самостоятельную цензуру уже въ 1808 году было признано въ проектѣ устава духовн-учебныхъ заведеній. А это послѣднее обстоятельство было началомъ конца московской духовной цензуры.

Прямымъ слѣдствіемъ непрочности той связи, которая существовала между московской духовной цензурой и движеніемъ жизни, явилось быстрое ея разложеніе и умираніе. Оно сказалось во всемъ, даже въ ея внѣшней обстановкѣ, въ судьбѣ ея библіотеки, составѣ членовъ, болѣе же всего, конечно, въ ея ученой и цензурной дѣятельности.

Во все время существованія, съ 1799 по 1828 г., московская духовная цензура находилась въ донскомъ монастырѣ. Лишь по-

---

[83]) стр. 58

[84]) стр. 300.

[85]) Письмо къ Амвросію 1803, 6 дек.

слѣ войны 1812 года она временно была перенесена въ новоспасскій монастырь, настоятель котораго въ то время являлся и ея предсѣдателемъ[86]). Въ занимаемомъ цензурой корпусѣ донского монастыря обыкновенно жилъ одинъ изъ ея членовъ, которому было поручено наблюденіе за писцами и сторожами-инвалидами. При учрежденіи цензуры, зданіе было отремонтировано, но затѣмъ, вслѣдствіе небрежности и безцѣльной экономіи цензоровъ, дошло до крайней степени обветшанія.

Наконецъ, въ маѣ 1824 года поступилъ въ цензуру докладъ ея писца слѣдующаго содержанія: 19 сего мая, отъ сильной во время дождя течи, проходящей сквозь деревянную, совсѣмъ уже изветшавшую, кровлю на потолки и мѣстами въ самыя комнаты, —въ одной изъ цензурныхъ комнатъ потолокъ прогнилъ и провалился, да и въ прочихъ комнатахъ оные грозятъ паденіемъ. Почему не благоугодно ли будетъ повелѣть, вмѣсто провалившагося потолка, безъ коего невозможно жить, сдѣлать новый потолокъ и накатникъ, а, во избѣжаніе вреда, имѣющаго быть для библіотеки и архива, и въ предотвращеніе опасности жить въ четырехъ комнатахъ, гдѣ находится библіотека и архивъ и гдѣ живутъ старшій писецъ со сторожемъ, подвести подъ потолокъ бруски на подставкахъ бревенчатыхъ[87]). Только послѣ этого случая, желая, вѣроятно, использовать накопленныя средства, цензура стала производить ежегодные капитальные ремонты—„исправленіе ветхости“ донского монастыря.

Заботясь такъ мало о какомъ-либо комфортѣ, или даже просто объ удобствѣ жизни, цензура проявляла уже полное равнодушіе въ дѣлѣ устройства собственной библіотеки, несмотря даже на побужденія со стороны синода. Онъ не разъ и въ учредительномъ положеніи и въ позднѣйшихъ предписаніяхъ признавалъ библіотеку „необходимо нужной и потребной“ для московской цензуры Поэтому, дозволивъ ея членамъ на первыхъ порахъ пользоваться книгами изъ обширныхъ московскихъ библіотекъ— синодальной типографской, академической, б. крутицкой и переяславской, онъ открывалъ имъ значительный кредитъ для основанія и постепеннаго расширенія собственной библіотеки. Всѣ остатки отъ суммы, положенной на расходы по цензурѣ, предписано было, во изъятіе изъ общаго правила, не возвращать въ государственное казначейство, а употреблять „на пріобрѣтеніе книгъ и на другія къ пользѣ ея могущія встрѣтиться, по предмету учрежденія ея, надобности“. Сумма этихъ остатковъ достигала приблизительно тысячи рублей въ годъ. Кромѣ того, синодъ

---

[86]) Арх. Св. С., 1812 г. 556.
[87]) Арх. М. Д. Ц., 1824, 13.

обѣщалъ, въ случаѣ необходимости, „по уваженію надобности“, дѣлать единовременныя пособія[88]).

Какъ же воспользовалась цензура этимъ средствомъ, которое давало ей хотя нѣкоторую возможность быть ближе къ теченію жизни и тѣмъ оправдывать свою роль компаса въ развитіи духовной литературы?

Изъ рекомендованныхъ библіотекъ цензура, дѣйствительно, получала нѣкоторыя нужныя книги. Онѣ и оставались у нея цѣлыми десятками лѣтъ, такъ что въ годъ закрытія цензуры такихъ позаимствованныхъ книгъ оказалось около сотни въ ея архивѣ[89]). Но, понятно, что перечисленныя синодомъ библіотеки-архивы скорѣе могли доставлять въ цензуру экземпляры-уники, интересные для любителей древности, чѣмъ что-либо живое, современное. Когда, напримѣръ, для цензуры понадобилась славянская грамматика, ей была прислана, изъ типографской библіотеки, „грамматика, или писменича..., изданная въ Кременцѣ, року 1638“, съ оговоркою, что лучшаго и новѣйшаго изданія не имѣется[90]). И, при всемъ томъ, это обстоятельство нисколько не побудило цензуру усилить заботы о пріобрѣтеніи собственнаго книжнаго фонда. Библіотека, если и увеличивалась, то почти исключительно „узаконенными“, одобренными самой духовной цензурой, экземплярами. Единственнымъ болѣе живымъ источникомъ ея пополненія служила лишь выписка журналовъ. Уже въ первые годы существованія цензуры, среди мелкихъ расходовъ на иголки, нитки, щетки, топоръ, ломберный столъ, встрѣчаются болѣе крупные взносы «за пренумерацію на «Московскія Вѣдомости», «Вѣстникъ Европы» и «Политическій журналъ» (всего 27 руб.). Потомъ выписка становится даже оживленнѣе («Сынъ Отечества», «Вѣстникъ Европы», «Историческій журналъ», «М. Вѣдомости» и «Русскій Вѣстникъ»). Но, въ концѣ концовъ, и эта пренумерація обратилась въ канцелярскую повинность. Въ началѣ каждаго года, старшій писецъ обыкновенно вносилъ справку о томъ, что въ прошедшемъ году получаемы были, „къ пріумноженію библіотеки“, такія то изданія. На это протоколъ безъ всякаго интереса отвѣчалъ: поелику означенныя изданія для цензуры неизлишни, и на оныя къ пріумноженію цензурной библіотеки сумма въ наличности имѣется, то разрѣшить выдать требуемую сумму. Въ послѣдніе годы, впрочемъ, выписывались лишь «Московскія Вѣдомости», «Христіанское Чтеніе» и «Календарь»[91]).

Въ дѣлахъ цензуры встрѣчаются даже основанія для вывода, что книгохранилище являлось для служащихъ въ цензурѣ сво-

---

88) Арх. Св. С., 1799, 52. л. 55; 1818. 1215.
89) М. Д. Ц. 1811, 12; М. Д. Ц. К., 1828, 20.
90) М. Д Ц., 1810. 22.
91) М. Д. Ц. 1801, I; 1804, I; 1815, 4; 1824, 7; 1827, 9.

его рода бременемъ, которое они не прочь были облегчить радикальными мѣрами. По штату цензуры храненіе всего книжнаго инвентаря возложено было на старшаго писца. Нужно замѣтить, что въ первое время, до 1806 года, библіотека не отдѣлялась отъ канцеляріи и архива. Подъ нею одинаково разумѣлись: дѣла канцелярскія, оригиналы, хранившіеся за неодобреніемъ въ архивѣ, книги, присланныя изъ разныхъ библіотекъ на время, наконецъ, книги, «собственно цензурѣ принадлежащія».

Въ 1806 г., въ видахъ лучшаго порядка и устройства, цензура произвела реформу: библіотека была отдѣлена отъ канцеляріи и передана въ непосредственное завѣдываніе старшаго цензора Геннадія. Но и теперь для нея не настали лучшія времена.

Совмѣщая въ себѣ книги и рукописи, съ одной стороны, безукоризненнаго, а съ другой—„сомнительнаго и вреднаго“ характера, она всегда находилась въ опасности быть опечатанною, „ради вящшаго храненія“. Такъ, когда, въ 1809 г., Геннадій былъ вызванъ на чреду священнослуженія при св. синодѣ, библіотека, по освидѣтельствованіи ея прочими членами, была запечатана печатью предсѣдательствующаго (Геннадія) и находилась въ такомъ положеніи до самаго его возвращенія въ Москву. Впрочемъ, вскорѣ послѣ своего прибытія, Геннадій скончался; библіотека вновь была запечатана, а ключъ переданъ старшему писцу[92]).

Очевидно, для цензуры такой надежный способъ храненія книжнаго инвентаря имѣлъ свои удобства. Пока еще не угасли надежды на издательскую дѣятельность цензуры, сюда присылались для перевода съ древнихъ языковъ подлинники и нѣкоторые старинные списки для сличенія. Цензура какъ-то умѣла оставлять эти порученія безъ всякаго движенія, тѣмъ не менѣе и въ своемъ покоѣ присланныя книги и рукописи тяготили цензуру: пропажа ихъ могла подвергнуть ее непріятностямъ свыше, что и было, напримѣръ, въ началѣ 1812 г., по поводу утраты цензурою одного сочиненія Максима Грека. Тогда же синодъ предписалъ, чтобы важнѣйшія рукописи, особенно такія, которыя еще не изданы въ свѣтъ, хранимы были за печатью казенной, распечатывались только въ присутствіи нѣсколькихъ членовъ, и по разсмотрѣніи опять запечатывались[93]).

Впрочемъ, можно сказать, теперь уже весь книжный инвентарь цензуры, не обновляемый ничѣмъ живымъ и свѣжимъ, представлялъ собою лишь собраніе антиковъ, воспрещенныхъ рукописей, старыхъ журналовъ и „узаконенныхъ“ экземпляровъ одобренныхъ ею книгъ.

---

[92]) Арх. Св. С., 1810, 985.

[93]) М. Д. Ц. 1812 г., 7. Кстати, въ 1812 г., «при нашествіи непріятеля»,

Учреждаемая въ Москвѣ духовная цензура находится въ непосредственномъ вѣдѣніи св. синода. Она состоитъ изъ предсѣдателя и трехъ членовъ, извѣстныхъ по своимъ познаніямъ въ словесныхъ наукахъ и языкахъ; избираются они изъ монашествующаго или бѣлаго духовенства, по разсмотрѣнію и утвержденію св. синода. Такъ положеніе 1799 года опредѣляло составъ московской духовной цензуры[94]).

Давая ниже характеристику отдѣльныхъ, болѣе замѣтныхъ, членовъ цензуры, отвѣтимъ здѣсь лишь на вопросъ: дѣйствительно ли, при выборѣ кандидатовъ, рѣшающая роль принадлежала знанію наукъ и языковъ, и дѣйствительно ли было обезпечено участіе въ цензурѣ лишь искусныхъ и вѣроятія достойныхъ цензоровъ, какъ выразился по этому поводу проектъ 1756 года?

Слѣдуетъ признать, что синодъ, отъ котораго зависѣло назначеніе и увольненіе цензоровъ, обнаруживалъ заботу о подборѣ способныхъ лицъ. Съ этою цѣлью онъ дѣлалъ запросы цензурѣ о намѣченныхъ ею кандидатахъ, требовалъ рекомендаціи синодальной конторы, м. Платона и завѣдующаго придворнымъ духовенствомъ[95]). Представленія и рекомендаціи указанныхъ лицъ и учрежденій сохранились въ нѣкоторыхъ дѣлахъ о замѣщеніи цензорскихъ вакансій. Сохранились намеки и на то, что желавшіе попасть въ члены цензуры иногда устраивали своего рода конкурсъ другъ съ другомъ, выставляя на видъ начальства свои сочиненія[96]).

Но, какъ бы то ни было, фактически выборъ нерѣдко осложнялся побочными обстоятельствами и соображеніями, иногда протекціей. И если синодъ, напримѣръ, былъ склоненъ оставлять безъ вниманія настойчивыя рекомендаціи Платономъ 70-лѣтнихъ старцевъ, заслуженныхъ протоіереевъ, и назначалъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, даже противъ его желанія (imo, me nolente[97]), то это еще не уничтожало вліянія прочихъ стороннихъ мотивовъ. Значеніе привходящихъ обстоятельствъ обнаружилось уже въ самый годъ учрежденія московской цензуры.

Такъ, при первомъ избраніи членовъ цензуры, въ ея составѣ оказался архим. Ириней (Фальковскій). Вполнѣ соглашаясь, что онъ выдѣлялся изъ среды другихъ духовныхъ лицъ „знаніемъ наукъ", нельзя, однако, не отмѣтить, что именно въ это время Ириней былъ подъ слѣдствіемъ и даже удаленъ изъ кіевской академіи. Спустя два мѣсяца, впрочемъ, испросивъ у митрополита

утрачено было нѣсколько десятковъ книгъ и сданныхъ въ архивъ оригиналовъ изъ цензурной библіотеки; М. Д. Ц, 1813, 10.

[94]) А. С. С., 179; 52, л. 14.

[95]) Арх. Св. С. 1799, 52, л.л. 51, 89, 234, 272; 1815, 943; 1818, 1182 и др.

[96]) М. Д. Ц. 1805, 17, 18.

[97]) М. Д. Ц. 1799, 14. А. С. С. 1799, 52, л. 89—90; ср. письма Платона къ Амвросію (изд. 1870), стр. 68.

кіевскаго Іероѳея «отпущеніе своей вины предъ нимъ», онъ былъ возвращенъ къ прежней должности. [98])

На мѣсто Иринея въ цензуру былъ опредѣленъ іеромонахъ Іустинъ, впослѣдствіи „мудрый, добрый, благодѣтельный святитель пермскій, отличавшійся знаніемъ языковъ, авторъ „грамматики языка словенскаго“ [99]). Однако, самое назначеніе Іустина въ цензуру было обусловлено, главнымъ образомъ, тѣмъ участіемъ, которое принялъ въ его судьбѣ имп. Павелъ. При нашествіи французскихъ войскъ на Венецію, Іустинъ, состоявшій тамъ при русской миссіи, лишился своего имущества. Послѣдовало высочайшее повелѣніе, по докладу коллегіи иностранныхъ дѣлъ, о посвященіи его въ архимандрита на первое открывшееся мѣсто. Опять синодъ и Іустина почтилъ званіемъ члена цензуры и настоятелемъ волоколамскаго монастыря. Но уже въ декабрѣ того же 1799 года онъ былъ переведенъ въ первоклассный иверскій монастырь и простился съ цензурой[100]).

Такимъ образомъ, можно сказать, уже первый годъ существованія самостоятельной духовной цензуры положилъ начало той традиціи, согласно которой она не разъ потомъ являлась лишь промежуточнымъ этапомъ для духовныхъ особъ, восходящихъ, а еще чаще нисходящихъ по лѣстницѣ церковной іерархіи.

Лишь въ первое десятилѣтіе XIX вѣка московская цензура имѣла болѣе постоянный составъ, кажется, благодаря тому, что синодъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, не находилъ достойными епископства ея старшихъ членовъ—Виктора, Геннадія, Иннокентія. Зато потомъ, когда сократилось до минимума поступленіе сочиненій, и званіе члена цензуры сдѣлалось лишь почетной синекурой, составъ цензуры началъ безпрерывно измѣняться, пополняясь на короткое время архимандритами различныхъ московскихъ монастырей и пресвитерами придворныхъ соборовъ. Наконецъ, втеченіе послѣдняго десятилѣтія, единственнымъ представителемъ четырехчленной по штату цензуры являлся протопресвитеръ большого успенскаго собора Іаковъ Дмитріевъ (Никольскій). [101]).

---

[98]) Преосвященный Ириней Фальковскій, епископъ Чигиринскій. Г. О. Булашева. Кіевъ, 1883, стр. 107—18.

[99]) М. Д. Ц. 1799, 7, Барсуковъ. Жизнь и труды Погодина, VII, 162—3.

[100]) М. Д. Ц., 1799, 11.

[101]) Вотъ перечень членовъ цензуры:
Евлампій Введенскій (предсѣдательствующій членъ) съ 1799 по 1801 г.
Арх. Ириней Фальковскій—проф. богосл. кіевской академіи,—лишь номинально въ 1799 г.
Геннадій Челноковъ—игум., потомъ арх.—1799—1810. (1809—10 испр. д. предсѣд.)
Іустинъ Вишневскій—іеромонахъ, въ 1799 г.—полгода.
Василій Ивановъ, пресвитеръ благовѣщ. собора, 1799—1815.
Викторъ Прокоповичъ-Антонскій, 1800—09 (съ 1801 г. предсѣдательствующимъ)
Иннокентій—синодальн. ризничій—1801—1804.

Въ полномъ соотвѣтствіи съ указаннымъ вырожденіемъ состава главныхъ дѣятелей, шло уменьшеніе числа и пониженіе ценза писцовъ цензуры. Послѣдніе, по мысли ея учредителей, должны были являться ближайшими помощниками цензоровъ, при разсматриваніи ими сочиненій, обладая достаточной для этого подготовкой. Такъ и было вначалѣ. Цензура опредѣляла писцовъ, по рекомендаціи славяно-греко-латинской академіи, изъ числа ея студентовъ, причемъ подвергала ихъ въ общемъ присутствіи испытанію въ знаніи языковъ[102]). Жили они въ зданіи цензуры, подъ надзоромъ одного изъ членовъ, и лишь въ свободные дни посѣщали академію[103]). Нѣкоторые изъ писцовъ, дѣйствительно, отличались аккуратностью, хотя бы только въ исполненіи прямыхъ канцелярскихъ обязанностей[104]). Однако, праздная жизнь вызвала и обычныя послѣдствія. „Чтобы въ дѣлахъ цензуры не было ни малѣйшаго опущенія, а господамъ членамъ избѣжать огорченія отъ писцовъ", для нихъ была выработана инструкція и установленъ болѣе строгій режимъ[105]). Но и это не предохранило цензуру отъ характернаго поступка, совершеннаго старшимъ ея писцомъ Ал. Владиславлевымъ.

Однажды, какъ излагаетъ это дѣло докладъ цензора В. Иванова, послѣ многократныхъ попоекъ, этотъ писецъ, пріѣхавъ, въ вечернее время, въ донской монастырь, на волахъ, съ большою телѣгою, уложилъ было на нее, съ помощью брата-студента академіи, всю цензурную мебель: столы, стулья, канапе и прочее. Когда Ивановъ сталъ протестовать, онъ его „съ ругательствомъ отринулъ", ссылаясь на разрѣшеніе предсѣдателя. Лишь вмѣша-

---

Василій Прокофіевъ, прот. церкви у красныхъ воротъ. Назначенъ былъ синодомъ, по рекомендаціи Платона, «къ заступленію въ цензурѣ мѣсто присутствующаго», но, спустя два мѣсяца, скончался (4 іюня 1805 г., А. С. С 1799, 52, л. 277).
Геннадій Шумовъ—пропов. академіи—1805—1808.
Палладій (Аничковъ) тоже,—1805—1809.
Амвросій Виноградскій—арх—тъ данилова м—ря,—1809—10.
Владиміръ Третьяковъ,—арх., предсѣд. 1810—12.
Іаковъ Дмитріевъ (Никольскій), 1810—1828
Амвросій Орнатскій, предсѣд., арх. новоспасск. монастыря, 1812 - 1817.
Лаврентій Бакшевскій, арх. высокопетровск. м—ря, 1815—1817.
Амвросій, арх. донского монастыря, 1816 — 17 (назначенъ епископомъ вятскимъ.
Герасимъ Поповъ—прот. архангельск. собора, 1816—18
Евгеній Казанцевъ, предсѣдат., 1817—18
Ѳеофанъ. арх.—предсѣд.- -1818.
Іоаннъ Іоанновъ, 1818.
Ѳеофилъ. донской арх. Назначеніе отмѣнено св. син. въ томъ же 1818 году.
І. Русиновъ. прот. Назначеніе отмѣнено св. син. въ томъ же 1818 г.

[102] М. Д. Ц. 1806, 19.

[103]) М. Д. Ц. 1802, 6.

[104]) Александръ Святославскій, состоявшій втеченіе 35 лѣтъ личнымъ секретаремъ м.м. Филарета, былъ ранѣе письмоводителемъ цензуры 1815, 15; 1821, 16.

[105]) М. Д. Ц., 1811, 16.

тельство намѣстника монастыря и монастырскихъ людей дало возможность цензору,—блюстителю нравовъ писцовъ, удержать Владиславлева отъ похищенія цензурнаго имущества[106]).

Въ концѣ концовъ, цензура перестала заботиться о высотѣ образовательнаго уровня своихъ писцовъ. Лучшимъ доказательствомъ этого можетъ служить опредѣленіе въ 1816 г. на писцевую вакансію нѣкоего Рябкова, «бывшаго ученика уѣзднаго училища, по неспособности къ продолженію высшихъ наукъ уволеннаго изъ училищнаго вѣдомства въ епаршеское». [107]).

Московская духовная цензура должна была являться не только мѣстомъ для обезвреживанія поступающихъ въ нее произведеній, но и цѣлой лабораторіей, выпускающей въ свѣтъ собственныя издѣлія, на которыя спросъ устанавливался высшей церковной властью. Объ этой ея обязанности, вытекавшей изъ духа положенія 1799 г., вполнѣ опредѣленно говорятъ синодальные указы и еще краснорѣчивѣе—сопровождавшія ихъ порученія.

Такъ, когда цензура, получивъ изъ синода отрывки русскаго перевода классическаго труда Адама Зерникава: „О происхожденіи св. Духа“ (въ переработкѣ Ѳ. Прокоповича), рапортовала о необходимости «вызвать чрезъ газеты къ переводу охотниковъ», синодъ отвѣтилъ спеціальнымъ указомъ. Воспрещая цензурѣ помѣщать въ газетахъ объявленія, синодъ призналъ за лучшее „продолженіе начатаго перевода поручить предсѣдательствующему и членамъ цензуры, какъ извѣстнымъ со стороны ихъ знанія, и потому, что сіе самое относится къ существенной ихъ должности, по точнымъ словамъ доклада о ней». Цензура, съ своей стороны, предоставила исполненіе указа одному изъ своихъ членовъ Геннадію, и, одобривъ его трудъ, возвратила въ синодъ[108]).

Но самое важное порученіе дано было цензурѣ въ 1800 году Синодъ призналъ необходимымъ, чтобы она, общими трудами своихъ членовъ и предсѣдателя, при участіи другихъ ученыхъ особъ изъ чернаго и бѣлаго духовенства, составила толкованіе св. писанія[109]).

Для большаго успѣха, синодъ даже разрѣшилъ теперь вызовъ желающихъ, посредствомъ объявленій въ Моск. Вѣдомостяхъ. Независимо отъ этого, въ 1801 г. было разослано по епархіямъ циркулярное приглашеніе такого же содержанія. И, втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ, среди входящихъ бумагъ цензурной канцеляріи отмѣчалось, между прочимъ, поступленіе отзывовъ епархіальныхъ

---

[106]) М. Д. Ц., 1814, 27.
[107]) Тамъ же, 1816, 20.
[108]) Тамъ же, 1799, 5.
[109]) Арх. Св. С., 1803, 222.

преосвященныхъ и консисторій о желающихъ толковать св. писаніе, а—гораздо чаще—о неимѣніи таковыхъ[110]).

Начали было поступать и первые опыты толкованій[111]), но они, однако, нисколько не приблизили къ благополучному концу поставленной синодомъ задачи. Конечно, главная причина этого кроется, пожалуй, въ очевидной неосуществимости попытки создать одно цѣлое—corpus—изъ самыхъ разнородныхъ отрывковъ. Одинъ «охотникъ къ переводу», представляя по нѣскольку главъ изъ отдѣльныхъ книгъ ветхаго завѣта, хвалилъ точность современнаго еврейскаго перевода, другой - слѣдовалъ нѣмецкимъ толкователямъ, третій брался за истолкованіе Апокалипсиса, пользуясь случайными пособіями и т. д.[112]).

Тѣмъ не менѣе, ближайшимъ образомъ, безплодность названной попытки была обусловлена отношеніемъ къ ней самой цензуры. Желавшіе участвовать въ составленіи свода толкованій никогда не получали отъ нея какихъ либо руководственныхъ указаній, совѣтовъ и ободренія. Изрѣдка лишь цензура нетвердымъ тономъ обѣщала принять ихъ труды во вниманіе, при составленіи всего библейскаго корпуса[113]). Новопоступившія же сочиненія неизмѣнно «пріобщались къ прочимъ толкованіямъ». Такъ и пролежали въ архивѣ смоленскія, воронежскія, моршанскія, суздальскія, калязинскія, радомысльскія и другія экзегетическія упражненія, безъ всякаго движенія, до самаго закрытія цензуры. Созидательная, творческая дѣятельность московской цензуры оказалась, такимъ образомъ, совершенно безрезультатною [114]).

За вычетомъ же этой литературной повинности, собственно ензурный трудъ былъ невеликъ для четырехчленной корпораціи. Въ первые два года разсмотрѣно было ею около пятнадцати сочиненій. Приблизительно та же цифра, пятнадцать—двадцать сочиненій,[115]) встрѣчается и въ послѣдующіе годы. Лишь указъ 1801 г. нѣсколько осложнялъ характеръ дѣятельности цензоровъ. «Св. синодъ, гласитъ онъ, усматривая изъ донесеній московской духовной цензуры, что многія изъ нихъ не подписаны всѣми членами, но иногда два, иногда три, а рѣдко всѣ подписываются, изъ чего св. синодъ и заключаетъ, что какъ удостовѣреніе о книгахъ, кои предоставляются съ одобреніями къ напечатанію, не можетъ

---

[110]) М. Д. Ц. 1802, I.

[111]) Тамъ же. 1802, 3; 1803, 20.

[112]) Тамъ же. 1806, 21; 1803, 20.

[113]) А, С, С, 1803, 222

[114]) М. Д. Ц. К. 1828, 20. Неудивительно, поэтому, если внесенный въ 1811 году на обсужденіе комиссіи духовныхъ училищъ, проектъ (архіеп. Ѳеофилакта) учрежденія при московской синодальной типографіи «особаго отдѣленія» для печатанія полезныхъ для церкви книгъ, «съ способными людьми», даже не вспоминаетъ о «существенной обязанности» московской цензуры. (Ком. дух. уч., 1809, 53, л. 184—187).

[115]) М. Д. Ц. 1801, 25.

почесться такимъ, на которое совершенно положиться можно бы было, такъ и самая обязанность нѣкоторыхъ членовъ не исполняется, по нерадѣнію или другимъ какимъ-либо причинамъ, приказали: московской духовной цензурѣ строжайше предписать, чтобы члены ея, имѣя всю относящуюся къ должности ихъ, по сей немаловажной части, попечительность, проходили служеніе свое не иначе, какъ съ должнымъ усердіемъ и вниманіемъ къ службѣ его императорскаго величества, а потому дѣлали книгамъ одобреніе, на основаніи ей учиненныхъ предписаній всѣ вообще... А буде и за симъ св. синодъ усмотритъ подобное неисполненіе членами обязанности ихъ, въ такомъ случаѣ въ необходимость себѣ поставитъ отрѣшить тѣхъ, которые не будутъ радѣть о своихъ должностяхъ. [116]).

Вслѣдствіе этого указа, члены цензуры, дѣйствительно, стали писать объ одной книгѣ по двѣ, три и даже четыре рецензіи, на основѣ которыхъ вырабатывался затѣмъ, болѣе или менѣе правильно, докладъ общаго собранія синоду.

Эта коллегіальность, представляя безспорно цѣнную, хотя и замедлявшую дѣло просмотра, особенность московской цензуры, сообщила на нѣкоторое время оживленіе ея дѣятельности. Но, немного спустя, когда результатъ годичной работы полнаго числа цензоровъ сталъ выражаться въ просмотрѣ лишь нѣсколькихъ десятковъ проповѣдей, безцѣльность ея существованія не могла быть прикрыта никакими отчетами. [117]).

Рѣшивъ въ принципѣ закрыть цензуру, синодъ оставилъ ее при одномъ членѣ, съ 1818 по 1828 годъ. Лишь изрѣдка и ненарокомъ попадали сюда мелкія сочиненія, и, пока не поздно, стремились выпорхнуть обратно. Въ сущности, цензура сразу должна была прекратить всякую дѣятельность: вѣдь одобреніе одного цензора было, такъ сказать, антиканонично. Между тѣмъ, она именно теперь упорно старалась сохранить хотя бы видъ жизни и не теряла даже нѣкоторыхъ надеждъ на будущее. Каждый годъ съ ея одобренія выходило въ свѣтъ minimum одно и maximum десять словъ и рѣчей [118]). Протоколы, подписанные однимъ Іаковомъ Никольскимъ, облекались, однако, въ коллегіальные термины: „учрежденною въ Москвѣ духовною цензурою заключено“; „притомъ членомъ цензуры, успенскимъ протопресвитеромъ Іаковомъ объявлено“... и т. п. Даже отказываясь отъ разсмотрѣнія поступавшихъ болѣе крупныхъ сочиненій, въ виду неполноты своего состава, цензура сдавала ихъ въ архивъ, впредь „до будущаго судейскаго присутствованія цензурнаго“. Наконецъ, канцелярія цензуры цѣлыми стопами покупала бумагу; по поводу

---

116) А. С. С., 1799, 52, Указъ 1801 г., 12 авг., л. 252.
117) М. Д. Ц. 1815, 8.
118) Тамъ же. 1820, 6; 1821, 7.

одного „слова“ фабриковала полтора десятка документовъ и на сотняхъ листовъ излагала дѣла о полученіи жалованья „штатомъ“ цензуры. [119]).

Вообще, можно смѣло сказать, что „учрежденная въ Москвѣ Духовная Цензура, или Коммиссія для свидѣтельства и разсматриванія сочиняемыхъ и переводимыхъ книгъ, до Церкви и ученій церковныхъ касающихся“, умерла вполнѣ естественною смертью отжившаго свой вѣкъ бюрократическаго учрежденія. Анахронизмами отличалось положеніе о цензурѣ,—ненормальностью и неопредѣленностью ея отношенія и обязанности. Стоитъ принять ихъ во вниманіе, и дѣлается ясною главная причина ея мертворожденности: организаціи, неприспособленныя къ окружающей ихъ средѣ, утверждаетъ законъ жизни, погибаютъ...

---

[119]) 1825, 22, 1824, 21, 1824, 19.

ГЛАВА II.

Характеристика дѣятельности и дѣятелей московской духовной цензуры.

Московской духовной цензурѣ, при ея учрежденіи, были даны лишь немногія общія указанія, которыми она обязана была руководиться въ своей собственно цензурной дѣятельности. И лишь постепенно, чрезъ разъясненія и подтвержденія св. синода, а еще болѣе, конечно, путемъ практическаго навыка и личныхъ соображеній цензоровъ, составился у нея извѣстный опытъ.

Стереотипная формула одобренія книгъ московской духовной цензурой показываетъ, что, при разсматриваніи каждаго сочиненія, сознанію цензора всегда должны были предноситься четыре основныя точки зрѣнія,—это: „Законъ Божій, правила Государственныя, Благонравіе и Литература"[1]). Будучи заимствованы изъ указовъ XVIII вѣка, и войдя впослѣдствіи въ уставъ духовной цензуры, эти точки зрѣнія являются, такимъ образомъ, всегдашними критеріями духовно-цензурнаго надзора. Но содержаніе ихъ видоизмѣнялось, въ зависимости отъ уровня богословскаго сознанія, умственныхъ теченій, и оффиціальныхъ взглядовъ различныхъ эпохъ. Поэтому и въ данномъ случаѣ,—въ примѣненіи къ московской цензурѣ,—можно и должно указать болѣе характерные для своего времени оттѣнки.

а) Въ качествѣ высшаго авторитета, по сравненію съ которымъ опредѣлялось согласіе книги съ „Закономъ Божіимъ", въ цензурѣ служила, конечно, Библія. Какъ комментаріи къ „ученію вѣры", въ соотвѣтствующихъ областяхъ, для цензора служили пособіями: „богословія восточныхъ отецъ, кормчая и четьи-минеи.

Безъ сомнѣнія, Библія, которая за время царствованія Александра I распространилась отъ дворцовъ до хижинъ и юртъ, имѣла соотвѣтствующее значеніе и въ цензурѣ. „Утвердить мысли словомъ Божіимъ", при разсужденіи о религіозныхъ предметахъ, считалось дѣломъ необходимымъ „дабы читатели въ предлагаемыхъ истинахъ неложно могли быть удостовѣрены". Мысли, несоглас-

---

[1]) П. С. Зак., т. XXV, 1799, 14 марта. 18888.

ныя съ свящ. писаніемъ, цензура старалась исключать. А, чтобы сохранить связь рѣчи, на мѣсто ихъ вставляла „мысли, Слову Божію сообразныя“, приспособляясь, насколько возможно, къ разсужденіямъ автора. [2]).

На точную цитацію текстовъ св. писанія синодъ обращалъ вниманіе цензуры, и она вмѣнялась въ обязанность и авторамъ, и цензорамъ и корректорамъ. Такъ, въ 1807 г., по поводу замѣченной неправильности ссылокъ на мѣста св. писанія и отступленій въ дословной ихъ передачѣ, синодъ предписалъ цензурѣ, чтобы она, при разсматриваніи и исправленіи книгъ, провѣряла и исправляла самые тексты и ссылки на нихъ. То же самое должны были дѣлать и корректоры синодальныхъ типографій, по инструкціи, данной имъ въ 1800 году [3]).

Насколько же выдающееся значеніе имѣло въ данный періодъ св. писаніе, ярко показываетъ слѣдующій фактъ. Въ 1816 году для императрицы Елизаветы Алексѣевны составлены были „ученѣйшими мужами изъ числа духовенства—Ѳеофилактомъ рязанскимъ, Меѳодіемъ тверскимъ и архим. Филаретомъ „мнѣніе о разности между восточною и западною церковью“. И вотъ формулировка основного положенія объ источникѣ ученія православной церкви: „Единый, чистый и достаточный источникъ ученія вѣры есть откровенное слово Божіе, содержащееся въ св. писаніи: „Всяко писаніе богодухновенно.. (2 Тим.)“ Или: „Все нужное ко спасенію излагается въ св. писаніи съ такою ясностью, что каждый, читающій его, съ искреннимъ желаніемъ просвѣтиться, можетъ разумѣть оное: „Свѣтильникъ ногама моима законъ твой“... Также категорически выражены и другія положенія. [4]).

Когда въ 1859 г. Бодянскій желалъ добыть комментаріи къ упомянутому изложенію, м. Филаретъ высказалъ свою новую точку зрѣнія. „Всѣ сіи рукописи, замѣтилъ онъ, основаны непосредственно на священномъ писаніи, а преданія не принимались у насъ въ то время въ соображеніе. Поэтому теперь писанія эти могутъ вызвать критику“. Нѣкоторыя запоздалыя примѣчанія о значеніи преданія м. Филаретъ счелъ нужнымъ внести въ текстъ своего прежняго мнѣнія.

Этотъ историко-литературный памятникъ наглядно показываетъ, какъ естественно, безъ какихъ либо предвзятыхъ мотивовъ, „преданія не принимались въ соображеніе“, и все вниманіе удѣлялось писанію [5]). „Записки на книгу Бытія“ и „Псалтирь“ далеко ото-

---

[2]) Арх. Св. С. 1803, 633· М. Д. Ц. 1799, 10.

[3]) А. С. С., 1803, 609; ср. А. С. С , 1831, 257.

[4]) Чтенія въ Имп. Общ. Исторіи и Древностей Росс. при моск. университетѣ, 1870, Генв.—мартъ, кн. I., стр. 35; ср. стр. I предисловія.

[5]) Конечно, здѣсь идетъ рѣчь о взглядахъ руководящихъ круговъ. Относительно массъ справедливо замѣчаніе Н. И. Пирогова: «слова Евангелія, слышавшіяся въ церкви, считались сами по себѣ святыми..; большимъ грѣхомъ

двинули на задній планъ „исповѣданіе“ Петра Могилы и четьи-минеи. Зато съ тѣмъ большею остротою выступалъ вопросъ о подлинномъ, точномъ текстѣ «единаго, чистаго» источника вѣроученія, между прочимъ, и для духовно-цензурнаго надзора.

Разсматривая книгу „Θеософія, или Богомудрость“ и давая общее заключеніе, что сочинитель ни въ словѣ Божіемъ, ни въ системѣ богословской неискусенъ, цензура выставляетъ слѣдующіе пункты въ подтвержденіе этого. Въ приводимыхъ имъ библейскихъ исторіяхъ, говоритъ она, авторъ превращаетъ имена совершенно противно русской (славянской) Библіи; тексты приводитъ также совсѣмъ не сходно съ нею, по какому то латинскому или лютеранскому переводу, да и въ самомъ переводѣ видимо не опытенъ. Иногда переведенъ не весь текстъ, иногда противно содержанію настоящаго текста, „а инде такъ темно, что гораздо лучше и яснѣе имѣется въ нашей Россійской Библіи“. [5а]).

Тѣмъ не менѣе, уже одно послѣднее замѣчаніе не говоритъ ли, что сама цензура далеко не могла смотрѣть на текстъ нашей Библіи, какъ на своего рода вульгату, и это сознаніе было тогда далеко не чуждо всякому, читавшему Библію.

Толкованія мистиковъ, усилившееся, вслѣдствіе попытокъ миссіи, знакомство съ еврейскимъ пониманіемъ Библіи, разнообразные вопросы, поднятые переводческою дѣятельностью библейскихъ обществъ, неясность славянскаго текста,—все это до трагизма волновало многихъ православныхъ. Разсматривая, въ 1808 году. „Опытъ славянскаго словаря“, А. Шишкова, м. Амвросій и Θеофилактъ, по поводу желанія автора замѣнить выраженіе „отъ устъ словесе моего“ фразой „отъ словесе устъ моихъ“, писали: „сіе замѣчаніе надлежитъ вовсе уничтожить, и вообще смыслъ текстовъ св. писанія слѣдуетъ выводить, справляясь не съ новѣйшими европейскими, но съ латинскимъ, греческимъ и, если можно, съ еврейскимъ языкомъ“ [6]).

Но вотъ это пожеланіе во второе десятилѣтіе XIX в. начало осуществляться. И сразу все разнорѣчіе чтенія семидесяти толковниковъ и мазоретовъ сдѣлалось очевиднымъ для каждаго, особенно когда одна и та же книга въ одномъ изданіи слѣдовала авторитету первыхъ, а въ слѣдующемъ—вторыхъ. Такой именно случай представляла книга „толкованіе на псалтирь“. Св. синодъ въ 1820 г. поручилъ свѣрить оба изданія архіепископу Филарету (Дроздову). Заключеніе его отзыва слѣдующее: изданія другъ другу совершенно противорѣчатъ и, если толкованіе второго истинно,

---

считалось переложить ихъ и замѣнить другими; духъ старообрядчества, только уже Никоновскаго старообрядчества, было господствующимъ». (Наши мистики-сектанты, Н. Дубровина. Р. Ст., 1895, IX, 182—3).

[5а]) Арх. С. С., 1802, 363, М. Д. Ц. 1802, 16

[6]) Арх. Св. С. 1808, 968.

то первое по необходимости ложно... Первое изданіе прямо даетъ текстамъ пророчественный смыслъ, а второе—прямой смыслъ полагаетъ въ нихъ историческій, а пророческій допускаетъ вторичнымъ и приспособительнымъ. Первое иногда не совсѣмъ основательно, второе иногда благопріятствуетъ неологіи... Ясности и связи больше во второмъ изданіи, нежели въ первомъ. Смыслъ пророчественный и духовный полнѣе и сильнѣе изложенъ въ первомъ изданіи. По симъ смѣшаннымъ принадлежностямъ, заключалъ арх. Филаретъ, рѣшительнаго мнѣнія о достоинствѣ того и другого изданія произнести не отваживаюсь, предоставляя то усмотрѣнію св. синода". [7]).

Но и синодъ лишь впослѣдствіи, при изданіи полнаго русскаго перевода Библіи, трудами того же митрополита Филарета, выработалъ болѣе или менѣе удачный способъ соглашенія еврейскаго и славянскаго текста.

Что касается „священнаго преданія", то, конечно, въ отзывахъ цензоровъ находятся и на него ссылки. Но выяснить точное содержаніе даннаго термина, по взгляду цензуры, не легко. Онъ растворялся въ другихъ, не менѣе общихъ терминахъ, вродѣ „богословія св. восточной церкви отецъ". И, требуя исправленія книгъ „въ сходственность православнаго мудрованія и богословскаго ученія", цензура осуждала сочиненія, въ случаѣ „несообразности ихъ основательному богословію" [8]). Иногда, — впрочемъ, лишь въ исключительныхъ случаяхъ и въ мнѣніяхъ отдѣльныхъ цензоровъ, — цензура рѣшалась и собственное богословствованіе выдавать чуть ли не въ достоинствѣ этой богословіи.

Небезынтересный примѣръ, въ этомъ отношеніи, представляетъ разборъ московскою духовною цензурою одной брошюры, проводившей идеи, нѣсколько сходныя съ идеями сіонизма, (предполагалось основать государство въ государствѣ — Россіи). Критикуя этотъ проектъ съ точки зрѣнія откровенія, цензура, между прочимъ, пишетъ: „хотя обращенія іудеевъ къ истинной вѣрѣ, вѣря откровенію, отвергать не должно (см. посланіе къ римлянамъ), однако, не видя въ семъ злохитромъ народѣ ни малѣйшихъ слѣдовъ раскаянія о своихъ и предковъ своихъ заблужденіяхъ, черезъ столь долгое время,—и при томъ вѣдая, что изъ временнаго плѣненія не было имъ освобожденія безъ раскаянія и обращенія къ Богу,—нѣтъ, кажется, резону предвосхищать судъ Божій, отвергающій ихъ и разсѣивающій по всѣмъ странамъ свѣта. Ибо то извѣстно, что благословляемыхъ Богомъ человѣкъ проклинать не можетъ, но, чтобы, за нераскаянность и жестокость сердецъ

---

[7]) Собр. мн. и отз. м. Филарета, т. II, стр. 25—32; ср. М. Д. Ц., 1818, 10, отзывъ члена цензуры Евгенія (Казанцева) о соч. «Тексты, изъ св. Писанія выбранные..»

[8]) М. Д. Ц., 1801. 16.

отверженныхъ отъ Бога и разсѣянныхъ по свѣту и презрѣніемъ отъ всѣхъ въ чувство приводимыхъ, іудеевъ люди должны благословлять, то въ словѣ Божіемъ не открыто, слѣдовательно и умствованія автора о доставленіи іудеямъ благословенія Божія въ земныхъ выгодахъ, кромѣ тѣхъ, которыя они честными трудами имѣть могутъ, не заслуживаютъ, кажется, уваженія".

Общее заключеніе цензуры было то, что лучше сіе сочиненьице „Утѣшеніе дщери іудейской" вовсе оставить не напечатаннымъ, яко совсѣмъ не нужное, а, можетъ быть, и судьбамъ Божіимъ о народѣ іудейскомъ противное"... [9])

б) Почти все, касающееся вопросовъ политической и общественной жизни, имѣло для себя, въ обозрѣваемый періодъ прямой путь и фильтръ—гражданскую цензуру. Провѣрять и узнавать, что дозволено и запрещено въ данное время, духовнымъ цензорамъ приходилось не часто. Оттого и представленія ихъ о „правилахъ государственныхъ", какъ о цензурномъ критеріи, естественно, отличались субъективизмомъ.

Конечно, исключая изъ книгъ „богохульныя и дерзкія израженія вольнодумцевъ", цензора столь же ревностно ополчались и противъ мыслей, „пахнущихъ вольностью и неуваженіемъ къ власти, отъ Бога установленной"... [10])

Затѣмъ, безспорно, отражались на взглядахъ членовъ цензуры и указанія правительства, выраженныя явно,—въ манифестахъ, и тайно, — въ секретныхъ наставленіяхъ по цензурнымъ учрежденіямъ. Такъ, разсматривая, напримѣръ, вновь издаваемыя проповѣди Стефана Яворскаго и отмѣчая въ нихъ разнаго рода анахронизмы, цензура замѣчаетъ: „принимая во вниманіе нынѣшнія обстоятельства и удаляясь отъ духа нетерпимости другихъ исповѣданій, явно открытаго съ желчью и укоризнами въ пяти проповѣдяхъ, цензура, по означеннымъ резонамъ, (дозволяя прочія), не одобряетъ ихъ къ напечатанію" [11]).

Извѣстно, далѣе, какъ въ царствованіе Александра I,—да и потомъ,—отражались перемѣны во внѣшней политикѣ на усиленіи и ослабленіи цензурныхъ строгостей. Аустерлицъ, Тильзитъ, Бородино, Парижъ, Вѣна подвергали самымъ разнообразнымъ—до противоположности—колебаніямъ и политику русской цензуры.

Весьма характерно въ этомъ отношеніи предписаніе попечителя петербургскаго учебнаго округа С. Уварова, данное въ концѣ 1814 г. свѣтской цензурѣ, „смягчать мало-по-малу колкій и грубый тонъ въ сужденіяхъ о другихъ народахъ, стоящихъ нынѣ въ совершенно новыхъ отношеніяхъ къ Европѣ и намъ. Журналисты, писавшіе въ 1812 г., должны иначе писать въ 1815 и

---

[9]) Арх. Св. С. 1803, 633; ср. М. Д. Ц. 1803, 17.
[10]) Тамъ же. 1806, 16.
[11]) Тамъ же. 1803, 609.

мало-по-малу согласоваться съ намѣреніями правительства... Само собою разумѣется, что сіе правило должно быть хранимо между членами комитета и при каждомъ случаѣ наблюдаемо столько, сколько благоразуміе и опытность каждому цензору внушить могутъ [12]).

Непосредственно, или уже въ видѣ отзвуковъ, доходило это правительственное регулированіе идей и до духовной цензуры. Напримѣръ, въ 1806 г. было составлено синодомъ и разослано по всѣмъ церквамъ объявленіе, утверждавшее, между прочимъ, что «Наполеонъ» мечтаетъ въ буйствѣ своемъ... похитить (о чемъ каждому человѣку и помыслить ужасно) священное имя Мессіи». Послѣ же тильзитскаго мира, указомъ 18 іюля 1807 г. запрещалось уже читать это объявленіе и заимствовать изъ него мысли для проповѣди. И, конечно, цензура духовная тотчасъ же стала дѣлать соотвѣтствующія замѣчанія: „Союзныхъ державъ, хороши ли онѣ въ себѣ или худы, — сочинителю поносить не слѣдуетъ: ни Вавилономъ, ни центромъ нечестія именовать никакъ не надлежитъ“ [13]) Едва ли, затѣмъ, безъ какихъ-либо стороннихъ соображеній или побужденій, синодъ, въ ноябрѣ 1814 г., на одномъ весьма благопріятномъ отзывѣ цензуры положилъ слѣдующую резолюцію: дозволить, съ тѣмъ, однако, чтобы, при напечатаніи оной, въ надлежащемъ мѣстѣ означено было, что переведена съ иностраннаго языка, не именуя французской“ [14]).

Незначительное количество противораскольническихъ трудовъ въ данное время и осторожность цензуры при ихъ разсмотрѣніи, также, безъ сомнѣнія, стоитъ въ связи съ циркуляромъ по свѣтской цензурѣ (въ январѣ 1812), чтобы въ осужденіе и осмѣяніе старообрядцевъ не дозволялось ничего печатать, поелику отъ правительства приняты уже потребныя къ наставленію ихъ мѣры“ [15]).

Что же касается противосектантскихъ сочиненій, то такая зависимость не можетъ подлежать сомнѣнію. Еще на первомъ году своего царствованія, въ секретномъ рескриптѣ губернаторамъ, Александръ I ясно выразилъ свою точку зрѣнія на характеръ миссіи среди сектантовъ: „И разумомъ и опытами давно уже дознано, что умственныя заблужденія простого народа, преніями и увѣщаніями въ мысляхъ его углубляясь, — единымъ забвеніемъ, добрымъ примѣромъ и терпимостью мало-помалу изглаждаются и исчезаютъ. Вотъ правило, коего мѣстному начальству должно съ ними держаться, и на немъ то основано

---

[12]) Р Ст. 1889, V, Матер. для исторіи рус. цензуры (1809—15), стр. 464--5.

[13]) Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе. Н. К. Шильдера, (изд. 1897. А. С. Суворина), т. II, стр. 207 и 156. М. Д. Ц., 1807, 26.

[14]) Арх. Св. С., 1814, 1011.

[15]) Р. Ст. 1889, V; стр. 64.

было и повелѣніе, данное о увѣщаніи сихъ духоборцевъ, при возвращеніи ихъ во-свояси. Сіе увѣщаніе никакъ не должно имѣть вида допросовъ, состязанія и открытаго образу ихъ мыслей насилія, но должно само собою и неприметно изливаться изъ добрыхъ нравовъ духовенства, изъ жизни ихъ, изъ поступковъ, и, наконецъ, изъ непринужденныхъ, къ случаю, и съ видомъ ненамѣренности, направленныхъ на положеніе ихъ разговоровъ",

Этотъ рескриптъ, сообщенный по секрету же и епархіальнымъ архіереямъ, долженъ былъ служить руководствомъ по данному предмету. Руководилась имъ и московская цензура. Такъ, въ 1816 г. представлено было въ нее пензенскимъ епископомъ Аѳанасіемъ, основанное на документальныхъ источникахъ, сочиненіе: „Догматы, малаканскую ересь содержащіе". Цензура нашла, что, „хотя книга, по исправности слога и правильному расположенію приводимыхъ доказательствъ, и заслуживаетъ одобренія, но, чтобы почесть ее несумнительною къ напечатанію,—сіе несообразно было бы съ тѣми предписаніями, каковыя, по высочайшей волѣ, объявлено наблюдать при открывшихся заблужденіяхъ малакановъ". Обо всемъ этомъ и сообщено было по секрету преосв. Аѳанасію [16]).

Впрочемъ, хотя духовная цензура и соображалась съ правительственными взглядами, но едва ли всегда могла она стать на чисто государственную точку зрѣнія,—напримѣръ, относительно вѣротерпимости. По крайней мѣрѣ, въ отзывѣ объ упомянутомъ уже сочиненьицѣ „Утѣшеніе дщери іудейской" цензоръ говоритъ: „Авторъ, научая съ духомъ Христовымъ согласной терпимости въ религіяхъ, считаетъ въ числѣ послѣднихъ и злоумышленныя суевѣрія жидовскія, упорное противоборство ясной истинѣ,—которыя заслуживаютъ ли имя терпимой религіи"?

Еще труднѣе было оріентироваться ей въ такихъ вопросахъ, на которые не выяснилась пока оффиціальная точка зрѣнія. Повидимому, здѣсь цензура склонна была слѣдовать правилу: умолчанное въ законѣ—не дозволено. Такъ, въ томъ же сочиненіи, „несообразности съ государственными правилами" состояли въ томъ, что авторъ дѣлалъ убѣдительный призывъ евреямъ поселиться на землѣ, которую отведетъ имъ правительство, и заняться скотоводствомъ подъ управленіемъ старшинъ. Между тѣмъ, по замѣчанію цензуры, дача земли для поселенія іудейскаго народа въ россійскомъ государствѣ единственно зависитъ отъ воли вышняго правительства; поэтому, не имѣя о семъ предметѣ никакихъ обнародованныхъ государственныхъ узаконеній, сочинителю и въ сужденіе о сей матеріи входить едва ли слѣдовало.

Щепетильность цензуры въ дѣлѣ охраненія установленій

---

[16]) М Д. Ц., 1816, 9. (Цитированный указъ тамъ изложенъ въ полномъ видѣ, вмѣстѣ съ перепискою по нему).

правительства заставляла ее видѣть посягательство или неуваженіе къ нимъ даже тамъ, гдѣ на дѣлѣ этого и не было. Въ критикѣ на „Ѳеософію или Богомудрость“ читаемъ: въ каждой почти главѣ своей книги авторъ самымъ грубымъ образомъ касается нынѣшняго образа свѣтской жизни, опорочивая принятыя уже и позволительныя обыкновенія, какъ то: прическу волосъ, покрой платья, приготовленіе кушаній и пр., чрезъ что дѣлаетъ свою книгу отвратительной и несносной [17]).

Впрочемъ, нужно добавить, что это писалось въ 1802 году. Цензоры не могли не помнить, что не далѣе, какъ годъ-два назадъ, все это—прическа, покрой платья были „государственнымъ правиломъ“, а нарушеніе ихъ—государственнымъ преступленіемъ.

в) Самымъ неопредѣленнымъ изъ всѣхъ четырехъ критеріевъ цензуры являлось, несомнѣнно, „благоправіе“. Какія частнѣйшія черты и объемъ этого понятія,—все ли, несогласное съ этимъ принципомъ, и, главное, всегда ли д о л ж н о б ы т ь исключаемо изъ печатныхъ произведеній,—вотъ вопросы, которые болѣе или менѣе смущали каждаго цензора и рѣшались чаще всего по личному его разумѣнію, да едва ли и могли быть рѣшены иначе.

Въ 1831 году, въ своей рецензіи на третье изданіе „Размышленій“ Іерузалема, журналъ „Телескопъ“ могъ уже самоувѣренно писать: „къ чести нашего вѣка должно сознаться, что безсмысленное и дерзкое кощунство, бывшее единственнымъ оружіемъ школы Вольтера, нынѣ совершенно притупилось. Глумленіе Вольтера, тѣшившее нѣкогда легкомысленную суетность и отозвавшееся было во всѣхъ концахъ вселенной адскимъ хохотомъ, теперь возбуждаетъ одно жалкое презрѣніе [18]). Но не могли еще приписать себѣ такой „чести“ свидѣтели переходнаго времени, иначе говоря,--всей александровской эпохи. Довольно полную и живую ея характеристику даетъ Н. Дубровинъ въ началѣ очерковъ „Наши мистики-сектанты“, стараясь возсоздать тогдашнюю «картину самаго разнообразнаго религіознаго движенія, гдѣ представители разныхъ исповѣданій спорили за преобладаніе и пріобрѣтеніе большаго числа послѣдователей»[19]). Не останавливаясь на ней, замѣтимъ, что переходный характеръ эпохи сказался и на отзывахъ членовъ московской духовной цензуры о книгахъ, затрогивавшихъ еще больныя мѣста...

Съ одной стороны, наличность отзвуковъ „адскаго хохота“ даже въ медвѣжьихъ углахъ Россіи, посѣщаемыхъ и просвѣщаемыхъ французами, — доказывала всю безполезность цензурныхъ замалчиваній[19a]). Поэтому и цензура, сознавая необходимость

---

[17]) Арх. С. к. 1802, 363.
[18]) А. С. С., 1831, 301.
[19]) Русск. Ст. 1894 г., сентябрь, 169—203 (гл. II).
[19a]) Эту безпомощность, даже павловской цензуры, такъ характеризуетъ въ той же статьѣ Н. Дубровинъ: Въ литературѣ хотя и говорили теперь о Воль-

литературной борьбы съ вольномысліемъ, въ принципѣ готова была снисходительно относиться къ недостаткамъ полемическихъ сочиненій, привѣтствуя уже самый фактъ ихъ появленія. Однако, замалчиваніе вольтерьянства въ концѣ XVIII вѣка, сначала ради покровительства, а потомъ изъ страха предъ нимъ,—не прошло безслѣдно. Самостоятельная работа мысли была подавлена, и смѣнилась пассивнымъ отношеніемъ, особенно въ средѣ духовенства. Отсюда, въ началѣ разсматриваемаго періода, и первые опыты полемики съ энциклопедистами далеко не отличались совершенствомъ.

Правда, они съ большой энергіей стремились вести борьбу съ деизмомъ на почвѣ той же философіи. Но недостаточно развитой критически умъ не могъ усвоить методовъ подлинно философскаго спора. Случалось, что, поставивъ цѣлью сочиненія защиту вѣры, чрезъ изложеніе философскихъ идей, близкихъ къ откровенію, — авторъ на дѣлѣ наполнялъ свой трудъ „лишь одними бреднями древнихъ философовъ, политическими вымыслами и миѳологическими пустыми баснями, — которыя неутвержденнаго читателя не только соблазнить, но и въ невѣріе привести могутъ“. Иной авторъ, въ доказательство своихъ положеній, приводилъ еще болѣе грубый матеріалъ: простонародныя сказки о колдунахъ, за нѣсколько сотъ верстъ насылающихъ на людей стрѣлы, или какія-то занозы любовныя; повѣствованія о хожденіи по домамъ мертвецовъ; самыя пасквильныя пословицы. Вообще, по мнѣнію цензуры, весь имъ собранный матеріалъ представлялъ сплошное нарушеніе общаго правила: sacra profanis non sunt miscenda, multo magis profana sacris [20]).

Только съ возрожденіемъ высшаго академическаго образованія начали появляться и болѣе удачныя „разсужденія противъ новѣйшихъ вольнодумцевъ“,—(наприм., студента В. Кутневича). Впрочемъ, они одобрялись къ печати уже помимо московской цензуры [21]).

Чтобы удовлетворить назрѣвшимъ нуждамъ времени, ревнители вѣры должны были обратиться къ болѣе совершеннымъ

терѣ, но уже объ «изобличенномъ», или «обнаженномъ». и стали появляться переводы разныхъ религіозныхъ сочиненій; но рядомъ съ ними, при помощи контрабанды, проникали въ Россію и запрещенныя книги. «И такъ какъ идти на такой рискъ, говоритъ Шторхъ, какой связывался съ ввозомъ книгъ, стоило только для самыхъ пикантныхъ вещей. то строгость мѣръ была причиной, что изъ всѣхъ литературныхъ произведеній приходили въ имперію только такія, по поводу которыхъ запрещеніе и было главнымъ образомъ сдѣлано. Нѣкоторые букинисты, въ числѣ которыхъ были также и эмигранты, занимались этимъ опаснымъ, но прибыльнымъ промысломъ, съ неслыханною смѣлостью. Ихъ склады были извѣстны почти всякому, и однако не нашлось ни одного доносчика. (стр. 172—3).

[20]) Арх. Св. С., 1802. 363; 1804, 425.

[21]) Тамъ-же 1808, 983.

опытамъ западной апологетики. Но здѣсь-то собственно и начинался для цензуры рядъ сомнѣній, центромъ котораго было „благонравіе“.

Основательная полемика предполагаетъ, конечно, безпристрастное изложеніе взглядовъ противника. И вотъ, именно это изложеніе смущало цензуру, рисовало ей пагубныя послѣдствія для слабыхъ читателей и приводило ее нерѣдко къ отрицательнымъ заключеніямъ. Въ качествѣ примѣра, слѣдуетъ отмѣтить ходъ мыслей въ цензурномъ отзывѣ о книгѣ: „Историческое и догматическое изслѣдованіе о истинной религіи“ (переводъ съ французскаго іеромонаха І. Величковскаго). Авторъ, говоритъ цензоръ, имѣлъ, повидимому, цѣлью защиту истины христіанства чрезъ опроверженіе заблужденій разныхъ вѣковъ. Однако, собранныя въ книгѣ весьма нелѣпыя и богохульныя положенія всѣхъ безвѣровъ и вольнодумцевъ, столь пространно и слово въ слово изъ книгъ ихъ выписанныя и составляющія наибольшую часть сочиненія, могутъ породить въ умахъ слабыхъ великія сомнѣнія и посѣять въ сердцахъ пагубный развратъ невѣрія, какъ самый опытъ безчисленные тому представляетъ примѣры. Цѣлая куча вольнодумческихъ умствованій, не имѣя удовлетворительныхъ возраженій, безъ сомнѣнія, болѣе займетъ вниманіе, нежели сдѣланные на нихъ отвѣты [22]).

Но, если заботливостью объ умахъ „слабыхъ“ читателей цензура могла еще обосновать свое отрицательное отношеніе къ изданію слабыхъ же произведеній, то далеко не для всѣхъ былъ убѣдителенъ этотъ доводъ при цензурѣ своего рода классическихъ опытовъ западной полемики съ антихристіанствомъ.

То были произведенія, которыя, не смущаясь, ставили на вѣсы критики важнѣйшія истины религіи, безпристрастно выдвигали современныя возраженія и давали солидные выводы въ блестящей иногда формѣ (Іерузалемъ). Писанныя же нерѣдко лицами, въ своей душѣ пережившими XVIII вѣкъ, они со всею жизненностью изображали весь процессъ мучительной борьбы вѣры и разума и естественно отливались въ форму діалога между ярымъ вольнодумцемъ и благочестивымъ монахомъ (Торжество Евангелія»). Но, въ свою очередь, составленныя въ пылу увлеченія, они не щадили многаго, особенно того, чего и нельзя было защищать, напримѣръ, многихъ крайностей и наслоеній католичества. Становясь же на почву исторіи, авторы этихъ сочиненій дѣлали частичныя уступки, допускавшія, при логическомъ развитіи, выводы, «противные христіанской религіи». Словомъ, по наглядному опредѣленію цензора спб духовно-цензурнаго комитета Иннокентія (Смирнова), это были книги, которыя можно уподобить сильно дѣйствующему лѣкарству: оно можетъ быть

[22]) Тамъ-же 1806, 16.

полезно, ежели употребить противъ той болѣзни, для которой приготовлено, но можетъ только усилить болѣзнь, если употребится не въ той болѣзни, для которой приготовлено [23]).

Люди, сильные духомъ, обращавшие вниманіе главнымъ образомъ на положительныя достоинства такихъ книгъ и на запросы времени, принимали ихъ подъ свою защиту, проводили, при неудачѣ въ одной, чрезъ другую, даже третью цензуру и съ успѣхомъ издавали ихъ. Но московская духовная цензура, болѣе всего размышляя о вредѣ такихъ книгъ для благонравія, поступала иначе. Вскользь упоминая въ первой половинѣ уступительнаго періода о «превосходныхъ качествахъ творенія, его краснорѣчіи, увлекательности, способности заманить всякаго къ чтенію ея», цензура всю вторую половину посвящала на разоблаченіе скрывающагося въ томъ же твореніи «подслащеннаго яда, могущаго прельщать простодушныхъ христіанъ»,—на указаніе «пагубныхъ умствованій относительно многихъ откровенныхъ истинъ и принадлежностей христіанской религіи» [24]).

И, чѣмъ дальше, тѣмъ пессимистичнѣе стала смотрѣть московская цензура на такое заимствованіе съ запада обоюдоостраго оружія. Въ одномъ отзывѣ она такъ выражаетъ свою точку зрѣнія: «умноженіе подобныхъ книгъ, съ французскаго языка переводимыхъ, вольностью и дерзостью дышущихъ, не можетъ ничего добраго предвѣщать для истинной христіанской религіи [25]).

Произведенія, въ которыхъ выражалось мистическое движеніе, прошли, какъ и все оно, мимо духовной цензуры. Впрочемъ, нѣкотораго зондированія здѣсь почвы со стороны ревнителей движенія отрицать нельзя. По крайней мѣрѣ, едва-ли безъ какого-либо намѣренія въ 1802 году извѣстнымъ мистикомъ И. Лопухинымъ была прислана въ цензуру библія на нѣмецкомъ языкѣ съ слѣдующею надписью: «Въ библіотеку московской духовной цензуры, изъ усердія къ распространенію внутренняго царства Господня въ душахъ, для обращенія на пользу онаго основательнымъ изъясненіемъ слова Божія, въ книгахъ св. писанія откровеннаго, сію библію въ шести томахъ подарилъ сенаторъ Ив. Лопухинъ. 15 марта 1802 г.» [26]).

Принявъ даръ съ чувствомъ благодарности, какъ сказано въ протоколѣ, цензура не сдѣлалась, однако, сообщницей сенатора по распространенію внутренняго царства Господня въ душахъ. «Трактовать только о внутреннемъ христіанствѣ» она считала вреднымъ для благочестія и благонравія [27]). «Мнѣнія, свойственныя только сему роду христіанъ, которые Масонами, Марти-

[23]) Чистовичъ И. Руководящіе дѣятели дух. просв. (изд. 1894), стр. 130.
[24]) Арх. Св. С., 1807, 293.
[25]) М. Д. Ц. 1806, 7.
[26]) Тамъ же. 1802. 9.
[27]) Тамъ же. 1802, 19.

нистами и Гренгутами именуются», почитала «весьма соблазнительными» [28]). И, вѣроятно, именно московскую цензуру имѣлъ въ виду упомянутый Ив. Лопухинъ, когда писалъ гр. А. К. Разумовскому такія горячія строки: «Въ духовную цензуру не отдамъ, для того, что это бы все равно было, какъ въ огонь манускриптъ бросить. Она, между нами сказать, только прилежно смотритъ, чтобы какъ-нибудь не пробился духъ благій въ сердце. Нынѣ уже за что хватилась: не только того не пропускать, что, по ея недостаточному, превратному или ложному понятію о истинной духовности, кажется противнымъ, но что—де бы можно и хорошо, да свѣтскимъ писано, а это—де бы намъ писать, такъ это намъ безчестіе,—не пропустимъ. Вотъ какая жалость!» [29]).

г) Въ своемъ знаменитомъ проектѣ секретной инструкціи цензурнымъ комитетамъ Магницкій, отыскивая законные поводы къ запрещенію возможно большаго числа произведеній, между прочимъ писалъ: «къ запрещенію часто можно найти предлогъ въ неисправности самаго слога и тому подобномъ» [30]).

И, если бы не существовало въ началѣ XIX вѣка особыхъ причинъ усиленія неисправности слога и нарушеній чистоты языка, можно бы было счесть большинство духовно-цензурныхъ отзывовъ за сплошной, лишь болѣе или менѣе удачно замаскированный, подкопъ подъ авторскую и издательскую дѣятельность, по рецепту, формулированному потомъ Магницкимъ. Такъ часто встрѣчается въ нихъ ссылка на требованія „литературы", и такъ часто наскакивали на этотъ камень труды авторовъ, подвергаясь разнаго рода аваріямъ.

Но достаточно вспомнить радикала въ филологическихъ вопросахъ Карамзина и консерватора А. С. Шишкова, чтобы сразу представить особенности данной эпохи въ развитіи нашего языка. Борьба ихъ направленій, защита иностраннаго вліянія на русскій языкъ одними и противопоставленіе ему богатствъ и исключительнаго главенства славянскаго языка другими, судорожный трепетъ школьной схоластики, все это создавало зыбкую филологическую и литературную почву, съ немалымъ просторомъ для личныхъ мнѣній.

И, будь у московской цензуры менѣе спеціальный кругъ дѣятельности, она должна бы была опредѣлить свой взглядъ, напримѣръ, на „важность и достоинство слога". Однако, прежде и чаще всего цензурѣ приходилось просто встрѣчать предъ собою литературныя произведенія, написанныя далеко на литературно и даже не справлявшіяся съ требованіями грамматики.

[28]) Тамъ же. 1806, 17.

[29]) Русская Стар. 1895, I, 76. Н. Дубровинъ; Наши мистики-сектанты. Примѣч. 2. Письмо отъ 22 августа 1812 г.

[30]) Сухомлиновъ. Матеріалы для исторіи просвѣщенія, въ ц. Александра I, ч. III, стр. 70 (Изд. 1866 г.).

Ослабленіе цензурныхъ строгостей въ началѣ XIX вѣка и разрѣшеніе учреждать типографіи на правахъ „прочихъ фабрикъ и рукодѣлій“ усилили издательскую дѣятельность. [31]) Не было здѣсь недостатка и въ промышленникахъ, которые безъ разбора предавали печатному станку произведенія ремесленниковъ или сами сочиняли компиляціи изъ прежнихъ книгъ, хотя бы устарѣвшихъ и далеко отставшихъ отъ вѣка. Большинство такихъ изданій, даже „относящихся къ вѣрѣ и святости“, правда, прошло мимо духовной цензуры и синодальныхъ типографій. И лишь тѣ изданія, самыя заглавія которыхъ слишкомъ ясно указывали на характеръ ихъ содержанія, чаще считались съ мнѣніемъ „церковной цензуры“.

Таковы, напримѣръ, были слѣдующіе шедевры богословія: „Θеософія, или Богомудрость“; „Испытаніе двухъ истинъ, полезнѣйшихъ человѣческому роду: о началѣ человѣка и воскресеніи мертвыхъ“; Ключъ къ познанію истинныхъ совершенствъ или догматовъ греко-россійской церкви“,—де-Бодана, и т. п. [32]).

Чтобы имѣть ключъ къ познанію истинныхъ литературныхъ совершенствъ такихъ произведеній и убѣдиться въ мотивахъ ихъ писателей, неизлишне привести съ буквальною точностью отрывокъ изъ прошенія упомянутаго де-Бодана на имя митрополита Амвросія (съ посвященіемъ и приложеніемъ рукописи): „Всепреосвященнѣйшій Владыко. Гремящѣй по всюду слухъ! О великости Души: и о не усыпномъ наблюденіи и попеченіи въ переніи благоустроиста закона. Не токмо, чтобы распространялось въ предѣлахъ ввѣренныхъ В. В-ству? Но івълиало наислатчайшія ручьи своя! даже до дальнѣйшихъ предѣловъ Россіи. Но что еще рещи! Коснулось ізтоками даже до хижины посѣдѣвшаго старца, которой посвятивши лутчія свои лѣта службе, будучи во многихъ походахъ, штурмахъ, Атакахъ, і сраженіяхъ отъ врѣменъ В. Елизаветы, чрезъ сорокошестилѣтнее пребываніе! Нынѣ проживать долженъ съ беднымъ своимъ семѣйствомъ въ наибедственнѣйшемъ состояніи, неимѣя протекціи“... [33]).

Прошенію соотвѣтствовало и произведеніе, и если не во всемъ своемъ объемѣ представляло такой ужасный литературный видъ, то лишь потому, что, при изложеніи догматовъ, авторъ благоразумно ограничился почти дословною перепиской символа вѣры и „изложеній вѣры“, содержащихся въ „слѣдованной псалтири“.

Въ виду такого безотраднаго положенія многихъ рукописей въ стилистическомъ и грамматическомъ отношеніи, а также въ силу напоминаній синода о исправности издаваемыхъ книгъ и

---

[31]) П. С. Зак., XXVII, 20. 139.
[32]) Арх. Св. С.. 1802, 363; 1803, 274; 1804, 425.
[33]) Арх. Св. С., 1803, 274.

съ литературной стороны, [34]) члены цензуры не всегда могли уклониться отъ роли справщиковъ и корректоровъ. Рукописи, не совсѣмъ безнадежныя, они „исправляли въ словахъ и цѣлыхъ выраженіяхъ». Тогда, конечно, и „синтаксическое сочиненіе, риторическія раздѣленія и надлежащая идеѣ сообразность“ являлись предметомъ вниманія и заботливости цензуры... [35]). Обыкновенно же, поручая дѣло исправленія самимъ авторамъ, она дѣлала затѣмъ новую провѣрку.

Что касается болѣе идейныхъ соображеній, которыми могла руководиться цензура, разсматривая сочиненія сквозь призму „литературы“, то вотъ нѣсколько данныхъ для ихъ характеристики.

Въ 1844 г. митрополитъ Филаретъ, упрекая московскій духовно-цензурный комитетъ за пропускъ выраженія «малодушные и невѣжественные возгласы» (въ „твореніяхъ св. отецъ“), писалъ прот. Ѳ. Голубинскому: возгласъ слово словенское и за двадцать лѣтъ предъ симъ оно не встрѣчалось нигдѣ, какъ только въ служебникѣ, гдѣ оно означаетъ славословіе, громко произносимое священникомъ послѣ тайной молитвы. Недавно возникъ вкусъ смѣшивать чистое съ грязнымъ и небесное съ адскимъ, и тогда священное слово кощунственно приложили къ нелѣпымъ восклицаніямъ. И отецъ Петръ (Делицынъ—членъ комитета), будучи священникомъ, этому подражаетъ. [36]).

Какъ видно уже и отсюда, охраненіе священнаго употребленія извѣстныхъ словъ и вообще „достоинства языка“, сообразно важности предметовъ, во времена московской цензуры еще не могло быть дѣломъ сознательнымъ. И если она, при случаѣ, не допускала славянскихъ словъ до паденія въ низменныя сферы, [37]), то все же правильнѣе видѣть здѣсь дѣйствіе традиціи, чѣмъ политики. Только въ высшихъ церковныхъ кругахъ можно отмѣтить уже нѣкоторый обмѣнъ мнѣній, по поводу отношенія россійскаго нарѣчія къ славянскому. Но чего-либо опредѣленнаго и здѣсь не было.

Если, напримѣръ, А. Шишковъ, въ „Опытѣ славянскаго словаря“, доказывалъ, что, хотя „нынѣ въ новѣйшемъ слогѣ слово „благодать“, мало употребляютъ, но забывать или стѣснять смыслъ знаменательныхъ словъ есть уменьшать богатство языка и лишать себя способовъ величаво и сильно изъясняться на ономъ“, то точка зрѣнія митрополита Амвросія и епископа Ѳеофилакта была другая .. „Въ свѣтскихъ матеріяхъ, возражали они, слово сіе никогда не должно быть употребляемо, а богословы,

---

[34]) М. Д. Ц. 1814, 9.

[35]) Арх. Св. С.. 1810, 985, 1803, 609.

[36]) Отчетъ СПБ. публ библіотеки, 1888, Прибавл., стр. 8.

[37]) Таковы, напр., рецензіи архим. Владиміра, М. Д. Ц. 1809, 17. Геннадія — 1807, II.

проповѣдники и вообще всѣ нравоучители церковные изъясняются онымъ по приличію и по надобности»[38]). Но, съ другой стороны, тотъ же митрополитъ Амвросій одобрилъ апрѣльскую книжку Сіонскаго вѣстника (за 1806 г.). Между тѣмъ, въ ней вся пятпадцатая глава перваго посланія къ коринѳянамъ передана чисто русскимъ языкомъ, что для того времени являлось нововведеніемъ[39]).

Впрочемъ, можетъ быть, именно то обстоятельство, что цензура не посвящена была въ тонкости поднявшихся споровъ о языкѣ, помогло ей сохранить одну весьма цѣнную черту. Заслуживаетъ упоминанія ея бережное, не проникнутое ригоризмомъ, отношеніе къ опытамъ болѣе доступнаго изложенія христіанскаго вѣроученія. Она соглашалась, что многія «церковныя учрежденія», хотя и имѣютъ свои основанія въ церковныхъ книгахъ (напримѣръ, въ твореніяхъ св. отцевъ, чет.-минеяхъ и проч.), однако мертвы, непонятны для лицъ, незнающихъ славянскаго языка, а тѣмъ болѣе предубѣжденныхъ противъ него. И вотъ, одобряя къ печати сравнительно низкопробныя произведенія, цензура полагала, что уже своимъ появленіемъ они могли заинтересовать „пересмѣхающихъ и потомъ привести ихъ въ увѣреніе“ [40]). Съ негодованіемъ также осуждая на архивное тлѣніе рукописи, „писанныя такимъ штилемъ, каковой обыкновенно употребляется въ русскихъ сказкахъ, которыя простолюдины пересказываютъ другъ другу отъ самыя непросвѣщенныя древности“, цензура не смѣшивала съ нимъ общепонятности изложенія [41]). Даже „Краткой христіанской богословіи“ іеромонаха Ювеналія цензура прямо ставитъ въ заслугу простоту ея „штиля и выговора, что можетъ послужить для простыхъ читателей къ болѣе легкому усвоенію изложенныхъ въ ней правилъ христіанской жизни“ [42]).

Руководясь тѣми же интересами читателей, цензура нерѣдко многое прощала сочиненіямъ, если видѣла въ нихъ „задушевное изложеніе, чувствованія благочестивыя и прекрасныя выраженія“, хотя этотъ субъективизмъ и не всегда одобрялся синодомъ [43]).

Почти тѣми же взглядами руководилась цензура и при опредѣленіи литературныхъ достоинствъ сочиненій, переведенныхъ съ иностранныхъ языковъ. Цензура не всегда требовала отъ переводчиковъ рабскаго копированія подлинниковъ. „Отмѣнной похвалой“ наградила она одного переводчика, когда оказалось,

---

[38]) Арх. Св. С. 180,8 968.
[39]) Сіон. В. 1806 г , апрѣль, стр. 8-14.
[40]) Арх. Св. С., 1808, 174.
[41]) Тамъ же, 1802, 55.
[42]) Тамъ же, 1804, 905.
[43]) Тамъ же, 1806, 231.

что онъ перевелъ не все слово въ слово, но. насколько возможно, старался извлечь изъ нея „самое полезнѣйшее и разительнѣйшее, сохраняя свойство и чистоту русскаго языка“ [44]).

Иная участь постигала, конечно, переводы, авторы которыхъ брались за дѣло, не имѣя достаточныхъ свѣдѣній ни въ родномъ, ни въ иностранныхъ языкахъ. Особенно легко запутывались такіе переводчики въ сѣтяхъ высокаго штиля нѣмецкаго языка, когда весь переводъ ихъ превращался въ сплошную безсмыслицу и сдавался въ архивъ [45]).

Впрочемъ, какъ было замѣчено при характеристикѣ «благонравія», и въ красивомъ, витіеватомъ слогѣ цензура подозрѣвала иногда подслащенный ядъ. Отсюда и безразличные сами по себѣ термины могли возбуждать нѣкоторый ея фанатизмъ, разъ она видѣла въ нихъ лазейки „для вторженія пагубныхъ мыслей“. Въ такихъ случаяхъ она предъявляла переводчику требованіе очистить свой трудъ отъ иностранныхъ и новыхъ, особенно французскихъ, терминовъ, какъ, напримѣръ: „организовать конституцію“, „характеристика іудея“, „религіозныя истины“, „революція міра“, „нравственный правитель міра“, признавая ихъ нетерпимыми въ духовной книгѣ, даже въ видѣ нѣкоторой прикрасы перевода [46]).

Анализъ „литературы“, какъ одной изъ цензурныхъ точекъ зрѣнія, далъ уже довольно широкое спектральное поле. Тѣмъ не менѣе, нужно указать еще одинъ—самый крайній и рѣдкій уголъ преломленія. Неожиданный, если исходить изъ представленія о собственно-цензурномъ учрежденіи, онъ вполнѣ понятенъ въ московской цензурѣ, какъ одинъ изъ ея пережитковъ. Въ извѣстныхъ случаяхъ цензура обязана была устанавливать подлинность разсматриваемаго ею произведенія. Такъ именно было съ неизданными дотолѣ проповѣдями св. Димитрія ростовскаго и Стефана Яворскаго.

Въ первомъ случаѣ, св. синодъ прямо предписалъ цензурѣ изложить доказательства подлинности найденныхъ словъ. И цензура обстоятельно сообщила, какъ внѣшніе, такъ и внутренніе признаки, подтверждавшіе принадлежность проповѣдей святителю. Признаны онѣ подлинными, рапортовала она, какъ по совершенно однообразному слогу и фразамъ, находящимся въ изданныхъ уже его сочиненіяхъ, такъ и по согласію съ духомъ, которымъ проникнуты послѣднія, наконецъ, даже по самому порядку расположенія словъ. Сверхъ того, и найдены онѣ были въ домашней библіотекѣ Сыромятникова, между рукописными твореніями

---

[44]) Арх. Св. С 1804, 149.
[45]) Тамъ же, 1804, 394 и 434.
[46]) Тамъ же, 1807, 293.

св. Димитрія. Синодъ, по справкѣ съ прежними сходными случаями (1782 и 1785 г.г.), дозволилъ изданіе этихъ словъ[47]).

Во второмъ случаѣ, цензура поставила вопросъ о подлинности словъ Стефана Яворскаго уже по собственной иниціативѣ, хотя и не могла дать окончательнаго рѣшенія. Соглашаясь, что по стилю онѣ соотвѣтствуютъ началу XVIII вѣка, и, по своему полемическому содержанію, могутъ быть приписаны Яворскому (на что указывала и надпись, позднѣйшаго, правда, времени), цензура, тѣмъ не менѣе, уклонилась отъ признанія ихъ, по однимъ этимъ доводамъ, за безусловно подлинныя его произведенія. Впрочемъ, на этотъ разъ не смѣшивая роли ученаго критика и своей собственной, цензура добавила: чьи бы эти рѣчи подлинно ни были,—въ виду того, что по содержанію онѣ истинны, нужны и полезны для христіанъ, онѣ должны быть напечатаны, хотя и съ исключеніями. [48])

При учрежденіи московской цензуры, первымъ избранникомъ синода на должность ея устроителя и предсѣдателя оказался ректоръ московской академіи Евлампій (Введенскій). Будучи ректоромъ академіи, Евлампій, конечно, имѣлъ дѣло съ разсматриваніемъ сочиненій[49]). На основаніи этого, вѣроятно, и составилось мнѣніе относительно его пригодности къ занятію должности предсѣдателя цензуры. Кромѣ того, надѣляя его особыми полномочіями при выборѣ лицъ, достойныхъ принятія въ составъ цензуры[50]), синодъ, очевидно, намѣренъ былъ въ Евлампіи возглавить цензуру, сдѣлать его объединителемъ трудовъ ученой корпораціи. Члены цензуры—монахи, уже, впрочемъ, по самому обитанію въ донскомъ монастырѣ, обязывались имѣть къ Евлампію „подобающее отношеніе, яко настоятелю того монастыря“ [51]).

Какъ бы то ни было, синодъ, почтивъ Евлампія новымъ званіемъ, счелъ необходимымъ освободить его отъ академической службы, „ибо, разъяснялъ онъ, при сей должности вы уже не можете исправлять по академіи надлежащимъ образомъ званія ректора“... И, можетъ быть, дѣйствительно, участіе въ цензурѣ, согласно мысли проекта 1799 года, требовало исключительнаго сосредоточенія силъ. Но Евлампій, по характеру нѣсколько строптивый, имѣя при себѣ трехъ сотрудниковъ, не отличался

---

[47]) Арх. Св. С., 1802, 398.
[48]) Тамъ же, 1803, 609.
[49]) М. Д. Ц., 1799, 10.
[50]) А. С. С. 1799, 52, л. 20. На дѣлѣ, однако, ни одинъ изъ рекомендованныхъ Евлампіемъ кандидатовъ не былъ утвержденъ синодомъ ср , л.л. 51—54.
[51]) М. Д. Ц. 1799, 7; А. С. С., 1799, 52, л. 54 об.

особенною чуткостью къ напоминаніямъ синода объ „общемъ трудѣ председателя и членовъ". За все время своего пребыванія въ цензурѣ, онъ не оставилъ ни одной строки—собственнаго ли перевода, или рецензіи о чужихъ сочиненіяхъ. Зато тѣмъ загадочнѣе была его роль для сторонняго взгляда, и авторы съ почтительнымъ страхомъ смотрѣли на высокопоставленнаго председателя „Мудраго ученыхъ упражненій Судилища". Рязанскій архіепископъ Симонъ Лаговъ, прежде отправленія въ цензуру своего сочиненія о расколѣ, считалъ необходимымъ „напередъ облобызать уста, очи и руцѣ" первенствующаго цензора [52]). Всякій знакъ вниманія Евлампія, хотя бы, въ сущности, чисто оффиціальнаго характера, принимался, какъ „неоцѣненная милость дражайшаго друга и благодѣтеля" [53]). Могли ли на такой почвѣ развиваться простыя, довѣрчивыя отношенія авторовъ къ новоучрежденной комиссіи,—объ этомъ говорить не приходится.

Въ 1801 году Евлампій былъ назначенъ, не безъ удара для своего самолюбія, епископомъ архангельскимъ[53a]), а званіе председателя было предоставлено члену цензуры архимандриту В и к т о р у.

Послужной списокъ Виктора на вопросы: „изъ какой націи?" и «изъ какихъ чиновъ?» даетъ отвѣты: изъ малороссіянъ, сынъ прот. Антонія Прокоповича, изъ малороссійскихъ дворянъ". По окончаніи курса въ кіевской духовной академіи, принялъ монашество и съ этого времени, до назначенія въ 1791 г. настоятелемъ церкви при московскомъ университетѣ, проходилъ съ отличіемъ разныя должности: обучалъ въ кіевской академіи многіе классы, былъ академическимъ библіотекаремъ и казначеемъ, состоялъ четырнадцать лѣтъ проповѣдникомъ. Въ 1809 г., при увольненіи, по слабости зрѣнія, отъ должности цензора, „для обезпеченія останка дней его, высочайше пожалованъ ему полный пенсіонъ по званію настоятеля монастыря". Скончался въ 1825 г. [54]).

Указъ, данный при опредѣленіи Виктора на должность председателя цензуры, говоритъ о его извѣстной къ этому способности и о знаніи имъ наукъ [55]). На самомъ дѣлѣ, какъ нельзя приписывать Виктору какой-либо отмѣнной способности къ цензорству, такъ нельзя ручаться и за солидность его научнаго образованія. Оставшіяся послѣ него проповѣди и катехизическіе труды, не предназначавшіяся, впрочемъ, имъ къ печати,—носили

---

[52]) М. Д. Ц. 1801, 5; ср. 1814, 30.

[53]) Тамъ же, 1800, 14.

[53a]) Письма Платона къ пр. Амвросію, стр. 55 (изд. 1870 г.).

[54]) М. Д. Ц., 1805, 14; 1809, 23. М. Платонъ выразилъ свой взглядъ на Виктора въ лаконическомъ, но едвали справедливомъ отзывѣ: «проискивать не неспособенъ». Письма къ пр. Амвросію, стр. 54.

[55]) М. Д. Ц. 1801, 17.

безыскусственный характеръ и даже, въ нѣкоторой части, оказались слово въ слово заимствованными изъ Арндта и другихъ писателей [56]). Проповѣдь его отъ 1796 года, на тему о существованіи въ каждомъ человѣкѣ семи бѣсовъ, въ свое время надѣлала было шуму въ Москвѣ [57]).

При всемъ томъ, однако, слѣдуетъ особенно подчеркнуть, что Викторъ любилъ книгу и охотно завязывалъ близкія сношенія съ лицами различныхъ убѣжденій. Еще будучи въ Кіевѣ библіотекаремъ академіи, онъ устраивалъ у себя маленькія собранія студентовъ, гдѣ читались новости изъ періодическихъ изданій и сочиненія избранныхъ авторовъ. Такія же собранія, съ участіемъ профессоровъ, происходили у него и въ Москвѣ, гдѣ на гражданской службѣ (между прочимъ, и въ цензурѣ) состояли два его брата,—третій былъ студентомъ [58]).

Жизнь въ университетѣ и постоянный обмѣнъ впечатлѣній въ значительной степени развили въ Викторѣ терпимость и снисходительность къ чужимъ мнѣніямъ,—качества, которыя онъ попытался было проявить, сначала въ роли члена, а потомъ и предсѣдателя цензуры.

Въ противоположность Евлампію, Викторъ отличался большею доступностью и популярностью. Отсюда, даже тѣ письма, гдѣ онъ называется «любителемъ музъ», «великимъ отцомъ», «священною особою», гдѣ содержатся отзывы о его «благоснисхожденіи, уваженіи къ сочинителямъ, вкусѣ, разборчивости» [59]), проникнуты, кажется, большею искренностью, чѣмъ, напримѣръ, цитированное письмо Симона Лагова къ Евлампію

Тѣмъ не менѣе, свою благосклонность и терпимость Викторъ обнаружилъ, главнымъ образомъ, въ первое время своего цензорства, когда онъ, въ качествѣ рядового члена цензуры, разсматривалъ сочиненія и давалъ свой собственный «судъ, или мнѣніе». Тогда лишь отжившія произведенія схоластики подвергались его безжалостной, уничтожающей критикѣ. Очень характеренъ, напримѣръ, его отзывъ о нѣкоей «священной риторикѣ». Въ ней, пишетъ Викторъ, много хорошаго и полезнаго, но несравненно болѣе вздорнаго, маловажнаго, ни съ разсудкомъ, ни со словомъ Божіимъ несообразнаго, что впослѣдствіи можетъ оказаться для читателей весьма вреднымъ и для Церкви Божіей постыднымъ. Хорошо только то, что много приводится мѣстъ изъ священнаго писанія и св. отцевъ. Но эти слова и изрѣченія, приспособленныя, можно сказать, безъ толку и отрывочно къ школьнымъ дефиниціямъ троповъ и фигуръ, ихъ раз-

---

[56]) Арх. М. Д. Ц. 1831, 33.
[57]) Русск. Арх. 1874, тетрадь 6, Записки Ильи Ѳ. Тимковскаго», стр. 1432
[58]) Тамъ же, стр 1413—14, 1424.
[59]) М. Д. Ц. 1804, 9; 1809, 9; 1802, 23.

дѣленіямъ и подраздѣленіямъ, рождающимъ скуку и отвращеніе у всѣхъ благомыслящихъ,—суть мелкія жемчужины, разбросанныя по разнымъ мѣстамъ, или брошенныя въ превеликую лужу, въ которой, кромѣ грязи, ничего не видно... Между тѣмъ, есть несравненно лучшія книги новѣйшихъ авторовъ, которые, примѣняясь ко вкусамъ и просвѣщенію новѣйшихъ временъ, пишутъ гораздо основательнѣе и болѣе разборчиво. Здѣсь же видна только школа, очень старая, набитая и чрезмѣрно увеличенная всякимъ вздоромъ. Цензура, кромѣ того, имѣетъ работы довольно по разсматриванію и исправленію книгъ лучшихъ, для церкви полезнѣйшихъ, нежели школьные вздоры [60]).

Послѣ этого достаточно привести нѣсколько фразъ изъ рецензіи Виктора на пастырское богословіе Гифштица, [61]) чтобы убѣдиться, куда клонились его симпатіи. При чтеніи, говоритъ онъ, я не могъ не примѣтить, что сочинитель—человѣкъ отличнаго просвѣщенія и примѣрнаго чистосердечія. Далѣе Викторъ восторгается предложенными въ сочиненіи правилами, исполняя которыя пастырь подлинно можетъ быть мудръ и таковъ, какимъ ему надлежитъ быть, какъ законоучителю, какъ священнику, какъ другу человѣчества, какъ нужному и полезному члену общества..., наконецъ, какъ доброму дѣлателю винограда Христова. Заключаетъ цензоръ свой отзывъ такъ: польза отъ чтенія, а тѣмъ болѣе отъ исполненія содержащагося въ книгѣ должна выйти очень ощутительною. Церковь всячески желаетъ пастырей благоразумныхъ, просвѣщенныхъ и добродѣтельныхъ. И, судя о книгѣ, я могу лишь ее одобрить, какъ выдающуюся и преполезную въ своемъ родѣ, достойную напечатанія и чтенія на россійскомъ языкѣ, дабы она могла быть обличительною и поучительною для нашего священства, въ которомъ доселѣ есть немалое число такихъ, которые не имѣютъ понятія о пастырствѣ духовномъ [62]).

Вообще, въ начальные годы своей службы Викторъ былъ щедръ съ своихъ рецензіяхъ на похвальные эпитеты: книга преполезна, довольно основательна, искусна, занимательна, обнаруживаетъ доброту души автора, для типографской казны прибыльна и т. д.[62a]).

Въ это время онъ высказывалъ и убѣжденіе, что всякая литература, въ частности и духовная, сама собою, „по общему всѣхъ вещей ходу“, [63]) способна прогрессировать. Ему именно принадлежитъ идея,—правда безрезультатная,—вызова, посредствомъ газетныхъ объявленій, лицъ, желающихъ принять участіе въ пе-

[60]) М. Д. Ц. 1800, 7.
[61]) Кстати, весьма неодобрительно встрѣченное м. Платономъ. См. Письма къ... Амвросію и Августину, стр. 69.
[62]) М. Д. Ц., 1799, 12.
[62a]) М. Д. Ц., 1800, 16, 17 и 18; 1801, 26.
[63]) М. Д. Ц., 1800, 4.

реводѣ полезныхъ для церкви книгъ. [64]). Еще интереснѣе попытка Виктора отступить отъ строгости цензурныхъ правилъ, въ пользу большей свободы пропуска книгъ въ печать. Разсмотрѣвъ „Начертаніе церковной исторіи“, свящ. І. Алексѣева, и кое что исправивъ, онъ докладываетъ общему собранію: за симъ не остается важныхъ резоновъ, по которымъ она не могла бы быть одобрена къ изданію на россійскомъ языкѣ. Ибо, хотя и есть въ ней нѣкоторыя повѣсти неимовѣрныя, но таковыми полны и другія историческія книги, слѣдовательно, этого и въ порокъ ей ставить нельзя, какъ книгѣ повѣствовательной, которой вѣрить или не вѣрить остается въ волѣ читателя. Переведена она на русскій языкъ хорошо и ничего противнаго указнымъ предписаніямъ не имѣетъ, а потому и слѣдуетъ ее представить въ св. синодъ съ одобреніемъ.

Но синодъ взглянулъ на дѣло иначе. Консервативный арх. ярославскій Павелъ, которому поручено было разсмотрѣніе книги, заподозрилъ ее въ протестантскомъ духѣ, нашелъ въ ней апологію дѣятелей реформы (Вальденсовъ, Виклефа, Гуса) и, въ общемъ, призналъ ее соблазнительною. Книга была сдана въ синодальный архивъ, а цензурѣ посланъ строгій выговоръ. Такъ какъ, внушалъ синодальный указъ, цензура въ своемъ рапортѣ доносила, что въ „начертаніи“ нѣтъ ничего противнаго..., между тѣмъ, по свидѣтельству синодальнаго члена архіепископа Павла, оказались въ ней вышеупомянутыя погрѣшности и непозволительности, и, слѣдовательно, цензура, отступая отъ прямой своей обязанности, крайне неосмотрительно ее одобрила, то, сдѣлавъ объ этомъ цензурѣ замѣчаніе, подтвердить ей строжайше, чтобы она впредь во свидѣтельство книгъ входила со всею подробностью, вниманіемъ и осторожностью, и съ лучшею осмотрительностью одобряла бы къ изданію книги такія только, которыя совершенно ни малѣйшей противности не заключаютъ въ себѣ даннымъ предписаніямъ, а въ противномъ случаѣ предсѣдатель и члены, яко не по прямому смыслу исполняющіе сіи ихъ должности, неизбѣжно будутъ отвѣтствовать и подвергнутъ себя всей строгости законовъ. [65]).

Угроза подѣйствовала, и Викторъ, особенно послѣ назначенія предсѣдателемъ цензуры, сталъ осторожнѣе. Сохранилась даже резолюція, гдѣ высказана имъ крайне суровая точка зрѣнія. Не соглашаясь съ однимъ снисходительнымъ мнѣніемъ своихъ товарищей, Викторъ поучалъ ихъ: ибо то не резонъ для духовной цензуры, что цензура гражданская подобныя книги печатать дозволяла, а, можетъ быть, и теперь позволяетъ. Духовная цензура, имѣя ясныя предписанія, ни чертой не можетъ отступить

---

[64]) М. Д. Ц., 1799, 5.
[65]) М. Д. Ц., 1800, 12.

отъ нихъ ни для какихъ примѣровъ, Ея цѣль—выпускать книги въ печать полезныя для церкви, а прибыли книгопродавцевъ или ихъ знакомство совсѣмъ для нея должны быть дѣломъ постороннимъ. [66]),

Въ другой разъ, когда его подробный отрицательный отзывъ о брошюрѣ „Утѣшеніе дщери іудейской“ не встрѣтилъ поддержки среди другихъ членовъ, Викторъ сдѣлалъ такое замѣчаніе по адресу цензора Геннадія: „стыдно такъ писать мнѣнія,—тутъ ни того, ни другого не сказано,—забывъ, что другъ міра, а особливо монахъ, врагъ Божій бываетъ“. [67],

Но, мала по малу, и самому Виктору пришлось сойти на почву компромиссовъ, не утверждая категорически „ни того, ни другого“. Типичнымъ примѣромъ можетъ служить его рецензія на переводъ „разсужденія о важности чина священническаго“, св. Амвросія медіоланскаго. Возвращая рукопись для пересмотра, Викторъ поручаетъ переводчику „выраженія, колкія для епископовъ, по возможности смягчить, отнюдь, однако, не отступая отъ силы смысла св. Амвросія, дабы, снисходя епископамъ, не унизить духа авторскаго, Св. Духомъ глаголавшаго».[68]).

Еще чаще склонялся Викторъ къ компромиссамъ при составленіи изъ отдѣльныхъ мнѣній цензоровъ доклада св. синоду,—что лежало на обязанности предсѣдателя. Въ такихъ случаяхъ, прочитавъ обыкновенно нѣсколько страницъ сочиненія, Викторъ или присоединялся къ чьей либо рецензіи, или старался изъ двухъ мнѣній состивить одно, или, наконецъ, умѣряя снисходительность членовъ „къ дерзкорѣчивому, малосмысленному, дерзкословному автору“, составлялъ докладъ въ нѣсколько фальшивомъ тонѣ, что не безполезно-де напечатать, «буде то Св. Правит. Синоду благоугодно». [69]).

Въ послѣдніе годы своей службы въ цензурѣ Викторъ былъ уже въ значительной степени проникнутъ пессимизмомъ. Подозрительнѣе сталъ онъ относиться къ переводамъ съ иностранныхъ языковъ, находя, что «умноженіе подобныхъ книгъ, вольномысліемъ и дерзостью дышущихъ, не можетъ ничего добраго предвѣщать для истинной христіанской религіи.[70]) Противъ случайно попадавшихъ въ цензуру мистико-масонскихъ сочиненій, онъ находилъ цѣлесообразнымъ принимать мѣры слишкомъ примитивнаго характера: „обвернувъ въ бумагу и запечатавъ,—хра-

---

[66]) М. Д. Ц., 1802, 22.
[67]) М. Д. Ц., 1803, 17.
[68]) М. Д. Ц.. 1805, 7.
[69]) М. Д. Ц., 1808,
[70])) А. С. С., 1806, 16; ср. М. Д. Ц., 1806, 7; 1807, 11.

нить въ архивѣ, дабы оная никѣмъ не была читана, яко соблазнительная». [71])

Вообще Викторъ, при всей своей благожелательности, не обладалъ достаточной силой и твердостью характера. Впрочемъ, очень возможно, что, въ случаяхъ житейскихъ коллизій, даже уступая имъ, онъ оставался вѣренъ себѣ,—слѣдуя тому правилу, которымъ онъ ободрялъ своего земляка Тимковскаго: Не скорбите... Во всемъ есть духъ Божій: Не извѣстно, что было бы съ вами... Если въ намѣреніи встрѣчаются препятствія, не усиливайтесь перемогать ихъ. Тамъ чаще бываетъ, что человѣкъ найдетъ себѣ гибель. [72])

1815 года, ноября 12 дня, отъ сторожа московской духовной цензуры поступилъ въ общее собраніе рапортъ о томъ, что „живущій въ оной цензурѣ вторый членъ, Благовѣщенскаго собора пресвитеръ Василій Іоанновичъ сего числа, въ 6 час. пополудни, по волѣ Божіей, скончался“. [73])

Общее собраніе членовъ поручило своей канцеляріи составить опись оставшагося имущества. И вотъ, эта посмертная опись, въ частности—каталогъ ста шестидесяти книгъ, нѣсколько помогаютъ выяснить обликъ пресвитера Иванова, втеченіе шестнадцати лѣтъ,—въ болѣе свѣтлую половину александровскаго царствованія, состоявшаго членомъ московской цензуры.

На первомъ планѣ въ описи стоятъ: Theologia dogm. Schubert'a (1749); Theol. moralis Buddei (1727), Philosophia Baumeisteri, Dialectica Aristot., Oeconomia salutis Euangel., и другія пособія, сохранявшіяся у В. Иванова, вѣроятно, отъ временъ ученія его въ рязанской семинаріи и московской академіи. Далѣе списокъ становится разнообразнѣе, напримѣръ: Лѣтопись св. Димитрія Р.; О истинномъ христіанствѣ; Нравы израильтянъ; Путешествіе китайскаго посланника; Политическое завѣщаніе де-Ришелье; Драгоцѣнная меду капля изъ камня—Христа; Начальныя основанія вексельнаго права; Христіанинъ въ уединеніи; Начала противъ безвѣрія; Загадочный міръ; Православное исповѣданіе; Риторика Ломоносова; Всеобщій секретарь, или письмовникъ; Краткій и всеобщій чертежъ наукъ; Существенное изображеніе естественныхъ народныхъ обществъ; Плоды уединенія; Натура и благодать и т. д.

Въ концѣ списка весьма кстати находится энциклопедія,—изд. 1763 г. Весь умственный багажъ этого члена цензуры былъ своего рода энциклопедіей, на основѣ, однако, Буддея и Баумейстера. Зная все, В. Ивановъ считалъ себя вправѣ категорически высказываться по вопросамъ и астрономіи, и философіи, и политики. [73]).

---

[71]) М. Д. Ц., 1806. 17.
[72]) Русск. Арх., 1874, Тетрадь 6, Записки И. Θ. Тимковскаго, стр. 1427.
[73]) М. Д. Ц., 1815, 16.

Что касается, въ частности, духовной литературы, то, собственно говоря, В. Ивановъ не вѣрилъ въ ея развитіе, не былъ твердо убѣжденъ и въ необходимости этого развитія. Неоднократно въ его рецензіяхъ встрѣчается сентенція: «и безъ сей книжки, при проповѣдуемомъ повсюду въ Россіи евангельскомъ ученіи, христіанское благочестіе около тысячи лѣтъ процвѣтаетъ», или: „христіанская церковь и безъ сего, многихъ погрѣшностей исполненнаго, сочиненія существуетъ и торжествуетъ осмнадесять вѣковъ и будетъ существовать до скончанія вѣка". [75])

По всякому вопросу онъ уже находилъ въ себѣ ту или иную привычную точку зрѣнія, и износилъ старое и новое въ своихъ рецензіяхъ. Онъ оживлялся въ тѣхъ случаяхъ, когда его отзыва требовали книги, содержавшія отзвуки того круга идей, которымъ жила духовная школа восемнадцатаго вѣка. Охотно онъ вступалъ въ подробную логомахію, по поводу какой-либо отжившей догматической онтологіи; съ нескрываемымъ удовольствіемъ разбиралъ проповѣди со стороны матеріи и формы, „по правиламъ священной риторики"; чувствовалъ величіе содержанія и красоты „изящныхъ богословіи докторовъ", наконецъ, безъ труда уличалъ и обличалъ заимствованія губернскихъ секретарей изъ ихъ твореній. [76])

Зато въ обратно пропорціональномъ ко всему этому отношеніи стояла чуткость Иванова къ запросамъ своего времени, а— тѣмъ болѣе—будущаго. Нечего и говорить, что онъ съ недовѣріемъ относился къ тому, что возвышало «растлѣнный человѣческій разумъ, и тѣмъ подавало поводъ къ вольномыслію и натурализму для мало просвѣщенныхъ». [77]) Книгъ съ подобнымъ содержаніемъ, какъ увѣрялъ самъ Ивановъ, онъ по совѣсти и должности своей не могъ одобрять. [78]) Внушала ему страхъ и „аглинская вольность" Іерузалема въ обращеніи съ повѣствованіями священныхъ книгъ, и „двусмысленности и ложныя ипотезы" мистицизма. Опасался также пресвитеръ, что случайная цитата изъ Тертулліана можетъ распространить и утвердить антропоморфическую ересь, между прочимъ, среди нашихъ раскольниковъ. И, смущаемый отовсюду грозившими призраками, цензоръ готовъ былъ ставить книгѣ въ заслугу уже то одно, если не было въ ней „защиты индифферентизма, синкретизма и вѣротерпимости. [79])

Однако, допуская, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ Ивановъ дѣйствовалъ съ полною, какъ онъ выражался, искренно-

---

[74]) М. Д. Ц. 1813, 34; 1804, 8; 1807, 26.
[75]) М. Д. Ц. 1810, 19; 1813, 36.
[76]) М. Д. Ц. 1804, 16 и 26; 1803, 16; 1808, 9; 1801, 29; 1805, 11.
[77]) М. Д. Ц. 1803, 15.
[78]) М. Д. Ц. 1813, 15.
[79]) М. Д. Ц. 1812, 17; 1810, 9, 1813, 19.

стью и чистою совѣстью, приходится наблюдать факты, гдѣ эти нравственные критеріи стоятъ подъ сомнѣніемъ. Онъ оказался способнымъ оцѣнку сочиненій ставить въ зависимость отъ своихъ личныхъ антипатій. Въ этомъ отношеніи интересны „дѣла“ о разсмотрѣніи имъ сочиненій и переводовъ московскихъ священниковъ І. Кандорскаго и І. Полубенскаго.

Кандорскій былъ въ свое время однимъ изъ немногихъ лицъ образованнаго духовенства, которые стремились бороться съ тогдашнимъ вольномысліемъ путемъ литературы. Своей спеціальностью онъ избралъ переводъ на русскій языкъ лучшихъ полемическихъ сочиненій французскихъ писателей. Сначала онъ имѣлъ возможность издавать свои труды съ одобренія гражданской цензуры, но, когда послѣдняя стала „отрекаться“ цензоровать его «нравственныя сочиненія», оказалось необходимымъ обратиться въ духовную цензуру. Здѣсь то и подстерегалъ его В. Ивановъ. Онъ считалъ какъ бы своимъ долгомъ, вопреки даже самымъ лестнымъ отзывамъ своихъ товарищей по цензурѣ, раскритиковать каждое изъ сочиненій Кандорскаго. Когда остальные члены признавали переводъ полезнымъ для церкви, Ивановъ отыскивалъ тамъ «любострастныя выраженія, фразы необдуманныя, положенія недоказанныя, примѣры соблазнительные и романическіе, подающіе наставленіе къ разврату» [80]) и т. д. Гдѣ они отмѣчали чистоту слога, ясность и пріятность изложенія, Ивановъ не стѣснялся называть переводъ весьма темнымъ, термины непонятными, конструкцію въ періодахъ неполною и безсмысленною, противною чистой и исправной литературѣ. [81]) Находя въ переводѣ свободу и живость доказательствъ, Ивановъ тотчасъ выступалъ съ особымъ мнѣніемъ, гдѣ доказывалъ, что всякая полемика и защита вѣры неизмѣнно должна слѣдовать такому шаблону.: 1) convictio, или убѣжденіе противника: долженствуетъ въ себѣ содержать его мнѣніе или ученіе, взятое изъ его сочиненій; 2) подлинный смыслъ и изъясненіе противничьей сентенціи; 3) противника о томъ доказательства, коими онъ утверждаетъ свое мнѣніе; 4) разсмотрѣніе по частямъ его доказательствъ, ихъ свойствъ, силы или слабости и связи съ предложеніемъ; 5) противуположное тому сужденіе или ученіе; є) принадлежащія къ тому вѣрныя и сильныя доказательства, съ опроверженіемъ противныхъ доказательствъ. Такимъ образомъ, заключалъ Ивановъ, убѣждается человѣкъ въ познаніи и принятіи истины и къ отриновенію своихъ погрѣшностей и заблужденія. Такимъ образомъ поступали Тертулліанъ и Лактанцій противу язычниковъ; Оригенъ противъ Цельса..., Кардиналъ Полиньякъ—противъ Люкреція. Послѣ такихъ предпосылокъ, вполнѣ естественно слѣ-

[80]) М. Д. Ц. 1807, 20.
[81]) М. Д. Ц. 1808, 22.

довало уже заключеніе: въ представленномъ убѣжденіи вольнодумца таковаго метода и служащихъ (къ сему) правилъ не видно;... сочиненіе сіе есть экстрактъ вольнодумства, сокращеніе всего того злотворнаго и пагубороднаго, о чемъ милліоны россійскихъ христіанъ не знали бы и не вѣдали..., а потому и издавать сію книжку не слѣдуетъ. [82])

Съ цѣлью успѣшнѣе набросить тѣнь на сочиненіе, пресвитеръ Ивановъ не брезгалъ даже подтасовками, въ чемъ и уличали его иногда преслѣдуемые имъ авторы. Напримѣръ, во фразѣ противораскольническаго сочиненія: „ежели кто все св. писаніе точію по буквальному начертанію просто и вещественно пріемлетъ,— сіе служитъ во вредъ и гибель душевную“,—цензоръ пропускалъ слово „точію“, условной мысли придавалъ утвердительный характеръ и достигалъ своей цѣли. Вообще Ивановъ, безспорно, повиненъ въ томъ, въ чемъ укоряетъ его Кандорскій: Г. Цензоръ выставляетъ мысль сочинителеву не въ полной связи, а въ отрывкѣ. Между тѣмъ, великая разность опустить или не досмотрѣть единое слово, ибо выходитъ часто совсѣмъ мысль иная (какъ, если бы, напримѣръ, въ рѣчи ап. Павла къ ареопагу опустить частицу «аки»: мужіе Аѳинстіи, по всему вы зрю аки благочестивыя...). [83]) Наконецъ, для ускоренія дѣла, Ивановъ изрѣдка прибѣгалъ и къ полуоффиціальнымъ доносамъ на имя м. новгородскаго Амвросія, который былъ благосклоненъ къ „святѣйшимъ отцамъ“ цензуры В. Иванову и Іакову Дмитріеву. [84])

Недружелюбныя отношенія Иванова къ полемисту противъ раскола Полубенскому (или Петрову) не обрисованы такими яркими красками, хотя и выражались въ аналогичной привязчивости. „Христосъ пострадалъ на крестѣ, который имѣлъ осмиконечную фигуру, было, напримѣръ, сказано въ сочиненіи „Новый опытъ доводовъ къ увѣренію старообрядцевъ“. Сіе несправедливо, возражалъ цензоръ, поелику титло по распятіи уже Христа ко кресту было прибито“.—„Бога ради, защищался Полубенскій, сіе прошу оставить такъ, какъ есть, понеже въ предложеніи моемъ нѣтъ ни малѣйшей несправедливости. Христосъ Господь и тогда еще страдалъ. когда титло было прибито, и пострадалъ на осмиконечномъ крестѣ, какъ, между прочимъ, видно на крестахъ въ Благовѣщенскомъ соборѣ. [85]) Какія еще нужны пренія?“

Вслѣдствіе подозрительнаго отношенія цензора къ многочисленнымъ ссылкамъ на раскольническія рукописныя тетради, „которыя рѣдко кто видѣлъ и имѣетъ“, Полубенскій оправды-

---

[82]) М. Д. Ц 1810, 19.
[83]) М. Д. Ц. 1809, 15.
[84]) Тамъ же.
[85]) При которомъ состоялъ В. Ивановъ (!).

вается: какая мнѣ въ семъ нужда, что документы, изъ которыхъ я бралъ, рѣдко кто видѣлъ и имѣетъ. Дѣло со старообрядцами, которымъ всѣ они извѣстны и переизвѣстны. Притомъ, Отвѣты Алексѣева, Поморскіе отвѣты уже напечатаны, по дозволенію св. синода". Вообще, характеръ этихъ пререканій, язвительныхъ со стороны цензора и проникнутыхъ тонкой ироніей со стороны автора, хорошо обрисовывается изъ слѣдующаго вопросоотвѣта. Ивановъ выражаетъ недоумѣніе насчетъ значенія приведеннаго авторомъ термина „Ловецъ силлавъ и среченій". Полубенскій мѣтко отвѣчаетъ: прошу оставить такъ, какъ есть. Значитъ, человѣкъ, который за слова хватается, безъ всякаго, впрочемъ, разсужденія, и взято изъ Григорія Богослова. [86])

Эти пристрастно-несправедливые отзывы Иванова обращали на себя вниманіе даже его товарищей. Пока предсѣдателями цензуры были Викторъ и затѣмъ Геннадій, имъ удавалось иногда устранять роковое значеніе подобныхъ рецензій. Вотъ, напримѣръ, возраженія Виктора на доводы Иванова: „Такими общими замѣчаніями можно всякую книгу опорочить, и потому съ симъ мнѣніемъ согласиться предосудительно". Или: „учинить по мнѣнію о. игумена (Геннадія): и я, нѣсколько страницъ прочитавъ, вижу, что сочиненіе и переводъ хороши". [87]) Когда же прекратилась цензурная дѣятельность этихъ лицъ, и ихъ замѣнили архим. Владиміръ и протопресвитеръ Іаковъ, — В. Иванову стало свободнѣе...

Продолжительное и довольно дѣятельное участіе въ дѣлахъ московской цензуры принималъ игуменъ Геннадій (Челпоковъ). Раньше онъ служилъ въ казанской епархіи, былъ лично извѣстенъ м. Амвросію (Подобѣдову) и, по рекомендаціи послѣдняго, опредѣленъ членомъ цензуры. [88])

Владѣя свободно древними языками, Геннадій охотнѣе всѣхъ членовъ цензуры готовъ былъ заниматься переводомъ полезныхъ сочиненій. [89]) Эта склонность къ литературнымъ занятіямъ въ дѣятельности Геннадія, какъ цензора, имѣла свою положительную сторону, дѣлала его „чужіе труды уважающимъ". Онъ безкорыстно излагалъ въ своихъ отзывахъ подробные совѣты относительно улучшенія того или другого сочиненія; иногда самъ, „по долгу благорасположеннаго цензора", какъ выразился о немъ Викторъ, принималъ на себя обязанности автора или переводчика, составлялъ предисловія, исправлялъ мѣста, неаккуратно отдѣланныя. [90]) Съ другой стороны, близко чувствуя всю тягость для авторовъ цензурной проволочки, именно Геннадій выступилъ защитникомъ

[86]) М. Д. Ц. 1800, 21.
[87]) Тамъ же 1807 20; 1808, 22.
[88]) М. Д. Ц. 1799, 7, Арх. Св. Син. 99, 52, л. 64.
[89]) М. Д. Ц. 1807, 10.
[90]) 1807, 20.

предоставленія цензурѣ самостоятельности при разсмотрѣніи мелкихъ сочиненій. [91])

Наконецъ, Геннадій стремился сохранять возможную безпристрастность при оцѣнкѣ сочиненій, и „дѣла“ прот. Кандорскаго, являясь укоромъ для цензурной дѣятельности В. Иванова, тѣмъ сильнѣе оттѣняютъ противоположную черту въ характерѣ Геннадія. Почти во всѣхъ случаяхъ, рядомъ съ пристрастной рецензіей Иванова, въ качествѣ особаго мнѣнія, находится отзывъ Геннадія. Вотъ, для сравненія, два ихъ заключенія объ одномъ и томъ же. Разсматривая рукопись „Духъ Массильона“, Ивановъ замѣчаетъ: для людей и читателей, къ христіанскому благочестію твердо приверженныхъ, разсужденія помянутаго учителя, при всѣхъ его умственныхъ доказательствахъ и употребленномъ витійствѣ, не могутъ быть совершенно пріятны и удовлетворительны потому, что ни догматическія, ни нравоучительныя статьи свидѣтельствомъ св. писанія не подтверждены, а на одномъ мудрованіи и витійствѣ католицкаго, или папистическаго учителя полагаться не очень благонадежно“. На это, такъ сказать, въ третьемъ лицѣ, Геннадій возражаетъ: переводчикъ нынѣ попалъ на прекраснѣйшій оригиналъ. По всему видно, что авторъ (аббатъ де-ла портъ), хотя католикъ, былъ человѣкъ благочестивый и умный. Ибо изъ сочиненія Массильона выбралъ мѣста, къ добродѣтели возбудительнѣйшія. И ежели въ сей книгѣ не видно самыхъ текстовъ св. писанія, то это отъ того, что въ ней помѣщены чувствованія человѣка, мудрствующаго во всемъ согласно слову Божію и самому здравому разуму... [92])

При всемъ томъ, и Геннадій, какъ и Викторъ, не обладалъ твердостью и мужествомъ. Многія изъ своихъ рецензій онъ предпочиталъ излагать въ уступительной формѣ, доходя до курьезовъ, вродѣ слѣдующаго: хотя (въ сочиненіи) приводятся примѣры изъ французскихъ проповѣдей, но это ни мало не уменьшаетъ его изящества“... [93]) Однимъ изъ препятствій къ одобренію діалоговъ Сковороды для Геннадія послужила, между прочимъ, содержащаяся тамъ проповѣдь о презрѣніи тѣла: она, опасался онъ, можетъ породить еретиковъ безпечности и тѣмъ нанести благоустроеннымъ обществамъ пагубный ударъ. [94]) Въ Церковной исторіи Мосгейма онъ счелъ за лучшее выпустить неблагопріятные отзывы автора о „такихъ по духовному состоянію обстоятельствахъ, кои всегда были и нынѣ твердо соединены съ состояніемъ политическимъ, какъ то: о монашескомъ житіи, поведеніи, ученіи нравовъ“ и др. [95])

---

[91]) М. Д. Ц., 1805, 10; 1806, 24.
[92]) — 1808, 8.
[93]) — 1803, 16, 19.
[94]) — 1804, 8.
[95]) — 1800, 13.

На 1809 годъ Геннадій былъ вызванъ на чреду служенія въ Петербургъ, а, по возвращеніи оттуда, въ слѣдующемъ году, скончался исправляющимъ должность предсѣдателя цензуры. [96]).

Изъ всего состава членовъ московской духовной цензуры оригинальностью и независимостью своихъ мнѣній наиболѣе выдѣляется цензоръ Иннокентій. Почти до самаго опредѣленія въ цензуру онъ былъ священникомъ въ Москвѣ. Назначенъ онъ былъ членомъ цензуры по „извѣстнымъ св. синоду способностямъ". Онъ, дѣйствительно, былъ достаточно образованъ и владѣлъ новыми языками. [97]) Но, что важнѣе всего, Иннокентій обладалъ отзывчивостью къ запросамъ времени.

Правда, онъ раздѣлялъ общее предубѣжденіе цензуры противъ тѣхъ, — даже полемическихъ книгъ,—которыя „слишкомъ много отдаютъ разуму и имѣютъ цѣлью ввести деизмъ, или утвердить естественную религію, не заботясь ни мало объ откровеніи". Произведенія апологетовъ, выступавшихъ на этотъ путь ради поддержанія бѣдныхъ семействъ, онъ не щадилъ называть безсмысленной болтовней; иронизировалъ онъ также и по поводу проповѣди, которая „токмо покойную чрезъ излишнюю похвалу въ райскія обители вселяетъ". [98])

Вообще же Иннокентій всегда помнилъ, что существуетъ публика, и есть много охотниковъ для чтенія,—что требуются книги какъ для ученыхъ, такъ и для простыхъ, и отсюда, въ цѣляхъ популяризаціи, необходимо поощрять книги, писанныя методомъ простымъ, языкомъ заманчивымъ и убѣдительнымъ. [99]). Онъ болѣе другихъ настаивалъ на необходимости рекомендовать предъ синодомъ „Сводъ четырехъ евангелистовъ" какъ можно сильнѣе, чтобы дозволено было напечатать гражданскими буквами: эта печать, пояснялъ онъ, для презирающихъ церковную, или не умѣющихъ пользоваться послѣднею,—гораздо заманчивѣе и возбудительнѣе.[100]) Въ другой разъ, когда остальные члены, даже склоняясь къ пропуску книги, изобрѣтали характерныя формулы: „хотя сочинитель книги сей былъ іезуитъ, однако историческое теченіе страданій Христовыхъ во всемъ согласуетъ повѣствованію св. евангелистовъ, грекороссійскою церковію пріемлемому", Иннокентій выражался о тѣхъ же сочиненіяхъ съ большей прямотой: книга въ своемъ родѣ рѣдкая, весьма полезная, аккуратная. [101])

Но особенно ярко выразилось направленіе Иннокентія при рѣшеніи вопроса о сочиненіяхъ Гр. Сковороды. Всѣ остальные

---

[96]) Арх. Св. С. 1810, 965.
[97]) М. Д. Ц. 1801, 18; 1802, 5.
[98]) Тамъ же, 1803, 15; 11, 13.
[99]) Тамъ же, 1804, 5.
[100]) Тамъ же 1801, 26.
[101]) А. С. С., 1804; М. Д. Ц., 1803, 19.

члены, хотя и представили о нихъ отдѣльныя мнѣнія, но, такъ сказать, синоптическаго характера. Въ своей основѣ они примыкаютъ ко взгляду игум. Геннадія: „хотя здѣсь много хорошихъ и съ самымъ св. писаніемъ согласныхъ мыслей, но, какъ онѣ предложены необыкновеннымъ и страннымъ образомъ, безъ надлежащей одна съ другою связи, то, во многихъ мѣстахъ, такъ темно, что и самому проницательному читателю, при чтеніи ихъ, надобно будетъ останавливаться. А малопонятный и непросвѣщенный можетъ уклониться въ разумѣніе погрѣшительное и еретическое. А то, что служить можетъ поводомъ къ заблужденію. едва ли заслуживаетъ одобренія, каковаго требуютъ книги, въ духовныхъ типографіяхъ печатаемыя“. В. Ивановъ, впрочемъ, призналъ, что „второй разговоръ (изъ діалога: „О познаніи самого себя“), по содержащейся въ немъ наивеличайшей ереси, достоинъ сожженія и проклятія“.

Иного рода—„пневматикон“—сужденіе Иннокентія. Сочиненія Гр. Сковороды, пишетъ онъ, 1) Христіанское нравоученіе, въ нѣкоторомъ объясненіи десятословія состоящее и, 2) Разговоръ изъ содержанія сего: „Знай себя“, читалъ съ надлежащимъ вниманіемъ и нашелъ, что 1) оное, рѣзкимъ и убѣдительнымъ образомъ писанное, можетъ быть полезно и заманчиво для тѣхъ особенно, которые ищутъ не голой нравственности, но основательно объясненной и философски, въ смыслѣ необходимости своей, доказанной...; 3) самымъ близкимъ и поразительнымъ для сердца каждаго языкомъ обнаруживая, что есть подлинный человѣкъ, или что такое настоящее существо его, въ которомъ долженъ открываться потерянный образъ Божій и подобіе,—сильно побуждаетъ къ назиданію, воздѣлыванію и обработыванію безсмертной души..., для (достиженія) важнѣйшей христіанской цѣли, состоящей во внутренней перемѣнѣ, или возрожденіи... 4) Оно, по особенному своему—и для большей части людей заманчивому—слогу, и по чрезвычайной ясности, съ которою представляетъ столь важныя матеріи, для всѣхъ необходимыя къ познанію, но не для всѣхъ понятныя,—привлекло весьма многихъ, не только изъ соотечественниковъ автора, къ прочтенію; многихъ же иностранцевъ, полюбившихъ это сочиненіе еще на русскомъ языкѣ, побудило перевести на иностранные языки, какъ то: французскій, нѣмецкій, и на этихъ языкахъ съ немалымъ одобреніемъ читается, да едва ли и не напечатано. 5) Есть, правда, въ немъ нѣкоторые низкіе и простонародные термины, дикія выраженія, отличающіяся отъ общепринятыхъ церковныя мнѣнія, но все это легко можетъ быть исправлено, безъ всякаго разрыва связи сочиненія, а, за симъ исправленіемъ, рекомендую его,—какъ полезное и въ своемъ родѣ рѣдкое сочиненіе,—къ напечатанію. [102])

[102]) М Д. Ц., 1804, 8.

Въ началѣ 1806 года, по представленію м. Платона, въ составъ московской цензуры были назначены на одну вакансію два новыхъ члена—соборные іеромонахи Геннадій Шумовъ и Палладій Аничковъ. Оба они были и продолжали оставаться проповѣдниками московской академіи. Самое ихъ назначеніе было обусловлено тѣмъ, чтобы имъ «исправлять цензорскую должность поочередно, а потому и положенное жалованье получать пополамъ» [103]).

Не безъ основанія можно предполагать, что ходатайствовавшій за академическихъ тружениковъ м. Платонъ смотрѣлъ на зачисленіе ихъ въ цензуру, какъ на существенное дополненіе къ ихъ скудному содержанію по академіи. Такого же практическаго взгляда держались, кажется, и сами назначенные. По крайней мѣрѣ, Геннадій, получивъ должность префекта академіи и въ управленіе знаменскій монастырь, самъ счелъ уже «несовмѣстимымъ исправлять цензорскую должность» и просилъ объ увольненіи въ 1808 г. При этомъ онъ, «по своимъ видамъ», сильно замедлилъ съ предъявленіемъ цензурѣ указа объ увольненіи, что и вызвало такую резолюцію предсѣдателя цензуры Виктора. «Что о. Игуменъ по сію пору не отзывался письменно въ цензуру о увольненіи, тому онъ самъ виною, по своимъ видамъ, а выбытіе его изъ сего мѣста существуетъ съ того самаго времени‘ какъ онъ пріѣзжалъ ко мнѣ съ указомъ, и о томъ объявлялъ мнѣ, не яко товарищу, а яко управляющему. Однако, дабы его успокоить, выдать ему жалованье за обѣ трети, коли совѣсть его не зазираетъ». [103]).

Поочередное исправленіе «вспомогательной» должности, при половинномъ содержаніи, выразилось въ соотвѣтствующемъ итогѣ. За три года своихъ совмѣстныхъ трудовъ по цензурѣ, Геннадій и Палладій принимали участіе въ разсмотрѣніи лишь пяти сочиненій, оставивъ до десятка отзывовъ. Вмѣсто какой-либо характеристики, можно упомянуть лишь о ихъ дебютѣ въ роли цензоровъ, гдѣ въ ихъ молодомъ задорѣ сказалась школа. Разсматривая апологетическій переводъ „Историческое и догматическое изслѣдованіе объ истинной религіи“ (переводъ іеромонаха Іосифа Величковскаго), іеромонахи безъ труда отыскали достаточное для его осужденія количество «словъ обоюдныхъ и выраженій такихъ, которыя пахнутъ вольностью и неуваженіемъ къ власти, отъ Бога установленной“. Въ частности, если Геннадій предпочиталъ держаться сферы болѣе общихъ разсужденій, то Палладій, напротивъ, дѣлалъ подробныя выписки „мнѣній, противныхъ нашей религіи“, и мыслей противъ политики. Были, напримѣръ, подчеркнуты выраженія: „гдѣ нѣтъ большого воинскаго корпуса, всегда готоваго исполнять повелѣнія государя, не можетъ статься,

---

[103]) А. С. С., 1808, 693.
[104]) М. Д. Ц, 1808, 17.

чтобы тамъ власть государя была деспотическая"; или: „китайскіе купцы не такіе плуты, какъ европейскіе"; „въ Китаѣ право народное неизвѣстно" и т. д. [105]).

Въ своихъ отзывахъ о школьныхъ учебникахъ, Геннадій обнаруживалъ большую сдержанность насчетъ рѣзкихъ выраженій. Но и здѣсь результатъ былъ тотъ же. Такъ, отмѣтивъ въ „Руководствѣ къ реторикѣ" недостатки,—неприспособленность къ дѣтскому пониманію, слогъ, несвойственный наукѣ краснорѣчія, цензоръ добавляетъ: „не полезно ли будетъ юношеству руководствоваться тѣми (реториками), которыя уже всѣми просвѣщенными одобрены и которыя приносили и приносятъ не малые плоды младымъ умамъ" [106]).

Палладій скончался въ 1809 г., въ должности цензора, Геннадій же въ 1811 г. [107]).

На мѣсто архим. Геннадія (Челнокова), по представленію м. петербургскаго Амвросія, былъ назначенъ архимандритъ Владиміръ (Третьяковъ). Его кратковременная дѣятельность въ роли предсѣдателя цензуры сразу воскресила типичныя черты эпохи Павла I, что было, впрочемъ, вполнѣ естественно. Владиміръ,—человѣкъ, безспорно, способный и знатокъ языковъ [108]),—уже черезъ пять лѣтъ по окончаніи академіи, въ 1796 г., былъ опредѣленъ, по высочайшему повелѣнію, въ новоучрежденный московскій цензурный комитетъ, въ качествѣ члена его отъ духовнаго сословія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, постепенно повышаясь по службѣ въ академіи, онъ въ 1800 году занялъ тамъ мѣсто ректора.

Но въ это время у него открылись признаки „ипохондрической болѣзни". Онъ началъ небрежно относиться къ своимъ занятіямъ,—„пропускать книги, не читая". По крайней мѣрѣ, именно этимъ м. Платонъ объяснялъ нашумѣвшій въ свое время пропускъ Владиміромъ книги Арндта „Объ истинномъ христіанствѣ" [109]). Въ виду дальнѣйшаго развитія болѣзни, „для отвращенія происходящаго отъ него по болѣзненнымъ припадкамъ соблазна, Владиміръ былъ удаленъ синодомъ въ суздальскій монастырь. Тамъ онъ пробылъ пять лѣтъ, а черезъ два года, по возвращеніи оттуда, былъ признанъ высшею властью достойнымъ занять отвѣтственный постъ по духовной цензурѣ, „впредь до разсмотрѣнія" [110]).

---

[105]) М. Д. Ц., 1806, 7.

[106]) М. Д. Ц., 1807, 28; ср. 1807, 7.

[107]) Г. Геннади, Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ XVIII и XIX ст. (Берлинъ), т. I., стр. 204.

[108]) М. Д. Ц., 1811, 21, „обучался языкамъ латинскому, греческому, нѣмецкому и французскому, на которыхъ сочинять и переводить можетъ" (форм. списокъ)

[109]) Письма м. Платона къ пр. Амвросію и Августину, стр. 58, 61.

[110]) А. С. С., 1810, 965.

Воззрѣнія Владиміра, какъ цензора, были весьма сходны съ взглядами В. Иванова, такъ что нѣкоторые отзывы предсѣдателя являются какъ бы составленными подъ диктовку его старѣйшаго товарища[111]). По нѣсколькимъ отрывкамъ изъ рецензій Владиміра можно опредѣлить его взгляды. Относительно перевода съ французскаго словъ Массильона онъ дѣлаетъ слѣдующее заключеніе: слова, до церкви принадлежащія, должны бы, ради важности содержанія и достоинства перевода, переведены быть рѣченіями большею частью славянскими, но не только сего не соблюдено, но еще употреблены слова, совсѣмъ неприличныя церковной каѳедрѣ, какъ то: актеръ, роль, критика... Вообще же переводъ почти такъ называемый вольный, или парафрастическій. И хотя предписаніямъ, даннымъ цензурѣ, я не только ничего не усмотрѣлъ противнаго, но еще нашелъ для чтенія юношества, готовящагося въ духовное состояніе, полезное, но, по сказаннымъ литературы неисправностямъ, по которымъ нѣтъ въ немъ ни точности, ни ясности, ни важности, — переводъ достойнымъ не считаю [112]). Итакъ, по мнѣнію Владиміра, священное содержаніе само собою предполагало и языкъ славяно-русскій.

Относясь такъ строго даже къ внѣшней, формальной сторонѣ сочиненій, при разборѣ ихъ содержанія, Владиміръ вооружался всѣми пріемами, которые онъ вынесъ и бережно сохранилъ изъ школы Туманскаго. И подвигамъ пера послѣдняго нисколько не уступаютъ отмѣтки Владиміра при чтеніи книги „Наслажденіе собою“ [113]). Отдѣльныя мысли автора цензоръ сопровождаетъ такими комментаріями:

Стр. 20. Извѣстно, что здравый смыслъ никого не погублялъ, но не меньше извѣстно и то, что въ тѣ Готическіе вѣка, когда ничего не уважали, кромѣ здраваго разсудка, предки наши подвергли себя посмѣянію, вѣрили всѣмъ баснямъ, употребляли пытки и простыхъ физиковъ жгли, какъ чародѣевъ.	Не для чего смѣяться предкамъ. Изъ его словъ, подъ благовиднымъ покровомъ басенъ, пытокъ и проч., выходитъ неуваженіе къ священнымъ преданіямъ.
Стр. 46. Какъ проникнуть далѣе системы солнечной и прейти... даже до престола существа, которое, будучи само недвижимо,	Что Богъ не имѣетъ нужды въ приносимыхъ ему жертвахъ и куреніяхъ, — сіе есть пагубное и злочестивое ученіе философовъ

[111]) М. Д. Ц., 1809, 15.
[112]) М. Д. Ц., 1809, 17.
[113]) М. Д. Ц., 181 , 9. Переведена съ французскаго бывшимъ префектомъ вятской семинаріи А. Шестаковымъ и представлена въ цензуру съ одобрительнымъ отзывомъ епископа Гедеона.

двигаетъ все... и которое, само для себя пресовершенно довлѣя, не имѣетъ нужды ни въ людяхъ, ни въ ихъ къ Ему куреніяхъ.

XVIII вѣка. Благовидными своими выраженіями распространяютъ одну гибель.

Стр. 173. Не помыслите, будто бы мы намѣрены вамъ ввести въ обыкновеніе длинныя бороды и разметывающіяся воскрилія. Иногда менѣе избавляетъ отъ суетностей власяница, нежели бархатъ.

Противно Уставамъ нашей Греко-Россійской Церкви.

Стр. 44. Хотя будемъ въ республикѣ, хотя въ Монархіи, вездѣ будемъ свободны, если будемъ наслаждаться собою...

Изъ сихъ словъ выходитъ къ монархическому правленію нѣкое неуваженіе, почему лучше здѣсь просто сказать: вездѣ и во всякомъ состояніи.

Стр. 142. Благороднѣе всего въ человѣкѣ человѣкъ, и всѣ титлы, какія не вымышляли бы, суть несравненно его ниже.

Слова сіи отзываются затѣями буйной философіи... Хвалитъ жизнь безъ чиновъ, но по какому побужденію?.

Стр. 145. Фраотъ, индѣйскій государь, просилъ Аполлонія (Фіанскаго) чтобы угостилъ его ужиномъ. Аполлоній признался, что недостоинъ чести. Но государь отвѣчалъ ему: кто изъ насъ достойнѣе, тотъ долженъ угощать, и на семъ правилѣ Аполлоній долженъ угостить Фраота. Здѣсь всякъ примѣтитъ природную простоту безъ прикрасъ и безъ наряда... Такимъ образомъ мыслятъ монархи, которые владѣютъ собою.

Сочинитель пишетъ о европейскихъ государяхъ, исповѣдующихъ христіанскую вѣру, а въ примѣръ приводитъ язычника Фраота и поступокъ его предпочитаетъ поступкамъ европейскихъ или христіанскихъ государей...

Стр. 158. Человѣкъ,—говорилъ одинъ великій государь,—который вовсе не видалъ меня, который живетъ за сто миль отъ моей столицы, безъ пышности и честолюбія,—есть мой щастливецъ.

Слишкомъ философски.

Стр. 219. Философъ знаетъ, что ему, какъ гражданину всего свѣта, надлежитъ быть чувствительну и внимательну въ разсужденіи всѣхъ народовъ...

Должно паче учить, чтобы быть гражданиномъ своего отечества, и о привязанности къ нему, а не о томъ философствовать, сколь мудръ и великъ гражданинъ свѣта.

Глава 69. „О слугахъ“, въ которой пишетъ, что человѣчество заклинаетъ его ходатайствовать о такихъ же насъ, по которыхъ мы пренебрегаемъ и проч...	О слугахъ напечатано быть не можетъ, потому что философское его разсужденіе о нихъ можетъ быть употреблено во зло.
Стр. 230. Знаю господъ, которые, отъ 20 до 30 лѣтъ имѣвши при себѣ по одному слугѣ, не могли бы сказать, откуда они были и проч. Между тѣмъ, такое презрѣніе тѣмъ предосудительнѣе, что весьма часто слуга бываетъ большихъ достоинствъ, нежели его господинъ, не имѣя столько ни смысла, ни благородства.	Сдѣлавъ описаніе дурныхъ господъ забываетъ о добрыхъ, а такое пристрастное его ругательство, здѣсь и въ другихъ мѣстахъ, обозначаетъ, что сочинитель держался системы затѣйливой и буйной философіи.
Общественный порядокъ требуетъ, чтобы были вельможи и рабы, министры и художники, богатые и бѣдные...	Не только общественный порядокъ, но и внутреннее достоинство и установленіе Божіе: „ина слава солнцу, . ина... звѣздамъ“.. и „нѣсть власть, аще ни отъ Бога“.

Впрочемъ, результатъ такого подробнаго и искуснаго разбора былъ нѣсколько неожиданенъ. Заканчивая разсмотрѣніе рукописи, Владиміръ обратилъ вниманіе на фразу: „метафизика въ наши времена воздыхаетъ о временахъ Мальбранша и не надѣется больше возвратиться имъ“. Противъ этихъ словъ онъ сдѣлалъ замѣчаніе: „въ цензуру духовную слѣдуютъ книги, не до метафизики касающіяся, но до церкви и ученій церковныхъ“. Въ этомъ же смыслѣ состоялось опредѣленіе общаго собранія, и рукопись возвращена была переводчику.

Воскресшіе въ лицѣ Владиміра, въ своемъ цѣльномъ видѣ, старые критеріи царили недолго. Уже въ половинѣ 1811 года онъ подалъ прошеніе объ увольненіи отъ должности, такъ какъ, писалъ онъ, „нынѣ я опять сдѣлался боленъ и потому надлежащимъ образомъ цензурной работы проходить не могу“[114]). Тѣмъ не менѣе, фактъ цензорства архимандрита Владиміра, между рецидивами „ипохондрической болѣзни“, самъ по себѣ является весьма поучительнымъ при характеристикѣ тѣхъ „возможностей“, которыя таила въ себѣ московская духовная цензура.

Сверхъ того, вліянію примѣра Владиміра можно бы было приписать странное, для средины александровскаго царствованія, усиленіе въ цензурѣ, если не духа, то формъ павловской

114) А. С. С., 1810, 965.

эпохи. На досугѣ члены цензуры со всею тщательностью „испытывали“ содержаніе и литературную форму изрѣдка попадавшихъ еще къ нимъ произведеній. Детали этого испытанія, конечно, разнообразились, по характеру цензоровъ и самыхъ сочиненій. Одни сочиненія требовали полной очистки языка, и вотъ, благодаря трудолюбію цензора, составлялась рецензія въ 132 страницы, съ указаніемъ всѣхъ поправокъ (архим—ты Амвросій Виноградскій и Евгеній Казанцевъ). [115]).

Въ другой разъ вниманіе цензора (протопресвитера Алексѣева, бывшаго ранѣе членомъ консисторіи и цензоромъ проповѣдей, произносимыхъ учеными священиками [116]) посвящалось разбору политической проповѣди или нравоучительнаго „трактата“. При этомъ чуть ли не всякую мысль цензоръ оспариваетъ текстомъ св. писанія, руководясь чисто случайными ассоціаціями и, однако, ставя подъ сомнѣніе благонамѣренность автора. [117]). Занятый своими учеными трудами Амвросій (Орнатскій, сотрудникъ пр. Евгенія Болховитинова по „Исторіи россійской іерархіи“), принималъ къ разсмотрѣнію цензуры лишь чисто церковныя произведенія; остальныя же возвращались, какъ не подлежащія разсмотрѣнію московской цензуры.[118]).

Въ подкрѣпленіе своихъ рѣшеній,—что особенно слѣдуетъ отмѣтить,—цензура теперь постоянно ссылается на положеніе 1799 г. и другіе указы. [119]). Вотъ типъ тогдашняго цензурнаго опредѣленія—отказа: „поелику отъ св. синода по сей части уже довольно издано ясныхъ и назидательныхъ книгъ, а указомъ св. синода, 4 января 1800 г.. за № 19, въ цензуру послѣдовавшимъ, воспрещено безъ нужды издавать въ печать книги, кои въ своемъ родѣ окажутся излишними,—то возвратить“. [120]). Очевидно, для новыхъ, постоянно смѣнявшихся членовъ цензуры всякое, даже случайное и устарѣвшее, распоряженіе и разъясненіе центральной власти имѣло силу закона.

Среди безпрерывной смѣны цензоровъ, на безцвѣтномъ фонѣ послѣднихъ двухъ десятилѣтій существованія московской цензуры, выдѣляется своею продолжительностью и прочностью положенія цензорство Іакова Дмитріева (Никольскаго). По окончаніи семинарскаго курса, слушая лекціи и въ академіи, онъ посланъ былъ въ московскій греческій николаевскій монастырь для изученія разговорнаго греческаго языка.[121]). Съ этого времени за нимъ упрочилась слава эллиниста, [122]),

---

[115]) М. Д. Ц., 1817, 26; ср. 1808, 11,
[116]) М. Д. Ц., 1815, 19.
[117]) М. Д. Ц., 1812, 17, (отзывъ отъ 1816 г.); 1817, 8.
[118]) М. Д. Ц. 1813, 30; 36.
[119]) М. Д. Ц. 1817, 24; 17; 13; 1816, 9.
[120]) М. Д Ц., 1816, 15; 1816, 23.
[121]) М. Д. Ц., 1811, 21.
[122]) А. С. С., 1811, 530.

что было и главной причиною назначенія его въ цензуру. Самъ Іаковъ старался не скрывать въ тайнѣ своего дара языковъ, и, напр., на запросы издателей адресъ-календаря Москвы отвѣчалъ сообщеніемъ такихъ о себѣ свѣдѣній: „протопресвитеръ Б. М. Успенскаго собора Іаковъ Дмитріевичъ, кавалеръ Анны 2 ст., занимается цензорованіемъ и переводомъ духовныхъ книгъ съ греческаго языка на славяно-Россійскій и сличеніемъ славянскихъ книгъ, какъ Библейскихъ, такъ равно и всѣхъ церковныхъ, съ еврейскими и греческими ихъ оригиналами». [123]).

Разсматривая сочиненія, онъ почти всегда искалъ случая отмѣтить ихъ слабыя стороны „въ разсужденіи литературы, на которую духовная цензура указами св. синода также обязуется обращать вниманіе. Нарушенія авторами грамматическихъ правилъ относительно употребленія знаковъ „оксіи“ и „варіи“ давали обильную пищу для замѣчаній цензора-лингвиста. Мимоходомъ замѣнялъ онъ союзъ „какъ“ союзомъ „поелику“, изгонялъ слово „серьезно“, какъ не русское, и берлогу именовалъ логовищемъ[124]). Ревнителемъ грамматики, стѣсняющимъ авторскую свободу, являлся Іаковъ и при оцѣнкѣ переводовъ съ греческаго языка. Во имя точности онъ жертвовалъ самыми невинными проблесками живости... „Воззри на Него, восклицаетъ переводчикъ Никифора Θеотокія, какъ Онъ (І. Х.), будучи младенцемъ, лежитъ въ скотскихъ ясляхъ, какъ Онъ не имѣетъ, гдѣ главы преклонить, какъ алчетъ послѣ утомительнаго поста, какъ трудится послѣ великаго путешествія“. „Воззри на Него, поправлялъ цензоръ Іаковъ, младенчествующаго, въ ясляхъ безсловесныхъ лежащаго, не имѣющаго, гдѣ главы подклонить, алчущаго по постѣ, утруждающагося въ путешествіи. [125]).

При разборѣ содержанія сочиненій, Іаковъ достаточно показалъ себя дипломатичнымъ ревнителемъ умѣренности, середины. Его „слуху нетерпимы“ были приводимыя въ полемическихъ сочиненіяхъ злочестивыя мысли вольнодумцевъ, которыя только ужасное посмѣяніе въ себѣ содержатъ[126]) Найдя въ противораскольническомъ сочиненіи фразу: „внемлите не моему рѣченію, а словамъ самаго Господа, не о числѣ просфоръ, и не о крестѣ на нихъ, а о наслѣдіи живота вѣчнаго: аще не снѣсте“..., Дмитріевъ вдается въ такія разсужденія: „дѣло не въ томъ, чтобы говорить такъ низко объ обрядахъ, а показать, что обряды раскольничьи не суть истинное преданіе и обозначаютъ только крайнее ихъ заблужденіе, какъ и обличаютъ ихъ м. Платонъ въ Увѣщаніи и преосв. Н. Θеотоки. (А хотя первый хожденіе посолонь,

---

[123]) М. Д. Ц., 1821, 12.
[124]) М. Д. Ц., 1814, 5; 1813, 20, 9.
[125]) М. Д. Ц., 1810, 25.
[126]) М. Д. Ц., 1810, 19

седмипросфоріе... и называетъ мелкостями, но, когда исторически открыты настоящія преданія церкви, то что мѣшаетъ сіи вещи назвать мелкостями? Ибо они и подлинно не стоятъ того, чтобы за нихъ отдѣляться отъ церкви, ибо всѣ обряды въ разсужденіи догматовъ суть не что иное. Но говорить только то одно, что все равно, все малозначуще,—довольно ли сего и можно ли?—отдаю на судъ общаго собранія цензуры). [127]).

Если принять во вниманіе, что взятое въ скобки, будучи написано, исключено потомъ самимъ Іаковомъ, и что всѣ эти разсужденія сотканы, имъ въ угоду предсѣдателю Владиміру и В. Иванову, уже при вторичномъ пересмотрѣ книги (при первомъ Дмитріевъ съ другими членами далъ вполнѣ одобрительный отзывъ),—становится яснымъ, какъ старался лавировать протопресвитеръ. И, повидимому, недалекъ отъ истины общій отзывъ о немъ М. Я. Морошкина: Въ Синодѣ, пишетъ онъ, Никольскаго считали за человѣка, богатаго опытностью, осторожностью, зрѣлаго въ сужденіяхъ; на самомъ же дѣлѣ, это былъ человѣкъ холодный, формалистъ въ высшей степени и самый точный блюститель мельчайшихъ подробностей системы чинопочитанія. Несмотря на независимость, въ служебныхъ отношеніяхъ, отъ митрополита московскаго, лѣта свои, значительныя должности и украшавшую его звѣзду св. Владиміра 2 степени (что составляло небывалое явленіе въ Москвѣ), Никольскій, слѣдуя существующему между московскими священниками обычаю, кланялся въ ноги Филарету, и этимъ удивлялъ даже самихъ москвичей. [128]).

Въ дѣлахъ московской цензуры весьма часто встрѣчается имя начальника московскаго архива коллегіи иностранныхъ дѣлъ Н. Н. Бантышъ-Каменскаго. Полуоффиціальныя письма, записки карандашемъ, легкіе упреки членамъ цензуры говорятъ о близкихъ его отношеніяхъ къ этому учрежденію. Бантышъ-Каменскій, дѣйствительно, до самой смерти своей въ 1814 году, являлся добровольнымъ агентомъ для многихъ, главнымъ образомъ, духовныхъ лицъ, при изданіи ими своихъ произведеній. Роль его въ этомъ случаѣ очень удачно изображаетъ въ своихъ запискахъ Ф. Вигель, служившій въ томъ же архивѣ: „Г. Каменскій, который выросъ при дядѣ (московскомъ архіепископѣ Амвросіи Зертысъ-Каменскомъ, убитомъ въ 1771 году) и воспитанъ въ славяно-греко-латинской академіи, еще съ молода физическимъ недостаткомъ (глухотою) и склонностью къ кабинетной жизни, былъ удаленъ отъ общественной. Лицо примѣчательное, которое рѣшительно не принадлежало ни къ одному изъ двухъ состояній: это былъ старый семинаристъ, бѣлый монахъ, свѣтскій архіерей. Со всѣми преосвященными велъ онъ обширную и ча-

---

[127]) М. Д. Ц. 1810, 19.

[128]) Сборникъ Имп. Русск. Истор. Общ., т. 113, стр. 165—66.

стую переписку и былъ совѣтникомъ и повѣреннымъ во всѣхъ ихъ дѣлахъ; онъ умственно жилъ въ духовномъ мірѣ семъ, и, такъ сказать, былъ цѣпью его съ грѣшнымъ нашимъ свѣтомъ"[129]).

Въ числѣ обращавшихся къ Бантышъ-Каменскому съ болѣе крупными порученіями можно видѣть и митрополита, и епископа, и іеромонаха. Еще чаще, конечно, поступали на его имя мелкіе труды, слова и рѣчи,—изъ Тулы, Харькова, Курска, Новомиргорода, Кіева, Астрахани, Пензы, Воронежа, Перми, Чернигова [130]).

Препровождая все это въ цензуру,—большею частью на имя архим. Виктора (оба они были изъ кіевской академіи), Бантышъ-Каменскій иногда высказывалъ о рукописи свое мнѣніе „Reverendissime! при концѣ мнѣ не понравилось.., можно и умягчить, или какъ вы разсудите". Или:„ арзамасскій архимандритъ Евгеній желаетъ, чтобы сей трудъ его (проповѣдь на новый годъ) увидѣлъ свѣтъ. Отъ васъ зависитъ. Если подпишете и одобрите. Мнѣ понравилось сіе сочиненіе" [131]). Въ нѣкоторыхъ же своихъ приписках Б.-Каменскій еще увѣреннѣе входилъ въ роль цензора: „Препровождая сочиненіе..., прошу исправить. Яко иностранецъ, не въ Россіи рожденный, авторъ могъ и погрѣшить въ словахъ,—сіе ему простительно. Онъ будетъ покорнѣйше благодаренъ за тѣ исправленія, которыя вы учинить разсудите". Въ другомъ случаѣ: „дважды и съ удовольствіемъ прочиталъ сію археологію: не нашелъ и тутъ ничего лишняго или противнаго церкви. Цѣлитъ онъ нѣсколько на такъ называемыхъ духоборцевъ, или мартинистовъ нынѣшнихъ, но такъ и должно,—дать почувствовать, какъ они заблуждаютъ... Если что нужно исправить,—можно сіе сдѣлать... Въ синодъ представлять не о чемъ: книга больше для классовъ печатается" [132]).

Къ этимъ рекомендаціямъ,—особенно при Викторѣ—цензура относилась довольно предупредительно. Даже въ случаѣ отказа, она старалась дѣлать это безъ обиды для посредника. А такіе случаи бывали, и изъ нихъ наиболѣе характерно дѣло о Размышленіяхъ Іерузалема. Отсылая для цензуры второй томъ перевода, исполненный преподавателемъ семинаріи Крыловымъ, подъ руководствомъ епископа орловскаго Досиѳея, Бантышъ-Каменскій, между прочимъ, писалъ: „сочинитель важный и пріятный: не уповаю, чтобы могъ что-нибудь противное нашему начертать закону: и, если бы что и было, можно выбросить". Но цензура одобрить не рѣшилась, отчасти въ виду „умствованій кальвиниста,

---

[129]) Записки Филиппа Филипповича Вигеля, (изд. Русск. Архива, М., 1892), ч. I., стр. 161—2.

[130]) М. Д. Ц. 1800, 32; 1807, 6; 1801, 4. 13; 1805, 20; 1813, 20; 1804, 9; 1806, 15; 1811, 16.

[131]) М. Д. Ц., 1807, 6 и 9.

[132]) М. Д. Ц., 1811, 16; 1813, 20.

у коего ни таинствъ, ни поклоновъ, ни иконъ", отчасти изъ боязни, что „за одобреніе могутъ быть подвержены слѣдствію невинные люди". Рукопись возвращена была, съ совѣтомъ переводчикамъ, „что лучше всего они сдѣлаютъ, когда оставятъ такъ, какъ есть, для собственнаго употребленія, не издавая въ свѣтъ, для общаго его развращенія и соблазна".

Послѣ нѣкоторыхъ исправленій, переводъ вновь былъ представленъ въ цензуру, и опять чрезъ того же посредника. Впечатлѣніе, произведенное на цензуру этимъ обстоятельствомъ, отразилось въ слѣдующихъ запискахъ членовъ цензуры. „Николай Николаевичъ,—писалъ Геннадій Виктору, — опять прислалъ къ намъ Жерузалема... Я не знаю, что и отвѣчать... Ожидаю вашего совѣта и приказанія"...—„Николаю Николаевичу отвѣчать, разъяснялъ Викторъ, что надобно вновь разсматривать, а сего учинить скоро не можно, а какъ время позволитъ"... Несмотря, однако, на всѣ проволочки, цензурѣ пришлось вновь огорчить Б.-Каменскаго отказомъ [133]). Послѣдній тогда перенесъ дѣло въ Петербургъ и тамъ нѣсколько расчистилъ пути для выхода „Размышленій" въ свѣтъ.

На основаніи всего этого, Н. Н. Б.-Каменскаго, котораго Вигель, при объясненіи, или, говоря точнѣе, въ объясненіе его грубаго отношенія къ подчиненнымъ, прямо именуетъ „архимандритомъ", можно считать, хотя и неутвержденнымъ оффиціально, однако, весьма дѣятельнымъ и полезнымъ для авторовъ, членомъ московской духовной цензуры.

---

[133]) М. Д. Ц., 1807, 11.

ГЛАВА III.

Развитіе устава духовно-цензурныхъ комитетовъ, съ 1808 по 1828 годъ, въ связи съ современными правительственными теченіями.

Московскую духовную цензуру можно сравнить съ судномъ береговой обороны. Громоздкій, не способный къ быстрому ходу, ея механизмъ не въ состояніи былъ осуществить идею всесторонняго духовно-цензурнаго надзора. И, подвергая болѣе или менѣе сильному огню „рецензій“ все то, что явно переходило заповѣдную черту „вѣры и святости“, цензура почти не интересовалась тѣмъ, что лежало за нею и что имѣло полную возможность, разсчитавъ время, наносить желанные удары.

Отсталость и неопредѣленность положенія московской цензуры, ея тѣсная связь съ монополіей синодальныхъ типографій, были весьма характерными и наводящими на размышленіе признаками. Чтобы не проиграть совершенно дѣла, церковная власть попыталась произвести реформу, создавая болѣе подвижную и легкую крейсерскую службу, пригодную, по ея мнѣнію, къ дѣйствіямъ на болѣе широкомъ районѣ и съ большими результатами.

Первичнымъ выраженіемъ этой реформы явилось положеніе 1808 года о цензурныхъ комитетахъ при духовныхъ академіяхъ. Что они были не дополненіемъ лишь къ прежнему, а существенной перемѣной въ самой постановкѣ духовно—цензурнаго дѣла; что тотъ порядокъ, выраженіемъ котораго служила московская духовная цензура, и тотъ, который вызванъ былъ основаніемъ цензурныхъ академическихъ комитетовъ, должны были представлять собою явленія, болѣе чѣмъ различныя, это можно видѣть уже изъ поверхностнаго наблюденія надъ исторіей ихъ взаимоотношеній. Чѣмъ болѣе возрастало значеніе академическихъ комитетовъ, тѣмъ яснѣе сводилась къ нулю роль московской цензуры. Возникновеніе въ 1809 году спб. цензурнаго комитета совпало съ временемъ рѣзкой убыли въ незначительномъ и ранѣе количествѣ поступающихъ въ нее сочиненій. Утвержденіе же въ 1814 году, вмѣстѣ съ уставомъ духовныхъ академій, организаціи двухъ цензурныхъ комитетовъ сократило дѣятельность цензуры до полной утраты самаго смысла ея существованія. По-

этому и вопросъ, предложенный св. синоду Голицынымъ въ 1818 году: „нужно ли, за учрежденіемъ нынѣ при каждой духовной академіи цензурныхъ комитетовъ, составляемыхъ изъ особъ духовнаго званія, имѣть еще особую цензуру въ Москвѣ“?—вызвалъ столь же категорическій отвѣтъ: „св. синодъ,—обративъ сперва свое вниманіе на положеніе московской духовной цензуры съ ея упражненіями, находитъ, что, за учрежденіемъ и дѣйствіемъ цензурныхъ комитетовъ, не нужно болѣе быть помянутой цензурѣ“ [1]). Наконецъ, 22 апрѣля 1828 г., въ день изданія духовно-цензурнаго устава, прекратилось даже номинальное существованіе московской „церковной цензуры“.

Что высшія духовно-учебныя заведенія, уже въ виду своего авторитетнаго положенія въ области духовнаго образованія, имѣютъ право на извѣстныя цензурныя полномочія,—эта мысль, на основаніи прочной традиціи XVIII вѣка, сама собой перешла и въ XIX. Митрополиты петербургскіе, какъ и м. Платонъ въ Москвѣ, съ одной стороны, отдавали на просмотръ ректорамъ духовной академіи присланныя къ нимъ сочиненія, а, съ другой, не отказывались сами давать отзывъ о письменныхъ трудахъ академической корпораціи и непосредственно ходатайствовать предъ св. синодомъ о разрѣшеніи ихъ изданія [2]).

Такъ, въ 1803 году ректору невской академіи было поручено синодомъ, (чрезъ митр. Амвросія), исправить вновь составленную службу преп. Θеодосію тотемскому. Составлялъ ее священникъ города Москвы Иванъ Алексѣевъ, и, по своему настроенію, не преминулъ внести и сюда „кесарево“. Напримѣръ, одна стихира святому была изложена слѣдующимъ образомъ: „Что ти воздадимъ, отче Θеодосіе, яко не точію въ залогъ твоего ходатайства мощы твоя мироточивыя даровалъ еси, но и молитвами твоими, въ день памяти твоея, ко благоденствію Россіи, Великаго князя Михаила Павловича, ему же и всей державѣ Россійской моли спастися, преподобне“...

Такіе плоды вдохновенія ректоръ замѣнялъ общими мѣстами. Нѣкоторымъ необдуманнымъ выраженіямъ онъ сообщалъ болѣе тонкій и благонамѣренный оттѣнокъ. Напримѣръ, „предреченіе“ Θеодосія тотемскаго о томъ, что, по кончинѣ великаго князя Василія, возникнетъ „о державѣ величества Россійскія земли и вельможей междоусобная брань“, было перефразировано такъ: „междоусобная брань между вельможей о самодержавіи“. Затѣмъ, вѣроятно, какъ ревнитель наукъ и чистоты духовнаго званія, ректоръ счелъ за лучшее совершенно исключить неосторожныя выраженія акаѳиста и житія, вродѣ: „радуйся, некнижный многія

[1]) А. Св. С., 1818, 1215.

[2]) А. Св. С. 1804, 20; 50; 1808, 984; ср. Письма Платона, митр. московскаго, къ пр. Амвросію и Августину (1870), № 40, 10 дек. 1805 г.

книжныя посрамивый“, и „даде двадцать пять рублей на молебенъ“.

Вторично служба была разсмотрѣна синодальнымъ членомъ Иринеемъ и удостоилась одобренія. Впрочемъ, синодъ не далъ разрѣшенія на ея печатаніе, въ виду того, что она была пріурочена ко дню обрѣтенія мощей, а не памяти преподобнаго [3]).

Аналогичный фактъ имѣлъ мѣсто и въ 1806 году. Присланныя изъ московской цензуры, вслѣдствіе предписанія синода, „краткія размышленія“ извѣстнаго мистика Эккартсгаузена были переданы м. Амвросіемъ на разсмотрѣніе ректора академіи Флавіана. Уловивъ, очевидно, смыслъ и цѣль порученія, петербургскій ректоръ далъ, въ противоположность восторженному отзыву цензуры, болѣе сдержанное и уклончивое одобреніе. Впрочемъ, и его рецензія неудовлетворила строго-отрицательному взгляду синода. Послѣднему пришлось остановить изданіе книги своею дискреціонною властью [4]).

Какъ бы то ни было, практика жизни давала уже основанія для вывода, что духовно-цензурное дѣло можно вновь поставить въ болѣе близкія отношенія къ академіямъ. Идея эта находила косвенное подкрѣпленіе въ цензурномъ уставѣ 1804 года, который довольно щедро раздавалъ право собственной цензуры различнымъ учрежденіямъ,—даже кадетскимъ корпусамъ [5]).

Конечно, при существованіи особой московской цензуры, развитіе и расширеніе компетенціи академическихъ духовно-цензурныхъ комитетовъ могло имѣть мѣсто лишь подъ условіемъ жизненности самихъ разсадниковъ высшаго духовнаго образованія. Но бросить первой четверти XIX в. упрекъ въ какомъ-либо застоѣ по вопросамъ духовнаго просвѣщенія нельзя. Наоборотъ, эти вопросы, по тѣмъ или инымъ мотивамъ, служили предметомъ особеннаго вниманія и заботъ правительства. Опредѣленіе принциповъ духовнаго образованія, замѣчанія на программы и конспекты, поиски надлежащихъ учебниковъ, предоставленіе учащимъ большей самостоятельности въ дѣлѣ преподаванія“—все это должно было вносить жизнь во всѣ, призванныя къ дѣятельности, учрежденія. Могла найтись немаловажная работа и для академическихъ цензурныхъ комитетовъ.

И, дѣйствительно, уже 106 пунктъ „Начертанія правилъ о образованіи духовныхъ училищъ“ (1808 г., 26 іюня),—одинъ изъ основныхъ камней въ зданіи цензурныхъ комитетовъ, ясно показываетъ серьезность той цѣли, которая намѣчалась для нихъ. «Классическія книги для всѣхъ вообще духовныхъ училищъ, говорится здѣсь, опредѣляются коммиссіею; (духовныхъ учи-

---

[3]) А. С. С., 1803, 131. Объ «исканіяхъ тотемскихъ гражданъ», ср. «Исторія канонизаціи святыхъ въ русской церкви», Е. Голубинскаго (изд. 2-ое, М. 1903 г.), стр. 188—190.

[4]) А. С. С., 1806 г., 231.

[5]) П. С. З., 1804 г., т. XXVIII, 21.388, ст. 6.

лицъ) но, если профессора академіи или семинаріи пожелаютъ замѣнить оныя своими сочиненіями, тогда сочиненія сіи они обязаны прежде всего представить въ цензурный комитетъ; и, если онъ признаетъ ихъ по системѣ лучшими, или по методѣ удобнѣйшими, нежели прежнія, тогда съ мнѣніемъ своимъ представляетъ конференціи, а сія коммиссіи. Если коммиссія одобритъ сіе представленіе, тогда сочиненіе обращается въ классическое, и сочинитель получаетъ награду, въ уставѣ академическомъ за сіе опредѣленную". [6]).

Такимъ образомъ, цензурные академическіе комитеты являлись, по идеѣ, ближайшими участниками обновленія застоявшейся духовно-учебной среды. Съ цѣлью придать имъ необходимый авторитетъ, было введено даже избирательное начало при замѣщеніи цензорскихъ должностей.

Правда, составленіе отзывовъ о сочиненіяхъ, предназначавшихся для учебныхъ заведеній, было еще, такъ сказать, домашней, узко спеціальной, обязанностью комитета. Зато, благодаря сто четвертому параграфу «начертанія», кругъ дѣятельности комитета былъ далеко вынесенъ за стѣны академіи. „Никакое духовное сочиненіе, кратко сказано здѣсь, не можетъ издано быть въ округѣ академіи безъ утвержденія цензурнаго комитета". Надзору комитета ввѣрялся, такимъ образомъ, извѣстный районъ, и всѣ типографіи округа оказывались у него подъ контролемъ.

Тѣмъ не менѣе, не трудно видѣть, что изложенные три пункта „начертанія" являлись не болѣе, какъ зерномъ, изъ котораго лишь при благопріятныхъ условіяхъ могъ вырости уставъ и развиться соотвѣтствующій институтъ. Во-первыхъ, соединеніе критики и цензуры въ одной инстанціи могло дать въ результатѣ и вырожденіе, что такъ ярко подтвердила своей исторіей московская цензура. Во-вторыхъ, составители начертанія (М. Сперанскій, м. Амвросій и арх. Ѳеофилактъ), расширяя полномочія академическихъ комитетовъ, не опредѣляли вмѣстѣ съ тѣмъ существенныхъ деталей практическаго ихъ примѣненія. Совершенно не были выяснены, напримѣръ, границы вѣдѣнія „окружныхъ цензурныхъ комитетовъ" и „всероссійской" московской цензуры. Вѣроятно, это произошло оттого, что названные реформаторы духовной цензуры, при выясненіи технической стороны ея устройства, охотно прибѣгали къ заимствованіямъ готовыхъ параграфовъ устава гражданской цензуры 1804 г. Такъ, мысль о территоріальныхъ границахъ комитетовъ, о ихъ надзорѣ надъ типографіями, представляетъ значительное сходство съ 4-мъ пунктомъ этого устава, гдѣ опредѣляются права цензурныхъ комитетовъ „изъ професоровъ и магистровъ" при университетахъ. „Каждый изъ сихъ комитетовъ, говорится здѣсь, разсматриваетъ книги и сочиненія, печатаемыя

[6]) П. С. З., XXX, 23.122.

въ типографіяхъ, состоящихъ въ округѣ того университета, при которомъ комитетъ находится". Но, перенося хотя бы этотъ пунктъ въ „начертаніе", авторамъ послѣдняго необходимо было рѣшить указанныя спеціальныя затрудненія. Они этого не сдѣлали, можетъ быть, предоставивъ теченію жизни восполнять недостающее.

Къ сожалѣнію, въ архивѣ единственнаго для того времени петербургскаго духовно-цензурнаго комитета не сохранилось уже данныхъ для характеристики начальныхъ лѣтъ его существованія съ 1809 по 1815 годъ. Первый годъ, которымъ датируются сохранившіяся „дѣла",—1816. Даже перечень ихъ, содержащійся въ „запискѣ" цензора Иннокентія, начинается лишь съ конца 1813 года. [7]) Во всякомъ случаѣ, несмотря даже на то, что активная дѣятельность перваго академическаго комитета въ данное время и была весьма невелика, его значеніе могло усиливаться. Причина та, что онъ былъ связанъ съ учрежденіемъ, находившимся тогда подъ особымъ покровительствомъ. [8])

Еще до кризиса въ общественномъ настроеніи, вызваннаго отечественною войною, правительство, уже опасаясь послѣдствій своихъ реформаторскихъ увлеченій, стало принимать мѣры предупрежденія. Замѣтной гранью служитъ 1805 годъ. „Одновременно съ воинственнымъ характеромъ, принятымъ русской политикой съ 1805 года, пишетъ Н. К. Шильдеръ, замѣчается также новый оттѣнокъ въ управленіи внутренними дѣлами имперіи. Нечувствительно Александръ I... возвращался на старую дорогу .. „Комитетъ 13 января 1807 года" („комитетъ охраненія общей безопасности") закрѣпилъ начинавшійся внутренній разладъ въ умѣ Александра съ самимъ собою и съ стремленіями, охватившими лучшіе умы того времени; но полнаго развитія этотъ разладъ достигъ только послѣ 1815 года. [9])

Въ частности, тѣ же соображенія государственнаго порядка лежали на первыхъ порахъ и въ спеціальныхъ заботахъ объ укорененіи религіи, укрѣпленіи ея спасительныхъ основъ. Эти соображенія заставляли то, грубо „извращая историческую обстановку данной минуты" [10]), привлекать «Божіе» на служеніе государству, то настойчиво, систематически реформируя внѣшнія церковныя учрежденія, дѣлая обученіе закону Божію обязательнымъ въ школахъ (1811), достигать тѣхъ же, практическихъ въ своей

---

[7]) Арх СПБ. Д. Ц. К., 1817, 8.

[8]) Такъ, указомъ отъ 3 мая 1811 г. было повелѣно «отнынѣ безденежно доставлять для С.-Петербургской духовной академіи, яко образующей наставниковъ юношества духовнаго, по экземпляру книгъ и сочиненій, могущихъ соотвѣтствовать цѣли духовнаго воспитанія, каковы суть: нравоучительныя, историческія и вообще до наукъ относящіяся». А. С. С. 1810, 766.

[9]) Императоръ Александръ I его жизнь и царствованіе. Н. К. Шильдера. изд. 1897, т. II, гл. VII, стр. 162.

[10]) Шильдеръ, op. cit., т. II, 156—7.

[11]) «Духовныя училища... и въ пособіи другимъ учебнымъ заведеніямъ

основѣ, цѣлей, которыми руководилась и политика Павла I, въ отношеніи «левитовъ». [11]).

Лишь „въ 1812 году проявился первый религіозный порывъ имп. Александра, въ мистическомъ смыслѣ, когда тяжелыя испытанія обрушились на Россію“ [12]). И только со времени оффиціальнаго покаянія въ пристрастіи къ тѣмъ, „о нихъ же ревновахомъ беззаконіяхъ“, можно отмѣтить болѣе искреннее стремленіе ввести религію „въ глубину душъ и сердецъ“ и распространить евангельское благовѣстіе даже до самыхъ отдаленныхъ краевъ имперіи.

Учрежденія, которыя трудились надъ преобразованіемъ и обновленіемъ духовно-учебнаго строя, какъ то: комитетъ 1807 года, коммиссія духовныхъ училищъ, академіи, пользовались особенною благосклонностью имп. Александра. Еще въ 1808 году, обращаясь къ членамъ комитета, государь сказалъ имъ: Я, предоставя выгоды для духовныхъ училищъ, имѣлъ въ виду то удовольствіе, что они, при распространеніи всенароднаго просвѣщенія, всегда будутъ стараться идти по прежнему впереди. [13]). Въ 1814 же году высочайшій указъ на имя коммиссіи духовныхъ училищъ уже развиваетъ цѣлую программу духовнаго просвѣщенія. „Я желаю, говорится здѣсь, чтобы коммиссія обратила вниманіе... на эти училища, чтобы устроить ихъ въ прямомъ смыслѣ училищами истины. Просвѣщеніе, по своему значенію, есть распространеніе свѣта и, конечно, должно быть того, который во тьмѣ свѣтится и тьма его не объятъ. Сего то свѣта держась во всѣхъ случаяхъ, вести учащихся къ истиннымъ источникамъ и тѣми способами, коими Евангеліе очень просто, но премудро учитъ: тамъ сказано, что Христосъ есть путь, истина и животъ: слѣдовательно, внутреннее образованіе юношей къ дѣятельному христіанству да будетъ единственною цѣлью сихъ училищъ. На семъ основаніи можно будетъ созидать то ученіе, кое нужно имъ, по ихъ состоянію, не опасаясь злоупотребленій разума, который будетъ подчиненъ освященію вышнему. Я удостовѣренъ, что коммиссія духовныхъ училищъ, призвавъ Спасителя въ помощь, употребитъ всѣ свои усилія къ достиженію цѣли, безъ которой истинной пользы ожидать нельзя». [14]).

Этотъ указъ былъ данъ въ тотъ день, когда, вмѣстѣ съ уставомъ духовныхъ академій, были утверждены государемъ правила духовно-цензурныхъ комитетовъ, и имѣлъ для нихъ немало-

---

всегда приносили важную пользу, и польза сія, многолѣтними опытами оправданная, давно уже заставляла помышлять объ усовершеніи ихъ и распространеніи“. Слова именного указа 26 іюня 1808 г., П. С. З., т. XXX, 23.122; ср. Е. К. Надлера «Имп. Александръ I и идея священнаго союза», (Рига, 1886), т. I, стр. 48: «Мы совершенно ошиблись бы, если бы вздумали предполагать, что это сочувствіе (къ реформѣ духовно-учебныхъ заведеній) вытекало у него (государя) изъ религіознаго источника».

[12]) Шильдеръ, op. cit, т. III, стр. 322.

[13]) П. С. З., XXX, 23.124; также «Руководящіе дѣятели духовнаго просвѣщенія И. Чистовича», стр. 25.

[14]) Арх. Св. С, 1814, 826: П. С. Зак. XXXII, 25, 673.

важное значеніе. Наряду съ расширеніемъ и упорядоченіемъ ихъ правъ въ уставѣ,—налагались на нихъ нелегкія обязанности въ указѣ. Для борьбы съ злоупотребленіями разума рекомендовались и цензорамъ не одни красныя чернила, а и мистическое освященіе свыше...

Но, понятно, если неопредѣленность въ пониманіи «вышняго освященія», могла приводить въ смущеніе многихъ современниковъ, то именно для цензоровъ она создавала крайне щекотливое и небезопасное положеніе. Имъ особенно легко было, даже не намѣренно, впасть въ противорѣчіе со взглядами правительства и оказаться въ числѣ гонителей „истины". Отсюда вытекало весьма интересное явленіе, характерное чуть ли не для всего разсматриваемаго переходнаго—времени, т. е. второй половины царствованія Александра I.

Правительство не только ничего не имѣетъ, въ принципѣ, противъ расширенія круга дѣятельности духовно-цензурныхъ академическихъ комитетовъ, но, напротивъ, само усиливается сосредоточить въ нихъ всѣ нити духовной цензуры. Между тѣмъ, несочувствующая принятому имъ направленію партія духовенства какъ бы боится пользоваться его дарами, при случаѣ укрывается за тѣнь московской духовной цензуры и, опасаясь передать несовершеннолѣтнимъ комитетамъ все принадлежащее ей «церковное» значеніе, не спѣшитъ съ введеніемъ новаго устава. Эту точку зрѣнія необходимо имѣть въ виду, при обзорѣ тѣхъ правилъ цензурныхъ комитетовъ, которыя утверждены въ 1814 году, и той сдержанности въ пользованіи ими, которую особенно послѣдовательно проявляетъ петербургскій комитетъ.

Выработка болѣе подробныхъ правилъ для цензуры была поручена коммиссіей духовныхъ училищъ, въ началѣ 1814 года, петербургскому академическому цензурному комитету [15]). Нѣтъ сомнѣнія, что, при желаніи, онъ могъ бы твердо заявить объ уравненіи своихъ правъ и содержанія съ московской цензурой. Доказать ея несостоятельность было бы не трудно: по имѣвшимся въ центральныхъ учрежденіяхъ свѣдѣніямъ, въ предыдущемъ году ею было разсмотрѣно и отослано въ синодальную типографію одно поученіе и одно сочиненьице [16]). И, однако, отстранивъ вопросъ о содержаніи, (до самаго 1828 года цензоры комитета служили безвозмездно), комитетъ выдвинулъ вопросъ, напримѣръ, о цензѣ для своихъ членовъ. „Членомъ цензурнаго комитета, говорится въ правилахъ (ст. 341), можетъ быть только тотъ, кто имѣетъ собственный опытъ сочиненія, одобренный публикою или

---

[15]) Чистовичъ И. Руководящіе дѣятели духовнаго просвѣщенія, стр. 124—5.

[16]) А. С. С., 1818, 1215. На дѣлѣ, впрочемъ, послѣ застоя 1812 года, въ слѣдующемъ году было разсмотрѣно девять сочиненій. М. Д. Ц. 1813, 7; 17, 18 19, 20, 26, 27, 34 и 35.

начальствомъ". Избираться цензоры должны были дѣйствительными членами академической конференціи изъ среды дѣйствительныхъ же членовъ, причемъ, правда, духовныя лица при выборѣ имѣли преимущество предъ свѣтскими [17]).

Что касается круга вѣдѣнія цензурныхъ комитетовъ, то нельзя сказать, чтобы онъ вполнѣ опредѣленно,—съ устраненіемъ возможности перетолкованій,—былъ очерченъ правилами. Въ самомъ дѣлѣ, мало выяснялъ отношеніе духовной цензуры къ гражданской, посвященный этому вопросу параграфъ (348): „разсмотрѣнію комитета подлежитъ всякое духовное и къ духовнымъ училищамъ относящееся сочиненіе, и безъ одобренія онаго ни одно изъ таковыхъ сочиненій, или переводовъ, не можетъ быть напечатано въ типографіяхъ академическаго округа". Въ сравненіи съ 104 п. начертанія, здѣсь приходится наблюдать лишь формальное логическое превращеніе: отрицательному сужденію („никакое духовное") приданъ положительный характеръ („всякое духовное"). Съ другой стороны, нѣкоторую дезорганизацію могла вносить и слѣдующая, хотя бы и вполнѣ естественная, оговорка: „разсмотрѣнію комитета не подлежитъ только то, что издается съ дозволенія св. прав. синода и коммиссіи духовныхъ училищъ", и это тѣмъ болѣе, что никакихъ замѣчаній относительно новаго положенія московской цензуры здѣсь не находится.

Насчетъ оцѣнки сочиненій существеннымъ дополненіемъ правилъ академическаго устава, въ сравненіи съ начертаніемъ, является проведенная имъ грань между сочиненіями „классическими" и просто „для общественнаго употребленія. Въ первомъ случаѣ, комитетъ, въ полномъ своемъ составѣ, долженъ былъ разсматривать книги на основаніи 106 п. начертанія, запрещая тѣ изъ нихъ, которыя заключаютъ въ себѣ не только что-либо явно противное цѣли духовнаго воспитанія, но и близкое къ тому. Но, не одобренное для училищъ, сочиненіе могло быть издано для общественнаго употребленія, если не имѣло важныхъ недостатковъ и если удовлетворяло требованію „важности мыслей, ихъ истины, чистоты и изящности слога, ясности и правильности изложенія" (360). Въ случаѣ неодобренія, рукопись, съ мотивированнымъ отзывомъ, возвращалась для исправленій.

Чтобы обезпечить точное исполненіе духовными цензорами своихъ обязанностей, высшая власть готова была установить между ними своего рода круговую поруку. Какъ члены въ особенности, такъ и комитетъ весь вообще, говорится въ одномъ изъ правилъ, наблюдаютъ, чтобы никакое сочиненіе или переводъ, противные нравственности, правительству и религіи, не были одобряемы. Въ противномъ случаѣ, подвергаютъ себя строгому по законамъ сужденію [18]). Жалобы на дѣйствія комитета прино-

[17]) П. С. З., XXXII, 25. 673.
[18]) Тамъ же, ст. 369.

сились комиссіи духовныхъ училищъ. Вообще для комитетовъ послѣ академическихъ конференцій, прямою и ближайшею инстанціею долженъ былъ являться не столько св. синодъ, сколько комиссія.

Въ 1826 году митр. Филаретъ, задѣтый комиссіей духовныхъ училищъ, принявшей подъ свою защиту порицаемую имъ книгу Мейнерса, писалъ: коммиссія духовныхъ училищъ не то, что св. синодъ. Она не есть мѣсто собственно іерархическое, потому что въ ней присутствуютъ и свѣтскія особы, которымъ подчинить дѣла епископовъ было бы несообразно съ порядкомъ церковной іерархіи.... Итакъ, если епископъ усматриваетъ вступающую въ училища ввѣренной ему епархіи книгу, неприличную и опасную для благомыслія и благонравія обучающагося юношества: имѣетъ ли онъ право и обязанность, по своему званію и обѣту, и архіерейской грамотѣ, повелѣвающей имѣть крайнее попеченіе о училищахъ, имѣетъ ли, говорю, онъ право и обязанность тотчасъ остановить книгу и дать знать о ней коммиссіи духовныхъ училищъ, либо членамъ ея, или, напротивъ, онъ долженъ завести о семъ предварительную переписку? и, въ случаѣ соблазна, можетъ ли епископъ въ допущеніи его оправдаться предъ церковью и своею совѣстью тѣмъ, что онъ велъ предварительную переписку съ коммиссіею духовныхъ училищъ?.. [19]).

Въ приведенномъ отзывѣ даже м. Филаретъ не удержался отъ нѣкоторыхъ намековъ на, такъ сказать, узурпаторскую роль комиссіи въ области духовной цензуры, Одобреніе, даже признаніе ею извѣстной книги „классическою“—могло, оказывается, находиться въ несогласіи съ такими критеріями, какъ „церковь“, „епископская совѣсть“. Участіе въ комиссіи стороннихъ, болѣе или менѣе независимыхъ, элементовъ вообще давало поводъ разнообразнымъ ревнителямъ церковности критически относиться къ ея сужденіямъ о книгахъ. Впослѣдствіи, въ 1839 г., на ту же позицію въ отношеніи комиссіи сталъ и об.-прокуроръ Протасовъ, чтобы нанести окончательный ударъ этому неудобному для него учрежденію. [20]).

Тѣмъ не менѣе, имѣя въ виду одно второе десятилѣтіе прошлаго вѣка, нельзя отказать въ извѣстномъ удобствѣ того порядка, который создавали данныя комиссіи полномочія. Для синода она служила какъ бы вынесенной за его предѣлы ареной мнѣній, гдѣ они могли сталкиваться болѣе свободно и съ меньшимъ урономъ для авторитета высшаго церковнаго учрежденія. А въ такой аренѣ была настоятельная необходимость, хотя бы въ виду самого состава „руководящихъ дѣятелей духовнаго просвѣщенія въ Россіи“ за данный періодъ. Умудренный опытомъ, и

---

[19]) Собраніе мн. и отз. м. Филарета, т. II, № 181, 1826 г.
[20]) «Руководящіе дѣятели духовнаго просвѣщенія» И. Чистовича, стр. 331.

потому уклончивый, митр. Амвросій; весьма умный, многосторонне-образованный, но до крайности самостоятельный архіепископъ Θеофилактъ; М. М. Сперанскій—(правда недолгое время) „всякаго рода порученія всегда исполнявшій къ удовольствію монарха“ и также дѣятельно работавшій и надъ самимъ собою; воспріимчивый, энергичный, ревнивый къ власти и довѣрію государя кн. А. Н. Голицынъ; избалованный благоволеніемъ высочайшихъ особъ, и, можетъ быть, поэтому самовластный, капризный и мстительный духовникъ Криницкій; возраставшій отъ силы въ силу, отъ славы въ славу даровитый Филаретъ; прямой, благородный протекторъ класса историческихъ наукъ оберъ-священникъ Державинъ; мягкій по характеру, но ревностный духомъ, поборникъ по православію митр. Михаилъ; „не оставшійся въ памяти народной“, но все же упорный въ борьбѣ съ мистицизмомъ и также упрямый въ церковномъ консерватизмѣ Серафимъ,—вотъ эти руководящіе дѣятели. [21]).

Непосредственная близость такихъ лицъ къ судьбамъ духовно-цензурнаго дѣла должна была оказывать на него свое вліяніе. По крайней мѣрѣ, согласіе взглядовъ комиссіи на тотъ или другой родъ произведеній далеко не всегда могло быть обезпечено. При различіи точекъ зрѣнія, вполнѣ естественны были пререканія. Даже болѣе: книга, сама по себѣ жалкая и безцвѣтная, вдругъ могла стать знаменемъ для той или другой партіи, а пропускъ ея или задержка—символомъ извѣстнаго теченія, вызовомъ на борьбу.

По высочайшему учредительному указу отъ 26 іюня 1808 г., комиссіи духовныхъ училищъ были переданы изъ канцеляріи св. синода всѣ „дѣла, до духовныхъ училищъ относящіяся, съ тѣмъ, чтобы они съ этого времени производились уже чрезъ ея посредство“. А высочайше утвержденный 8 августа того же года докладъ комиссіи, предоставляя ей право непосредственныхъ междувѣдомственныхъ сношеній и всеподданнѣйшихъ докладовъ, содержитъ еще одно важное поясненіе: „Сверхъ того, коммиссія предполагаетъ представлять на высочайшее благоусмотрѣніе и о тѣхъ случаяхъ, кои, хотя не будутъ заключать въ себѣ общаго какого-либо постановленія, но въ коихъ, по важности ихъ, или по разногласію мнѣнія, признаетъ она сіе нужнымъ, предоставляя въ настоящемъ ея составѣ доклады сіи чинить члену ея т. с. кн. Голицыну“ [22]). Этимъ самымъ ей обезпечивалась значительная доля самостоятельности. Она могла, въ иныхъ случаяхъ, считать излишнимъ даже доводить до свѣдѣнія синода о своихъ опре-

---

[21]) Ср. Чистовичъ И. Руководящіе дѣятели духовнаго просвѣщенія, стр. 114; Сборникъ Императ. Русскаго Историч. Общества. т. 113, кн. I, стр. 20, 32, 57, 59; Н. К. Шильдеръ, op. cit., т. III, 37.

[22]) П. С. З. XXX, 23,122 и 23.207.

дѣленіяхъ, разъ они относились «къ предмету духовныхъ училищъ". А такъ какъ это понятіе слишкомъ растяжимо, то и дѣла, касавшіяся „направленія" книгъ, можно было, при желаніи, не докладывать синоду. Такимъ именно путемъ и велось, напримѣръ, извѣстное дѣло о переводѣ студентами спб. академіи, подъ редакціей архіепископа Θеофилакта „Эстетическихъ разсужденій" Ансильона. [23]).

И. А. Чистовичъ дѣлаетъ весьма вѣроятное предположеніе, когда называетъ крайніе полюсы разыгравшейся въ этомъ дѣлѣ борьбы именами Голицына и Аракчеева—двухъ непримиримыхъ соперниковъ. Во время пребыванія императора Александра заграницей въ 1813—14 году, роль Аракчеева при немъ подвергалась рѣзкимъ колебаніямъ, конечно, не безъ вліянія Голицына [24]). Обѣ стороны стали зорко слѣдить другъ за другомъ и, при случаѣ, наносить противникамъ удары. Арх. Θеофилактъ, повидимому, тяготѣлъ къ Аракчееву; Голицынъ противопоставилъ ему члена комиссіи м. Амвросія и своего избранника архим. Филарета (Дроздова). Для нападенія воспользовались упомянутымъ переводомъ Ансильона. Это оказалось тѣмъ удобнѣе, что, не дождавшись отзыва члена комиссіи Криницкаго, Θеофилактъ издалъ эту книгу съ разрѣшенія свѣтской цензуры. Ректоръ академіи Филаретъ написалъ на нее замѣчанія, далеко не отличающіяся выдержкою и объективностью, какъ не отличаются ею и нѣкоторые его позднѣйшіе, собственно цензурные отзывы. Страшные,,—измы", намеки и восклицательные знаки придавали особый колоритъ этой рецензіи,—первоначально даже анонимной. [25]).

---

[23]) Ком. дух. уч., 1810, 374.

[24]) Р. Стар., 1896, т. 86, стр. 11. Автобіографическія записки В. Р. Марченки.

[25]) Дѣло Ком. дух. уч., 1810, 374. Чтобы дать общее представленіе о характерѣ полемики между Филаретомъ и Θеофилактомъ, небезполезно привести изъ этого многопредметнаго спора хотя два звена, притомъ на самыя реальныя, не метафизическія, темы.

Слова автора:

Стр. 172. Въ большей части обществъ новѣйшихъ политическая свобода почти совершенно исчезла. Одинъ человѣкъ является, хочетъ, дѣйствуетъ, другіе ничто иное суть, какъ послушныя орудія, вѣрные исполнители его повелѣній».

Примѣчаніе критика (Филарета):

Да услышатъ блюстители общественнаго благоустройства и спокойствія, какія наставленія преподаетъ народамъ учитель прекраснаго и высокаго: «Въ большей части новѣйшихъ обществъ, говоритъ онъ, политическая свобода почти совершенно исчезла». Но почему такъ? Потому, что въ нихъ «одинъ человѣкъ является, хочетъ, дѣйствуетъ, другіе ничто иное суть, какъ послушныя орудія, вѣрные исполнители его повелѣній» А какъ называется общество. въ которомъ «одинъ человѣкъ является, хочетъ, дѣйствуетъ, другіе ничто иное

Въ комиссіи одни—Голицынъ и Амвросій—признали дѣйствія Ѳеофилакта „несообразными“, другіе же—Криницкій и Державинъ —подали особыя мнѣнія. Царскій духовникъ руководился при этомъ не весьма чистыми мотивами и, чтобы, такъ или иначе,

---

суть, какъ послушныя орудія, вѣрные исполнители его повелѣній»?—Это монархія. Итакъ, по мнѣнію Г. Ансильона, въ новѣйшихъ обществахъ политическая свобода исчезла потому, что правленіе ихъ есть монархическое? Итакъ, политическая свобода только въ Республикахъ? Только тамъ, гдѣ нѣтъ ни «послушныхъ орудій» власти, ни вѣрныхъ исполнителей повелѣній? Только въ мятежахъ и ужасахъ революцій?

Опроверженіе:

Политическая свобода есть право самозаконодательства народа; а гражданская есть право дѣлать все, закономъ позволенное.—Да услышатъ Владыки земные, не республиканскіе ли подданнымъ ихъ преподаются наставленія, когда утверждается, что могутъ они пользоваться и политическою свободою, т. е. быть составными частями верховной власти; между тѣмъ, какъ всякій вѣрноподданный долженъ быть вѣрнымъ только исполнителемъ воли своего законодателя и довольствоваться одною гражданскою свободою. «Всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется.»

Слова автора:

Стр. 178. Она (христіанская религія) возвратила женскому полу природное его достоинство и извлекла изъ оковъ, въ которыя ввергли его общественныя постановленія и всеобщая грубость нравовъ. Рыцарство довершило дѣло религіи, облекши самую сильнѣйшую страсть въ нравственную красоту.

Примѣчаніе критика:

Что студная и неистовая страсть облекается въ наши времена призракомъ нравственной красоты, сіе, говоритъ авторъ, есть дѣло рыцарства въ своемъ совершеніи; а въ своемъ началѣ дѣло христіанской Религіи. Какая клевета на чистѣйшую Религію! Пишущій сіи замѣчанія не выписываетъ болѣе одного сего мѣста изъ разсужденія «о вліяніи женскаго пола на новѣйшую поэзію» (стр. 174—82), опасаясь, чтобы не оскорбить скромности. Кто будетъ имѣть терпѣніе прочитать указанныя страницы, тотъ пожалѣетъ, что многія имена соблазнительнѣйшихъ писателей и многія слишкомъ плотскія и нечистыя понятія въ преложеніи осквернили перо, уготовляемое для начертанія вещей духовныхъ и высокихъ.

Опроверженіе.

Взаимная любовь обоихъ половъ никогда не должна почитаться студною и неистовою страстью, ежели она управляется законами доброй нравственности. Христіанская религія, поставляя мужа главою жены, велитъ также и любить ее. «Женѣ мужъ довольную любовь да воздаетъ, такожде и жена мужу» 1 Кор., VII, 3.—У язычниковъ женскій полъ содержался въ рабствѣ, а у христіанъ пользуется нравственнымъ равенствомъ. Тогда поступали съ женщинами, какъ съ невольницами, а теперь, какъ со своими помощницами, любя ихъ и почитая. И въ семъ то смыслѣ онѣ были кумирами рыцарей, предметомъ непорочныхъ и робкихъ желаній получить ихъ руку.

Безпристрастный читатель, справясь съ 174—182 страницами, на которыя ссылается притворно-скромный г. Критикъ изумится: почему бы недостойно было пера духовнаго описывать плотскихъ людей съ тѣмъ, чтобъ другихъ предохранить отъ нечистыхъ понятій ихъ и правилъ? Множество примѣровъ тому можно найти не только въ нравственныхъ писателяхъ, но и въ самыхъ Церковныхъ учителяхъ.

не уронить своей роли цензора, лавировалъ. Зато Державинъ стоялъ на почвѣ правды и законности. Онъ считалъ необходимымъ для комиссіи потребовать у Ѳеофилакта объясненія относительно „точности разума выставленныхъ сомнительныхъ пунктовъ, или опроверженія на сдѣланныя отцомъ ректоромъ замѣчанія“, и лишь послѣ этого творить судъ.

Но такое безпристрастное обсужденіе апологіи Ѳеофилакта не входило въ разсчеты партіи, руководимой Голицынымъ. Уже тогда, въ 1813 г., Голицынъ обнаружилъ рѣзкую, компрометирующую его незаурядную фигуру, нетерпимость, въ періодъ полновластія, къ мнѣніямъ противниковъ. Несмотря на то, что Ѳеофилактъ, неповинный въ какомъ либо намѣренномъ преступленіи [26]), предлагалъ,—лишь не въ вполнѣ корректной формѣ,—заслуживавшее вниманія комиссіи послѣднее слово, кн. Голицынъ поспѣшилъ съ докладомъ государю о несогласіи членовъ комиссіи, и высочайшей волей, „разрѣшившей, по словамъ голицынскаго доклада комиссіи, предметъ несогласія г.г. членовъ о вышесказанной книгѣ“, было воспрещено печатаніе опроверженій Ѳеофилакта, а самому архіепископу было предписано отправиться къ паствѣ въ Рязань [27]).

Изложенныя обстоятельства дѣла о книгѣ Ансильона наглядно показываютъ, какого рода конфликты могли имѣть мѣсто въ стѣнахъ комиссіи, происходить безъ вмѣшательства синода и окончательно рѣшаться высочайшей властью. Въ мнѣніяхъ Державина и Криницкаго прямо обосновывается мысль, что о распоряженіи комиссіи по дѣлу Ѳеофилакта „доводить до свѣдѣнія Св. Пр. Синода излишне“ [28]). И эта тенденція для своего времени имѣла нѣкоторыя основанія. Суть ея была не въ томъ, конечно, чтобы синодъ фактически ничего не зналъ о пререканіяхъ. Въ немъ вѣдь вершителями дѣлъ, не говоря уже о Голицынѣ, были почти тѣ же самыя лица изъ высшаго духовенства, которыя „полагали излишнимъ доводить постановленіе до свѣдѣнія Св. Синода“. Зато, съ чисто формальной стороны, при указанномъ порядкѣ, открывалась нѣкоторая возможность оберегать авторитетъ святѣйшаго синода въ слишкомъ щекотливыхъ и затруднительныхъ случаяхъ.

Когда дѣло о переводѣ Эстетическихъ разсужденій близилось къ концу, попечитель спб. учебнаго округа Уваровъ писалъ, между прочимъ, барону Штейну: „Состояніе умовъ теперь таково, что путаница мыслей не имѣетъ предѣловъ... Кидаютъ другъ другу въ лицо выраженіями: религія въ опасности, потрясеніе нравственности, поборникъ иностраныхъ идей, иллюминатъ, фило-

---

[26]) Арх. Ком. Д. Уч., 1810, 374, л. 83—4.
[27]) Тамъ же, л. 122, журналъ 1814 г., 21 янв.
[28]) Тамъ же. л. 82, 114, 116.

софъ, франъ-масонъ, фанатикъ и т. п... Надняхъ у насъ было пререканіе самое соблазнительное между архіепископомъ (Θеофилактомъ) и ректоромъ духовной академіи, въ коемъ оба были не правы. И это изъ-за плохой книги Ансильона. Право, было бы нужно, чтобы этотъ споръ сдѣлался извѣстнымъ въ истинномъ его свѣтѣ, ибо я увѣренъ, что императоръ, если и узнаетъ объ этомъ, то весьма отрывочно. Наконецъ, все разсказать было бы слишкомъ длинно... Animus meminisse horret" [29]). Но если бы это дѣло прошло черезъ синодъ и въ его засѣданіяхъ разыгралась борьба обѣихъ партій, то, нужно думать, общая молва и авторъ даннаго письма еще болѣе смущены бы были этимъ „соблазнительнымъ пререканіемъ"... [30])

Впрочемъ, борьба по поводу „Эстетическихъ разсужденій" имѣла, по преимуществу, личный характеръ,—созрѣла на почвѣ придворныхъ интригъ. Между тѣмъ, какъ было указано выше, въ 1814—5 году, правительство, въ лицѣ императора Александра и кн. Голицына, довольно ясно выразило свое увлеченіе мистицизмомъ. Къ 1816 году относится всеподданнѣйшая покаянная записка Голицына, гдѣ оберъ-прокуроръ, исповѣдуя свою вину предъ Лабзинымъ, ходатайствуетъ о высочайшемъ разрѣшеніи возобновить изданіе Сіонскаго вѣстника, даже болѣе—объ оказаніи его издателю монаршихъ милостей [31]). Вскорѣ журналъ, дѣйствительно, началъ издаваться, отчасти даже подъ личной цензурой Голицына, уже съ полной ясностью опредѣливъ свой характеръ.

Синоду предстояла трудная борьба съ этимъ новымъ направленіемъ, но онъ не рѣшился пока выйти изъ выжидательнаго положенія. Терпѣливо сносили его члены покаяніе Голицына предъ Лабзинымъ, распространеніе имъ мистическихъ книгъ, откровенныя его противопоставленія „внутренней церкви" и „церкви наружной" и т. д. Судьба первенствующаго члена, митрополита Амвросія, удаленнаго изъ Петербурга въ Новгородъ именно за непріязнь къ новому направленію Голицына, была на виду у всѣхъ [32]). И только сама сила обстоятельствъ, иногда даже незначительныхъ, заставляла Голицына сдерживать свое рвеніе

---

[29]) Русск. Архивъ 1871, II, 0130—1, письмо (графа) Сергія Семеновича Уварова къ барону Штейну, 18 ноября 1813 г.

[30]) Для опредѣленія взгляда арх. Θеофилакта на роль первенствующаго члена синода м. Амвросія въ дѣлѣ Ансильона, интересенъ слѣдующій пунктъ заявленія Θеофилакта въ комиссію: «О печатаніи перевода въ первыхъ числахъ іюля сего года объявлено отъ меня комиссіи, и сіе объявленіе принято къ свѣдѣнію; но его высокопреосвященство, Амвросій, митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій, согласившійся съ прочими членами на таковое принятіе объявленія, возсталъ противъ перевода спустя болѣе 2-хъ мѣсяцевъ, т. е. уже по выпускѣ сей книги въ публику». л. 83—4.

[31]) Р. Ст. 1895 г., I, 84. Наши мистики-сектанты.

[32]) Чистовичъ, «Руководящіе дѣятели дух. просвѣщенія, стр. 183-4.

и не переходить извѣстной нормы въ своихъ отношеніяхъ къ синоду и вообще къ „наружной церкви".

Съ точки зрѣнія настоящаго изслѣдованія, заслуживаетъ вниманія стремленіе Голицына провести мирнымъ образомъ свое вліяніе на духовно-цензурное дѣло.

Хотя книги, находившіяся подъ его покровительствомъ, могли довольно свободно проходить и чрезъ свѣтскую цензуру [33]), но все же это было не легально, обращало на себя вниманіе и сопровождалось уже нѣкоторымъ ропотомъ. Для характеристики того, въ какомъ видѣ шли пренія о вѣрѣ между православными и сторонниками мистицизма, и какъ принимались новыя книги, интересный матеріалъ даетъ одинъ эпизодъ изъ московской жизни [34]).

Въ 1816 году настоятелемъ московскаго симонова монастыря былъ архимандритъ Герасимъ (Князевъ) Онъ происходилъ изъ купцовъ, „словеснымъ наукамъ не обучался", но благосклонныя отношенія къ нему юрьевскаго архимандрита Фотія говорятъ о нѣкоторомъ сродствѣ-ихъ душъ [35]).

Повидимому, Герасимъ былъ популяренъ среди купеческаго люда, и нѣкоторые, по его словамъ, „добренькіе сыны греко-россійской церкви" приходили къ нему за совѣтами и за разрѣшеніемъ недоумѣній. Съ нѣкотораго времени они начали носить въ монастырь „новонапечатанныя книжки" и со слезами заставляли читать, приговаривая: „смотрите, батюшка, что нынѣ печатаютъ". Онъ иногда отклонялъ подобныя просьбы, а иногда, дѣлая имъ удовольствіе, по нѣсколько прочитывалъ, убѣждая ихъ, что правительство вреднаго ничего печатать не дозволитъ.

Но вотъ, осенью 1816 г., почитатели симоновскаго архимандрита принесли къ нему поэму „Мученики" Шатобріана. Во второй ея части вложена въ уста проконсула рѣчь, говоренная будто бы соправителями Діоклетіана (въ томъ числѣ и Константиномъ Великимъ. „Въ рѣчи оной, передавалъ потомъ Герасимъ, по началу безбожной, а въ продолженіи ругательной, названъ Моисей святый обманщикомъ, Спаситель Іисусъ Христосъ сыномъ плотника и проповѣдующимъ"... „но я страшусь и доканчивать въ виду дерзкой хулы". Также смущались и архимандритъ, и сыны церкви толкованіями, содержащимися въ книгѣ „О таинствѣ креста" (изд.

---

[33]) Рвеніе цензора Тимковскаго, отчасти Бирюкова, творить угодное князю слишкомъ бросалось въ глаза даже въ ту эпоху. А. С. С., 1817. 815; также «Записка о крамолахъ враговъ Россіи», Р. Арх. 1868 г., стр. 1351,

[34]) А. С. С., 1817, 815.

[35]) Письма духовныхъ и свѣтскихъ лицъ къ м. московскому Филарету (1812—1867), изд. А. Н. Львовымъ. (Спб. 1900). Даже митр. Серафимъ въ одномъ изъ писемъ даетъ не весьма благопріятный отзывъ о ревности Герасима, «которая не по разуму и прежде была, а теперь еще болѣе» (стр. 37).

1814 г.), вродѣ слѣдующаго: „третій звѣрь, который есть образъ перваго, но говоритъ по волѣ второго, знаменуетъ синодъ и вселенскіе соборы духовенства, на которыхъ оно думало, да еще и нынѣ думаетъ, что представляетъ церковь, въ которой, однако, никто другой и слова сказать не можетъ, кромѣ него одного, ибо прочіе міряне". Много сужденій, противныхъ священному писанію, нашли ревнители вѣры въ книжкѣ „О нетлѣніи и сожженіи всѣхъ вещей" (М. 1816 г.), въ „Побѣдной повѣсти", и въ „книгахъ, особливо до каменщиковъ [36]) относящихся".

Впечатлѣніе читателей и слушателей, какъ и все изложенное, такъ передается въ донесеніи Герасима митр. Амвросію: «Плачутъ они и горюютъ: что это? Какъ можно сіе согласить?» И все это Тимковскій такія книги пропускаетъ во зло-де, онъ старъ и всѣхъ книгъ не прочитываетъ, или послѣ-де враги Христовой Церкви много прибавляютъ. И просили они меня неоднократно написать вашему высокопреосвященству или къ князю Александру Николаевичу [37]), а другіе изъ нихъ написали прямо въ св. синодъ формальную просьбу, говоря: «воли-де государя императора и св. синода». Иные рады хоть имѣнія своего лишиться, если на сіе вздумаютъ за что-либо ихъ обвинить... Я на первый случай къ князю Александру Николаевичу не осмѣливаюсь писать, а осмѣлился только написать в. в-ству, въ томъ предположеніи, что вы о семъ переговорите съ Ал. Ник—чемъ. Я не знаю, могу ли я добренькихъ сыновъ св. Церкви чѣмъ-нибудь утѣшить, зная, что это дѣло требуетъ большой осторожности: изъ сихъ овечекъ стада Христова утаскиваютъ къ себѣ старообрядцы, толкуя: вотъ-де у васъ что печатаютъ..., вселенскіе соборы и синодъ называютъ змѣиною главою»... Я, съ своей стороны, думаю, много накажетъ Господь Богъ соблазняющихъ такъ Церковь Христову. Попекитесь вы, милостивѣйшій архипастырь, обще съ княземъ Ал. Ник-чемъ., а иначе это зло, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе будетъ усиливаться» (Въ ноябрѣ 1816 г.).

Конечно, это донесеніе въ Петербургѣ не могло достигнуть ожидаемыхъ результатовъ, зато послужило поводомъ для полемики въ самой Москвѣ. Защитникомъ мистическихъ книгъ выступилъ М. Невзоровъ [38]), издававшій ранѣе журналъ «Другъ Юношества». Получивъ списокъ съ донесенія арх. Герасима, Невзоровъ написалъ на него возраженіе, и то и другое началъ распространять по Москвѣ.

---

[36]) т. е. масоновъ.

[37]) Голицыну.

[38]) Нѣкоторыя, относящіяся сюда, автобіографическія свѣдѣнія о Невзоровѣ напечатаны въ Библіографическихъ Запискахъ за 1858 г., № 21, особ. стр. 643-4 Позднѣйшее (отъ 2› іюня 1825 г.) письмо Невзорова къ м. Серафиму, повторяющее во многомъ мысли московской полемики, помѣщено въ приложеніи къ ст. А. Пыпина: «Россійское Библейское Общество». В. Евр. 1868, т. VI, стр. 758-768.

Хотя это опроверженіе, по мнѣнію сторонниковъ Герасима, было „ругательное всему духовенству“, но нельзя отказать ему въ извѣстныхъ достоинствахъ. Изложивъ главные тезисы донесенія Герасима, Невзоровъ, обращаясь къ послѣднему, высказываетъ основательное предположеніе. „Знатоки увѣряютъ, что письмо сіе не есть собственно вашего сочиненія, а вы только выбраны политическимъ орудіемъ; за достовѣрное даже полагаютъ, что письмо сіе сочинено ученымъ и не однимъ. По мнѣнію моему, оно не есть вашего сочиненія, ибо вамъ не извѣстны выводимыя въ семъ письмѣ хитросплетенія языческой риторики и діалектики, которымъ, увы, обучаютъ въ нашихъ школахъ вмѣсто І. Златоуста. Предположивъ, затѣмъ, что въ основѣ поступка Герасима могла лежать одна изъ трехъ причинъ: кривотолки, вызвавшіе неразумную ревность „противъ рожна прати“; боязнь показаться соучастникомъ въ одобреніи „сихъ безцѣнныхъ книгъ“, наконецъ, малодушіе изъ-за выгодъ,—Невзоровъ выясняетъ ихъ недостойный характеръ.

Далѣе, Невзоровъ выписками пытается устранить обвиненія насчетъ догматическихъ погрѣшностей „новопечатанныхъ“ книгъ, хотя и не весьма убѣдительно. Въ доказательство, напримѣръ, того, что книга „О таинствѣ креста“, признаетъ единосущіе І. Христа съ Отцемъ, онъ извлекаетъ изъ нея слѣдующее мѣсто. „Вотъ какъ я желалъ бы, чтобы разумѣли слова св. Іоанна: Въ началѣ,—которое есть алефъ—бѣ слово и Слово бѣ у Бога (въ книгѣ вмѣсто Бога поставлено Іеговагъ) и Богъ бѣ Слово, чрезъ что мы видимъ вѣчное и неизреченное рожденіе Слово чрезъ Алефъ, или вѣчное начало, и откровеніе Алефа чрезъ слово, которое есть Іеговагъ, глаголъ, гласъ, сердце, сила.“

Непочтительныя выраженія книгъ о синодахъ и соборахъ апологетъ хочетъ смягчить тѣмъ, что авторъ книги „О таинствѣ креста“, будучи не нашей религіи, вооружался противъ папизма и его соборовъ, напр. флорентійскаго. Пиша же въ 1732 г., въ Голландіи, и сидя еще подъ стражею въ крѣпости, онъ могъ и не знать о нашемъ синодѣ. Притомъ, замѣчаетъ Невзоровъ, „доброе духовенство ничего дурного на свой счетъ не возьметъ“. Высказавъ эту мысль, авторъ не удержался отъ дальнѣйшихъ выводовъ и сопоставленій. Вспомнивъ свое личное обращеніе къ вѣрѣ, еще студентомъ въ Геттингенѣ, посредствомъ книги „О таинствѣ креста“, и отмѣтивъ равнодушіе въ дѣлѣ религіи нѣмецкаго духовенства, Невзоровъ замѣчаетъ: къ несчастію, выходитъ на повѣрку, что и наши духовные начинаютъ ожесточаться противъ Штиллинга и другихъ истинныхъ проповѣдниковъ слова Божія. Нельзя, къ сожалѣнію, здѣсь пройти молчаніемъ, что древле и нынѣ, по всей Европѣ и всѣмъ христіанскимъ государствамъ въ свѣтѣ, и даже, наконецъ, у насъ въ Россіи, противъ

истинно-христіанскихъ книгъ первые возстаютъ духовные... Полвѣка у насъ продолжается изданіе разныхъ философскихъ, къ паденію религіи служащихъ книгъ, вольтеровскихъ и подобныхъ, но я не слыхалъ, чтобы духовенство, движимо будучи ревностью къ истинному христіанству, рѣшилось дѣлать правительству противъ заразительныхъ сихъ книгъ формальныя представленія. Но лишь только дается свобода выходить истинно-христіанскимъ сочиненіямъ, оно первое начинаетъ противъ нихъ вопіять...

Скажите, по совѣсти: отчего это? Не трудно рѣшить сіе: безъ сомнѣнія, оттого, что мы любимъ больше съ Іисусомъ быть на свадьбѣ въ Канѣ, гдѣ всего вдоволь, и попировать въ Виѳаніи, но отъ Голгоѳы прочь. Мы избрали для Іисуса мѣсто на безконечной высотѣ отъ насъ, посадили его на драгоцѣнномъ престолѣ, дали ему порфиру, корону, свиту, и въ такомъ видѣ кланяемся ему во храмѣ, хвалимъ и величаемъ, когда летятъ отъ него мѣшки золота и серебра, бархаты и мѣха собольи, бриллiантовые кресты и панагіи, бочки стерлядей и т. п.. Но, если онъ начнетъ подходить къ намъ въ смиренномъ одѣяніи и вопіять: „Горе вамъ...“—тогда мы распыхаемся, раздираемъ ризы и вопіемъ: „да онъ же не Левіина колѣна, а Іудина! Какъ онъ смѣетъ намъ такъ говорить!? Скорѣе дреколія, гвоздей.“

Въ такомъ же духѣ составлена и филиппика Невзорова противъ «сыновъ церкви», приходившихъ къ Герасиму. «Это, говорятъ, богатые здѣшніе торгаши. Спросить бы ихъ, по совѣсти, какая, по ихъ мнѣнію, Церковь Христова? Во время войны 12-го года отъ крови и слезъ они нажили милліоны, а изъ всего этого какую-нибудь пятисотую часть употребятъ на созданіе какой-нибудь монастырской стѣны, или сдѣланіе гдѣлибо изъ честолюбія придѣла, во имя ангела своего или жены, и то потому, что прямо во имя свое не позволяется сдѣлать придѣла. Нѣтъ! „вниде Іисусъ и разгна вся“...

Задѣтые въ этой апологіи москвичи, конечно, не пожелали остаться безотвѣтными. Распространяемыя Невзоровымъ по городу «ругательныя бумаги» они сочли нужнымъ представить по начальству. Это и исполнилъ нѣкто Алексѣй Соколовъ, коллежскій ассесоръ.

Сначала Соколовъ пытался передать «донесеніе» Герасима и возраженіе Невзорова архіепископу московскому Августину, «но такъ какъ доступъ къ нему, по повсемѣстному слуху, отъ келейника его Малиновскаго, съ помощью чудовскаго намѣстника Ѳеофилакта, сдѣлался весьма затруднителенъ», то Соколовъ обратился прямо въ синодъ. «Движимый духомъ ревности», онъ просилъ св. синодъ: «учинить законное опредѣленіе о возраженіяхъ Невзорова и о самыхъ выпущенныхъ по публикамъ, имъ однимъ (!) несправедливо защищаемыхъ, нелѣпыхъ книгахъ, и

упоминаемыя имъ въ томъ возраженіи книги и подобныя онымъ... сжечь или остановить».

Помимо этого главнаго предмета, прошеніе Соколова, безъ всякой связи, касается и другихъ вопросовъ, волновавшихъ тогда москвичей. Упоминается здѣсь о злоупотребленіяхъ кладбищенскихъ священниковъ, равно какъ и упомянутаго келейника, нажившаго будто бы капиталъ въ сто тысячъ; о томъ, что иностранецъ аббатъ Николя основалъ въ Одессѣ училище, и что ему подчиненъ православный священникъ; что къ соблазну похваляются сочиненія Лагарпа, сорокъ лѣтъ заблуждавшагося; наконецъ, что «заводятся въ Москвѣ какія-то общества, и исходатайствованъ каменному подрядчику фіолетоваго бархата съ золотымъ шитьемъ кафтанъ». Въ виду такого характера прошенія, синодъ рѣшилъ оставить его безъ послѣдствій [39]). Впрочемъ, от-

[39]) Изложенныя московскія пренія о вѣрѣ даютъ живой отвѣтъ на вопросъ: въ чемъ для своего времени таилась сила мистицизма? Споръ объ «Алефъ», «тинктурѣ» и т. п., какъ можно видѣть, весьма скоро сходилъ на практическую почву—на обличенія «левіина колѣна» и «торгашей». На той же практической почвѣ хотѣли стоять и правовѣрные противники мистиковъ, хотя бы для этого приходилось употреблять разнаго рода клеветы и натяжки. Вотъ, напримѣръ, одно изъ разоблаченій нѣсколько позднѣйшей (половины двадцатыхъ годовъ) «Записки о крамолахъ враговъ Россіи»: «Нельзя оставить, говоритъ она, безъ замѣчанія той хитрости враговъ нашей церкви и отечества, что они, въ намѣреніи уронить достоинство священныхъ книгъ, продавали ихъ по самой низкой цѣнѣ; а чтобы болѣе возвысить мнимое достоинство своихъ зловредныхъ книгъ, продавали ихъ очень дорогою цѣною. Всю Библію можно было купить за пять рублей ассигнаціями, а «Побѣдная повѣсть» продавалась по 25 р. асс., слѣдственно, въ пятеро дороже». (Р. Арх., 1868, 1351.)

Одну изъ самыхъ продуманныхъ и прочувствованныхъ характеристикъ «правды» мистическаго движенія еще въ 1862 г. предложилъ Г. Цвѣтковъ въ журналѣ «Духовный Вѣстникъ». «Состояніе умовъ у насъ въ Россіи, пишетъ онъ, требовало (тоже) поворота на другую дорогу. Послѣ изгнанія французовъ, народное сознаніе наше было сильно возбуждено: мы оглянулись на себя разумно и замѣтили, что вся наша жизнь и гражданская, а отчасти и религіозная, двигалась на формахъ, обрядахъ и преданіяхъ, которыми развитые люди уже не удовлетворялись... Ученіе мистиковъ и у насъ получило право гражданства, потому что внутренній человѣкъ во внѣшнемъ русскомъ человѣкѣ только что зародился и предъявилъ право жизни. Онъ зародился подъ вліяніемъ западнаго понятія и сталъ питаться западнымъ же ученіемъ, за отсутствіемъ чего бы то ни было удовлетворяющаго у себя дома въ литературномъ мірѣ... Имъ увлеклись и свѣтскіе и духовные. Тотъ изъ духовныхъ, кто успѣлъ развиться жизнью и образованіемъ, кто чувствовалъ неудовлетворимость, жажду и стремленіе къ усовершенствованію своихъ нравственныхъ силъ, тотъ непремѣнно ощущалъ въ себѣ духъ времени, а мистицизмъ былъ тогда въ духѣ времени. Мы помнимъ еще нѣсколько такихъ лицъ изъ московскаго духовенства. Они были, надобно правду сказать, лучшими людьми между своими и пользовались общимъ уваженіемъ. А большинство—мы также и большинство помнимъ—ничего не знало, кромѣ семинарской латыни,—не римской классической латыни, а своей собственной, переведенной съ русскаго и не выходившей за предѣлы обиходныхъ сентенцій и разныхъ нравоучительныхъ пословицъ. Но и для нихъ Сіонскій Вѣстникъ былъ самымъ пріятнымъ матеріаломъ для чтенія, по чистотѣ и нравственности идей и необыкновенной для того времени

носительно существеннаго пункта прошенія, «т. е. сочиненій, называемыхъ имъ, Соколовымъ, вредными и соблазнительными», св. синодъ поручилъ объявить ему, со взысканіемъ гербоваго сбора, что „изъявляемая имъ ревность неумѣстна, при той со стороны Правительства бдительности, которою охраняется неприкосновенность истинной вѣры, миръ и тишина православной нашей Церкви". Подъ синодальнымъ опредѣленіемъ подписались: Амвросій, Михаилъ, Серафимъ и Державинъ.

Хотя, такимъ образомъ, синодъ довольно холодно отнесся къ воплямъ униженныхъ и оскорбленныхъ москвичей, но эта полемика не прошла безслѣдно. Въ Москвѣ образовалась группа враждебныхъ мистицизму лицъ, вдохновителемъ которой являлся б. переводчикъ московской мед.-хирургической академіи Степанъ Смирновъ. Еще съ 1815 года онъ началъ составлять посланія и обличенія по поводу выходящихъ въ свѣтъ мистическихъ книгъ[40]). По возобновленіи Сіонскаго вѣстника, противники мистицизма избрали его мишенью для своихъ нападокъ,—«безпристрастныхъ мнѣній». Изъ выписокъ, взятыхъ, по преимуществу, внѣ связи разсужденій журнала, у нихъ составился цѣлый обвинительный актъ противъ Сіонскаго вѣстника. По пунктамъ были перечислены преступленія журнала противъ ученія церкви, проповѣдуемое имъ равноправіе вѣръ, отрицаніе догмата воплощенія, таинствъ и проч. Было найдено даже и crimen laesae majestatis, ибо, «въ отношеніи гражданства и общества, Сіонскій вѣстникъ, помѣщая одну вздорную сказку о дочери отмѣнно сіятельнаго царя, простираетъ свои посягательства на священность земной власти» [41]).

До какой степени напряженно слѣдили заинтересованные москвичи за событіями, видно изъ того, что, по словамъ Невзорова, еще за мѣсяцъ до прекращенія журнала, московское духовенство и многіе свѣтскіе, „по санамъ своимъ извѣстные", съ торжествомъ предвѣщали паденіе журнала, и, когда это совершилось, праздновали, какъ особое событіе. Въ Москвѣ разсказывали тогда, что правительство, покровительствовавшее доселѣ изданію мистическихъ книгъ, наконецъ, увидѣло свою ошибку и рѣшилось прекратить ихъ печатаніе. [42]) И хотя, на самомъ дѣлѣ,

---

легкости слога. Старики до гроба вспоминали объ томъ журналѣ съ восторгомъ. Духовный Вѣстникъ, 1862 г., II: «Сіонскій Вѣстникъ. Періодическое изданіе. С.-Петербургъ. 1806, 1817, 1818», стр. 403—4.

[40]) Провести въ печать свои обличенія Смирнову было не легко. Такъ статью подъ заглавіемъ «Манихейство» изъ его сборника» «Безпристрастный зритель девятнадесять(аго?) столѣтія», отказался цензоровать комитетъ при московскомъ университетѣ, «по прикосновенію къ духовнымъ предметамъ». Въ свою очередь, не дала о ней рецензіи и московская духовная цензура, присоединивъ статью къ дѣлу (М. Д. Ц., 1818, 22; «Русск. Старина», 1876, февраль, 274.

[41]) «Р. Старина», 1895 г., I, 68. Наши мистики-сектанты.

[42]) Русск. Ст. 1895 г., 1, 68; ср. „О судьбѣ православной церкви русской

еще далеко было до этого сознанія, но все-таки уже и въ Петербургѣ стали замѣтны новыя вѣянія, съ которыми и приходилось считаться Голицыну.

Какъ видно изъ изложеннаго, московскіе противники мистицизма, незнакомые детально съ общимъ положеніемъ духовно-цензурнаго дѣла, вполнѣ достаточное средство противъ „новопечатныхъ книгъ" видѣли въ одномъ фактѣ ихъ подчиненія духовной цензурѣ. Но въ Петербургѣ сама духовная цензура, хорошо понимая, что, съ передачей подъ ея надзоръ мистическихъ произведеній, усилится на нее и давленіе Голицына, не спѣшила съ этимъ дѣломъ.

Самымъ дѣятельнымъ цензоромъ въ спб. комитетѣ былъ въ эти годы, перешедшій изъ Москвы, убѣжденный ревнитель православія Иннокентій (Смирновъ). По своему опыту, онъ уже успѣлъ дознать, какія коллизіи создавало разсмотрѣніе присылаемыхъ отъ оберъ-прокурора, или комиссіи духовныхъ училищъ книгъ, составленныхъ во вкусѣ эпохи. Несмотря на мотивированные отрицательные отзывы цензурнаго комитета, книга возвращалась вновь. съ требованіемъ новаго разсмотрѣнія. Иногда и приходилось, поэтому, допускать нѣкоторую снисходительность въ отношеніи къ „сквернымъ", по выраженію Фотія, ученика Иннокентія, книгамъ. Чаще цензура пыталась выйти другимъ путемъ изъ затруднительнаго положенія. Присылались, напримѣръ, отъ Голицына, на разсмотрѣніе комитета, сочиненія подъ характерными заглавіями: „Христіанинъ нова тварь", „Лоза таинственная", „Нынѣ день спасенія", „Объ учрежденіи библейскихъ обществъ"[43]) и проч. Кое-что комитетъ одобрялъ, изрѣдка позволялъ себѣ „читать" книгу по три года.[44]). Но наиболѣе удобнымъ для него средствомъ предупредить самую возможность подобныхъ порученій было указаніе на свою некомпетентность, на то, что „данное сочиненіе выше суда цензурнаго комитета, учрежденнаго для учебнаго округа академіи". На такой почвѣ создалось интересное явленіе: комитетъ, отчасти уже въ противорѣчіе прежней практикѣ, сталъ напоминать о существованіи московской духовной цензуры, и тѣмъ умалять свое значеніе даже по незначительнымъ поводамъ .Такъ, напримѣръ, случилось съ рукописями: Мансурова „Стѣнной мѣсяцесловъ"; Соколова „Храмъ благочестія"; Лучинскаго и Соковнина: „Полный историческій словарь о всѣхъ угодникахъ православной россійской церкви". Хотя, по замѣчанію самого комитета, во второй рукописи онъ ничего противнаго даннымъ ему

въ царствованіе имп. Александра I", А. С. Стурдзы,—его отзывъ: благонамѣренный, но слишкомъ довѣрчивый къ своимъ друзьямъ, князь Голицынъ съ тѣхъ поръ (т. е. со времени кощунства іеромонаха Іова) сдѣлался осторожнѣе". Рус. Стар., 1876, февраль, 277.

[43]) СПБ. Д. Ц. К., 1817, 8.

[44]) Членъ цензурнаго комитета І. Бедринскій. СПБ. Д. Ц. К., 1817, 8; 1816, 7. М. Д. Ц., 1817, 17.

наставленіямъ не находитъ, но позволеніе напечатать сію рукопись дать не можетъ. Это сочиненіе представляло собою сокращеніе чет.-миней, „переложенныхъ на общеупотребительный и каждому вразумительный россійскій языкъ". Затрогивался, такимъ образомъ, еще мало выясненный вопросъ о „просторѣчіи священныхъ книгъ", и академическая цензура нашла болѣе удобнымъ передать дѣло на судъ умудренной годами спеціальной московской духовной цензуры.

Не соглашаясь съ такимъ-опредѣленіемъ комитета, Соколовъ „осмѣлился всеподданнѣйше просить", чтобы указомъ „повелѣно было сіе мое прошеніе съ означенною рукописью въ св. синодѣ принять, и какъ оную, такъ и послѣдующіе мѣсяцы (святцевъ), какіе отъ меня на разсмотрѣніе въ духовно-цензурный комитетъ представлены будутъ, позволить, въ какой типографіи пожелаю, печатать.

Въ московскую цензуру „Храмъ благочестія" отправленъ не былъ, а разсмотрѣть его поручено было присутствовавшему въ синодѣ І. Державину. Указавъ на нѣкоторые мелкіе недочеты, несоотвѣтствіе названія, неточность хронологіи библейскихъ событій, сравнительно съ текстомъ LXX толковниковъ, излишнюю краткость по мѣстамъ и неясно выраженную цѣль сочиненія,—Державинъ ограничился заключеніемъ: можно бы было основательнѣе судить о достоинствѣ сокращенія и болѣе уважить труды, если бы все оно было представлено, а не одинъ только мѣсяцъ. Окончательнаго рѣшенія не далъ и св. синодъ, можетъ быть, дѣйствительно, затрудняясь пока выразить опредѣленный взглядъ на это дѣло. За то, неизлишне здѣсь прибавить,—прямо тенденціозна была синодальная резолюція, по возбужденному Соколовымъ ходатайству, уже отъ 1825 г. (25 сентября). Благодаря перемѣнѣ обстоятельствъ, синодъ, приведя лишь съ буквальною точностью изложенный отзывъ Державина, постановилъ: „отказать, и о томъ, когда явится въ канцелярію св. синода, объявить ему по надлежащему" [45]).

Изданію „Полнаго историческаго словаря о всѣхъ угодникахъ" Лугинскаго хотѣлъ оказать свое содѣйствіе близкій къ Голицыну—„кардиналъ-племянникъ", по характеристикѣ Пушкина, А. И. Тургеневъ. Рукопись была имъ прямо отослана въ спб. духовно-цензурный комитетъ, а затѣмъ, въ виду отказа послѣдняго, направлена въ московскую цензуру. Цензура, къ возраженіямъ по существу, присоединила еще свои отжившія требованія формальнаго характера, вродѣ слѣдующихъ: „отъ сочинителя (самого) не прислано просьбы въ здѣшнюю цензуру", „не представлено книгъ" (старопечатныхъ, изъ патріаршей библіоте-

[45]) А. С. С., 1817, 262.

ки, на которыя сдѣланы ссылки), для провѣрки; „не прописано, на чей коштъ печатать будетъ, и желаетъ печатать тамъ, гдѣ ему способнѣе, а, такъ какъ, по указу св. синода, цензура отсылаетъ единственно въ духовныя типографіи, то потребовать письменное объявленіе, желаетъ ли печатать въ духовной именно типографіи и на его собственный коштъ".

Насколько устарѣвшими и абсурдными казались теперь подобныя требованія, это ясно слышится въ отвѣтахъ автора на послѣдній пунктъ: „Цензура, пишетъ онъ, требуетъ моего согласія къ напечатанію въ духовной типографіи., ибо-де, по указу св. синода... Я повинуюсь законамъ, отъ сего не отрекаюсь, но прежде мнѣ нужно видѣть благоволеніе духовной цензуры, соизволяющее къ напечатанію словаря..: тогда я положу по сему предмету надлежащія мѣры, въ обоюдную пользу служащія" [46]).

Всѣ такія, время отъ времени повторявшіяся, указанія на невыясненность правъ и положенія академическихъ цензурныхъ комитетовъ, не могли не обращать вниманія церковной власти. Тѣмъ болѣе должны были они исподволь накоплять недовольство Голицына и вмѣстѣ побуждать его окончательно рѣшить вопросъ о преобразованіи духовно-цензурнаго дѣла.

Двадцать четвертаго октября 1817 г. Голицынъ былъ назначенъ министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Вызвано было это соединеніе двухъ вѣдомствъ „желаніемъ, дабы христіанское благочестіе было всегда основаніемъ истиннаго просвѣщенія" (слова манифеста) [47]). Подробнѣе и конкретнѣе развиваетъ ту же мысль инструкція, данная въ руководство учрежденному при главномъ правленіи училищъ ученому комитету. „Существенное служеніе" его она поставляетъ въ томъ, „чтобы народное воспитаніе,—основу и залогъ благосостоянія государственнаго и частнаго,--посредствомъ лучшихъ учебныхъ книгъ направить къ истинной, высокой цѣли: къ водворенію въ составѣ общества въ Россіи постояннаго и спасительнаго согласія между вѣрою, вѣдѣніемъ и властью, или, другими словами, между христіанскимъ благочестіемъ, просвѣщеніемъ умовъ и существованіемъ гражданскимъ [48]).

Ту же идею, въ примѣненіи къ цензурѣ, развиваетъ и циркуляръ Голицына попечителямъ отъ 4-го апрѣля 1818 г.: „По соображеніямъ моимъ, нахожу я, что, какъ до изданія

---

[46]) М. Д. Ц.. 1817, 17.

[47]) П. С. Зак., 1817, 27,106.

[48]) Сухомлиновъ. Матеріалы для исторіи просвѣщенія, въ ц. Александра I, т. II, 34. Живой примѣръ достижимости единенія на религіозной почвѣ власть могла видѣть тогда въ Библейскомъ обществѣ: «комитетъ его дѣйствительно соединилъ въ себѣ элементы, которые еще никогда до тѣхъ поръ не были соединены въ русской жизни,... православныхъ іерарховъ съ иновѣрнымъ духовенствомъ». А. Пыпинъ. «Россійское Библейское Общество». В. Евр. 1868 г., т. V, 245—6.

устава о цензурѣ, такъ и послѣ того, вообще выходили и могли выходить у насъ книги, коихъ содержаніе, въ отношеніи къ духу правительства и религіи, могло, по тогдашнимъ обстоятельствамъ и времени, весьма противно быть принятымъ нынѣ твердымъ правиламъ, кои правительство, по точной волѣ государя императора, вводить и укоренить старается. Вслѣдствіе сего, по долгу званія моего, обязываюсь я употребить всѣ зависящія отъ меня мѣры къ недопущенію во вновь печатаемыхъ книгахъ никакихъ мыслей и правилъ, нетерпимыхъ нынѣ правительствомъ. По сему прошу предписать подвѣдомственному вамъ цензурному комитету, чтобы оный, при разсмотрѣніи сочиненій и переводовъ, предполагаемыхъ къ напечатанію вторымъ, третьимъ и вообще возобновляющимся тисненіемъ, наблюдалъ строжайше, дабы подобныя мѣста въ книгахъ сихъ, содержащія мысли и духъ, противные религіи христіанской, обнаруживающіе или вольнодумство безбожничества, невѣрія и неблагочестія, или своевольство революціонной необузданности, мечтательнаго философствованія, или же опорочиванія догматовъ православной Церкви и тому подобное, были непремѣнно запрещаемы къ печатанію, хотя бы въ напечатанныхъ прежде книгахъ и находились“ [49]).

При свѣтѣ такихъ уніональныхъ стремленій, легко выступало наружу все, носившее характеръ противорѣчія, крайностей, „публичнаго оказательства раскола“, съ той и другой стороны. И ближайшимъ слѣдствіемъ сознанія Голицына, что онъ — министръ, было, на первыхъ порахъ, запрещеніе Сіонскаго вѣстника, а затѣмъ—преслѣдованіе цензора Иннокентія.

Даже при всей, наблюдаемой въ Голицынѣ, неровности характера, нельзя признать его поступокъ съ журналомъ Лабзина вполнѣ искреннимъ. Футляръ министра, видимо, оказалъ здѣсь свое вліяніе. Лишь нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, онъ, по поводу самыхъ смѣлыхъ статей Лабзина и ропота, вызваннаго ими въ духовенствѣ, могъ такъ писать издателю журнала: „О сей піесѣ надобно было ожидать, что нѣкоторая часть читателей будетъ ею недовольна, но ненадобно сожалѣть, что она напечатана; ибо въ ней великія истины для тѣхъ, кои читать ее будутъ безъ предубѣжденія“. Теперь же онъ замѣтно „склонился къ крикамъ возстающихъ на журналъ“, какъ упрекалъ его Лабзинъ [50]).

„Крики“ эти, несмотря на специальныя давленія, не могли уже не доходить до слуха князя. Только что вступившій на путь ревнителя вѣры А. С. Стурдза, на особомъ пріемѣ у министра, сталъ ему излагать, по запискамъ московскаго ревнителя Ст.

---

[49]) Императоръ Александръ Первый, его жизнь и царствованіе, Н. К. Шильдера, т. IV, 301.

[50]) Русск. Старина, 1895. I. стр. 80.

Смирнова и кн. Сергія Ширинскаго-Шихматова, преткновенія Лабзина. Голицынъ былъ приведенъ въ смущеніе, не столько, конечно, этими указаніями, сколько необходимостью рѣзкой перемѣны курса въ отношеніи къ Сіонскому вѣстнику, который онъ отчасти даже лично разсматривалъ. Стурдза подсказалъ выходъ: „вотъ мой секретъ: не угодно-ли будетъ вашему сіятельству, съ вѣдома и соизволенія государя, объявить формально Лабзину, что впредь поставляется ему въ обязанность обратиться съ изданіемъ Сіонскаго вѣстника въ духовную цензуру установленнымъ порядкомъ? Если онъ безъ ропота покорится законному распоряженію, то ваше выгодное о немъ мнѣніе будетъ оправдано. Напротивъ, если онъ станетъ отказываться и роптать, то злонамѣренность его обнаружится во всей наготѣ своей [51]).

„Князь, добавляетъ Стурдза, остался довольнымъ моею дилеммою“, и, дѣйствительно, въ іюнѣ 1818 года Голицынъ обратился къ митрополиту Михаилу съ увѣдомленіемъ о передачѣ журнала въ вѣдѣніе духовной цензуры. Здѣсь онъ, между прочимъ, писалъ: „находя, что, при многихъ назидательныхъ статьяхъ, появляется въ семъ изданіи часъ отъ часу болѣе матеріи, таинственнаго въ духовномъ смыслѣ и такого содержанія, что иныя статьи вовсе не слѣдуютъ быть доводимы до общаго свѣдѣнія; вообще же многое въ нихъ касается и до догматовъ церковныхъ, а иногда и мнѣнія частныя по духовнымъ матеріямъ, —я призналъ, съ соизволенія государя, просмотрѣніе сихъ книжекъ болѣе приличнымъ для лицъ духовнаго вѣдомства“ [52]).

Лабзинъ, однако, проще взглянулъ на дѣло. Возгласъ отчаянія рѣшилъ предложенную ему дилемму: „врагамѣ моимъ отдали меня. Не пойду на судъ людямъ, которые затворяютъ дверь царства небеснаго, сами не входятъ и другихъ не пускаютъ туда“. Изданіе журнала прекратилось [53]). Впрочемъ, Лабзинъ предварительно обратился къ Голицыну съ апологіей своего дѣла. Несмотря на всю искренность и убѣдительность доводовъ, она успѣха не имѣла; зато заставила Голицына изложить свои резоны.

Сдѣлавъ въ началѣ письма упрекъ Лабзину въ томъ, что онъ былъ невнимателенъ къ наставленіямъ гражданской цензуры и упорно продолжалъ свое изданіе „въ духѣ возставанія противу внѣшней церкви“, Голицынъ продолжаетъ и далѣе разсуждать съ административной точки зрѣнія: „Какое правительство и въ какомъ государствѣ согласилось бы попустить, чтобы наружныя установленія Церкви и духовной власти, коими необходимо поддерживается въ общемъ составѣ народномъ привязанность ко всему тому, что до религіи касается, было судимо, кри-

[51]) О судьбѣ православной церкви русской въ царствованіе императора Александра I (изъ записокъ А. С. Струдзы). Русск. Стар., 1876, февраль, 276.

[52]) Спб. Д. Ц. К., 1818, 4.

[53]) Р. Стар. 1895, I, 76; Р. Стар. 1876, февраль, 276.

тикуемо и отвергаемо въ публичныхъ сочиненіяхъ, и еще въ такихъ, кои суть духовнаго содержанія? Христіанство не позволяетъ намъ судить никого, кольми паче установленную власть, духовную-ли то или гражданскую".

„Министръ духовныхъ дѣлъ" тѣснилъ Голицына-мистика и далѣе,—доводилъ его чуть-ли не до отреченія отъ „истиннаго вѣдѣнія",—конечно только на словахъ. Такъ, оправдывая необходимость задерживать статьи Сіонскаго вѣстника, которыя давали поводъ думать, будто лишь у издателя его можно найти настоящую церковь, истинное христіанство и высокую премудрость, Голицынъ пишетъ: „Не будучи въ семъ убѣжденъ, не могъ я никакъ, по обязанности званія моего и мѣста, мною занимаемаго, давать позволеніе на то, чтобы члены установленной и принятой въ государствѣ Церкви явнымъ образомъ отвлекаемы были отъ оной къ неизвѣстнымъ учрежденіямъ, коихъ чистота источника еще подлежитъ сомнѣнію".

Впрочемъ, суть своихъ доводовъ самъ Голицынъ кратко выразилъ въ признаніи Лабзину: „если мнѣ позволять все то, что вы пишете, то я подамъ поводъ думать, что и я принадлежу къ вашей ложѣ, какъ то уже и говорятъ, а я—министръ" [54]). Въ томъ же письмѣ, стараясь разсѣять страхъ Лабзина передъ духовной цензурой, Голицынъ писалъ: „когда вы не имѣете намѣренія возставать противъ установленной Церкви, на что вамъ почитать и членовъ духовной власти противниками своими? Ибо и они, по крайней мѣрѣ, не менѣе всякаго другого, готовы поспѣшествовать распространенію истиннаго духовнаго вѣдѣнія и духа христіанства" [55]).

Такъ твердо ручаясь предъ Лабзинымъ за „членовъ духовной власти", Голицынъ, очевидно, былъ увѣренъ въ ихъ готовности, не только за страхъ, но и за совѣсть, содѣйствовать его объединительнымъ стремленіямъ. Взятое подъ защиту отъ нападокъ мистиковъ, духовенство, по мысли Голицына, въ свою очередь, должно было протянуть руку примиренія, стремиться къ союзу въ „духѣ христіанства".

Однако, если онъ могъ еще уловить ноту снисходительнаго сочувствія къ исканіямъ мистиковъ въ проповѣдяхъ м. Михаила, если не давало повода къ какимъ-либо подозрѣніямъ корректное отношеніе епископа Филарета къ пропуску свѣтской цензурой и распространенію по училищамъ мистическихъ книгъ, зато все съ большей для него опредѣленностью выступало положеніе, занятое цензоромъ архим. Иннокентіемъ Чѣмъ дальше, тѣмъ откровеннѣе послѣдній высказывалъ свои взгляды, и, не безъ вліянія Фотія, по-

---

[54]) Русск. Стар., 1895, I, 83—84. Наши мистики-сектанты, Н. Дубровина.
[55]) Тамъ же.

реходилъ въ наступленіе[56]). Сначала Иннокентій попытался, хотя и въ третьемъ лицѣ, разъяснять князю церковную точку зрѣнія на разные предметы. Такъ, однажды Голицынъ отослалъ непосредствено Иннокентію переведенную священникомъ смоленской епархіи Соколовымъ книгу: Разговоръ духовника съ кающимся христіаниномъ". Иннокентій внесъ ее въ комитетъ, хотя разсматривалъ и далъ отзывъ, по обычаю, самъ. И вотъ, при чтеніи этой рецензіи, невольно является мысль, что не для священника Соколова цензоръ съ удареніемъ и обстоятельностью говоритъ объ извѣстныхъ вещахъ. Напримѣръ: „Несообразно съ постановленіями церкви нашей, на второй страницѣ, духовникъ внушаетъ кающемуся не исповѣдь, какъ необходимое приготовленіе къ причащенію, но самоиспытаніе, говоря· состояніе души твоей можетъ быть извѣстно только тебѣ, а не другому. Или, на вопросъ: лицемѣры и невѣрующіе ѣдятъ ли тѣло Христово?—отвѣтъ: „нѣтъ, они принимаютъ только наружные знаки или стихіи".—Такой отвѣтъ явно противорѣчитъ словамъ апостола: „ядый и піяй недостойнѣ"... И лицемѣры и невѣрующіе принимаютъ истинное тѣло..." Не оставляетъ цензоръ безъ возраженій и столь обычнаго у мистиковъ понятія «мертвый грѣху», дѣлая, сверхъ того, общій упрекъ сочиненію за неясныя и противныя выраженія, которыми помрачается или отвергается истина. [57]).

Впрочемъ, какъ извѣстно, дѣло пошло далѣе однихъ намековъ. Еще до закрытія Сіонскаго вѣстника, Иннокентій призывалъ Лабзина къ покаянію, ревновалъ противъ изданія „Побѣдной повѣсти" Штиллинга, и готовъ былъ пропустить рѣзкое на нее обличеніе «Вопль жены, облеченной въ солнце», Смирнова. Наконецъ, по поводу совершеннаго іеромонахомъ Іовомъ кощунства, написалъ письмо Голицыну, призывая его „уврачевать нанесенную имъ церкви рану". Только м. Михаилъ, внушавшій, что нужно особенное призваніе для рѣшительныхъ дѣйствій, и ректоръ академіи Филаретъ нѣсколько умѣряли ревность Иннокентія. [58]).

Между тѣмъ, министерство, призванное водворить въ составѣ общества въ Россіи спасительное единеніе между вѣрою, вѣдѣніемъ и властью, начало намѣчать руководства для наставленія народа въ религіи. Эти сочиненія никакъ уже не могли миновать духовной цензуры. И, дѣйствительно, поступившее къ Голицыну сочиненіе священника Лебедева „Начальныя основанія религіи христіанской въ пользу юношества", имъ было пере-

---

[56]) «Преосвященный Иннокентій, епископъ пензенскій», В. Жмакина· (СПБ. 1885) стр. 78 и слѣд.

[57]) СПБ. Д. Ц. К., 1817, 4.

[58]) Сушковъ Н. В. Записки о жизни и времени святителя Филарета митрополита московскаго, (М. 1868,) стр. 109—110.

дано, чрезъ ректора академіи Филарета, въ духовно-цензурный комитетъ. Вскорѣ поступилъ къ Голицыну и также переданъ имъ въ академію „Историческій катехизисъ“ переведенный съ французскаго языка Магницкимъ. Подкупающій тонъ письма переводчика располагалъ къ покровительству: „По искренней покорности моей Святой Православной Церкви, писалъ Магницкій, и по глубочайшему почтенію моему къ лицамъ, нынѣ ее украшающимъ, я испрашиваю токмо указанія, что почтено нужнымъ будетъ отнять, прибавить или передѣлать“. [59]).

Вопреки ожиданіямъ князя, цензурный комитетъ при академіи отклонилъ данное ему порученіе, пояснивъ въ отзывѣ, что „одобрить рукопись «Начальныя основанія“ къ печатанію не можно, потому что она, какъ сочиненіе катехизическое, къ числу предметовъ, разсматриваемыхъ комитетомъ, не относится, а принадлежитъ къ разсмотрѣнію цензуры церковной или св. правит. синода“.[60]). Такое рѣшеніе, конечно, было весьма непріятно Голицыну, тѣмъ болѣе, что ректоръ академіи Филаретъ, возвращая сочиненіе обратно, счелъ нужнымъ подчеркнуть невозможность для себя оказать на комитетъ давленіе, въ духѣ желаній министра, „ибо, по уставу академіи, цензурный комитетъ отъ меня не зависитъ, и я не имѣю права предложить своего мнѣнія». [61]).

Голицынъ тотчасъ же обратился съ предложеніемъ синоду. Въ виду невыясненности въ уставѣ академій того, „какія духовныя сочиненія подлежатъ разсмотрѣнію цензурныхъ комитетовъ и какія подъ наблюденіемъ св. синода церковною цензурою имѣютъ быть разсматриваемы и одобряемы“, онъ предлагалъ синоду „точнѣйшимъ опредѣленіемъ сего пункта пополнить правила, коими руководствоваться должны цензурные комитеты духовныхъ академій, при разсмотрѣніи книгъ“. А чтобы сильнѣе, на примѣрѣ, показать желательный исходъ дѣла, Голицынъ прибавилъ: съ моей стороны, мнѣніемъ полагаю, что оба сочиненія сіи (Лебедева и Магницкаго) принадлежатъ къ числу такихъ, кои могутъ быть разсматриваемы цензурнымъ комитетомъ духовной академіи». Въ итогѣ, предъ синодомъ былъ вполнѣ опредѣленно поставленъ вопросъ: «нужно ли, за учрежденіемъ нынѣ при каждой духовной академіи цензурныхъ комитетовъ, составляемыхъ изъ особъ духовнаго званія, имѣть еще особую цензуру въ Москвѣ»?. [62]). Синодъ тогда же въ принципѣ рѣшилъ: закрыть московскую церковную цензуру. «присоединивъ всѣ, предназначенныя ей упражненія къ обязанностямъ комитетовъ»,—обратить назначенную для нея сумму, въ 3500 руб.,

---

[59]) А. С. С., 1818, 1215; ср. Ком. дух. уч., 1819, 2441 (о разсматриваніи духовною цензурою таблицъ духовнаго содержанія для училищъ).

[60]) СПБ. Д. Ц. К., 1818,9.

[61]) Чистовичъ И. Руководящіе дѣятели дух. просв., стр. 195.

[62]) А. С. С., 1818, 1215. Предложеніе св. синоду 27 окт. 1818 г.; письмо Магницкаго отъ 6 окт.

на академическіе комитеты и внести въ уставъ послѣднихъ «нужныя дополненія». Но, прежде окончательнаго опредѣленія, синодъ счелъ необходимымъ поручить детальную разработку всѣхъ этихъ предположеній конференціи петербургской академіи, при ближайшемъ участіи митр. Михаила.

Конференціи было предложено: во-первыхъ, опредѣлить, двумъ ли только цензурнымъ комитетамъ, находящимся въ столицахъ, при духовныхъ академіяхъ, на общемъ положеніи, быть для всѣхъ четырехъ округовъ, или же учредить таковые и въ Кіевѣ, и въ Казани, но безъ назначенія цензорамъ жалованія. Во-вторыхъ,—составить примѣрные штаты комитетовъ. «И какъ, говорится въ указѣ синода комиссіи, въ примѣрномъ штатѣ духовныхъ академій, высочайше утвержденномъ въ 26 день іюня 1808 года, особаго жалованья на цензурные комитеты не положено, кромѣ назначенія одному при каждой академіи цензору книгопечатанія по 450 рублей въ годъ, то, съ отмѣною московской духовной цензуры, всю, положенную въ штатѣ ея сумму, по 3500 рублей, ежегодно изъ казны отпускаемой, можно и нужно обратить на академическіе цензурные комитеты (не ограничиваясь, впрочемъ, сказано далѣе, вышеупомянутой суммой въ 3500 рублей.) Въ-третьихъ, конференціи было предписано изложить дополнительныя правила для цензурныхъ комитетовъ, съ яснымъ и подробнымъ обозначеніемъ, какія духовныя и церковныя сочиненія и переводы должны быть представляемы съ мнѣніемъ на разсмотрѣніе св. синода, прежде чѣмъ дано будетъ одобреніе на печатаніе ихъ. Руководствомъ при выработкѣ устава духовной цензуры должны были служить: уставъ о цензурѣ 9 іюля 1804 г.; „начертаніе правилъ о образованіи духовныхъ училищъ", изданное въ 1808 году, предписанія св. синода московской цензурѣ и „проекты устава духовныхъ академій". [63]).

Синодъ, повидимому, былъ вполнѣ увѣренъ въ скоромъ окончаніи этого дѣла: по крайней мѣрѣ, сочиненія Лебедева и Магницкаго были оставлены „до его совершенія". И очень возможно, что, дѣйствительно, проектъ устава духовной цензуры былъ бы выработанъ и утвержденъ съ ожидаемою быстротою, если бы не пресловутое дѣло съ книжкой Станевича „Бесѣда на гробѣ младенца". Ей суждено было сдѣлаться поводомъ къ обнаруженію настоящихъ отношеній между представителями мистицизма и православія. „Это сочиненіе, говоритъ Стурдза, слабое, но безгрѣшное, законнымъ порядкомъ прошло сквозь рѣшето духовной цензуры и никакъ, повидимому, не могло подвергнуться

[63]) Арх. Ком. дух. учил., 1819, 2421. Кстати: внесенная въ 1808 году въ «примѣрный штатъ духовныхъ академій» (Книга штатовъ, отд. I, къ № 23, 122) должность «цензора книгопечатанія» на дѣлѣ не была учреждена, за сформированіемъ комитетовъ.

захвату и сожженію. Но побочныя обстоятельства возбудили гнѣвъ лжемистиковъ“.. [64]).

Внутреннюю закулисную сторону этого дѣла сообщаетъ митрополитъ Филаретъ въ запискахъ Сушкова[65]). Изъ его разсказа видно, что, хотя цензоръ Иннокентій пропустилъ въ печать «Бесѣду» во время болѣзни, тѣмъ не менѣе одобреніе было дано не по незнанію ея содержанія, а изъ «готовности претерпѣть за правду всякое гоненіе». Цѣли этой она достигла. Голицынъ, по полученіи, 22 декабря 1818 г., экземпляра этой книги, съ чьими то отмѣтками, пришелъ въ крайнее негодованіе, которое и высказалъ предъ Филаретомъ. Впрочемъ, по заявленію послѣдняго, князь, можетъ быть, еще удержался бы отъ доклада государю, и инцидентъ былъ бы улаженъ домашними средствами, исправленіемъ и перепечаткою листовъ, если бы не слишкомъ пассивное отношеніе къ дѣлу м. Михаила. Болѣе недѣли не раскрывалъ онъ книги, переданной ему для отзыва, и видимо уклонялся отъ окончательнаго рѣшенія. Нельзя, конечно, сомнѣваться, что этимъ показнымъ равнодушіемъ митрополитъ хотѣлъ выразить свою солидарность съ Иннокентіемъ.

Тогда Голицынъ въ докладѣ своемъ государю уже ясно, „по пунктамъ“, изложилъ свои взгляды. «Разсмотрѣвъ книгу, писалъ онъ, я нахожу въ ней слѣдующее: 1. Къ сужденію о безсмертіи души на гробѣ младенца привязано защищеніе восточной церкви, тогда какъ никто на оную не нападаетъ, и ежели бы что подобное случилось, то не частному человѣку должно брать на себя сіе защищеніе. Авторъ, понимая превратно, не чувствуетъ, что можетъ привесть умы въ безпокойство, что подлинно церковь въ опасности. 2. Безпрестанныя противорѣчія, и слогъ часто безъ всякаго смысла. 3. Авторъ, опорочиваетъ такія книги, кои гражданская цензура пропустила, какъ, напримѣръ, сочиненія Дютуа, а именно Христіанскую философію и опасается, чтобы и Божественная философія не вышла бы, которая, однако уже выходитъ на русскомъ языкѣ и напечатана иждивеніемъ вашего величества. 4. Судитъ, кто болѣе правъ, св. Іоаннъ Златоустъ или св. Августинъ и отдаетъ преимущество Златоусту потому только, что онъ восточной церкви, хотя въ проповѣдяхъ и сочиненіяхъ духовныя особы часто указываютъ на Августина. 5. Духъ всего сочиненія совершенно противенъ внутреннему христіанскому ходу, и потому св. Писанію.—Подъ видомъ защищенія наружной церкви вооружается противъ внутренней, т. е. хочетъ отдѣлить тѣло отъ духа“.

Тѣ же мысли, но съ новыми оттѣнками, повторяетъ и пред-

---

[64]) Русск. Стар.; 1876 г., февраль, «О судьбѣ православной церкви русск. въ царств. имп. Александра I, стр. 278.

[65]) Сушковъ Н. В. Записки о жизни Филарета м. м., стр. 110. Сообщаемыя Сушковымъ свѣдѣнія покоятся, впрочемъ, на воспоминаніяхъ А. Н. Муравьева.

ложеніе Голицына комиссіи духовныхъ училищъ[66]). „Признаюсь, докладываетъ онъ, что я удивленъ былъ, какъ могла такого содержанія книга быть духовною цензурою одобренною. Авторъ къ сужденію о безсмертіи души на гробѣ младенца привязалъ защищеніе нашей греко-россійской церкви, тогда какъ на нее никто не нападаетъ. Церковь не имѣетъ нужды, чтобы частный человѣкъ бралъ ее подъ свое покровительство, особенно съ той точки, съ которой написано все сочиненіе. Защищеніе наружной церкви противъ внутренней наполняетъ всю книгу: раздѣленіе непонятное въ христіанствѣ; ибо наружная безъ внутренней церкви есть тѣло безъ духа. Вообще понятіе о церкви представлено въ превратномъ видѣ; ибо, гдѣ говорится о церкви, вездѣ видно, что одно духовенство принимается за оную.

Между прочимъ упоминается о извѣстной распрѣ между Боссюэтомъ и Фенелономъ, и сей послѣдній обвиняется въ лжеученіи. Однимъ словомъ, книга сія совершенно противна началамъ, руководствующимъ христіанское наше правительство по гражданской и духовной части.

Изъ сего изложенія коммиссія духовныхъ училищъ усмотритъ, что мнѣ нельзя было оставить сіе дѣло негласнымъ; тѣмъ болѣе, что, безъ высочайшаго разрѣшенія, я только на время могъ остановить сочиненіе, уже напечатанное.

Для того, представилъ я книгу сію съ замѣченными мною листами на усмотрѣніе государя императора. Его величество весьма не доволенъ, что въ цензурѣ духовной академіи, по новому ея образованію, могла быть одобрена книга, исполненная такого духа; цензору же архимандриту Иннокентію, разсматривавшему оную,... сдѣлать строжайшій выговоръ за его неосмотрительность, отъ него менѣе ожиданную, по мѣсту имъ занимаемому. государь императоръ надѣется, что комиссія духовныхъ училищъ приметъ мѣры, чтобы подобныя сочиненія, стремящіяся истреблять духъ внутренняго ученія христіанскаго, никакимъ образомъ не могли выходить изъ цензуръ, находящихся въ ея вѣдомствѣ". [67]).

Исполняя такъ властно выраженную волю министра и государя, комиссія постановила, между прочимъ, „св. синоду сдѣлать надлежащее представленіе, для его соображенія, при составленіи предположенныхъ правилъ въ руководство духовнымъ цензурамъ". При этомъ, митр. Михаилъ „словесно предложилъ комиссіи духовныхъ училищъ, для свѣдѣнія, что св. синодъ положилъ заняться составленіемъ опредѣлительнѣйшихъ правилъ вообще

[66]) Дѣло Комис. дух. учил., 1819, 2417. Руководящіе дѣятели дух. просвѣщенія, стр. 189—199. По этому изданію изложенъ вышеприведенный докладъ Голицына, котораго ни между всеподданнѣйшими докладами, ни въ числѣ дѣлъ и журналовъ архивовъ св. синода и канц. об.-прокурора не оказалось.

[67]) Въ тѣ же дни Иннокентій, по докладу Голицына, безъ предварительныхъ разсужденій въ синодѣ, былъ назначенъ епископомъ въ далекій Оренбургъ. А. С. С., 1819, 46.

насчетъ изданія духовныхъ сочиненій“. Въ своемъ же опредѣленіи отъ 5 февраля 1819 г. синодъ положилъ: „увѣдомить митрополита петербургскаго указомъ, для обращенія вниманія конференціи здѣшней духовной академіи на вышеозначенный предметъ при составленіи устава для духовныхъ цензурныхъ комитетовъ“ [68]).

Очень возможно, что, въ виду такого энергичнаго давленія Голицына на „цензуры, находящіяся въ вѣдѣніи коммиссіи“, противники мистицизма еще сознательнѣе, чѣмъ прежде, стали замедлять расширеніе ихъ компетенціи. Среди документовъ синодальнаго архива, по вопросу о введеніи устава духовно-цензурныхъ комитетовъ, сохранился черновикъ одной анонимной записки. Интересъ ея состоитъ въ томъ, что, несмотря на состоявшееся рѣшеніе высшей духовной власти уничтожить московскую духовную цензуру, записка пытается отстоять ея существованіе. Въ виду замедлившагося открытія кіевскаго и казанскаго академическихъ округовъ, она предлагала сохранить московскую цензуру для обслуживанія этихъ послѣднихъ. Но это былъ только поводъ. Дальнѣйшее изложеніе ясно обнаруживаетъ цѣль автора, —сохранить „церковное“ цензурное учрежденіе, съ его авторитетнымъ, по идеѣ, „судомъ“, возможно дальше отъ вліянія Голицына. Вотъ перечень дѣлъ, которыя здѣсь предполагалось выдѣлить для занятій возстановленной московской цензуры: „дѣла по особеннымъ порученіямъ св. синода“; сочиненія догматическія и обрядовыя, каноническія, церковныя, т. е. къ церковному уставу относящіяся, служебники, историческія, по церковной іерархіи или по жизни св. отцовъ; переводы древнихъ св. отцовъ; толкованіе на св. писаніе; церковный словарь и поученія по кіевскому и казанскому округу. „При этомъ случаѣ, говорится въ концѣ, доложить: во первыхъ, о составленіи коренного и единственнаго катехизиса греко-россійской церкви и, во вторыхъ, что цензурованныя духовными цензурами книги не всегда печатаются въ синодальныхъ типографіяхъ, въ противность устава о цензурѣ и указа [69]). Не трудно видѣть, что уже одно упоминаніе о „церковномъ словарѣ“, „единомъ катехизисѣ“ и проч. раздвигаетъ предѣлы полномочій цензуры шире какихъ бы то ни было академическихъ округовъ...

Конечно, этотъ голосъ за московскую цензуру былъ не ко времени: ея,—такъ естественнаго—разложенія нельзя было остановить. Но онъ имѣетъ значеніе, какъ выраженіе взглядовъ той партіи, которая устами Фотія проповѣдывала о поврежденіи вѣры въ академіяхъ. Вѣдь автобіографія юрьевскаго архимандрита полна такими обличеніями: „ректоры академій, семинарій, ин-

---

[68]) Ком. дух. уч., 1819, 2417, Предл 6 янв. 1819 г.
[69]) А. С. С., 1818. 1215, лл.10—11.

спекторы, архимандриты и прочіе были только школьные любомудры; сами заблуждали, страха ради молчали и другихъ тому учили, дабы обратить на себя милость еретиковъ, враговъ вѣры и Церкви“ [70]). И не безъ вліянія этой охранительной партіи произошло то, что выработанный въ стѣнахъ академіи подробный уставъ духовно-цензурныхъ комитетовъ не получилъ тогда же высочайшаго утвержденія. Впрочемъ, проникнутый строго православнымъ духомъ, онъ могъ не удовлетворять и Голицына. Вообще, послѣ дѣла Иннокентія, надежды на унію двухъ теченій фактически исчезли. Голицынъ занялся издательствомъ и усиленной оффиціальной разсылкой мистическихъ сочиненій [71]), а противная ему партія собирала силы для борьбы, группируясь возлѣ Аракчеева, будущаго,—по откровенію Фотія,—„Георгія Побѣдоносца“ [72]).

Для предварительной разработки устава духовной цензуры конференція петербургской академіи выдѣлила особый комитетъ, въ составѣ своихъ членовъ: арх-та Иннокентія, котораго вскорѣ замѣнилъ арх-тъ Поликарпъ, и священниковъ: Г. Павскаго и І. Бедринскаго. Ихъ предположенія, по обсужденіи конференціей, составили первую редакцію духовно-цензурнаго устава [73]).

При составленіи проекта цензурнаго устава, академическая конференція весьма много заимствовала изъ указанныхъ самимъ синодомъ источниковъ. Прежде всего, техническая сторона устройства комитетовъ: порядокъ занятій, обязанности, соединенныя съ

---

[70]) Русск. Стар., 1895, кн. VIII, 186—7.

[71]) Насколько самостоятельно дѣйствовалъ теперь въ комиссіи Голицынъ. можно убѣдиться изъ слѣдующаго записаннаго въ журналѣ его предложенія: „Господинъ министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія словесно предложилъ, что онъ признаетъ полезнымъ пріобрѣсть покупкою для училищныхъ библіотекъ по экземпляру вновь вышедшихъ на россійскомъ языкѣ двухъ книгъ: „Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова“ (продается по шести руб.), и другая: „Опытъ дѣятельнаго ученія о дѣйствіи Св. Духа въ душахъ“ (по 1 р. 50 к.).

Резолюція комиссіи вполнѣ соотвѣтствовала предложенію: „Разсуждено: По уваженію назидательныхъ истинъ, содержащихся въ новоизданныхъ книгахъ,... купить и препроводить въ окружныя академіи..., что и предоставить распоряженію г. тайнаго совѣтника Голицына“. Арх. ком. дух. училищъ, 1820, 2802. Это «Воззваніе» было распространено Голицынымъ въ количествѣ свыше трехъ тысячъ экземпляровъ. Христіанское чтеніе, 1876 г., январь—февр. стр. 142.

[72]) Чистовичъ И. Руководящіе дѣятели духовнаго просвѣщенія, стр. 232.

[73]) Подъ проектомъ устава находятся подписи слѣдующихъ лицъ конференціи: митр. Михаила, архіепископа Филарета тверского; ректора академіи Григорія и семинаріи Поликарпа; инспектора академіи Наѳанаила; протоіереевъ: Стахія Колосова, І. Бедринскаго, Данкова; священниковъ: Г. Павскаго, І. Кочетова, Т. Никольскаго, проф. И. Вѣтринскаго и секретаря Ст. Райковскаго. А. С. С., 1818, 1215.

новой должностью секретаря, взаимное отношеніе академическихъ комитетовъ и ихъ отношеніе къ сочиненіямъ, содержателямъ типографій, конференціи, коммиссіи духовныхъ училищъ,—носитъ слѣды широкаго пользованія уставомъ гражданской цензуры 1804 года. Напримѣръ, для свѣтскихъ цензурныхъ комитетовъ, по уставу, первую высшую инстанцію долженъ былъ представлять университетскій совѣтъ. Совершенно та же роль, въ области духовной цензуры, была усвоена академической конференціи. Даже довольно лестное для послѣдней заявленіе проекта устава: „поелику главная обязанность членовъ академической конференціи состоитъ въ распространеніи и поощреніи духовнаго просвѣщенія, то имъ должно знать степень духовнаго просвѣщенія въ ихъ время и дѣйствовать къ его распространенію по настоящей нуждѣ, по сему цензурный комитетъ... ежемѣсячно представляетъ отчетъ о своей дѣятельности конференціи“, въ общемъ, есть ничто иное, какъ лишь копія опредѣленія правъ и обязанностей профессорскаго совѣта [74]). Что, въ свою очередь, коммиссія духовныхъ училищъ, по идеѣ, должна была играть роль главнаго правленія училищъ, это видно, какъ изъ намековъ проекта, такъ и изъ прямого ея разъясненія, въ этомъ именно смыслѣ, даннаго петербургскому духовно-цензурному комитету въ 1828 году [75]).

Районъ вѣдѣнія каждаго комитета былъ оставленъ прежній, именно районъ академическаго округа. Вслѣдствіе отсрочки реформированія кіевской и учрежденія казанской академіи были ограничены права и учреждаемыхъ при нихъ цензурныхъ комитетовъ. Данныя имъ полномочія простирались лишь на „небольшія разсужденія, слова и программы, поступающія отъ лицъ собственно ихъ училищнаго вѣдомства“. Было, впрочемъ, оговорено, что, въ случаѣ возникновенія при этихъ академіяхъ періодическихъ изданій,—они могутъ быть, съ дозволенія коммиссіи, подчинены надзору тѣхъ же комитетовъ. Всѣ остальныя сочиненія, подлежащія духовной цензурѣ, должны были отсылаться изъ кіевскаго и казанскаго округовъ или въ Москву, или въ Петербургъ,—по желанію авторовъ и издателей (§ 3—5).

Разсмотрѣнію столичныхъ академическихъ комитетовъ, по проекту устава, должны были подлежать: всѣ вообще духовныя сочиненія и переводы, а именно: относящіяся къ церковному служенію и жизнеописанію святыхъ; содержащія изъясненіе цѣлыхъ книгъ или частей св. писанія,—изложеніе истинъ, касающихся основаній христіанской вѣры или религіи вообще, изложеніе или защиту христіанской вѣры вообще, особенно же догматовъ православной церкви, также правилъ и основаній христіанскаго нравоученія,—изложеніе церковной исторіи, трактаты о

---

[74]) А. С С. 1818, 1215, л. 65 (§ 80).
[75]) Арх. СПБ. Д. Ц. К., 1828, 30.

предметахъ церковнаго управленія: вообще—всѣ поучительныя слова, духовныя разсужденія, назидательные листки и прочія мелкія сочиненія и переводы. Къ этому перечню присоединены еще „сочиненія и переводы, назначаемыя къ классическому употребленію въ духовныхъ училищахъ, по какимъ бы то ни было предметамъ (§ 18).

Давая порученіе конференціи заняться проектомъ устава, синодъ предписалъ ей также установить ясно и подробно: какія церковныя и духовныя сочиненія и переводы должны представляться на его разсмотрѣніе и какія нѣтъ. Поэтому, оставивъ тотъ пунктъ правилъ 1814 года, гдѣ было сказано, что разсмотрѣнію академическихъ цензурныхъ комитетовъ «не подлежитъ токмо то, что издается съ дозволенія св. синода и коммиссіи духовныхъ училищъ", конференція сдѣлала попытку рѣшить этотъ вопросъ, хотя и не весьма удачно.

Опредѣленія, или мнѣнія, о книгахъ, назначаемыхъ для общественнаго употребленія и заключающихъ въ себѣ: вновь назначаемыя къ печатанію сочиненія, къ церковному служенію и управленію относящіяся; жизнеописанія святыхъ (въ св. синодѣ потомъ добавлено: „въ первый разъ издаваемыя"); сочиненія и переводы, содержащія: изъясненіе цѣлыхъ книгъ св. писанія, изложеніе (въ проектѣ конференціи было „полное изложеніе") догматовъ православно-каѳолическія вѣры и правилъ христіанской дѣятельности,—комитетъ представляетъ св. синоду и не прежде пропускаетъ ихъ къ напечатанію, какъ по разсмотрѣніи и разрѣшеніи св. синода (§ 75). Всегда должна была проходить чрезъ эту высшую цензурную инстанцію и „книга, предназначенная къ классическому по духовнымъ предметамъ употребленію въ свѣтскихъ училищахъ" (§ 76).

Сохраняя въ прежней силѣ свои права на все „полное, цѣлое", синодъ расширялъ (по крайней мѣрѣ въ теоріи) полномочія цензурныхъ комитетовъ на частное, „неосновное" и т. п. Вотъ перечень тѣхъ изданій, которыя комитеты могли вязать и рѣшить собственною властью. Это—1) изъясненіе нѣкоторыхъ частей въ книгахъ священнаго писанія; 2) разсужденія о частныхъ предметахъ, относящихся къ основаніямъ христіанской религіи; 3) разсужденія, заключающія изложеніе или защиту какихъ-либо не основныхъ догматовъ вѣры и христіанской дѣятельности; 4) изложеніе церковной исторіи—цѣлое или по частямъ; 5) изслѣдованіе вопросовъ филологическихъ, историческихъ, хронологическихъ, относящихся къ изъясненію св. писанія, истинъ вѣры, священной исторіи и христіанскихъ древностей, и, наконецъ, разныя поученія или слова, издаваемыя порознь и въ совокупности, и прочія мелкія сочиненія и переводы. Однако, и объ этихъ сочиненіяхъ, по истеченіи каждаго года, комитетъ обязанъ пред-

ставлять синоду отчетъ: какія именно книги и когда поступили въ комитетъ, какія изъ нихъ разсмотрѣны однимъ или всѣми членами комитета и какія изъ нихъ пропущены, или непропущены къ напечатанію, и по какимъ причинамъ. (§ 77—8)

Основной схемой дѣятельности комитетовъ при разсматриваніи книгъ попрежнему должно было служить, введенное „начертаніемъ“ 1808 г. и правилами 1814 г., различіе строгости оцѣнки книгъ классическихъ (т. е. учебныхъ) и, затѣмъ, назначаемыхъ просто для общественнаго употребленія. Было сдѣлано лишь, во второй группѣ, подраздѣленіе на сочиненія оригинальныя и переводы. (§§ 40—65)

Требованія оцѣнки „классическихъ“ книгъ съ точки зрѣнія „системы, метода, языка и цѣли духовнаго воспитанія“, оставлены прежнія, имѣли свой спеціальный педагогическій характеръ, поэтому и распространяться о нихъ здѣсь не приходится. Съ цензурной точки зрѣнія гораздо большій интересъ могла бы представлять попытка дать въ руководство комитетамъ опредѣленные критеріи, установить для оцѣнки каждой группы сочиненій общіе принципы, вообще—создать цѣлое уложеніе для цензурнаго суда. Но и эта попытка вышла безцвѣтною.

Принявъ въ основаніе своихъ разсужденій 360-ю статью устава духовныхъ академій, авторы проекта признали, что „достоинство сочиненій, предназначаемыхъ для общественнаго употребленія, смотря по ихъ содержанію, состоитъ въ важности и истинѣ мыслей, въ чистотѣ и изящности (послѣднее слово вычеркнуто въ синодѣ) слога, ясности и правильности изложенія“, ибо, добавляетъ проектъ, таковыхъ сочиненій ищутъ всѣ благонамѣренные, и таковыя сочиненія должны быть одобряемы (§ 44). А далѣе идетъ частнѣйшее—будто бы—примѣненіе этой многосодержательной формулы къ жизнеописаніямъ, изложеніямъ вѣры, изслѣдованіямъ христіанскихъ истинъ, поученіямъ и проч. На самомъ же дѣлѣ, вмѣсто какихъ-либо разносторонних указаній, статьи проекта содержатъ лишь словесные варіанты на тему, что „чистыя и назидательныя мысли, ...чистыя, назидательныя, благочестивыя чувствованія, ...благонамѣренное, основательное, ясное, назидательное и доброе по языку изслѣдованіе предметовъ, относящихся къ христіанской вѣрѣ, а особливо, кромѣ того, заключающее основательное и скромное показаніе погрѣшительныхъ или совсѣмъ ложныхъ изъясненій нѣкоторыхъ важныхъ мѣстъ писанія у писателей новѣйшаго времени,—достойны всякаго одобренія“. (§§ 45—53).

И, конечно, попрежнему отъ настроенія цензора зависѣло или отыскивать эти свѣтлыя стороны разсматриваемыхъ произведеній, или, напротивъ, забывать о нихъ, помня прежде всего про слѣдующіе, внесенные въ проектъ, ограничительные пункты:

„Сочиненія съ большими недостатками въ основательности мыслей, чистотѣ христіанскихъ чувствій, добротѣ слога, ясности и правильности изложенія, противны образованнымъ, безполезны необразованнымъ и вредны образующимся и потому не должны быть одобряемы“ [55]).

„Полному запрещенію подвергаются тѣ неблагонамѣренныя сочиненія, гдѣ подъ предлогомъ благонамѣреннаго и основательнаго изслѣдованія вопросовъ, касающихся христіанской религіи, приводятся въ сомнѣніе важныя истины вѣры, а особенно—содержащія мѣста, противныя христіанской нравственности, правительству и религіи (56—57)“.

Наконецъ, „если въ комитетъ прислана или представлена будетъ рукопись, исполненная выраженій, явно противныхъ духу христіанства и разрушающихъ начала нравственнаго ученія его, устройство и тишину церкви и государства, то комитетъ немедленно доноситъ о таковомъ сочиненіи святѣйшему синоду на усмотрѣніе“ (58).

Какъ своего рода компромиссъ, заимствованный, впрочемъ, изъ устава 1804 г., заслуживаетъ вниманія ст. 54: „Впрочемъ, само собою разумѣется, что, какъ никакое человѣческое сочиненіе не можетъ быть совершенно, то комитетъ, при разсмотрѣніи таковыхъ сочиненій, руководствуется благоразумнымъ снисхожденіемъ“.

Помимо изложенныхъ правилъ цензурнаго разсматриванія оригинальныхъ сочиненій, нѣсколько замѣчаній устава посвящено переводамъ съ иностранныхъ языковъ. Замѣчанія эти имѣли, главнымъ образомъ, въ виду устранить нѣкоторыя возможныя недоразумѣнія. Такъ, съ одной стороны, въ проектъ было включено требованіе, чтобы переводы сочиненій отцовъ церкви, особенно славныхъ своимъ просвѣщеніемъ и христіанскою жизнью, одобрялись къ напечатанію безъ перемѣны и опущенія текста. (59). Съ другой,—въ виду существованія въ переводимыхъ, какъ съ древнихъ, такъ и новыхъ языковъ, сочиненіяхъ „частныхъ мнѣній, хотя и непротивныхъ первымъ основаніямъ христіанства, но и не совсѣмъ согласныхъ съ ученіемъ православной церкви“, комитету предоставлялось исключать такія мѣста, если ихъ было немного и они не имѣли существеннаго значенія въ книгѣ, по общему своему содержанію полезной. (61).

При такомъ осторожномъ обращеніи проекта даже съ „частными мнѣніями“, вполнѣ естественно его предписаніе, чтобы переводчикъ цѣлой системы ученія какого-либо иного вѣроисповѣданія, вездѣ сопровождалъ переводъ здравою критикою въ видѣ примѣчаній, а въ предисловіи указывалъ основныя черты міровоззрѣнія автора. (62). Впрочемъ, всѣ подобные комментаріи должны были занимать скромное мѣсто примѣчаній.

Выработанный проектъ устава конференція петербургской академіи представила синоду въ началѣ 1820 г. (22 января). Чтенія проекта въ св. синодѣ происходили 1, 2, и 9 марта, „и по соображеніямъ сдѣланы въ нѣкоторыхъ онаго мѣстахъ поправки рукою синодальнаго члена преосвященнаго Филарета, архіепископа тверскаго". [76])

И. А. Чистовичъ, въ сочиненіи „Руководящіе дѣятели духовнаго просвѣщенія", передаетъ указанное дѣловое выраженіе въ такомъ перифразѣ: „причемъ предлагаемыя измѣненія дѣлаемы были на рукописи преосвященнымъ Филаретомъ". [77]) Это, однако, не устраняетъ вопроса: кто именно предлагалъ? Дать отвѣтъ на него можно, принявъ во вниманіе, что именно предлагалось. Всѣ поправки, внесенныя „рукою арх. Филарета", [78]) сводятся къ тремъ группамъ. Однѣ изъ нихъ касаются отношенія духовно-цензурныхъ комитетовъ къ свѣтскимъ, другія—административной организаціи академическихъ комитетовъ, и, наконецъ, третьи—критеріевъ цензурной оцѣнки.

Въ представленномъ конференціей проэктѣ §§ 19-й и 20-й читались такъ: „...но поелику и въ книгахъ, которыя по главному предмету должны подлежать разсмотрѣнію свѣтской цензуры, часто могутъ встрѣчаться болѣе или менѣе обширныя мѣста, подлежащія (по предыдущему пункту) разсмотрѣнію духовной цензуры, то для разсматриванія таковыхъ мѣстъ полагается быть одному духовному члену и при комитетѣ свѣтской цензуры, который бы, не завися отъ комитета духовной цензуры, дѣйствовалъ на основаніи правилъ для разсмотрѣнія книгъ, въ семъ уставѣ начертанныхъ. Членъ оный, въ случаѣ сомнѣній, можетъ просить себѣ разрѣшеній отъ комитета духовной цензуры. [79])

Въ редакціи арх. Филарета отъ этихъ двухъ пунктовъ нѣтъ и слѣда. И трудно сомнѣваться, что именно благодаря ему не воскресли вновь смѣшанные комитеты. Филаретъ вообще былъ противъ такихъ палліативовъ. Такъ, въ 1823 году, въ главномъ правленіи училищъ, онъ держался такого же отрицательнаго взгляда насчетъ участія духовенства въ гражданскихъ комитетахъ. На заботливый вопросъ: кто же будетъ охранителемъ религіи въ комитетахъ, онъ отвѣтилъ: всѣ члены ихъ, которые, при внимательномъ избраніи правительствомъ, должны быть просвѣщенные христіане. А если не будутъ они просвѣщенными христіанами, то и сидящая рядомъ съ ними духовная особа не охранитъ религіи въ ихъ комитетѣ. [80])

---

[76]) А. С. С., 1818, 1215, л. 98.

[77]) Стр. 196, прим. (изд. 1894 г.).

[78]) Въ „Собраніи мнѣній и отзывовъ м. Филарета" (т. II, стр. 9—21), измѣненія выдѣлены курсивомъ.

[79]) А. С. С., 1818, 1215, л. 46.

[80]) Сухомлиновъ, Матеріалы для исторіи просвѣщенія... III, 71.

Что касается второго рода дополненій къ проэкту, то общая цѣль ихъ была—создать въ цензурномъ комитетѣ твердую основу, власть и ближайшій надъ нимъ надзоръ. Въ этомъ отношеніи обращаютъ на себя вниманіе вновь внесенныя статьи: 11, 13, 69, 82 и 83 (по тексту устава 1828 года).

Первая идетъ нѣсколько противъ установленнаго принципа періодическаго избранія членовъ. „Если для лучшаго успѣха въ дѣлахъ цензурнаго комитета, говорится здѣсь, найдено будетъ нужнымъ одного изъ членовъ его сдѣлать безсмѣннымъ, съ тѣмъ, чтобы онъ, не соединяя съ этимъ званіемъ другихъ должностей, занимался единственно дѣлами цензуры, такое распоряженіе можетъ быть сдѣлано съ утвержденія св. синода", (съ увеличеніемъ жалованія).

Слѣдующія двѣ изъ указанныхъ статей направлены къ усиленію въ комитетѣ власти ректора академіи. Даже не будучи членомъ комитета, онъ получаетъ право присутствовать въ немъ, особенно „когда то нужно по важности разсматриваемыхъ сочиненій", предсѣдательствовать и наблюдать за порядкомъ занятій и исправностью канцеляріи. О значеніи его голоса говоритъ 69 статья: „если мнѣнія членовъ будутъ не согласны, дѣло рѣшается большинствомъ голосовъ, а, въ случаѣ равенства голосовъ, преимуществуетъ мнѣніе, съ которымъ согласенъ ректоръ академіи. Впрочемъ, рѣшенія такого рода исполняются не иначе, какъ съ дозволенія епархіальнаго архіерея, начальствующаго надъ академіей". Ему же, согласно 82 и 83 ст., конференція должна представлять ежемѣсячные отчеты комитета и разсматривать, по его порученію, жалобы на „неправильное или медленное дѣйствованіе цензуры".

Вообще, епархіальный архіерей занялъ теперь въ отношеніи академическаго цензурнаго комитета мѣсто, вполнѣ соотвѣтствовавшее положенію попечителя. Арх. Филаретъ, какъ членъ главнаго правленія училищъ, могъ непосредственно отсюда заимствовать идею такого мѣстнаго надзора, правами котораго онъ впослѣдствіи широко пользовался въ Москвѣ.[81]) Усиленіе же имъ власти ректора академіи вполнѣ понятно. Онъ самъ, будучи еще ректоромъ, видимо тяготился независимостью отъ него комитета: „цензурный комитетъ отъ меня не зависитъ, и я не имѣю права предложить своего мнѣнія", такъ вѣдь онъ писалъ Голицыну, по поводу одного отказа Иннокентія.

Но вотъ третій, наиболѣе важный, родъ измѣненій и допол-

---

[81]) Кстати: въ 1822 синодальнымъ указомъ было предписано московской цензурѣ принимать отъ духовныхъ лицъ сочиненія лишь съ вѣдома и разсмотрѣнія епархіальнаго преосвященнаго. Архіепископъ Филаретъ тогда же распространилъ дѣйствіе этого указа и на академическій цензурный комитетъ. М. Д. Ц., К. 1823, 2.

ненiй, „сдѣланныхъ рукою арх. Филарета“ и касающихся, какъ сказано, критеріевъ цензуры. Эти поправки кратки и разсѣяны по разнымъ мѣстамъ проекта, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, весьма существенны. Состоятъ онѣ въ томъ, что въ двухъ мѣстахъ проекта конференціи слово „религія“ замѣнено выраженіями болѣе опредѣленными, именно: „христіанская вѣра“ и „церковь“. Затѣмъ, въ статьѣ 44, перечисляющей общія, необходимыя для одобренія, достоинства сочиненія, къ выраженію: „достоинство... состоитъ въ важности и истинѣ мыслей“, прибавлено: „сообразныхъ съ ученіемъ церкви“. Подобное же ограниченіе коснулось и толкованій св. писанія: и про нихъ сказано, что „изъясненія сіи должны быть согласованы съ ученіемъ церкви и св. отецъ“.

Еще болѣе значенія для цензурной практики, могла получить въ новой редакціи ст. 56. Если ранѣе въ ней запрещались сочиненія, „приводящія въ сомнѣніе важныя истины вѣры,“ то теперь она должна была также ревниво охранять „и постановленія православной церкви“. Былъ углубленъ и смыслъ статьи 58; формула конференціи, что рукопись, „исполненная выраженій, явно противныхъ духу христіанства, удерживается“., получила такой видъ: „рукопись, исполненная мыслей и выраженій“..., подвергается суду св. синода. Однимъ словомъ, послѣ поправокъ, внесенныхъ „рукою“ архіепископа тверского, вмѣсто широкихъ терминовъ „религія“, „чистый смыслъ и духъ писанія“, явились строго церковные критеріи.

Конечно, трудно признать Филарета за автора такихъ добавленій, если смотрѣть на него подъ угломъ зрѣнія Голицына и, съ другой стороны, Фотія. Но оба они впадали въ крайность при оцѣнкѣ симпатій Филарета къ мистическому направленію. На самомъ дѣлѣ, „признавая всю пользу мистическаго ученія въ духѣ православія, Филаретъ былъ противникомъ всякаго уклоненія отъ этого направленія. Онъ ясно понималъ, что въ мистикѣ самый важный вопросъ, это отношеніе къ церкви и церковнымъ учрежденіямъ. Всякая обособленность могла принести только вредъ, а не пользу“ [82]). Удаленіе Иннокентія, предпринятая м. Михаиломъ тягостная предсмертная борьба съ ослѣпленіемъ Голицына, въ свою очередь, тоже сильно подѣйствовали на Филарета и вызвали въ его душѣ тяжелый процессъ [83]).

Спѣшить съ докладомъ и утвержденіемъ исправленнаго проекта духовно-цензурнаго устава, Голицынъ не имѣлъ особенныхъ побужденій. Теперь онъ уже самъ авторитетно разрѣшалъ сомнѣнія цензуры относительно мистическихъ книгъ. Такъ, въ 1822 г. дерптская цензура обнаружила колебаніе при пропускѣ въ печать сочиненія (на эстонскомъ языкѣ): „Совѣты, какъ мо-

---

[82]) „Русская Старина“, 1895, I, 63. Наши мистики-сектанты.

[83]) Чистовичъ И. Руководящіе дѣятели дух. просвѣщенія, стр. 210-11.

литься о изліяніи св. Духа". Ее смутили доводы автора въ пользу совершенной свободы не только молитвъ и проповѣди, но и устройства каждымъ частнымъ человѣкомъ самому себѣ молитвеннаго дома или молельни. „Отвѣчать, писалъ Голицынъ, что сомнѣнія цензурнаго комитета въ дозволеніи къ напечатанію сей рукописи не имѣютъ достаточнаго основанія, ибо оная содержитъ въ себѣ токмо совѣтъ благонамѣреннаго частнаго человѣка, и при томъ по такому предмету, который не только не противенъ христіанскому ученію вообще, но и подтверждается самымъ священнымъ писаніемъ, какъ и приводимые г. попечителемъ тексты между прочимъ свидѣтельствуютъ. Моленіе Богу и приглашеніе къ тому другихъ, прошеніе объ изліяніи Духа святаго суть только существенныя обязанности христіанина, и столько извѣстны изъ слова Божія, что не возможно находить въ томъ ни малѣйшаго основанія къ соблазну... Посему г. министръ признаетъ съ своей стороны справедливымъ разрѣшить напечатаніе сей пьесы въ томъ уваженіи, что запрещеніе къ изданію оной было бы весьма неблаговиднымъ препятствіемъ въ сообщеніи христіанскихъ истинъ. Самое сіе запрещеніе послужило бы скорѣе къ соблазну людей, чтущихъ истины христіанскаго ученія и ожидающихъ отъ правительства по крайней мѣрѣ свободнаго дозволенія въ семъ случаѣ, а не препятствій" [84]).

Отсрочка введенія устава въ дѣйствіе могла еще происходить и отъ внѣшнихъ причинъ,—вслѣдствіе возбужденнаго, подъ вліяніемъ воцарившейся на Западѣ реакціи, вопроса о новомъ уставѣ гражданской цензуры. Для его составленія, былъ учрежденъ особый комитетъ изъ членовъ ученаго комитета (Фуса, Рунича и Лаваля) и членовъ главнаго правленія училищъ—Мещерскаго и Магницкаго, который и былъ душой и руководителемъ предпринятаго дѣла. Начавши свою дѣятельность въ іюнѣ 1820 г., комитетъ представилъ проектъ устава въ 1823 году.

Въ объяснительной запискѣ, или „мнѣніи о цензурѣ вообще и началахъ, на которыхъ предполагаетъ цензурный комитетъ составить для оной уставъ", Магницкій проводитъ ту мысль, что уставъ долженъ обнимать „всѣ извороты и уловки настоящаго духа времени, сколько сіе возможно". Въ частности, для достиженія этой цѣли въ области вѣры, рекомендуется конфискація всякаго сочиненія, прямо или косвенно отвергающаго, ослабляющаго или набрасывающаго сомнѣніе на истины откровенія, заключающаго какой-либо духъ сектаторства или смѣшивающаго чистое ученіе вѣры евангельской съ древними подложными ученіями, либо съ такъ называемою естественной магіей, кабалистикой и масонствомъ. Даже болѣе: предлагалось запрещать всѣ тѣ сочиненія, въ коихъ „свое-

---

84) Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе, Н. К. Шильдера, томъ IV, стр. 302—3. (СПБ. 1898).

вольство разума человѣческаго усиливается изъяснить и доказать философски недоступныя для него Св. Таинства вѣры“. Въ проектѣ же секретной инструкціи Магницкаго еще болѣе заклеймёнъ „разумъ человѣческій, который, подобно новому Пилату, со всею правильностью умозрительныхъ формъ своихъ, осуждаетъ и предаетъ на пропятіе Богочеловѣка“.

Съ своей стороны, Руничъ, въ подробныхъ замѣчаніяхъ на проектъ Магницкаго, перечислилъ и осудилъ на запрещеніе, кажется, всѣ возможные роды книгъ, не справляясь даже съ настроеніемъ своего непосредственнаго начальства—Голицына. По крайней мѣрѣ, третій пунктъ замѣчаній весьма опредѣленно гласитъ: подлежатъ запрещенію... книги, въ коихъ описаны частныя видѣнія, откровенія, внутреннія ощущенія; частныя и общія прорицанія и всякаго рода сочиненія, за вдохновенныя выдаваемыя [85]).

Съ такими проектами выступали теперь на защиту религіи россійскіе дѣятели библейскаго общества. Основанное въ 1812 году, оно теперь явилось какъ бы фокусомъ, гдѣ сосредоточилось новое направленіе времени. Увлеченіе мистицизмомъ его властныхъ сотрудниковъ перешло въ „мракобѣсіе“. Выясненію психологическихъ (помимо личныхъ) причинъ этой эволюціи посвящаетъ довольно подробныя разсужденія А. Пыпинъ въ своемъ отвѣтѣ на прямо поставленный вопросъ: „откуда явился этотъ обскурантизмъ?“

„Это мракобѣсіе... естественно выходило изъ того піэтизма, который съ самаго начала овладѣвалъ библейскимъ обществомъ. Мистики вообще воображаютъ себя единственными и особенно уполномоченными хранителями высшей истины и оттого отличаются обыкновенно крайней нетерпимостью. Свѣтское скептическое знаніе составляетъ для нихъ предметъ крайняго отвращенія и ненависти, и мракобѣсіе бываетъ тѣмъ сильнѣе и безсмысленнѣе, чѣмъ грубѣе піэтизмъ и чѣмъ ограниченнѣе собственное образованіе,—а у нашихъ піэтистовъ образованіе вообще было весьма поверхностно... Общество не было привычно къ строгой мысли, и піэтизмъ еще облегчалъ его въ этомъ отношеніи, потому что, превознося силу вѣры, онъ усиленно унижалъ „тщету знанія“ и „лжеименный разумъ“ [86]).

При всемъ томъ, піэтистическія увлеченія—искреннія и притворныя—служили лишь общей основой, исходя изъ которой можно было дѣлать различные—до противоположности—выводы. Типичнымъ примѣромъ въ этомъ отношеніи можетъ служить судьба вдохновенныхъ проповѣдей мистиковъ о „началѣ новаго

[85]) Сухомлиновъ. Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ ц. Александра I, вып. III, 68—77.

[86]) В. Европы, 1868 г., «Россійское Библейское Общество», А. Н. Пыпина, т. VI, стр. 286, 284.

періода благоденствія и общественнаго порядка, тишины и дружелюбія между всѣми народами". Приближеніе царства Божія предполагало, по мысли проповѣдниковъ, и послѣднее „возстаніе сопостата",—призывало, поэтому, къ особенному напряженію силъ.

Въ атмосферѣ политики священнаго союза этотъ неясный образъ „врага" получилъ болѣе опредѣленныя очертанія: онъ олицетворился въ крамолахъ революцій, съ которыми, при напутствіи пророчицъ, вродѣ Криднеръ, и вступили въ брань представители порядка и законности. Но, съ другой стороны, тѣ же убѣжденныя рѣчи мистиковъ о неизбѣжности переворотовъ приводили и къ неблагопріятному для нихъ самихъ результату. „Съ такими идеями библейскіе мистики становились часто тѣмъ, что называютъ теперь „отрицателями": съ своей точки зрѣнія они отвергали существующій порядокъ, и тѣ враги библейскаго общества, которые вооружались противъ него по чисто консервативнымъ основаніямъ, съ своей точки зрѣнія могли, съ нѣкоторымъ основаніемъ, указывать въ подобныхъ откровеніяхъ прямо революціонные замыслы" [87]).

Въ итогѣ, если въ началѣ царствованія имп. Александра I строгость духовной цензуры представлялась чѣмъ-то исключительнымъ, то теперь, наоборотъ, нужно бы было возвысить уставъ духовной цензуры до тона Магницкаго. Проектъ устава духовно-цензурныхъ комитетовъ, видимо, ждалъ окончанія работъ комитета пятерыхъ. Наконецъ, 3-го августа 1823 г. уставъ духовной цензуры былъ представленъ государю на утвержденіе при всеподданнѣйшемъ докладѣ, подписанномъ митрополитами Серафимомъ и Варлаамомъ, и присутствующими—Криницкимъ и Державинымъ. Уставъ, однако, утвержденъ не былъ, какъ не получилъ высочайшей санкціи и уставъ цензуры гражданской, представленный въ томъ же году. Поводомъ послужила несогласованность статей того и другого устава [88]). Но, конечно, болѣе глубокой причиной служила нерѣшительность Александра I, въ силу которой онъ не могъ всецѣло отдаться мрачнымъ внушеніямъ Магницкаго и его сподвижниковъ. Въ какой формѣ, время отъ времени, обращались къ нему вдохновенные призывы иного рода, объ этомъ прекрасно говоритъ горячее „прощальное" письмо къ императору нѣкогда близкаго къ нему дерптскаго профессора Паррота:

„Чувствуете-ли вы себя счастливымъ, государь, среди этого тумана недовѣрія, постоянно стѣсняющаго всѣ ваши естественныя побужденія, заставляющаго васъ идти въ потемкахъ, чтобы на каждомъ шагу ощупывать почву. Соблаговолите, государь,

---

[87]) Тамъ-же, стр. 296.

[88]) А. С. С. 1818, 1215, л.л. 118—9; Очерки исторіи русской цензуры (1700-1863), А. М. Скабичевскаго, (Спб., 1892), стр. 187.

ввѣриться вашимъ собственнымъ свѣтлымъ и блестящимъ идеямъ, которыя вели васъ по столь вѣрному пути до эпохи конгрессовъ. Разгоните, разсѣйте туманъ, которымъ пытаются устрашить васъ. Иностранцы соткали его, чтобы сдѣлать васъ страшилищемъ для Европы, а нѣкоторые изъ окружающихъ васъ—Магницкій, самый яростный, самый безудержный изъ всѣхъ—сгущаютъ и поддерживаютъ этотъ туманъ, чтобы сдѣлаться необходимыми, чтобы хвастаться, что они—ваша поддержка“ [89]).

Правда, всѣ эти письма Паррота, записки Уварова оставались безплодными: напоминанія, самыя горячія, не способны были вернуть бодрость усталой душѣ императора Александра. Зато, въ свою очередь, не могли пріобрѣсти его искренняго расположенія и внушенія новыхъ руководителей политики. Полное своеобразной драмы, подлинное отношеніе государя къ выразителямъ эпохи — Аракчееву и Фотію,—такъ изображаетъ въ своихъ запискахъ фонъ-Герлахъ:—„императоръ Александръ терпѣть не могъ обоихъ, чувствуя, что не можетъ противиться злой силѣ, двигавшей ими, а между тѣмъ одному цѣлуетъ руку, а другого допускаетъ изъять у себя бразды правленія [90]).

При такомъ неопредѣленномъ настроеніи императора самъ собою приближался кризисъ. Имъ воспользовались, и вмѣстѣ ему содѣйствовали, всѣ тѣ, у кого были приноровленныя къ моменту цѣли и средства. „Гатчинскій вельможа, одержа верхъ надъ многими своими соперниками, замышлялъ въ то время паденіе князя Голицына. Къ достиженію цѣли ему нужно было превосходное орудіе, и онъ обрѣлъ оное въ лицѣ Фотія. Надлежало ополчить митрополита и весь синодъ, подъ благовиднымъ предлогомъ сохраненія церкви. Фотій принялся работать и счелъ полезнымъ привлечь къ себѣ Магницкаго“. Въ результатѣ, „православная дружина, подъ хоругвію св. синода, прилежно работала противъ Голицына и тихомолкомъ подкапывалась подъ сугубое министерство духовныхъ дѣлъ“ [91]).

Петербургскую митрополичью кафедру занялъ, въ половинѣ 1821 года, митрополитъ московскій, консервативный Серафимъ. Его выборъ состоялся уже подъ вліяніемъ партіи, сочувствовавшей, или, по крайней мѣрѣ, видѣвшей выгоды въ строго охранительномъ направленіи московскаго митрополита. При самомъ назначеніи Серафима, проницательный архіепископъ Филаретъ уловилъ причины и возможные результаты совершившейся въ іерархіи перемѣны, что и выразилъ онъ въ одномъ изъ пи-

---

[89]) Шильдеръ, op. cit., т. IV, стр. 299, письмо Паррота отъ 22 февраля, 1825 г.

[90]) Русская Старина, 1892 г., февраль, Замѣтки фонъ-Герлаха о пребываніи въ Петербургѣ, съ 18 янв. по 8 апр. 1826 г. (съ нѣм. И. И. Ореусъ), стр. 381.

[91]) Русск. Ст. 1876, февраль, «О судьбѣ православной церкви...», А. С. Стурдзы, стр. 283 и 280.

семъ: „Поелику имѣли нужду призвать его къ тому, въ чемъ, очевидно, онъ имѣлъ нужду: то онъ можетъ дѣйствовать свободнѣе“ [92]). А, двадцать лѣтъ спустя, самъ Серафимъ указалъ мотивъ своей настойчивости (хотя и не мужества) въ борьбѣ съ Голицынымъ. На замѣчаніе арх. новочеркасскаго Игнатія, какъ митрополитъ могъ рѣшиться вступить въ борьбу съ такимъ сильнымъ человѣкомъ. каковъ былъ Голицынъ, имѣя предъ глазами судьбу своихъ предмѣстниковъ, онъ отвѣчалъ: „Я зналъ, что политика не позволитъ этого сдѣлать“, т. е. удалить его изъ Петербурга, какъ удалили Гавріила и Амвросія [93]).

Такимъ образомъ, самъ Серафимъ гораздо проще смотрѣлъ на свою роль въ походѣ на мистиковъ, чѣмъ тѣ, кто, немного спустя, въ житійномъ тонѣ описывали, какъ, „возбужденный духомъ Божіимъ, митрополитъ Серафимъ, съ полнымъ самоотверженіемъ, свойственнымъ его святому сану и званію, наконецъ, рѣшился разрушить крамолы враговъ Россіи“, какъ „онъ съ святымъ дерзновеніемъ древнихъ пророковъ предсталъ лицу императора, чтобы открыть ему всѣ козни враговъ церкви и отечества, хитро предъ нимъ дотолѣ скрываемыя“ [94]).

Что касается средствъ, къ которымъ прибѣгали противники „библейскихъ дѣятелей“, то таковыми, по замѣчанію Пыпина, никогда не былъ открытый споръ и борьба равноправныхъ мнѣній, а только закулисная темная интрига и клевета. При объясненіи этого факта, тотъ же авторъ очень кстати напоминаетъ объ основномъ грѣхѣ самихъ мистиковъ. Упомянувъ, какъ много пищи для обличеній, со стороны приверженцевъ православія, заключали въ себѣ мистическія сочиненія, хотя бы даже, по условіямъ своего происхожденія, они и не имѣли въ виду именно православія, Пыпинъ продолжаетъ: „Противъ мистиковъ все-таки нечего было бы сказать, еслибы ихъ противники имѣли возможность тоже высказать свои мнѣнія; но, къ сожалѣнію, этого не было, и мистики были очень неправы въ томъ, что, чувствуя себя сильными въ данную минуту, не давали противникамъ даже этой возможности, и — запрещали ихъ возраженія. Эти возраженія, — какъ книга Смирнова—(„Вопль жены, облеченной въ солнце“), могли, пожалуй, быть мало толковы, но это конечно не былъ резонъ для запрещеній; за „мало толковымъ“ могло бы явиться и болѣе толковое возраженіе. Понятно, что запрещенія должны были только еще болѣе раздражить противную партію. Если вслѣдъ за запрещеніемъ своей книги Смирновъ написалъ доносъ, наполненный самыми дикими обвиненіями, то библейскіе

---

[92]) Р. Ст., 1883, стр. 565. Филаретъ. митр. моск. и архим. Иннокентій (Смирновъ) въ письмахъ къ гр. С. П. Потемкину, 11 іюня Письмо отъ 1821 г.).

[93]) Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго общества, т. 113, кн. I, стр. 26.

[94]) «Записки о крамолахъ враговъ Россіи», Русск. Арх., 1868, стр. 1359.

дѣятели не могли на это претендовать: они сами указывали эту дорогу. Впослѣдствіи, эти запрещенія возвратились имъ сторицею“ [95]).

Какъ мало значенія въ насыщенной фанатизмомъ атмосферѣ могли имѣть логическіе доводы, живую картину этого рисуетъ тогдашній петербургскій викарій епископъ Григорій (Постниковъ) въ письмѣ къ арх. м. Филарету. Суммируя впечатлѣнія отъ своихъ бесѣдъ съ Серафимомъ, онъ пишетъ: „Очевиднѣйшую истину перетолковали бы; очевиднѣйшее доказательство превратили бы. Ибо всѣмъ, и самымъ лучшимъ намѣреніямъ даютъ иной толкъ. О Библейскомъ обществѣ говорятъ, что оно учреждено для того, чтобы ввести реформацію. Что вы ни скажете въ опроверженіе, вамъ представятъ въ доказательство списокъ съ какого-нибудь англійскаго, или нѣмецкаго, или французскаго листка какого-нибудь писателя, который говоритъ, что самый надежный способъ распространить реформацію есть раздача Библіи. Скажете, для сего нужно какое-либо постороннее дѣйствіе, вамъ скажутъ: да, оно и было. Пинкертонъ, Сѣровъ и пр. ѣздили по всей Россіи, и, гдѣ можно было, говорили: не слушайте толкованій поповскихъ, а читайте Библію: она лучше толкованій. Правда-ли это, спросите? Вамъ представятъ нѣсколько десятковъ человѣкъ свидѣтелей, разумѣется, по именамъ. Я говорилъ владыкѣ, чтобы, по крайней мѣрѣ, не вдругъ разрушать и пожалѣть о чести архіереевъ, изъ которыхъ многіе говорили и говорятъ рѣчи въ пользу сего дѣла со всѣмъ усердіемъ. Онъ говоритъ: виноваты-ли архіереи? Они не знали цѣли: я самъ говорилъ двѣ рѣчи. И пр. и пр. [96]).

Зато, для созданія извѣстнаго возбуждающаго настроенія, весьма пригоденъ былъ „убогій, но правовѣрный“ Фотій. Вся атмосфера этого переходнаго времени состояла изъ слуховъ, недомолвокъ, опасеній, сплетенъ, преувеличеній, предчувствія крамолы, подозрѣній въ иллюминатствѣ [97]). Укрѣпившійся, на этой почвѣ, за Фотіемъ неясный, но зловѣщій ореолъ выразителя своей эпохи заставлялъ кн. Голицына, играть роль, слушая „бесѣду Фотія отъ писанія священнаго, ученія церковнаго. отъ духа благочестія“ по три, по четыре, пяти, шести, и даже по девяти

---

[95]) «Вѣстн. Евр.» 1868 г., «Россійское Библейское общество», т. V, 263; т. VI, стр. 247—8. Неизлишне замѣтить, что даже А. Ѳ. Лабзина поражала эта нетерпимость мистиковъ: «Спрашивается, писалъ онъ Карнѣеву, по поводу высылки изъ Петербурга архіеп. Антонія Знаменскаго, почему сіи внутренніе христіане не терпятъ никакихъ себѣ возраженій?» Р. Арх. 1892. А. Ѳ. Лабзинъ и его ссылка“, № 12, стр. 361.

[96]) Письма духовныхъ и свѣтскихъ лицъ къ митр. московскому Филарету (съ 1812 по 1867 г.), изд. А. Н. Львовымъ. (СПБ. 1900), стр. 63—4. Письмо не датированное, но относящееся къ 13 іюня 1824 г.; ср. стр. 74, 81 и др.

[97]) А. Пыпинъ. Общественное движеніе при Александрѣ I, «Историческіе черки“ (Спб. 1871), стр. 315—6.

сряду часовъ. Такую же двуличную, въ общемъ, роль стремился выполнить сначала и Фотій, чего не скрываетъ и самъ онъ. „Отецъ Фотій, пишетъ онъ о себѣ, не началъ во время благопріятно употреблять на него (Голицына) всѣ способы, дабы отринуть отъ дѣлъ церкви, опасаясь, дабы злѣйшій звѣрь кто не возсталъ на мѣсто стараго и не сотворилъ бы бѣду горше первыя, положилъ же на сердцѣ своемъ сотворить миръ между кн. Голицынымъ и митрополитомъ Серафимомъ, помышляя, не будетъ ли плода отъ безплодныя смоковницы,—князя Голицына,—хотя какого-нибудь". Итакъ, „преклонивъ Фотій сердце князя къ себѣ Бога ради, всячески старался, како бы согласіе водворить между нимъ и митрополитомъ Серафимомъ. Когда Фотій слышалъ, что князь поносилъ митрополита, то, являяся къ митрополиту, говорилъ, что князь весьма любитъ тебя, владыко святый"; а когда митрополитъ поносилъ князя, то, видя князя, говорилъ ему: „о, какъ Серафимъ любитъ тебя!" и пересказывалъ все единое благое. Такъ, одно доброе тому и другому внушая, ясно истребилъ вражду между ними, и начали они другъ друга любить. другъ ко другу вездѣ быть ласковѣе, дѣла лучше начинали теченіе имѣть въ пользу святой церкви и благочестія у царя и вездѣ. Митрополитъ Серафимъ радовался сему, какъ дѣлу Божіему, обѣщающему успѣхъ большій впередъ отъ мира, нежели вражды" [98]).

Впрочемъ, все это могло имѣть значеніе лишь предварительныхъ развѣдокъ, а не разрѣшенія вопроса. И все болѣе и болѣе назрѣвавшій конфликтъ между увлеченными до изувѣрства мистиками и ревнителями до фанатизма православія окончился далеко не мирно.

Хотя и съ преувеличеніями, но весьма конкретно, изображаетъ положеніе князя Голицына, уже «въ лѣто 1822 благодатное", Фотій въ своей автобіографіи. Упомянувъ объ обращеніи „оффиціальнаго" вниманія правительства на пророчицъ Криденеръ и Татаринову, Фотій продолжаетъ: „Особенно въ немилость впалъ, по симъ и другимъ причинамъ, у царицы Маріи Өеодоровны кн. Голицынъ и съ нимъ Поповъ, Тургеневъ, Руничъ и прочіе; слухи дошли, что явно въ учебныхъ заведеніяхъ нечестію учить дозволяли. Участь Голицына становилась все сомни-

---

[98]) „Р. Стар.", 1905, февраль, стр. 194, 203. Автобіографія юрьевскаго арх., Фотія. Это замѣчаніе Фотія о своей тактикѣ можетъ служить ключемъ и къ объясненію подлиннаго смысла той переписки, которая въ эти годы скрытой борьбы происходила между нимъ и Голицынымъ (см. Русск. Ст., 1882, мартъ—іюнь, августъ. Князь А. Н. Голицынъ и архимандритъ Фотій въ 1822-5 году. Переписка, сообщ. Н. Барсовъ). Приходится удивляться лишь сдержанности, проявленной обѣими сторонами въ этихъ письмахъ. Совершенно не касаясь злободневныхъ вопросовъ, они какъ замѣчаетъ ихъ издатель, „содержатъ въ себѣ общія піэтистическія разсужденія въ отвѣтъ на таковые же вопросы и указанія Фотія". (Мартъ, стр. 770, предисловіе.)

тельнѣе. Слухъ, что Голицынъ несправедливо оклеветалъ Иннокентія, который за ревность по благочестію и вѣрѣ былъ удаленъ, дошелъ, по внушенію нѣкіихъ почитателей духовенства, до слуха царева, и Голицыну внушено было удалиться отъ должности и для этого ѣхать въ чуждые края, отъ стыда уклониться на время. Немилость царская къ нему явно открывалась за то особенно, что смерть митр. Михаила также ему приписывали многіе, коего митрополита онъ, Голицынъ, началъ гнать за разныя пастырскія внушенія и дѣйствія въ пользу вѣры и благочестія... И, бывъ столь сильнымъ любимцемъ всего двора, кн. Голицынъ весьма шатался на своихъ мнимо крѣпкихъ поддержкахъ нечестивыхъ. Всѣ молвили, что онъ въ большой немилости у императора при новомъ митрополитѣ Серафимѣ".[99]).

Нѣтъ нужды излагать здѣсь однообразныхъ пріемовъ со стороны нападенія, всѣхъ посланій, аудіенцій Фотія и м. Серафима, производившихся съ тайнаго хода или въ необычное время. Общій ихъ характеръ—долбленіе частымъ паденіемъ. Для достиженія успѣха, защитники правовѣрія сочли наиболѣе цѣлесообразнымъ воспользоваться изданными споспѣшниками Голицына книгами. Въ этихъ книгахъ они пытались остановить вниманіе государя не столько на противорѣчіи ихъ ученію церкви, сколько на скрытомъ будто-бы въ нихъ планѣ политическаго переворота. „Сія книга составлена для революціи и теперь намѣреніе ея революція,—за четыре года раньше все открываю", вѣщалъ Фотій въ посланіяхъ, запискахъ и лично государю. Ожиданіе мистиками новаго откровенія,—новой всеобщей религіи было освѣщаемо краснымъ цвѣтомъ иллюминатства, карбонарства, страшнаго кроваваго переворота. „Эта новая религія, много разъ повторялъ Фотій, есть вѣра въ грядущаго антихриста, дышущая единою революціею, жаждущая кровопролитія, исполненная духа сатанина". [100]).

Тѣмъ не менѣе, всѣ эти запоздалыя истолкованія „революціонныхъ плановъ", скрытыхъ въ сочиненіяхъ, часто вышедшихъ уже нѣсколькими изданіями, не могли производить неотразимаго впечатлѣнія. Необходимъ былъ болѣе свѣжій и громкій инцидентъ, который, наконецъ, и былъ созданъ дѣломъ о книгѣ Госнера. [101])

Нѣмецкій проповѣдникъ,—католикъ, но «пробужденный»,—преслѣдуемый на родинѣ за свои экзальтированныя проповѣди, Госнеръ, какъ и нѣсколько ранѣе проповѣдникъ Линдль, былъ

---

[99]) Р. Ст., 1895, февраль, стр. 192—3.

[100]) „Р. Ст.", 1895, ноябрь, стр. 209, 212.

[101]) Этотъ эпизодъ, многократно воспроизводимый въ характеристикахъ данной эпохи, обстоятельно, хотя и компилятивно, изложенъ въ ст. И. Остроглазова «Исторія одной рѣдкой и замѣчательной книги». Библіографическія Записки, 1892 г. №№ 3, 4, 5, 8, 9 и 10.

приглашенъ комитетомъ библейскаго общества въ Петербургъ.[102]) Его проповѣди, сначала въ римско-католической церкви, потомъ въ частномъ домѣ, привлекали, по разнымъ мотивамъ, немало слушателей изъ высшаго круга. Пользовалось популярностью и изданное Госнеромъ на нѣмецкомъ языкѣ сочиненіе, подъ названіемъ «Духъ жизни и ученія Іисусъ Христова въ Новомъ Завѣтѣ». Успѣхъ книги побудилъ г.-м. Брискорна сдѣлать переводъ ея и на русскій языкъ. Цензоръ Бирюковъ отнесся къ ней благосклонно, тѣмъ болѣе, что и директоръ департамента министерства народнаго просвѣщенія В. Поповъ былъ близокъ къ изданію этой книги.

Но еще съ большимъ вниманіемъ слѣдила за выходомъ въ свѣтъ этой книги «православная дружина» Тѣсная связь именъ Голицына, Тургенева, Попова съ авторомъ «Духа жизни» обѣщала, въ случаѣ удачи плана, набросить густую тѣнь на всѣхъ руководителей мистическаго движенія. Чтобы не пропустить момента и скорѣе имѣть въ рукахъ вещественныя доказательства, враги мистицизма попытались пріобрѣсти отъ служащихъ въ типографіи Греча путемъ подкупа только что отпечатанные листы книги. Когда это не удалось,—былъ избранъ другой путь. „Узнали, что ген.-м. Брискорнъ давалъ корректуру для чтенія своему доктору Х. Я. Витту. Нужно было достать корректуру, для чего чиновникъ Степановъ, притворившись больнымъ, послалъ за Виттомъ, па вопросъ котораго о болѣзни онъ отвѣчалъ, что «давятъ его грѣхи, и что только духовная пища можетъ его утолить, вотъ если бы онъ могъ прочесть хотя бы строчку святого мужа Госнера, онъ выздоровѣлъ бы». Виттъ, ничего не подозрѣвая, прислалъ къ нему два сохранившіеся у него листочка Госнера. Получивъ ихъ, Степановъ воспрянулъ отъ одра притворной болѣзни, кинулся съ ними къ оберъ-полицій мейстеру, сей передалъ ихъ Магницкому, а Магницкій, найдя въ нихъ богохульство и безбожіе, препроводилъ ихъ къ Аракчееву, а этотъ послѣдній къ Шишкову". [103])

«Тогда былъ выдвинутъ митрополитъ Серафимъ». Послѣ долгихъ колебаній, онъ согласился ѣхать къ императору съ представленіемъ о гибельномъ направленіи министерства духовныхъ дѣлъ. Благопріятный результатъ его аудіенціи былъ подкрѣпленъ письмомъ Фотія отъ 29 апрѣля 1824 г., по пунктамъ излагавшимъ его «способъ весь планъ (революціи) уничтожить вдругъ тихо и счастливо», именно: „министерство духовныхъ дѣлъ и библейское общество уничтожить; синоду быть по прежнему и духовенству надзирать при случаяхъ за просвѣщеніемъ, не быва-

---

[102]) Пыпинъ А., «Россійское Библейское Общество». В. Евр. 1868, V, 275—9

[103]) Библіографическія Записки, 1892, № 3, стр. 186.

етъ ли гдѣ чего, противнаго вѣрѣ...; методистовъ выгнать, хотя главныхъ". [104]).

Благодаря всѣмъ этимъ домогательствамъ, министерство духовныхъ дѣлъ было, дѣйствительно, уничтожено указомъ 15 мая 1824 г. Дѣло Госнеровское, непосредственный интересъ котораго заключался теперь въ вопросѣ о преданіи суду В. Попова за соучастіе въ изданіи, перешло сначала въ комитетъ министровъ. Въ качествѣ докладчика выступилъ новый министръ народнаго просвѣщенія Шишковъ. Въ спеціальномъ разборѣ книги онъ постарался изложить всѣ ея преткновенія. Каждый почти пунктъ обвиненія носилъ печать своеобразной логики адмирала-богослова. Выписывая, напримѣръ, признаніе Госнера: „Кто его, Христа, любитъ, тотъ не захочетъ нигдѣ быть въ нѣгѣ и къ мѣсту своему не прилѣпляется такъ, чтобы не быть готовымъ ради Христа вырваться изъ объятій нѣжнѣйшихъ своихъ друзей и послѣдовать обязанности своего званія и исполненія дѣла Божія. Христіанинъ не желаетъ имѣть иного отечества, кромѣ обширнаго шара земного, принадлежащаго Господу;"—Шишковъ изумляется: „Не разврату ли, не сущу ли разрушенію всѣхъ добродѣтелей учитъ насъ здѣсь проповѣдникъ? Священное писаніе говоритъ намъ: не любя своего ближняго, ты не можешь любить Бога, а проповѣдникъ велитъ намъ вырваться изъ объятій и нѣжнѣйшихъ друзей нашихъ, не велитъ имѣть отечества, слѣдовательно, ни алтаря, ни Государя, ни отца, ни брата, и потушая въ насъ любовь ко всему священнѣйшему, называетъ это обязанностью нашего званія и исполненіемъ дѣла Божія! Перо падаетъ изъ рукъ моихъ, гнушаясь описывать столь пагубныя и злочестивыя внушенія». [105])

По постановленію комитета министровъ, утвержденному государемъ, Поповъ былъ преданъ суду сената, Госнеръ высланъ за предѣлы Россіи, книга его сожжена. Этотъ результатъ быстраго натиска былъ весьма полезенъ Шишкову. Онъ далъ ему точку опоры при дальнѣйшемъ развитіи дѣла въ общемъ собраніи сената и, затѣмъ, — государственнаго совѣта. Сенаторъ Муравьевъ-Апостолъ очень убѣдительно доказывалъ тамъ, что въ „своеручномъ поправленіи" Поповымъ нѣсколькихъ листковъ „Духа жизни" не было ничего злонамѣреннаго. По крайней мѣрѣ, благосклонное отношеніе къ переводу вполнѣ объяснимо было изъ „господствующаго духа въ литературѣ". На все это Шишковъ упрямо возражалъ: „Предположеніе г. сенатора, что Поповъ могъ Госнера и книгу его почитать благочестивою, потому что не онъ одинъ, но и все общество, въ коемъ Госнеръ обращался, нахо-

---

[104]) «Р. Стар.», 1895, декабрь, 202—3.

[105]) Чтенія въ Имп. Общ. Исторіи и Древн. Росс., 1868 г., III, Записки адмирала А. С. Шишкова, стр. 43.

дило его хорошимъ человѣкомъ, есть весьма несовмѣстное предположеніе; ибо отзываться съ похвалою о Госнерѣ изгнанномъ, и о книгѣ его преданной истребленію, оправдывая себя въ томъ какимъ-то мнимымъ къ нему уваженіемъ какого-то неизвѣстнаго общества, есть нѣчто весьма необычайное“ [106]).

Тѣмъ не менѣе, переходя изъ инстанціи въ инстанцію, споръ терялъ свою остроту. Окончательное заключеніе государственнаго совѣта склонялось, несмотря на протесты, въ пользу обвиняемаго. Впрочемъ, императору Александру не пришлось уже оффиціально выразить свою волю по Госнеровскому дѣлу. Его выборъ между мнѣніями той и другой стороны остался „загадкой, которую, не разрѣшивъ, унесъ онъ съ собою въ могилу“ [107]).

Сдѣлавшись приставникомъ новаго курса государственной политики, ея „обратнаго хода“, Шишковъ настойчиво стремился внушить и имп. Александру и его преемнику свои предположенія объ „удержаніи зла въ самомъ началѣ“, о лучшей организаціи цензуры, о повсемѣстномъ закрытіи библейскихъ обществъ, объ изгнаніи „просторѣчія“ изъ одобренныхъ синодомъ катехизисовъ. Въ большинствѣ случаевъ, на первый планъ выдвигались интересы государственные: религіи, можетъ быть, даже безсознательно, отводилось служебное значеніе. Защищалось христіанство, на которомъ-де утверждаются всѣ христіанскія правительства и которое измѣнить или ниспровергнуть, значитъ измѣнить или ниспровергнуть самыя правительства [108]).

Чтобы рельефнѣе оттѣнить и обосновать перемѣну въ правительственномъ курсѣ, ревнители готовы были даже пожертвовать авторитетомъ синода. Напримѣръ, въ своемъ проектѣ указа 17 ноября 1824 г., поднесенномъ на утвержденіе государю, Шишковъ такъ желалъ объяснить инцидентъ съ книгою Станевича. „Въ противность помянутымъ указамъ (1787 и 1802 гг.), многія, къ вѣрѣ относящіяся книги, часто содержащія въ себѣ ложныя и соблазнительныя о священномъ писаніи толкованія, печатались въ частныхъ типографіяхъ, безъ всякаго синодскаго разрѣшенія, и, напротивъ, книги, въ духѣ православной нашей вѣры написанныя, подвергались строгому запрещенію. Такимъ образомъ, помянутая книга, подъ названіемъ „Бесѣда на гробѣ младенца“ (по несправедливому о ней донесенію), была запрещена и отобрана, дабы не препятствовала распространяться духу другихъ, къ соблазну вѣры допускаемыхъ книгъ. Правительствующій же синодъ, вопреки обязанности своей и данныхъ ему предписаній, не обратилъ на то своего вниманія, и умолчалъ о семъ“ [109]).

---

106) Записки Шишкова, стр. 134.
107) Библіографическія Записки, 1892, № 9, стр. 631
108) Записки А. С. Шишкова, стр. 8, 52.
109) Тамъ же, стр. 55.

Послѣдняя фраза была исключена изъ проекта самимъ государемъ, по весьма понятнымъ причинамъ. „Бесѣда" все же была издана вновь „по высочайшему повелѣнію".

Самой неотложной своей обязанностью Шишковъ считалъ введеніе новаго устава о цензурѣ[110]). Но при Александрѣ I ему, какъ и ранѣе Магницкому, не удалось охватить литературу кольцомъ своего „чугуннаго" устава. Зато, получивъ отъ новаго императора согласіе на разработку правилъ надзора за печатью, Шишковъ, съ ревностною помощью директора своей канцеляріи кн. Ш.-Шихматова, весьма скоро выполнилъ эту задачу. Десятаго іюня 1826 года былъ введенъ въ дѣйствіе новый уставъ, но лишь одной гражданской цензуры.

Естественно возникаетъ вопросъ: почему же, въ самомъ дѣлѣ, при такомъ удобномъ поводѣ, не былъ утвержденъ готовый уже уставъ духовной цензуры?—Вѣроятная причина заключается въ томъ, что у Шишкова издавна существовалъ свой взглядъ на положеніе цензуры въ государствѣ, и онъ не сочувствовалъ ея дробленію.

Еще въ 1815 г. Шишковъ представилъ въ государственный совѣтъ свое „мнѣніе о цензурѣ". Настаивая на томъ, что цензура имѣетъ всѣ права на самостоятельное существованіе, онъ такъ развиваетъ свою мысль. Цензура не можетъ быть учреждена подъ частнымъ вѣдѣніемъ какого-либо министерства, но должна быть особеннымъ государственнымъ установленіемъ, состоящимъ изъ верхняго и нижняго сословія, или комитета. Изъ нихъ нижній комитетъ долженъ состоять изъ людей избранныхъ, возмужалыхъ, добронравныхъ, ученыхъ, знающихъ языкъ и словесность (особенно членовъ Россійской академіи, ибо она, по званію своему, должна быть охранительницею языка своего отъ всякихъ въ немъ злоупотребленій).

Верхній комитетъ, управляющій всѣми отдѣленіями нижняго,... долженъ состоять изъ четырехъ особъ, а именно: изъ министра просвѣщенія (по долгу попеченія о наукахъ и воспитаніи юношества), изъ министра полиціи (по долгу попеченія о поведеніи и нравахъ), изъ оберъ-прокурора правительствующаго синода (по долгу попеченія о согласіи духовной словесности съ свѣтскою) и изъ президента россійской академіи (по долгу попеченія о языкѣ, безъ котораго никакая книга не можетъ быть полезна [111]).

Осуществить во всей полнотѣ эту систему, при данныхъ обстоятельствахъ и „краткости времени",[112]) было бы дѣломъ слишкомъ сложнымъ. И вотъ, вмѣсто органическаго слiянія съ гражданской,

---

[110]) Тамъ-же, стр. 2.
[111]) Р. Арх. 1865 г., стр. 19. Также Записки Шишкова, стр. 5—6 и 45 -6.
[112]) Какъ выразился самъ Шишковъ. Записки., стр. 125.

духовная цензура оказалась чѣмъ-то „исключеннымъ“. По крайней мѣрѣ, свой верховный комитетъ Шишковъ теперь сократилъ до трехъ особъ, устранивъ синодальнаго оберъ-прокурора и мѣсто президента академіи предоставивъ министру иностранныхъ дѣлъ. Самый же объемъ вѣдѣнія духовной цензуры не получилъ у него опредѣленности. Въ статьяхъ 102—3 указано, что книги св. писанія, догматическія, церковныя, и вообще духовнаго и духовно-нравственнаго содержанія, также касающіяся церковнаго управленія и церковной исторіи, подлежатъ вѣдѣнію духовной цензуры. Но статья 104 предписываетъ, по поводу встрѣчающихся въ свѣтскихъ книгахъ мѣстъ собственно духовнаго содержанія, сноситься съ духовной цензурой лишь въ случаѣ сомнѣній. Статья же 105 еще болѣе ограничиваетъ предыдущую: „подъ сію (104) статью не подлежатъ, однако, встрѣчающіяся въ разныхъ книгахъ общія разсужденія о Богѣ и совершенствахъ Его, также о христіанской вѣрѣ вообще, ибо правильныя о сихъ предметахъ понятія не могутъ не быть извѣстны всякому просвѣщенному христіанину и въ особенности цензорамъ“.

Если же обратить вниманіе на ст. 159—163, то еще очевиднѣе становится тотъ фактъ, что Шишковъ далеко не установилъ равновѣсія между цензурами, и что сфера вліянія свѣтской всегда могла расширяться. Этими статьями предписывается запрещать какъ такія сочиненія, въ которыхъ представляется сомнительнымъ святое ученіе откровенія, такъ и тѣ, въ которыхъ опровергается или ослабляется непреложная достовѣрность православія греко-россійской церкви, или нарушается должное уваженіе къ ученію, постановленіямъ, преданіямъ и обрядамъ ея, къ іерархіи церковной, правиламъ христіанской нравственности, воспитанія и образованія. [113]) Легко понять, сколько пищи для ревности не по разуму могли дать «просвѣщеннымъ цензорамъ» всѣ эти категоріи [114]).

[113]) «II-е П. Собр. Зак.», т., I, 403 (1825—27 гг.).

[114]) Весьма характеренъ въ этомъ отношеніи процессъ мысли гр. Бенкендорфа при разборѣ имъ поэмы Пушкина „Борисъ Годуновъ“.—„Сцену въ корчмѣ, замѣчаетъ онъ, можно бы смягчить: монахи слишкомъ представлены въ развратномъ видѣ. Хотя они и бѣжали изъ монастыря, и хотя это обстоятельство находится у Карамзина, но, кажется, самый развратъ и попойка должны быть облагорожены въ поэзіи, особенно въ отношеніи къ званію монаховъ... Разумѣется, что играть ее невозможно и не должно: ибо у насъ не видывали патріарха и монаховъ на сценѣ. Въ 1818 г. въ повѣстяхъ .. выводили въ дѣйствіе монаховъ и даже не всегда въ блестящихъ цвѣтахъ. Во время мистицизма и вліянія духовенства на литературу даже имена монаховъ и священниковъ запрещалось строго упоминать, нельзя было сказать: отецъ мой! По паденіи мистицизма и уничтоженіи монашескаго вліянія, показались двѣ пьесы, гдѣ монахи выведены въ дѣйствіе: „Чернецъ“, поэма Козлова, и „Русалка“ Пушкина. Обѣ пьесы подверглись гоненію духовенства, и на нихъ были приносимы жалобы министерству просвѣщенія. Но въ публикѣ это не производитъ ни малѣйшаго впечатлѣнія... Характеристическая черта русскаго народа есть та, что

Впрочемъ, уставъ Шишкова, съ его „направляющимъ характеромъ“, тяготѣлъ не долго. Самъ имп. Николай, экстренно утвердившій уставъ, не далѣе, какъ черезъ полгода, разрѣшилъ уже вновь учрежденному комитету для выработки устава цензуры иностранной изложить свои замѣчанія, если окажется нужнымъ, на уставъ 10-го іюня. [115]).

Послѣдствія этого дозволенія были таковы. „Составленный на сихъ основаніяхъ разборъ постановленій устава о цензурѣ 1826 г. встрѣтилъ, естественно, сильную оппозицію со стороны министра народнаго просвѣщенія Шишкова. На разборъ былъ написанъ отвѣтъ: на сей отвѣтъ натурально послѣдовали возраженія; словомъ возникла полемика, выражавшаяся съ той и другой стороны огромными тетрадями. Сія полемика, однако же, была весьма полезна, ибо дала поводъ къ разъясненію разныхъ вопросовъ о цензурѣ, еще весьма мало оцѣненныхъ положительно, а равно разныхъ мнѣній, или, лучше сказать, фразъ, считавшихся по привычкѣ за непреложную истину, а между тѣмъ вошедшихъ въ правительственныя распоряженія и даже законы изъ источниковъ самыхъ противоположныхъ: изъ измѣнявшихся политическихъ обстоятельствъ и другихъ скоропреходящихъ случайностей, изъ ученія библейскихъ обществъ, изъ мистическаго направленія, изъ личныхъ козней Магницкаго, изъ блестящихъ фразъ графа Іосифа де-Местра и, наконецъ, даже изъ устъ іезуитовъ“. [116])

Дальнѣйшія работы въ этомъ духѣ привели къ выработкѣ новаго устава гражданской цензуры на началахъ, существенно отличныхъ отъ прежняго. Цензурѣ, сказано въ мнѣніи государственнаго совѣта, не поставляется уже въ обязанность давать какое-либо направленіе словесности и общему мнѣнію... Она представляется какъ бы таможнею, которая не производитъ сама добротныхъ товаровъ и не мѣшается въ предпріятія фабрикантовъ, но строго наблюдаетъ, чтобы не были ввозимы товары запрещенные. Въ самомъ уставѣ воспрещается: отыскиваніе двоякаго смысла, привязка къ отдѣльнымъ словамъ и выраженіямъ, разборъ справедливости или неосновательности частныхъ мнѣній и

онъ приверженъ къ вѣрѣ и обрядамъ церковнымъ, но вовсе не уважаетъ духовнаго званія, какъ тогда только, когда оно въ полномъ облаченіи. Всѣ сказки, всѣ анекдоты не обойдутся безъ попа,—представленнаго всегда въ дурномъ видѣ. И такъ, кажется, введеніе патріарха и монаховъ въ сочиненіи Пушкина не произведетъ никакого дурнаго впечатлѣнія, исключая партіи, приверженной къ системѣ мистицизма... У Карамзина все это описано вдесятеро сильнѣе... Здѣсь же только въ одной сценѣ монахи представлены въ попойкѣ“. Очерки исторіи русской цензуры, А. М. Скабичевскаго (С.-ПБ. 1892), стр. 257.

[115]) Историческія свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи, (Спб. 1862, тип. Персона) стр. 35. Записки Шишкова, стр. 121—2, примѣчаніе.

[116]) Р. Арх., 1874, тетр. 7. Изъ бумагъ кн. В Ѳ. Одоевскаго (I, «къ исторіи русской цензуры»), стр. 13-14; ср. «Русск. Ст.» 1901 г., августъ „Цензура въ царствованіе императора Николая I, стр. 403.

сужденій писателя, исправленіе слога и погрѣшностей противъ литературы и т. д. [117])

Что касается опредѣленія границъ свѣтской и духовной цензуры, то къ вѣдѣнію первой отнесены, между прочимъ, „книги, относящіяся къ нравственности вообще, даже и тѣ, въ коихъ таковыя разсужденія будутъ подкрѣплены ссылкою на св. писаніе или приведеніемъ словъ изъ онаго". Но зато мѣста, „совершенно духовнаго содержанія, относящіяся или къ догматамъ вѣры, или къ священной исторіи, передаются па разсмотрѣніе второй. Вообще, перечень сочиненій, исключительно подлежащихъ разсмотрѣнію духовной цензуры, въ уставѣ гражданской цензуры 1828 г. весьма кратокъ, это—„изложеніе догматовъ вѣры, толкованіе св. писанія, проповѣди и т. п. на славянскомъ и русскомъ языкахъ" [118]). За болѣе подробными справками по этому предмету уставъ гражданской цензуры, уже могъ отсылать къ утвержденному въ тотъ же день—22 апрѣля 1828 г.—уставу духовной цензуры.

Предъ самымъ своимъ утвержденіемъ, проектъ 1819—20 гг. былъ подвергнутъ еще разъ разсмотрѣнію арх. ярославскаго Симеона и рязанскаго Филарета (Амфитеатрова). Первый указалъ на пропускъ въ проектѣ двухъ немаловажныхъ пунктовъ, возбуждавшихъ постоянныя недоумѣнія, именно: какъ авторы, живущіе вдали, могутъ узнавать о результатахъ цензурнаго разсмотрѣнія сочиненій, и затѣмъ: въ какихъ типографіяхъ дозволяется печатать одобренныя духовной цензурой сочиненія „Сіе нужно, кажется, потому, что прежде дозволялось только въ духовныхъ типографіяхъ печатать таковыя книги" Однако, на первый вопросъ отвѣта въ уставъ внесено не было, а о прекращеніи монополіи духовныхъ типографій достаточно говоритъ умолчаніе о ней. [119])

---

[117]) „Историческія свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи" (СПБ. 1862, тип. Персона), стр. 36—7. II П. Собраніе Зак., т. III, 1828 г., 1979, §§ 6, 7, 15.

[118]) II П. С. З., т. III, 1979, § 23, прим. 2.

[119]) Практическому разрѣшенію этого вопроса, въ благопріятномъ для авторовъ смыслѣ, весьма много помогла комиссія духовныхъ училищъ. Съ самаго начала своего существованія, она довольно непріязненно смотрѣла на тѣ неудобства, которыя связаны были съ монополіей синодальныхъ типографій. И, когда для реформированныхъ духовныхъ школъ оказалось необходимымъ пріобрѣтать «классическія» книги, комиссія уже въ 1809—11 г. устроила настоящій конкурсъ между вольными типографіями (Всеволожскаго, московской университетской, Воейкова, Селивановскаго) и синодальной. Послѣдней пришлось цифрами доказывать выгоду для комиссіи отдавать ей свои заказы. Типографія обѣщала полный кредитъ,... но тотчасъ оговаривалась: «въ виду перестройки типографскаго дома нужно лишь сдѣлать нѣкоторое пособіе деньгами въ счетъ слѣдующихъ за отпечатаніе»... (К. Дух. Учил., 1809, 53 О покупкѣ и выпискѣ изъ чужихъ краевъ книгъ, л. 170—79). Перечень усовершенствованій, предпринятыхъ московской синодальной типографіей въ двадцатые годы, благодаря открывшейся конкурренціи, «дабы пріохотить издателей печатать книги преимущественно въ типографіи синодальной»,—находится во всеподаннѣйшемъ докладѣ 26 декабря 1826 г., за № 236 (Канцел. оберъ-прокурора св. син.).

Арх. Филаретъ сдѣлалъ болѣе подробныя замѣчанія, хотя и не кстати. Въ то время, какъ правительство рѣшило въ принципѣ превратить цензуру изъ фабрики въ таможню, арх. Филаретъ, наоборотъ, желалъ, въ существѣ дѣла, воскресить начала московской цензуры. Вотъ его соображенія: „По важности духовной цензуры, признаю нужнымъ, чтобы въ члены оной опредѣляемы были лица духовнаго званія, которые бы, при основательныхъ познаніяхъ догматовъ св. вѣры и постановленій православной церкви, имѣли проницательность зрѣлаго разсужденія, пріобрѣтаемую постояннымъ и долговременнымъ опытомъ". Планъ арх. Филарета былъ таковъ. При всѣхъ академіяхъ учредить цензурные комитеты. Въ члены ихъ избирать знающихъ основательно греческій языкъ и притомъ сдѣлать службу ихъ постоянною, а не ограниченною лишь трехлѣтіями. Членамъ комитета назначить жалованье и считать службу ихъ наравнѣ съ профессурой въ академіи. Непремѣнною и строго контролируемою обязанностью членовъ комитета должно служить занятіе переводомъ съ греческаго на русскій языкъ твореній св. отцевъ православной церкви и разсмотрѣніе такихъ же опытовъ, присылаемыхъ изъ семинарій.— Кромѣ жалованья, (на которое можно обратить сумму, вотще ассигнуемую на соборныхъ іеромонаховъ) слѣдуетъ производить цензорамъ церковныя степени и отличія, а также и денежныя награды изъ прибыли отъ изданій. Свое предложеніе арх. Филаретъ заключалъ такъ: „Учрежденіе на семъ основаніи цензурныхъ комитетовъ безспорно принесетъ церкви и отечеству пользу, какъ скорымъ, строгимъ и зрѣлымъ разсмотрѣніемъ духовныхъ сочиненій, такъ и переводомъ св. отцевъ. Если же оставить ихъ на прежнемъ положеніи, то, при множествѣ книгъ, поступающихъ въ цензуру, члены ея—профессора и баккалавры—неминуемо будутъ наносить ущербъ своимъ спеціальнымъ занятіямъ; въ случаѣ же малочисленности этихъ книгъ,—лишь напрасно получать жалованье, и, въ короткое время не пріобрѣвъ опыта по цензурѣ книгъ, будутъ передавать сію важную часть таковымъ же неопытнымъ". [120])

Какъ ни радикальны, можетъ быть, эти замѣчанія арх. Филарета, въ сравненіи со статьями проекта устава, они, конечно, далеко не являлись замѣчаніями по существу дѣла. Тѣмъ болѣе цѣннымъ представляется трезвый, убѣжденный и вмѣстѣ простой взглядъ на роль духовно-цензурнаго надзора, который, къ моменту введенія устава, высказывали болѣе вдумчивые авторы изъ духовенства.

Отъ 1827 года сохранилась докладная записка тульскаго протоіерея Покровскаго въ петербургскій духовно-цензурный ко-

[120]) А. С. С. 1818, 1215.

митетъ, съ которымъ у него вышло пререканіе. Заключеніе записки слѣдующее: „..Всѣ вышеизложенныя замѣчанія цензора, не на самомъ дѣлѣ основанныя, показываютъ излишнюю строгость, вопреки устава духовно-цензурныхъ комитетовъ. Но подобныя дѣйствія цензуры и произвольная остановка новыхъ сочиненій служатъ не къ распространенію духовнаго просвѣщенія въ Россіи, но болѣе къ претыканію и подавленію онаго. При такой излишней и неумѣстной строгости цензуры, россійское духовенство, (исключая, можетъ быть, высшаго класса), ни на пядь не можетъ поддаться впередъ въ своемъ просвѣщеніи, но всегда оставаться будетъ въ одномъ пунктѣ, въ одной бездѣйственности, въ одной праздности...

Напротивъ, свободное допущеніе къ печатанію новыхъ сочиненій и переводовъ, кромѣ означенныхъ въ § 12 и слѣд. устава свѣтской цензуры, много распространяетъ кругъ просвѣщенія, рождая и въ другихъ соревнованіе въ подобныхъ симъ трудахъ, а потому могутъ явиться такіе совершеннѣйшіе умы, которые наилучшіе могутъ принести плоды. Я уже не говорю о томъ, что сіе полезное и благородное занятіе можетъ отвлекать духовенство отъ праздности. Ибо сіе полезное упражненіе столь заманчиво, что во время онаго презираются всякія компаніи. Не мало способствуетъ оно и къ произведенію лучшихъ проповѣдниковъ слова Божія..." [121])

Конечно, всякій уставъ—прежде всего форма. Въ частности, давленіе или, наоборотъ, ослабленіе „господствующаго духа времени" сжимаетъ или расширяетъ и рамки цензурныхъ уставовъ. Въ сознаніи этого, и комитетъ, разрабатывавшій уставъ гражданской цензуры 1828 года, по свидѣтельству кн. В. Одоевскаго, „не счелъ возможнымъ ввести въ проектъ устава всѣ тѣ убѣжденія, къ коимъ онъ пришелъ путемъ зрѣлаго разсмотрѣнія государственнаго вопроса о цензурѣ: многое онъ предоставилъ будущему развитію началъ, имъ установленныхъ"... [122])

„Развитіе" это пошло до того быстро, что уже 1830 годъ цензоръ А. Никитенко закончилъ возгласомъ: „Надъ нами тяготѣлъ унылый духъ притѣсненія... Цензурный уставъ совсѣмъ ниспроверженъ". [123])

Также быстро режимъ второй четверти XIX вѣка сталъ наполнять своимъ содержаніемъ и параграфы устава духовно-цензурныхъ комитетовъ. Во многихъ специфическихъ оттѣнкахъ, какіе пріобрѣли теперь его требованія относительно „важности и истины мыслей, чистоты слога, ясности и правильности изложенія",—авторы устава не повинны.

---

[121]) А. С. С. 1826, 59.
[122]) Р. Арх., 1874, тетр. 7, стр. 14.
[123]) Записки и Дневникъ А. Никитенко, т. I, стр. 277 (1893 г.).

Тѣмъ не менѣе, уже при своемъ обнародованіи эти статьи устава духовной цензуры въ состояніи были произвести тяжелое впечатлѣніе. Одинъ изъ современниковъ, самъ далеко не чуждый крѣпостническихъ взглядовъ, занесъ въ свой дневникъ: „Въ газетахъ напечатанъ цензурный уставъ духовныхъ книгъ, очень для сочинителей и переводчиковъ тѣсный“... [124])

---

[124]) Р. Арх. 1899. I, 83. Записки А. М. Грибовскаго (Запись подъ 14 іюля 8218 г.

Глава IV.

Черты и условія развитія русской богословской мысли въ царствованіе Николая I.

Мистицизмъ, господствовавшій въ царствованіе Александра I, по самому своему характеру не могъ и не стремился сообщать отчетливаго знанія о предметахъ вѣры. Онъ склоненъ былъ искренно проповѣдывать о единствѣ и единеніи всѣхъ христіанскихъ церквей и общинъ на почвѣ умаленія вѣроисповѣдныхъ различій. Но этимъ мотивомъ стали широко пользоваться люди иныхъ стремленій. Графъ де-Местръ, напримѣръ, писалъ Разумовскому: „На что вамъ наука? Наука творитъ людей сварливыхъ.., презрительно относящихся ко всякому авторитету и къ народнымъ догматамъ... Къ чему толковать о вѣрѣ; правда, іезуитское общество крѣпко стоитъ за свою вѣру, но вѣдь по отношенію къ догматамъ она почти тождественна съ вашею“[1]).

Вслѣдствіе такихъ рѣчей,—небезрезультатныхъ для всякаго рода прозелитизма,—послѣ кризиса 1824 г., сами собой, какъ противодѣйствіе, и между православными усилились толки о своей вѣрѣ. Практика жизни стала требовать „точнаго изложенія православнаго вѣроученія“, притомъ въ размѣрахъ болѣе широкихъ, чѣмъ самые пространные катехизисы. Религіозное сознаніе, перебродившее на мистицизмѣ, обращаясь къ церкви, требовало уже отъ нея болѣе живыхъ, глубокихъ и основательныхъ, чѣмъ прежде, отвѣтовъ на свои запросы.

Весьма интересныя психологическія подробности этой эволюціи можно найти у А. Никитенко. «Не совладавъ, пишетъ онъ, съ Галичемъ (его «Исторіей философскихъ системъ») и, такимъ образомъ, потерпѣвъ крушеніе на почвѣ чистаго разума, я бросился въ другую крайность, а именно сталъ искать свѣта въ мистицизмѣ. Послѣдній около этого времени—между 1818 и 1820-мъ годами—проникъ и въ наше захолустье[2]), гдѣ даже нашелъ себѣ много приверженцевъ. Увлекались имъ и нѣкоторые изъ моихъ

---

[1]) Ю. Самаринъ. Іезуиты и ихъ отношеніе къ Россіи, (Изд. 3. М. 1870) стр. 341—42.

[2]) Острогожскъ, воронежской губ.

пріятелей. Они старались и меня „просвѣтить“, для чего снабжали соотвѣтственными книгами.

Казалось бы, что, съ моимъ пылкимъ воображеніемъ, моей впечатлительностью и склонностью къ чудесному, книги эти должны были бы на меня произвести сильное впечатлѣніе. На дѣлѣ вышло иначе: вереница фантастическихъ призраковъ, вызванныхъ ими, такъ сказать, проскользнула мимо моего ума, нисколько не задѣвъ его своимъ фосфорическимъ блескомъ. Въ самую шаткую пору дѣтскихъ и юношескихъ лѣтъ, я, правда, любилъ все мрачное, таинственное, но оно щекотало у меня только одно воображеніе. Умъ все время оставался холоднымъ и даже какъ бы критически относился къ тому, что всецѣло поглощало фантазію. Такъ было и теперь. Я съ жаромъ принялся за чтеніе мистическихъ книгъ. Отъ доски до доски прочелъ я „Ключъ къ таинствамъ природы“ Эккартгаузена и ничего не отперъ имъ. Да врядъ ли и кто другой могъ отпереть, такъ какъ тайны природы слишкомъ крѣпко заперты, а ключъ, предлагавшійся для ихъ открытія, на самомъ дѣлѣ, былъ простымъ, заржавленнымъ гвоздемъ, неспособнымъ ничего открыть. Далѣе прочелъ я всего „Угроза Свѣтовостокова“, Юнга Штилинга и его же «Приключенія души по смерти». Надъ наивно благочестивымъ кривляньемъ «Угроза» я даже дерзалъ подсмѣиваться, а надъ «Приключеніями души» просто соскучился... Закончилъ я свои мистическія изслѣдованія Сіонскимъ Вѣстникомъ, но не могъ одолѣть больше трехъ номеровъ его.

Какими ясными, убѣдительными представлялись мнѣ, послѣ всѣхъ этихъ блужданій въ потемкахъ, простыя, реальныя истины Евангельскаго ученія...

Зато внѣшніе религіозные обряды я исполнялъ вяло и не всегда охотно. Причина тому была, вѣроятно, въ примѣрѣ окружавшихъ меня... Непосредственное чувство, однако, часто влекло меня въ церковь, особенно когда пѣли пѣвчіе или богослуженіе совершалъ величественный Симеонъ Сдецинскій. Помню также чувство тихой торжественности, нисходившее на меня въ страстной четвергъ, при чтеніи двѣнадцати евангелій въ ильинской церкви однимъ простымъ неученымъ священникомъ. Онъ читалъ безъ всякихъ возгласовъ, но съ такимъ умиленіемъ и сочувствіемъ къ тому, что читалъ, что невольно и присутствующимъ сообщалъ чувство, которое воодушевляло его самого“ [3]).

Не менѣе цѣнно и слѣдующее признаніе Погодина. Въ троицынъ день 1825 года, послѣ богослуженія, онъ занесъ въ свой дневникъ слѣдующее: «Необходимо нужна книга, описывающая наше богослуженіе. Масоны, кажется, знаютъ много хорошаго объ этомъ.» Или: «обѣдня, пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, есть гієро-

---

[3]) Записки и Дневникъ, т. I, стр. 108—10 (Спб. 1893).

глифъ для насъ. Подъ нею св. отцы сокрыли таинства религіи»[4]). Тѣ же черты, характеризующія состояніе религіознаго сознанія, находимъ у Пирогова. [5]) Жуковскаго, Сперанскаго. Послѣдній, напр., еще въ перепискѣ съ Ѳеофилактомъ калужскимъ, указывалъ на то, что одна полемика съ антихристіанствомъ въ духовной литературѣ не составляетъ всего и даже главнаго. Подобныя сочиненія говорятъ не съ христіанами, а съ безбожниками и деистами, тогда какъ первое было бы нужнѣе послѣдняго. Каждый пастырь прежде всего долженъ сохранить и усовершить стадо ему ввѣренное..., наставлять христіанъ на переходѣ отъ внѣшняго христіанства къ внутреннему [6]).

Въ виду такихъ новыхъ запросовъ вѣрующихъ, инстинктивно стремившихся къ церкви, но въ то же время успѣвшихъ пріобрѣсть особенную религіозную настроенность и взгляды, возникла и для цѣлаго періода была поставлена особая задача. Явилась настоятельная нужда въ „оглашеніи“, въ томъ, чтобы „въ возможной полнотѣ передать всѣ христіанскія истины съ ихъ основаніями и доказательствами, догматическими, историческими, съ подробнымъ разъясненіемъ правилъ христіанской жизни, размышленіями и примѣрами“ [7]).

А если принять во вниманіе то убогое состояніе, въ которомъ находилась тогда русская духовная литература, то невыясненное положеніе, въ которомъ оставались даже основные вопросы, касавшіеся св. писанія, преданія, символическихъ книгъ, сущности православія, отношенія къ западнымъ исповѣданіямъ и пр.,—естественно сравнить предстоявшую работу съ трудами древнехристіанскихъ огласителей, напр., Оригена. Послѣдній, уча другихъ, въ свободное время и самъ учился. Стараясь удовлетворить безпрестаннымъ мольбамъ приходящихъ толковать св. писаніе, онъ долженъ былъ составить колоссальный трудъ „экзаплы“. Дни и ночи, затѣмъ, приходилось ему изучать въ подлинникахъ, до мельчайшихъ подробностей, философскія системы и еретическія ученія, чтобы быть во всеоружіи...

Все это, въ тѣхъ или иныхъ размѣрахъ, должно было явиться предметомъ разработки и въ тотъ огласительный періодъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь. Нужно лишь было обезпечить свободное проявленіе тѣхъ запросовъ, которые выдвигала жизнь, не-

---

[4]) Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. I, стр. 303—4 и 168 (отзывъ Маслова).

[5]) „Р. Ст.“ 1884. № 11, стр. 270. Посмертныя записки Николая Ивановича Пирогова.

[6]) Журн. мин. нар. просв., 1875 г. XI, стр. 93—4. Галаховъ А. Обзоръ мистической литературы въ ц. имп. Александра I.

[7]) „Духовный Вѣстникъ“, 1862 г., январь, стр. 453. Проф. В. Добротворскій. О характерѣ прежняго періода нашей духовной журналистики и современныхъ ея задачахъ.

принужденное обсужденіе тѣхъ темъ, которыя назрѣли, чтобы крѣпла религіозная мысль, и была плодотворною по результатамъ намѣченная работа. Силы, необходимыя для выясненія и наученія, путемъ живого обмѣна мыслей, были,—еще болѣе могло явиться. Затѣмъ, помимо вопросовъ, предлагаемыхъ извнѣ, среди самихъ православныхъ существовали разныя теченія, или, по крайней мѣрѣ, взгляды, которые и могли противодѣйствовать односторонности.

Такъ, существовали еще лица, желавшія перенести въ наступившую—болѣе холодную—эпоху пылкое чувство прежняго времени. Типичнымъ представителемъ ихъ можетъ служить извѣстный священникъ г. Балты Ѳеодосій Левицкій [8]), или архимандритъ Макарій Глухаревъ. При всѣхъ своихъ увлеченіяхъ, мистическихъ ожиданіяхъ „близости кончины“ [9]), они способны были на подвиги дѣятельной любви—страннопріимничества, миссіонерства. Въ своихъ же рѣчахъ и запискахъ они увлекательно и въ то же время грозно пророчески умѣли говорить о томъ, въ чемъ были убѣждены.

Затѣмъ, какъ показываетъ разборъ нѣкоторыми духовными лицами конфискованныхъ мистическихъ книгъ, у нихъ уже создалась способность объективно отнестись къ минувшему движенію и воспользоваться его уроками [10]). А, вмѣстѣ съ тѣмъ, устанавливалась и общая точка зрѣнія на западную литературу въ смыслѣ „всеиспытанія, но не всевѣрія“. Это подготовляло почву для научной разработки церковно-богословскихъ вопросовъ, пользуясь въ широкой мѣрѣ успѣхами западной науки.

Наконецъ, необходимо отмѣтить еще одно теченіе—фотіан-

---

[8]) См. автобіографія, или „Описаніе духовныхъ трудовъ и всѣхъ случаевъ жизни священника Ѳеодосія Левицкаго“. Р Ст. 1880, IX, стр. 129—168. Также Арх. Св. С. 1822, 1272.

[9]) По вычисленіямъ нѣкоторыхъ мистиковъ, 1836 г. долженъ былъ явиться „послѣднимъ“. И, какъ можно, напримѣръ, видѣть изъ Писемъ м. Филарета къ архимандриту Антонію (М. 1883, ч. I, стр. 183), отъ этой мысли трудно было вполнѣ отрѣшиться даже тѣмъ, у кого „вѣра“ была по преимуществу „въ умѣ“. (Таковъ именно отзывъ о м. м. Филаретѣ р.-католическаго епископа Головинскаго, передаваемый въ Запискахъ Никитенко, т. I, стр. 517). Менѣе же уравновѣшенные съ напряженіемъ отыскивали случайныя совпаденія съ апокалипсическими знаменіями: въ освобожденіи Греціи видѣли побѣду надъ антихристомъ, превращали въ цифры текстъ: „солнце позна западъ свой“ и находили «1836» и т. д. (А. С. С., 1842, 36; 1843, 17).

Вообще, нельзя отрицать, что, благодаря дальнѣйшему развитію религіозной мысли, уцѣлѣвшіе мистическіе кружки (напр. Татариновой, Дубовицкаго) быстро направились къ вырожденію, изувѣрству. Однако, именно для болѣе холодныхъ представителей оффиціальнаго православія они были въ извѣстной мѣрѣ укоромъ, и, болѣе или менѣе, правъ былъ одинъ изъ нихъ, извѣстный Дубовицкій, требуя отъ м. Серафима, „чтобы благоволилъ изложить мнѣ письменно, въ чемъ находитъ меня несообразнымъ“. Р. Арх. 1897, II, 446.

[10]) Дѣло о «вредныхъ книгахъ», арх. конф. спб. дух. акад., 1825 г., № 29.

ское, характеризуемое часто безотчетною, вообще фанатическою „ревностью по православію". Что оно, несмотря на эксцентричныя выходки своего главнаго представителя „убогаго Фотія" и его личный, мало симпатичный, характеръ [11]), имѣло подъ собою почву, показываетъ его живучесть. Взгляды Фотія, чрезъ посредство м. Серафима, были культивированы впослѣдствіи Пратасовымъ. И какъ стремленія Фотія опытная оцѣнка весьма скоро признала „раскольническими", такъ и въ ревнителяхъ пратасовскаго времени она не безъ основанія потомъ увидѣла „бритыхъ раскольниковъ". Однако, находя и у Фотія искреннихъ почитателей, которые у ногъ его находили удовлетвореніе, необходимо видѣть и во всемъ этомъ инстинктивномъ, ревнивомъ отношеніи къ вѣрѣ чистыя побужденія, только искаженныя сначала юродствомъ и фанатизмомъ, а потомъ чиновничьими заботами о церкви. Лишь болѣе, чѣмъ всѣмъ другимъ оттѣнкамъ въ пониманіи православія, этому консервативному моменту грозила опасность исключительности, и онъ всегда долженъ бы былъ имѣть при себѣ достаточный коррективъ и противодѣйствіе.

Какъ могли бы, въ дѣйствительности, въ данную эпоху уравновѣшивать другъ друга перечисленныя теченія, живымъ и нагляднымъ примѣромъ можетъ служить переписка братьевъ Сергія, Алексѣя и Павла Ширинскихъ-Шихматовыхъ, отъ 1827—31 года. Издатель этой переписки [12]) весьма основательно присвоилъ ей общее названіе: „Матеріаловъ для исторіи русской богословской мысли тридцатыхъ годовъ текущаго (XIX) столѣтія". Она имѣетъ болѣе широкій интересъ для исторіи и могла бы имѣть болѣе важное значеніе для своего времени, чѣмъ только частная переписка братьевъ, и на ней необходимо остановиться подробнѣе.

Всѣ братья являются до ригоризма православными и благочестивыми. Въ эпоху мистическаго движенія всѣ они находились въ Петербургѣ. Но старшіе — Павелъ и Алексѣй — въ 1818 г. оставили службу и поселились въ своемъ имѣніи Архангельскомъ (можайскаго уѣзда). Здѣсь они всей душой отдались дѣлу образованія и религіозно-нравственнаго воспитанія дѣтей крестьянъ и церковнослужителей, изо дня въ день лично занимаясь съ ними. Въ 1836 г. они освободили своихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Князь Алексѣй, (который собственно и былъ авторомъ всѣхъ писемъ изъ Архангельскаго), даже въ области богословской, путемъ простой начитанности, дошелъ до такой степени развитія, что мало уступалъ современнымъ ему

---

[11]) Ср., напр., Р. Ст. 1902, А. Слезкинскій. „Фотій и графиня А. А. Орлова-Чесменская", особенно іюнь, стр. 617—27; сентябрь, 599—613.

[12]) Свящ. В. Жмакинъ. (Спб. 1890).

богословамъ по профессіи. Онъ перечиталъ современную богословскую литературу. Обладая знаніемъ новѣйшихъ языковъ, онъ слѣдилъ за выдающимися произведеніями литературы богословской и на Западѣ [13]).

Князь же Сергій, живя въ Петербургѣ въ самые „достопамятные" годы борьбы съ Голицынымъ, уже съ перваго дебюта Фотія, въ 1819 году, началъ все болѣе и болѣе поддаваться его гипнотизирующему вліянію, пока, наконецъ, не „водворился во святую обитель св. великомученика и побѣдоносца" подъ именемъ Аникиты. Что-бы ни говорили о Фотіи, въ немъ онъ прежде всего видѣлъ ревностнаго борца въ трудную для церкви годину. Для старшихъ же братьевъ личность убогаго Фотія далеко не представлялась въ свѣтломъ ореолѣ, и они, даже по отрывочнымъ, доходившимъ до нихъ свѣдѣніямъ, сумѣли вѣрно схватить отличительныя черты и тенденціи Фотіева православія. Поэтому, приписывая нерѣдко брату такіе взгляды, за которые онъ лично не стоялъ, и не заслуженно подвергая его „томительному истязанію о православіи",—погрѣшая, однимъ словомъ, въ конкретномъ фактѣ, братья, въ общемъ, вѣрно оцѣнили принципіальныя воззрѣнія настоятеля юрьева монастыря и его приверженцевъ. Въ результатѣ начались пренія о вѣрѣ, „споспѣшествуемыя" удивительно горячей взаимной любовью обѣихъ сторонъ.

Сущность этой полемики состоитъ въ энергичномъ нападеніи Алексѣя и Павла на всѣ тѣ пункты юрьевскаго православія, которые являлись, по ихъ убѣжденію, такъ сказать, ирраціональными. Здравымъ смысломъ старались они обнаружить и оцѣнить ихъ, начиная отъ самыхъ грубыхъ пріемовъ, которыми убѣждалъ Фотій, до самыхъ скрытыхъ. Фотій, напримѣръ, склоняя Сергія къ постригу, присылаетъ ему „откровеніе въ письмѣ съ семью ангельскими печатями". Братья всесторонне анализируютъ всѣ эти печати, находятъ тамъ иниціалы на англійскомъ языкѣ „А. О. Ч." (иниціалы, конечно, А. А. Орловой-Чесменской) и предъявляютъ формальное обвиненіе: „сія заятая таинственность, не придавая ничего къ важности дѣла, ежели оно и отъ Бога, но давая оному еще видъ дѣла отъ человѣковъ, весьма уже умножаетъ вину изобрѣтателя, когда оно дѣйствительно есть не иное что, какъ человѣческій вымыселъ". Такъ же скептически отнеслись братья и къ описанію „исцѣленія" Фотіемъ Фотины, и въ ихъ правотѣ Аникита имѣлъ впослѣдствіи поводъ удостовѣриться. [14])

Впрочемъ, несравненно интереснѣе былъ походъ братьевъ противъ болѣе опасныхъ сторонъ Фотіева православія. Самое стремленіе ихъ разоблачить чудеса и откровенія юрьевскаго

[13]) В. Жмакинъ. Матеріалы..., стр. 5—6.
[14]) Тамъ-же, стр. 194, 217, 223.

архимандрита основывалось на желаніи доказать, что „евангельское церковно-учебныхъ книгъ ученіе стоитъ и устоитъ само собой. Такъ твердо оно утверждено всѣмъ множествомъ чудесъ, во всѣхъ народахъ и всѣхъ вѣкахъ, что нѣтъ нужды намъ искать опоры оному въ новыхъ чудесахъ. Противное же сему, или въ чемъ важномъ несообразное ученіе, не можетъ стоять, при всемъ множествѣ подпоръ и отъ самихъ чудесъ, которыя, при такомъ ученіи, не могутъ и не должны останавливать вниманіе наше, какъ бы очевидны они ни казались“, Фотій для нихъ—ревнитель церкви не по разуму, а его монастырь—убѣжище противныхъ церкви мнѣній, раскольническое гнѣздо. [15])

Здѣсь необходимо сказать нѣсколько словъ относительно той позиціи, стоя на которой старшіе братья могли произносить такія обвиненія и обличенія.—Если смотрѣть безотносительно, легко можно придти къ выводу, что братья сами были въ сильной степени заражены „раскольнической“ исключительностью. Въ самомъ дѣлѣ, во всей перепискѣ красной нитью проходитъ категорическое требованіе, чтобы Сергій далъ, а затѣмъ подтвердилъ письменное обѣщаніе „слово въ слово принимать все догматическое церковно-классическихъ книгъ ученіе, держась собственно того смысла, который очевиденъ по свойству языка и который иначе пріемлемъ быть не можетъ... Церковно-учебныя книги суть то хранилище, которое и содержитъ оное (ученіе) въ первобытной евангельской чистотѣ, какъ оно вышло изъ устъ Самого Спасителя и Его апостоловъ... Во всемъ, въ чемъ встрѣчается какое незнаніе или недоразумѣніе, должно справляться въ общихъ катехизисахъ и богословіяхъ, отъ Святѣйшаго Синода издаваемыхъ, и принимать оные, какъ бы изъ самихъ апостольскихъ устъ исходящую евангельскую проповѣдь“ [16]). Чѣмъ, спрашивается, все это не та же, достойная старообрядца, вѣра въ букву?!

Но, если вглядѣться пристальнѣе, становится понятною суть дѣла. Фотій весьма опредѣленно заявлялъ о неправомысліи всѣхъ высшихъ духовно-учебныхъ заведеній, весьма ясно проповѣдывалъ о „согласіи архіереевъ, архимандритовъ и всѣхъ учителей россійской церкви“ на мнѣнія и хулы карбонаріевъ. И, напримѣръ, ученикъ Фотія Сергій, со всей силой отвергая подозрѣніе братьевъ насчетъ слѣпого пристрастія къ старымъ книгамъ, пояснялъ однако: „все мое слѣпое пристрастіе къ старымъ книгамъ окажется развѣ то, что я предпочиталъ православное исповѣданіе прочимъ катехизисамъ, но православное исповѣданіе не есть отнюдь изъ числа старыхъ церковью запрещенныхъ книгъ. Книга сія всегда будетъ вѣнцомъ православія, яко испытанная судомъ всѣхъ православныхъ преемниковъ апостольскихъ и утвержденная

---

[15]) Тамъ-же, стр. 197, 234.
[16]) „Матеріалы“, стр. 23, 43, 14.

общимъ всѣхъ одобреніемъ... А потому, и теперь допуская, что и нашею единою православною церковью издаваемыя учебныя книги, равно какъ и православное исповѣданіе, душеспасительны, нахожу, что нельзя книгѣ сей не дать перваго между равными мѣста." [17])

Въ противовѣсъ этому братья отстаивали „настоящія церковно-учебныя книги". А такъ какъ въ ту пору можно было собственно говорить лишь о частныхъ попыткахъ болѣе или менѣе точной формулировки православнаго вѣроученія, то и выходило, что отстаивая status quo церковнаго изложенія вѣры, братья отстаивали процессъ его разработки.

Помимо защиты „новыхъ" катехизисовъ Филарета, братья энергично осуждали поднятое Фотіемъ „ополченіе противъ переложенія книгъ священнаго писанія" и попытку „отвлечь другихъ къ своей ополчающейся сторонѣ. И простое, поясняли они, непочтеніе къ матери, къ матери церкви, грѣховно, богопротивно, а какимъ должно почитать ополченіе противъ нея, ополченіе не себя лишь, но и другихъ?"... [18]) Весьма скоро также они подмѣтили въ Сергіѣ развитіе, такъ характернаго для „раскольниковъ", „отвращенія ко всѣмъ инославнымъ учителямъ духовнаго житія" и обратили вниманіе на опасную сторону этой исключительности.

„Ополчающіеся противъ иновѣрцевъ-протестантовъ, пишутъ они, съ ревностью не по разуму, ревностью неосвященною, впадаютъ въ такую крайность, которая можетъ произвести вредъ гораздо тягчайшій. Начавъ опроверженіемъ дѣльныхъ нововведеній и упущеній, впослѣдствіи до того воспаляются гнѣвомъ и недоброжелательствомъ, что все кажется уже недостаточнымъ, нестерпимымъ въ ихъ церкви,—и самое то, что они имѣли и имѣютъ общее съ нами, такъ что даже и въ семъ нежелательно уже быть съ ними единомысленными. Получивши однажды такое чувство, все, чѣмъ можно отклоняться отъ нихъ, охотно пріемлется и все, что сближаетъ съ нами, охотно упускается. Отсего тѣ внѣшности вѣры, которыя ими опускаются, обращаютъ наибольшее вниманіе, и отправляющіе оныя, хотя бы съ опущеніемъ важнѣйшихъ догматовъ, защищаются, какъ православные". [19])

Долго и замѣчательно жизненно спорили авторы писемъ и по разнымъ другимъ вопросамъ,—о томъ, можно ли назвать православными лицъ, соблюдающихъ, по невѣжеству, одну обрядовую сторону христіанства; можно ли со спокойною совѣстью удаляться

---

[17]) „Матеріалы", стр. 21. Въ искренности этого заявленія Сергія сомнѣваться нельзя: онъ самъ въ то время исправлялъ опытъ перевода этого изложенія вѣры, (правда, неодобренный цензоромъ Павскимъ). К. Д. У. 1825, 3912.

[18]) Тамъ-же, стр. 55.

[19]) Тамъ-же, стр. 135.

отъ міра въ монастырь, когда столько дѣятельной любви можно проявить въ образованіи народа и т. д.

Впрочемъ, Сергій (теперь уже Аникита) все болѣе и болѣе сталъ уклоняться отъ обсужденія вопросовъ по существу; нѣкоторыя же письма и вовсе оставлялъ безъ отвѣта. При всемъ томъ, несмотря на допускавшіяся полемическія рѣзкости, переписка до конца сохранила характеръ благороднаго спора, руководимаго исканіемъ истины и братскою заботою другъ о другѣ.

„Теперь, заключалъ одно изъ послѣднихъ писемъ къ брату Аникитѣ кн. Алексѣй, отлагаю перо обличителя и облекаюсь въ смиренную одежду послѣдняго грѣшника. Останавливаю голосъ мой громкій, а по временамъ и колкій. Прости неумѣстной моей колкости и грубости за дѣльную и умѣстную ревность. Я часто испытываю, часто провѣряю себя въ моемъ къ тебѣ расположеніи, опасаясь, не простирается ли неблаговоленіе мое къ мнѣніямъ твоимъ и на самого тебя. Но, слава Господу, милующему меня, испытаніе сіе, кажется, паче другихъ примиряетъ меня съ моею совѣстью". [20])

Возвращая этотъ свитокъ и прекращая полемику, Аникита, съ своей стороны, отвѣчаетъ на послѣдней страницѣ слѣдующими изрѣченіями: «Суди ми, Господи, яко азъ не злобою моею ходихъ; и на Господа уповая не изнемогу. Искуси мя, Боже, и увѣждь сердце мое, истяжи мя и разумѣй стези моя. И виждь, аще путь беззаконія во мнѣ, и настави мя на путь вѣченъ. Ей, Господи Царю, даруй ми зрѣти моя прегрѣшенія и не осуждати брата моего, яко благословенъ еси во вѣки вѣковъ, Аминь". [21])

Остановиться подробнѣе на перепискѣ братьевъ Ширинскихъ-Шихматовыхъ необходимо потому, что она представляетъ собою страстный и мотивированный протестъ противъ духа Фотія. [22]) Послѣдній же, какъ сказано, виталъ надъ церковной жизнью второй четверти минувшаго вѣка, перевоплощаясь лишь изъ новоизмышленнаго хитона Фотія въ мундиры церковныхъ чиновниковъ. Отсюда и тѣ доводы, которые адресовали братья въ юрьевъ монастырь, могли бы имѣть широкій церковно-общественный интересъ. Въ самомъ дѣлѣ, далеко не къ одному только Аникитѣ — ученику и почитателю Фотія—относилось, напримѣръ, слѣдующее братское, но вмѣстѣ грозное предостереженіе:

„По мнѣнію нашему, ты поставленъ на широкій путь противленія церкви, которое, какъ ни прикрываютъ совѣтники твои ревностью по православію, не можетъ не обнаруживаться въ сло-

---

[20]) Тамъ-же, стр. 234.

[21]) Тамъ-же, стр. 232, 122.

[22]) Кстати, Фотій тогда уже служилъ и мишенью грубыхъ рукописныхъ памфлетовъ. Такъ, онъ очень радовался, что Алексѣй (Аракчеевъ) съ Бенкендорфомъ начали розыскъ по извѣстному роману („Фатюй")... „Сіе дѣло доброе". Р. Ст. 1902, т. 116, стр. 153.

вахъ и дѣлахъ. Ревность по православію есть самый тотъ покровъ, которымъ покрываютъ свои бредни всѣ старообрядцы. И даже тѣ раскольники, которые старались соорудить церковь свою на образецъ старинной церкви, до того изуродовали ее, что не имѣютъ и тѣни христіанства, и терпятъ у себя, даже уважаютъ скверности и пороки наигнуснѣйшіе. Вотъ какъ опасно прилагаться къ стариннымъ толкамъ и партіямъ". [23])

Сверхъ того, настоящая переписка показываетъ и доказываетъ полную и для того времени возможность единственно цѣлесообразнаго пути въ дѣлѣ выясненія „православія". Только чрезъ непрйнужденный обмѣнъ мнѣній сглаживались бы односторонности, устранялось бы все фальшивое, не имѣли бы мѣста безцѣльныя драмы духа. Нужны лишь были условія, которыя бы обезпечивали ту свободу и откровенность, какую можно видѣть въ частной перепискѣ.

Но именно этихъ-то условій и не было: они болѣе всего не гармонировали съ духомъ эпохи Николая I. „Въ николаевскую эпоху господствовала система. Эта система ясная, точная, такая, которая еще и теперь поражаетъ насъ своимъ грандіознымъ размахомъ. Эта система являлась какъ бы живымъ воплощеніемъ непреклонной личности самого императора Николая I. Идея, которая проникала собою всю систему и какъ мозгъ наполняла кости ея, была идеей внѣшняго могущества и силы Россіи,—съ одной стороны, безусловнаго единства ея духовной жизни,—съ другой"...

„Однимъ изъ необходимѣйшихъ условій внѣшняго могущества, по мнѣнію императора Николая, являлось полное, безусловное, нетерпящее никакихъ, даже самомалѣйшихъ, уклоненій, духовное единство всѣхъ русскихъ людей. Имъ должны были проникнуться всѣ, начиная съ перваго вельможи и кончая послѣднимъ мужиченкомъ... Всѣ усилія правительства, въ области внутренней политики, сводились къ дисциплинѣ, идеаломъ которой была дисциплина военная. Каждому было указано свое, строго опредѣленное, мѣсто; отъ каждаго требовалось, чтобы онъ говорилъ, думалъ и чувствовалъ именно такъ, какъ было предписано. Одинъ долженъ былъ чувствовать побольше, другой поменьше; одному полагалось знать то, чего не полагалось знать другому; въ мысляхъ одного могло быть больше развязности и бойкости, чѣмъ въ мысляхъ другого или третьяго, которому совсѣмъ не полагалось имѣть никакихъ мыслей. Все это было строго предусмотрѣно системой, все это математически точно соотвѣтствовало положенію человѣка на землѣ.

„Больше всего, конечно, боялись мысли, и какъ жилось ей въ этой обстановкѣ,—сообразить не трудно Интеллигентная мысль менѣе всего подходила подъ требованія системы... Но какое дѣло

[23]) Матеріалы, стр. 197.

„системѣ“ до особенности и индивидуальности? Крупныхъ людей, какъ напримѣръ, Пушкина, она старалась привлечь на свою сторону. Съ мелкими она совершенно не церемонилась, и даже мрачные казематы Соловецкаго монастыря для „заживо погребенныхъ“ никогда не оставались пустыми.

„Господствовала теорія, которую г. Пыпинъ, какъ нельзя удачнѣе, называетъ „оффиціальною народностью“. Признавалось и вѣрилось, что „Россія есть совершенно особое государство и особая національность, не похожая на государства и племена Европы“...

„Въ религіозномъ отношеніи Россія страна православная и даже наиболѣе православная. Ея исповѣданіе заимствовано изъ древняго византійскаго источника, вѣрно хранившаго преданія церкви, и она осталась свободна отъ тѣхъ религіозныхъ волненій, которыя первоначально отклонили отъ истиннаго пути католическую церковь, а потомъ поселили распри въ ея собственной средѣ и произвели протестантизмъ съ его безчисленными сектами. Правда, и у насъ есть раскольники, но правительство и церковь употребляютъ всѣ усилія и мѣры строгости къ возвращенію заблудшихъ и къ искорененію ихъ заблужденій. Раскольники, по ихъ невѣжеству, заслуживаютъ нѣкотораго снисхожденія, но вообще терпимы быть не могутъ.

...„Если мы и отстали отъ Европы въ цивилизаціи и наукѣ, то обстоятельство это служитъ на нашу же пользу, такъ какъ наука получается у насъ въ томъ видѣ, когда всѣ сѣмена ея тщательно отдѣлены отъ плевелъ... Высшія учрежденія блюдутъ за тѣмъ, чтобы наука приносила намъ только полезное, и запрещаютъ все, что можетъ повести къ вреднымъ умствованіямъ.

„Система ломала все, что встрѣчалось у ней на пути, и огромная часть ея усилій была направлена къ тому, чтобы оградить себя отъ возможности и въ дальнѣйшемъ встрѣтиться съ какими бы то ни было непріятностями. Тутъ на первомъ планѣ выступаютъ заботы о цензурѣ“... [24])

Этотъ, пусть даже далеко не самостоятельный по мыслямъ, но, безспорно, живой очеркъ Евг. Соловьева представляетъ вѣрную характеристику той логики, которой слѣдовалъ режимъ николаевскаго царствованія, въ частности, по церковно-богословскимъ вопросамъ. Какъ во всемъ, такъ и въ этой сферѣ, идеаломъ для императора Николая было „единообразіе“. Въ это царствованіе, пишетъ М. Я. Морошкинъ, разномысліе въ синодѣ, если и допускалось, по необходимости, на словахъ, то почти никогда не являлось въ письменныхъ его актахъ. Причиною сему былъ главнѣйше самъ императоръ, весьма не жаловавшій отдѣльныхъ

---

[24]) Евг. Соловьевъ (Андреевичъ). Очерки по исторіи русской литературы. Спб. 1903 г., стр. 42—7.

мнѣній со стороны членовъ синода и, если когда такія встрѣчались, объявлявшій за нихъ, чрезъ оберъ-прокурора, свое неудовольствіе, временами довольно рѣзко. Такъ, когда по дѣлу генералъ-адъютанта Клейнмихеля, за прелюбодѣяніе разведеннаго съ первою женою и намѣревавшагося вступить во второй бракъ съ двоюродною сестрою своей первой жены, произошло разногласіе между м. м. Филаретомъ и духовникомъ государевымъ Музовскимъ (Филаретъ запрещалъ этотъ второй бракъ, какъ противный всѣмъ каноническимъ правиламъ, а Музовскій доказывалъ противное), то государь, на докладѣ оберъ-прокурора князя Мещерскаго объ этомъ разномысліи, написалъ слѣдующее: „Въ догматахъ вѣры разногласія быть не можетъ и не должно; посему подобнаго представленія принять я не могу отъ высшаго духовнаго мѣста въ государствѣ. Вамъ, какъ блюстителю законовъ, должно сіе вразумить членамъ синода, и когда положится общее единогласное мнѣніе, основанное не на умствованіяхъ и на толкованіяхъ, а на точномъ смыслѣ догматовъ, тогда мнѣніе представить. Симъ дѣломъ заняться не медля: ибо впредь строго вамъ запрещаю входить съ подобнымъ докладомъ, который совершенно выходитъ изъ всякаго приличія". Нерѣдко, впрочемъ, добавляетъ тотъ же историкъ, государь не уважалъ и единогласныхъ мнѣній синода, оставляя ихъ безъ дѣйствія, особенно по дѣламъ брачнымъ. [25])

Тотъ же принципъ, даже въ тѣхъ же выраженіяхъ, примѣнялся императоромъ и по другимъ поводамъ. Единообразіе, напримѣръ, учебныхъ руководствъ, въ дѣлѣ преподаванія христіанскаго ученія, вполнѣ согласовалось съ предначертаніями государя, и послѣдній готовъ былъ раньше времени изъявлять высочайшую санкцію, стѣснявшую появленіе новыхъ опытовъ. [26])

Проводниками „системы" въ жизнь являлись тѣ лица, которыя окружали Николая I, тѣ учрежденія, которыя завѣдывали различными областями. Въ частности, и въ вѣдомствѣ православнаго исповѣданія то или другое примѣненіе и осуществленіе личныхъ взглядовъ императора не мало обусловливалось свойствомъ и настроеніемъ преломлявшей среды.

Въ первое десятилѣтіе царствованія Николая, несмотря на благосклонное его отношеніе къ отдѣльнымъ лицамъ,—къ обратившему на себя вниманіе 14 декабря м. Серафиму, къ опытному администратору м. Филарету, энергичному реформатору оберъ-прокурору Нечаеву,—при немъ не было, однако, „достойнаго и вѣрнаго слуги". Такого онъ пріобрѣлъ лишь въ 1836 г. въ лицѣ графа Пратасова. Съ этого собственно времени, въ продолженіе двадцати лѣтъ, начала осуществляться систематизація церкви.

---

[25]) Сборникъ Импер. Р. Ист. Общ. т. 113, кн. 1, стр. 18. (1902).
[26]) Дѣло спб. дух.-ценз. ком., 1827, 29; А. С. С., 1830, 538 и 687.

Взойдя на престолъ, Николай I счелъ необходимымъ нѣсколько смягчить крайности прежняго обскурантизма. Тамъ слишкомъ грубо сплелись личныя цѣли, близорукія мнѣнія, негодныя средства. Поэтому, вскорѣ по вступленіи на престолъ, онъ повелѣлъ „зачислить конченными“ нѣкоторыя дѣла, доставшіяся ему въ наслѣдство, какъ напр., „дѣло о профессорахъ петербургскаго университета“, дѣло Госнера и т. п. [27]) Еще болѣе характернымъ показателемъ несочувствія Николая I къ крайностямъ прежней реакціи могла служить изложенная уже судьба цензурнаго устава Шишкова.

Двусмысленное отношеніе Николая I къ Шишкову, если не вождю, то ревнителю реакціи 1824—5 года, должно было произвести свое впечатлѣніе и на высшіе церковные круги. „Теперь всѣ путаются, не зная, что нужно, и чего хочетъ государь императоръ“. [28]) Такими словами охарактеризовалъ состояніе высшихъ церковныхъ круговъ въ послѣдніе мѣсяцы царствованія Александра I близкій къ этимъ кругамъ епископъ Григорій. Возбужденные побѣдой надъ министерствомъ духовныхъ дѣлъ, сторонники реакціи высказывали не мало соотвѣтствующихъ моменту намѣреній и пожеланій. Нелишне привести еще нѣсколько, относящихся сюда, отрывковъ изъ писемъ того же корреспондента митр. Филарета: „Въ Александровъ день у владыки обѣдали, кромѣ еретиковъ членовъ Синода, все православные—Штеръ, Магницкій и пр. За обѣдомъ, какъ будто сговорясь, всѣ напали на меня за то, что будто училищный уставъ исполненъ революціонными правилами, что онъ выводитъ училища изъ подчиненности преосвященныхъ, что всѣ воспитанники народъ гордый...“ [29]) „Перевода Библіи дѣлать не велѣлъ. Не знаю, что будетъ дальше“. „Маленькой Катехизисъ вашъ критикуютъ за то, что „Вѣрую“ напечатано по русски, также „заповѣди“ и „Отче нашъ“ [30])... Въ прошедшую субботу было у насъ въ коммиссіи собраніе... читали нѣсколько дѣлъ. Потомъ Иванъ Семеновичъ (Державинъ — об.-священникъ) сказалъ съ жаромъ: вотъ что скверно, вездѣ пишутъ уроки! надобно непремѣнно запретить и назначить классическія книги. Нашъ (м. Серафимъ) также съ жаромъ: не запретить,

---

[27]) Императорскій С.-Петербургскій университетъ въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія. Историческая записка, составленная проф. В. В. Григорьевымъ (Спб. 1870), стр. 38 и прилож., стр. 14—18.

[28]) Письма духовныхъ и свѣтскихъ лицъ къ митр. м. Филарету, изд. А. Н. Львовымъ (Спб., 1900 г.), стр. 81, письмо 28 апр. 1825 г.

[29]) Тамъ-же, стр. 72, и примѣч. (Письмо отъ 4 сент. 1824 г.) Выраженіе: „Еретики члены синода“,—конечно, иронія надъ Шишковской партіей. Штеръ— директоръ департамента полиціи исполнительной, членъ главнаго правленія училищъ и директоръ спб. комитета библ. общ—ва. Онъ былъ ревностнымъ пособникомъ Фотія.

[30]) Тамъ-же, отъ 7 ноября 1824 г., стр. 78. Рѣчь о м. Серафимѣ и Шишковъ.

а вытребовать всѣ писанные уроки сюда и безъ всякаго разбора сожечь. Кіевскій сказалъ: да, непремѣнно надобно имѣть классическія книги. Я сказалъ, что у насъ есть классическія книги. Онъ сказалъ: есть, да вездѣ пишутъ. Я сказалъ: такъ только сказать, чтобы не писали. Впрочемъ, ежели сказать, чтобы никто не писалъ, то мы никогда не будемъ имѣть лучшихъ книгъ классическихъ. Онъ сказалъ: да у насъ есть прекрасныя богословіи. Вонъ Макаріева, только перевесть на латинскій языкъ... Я сказалъ, что у насъ многіе напишутъ гораздо лучше Макаріевой. Нашъ сказалъ: да напиши ты!—Пожалуй, я сказалъ. Онъ закричалъ: записать, Кіевскій сказалъ: записать непремѣнно. Я сказалъ, что я не отопрусь отъ слова и безъ записки. Кіевскій сказалъ; крѣпче будетъ. Какъ угодно, я промолвилъ. При выходѣ изъ коммиссіи съ жаромъ утверждали, что нынѣ латинскій языкъ вовсе брошенъ, что никто не знаетъ его, и что надобно обратить на то все вниманіе..." [31])

Пренебрегая возраженіями и солидными доводами противной стороны, руководители „обратнаго хода" спѣшили, насколько возможно, оформить и провести въ жизнь свои взгляды. Особыхъ основаній въ пользу своихъ предначертаній они не приводили: Вотъ, напримѣръ, содержаніе одного изъ самыхъ выразительныхъ журналовъ коммиссіи духовныхъ училищъ за данный періодъ.

„Доходитъ до свѣдѣнія коммиссіи духовныхъ училищъ, что нѣкоторые изъ учащихъ въ академіяхъ и семинаріяхъ, подъ предлогомъ недостаточности книгъ учебныхъ, пишутъ собственные свои уроки, и списываніемъ ихъ много обременяютъ учащихся, вопреки училищному уставу, а нѣкоторые, избирая въ руководство по своему предмету писателей иностранныхъ, при изъясненіи предметовъ богословскихъ и философскихъ, уклоняются въ излишнія умствованія.

„Въ пресѣченіе сего безпорядка и для соблюденія однообразія во всѣхъ училищахъ духовныхъ, коммиссія за нужное признала положить извѣстные предѣлы, изъ которыхъ не должны выходить наставники, и подтвердить имъ, чтобы, до составленія впредь отъ коммиссіи полнѣйшаго круга учебныхъ книгъ, болѣе соотвѣтственныхъ своей цѣли, ученіе преподавалось только по слѣдующимъ книгамъ: Въ академіяхъ, въ классѣ богословскомъ: для чтенія св. писанія употреблять руководство къ оному преосвящен. м. Амвросія. Для богословіи толковательной — Рамбахія; догматической и дѣятельной—Өеофилакта (Переяславскаго); обличительной—Иринея (Фальковскаго); бесѣдовательной—„руководство къ церковному краснорѣчію".– Въ классѣ наукъ философскихъ—Винклера и Бруккера. Въ семинаріяхъ: для богословіи—тѣ же учебныя пособія, какія и въ академіи назначены. Для

[31]) Тамъ-же, стр 82—3 (письмо отъ 28 апр. 1825 г.)

словесныхъ наукъ—риторику Бургія, съ присоединеніемъ курса всеобщей словесности Мейнерса (Лактанцій оставляется исключительно въ руководство учителямъ). —Прочіе предметы наукъ оставить въ прежнемъ видѣ, также впредь до усмотрѣнія". [32])

Здѣсь комиссія возстанавливала такіе авторитеты, предъ которыми даже умѣренные ревнители старины не могли уже преклоняться. „О полемикѣ Фальковскаго, писалъ Филарету московскому, по поводу указа комиссіи, епископъ рязанскій Филаретъ (Амфитеатровъ), не стоило бы и говорить, какъ о такомъ изношенномъ рубищѣ, которое давно брошено. Развѣ хотятъ возвратить схоластическія бредни. Не знаю, какъ станутъ владыки располагать наставниковъ и учащихся къ такому скучному и безплодному занятію. Мнѣ кажется, лучше оставить всю полемику, нежели вводить такую. Не знаю, чего опасаются отъ письменныхъ уроковъ наставниковъ. Мнѣ кажется болѣе опасны словесныя объясненія и замѣчанія. Ибо за письменныя всякій отвѣчаетъ"...

Въ томъ же письмѣ Филаретъ высказываетъ и свой общій взглядъ на производимые надъ училищами эксперименты: „На духовныя училища смотрю я, какъ на прекрасное растеніе, которое, благодатію Божіею и милостію Монаршею бывъ согрѣваемо и поливаемо, начинало только расцвѣтать и обѣщало обильный плодъ: но вдругъ засуха. Богъ вѣсть откуда повѣялъ засушительный вѣтръ, и когда онъ перестанетъ, и что будетъ съ симъ растеніемъ"... [33]).

Однако, несмотря на весь свой грозный характеръ, „засушительный вѣтръ" обратнаго хода не пріобрѣлъ какой-либо стихійной силы. Отсутствіемъ твердо намѣченныхъ руководящихъ точекъ зрѣнія и даровитыхъ исполнителей, при серьезныхъ возраженіяхъ со стороны, подтачивалась энергія первой стадіи строго охранительнаго направленія. Комиссіи не разъ приходилось свое возвращеніе къ схоластическимъ пособіямъ сопровождать и какъ бы оправдывать оговоркою, что они-де вводятся „впредь до составленія лучшихъ классическихъ книгъ".[34]). Но выполнить это обѣщаніе ревнители старины оказались не въ состояніи. Охотниковъ составлять руководства по заказу, въ духѣ требованій реакціи, являлось немного.. Случалось даже, что, вызванные оффиціальными предложеніями къ составленію необходимыхъ учебныхъ пособій, авторы, на дѣлѣ, далеко отступали отъ данныхъ имъ „предначертаній". Такъ именно случилось впослѣдствіи съ предложеніемъ комиссіи составить исторію философскихъ системъ [35]). Въ изданномъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, „введеніи" въ

---

[32]) К. Д. У., 1825, 4016 (6 іюня 1825 г.).

[33]) Письма духовныхъ и свѣтскихъ лицъ къ м. м. Филарету, стр. 124, письмо отъ 8 авг. 1825 г

[34]) К. Д. У. 1825, 4016 г.

[35]) К. Д. У., 1829 г., 5268 и 5389.

эту исторію Ѳ. Сидонскаго церковная власть менѣе всего могла и желала видѣть осуществленіе своей программы [36]).

Мало того, даже при выполненіи менѣе сложныхъ задачъ комиссія встрѣчала существенныя препятствія, и охладѣвала въ своей энергіи. Охранители чистоты церковной мысли очень много надежды возлагали на символическій авторитетъ „Православнаго Исповѣданія вѣры Каѳолической и Апостольской Восточной церкви", м. Петра Могилы". О скорѣйшемъ распространеніи его хлопотали всѣ, особенно же, кажется, директоръ департамента полиціи. „Вчера ввечеру, замѣчаетъ въ одномъ изъ писемъ пр. Григорій, былъ у меня Штеръ и просилъ опять о Православномъ Исповѣданіи, но уже съ угрозою, что ежели я не хочу выдавать, то онъ выдастъ: ибо у него оно, говорилъ онъ, уже переведено и пересмотрѣно Шихматовымъ. Я сказалъ, что, ежели у него готово, то для чего заставляютъ меня дѣлать уже сдѣланное дѣло. Выдавайте съ Богомъ" [37]).

Редактированный Сергіемъ Ш.-Шихматовымъ (впослѣдствіи іер. Аникитою) переводъ Исповѣданія[38]), въ силу журнала св. синода отъ 17 дек. 1824 года, былъ отосланъ въ петербургскій духовно цензурный комитетъ. Разсматривавшему его цензору Г. П. Павскому не стоило труда уличить переводчика въ незнаніи богословскаго языка, въ невѣрной передачѣ техническихъ терминовъ и т. д. Перечитывая первую часть, писалъ онъ въ заключеніе, я карандашемъ отмѣчалъ, гдѣ не вѣрно, гдѣ не гладко, гдѣ не ясно, и сими отмѣтками совершенно испестрилась рукопись. Остальныя двѣ части я не имѣлъ терпѣнія перечитать съ такимъ же вниманіемъ, и имѣю причину думать, что и въ нихъ мало достоинства".

Въ маѣ 1825 года рукопись была возвращена комиссіи. Прошло четыре года. Накопецъ, уже въ 1829 году, синодальная канцелярія обратилась въ комиссію съ запросомъ: „на чемъ остановилось дѣло сіе, и когда можно ожидать исполненія по вышеупомянутому журналу Св. Синода?"—И лишь тогда, путемъ переписки, выяснилось, что рукопись не представлена доселѣ въ синодъ потому, что «господинъ синодальный оберъ-прокуроръ князь Петръ Сергѣевичъ оставилъ ее въ своемъ кабинетѣ». [39]).

Такъ же неудачно окончилась и другая попытка—воспользо-

---

[36]) Подробную характеристику философскихъ положеній Ѳ. Сидонскаго даетъ И. В. въ журналѣ «Вѣра и Разумъ» за 1906 г. „Протоіерей Ѳ. Ѳ. Сидонскій и его философскіе взгляды" (№ 7, стр. 230—56).

[37]) Письма духовныхъ и свѣтскихъ лицъ къ м. м. Филарету, стр. 76. Письмо отъ 15 октября 1824 г.

[38]) Переводъ исполненъ іером. Петромъ. К. Д. У., 1825, 3912.

[39]) К. Д. У. 1825, 3912. Въ 1830 г. «исповѣданіе было напечатано, но сначала его лишь рекомендовали по епархіямъ. А. С. С., 1830, 481.

ваться трудами частныхъ лицъ для возстановленія прежнихъ схоластическихъ кумировъ въ нѣсколько подновленномъ видѣ.

Въ дни кризиса м. Серафимъ обратилъ особенно благосклонное вниманіе на присланную къ нему еще въ 1822 г. ректоромъ тобольской семинаріи Евгеніемъ рукопись: Theologia moralis objectiva et christiana prudentia (представлявшую извлеченіе изъ Буддея съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями).—Но и эта рукопись, по отзыву члена конференціи петербургской академіи Поликарпа, «не достигала предположенной ея авторомъ цѣли». „Правда, писалъ рецензентъ, нѣтъ въ упоминаемой рукописи большихъ погрѣшностей касательно расположенія предмета, мыслей и языка: но нѣкоторыя мѣста, по склонности сочинителя къ схоластицизму, изложены неудовлетворительно и сухо, а иныя безъ нужды растянуты и наполнены большимъ количествомъ текстовъ, не столько по соображенію и приличію, сколько по подражанію другимъ».—Въ результатѣ, комиссіи пришлось ограничиться лишь „изъявленіемъ арх-ту Евгенію, согласно предложенію его высокопреосвященства, одобренія отъ лица комиссіи за трудъ по ученой части“ [40]).

Осуществлять свою программу для строго консервативныхъ членовъ комиссіи было тѣмъ труднѣе, что большинство ихъ положеній не могло выдержать строгой критики м. московскаго Филарета. Неоднократно задѣтый „обратнымъ ходомъ“, онъ, въ свою очередь, настойчиво отмѣчалъ недостатки въ основныхъ точкахъ зрѣнія комиссіи, осуждая, напр., ея запоздалую ревность по латыни протестуя противъ отнятія „хлѣба у чадъ“, т. е. св. писанія на русскомъ языкѣ, и давая авторитетные отзывы относительно принятыхъ ею руководствъ и пособій [41]).

Въ какомъ неудобномъ положеніи оказывались иногда, благодаря Филарету, ревнители православія, можно судить по эпизоду съ книгой Мейнерса. „Начертаніе теоріи и исторіи изящныхъ наукъ“ этого автора комиссія признала наиболѣе пригоднымъ руководствомъ для воспитанниковъ духовныхъ школъ по словеснымъ наукамъ. Вычисливъ, что для всѣхъ семинарій потребуется до 2.400 экземпляровъ книги, комиссія и поручила отпечатать ее въ такомъ количествѣ вдовѣ переводчика, б. московскаго профессора Сохацкаго. Книга стала распространяться по семинаріямъ. Но въ это время, какъ уже было упомянуто, м. Филаретъ, «по долгу епископа», не счелъ возможнымъ допустить въ школахъ своей епархіи употребленіе даннаго руководства, какъ проникнутаго неправославными идеями [42]).

---

[40]) К. Д. У. 1824, 3825 (13 окт.).

[41]) Руководящіе дѣятели духовнаго просвѣщенія. И. А. Чистовича, стр. 258—60, 272—280. Собраніе мн. и отзыв. м. м. Филарета, т. II, стр. 158—160.

[42]) Собр. мн. и отзывовъ м. Филарета, т. II, № 175, стр. 151—3.

Или, задумавъ освободится отъ „неправославнаго“ катехизиса арх. Филарета,—этой „канавной водой“[43]), по опредѣленію Фотія, комиссія издала вновь катехизисъ м. Платона,—его же поручала переводить и на финскій языкъ. Однако, достаточно было нѣсколькихъ указаній сторонниковъ м. Филарета на нестрого православныя опредѣленія этого катехизиса восемнадцатаго вѣка, чтобы и эта „символика“ оказалась близкою къ „еретическимъ“ изложеніямъ вѣры [44]).

Въ результатѣ, даже для переработки катехизиса недовѣрявшіе православію Филарета должны были обратиться къ тому же Филарету. Или, запрещая, напр., переводы св. писанія на русскій языкъ, ревнители православія не могли указать иныхъ мотивовъ, кромѣ морально-филологическихъ соображеній адмирала Шишкова и угрозъ м. Серафима: если вы (м. Филаретъ) будете настаивать на продолженіи перевода священнаго писанія, то я выйду въ отставку [45]). Наконецъ, не имѣя основаній къ полной конфискаціи изданныхъ еще ранѣе книгъ новаго завѣта и не обладая силами возстановить неприкосновенность и непоколебимый авторитетъ славянскаго перевода Библіи, приходилось терпѣливо дожидаться „истощенія“ наличнаго количества отпечатанныхъ экземпляровъ и какъ бы не замѣчая смотрѣть на экзегетическія работы ученыхъ гебраистовъ.

Непрочныя основы, на которыхъ утверждалась первоначальная церковная реакція, исподволь таяли. Прошло десять лѣтъ, и постепенное уклоненіе ревнителей отъ избраннаго пути стало для многихъ очевиднымъ. Въ одномъ изъ писемъ м. Филарета къ ректору академіи Филарету (Гумилевскому), отъ 1837 года, встрѣчается слѣдующее сопоставленіе: „Если предписаніе комиссіи духовныхъ училищъ разрѣшаетъ васъ преподавать уроки богословія не только на латинскомъ, но и на русскомъ языкѣ: то вы можете дѣлать сіе безопасно. Я никогда не былъ противъ сего: но забылъ, что было такое предписаніе. И чтители латинскаго языка не могутъ осудить того, что дѣлается по разрѣшенію начальства. Положеніе комиссіи духовныхъ училищъ 1825 года о Ѳеофилактовой книгѣ: de credendis такъ же не будетъ сильно защищать комиссія 1837 г. Учите истинѣ и православію и поручайте себя Духу истины, наставляющему и учить, и защищать дѣло ученія“ [46]).

При такой неопредѣленности начальственной опеки, стали появляться нѣкоторые признаки, указывавшіе на возможность оживленія духовной литературы.

---

[43]) Р. Ст. 1882, августъ, 287. Письма арх—та Фотія къ А. А. Павлову.

[44]) Письма духовныхъ и свѣтскихъ лицъ къ м. м. Филарету (Спб., 1900), стр. 86. Письмо пр. Григорія отъ 30 авг. 1825 г.

[45]) Пр. Обозр. 1868 г., ч. 26, стр. 526—7.

[46]) Письма Филарета м. м. къ арх. Филарету Гумилевскому (М., 1884) стр. 10, отъ 6 мая 1837 г.

Уловивъ самыя элементарныя нужды наступившаго „огласительнаго“ періода, прежде всего выступила на полесочинительства очень своеобразная категорія писателей и издателей. Піонеры реакціи—Руничъ и Магницкій — предлагали свои фабрикаты: первый „Взглядъ на состояніе міра при рожденіи Іисуса Христа“, второй „Разговоръ отца съ сыномъ о св. исторіи и ученіи вѣры“. Д. с. с. А. С. Стурдза выступилъ съ трудомъ: „Ручная книга православнаго исповѣданія, посвящаемая св. соборной и апостольской Христовой Церкви“; капитанъ-лейтенантъ желалъ издать „Опроверженіе возстающихъ на Церковь Христову“; гвардіи инженеръ-поручикъ работалъ надъ произведеніемъ „Другъ истины“, а камеръ-юнкеръ надъ „краткой священной исторіей“. Чиновникъ X класса проповѣдывалъ „Во спасеніе души— юношамъ и дѣвицамъ“, а XIV класса желалъ издать „Послѣдованіе артоса“. Еще чиновникъ пропагандировалъ „Искусство, какъ быть достаточнымъ и счастливымъ“, а помѣщикъ де-Вольфъ, посвящая м. Серафиму свой переводный трудъ „Объ уваженіи и достоинствѣ Церкви“, развивалъ цѣлую программу вліянія церкви на католической подкладкѣ [47]).

Нужно ли говорить, затѣмъ, какъ скоро успѣлъ оріентироваться въ моментѣ чисто коммерческій людъ, какъ усиленно сталъ онъ выбрасывать на рынокъ всевозможныя священно-историческія, дидактическія, и т. п. произведенія. Издатели рылись въ каталогахъ XVIII вѣка, заказывали ходкій товаръ грамотнымъ мѣщанамъ, переводили наскоро соотвѣтствующій матеріалъ съ иностраннаго. И нельзя отрицать, что, конкуррируя другъ съ другомъ, они, даже помимо цензурныхъ требованій, должны были постепенно вносить нѣкоторыя улучшенія въ свои изданія, дѣлать ихъ болѣе живыми и наглядными [48]).

Но, конечно, это было еще далеко не то, къ чему обязывали нужды времени. Даже о свѣтской литературѣ, въ которую уже входили Пушкинъ, Гоголь, историкъ Карамзинъ и многіе другіе, Никитенко, въ одну изъ мрачныхъ минутъ 1838 года, рѣшился сказать: „Какъ торговое дѣло у насъ литература еще существуетъ, какъ нравственно-духовное—ея нѣтъ, и, кажется, не скоро будетъ“ [49]). Тѣмъ естественнѣе ожидать не болѣе какъ скудныхъ посѣвовъ на нивѣ духовной литературы того времени. И, однако, слишкомъ многое зависѣло отъ этой поры сѣянія и отъ тѣхъ условій, среди которыхъ оказались молодые всходы.

Въ чемъ же состояли тѣ теченія, которыя могутъ быть на-

---

[47]) СПБ. Д. Ц. К. 1828, 27, 1830, 5, 11; 1834, 11; 1836, 45; 1838, 53; К. Д. У., 1828, 4758; 1827, 4473.

[48]) М. Д. Ц. К., 1830, 13; 31, 26; 1831 г., 41, 47, 48; 1832 г., 7, 21, 57; 1833 г. 30, 75, 82; 1834, 78, 81, 82 и мн. др.

[49]) Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. V, 155 стр.

званы характерными для духовной литературы тридцатыхъ годовъ?..

На пути къ объективному сужденію о цѣляхъ тогдашнихъ церковно-богословскихъ опытовъ стоитъ расплывчатый и вмѣстѣ тяжелый, какъ кошмаръ, призракъ „неологіи“. Достаточно было тому или другому автору обмолвиться однимъ выраженіемъ, чтобы навлечь на себя подозрѣніе въ сочувствіи реставраціи Библіи и церкви по критико-экзегетическому методу раціонализма. Ибо, предполагало заботливое попеченіе о чистотѣ умовъ, разъ всякая болѣе выдающаяся научная сила неуклонно стремится къ западному источнику,—значитъ привлекателенъ и заразителенъ скрывающійся тамъ ядъ. А отсюда необходимы карантинныя мѣры.

Между тѣмъ, на дѣлѣ, тогдашнее тяготѣніе къ западной литературѣ вовсе не являлось походомъ за Эйхгорномъ и Штрауссомъ. Оно было лишь непосредственнымъ результатомъ остраго сознанія того, какъ скуденъ былъ запасъ фактическаго матеріала и какъ нелѣпы были привычные схоластическіе методы. Возникла жажда хотя бы энциклопедическихъ знаній, явилось стремленіе къ работѣ, болѣе близкой къ первоисточникамъ. Въ подтвержденіе этого можно указать на нѣсколько областей богословія.

Прежде всего эта тенденція коснулась св. писанія. Неблагосклонное отношеніе церковной власти къ популяризаціи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ научной его разработкѣ, выразившееся въ пріостановкѣ, а, затѣмъ, и прекращеніи дѣятельности библейскаго общества, далеко не могло уничтожить назрѣвшихъ стремленій. Теперь уже ко многимъ можно было примѣнить то настроеніе, которымъ объяснялъ Г. П. Павскій свою экзегетическую дѣятельность: „Не языкъ (еврейскій) былъ мнѣ дорогъ, а св. писаніе, чистое, неискаженное толкованіями; посредствомъ знанія языка, я хотѣлъ дойти до вѣрнаго толкованія и пониманія св. писанія. А извѣстно, что вѣрное пониманіе... его ведетъ къ пониманію богословія“ [50]).

„Въ 1830 и 1840 годахъ, свидѣтельствуетъ одинъ современникъ, [51]) студенты всѣхъ академій, также служащіе во всѣхъ семинаріяхъ и образованные изъ лицъ духовныхъ, можно сказать, горѣли желаніемъ видѣть св. писаніе въ русскомъ переводѣ и этотъ переводъ имѣть у себя подъ руками для чтенія, для пользованія имъ, для назиданія. Это то, можно сказать, всеобщее желаніе видѣть и имѣть писаніе въ русскомъ переводѣ и было причиною столь быстраго расхода въ концѣ 1830-хъ годовъ трехъ, литографированныхъ студентами петербургской академіи, изданій

---

[50]) Р. Ст. 1880, I, 129. Герасимъ Петровичъ Павскій... Очеркъ Н. Барсова.

[51]) Прот. Сулоцкій. Р. Стар., 1881 г., іюль, 484—5 стр. „Протоіерей Г. П. Павскій и м. Филаретъ“.

перевода Павскаго. О себѣ скажу, что, когда вѣсть о налитографированіи перевода Павскаго разошлась по семинаріямъ, я немедленно выписалъ экземпляръ его чрезъ земляка своего, бывшаго въ числѣ студентовъ XIII курса петербургской академіи, а ректоръ нашей (тобольской) семинаріи, архим. Венедиктъ, выписалъ для себя экземпляръ чрезъ кого-то другого. Мой экземпляръ не одинъ разъ побывалъ въ рукахъ, кромѣ сослуживцевъ моихъ, и у тогдашняго глубокоученаго архіепископа тобольскаго Аѳанасія. Что же касается учениковъ семинаріи богословскаго класса, то, по крайней мѣрѣ, добрая половина ихъ готовы были своеручно переписывать для себя переводъ".

Свое утвержденіе, что вѣрное пониманіе св. писанія ведетъ къ пониманію богословія, Павскій въ состояніи былъ доказать и на дѣлѣ. Достаточно, напримѣръ, продумать нѣсколько тезисовъ изъ „Мыслей о законоученіи" (наслѣдника цесаревича), изложенныхъ Павскимъ въ 1826 г., чтобы вполнѣ согласиться съ замѣчаніемъ его біографа: „Въ этихъ своихъ сужденіяхъ Павскій опередилъ свою эпоху на полстолѣтіе и нанесъ бы еще въ свое время смертельный ударъ схоластикѣ, если бы его записка появилась тогда же въ печати. Въ своихъ понятіяхъ о взаимномъ отношеніи религіи, какъ внутренняго чувства, какъ основной стихіи духовно-нравственной жизни человѣка, къ религіи положительной, какъ суммѣ богооткровенныхъ истинъ или догматовъ, Павскій сказалъ новое слово въ нашемъ богословіи". Вообще Павскій признавалъ необходимымъ „съ ясностью и жизнью предлагать ученіе о религіи" [52]).

Церковная исторія, по мнѣнію Павскаго, должна отличаться наибольшею полнотою, такъ какъ эта исторія не есть исторія однихъ внѣшнихъ событій, а исторія догматовъ, правилъ нравственности и обрядовыхъ учрежденій, которыя всѣ развивались постепенно, „повременно", въ послѣдовательномъ генетическомъ порядкѣ, подобно тому, какъ всякій организмъ, со всѣми его отдѣльными членами и функціями дѣятельности, развивается изъ сѣмени". Того же убѣжденія держались и выступавшіе тогда на путь историческихъ изслѣдованій Филаретъ (Гумилевскій), А. В. Горскій, философъ Сидонскій (въ предпринятомъ имъ опытѣ церковной исторіи) [53]).

Глубокое знаніе св. писанія, древне-христіанской литературы, наконецъ, личный историческій складъ ума позволяли Павскому быть новаторомъ, не будучи неологомъ,—глубоко вѣрующимъ, не будучи охранителемъ. Свое научное credo онъ выразилъ въ

---

[52]) „Русск. Стар." 1880 г., февраль, стр. 271, 275. Прот. Г. П. Павскій.... Очеркъ Н. Барсова.

[53]) Тамъ-же. Сравн. „Церковная исторіографія въ главныхъ ея представителяхъ съ IV вѣка по XX" А. П. Лебедева, (М. 1898), стр. 562 (прил. I); Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина. кн. IV, 242.

слѣдующихъ горячихъ строкахъ, когда началось „дѣло о противозаконномъ налитографированіи“ Библіи. „Я увѣренъ, писалъ тогда Павскій, что ни одинъ изъ моихъ учениковъ не скажетъ обо мнѣ, что я научилъ его чему-либо неправославному, что я не говорилъ о рожденіи Спасителя отъ Дѣвы... Пробуждая любовь къ слову Божію, я никогда не терялъ изъ виду и церковныхъ догматовъ, старался подкрѣплять ихъ доводами изъ священнаго писанія, видѣлъ и другимъ указывалъ въ нихъ единодушный голосъ отцевъ церкви. Правда, люблю ясность и доказательность, и хочу вѣрить только тому, что твердо стоитъ на своихъ началахъ, но въ этомъ мнѣ никто не полагаетъ препоны. Благодарю Бога, что церковь, въ которой я рожденъ и воспитанъ, не принуждаетъ меня вѣрить чему-либо безъ доказательствъ. Она позволяетъ мнѣ углубляться въ чистое и святое слово Божіе и, если что предписываетъ, всегда указываетъ основаніе своему предписанію въ словѣ Божіемъ и въ общемъ голосѣ просвѣщенныхъ учителей церкви. И потому я чтилъ и чту ее какъ путеводительницу и матерь, и никто изъ знающихъ меня не скажетъ, чтобы я отвергалъ какія-либо ея постановленія и догматы. Неужели я ложью, лицемѣріемъ, неправовѣріемъ, вольнодумствомъ пріобрѣлъ то уваженіе, которымъ пользуюсь у людей просвѣщенныхъ, почтенныхъ и по своему благочестію и по глубокимъ познаніямъ“ [54]).

Другой «неологъ» тридцатыхъ годовъ, знаменитый Иннокентій (Борисовъ) также пытался ввести новую струю въ безжизненное дотолѣ богословіе. „Внутренній характеръ богословствованія Иннокентія (въ кіевской академіи), по характеристикѣ проф. Малышевскаго [55]), состоялъ въ искреннемъ стремленіи къ разумному и цѣлостному воспріятію откровенной истины, выражающемуся не только въ широтѣ и свѣтлости богословскаго созерцанія его, но и въ нѣкоторомъ, ему свойственномъ, сердечномъ постиженіи откровенной истины, въ ея небесной чистотѣ, божественномъ величіи и благодатной силѣ. Онъ обладалъ искусствомъ открывать въ предметѣ новыя стороны, дѣлать оригинальныя сближенія, неожиданныя, но мѣткія приспособленія, въ чемъ помогали ему не только творческая сила созерцанія (фантазіи), но и обширность, хотя бы то лишь общихъ свѣдѣній, кромѣ богословія, еще въ другихъ наукахъ, имѣющихъ цѣлью изученіе человѣка и видимаго міра, за современными идеями и успѣхами которыхъ (наукъ) онъ слѣдилъ“. Иннокентій былъ способенъ будить мысль,—и въ этомъ его заслуга. Его лекціями еще на семинарской скамьѣ зачитывались будущіе богословы.

[54]) Секретное дѣло арх. св. син. 1842 г. 307/8. Записка, л. 149–50; также 307/11, т. IV, л. 65.

[55]) Пятидесятилѣтній юбилей кіевской духовной академіи. (Кіевъ. 1869) „Рѣчь“, стр. 96.

Направленіе новаторовъ въ области богословія далеко не возбуждало симпатій со стороны церковной власти. Объ этомъ ясно говоритъ обвиненіе, предъявленное къ Павскому за уроки для наслѣдника престола, и «секретное испытаніе» Иннокентія.

Первое возникло по поводу напечатанія Павскимъ, законоучителемъ наслѣдника цесаревича, въ самомъ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, его уроковъ (или, точнѣе, конспектовъ уроковъ), подъ заглавіями: «Христіанское ученіе въ краткой системѣ, по предварительномъ понятіи о религіи, откровеніи и библіи», и «Начертаніе церковной исторіи». Появленіе этихъ частныхъ руководствъ не укрылось отъ заботливаго вниманія м. Филарета. Имъ были составлены „примѣчанія", въ общемъ очень сходныя съ „примѣчаніями" на книгу Ансильона. Павскій написалъ опроверженія. [56]) При сравненіи доводовъ и тона возраженій обѣихъ сторонъ, трудно согласиться съ характеристикой одного изслѣдователя, [57]) что „отвѣты Павскаго были несравненно слабѣе примѣчаній, что, кажется, и самъ онъ чувствовалъ, какъ можно о томъ заключить по раздражительному и рѣзкому тону его возраженій и по обиднымъ и двусмысленнымъ въ нихъ намекамъ, доходившимъ иногда до неприличія и почти брани". По крайней мѣрѣ, значительная часть обвиненій Филарета могла имѣть мѣсто лишь благодаря тому, что авторъ ихъ не желалъ уважить основного довода составителя уроковъ, что „книжка сія, хотя маленькая, написана въ системѣ и потому всякій параграфъ надобно брать въ связи съ предшествующими. Что не опредѣлено здѣсь, опредѣлено прежде". [58])

---

[56]) Примѣчанія и опроверженія напечатаны въ Чтеніяхъ Общ. Исторіи и Древн. Росс., 1870 г., II, отд. V, стр. 175—208; ср. Собр. мн. и отзыв. м. Филарета, т. II, стр. 343—358.

[57]) М. Я. Морошкина, Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ., т.113, кн. I, стр. 137.

[58]) Въ этомъ можно наглядно убѣдиться, сопоставивъ «текстъ», «примѣчаніе» и «опроверженіе», касающіяся одного изъ основныхъ пунктовъ полемики:

«Т е к с т ъ, стр. 8. Источники ученія Христіанскаго для Іудеевъ—Библія (Ветхаго Завѣта), для язычниковъ доказательства разума».

П р и м ѣ ч а н і е. Это такъ неожиданно, что не вдругъ вѣришь глазамъ, прочитавъ сіе. Доказательства разума суть источникъ ученія христіанскаго. Это новѣйшій нѣмецкій раціонализмъ, а не исторія перваго вѣка христіанскаго! Можно употребить доказательство разума въ нѣкоторое пособіе при изложеніи ученія христіанскаго, но истинные христіане никогда не почитали доказательствъ разума источникомъ ученія христіанскаго. А о томъ, что Божественное откровеніе есть источникъ ученія христіанскаго сочинитель какъ будто и не знаетъ; «Намъ же Богъ открылъ есть духомъ своимъ (1 Кор., III, 10)...

О б ъ я с н е н і е. Дѣйствительно, если бы и мнѣ случилось между членами Церкви найти такого, который бы источникомъ христіанства поставлялъ разумъ, а не Откровеніе, то я огорчился бы его мнѣніемъ, можетъ быть, еще сильнѣе, нежели сколько огорчается здѣсь примѣчатель. Только я вотъ что сдѣлалъ бы: я объяснился бы съ нимъ, въ правду ли онъ такъ думаетъ; не ложно ли я понимаю слова его? То же надлежало бы сдѣлать и писавшему примѣчанія сіи, чтобы не смущать ни себя, ни тѣхъ, до кого дойдутъ сіи при-

Во всякомъ случаѣ, при невозможности опубликованія возраженій, полемика велась въ тайнѣ. Ея результатомъ было удаленіе Павскаго, хотя и со знаками вниманія, отъ должностей законоучителя при дворѣ и профессора академіи. [59])

Нѣсколько иной характеръ носило испытаніе правовѣрія архимандрита Иннокентія, по поводу найденныхъ въ его лекціяхъ,— по записи студентовъ петербургской академіи,—„сомнѣній". Какъ видно изъ приложенной къ письму м. Серафима на имя м. кіевскаго Евгенія „записки", [60])—являвшейся своего рода обвинительнымъ актомъ противъ Иннокентія, дознаніе велось слѣдующимъ образомъ.

„Лекціи бывшаго инспектора с.-петербургской духовной академіи архимандрита Иннокентія, подъ названіемъ общей богословіи, сперва по слухамъ, а потомъ, въ 1833 году, въ самомъ текстѣ, извѣстны сдѣлались нѣкоторымъ членамъ св. синода.—Въ мартѣ 1834 г. выписки изъ оныхъ препровождены были къ высокопреосвященнѣйшему м-ту кіевскому. [61]) 3 апрѣля архимандритъ Иннокентій, сверхъ ожиданія, письменно отвѣтствовалъ, что лекцій, изъ коихъ взяты отрывки, имъ, Иннокентіемъ, студентамъ петербургской академіи давано никогда не было...

„Вслѣдствіе сего, шестого мая представленъ былъ митрополиту новгородскому и имъ съ нѣкоторыми другими членами св. синода разсматриванъ полный текстъ означенныхъ лекцій; и выписки ока-

мѣчанія. Послѣ сего я воображаю, что онъ смотритъ на меня, какъ на дерзкаго презрителя христіанской религіи, какъ на язычника. И, Боже мой! изъ чего все это вышло? Вотъ изъ чего: у меня поставлено: „источникъ (дополнимъ—убѣжденія) для Іудеевъ—Библія Ветхаго Завѣта, для язычниковъ доказательства разума». Въ связи съ предыдущимъ, у меня это значитъ: Апостолы, во время проповѣданія, для убѣжденія къ вѣрѣ въ Іисуса Христа, брали доказательства изъ Библіи Ветхаго Завѣта, когда надобно было убѣждать евреевъ, а когда они убѣждали язычниковъ, то обращались иногда къ здравому разуму. (Такъ, напр., Павелъ..., Петръ...). Но примѣчатель все это понялъ такъ: «источникъ христіанскаго ученія (прибавилъ «есть») Библія В. Завѣта для Іудеевъ, а разумъ для язычниковъ, и вышло на самомъ дѣлѣ пренелѣпое положеніе: источникъ христіанства—разумъ»... (Чтенія Общ. Ист. и Древ. Росс., 1870, II, V, стр. 201—3).

[59]) Ком. дух. учил., 1835 г. 8566.

[60]) Матеріалы для біографіи Иннокентія Борисова арх. херсонск. и таврич. Собралъ и издалъ проф... Н. Барсовъ, вып. 1 (Спб. 1884). „Секретное дознаніе объ образѣ мыслей архм. Иннокентія", стр. 24—5.

[61]) Вопросные пункты, на которые долженъ былъ отвѣтить Иннокентій, были формулированы такъ: „1) Дѣйствительно ли были имъ, въ бытность его инспекторомъ с.-петербургской духовной академіи, читаны студентамъ оныя лекціи, отрывки изъ коихъ прилагаются при семъ; 2) самъ ли онъ составилъ ихъ, или онѣ суть уроки только того профессора, у коего онъ, бывши студентомъ, обучался богословію, и кто таковъ былъ профессоръ тотъ; 3) не читалъ ли онъ лекцій таковыхъ студентамъ кіевской академіи, или не давалъ ли онъ списывать копій съ нихъ; 4) признаетъ ли онъ лекціи сіи съ ученіемъ православныя нашея церкви согласными или не признаетъ; 5) если не признаетъ, то какъ осмѣлился онъ читать ихъ студентамъ?" Тамъ-же, стр. 22.

зались взятыми изъ онаго и съ нимъ сходными, хотя то былъ другой и изъ другихъ рукъ взятый экземпляръ, а не тотъ, изъ котораго взяты были выписки въ прошедшемъ году. На семъ экземплярѣ, противъ одного мѣста, гдѣ говорится о свободѣ, рукою неизвѣстнаго читателя сей рукописи, между прочимъ, написано: „не хотѣлъ ли о. И. сказать о безусловномъ обнаруженіи свободы въ поступкахъ?“ Здѣсь видно имя сочинителя сихъ лекцій.

„Для приведенія дѣла въ большую ясность, впрочемъ, безъ огласки, призванъ былъ одинъ изъ слушателей сихъ лекцій, который объявилъ, что онѣ подлинно были преподаны архимандритомъ Иннокентіемъ устно, что нѣсколько студентовъ записывали его слова, и, по взаимному сличенію сихъ записокъ, составлялся полный текстъ лекцій, который далѣе распространялся между слушателями въ спискахъ, коихъ нѣсколько, впрочемъ, небольшое число, есть и нынѣ у извѣстныхъ лицъ въ С.-Петербургѣ.

„По сношенію между членами св. синода оказалось, что у нихъ были въ виду три экземпляра сихъ лекцій. Посему нужнымъ признано сообщить настоящую записку высокопреосвященнѣйшему митрополиту кіевскому, дабы онъ, вновь призвавъ архимандрита Иннокентія, при архипастырскомъ увѣщаніи, вразумилъ его, что сіе, не оффиціально, а приватно и тайно производимое дѣло, имѣетъ цѣлью не то, чтобы подвергнуть архимандрита Иннокентія отвѣтственности за погрѣшности, но чтобы довести его до откровеннаго изъясненія истины, побудить къ усовершенію своего образа мыслей и тѣмъ предохранить его отъ дальнѣйшихъ погрѣшностей и заблужденій и слѣдующаго за ними вреда и отвѣтственности, и довѣренность къ нему начальства по службѣ возстановить и утвердить“. [62])

Иннокентій сдался не вполнѣ и не сразу. Онъ отвѣчалъ протестами, на которые желавшіе вести дѣло безъ огласки давали свои объясненія. Очень интересно письмо къ Иннокентію м. Филарета уже отъ 1836 г. (26 февраля), гдѣ митрополитъ старался отклонить отъ себя упреки въ «гоненіи». Чтобы на исповѣдь отвѣчать исповѣдью, признаюсь, писалъ онъ, что уроки, о которыхъ много разъ говорено, привели меня въ сомнѣніе о нѣкоторыхъ чертахъ вашего образа мыслей..., и сіе было не болѣе, какъ сомнѣніе; я не хотѣлъ вѣрить, чтобы то, что казалось неправославнымъ, дѣйствительно принадлежало къ вашему образу мыслей, но оно находилось въ урокахъ, которые, по всей вѣроятности, были ваши. Чтожъ было дѣлать? Надобно было объясненіе,—тѣмъ болѣе надобно, чѣмъ важнѣе есть, и еще быть должно, ваше положеніе по службѣ. Такъ думалъ не я одинъ, а нѣсколько членовъ св. синода. Отдаю на вашъ судъ то, съ какою скромностью старались достигнуть ясности въ семъ дѣлѣ, и даже когда надежда въ

[62]) Тамъ-же, стр. 24—5.

первый разъ мало оправдалось, не измѣнили прежней тихости дѣйствованія. Мнѣ кажется, такъ не поступаютъ съ гонимыми.

Статья о катехизисѣ, которую вы вполнѣ признаете своею, особенно представлялась ручательствомъ, что уроки ваши: представьте же недоумѣніе наше, когда вы говорите не то, что не давали уроковъ письменныхъ, а давали словесные, которые не всегда вѣрно могли быть записаны, но—рѣшительно не давалъ!

...Впрочемъ, да будетъ воля Божія. Мой долгъ не быть гонителемъ, даже и виновныхъ. кольми паче невиннаго: а есть ли надобно слыть, лучше слыть, а не быть такимъ. Я говорю немного, для примѣра, чтобы дать вамъ разумѣть, что громъ могъ дѣйствительно гремѣть, но что онъ удержанъ. Ибо цѣль была, какъ и сказалъ, осторожность и разрѣшеніе сомнѣнія, дабы свободнѣе и надежнѣе воспользоваться ко благу церкви дарованіями, которыя Богъ вамъ далъ". [63])

Итакъ, общій выводъ изъ всего дѣла Иннокентія былъ тотъ, что „громъ могъ, дѣйствительно, гремѣть". Если же онъ и былъ удержанъ, то лишь затаеннымъ опасеніемъ предъ исключительными дарованіями Иннокентія. Только его необыкновенная слава могла обезпечить „тихость дѣйствованія". [64])

Небезынтересный матеріалъ для сужденія о богословскихъ задачахъ тридцатыхъ годовъ представляетъ еще судьба „Нравственной библіотеки".

Состоявшій при великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ,—ранѣе даровитый преподаватель орловской семинаріи,—Фавицкій предпринялъ изданіе на русскомъ языкѣ серіи лучшихъ въ области этики сочиненій, переводя ихъ съ древнихъ и новѣйшихъ языковъ. Для большаго успѣха, издатель заручился покровительствомъ великаго князя Михаила Павловича, одобреніемъ имп. Николая и согласіемъ на посвященіе „библіотеки" наслѣднику цесаревичу Александру Николаевичу.

Но уже первый, представленный имъ въ духовную цензуру,

---

[63]) Тамъ-же. «Отношенія къ Иннокентію м. м. Филарета», стр. 40—1.

[64]) Насколько, однако, сильное впечатлѣніе произвело секретное дознаніе, свидѣтельствомъ можетъ служить письмо къ Иннокентію «самого» юрьевскаго Фотія. Даже онъ, такъ настойчиво призывавшій богослова-новатора къ возвращенію отъ новыхъ «площадныхъ и худыхъ» терминовъ «этотъ», «эти», къ «сей» «сіи», счелъ нужнымъ, однако, заявить о своемъ глубокомъ участіи къ искушенію кіевскаго ректора. «Такъ, пишетъ онъ, было страшно и трудно для тебя искушеніе дважды, когда ты въ Кіевѣ былъ, что ужъ нынѣ боюсь я за всякое твое новое особенно нѣчто, сочиненіе касательно вѣры и благочестія. Можно будетъ теперь уже сказать лично, ибо прошло. И какъ все было ащебъ не завѣсою свыше были закрыты очи твои душевныя, тобы трудно тебѣ было быть. Благодать Христова тя покрыла, и покровъ Божіей Матери. Вотъ почему боюсь сочиненія особаго отъ тебя, дабы случай не подать, тебя въ вѣрѣ огласить отступникомъ врагу, духу злобы поднебесныя. «Матеріалы для біографіи Иннокентія. Письма архимандрита Новгородскаго Юрьева монастыря Фотія къ Иннокентію, арх. херсонскому», стр. 37—8; ср. 30, 32, 35...

переводъ „Христіанскаго правоученія“ Рейнгарда подвергся удержанію въ комитетѣ, послѣ придирчивой критики трехъ его членовъ. Не излагая здѣсь ея, равно какъ и другихъ документовъ, можно ограничиться лишь существенною частью жалобы издателя на высочайшее имя, гдѣ онъ даетъ общую апологію своей попытки.

„Предпріятіе издать собраніе разныхъ системъ науки, доказываетъ онъ, основанныхъ, во первыхъ, на различныхъ началахъ, каковы суть разумъ и откровеніе, во вторыхъ, на ученіи разныхъ школъ и исповѣданій,—само по себѣ представляетъ такой случай, въ которомъ нельзя требовать, какъ вещи совершенно невозможной, чтобы всѣ ученія и мнѣнія были согласны не только съ нашими понятіями, но и между собою взаимно. Слѣдовательно, или надобно согласиться терпѣливо выслушивать мнѣніе и доказательство каждаго, а потому издать систему въ такомъ видѣ, какъ она написана, или самое предпріятіе должно счесть вовсе непозволительнымъ, что противно какъ уставу, такъ и общему правилу, которому съ давнихъ временъ у насъ слѣдовали касательно употребленія сочиненій самыхъ языческихъ древнихъ писателей, ибо въ самихъ духовныхъ училищахъ въ рукахъ воспитанниковъ всегда безвозбранно находились не только Платонъ или Эпиктетъ, но и самый Лукрецій, несмотря на его безбожіе. Тѣмъ менѣе можно предполагать опасности отъ христіанскаго нравоученія, какихъ бы оно церквей ни было и на какихъ бы началахъ оно ни основывалось, аскетическихъ или евдемоническихъ, или же, какъ Рейнгарда, на эклектическихъ, ибо общимъ ихъ началомъ всегда откровеніе и общею цѣлью—исполненіе воли Божіей, которой одной всегда ищутъ въ священномъ писаніи, хотя слова онаго разумѣютъ неодинаково. Особливо нечего опасаться этого ученія при такомъ изданіи, которое составитъ сводъ системъ и мнѣній, гдѣ заблужденія не преминутъ найти свои опроверженія, къ большей очевидности и торжеству истины. Безусловное же удаленіе всякихъ возраженій и противорѣчій оставляетъ только въ покоѣ ученіе, но владычества истины вовсе не укрѣпляетъ и не обезпечиваетъ, если даже его еще не ослабляетъ.

Во-вторыхъ, что касается собственно до Рейнгарда, то извѣстно, что память его, какъ мужа ученаго и добродѣтельнаго, какъ благочестиваго протестантскаго духовнаго учителя, прославляется во всей Германіи .. Нравоученіе его, какъ я неоднократно удостовѣренъ былъ отъ просвѣщеннѣйшихъ духовныхъ особъ въ Германіи, доселѣ пользуется тамъ неоспоримою пальмою первенства, какъ по учености, съ какою оно написано, по богатству важныхъ указаній, которыми исполнено, и по полнотѣ, съ которою объемлетъ свой предметъ, такъ и по своему духу христіанскаго, хотя и протестантскаго благочестія. Не говорю о томъ, что въ Германіи не безъ удивленія услышали бы объ осужденіи сего

писателя на отлученіе отъ цѣлаго христіанства, а его христіанскаго нравоученія на храненіе подъ печатью, какъ сочиненія „зловреднаго, развратительнаго“, но не могу умолчать. что въ тетрадяхъ, по которымъ и нынѣ преподается богословіе въ здѣшней (спб.) духовной академіи,—коей одинъ изъ цензоровъ инспекторъ, а другой профессоръ,—Рейнгардъ называется защитникомъ православія, особеннаго уваженія заслуживающимъ. Вотъ собственныя слова тетради: „между защитниками православія особенное уваженіе заслуживаютъ: Лессъ, Зейлеръ, Рейнгардъ“.

Итакъ, заключалъ Фавицкій, нравоученіе Рейнгарда не можетъ быть названо противнымъ христіанской нравственности. Тѣмъ менѣе оно можетъ быть противно религіи вообще, и ни комитетъ, ни одинъ изъ цензоровъ нигдѣ того не замѣтилъ... Съ моей стороны должны быть соблюдены лишь требуемыя условія, т. е., чтобы было извѣстно, къ какому исповѣданію принадлежитъ сочинитель (это исполняется приложеніемъ краткаго извѣстія о жизни Рейнгарда), а второе условіе—„повсюду сопровождать ученіе иного вѣроисповѣданія здравою критикою“—я старался исполнить помѣщенными во многихъ мѣстахъ примѣчаніями, и обязуюсь впредь удовлетворять оному совершенно по указаніямъ цензуры“.

Для пересмотра рукопись была передана синодомъ протопресвитеру Кутневичу, который нашелъ, что „благонамѣренная осмотрительность издателя не вывела его изъ всѣхъ сѣтей, которыя ложнымъ мудрованіемъ сочинителя разметаны въ различныхъ частяхъ науки“. Впрочемъ, бывшій профессоръ философіи призналъ, что во „Всеобщемъ нравоученіи“ разсужденія о христіанской нравственности существенно не связаны съ сочиненіемъ и входятъ въ него лишь поскольку авторъ при изложеніи ученія своего принимаетъ въ соображеніе различныя системы нравоученія древнихъ и новѣйшихъ временъ Какъ изложеніе естественнаго нравоученія, трудъ Рейнгарда заключаетъ въ себѣ довольно основательныя разсужденія и хорошія нравственныя правила, которыя, будучи отдѣлены отъ ложныхъ разсужденій сочинителя объ основаніяхъ христіанскаго ученія, съ пользою могутъ быть изданы на россійскомъ языкѣ“.

Тѣмъ не менѣе синодъ безусловно воспретилъ изданіе перевода и предложилъ министерству народнаго просвѣщенія вообще воспретить пропускъ этой книги, какъ вредной въ Россіи. Предложеніе было исполнено. Вслѣдствіе всего этого, когда Фавицкій, чрезъ пять лѣтъ послѣ начала дѣла, вновь исходатайствовалъ у государя и синода разрѣшеніе внести исправленный переводъ въ дух.-цензурный комитетъ, послѣдній счелъ себя вправѣ возвратить его безъ разсмотрѣнія [65]).

---

[65]) Арх. Св. Синода 1835 г., 1379.

Одно изъ послѣднихъ писемъ юрьевскаго архимандрита Фотія къ епископу Иннокентію (Борисову) оканчивается знаменательной припиской: „Все православіемъ пахнетъ.“ [66]) И нельзя не отдать должнаго чутью Фотія, благодаря которому онъ,—возстановитель правовѣрія въ 1824 году и свидѣтель исключительной ревности по православію временъ Шишкова,—уловилъ, однако, наступленіе той эпохи, когда стали „изо всѣхъ силъ хлопотать о церкви“. [67])

Въ 1836 году, оберъ-прокуроръ С. Д. Нечаевъ, „казавшійся слишкомъ либеральнымъ“ синодальнымъ членамъ, [68]) послѣ трехлѣтняго управленія, былъ уволенъ отъ этой должности. На его мѣсто, особымъ ходатайствомъ предъ государемъ, представители высшей духовной іерархіи «выпросили себѣ царя», [69]) въ лицѣ товарища министра народнаго просвѣщенія графа Н. А. Пратасова. Съ этого именно времени, исподволь, но неуклонно, началось припоровленіе церковной жизни и, въ частности, церковной мысли къ общимъ требованіямъ господствовавшей системы.

Конечно, сначала, въ эпоху „воцерковленія“ Пратасова, у него было многое не „подведено подъ ясное сознаніе“, какъ отзывался и о его послѣдующихъ шагахъ архіеп. Иннокентій. [70]) Обозначались лишь основные штрихи того плана, по которому онъ и его сотрудники намѣрены были преобразовывать церковь.

Нельзя отрицать, что Пратасовъ, въ церковной области homo novus, по своему складу не могъ мириться съ „выспренностью богословіи“, съ непонятными для него схоластическими тонкостями. „Мы васъ не понимаемъ. У васъ нѣтъ народнаго языка... Въ вашихъ школахъ нѣтъ спеціальности... Это ошибка. У насъ всякій кадетъ знаетъ маршъ и ружье... А вы, духовные, не знаете вашихъ духовныхъ вещей!.. На что такая огромная богословія сельскому священнику? Къ чему нужна ему философія, наука вольномыслія, вздоровъ, эгоизма, фанфаронства?“—Вотъ лаконическія фразы, въ которыхъ выражалъ Пратасовъ свои взгляды, бесѣдуя съ архим. Никодимомъ (Казанцевымъ) относительно преобразованія духовно-учебныхъ заведеній. [71]).

Для него, какъ человѣка военнаго, казалось вполнѣ естественнымъ, что прежде всего должны существовать краткіе и прочные артикулы вѣры и церковнаго управленія. Итакъ, доста-

---

[66]) Матеріалы для біографіи Иннокентія Борисова, арх. херсон. и таврическаго, вып. II (Спб. 1888). Письма арх—та Новгородского Юрьева монастыря Фотія, стр. 34 (письмо отъ 26 янв. 1838 г.)

[67]) Записки и Дневникъ А. В. Никитенко, т. I, (1893), стр. 467.

[68]) Сборникъ Имп. Русск. Ист. Общ-ва, т. 113, кн. I. стр. 155.

[69]) Историческій Вѣстникъ, 1882, XI, стр. 400.

[70]) Барсуковъ, Жизнь и труды М. Погодина, кн. VI, стр. 91.

[71]) Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс., 1877 г., кн. II. «О Филаретѣ, митрополитѣ московскомъ, моя память», Никодимъ, епископъ енисейскій и красноярскій, стр. 38—9.

точно было ему, въ первый же годъ службы по духовному вѣдомству, узнать, что образцомъ православнаго вѣроученія достойно служить „православное исповѣданіе“ Петра Могилы, и что неизмѣнной канонической основой церковной жизни являются правила св. апостоловъ, какъ тотчасъ же отданы были соотвѣтствующія порученія немедленно напечатать и разослать три съ половиною тысячи экземпляровъ „исповѣданія“ и образовать особый комитетъ для перевода апостольскихъ и святоотеческихъ правилъ. [72])

Одновременно начали выступать наружу и новыя черты, характерныя для эпохи заботъ о православіи. Уже въ 1837 году, подъ диктовку гр. Пратасова, м. Филаретъ кіевскій въ одномъ общеупотребительномъ тогда учебникѣ священной и церковной исторіи исправилъ пункты о епископатѣ, соборахъ, іерархіи и монашествѣ древней церкви, „о единомысліи съ греческою церковью“ и внесъ въ текстъ слѣдующія строки: „правила (соборовъ), изданныя и утвержденныя сими соборами, послѣ священнаго Писанія, составляютъ непреложное законодательство въ православной Церкви, которое она всегда сохраняетъ и всегда будетъ сохранять непоколебимо. Ибо тотъ же Духъ Святый, сошедшій на апостоловъ, просвѣщаетъ и ихъ преемниковъ св. отцевъ для управленія ввѣренною имъ Церковью Божіею“.

Въ качествѣ заключенія учебника была внесена слѣдующая тирада: „Ко благоденствію любезнаго отечества нашего процвѣтаетъ православная Церковь, въ благословенной державѣ великихъ государей Россійскихъ, управляемая св. Синодомъ, какъ непрерывнымъ помѣстнымъ соборомъ, и сохраняетъ союзъ духовнаго единенія съ четырьмя патріаршими престолами..., представителями своихъ древнихъ церквей, а всѣ вмѣстѣ образуютъ едину святую, соборную и апостольскую Церковь, которую и врата адовы не одолѣютъ,... по словамъ самого Христа, обѣщавшаго пребыть съ нею во всѣ дни до скончанія вѣка“. [73])

Какъ и всегда, наиболѣе яснымъ показателемъ характера новыхъ вѣяній служили эксперименты въ области духовной школы. При петербургской академіи былъ учрежденъ особый комитетъ, съ участіемъ нѣкоторыхъ ректоровъ семинарій, „дабы, при возрастающемъ образованіи и умноженныхъ способахъ образованія, преподаваніе богословскихъ наукъ въ духовныхъ училищахъ возвести къ большему совершенству, систематической правильности и единообразному порядку, съ ближайшимъ приспособленіемъ не только къ догматамъ, но и къ требованіямъ и чиноположеніямъ православно-каѳолической Восточной Церкви“. Ему, въ

[72]) К. Д. У., 1838, 1072. «Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета об.-прокурора св. синода за 1837 годъ» (Спб., 1838) стр. 39.

[73]) Отмѣченное курсивомъ въ дѣлѣ написано вмѣсто чего-то другого выскобленнаго. Арх. Св. Син. 1837, 1476.

маѣ 1837 года, было предписано „взять въ разсмотрѣніе всѣ книги, употребляемыя въ богословскомъ ученіи въ качествѣ классическихъ“... [74])

Предвзятая цѣль учрежденія комитета, конечно, сказалась на характерѣ его работъ [75]). Но въ той же мѣрѣ въ отзывахъ его членовъ нашли отраженіе и назрѣвшія нужды духовнаго образованія. Очень энергично нѣкоторые рецензенты настаивали на томъ, „чтобы догматическое и практическое богословіе излагалось не мертвымъ латинскимъ, а живымъ отечественнымъ языкомъ,— съ устраненіемъ сухого и не занимательнаго школьнаго метода, который въ нынѣшнее время ни къ чему другому не ведетъ, какъ только къ охлажденію въ ученикахъ ревности къ ученію“[76]).

Затѣмъ, даже наиболѣе проникнутые формализмомъ члены комитета, вродѣ епископа Венедикта, не склонны были понимать новое требованіе „единообразія преподаванія“ въ смыслѣ совершеннаго отнятія у преподавателей самостоятельности. Дозволяли они и пользованіе иностранными пособіями, правда, не безъ оговорокъ, какъ напр., поелику трудно найти писателя, ко-

---

[74]) Дѣло К. Д. У., 1837, 10281.

[75]) Такъ, въ числѣ недостатковъ принятой въ свѣтскихъ училищахъ географіи Арсеньева было указано то, что «она знакомитъ съ исторіею политическою и военною, а не съ религіозною» (Тамъ же, л. 27 об.).

Интересно и разсужденіе о поэзіи. «Поэзію обезславили чувственные и безнравственные поэты; но ихъ можно отринуть. Есть поэты весьма благонравные, даже благочестивые, не только древніе—даже новѣйшіе, не только иностранные — даже русскіе. Притомъ иногда поэзія, по самому роду своихъ воспѣваній, бываетъ совсѣмъ невинна. А кто хочетъ безславить, тотъ обезславитъ все...—Высокія истины или высокія дѣянія въ поэзіи гораздо сильнѣе даютъ себя чувствовать, нежели въ самой восторженной прозѣ. Для сего довольно припомнить нѣкоторыя оды Державина, Ломоносова, особенныя мѣста Россіяды Хераскова, описанія битвъ у Гомера, бури и кораблекрушенія у Виргилія. Но примѣры изъ св. Библіи превосходятъ уже всякое искусство; а впрочемъ онѣ суть точно Божественно піитическія» (л. 28 об.).

[76]) Въ частности, напримѣръ, къ полемическому богословію, въ отрицаніе школьнаго метода Ир. Фальковскаго, было предъявлено требованіе: «въ цѣпи заблужденій, связывающихъ какое-либо религіозное общество, прежде всего... стараться опровергнуть мнѣніе, на которомъ, какъ на началѣ, основываются всѣ другія» (л. 8).

Или: не отвергая совсѣмъ «довольно порядочную книжку „Руководство къ чтенію св. писанія», м. Амвросія, приложенная къ отзывамъ комитета записка выражаетъ убѣжденіе, что «въ настоящее время можно имѣть, или по крайней мѣрѣ ожидать книги гораздо лучшей. Въ новой книгѣ, добавляетъ она, желательно видѣть: а) ближайшее ознакомленіе съ оригинальнымъ текстомъ св. писанія ветхо-и новозавѣтнаго; б) ближайщее указаніе содержимаго въ св. писаніи...; в) точнѣйшее сближеніе писателей и предметовъ писанія съ исторіею и особенно въ пророкахъ ветхозавѣтныхъ.—Можно бы было ожидать отличной въ семъ родѣ книги отъ отца протоіерея Герасима Петровича Павскаго, если бы онъ принялъ на себя трудъ сей. Послѣ него хорошо напишутъ сію книгу въ академіяхъ и преимущественно въ с.-петербургской. Хорошо напишутъ и нѣкоторые ректоры семинарій, напр. с-петербургской—Афанасій, рязанской—Афанасій же и другіе». (л. 33.)

торый вполнѣ удовлетворялъ бы всѣмъ справедливымъ требованіямъ науки..., равнымъ образомъ поелику между иностранными писателями вообще нельзя найти такихъ, которыми по извѣстнымъ предметамъ науки не управляла бы или излишняя привязанность къ своему вѣроисповѣданію, или неблагорасположенность къ вѣроисповѣданіямъ другимъ, то, при употребленіи ихъ, главною и существенною обязанностью православнаго наставника должна быть та разборчивость и осмотрительность, которая, по слову апостола, „вся искушающе, добрая держитъ".

Но съ возвращеніемъ дѣла о новой постановкѣ духовнаго, частнѣе—семинарскаго, образованія въ комиссію, вновь на первый планъ выступаютъ сужденія, представлявшія непосредственные выводы изъ господствовавшей системы, изъ той мысли, что одному можно знать больше, чѣмъ другому, и что все должно направляться къ единой, предначертанной свыше цѣли.

Основнымъ недостаткомъ среднихъ духовно-учебныхъ заведеній комиссія признала „недостатокъ общаго единства и точнаго направленія къ главной цѣли духовнаго ученія... —образовать достойныхъ священнослужителей". Подъ такимъ угломъ зрѣнія комиссія и начала судить о постановкѣ преподаванія различныхъ предметовъ во всѣхъ отдѣленіяхъ семинаріи. Можно привести, на выдержку, нѣсколько классическихъ замѣчаній по поводу „классическихъ книгъ".

Высказавъ, напримѣръ, пожеланіе, чтобы уже „низшее и среднее отдѣленіе семинаріи, по необходимости много занятыя свѣтскими науками, проницаемы были духомъ церковнымъ", журналъ комиссіи, а также составленный по нему циркуляръ преосвященнымъ, дѣлаютъ и болѣе частныя примѣненія:

„Пусть еще съ поприща словесности усматриваютъ, какъ высоко безъискусственное величіе и изящество священнаго пѣснопѣвца или пророка предъ усильно выработанною прелестію стихотворца".

„Въ классахъ новыхъ языковъ отъ чтенія свѣтскихъ сочиненій должно удержаться..; читать же... благонамѣренныя и безпристрастныя. Если въ семъ чтеніи встрѣтится мысль, несогласная съ православіемъ,—наставникъ долженъ исправить ее замѣчаніемъ, чтобы она не оставила ложнаго впечатлѣнія въ умахъ неопытныхъ".

„Ученіе исторіи въ семинаріяхъ надлежитъ охранять отъ нѣсколькихъ односторонностей, которымъ оно подвержено въ настоящее время и которыя особенно вредны и неумѣстны были бы въ училищѣ духовномъ, какъ то: а) отъ усиленнаго критицизма..., б) произвольнаго систематизма..., в) отъ неосмотрительнаго политическаго направленія, порождающаго въ незрѣлыхъ умахъ наклонность мечтательно судить о томъ, что не должно подчиняться ихъ сужденіямъ".

„....Истинная смиренная философія должна сдѣлаться служительницею истинной религіи, способною низлагать возношенія гордой и самонадѣянной философіи, взимающіяся на разумъ Божій... „Философія привыкла говорить латинскимъ языкомъ и сочиненія на немъ пишемыя должны усиливать знаніе его въ семинаріи".

Неблагосклонно смотрѣла комиссія и на „пространныя, болѣе философскія, нежели богословскія, изслѣдованія о религіи вообще, не излишнія въ высшемъ образованіи, для готовности отвѣщати вопрошающему изъ числа такихъ людей, для которыхъ, по несчастію вѣка, иногда нужно бываетъ разрѣшать сомнѣнія о первыхъ понятіяхъ религіи, но для семинариста и будущаго сельскаго священника болѣе обременительныя, нежели полезныя, и даже возмущающія мыслью о возможности сомнѣній, которыхъ неиспорченный умъ и не подозрѣваетъ".

При такихъ взглядахъ, являлись не болѣе какъ выраженіемъ диктатуры сердца и дальнѣйшія пожеланія комиссіи, вродѣ того, что „преподаваніе всѣхъ частей богословія тщательно должно быть приспособляемо къ употребленію, по возможности освобождаемо отъ сухихъ и невразумительныхъ формъ школы и не преобладаемо стремленіемъ къ блестящей, но холодной учености. Надобно, чтобы ученіемъ богословія проникнуто и согрѣто было сердце слушателя: только вмѣстѣ съ симъ истинно просвѣтится его умъ и способенъ будетъ озарять и другихъ свѣтомъ живымъ, благотворнымъ и спасительнымъ" [77]).

Для высшаго—академическаго образованія, комиссія не обрисовала аналогичнаго типа, не указала точно мѣры знанія „не излишней" для него. Тѣмъ не менѣе, уже въ данное время имѣли мѣсто случаи, которые краснорѣчивѣе циркуляровъ напоминали о предѣлахъ, установленныхъ для академическихъ изслѣдованій. Особенно интересна въ этомъ отношеніи переписка ректора московской академіи Филарета (Гумилевскаго) съ Пратасовымъ по поводу завязавшихся сношеній московской духовной академіи съ заграничными книжными рынками.

Въ этомъ году предсѣдатель комитета иностранной цензуры извѣстный А. Красовскій довелъ до свѣдѣнія Уварова о полученіи изъ Лейпцига 177 книгъ, затребованныхъ ректоромъ московской академіи Филаретомъ. Комитетъ, обремененный множествомъ занятій, находилъ возможнымъ выдать эти книги, какъ выписанныя на имя академіи, безъ разсмотрѣнія, несмотря на то, что двѣ изъ нихъ были запрещены, а остальныя еще неизвѣстны цензурѣ. Уваровъ отнесся къ Пратасову.

Формально выписавшіе книги были не правы. Выписка книгъ, вопреки уставу, была произведена помимо академическаго

---

[77]) К. Д У., 1838, 10675.

правленія. Тѣмъ не менѣе постановка, которую склоненъ былъ придать этому дѣлу Пратасовъ, показываетъ, что онъ подозрѣвалъ академическую корпорацію не въ одномъ только неуваженіи къ закону. Помимо оффиціальнаго запроса духовно-учебнаго управленія, имѣли мѣсто и болѣе интимныя сношенія. О характерѣ послѣднихъ можно судить по слѣдующему письму ректора Филарета (Гумилевскаго) на имя оберъ-прокурора.

„Вашему сіятельству, писалъ архимандритъ, осмѣливаюсь объяснить дѣло о книгахъ, которыя были требуемы изъ-за границы наставниками академіи. Книги были выписываемы единственно по желанію имѣть лучшія пособія для преподаванія духовныхъ наукъ. При составленіи списка нужныхъ книгъ, руководствовались, послѣ собственнаго знакомства съ нуждами той или другой науки, совѣтами благонамѣренныхъ писателей. Пока Господь милостивъ къ намъ столько, чтобы не допускать насъ до желаній очевидно безполезныхъ и даже вредныхъ. Ошибки, какія теперь открылись въ дѣлѣ нашемъ, составляютъ истинно только ошибку невѣдѣнія, которая особенно въ семъ случаѣ весьма легко могла быть допущена. „Христіанская полемика" Закка, какъ теперь стало извѣстно по слухамъ, заключаетъ опроверженіе Штрауссоваго нечестиваго сочиненія о жизни Христа Спасителя. Но такое содержаніе ея совсѣмъ мнѣ не было извѣстно, когда она вписывалась въ списокъ книгъ нужныхъ. Я не имѣлъ нужды слушать опрорверженіе книги Штрауссовой, которой я никогда не видѣлъ и никогда не имѣлъ желанія видѣть: отзывы другихъ о ея грубомъ нечестіи достаточны для меня были, чтобы болѣе и не слыхать ничего о ней. „Христіанская полемика", по названію своему и по имени благонамѣреннаго сочинителя своего, представлялась мнѣ полезною только въ томъ отношеніи, что надѣялся я видѣть въ ней хорошее опроверженіе давно извѣстныхъ ложныхъ мыслей. Что я не могъ имѣть свѣдѣнія о ея спорахъ съ Штрауссомъ, в. сіятельство благоволите увѣриться и тѣмъ, что она издана только въ 1838 г. Намъ всѣмъ крайне прискорбно, что, желая единственно пользы, по невѣдѣнію подпали подозрѣнію въ желаніи неполезнаго и тѣмъ причинили безпокойство в. с—ву, Когда, по одному случаю, лейпцигскій книгопродавецъ Фоссъ изъявилъ желаніе доставлять намъ за самую выгодную цѣну книги, нужныя намъ, намъ представилось сообразнымъ съ долгомъ нашимъ воспользоваться средствомъ къ исполненію главнаго долга нашего... В. с-ство! совѣстью человѣка, котораго не по достоинству удостоилъ Господь облечь священнымъ званіемъ, увѣряю, что намѣренія наши были просты и чисты, какія прилично имѣть совѣсти христіанина. И посему то съ спокойною совѣстью осмѣливаюсь утруждать в. с—во всепокор-

[78]) Тамъ же, л. 12.

нѣйшей просьбой—снизойдите къ ошибкѣ невѣдѣнія съ любовью христіанскою и благоволите милостиво споспѣшествовать дѣлу, начатому единственно по желанію добра“[79]).

Благодаря заступничеству м. Филарета [80]), книги на этотъ разъ были выданы, правила выписки подтверждены и дополнены. Впрочемъ, синодъ, вѣроятно, въ качествѣ эпитиміи, поручилъ ректору Филарету „пересмотрѣть всѣ 177 книгъ съ тѣмъ, чтобы относительно содержанія ихъ и благонамѣренности цѣли изложилъ бы свое заключеніе“. Свой отзывъ Филаретъ представилъ уже въ 1842 году [81]).

Выводъ изъ этого инцидента, въ связи съ разыгравшимся тогда дѣломъ о погрѣшностяхъ (главнымъ образомъ „догматическихъ“) „Разсужденія о ересяхъ и расколахъ въ россійской церкви“, магистра Руднева, [82]) былъ ясенъ для принадлежащихъ къ „вертоградамъ духовнымъ“. Вмѣсто виноградныхъ лозъ хотятъ посадить рябину,—вотъ на что жаловался попавшій подъ подозрѣніе ректоръ академіи Филаретъ митрополиту. московскому [83]). Вообще же основной тонъ новаго направленія не возбуждалъ симпатій въ болѣе сознательныхъ современникахъ. Съ разныхъ сторонъ доходили, хотя и робкіе, но все же проникнутые сарказмомъ протесты. „На бѣду, писалъ нѣсколько ранѣе изъ Кіева Павскому Иннокентій, вашъ владыка (Серафимъ) недавно расходился со своимъ православіемъ... Отечественная попечительность, простираемая за тысячи верстъ, право, отзывается преслѣдованіемъ [84]).

Еще болѣе мѣтко попадали въ цѣль позднѣйшіе отзывы. „Вамъ, конечно, хочется знать о здѣшнихъ новостяхъ, писалъ въ самомъ началѣ 1837 года ректоръ петербургской академіи Виталій своему пріятелю въ Кишиневъ. Ихъ пока нѣтъ; но не сомнѣваюсь, что будутъ. Теперь только еще говорятъ, что все старое (что мы называли новымъ) не православно, худо, гадко. Что изъ сего выйдетъ? Непремѣнно новый порядокъ вещей, а лучшій ли, увидимъ. Иной бы воскликнулъ и справедливо: Quousque tandem, да такъ восклицать могли Цицероны только въ мірѣ языческомъ!“ И далѣе: „Препровожденное вами ко мнѣ для напечатанія (въ „Христіанскомъ Чтеніи“), слово Бурдалу о мирѣ, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, можетъ произвести войну. Что

---

79) Дѣло дух.-учебн. управл. 1839, 63.

80) Письма Филарета митрополита московскаго, къ Филарету Гумилевскому, впослѣдствіи архіепископу Черниговскому (съ прим. прот. С. Смирнова. (М. 1884), стр. 21—30.

81) Дѣло дух.-учебн. управленія., 1839, 63.

82) Исторія московской духовной академіи до ея преобразованія, 1814—1870 г. С. Смирнова (М. 1879), стр. 216—229.

83) Письма Филарета м. м. къ Филарету Гумилевскому, стр. 22 и 30.

84) Р. Ст., 1880, VI, 230.

православно на французскомъ языкѣ, то на русскомъ, того и смотри, что попадетъ въ неправославное. Развѣ пустить ради диверсіи, т.-е. отъ лютеранства своротить подозрѣніе на католицизмъ? Но въ обоихъ случаяхъ одна горечь". Извиняясь, наконецъ, въ промедленіи съ высылкой просимыхъ книгъ, авторъ письма и здѣсь не удержался отъ ироническаго замѣчанія. „Два экземпляра Жизни апост. Павла и Священный словарь Малова давно для васъ куплены и обросли уже пылью; не гнѣвайся, будутъ казаться старѣе, а это нынѣ въ модѣ" [85]).

Ко вновь учреждаемымъ, съ реформаторскими цѣлями, комитетамъ преобладало нѣсколько скептическое, по крайней мѣрѣ, нетерпѣливое отношеніе. Это тѣмъ болѣе, что еще за нѣсколько лѣтъ до нихъ арх. владимірскій Парѳеній писалъ „самому" митрополиту Серафиму: „Что проекты на проекты устава для духовныхъ училищъ? А дряхлаго Бауменстера не смѣняютъ вышеопытные? А сухій Бургій не на пенсіи?" [86]).

Съ цѣлью выясненія для себя и для другихъ своей программы Пратасовъ прибѣгнулъ къ пріему, сущность котораго такъ излагаетъ Д. Ростиславовъ. „Нѣкоторые оберъ-прокуроры находили нужнымъ сближаться съ какимъ-либо ученымъ архимандритомъ или архіереемъ, чтобы чрезъ нихъ ознакомиться съ каноническимъ правомъ и съ особенностями духовной учености и администраціи и чтобы чрезъ то крѣпче удержаться на своемъ мѣстѣ. Архимандритъ оберегалъ оберъ-прокурора отъ промаховъ, — оберъ-прокуроръ же поднималъ его выше въ церковной іерархіи" [87]).

Фаворитомъ Пратасова, послѣ нѣкоторыхъ неудачныхъ поисковъ, сдѣлался архим. Аѳанасій (Дроздовъ): его, по выраженію м. Филарета, оберъ-прокуроръ понесъ на своихъ плечахъ [88]). При всей своей энциклопедической учености [89]), Аѳанасій справедливо уже въ то время слылъ „за фанатика, поборника того православія, которое держится не смысла, а буквы религіи, и кото-

---

[85]) «Р. Арх.», 1893, I, 305.

[86]) Хроника моей жизни. Автобіографическія записки высокопреосвященнаго Саввы, архіепископа тверского, т. 1 (Сергіевъ-посадъ, 1898), стр 112.

[87]) Вѣстн. Евр., 1883, VII, 140. «Петербургская духовная академія при гр. Протасовѣ», Д. Ростиславова.

[88]) Письма м. Филарета къ высочайшимъ особамъ и другимъ лицамъ, ч. II, стр. 242-3.

Гавріилъ архіепископъ рязанскій, послѣ перевода Аѳанасія въ Одессу, жаловался пр. Иннокентію: «Въ немъ много мы потеряли, какъ въ чиновникѣ отлично способномъ, многоученомъ и ревностномъ». (Матеріалы для біографіи Иннокентія Борисова. арх. херсонскаго и таврическаго. Н. Барсовъ. Вып. II. (СПБ. 1888), Письма Гавріила, арх. ряз. стр. 8.

[89]) Особенно энергично защищаетъ ее архіеп. Никаноръ херсонскій на посвященныхъ Аѳанасію страницахъ своихъ воспоминаній. Согласно имъ, Аѳанасій въ совершенствѣ зналъ языки: еврейскій, греческій, латинскій, нѣмецкій и

рое больше уважаетъ преданіе, чѣмъ Евангеліе" [90]). Онъ-то, главнымъ образомъ, и сообщилъ Пратасову энергію въ дѣлѣ возстановленія „древняго православія". Своихъ противниковъ по взглядамъ Аѳанасій готовъ былъ звать на судъ патріарховъ [91]), или, при случаѣ, расправляться съ ними своими средствами.

Поводъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ былъ данъ дѣломъ „о противозаконномъ налитографированіи въ С.-Петербургѣ неправильнаго перевода на русскій языкъ нѣкоторыхъ книгъ Св. Писанія Ветхаго Завѣта" [92]).

Переводъ этотъ, троекратно (въ 1838—9, 1840 и 1841 годахъ) изданный студентами петербургской академіи, на основаніи уроковъ Павскаго, былъ въ послѣднемъ случаѣ „обнаруженъ", благодаря „донесенію" баккалавра московской академіи Агаѳангела. Составленъ онъ былъ по тексту еврейскому, безъ уступокъ тексту семидесяти. Своей односторонностью, въ связи съ допущенными неточностями, онъ давалъ много матеріала для возраженій и споровъ на научной почвѣ. И, какъ можно видѣть изъ самаго дѣла, „обличеніе соблазнительныхъ мѣстъ" перевода, при сколько-нибудь серьезномъ отношеніи, само собой сходило на эту почву, являлось постановкой научныхъ проблеммъ [93]). Послѣднія, рано или поздно, должны были разрѣшиться путемъ всесторонняго обсужденія всѣхъ доводовъ въ защиту текста семидесяти и мазоретскаго. Дебаты эти состоялись поздно, — главнымъ образомъ въ 60-ые и 70-ые годы [94]), тогда какъ мѣсто ихъ было нѣсколькими десятилѣтіями ранѣе.

Но весь тотъ зловѣщій ореолъ, которымъ было окружено дѣло о противозаконномъ переводѣ Павскаго былъ созданъ изъ нитей, правда, болѣе тонкихъ,—но все же очень напоминающихъ сѣти 1824 года, разставленныя для библейскаго общества. Достаточно здѣсь замѣтить, что вызванныя дѣломъ многочисленныя слѣдственныя комиссіи не могли, однако, открыть въ этомъ предпріятіи какого-либо противоцерковнаго замысла. Мотивомъ отлитографированія перевода исключительно съ еврейскаго языка служили давно сознанныя научныя потребности и естественная

французскій и изучилъ всѣ памятники и сочиненія на этихъ языкахъ, относящіяся до Библіи и христіанства. Занимался математикой, физикой, геологіей, астрономіей и т. д. Арх. Никаноръ. Біограф. матеріалы, т. I, (Одесса, 1900) стр. 28 и 32—34.

[90]) А. Никитенко, Записки и дневникъ т. I, 467—8.

[91]) Письма м. Филарета къ намѣстнику св.-троицкія сергіевы лавры, Архимандриту Антонію, ч. II (М. 1878), стр. 39.

[92]) Секретное дѣло арх. св. син. № 307 (на 4296 листахъ).

[93]) Сравн. напр. секретное дѣло 307-8, т. I, л. 131—144; тамъ же подлинное объясненіе Павскаго передъ епископомъ Гедеономъ, 307/11, т. IV, л.л. 64—65.

[94]) Такова, напр., тогдашняя полемика Горскаго-Платонова съ пр. Ѳеофаномъ въ «Прав. Обозрѣніи» (1877 г., янв., февр., апрѣль; Душепол.Чт. 1875, ноябрь).

неудовлетворенность темнотою славянскаго текста [95]). Идея изданія сама собою возникла у студентовъ и другихъ лицъ, многіе годы трудившихся надъ перепиской уважаемыхъ лекцій [96]). Способъ литографированія, — путемъ вкладыванія листовъ перевода въ экземпляры другихъ лекцій,—будучи „противозаконнымъ", не встрѣчалъ, однако, возраженій со стороны типографовъ[97]). Наконецъ, тщательные розыски и систематическія донесенія со всѣхъ концовъ Россіи, зараженныхъ „нечестивымъ преложеніемъ", не уполномочивали даже на предположеніе, сдѣланное строгимъ законникомъ епископомъ Венедиктомъ: „Если бы изъ множества послѣднихъ (воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній), хотя у нѣсколькихъ остались мысли сомнительныя на счетъ господствующаго въ православномъ ученіи текста, то и это для попечительности церкви должно быть не маловажно" [98]). Вообще, корень дѣла прекрасно опредѣлилъ самъ Павскій въ такихъ словахъ: „виноватъ ли я, что людскія мнѣнія измѣняются, и что считавшееся законнымъ прежде признается теперь незаконнымъ [99]).

Путь къ выходу изъ того тяжелаго положенія, которое было создано дѣломъ Павскаго, весьма ясно сознавался лицами, трезво смотрѣвшими на вещи. Разъ даже несовершенный и противозаконный переводъ получалъ такое широкое распространеніе,—значитъ, была неотложная нужда въ переводѣ совершенномъ и изданномъ съ одобренія высшей власти. Весьма конкретно выразилъ эту мысль епископъ Иннокентій. „Не мѣшало бы подумать и о томъ, писалъ онъ въ заключеніе своего письма къ Сербиновичу, отчего происходятъ подобныя явленія? У насъ все только обираютъ, а даютъ взамѣнъ что? Надобно накормить души: сытые сами не будутъ хвататься за всякое блюдо. Побольше мѣръ положительныхъ, а отрицательныя сами перестанутъ быть нужными". [100])

Но, какъ извѣстно, подобнаго рода подчеркиваніе м. Фи-

---

[95]) Секретное дѣло, № 307/1, связка II, л. 32 об; Приложенное къ 1-му тому дѣло духов.-учебнаго управл., начавшееся 10 февр. 1842 г., л. 34 и др.; 307/11, т. IV, л. 136.

[96]) Дѣло дух.-учебн. управленія (прил къ 1 т.), л. 8.

[97]) Дѣло 307/9, л. 558 и слѣд.

[98]) Исторія перевода Библіи на русскій языкъ. И. А. Чистовича, (Спб. 1899) стр. 183.

[99]) Секретное дѣло А. С. С., № 307/8, л. 152.

[100]) Русск. Ст., 1879, т. XXIV, стр. 661. „Иннокентій, Арх. Херсонскій и Таврическій". Н. М. Востокова. На этой же точкѣ зрѣнія хотѣлъ стоять даже возбудившій дѣло баккалавръ Агаѳангелъ, доказывавшій въ своемъ донесеніи, что самое дѣйствительное средство воспрепятствовать распространенію перевода, состоитъ не въ отобраніи экземпляровъ перевода, а въ томъ, чтобы удовлетворить общему чувству нужды вѣрнымъ переводомъ, обнаружить въ полномъ свѣтѣ самую истину, которая имѣетъ довольно силы состязаться съ ложью и одержать надъ нею побѣду. Справедливо, что при семъ дѣлѣ невоз-

ларетомъ московскимъ, и отчасти кіевскимъ, необходимости „накормить души“ дало Пратасову вѣрный поводъ окончательно возстановить м. Серафима противъ всякихъ посягательствъ на св. писаніе, удалить обоихъ митрополитовъ изъ синода и усилить свои папистическія тенденціи. [101])

Въ своемъ докладѣ государю отъ 7 марта 1842 года, по дѣлу о переводѣ, Пратасовъ всего менѣе желалъ объяснять это выдающееся происшествіе по духовному вѣдомству какою-либо случайностью. Напротивъ, не стѣсняясь преувеличеніями, вездѣ онъ подчеркивалъ принципіальную сторону этого дѣла. Подробно излагаетъ докладъ, какъ „вкрадывалось лютеранское начало, введенное съ герменевтикою Рамбаха, а потомъ перешедшее и въ герменевтику епископа Іоанна, и родились вопросы, кои оскорбили бы слухъ благочестивыхъ предковъ нашихъ, о подлинности, достовѣрности, богодухновенности книгъ св. писанія, цѣлію чего было основать вѣру на разумномъ убѣжденіи, или, что то-же, поставить на ея мѣстѣ разумъ. Къ счастію,—литографированный переводъ, открытый во время, явился и распространился только среди духовенства, [102]) гдѣ онъ, какъ выше изъяснено, былъ плодомъ прежняго направленія богословскихъ наукъ“.

Впрочемъ, духовному сословію посвящается еще особая часть доклада. „Хотя, говорится здѣсь, изданіе и переводъ Библіи на русскомъ языкѣ, какъ по собраннымъ доселѣ свѣдѣніямъ открылось, предприняты студентами академіи безъ формальнаго позволенія академическаго начальства, но съ тѣмъ вмѣстѣ упомянутыя свѣдѣнія показываютъ, что сіе начальство, равно какъ и другія лица, принадлежащія къ духовному вѣдомству, знали о таковомъ изданіи, ибо имѣли у себя экземпляры того перевода и содержали оный въ тайнѣ отъ митрополита с.-петербургскаго и главнаго духовнаго управленія, въ томъ убѣжденіи, что высшее начальство не допуститъ таковаго изданія. Изъ сего открывается, что въ упомянутомъ предпріятіи студентовъ, въ которомъ ясно выразилось слѣдствіе прежняго долголѣтняго направленія духовно-учебнаго образованія, участвовали, если не явно, то тайно и другія лица, вопреки мѣрамъ, которыя въ теченіи послѣднихъ пяти лѣтъ постепенно принимались къ направленію вновь духовнаго образованія въ духѣ древняго православія; но которыя до

можно избѣжать ропота со стороны людей суевѣрныхъ или упорствующихъ въ темнотѣ невѣжества. Но чѣмъ же виновны души, ищущія истины, чтобы изъ опасенія возмутить покой суевѣрія и грубости отказывать имъ въ преблагой небесной пищѣ? (Секретное дѣло Арх. Св. С., 307—8, л. 18 об. и 19.)

[101]) Сборникъ Имп. Русск. Ист. Общ., т. 113, кн. 1, стр. 44—48.

[102]) Утвержденіе нѣсколько поспѣшное: экземпляры перевода были «открываемы» и у лицъ свѣтскаго званія (ср., напр., Секретное дѣло 307/8, лл. 171, 283, 344; особ. 307/11, л. 71, о конфискаціи перевода у генерала, бухгалтера, канцелярскихъ служителей).

сего времени не могли еще совершенно искоренить прежняго направленія потому, что большая часть начальниковъ академій и семинарій сами получили образованіе подъ вліяніемъ прежняго образа мыслей. Въ такомъ положеніи дѣла, если, съ одной стороны, и представляется нужнымъ строгое изслѣдованіе настоящаго происшествія, то, съ другой стороны, еще болѣе оказывается необходимымъ постоянное поддержаніе принимаемыхъ мѣръ о направленіи духовнаго образованія къ предположенной цѣли и къ отсѣченію съ тѣмъ вмѣстѣ всѣхъ впечатлѣній, произведенныхъ ученіемъ, заимствованнымъ изъ источниковъ иностранныхъ. На каковой конецъ частію сдѣланы уже, частію дѣлаются еще распоряженія, дабы духовно-учебныя заведенія имѣли для своего руководства нужныя пособія изъ источниковъ, принятыхъ православной церковью". [103])

Тѣмъ же духомъ проникнутъ и докладъ Пратасова отъ 14 декабря 1842 г. „Съ 1836 года, докладывалъ Пратасовъ, предприняты самыя дѣятельныя мѣры къ совершенному преобразованію воспитанія духовнаго юношества; по высочайшему повелѣнію изданы въ свѣтъ коренные уставы вселенской церкви, какъ основаніе каноническаго права, не имѣвшаго мѣста въ программахъ духовно-учебныхъ заведеній прежняго времени; сдѣланы главными руководствами въ преподаваніи догматическаго богословія: „Изложеніе православной вѣры," написанное восточными патріархами, и „Православное исповѣданіе вѣры", составленное м. Петромъ Могилой: въ академіяхъ и семинаріяхъ введено ученіе объ отцахъ церкви и распространено на всѣ три отдѣленія преподаваніе спеціальныхъ богословскихъ наукъ: возобновлено изданіе книги „Камень вѣры" Стефана Яворскаго и, наконецъ, пространный катехизисъ московскаго м. Филарета, совершенно переработанный авторомъ, согласно съ строгими требованіями древняго православія, введенъ въ повсемѣстное употребленіе въ качествѣ школьнаго руководства по закону Божію".

Но для того, продолжаетъ докладъ, чтобы истинное древнее вѣроученіе проникло всѣ отрасли богословскаго преподаванія и принесло благословенные плоды, нужно еще много усилій, твердости и постоянства въ неуклонномъ направленіи духовнаго образованія къ спасительной цѣли". Въ этихъ видахъ, было признано необходимымъ: воспитанникамъ внушать, что св. писаніе само себя не изъясняетъ; объясненія св. писанія приспособлять къ греческому тексту; остерегать воспитанниковъ отъ ученаго, „мертвящаго душу" отношенія къ свящ. писанію, позволяющаго смотрѣть на него, какъ на предметъ историческихъ, филологическихъ, и философскихъ изслѣдованій; въ среднихъ ду-

---

[103]) Всеподаннѣйшіе доклады оберъ-прокуроровъ св. синода, хранящіеся въ канц. об.-прокур., 1842, № 39 (7 марта).

ховно-учебныхъ заведеніяхъ не поднимать безполезныхъ и даже опасныхъ неологическихъ вопросовъ о вѣрѣ; изгнать изъ преподаванія догматическаго богословія усиленный систематизмъ, придающій духовнымъ наукамъ видъ наукъ свѣтскихъ, и, наконецъ, при изученіи нравственнаго богословія, съ надлежащею силою и полнотою раскрывать изложенныя въ „Православномъ исповѣданіи" церковныя заповѣди, и вообще употреблять всѣ усилія, чтобы ученіе Христово падало на сердца воспитанниковъ и оплодотворялось въ жизни.

На докладѣ государемъ была положена такая резолюція: „Совершенно одобряю взглядъ сей на положеніе нашихъ духовныхъ дѣлъ; слѣдуетъ продолжать осторожно исправлять то, что еще осталось прежняго неправильнаго: это долгъ нашъ".[104])

Оба эти доклада, являвшіеся съ одной стороны обвинительнымъ актомъ противъ устава духовно-учебныхъ заведеній 1814 года, а съ другой декларацieй относительно дальнѣйшаго направленія церковно-богословскаго образованія, были поднесены государю еще задолго до окончанія дѣла о переводѣ. Съ разсчетомъ Пратасовъ стремился использовать непосредственное впечатлѣніе „чего то страшнаго и вреднаго", [105]) произведенное на довольно широкіе круги отзвуками таинственнаго дѣла,—съ его комиссіями, центральнымъ и мѣстными слѣдственными комитетами, подробными неоднократными допросами однихъ и тѣхъ же лицъ, подозрѣніями въ неправославіи столповъ православія—обоихъ митрополитовъ Филаретовъ, оговорами одними другихъ и т. д. [106])

Заручиться возможно скорѣе высочайшимъ одобреніемъ своихъ взглядовъ для оберъ-прокурора необходимо было потому, что, несмотря на всѣ старанія придать исключительное значеніе искусственно созданному дѣлу, оно явно стремилось принять свой естественный—не „ужасающій"—видъ. Уже при первоначальной сводкѣ добытыхъ обвинительныхъ матеріаловъ, церковная власть не могла не замѣтить ихъ скудости. И, какъ замѣчаетъ И. Чистовичъ, „говоръ, возбужденный особенно въ С.-Петербургѣ дѣйствіями комитета при изслѣдованіи этого дѣла, и незначительность добытыхъ результатовъ, въ которыхъ все сводилось къ ученому изслѣдованію текста библіи и не видѣлось никакой противуцерковной цѣли, были поводомъ къ тому, что и власти, возбудившія это дѣло, клонились къ тому, чтобы скорѣе окончить его и вмѣстѣ положить конецъ возбужденнымъ толкамъ". [107])

---

[104]) Секретное дѣло канц. об.-прокурора, (1842 г.) № 8.

[105]) Какъ замѣчаетъ И. А. Чистовичъ. Исторія перевода Библіи, стр. 136.

[106]) Секретное дѣло 307. Оговоры могли возникать тѣмъ легче, что при производствѣ слѣдствія въ широкихъ размѣрахъ была вводима круговая порука. Такъ ко всѣмъ членамъ петербургскихъ причтовъ было предъявлено требованіе о «представленіи экземпляровъ безъ изъятія въ теченіе трехъ дней и, если знаютъ у другихъ, по чистой совѣсти, не позже десяти дней». Тща-

Въ виду этого поскольку дѣло касалось опредѣленныхъ лицъ, не исключая самого виновника „соблазнительнаго перевода",—стали подготовлять условія для его прекращенія. Непримиримо настроенные члены комитетовъ замѣнялись болѣе податливыми. Предложеніе епископа чигиринскаго Варлаама, въ случаѣ упорства Павскаго, судить его по каноническимъ правиламъ „судомъ церкви", такъ и осталось „особымъ мнѣніемъ". [108]) Наконецъ, заявленіе Павскаго (въ августѣ 1844 года), что ... „я не только не думалъ разногласить съ своею Церковью, но жалѣю и о томъ, что я навелъ на себя подозрѣніе будто прекословлю ей", а равно представленное имъ письменное обѣщаніе никогда ничему не учить несогласному съ ученіемъ православной церкви дало синоду возможность „за искреннимъ его сознаніемъ и обязательствомъ..., дальнѣйшее дѣйствіе по сему предмету оставить и его, Павскаго, никакой отвѣтственности не подвергать". [109]) Въ 1846 году было разъяснено еще, что „прикосновенность лицъ духовнаго вѣдомства къ дѣлу о налитографированіи неправильнаго перевода... не должна быть вносима въ послужные сихъ лицъ списки". [110])

При всемъ томъ, спеціально заведенное канцеляріей св. синода, 18 сентября 1844 года, „дѣло о прекращеніи дѣлопроизводства о налитографированіи... перевода, храненіи онаго и уничтоженіи собранныхъ экземпляровъ" было признано оконченнымъ лишь въ 1856 году. [111]) Лишь тогда были освобождены отъ подозрѣнія и тѣ лица изъ духовенства, которыя по тѣмъ или инымъ мотивамъ, въ свое время отказались отъ выдачи экземпляровъ перевода.[112]) До тѣхъ же поръ дѣло оффиціально числилось въ производствѣ, и на сдачу его въ архивъ разрѣшенія не получалось. [113]). Причина понятна. Въ интересахъ ревнителей было поддерживать тотъ моральный слѣдъ, который не могло не оставить въ душахъ разслѣдованіе дѣла Павскаго.

Подобно тому, какъ первое ауто-да-фе экземпляровъ противозаконнаго перевода (въ числѣ 404) было совершаемо въ присутствіи особенно довѣренныхъ чиновниковъ, въ теченіе трехъ дней, на святкахъ 1844 г., такъ и всѣ доставляемые потомъ экземпляры (свыше трехсотъ) были „разновременно сожжены въ подваль-

---

тельно учитывалось количество недостающихъ въ экземплярахъ листовъ и пр. Дѣло 307/6, связка 34, л. 1—16 (росписки въ прочтеніи циркуляра всѣми причтами Петербурга); Прилож. къ т. III, № 2, л. 63, также 307/3, связка 14, л. 7—14.

[107]) Исторія перевода Библіи... И. Чистовича, стр. 184

[108]) Подробно оно изложено у Чистовича, въ «Исторіи перевода Библіи» стр. 189—204.

[109]) Секретное дѣло 307/11, т. IV л. 62—68. Синодальное опредѣленіе отъ 20—31 дек. 1844 года.

[110]) Тамъ-же, т. V, л. 81—5 (Опредѣленіе отъ 20—25 февраля).

[111]) Секретное дѣло 307-11.

[112]) Секретное дѣло Арх. Св. Син. 1856, № 314.

[113]) 307-11 (напр., въ 1852 году).

ной печи синодальнаго зданія... съ соблюденіемъ строжайшей предосторожности“ [114])

Ту же цѣль имѣла въ виду и болѣе сложная форма сыскныхъ мѣропріятій Пратасова. 31 марта 1842 г., синодальнымъ указомъ было предписано епархіальнымъ архіереямъ немедленно доносить о вновь найденныхъ экземплярахъ перевода, съ объясненіями владѣльцевъ и сообщеніемъ свѣдѣній о томъ вліяніи, какое оставлено нечестивымъ переводомъ по епархіи. И много исповѣдей, съ казуистическими нерѣдко объясненіями полученія экземпляровъ, занесено на листы этихъ рапортовъ. [115]) Нѣкоторымъ владыкамъ удалось тогда же болѣе или менѣе обѣлить себя въ глазахъ начальства, что и выражалось краткой отмѣткой „очищено“ противъ изложенія ихъ рапортовъ въ трех-томной „запискѣ“ о дѣлѣ. [116])

Въ 1844 же году, когда церковная власть стала замѣчать нѣкоторую небрежность епископовъ въ исполненіи указанныхъ выше обязанностей, послѣ частныхъ напоминаній, былъ разосланъ новый циркуляръ. Изложивъ опредѣленіе синода, удостоившееся высочайшаго утвержденія, о соблюденіи неприкосновенности принятаго церковью текста семидесяти, о необходимости располагать къ тому юношество и т. д., указъ требовалъ соотвѣтствующихъ донесеній о вліяніи, оставленномъ переводомъ, и о принятыхъ противъ этого вліянія мѣрахъ, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на образъ мыслей и преподаваніе поименованныхъ въ особыхъ спискахъ лицъ. [117]) И по отвѣтнымъ рапортамъ лучше всего можно судить о подлинныхъ цензурныхъ итогахъ дѣла о незаконномъ переводѣ.

Лишь немногіе преосвященные могли и теперь категорически заявить или повторить, что „воспитанники семинаріи и училищъ не имѣютъ объ упомянутомъ переводѣ никакого понятія и не слыхали о немъ“. [118]) Значительная часть епископовъ, съ цѣлью возстановить довѣріе къ себѣ, обратилась къ увѣреніямъ въ своей благонадежности. Вотъ нѣсколько отрывковъ изъ спеціальныхъ третныхъ донесеній.

Подольскій преосвященный, свидѣтельствуя, что переводъ оставилъ „впечатлѣніе слишкомъ слабое и невыгодное для переводчиковъ“, продолжаетъ: „Впрочемъ, секретныя разысканія и наблюденія по сему предмету чрезъ довѣренныхъ лицъ, съ надлежащею осторожностью производятся и будутъ производиться, и, если что-либо усмотрѣно будетъ неблагопріятнаго для Правосла-

[114]) Тамъ-же, л. 15.
[115]) Дѣло 307-8 напр. л. л. 177, 182, 186.
[116]) Напр. псковскій (307-9 т. IV, л. 21); литовскій (307-8, л. 198); полоцкій (307-11, т. IV, л. 43—4).
[117]) Секретное дѣло 307, указъ св. синода, отъ 26 іюля 1844 г.
[118]) 307-8. Записка..., л. л. 202, 205—6, 215, 216, 223 и слѣд.

вія впослѣдствіи", то неукоснительно будутъ приняты противъ того мѣры. [119])

Олонецкій епископъ, въ одномъ изъ рапортовъ, не безъ робости сознавался, что „воспитанники семинаріи русскій переводъ Библіи вообще считаютъ понятнѣйшимъ, безъ всякаго, впрочемъ, сужденія о существѣ. Мысль сію, открывающуюся въ воспитанникахъ", онъ, преосвященый, „отвращалъ пастырскими наставленіями и не видѣлъ никакого защищенія". [120])

„Объ экземплярахъ перевода въ харьковской епархіи, сообщалъ епископъ Иннокентій Борисовъ, вовсе не слышно. Между тѣмъ, какъ прежде принимались, такъ и впредь имѣютъ быть приняты всѣ мѣры, служащія къ огражденію чистоты вѣры и нравственности, какъ въ воспитанникахъ семинаріи, такъ и во всѣхъ великихъ и малыхъ членахъ Богоспасаемой Паствы Харьковской".[121])

Чѣмъ дальше, тѣмъ отчетливѣе кристаллизовались въ отвѣтныхъ рапортахъ положенія: „неприкосновенность текста... будетъ охраняться отъ самомалѣйшихъ нововведеній"...[122]) „Ничего противнаго истинному ученію православія мною не замѣчено". „Все преподаваніе уроковъ... стоитъ на твердомъ основаніи „Православнаго исповѣданія"... „Къ утѣшенію нахожу, что православіе глубоко укоренено въ наставникахъ и воспитанникахъ семинаріи, такъ что обратилось имъ въ природу"... „Ученіе вѣры наставниками преподается и учениками пріемлется въ духѣ древняго православія и собственно по славянскому переводу св. писанія"... Они правильно исповѣдуютъ святые догматы вѣры нашей, благоговѣйно исполняютъ обряды церкви и никогда не нарушаютъ святыхъ постовъ". „При дальнѣйшемъ продолженіи особливаго вниманія... и неослабнаго наблюденія за преподаваніемъ богословскаго ученія, въ предѣлахъ, православною нашею церковью положенныхъ, имѣю репортовать по надлежащему". [123])

Насколько же растяжимыми, смотря по надобности, оказывались нововведенныя мѣрила православія, можно убѣдиться изъ слѣдующихъ строкъ донесенія архіеп. пермскаго Аркадія, въ началѣ 1845 года, о нѣкоторыхъ преподавателяхъ ввѣренныхъ ему дух.-учебныхъ заведеній. „Еще въ 1843 году писалъ я... г. оберъ-прокурору, что прот. Погостовскій нѣкоторые академическіе уроки буквально переноситъ въ семинарію. Сверхъ сего, въ данныхъ ученикамъ урокахъ его о книгѣ Іова между прочимъ сказано: „духъ писателя очень хорошо открывается, если книгу сію прочтешь въ подлинникѣ или въ хорошемъ переводѣ". Очевидно

[119]) 307-8. Записка, л. 205.
[120]) Тамъ-же, л. 205.
[121]) 307-11, т. IV, л. 20.
[122]) Секретное дѣло, 307-11, т. IV, л. 3.
[123]) Тамъ-же, л. л. 19, 26.

онъ, прот. Погостовскій, и греческій переводъ 70 толковниковъ и славянскій переводъ, употребляемый св. церковью, матерью нашей, признаетъ переводами нехорошими и такое объ нихъ понятіе сообщаетъ и ученикамъ".

Послѣ дальнѣйшихъ разоблаченій въ томъ же родѣ, набросивъ попутно тѣнь и на весь педагогическій совѣтъ семинаріи, рапортъ заканчивается слѣдующимъ выводомъ:

„Къ прекращенію распространенія таковыхъ понятій въ семинаріи и епархіи о текстахъ священнаго писанія ветхаго завѣта: еврейскомъ, греческомъ 70 толковниковъ и славянскомъ—, къ искорененію сихъ понятій, не вижу другого средства, какъ безотлагательно передать классъ чтенія священнаго писанія такому наставнику, который бы, зная достаточно языки греческій и славянскій, самъ былъ внутренно расположенъ къ православію и убѣжденъ въ необходимости всемѣрно охранять неприкосновенность священнаго писанія отъ самомалѣйшихъ нововведеній, и обезпечить его благоволительнымъ надзоромъ такого ректора семинаріи, который бы, тѣмъ же водимъ духомъ православія и уваженія къ священнымъ книгамъ ветхаго завѣта, матерію нашею св. церковію содержимымъ, былъ всецѣло послушенъ ея гласу".

Донесеніе съ уроками Погостовскаго было передано на заключеніе присутствовавшаго въ синодѣ архіепископа полтавскаго Гедеона. Найдя, что въ урокахъ „проявляются мысли противъ неприкосновенности священнаго писанія", Гедеонъ высказался за увольненіе преподавателя отъ должности, которое, впрочемъ, къ этому времени (30 окт. 1846 г.) уже состоялось. [124])

Затаеннымъ желаніемъ Пратасова—Аѳанасія, которымъ проникнутъ весь процессъ о переводѣ, было „заключить всѣхъ подъ грѣхомъ": набросивъ тѣнь на все старое, сдѣлать всѣхъ безотвѣтными и, въ силу этого,—хотя бы подневольными ревнителями по „древнему православію". Это было тѣмъ необходимѣе, что „утвердить и укрѣпить понятіе объ истинномъ православіи" [125]) ревни-

---

[124]) Дѣло 307, т. V, л. 19—20 (ср. л. 73). Очень выразительная характеристика деспотическихъ поступковъ арх. Аркадія находится у М. Я. Морошкина. Сборникъ Р. И. Об., т. 113, кн. I, 143. Подробное изложеніе дѣла Погостовскаго находится въ „Исторіи пермской духовной семинаріи послѣ преобразованія 1840 г. до позднѣйшаго времени, т. III. Составлена ректоромъ пермской духовной семинаріи, архимандритомъ Іеронимомъ". (Пермь 1876), стр. 128—144.

[125]) Слова эти взяты изъ письма прот. І. Кочетова къ пр. Иннокентію (Борисову), уже отъ 4 янв. 1846 г. „Восхищаясь вѣстію объ окончаніи того великаго и полезнаго труда, которымъ в. в. нѣсколько лѣтъ изволили заниматься, по порученію св. синода", авторъ письма добавляетъ: „Несомнѣнно вѣрю и заранѣе утѣшаюсь, что это произведеніе ваше утвердитъ и укрѣпитъ шаткое доселѣ у насъ понятіе объ истинномъ православіи, о которомъ теперь такъ много говорятъ, а послушать почти нечего". «Христ Чт.» 1886 г., 11—12, «Къ исторіи проповѣдей и сочиненій Иннокентія архіепископа Херсонскаго» Н. Барсова. Письма Кочетова, стр. 731.

телямъ не удавалось—такъ же, какъ въ свое время Шишкову—установить символъ вѣры обратнаго хода.

На основаніи заключеній комитета 1837 г. для пересмотра учебниковъ и комиссіи духовныхъ училищъ, были въ свое время даны болѣе опытнымъ преподавателямъ порученія составить учебныя книги и пособія. Въ виду закрытія комиссіи духовныхъ училищъ и проволочки въ составленіи и провѣркѣ конспектовъ учебныхъ пособій, дѣло это затянулось. Лишь въ началѣ 1841 г. синодомъ былъ утвержденъ представленный духовно-учебнымъ управленіемъ списокъ лицъ, которымъ было „предписано заняться составленіемъ руководствъ". При этомъ синодъ сдѣлалъ и постановленіе: „объявить означеннымъ лицамъ..., что возлагаемою на нихъ отъ св. синода обязанностью по сему предмету должны они заняться неупустительно и съ надлежащею ревностью... При чемъ обнадежить ихъ, что труды ихъ по сему общеполезному дѣлу не останутся безъ должнаго со стороны высшаго ихъ начальства вознагражденія". [126])

На первый разъ, большинство „духовныхъ особъ", между которыми было распредѣлено составленіе учебныхъ руководствъ, обѣщали закончить свои труды въ концѣ 1841, или же въ 1842 году. На самомъ дѣлѣ, сроки миновали, а обѣщанныхъ произведеній поступило весьма мало. Свое замедленіе составители стали оправдывать разнаго рода предлогами и просить объ отсрочкахъ. [127])

Самой существенной причиной охлажденія авторовъ къ дѣлу, которымъ они должны были „неупустительно и ревностно" заняться, послужило наступленіе эпохи недовѣрія ко всѣмъ дѣятелямъ, воспитавшимся на почвѣ прежняго устава. Вліяніе этого фактора лучше всего можно освѣтить судьбою „историческаго ученія объ отцахъ" церкви, ректора московской академіи Филарета [128]).

Исходя изъ той мысли, что „отцы церкви суть крѣпкіе столпы, которыми поддерживается святая православная церковь..., которые не только защитили церковь Христову отъ всѣхъ злобныхъ нападеній враговъ ея и обличили суемудріе философовъ и заблужденіе еретиковъ, но и сдѣлались нашими вѣрными руководителями... въ познаніи истиннаго и чистаго ученія вѣры",[129])—защитники вѣры обратили особенное вниманіе на постановку преподаванія этого—несуществовавшаго дотолѣ—предмета. Изъ пред-

---

[126]) Дѣло К. Д. У., 1837, 10281, л. 69—81. Опредѣленіе св. син. отъ 20 декабря 1840 г. и 28 февраля 1841 г.

[127]) Ранѣе другихъ поступило «Краткое обозрѣніе книгъ св. писанія преподавателя тверской семинаріи іером. Аполлоса. Оно было отослано въ петербургскую академію на рецензію. К. Д. У. 1837, 10281, л. 78.

[128]) К. Д. У., 1838, 10815.

[129]) Тамъ-же, л. 1, об.

ставленныхъ тремя академіями конспектовъ, по рекомендаціи м. Филарета, было отдано предпочтеніе конспекту московской академіи. Архимандриту Филарету было поручено развить его и составить курсъ чтеній объ отцахъ. Первую часть своего труда онъ представилъ въ самый разгаръ дѣла о переводѣ.[130]) Черезъ четыре мѣсяца рукопись была отослана въ петербургскую академію, куда вслѣдъ за тѣмъ были переданы и остальныя части. Тамъ сочиненіе пробыло цѣлый годъ. Лишь горькое письмо автора къ директору д.-учебнаго управленія Карасевскому нѣсколько ускорило ходъ дѣла.[131]) Рецензентами были баккалавры академіи І. Колоколовъ и Лобовиковъ, но на ихъ отзывахъ,—особенно перваго,—несомнѣнно отразилось вліяніе ректора академіи Аѳанасія. Въ качествѣ основного недостатка сочиненія было отмѣчено то, что въ немъ „господствуетъ историко-критическій взглядъ: а то, что должно составлять главную цѣль изученія св. отцевъ и ихъ писаній,—именно изложеніе ихъ ученія о различныхъ предметахъ вѣры, весьма мало занимаетъ мѣста". Примѣненіе же этого историко-критическаго взгляда къ Православному исповѣданію П. Могилы было конференціей прямо поставлено въ вину автору[132]). Синодъ, съ своей стороны, найдя замѣчанія справедливыми, „въ особенности относительно сужденія о Православномъ Исповѣданіи Каѳолической и Апостольской восточной церкви", призналъ, что „Историческое ученіе" въ настоящемъ его видѣ не можетъ быть разрѣшено къ напечатанію [133]).

Непосредственное свое впечатлѣніе отъ такого гнета свыше Филаретъ выразилъ въ одномъ изъ тогдашнихъ писемъ. Объясняя свое уклончивое отношеніе къ предложенію составить руководство по догматическому богословію, онъ писалъ: „Эти предложенія льстивы для самолюбія, но не льстивы для благоразумія, внимательнаго къ положенію дѣлъ. Я и теперь еще не касаюсь сего дѣла; пусть откроетъ Господь, что грѣшному начинать, куда склонить выю... Каждому надобно знать свой путь. Бреди по тому, который указанъ; пойдешь по чужому: не прогнѣвайся. если натолкаютъ въ шею".[134])

Сопоставляя два пути, о которыхъ говоритъ Филаретъ, „свой" и „чужой", можно нѣсколько выяснить направленіе второго. Не питая сочувствія къ историко-критическому методу выясненія сущности православія, ревнители послѣдняго, желали иначе

---

[130]) 30 апр. 1842 г. Тамъ-же, л. 53.

[131]) Тамъ-же, л. 61—2.

[132]) Филаретъ ослаблялъ роль Петра Могилы въ составленіи этого памятника въ пользу архим. Исаіи Трофимовича-Козловскаго и видѣлъ въ немъ „подражаніе подобнымъ сочиненіямъ схоластики западной". Тамъ же, л. 66—7.

[133]) Тамъ-же, л. л. 70—71. Опредѣленіе отъ 26 ноября—31 дек. 1843 г.

[134]) Изъ Петербурга, куда онъ прибылъ для харитоніи въ епископа рижскаго въ 1841 г. «Филаретъ, архіепископъ Черниговскій», И. С. Листовскаго (М. 1887), стр. 24.

разрѣшить ту же задачу. Взамѣнъ исторической картины, гдѣ есть общее и частное, свѣтъ и тѣни, они почувствовали потребность создать свое закрѣпленное въ правѣ евангеліе изъ однихъ чистыхъ древнихъ, собранныхъ отовсюду, отрывковъ. „Догматическій сборникъ" сталъ на время моднымъ терминомъ.

Мысль о такомъ произведеніи компилятивнаго характера собственно возникла ранѣе, въ ученыхъ кругахъ. Напримѣръ, епископъ Иннокентій, еще будучи ректоромъ въ Кіевѣ, постепенно подбиралъ матеріалы для такого небезполезнаго справочнаго пособія. Узнавъ объ этомъ, ревнители очень скоро поручили ему кодификаціонныя работы по опредѣленію содержанія древняго православія. [135]) Такой оборотъ дѣла замѣтно повліялъ на Иннокентія,—лишилъ его хотя бы относительной авторской свободы. Сверхъ того, близкіе къ нему люди, понимая серьезность момента и зная о предвзятыхъ цѣляхъ лицъ, давшихъ порученіе, совѣтовали и даже просили его быть крайне осторожнымъ при выборѣ существеннаго изъ разнообразія частныхъ мнѣній. [136]) Отчасти благодаря этому Иннокентій не спѣшилъ съ этимъ дѣломъ, несмотря на частыя напоминанія. [137]) Зато, въ свою очередь, и начальство стало обнаруживать равнодушіе къ его труду, тѣмъ болѣе, что и Иннокентій не скрывалъ какъ своей досады[138]), такъ и своихъ отступленій отъ даннаго ему шаблона. Представляя въ 1845 году Пратасову первую часть своего труда, подъ названіемъ „Памятникъ вѣры православной", Иннокентій присоединилъ и свои объясненія: „Симъ именемъ, а не Догматическаго Сборника,—какъ предполагалось,—названа книга сія потому, что послѣднее названіе слишкомъ отзывается механическою работою и могло быть не по слуху православныхъ. При составленіи ея слѣдовано первоначальной программѣ, но ограничиться ею было невозможно. Въ такомъ случаѣ, конечно, много бы сократилось

---

[135]) Пятидесятилѣтній юбилей кіевской духовной академіи (Кіевъ, 1869), стр. 116 и 96, прим. Извлеченіе изъ отчета оберъ-прокурора св. синода за 1837 г. (Спб. 1838), стр. 39—40.

[136]) Р. Ст., 1879, т. XIV, стр. 690. Также: Матеріалы для біографіи Иннокентія, вып. II. Письма Кочетова, стр. 13—14.

[137]) Характеръ этихъ напоминаній хорошо выражаетъ просьба къ Иннокентію его пріятеля К. Сербиновича. „У насъ приближается время отчета и необходимо сказать въ немъ что-н. новое о „Догматическомъ Сборникѣ»... Не найдете ли ваше преосвященство возможнымъ ускорить присылкою его сюда, какъ онъ есть. Ради Бога не сѣтуйте, если осмѣливаюсь напомнить о семъ важномъ трудѣ, котораго ждемъ нетерпѣливо и который, хотя стоилъ вамъ многихъ заботъ, но не менѣе того долженъ исполнить благодарности всякаго, кто онымъ будетъ пользоваться. Радъ бы я не безпокоить васъ: но какъ же и мнѣ быть съ отчетомъ? Исключить статью нельзя, показать въ томъ же видѣ—такъ же невозможно. По крайней мѣрѣ долгомъ считаю предварить частнымъ моимъ вопросомъ имѣющій послѣдовать обычный вопросъ официіальный»... „Р. Стар.", 1878, ноябрь. Иннокентій, арх. херсонскій и таврическій. Н. В-въ, стр. 394.

труда для составителя, но не была бы достигнута главная цѣль его—показать хронологическою непрерывностью актовъ единообразіе и непрерывность по всѣмъ вѣкамъ ученія церкви вселенской. Для сего необходимо надлежало расширить программу и ввести въ составъ „Памятника“ изъ каждаго вѣка по нѣскольку новыхъ статей. При избраніи ихъ, послѣ содержанія и чистоты ученія, болѣе всего обращалось вниманія на ихъ вселенскую важность. Въ каковой мѣрѣ достигнута такимъ образомъ цѣль труда, сужденіе о семъ принадлежитъ уже не составителю „Памятника“, а тѣмъ, отъ кого зависитъ дальнѣйшая судьба сего дѣла“ [139]).

Охлажденіе интереса къ разысканіямъ Иннокентія, вызывалось отчасти и тѣмъ, что съ 1841 года при дворѣ Пратасова—Аѳанасія очутилась новая сила въ лицѣ іеромонаха,—а потомъ архимандрита и епископа,—Макарія (Булгакова). Съ его именемъ связано появленіе „системы догматическаго богословія“ сороковыхъ годовъ. Какъ и всѣ догматисты того времени: Димитрій (Муретовъ), Антоній (Амфитеатровъ) Анатолій (Мартыновскій), Макарій былъ питомцемъ кіевской академіи и испыталъ возбуждающее къ богословскимъ занятіямъ вліяніе Иннокентія. Поэтому слѣдуетъ признать, что и система Макарія, и догматическіе труды прочихъ богослововъ были вызваны къ жизни не указами, а назрѣвали постепенно. Зато, безспорно, поскольку „исполненіе высочайшей воли“ Пратасова служило поводомъ къ ихъ „скорѣйшему“ появленію, они не къ выгодѣ своей отразили на себѣ черты духа и методовъ руководящихъ дѣятелей. Не имѣя подъ руками строго выдержанныхъ системъ, ревнители ex officio православія всегда чувствовали нѣкоторую неловкость. Ее впослѣдствіи самъ оберъ-прокуроръ выразилъ въ слѣдующихъ словахъ автору учебника догматическаго богословія Антонію: „Вы оказали намъ великую услугу... Вы сняли съ насъ позоръ, что доселѣ не было въ Россіи своей системы Богословской“ [140]).

---

[138]) „Его сіятельство. писалъ онъ тому же Сербиновичу, вѣроятно, удивится, получивъ письмо мое съ отказомъ моимъ отъ Догматическаго Сборника. Да, я рѣшился на это: послѣ отношенія, мною полученнаго, мнѣ нечего было дѣлать болѣе. Требовать отъ человѣка текста, когда знаютъ, что у него нѣтъ книги,—требовать невозможнаго. Не вздумали бы вслѣдствіе сего сдѣлать мнѣ какой-л. непріятности? Я ей буду радъ, ибо это будетъ прекрасный случай сойти съ пути административнаго, давно мною искомый и доселѣ не находимый“. (Тамъ-же. Письмо отъ 13 сент. 1842 г.).

[139]) К. О. П. С. С., 1845, 35563. „Дальнѣйшая судьба дѣла“ такова, что, вмѣсто изданія Памятника въ 1845—6 году лишь въ концѣ шестидесятыхъ годовъ нѣкоторые отрывки его были напечатаны въ «Христ. Чтеніи». Его „возвращали для переработки и дополненій».

[140]) «Высокопреосвященный Филаретъ... (Амфитеатровъ), митрополитъ кіевскій и галицкій и его время. Составлено въ трехъ томахъ архимандритомъ Сергіемъ (Василевскимъ)». т. III, (Казань, 1888), стр. 123.

Прибывъ въ Петербургъ, Макарій сразу поселилъ въ душѣ „раскольниковъ" великія надежды. Въ самый день его пріѣзда, Аѳанасій „преподробно, въ продолженіи часовъ пяти, поиспыталъ" его „въ знаніи догматическаго богословія, особенно касаясь пунктовъ православія"... „Онъ, продолжаетъ Макарій, тутъ же началъ хвалить сильно мой образъ мыслей, называя его совершенно сходнымъ, до малѣйшихъ подробностей со своимъ... Сколько отсюда для меня хорошаго!.. Вѣдь отъ отвѣтовъ на первый разъ зависѣло мое все....." [141]).

Сначала, въ качествѣ пробы и испытанія, Макарій долженъ былъ заняться составленіемъ догматическаго сборника по твореніямъ св. Димитрія ростовскаго. Выполнивъ это „дѣло къ спѣху" [142]), и своими академическими чтеніями подготовивъ „Введеніе въ православное богословіе",—онъ спустя нѣсколько лѣтъ (въ 1848 году) могъ писать своимъ друзьямъ о новыхъ знакахъ вниманія къ его таланту: „Благодареніе Господу! Теперь, по волѣ начальства, я принялся за новый трудъ... Разумѣю православное догматическое богословіе". [143]) Правда, система Макарія, хотя и была составлена главнымъ образомъ на основаніи католическихъ пособій, не санкціонировала прямо излюбленныхъ папистическихъ воззрѣній начальства. Для таланта были узки шаблоны ревнителей, и, отступая отъ нихъ, даже онъ не избѣжалъ, „зависти или злобы, или глаголемой ревности по православію"[144]). Тѣмъ не менѣе, Макарій, первый изъ русскихъ богослововъ удѣлившій особенное вниманіе вопросу о церкви, оказалъ ревнителямъ немалую услугу постановкой какъ этого вопроса, такъ и другихъ, связанныхъ съ нимъ.

Вотъ, напримѣръ, ходъ разсужденій Макарія о критеріяхъ православія: „Употребительнѣйшія изъ началъ, на основаніи которыхъ обыкновенно стараются доказать истинность или православіе какой-либо церкви, извѣстны слѣдующія:

Первое: „истинная Церковь есть та, которой вполнѣ приличествуютъ свойства, указанныя въ словахъ никео—цареградскаго символа: „вѣрую во едину... Церковь". Этимъ началомъ пользуются по преимуществу богословы римской церкви, а иногда и наши (прот. Терновскій). *Второе:* „истинная Церковь есть та, въ которой сохраняется чистое проповѣданіе слова Божія и правильное совершеніе таинствъ". Этого начала держатся протестанты. *Третье:* „истинная Церковь есть та, которая право и неизмѣнно сохра-

---

[141]) „Церк. Вѣстникъ", 1883 г., № 9. Письма Макарія, м. м. къ прот. С. Серафимову. Письмо 3-е. Ср. «Высокопр. Макарій (Булгаковъ), митр. московскій и коломенскій». Ѳ. Титова, т. I, (Кіевъ, 1895), стр. 144.

[142]) Тамъ-же, стр. 154—5.

[143]) „Церк. Вѣстникъ", 1883 г., № 10. Письма м. м. Макарія къ С. Серафимову. Письмо 5.

[144]) Тамъ-же. Письмо 6.

няетъ непогрѣшительное ученіе древней Церкви вселенской и во всемъ пребываетъ ей вѣрною". Это начало высказано и раскрыто нѣкоторыми изъ нашихъ богослововъ (Іакинфъ, Приней, Платонъ, Филаретъ), и ясно указывается самымъ наименованіемъ церкви нашей, которымъ она обыкла отличать себя отъ прочихъ, —церкви православной, т. е. правовѣрующей".

Отмѣчая недостатки первыхъ двухъ тезисовъ (главнымъ образомъ содержащійся въ нихъ логическій кругъ), Введеніе доказываетъ преимущества третьяго, ибо „здѣсь судитъ древняя церковь вселенская съ своимъ неизмѣннымъ, строго опредѣленнымъ ученіемъ"... [145])Этотъ же моментъ „неизмѣнности, строгой опредѣленности", однимъ словомъ,—консерватизма церкви, Макарій выдвигаетъ на первый планъ и при рѣшеніи другихъ вопросовъ относительно церкви—ея цѣлей, церкви учащей и т. д.

Труды Макарія встрѣтили различное отношеніе. Пратасовъ распространялъ ихъ въ высшихъ сферахъ съ самыми лестными отзывами. Свѣтская критика типа „Москвитянина", привѣтствовала „Введеніе", какъ „одно изъ истинно ученыхъ произведеній, рѣдкихъ въ нашей литературѣ вообще.., по подробности и основательности, ясности, отчетливости и чистотѣ изложенія..." (Погодинъ) [146]).

М. Филаретъ встрѣтилъ „крыльцо и сѣни къ зданію богословія" не безъ ироніи и съ подчеркиваніемъ нѣкоторыхъ фразъ, какъ напримѣръ: „источникомъ для нея (одной изъ частей Введенія) долженъ быть умъ..." Обладавшіе горячимъ характеромъ и имѣвшіе отчасти личные счеты съ Макаріемъ пр. Филаретъ и архим. Никаноръ не скупились на рѣзкія выраженія [147]).

Однако, болѣе и искреннѣе всѣхъ разочарованы были трудами Макарія, какъ и другихъ тогдашнихъ авторовъ, славянофилы. По выходѣ Введенія, Хомяковъ писалъ А. Н. Попову: Макарій провонялъ схоластикой, она во всемъ сказывается, въ безпрестанномъ цитованіи Августина, истиннаго отца схоластики церковной, въ страсти все дробить и живое обращать къ мертвому... Стыдно будетъ, если иностранцы примутъ такую жалкую дребедень за выраженіе нашего православнаго богословія, хотя бы даже въ современномъ его состояніи [148]).

Понятна рѣзкость отзыва Хомякова. Это — выраженіе чувствъ, которыя только и могли питать люди, горячо интересовавшіеся церковно-богословскими вопросами, въ страстныхъ спорахъ вырабатывавшіе свое credo, къ трудамъ, являвшимся по

---

[145]) Введеніе въ православное Богословіе, (Спб. 1848 г.) стр. 557.

[146]) А. С. С., 1846, 1611. Дух. уч. упр. 1847, 267. Высокопреосв. Макарій (Булгаковъ) м. м. Ѳ. Титова, т. I, стр. 250—55. Барсуковъ. Жизнь и труды м. Погодина, кн. X, стр. 6.

[147]) Тамъ-же.

[148]) Тамъ-же, стр. 5.

заказу начальства. Именно они, а не авторы „изложеній православнаго вѣроученія“—были выразителями того, чего искали въ церкви наиболѣе сознательные ея члены сороковыхъ годовъ.

Славянофилы, прямо или косвенно прошедшіе курсъ цѣлостной нѣмецкой философіи, стремились къ выработкѣ и цѣлостнаго церковнаго міровоззрѣнія, болѣе близкаго къ дѣйствительной жизни. „Разсужденія ихъ сводились къ одному общему вопросу, именно къ вопросу о церкви... Вопросъ о церкви, разсматриваемый въ связи съ другими, прямо или косвенно относящимися къ нему вопросами, каковы, напримѣръ, вопросъ объ отношеніи церкви къ обществу и государству, о положеніи личности въ церкви, о страданіи, молитвѣ, чудесахъ и др., сдѣлался предметомъ особеннаго вниманія кружка славянофиловъ и ихъ единомышленниковъ. Они стали обращаться къ самому первоисточнику ученія православной церкви, къ древней христіанской письменности, предполагая тамъ отыскать руководящія начала для рѣшенія выдвинутыхъ жизнью вопросовъ [149]).

Темы были тѣ же, надъ выясненіемъ которыхъ трудилась и церковная власть, но постановка была другая. Системы подчеркивали неизмѣнность, славянофилы оттѣняли моментъ движенія, жизнь: „церковь въ своемъ историческомъ проявленіи необходимо должна быть жива“. Они предостерегали отъ фетишизма предъ преданіемъ; вообще же, утверждая, что „безъ знанія нѣтъ жизни, но и безъ настоящей жизни нѣтъ вѣрнаго знанія“, ихъ идеалистическія построенія неизмѣримо болѣе чѣмъ системы принуждены были считаться съ печальнымъ состояніемъ православія и заставляли искать выхода. Шагъ за шагомъ, напр., Хомяковъ долженъ былъ уступать Пальмеру, ибо „логически трудно, а въ нравственномъ отношеніи больно было отстаивать ту дѣйствительность, защищать которую ему пришлось“ [150]).

Между тѣмъ, православное догматическое богословіе архим. Антонія, оффиціальный учебникъ духовной школы, изданный въ концѣ сороковыхъ годовъ, при ближайшемъ участіи м. Филарета (Амфитеатрова), и вполнѣ одобренный Пратасовымъ, не носитъ и слѣдовъ какого-либо трагизма. „Церковь Россійская, говорится здѣсь, отличается характеромъ чисто духовнымъ, поелику всегда была и есть чужда политическихъ видовъ и никогда не употребляла насильственныхъ мѣръ къ распространенію своихъ предѣловъ или устроенію своего внутренняго мира“ [151]).

Ясно, что въ своихъ собственныхъ интересахъ, для предохраненія отъ косности, схоластики и самообольщенія, книжная богословская ученость обязывалась сознательно опредѣлить свои

---

[149]) В. Завитневичъ. А. С. Хомяковъ, (Кіевъ 1902), стр. 985.

[150]) Тамъ-же, стр. 1250.

[151]) Догм. богословіе правосл. каѳолич. восточн. церкви..., изд. V (М. 1852) стр. 225.

отношенія къ церковнымъ идеямъ славянофильства, путемъ всесторонняго ихъ разсмотрѣнія. Такъ поступали противники славянофиловъ по другимъ вопросамъ. „Славянофильство, писалъ, напримѣръ, въ 1847 г. Бѣлинскій [152]), безъ всякаго сомнѣнія касается самыхъ жизненныхъ, самыхъ важныхъ вопросовъ нашей общественности. Какъ оно ихъ касается—это другое дѣло. Но прежде всего славянофильство есть убѣжденіе, которое, какъ всякое убѣжденіе, заслуживаетъ полнаго уваженія, даже и въ такомъ случаѣ, если съ нимъ вовсе не согласны". Между тѣмъ, въ церковныхъ кругахъ къ трудамъ славянофиловъ относились по меньшей мѣрѣ уклончиво, индифферентно. Что это такъ, лучше всего свидѣтельствуетъ слѣдующее мѣсто изъ письма Хомякова къ А. И. Аксакову. „Многіе, предубѣжденные ходячими формулами, думали, что духовные меня осудятъ чуть ли не на костеръ, а на повѣрку вышло, что всѣ тѣ, которые прочли (Исповѣданіе) согласились, что оно вполнѣ православно и только къ тисненію неудобно или сомнительно..." [153]).

Лишь чрезъ много лѣтъ „творенія учителя церкви могли появиться въ Россіи", до тѣхъ же поръ они, если и оказывали вліяніе, то лишь отрывочно и случайно, „во французскихъ брошюрахъ, или въ составленныхъ наскоро рукописныхъ переводахъ..." [154]).

Замалчивая свѣжую струю, присяжные богословы должны были питать и питаться суррогатами. Такъ, нѣкоторые еще пробавлялись устарѣвшими энциклопедическими элементами, введенными Иннокентіемъ. Очень картинно описываетъ характеръ этого копированія П. Знаменскій въ „Исторіи казанской духовной академіи".

Знаменитый витія (Иннокентій), пишетъ онъ, нерѣдко любилъ касаться таинственныхъ глубинъ христіанской и философской мистики и заимствовать изъ нея разные матеріалы для своихъ религіозно-поэтическихъ мечтаній. Его лекціи о самобытности, безсмертіи души, распространявшіяся въ 1840—1850 годахъ по всѣмъ семинаріямъ даже отдаленнаго отъ Кіева казанскаго округа, касались разнообразнѣйшихъ фактовъ изъ области антропологическихъ знаній и гипотезъ и, между прочимъ, даже съ особенною настойчивостью, современныхъ толковъ о явленіяхъ животнаго магнетизма, сомнамбулизма и ясновидѣнія. Въ богословской аудиторіи казанской академіи при профессорахъ Серафимѣ и Фотіи повторялись тѣ же рѣчи, выводились на сцену и Кернеръ съ его ясновидящими и одержимыми и Месмеръ съ

---

[152]) Собраніе соч., изд. II, Кіевъ; т. IV, стр. 280.

[153]) Завитневичъ, назв. соч., стр. 1042; ср. дѣло Спб. Д. Ц. К-та, 1855 г. о соч. Хомякова „Quelques mots"...

[154]) Сочин. Хомякова, т. II. (М. 1880) Предисл., XXXIII—IV.

его магнитизмомъ и разсказы объ обмиравшихъ, и Seherin von Prevorst. Но все это возбуждало здѣсь далеко не тѣ чувства, какія волновали кіевскую аудиторію самаго витіи учителя. Возбуждающіе раздумье поэтическіе намеки, „что есть въ мірѣ много такого, что и не снилось мудрецамъ", въ прозаической передачѣ казанскихъ богослововъ расплывались во что-то такое, что прямо отзывалось суевѣрными розсказнями и возбуждало только состраданіе... [155]).

Опыты такого, неудачнаго, „расплывчатаго" синтеза библейскаго ученія съ данными физіологіи, геологіи, астрономіи, магнетизма и сомнамбулизма довольно обычны, впрочемъ, для сороковыхъ годовъ. И не мало ихъ находится между неодобренными цензурой произведеніями [156]).

Давать отвѣты церкви на современныя теченія мысли взяли на себя писатели, вродѣ издателя знаменитаго „Маяка" Бурачка [157]). Образцомъ фарисейскихъ словоизверженій этого обычнаго въ эпохи церковной реакціи типа публицистовъ могутъ служить два отрывка изъ отдѣла „критики". „Исторія, утверждалъ авторъ одного безцвѣтнаго учебника, есть вѣрное, словесное изображеніе жизни народовъ". „Опредѣленіе не вѣрное, негодовалъ Маякъ... Всеобщая исторія есть изображеніе жизни всего падшаго человѣчества... Не этими метеорами должна она заниматься, не на нихъ останавливаться, а на возрастахъ искупляемаго, освящаемаго, совершенствуемаго человѣчества"... Дальше рѣчь сводилась къ панегирику „русскаго православія", которому посвящался и особый „отдѣлъ" [158]).

Или—въ отвѣтъ на притязанія эстетики—раздавалась рѣчь: „Въ природѣ нѣтъ прямой линіи, нѣтъ вѣрнаго круга, нѣтъ чистаго звука, и все это произошло послѣ паденія человѣка, у котораго осталась одна сторона изящная—Божія, другая изуродованная сатаной чрезъ увлеченіе человѣка въ грѣхъ. Короче, пока философы и эстетики не примутъ въ основаніе своихъ наукъ паденія, до тѣхъ поръ ихъ теоріи изящнаго будутъ мыльные пузыри" [159]).

Вообще, цѣль Маяка очень наглядно опредѣлилъ самъ его издатель: „Маякъ при свѣтѣ Евангелія открываетъ трупы и сорныя ямы въ литературѣ" [160]).

---

[155]) Исторія казанской духовной академіи за первый (дореформенный) періодъ ея существованія (1842—1870 г.) П. Знаменскаго. Вып. II, (Казань, 1892), стр. 193—4.

[156]) Напр. Спб. Д. Ц. К., 1844, 1; 1846, 19, А. С. С., 1840, 9.

[157]) Нѣсколько словъ ему посвящаетъ А. Никитенко. Записки и дневникъ, т. I, стр. 50—53.

[158]) Маякъ, 1843, т. XII. стр. 54; ср. К. О. П. С. С., 1845, 35565.

[159]) Томъ XI, 148.

[160]) «Р. Ст.» 1892, май. «Мнѣнія современниковъ объ А. С. Пушкинѣ и

Съ 1848 года наступила эпоха цензурнаго террора. Западныя событія вновь напомнили, что идеи, даже утопичныя, могутъ болѣе или менѣе колебать жизнь. „Революціонныя волны 1848 года докатились до насъ въ видѣ грязной густой пѣны, прикрывавшей всю поверхность общественной мысли. Послѣднюю признано было необходимымъ сковать прочными цѣпями и хотя „не было никакого повода опасаться волненій и безпорядковъ, однако, память о катастрофѣ 1825 г. была еще свѣжа, а мнѣнія, господствовавшія въ нѣкоторыхъ нашихъ литературныхъ кружкахъ, казались органически связанными съ крайними ученіями французскихъ теоретиковъ. Поэтому состоялось высочайшее повелѣніе принять энергичныя и рѣшительныя мѣры противъ наплыва въ Россію разрушительныхъ идей“ [161]).

Смыслъ трехчленной уваровской формулы „православіе, самодержавіе, народность“ сталъ „углубляться и расширяться“ въ противовѣсъ духу времени. Такъ, напримѣръ, русская народность, или „русское славянство“, согласно предписанія циркуляровъ, „въ чистотѣ своей должно выражать безусловную приверженность къ православію и самодержавію; но все, что выходитъ изъ этихъ предѣловъ, есть примѣсь чуждыхъ понятій, игра фантазіи или личина, подъ которою злоумышленные стараются уловить неопытность и увлечь мечтателей“ [162]).

Различныя вѣдомства, объединяемыя въ надзорѣ за направленіемъ умовъ секретными комитетами, должны были ревностно заботиться о благонамѣренности всего, имъ ввѣреннаго. И на вѣдомствѣ православнаго исповѣданія, естественно, лежала преимущественная забота о поддержаніи на должной высотѣ перваго члена формулы.

Вольномысліе Запада оффиціальные представители церкви, какъ и подобало, объясняли главнымъ образомъ духомъ протестантизма. Вотъ строки изъ одного всеподданѣйшаго доклада Пратасова отъ 1849 года: „Давъ полную свободу уму въ изъясненіи смысла св. Писанія, Реформація самымъ естественнымъ образомъ не могла не довести своихъ послѣдователей до отрицанія, наконецъ, всякаго положительнаго догмата, и нынѣ уже почти во всей Европѣ ученіе Лютера переродилось въ Раціонализмъ, который грозитъ уничтоженіемъ самому Христіанству въ возникающихъ тамъ мнимо-религіозныхъ обществахъ. Духъ сего вольнодумства, обратясь къ политикѣ, приготовилъ нынѣшнее общее въ Европѣ броженіе умовъ и распаденіе Государственныхъ свя-

---

его произведеніяхъ», собщ. А. Ѳ. Бычковъ. Письмо издателя журнала «Маякъ» Ст. Бурачка къ кн. Волконскому. стр. 281.

[161]) М. Лемке. Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики. Спб. 1904, стр. 191—2.

[162]) Русскій Архивъ. 1892, VII, 348.

зей. Православіе же, всегда подчиняя частныя мнѣнія общему приговору всей Церкви,—Хранительницы Священнаго Преданія, искони соблюдаетъ чадъ своихъ въ единствѣ вѣры. Оно создало ту дивную силу Самодержавія, на которую съ изумленіемъ взираютъ иноплеменники, и приготовило Россію къ нынѣшнему состоянію могущества. [163])

Не довольствуясь этимъ, въ 1850 году Пратасовъ призналъ благовременнымъ обратиться со всеподданнѣйшимъ докладомъ, гдѣ принципіально рѣшался вопросъ объ отношеніи вѣры и знанія. Поводъ къ этому далъ ставшій на очередь вопросъ „о причинахъ малоуспѣшности въ преподаваніи закона Божія въ гражданскихъ учебныхъ заведеніяхъ". Министерство народнаго просвѣщенія склонно было объяснять этотъ фактъ болѣе внѣшними причинами и—прежде всего—недостаткомъ опытныхъ преподавателей. Въ результатѣ явилось объявленіе отъ высочайшаго имени „Синоду имѣть самый бдительный надзоръ за назначеніемъ достойныхъ законоучителей". На нападки уваровскаго министерства докладъ 1850 года и явился отвѣтомъ, желавшимъ вскрыть болѣе существенныя, по мнѣнію Пратасова, причины малоуспѣшности церковнаго вліянія.

Признавая, что зависимость—административная и матерьяльная—законоучителей отъ свѣтскаго начальства и опасеніе вооружить его противъ себя препятствуетъ имъ „быть строгими обличителями", что количество уроковъ, отведенныхъ для нихъ, недостаточно и т. д., докладъ все же и эти обстоятельства относитъ къ числу второстепенныхъ.

Для прочнаго усвоенія истинъ вѣры требуется, „чтобы каждая наука убѣждала въ необходимости божественнаго откровенія". А „для такого благотворнаго вліянія... недостаточно только избѣгать въ наукѣ порицанія истинъ вѣры; нужно излагать науку именно въ ихъ защиту и такимъ образомъ предохранить юношей отъ невѣрія, распространившагося въ Европѣ".

Затѣмъ слѣдовалъ краткій, но выразительный перечень основныхъ грѣховъ новѣйшаго направленія наукъ: философіи, политической экономіи, права, астрономіи. Особенно въ мрачныхъ краскахъ была представлена исторія новѣйшихъ школъ, которая всѣ сказанія Библіи до Моисея относитъ къ числу миѳовъ, образованіе человѣческихъ обществъ и учрежденіе царской власти приписываетъ свободному договору людей съ людьми, почитаетъ Индію за истинную колыбель догматовъ христіанства, видитъ въ реформаціи одно очищеніе вѣры отъ предразсудковъ и истинное возрожденіе ума... Если такой или тому подобный взглядъ болѣе или менѣе привлечетъ вниманіе по разнымъ от-

---

163) К. О. П. С. С. 1849, 42662.

раслямъ наукъ, хотя бы то и не на лекціяхъ, а при чтеніи иностранныхъ книгъ и ученыхъ журналовъ, но безъ тщательнаго со стороны наставниковъ предостереженія и опроверженія: то можно ли ожидать, чтобы слушатели сохранили въ сердцѣ своемъ теплоту вѣры въ догматы ученія Православной Церкви и не увлеклись современными идеями"...

Вслѣдъ за упоминаніемъ о холодномъ отношеніи къ обрядамъ вѣры, нерѣдко встрѣчающемся „среди преподавателей и даже начальствующихъ", докладъ приводитъ обширную историческую справку. Съ одной стороны, онъ съ отрадой вспоминаетъ о тѣхъ временахъ, когда „вѣра положительная служила основой образованія въ европейскихъ университетахъ", а съ другой—не безъ горечи—о томъ „ложномъ пути", на который еще при Шуваловѣ, „извѣстномъ любовію къ наукамъ", сталъ первый русскій и затѣмъ послѣдующіе университеты.

Высказавъ свое расположеніе къ конфессіональному характеру высшаго образованія, докладъ считаетъ нужнымъ оговориться: „Здѣсь можно ожидать возраженія: не будетъ ли преподаваніе наукъ подъ особеннымъ вліяніемъ вѣры дѣлать преграду успѣхамъ наукъ и просвѣщенія? Ни мало. Только тѣ успѣхи дѣйствительны, которые прочны, а для прочности нужно не безусловное усвоеніе всего чужаго (часто неосновательнаго и гибельнаго), но самостоятельное развитіе образованія, не при односторонней помощи ума, но и при свѣтѣ вѣрѣ, безъ коей первый, какъ холодный мыслительный механизмъ, безъ высшей направляющей силы, еще не можетъ доставить полнаго просвѣщенія, равно какъ и не можетъ удовлетворить потребностямъ души человѣческой. Впрочемъ, и чувство вѣры не будетъ прочно, если преподаваніе наукъ соединится лишь съ тою неопредѣленною общехристіанскою мыслію, которая, не признавая ни одного вѣроисповѣданія вполнѣ истиннымъ, есть не иное что, какъ индифферентизмъ.

Въ качествѣ нагляднаго примѣра, что руководство церкви не препятствуетъ успѣхамъ наукъ, и въ то же время обезпечиваетъ „преданность Престолу и повиновеніе властямъ, твердыхъ только тамъ, гдѣ они основаны на живомъ чувствѣ вѣры",—была привлечена Англія, въ которой-де ученіе совершается подъ исключительнымъ вліяніемъ англиканскаго исповѣданія, и отсюда выходятъ лучшіе защитники вѣры и существующаго законнаго порядка". Наконецъ, слѣдовалъ выводъ: „необходимо, чтобы и направленіе преподаванія прочихъ наукъ состояло подъ особеннымъ вліяніемъ положительнаго вѣроученія... — во внутреннихъ губерніяхъ—Православнаго".

На предложеніе Пратасова войти въ предварительное сношеніе съ министромъ народнаго просвѣщенія относительно выработки

соотвѣтствующихъ мѣропріятій послѣдовало высочайшее согласіе. [165]) И, дѣйствительно, на сколько позволялъ неуловимый духъ времени, министръ народнаго просвѣщенія Ширинскій-Шихматовъ, проникнутый тѣми же взглядами, оказывалъ свое содѣйствіе. На этой именно почвѣ возникъ инцидентъ съ лекціями Рулье по геологіи, дѣло о рукописи „Миѳологія“ и. т. д. [166])

Тѣмъ болѣе, конечно, силилась выполнять программу Пратасова администрація каждой изъ духовныхъ академій, какъ въ педагогической, такъ и въ цензурной области. Академическія начальства изощрялись въ дѣлѣ охраненія чистоты мысли студентовъ и боялись кормить ихъ твердой научной пищей. „Множество книгъ, пишетъ историкъ казанской академіи, считались для нихъ опасными. Исторія цивилизаціи Гизо считалась ужасной книжкой, а извѣстное сочиненіе Гиббона держали въ страшной тайнѣ; на свой счетъ студенты выписывали „Отеч. Записки“ и „Современникъ“, но читали по возможности скрытно отъ начальства... Изъ наставниковъ богословія до конца 1850-хъ годовъ ни одинъ не ознакомилъ слушателей ни съ исторіей, ни съ литературой своего предмета. Всякія отрицательныя, противорелигіозныя ученія, которыя всего болѣе содѣйствуютъ къ подъему научнаго интереса при изученіи и разработкѣ богословскихъ истинъ, обыкновенно замалчивались и заботливо отстранялись отъ студентовъ все въ тѣхъ же видахъ сохраненія студенческой невинности и невѣдѣнія добра и зла. Философія религіи Гегеля, тюбингенская школа, пресловутая книга доктора Штрауса, ученіе Фейербаха— все это для студентовъ богослововъ были одни только страшныя слова, залетавшія въ академію откуда-то со стороны, значеніе которыхъ опредѣлялось больше фантазіей да наслышкой и тоже главнымъ образомъ со стороны.

До какой степени простиралась тогда скудость средствъ къ пріобрѣтенію этого рода богословской эрудиціи, видно изъ того, что студенты съ любопытствомъ бросались въ своей библіотекѣ на всякіе пустяки, какъ-нибудь ускользнувшіе отъ бдительности начальственной цензуры, читали, какъ великую новость, какой-нибудь жиденькій отдѣлъ еврейской исторіи Роттека. Безъ общей связи со всѣмъ широкимъ міромъ богословской науки, богословствованіе ихъ должно было сдѣлаться своего рода кустарнымъ занятіемъ“ [167]).

И только лучшіе, передовые представители научно-богослов-

---

[165]) Всеподданнѣйшіе доклады, хранящіеся въ канц. об.-прок. св. син., 1850 г., 22 февраля, № 22.

[166]) Выписки изъ цензурныхъ дѣлъ, хранящіяся въ Спб. Публ. Б-кѣ, № 1, т. I, л. 36, 93—96. Ср. „Цензура въ царствованіе имп. Николая I“ Р. Стар., 1901 г., т. 116, стр. 687—88.

[167]) Исторія казанской духовной академіи... П. Знаменскаго, вып. III, (Казань, 1892), стр. 276—77.

скаго сознанія успѣли уйти отъ такого ригоризма. Они уже сами познакомились и своихъ учениковъ знакомили съ „пасквилями Хомякова“. Отъ него они унаслѣдовали философско-историческую точку зрѣнія при сужденіи о вѣроисповѣданіяхъ, ересяхъ и религіяхъ.

Инкогнито, но безусловно естественно, въ каждой почти академіи стали возникать „идеалистическіе кружки“ молодыхъ преподавателей. Здѣсь происходили „совмѣстныя чтенія разныхъ литературныхъ новинокъ и рѣдкостей и горячія бесѣды на острыя темы“. Въ Казани, судя по воспоминаніямъ Ильминскаго и Елисѣева, обсуждались преимущественно литературные и историческіе вопросы [168]). Въ Петербургѣ, какъ видно изъ данныхъ, находящихся въ автобіографіи арх. Никанора херсонскаго, между прочимъ, детально критиковали „систему“ Макарія [169]). Въ Москвѣ, тоже не безъ почвы же развились Гиляровъ, Бухаревъ, Хрисанфъ. Все это, конечно, можно бы было признать дѣломъ пока келейнымъ, „не нарушающимъ общественнаго спокойствія“, если бы время отъ времени результаты рѣчей въ кружкахъ не излагались въ студенческихъ аудиторіяхъ. Съ осторожностью рѣшались здѣсь сообщать и о „новой постановкѣ доказательствъ бытія Божія“, (іером. Никаноръ), и о иномъ—не традиціонномъ взглядѣ на расколъ (Гиляровъ-Платоновъ [170]).

А въ казанской академіи проф. Елисѣевъ, въ 1850 году, улучилъ моментъ для прочтенія нѣсколькихъ лекцій о такихъ щекотливыхъ предметахъ, какъ крѣпостное право, духовно-учебная реформа Пратасова и дѣло Павскаго. Приходилось лишь мудро пользоваться обстоятельствами, напр., отъѣздомъ грознаго ректора, незаписываніемъ лекцій [171]) и пр. Наболѣе характернымъ фактомъ изъ выработавшейся практики приспособленія, естественно связанной съ рабствомъ подъ закономъ, можетъ служить чтеніе лекціи либеральнымъ Н. Гиляровымъ-Платоновымъ въ присутствіи графа Пратасова.

„Пріѣхалъ въ академію, повѣствуетъ хроника арх. Саввы, оберъ-прокуроръ св. синода графъ Н. А. Протасовъ; приходитъ въ сопровожденіи ректора и еще кого-то въ нашъ богословскій классъ во время лекціи Гилярова. Гиляровъ, разумѣется, былъ предваренъ объ этомъ и принесъ съ собою въ классъ тетрадку, свое студенческое сочиненіе объ антихристѣ. По входѣ въ классъ почетнаго гостя, онъ началъ угощать его своею студенческою

---

168) Н. К. Михайловскій. Литературныя воспоминанія и современная смута, (Спб. 1905), т. I, стр. 445.

169) Изд. свящ. Петровскаго, т. I, стр. 269. (Одесса, 1900).

170) Письма м. Филарета къ высочайшимъ особамъ и друг. лицамъ, ч. II, стр. 28.

171) Исторія казанской духовной академіи... П. Знаменскаго, вып. II, стр. 110—11.

мудростью. Гость въ восхищеніи былъ отъ этой мудрости..., уходя изъ аудиторіи, благодарилъ лектора и сдѣлалъ о нашей академіи такой отзывъ: „Московская академія всегда доставляла намъ ревностныхъ защитниковъ православія. Желаю, чтобы и настоящее поколѣніе оправдало надежды правительства“. Но почтенный лекторъ, по уходѣ гостя, сошелъ съ каѳедры и, обратясь къ намъ—студентамъ, сказалъ: „забудьте, господа, что я сейчасъ читалъ вамъ“, и вслѣдъ затѣмъ началъ проповѣдывать намъ о томъ же предметѣ совсѣмъ противное“ [172]).

Не менѣе любопытна изложенная въ той же хроникѣ часть переписки двухъ студентовъ московской и кіевской академіи, отъ 1848 года, гдѣ, между прочимъ, хотя и съ оговорками, современному европейскому движенію усвоятся „истинно-человѣческій, христіанскій интересъ [173]).

Чтобы не распространяться здѣсь о томъ, какъ отражался апогей пратасовскаго православія въ области духовной цензуры, достаточно привести отзывъ цензора петербургскаго дух.-цензурнаго комитета арх. Іоанна (Соколова) относительно сочиненія прот. Вершинскаго „О таинствѣ евхаристіи“. „Нельзя не отдать, говорится въ началѣ отзыва, полной справедливости этому труду въ отношеніи къ его основательности, зрѣлости въ сужденіяхъ и обширной учености. Но..., заключалъ цензоръ, своимъ полемическимъ направленіемъ сочиненіе можетъ возбудить только излишне пытливые вопросы въ кругу православныхъ читателей, полемику со стороны неправославныхъ и, можетъ быть, не убѣждая послѣднихъ, по извѣстному ихъ упорству въ своихъ мнѣніяхъ, только предрасположитъ первыхъ (православныхъ) къ испытанію собственныхъ убѣжденій, не всегда безопасному и въ нѣдрахъ нашей Православной Церкви ненужному и неумѣстному“ [174]).

Такъ опредѣлялъ характеръ православія, на переломѣ минувшаго столѣтія, знаменитый православный канонистъ. Благодаря неусыпнымъ мѣрамъ, были привиты особыя точки зрѣнія, создалась особая логика. И въ основѣ ея лежалъ, безспорно, высочайше утвержденный въ 1842 году законъ оффиціальнаго мышленія, который во всякомъ, сколько-нибудь независимомъ, научно - богословскомъ стремленіи вскрывалъ „цѣль основать вѣру на разумномъ убѣжденіи, или, что то-же, поставить на ея мѣсто разумъ“ [175]).

---

[172]) Хроника моей жизни. Автобіографическія записки высокопреосвященнаго Саввы, арх. тверскаго и кашинскаго, т. I (Сергіевъ Посадъ, 1898), стр. 410.

[173]) Тамъ-же, стр. 362—365.

[174]) Спб. Д. Ц. К, 1851, 3.

[175]) Подлинныя слова приведеннаго уже выше всеподданнѣйшаго доклада по дѣлу Павскаго, отъ 7 марта 1842 года (канц. об.-прокур., № 39).

ГЛАВА V.

Св. синодъ какъ высшая духовно-цензурная инстанція въ періодъ дѣятельности академическихъ комитетовъ.

Объемъ власти св. синода какъ высшей дух.-цензурной инстанціи опредѣляется въ 76 параграфѣ устава духовной цензуры 1828 г. „Опредѣленія, или мнѣнія о книгахъ, назначаемыхъ для общественнаго употребленія и заключающихъ въ себѣ: а) вновь назначаемыя къ печатанію сочиненія, къ церковному служенію относящіяся; б) жизнеописанія святыхъ, въ первый разъ издаваемыя; в) сочиненія и переводы, содержащія изъясненія цѣлыхъ книгъ священнаго писанія; г) сочиненія и переводы, содержащіе изложеніе догматовъ православно-каѳолическія вѣры и правилъ христіанской дѣятельности; д) сочиненія и переводы, относящіеся къ церковному управленію,—комитетъ представляетъ святѣйшему синоду и не прежде пропускаетъ таковыя сочиненія и переводы къ напечатанію, какъ по разсмотрѣніи святѣйшаго синода". [1])

Затѣмъ, непосредственно слѣдующія статьи устава все остальное, не перечисленное въ изложенныхъ пунктахъ и не подходящее подъ нихъ (напр. „изъясненіе нѣкоторыхъ частей въ книгахъ св. писанія...; изложеніе церковной исторіи—цѣлое или по частямъ; изслѣдованіе вопросовъ филологическихъ, историческихъ, хронологическихъ, относящихся къ изъясненію св. писанія, истинъ вѣры, священной исторіи и христіанскихъ древностей, разныя поученія и слова, издаваемыя порознь и въ совокупности...) разрѣшаютъ цензурнымъ комитетамъ пропускать своею властью.

Средствомъ для ознакомленія центральнаго управленія съ выходящими „безъ вѣдома св. синода" книгами должны были, согласно уставу, служить годичные отчеты. Въ нихъ содержались свѣдѣнія: о наименованіи сочиненій, срокѣ ихъ поступленія въ комитетъ, о цензорѣ или цензорахъ, разсматривавшихъ ихъ, наконецъ, о томъ, „какія изъ нихъ пропущены или не пропущены къ напечатанію, и по какимъ причинамъ" (§ 79). Сверхъ того, синодъ оставлялъ за собою право и обязанность

---

[1]) П. С. З., т. III. 1828 г., 1981.

быть апелляціонной инстанціей для авторовъ, переводчиковъ и издателей, въ случаѣ ихъ недовольства опредѣленіемъ комитета. Ихъ жалобы сначала разсматривались въ конференціи академіи и уже съ ея мнѣніемъ представлялись синоду (или коммиссіи духовныхъ училищъ—для книгъ учебныхъ. (§ 89).

Классификація устава не могла, однако, избѣжать существенныхъ поправокъ. Позднѣйшими разъясненіями были въ значительной мѣрѣ стерты грани параграфовъ. Въ зависимости отъ момента отдѣльныя группы сочиненій оказывались на положеніи чрезвычайной охраны, и высшая церковная власть произносила тогда свой судъ не только о „цѣломъ“, но и о „частяхъ“—даже объ отдѣльныхъ словахъ и выраженіяхъ. Затѣмъ, конечно, въ зависимости отъ лицъ мѣнялось и содержаніе отзывовъ. При этомъ, на наглядныхъ примѣрахъ выяснялись съ разныхъ сторонъ и послѣдствія такого сосредоточенія цензурнаго надзора.

Въ виду сказаннаго, для большей отчетливости, небезполезно разбить матерьялъ, относящійся къ дѣятельности синода, какъ высшаго духовно-цензурнаго учрежденія, на группы. Руководящей нитью при этомъ распредѣленіи можетъ служить прежде всего сходство въ содержаніи и судьбѣ сочиненій, а, затѣмъ,—личные взгляды болѣе выдающихся дѣятелей синода, какъ цензоровъ. Въ первомъ случаѣ можно воспользоваться тою группировкою церковныхъ сочиненій, которая дана въ приведенномъ выше семьдесятъ шестомъ параграфѣ.

Изъ сочиненій, подлежащихъ синодальному разсмотрѣнію, въ уставѣ прежде всего названы „вновь назначаемыя къ печатанію сочиненія, къ церковному служенію относящіяся“. Они, конечно, требовали усиленнаго вниманія со стороны высшей церковной власти, какъ въ виду своего, по преимуществу церковнаго, характера, такъ и по тѣмъ причинамъ, о которыхъ выразительно говоритъ духовный регламентъ. Именно онъ въ числѣ важнѣйшихъ дѣлъ коллегіума поставилъ „розыскъ вновь сложенныхъ и слагаемыхъ акафистовъ и иныхъ службъ и молебновъ.... суть ли оная сложенія писанію священному согласная? и не имѣютъ ли нѣчто въ себѣ слову Божію противное, или хотя нѣчто непристойное и празднословное?.. дабы по времени не вошли въ законъ и совѣсти бы человѣческой не отягощали“. [2])

Какъ ни авторитетно, однако, изложено это предписаніе, ему и спустя сто лѣтъ нелегко было бороться съ богослужебными произведеніями, которыя рождала благочестивая или неблагочестивая тайна и заботливо берегла традиція, хотя бы съ

---

[2]). П. С. Зак., т. VI, 5718, ч. II, I. I.

„отягощеніемъ совѣсти человѣческой". Въ этомъ отношеніи поучительныя данныя представляетъ дѣло о напечатаніи тропаря иконѣ Божіей Матери Троеручицы. „Оказался въ Москвѣ безъ духовной цензуры напечатанный необыкновеннаго содержанія тропарь иконѣ Троеручицы",—доносилъ въ 1831 году синоду м. Филаретъ. На найденномъ экземплярѣ тропаря была помѣтка, что онъ изданъ монахомъ бѣлобережской пустыни Моисеемъ съ братіей и заимствованъ изъ ежегодно отправляемой въ той обители службы. Слѣдствіе дѣйствительно открыло въ названномъ монастырѣ нѣсколько сотъ экземпляровъ тропаря и молитвъ, вмѣстѣ съ „мѣдными досками для тисненія". Настоятель обители пояснилъ, что изданіе тропаря въ Москвѣ Моисеемъ произошло „по недоумѣнію". Зато онъ не могъ отрицать, что тропарь дѣйствительно взятъ изъ службы, ежегодно отправляемой 12 іюля по „рукописной книжицѣ", а „кѣмъ и гдѣ оная сочинена или съ печатной списана,—неизвѣстно".

При разсмотрѣніи службы однимъ изъ синодальныхъ членовъ, было во многихъ мѣстахъ найдено „странное и погрѣшительное въ отношеніи догмата св. Троицы выраженіе",—т. е. „что Троеручная икона Божіей Матери есть явленіе во образъ и славу Тріипостаснаго Божества."—Употребленіе службы было воспрещено; „рукописная книжица" была сдана въ архивъ. [3])

О такомъ же частномъ употребленіи пѣснопѣній „неизвѣстнаго происхожденія" свидѣтельствуетъ и прошеніе послушника тотемскаго монастыря о напечатаніи акаѳиста преподобному Ѳеодосію. Изъ прошенія видно, что въ монастырѣ, со времени открытія мощей, существовалъ ненапечатанный акаѳистъ неизвѣстнаго сочинителя. Подлинникъ былъ затерянъ; для богомольцевъ изготовлялись копіи,—до ста и болѣе экземпляровъ ежегодно,—конечно, со многими описками. [4])

Появлявшіяся въ данную эпоху новыя церковныя службы вообще не причиняли особенныхъ заботъ цензурному надзору. Составлялись онѣ обыкновенно по готовымъ шаблонамъ. Прославленіе конкретнаго событія или лица не оставляло въ большинствѣ случаевъ мѣста для какихъ-либо догматико-богословскихъ откровеній. Естественно, что и цензурные комитеты подходили къ ихъ разсмотрѣнію съ весьма умѣренными требованіями, и блѣдный тонъ ихъ донесеній синоду вполнѣ соотвѣтствовалъ блѣдному содержанію богослужебныхъ произведеній. „Въ службѣ св. Иннокентію Иркутскому чудотворцу, рапортовалъ, напр., синоду петербургскій д.-цензурный комитетъ, ничего противнаго православію не оказалось, и написана она слогомъ

---

[3]) А. С. С. 1831, 78.
[4]) А. С. С. 1835, 1376.

яснымъ и приличнымъ для богослуженія". [5]),,Служба на преставленіе преп. Саввы, Крыпецкаго чудотворца, напечатана быть можетъ, поелику не содержитъ ничего, противнаго правиламъ, даннымъ въ руководство цензурнымъ комитетамъ. [6]) ,,Служба на пренесеніе мощей преп. Зосимы и Савватія... написана слогомъ славянскимъ, ясно и благоприлично для употребленія при богослуженіи и ничего не заключаетъ противнаго св. церкви". [7]) „Къ напечатанію акаѳиста и молебна великомученнику Георгію.. нѣтъ никакихъ препятствій". [8])

Въ результатѣ, хотя въ синодѣ отзывы общихъ собраній цензурныхъ комитетовъ подвергались новой—частной и коллегіальной — провѣркѣ, но заключенія всѣхъ инстанцій чаще всего совпадали. И лишь тѣ произведенія литургическаго характера, которыя или по обстоятельствамъ момента или по замыслу составителей обращали на себя особенное вниманіе, имѣли и болѣе сложную исторію до выхода въ свѣтъ. Прославленіе въ 1832 г. святителя Митрофана воронежскаго дало поводъ къ появленію значительнаго числа посвященныхъ ему пѣснопѣній и акаѳистовъ, также композицій въ житійномъ стилѣ. [9]) Здѣсь даже имѣло мѣсто своего рода авторское соревнованіе. Такъ одинъ неудачникъ—авторъ акаѳиста—купецъ Масленниковъ, съ цѣлью заручиться содѣйствіемъ Бенкендорфа, обѣщалъ, въ случаѣ принятія его акаѳиста въ церковное употребленіе, пожертвовать тысячу экземпляровъ въ пользу дѣтской лечебницы. Заискивая затѣмъ у Пратасова, онъ опять сулилъ тысячу экземпляровъ въ даръ воронежскому страннопріимному дому. Не добившись здѣсь успѣха, Масленниковъ представляетъ цѣлую службу при прошеніи уже на высочайшее имя, гдѣ, между прочимъ, заявляетъ: „такъ какъ долговременное неразрѣшеніе предмета, близкаго сердцу христіанина, меня безпокоитъ тѣмъ, что могутъ и другія особы, имѣя поводъ отъ моего начала, сочинить гораздо витійственнѣе и пожелаютъ, для славы своего имени, мой трудъ уничтожить, то я, во избѣжаніе сего и въ доказательство безкорыстнаго усердія, желаю, если осчастливленъ буду благословеніемъ св. синода, напечатать представленные акаѳистъ и службу безъ означенія имени, ибо всякое тщеславіе чуждо моему намѣренію, тѣмъ болѣе, что составленіе акаѳиста произошло нечаянно во дни св. пасхи 1839 г., при уединенномъ раз-

[5]) СПБ. Д. Ц. К. 1830, 49. Составлена она была «однимъ изъ духовныхъ лицъ, пожелавшимъ скрыть свое имя отъ человѣкъ," и прислана на имя м. Серафима при рекомендательномъ письмѣ иркутскаго епископа.

[6]) Тамъ же, 1820, 5.

[7]) Тамъ-же, 1825,4.

[8]) А. С. С., 1837. 1478.

[9]) Алексѣй Поповъ. Православные русскіе акаѳисты. Казань, 1903 г., стр. 147—8.

мышленіи о чудесахъ и святой жизни святителя, коего предстательство предъ Господомъ дало мнѣ, человѣку ничтожнаго званія и неучившемуся наукамъ, мысль и ревность на сіе предпріятіе“... [10])

Этотъ отрывокъ „объяснительной записки“ хорошо обрисовываетъ типъ доморощенныхъ преемниковъ древнихъ церковныхъ пѣснотворцевъ, характеръ ихъ вдохновенія и искательства. [11]) Ихъ было не мало, и у архіепископа воронежскаго Антонія, куда отосланъ былъ изъ синода акаѳистъ Масленикова, собралось нѣсколько „подобныхъ тому“ произведеній. Впрочемъ, настойчивость ихъ составителей, повидимому, не прошла безслѣдно: она служила напоминаніемъ для церковной власти. Вѣдь даже лица, близкія къ синодальнымъ дѣятелямъ, объясняли проволочку въ этомъ дѣлѣ составленія службы просто „невниманіемъ“ синода. Это именно предположеніе счелъ нужнымъ оспаривать въ письмѣ къ намѣстнику Антонію м. Филаретъ: „Не отъ невниманія происходитъ то, что не составлено особой службы святителю Митрофану, а отъ того, что желали собрать болѣе свѣдѣній о его житіи, потому что если написать службу въ общихъ только выраженіяхъ, то это будетъ та же общая минея. Мнѣ иногда приходила мысль заняться симъ, но нѣтъ досуга и нѣтъ указанія. Надобно посмотрѣть, кого и когда изберетъ святитель“. [12])

„Указаніе“ пало на м. кіевскаго; въ качествѣ пособія были ему переданы опыты частныхъ лицъ. Служба, такимъ образомъ, была составлена однимъ изъ синодальныхъ членовъ, безспорно благочестивымъ, при содѣйствіи благочестиваго же ректора кіевской академіи Іереміи. [13]) Особыхъ возраженій она не встрѣтила.[14])

Въ сороковые годы особенное вниманіе со стороны церковной власти обратили на себя предпринятые архіепископомъ Иннокентіемъ опыты переработки и изданія уніатскихъ акаѳистовъ. Авторъ живыхъ очерковъ о событіяхъ „страстной и свѣтлой седмицъ“, Иннокентій не могъ не отдать должнаго своеобразному задушевному характеру западнорусскихъ акаѳистовъ: „Божественнымъ страстямъ“, „Живоносному Гробу“, „Воскресенію

[10]) А. С. С., 1839, 677.

[11]) Ср. А. С. С., 1830, 54, о службѣ Всеволоду псковскому, гдѣ, между прочимъ, содержались „прошенія къ угоднику, приличныя единому Господу“. Также: СПБ. Д. Ц. К., 1840, 13 Служба святителю Ѳеоктисту новгородскому.

[12] Письма ч. I, стр. 290, отъ 19 дек. 1838. г., ср. стр. 317.

[13]) Іереміи, писалъ м. Филаретъ кіевскій Иннокентію, поручаю заняться дѣломъ по сердцу его благочестивому, составленіемъ службы съ акаѳистами св. Митрофану. Надѣюсь, что не откажется. Стыдно намъ, что доселѣ никто не сочинитъ, да и житіе сочинено человѣкомъ не изъ духовнаго званія, хотя истинно духовнымъ. „Матеріалы для біографіи Иннокентія.. Н. Барсовъ. Вып. I. Письма Филарета м. кіевскаго.. къ Иннокентію“, стр. 14.

[14]) А. С. С. 1839, 773.

Христову", „Пресвятой и Животворящей Троицѣ" и др. Въ свою очередь, эти акаѳисты, въ переработкѣ Иннокентія, становились гораздо содержательнѣе. [15])

Но при изданіи этихъ акаѳистовъ, сверхъ частныхъ замѣчаній м. м. Филарета [16]) на отдѣльныя мѣста, встрѣтились еще препятствія принципіальнаго характера... Еще раньше синодъ согласился съ представленіемъ м. кіевскаго Евгенія Болховитинова о непечатаніи болѣе этихъ акаѳистовъ, „потому что народъ, безъ дальняго разсужденія, привлекаясь новымъ и необыкновеннымъ, прилѣпляется къ употребленію сихъ акаѳистовъ съ охлажденіемъ къ древле-церковному общему чину богослуженія". Сверхъ того, незадолго до поступленія акаѳистовъ Иннокентія въ синодъ, послѣдній отрицательно отнесся къ греческому „акаѳисту гробу Господню". [17])

Вслѣдствіе такихъ прецедентовъ, лишь нѣкоторые изъ представленныхъ Иннокентіемъ акаѳистовъ дозволено было напечатать. На судьбу другихъ повліяло соображеніе, высказанное по этому поводу м. Филаретомъ въ письмѣ къ Иннокентію: „Съ достоинствомъ св. синода, безъ сомнѣнія, сообразно то, чтобы объ одномъ и томъ же предметѣ рѣшенію, данному вчера, не произносить противнаго нынѣ и съ достоинствомъ вашимъ сообразно то, чтобы чтить достоинство св. синода и охранять непреложность его церковныхъ рѣшеній" [18]).

Но, какъ и слѣдовало ожидать, въ царствованіе Николая I даже литургическіе опыты, какъ и все, не были свободны отъ соображеній и тенденцій не всегда согласныхъ съ „достоинствомъ св. синода". Даже составленіе службъ синодальными членами не обезпечивало еще собственно церковнаго происхожденія „молебныхъ и благодарственныхъ пѣній". Что религіозно-политическій характеръ тѣхъ событій, по поводу которыхъ составлялись новыя службы, отражался на этихъ службахъ, въ этомъ, конечно, нѣтъ ничего удивительнаго. Зато было существенное различіе въ степени соотвѣтствія «молебныхъ послѣдованій» подлинному настроенію сознательно вѣрующихъ. Въ этомъ, напримѣръ, отношеніи „благодарственное молебствіе въ воспоминаніе избавленія церкви и державы россійскія отъ нашествія Галловъ и съ ними двадесяти языкъ" отвѣчало тогдашней побѣдно-покаянной атмосферѣ со всѣмъ своимъ витійствомъ и преувеличеніями. [19]) Зато слишкомъ мало почвы имѣло подъ собою благодарственое пѣніе

[15]) А. Поповъ. Православные русскіе акаѳисты, стр. 175.

[16]) Матеріалы для біографіи Иннокентія Борисова. арх. херсон..., вып. I. Отношенія къ Иннокентію м. м. Филарета, стр. 57.

[17]) Тамъ-же стр., 57—58.

[18]) А. С. С., 1846 г., 1849; К. О. П. С. С., 1846, 37417; Матеріалы для біографіи... Иннокентія, стр. 58.

[19]) А. С. С. 1816, 423 и 434.

въ воспоминаніе 14 декабря. Оно было составлено въ тѣ дни, когда судъ надъ декабристами завершился, и являлось въ сущности однимъ изъ тогдашнихъ манифестовъ.

Четырнадцатаго іюля 1826 г. м. Серафимъ доносилъ св. синоду: „Сего числа д. т. с. кн. Голицынъ сообщилъ мнѣ его императорскаго величества волю, чтобы составленное мною и высочайше аппробованное благодарственное... пѣніе Господу Богу, даровавшему побѣду на ниспроверженіе въ 14 день декабря крамолы, угрожавшей бѣдствіями всему россійскому государству, было отпечатано и разослано немедленно по всему россійскому государству для торжественнаго отправленія". Нѣтъ сомнѣнія, что высочайшая аппробація составляла въ данномъ случаѣ все, равно какъ и содержавшіяся въ эктеніяхъ благодаренія за „спасеніе отъ неистовствующей крамолы, злоумышлявшей на ниспроверженіе вѣры православныя и престола и на разореніе всего царства россійскаго",—были выраженіемъ не одного вдохновенія митрополита, хотя-бы и очевидца событій на сенатской площади. [20])

„Еще 6 іюня имп. Николай сообщилъ цесаревичу, что послѣ казни состоится „искупительное богослуженіе за упокоеніе душъ тѣхъ, которые погибли въ день 14 декабря, и молебствіе, чтобы возблагодарить Провидѣніе за то, что оно предохранило насъ ото всѣхъ несчастій, которыя готовились разразиться надъ нашимъ дорогимъ отечествомъ." [21])

Благодаря такому своему происхожденію, этотъ „священно-торжественный актъ, завершившій кару тайныхъ обществъ", далеко не явился объективнымъ отраженіемъ всѣхъ душевныхъ струнъ, затронутыхъ процессомъ декабристовъ. Здѣсь достаточно вспомнить, что протоіерей Мысловскій, свидѣтель послѣднихъ минутъ М.-Апостола, Пестеля, Б.-Рюмина, Рылѣева и Каховскаго, не принималъ участія въ очистительномъ молебствіи, отслуженномъ митрополитомъ со всѣмъ духовенствомъ. Онъ отпустилъ образъ Казанской Божіей Матери съ другимъ священникомъ, а самъ въ это время въ черномъ облаченіи отслужилъ въ Казанскомъ соборѣ панихиду; случайные богомольцы услышали произнесенныя Мысловскимъ имена: Сергѣя, Павла, Михаила, Кондратія, Петра. [22])

Нѣсколько аналогичное происхожденіе имѣлъ и молебенъ объ избавленіи отъ холеры (1830—1 гг.). Архіепископомъ Фила-

---

[20]) А. С. С. 1826, 468 и 940 Молебствіе было отпечатано въ количествѣ тридцати тысячъ экземпляровъ.

[21]) Императоръ Николай Первый его жизнь и царствованіе. Н. К. Шильдера, т. I. (Спб. 1903), стр. 456.

[22]) Тамъ-же. О несоотвѣтствіи благодарственнаго молебствія психологическому настроенію вѣрующихъ людей говоритъ и слѣдующая страница (192-я, 2 изд.) перваго тома «воспоминаній» Т. П. Пассекъ:

ретомъ (Амфитеатровымъ) онъ былъ составленъ на основаніи старыхъ западно-русскихъ и московскихъ служебниковъ. Синодъ, признавъ нужнымъ напечатать его, постановилъ испросить на это высочайшее разрѣшеніе. Послѣднее было формулировано такимъ образомъ: „согласенъ, но съ тѣмъ, чтобы дѣлать въ однѣхъ угрожаемыхъ губерніяхъ, въ прочихъ же пѣть по желанію приходящихъ, но не публичнымъ или торжественнымъ образомъ, дабы не тревожить преждевременно народъ“. За утвержденіемъ этого молебнаго пѣнія было сдано въ архивъ представленное нѣсколькими днями позже новое послѣдованіе м. м. Филарета. Синодомъ, впрочемъ, была выражена благодарность составителю за его труды. [23])

Вслѣдъ за верховной властью считали долгомъ напомнить о своей опекѣ надъ богослужебными произведеніями и ея особо довѣренные органы. Такъ въ 1849 году секретный цензурный комитетъ, не видя на отпечатанныхъ въ московской синодальной типографіи богослужебныхъ книгахъ: „Служба св. Иннокентію иркутскому“ и „Молитвы при Божественной литургіи“ разрѣшительной „подписи просматривавшихъ ихъ цензоровъ“, обратился въ духовное вѣдомство съ запросомъ о причинахъ такого отступленія отъ цензурныхъ правилъ. Синодъ поручилъ Прата-

---

„Мы, пишетъ она, то и дѣло слышали разсказы о бывшемъ возмущеніи. Говорили съ предосторожностями, боялись сознаться въ близкихъ отношеніяхъ къ осужденнымъ. Однѣ женщины не отрекались отъ несчастныхъ и явились во всемъ величіи своего любящаго, великодушнаго характера. Матери проникали въ крѣпость, у престола молили о помилованіи сыновей. Жены, невѣсты бросали богатства, блестящее положеніе, дѣтей, чтобы ѣхать за приговоренными къ каторжной работѣ; ихъ не пугала ни Сибирь, ни даль, ни притѣсненія.

Всеобщій страхъ отзывался и въ насъ. Хотя смутно, но и мы стали понимать, въ чемъ дѣло. Всѣ ожидали, что по случаю коронаціи судьба осужденныхъ будетъ облегчена..; даже Иванъ Алексѣевичъ, (отецъ Герцена.А.К.) не вѣрилъ, чтобы смертный приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе, и говорилъ, что это дѣлается только для того, чтобы поразить умы.

13 іюля казнь была совершена. Когда увидали это въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», то едва вѣрили глазамъ своимъ.

Послѣ обнародованія казни былъ благодарственный молебенъ. Молебенъ совершалъ Филаретъ посреди Кремля. На немъ присутствовала вся знать. Кругомъ, на огромномъ пространствѣ, густая масса гвардіи молилась колѣнопреклоненная; съ высоты Кремля гремѣли пушки, мы присутствовали на этомъ молебствіи, затерянные въ толпѣ».

[23]) А. С. С., 1830,548.

Въ какихъ неожиданныхъ формахъ могло сказываться вліяніе «государственныхъ соображеній», показываютъ слѣдующія строки изъ отзыва м. Филарета о «службѣ на память св. праведнаго Филарета милостиваго» (переведенной съ греческаго): «какъ праведный Филаретъ принадлежитъ къ числу особенно извѣстныхъ святыхъ по его житію и потому, что имя его носилъ благочестивый родоначальникъ благочестивѣйшаго Государя Императора, то ради чтущихъ память его и напечатать означенную службу, по моему мнѣнію, разрѣшить можно». Собраніе мн. и отз., т. дополнительный (Спб. 1887), стр. 326—8.

сову „отвѣтствовать, что богослужебныя книги, печатаемыя въ типографіяхъ св. синода, не подлежатъ разсмотрѣнію цензурныхъ комитетовъ, какъ издаваемыя собственно отъ церкви и на отвѣтственности синода, и что по сей причинѣ и не выставляется на нихъ одобреніе цензуры“ [22]).

Расцвѣтъ союза церкви и государства нашелъ и спеціальныхъ пѣснотворцевъ. Священникъ орловской епархіи П. Разумовскій пришелъ къ мысли составить „Божественную службу на высокоторжественные дни“. Объ этомъ, по его словамъ, помышлялъ онъ уже съ 1803 года,—что, кстати сказать, весьма вѣроятно. Въ царствованіе Павла появилось нѣсколько упражненій въ томъ же родѣ, но они размѣромъ не превышали стихиръ [23]).

О характерѣ табельныхъ пѣснопѣній Разумовскаго можно судить по слѣдующей стихирѣ (на шестой гласъ): „Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ россійскомъ царствѣ благоволеніе; якоже бо отъ корене богоизбраннаго пророка царя Давида, и отъ плоти пречистыя Дѣвы Маріи, возсіялъ намъ Христосъ Избавитель міра: сице отъ корене равноапостольнаго князя Владиміра и отъ плоти благородныя фамиліи и христіаннѣйшія, и отъ священныя крови царскія возсіялъ намъ Императоръ нашъ Николай Павловичъ, истинный образъ Іисуса Христа, вѣнценосный и мѵропомазанный, монархъ церкви и царства россійскаго, наслѣдникъ царствія Божія, намѣстникъ престола Христова и временный Спаситель отечества. Слава въ вышнихъ Богу и въ воинствующей церкви миръ, въ россійскомъ царствѣ благоволеніе“.

Въ приложенномъ къ рукописи прошеніи авторъ, „пораженный болѣзнями и ранами“, ходатайствовалъ объ „увольненіи за неисцѣльною болѣзнью на покой или во градъ, къ безприходной кладбищенской церкви, для леченія и богослуженія“. Это дало поводъ синоду „оставить такую неформенную просьбу безъ

---

[22]) К. О. П. С. С. 1849, 42661. Въ итогѣ, далеко не является какимъ-либо анекдотомъ передаваемый въ «Воспоминаніяхъ гр. А. Д. Блудовой» разговоръ гр. Д. Блудова съ предсѣдателемъ секретнаго цензурнаго комитета Д. П. Бутурлинымъ. Послѣдній «хотѣлъ, чтобы вырѣзали нѣсколько стиховъ изъ акаѳиста Покрову Божіей Матери, находя, что они революціонны. Батюшка сказалъ ему, что онъ такимъ образомъ осуждаетъ своего ангела св. Димитрія ростовскаго, который сочинилъ этотъ акаѳистъ и никогда не считался революціонеромъ; преосвященный же Иннокентій только поновилъ въ этомъ акаѳистѣ, такъ сказать, слогъ устарѣвшій.—«Кто бы ни сочинилъ, тутъ есть опасныя выраженія», отвѣчалъ Бутурлинъ. Вотъ они, по его мнѣнію, опасныя мѣста: «Радуйся, незримое укрощеніе владыкъ жестокихъ и звѣронравныхъ... Совѣтъ неправедныхъ князей разори; зачинающихъ рати погуби» и пр. и пр.—Вы и въ Евангеліи встрѣтите выраженія, осуждающія злыхъ правителей», сказалъ мой отецъ.—«Такъ чтожъ? возразилъ Дмитрій Петровичъ, переходя въ шуточный тонъ: еслибъ Евангеліе не было такая извѣстная книга, конечно, надобно бъ было цензурѣ исправить ее». Р. Арх. 1874, тетр. 1, 726—7.

[23]) А. С. С., 1803, 131.

дѣйствія, а рукопись какъ ненужную сдать въ архивъ". Однако, изъ того, что рукопись очутилась не только въ архивѣ, но и въ числѣ дѣлъ „секретныхъ", можно предполагать о существованіи въ свое время и другихъ мотивовъ, въ видѣ, можетъ быть, смущенія непослѣдовательныхъ предъ логикою болѣе прямолинейныхъ... [24])

Что касается нотныхъ произведеній на религіозныя темы, то поскольку они являлись „вновь назначаемыми къ печатанію" и претендующими на церковное употребленіе,—они должны были подлежать синодальной цензурѣ. Тѣмъ не менѣе, надзоръ за нотными сочиненіями церковная власть не могла осуществлять сама собою: она принуждена была раздѣлять его со спеціалистами. Въ роли ихъ являлись тогда директора придворной пѣвческой капеллы. Не подчиненные непосредственно органамъ вѣдомства православнаго исповѣданія, создавшіе собственный придворный обиходъ, директора капеллы небезразлично относились къ своему привилегированному положенію. Въ частности, имъ вовсе не трудно было заручиться въ нужныхъ случаяхъ одобреніемъ верховной власти и такимъ путемъ превращать свои предположенія относительно постановки и развитія церковнаго пѣнія въ высочайшія предначертанія. Поэтому, совершенно не задаваясь цѣлью дать какую-либо характеристику церковно-музыкальныхъ взглядовъ директоровъ капеллы и ихъ цензорскихъ полномочій, неизлишне, однако, эпизодически отмѣтить наиболѣе выразительные моменты взаимоотношеній церковной власти и придворныхъ директоровъ-композиторовъ.

Въ 1816 году, безъ всякихъ предисловій, состоялось объявленіе синоду оберъ-прокуроромъ Голицынымъ высочайшей воли. „Государь императоръ, извѣстясь, что во многихъ церквахъ поютъ по нотамъ не соотвѣтственно тому роду пѣнія, какое можетъ быть принято въ церквахъ, высочайше повелѣлъ, дабы впредь не вводить въ употребленіе тетрадей рукописныхъ, кои отнынѣ строжайше запрещаются, но все, что ни поется въ церквахъ по нотамъ, должно быть печатное и состоять или изъ собственныхъ сочиненій директора придворнаго пѣвческаго хора д. с. с. Бортнянскаго, или и другихъ извѣстныхъ сочинителей, но сихъ послѣднихъ сочиненія непремѣнно должны быть печатаемы съ одобренія г. Бортнянскаго. Его императорское величество изъявилъ притомъ волю свою, чтобы на преосвященныхъ епархіальныхъ архіереевъ возложено было строгое и неослабное смотрѣніе, чтобы кромѣ печатныхъ нотъ отнюдь не были въ церквахъ ихъ вѣдомства вводимы тетради рукописныя". По министерству полиціи было предложено издать циркуляръ о непечатаніи въ типогра-

---

[24]) Секретн. дѣло А. С. С., 1837 г., № 304.

фіяхъ нотныхъ церковныхъ рукописей безъ одобренія директора пѣвческаго хора [25]).

Этимъ объявленіемъ очень прочно устанавливался безусловный авторитетъ въ области церковно-музыкальнаго надзора „д. с. с. Бортнянскаго". При немъ для собственно церковнаго сужденія, повидимому, не оставалось и мѣста. Но этотъ авторитетъ Бортнянскаго не могъ въ полной мѣрѣ перейти на его преемниковъ. Они должны были собственными усиліями опредѣлять свое положеніе.

Въ 1826 году директоръ капеллы Львовъ самостоятельно испрашивалъ высочайшее разрѣшеніе священнику маріинской больницы П. Турчанинову заниматься переложеніемъ на четыре голоса священныхъ пѣсней. Согласіе было дано, „но съ тѣмъ, однако, чтобы оныя не были издаваемы безъ утвержденія св. синода и высочайшаго разрѣшенія". Хотя вскорѣ, по распоряженію министра императорскаго двора, „мѣра сія вообще была пріостановлена на нѣкоторое время", но Турчаниновъ продолжалъ заниматься композиторскими трудами. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ представилъ въ комиссію духовныхъ училищъ нѣкоторыя духовныя пѣсни. Онѣ были одобрены ею, но при этомъ возникъ вопросъ общаго характера: имѣетъ ли Турчаниновъ право издавать частнымъ образомъ свои произведенія? Вопросъ былъ разрѣшенъ государемъ въ томъ смыслѣ, чтобы эти сочиненія издала придворная капелла, съ такимъ ограниченіемъ: „не употреблять оныхъ въ полковыхъ церквахъ, но пѣть въ нихъ по книгамъ Бортнянскаго". Синодальное опредѣленіе о трудахъ Турчанинова всецѣло основано было на одобрительномъ отзывѣ арх. рязанскаго Григорія [26]).

Та же двойственность надзора за нотными произведеніями продолжалась и далѣе. Когда было возможно, церковная власть пользовалась услугами собственныхъ экспертовъ, напримѣръ, завѣдующихъ хоромъ петербургскаго митрополита, „какъ опытныхъ въ нотномъ церковномъ пѣніи и вообще въ музыкѣ"[27]). Но въ половинѣ сороковыхъ годовъ Львовъ,—теперь уже генералъ-майоръ и сочинитель народнаго гимна,—предпринялъ довольно рѣшительные шаги къ возстановленію прежняго авторитета директора капеллы въ области церковнаго пѣнія. Тогдашнія хлопоты о православномъ церковномъ пѣніи создавали, повидимому, удобную почву для осуществленія его плана.

Второго сентября 1846 года синоду было объявлено высочайшее повелѣніе: нигдѣ въ православныхъ церквахъ не вводить

---

[25]) А. С. С. 1816, 43.

[26]) А. С. С., 1831, 149.

[27]) К. Д. У., 1837, 10091. (О рукописи херсонскаго протоіерея Соколова „Руководство къ пѣнію нотныхъ церковныхъ книгъ").

новыхъ духовно-музыкальныхъ произведеній безъ предварительнаго одобренія ихъ директоромъ придворной капеллы; одобренныя же имъ употреблять не иначе, какъ въ печатныхъ экземплярахъ и притомъ съ разрѣшенія св. синода. Введенные съ давнихъ временъ въ нѣкоторыхъ церквахъ, монастыряхъ и епархіяхъ древніе напѣвы оставить вездѣ безъ измѣненія, перечисливъ ихъ въ особомъ спискѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ директору капеллы г.-м. Львову было поручено незаписанные древніе напѣвы положить на ноты, не уничтожая мѣстныхъ оттѣнковъ...

Львовъ, приступивъ къ исполненію высочайшаго повелѣнія, „чтобы имѣть возможность обозрѣть все наше церковное пѣніе, привесть оное въ извѣстность" и о каждомъ нотномъ произведеніи дать отзывъ для представленія св. синоду, возбудилъ ходатайство объ истребованіи отовсюду оригиналовъ, переводовъ или партитурныхъ копій употребляемыхъ по епархіямъ напѣвовъ. Синодомъ былъ разосланъ соотвѣтствующій циркуляръ.

Предпринятое свыше „обозрѣніе" церковнаго пѣнія легко могло напоминать недавніе повсемѣстные розыски „противозаконныхъ литографированныхъ переводовъ". Какъ тогда, епархіальными начальствами были предприняты тщательные поиски въ епархіальныхъ архіерейскихъ ризницахъ и сельскихъ церквахъ. Найденныя книги „съ мелкими штуками и концертами", „партесныя пѣвческія ноты" и т. п. стали стекаться въ центральное управленіе. При этомъ вполнѣ естественно вводились въ рапортъ и увѣренія, что пѣніе вообще совершается по изданнымъ отъ святѣйшаго синода обиходу и октоиху церковнаго пѣнія и ирмологіямъ разныхъ распѣвовъ, также по переложеніямъ Воротникова, Бортнянскаго, Турчанинова; другихъ же напѣвовъ никакихъ—ни въ оригиналахъ, ни въ переложеніяхъ и рукописныхъ спискахъ—не имѣется. Самые ревностные епископы, вродѣ полтавскаго и вятскаго, сочли небезполезнымъ препроводить въ Петербургъ даже изданные синодомъ обиходы и ирмологіи, а также общеизвѣстныя изданія придворной капеллы.

Вся доставленная изъ епархій „масса нотъ", какъ древнихъ, такъ и новыхъ напѣвовъ, „представила, по словамъ Львова, огорчительнѣйшее положеніе, въ которомъ находится церковная музыка наша внутри государства". Онъ „убѣдился въ томъ, что необходимо принять дѣятельныя мѣры къ установленію должнаго порядка и прекращенію произвола". Однимъ изъ средствъ къ тому должна была служить предпринятая имъ гармонизація церковныхъ напѣвовъ. „По уравненіи церковнаго пѣнія въ С.-Петербургѣ, доказывалъ Львовъ, оно уровняется и въ Москвѣ, а потомъ во всей Россіи, за исключеніемъ мѣстъ и церквей, имѣющихъ съ весьма давняго времени собственные свои напѣвы, которые также должны тщательно разсмотрѣть... Даже кіевскіе

напѣвы, преисполненные красотами, необходимо положить въ гармонію въ предотвращеніе разныхъ выдумокъ невѣжества". „Уравненію пѣнія" по Россіи весьма много, по мысли Львова, должна была помогать подготовка имъ регентовъ для епархій [28]).

Почувствовавъ подъ собою почву, Львовъ пошелъ далѣе. Онъ призналъ „весьма полезнымъ переименовать хоръ синодальный, бывшій патріаршій, въ придворную московскую капеллъ.., на томъ же основаніи, какъ придворная капелль въ С.-Петербургѣ... Придворный хоръ этотъ, доказывалъ онъ, служа примѣромъ для прочихъ въ Москвѣ, положитъ окончаніе произвольному пѣнію при богослуженіи". Согласно съ его мнѣніемъ, министру двора было уже поручено государемъ „войти въ негласное сношеніе" съ Пратасовымъ для составленія доклада по этому предмету и штатовъ московской капеллы.

Но такія притязанія Львова возбудили протесты со стороны вѣдомства православнаго исповѣданія. Пратасовъ поспѣшилъ представить государю справку „о древности синодальнаго хора и о настоящемъ употребленіи онаго". Въ результатѣ, высочайшей волей московскій хоръ былъ оставленъ попрежнему въ духовномъ вѣдомствѣ и лишь „усовершенствованіе хора только по искусственной части" было поручено Львову. Одновременно съ этимъ г.-м. Львовъ долженъ былъ уступать и въ другихъ пунктахъ.

М. Филаретъ вступилъ съ нимъ въ продолжительную полемику по общимъ и частнымъ вопросамъ, касающимся церковнаго пѣнія, и въ качествѣ третейскаго судьи въ Москвѣ былъ образованъ комитетъ для испытанія опытовъ переложенія пѣнія [29]). Далѣе, напримѣръ, по представленію Львова, состоялось высочайшее повелѣніе „запретить пѣніе въ церквахъ при литургіи концертовъ, коими замѣняются причастные стихи, и дозволить исполнять оные только при свадьбахъ до начатія службы, при празднествахъ и обѣдахъ". Однако, и этотъ актъ ревности Львова въ синодальномъ опредѣленіи утратилъ свой категорическій характеръ, благодаря внесенной сюда оговоркѣ: „при чемъ, однако же, не должны быть нарушаемы правила и древніе обычаи, по которымъ вмѣсто причастнаго стиха поются въ разныхъ мѣстахъ и въ разныя времена... псалмы, стихиры и прочія церковныя пѣснопѣнія, къ слушанію коихъ привыкли молящіеся" [30]).

Наконецъ, по поводу спеціальнаго доклада оберъ-прокурора, былъ высочайше разъясненъ и характеръ возложеннаго въ

А. С. С., 1846, 1382.

[29]) Собраніе мнѣній и отзывовъ м. Филарета, т. III, (Спб. 1885), №№ 322. 327, 330, 336, 338, 339, 341, 354, 356, 364, 369, 370.

[30]) Опредѣленіе св. синода, отъ 30 марта 1850 г. А. С. С., 1846, 1382.

1846 году на Львова порученія. Такъ какъ, по замѣчанію учрежденныхъ комитетовъ, его переложенія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отступали отъ духа принятыхъ церковныхъ напѣвовъ, то было признано цѣлесообразнымъ „порученіе о положеніи на ноты старинныхъ церковныхъ напѣвовъ ограничить однимъ представленіемъ его трудовъ св. синоду, такъ какъ принятіе или непринятіе представляемыхъ переложеній принадлежитъ непосредственному усмотрѣнію синода, обязаннаго наблюдать за сохраненіемъ единства и древности въ церковныхъ напѣвахъ, къ которымъ привыкъ слухъ молящихся, а всѣ распоряженія относительно клира и пѣнія въ церквахъ принадлежатъ, по іерархическому порядку, епархіальнымъ архіереямъ и оберъ-священникамъ“ [31]).

Впрочемъ, слѣдуетъ опять повторить, что, несмотря на всѣ подтвержденія „іерархическаго порядка“, авторитетъ знатоковъ въ области пѣнія всегда могъ оставаться чѣмъ-то самостоятельнымъ, и практически роль духовно-цензурнаго надзора надъ церковно-музыкальными произведеніями сводилась чаще всего къ разсмотрѣнію ихъ „со стороны текста“, подписаннаго подъ музыкальными строками.

Огласительная эпоха замѣтно пробудила стремленіе воспользоваться содержаніемъ богослужебныхъ книгъ въ цѣляхъ внутренней и внѣшней миссіи. Это стремленіе обнаруживалось и въ частныхъ трудахъ и въ оффиціальныхъ мѣропріятіяхъ. Относительно первыхъ достаточно замѣтить, что въ это именно время появились „Письма о Богослуженіи“ А. Н. Муравьева, представлявшія (въ связи съ „путешествіями по святымъ мѣстамъ“) для своего времени свѣжій опытъ живого разъясненія темъ сжатыхъ дотолѣ кожаными переплетами. Нѣсколько позже вышли въ свѣтъ „Дни Богослуженія православной каѳолической восточной церкви“. Авторъ ихъ, прот. Дебольскій, поставилъ себѣ задачей дать болѣе серьезное изложеніе богослужебныхъ круговъ. Арх. Филаретъ Гумилевскій приготовилъ спеціальное сочиненіе: историческій обзоръ пѣснопѣній и пѣснопѣвцевъ греческой церкви. Появлялись сверхъ того и монографіи по болѣе частнымъ вопросамъ литургики [32]). Въ результатѣ, постепенно выходили въ

---

[31]) Всеподданнѣйшіе доклады, хранящіеся въ канц. об.-прок., 1850, № 59. (15 апрѣля).

[32]) Таковы, напримѣръ: «Историческое обозрѣніе богослужебныхъ книгъ греко-россійской церкви», Иннокентія (Борисова. Кіевъ, 1836). «Разсужденіе объ эпитиміяхъ», (М., 1838), Г. Никитникова. «Историческое разсужденіе о постахъ православной восточной каѳолической церкви. (М. 1837). «О молитвѣ за умершихъ», Т. Ѳ. Никольскаго, (С.-П.Б. 1825, 1837 и слѣд. изд.) «Исправленіе церк.-богослужебныхъ книгъ при патріархѣ Филаретѣ, П. С. Казанскаго, изд. Имп. Общ. Исторіи и Древ. Р. (1848 г.)». «О таинствахъ единой святой соборной и апостольской церкви» Игнатія, арх. Воронежскаго (С.-П.Б. 1849). «О богослуженіи западной церкви» (вып. I—IV, 1849—56) прот. Тарасія Серединскаго. «О

свѣтъ отдѣльныя главы той, „описывающей наше богослуженіе книги“, которую такъ желалъ видѣть въ 1825 году Погодинъ [33]).

Однако, несмотря на все соотвѣтствіе этихъ трудовъ запросамъ времени и тенденціямъ самой церковной власти, цензурныя условія, среди которыхъ оказывались эти произведенія, далеко нельзя назвать благопріятными для нихъ. Въ синодальномъ надзорѣ замѣтна была двойственность, непослѣдовательность, такъ что снисходительное отношеніе къ той или другой книгѣ еще не обезпечивало ея автора отъ дальнѣйшихъ „испытаній“. Такъ, уже черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ выхода „Писемъ о Богослуженіи“ Муравьева, были присланы въ синодъ замѣчанія, обличавшія автора писемъ въ еретическихъ заблужденіяхъ. Было произведено разслѣдованіе, въ общемъ благопріятное для привилегированнаго автора Муравьева, зато вызвавшее предписаніе цензурнымъ комитетамъ о „болѣе строгомъ разсмотрѣніи подобныхъ сочиненій“ [34]). Совершенно такому же испытанію подверглись въ синодѣ, уже послѣ второго изданія, и „Дни Богослуженія“ Дебольскаго. Архіепископъ подольскій Кириллъ, которому оно было передано для отзыва, нашелъ этотъ трудъ „исполненнымъ недостатками, судя по которымъ оно не могло бы быть напечатано“. Въ числѣ ихъ были отмѣчены: „неосмотрительныя историческія разысканія о началѣ праздниковъ, подающія иногда сомнѣніе въ ихъ древности“, „искаженіе пѣснопѣній церковныхъ поправкою ихъ на нынѣшній русскій языкъ, отчего они выходятъ ни русскими, ни славянскими, ссылка на какого то французскаго (вѣроятно новѣйшаго) писателя“ и т. п. И только ради того, что въ направленіи и общемъ духѣ сочиненія „можно было примѣчать“ уваженіе къ православію, было допущено „обращеніе сочиненія въ его настоящемъ видѣ, доколѣ сочинителю не представится удобности съ теченіемъ времени сдѣлать изданіе болѣе исправное“ [35]). Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ аналогичный трудъ Дебольскаго подъ названіемъ „Краткое обозрѣніе Богослуженія“ попалъ въ перечень сочиненій, на которыя „обратилъ вниманіе“ секретный комитетъ при св. синодѣ для наблюденія за дѣйствіями духовной цензуры [36]). Болѣе десяти лѣтъ не могла выйти вторымъ изданіемъ и одна изъ первыхъ

литургіи преждеосвященныхъ даровъ», Н. Малиновскаго (М. 1850) и Г. Смирнова-Платонова (М. 1850). Много литургическаго матеріала и съ спеціальной цѣлью «назиданія» помѣстило на своихъ страницахъ кіевское «Воскресное чтеніе», даже до «пресыщенія“, какъ замѣтилъ о немъ м. м. Филаретъ. (Приб. къ твор. св. отц. 1884 г., ч. 33; письмо къ архм. Филарету отъ 27 мая 1840 г.).

33) Барсуковъ. Жизнь и труды... Погодина, кн. I, стр. 285.

34) Дѣло духов. учебн. управленія, 1842, 1515.

35) А. С. С. 1840, 10.

36) К. О. П. С. С. 1853, 234. Въ вину ему былъ особенно поставленъ недостатокъ ссылокъ на св. отцевъ церкви, изъяснявшихъ обряды богослуженія.

монографій „О молитвѣ за умершихъ“, Т. Ѳ. Никольскаго, 1825 г.). вслѣдствіе сдѣланныхъ на нее арх. Филаретомъ (Амфитеатровымъ) замѣчаній. А между тѣмъ, даже по мнѣнію м. Серафима, они не имѣли доказательной силы [37]).

Имѣя въ виду всѣ такіе факты, естественно, кажется, самое появленіе первыхъ изданій литургическихъ опытовъ приписывать скорѣе недосмотру и „недомыслію“ со стороны представителей цензурнаго надзора, чѣмъ какому-либо снисхожденію. Притомъ церковная власть неоднократно высказывала свое убѣжденіе, что „кореннымъ руководствомъ“ въ области литургики достойна служить лишь „Новая Скрижаль“. Она и пользовалась широкимъ распространеніемъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ [38]). Усвоенная церковной властью и односторонне понятая обязанность прежде всего охранять неприкосновенность церковно-богослужебныхъ книгъ заставляла ее довольно безразлично относиться къ вопросу, насколько понятенъ для вѣрующихъ самый текстъ этихъ книгъ. Послѣ частныхъ опытовъ перевода свящ. Богословскаго, помѣщенныхъ въ Христіанскомъ чтеніи 30-хъ годовъ, только въ самомъ концѣ разсматриваемаго періода, трудами проф. петербургской академіи Е. И. Ловягина, при особенно внимательномъ отношеніи м-та Никанора, было предпринято изданіе въ русскомъ переводѣ богослужебныхъ каноновъ [39]). До чего же вообще „крѣпки“ были [40]) славянскому языку церковныя книги, видно изъ такого факта. Въ 1843 году содержатель типографіи Сычевъ просилъ о разрѣшеніи напечатать гражданскими буквами службу преп. Арсенію коневскому, а также тропарь и кондакъ преп. Сергію и Герману. Петербургскій духовно-цензурный комитетъ, „не находя съ своей стороны никакого препятствія къ дозволенію напечатать эти службы, кромѣ того, что Сычевъ желаетъ отпечатать ихъ гражданскими буквами“, о желаніи его представилъ синоду. Синодъ въ просьбѣ рѣшительно отказалъ, „такъ какъ всѣ службы святымъ печатались и печатаются церковными буквами и самое изданіе ихъ принадлежитъ духовному вѣдомству“ [41]). Очень выразительной провѣркой

[37]) Александръ Тимоѳеевичъ Никольскій (1821—1876), приходскій священникъ при входоіерусалимской знаменской церкви въ С.-Петербургѣ. Очеркъ жизни и дѣятельности. (С.-П.Б. 1878). стр. 7—8.

[38]) К. Д. У. 1837, 10250.

[39]) С.-П.Б. Д. Ц. К. 1854, „Дѣло о переводахъ каноновъ проф. Е. Ловягинымъ“. О томъ, сколько недоумѣнныхъ и темныхъ мѣстъ представлялъ собою текстъ богослужебныхъ книгъ даже для образованнаго человѣка можно судить по длинному перечню вопросовъ, присланныхъ арх. Иннокентію в. кн. Константиномъ Николаевичемъ изъ Венеціи. Р. Стар. 1879, т. XXIV, стр. 691—95.

[40]) Согласно дух. цензурному уставу 1828 г., ст. 226.

[41]) А. С. С., 1483, 32. Основываясь на аналогичномъ указѣ синода отъ 31 декабря 1843 г., петербургскій комитетъ не нашелъ возможнымъ пропустить

устойчивости этого взгляда можетъ служить слѣдующій случай, относящійся къ 1845 году.

„Вслѣдствіе повелѣнія государыни императрицы о доставленіи экземпляра литургіи, напечатанной русскими буквами“, Пратасовъ отдалъ соотвѣтствующее распоряженіе. Требуемая книга была найдена лишь послѣ тщательныхъ поисковъ, и не безъ смущенія писалъ графу директоръ хозяйственнаго управленія: „Препровождаю послѣдній экземпляръ литургіи русскими буквами“.—Впрочемъ за доставленіе книги была выражена высочайшая благодарность, и насущныя нужды были удовлетворены ...однимъ экземпляромъ. [42])

Такимъ образомъ и въ области богослуженія, какъ и въ вопросѣ о переводѣ на русскій языкъ св. писанія заявляло о себѣ то же крайне ревнивое отношеніе къ буквѣ. И въ результатѣ милліоны православныхъ „чадъ церкви“ не всегда видѣли такіе же плоды оффиціальныхъ о нихъ заботъ, какіе выпадали на долю хотя нѣкоторыхъ избранныхъ инородцевъ.

Значительное число духовныхъ лицъ, въ томъ числѣ и іерарховъ, знакомыхъ съ нуждами своей иноплеменной паствы, сочувственно относилось къ переводамъ богослужебныхъ книгъ на мѣстные языки. Ихъ отношеніе можно формулировать словами резолюціи, положенной м. Филаретомъ на докладѣ цензурнаго комитета: „цензурному комитету предлагаю на препровождаемое при семъ сочиненіе на грузинскомъ языкѣ обратить вниманіе, чтобы оно не осталось недопущеннымъ къ напечатанію только по неизвѣстности языка. Грузинскій народъ и самое духовенство такъ скудны назидательнымъ чтеніемъ на своемъ языкѣ, что не должно терять ни одного случая помочь въ сей нуждѣ, тѣмъ паче, что такіе случаи рѣдки“. [43])

Искренно сочувствовавшіе мѣстнымъ нуждамъ лица отыскивали по епархіямъ знающихъ инородческіе языки и поручали имъ дѣло перевода. Такъ появились рукописные переводы нѣ-

---

въ 1851 г. „переложеніе каноновъ въ стихи“, свящ. Смольянинова, какъ заимствованное изъ церковныхъ книгъ. С.-П.Б. Д. Ц. К. 1851, 5.

Небезынтересно здѣсь отмѣтить, что составленная, по порученію начальства, въ 1845 году архм. Макаріемъ Булгаковымъ „записка о древнихъ литургіяхъ, о сходствѣ ихъ и различіи и о литургіи медіоланской“ была, по миновании надобности, сдана на храненіе вмѣстѣ съ секретными дѣлами. Содержаніе ея чисто историческое и объективное. Можетъ быть, впрочемъ, найдены были неудобными утвержденія автора записки, вродѣ слѣдующихъ: Извѣстно и то, что литургія была повсюду одна и та же: потому что церковные памятники не представляютъ ни малѣйшей догадки на то, чтобы между христіанами трехъ первыхъ вѣковъ былъ какой-либо споръ о различіи обрядовъ, какъ это было послѣ. Было (даже въ IV—VII в.в.) какъ бы повторяемо за правило: въ какую церковь ни придешь, держись обрядовъ той же церкви“.

[42]) К. О. П. С. С. 1845, 35543.

[43]) А. С. С. 1842, 35.

которыхъ частей богослужебныхъ чиновъ на финскій, эстскій, якутскій, зырянскій языки [44]).

При этомъ болѣе опытные не упускали изъ виду и реальныхъ соображеній, которыя высказываетъ, напр., въ письмѣ къ епископу Иннокентію его варшавскій корреспондентъ [45]). „Изданіе, приготовленное вашимъ преосвященствомъ перевода нашей литургіи на языкъ польскій, безъ сомнѣнія принесетъ значительную пользу, особенно въ краѣ здѣшнемъ, гдѣ многіе по легкомыслію и фанатизму, а большая часть по неразумѣнію священныхъ обрядовъ нашей церкви, доселѣ коснѣютъ въ упорномъ противоборствѣ православію. Мысль объ этомъ предметѣ занимала насъ съ давняго времени; но, зная ближе духъ народа и затѣмъ наблюдая за ходомъ обстоятельствъ мѣстныхъ, мы не рѣшились сами обнаружить ее, дабы тѣмъ не подать повода къ разгаданію нашего стремленія, прикрываемаго доселѣ видомъ терпимости и дружбы взаимной. Теперь... одна польская дама.... для вразумленія своихъ единоземцевъ, перевела недавно на польскій языкъ литургію, собственно архіерейскую, изложенную Муравьевымъ, и приготовляетъ ее къ изданію. Такимъ образомъ мы въ сторонѣ, а дѣло ладится“.

По тому же предмету счелъ необходимымъ высказать свое мнѣніе и А. С. Стурдза. Отмѣчая въ одномъ изъ писемъ къ Пратасову, что „первые мѣсяцы 1846 года по совѣту Божіему, а не человѣческому“ ознаменовались четырьмя изданіями священно-тайнаго памятника древности христіанской, т. е. литургіи І. Златоустаго на французскомъ языкѣ и видя здѣсь явственное знаменіе нашихъ временъ“, онъ предусмотрительно добавляетъ: „Какъ бы намъ не повредить сему спасительному движенію или ревностью не по разуму или оледеняющимъ равнодушіемъ“ [46]).

Эти, — исключающія, повидимому, другъ друга опасенія Стурдзы, — на самомъ дѣлѣ имѣли подъ собою почву. Обыкновенно такъ и было: долгіе періоды равнодушія къ „внѣшней миссіи [47])“ церковное и гражданское правительство нерѣдко старалось возмѣстить ревностью не по разуму, возбуждавшею подозрѣнія и отпоръ. Исполненные миссіонерами-добровольцами переводы богослужебныхъ чиновъ на другіе языки становились

---

[44]) Исторія С.-Петербургской православной духовной семинаріи, Ал. Надеждина, (СПБ. 1885), стр. 439-441. Письма дух. и свѣтскихъ лицъ къ м. м. Филарету, стр. 380-2. К. О. П. С. С. 1845, 35576.

[45]) Прот. Ѳ. Новицкій. Матеріалы для біографіи Иннокентія, Н. Барсова вып. II, стр. 6—7. Письмо отъ 31 окт. 1840 г.

[46]) К. О. П. С. С., 1844, 33677.

[47]) За которую, напримѣръ, такъ живо упрекалъ православную церковь Пальмеръ. Полное собраніе сочиненій А. С. Хомякова, т. II. (изд. 2. М. 1880), стр. 350—1, 364.

ветхими въ поискахъ соответствующей цензурной инстанціи [48]. Но вотъ вдругъ слѣдовало высочайшее повелѣніе „приготовить переводъ на N языкъ необходимѣйшихъ духовныхъ книгъ Православнаго исповѣданія, съ тѣмъ, чтобы можно было учредить Богослуженіе на семъ языкѣ, отнеся расходы на счетъ духовно-учебнаго капитала". Такъ именно появились переводы на татарскій [49]), еврейскій [50]) языки. Такъ былъ утвержденъ переводъ на языкъ польскій. Въ секретномъ порядкѣ начаты были дѣла о переводѣ на языки нѣмецкій и французскій [51]). Наконецъ, для вящшаго успѣха миссіи, принимались и обычныя мѣры пресѣченія. И излишне распространяться о томъ, могло ли, напр. расчищать почву для культурнаго вліянія на татаръ системы Ильминскаго выполненіе высочайшей резолюціи отъ 1845 года: „Печатаніе Корана и другихъ мусульманскихъ духовныхъ книгъ можно запретить" [52]).

Среди сборнаго нравоучительнаго матеріала, который русскіе мистики заимствовали у всѣхъ народовъ и вѣковъ, видное мѣсто занимала своеобразная агіологическая литература. Въ каждое почти произведеніе вплетались сказанія о достигшихъ высо-

---

[48]) Подтвержденіемъ сказаннаго можетъ служить опытъ „перевода повседневныхъ, кромѣ литургіи, службъ на финскій языкъ", представленный учителемъ спб-ской семинаріи Успенскимъ. Изъ синода она была отослана академику Шегрену. Тотъ, „какъ протестантъ", отказался разсматривать, заявивъ, что „переводы, подобные этому, по мнѣнію его, должны быть разсматриваемы только лицами, которыя, при совершенно основательномъ знаніи обоихъ языковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ въ равной мѣрѣ знаютъ и ту экзегетическо-догматическую систему, на которой основаны службы Божіи". — По новому синодальному опредѣленію переводъ былъ препровожденъ къ министру народнаго просвѣщенія для передачи лицу, соотвѣтствующему требованіямъ Шегрена. Но оказалось, что „министерство не имѣетъ такого, которому можно бы было съ благонадежностью поручить". Тогда, петербургскому митрополиту было поручено „передать трудъ Успенскаго для просмотра тремъ или болѣе духовнымъ лицамъ, достаточно знающимъ финскій языкъ съ обязательствомъ исполнить это дѣло тщательнымъ образомъ". Послѣ напоминаній духовныя особы возвратили переводъ для исправленій, согласно замѣчаніямъ „доктора философіи Юдена и учителя Фримана". Но къ тому времени переводчикъ вѣроятно охладѣлъ къ миссіонерскому дѣлу и на оффиціальный запросъ въ 1850 г. отвѣчалъ, что „исправленіе не совсѣмъ еще приведено къ окончанію, а когда будетъ окончено, опредѣлить времени не можетъ". Дѣло было признано законченнымъ. К. О. П. С. С., 1844, 33693.

[49]) К. О. П. С. С., 1846, 37419.

[50]) К. О. П. С. С. 1844, 33681.

[51]) Дѣло секрет. арх. К. О. П. С. С., № 85 и 86, (1842 г.) и № 207 (л. 8 и сл. по „проекту проф. Левизона о переводѣ молитвъ на нѣмецкій языкъ", по желанію в. кн. Елены Павловны).

[52]) Резолюція была отмѣнена 25 окт. 1849 г., послѣ того какъ журналъ комитета министровъ выяснилъ „нѣкоторыя неудобства", между прочимъ коммерческаго характера. Выписки изъ цензурныхъ дѣлъ имп. публ. библ., № 1, т. 1, л. 287 и слѣд.

кой степени. „возрожденія“ лицахъ, повѣствованія о ясновидящихъ съ ихъ рѣчами, предсказанія вдохновенныхъ мужей и пр. При изслѣдованіи развитія мистическаго ученія, при отыскиваніи „проблесковъ истиннаго свѣта“, который таился во всѣхъ періодахъ исторіи человѣчества, естественно не проводилось строгой грани между представителями разныхъ религій. Были обычны сопоставленія Моисея, пророковъ и каждаго кающагося христіанина; оказывалось одинаковое вниманіе къ Максиму Исповѣднику, Діонисію Ареопагиту съ одной стороны, Бюніану и Штиллингу съ другой; допускались сближенія монашества христіанскаго и индійскаго и т. п. [53])

Въ результатѣ, даже безъ предвзятаго намѣренія окружить нимбомъ своихъ учителей и пророковъ съ цѣлью придать болѣе авторитета своему ученію, мистики создавали свои святцы. На нихъ церковная власть обратила свое вниманіе и стала въ защиту общеупотребительнаго смысла терминовъ: „святой“, „пророкъ“, „избранный сосудъ“. Характеръ же тѣхъ радѣній, на которыхъ мистики черпали свое вдохновеніе; рукописи Золотарева, Котельникова, особенно же доходившія до изувѣрства дѣянія вожаковъ скопческихъ и хлыстовскихъ сектъ, напр. Селиванова, придали особенную остроту вопросу о православіи „жизнеописаній“ [54]).

Благодаря довѣрчивому отношенію ко всякаго рода экзальтаціи легче чѣмъ когда-либо могли расцвѣтать и пріобрѣтать не только народное признаніе легенды о подвижнической жизни скитниковъ, пещерниковъ и пр. Какъ на выразительномъ примѣрѣ слѣдуетъ остановиться на житіи Маріи пещерницы, обитавшей въ вырытой ею пещерѣ среди мѣловыхъ горъ возлѣ Павловска, на Дону.

Вслѣдствіе сомнѣній въ искренности благочестія какъ ея, такъ и собранной ею общины, въ 1816 году состоялось высочайшее повелѣніе: пещеру упразднить и Марію Шерстюкову предать суду. Однако въ концѣ того же года министромъ духовныхъ дѣлъ было сообщено воронежскому преосвященному, что „государь императоръ... изволилъ замѣтить, что первоначально слѣдовало духовному начальству болѣе углубиться въ разсмотрѣніе сего происшествія, отъ давнихъ лѣтъ пріявшаго свое начало, и узнать въ подробности о состояніи Шерстюковой и ея дѣйствіяхъ

---

[53]) Обзоръ мистической литературы въ царствованіе императора Александра I, А. Галахова, Ж. мин. нар. просвѣщ. 1875, XI, стр. 98—99, 110.

[54]) Ср., напр., дѣло секретн. арх. канц. об.-прокур. св. син., 1825 (10 авг.) № 208, съ письмомъ м. Филарета Александру I по поводу «видѣній дочери есаула Котельникова, касающихся до безопасности священной особы его величества». Особенно интересно здѣсь заключеніе письма: «Бога и Господа... молю, да во святой церкви Его... неоскудно будетъ всегда вообще, такъ особенно нынѣ, благопотребное благодатное дарованіе испытывать духи, аще отъ Бога суть».

въ пещерѣ, дабы опредѣлительно рѣшить, не скрывается ли въ томъ какой ереси или раскола или нѣтъ"? Когда же отъ гражданскихъ властей былъ полученъ благопріятный отзывъ, его величество, „относя къ подвигамъ набожности дѣйствія старухи Шерстюковой, повелѣть соизволилъ: входъ въ пещеру оставить свободнымъ и устроить тамъ церковь, если нужно насчетъ казны". Это царское вниманіе дало поводъ къ возникновенію новыхъ подробностей легенды, къ утвержденію, что „Благословенный императоръ удостоилъ своимъ личнымъ посѣщеніемъ многотруженницу и пробылъ у ней цѣлый день". Единомышленники Маріи распространяли рукописную повѣсть житія, „составленную, по позднѣйшему отзыву мѣстнаго духовнаго начальства, весьма глупо и нелѣпо, какъ по слогу, такъ и по содержанію, наполненную лжами, клеветами и баснями" [55]).

Неудивительно, поэтому, что послѣ паденія мистицизма церковная власть сочла своимъ долгомъ рѣзко отмежеваться отъ мистическихъ святцевъ, и что въ дальнѣйшее время именно у наиболѣе правовѣрныхъ ея представителей сохранялось особенно подозрительное отношеніе къ „новымъ житіямъ" и „необнародованнымъ еще чудесамъ". Даже іерархи болѣе или менѣе близкіе къ мистическому движенію не избѣжали подозрѣній, что они считаютъ дѣйствительно вдохновенными его вождей. Такъ въ 1824 году м. Филаретъ получилъ изъ Петербурга дружеское предостереженіе относительно распространенія въ московской епархіи книги Гіонъ „О послѣдованіи младенчеству І. Христа, образцу совершенства": „Особливо в. высокопр-ству не должно распространять сей книжки. Въ сожженной книгѣ [56]) говорилось противъ писателей и писательницъ сего рода. Всѣ знаютъ, что вы въ томъ участвовали, и не подумаютъ ли многіе, что вы считаете ихъ вдохновенными". Даже невинное замѣчаніе предисловія о писательницѣ книги: „она проходила собственнымъ опытомъ всѣ степени духовнаго возрастанія" возбуждало испытующіе вопросы: „Кто сіе доказать можетъ! Какъ она не попала въ канонизацію? Она почти равняется съ Богоматерію" [57]).

Всѣ такія подозрѣнія, конечно, не имѣли подъ собою почвы. Какого-либо отождествленія учителей мистицизма съ представителями православной мистики, вродѣ Исаака Сирина и Макарія египетскаго, здѣсь не было. Въ этомъ пристрастномъ смѣшеніи скорѣе даже повинны были сами охранители [58]). Тотъ же м. Фи-

---

[55]) А. С. С., 1839, 682.

[56]) «Бесѣда на гробѣ младенца», Е. Станевича.

[57]) Письма духовныхъ и свѣтскихъ лицъ къ м. м. Филарету стр. 662—3. Письмо еписк. Григорія отъ 14 марта 1824 г.

[58]) Письма м. м. Филарета къ покойному арх. тверскому Алексію, 1843—1867, (М. 1883.) стр. 104—5.

ларетъ представилъ впослѣдствіи въ синодъ не одинъ критическій отзывъ по части агіологіи. И при всемъ томъ навсегда сохранилось немалое различіе въ характерѣ критическаго отношенія къ житіямъ м. Серафима, съ одной стороны, и м. м. Филарета съ другой [59]).

Основное требованіе, которое духовно-цензурный уставъ 1828 г. предъявилъ къ сочиненіямъ житійнаго характера, слѣ-

---

[59]) О взглядахъ ихъ можно судить по слѣдующимъ отрывкамъ изъ писемъ:

«Цензурный комитетъ здѣшній, писалъ Филаретъ Муравьеву, представилъ въ синодъ мнѣніе объ описаніи Соловецкаго монастыря, которое архимандритъ хотѣлъ напечатать чрезъ свѣтскую цензуру. Обратите на сіе дѣло вниманіе, чтобы взять осторожность. Тутъ есть весьма неприличная статья о мощахъ святителя Филиппа, которую по счастью свѣтскій цензоръ разсматривалъ не по свѣтски, но которую архимандритъ очень не духовно назначилъ къ печатанію. Тутъ есть и святые, непризнанные никѣмъ, кромѣ соловецкаго архимандрита, и видѣнія, которыя извольте посмотрѣть сами и покажите владыкѣ и кн. Петру Сергѣевичу, чтобы приняли трудъ унять архимандрита». (Письма м. м. Филарета къ А. Н. М(уравьеву). 1832—1867, (Кіевъ, 1869), стр. 7.

Немного спустя, по поводу вѣсти о возвращеніи въ симоновъ монастырь взятой подъ сомнѣніе иконы св. Николая, митрополитъ писалъ тому же лицу: «Я открылъ св. синоду дѣйствованіе неправильное и сомнительное: св. синодъ распорядился, какъ требовала справедливость и предосторожность. Потомъ неправильное дѣйствованіе удержано, подлога не открылось; я даю мнѣніе прекратить предосторожность, въ которой не настоитъ необходимой надобности. Есть ли худо провозглашать вымышленное чудо: худо также не признавать и дѣйствительнаго исцѣленія. Сперва я заботился, чтобы не было перваго худа: потомъ остерегаюсь, чтобы не было второго. Я смотрю на дѣло, а не на архимандрита, есть ли онъ думаетъ найти въ семъ свою побѣду, пусть ее торжествуетъ“ (стр. 11).

Равнымъ образомъ, и много лѣтъ спустя Филаретъ очень критически отнесся къ сказанію о чудесахъ святителя Тихона: «Много явленій, много исцѣленій, а рѣшительнаго не видно». «Да дастъ Господь разумъ св. синоду», добавляетъ онъ въ слѣдующемъ письмѣ, имѣя въ виду вопросъ о канонизаціи святителя. (Письма къ намѣстнику Антонію, ч. IV, 1857—1867, М. 1884, стр. 227 и 231, отъ 16 и 22 марта 1860 г.). Сравн. «Письма дух. и свѣтскихъ лицъ къ м. м. Филарету. Письмо стасъ-дамы Т. Б. Потемкиной отъ 21 янв. 1859 г. о видѣніи Онуфрія Крайнева, стр. 208—9. и примѣчаніе.

Уклончивый характеръ мнѣній Серафима по вопросамъ, касающимся житій, сквозитъ въ слѣдующемъ письмѣ его къ Филарету еще отъ 1823 г.: «Въ разсужденіи благовѣрной княгини инокини Евфросиніи я говорилъ съ членами св. синода: но рѣшительнаго отъ нихъ на сіе отвѣта не получилъ. Говорили pro и contra, представляя подобный примѣръ благовѣрной же княгини инокини Анны въ Кашинѣ почивающей, которой также прежде пѣли молебны, даже церкви во имя ея, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. освящены были, но послѣ одинъ Архіерей запретилъ пѣть молебны, и теперь, какъ вамъ извѣстно, поютъ панихиды, и, что всего страннѣе, читаютъ молитву при концѣ оныя такую, которая читается только однимъ святымъ. Есть ли угодно знать вамъ мое по сему предмету мнѣніе: то я совѣтую вамъ отписать о семъ обстоятельно съ кн. А. Н. Г(олицынымъ). Можетъ быть онъ переговоритъ о семъ дѣлѣ со мною, а, вѣроятно, доложитъ и государю. Вреда изъ сего никакого послѣдовать не можетъ“. Письма духовныхъ и свѣтскихъ лицъ къ м. м. Филарету, изд. А. Н. Львовымъ (СПБ. 1900, стр. 31).

дующее: „Жизнеописанія должны быть почерпнуты изъ достовѣрныхъ источниковъ и представлены въ томъ чистомъ духѣ, которымъ святый постоянно руководствовался въ жизни своей, или возставалъ отъ паденія, укрѣплялся среди соблазновъ и соблюдалъ живую вѣру до конца своей жизни". Жизнеописанія святыхъ, въ первый разъ издаваемыя, должны были восходить на разсмотрѣніе св. синода [60]).

Эти статьи устава, какъ показалъ опытъ, не разрѣшили всѣхъ вопросовъ, касающихся житійной литературы. Прежде всего, не была устранена возможность хотя бы косвеннаго участія свѣтской цензуры въ пропускѣ жизнеописаній. Въ уставѣ не разъяснялось, подлежатъ ли, напр., обязательному разсмотрѣнію духовной цензуры историко-статистическія описанія, разсказы изъ церковно-политической жизни, въ которыя входилъ житійный элементъ. Заполнить этотъ пробѣлъ должно было разъясненіе, сдѣланное въ 1833 году. По поводу открытія мощей св. Митрофана воронежскаго, въ московской университетской типографіи была отпечатана книжка „Государь Петръ I въ Воронежѣ и Митрофанъ, первый епископъ воронежскій". М. Филаретъ представилъ ее въ синодъ, съ указаніемъ на несоблюденіе устава и на неясное ея изложеніе. Согласно постановленію синода об.-прокуроръ Мещерскій обратился къ министру народнаго просвѣщенія съ просьбой, „чтобы запрещено было свѣтской цензурѣ входить въ разсмотрѣніе книгъ, до жизнеописанія святыхъ относящихся, и ихъ изображеній" [61]). Оспаривать это разъясненіе для свѣтской цензуры не было особенныхъ побужденій, и въ послѣдующее время она была достаточно внимательна, чтобы „не разсматривать по свѣтски" статей житійнаго характера [62]).

Болѣе систематически должна была церковная власть вводить въ желательныя для нея границы собственную цензуру. Приведенная выше сорокъ шестая статья устава духовно-цензурныхъ комитетовъ содержитъ въ себѣ критеріи для оцѣнки житійныхъ сказаній по преимуществу моральнаго характера,— имѣетъ въ виду ихъ назидательность. Требованіе же „достовѣрности источниковъ", если и могло имѣть въ комитетахъ какое-либо примѣненіе, то лишь въ очень узкихъ границахъ. Отсюда, въ связи съ упомянутымъ выше подозрительнымъ отношеніемъ строго консервативныхъ членовъ синода къ новымъ житіямъ, отзывы цензурныхъ комитетовъ не всегда встрѣчали признаніе въ синодѣ и гораздо чаще подвергались ограниченіямъ. Это несходство точекъ зрѣнія обнаружилось уже при разсмотрѣніи „сказанія о чудесахъ преп. Сергія" и—особенно сильно—въ цен-

---

60) П. С. З., т. III, 1828 г., 1981, § 46 и 76.
61) А. С. С., 1833, 194.
62) Письма м. м. Филарета къ А. Н. Муравьеву (Кіевъ 1869), стр. 7.

зурныхъ дѣлахъ о жизнеописаніяхъ саровскихъ старцевъ Серафима и Марка и задонскаго затворника Георгія.

Въ тридцатыхъ годахъ, троице-сергіевою лаврою было возбуждено ходатайство о новомъ изданіи (съ 3-го, напечатаннаго въ 1818 году) „житія преп. и богоноснаго отца нашего Сергія, радонежскаго чудотворца", составленнаго м. Платономъ, со включеніемъ въ него „сказанія о чудесахъ преподобнаго Сергія". Авторъ послѣдняго м. Филаретъ выразилъ согласіе на это дѣло, хотя и не скрывалъ возможныхъ затрудненій. „По большинству нашихъ слушателей, какъ бы оправдываясь писалъ онъ намѣстнику Антонію, я думалъ, лучше говорить просторѣчивѣе. Тогда же согласовалось сіе и съ направленіемъ начальства, которое производило и публиковало переводъ св. писанія на русское нарѣчіе. Итакъ, мнѣ кажется, не въ чемъ тутъ раскаяваться и нечего бояться впредь" [63]).

Житіе и на этотъ разъ было пропущено. Зато дополненіе къ нему встрѣтило возраженія со стороны м. Серафима. Какъ авторъ — „подсудимый, а не посторонній разсматриватель" — [64]) Филаретъ въ данномъ случаѣ особенно не желалъ идти противъ мнѣнія Серафима и спѣшилъ удовлетворить его требованіямъ. „Рукопись, писалъ онъ тому же лицу, видно надобно будетъ еще разъ сличить съ источниками, изъ которыхъ почерпнута, и вновь объясниться съ владыкою о достоинствѣ сихъ источниковъ" [65]). Однако, и послѣ этой провѣрки Филарету далеко не сразу удалось разсѣять предубѣжденіе первенствующаго члена синода, такъ что лишь въ 1836 Филаретъ нашелъ, что „Владыка не споритъ, кажется, противъ напечатанія", и оно было помѣщено въ Христіанскомъ чтеніи [66]).

Еще болѣе затянулось, благодаря недовѣрчивости м. Серафима, разсмотрѣніе въ синодѣ сказаній о жизни трехъ названныхъ подвижниковъ [67]).

Всѣ эти жизнеописанія первоначально поступили въ московскій духовно-цензурный комитетъ. Онъ нашелъ, что они не заключаютъ въ себѣ „ничего несогласнаго ни съ чистымъ ученіемъ

---

[63]) Письма м.м. Филарета къ намѣстнику... архм. Антонію, ч. 1, отъ 17 ноября 1833 г., стр. 83.

[64]) Тамъ же, стр. 116—117, отъ 28 ноября 1834 г.

[65]) Тамъ же, стр. 124,—отъ 30 дек. 1834 г.

[66]) Тамъ же, стр. 116 примѣч.

[67]) А. С. С., 1838, 954 (Серафима), 955 (Марка) и 956 (Георгія); М. Д. Ц. К., 1838, 97 и 98. Съ излагаемой проволочкой интересно сопоставить тотъ фактъ, что внесенное м. Серафимомъ почти одновременно съ этими сказаніями на разсмотрѣніе св. синода „Житіе св. благов. кн. Александра Невскаго" было очень быстро пропущено въ синодѣ. Въ комитетѣ же оно было разсмотрѣно въ одинъ день, согласно резолюціи Серафима: „разсмотрѣть безъ малѣйшаго промедленія". А. С. С., 1841, 449; СПБ. Д. Ц. К., 1841, 19.

Христовымъ, ни съ духомъ и правилами подвижнической жизни, предначертанными въ писаніяхъ и житіяхъ св. отцевъ, и могутъ служить средствомъ къ возбужденію въ вѣрующихъ ревности къ подвигамъ благочестія и къ подкрѣпленію въ нихъ надежды на успѣхъ при помощи Божіей, ибо примѣръ добродѣтелей подвижника, близкій къ намъ по времени, съ особенною силою дѣйствуетъ на сердца". [68]) „Впрочемъ, добавлялъ комитетъ, въ виду того, что здѣсь не просто описываются жизнь и подвиги добродѣтельнаго человѣка, но представляются въ чудесномъ подвижникѣ особенные дары благодати Божіей, какъ-то: видѣнія, прозрѣніе въ будущность и даръ подавать исцѣленія, комитетъ не рѣшился самъ собою привести въ исполненіе своего мнѣнія" и положилъ представить жизнеописанія св. синоду [69]). Въ синодѣ, несмотря на предварительную подготовку почвы м. м. Филаретомъ, сказанія подверглись пререканіямъ. Митр. Серафимъ не соглашался на пропускъ этихъ жизнеописаній [70]). Съ своей стороны м.м. Филаретъ рѣшилъ употребить всѣ усилія, чтобы побѣдить упорство м. Серафима. Въ письмахъ его къ намѣстнику лавры Антонію подробно отразились колебанія этого дѣла. Вслѣдъ за увѣреннымъ сообщеніемъ „есть надежда видѣть въ печати", слѣдовало разочарованіе: „дѣло о житіяхъ молчитъ. Я не напоминаю о семъ, пояснялъ онъ Антонію, въ ожиданіи преосвященнаго кіевскаго, котораго мнѣніе благопріятно сему дѣлу" [71]).

М. Филаретъ кіевскій, которому были переданы для отзыва житія Серафима и Георгія, не нашелъ въ нихъ противнаго духу православной церкви. Но для большаго убѣжденія въ достовѣрности повѣствованія признано было полезнымъ затребовать отзывы отъ мѣстныхъ преосвященныхъ. Согласно предписанію синода, епископъ тамбовскій донесъ, что, „судя по свѣдѣніямъ о строгой подвижнической жизни іеромонаха Серафима, какія я имѣлъ прежде и какія секретно чрезъ благонадежныхъ лицъ собралъ

---

[68]) А. С. С., 1838. 956 (о житіи Георгія).

[69]) А. С. С. 1838, 954.

[70]) «Дѣло о житіяхъ о. Марка и о. Серафима не такъ хорошо продолжалось, какъ началось. Оно казалось конченнымъ, и я не знаю, почему я вамъ писалъ уменьшительно, что есть надежда. Но нашъ первенствующій осторожность отъ ложныхъ чудесъ употребляетъ иногда въ большомъ избыткѣ. Я не промолчалъ и, по замѣчанію другихъ, не повредилъ истинѣ, потому что представлялъ ее съ миромъ; однако житіе о. Марка дозволено напечатать съ исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ, а житіе о. Серафима лежитъ до лучшаго усмотрѣнія, какъ оно можетъ пройти чрезъ узкія врата. Помолитесь, чтобы Богъ устроилъ полезное. Теперь разсматривается житіе задонскаго затворника Георгія; надобно посмотрѣть, чѣмъ сіе кончится. А въ семъ житіи дается важное свидѣтельство о. Серафиму"... (Письма къ Антонію, отъ 6 янв. 1838 г.).

[71]) Тамъ же, стр. 285 и 322, письма отъ 11 авг. и 20 ноября 1838 г. и 21 дек. 1839 г.

нынѣ, я нахожу упомянутую рукопись во всѣхъ ея подробностяхъ совершенно согласною съ истиною". [72])

Несмотря, однако, на такой отзывъ, жизне описаніе іер. Серафима прошло еще нѣсколько инстанцій. Сначала оно было передано архіепископу подольскому Кириллу, потомъ—синодальному члену м. Іонѣ, наконецъ, новому епископу тамбовскому Николаю—б. ректору петербургской духовной академіи. И лишь послѣ его благопріятнаго отзыва, синодъ предписалъ московскому комитету пропустить къ напечатанію рукопись „такъ, какъ она исправлена, отъ своего имени". Почти въ то же время и послѣ такой же провѣрки было одобрено „въ полномъ засѣданіи членовъ св. синода" и „краткое извѣстіе о жизни задонскаго затворника Георгія".

Въ тѣ же годы, въ самомъ концѣ жизни м. Серафима, было еще нѣсколько аналогичныхъ случаевъ. Не обладая достаточными способами провѣрки рукописныхъ сказаній, комитеты главное вниманіе обращаютъ на внѣшніе признаки ихъ достовѣрности. Иногда же недостатокъ доказательствъ стараются восполнить своими соображеніями, хотя бы они были далеко не всегда убѣдительны.

„Сказаніе о чудесахъ и явленіяхъ свят. Иннокентія иркутскаго, рапортовалъ въ 1841 г. синоду московскій комитетъ, по содержанію и разсказу имѣетъ явные признаки истины: написано съ вѣдома и благословенія епархіальнаго преосвященнаго, на основаніи монастырскихъ актовъ; полезно къ возбужденію и укрѣпленію вѣры въ Бога и благоговѣнія къ его угоднику". Изъ синода рукопись была отослана въ Иркутскъ. Архіепископъ Нилъ, сопоставивъ ее съ мѣстными источниками документальнаго характера, нашелъ въ ней заимствованія, произвольныя измѣненія, хронологическія неточности, и на основаніи его отзыва изданіе рукописи синодомъ было воспрещено [73]).

---

[72]) Помѣщенныя въ ней духовныя видѣнія и нѣкоторыя чудесныя событія, объяснялъ епископъ, относящіяся къ жизни благочестиваго старца, по самому свойству своему, конечно, не могли имѣть или совсѣмъ или по крайней мѣрѣ многихъ свидѣтелей, но имъ заставляетъ безусловно вѣрить: 1) единогласное показаніе шести человѣкъ, достойныхъ вѣроятія, которымъ, въ назиданіе ихъ, старецъ самъ открывалъ о сихъ видѣніяхъ или событіяхъ и изъ которыхъ нѣкоторые сами лично видѣли часть его необычайныхъ молитвенныхъ подвиговъ и частое имѣли общеніе съ нимъ; 2) какая-то особенная сила, сообщавшаяся всѣмъ вещамъ, которыя онъ раздавалъ приходившимъ къ нему на благословеніе и которыя, выходя изъ рукъ его, превращались во врачебныя средства отъ всѣхъ болѣзней. Безъ сомнѣнія здѣсь много дѣйствовала вѣра пріемлющихъ, но надобно же сколько-нибудь приписать и вѣрѣ и благочестію дающаго. Что же касается до дара прозорливости, то свидѣтелей на это изъ всѣхъ сословій можетъ быть очень много, въ число коихъ я могу почти включить и самого себя... (А. С. С. 1838, 954).

[73]) А. С. С. 1841, 451. „Кто бы ни понесъ трудъ дѣла сего, объ имени его въ случаѣ изданія книги полезнѣе умолчать, а право изданія предоставить монастырю". Не это ли заключительное соображеніе опредѣлило тонъ и всей рецензіи?..

Совершенно также судилъ московскій комитетъ и объ „описаніи жизни преосв. Іоасафа, епископа бѣлоградскаго“. Что „повѣствованія сіи точно заимствованы изъ достовѣрныхъ источниковъ, писалъ онъ, въ этомъ нѣтъ причинъ сомнѣваться: правдивость издателя, архимандрита бѣлоградскаго монастыря Варлаама, имѣвшаго въ рукахъ записки самого преосв. Іоасафа и другихъ современныхъ ему лицъ, а также благословеніе преосв. Иліодора, епископа курскаго, читавшаго жизнеописаніе сіе и дозволившаго представить оное въ цензурный комитетъ, ручаются за это“. Далѣе слѣдовали доказательства того, что жизнеописаніе вполнѣ пригодно служить къ назиданію вѣрующихъ [74]).

Синодомъ, однако, было отмѣчено на рукописи значительное число мѣстъ, или совершенно неудобныхъ къ печатанію, или же требующихъ разнаго рода измѣненій. Въ исправленномъ видѣ рукопись была напечатана въ синодальной типографіи, при чемъ первый экземпляръ былъ представленъ для провѣрки въ св. синодъ. Билетъ же на выпускъ изданія изъ типографіи былъ высланъ московскимъ комитетомъ.

Синоду, какъ высшей наблюдательной инстанціи, было препровождено московскимъ комитетомъ и „историческое сказаніе о чудотворной иконѣ св. Николая, именуемаго Ратнымъ“. Оно представляло собою копію справки, хранившейся въ курской консисторіи. Такъ какъ содержаніе рукописи находило подтвержденіе и въ непрерывномъ устномъ преданіи, то, по мнѣнію комитета, сказаніе могло бы быть одобрено. Тѣмъ не менѣе, объяснялъ онъ, „такъ какъ о чудесномъ избавленіи Коренной пустыни отъ татаръ мы не имѣемъ подтвержденія въ печатныхъ книгахъ, то положено представить св. синоду“ [75]).

Будучи хорошо освѣдомленъ, чрезъ м. Филарета, относительно особыхъ мнѣній Серафима, московскій д.-цензурный комитетъ предпочиталъ иногда исключать сверх-естественный элементъ изъ сказаній, чтобы имѣть возможность разрѣшать ихъ выпускъ своею властью, какъ просто назидательныхъ произведеній. Такъ, увлеченный сказаніемъ „о жизни и подвигахъ схимонаха Ѳеодора“, цензоръ Голубинскій съ сожалѣніемъ замѣтилъ, что „есть въ немъ и такія повѣствованія, которыя комитетъ самъ собою не можетъ одобрить. Таковы: замѣчаніе, что

[74]) А. С. С. 1841, 453. „Лишь объ одномъ повѣствованіи, по мнѣнію комитета, можно усомниться,—о томъ, какъ правая рука святителя, лежащаго во гробѣ, простерлась прямо, когда вдова секретаря Ильинскаго, заслужившаго гнѣвъ святителя, хотѣла приложиться къ ней. Конечно, и сіе повѣствованіе было бы назидательно, если бы показано было, что сія женщина участвовала въ неправдахъ мужа своего и потомъ, устрашенная неблаговоленіемъ святителя, недопустившаго ея къ рукѣ своей, обратилась къ покаянію. Но, какъ этого не показано, то, кажется, лучше будетъ о семъ случаѣ умолчать, дабы не подать повода къ превратнымъ понятіямъ о духѣ богоугоднаго іерарха“.

[75]) А. С. С. 1841, 454.

главы и персей нямецкаго пустынника Онуфрія не коснулось тлѣніе; видѣніе предъ смертью Ѳеодора множества людей въ храмѣ, облеченныхъ въ бѣлыя одежды и слышаніе радостнаго голоса изъ устъ покойнаго его друга іеросхим. Николая: настало время твоего отдохновенія, Ѳеодоре! Пріиди къ намъ! и друг.". По исключеніи всѣхъ подобныхъ мѣстъ повѣствованіе было напечатано [76]).

Вскорѣ, однако, и для этого обхода требованій устава не осталось мѣста. Въ 1841 году московскимъ духовно-цензурнымъ комитетомъ была пропущена брошюра гр. М. Толстого „житіе и чудеса св. Николая чудотворца", составленная на основаніи пролога, четьи-минеи, службы святителю и путешествія В. Г. Барскаго. Исключено лишь было упоминаніе Барскаго, что онъ видѣлъ „кости святителя не на мѣстѣ", т. е. „не въ составѣ тѣла", въ предотвращеніе „соблазна слабыхъ въ вѣрѣ".

По полученіи отпечатаннаго экземпляра синодъ нашелъ, что, помимо нарушенія синодальныхъ правъ изданія, житіе одобрено вопреки уставу безъ вѣдома и разрѣшенія синода и имѣетъ притомъ значительныя отступленія отъ церковнаго подлинника. Сверхъ всего этого оно „можетъ любителямъ древнихъ изданій представлять въ себѣ нѣчто новое и возбуждать разныя о томъ мнѣнія и толки". По этому поводу было издано „надлежащее подтвержденіе" д.-цензурнымъ комитетамъ и сообщено было для свѣдѣнія и гражданской цензурѣ [77]).

Свое предубѣжденіе къ новымъ сказаніямъ Серафимъ сохранилъ буквально до послѣдней минуты своей жизни. „Вспомнилось пересказать вамъ, писалъ Антонію м. Филаретъ, сказаніе о покойномъ владыкѣ Серафимѣ. Вы помните дѣло о иконѣ Божіей Матери Казанской, въ Симоновѣ, и знаете, что писалъ я по требованію синода въ прошедшемъ сентябрѣ, ссылаясь на мое прежнее мнѣніе, что время облегчить прежнее строгое предписаніе. Сказываютъ, нѣкоторый отзывъ государя императора побудилъ, наконецъ, членовъ св. синода взяться за сіе дѣло и утвердить мое мнѣніе, несмотря на постоянное противное мнѣніе первенствующаго члена. Составили протоколъ, подписали всѣ и чрезъ протоколиста представили владыкѣ, сказавъ, что они нашли нужнымъ рѣшиться на сіе, каково бы ни было его мнѣніе. Онъ сказалъ нѣсколько словъ, сообразныхъ съ прежнимъ его мнѣніемъ, но обѣщалъ уважить общее согласіе прочихъ: „оставь у меня до завтра". Но это завтра былъ день кончины его и онъ не подписалъ опредѣленія, исполненія котораго и до сихъ поръ не видно" [78]).

---

[76]) М. Д. Ц. К., 1839, 28.
[77]) К. О. П. С. С., 1844, 33680; М. Д. Ц. К., 1841,53.
[78]) Письма, ч. II, стр. 82, 23 апр. 1843 г.

Съ кончиною м. Серафима синодальныя разсужденія по поводу „чудесъ, кои не подвергались еще разсмотрѣнію Церкви“, [79]) утратили свой принципіальный характеръ. Но прежнія требованія „засвидѣтельствованія“ чудесъ и житій остались въ силѣ. И такъ какъ въ сороковые годы четьи-минеи и прологи пріобрѣли особенное „охранительное“ значеніе и ихъ неизмѣняемость, даже въ текстѣ, была подтверждена не однимъ указомъ, то неудивительно, что въ духовно-цензурныхъ комитетахъ возникло стремленіе прежде всего отсѣкать все, что было „не согласно“ съ этими источниками, или оказывалось пространнѣе ихъ [80]). Справедливость сказаній о подвигахъ церковныхъ дѣятелей изъ недавняго прошлаго повѣрялась комитетами путемъ сношеній съ мѣстными епархіальными учрежденіями. Письменное одобреніе рукописи епископомъ или консисторскія справки о служеніи и дѣятельности извѣстныхъ лицъ имѣли доказательное значеніе [81]).

Кромѣ разсмотрѣнія отдѣльныхъ новыхъ жизнеописаній, св. синодъ обязанъ былъ провѣрять опыты сводки агіологическаго, главнымъ образомъ русскаго матеріала. При обиліи мѣстночтимыхъ святыхъ, въ томъ числѣ почитаемыхъ, но неканонизованныхъ угодниковъ, попытки разобраться въ этомъ матеріалѣ конечно должны были возбуждать особенное вниманіе духовно-цензурнаго надзора. Но такъ какъ нелегко было духовнымъ цензорамъ, хотя бы и профессорамъ академій, входить въ роль ученыхъ историковъ, то неудивительно, что въ ихъ отзывахъ оказывались впослѣдствіи существенные пробѣлы.

Одинъ изъ такихъ цензурныхъ инцидентовъ произошелъ вслѣдствіе пропуска петербургскимъ комитетомъ „Историческаго словаря объ угодникахъ Православной Россійской Церкви“, изданнаго кн. Эристовымъ и Яковлевымъ. Онъ былъ одобренъ цензоромъ, священникомъ Ивановымъ, послѣ двукратнаго просмотра. „Тщательно составленнымъ“ призналъ словарь и другой членъ комитета Макарій, которому оберъ-прокуроръ Нечаевъ передалъ на разсмотрѣніе эту книгу уже предъ выпускомъ ея изъ типографіи. Впрочемъ, онъ уже отмѣтилъ и „немаловажную ошибку: наряду съ угодниками всею церковью признанными святыми поставлены мѣстночтимые и тѣ, о которыхъ, какъ о святыхъ угод-

---

79) СПБ. Д. Ц. К. 1847 г. „Дѣло о разсмотрѣніи житій святыхъ“, отзывъ Райковскаго.

80) Тамъ же. Отзывъ прот. Т. Никольскаго о житіи преп. Антонія сійскаго; Окунева о живописной панорамѣ свв. угодниковъ; сравн. СПБ. Д. Ц. К. 1839,35 о „гражданско-политическихъ“ жизнеописаніяхъ благовѣрныхъ князей ярославскихъ.

81) Перечень формальностей, связанныхъ съ этой провѣркой, можно видѣть, напр., въ совѣтахъ цензора Ѳ. Голубинскаго относительно описанія подвиговъ миссіонера архм-та Иліи. Хроника моей жизни. Автобіографическія записки... Саввы арх. тверскаго, т. I, (Сергіевъ-Посадъ 1893 г.) стр. 360—2.

никахъ, упоминаютъ лѣтописи". Въ качествѣ компромисса Макарій, а потомъ и присутствовавшій въ синодѣ В. Кутневичъ предлагали ограничиться, впредь до второго изданія, перепечаткой заглавія и перемѣной нѣкоторыхъ терминовъ (напр. вм. „достойными поклоненія" предлагали поставить „достойными почитанія"). Но м. Филаретъ взглянулъ на дѣло серьезнѣе. Пояснивъ на примѣрѣ Іуліаніи новоторжской ненадежность причтенія словаремъ къ лику святыхъ такихъ лицъ, къ „возвышенію памяти" которыхъ „не нашлось твердыхъ основаній", Филаретъ поставилъ передъ синодомъ вопросъ: „если св. синодъ утвердитъ" ихъ „въ словарѣ, то какъ можно будетъ отказать" имъ „въ полной чести, принадлежащей святымъ? Если св. синодъ заботится, чтобы иконъ неосновательно не называли чудотворными, то коликократно болѣе заботиться должно, чтобы безъ основанія не называли людей святыми и не воздавали святолѣпной чести тѣмъ, кому она вовсе не принадлежитъ".

Синодъ, разсмотрѣвъ въ трехъ засѣданіяхъ, съ точки зрѣнія этого отзыва, „Историческій словарь", обусловилъ выпускъ въ свѣтъ этого сочиненія тщательною его передѣлкою. Цензурному же комитету, виновному въ поспѣшномъ одобреніи книги, притомъ безъ вѣдома св. синода, „за такую невнимательность, показывающую небреженіе о своихъ обязанностяхъ", синодъ постановилъ сдѣлать черезъ конференцію строгое замѣчаніе, предоставивъ издателямъ право взыскать съ комитета понесенные ими убытки. Въ слѣдующемъ году словарь, согласно одобрительному отзыву комитета, утвержденному синодомъ, былъ перепечатанъ [82]).

Не удовлетворяясь типомъ краткаго словаря, лица, способныя къ соотвѣтствующимъ изысканіямъ, готовы были приняться за составленіе обширныхъ сводовъ житійнаго матеріала. Но отношеніе къ нимъ защитниковъ неприкосновенности четьи-миней имѣло силу быстро охлаждать эти порывы. Чтобы не распространяться долго, достаточно привести отрывокъ на эту тему изъ письма арх. Филарета къ Горскому уже отъ 1858 года.

Благодаря искусственнымъ препятствіямъ въ осуществленіи своей идеи создать житія святыхъ Филаретъ дождался того момента, когда съ нимъ началъ конкурировать А. Н. Муравьевъ. Оказалось, что тотъ и другой около двадцати лѣтъ лелѣяли эту мысль, и когда, въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ, былъ нѣсколько облег-

---

[82]) А. С. С. 1835, 1378. Перепечатывались книгопродавцами и справочники, какъ напримѣръ: ранѣе изданные «Любопытный мѣсяцесловъ Московской и Всероссійскія Церкви (М. 1794); Полный мѣсяцесловъ всѣхъ празднуемыхъ правосл. греко-восточною церковію святыхъ» (М. 1808, 1822). См. «Роспись россійскимъ книгамъ для чтенія изъ библіотеки Александра Смирдина.» СПБ., 1828, №№ 871, 876,—7.

ченъ доступъ къ архивнымъ документамъ, оба наперерывъ рѣшили использовать ихъ для своей цѣли. Муравьевъ успѣлъ, по обычаю, „предупредить духовныхъ“. Сверхъ того Филарету, какъ епископу, были поставлены болѣе суровыя требованія, въ видѣ „прежде всего строгой осмотрительности“. „При такомъ положеніи дѣла, не легко было, выражаясь словами Филарета, переносить то, что тогда какъ сочиненіе М. считаютъ терпимымъ опытомъ, отъ другого требуютъ сочиненія не другой цѣны, какъ канонической“ [83]). Мысль объ отнятыхъ десяткахъ лѣтъ волновала Филарета, и, какъ ни была, по отзыву Муравьева, „расшевелена харьковская жолчь“, все же много справедливаго высказалъ онъ въ слѣдующихъ словахъ названнаго отрывка: „Думаю передать здѣшней цензурѣ Ученіе объ Отцахъ, къ которому такъ охладили меня сужденія и толки прежняго времени..—Прислань ли въ синодъ отзывъ о житіяхъ,—не успѣлъ еще узнать. Для совѣсти, не только для ума, затрудненіе. Ученіе объ Отцахъ не только написано было по плану, одобренному членомъ синода, но и все написанное было имъ пересмотрѣно: и однако его освистали. Прибавьте, что за этимъ трудомъ едва не потерялъ я зрѣнія. Теперь потребовали плана для житій святыхъ послѣ того, какъ всѣ житія уже были написаны и требовали только повѣрокъ моихъ. Опять экзаменъ ученическій. Чѣмъ кончится онъ? Тѣмъ же, чѣмъ и экзаменъ по тому дѣлу? Другъ мой! святое дѣло быть ученикомъ; но сказано: отцы не раздражайте чадъ своихъ, тѣмъ болѣе, когда оказывается, что одному отцу то нравится,—другому другое, а третьему третье, иногда даже такъ, что себѣ самимъ не даютъ отчета“ [84]).

Болѣе полувѣка, считая съ 1812 года, продолжалась „исторія перевода Библіи на русскій языкъ“. Эта тема въ данную эпоху являлась господствующей въ библейской области: къ ней примыкали всѣ другіе вопросы, касающіеся священнаго писанія, и судьбами перевода опредѣлялись условія развитія вспомогательныхъ отраслей библейской науки.

Такъ какъ „глубокое убѣжденіе въ необходимости доставленія средствъ каждому человѣку читать Слово Божіе на понятномъ для него языкѣ“ [85]) несомнѣнно имѣло для себя корни

---

[83]) Письма духовныхъ и свѣтскихъ лицъ къ м. м. Филарету (изд. А. Н. Львовымъ). Письма д. с. с. камергера А. Н. Муравьева отъ 4 ноября 1856 г., стр. 274--277; Письма арх. черниговскаго Филарета отъ 9 янв. 1857 и 28 дек. 1858, стр. 195—199 съ прим. издателя.

[84]) Приб. къ твор. св. отцевъ въ русск. перев., изд. при моск. дух. акад., 1885, кн. IV, стр. 465—66. Письма Филарета арх. черниговскаго къ А. В. Горскому (отъ 10 іюня 1858 г., № 132).

[85]) Дѣло Россійскаго Библейскаго общества, № 64 (3 марта 1816 г.).

въ жизни, то и съ проблемой перевода церковная власть не могла покончить до тѣхъ поръ, пока она не была положительнымъ образомъ разрѣшена. Въ зависимости отъ теченія времени и своего состава синодъ могъ относиться къ этому дѣлу до противоположности различно, но игнорировать его было нельзя.

Въ 1812 году, 6 декабря, было открыто въ Петербургѣ отдѣленіе великобританскаго библейскаго общества. Первоначальною его цѣлью являлся переводъ священныхъ книгъ на многочисленныя инородческія нарѣчія имперіи [86]). Въ виду такой задачи общество могло пока являться для вѣдомства православнаго исповѣданія учрежденіемъ стороннимъ. Но это продолжалось недолго: чрезъ три-четыре года была вполнѣ сознана необходимость имѣть Библію на родномъ языкѣ главной массы населенія.

„Въ сіе примѣчательное время, разъясняли оффиціальные документы, когда священное писаніе прелагается спѣшно на природные языки и нарѣчія всѣхъ и даже наименѣе просвѣщенныхъ въ Россіи народовъ,—русскіе сами не могутъ еще пользоваться тѣмъ благополучіемъ, чтобы слово жизни вѣчной читать на собственномъ своемъ языкѣ, единственно вразумительномъ для цѣлаго народа россійскаго,—для столь многихъ милліоновъ душъ соотечественниковъ, ближнихъ и братій нашихъ“ [87]).

Благодаря подобнаго рода заявленіямъ, которыя „слышались теперь изъ всѣхъ концовъ Россіи, отъ лицъ всякихъ состояній“, [88]) а еще болѣе, конечно, въ силу категорическихъ напоминаній имп. Александра, синодъ въ 1816 году положилъ начало переводу книгъ новаго завѣта. Согласно первому высочайшему объявленію св. синоду по дѣлу о „преложеніи новаго завѣта съ древняго славянскаго на новое россійское нарѣчіе“, оно должно было производиться подъ смотрѣніемъ духовныхъ лицъ и „могло быть издано, для желающихъ, отъ россійскаго библейскаго общества вмѣстѣ съ древнимъ славянскимъ текстомъ, подобно какъ издано уже съ дозволенія св. синода посланіе къ

---

[86]) «Оставляя неприкосновеннымъ изданіе книгъ св. Писанія на славянскомъ языкѣ для исповѣдующихъ Греко-Россійскую вѣру, принадлежащее въ особенности и исключительно вѣдомству св. синода, я, докладывалъ имп. Александру А. Голицынъ, нахожу означенный проектъ дѣйствительно полезнымъ для распространенія въ Россіи чтенія ветхаго и новаго завѣта на разныхъ другихъ языкахъ, между обитателями иностранныхъ исповѣданій»... П. Собр. Зак., т. XXXII, (1812—1815), № 25.287.

[87]) Дѣла Россійскаго Библейскаго общества, № 64. Копія письма А. Н. Голицына м-ту спб.-скому Михаилу отъ 13 февраля 1820 г.

[88]) Тамъ же. Сравн., напр., труды священника Н. Мурзакевича,—особенно его «Исторію Божественнаго Откровенія», составленную въ 1810—14 году и представлявшую первый опытъ изложенія Евангелія на русскомъ языкѣ». Р. Стар., 1903, т. 114, ст. И. И. Орловскаго: Священникъ Н. А. Мурзакевичъ, обвиняемый въ измѣнѣ въ 1812 г.» стр. 105.

римлянамъ". Синодъ не замедлилъ опредѣлить схему распредѣленія работъ по переводу и по его цензурѣ:

„Для исполненія сей высочайшей воли поручить коммиссіи духовныхъ училищъ, дабы оная, избравъ въ здѣшней духовной академіи способныхъ къ сему важному труду, возложила на нихъ таковое переложеніе, и когда кѣмъ что переложено будетъ, то вносить оное въ россійское библейское общество для разсмотрѣнія членами онаго изъ духовныхъ особъ находящимися. А по таковомъ уже разсмотрѣніи и одобреніи издавать отъ россійскаго библейскаго общества, вмѣстѣ съ древнимъ славянскимъ текстомъ". [89])

Изложенная схема безспорно отличается крупными положительными достоинствами. Прежде всего, только тѣсная связь съ энергичной до увлеченія дѣятельностью библейскаго общества могла предохранить дѣло перевода отъ застоя въ обычныхъ переводческихъ и цензурныхъ комитетахъ. Въ библейскомъ обществѣ кн. Голицынъ, по положенію президента, не упускалъ случая напоминать духовнымъ особамъ о желаніи государя, „чтобы дѣло сего переложенія ускорено было по всей возможности", „дабы пріисканъ былъ способъ дать скорый и удобный ходъ дѣлу переложенія..., и приняты были такія мѣры къ постоянному производству онаго, посредствомъ коихъ можно было бы навѣрно предположить, во сколько времени сіе дѣло успѣетъ быть, съ помощью Божіею, совершено" [90]).

Въ виду этого тѣ мѣры, которыя „придуманы и предположены" были представителями іерархіи, носили большею частью прямо экстренный характеръ. Такъ, для ускоренія изданія ветхозавѣтныхъ книгъ было признано необходимымъ усилить переводный комитетъ писцами, которые бы, приготовляя шесть копій всего переводимаго въ засѣданіяхъ комитета, могли представлять ихъ для одновременной провѣрки членамъ комитета. Съ той же цѣлью было сдѣлано и перераспредѣленіе переводческихъ и цензорскихъ обязанностей. Корпораціямъ всѣхъ трехъ духовныхъ академій была поставлена опредѣленная задача—перевести на первый разъ по одной моисеевой книгѣ. По окончаніи частей перевода, ихъ предписано было подвергать просмотру въ составленныхъ по академіямъ комитетахъ изъ нѣсколькихъ лицъ, „какъ для усовершенія перевода, такъ и для повѣрки въ правильности онаго". Затѣмъ переводы представлялись непосредственно въ переводный комитетъ при библейскомъ обществѣ [91]).

---

[89]) Тамъ же. Опредѣленіе отъ 28 февраля 1816 года.

[90]) Дѣло Росс. Библ. общества, № 64 (1816). Отношеніе кн. А. Н. Голицына къ м. Михаилу отъ 20 февраля 1816 г. Много лѣтъ спустя м. Филаретъ писалъ намѣстнику Антонію: „Кн. Голицынъ конечно удобнѣе собралъ членовъ и приношенія, нежели сдѣлалъ бы то митрополитъ". Письма, ч. IV, стр. 142.

[91]) Дѣло № 64. Отношеніе м. Михаила отъ 13 іюня 1820 г.

Въ какой степени учитывались дни при выполненіи перевода, можно видѣть изъ письма епископа ревельскаго Григорія къ архіепископу московскому Филарету: „Книгу Числъ я получилъ: пересматривалась третьяго дня и вчера началась печататься. Ваши примѣчанія приняты большею частью. Прошу васъ покорнѣйше поспѣшить доставленіемъ книги Второзаконія. По напечатаніи книги Числъ будутъ непремѣнно ее требовать [92]).

Свидѣтельствованіе перевода комитетами носило учено-экзегетическій характеръ, заключалось, главнымъ образомъ, въ подыскиваніи выраженій, которыя могли бы пролить свѣтъ на неясныя мѣста славянскаго текста. И если при переводѣ новозавѣтныхъ книгъ приходилось для этого постоянно обращаться къ греческому подлиннику, то ключъ для возстановленія утраченной ясности многихъ мѣстъ ветхаго завѣта прежде всего могъ дать лишь текстъ еврейскій. Въ виду такой его роли переводчики уступали ему первенство даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ его смыслъ совершенно расходился съ привычными толкованіями. Скрывать отличія новаго перевода дѣятели библейскаго общества не считали нужнымъ. Они постарались лишь принять мѣры къ тому, чтобы, съ одной стороны, по возможности ослабить смущеніе „осторожныхъ чтителей древности“ а, съ другой,—разрѣшить сомнѣнія „незнающихъ еврейскаго и греческаго языковъ“, переводя ихъ на болѣе широкую точку зрѣнія.

Въ первомъ случаѣ вполнѣ цѣлесообразнымъ являлось синодальное рѣшеніе издавать переведенныя части Библіи не отъ имени св. синода, а лишь за подписью іерарховъ, входившихъ въ составъ библейскаго общества (митрополита петербургскаго, архіепископовъ московскаго и ярославскаго или же тверскаго). Благодаря этому частнымъ опытамъ не было сразу придано высокой церковной санкціи.

Къ достиженію той же цѣли должны были служить и частыя напоминанія издателей, что выпускаемые въ свѣтъ переводы являются не болѣе, какъ „опытами“, имѣющими относительное значеніе и требующими дальнѣйшей отдѣлки [93]). Особенно ясно изложена эта точка зрѣнія въ обращеніи „къ Хрістолюбивому читателю“, которое предпослано было русскому переводу псалтири.

---

[92]) Письма духовныхъ и свѣтскихъ лицъ къ м. м. Филарету, изд. А. Н. Львовымъ, стр. 661, отъ 7 марта 1824 г.

[93]) Когда Голицынъ отнесся къ м. Серафиму, чтобы онъ предложилъ комитету, не придумаетъ ли послѣдній вмѣсто перевода 4 ст. второго псалма: „Живущій на небесахъ улыбается, Господь смѣется имъ», „перевесть стихъ сей другимъ какимъ-либо образомъ, болѣе приличествующимъ“, комитетъ остановился на другой редакціи „Живущій на небесахъ осклабляется, и Господь посмѣвается имъ“. Слово „осклабляться“, пояснялъ Серафимъ, находится у Сираха... и яко славянское болѣе приличествуетъ здѣсь, нежели улыбаться. Лучше сего перевесть не придумали“, этими словами заканчивалось письмо. (22 окт. 1821 г.). Дѣла Р. Б. О. № 159, „О напечатаніи Псалтири на русскомъ языкѣ“.

„Есть-ли люди, заявляло оно, свѣдующіе въ языкахъ еврейскомъ и греческомъ, съ которыхъ преложены книги на славянскій и русскій, усмотрятъ въ какихъ-либо мѣстахъ предлагаемаго здѣсь перевода, что сіи мѣста могутъ быть представлены въ большей исправности и въ болѣе совершенномъ видѣ: на сей случай трудившіеся въ переводѣ искренно и убѣдительно просятъ таковыхъ сотрудничествовать въ семъ богоугодномъ дѣлѣ сообщеніемъ своихъ замѣчаній и исправленій, которыя приняты будутъ при другомъ изданіи сего перевода. Ибо настоящее первое изданіе есть опытъ“ [94]).

Тотъ же характеръ „опытовъ“ носили и слѣдующія изданія. Безъ какого либо смущенія и опасеній члены комитета вносили въ текстъ необходимыя поправки, „ибо, выражаясь словами письма Г. П. Павскаго, одного изъ главныхъ дѣятелей переводнаго комитета, комитетъ полагаетъ, что при всѣхъ другихъ изданіяхъ, ежели представятся уважительныя причины, можно и должно будетъ дѣлать перемѣны, наипаче до тѣхъ поръ, пока не будутъ сіи изданія печататься стереотипомъ“ [95]).

Лучшимъ выраженіемъ стремленія библейскаго комитета дать читателямъ руководящія точки зрѣнія при пользованіи переводомъ священнаго писанія служитъ, безспорно, предисловіе къ псалтири. Согласно высочайшей волѣ, изданіе псалтири на одномъ русскомъ—безъ славянскаго—языкѣ надлежало снабдить „поясненіями, свидѣтельствующими точность русскаго преложенія съ подлиннаго еврейскаго текста“. Представлялось три пути къ достиженію этой цѣли. Прежде всего можно было каждое отступленіе отъ славянскаго текста сопровождать немотивированнымъ замѣчаніемъ: „сіе мѣсто, не смотря на разность со словенскимъ, изложено здѣсь по точной силѣ и разуму подлиннаго еврейскаго текста“. Такой способъ соглашенія, по мнѣнію автора предисловія къ псалтири архіепископа Филарета, „приглашалъ бы читателя вѣрить точности перевода, но не убѣждалъ бы его никакимъ разсужденіемъ“. Съ другой стороны, можно было вводить въ общедоступное изданіе подробныя, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, разъясненія относительно преимуществъ того или другого чтенія. Однако „симъ способомъ, по мысли Филарета, не могутъ пользоваться не знающіе древнихъ языковъ и, слѣдовательно, для большей части читателей онъ будетъ безплоденъ. Сей способъ не сообразенъ и съ правилами библейскаго общества, которое, предпринявъ издавать священныя книги для назидательнаго употребленія читателямъ всякаго рода, сообразно съ сею цѣлью, не допускаетъ въ своихъ изданіяхъ ученыхъ примѣчаній и поясненій“.

---

[94]) Тамъ же.
[95]) Тамъ же. Письмо В. Попову, отъ 7 іюля 1822 г.

Все это побудило переводчиковъ „остановиться на третьемъ способѣ, именно: въ предисловіи предложить разсужденія о всемъ переложеніи и—для примѣра—поясненія нѣкоторыхъ особенныхъ мѣстъ... такъ, чтобъ ими могли пользоваться и не знающіе древнихъ языковъ читатели при руководствѣ общаго здраваго смысла“ [96]).

На основаніи изложенныхъ соображеній было составлено предисловіе къ псалтири и, нѣсколько позднѣе (въ 1823 г.), предисловіе къ изданію всего новаго завѣта на одномъ русскомъ нарѣчіи [97]). Проникнутое, въ виду новыхъ возраженій, о коихъ сейчасъ будетъ рѣчь, апологетическимъ духомъ, оно тѣмъ сильнѣе подчеркиваетъ широту той точки зрѣнія, на которой стояли, съ большею или меньшею искренностью, присутствовавшіе въ комитетѣ библейскаго общества іерархи.

„Для чего же не на обоихъ нарѣчіяхъ?—спросятъ осторожные чтители древности. Отвѣтствуемъ: для... удобнѣйшаго пріобрѣтенія и употребленія, для того, чтобы и бѣдному не трудно было пріобрѣсть безцѣнное сокровище [98]); для того, чтобы удобно вамъ было „положить словеса сіи у сердца вашего и научать симъ чада своя глаголати сія, сидящу тебѣ въ дому, и идущу тебѣ въ пути, и возлежащу ти и возстающу ти“. (Втор. XI, 18—19).

„Вѣроятно, продолжало обращеніе къ христолюбивому читателю, и много еще сдѣлано будетъ вопросовъ при видѣ и чтеніи настоящаго изданія: или, лучше сказать, трудящіеся въ переводѣ священнаго писанія уже слышали многіе вопросы по случаю предшествовавшихъ сему изданію опытовъ. Что же вы при семъ думали?—спросятъ, конечно, теперь. Отвѣтствуемъ: не думали мы упорно защищаться; но непрестанно полагая наше служебное дѣло къ стопамъ Бога Слова, отъ него единаго могли и дерзали ожидать защищенія Его истины, исправленія нашихъ несовершенствъ, свѣта для нашего невѣдѣнія, и въ семъ чаяніи вновь испытывали каждое слово сдѣланнаго перевода, которое подавало случай къ какимъ-либо вопросамъ, старались представить оный, сколько можно, точнымъ противъ подлинника, яснымъ для читающихъ, не подверженнымъ превратному истолкованію“.

„Большая часть вопросовъ о русскомъ переводѣ священныхъ книгъ имѣютъ основаніемъ одинъ вопросъ: почему русскій переводъ не довольно точенъ противъ славянскаго?—На сіе достаточенъ одинъ отвѣтъ: потому что съ возможною точно-

[96]) Дѣла Р. Б. О., № 159. Письмо арх. Филарета кн. А. Н. Голицыну.

[97]) Для надзора за его исправностью былъ приглашенъ комитетомъ колязинскій архимандритъ Аѳанасій, который, въ отвѣтъ на приглашеніе, писалъ: поставляю за особенную честь участвовать въ общеполезномъ дѣлѣ библейскаго общества... и надзоръ за исправностью... пріемлю на себя съ удовольствіемъ.» Дѣло Р. Библ. общества, № 197.

[98]) На обоихъ нарѣчіяхъ новый завѣтъ стоилъ не ниже четырехъ рублей въ переплетѣ. Тамъ же.

стію старались держаться подлинника греческаго, по древнѣйшимъ и вѣрнѣйшимъ его спискамъ, изъ которыхъ святые отцы выписывали евангельскія и апостольскія слова въ свои сочиненія или какія сохранились до нашихъ временъ".

Пояснивъ на примѣрѣ [99]) методъ сличенія списковъ библейскаго текста и свое стараніе „сохранить каждое, такъ сказать, малое зерно чистаго сѣмени слова евангельскаго", переводчики заканчивали „возглашеніе" такими словами: „Заключимъ наставленіемъ апостола Петра: „отложивъ всякую злобу, и всякій обманъ и лицемѣріе, и зависть, и всякое злорѣчіе, какъ новорожденные младенцы, возлюбите чистое словесное млеко, дабы отъ него возрасти вамъ во спасеніе. (1 Петр. II, 1, 2.) [100]).

Болѣе всего странно видѣть подъ такими разсужденіями подпись м. Серафима [101]). Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ сталъ уже настойчиво „говорить о чрезвычайномъ вредѣ библейскихъ обществъ, ...что они должны уничтожаться мало по малу, и скоро совсѣмъ уничтожиться" [102]). А седьмого ноября 1825 года онъ уже объявлялъ комитету библейскаго общества, что, по докладѣ имъ имп. Александру объ окончаніи печатанія перваго тома Библіи, „его императорскому величеству благоугодно было высочайше повелѣть, по представленію моему о семъ переводѣ, не приводить оный въ употребленіе впредь до разрѣшенія" [103]).

---

[99]) Ев. Лук., гл. IX, 23. ст. «...да возметъ крестъ свой на кійждо день».

[100]) Дѣло Росс. Библ. общ., № 197 (1823 г.).

[101]) Тамъ же. Подпись отъ 26 окт. 1823 года.

[102]) Письма дух. и свѣтск. лицъ къ м. м. Филарету (СПБ. 1900 г.), стр. 74—5. Письмо е. Григорія отъ 19 сент. 1824 г.

[103]) А. С. С. 1825, 1203. Окончательно библейское общество было закрыто въ 1826 г., съ передачею его имущества въ вѣдѣніе св. синода (П. С. З. т. I, № 475 (15 іюля 1826 г.).

Сравнительно съ опалой, постигшей русскій переводъ св. писанія, тотъ же кризисъ на другихъ переводахъ отразился менѣе рѣзко. Имп. Николай приказалъ «донести, есть ли неконченные другіе переводы», и на докладѣ об.-прок. Мещерскаго положилъ резолюцію: «Неконченное докончить». (Всеподд. доклады, хранящіеся въ канц. об-пр., 1826, № 214 и 1827, 8 янв, № 6.).

Съ цѣлью обезпечить правильность перевода на инородческіе языки библейскаго текста комитетъ общества принималъ возможныя мѣры. Въ частности, онъ даже приглашалъ въ Петербургъ свѣдущихъ въ мѣстныхъ языкахъ лицъ съ назначеніемъ имъ пристойнаго содержанія (напр. Татаурова для перевода на монголо-бурятскій языкъ; архим-та Варлаама „для надзора за изданіемъ книгъ на молдовлахійскомъ языкѣ" (А. С. С. 1817, 1173. Журналы Росс. библ. общества); сносился съ русскими и заграничными языковѣдами, наконецъ, съ готовностью передавалъ на разсмотрѣніе церковной власти переводы, особенно исполненные духовными лицами (напр. А. С. С. 1819, 19, 994; 1820, 938). Во всякомъ случаѣ способы провѣрки переводовъ у библейскаго общества были солиднѣе, чѣмъ тѣ, которыми располагала спеціальная церковная цензура. Послѣдняя, напр., должна была отдавать переводы евангелія на остяцкій и вогульскій языки цензору Павскому, правда лингвисту, но, по его собственному заявленію, не знавшему этихъ языковъ. (СПБ. Д. Ц. К. 1820. «Дѣло о разсмотрѣніи переводовъ евангелія на остяцкій и вогульскій языки, составленныхъ разными духовными лицами».

Взглядъ синода на распространеніе русскаго перевода св. писанія во вторую четверть XIX вѣка былъ, какъ извѣстно, противоположенъ отношенію къ этому дѣлу въ первую четверть. Новые ревнители не щадили словъ, чтобы заклеймить то, надъ чѣмъ съ увлеченіемъ трудились прежніе ревнители, или даже они сами. Однако, какъ было уже упомянуто выше[104]),—проявлять свой ригоризмъ въ безпрекословномъ осуществленіи крайнихъ плановъ Шишкова было не совсѣмъ удобно. Самъ государь, напримѣръ, въ 1827 году внимательно прочелъ особое мнѣніе митр. Филарета по вопросу о необходимости продолжать начатое библейскимъ обществомъ дѣло перевода и призналъ справедливыми его доводы [105]). Для противниковъ перевода оставался путь извилистый, гдѣ можно—потайной.

Въ чемъ состояли ихъ упованія,—объ этомъ лучше всего справиться у архм-та Фотія. Ибо нельзя отрицать, что перо его было при желаніи очень послушно своеобразному ходу его мысли, и онъ могъ въ краткихъ положеніяхъ выразить то, чему слѣдовали,—иногда не давая себѣ отчета,—его продолжатели. Итакъ, въ одной изъ поданныхъ имъ имп. Александру I записокъ въ числѣ мѣръ борьбы съ революціею указывается слѣдующая: „Библейское общество уничтожить подъ тѣмъ предлогомъ, что уже много напечатано библій и онѣ теперь не нужны; или сперва духовенству особенно въ руки отдать какъ сословію для того избранному отъ Бога, а послѣ уничтожить по времени оное“ [106]).

Передача библейскаго дѣла исключительно въ руки духовенства была, такимъ образомъ, по мысли Фотія, вѣрнымъ залогомъ его конца. Какъ желанная цѣль, ему уже тогда рисовалась картина полнаго истощенія воды „мутнаго источника“. Раздѣляя эту надежду, и митрополитъ Серафимъ въ письмѣ къ одному іерарху отъ 31 декабря 1824 спѣшитъ обрадовать его вѣстью: „Нарѣчіе сіе (россійское) не будетъ слышно въ Ветхомъ Завѣтѣ, а кажется, что оно очень скоро замолчитъ и въ Новомъ“[107]). Однимъ словомъ „папизмъ“, римско-католическій взглядъ на св. писаніе, сталъ „господствовать“[108]). Лишь эта ласкающая увѣренность въ благопріятномъ конечномъ результатѣ дозволяла побѣдителямъ оказывать нѣкоторое снисхожденіе къ привычкамъ опекаемыхъ. Такъ изъ запасовъ изданій библейскаго общества,

---

[104]) Стр. 157—8.

[105]) Сборникъ, изд... по случаю празднованія столѣтняго юбилея со дня рожденія Филарета м. м., т. II, стр. 287—9.

[106]) Р. Ст. 1895, XII, стр. 203. Автобіографія юрьевскаго архимандрита Фотія. (Записка имп. Александру отъ 29 апр. 1824 г.).

[107]) Письма разныхъ лицъ къ преосвящ. Парѳенію Черткову. (Оттискъ изъ Прав. Обозр. стр. 60). Письмо м. Серафима отъ 31 дек. 1824 г.

[108]) Письма духовн. и свѣтскихъ лицъ къ м. м. Филарету. Письма еписк. Григорія, стр. 68, отъ 3 іюля 1824 г.

находившихся при комиссіи духовныхъ училищъ, время отъ времени отправлялись по дух.-учебнымъ заведеніямъ въ ограниченномъ количествѣ экземпляры новаго завѣта съ русско-славянскимъ текстомъ [109]). Были, затѣмъ, въ широкомъ употребленіи близкіе къ евангельскому подлиннику своды повѣствованій евангелистовъ. Не тайной, наконецъ, были для начальства и кабинетныя переводческія занятія бывшихъ членовъ библейскаго общества.

Эта невыясненность положенія давала нѣкоторымъ поводъ смягчать значеніе кризиса 1824—6 года. Напримѣръ, м. Филаретъ въ 1824 году счелъ необходимымъ энергично оспаривать пессимистическій взглядъ своего викарія на судьбу русскаго перевода: „мысль, которой не ожидалъ, нахожу у васъ, преосвященнѣйшій: будто изданіе перевода новаго завѣта остановлено указомъ синода. Когда? Какимъ? Переданы дѣла библейскаго общества синоду: правда; перестали продолжать переводы ветхаго завѣта: правда; но и то сдѣлали нѣкоторые по своему образу мыслей, а нѣтъ о семъ никакого указа, ни повелѣнія. Не выпустили въ народъ напечатанной части перевода ветхаго завѣта: и это правда, но также безъ указа и повелѣнія. Что касается до перевода новаго завѣта: онъ до нынѣ продается въ синодальныхъ лавкахъ, и по епархіямъ, и никогда не былъ остановленъ ни только указомъ, но ниже самодуромъ. Докажите мнѣ, есть ли я ошибаюсь [110]).

Но вотъ прошло нѣсколько лѣтъ, и запасы изданій библейскаго общества стали замѣтно убывать. Ихъ истощеніе стало привлекать вниманіе многихъ. Даже близкіе къ синоду учрежденія не могли схватить сути новой политики. Такъ, въ началѣ 1832 г. контора московской синодальной типографіи просила синодъ о напечатаніи вновь новаго завѣта на одномъ русскомъ языкѣ на счетъ б. библейскаго общества въ виду того, что изъ переданныхъ въ 1826 г. изъ московскаго отдѣленія этого общества въ контору типографіи 3536 экземпляровъ осталось только 957 и „книгу сію весьма охотно покупаютъ“. Но синодъ постановилъ сообщить типографіи, что „по распродажѣ всѣхъ экземпляровъ новаго завѣта на одномъ русскомъ языкѣ могутъ быть продаваемы желающимъ таковыя же книги напечатанныя на русскомъ языкѣ съ славянскимъ переводомъ, которыхъ есть значительное количество какъ въ вѣдѣніи конторы, такъ особенно въ здѣшнихъ библейскихъ магазинахъ“ [111]).

---

[109]) Эти отпуски новаго завѣта «для учениковъ» практиковались даже въ концѣ тридцатыхъ годовъ. Дѣла К. О. П. С. С., 1837 г., 48; 1838, 151, 154; 1839, 48. Въ 1842 г. въ синодальныхъ книжныхъ лавкахъ находилось не болѣе ста экземпляровъ новаго завѣта съ параллельными текстами. А. С. С. 1842, 1210.

[110]) Прибавленія къ твор. св. отцевъ, 1872 г., ч. 25, стр. 558—9.

[111]) А. С. С., 1832, 616.

„Служеніе слова“ въ интересахъ многомилліоннаго русскаго народа сразу встрѣтило неблагосклонное къ себѣ отношеніе, и зерно ревности о распространеніи слова Божія пало „не на готовую почву“[112]). Возникалъ вопросъ: отчего это?

Уже въ 1834 г., въ письмѣ къ оберъ-прокурору Нечаеву, м. м. Филаретъ бросилъ мимоходомъ фразу: „русскіе тексты составляютъ ли ересь, пусть рѣшатъ другіе“ [113]). Здѣсь онъ вѣрно опредѣлилъ какъ общую современную постановку вопроса о русскомъ текстѣ, такъ и задачу, которую слѣдовало рѣшить „другимъ“, т. е. противникамъ перевода. Но тѣ не произносили опредѣленнаго рѣшенія. Удерживая у себя новые опыты переводовъ ветхозавѣтныхъ книгъ, они въ то же время не давали опредѣленныхъ указаній и цензурнымъ комитетамъ. Предоставленные же самимъ себѣ духовные цензоры конца двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ не могли питать какого-либо фанатическаго предубѣжденія противъ русскаго перевода. Они запрещали лишь „смѣшеніе нарѣчій“, не допускали самопроизвольныхъ переводовъ. Но на счетъ предпочтенія того или другого текста цензоры выражались такъ: „почему бы сочинителю не руководствоваться или переводомъ чисто славянскимъ, или одобреннымъ для общаго употребленія русскимъ“, или еще опредѣленнѣе: „При приведеніи текстовъ, разъяснялъ одному автору Голубинскій, нужно держаться россійскаго перевода кн. Бытія, н. завѣта и псалтири, изданныхъ по благословенію св. синода, во 1, по причинѣ предпочтительной вѣрности и ясности онаго; во 2, потому что, по удержаніи славянскаго перевода, многіе тексты не могутъ болѣе служить доказательству положеній, кои на нихъ утверждаются, и, въ 3, для однообразія. Сверхъ сего нужно исправить согласно съ еврейскимъ подлинникомъ переводъ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ св. писанія: Исаіи III, 2—3, Притч. XXX, 7—9... Точный переводъ сихъ текстовъ написанъ мною въ самой рукописи“[114]). Такое же отношеніе къ „общепринятому русскому переводу выражали и нѣкоторые члены петербургскаго комитета [115]).

Однако, къ концу тридцатыхъ годовъ проблески самостоятельныхъ взглядовъ цензоровъ на этотъ предметъ исчезаютъ. Цензура, какъ среда весьма чуткая, притаилась въ ожиданіи критическаго момента, и комитеты охотно отсылали на разсмотрѣніе синода поступавшія къ нимъ не только „переложенія“, но даже священныя исторіи съ выписками изъ Библіи на рус-

[112]) Письма Филарета м. м. и колом. къ Высочайшимъ особамъ и разнымъ другимъ лицамъ. (Тверь 1888), I, стр. 124.
[113]) Р. Арх;. 1893, I, 217.
[114]) М. Д. Ц. К., 1826, 26 окт.—19 ноябр.; 1829, 25.
[115]) СПБ. Д. Ц. К., 1834, 32, 22.

скомъ языкѣ, „стихотворныя упражненія“ на библейскіе мотивы и т. д.[116]).

На то, что острая постановка вопроса о „двухъ библіяхъ“ не заставитъ себя долго ждать, косвенно указывалъ и разгорѣвшійся въ то время и по тому же предмету споръ на греческомъ востокѣ. Тамъ боролись двѣ партіи. Одна, во главѣ съ протосинкелломъ К. Экономосомъ, напрягала всѣ усилія, чтобы собрать доказательства исключительнаго значенія перевода LXX. Другая, руководимая іерод. Вамвою и Фармакидомъ, отстаивала права еврейско-мазоретскаго текста, какъ оригинала. По общему типу греческихъ религіозныхъ споровъ, пренія, перейдя на столбцы газетъ, отличались страстностью и клейменіемъ однихъ другими. Съ цѣлью заручиться поддержкою, представители той и другой партіи привлекали и русскую церковь, ссылались на судьбу въ Россіи библейскаго общества, дѣлали ссылки на катехизисы Филарета, наконецъ, старались ознакомить русскихъ іерарховъ съ своими доводами, выяснить ихъ отношеніе и, если возможно, добиться ихъ санкціи.

Когда министерство иностранныхъ дѣлъ доставило въ св. синодъ, согласно просьбѣ К. Экономоса, ἐπίκρισις,—изложеніе доводовъ въ защиту перевода LXX въ связи съ разборомъ мнѣній противниковъ, синодъ передалъ книгу для перевода и отзыва въ петербургскую академію. Отзывъ конференціи вкратцѣ излагалъ исторію спора и вкратцѣ же передавалъ основныя положенія Экономоса, сохраняя ихъ образную форму. Онъ цитировалъ слова автора, что „еврейскій подлинникъ въ настоящее время подобенъ древней золотой монетѣ, которая, хотя подлинна и истинна, но обезображена, изуродована, обрѣзана, исколота,... подобенъ обломкамъ богоначертанныхъ скрижалей, сокрушенныхъ Моисеемъ“, и т. п. Упомянуто было въ отзывѣ и о доводахъ Экономоса, что „изъ труднѣйшихъ для уразумѣнія книгъ в. завѣта, напр. пророческихъ, народу достаточно знать и то, что читается въ церкви; что вовсе нѣтъ причины переводить на

---

116) А. С. С., 1836, 1557 и 1555. Когда Ал. Норовъ представилъ въ цензуру «Отголосокъ Патмоса»,—переложеніе апокалипсиса въ стихи, синодъ, вопреки мнѣнію комитета, «призналъ неприличнымъ столь важную пророчественную книгу издавать въ преложеніи на общеупотребительномъ языкѣ, на которомъ невозможно сохранить ни силы, ни выразительности славянскаго текста» и постановилъ: означенную книгу и другія подобныя оной книги печатать не дозволять» (20 янв 1837 г.).

Характерный запросъ послалъ по этому поводу Сербиновичъ въ канцелярію св. синода: «не состоялось ли, спрашивалъ онъ, въ текущемъ году опредѣленія о подверганіи цензурному воспрещенію переводовъ книгъ св. Писанія?..“ Синодальная канцелярія пока могла препроводить лишь копію опредѣленія отъ 20 января, выражая надежду: «не удовлетворитъ ли оно требованію, въ томъ запросѣ изложенному». (1836, 1557).

общенародный языкъ книги в. завѣта, вразумительныя и безъ перевода, особенно (же) новый завѣтъ, писанный удобопонятнымъ для всѣхъ греческимъ языкомъ, коимъ глаголалъ Духъ Божій чрезъ апостоловъ; что вовсе несправедливо сказано Вамвою въ отзывѣ, якобы въ Россіи переводъ св. писанія на россійскій языкъ пользуется великимъ уваженіемъ въ народѣ; что новоэллинскій переводъ библіи изданъ безъ соизволенія и благословенія патріарховъ; что вообще врагъ человѣкъ и сѣятель плевелъ первый подалъ мысль къ сему переводу, который совершили сыны противленія, и что, слѣдовательно, нельзя ожидать отъ перевода тѣхъ вожделѣнныхъ плодовъ для Греціи, какія обѣщаетъ Вамва"[117]).

Докладъ конференціи синодомъ былъ принятъ „къ свѣдѣнію", и, можно думать, въ собственномъ, а не въ канцелярскомъ лишь смыслѣ этого термина. Знакомясь съ ходомъ спора главнымъ образомъ посредствомъ случайныхъ депешъ посланниковъ, болѣе правовѣрные члены синода видимо стали опасаться возникновенія и у насъ „преній о вѣрѣ". Замалчиваніе же назрѣвшихъ темъ, какъ и всегда, вызывало своеобразное нервное настроеніе, подозрительность ко всякой попыткѣ ихъ разрѣшенія. Въ переданныхъ біографомъ м. кіевскаго Филарета (Амфитеатрова), со словъ А. Н. Муравьева, разсказахъ содержится немало бытовыхъ подробностей, вполнѣ подтверждающихъ это. Согласно имъ, въ 1839 г. м. Серафимъ уже не могъ равнодушно слышать о „блажномъ" Макаріи (Глухаревѣ)—„безумномъ фанатикѣ" перевода, грозилъ сдѣлать предложеніе въ синодѣ о высылкѣ Макарія съ жандармами, „спятить его въ Спасо-Евѳиміевъ", доложить, наконецъ, государю о сочувствіи идеямъ Макарія членовъ синода—обоихъ митрополитовъ Филаретовъ [118]).

Дѣйствительно, тяготясь незаслуженными упреками и подозрѣніями, названные члены синода, вмѣстѣ съ другими сочувствующими, напр. арх. Григоріемъ (Постниковымъ), сочли за лучшее именно теперь попытаться сдѣлать что-н. къ разъясненію положенія. Такъ, даже смиренный и въ глубинѣ души не склонный къ радикальному рѣшенію вопроса о текстѣ св. писанія, м. кіевскій Филаретъ отважился на нѣкоторыя возраженія. Въ одномъ изъ разговоровъ съ м. Серафимомъ, наскучивъ его сентенціями, онъ началъ уличать самаго первенствующаго члена въ непослѣдовательности, указывая, что коммиссія духовныхъ училищъ, представителемъ коей былъ Серафимъ, въ предыдущіе годы

[117]) А. С. С., 1839, 676.

[118]) Высокопреосвященный Филаретъ,... (Амфитеатровъ), м. кіевскій и галицкій и его время. Составлено архм. Сергіемъ (Василевскимъ). Т. I, стр. 426—36 (Казань. 1888).

принимала,—хотя бы къ предварительному разсмотрѣнію,—опыты переводовъ Макарія [119]).

Митрополитъ московскій хотѣлъ другимъ путемъ поставить на очередь обсужденіе вопроса о русскомъ переводѣ. Послѣ неудачи съ изданіемъ отдѣльныхъ ветхозавѣтныхъ книгъ въ переводѣ архм. Макарія, онъ сдѣлалъ попытку поддержать идею новаго изданія „четвероевангелія", т. е. „свода во едино четырехъ евангелистовъ" [120]).

Одобренный въ 1804 г. синодомъ и довольно широко распространенный въ александровское время „сводъ" Чеботарева значительно устарѣлъ. И конференція московской академіи, давая о немъ въ 1839 г., по порученію синода, отзывъ, заявила, что, при новомъ изданіи, „его надлежитъ не исправлять, а надобно составить совершенно новый сводъ св. евангелій". Новый сводъ конференція уже имѣла подъ руками: еще ранѣе онъ изложенъ былъ баккалавромъ церковной исторіи Ѳ. Платоновымъ, примѣнительно къ „начертанію церковно-библейской исторіи". Уже одно это, по мнѣнію конференціи, дѣлало его „несомнѣнно согласнымъ съ содержимыми православною церковью началами толкованія св. писанія."

Синодъ потребовалъ рукопись къ себѣ. Изъ уклончивыхъ рѣчей синодальныхъ членовъ Филаретъ понялъ, что главнымъ препятствіемъ къ ея пропуску послужитъ ея русскій текстъ. Предвидя это, онъ даетъ совѣтъ ректору своей академіи: „О сводѣ евангелій на словахъ соглашаются, чтобы онъ былъ на русскомъ: но, чтобы сіе не забыть, и чтобы разрѣшеніе и дѣло было не сомнительно, просите на сіе разрѣшенія формально, съ упоминаніемъ, что на славянскій передѣлывать было бы много работы". [121])

Спустя мѣсяцъ послѣ этого письма конференція сдѣлала представленіе въ духовно-учебное управленіе, повторяя рекомендованную митрополитомъ мотивировку, съ добавленіемъ, что „сводъ составленъ по изданному съ благословенія св. синода переводу". Но ходатайство ея не имѣло успѣха. Синодъ, „принимая въ соображеніе, что столь важный трудъ, какъ сводъ четырехъ евангелистовъ" сверхъ ясности изложенія, послѣдовательной связи событій и строгаго согласія со всѣми, содержимыми православною церковью началами изъясненія св. писанія, требуетъ вообще во всѣхъ частяхъ своихъ возможнаго совершенства, котораго нельзя признать и въ „сводѣ" Платонова и которое необходимо, дабы книга сія достаточно соотвѣтствовала высокому и священному

---

119) Тамъ же, стр. 431: «Но не успѣлъ почти и кончить своихъ словъ Филаретъ, какъ старецъ почти затрясся... «Что, что?! Какія это ты дѣлаешь указки то мнѣ—не въ бровь, а прямо въ глазки?».

120) А. С. С., 1839, 674.

121) Письма Филарета м. м. къ арх. Филарету Гумилевскому (М. 1884), отъ 10 янв. 1841 г.

содержанію своему, положилъ оставить изданіе свода четырехъ евангелистовъ до тѣхъ поръ, пока не представится опытъ вполнѣ того заслуживающій."

Это уклончивое опредѣленіе было, такъ сказать, послѣднимъ отвѣтомъ, который можно было дать, слѣдуя уклончивой по существу программѣ архм-та Фотія. Казуистическія объясненія, вродѣ „много уже напечатано библій", и субъективные доводы, вродѣ угрозы м. Серафима: „если будете настаивать на переводѣ, я выйду въ отставку", [122]) уже нимало не достигали цѣли. Ихъ долженъ былъ смѣнить споръ о принципахъ, о подлинныхъ „содержимыхъ церковью началахъ толкованія свящ. писанія". Съ каждымъ годомъ обстоятельства заставляли іерархію все пристальнѣе всматриваться въ эту проблему и искать ея рѣшенія.

Въ 1841 году, чтобы „угомонить" (какъ выражались объ этомъ) архм. Макарія, который, „употребляя предъ св. синодомъ настояніе о продолженіи перевода св. писанія на русское нарѣчіе, преступилъ предѣлы своего званія и своихъ обязанностей, входя въ сужденія, несогласныя съ рѣшеніемъ, уже принятымъ по сему предмету высшею властью",—синодъ подвергнулъ его эпитиміи при томскомъ архіерейскомъ домѣ. Но даже въ это административное опредѣленіе, основанное на 55 апостольскомъ правилѣ (объ ослушникахъ), включены были и нѣкоторые доводы по существу вопроса,—соображенія въ пользу „природнаго славяно-русскаго языка, на которомъ и простолюдины священное писаніе читаютъ и разумѣютъ". [123])

Поднятое же въ слѣдующемъ году дѣло о „противозаконномъ переводѣ" Павскаго дало возможность заподозрить благонамѣренность всѣхъ сочувствовавшихъ переводу. Пользуясь обстоятельствами, защитникъ неприкосновенности славянскаго текста архм. Аѳанасій выступилъ съ „изложеніемъ содержимыхъ церковью началъ толкованія св. писанія" въ своей „Сокращенной герменевтикѣ". Здѣсь въ якобы научной формѣ повторялись прежнія нападки на русскій переводъ, было „устремлено критическое оружіе" на доводы поборниковъ распространенія св. писанія съ точки зрѣнія привилегій церкви учащей; какъ бы мимоходомъ указывалось, что Библія сама по себѣ не излагаетъ образца здраваго ученія, причемъ въ качествѣ авторитета выдвигались свидѣтельства богослужебныхъ книгъ, и т. д. [124])

Этотъ опытъ былъ отданъ Пратасовымъ на рецензію обоимъ опальнымъ членамъ синода. Ихъ отзывы должны были оконча-

---

[122]) Прав. Обозр., 1868, т. 26, стр. 526-7.

[123]) Подъ славяно-русскимъ разумѣется здѣсь ц.-славянскій языкъ. Исторія перевода Библіи на русскій языкъ. И. Чистовича, (Спб. 1899), стр. 232.

[124]) Собраніе мнѣній и отз. м. Филарета, т. III, № 270 и 272, особ. стр. 73-76, 82, 87-90.

тельно выяснить для Пратасова убѣжденія оппозиціи. Филаретъ кіевскій, потрясенный дѣломъ Павскаго, притомъ „не охотникъ вникать въ критическія соображенія“ [125]), предоставилъ эту тяжелую обязанность своему соименнику. И тотъ замѣчаніями на трудъ Аѳанасія сдѣлалъ вполнѣ достаточное количество прорывовъ въ теоретическихъ сплетеніяхъ, чтобы обнаружить ихъ непрочность. Въ своей же тщательно продуманной запискѣ 1845 года м. м. Филаретъ намѣтилъ планъ соглашенія двухъ текстовъ Библіи путемъ взаимныхъ ограниченій и повѣрокъ. Конечно, и этотъ компромиссъ не могъ удовлетворить крайнихъ противниковъ перевода. Эта записка, пріобрѣвшая существенное значеніе при возобновленіи въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ перевода, осталась въ свое время безъ движенія потому, что при Пратасовѣ даже „немощное слово Рафальскаго“ [126]) было въ силѣ остановить ее,—прекратить вообще экзегетическіе споры. Наступила пора какой-то апатіи къ живому нѣкогда дѣлу,—„парализація силъ, останавливающая движеніе науки“, по весьма вѣрному замѣчанію архм. Михаила [127]).

Въ числѣ отмѣчаемыхъ цензурою недостатковъ сочиненій весьма часто оказывается теперь новый. „Всѣ библейскіе тексты, негодовали цензоры, приводятся не по славянской Библіи, какъ бы надлежало, но или по русскому переводу, который теперь уже не издается, или по переводу самой переводчицы“ [128]). Избѣжать печальной участи сочиненіе могло лишь чрезъ безпрекословное повиновеніе автора требованію: всѣ русскіе тексты замѣнить славянскими [129]).

При такой практикѣ духовной цензуры, конечно, весьма наивнымъ является тотъ авторъ, который въ 1846 г. представилъ въ спб. духовно-цензурный комитетъ цѣлый трактатъ въ оправданіе своихъ ссылокъ на св. писаніе въ русскомъ переводѣ. Онъ указывалъ на „потребность вѣка, объясненную подробно въ

---

[125]) Отзывъ о немъ м. м. Филарета. Чт. въ общ. люб. дух. просв., 1877 г., ноябрь, 140-2.

[126]) М. Антонія, преемника м. Серафима. Чт. въ общ. люб. дух. просв., 1882, ноябрь—декабрь, стр. 300.

[127]) Столѣтіе изъ исторіи толкованія Библіи у насъ въ Россіи. Рѣчь на публичн. актѣ въ московской духовной академіи 1877 г., стр. 34.

[128]) СПБ. Д. Ц. К., 1845, 34; 1840, 28. Лишь въ нѣкоторыхъ отзывахъ прот. Ѳ. Голубинскаго сохранились слѣды прежняго взгляда на русскій текстъ. Ср. особенно дѣло М. Д. Ц. К., 1848, 13 о брошюрѣ: Архимандритъ Макарій (Глухаревъ), подвижникъ и благовѣстникъ слова Христова“.

[129]) 1847, О соч. тайн. с. А. С. Норова „Путешествіе къ семи малоазіатскимъ церквамъ; 1851, 4. Поставляя выше всего охраненіе неприкосновенности Библіи, петербургскій дух.-ц. комитетъ счелъ нужнымъ сдѣлать множество примѣчаній на „отступленія отъ общепринятаго текста“—Остромирова евангелія. Тенденціозность этихъ нападокъ достаточно раскрылъ въ своихъ отзывахъ м. Филаретъ. (Собр. мн. и отз., т. III, № 257 и 261).

высочайшемъ указѣ св. синоду отъ 22 февр. 1816 г.", на то, что въ предисловіи къ псалтири на россійскомъ языкѣ, подписанномъ тремя знаменитыми архіереями, сказано, что греческій переводъ сдѣланъ съ еврейскаго „съ утратою ясности, причемъ неправильность перевода греческаго объяснена со всею подробностью". Не могъ онъ понять, почему же теперь цензура зачеркнула выраженіе: „Православная церковь признаетъ вѣрнѣйшими тексты св. писанія на еврейскомъ и греческомъ языкѣ" и надписала „вѣрнѣйшій находится въ переводѣ LXX". „Я, заключаетъ оппонентъ, вознесъ бы клевету на православную церковь, сказавши, что она считаетъ вѣрнѣйшимъ текстъ LXX и приписалъ бы ей то, что не одобряю въ мнѣніи латинской церкви въ отношеніи Вульгаты"[130]).

Конечно, на такія запоздалыя возраженія комитетъ не считалъ нужнымъ отвѣчать. Равнымъ образомъ и синодальные члены до того прониклись „папистической" теоріей охраненія книгъ священнаго писанія, что очень послѣдовательно дѣлали изъ нея практическіе выводы. Подтвержденіемъ можетъ служить слѣдующее характерное дѣло.

Чиновникъ изъ департамента военныхъ поселеній Мироненко обратился въ синодъ съ ходатайствомъ объ исправленіи нѣкоторыхъ выраженій въ акаѳистѣ св. Троицѣ (издан. въ 1849 г.) и о совершеніи „молебнаго служенія о преданіи анаѳемѣ" не только въ казанскомъ, но и въ другихъ столичныхъ соборахъ. Не получая отвѣта, онъ обратился съ прошеніемъ на высочайшее имя, что и вызвало особое опредѣленіе синода въ концѣ 1851 г. Духовному отцу Мироненки („или другому опытному священнослужителю") было поручено „объяснить ему, что онъ неправильно понимаетъ и толкуетъ мѣста св. писанія, касающіяся приснодѣвства Богоматери, и что, сверхъ того, онъ пріемлетъ на себя тяжкій грѣхъ, позволяя себѣ входить въ сужденія и толковать, къ соблазну своему и другихъ, св. писаніе, истолкованіе коего зависитъ единственно отъ церкви православной, которой онъ долженъ вѣрить и повиноваться безусловно".

Пратасовъ, по порученію синода, увѣдомилъ, кого слѣдуетъ. Вскорѣ чрезъ начальника III отдѣленія былъ полученъ отзывъ военнаго министра, что Мироненко за неумѣстное вмѣшательство его въ сужденіе объ одномъ выраженіи въ акаѳистѣ... сдѣланъ выговоръ со внушеніемъ ему, чтобы на будущее время въ разборъ предметовъ вѣры вовлекаться не осмѣливался. При этомъ была отобрана и росписка слѣдующаго содержанія: „Я, нижеподписавшійся, даю сію подписку г. директору департамента военныхъ поселеній въ томъ, что отнынѣ я отнюдь не буду

---

130) СПБ. Д. Ц. К., 1846, 12.

входить ни письменно, ни словесно ни въ какое разбирательство священнаго писанія, или предметовъ до вѣры относящихся, подвергая себя за нарушеніе сего строжайшей отвѣтственности по усмотрѣнію моего начальства".

Подписку эту, удостовѣряющую, „что онъ, Мироненко, впредь никогда не будетъ утруждать никого ни на словахъ, ни на бумагѣ объ измѣненіи выраженій въ православномъ ученіи,— приказали (св. синодъ) принять къ дѣлу, предписавъ митрополиту о будущихъ наблюденіяхъ духовнаго отца Мироненко доносить св. синоду въ свое время, если въ томъ будетъ усмотрѣна имъ, преосвященнымъ, надобность" [131]).

Какими подозрѣніями окружали ревнители всякое проявленіе интереса къ русскому переводу, видно изъ краткаго обмѣна „отношеніями" двухъ вѣдомствъ. „По встрѣтившейся надобности", департаментъ военныхъ поселеній просилъ синодальное хозяйственное управленіе увѣдомить, продаются ли въ синодальной книжной лавкѣ и по какой именно цѣнѣ псалтири на русскомъ языкѣ. Послѣ доклада Сербиновичемъ Пратасову объ этомъ странномъ отношеніи, былъ посланъ въ департаментъ запросъ: „для кого и съ какою цѣлью требуются книги: псалтырь на русскомъ языкѣ, а также новый завѣтъ на славянскомъ и русскомъ языкѣ?" Къ сожалѣнію, изъ дѣла не видно, полученъ ли былъ отвѣтъ департамента и что послѣдній нашелъ сказать въ оправданіе своего намѣренія имѣть псалтирь и новый завѣтъ на общеупотребительномъ языкѣ [132]).

Впрочемъ, къ пятидесятымъ годамъ не только экземпляры русскаго перевода считались уникамп [133]). Ощущался недостатокъ даже въ книгахъ священнаго писанія на славянскомъ языкѣ. Конечно, на складахъ синодальныхъ типографій всегда оставалась извѣстная свободная наличность экземпляровъ Библіи. Но, съ другой стороны, недостаетъ и фактовъ, которые подрывали бы основное впечатлѣніе, выносимое изъ изученія тогдашней церковной политики, именно: не объ евангелизаціи паствы была тогда забота, а напротивъ,—объ ограниченіи доступа св. писанія въ массы.

---

[131]) К. О. П. С. С., 1850, 44272.

[132]) К. О. П. С. С., 1847, 39246.

[133]) Неудивительно, что при такомъ взглядѣ на русскую Библію она сдѣлалась предметомъ контрабанды. Когда таможня представила въ синодъ 12 экземпляровъ новаго завѣта и псалтири, которые кн. Голицынъ «невинною душою» купилъ въ Лейпцигѣ, м. Филаретъ писалъ и. об. оберъ-прокурора А. И. Карасевскому: „Сей случай показываетъ, что въ русскомъ переводѣ чувствуютъ нужду. А изъ сего рождается вопросъ: лучше ли, чтобы симъ пользовались украдкою и незаконно, или лучше пересмотрѣть переводъ и допустить его употребленіе законное?". Письма... къ высочайшимъ особамъ и разн. др. лицамъ, (Тверь 1888), стр. 29; отъ 12 окт. 1855 г.

„Славянскій новый завѣтъ, жаловался преосв. Иннокентію А. С. Стурдза въ 1853 г., несмотря на послѣднее, недавнее изданіе для арестантовъ, уже истощившееся, добывается теперь съ большимъ трудомъ и за высокую цѣну. Такимъ образомъ—единое на потребу становится недоступнымъ для большинства христіанъ, по крайней мѣрѣ у насъ въ южной Россіи; гладъ и жажда душъ остаются неутоленными! Ветхій и новый завѣтъ кіевскаго и московскаго изданія не продаются отдѣльно; въ совокупности же Библія стоитъ пять руб. сер. Послѣ сего, что прикажете дѣлать грамотному простолюдину? Для арестантовъ позволено изданіе новое; почему не для всѣхъ? Не всѣ ли мы—арестанты, точнѣе-плѣнники и узники грѣха.

„Итакъ, заключалъ Стурдза, умоляемъ васъ: благоволите, владыко, нынѣ возсѣдя въ соборѣ нашихъ святителей, благоволите вступиться за грѣшниковъ и выпросить у св. синода новую духовную милостыню для всѣхъ насъ, въ особенности же для братій сихъ меньшихъ Спасителя премилосердаго“ [134]).

И бросая въ тѣ же годы (1848—9) общій взглядъ на ходъ церковной жизни въ Россіи втеченіе полувѣка, тотъ же Стурдза—самъ бывшій при Шишковѣ „ревнителемъ отеческихъ преданій“—произноситъ суровый приговоръ преемникамъ библейскаго общества. „Потомъ, пишетъ онъ, туча нашла: громы ударили въ россійское библейское общество, а съ нимъ прекратились дешевыя изданія ветхаго и новаго завѣта на пользу и утѣшеніе вѣрующихъ; какъ будто библейское дѣло подъ непосредственнымъ вліяніемъ синода перестало быть дѣломъ Божіимъ за то только, что общество, имъ занимавшееся, попало не въ милость! Разбили сосудъ и вмѣстѣ пролили безсмысленно хранившееся въ немъ муро. Право не знаю: до какихъ поръ суждено намъ младенчествовать разумомъ и мгновенно переходить отъ одной крайности въ другую, ко вреду Россіи православной“ [135]).

Идя далѣе, охранительная политика признала несоотвѣтствующими своей цѣли тѣ пособія къ толкованію св. писанія, которыя еще удержались въ школахъ, какъ наслѣдіе прошлыхъ временъ. Таковы были: „Изъясненіе воскресныхъ и праздничныхъ евангелій“, „Чтенія изъ четырехъ евангелистовъ“, „Историческія чтенія изъ книгъ ветхаго завѣта“. „Чтенія эти принесли громад-

---

[134]) Письма А. С. Стурдзы къ Иннокентію, арх. херсонскому и таврическому. (Одесса 1894), стр. 44—5 (1 февр. 1853 г.).

Даже по духовно-учебнымъ заведеніямъ Библія распространялась въ ограниченномъ количествѣ. Такъ, на 800 воспитанниковъ владимірской духовной семинаріи приходилось всего 30 экземпляровъ Библіи. Н. Малицкій. Исторія владимірской духовной семинаріи. Вып. II. (М. 1902), стр. 130—1.

[135]) „О судьбѣ православной церкви русской въ царствованіе Александра I (изъ записокъ А. С. Стурдзы). Р. Ст. 1876, февраль, стр. 286.

ную пользу въ дѣлѣ обученія закону Божію: они познакомили учениковъ съ духомъ св. писанія и съ фактической стороной закона Божія, чѣмъ значительно оживили преподаваніе этого предмета, державшагося прежде на высотѣ отвлеченностей" [136]).

Теперь эти пособія подверглись передѣлкѣ. Такъ, „въ 1845 г. была передана въ комитетъ духовной цензуры книга: „Изъясненіе воскресныхъ и праздничныхъ евангелій". Особо образованная здѣсь комиссія сдѣлала нѣкоторыя измѣненія въ объясненіяхъ, преимущественно въ отдѣлѣ христіанскихъ истинъ, выраженія устарѣвшія замѣнила менѣе устарѣвшими...; но нельзя сказать, чтобы она обогатила внутреннее содержаніе книги. Что же касается внѣшней стороны книги, то она много потеряла въ педагогическомъ отношеніи при этомъ пересмотрѣ. Трудно сказать, по какимъ соображеніямъ комиссія нашла нужнымъ уничтожить въ ней разсказъ евангелія своими словами (объяснительный перифразъ) и вмѣсто него поставить славянскій текстъ, который и составляетъ предметъ объясненія, а все остальное оставлено безъ перемѣны и дополненій... Въ изданіяхъ послѣ 1845 года все объяснявшееся перифразомъ осталось необъясненнымъ. И такимъ образомъ учитель, незнавшій славянскаго языка и неимѣвшій въ рукахъ русскаго перевода, естественно становился въ тупикъ при словахъ: „угобзися," „онсица" [137]).

---

[136]) «О преподаваніи Закона Божія», прот. Д. Соколова, см. „Руководство къ преподаванію общеобразовательныхъ предметовъ. Подъ ред. Н. Х. Весселя, т. II. (Спб. 1874) стр. 221, 223.

[137]) Тамъ же, стр. 213; ср. К. О. П. С. С. 1851, 45999.

Въ итогѣ, «немилость» церковной власти къ русскому переводу оказалась гораздо болѣе принципіальнаго характера, чѣмъ къ переводамъ на инородческіе языки. Благодаря мѣстной иниціативѣ такіе опыты продолжали изрѣдка появляться, и хотя судьба ихъ, подобно богослужебнымъ и катехизическимъ переводамъ, была полна разнаго рода мытарствъ, нѣкоторые изъ нихъ все же увидѣли свѣтъ. Такъ, появились переводы отдѣльныхъ евангелій на «Глазовское и Сарапульское нарѣчіе Вотякскаго языка», (число говорившихъ на первомъ равнялось 35155 м. п., а на второмъ—39,722. Дѣло К. О. П. С. С., 1844, 33700). Разсматривался долгое время переводъ псалтири на зырянскій языкъ. (К. О. П. С. С. 1845, 35576). Было намѣреніе переиздать съ миссіонерскими цѣлями переводъ новаго завѣта на еврейскій языкъ, въ исправленномъ, противъ лондонскаго изданія, видѣ. Это было поручено проф. Левиссону, снабженному соотвѣтствующими окладами и помощниками. (Ср. секр. дѣло К. О. П. С. С., № 207 (1842 г.). Весьма благопріятные отзывы о его исправленіяхъ далъ извѣстный Аѳанасій, тогда уже саратовскій. (К. О. П. С. С., 1853, 122; ср 1844, 33681. отзывъ отъ 1850 г.).

Тѣмъ не менѣе слишкомъ трудно было бы установить какую либо связь между этими спорадическими случаями и широкими задачами библейскаго общества,—еще труднѣе въ «дѣлахъ» уловить проблески былого воодушевленія. Что канцеляріи, принявъ въ свое вѣдѣніе переписку общества, совершенно ее игнорировали, наглядно показываетъ слѣдующій случай. Въ началѣ 1845 года академія наукъ затребовала для работъ Шегрена и Куника «переводъ евангелія на Осетинскій языкъ, сдѣланный подъ надзоромъ Березовскаго протоіерея Вергу-

Такое приниженное положеніе св. писанія конечно сильно отражалось и на соприкасавшихся съ библейскою областью трудахъ. Высказывать сколько-нибудь самостоятельные взгляды было небезопасно. Какое расхолаживающее вліяніе на появленіе ученыхъ трудовъ по библейской наукѣ имѣли оффиціальныя пререканія о сравнительномъ достоинствѣ источниковъ православнаго вѣроученія,—это можно освѣтить исторіей „герменевтикъ" ректора черниговской семинаріи архм. Іустина и преподавателя петербургской семинаріи Савваитова.

Первая въ началѣ 1841 г. была прислана въ синодъ и передана на просмотръ конференціи петербургской академіи. Тамъ она пробыла болѣе шести лѣтъ. Основной недостатокъ представленной герменевтики былъ указанъ въ томъ, что она основывалась на тѣхъ же началахъ, какъ и герменевтика преосв. Іоанна, данная нѣкогда въ руководство семинаріямъ, и герменевтика проф. Савваитова, напечатанная въ 1844 г., т. е. на контекстѣ, параллелизмѣ, языкознаніи и аналогіи вѣры. „Въ ней также св. писаніе ветхаго завѣта толкуется по еврейскому подлиннику, а не по переводу семидесяти. Также больше взяты во вниманіе мнѣнія ученыхъ людей новѣйшихъ временъ, чѣмъ св. отцевъ". Далѣе слѣдовало краткое перечисленіе частныхъ недостатковъ, по которымъ она не могла быть введена въ качествѣ учебника при толкованіи св. писанія [138]).

Долго и безъ удачи долженъ былъ лавировать между Сциллой и Харибдой и учебникъ по герменевтикѣ Савваитова. Переведенный изъ Вологды въ Петербургъ, благодаря ходатайству Погодина предъ Пратасовымъ [139]), Савваитовъ очень добросовѣстно принялся за свои занятія. На его труды по истолкованію св. писанія обратилъ вниманіе епископъ Аѳанасій (Дроздовъ), устанавливавшій тогда „руководительныя начала" въ этой области. Не встрѣтивъ съ его стороны возраженій, Савваитовъ рѣшилъ издать свои записки въ печать. Петербургская духовная

нова и на Вогульскій—протоіереемъ Фелицынымъ». При этомъ академія ссылалась на VII отчетъ библейскаго общества за 1819 годъ.

Правда, въ означенномъ требованіи слово «осетинскій» было ошибочно поставлено вмѣсто «остяцкій». Но прежде чѣмъ эта бросающаяся въ глаза неточность была открыта, втеченіе четырехъ лѣтъ производились дѣятельные розыски по синодальнымъ отдѣленіямъ, московской конторѣ и типографіи. При томъ, когда для справки понадобился названный отчетъ за 1819 годъ, оказалось, что «отчетовъ библейскаго общества, какъ за 1819, такъ равно и за другіе годы, ни въ дѣлахъ хозяйственнаго управленія, ни въ синодальномъ архивѣ не имѣется». Впрочемъ, на пятомъ году розысковъ былъ найденъ отчетъ, недоразумѣніе разъяснилось, а на восьмомъ дѣло зачислено конченнымъ и сдано въ архивъ. К. О. П. С. С. 1845,35546.

[138]) Дѣло дух.-учебн. управл., 1847 г., 197 (1 ст., 1 отд.)

[139]) Барсуковъ. Жизнь и труды М. Погодина, кн. VI, 223 и 225. СПБ. Д. Ц. К., 1843, 3 янв.

цензура, въ лицѣ А. Окунева, съ своей стороны отнеслась къ нимъ весьма предупредительно, признавъ ихъ „не противными правиламъ духовной цензуры". Однако, дальнѣйшее теченіе дѣла имѣетъ характеръ западни. Лишь только книга вышла въ свѣтъ, тотъ же Аѳанасій, „по волѣ высокопреосвященнаго митрополита" (Антонія) предъявилъ автору требованіе „передѣлать въ особенности главу о руководительномъ началѣ толкованія св. писанія и указать въ этомъ отношеніи на первостепенное значеніе свящ. преданія и православной церкви". Относительно же напечатаннаго изданія онъ высказалъ свое мнѣніе, что „лучше сжечь его". Изданіе было конфисковано; по резолюціи митрополита всѣ экземпляры, не исключая и „поднесенныхъ нѣкоторымъ особамъ", авторъ обязанъ былъ возвратить въ цензурный комитетъ. Это требованіе, насколько оказалось возможнымъ, авторъ выполнилъ. Затѣмъ, въ духѣ наставленій Аѳанасія редактировалъ онъ и свою книгу,—но снова не уловилъ момента. Правда, его трудъ успѣлъ пройти чрезъ цензурный комитетъ, духовно-учебное управленіе и даже св. синодъ, который и разрѣшилъ употреблять эту книгу подъ новымъ заглавіемъ „Православное ученіе о способѣ толкованія св. писанія" (СПБ. 1857) въ семинаріяхъ. Но теперь уже достаточно было Гаевскому, директору канцеляріи оберъ-прокурора,—недоброжелателю Савваитова,—подать мысль о посылкѣ экземпляра новаго изданія на рецензію м. Филарета, чтобы всѣ прежнія одобренія, въ духѣ древне-церковныхъ руководительныхъ началъ, отпали сами собою. М. Филаретъ, въ виду своего принципіальнаго несогласія съ „православнымъ способомъ толкованія" Библіи по рецепту Аѳанасія, счелъ удобнымъ иллюстрировать на книгѣ Савваитова неосновательность и противорѣчія взглядовъ своихъ противниковъ. Снова изданіе было остановлено, и автору велѣно предать его уничтоженію, (въ вознагражденіе убытковъ ему, впрочемъ, выдано 400 руб). Только благодаря личнымъ объясненіямъ автора съ рецензентомъ, первый, наконецъ, усвоилъ вновь одержавшія верхъ руководительныя начала. Выпущенная имъ въ 1859 г. „Библейская герменевтика" сдѣлалась общеобязательнымъ учебникомъ въ семинаріяхъ [140]).

Въ среду цензурныхъ противорѣчій попало и „разсужденіе о книгѣ Іова", представленное прот. Кочетовымъ. Даже по отзыву цензора, прот. Окунева, это было „сочиненіе даровитое, указующее на автора съ обширными познаніями и очень полезное для ученаго свѣта. Но, продолжаетъ цензоръ, какъ разныя понятія и тексты св. писанія... всѣ взяты не изъ перевода 70-ти,

---

[140]) Исторія С.-Петербургской православной духовной семинаріи съ обзоромъ общихъ узаконеній и мѣропріятій по части семинарскаго устройства. 1809—1884 г. Составилъ Александръ Надеждинъ. (СПБ., 1885), стр. 357—359.

а съ еврейскаго оригинала, чего, впрочемъ, по изслѣдовательному роду сочиненія, и быть тутъ не могло иначе: то затрудняюсь одобрить лично, а предлагаю общему благоусмотрѣнію". Но и комитетъ предпочелъ дѣйствовать уклончиво и отослалъ рукопись въ синодъ, гдѣ ее постигла общая участь тогдашнихъ экзегетическихъ трудовъ [111]).

Моральный выводъ изъ всей этой исторіи перевода библіи сдѣланъ архм. Михаиломъ (Лузинымъ). По справедливому его убѣжденію, относящіеся къ первой четверти XIX вѣка опыты научной разработки библейскихъ вопросовъ (Филарета и Павскаго) „давали основаніе ожидать здороваго и сильнаго развитія нашей библейской науки. Но таковымъ ожиданіямъ не суждено было осуществиться въ теченіе почти цѣлаго слѣдующаго полустолѣтія". Одной изъ причинъ этого слѣдуетъ признать „усиленіе цензуры, сдѣлавшейся мнительною, подозрительною и слишкомъ придирчивою..., заставлявшей авторовъ быть осторожными, опасаться... подозрѣній, придирокъ, даже преслѣдованій, и любити, яко безбѣдное страхомъ, молчаніе".

Упомянувъ затѣмъ объ „увлеченіяхъ неологовъ" (Иннокентія, Павскаго), которыми цензурная власть и оправдывала примѣненіе цензурныхъ мѣръ, авторъ высказываетъ по этому поводу вполнѣ вѣрную точку зрѣнія: „Если и дѣйствительно были увлеченія, то несомнѣнно, что недоумѣнія, возбужденныя ими, могли несравненно лучше, а главное, плодотворнѣе, быть разрѣшены путемъ печати: разъясненіе дѣла печатное могло принести только пользу и авторамъ и обществу, тогда какъ преслѣдованіемъ немногихъ наводился новый страхъ на многихъ, и работы по этой части не могли не останавливаться опасеніями со стороны ихъ авторовъ" [112]).

Параллельно съ охраною достоинства и неприкосновенности священнаго писанія дѣйствовалъ синодальный надзоръ за изданіемъ святоотеческихъ твореній. Послѣднія, правда, не были включены, какъ особая группа, въ перечень сочиненій и переводовъ, подлежавшихъ непремѣнному пересмотру св. синодомъ. Однако, являясь по своему содержанію чаще всего или „изъясненіемъ цѣлыхъ книгъ священнаго писанія", или же „изложеніемъ догматовъ православно-каѳолическія вѣры и правилъ христіанской дѣятельности", творенія эти не могли считаться освобожденными отъ синодальной цензуры. И это тѣмъ болѣе, что

[111]) СПБ. Д. Ц. К,. 1847. „Дѣло о разсмотрѣніи сочиненій, къ изслѣдованію св. писанія относящихся".

[112]) Столѣтіе изъ исторіи толкованія Библіи у насъ въ Россіи. Рѣчь на публичномъ актѣ въ московской дух. академіи 1877 г., стр. 23—4, 32—34.

въ данное время, съ одной стороны, обнаружилось сильное теченіе въ пользу того, чтобы сдѣлать патристическую литературу болѣе доступною путемъ перевода ея на современный русскій языкъ, а съ другой, именно во второй четверти минувшаго вѣка „слова православіе и преданіе стали звучать чаще и сливаться въ одинъ звукъ, и начали богословствовать по преданію, оставляя иногда позади св. писаніе, а нѣкоторые и унижали писаніе“ [113]). Какъ положительный результатъ этого вниманія къ преданію остались десятки переведенныхъ томовъ отеческой письменности.

Въ одномъ изъ синодальныхъ постановленій о переводѣ твореній содержится слѣдующее: „Св. синодъ, сознавая вполнѣ сію потребность, въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ сдѣлалъ уже многія распоряженія относительно преложенія вновь на отечественный языкъ отеческихъ писаній... Вслѣдствіе сего распоряженія нѣкоторыя изъ нихъ уже переведены окончательно, именно огласительныя поученія св. Кирилла іерусалимскаго, толкованія св. Іоанна Златоустаго на евангеліе отъ Матѳея и др. Къ симъ же распоряженіямъ должно отнести и издаваемое при с.-петербургской духовной академіи съ 1821 г. Христіанское чтеніе, которое заключаетъ въ себѣ переводы многихъ восточныхъ отцевъ“ [114]). За этимъ предисловіемъ слѣдовали основныя положенія, на которыхъ должны были издаваться при московской духовной академіи „творенія св. отцевъ въ русскомъ переводѣ“.

Дѣйствительно, по вопросу о переводѣ святоотеческихъ твореній центральная власть имѣла нѣкоторую возможность ссылаться на прежнія заботы и указывать на многія сдѣланныя уже распоряженія. Синодальныя опредѣленія здѣсь послѣдовательнѣе, чѣмъ въ другихъ случаяхъ, шли навстрѣчу спросу и стремились обезпечить предложеніе [115]). Однако, все это, не исключаетъ вопроса, насколько выполненіе поставленнаго на очередь предпріятія можно считать результатомъ именно этихъ „распоряженій“, а весьма удовлетворительныя качества перевода—объяснять усиленной опекой ревнителей преданія. Отвѣтъ можно получить чрезъ сопоставленіе главныхъ моментовъ перевода древне-христіанской письменности.

Начало осуществленія идеи перевода св.-отеческихъ твореній на русскій языкъ обязано передовымъ дѣятелямъ александровскаго времени. Тѣ же лица, которыя увлекались евангелизаціей общества, безъ внушеній свыше признавали необходимость возможно широкаго распространенія и отеческой литературы. Какъ

---

113) Письма м. м. Филарета къ арх. Алексію, (М. 1883), стр. 54.

114) А. С. С., 1840, 716.

115) Факты противоположнаго характера излагаются ниже, при описаніи охраны „сочиненій, принадлежащихъ св. синоду“.

выраженіе энергіи первой изъ реформированныхъ духовныхъ академій создалось „Христіанское чтеніе", гдѣ въ самые первые годы, наряду съ монографіями объ отцахъ церкви, стали появляться переводы и избранныхъ ихъ произведеній. По подсчету проф. Н. Барсова, одному Павскому принадлежатъ здѣсь цѣлые томы переводовъ и статей патристическаго характера[146]). И уже одно это ограничиваетъ возможный упрекъ въ какомъ-либо умышленномъ пренебреженіи къ древне-церковной письменности, въ сознательномъ „униженіи преданія". Но вслѣдъ за тѣмъ началась искусственная прививка интереса къ этому источнику вѣроученія. Она, какъ школьный классицизмъ, имѣла свойство расхолаживать увлеченія. Синодальная власть сочла своимъ долгомъ принять на себя непосредственное завѣдываніе дѣломъ перевода и издавать творенія подъ своею цензурою. Къ чему бы привело строгое примѣненіе даннаго принципа,—это разъяснитъ свыше 30 лѣтъ продолжавшееся „дѣло о напечатаніи словъ и бесѣдъ св. Іоанна Златоустаго"[147]).

Типографскіе запасы твореній Златоустаго въ славянскомъ переводѣ, напечатанные во второй половинѣ XVIII вѣка, были близки къ концу. Синодальной типографіи въ 1829 году было дано разрѣшеніе на новое ихъ изданіе безъ существенныхъ поправокъ. Но, уже по отпечатаніи нѣсколькихъ сотъ экземпляровъ, синодъ, имѣя въ виду, что „прежній переводъ... по настоящему состоянію языка оказывается не совсѣмъ удовлетворительнымъ для уразумѣнія и пользы читающихъ", поставилъ на очередь вопросъ объ его исправленіи. Кіевской и московской академіи были даны соотвѣтствующія порученія.

Но лишь только академіи приступили къ дѣлу,—тотчасъ возникли принципіальныя недоумѣнія. Такъ указаніе м. Филаретомъ на неправославный оттѣнокъ въ выраженіи стараго перевода: „Отца исповѣдуемъ изъ ничего суща", повлекло за собой синодальное опредѣленіе, чтобы, при исправленіи, „какъ вышеозначенное выраженіе, такъ и другія подобныя, если бы встрѣтились, были исправлены".

Новый вопросъ былъ поставленъ кіевской академіей. Она „встрѣтила недоумѣніе: нужно ли исправить только славянскій текстъ или перевести на русскій языкъ?" У членовъ св. синода сразу не нашлось опредѣленнаго отвѣта для разъясненія этого недоумѣнія. Синодъ постановилъ запросить митрополита московскаго, „на какомъ языкѣ исправляется переводъ московской академіи, и для единообразнаго исправленія перевода не признаетъ ли онъ лучшимъ примѣняться къ переводу огласитель-

146) Р. Стар., 1880 мартъ. Прот. Г. П. Павскій. Н. Барсова, стр. 503, прим.
147) А. С. С. 1829 г., 44.

ныхъ и тайноводственныхъ поученій св. Кирилла Іерусалимскаго, напечатанныхъ въ синодальныхъ типографіяхъ“ (8 мая 1831.).

М. Филаретъ отвѣчалъ, что, по донесенію правленія московской духовной академіи, переводъ дѣлается съ греческаго подлинника на русскій языкъ, а изреченія св. писанія приводятся по Библіи славянской, и что, по его мнѣнію, напечатанный въ предыдущее десятилѣтіе переводъ словъ св. Кирилла можетъ служить образцомъ для перевода. Кіевской академіи было предписано руководствоваться этой практикой.

Дѣло „усовершенствованія перевода“, такимъ образомъ, еще слишкомъ мало подвинулось впередъ, а между тѣмъ синодальный указъ отъ 15 февраля 1832 года уже предписывалъ: „въ церковныхъ библіотекахъ въ числѣ прочихъ книгъ имѣть св. Іоанна Златоустаго всѣ переведенныя его слова и бесѣды“. Когда изъ епархіальныхъ консисторій стали поступать соотвѣтствующія требованія, московская синодальная типографія начала дѣятельно готовиться къ изданію полнаго собранія твореній Златоуста. Вскорѣ она и представила въ синодъ свои соображенія, касавшіяся, главнымъ образомъ, технической стороны предпріятія. Это оказалось преждевременнымъ. „Полное изданіе, разъяснялось въ синодальномъ указѣ на имя типографіи, по обширности онаго потребуетъ и много времени и много иждивенія, тѣмъ болѣе... что изданія стоящія большей цѣны обыкновенно медленнѣе расходятся“; сверхъ того, „самый переводъ требуетъ усовершенія, къ чему и приступлено“. Вмѣсто полнаго собранія рекомендовано было „печатать творенія по выбору, по мѣрѣ усовершенія, въ видѣ отдѣльныхъ книгъ“. Тогда же редактированіе толкованій Златоустаго на новозавѣтныя книги было распредѣлено между академіями: петербургской (толкованія на апостольскія дѣянія), кіевской (на посланіе къ римлянамъ), московской (I къ коринѳ.), и семинаріями: виѳанской (II къ коринѳ.), московской (къ галатамъ и ефесянамъ) ярославской (къ филипп.), тверской (къ колосс. и оба къ солунянамъ).

Московской и кіевской академіи сдѣлано было первое предписаніе ускорить присылкою перевода толкованій на евангелія. Затѣмъ, явилась необходимость вносить поправки въ прежнія распоряженія. Оказалось, напримѣръ, что въ московской академіи еще до приказа была переведена большая часть бесѣдъ на посланіе къ римлянамъ, вслѣдствіе чего былъ произведенъ обмѣнъ съ кіевской академіей.

Наконецъ, съ постепеннымъ приближеніемъ къ цѣли, стали ясно вырисовываться препятствія цензурнаго характера.—Въ 1834 году изъ кіевской академіи былъ присланъ первый опытъ перевода, сдѣланный проф. Пушновымъ и провѣренный ректоромъ Иннокентіемъ и инспекторомъ Іереміею. Онъ встрѣтилъ не-

благопріятный отзывъ со стороны арх. тверского Григорія: „Читая переводъ бесѣдъ св. Златоуста на Іоанна, писалъ рецензентъ, не видишь не только красоты, но ни опредѣленности, ни выразительности и силы слога Златоустаго. Читая дальше, видишь, что Златоустъ путается, употребляетъ слова и выраженія неопредѣленныя, не знаетъ русскаго размѣщенія словъ и пр. и пр. Читаешь еще,—и бесѣды Златоустаго валятся изъ рукъ какъ переводъ ученическій... Полагаю мнѣніемъ отослать переводъ обратно и велѣть сдѣлать переводъ дѣйствительный, т. е. такой, который бы, бывъ совершенно согласенъ съ подлинникомъ, всевозможно выдерживалъ на русскомъ языкѣ силу, выразительность и опредѣленность подлинника и сохранялъ всю силу и правильность нынѣшняго русскаго языка“.

Лишь въ московской академіи благодаря энергіи такого труженика, какъ проф. Делицынъ, переводческая работа подавала надежды. Впрочемъ, и здѣсь имѣли мѣсто какъ строгія напоминанія, такъ и снисходительныя увѣщанія митр. Филарета, которыхъ довольно много, напр., въ письмахъ его къ ректору Филарету. Какъ первый опытъ, былъ представленъ и,—по одобреніи петербургскимъ цензурнымъ комитетомъ,—напечатанъ переводъ толкованій на евангеліе отъ Матѳея, затѣмъ на посланіе къ римлянамъ. Для поощренія Делицына его положено было наградить [118]). Въ самомъ началѣ сороковыхъ годовъ успѣли пройти сквозь цензуру толкованія на посланія къ галатамъ, ефесянамъ, и второе къ коринѳянамъ. А дальше, несомнѣнно въ связи съ обстоятельствами 1842 года, надъ всѣмъ возобладала политика цензуры, и у цензурныхъ комитетовъ оказались болѣе отвѣтственныя занятія. Такъ, когда с.-петербургскому духовно-цензурному комитету было предписано св. синодомъ ускорить пересмотръ доставленныхъ въ него рукописей и затребованы были объясненія о причинѣ его медлительности, комитетъ нашелъ возможнымъ оправдываться указаніемъ на „множество дѣлъ и занятій, коими обременены члены комитета и по должности цензорской, какъ видно сіе изъ ежемѣсячныхъ и ежегодныхъ отчетовъ цензурнаго комитета, и по другимъ, возложеннымъ на нихъ должностямъ; при каковомъ множествѣ дѣлъ и занятій, они и не могли найти довольно времени для занятій такимъ дѣломъ, каково сличеніе перевода съ греческимъ подлинникомъ, требующее продолжительнаго времени“.

Очевидно также разсуждали и переводчики. Напримѣръ, возвращенный корпораціи тверской семинаріи переводъ, несмотря

---

[118]) Но въ то же самое время за пропускъ „разсужденія о ересяхъ и расколахъ въ русской церкви“, (Руднева) его предположено было уволить... Приб. къ твор. св. отц., 1883, ч. 32. Письма Филарета м. м. къ Филарету Гумилевскому, стр. 170.

даже на замѣчаніе относительно „небрежности въ исполненіи порученнаго начальствомъ общеполезнаго дѣла“, былъ задержанъ ею у себя на цѣлое десятилѣтіе.

Переводъ бесѣдъ на евангеліе Іоанна Богослова четыре года пробылъ въ спб. комитетѣ, переходя отъ умершихъ къ временнымъ членамъ, пока, наконецъ, въ 1844 году, не былъ возвращенъ въ синодъ безъ одобренія, какъ далеко несоотвѣтствующій своему назначенію. „Для усовершенствованія неучаствовавшими въ томъ переводѣ наставниками академіи“, онъ опять былъ отправленъ въ Кіевъ, гдѣ и пробылъ вновь десять лѣтъ. „Дѣло, выражаясь словами доклада м. Филарета (Амфитеатрова) синоду, не возымѣло успѣшнаго хода, частію по причинѣ выбытія изъ академіи нѣкоторыхъ лицъ, которымъ означенный переводъ былъ переданъ для просмотра и исправленія, частію по причинѣ болѣзни другихъ“. При томъ же и прежній переводъ найденъ былъ настолько неудовлетворительнымъ, что рецензенты (Бобровницкій и Добротворскій) сочли за лучшее переводить вновь съ оригинала.

Ихъ трудъ не избѣжалъ отсылки въ петербургскій комитетъ, которому тогда же кстати было поставлено на видъ, что въ немъ уже 13 лѣтъ находится переводъ на I посланіе къ коринѳянамъ. Комитетъ поспѣшилъ—черезъ полгода—представить синоду рукопись, съ такимъ обоюднымъ отзывомъ: „Переводъ, писалъ онъ, вообще точенъ и близокъ къ подлиннику, но не отличается въ желаемой степени ясностью и чистотою слога. Посему, удерживаясь отъ рѣшительнаго одобренія къ печатанію означенной рукописи, комитетъ благопокорнѣйше представляетъ..., что... другихъ препятствій къ ея напечатанію не представляется“.

„Сообразивъ такой поверхностный, послѣ долговременнаго разсмотрѣнія (втеченіе слишкомъ тринадцати лѣтъ), отзывъ комитета“, синодъ поручилъ комитету пересмотрѣть переводъ вновь и возвратить его въ скорѣйшемъ, по возможности, времени.

„Скорѣйшее время“ продолжалось болѣе пяти лѣтъ. Оно безъ сомнѣнія, длилось бы и долѣе, если бы не та неожиданная энергія, которую синодъ обнаружилъ въ этомъ, почти забытомъ, дѣлѣ въ 1860 г.—Что о немъ дѣйствительно стали забывать,—доказать не трудно. На запросъ синода, почему петербургская академія до сихъ поръ не представляетъ порученнаго ей въ 1834 году перевода толкованій на апостольскія дѣянія, петербургское епархіальное начальство сообщило, что, „по учиненнымъ въ духовной консисторіи, во внѣшнемъ правленіи и конференціи духовной академіи, и въ канцеляріяхъ духовнаго собора алекс.-невской лавры и митрополита новгородскаго и с.-петербургскаго справкамъ, ни указа св. синода отъ 12 февраля 1834 г., ни дѣла о напечатаніи... словъ и бесѣдъ св. Іоанна Златоустаго не оказалось“.

Разочаровавшись въ аккуратности спб. академіи, синодъ возложилъ переводъ „дѣяній“ на казанскую, „съ тѣмъ, чтобы она объ успѣхѣ этого дѣла доносила св. синоду по истеченіи каждой трети года“. Но и здѣсь запоздалая ревность не достигла цѣли. Оказалось, что бесѣды на дѣянія уже переведены преподавателями спб. академіи и напечатаны въ Христіанскомъ чтеніи за 1856—7 г. г. Тамъ же былъ напечатанъ и исполненный по собственной иниціативѣ академіи переводъ толкованія на ев. Іоанна и первое посланіе къ коринѳянамъ. Оставалось лишь вновь подтвердить цензурному комитету о скорѣйшемъ разсмотрѣніи рукописей съ толкованіями на четыре посланія.

Такимъ образомъ, періодъ въ три десятилѣтія оказался недостаточнымъ для выполненія предпріятія, такъ соотвѣтствовавшаго своему времени. Начатое безъ опредѣленнаго плана, оно тормозилось всякимъ случайнымъ препятствіемъ. Болѣе же всего, конечно, оно осложнялось строжайшею заботливостью о чистотѣ мыслей и слога. И можно думать, что, при такомъ ходѣ дѣла, даже время „исключительной ревности по преданію“ не сдѣлало бы этого преданія болѣе доступнымъ для пониманія. Церковная власть могла ставить себѣ широкіе планы, но они или таяли, когда наставала пора осуществлять ихъ, или выполнялись, но лишь въ той степени, въ какой приходила на помощь частная энергія и „произвольное“, выражаясь словами м. Филарета, желаніе опытныхъ переводчиковъ.

Такъ, едва только возникло дѣло о переводѣ Павскаго, духовно-учебное управленіе, а затѣмъ и синодъ признали, что „доколѣ творенія св. отцевъ не будутъ отпечатаны особымъ изданіемъ, дотолѣ ученіе объ отцахъ церкви не можетъ быть съ пользою преподаваемо въ семинаріяхъ“. Сознавая, что „московское періодическое изданіе твореній можетъ затянуться“, синодъ постановилъ: „переведенныя доселѣ и печатанныя въ Христіанскомъ чтеніи сочиненія св. отцевъ собравъ, пересмотрѣвъ и дополнивъ, издать особо для снабженія ими духовно-училищныхъ библіотекъ въ такомъ количествѣ, какое нужно будетъ для успѣшнаго преподаванія сего предмета“.

Согласно порученію синода, конференція петербургской академіи представила смѣту переизданія твореній „съ наибольшею удобностью и поспѣшностью“ [149]). Предположенія конференціи были одобрены присутствовавшимъ въ синодѣ арх. Иліодоромъ. Но уже въ концѣ 1843 г. синодъ постановилъ дѣло это „доложить впредь, когда приказано будетъ“. А 22—31 марта 1845 г. „св.

---

[149]) „Совокупность всѣхъ отеческихъ писаній, напечатанныхъ въ Христ. чтеніи съ 1821 по 1843 годъ“ была опредѣлена въ 900 печатн. листовъ, которые, впрочемъ, признано было возможнымъ помѣстить на 300 листахъ мелкаго шрифта. Расходъ былъ опредѣленъ въ 32 тысячи руб. сер.

синодъ, имѣя въ виду, что опредѣленіемъ отъ 13—25 августа 1841 г. разрѣшено издавать московскому академическому правленію творенія св. отцовъ въ русскомъ переводѣ, призналъ, что въ настоящее время нѣтъ настоятельной надобности приступать къ изданію напечатанныхъ въ Христ. чтеніи таковыхъ же сочиненій“ [150]).

Полную противоположность изложеннымъ неосуществленнымъ начинаніямъ представляла собою жизненность „московскаго періодическаго изданія“. Создать его вызвалась корпорація московской академіи, подъ руководствомъ м. Филарета. Послѣдній, лишь только былъ представленъ ему въ 1838 г. первоначальный проектъ повременнаго изданія, замѣтилъ „охоту“ иниціаторовъ, которая существенно отличалась отъ выполненія порученій „по приказанію“. Соглашаясь, что „печатать переводы св. отцовъ дѣло весьма хорошее, полезное и достойное всякаго поощренія“, онъ счелъ умѣстнымъ кстати пожурить корпорацію: „И то не въ порядкѣ, что мы беремся дѣлать произвольное, не исполнивъ должнаго. Вамъ порученъ отъ св. синода переводъ, помнится, толкованія на св. евангелиста Матѳея. И дѣло такое хорошее, что безъ приказанія можно было бы охотно за него приняться. Но сдѣлано ли оно хотя по приказанію? Помнится, еще нѣтъ“ [151]).

Когда проектъ былъ представленъ въ синодъ, онъ, вѣроятно, принимая во вниманіе, что именно въ составѣ корпораціи московской академіи находился авторитетъ въ области перевода святоотеческихъ писаній профессоръ и вмѣстѣ цензоръ П. С. Делицынъ, согласился предоставить переводчикамъ значительную долю самостоятельности. Былъ учрежденъ особый редакціонный комитетъ въ составѣ четырехъ членовъ [152]), который, на основаніи данныхъ ему правилъ, сталъ переводить и печатать эти творенія, „начиная съ главнѣйшихъ отцевъ“ [153]).

Будучи освобожденъ отъ синодальной цензуры, комитетъ считалъ, однако, своимъ долгомъ представлять всѣ труды на просмотръ м. Филарету. Отъ него комитетъ получилъ много

---

150) А. С. С. 1842, 1574.

151) Приб. къ твор. св. от., 1884 г., ч. 32, стр. 673—74. Письмо Филарета м. м. къ Филарету Гумилевскому, отъ 9 апр. 1838 г.

152) Подробнѣе объ этомъ см. «Исторію московской духовной академіи до ея преобразованія, 1814—1870, С. Смирнова, (М. 1879), стр. 103—111.

153) Напечатаны были „важнѣйшія и по настоящему времени нужнѣйшія творенія“ (А. С. С., 1850, 2120) слѣдующихъ отцевъ церкви: Григорія Богослова (1843—44 г. г.), Василія В. (1845—8), Ефрема Сирина (1848—53), Аѳанасія Алекс., (1851—4), Исаака Сирина (1854), Кирилла Іерус. (1855). Наряду съ ними въ «прибавленіяхъ къ твореніямъ» помѣщались статьи патрологическаго характера, начиная съ мч. Іустина, Иринея, Ипполита.

руководственныхъ указаній [154]). Впрочемъ, отъ ближайшаго непрерывнаго надзора отказался вскорѣ и м. Филаретъ. „За дальнѣйшимъ ходомъ изданія смотрѣть мнѣ невозможно, писалъ онъ въ концѣ 1842 г., и я дѣлалъ бы вамъ остановку. Посему надобно прекратить представленіе мнѣ матеріаловъ. Развѣ о чемъ особенно захотите спросить меня: тогда присылайте, что нужно будетъ, безъ оффиціальныхъ формъ, и я буду стараться отвѣтствовать немедленно“ [155]).

Эти сношенія продолжались и далѣе. Критическія замѣчанія Филарета, иногда „писанныя въ духѣ шутки, давали заботу и работу“ переводчикамъ [156]), духа ихъ однако, не угашали.

Въ эпохи религіознаго разномыслія и споровъ обыкновенно усиливается стремленіе каждой борющейся стороны формулировать свой простой, но точный образецъ вѣроученія, отвѣчающій современнымъ запросамъ. Удовлетворить нуждѣ въ положительномъ, освобожденномъ, по возможности, отъ школьнаго балласта, изложеніи вѣры имѣютъ въ виду катехизисы.

Необходимость ихъ немедленнаго составленія выяснилась для церковной власти уже въ концѣ александровскаго времени. Катехизисы прежнихъ редакцій значительно устарѣли, вновь же предпринятые частными лицами катехизическіе опыты не могли сразу явиться въ достоинствѣ „учебныхъ книгъ Церкви“ [157]). Чтобы ускорить составленіе катехизиса, а еще болѣе,—чтобы провести это отвѣтственное дѣло подъ непосредственной оффиціальной опекой, въ правящихъ кругахъ признано было возможнымъ создать образцы вѣры „по порученію и предписанію“, такъ сказать,—казеннымъ способомъ. Онъ же не признавалъ постепенной разработки религіознаго содержанія, еще менѣе считался съ такъ естественной у развивающейся личности эволюціей. Схема происхожденія „образцовъ вѣроученія“ была проще: согласно оффиціальному указанію давалось порученіе соотвѣтствующему лицу. Представленный имъ трудъ подвергался разсмотрѣнію

---

[154]) Вообще, писалъ, напр., митрополитъ ректору Евсевію, ни опускать ни измѣнять не должно. Если же встрѣтится выраженіе, которое имѣетъ неблаговидный смыслъ,—надобно найти въ ней существенную мысль св. отца, которая должна быть чиста, и по ней устроить переводъ, вѣрный есть ли не буквѣ, то идеѣ св. отца». Чтенія въ общ. люб. дух. просв., 1882, ч. III. Письма м. м. Филарета къ Евсевію, арх. могилевскому, съ 1846 по 1867 г., стр. 272; ср. 271, 277.

[155]) Тамъ же, стр. 272, отъ 4 дек. 1842 г.

[156]) Тамъ же, стр. 283, отъ 21 янв. 1845 г; ср. Письма м. м. Филарета къ покойному арх. тверскому Алексію. 1843—1867. (М. 1883), стр. 83—4, 77, 82, 87, 89, 90, 92 и др. Также М. Д. Ц. К., 1841, 84, 102, 103.

[157]) Напр. „Катехизисъ, или краткое изложеніе Православнаго Христіанскаго закона“, свящ. Александра Бѣликова (М. 1818); „О Богопознаніи и Богопочитаніи“, свящ. Т. Никольскаго (СПБ., 1822).

церковной цензуры и, въ случаѣ неимѣнія препятствій, утверждался высшей церковной и затѣмъ высочайшей властью какъ чистое выраженіе православія.

Такіе „артикулы вѣры" представляли собою, конечно, удобную мѣрку для опредѣленія правовѣрія членовъ церкви. Зато, съ другой стороны, достаточно было возобладанія новыхъ точекъ зрѣнія, даже перемѣны чисто внѣшнихъ обстоятельствъ, чтобы запечатлѣнныя санкціей высшей церковной и гражданской власти символики дѣлались мишенью яростныхъ нападокъ и чтобы оспариваніе ихъ мыслей или оттѣнковъ рѣчи само собою переходило въ „судъ надъ дѣяніемъ святѣйшаго синода". Среди общаго смущенія вновь редактировался и оффиціально утверждался ранѣе изданный по синодальному благословенію и высочайшему повелѣнію „образецъ вѣры",—до новой катастрофы.

Что частные недостатки и несовершенства вѣроучительныхъ книгъ пріобрѣтали такое рѣшающее значеніе главнымъ образомъ въ силу верховнаго одобренія, что почвой для смущенія и соблазна неизмѣнно служило самопротиворѣчіе представителей церкви, объ этомъ говоритъ уже достаточно разработанная въ спеціальныхъ трактатахъ [158]) некраткая „исторія катехизисовъ м. Филарета". Слѣдуетъ отмѣтить и здѣсь болѣе характерные и интересные съ точки зрѣнія изслѣдователя цензуры эпизоды этой исторіи.

Впервые придалъ оффиціозный характеръ катехизическому творчеству не кто иной, какъ „министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія" князь Голицынъ [159]).

---

[158]) Самое видное мѣсто занимаетъ здѣсь, конечно, очеркъ проф. И. Корсунскаго: «Филаретъ, митрополитъ московскій въ своихъ катихизисахъ», помѣщенный въ «Сборникѣ, изданномъ общ. любителей дух. просвѣщенія по случаю празднованія столѣтняго юбилея со дня рожденія (1782—1882) Филарета митрополита московскаго», т. II, (М. 1883) стр. 667—825; также ст. проф. Казанскаго въ Прав. Обозр. 1878 г. № 1.

[159]) Кстати ту же тенденцію Голицынъ высказалъ и нѣсколько ранѣе въ дѣлѣ о составленіи для императрицы Елизаветы Алексѣевны статьи «о различіи Восточной Церкви отъ Западной». Вотъ копія его письма императрицѣ, посланнаго въ январѣ 1812 года. «Соображаясь съ волею вашего императорскаго величества, требовалъ я отъ ученѣйшихъ мужей изъ числа нашего духовенства, здѣсь находящагося, чтобы они доставили мнѣ, каждый по своему увѣренію и въ духѣ православной греко-россійской церкви, мнѣнія свои о семъ предметѣ съ изъясненіемъ существеннаго различія между сими двумя исповѣданіями.

Изложивъ, на основаніи сихъ свѣдѣній, различія между греко-россійскою и римскою церковью I) по ученію или по догматамъ вѣры, II) по таинствамъ и III) по обрядамъ, я имѣю счастіе представить на усмотрѣніе в. в.-ства, какъ самое сіе изложеніе, такъ и составленное мною историческое введеніе къ оному, въ которомъ показаны истинныя причины раздѣленія сихъ двухъ перквей и главнѣйшихъ происшествій, кои отъ второго до 14 ст. болѣе или менѣе способствовали къ утвержденію сего раздѣленія... въ мнѣніяхъ, до вѣры относящихся».—Въ концѣ показаны сочиненія, служившія мнѣ руководствомъ въ составленіи сей исторической записки, въ которой старался я избѣгать всякаго пристрастія». (Секретн. дѣло К. О. П С. С., № 152, къ л. 94, гдѣ находятся и копіи названныхъ статей).

Въ самый разгаръ изложенныхъ выше [160]) „объединительныхъ стремленій“ и возникшихъ на этой почвѣ пререканій съ петербургскимъ духовно-цензурнымъ комитетомъ изъ-за отказа его разсмотрѣть „катехизическія произведенія“ свящ. Лебедева и Магницкаго, Голицынъ 2 декабря 1818 года обратился съ словеснымъ предложеніемъ синоду, въ которомъ указалъ, что изданные въ прежнее время катехизисы греко-россійской церкви „не имѣютъ единообразія, полноты, ясности и простоты, однимъ словомъ, не даютъ истиннаго руководства къ практическому ходу христіанства, изложеннаго ясно въ свящ. писаніи“. Синодъ „въ полномъ уваженіи сего предмета, обозрѣвъ прежнія катехизическія сочиненія, подъ разными названіями изданныя“, согласился съ замѣчаніями министра духовныхъ дѣлъ и призналъ необходимымъ „издать вновь полное катехизическое сочиненіе, по приличнѣйшей системѣ расположенное, слогомъ чистымъ, яснымъ и вразумительнымъ. По важности сего священнаго дѣла, сказано въ синодальномъ опредѣленіи, святѣйшій синодъ предоставляетъ и поручаетъ составленіе таковаго катехизиса попеченію члена своего преосв. Михаила, м-та с-петербургскаго, на что онъ и согласился, съ тѣмъ, что по совершеніи того сочиненія онъ внесетъ въ св. синодъ на разсмотрѣніе“.

Послѣ кончины м. Михаила, не выполнившаго возложеннаго на него порученія, составленіе „руководства къ прямому познанію христіанскаго ученія“ [161]) было поручено арх. московскому Филарету. Въ 1823 году онъ и представилъ синоду „Православный христіанскій катихизисъ“. Синодъ, „по внимательномъ разсмотрѣніи“ этого труда, призналъ, что онъ „составленъ согласно предположенію синода“, и рѣшилъ издать его „для всеобщаго обученія по оному православнаго греко-россійскаго юношества въ духовныхъ и прочихъ училищахъ“. Впрочемъ, одну свою санкцію синодъ нашелъ недостаточною, и, ссылаясь на обстоятельства изданія „пространнаго катихизиса“, въ царствованіе императрицы Екатерины, при учрежденіи народныхъ училищъ россійской имперіи, поручилъ Голицыну и „составленный нынѣ вновь катехизисъ поднесть въ рукописи предварительно государю императору на высочайшее его величества усмотрѣніе и испрошеніе потомъ соизволенія на изданіе онаго въ печать“.

Двадцатаго мая 1823 г. государь соизволилъ на напечатаніе катехизиса,... „съ тѣмъ, чтобы первое изданіе онаго было напечатано церковными буквами“. По выходѣ катехизиса въ свѣтъ началась его повсемѣстная разсылка [162]).

---

[160]) Стр. 109 и слѣд.

[161]) Этими словами было замѣнено теперь приведенное выше выраженіе: «къ практическому ходу христіанства, изложеннаго ясно въ св. писаніи».

[162]) А. С. С. 1823, 434. Насколько ревниво готова была церковная власть оберегать исключительное употребленіе новаго катехизиса, видно изъ того, что

Предусмотрительнѣе всѣхъ синодальныхъ членовъ при изданіи катехизиса оказался самъ его авторъ арх. Филаретъ. „Не дерзая прекословить, но и не дерзая ласкаться успѣхомъ въ семъ дѣлѣ, довольно трудномъ“, онъ „просилъ св. синодъ не записывать сего порученія въ журналъ до представленія и разсмотрѣнія..опыта, дабы тѣмъ легче было бросить оный безо всякаго дѣлопроизводства, если онъ окажется не соотвѣтствующимъ намѣренію св. синода, и передать порученіе другому“ [163]). Равнымъ образомъ и при выполненіи даннаго ему порученія Филаретъ старался хотя „множественностью цензуръ“ предохранить оффиціальный образецъ вѣры отъ всякихъ возраженій. „Приступивъ къ составленію катехизиса, напоминаетъ онъ въ томъ же письмѣ м. Серафиму, первую часть его я читалъ вашему высокопреосвященству при преосвященномъ Григоріи, епископѣ ревельскомъ, и въ главномъ получилъ утвержденіе, а въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, по сдѣланнымъ замѣчаніямъ, исправилъ. Потомъ весь катехизисъ разсматриванъ былъ вашимъ высокопреосвященствомъ въ теченіе не малаго времени, и каждое слово и выраженіе, которое подверглось вашему замѣчанію, исправлено не иначе, какъ съ одобренія вашего. За симъ катехизисъ внесенъ былъ въ св. синодъ, который, одобривъ оный, испросилъ па изданіе онаго высочайшее повелѣніе“.

Ясно, что, по мнѣнію Филарета, катехизическіе опыты, какъ и современные опыты перевода книгъ св. писанія на русскій языкъ, должны были сохранять частный характеръ, и не вдругъ пріобрѣтать значеніе „утвержденныхъ“ вѣроизложеній. И, конечно, еслибы не было на первой страницѣ катехизиса пышнаго заглавія „Христіанскій Катихизисъ Православныя Каѳолическія Восточныя Греко-Россійскія Церкви. Разсматриванный и одобренный Святѣйшимъ Правительствующимъ Синодомъ и изданный по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію“, если бы, затѣмъ, высочайшимъ рескриптомъ не было подтверждено, что онъ „начертанъ по духу православной восточной церкви и въ разумѣ евангельской истины“,—для автора катехизиса не былъ бы закрытъ и путь къ дальнѣйшей безопасной переработкѣ и постепенному улучшенію своего труда. Филаретъ вообще склоненъ былъ время отъ времени возвращаться къ отдѣлкѣ своихъ трудовъ при новыхъ изданіяхъ, исключая изъ нихъ все, казавшееся ему незрѣлымъ и одностороннимъ [164]). Притомъ,—что касается

поступившіе въ синодъ, въ томъ же 1823 году, отъ епископа нижегородскаго Моисея два катехизическихъ опыта не только были признаны „недостаточными“, но сверхъ того состоялось даже постановленіе: „запечатавъ ихъ синодальною печатью, хранить въ архивѣ». (А. С. С. 1823, 298).

[163]) Письмо къ м. Серафиму отъ 8 дек. 1824 года („записки о жизни и времени Филарета м.м.“, Н. Сушкова (М. 1868), прил., стр. 49.

[164]) Сравн., напр. Письма.. къ высочайшимъ особамъ и др. лицамъ (изд. 1888 г.), стр. 143 (Письмо къ архим. Филоѳею, отъ 1844 г.).

катехизиса,—уже въ самомъ началѣ своихъ занятій Филаретъ сознательно поставилъ себѣ цѣль избѣгать какой-либо односторонности. Даже въ первой редакціи катехизиса видно его стремленіе сгладить, по возможности, крайніе оттѣнки двухъ прежнихъ катехизическихъ теченій—могилянскаго и платоновскаго. Въ первомъ было сильно выражено тяготѣніе къ р.-католическимъ образцамъ догматическаго изложенія. Въ частности, при обоснованіи въ немъ „артикуловъ вѣры“ ссылки на творенія отцовъ и учителей церкви иногда отодвигали на второй планъ доказательства, заимствованныя изъ свящ. писанія. Напротивъ, въ катехизисахъ м.м. Платона, въ духѣ традиціоннаго, со времени Ѳ. Прокоповича, взгляда на св. писаніе, въ качествѣ доводовъ приводятся исключительно однѣ цитаты изъ священнаго писанія, а изъ церковнаго преданія ни слова“ [165]). Затѣмъ, считаясь съ современными запросами эпохи просвѣщенія, Платонъ и въ катехизисахъ отводилъ почетное мѣсто „богопознанію естественному“, „поставлялъ за правило показывать всегда заключающихся въ святомъ писаніи уставовъ и бытій съ естественнымъ разумомъ согласованіе и утверждать оныя доводами здраваго человѣческаго разсужденія“ [166]).

Филаретъ, въ общемъ оставаясь на почвѣ принциповъ платоновскихъ изложеній вѣры, уже въ первой редакціи допустилъ существенныя отличія отъ нихъ по формѣ и содержанію. Онъ принялъ могилянскую схему раскрытія вѣроученія по тремъ добродѣтелямъ, но отвергнулъ схоластическія наслоенія, вродѣ церковныхъ заповѣдей и трактата о грѣхахъ и добродѣтеляхъ. Экскурсіи платоновскихъ катехизисовъ въ область догматическаго богословія были также подвергнуты ограниченіямъ. Съ цѣлью большей общедоступности новаго катехизиса (какъ „пространнаго, такъ и краткаго“), „въ немъ всѣ изреченія, не только изъ св. писанія взятыя, но и церковныя (наприм., символъ вѣры, пѣсни церковныя) и святоотеческія... читаются въ правильномъ русскомъ переводѣ“ [167]).

Всѣ эти нововведенія вносились въ слѣдующія изданія пространнаго и краткаго катехизисовъ съ вѣдома остальныхъ синодальныхъ членовъ. Даже болѣе: все содержаніе катехизиса подверглось въ 1823 же году новой синодальной цензурѣ; при этомъ, какъ видно изъ переписки Серафима съ Филаретомъ, „нѣкоторыя выраженія не избѣжали гоненія“, „однако, не найдено было нужнымъ перемѣнить ихъ“. Въ результатѣ, со второго

---

[165]) Сборникъ..., по случаю празднованія столѣтняго юбилея со дня рожденія..: Филарета м. м., т. II, стр. 675—6.

[166]) Надпись в. кн. Павла Петровича (имп. Павла) на «Христ. богословіи» Платона. Р. Ст. 1884 г., іюнь, ст. Екатерина и Дидро», стр. 485.

[167]) Сборникъ..., стр. 682—696, гдѣ содержится подробный анализъ отношенія катехизиса Филарета къ прежнимъ.

исправленнаго изданія Филарету было разрѣшено „безпрепятственно напечатать" катехизисъ и въ московской синодальной типографіи [168]).

Но дѣйствіе этого синодальнаго „утвержденія" продолжалось не долго,—лишь нѣсколько мѣсяцевъ. Въ 1824 году, въ связи съ общимъ крушеніемъ „духовныхъ дѣлъ" александровскаго времени, былъ развѣнчанъ и катехизисъ. Его сокращенную редакцію, напечатанную съ дозволенія синода гражданскимъ шрифтомъ и съ текстами на русскомъ языкѣ, Шишковъ препроводилъ Аракчееву, какъ „новѣйшее доказательство революціонныхъ замысловъ „библейскихъ обществъ" [169]). При личномъ посѣщеніи Аракчеевымъ и Шишковымъ м. Серафима было положено остановить до ближайшаго разсмотрѣнія разсылку катехизиса, гдѣ „переложены на простой языкъ и переиначены молитвы, въ которыхъ каждая буква должна казаться намъ неприкосновенною и священною, какъ то: Отче нашъ..., Вѣрую и Заповѣди Господни"...

Для оправданія этого акта конфискаціи болѣе вѣскими соображеніями Шишковъ привлекъ спеціалистовъ. Одинъ изъ нихъ, по всей вѣроятности, законоучитель царскосельскаго лицея І. Кочетовъ, представилъ цѣлый трактатъ съ критическими замѣчаніями на обѣ редакціи катехизиса. Не легко было, конечно, критику отыскивать ошибки и неправославныя мысли въ санкціонированномъ высшей властью образцѣ вѣры, но все же онъ успѣшно выполнилъ роль „судіи надъ дѣяніемъ святѣйшаго синода". „Нельзя не пожалѣть, скорбѣлъ онъ, что книга, предназначенная для всеобщаго употребленія въ изученіи правилъ вѣры, не малою частью исполнена неопредѣлительныхъ выраженій, не достачествуетъ въ точности предлагаемыхъ ею понятій и даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отступаетъ отъ ученія нашей церкви". Въ доказательство приводились „двусмыслія", найденныя, напр., въ утвержденіи: „лучшее ученіе о благочестіи есть христіанское",— въ вопросѣ „не запрещаетъ ли вторая заповѣдь иконы" и т. д.

Впрочемъ, сознавая, насколько неблагодарною и небезопасною являлась такая черная работа, авторъ замѣчаній предпочелъ, подобно Шишкову, играть на другихъ струнахъ. „Не произойдетъ ли, спрашивалъ онъ, что въ одномъ и томъ же домѣ, въ одномъ и томъ же семействѣ Символъ вѣры, Молитва Господня и Заповѣди Божіи будутъ читаться различнымъ образомъ? И не породитъ ли сіе разногласія и взаимнаго недовѣрія въ православіи между отцомъ и сыномъ, между матерью и дочерью, изъ коихъ одни научены по новому сему катехизису, а другіе по старымъ, или изустно отъ родителей ихъ?.. А отъ того, что они не возмогутъ едиными усты съ церковію славить имя

---

[168]) Тамъ же, т. II, 695—6.

[169]) Чт. въ Общ. Ист. и Древн., 1868, III, Записки А. С. Шишкова, стр. 47—8

Божіе, не произойдетъ ли въ нихъ охлажденія къ самой церкви, послѣдствія коего всегда столь пагубны?.. Всѣ сіи обстоятельства, вмѣстѣ взятыя, не подадутъ ли расколамъ новое оружіе противъ нашей православной церкви и не усилятъ ли ихъ новыми единомышленниками? Извѣстно, что во времена Никона произвела одна только замѣна въ священныхъ нашихъ книгахъ нѣкоторыхъ славянскихъ словъ славянскими же"... [170])

Опасеніемъ новыхъ расколовъ и толковъ были загипнотизированы и синодальные члены-ревнители. Они пріостановили печатаніе и разсылку катехизисовъ. При этомъ, согласно изъясненію Шишкова, была даже сдѣлана ссылка на именной указъ 17 ноября 1824 года, тогда какъ на дѣлѣ указъ этотъ имѣлъ въ виду книги, напечатанныя въ частныхъ типографіяхъ безъ синодскаго разрѣшенія, въ чемъ катехизисъ совершенно не былъ повиненъ.

„Есть ли сомнительно православіе катехизиса, столь торжественно утвержденнаго святѣйшимъ синодомъ, то не сомнительно ли будетъ православіе самого святѣйшаго синода?"—вотъ вполнѣ логичный выводъ, извлеченный изъ инцидента съ катехизисомъ не однимъ его авторомъ арх. Филаретомъ [171]). Поэтому, если въ числѣ мотивовъ запрещенія катехизиса съ текстами на русскомъ языкѣ оказывалось желаніе избѣжать „различныхъ толковъ къ соблазну многихъ", то осуществленіе этой цѣли дало какъ разъ обратные результаты. „Объ этомъ случаѣ, пишетъ одинъ современникъ, много было толковъ; продажа катехизиса не только запрещена была, но и находившіеся въ лавкахъ экземпляры отбираемы были. Любопытствующіе узнать причину того предлагали по 25 рублей за экземпляръ и не могли получить. Нѣкоторые изъ посѣщавшихъ владыку такъ были неосторожны, что дозволяли себѣ спрашивать его: „правда ли, преосвященнѣйшій, что катехизисъ вашъ запретили?" На что онъ отвѣтствовалъ: „нѣтъ, не мой, а изданный по высочайшему повелѣнію и одобренный св. синодомъ" [172]).

М. Серафимъ въ отвѣтномъ письмѣ къ Филарету счелъ за лучшее ослабить значеніе этого эпизода тѣмъ, что катехизисы „остановили по отношенію министра народнаго просвѣщенія, который ни слова не сказалъ о томъ, чтобъ они не согласны были съ православіемъ", что „до православія вашихъ катехизисовъ никто ни малѣйше не коснулся; а потому честь ваша, яко православнаго пастыря церкви, остается безъ всякаго пятна, равно достоинство или важность св. синода ни мало симъ случаемъ не

---

[170]) Христ. Чтеніе, 1881, ноябрь—декабрь, «Критика сочиненій Филарета м. м. въ тридцатыхъ годахъ», стр. 787, 790.

[171]) Изъ цитированнаго уже письма м. Филарета къ м. Серафиму, отъ 8 дек. 1824 г.

[172]) Душеполезное чтеніе, 1870 г., ч. II, 15—16 „Изв. и замѣт.".

унижена". Все дѣло, по этому письму, сводилось къ возстановленію авторитета славянскаго языка. О своемъ отношеніи къ русскому переводу библіи и текстамъ катехизиса Серафимъ, впрочемъ, загадочно умалчивалъ: „Надѣюсь, что время объяснитъ намъ то, что теперь кажется темно; а время сіе скоро, по мнѣнію моему, настанетъ... И такъ потерпи, пастырь добрый! Терпѣніе не посрамитъ: оно доставитъ вамъ опытность"... [173])

Чтобы закрыть катехизису Филарета доступъ въ учебныя заведенія, Шишковъ предложилъ возобновить печатаніе для нихъ книги „О должностяхъ человѣка и гражданина". Св. синодъ готовъ былъ возвратиться къ „протестантскому" катехизису м. Платона, седьмое изданіе котораго и было выпущено въ 1825 году. Своего рода очная ставка между предубѣжденными противъ катехизиса синодальными членами Серафимомъ и Евгеніемъ и его авторомъ произошла въ Москвѣ во время коронаціи имп. Николая. Конечно, послѣ закрытія библейскаго общества Серафиму не было особенной нужды давать какія-либо объясненія въ оправданіе синодальнаго распоряженія относительно катехизисовъ. Зато побуждала его немедленно вернуться къ вопросу о катехизисѣ воля новаго государя, „дабы для единообразнаго преподаванія закона Божія во всѣхъ вообще учебныхъ заведеніяхъ и въ особенности въ военныхъ училищахъ составлена была по вѣдомству духовнаго начальства приличная для сего учебная книга". При этомъ предложенъ былъ вниманію синода проектъ „правилъ для укорененія въ нижнихъ воинскихъ чинахъ религіи и распространенія между ними доброй нравственности", присланный однимъ изъ тогдашнихъ спасателей отечества—надв. сов. Мининымъ [174]). Въ

---

[173]) Письма духовныхъ и свѣтскихъ лицъ къ м.м. Филарету (СПБ. 1900) стр. 44—5, отъ 18 дек. 1824 г.

[174]) А. С. С. 1826, 48.

Поводъ къ составленію «правилъ» и ихъ цѣль объясняютъ слѣдующіе пункты всеподданнѣйшаго прошенія Минина:

„Читая манифестъ в. имп. в.-ства, увидѣлъ изъ онаго, что открылись такіе зловредные люди, которые простирали злое намѣреніе противу императорскаго дома и въ пропасть сію ухищреннымъ образомъ увлекли и нѣкоторыхъ воиновъ! Кто отъ сего не вострепещетъ, или чье чувство не обольется кровью?...

Всемилостивѣйшій государь! Ежели спросить всѣхъ тѣхъ, которые стремились поколебать Тронъ, знаютъ ли они религію, или хоть 10 заповѣдей, данныхъ отъ самого Бога Моисею?—вѣрно нѣтъ... Сомнительно, чтобы знали и какія-л. молитвы, и когда такъ, могли ли они чувствовать добро. Религія есть источникъ добродѣтели, чрезъ нее познаетъ всякій самъ себя, для чего онъ созданъ, вѣруетъ, что совершенно Богъ есть истинный и справедливый и мститель за злыя дѣла, и, вѣруя, страшится зла... Содержа всегда въ памяти заповѣди его, не выходитъ изъ предѣловъ настоящей обязанности Его. Ежели бы и тѣ воины, которые вовлечены были въ пропасть погибели, знали всѣ тѣ обязанности,—вѣрно бы не совратились съ настоящаго пути, и никакое коварство не поколебало бы отступить отъ настоящей своей обязанности.

Соединя краткое понятіе о религіи, десять заповѣдей съ приличными

виду отвѣтственнаго характера порученія, синодъ вновь обратился къ авторскому опыту м. Филарета. Не настаивая уже на составленіи катехизисовъ заново, синодъ поручилъ Филарету пересмотрѣть катехизисы и „приспособить въ нихъ извѣстныя по нынѣшнему разсужденію мѣста къ цѣли предназначеннаго сей книгѣ употребленія“.

Пересмотръ катехизисовъ былъ оконченъ Филаретомъ черезъ годъ. Не ограничиваясь замѣною одного „нарѣчія“ другимъ, авторъ ввелъ въ новыя изданія катехизисовъ разнаго рода поясненія и дополненія и новыя доказательства изъ св. писанія и писаній св. отецъ. „Въ изданіи 1827—8 г. замѣтно еще больше, чѣмъ въ изданіяхъ 1823—1824 годовъ, удаленіе отъ типа катехизисовъ платоновскихъ и нѣкоторое приближеніе къ типу катехизиса Петра Могилы“ [175]). Особенно существенной переработкѣ подвергся краткій катехизисъ, въ который были внесены „начатки“ священной и церковной исторіи. Приспособленіе катехизисовъ къ идеямъ Минина выразилось въ прибавленіи особой главы съ спеціальными наставленіями „для готовящихся или принадлежащихъ къ военному званію“.

Всѣ эти измѣненія были введены въ катехизисъ, несмотря на то, что „изложеніе истинъ при первомъ и второмъ изданіи сей книги во всѣхъ частяхъ утверждено св. синодомъ“. На это именно обстоятельство какъ-бы мимоходомъ указалъ и Филаретъ въ своемъ рапортѣ синоду съ представленіемъ катехизисовъ.

необходимо нужными человѣку краткими молитвами и самою обязанностью солдата и вопросами о томъ, осмѣливаюсь представить в. имп. в-ству“.

Чтобы опредѣлить тенденцію предложенныхъ Мининымъ правилъ, достаточно привести изложеніе имъ сущности евангелія, одну изъ молитвъ и діалогъ относительно обязанности воина.

В. „Что Евангеліе и Апостолъ тебѣ повелѣваютъ?

О. Воздавать Божіе Богу и Царево Царю, быть довольну своимъ оброкомъ, т. е. жалованьемъ, и не касаться ни до чего тебѣ не принадлежащаго.

В. Еще что?

О. Повиноваться начальникамъ и исполнять всѣ ихъ приказанія безпрекословно.

Молитва послѣ должности читается такъ: „Владыко Господи, Іисусе Христе, благодарю Тебя, что въ сей день сподобилъ исполнить должность мою въ совершенствѣ и тѣмъ возвысилъ духъ мой къ прославленію имени Твоего...

В. Въ чемъ должность солдата состоитъ?

О. Артикулы государевы помнить: командировъ почитать и всегда готову быть къ службѣ.

В. Еще что?

О. Себя и мундиръ содержать въ чистотѣ, оружіе чисто и исправно.

В. Что есть часовой?

О. Часовой есть самовластная особа, надъ которымъ никто не имѣетъ власти, кромѣ поставленнаго надъ нимъ командира“.

„Если же, разъяснялъ Мининъ, паче чаянія окажутся неисправные и преступные солдаты,—отдѣляя ихъ, унтеръ-офицерамъ читать имъ Евангеліе, Апостолъ и артикулы о преступленіяхъ и наказаніяхъ“.

[175]) Сборникъ... по случаю столѣтія..., II, 750.

Зато теперь съ еще большею настойчивостью связывалъ онъ съ переработкою катехизиса имена остальныхъ синодальныхъ членовъ. Сначала порознь и „только еще дома“, потомъ въ собраніи синода разсматривали они катехизисъ, немногое оспаривали (напр., порядокъ размѣщенія таинствъ), и, наконецъ, пройдя „огонь и воду разныхъ цензуръ“ [176]), катехизисы были отпечатаны. При этомъ вновь было признано цѣлесообразнымъ сообщить катехизисамъ высшую санкцію, издать ихъ „по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію.“ Синодъ опять возвратился къ вѣрѣ въ незыблемое значеніе новой редакціи катехизисовъ и готовъ былъ охранять ихъ исключительное употребленіе. Въ то время, какъ даже м. Филаретъ въ приложенномъ къ катехизису „примѣчаніи для законоучителя“ счелъ необходимымъ высказаться за нѣкоторую самостоятельность преподавателя при прохожденіи съ учениками его катехизиса, синодальная практика,—иногда не безъ вліянія самого м. Филарета,—предпочитала руководиться принципомъ строгаго единообразія преподаванія, и пропускать въ печать катехизическіе труды другихъ авторовъ считалось неудобнымъ [177]).

Прошло десять лѣтъ со времени выхода въ свѣтъ второй редакціи катехизисовъ; какъ авторъ ихъ, такъ и цензоры продолжали занимать прежнее положеніе въ церковномъ управленіи, и тѣмъ не менѣе составленная и утвержденная ими символика должна была подвергнуться новой передѣлкѣ. Ревность по древнему православію пожелала увидѣть и катехизисъ болѣе православнымъ, разумѣя подъ этимъ совершенное приближеніе его къ типу могилянскаго православнаго исповѣданія. Катехизисъ былъ уличенъ въ недостаткѣ уваженія къ церковному преданію [178]) и, напротивъ, въ большемъ, чѣмъ слѣдовало, вниманіи къ вопросамъ богопознанія естественнаго. Въ качествѣ „диверсіи“, какъ тогда выражались, автору было предъявлено требованіе ввести въ катехизисъ трактатъ о значеніи преданія, такъ называемыя „церковныя заповѣди“, осужденіе протестантскаго ученія о предопредѣленіи, а равно сдѣлать и другія перемѣны, примѣни-

---

[176]) Приб. къ творен. св. отц., 1871, ч. XXIV, стр. 434. Письма м. Филарета къ е. Иннокентію (Сельнокринову).

[177]) А. С. С., 1830, 687; 1831, 807 и 825; 1833, 414 и др. о катехизическихъ трудахъ свящ. Смирнова, Малова, архм. Виктора Прокоповича Антонскаго, свящ. Геналѣева; СПБ. Д. Ц. К., 1828, 29.

[178]) Объ этомъ заключали по цитатамъ, заимствованнымъ изъ катехизиса, въ сочиненіи Руднева „О ересяхъ и расколахъ въ Русской церкви“, гдѣ, въ противовѣсъ римскому взгляду, указывалось на неравноправное значеніе писанія и преданія. Оффиціально поводъ къ новому исправленію катехизиса былъ мотивированъ Филаретомъ въ предложеніи синоду тѣмъ, что законоучители дополняютъ его сами, „но иногда не въ тѣхъ частяхъ, которыя бы могли получить особенно полезное развитіе, бывъ не довольно развиты въ книгѣ, по краткости катехизической. А. С. С., 1839, 2957 (отъ 14 февр 1839 г.)“.

тельно къ „исповѣданію“. Всѣ эти пункты требованій были приняты Филаретомъ во вниманіе. Отправляясь отъ нихъ, онъ постарался сдѣлать свой катехизисъ „отчетливымъ и сжатымъ“ изложеніемъ православнаго вѣроученія, пополняя его вопросы-отвѣты новыми элементами изъ собственно богословской области. Въ новой редакціи катехизиса, по отзыву проф. И. Корсунскаго, нашли свое выраженіе „обдуманность, осторожность, всесторонняя основательность въ мысляхъ, строгая отдѣлка рѣчи, точность и опредѣлительность выраженія“, — однимъ словомъ тѣ качества, которыя развила въ м. Филаретѣ „пора большей осторожности, осмотрительности и обдуманности въ словахъ и поступкахъ, большей сосредоточенности и замкнутости въ себѣ“ [179]).

Имѣя въ виду этотъ плюсъ [180]), проф. Корсунскій считаетъ возможнымъ, съ точки зрѣнія достигнутаго результата, бросить болѣе свѣтлые лучи и на всю исторію съ катехизисами. Обнаруженное, напр., синодальными членами (Серафимомъ и Филаретомъ кіевскимъ) при цензурѣ катехизиса 1839 года частичное отступленіе отъ даннныхъ имъ извнѣ указаній и ихъ рѣшеніе не включать въ катехизисъ церковныхъ заповѣдей [181]) даетъ ему поводъ къ слѣдующей воодушевленной тирадѣ: „Не оберъ-прокуроръ съ своею канцеляріею, а высокопросвѣщенные духовною мудростію іерархи-члены св. синода держали высшую цензуру по составленію его“.. „По разсмотрѣнію и одобренію „Начатки“ и „Пространный катехизисъ“ не суть дѣло одного какого-либо малоизвѣстнаго цензора,... а цѣлаго св. синода — цѣлаго сонма высокопросвѣщенныхъ духовно мужей, своимъ совѣтомъ и мудростью придававшихъ еще болѣе совершенства произведеніямъ мудрости святителя московскаго, а не изыскивавшихъ въ нихъ одни недостатки, или подвергавшихъ ихъ только критикѣ“. „Не столько, заявляетъ, наконецъ, авторъ, случайный

---

179) Сборникъ..., II, 785—6.

180) Впрочемъ, значеніе его ослабляетъ въ своемъ историческомъ очеркѣ о преподаваніи закона Божія прот. Д. Соколовъ. Сравнивая катехизисъ 1839 года съ прежними его редакціями, онъ замѣчаетъ: „можетъ быть этотъ катехизисъ лучше, полнѣе и точнѣе выражаетъ ученіе православной церкви, чѣмъ прежній, но въ педагогическомъ отношеніи онъ стоитъ ниже перваго: 1) нѣкоторыя вѣроопредѣленія въ немъ, при сжатости изложенія, недоступны для дѣтей; 2) въ нѣкоторыхъ мѣстахъ самое изложеніе предмета идетъ не тѣмъ яснымъ, строго логическимъ путемъ, который подходитъ подъ нехитростное пониманіе дитяти; 3) въ немъ нѣтъ той прямоты, которая была въ первомъ: онъ сдержанъ, боязливъ, чего то не договариваетъ... Изучая вопросъ о предопредѣленіи, пресуществленіи, епитиміяхъ... ученики чувствуютъ, что ихъ направляютъ противъ какихъ-то противоположныхъ ученій, которыхъ они не знаютъ и на которыя имъ въ катехизисѣ не указывается“... Вессель. Руководство къ преподаванію общеобразовательныхъ предметовъ, т. II, стр. 243—4, 245.

181) Потому что, разъясняли они, церковныхъ заповѣдей не девять, а вся кормчая книга заключаетъ церковныя заповѣди. Чтенія въ общ. люб. дух. просв., 1877 г., ч. III, стр. 169.

капризъ, личныя требованія оберъ-прокурора, сколько болѣе существенныя потребности и болѣе важныя причины обусловили собою эту перемѣну. Требованія оберъ-прокурора были только внѣшнимъ побужденіемъ и поводомъ къ тому, что совершилось подъ вліяніемъ болѣе серьезныхъ побужденій и требованій" [182]).

Это стремленіе разрѣшить въ примиряющихъ аккордахъ всѣ тѣ испытанія, изъ которыхъ состоитъ исторія катехизиса Филарета, можно принять лишь въ очень условной формѣ. Ослабленіе значенія внѣшнихъ обстоятельствъ и давленій, вызывавшихъ пересмотры катехизиса, чрезъ указаніе на роль личной эволюціи, можетъ собственно имѣть мѣсто лишь въ отношеніи автора катехизиса, поскольку онъ сознательно готовъ былъ придавать своему труду относительное значеніе и „поставлялъ себя только секретаремъ въ дѣлахъ сего рода". Но пользоваться тѣмъ же пріемомъ съ цѣлью устранить недоумѣнія, вызываемыя непослѣдовательностью синодальной цензуры катехизисовъ, нельзя. Какъ видно изъ всей ихъ исторіи, внѣшнія обстоятельства,— часто „случайный капризъ и личныя требованія",—оказывались сильнѣе авторитетнаго утвержденія св. синода. Его члены слишкомъ предупредительно откликались на „объявленія" Голицына, „изъясненія" Шишкова, отношенія главнаго штаба при Мещерскомъ, наконецъ,—на предложенія Пратасова. И, какъ судъ современника, заслуживаетъ полнаго вниманія отрывокъ изъ письма А. И. Тургенева: „Я не имѣю довѣренности къ нашимъ духовнымъ: они мѣняютъ катехизисъ съ перемѣной министровъ и оберъ-прокуроровъ; я вѣрю возможности искренней перемѣны въ мнѣніяхъ, въ мнимыхъ убѣжденіяхъ; но вдругъ, въ цѣломъ синодѣ, это подозрительно и не для такого опытнаго въ сихъ перемѣнахъ, какъ бывшій директоръ департамента быть долженъ. Чѣмъ болѣе старѣюсь и размышляю, тѣмъ болѣе прилѣпляюсь къ христіанскому ученію и тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что въ церковникахъ мало вѣры и что для нихъ она не цѣль, а средство" [183]).

Охарактеризованное здѣсь отраженіе политики въ катехизической области продолжалось и далѣе. Подтвержденіемъ могутъ служить прежде всего обстоятельства составленія м. Филаретомъ „Христіанскаго православнаго ученія, приспособленнаго къ употребленію въ первоначальномъ обученіи и къ общенародному наставленію". Составленное въ 1844 году, взамѣнъ раскритикованнаго „руководства" свящ. Содальскаго, и тщательно провѣренное цензурнымъ комитетомъ и синодомъ, оно было издано лишь въ 1866 году. Причина въ томъ, что оно не понравилось министру государственныхъ имуществъ Киселеву, по порученію

---

[182]) Сборникъ по случаю столѣтія..., II, стр. 818—9 и 788—9.

[183]) Р. Стар.. 1882, т. XXXIV. Александръ Ивановичъ Тургеневъ въ его письмахъ (1827—1845), стр. 179, отъ 17 февр. 1841 г.

котораго выступилъ съ своимъ патріотическимъ опытомъ Содальскій. Въ министерствѣ были сдѣланы на „христіанское ученіе“ замѣчанія, въ силу которыхъ оно, даже по возвращеніи въ 1851 году въ духовное вѣдомство, было „оставлено для храненія при дѣлѣ“. Лишь въ 1858 году, когда выяснилась необходимость создать руководство для уѣздныхъ духовныхъ училищъ, оберъ-прокуроръ Толстой рѣшился сообщить Филарету оригиналъ съ замѣчаніями, „коимъ не было дано хода и никакой извѣстности“, „не желая теперь, дабы что оставалось отъ васъ скрыто[184]).

Впрочемъ, и само духовное вѣдомство готово было теперь подрывать исключительное значеніе „начатковъ“ Филарета, одобривъ, напр., составленное, на основаніи „православнаго исповѣданія“, чиновникомъ канцеляріи его величества Бланкомъ „славянское, сирѣчь церковное чтеніе, направленное къ утвержденію православія въ учащихся и къ христіанскому образованію ихъ ума и сердца“. Напечатано оно было по славянски со включеніемъ въ него церковныхъ заповѣдей [185]). Еще болѣе радикальнаго взгляда на катехизисъ Филарета держался директоръ пратасовскихъ канцеляріи Сербиновичъ, который въ 1847 году и предложилъ рижскому епископу Филарету составить взамѣнъ лютеранскаго катехизиса м. Филарета другой. [186]). М. Филаретъ не считалъ этотъ слухъ несбыточнымъ, хотя и оговаривался, что „это было бы не самое благовидное дѣло, между прочимъ послѣ того, какъ о семъ катехизисѣ учатъ въ богословіяхъ и переведенъ онъ на греческій, нѣмецкій и англійскій языки. Я доволенъ, что въ дѣлахъ сего рода всегда поставлялъ себя секретаремъ, а не болѣе, свободно подчиняясь лучшему сужденію другихъ, и поколику оно не въ спорѣ съ словомъ Божіимъ, и поколику можно было подчиняться оному безъ оскорбленія совѣсти. Но достоинство учительства церковнаго стоитъ заботы“[187]).

Въ результатѣ, до чего общее сознаніе свыклось съ мыслью, что „съ перемѣной министровъ и оберъ-прокуроровъ“ долженъ мѣняться и катехизисъ, видно изъ краткаго сообщенія одного письма отъ 2 авг. 1855 года: „Въ духовномъ ареопагѣ уже рѣшили по смерти Филарета поручить составить новый Макарію“[188]).

Судьба катехизисовъ Филарета, вмѣстѣ съ очерченными выше (въ главѣ IV) попытками оффиціальной разработки православной догматики, представляетъ наиболѣе связныя страницы

---

[184]) К. О. П. С. С., 1844, 33686.

[185]) А. С. С., 1842, 32.

[186]) Приб. къ твор. св. отц. 1884, ч. 33, стр. 332—33, прим., изъ письма Филарета Гумилевскаго къ А. В. Горскому.

[187]) Тамъ-же. Письма Филарета м. м. къ Филарету Гумилевскому (впослѣдствіи арх. черниговскому), стр. 332. Письмо отъ 14 янв. 1848 г.

[188]) Р. Арх. 1898, I, стр. 308. Письмо В. Гречулевича изъ С.-Петербурга архіепископу Антонію въ Могилевъ.

изъ исторіи синодальнаго надзора за „изложеніемъ догматовъ православно-каѳолическія вѣры и правилъ христіанской дѣятельности“. Въ сравненіи съ ними цензурныя мытарства другихъ сочиненій можно было бы признать частными эпизодами, еслибы ихъ не объединяло и не дѣлало логически необходимыми непрерывно усиливавшееся стремленіе церковной власти довести до высшаго напряженія надзоръ за религіозными сочиненіями путемъ его сосредоточенія. Въ сороковые годы были приняты особыя мѣры охраны въ отношеніи новыхъ догматическихъ и нравоучительныхъ сочиненій, сверхъ того тщательному пересмотру подвергались прежнія изданія.

Въ первомъ отношеніи особенно важное значеніе пріобрѣлъ синодальный указъ 25 мая 1845 года „о болѣе строгомъ разсматриваніи догматическихъ книгъ“[189]). Вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ „Писемъ о богослуженіи восточной церкви“, А. Н. Муравьева, Пратасову былъ присланъ разборъ нѣкоторыхъ мѣстъ этой книги. Здѣсь можно ограничиться одной фразой Муравьева и сдѣланнымъ на нее возраженіемъ. „Рожденіе дѣтей, мимоходомъ замѣчалъ Муравьевъ, есть какъ бы непрестанное продолженіе творческаго дѣла Божія, для котораго мы только избраны орудіями, и рождаемое нами не есть одна лишь плоть, одушевленная чувственною жизнью, но существо разумное,—образъ и подобіе Божіе“. На это анонимный критикъ возражалъ: „Но не сіе ли проповѣдывалъ Пелагій, отрицая первородный грѣхъ? Всякій, говорилъ онъ, рождается съ такими совершенствами, съ какими сотворенъ первый человѣкъ (Начерт. церк. исторіи, Иннокентія). Но не сіе ли и Фотиніане мудрствуютъ? Авторъ писемъ въ означенномъ мѣстѣ отличилъ себя отъ Пелагія и Фотиніанъ токмо словами,—въ смыслѣ же ересь ихъ повторяетъ съ большею даже противъ ихъ выразительностью, наименовавъ образомъ и подобіемъ рождаемое отъ супружества мужа и жены...—Христе-Спасителю! Ты,—предвѣчная Истина, глаголешь: рожденное отъ плоти—плоть есть...; но се нынѣ Тебѣ пререкается... Апостоле Христовъ! чрезъ тебя насаждено и укоренено вѣроученіе: „вси согрѣшиша и лишени суть славы Божія“, но се вновь въ мірѣ противовѣщается“...

Такъ какъ Муравьевъ лишь незадолго предъ этимъ покинулъ мѣсто за оберъ-прокурорскимъ столомъ, то, не въ примѣръ другимъ, отъ него своевременно были затребованы разъясненія. Онъ, возражая по существу, оправдывался и такими сопоставленіями. „Тѣ же самыя слова объ образѣ и подобіи Божіемъ употреблены мною въ „Изложеніи символа вѣры православной церкви“,

[189]) Такъ озаглавливается онъ въ „Сборникѣ законоположеній и распоряженій по духовной цензурѣ вѣд. прав. испов. съ 1720 по 1870 г. (СПБ. 1870), стр. 122.

тамъ, гдѣ говорю о таинствѣ брака, и книга сія, одобренная св. синодомъ, по предложенію первенствующаго члена распространяемая по училищамъ, за которую удостоился я получить даже благословеніе отъ св. синода, можетъ, по крайней мѣрѣ, оградить меня отъ тѣхъ нареканій въ злой ереси, какими заблагоразсудилъ укорить меня неизвѣстный критикъ".

Для подробнаго анализа сомнительныя мѣста были переданы на разсмотрѣніе сначала спб. д-цензурному комитету, потомъ присутствовавшему въ синодѣ архіепископу Венедикту. Обѣ инстанціи признали, что „критикъ у автора видитъ въ глазѣ сучекъ, а у себя и бревна не замѣчаетъ". Тѣмъ не менѣе относящееся сюда общее опредѣленіе синода, имѣя въ виду сучекъ, создало цѣлую плотину. „Обращая, говорится здѣсь, особенное вниманіе на важность издаваемыхъ догматическихъ книгъ, св. синодъ признаетъ необходимымъ подтвердить дух.-цензурнымъ комитетамъ, дабы они, во-первыхъ, съ большею строгостью разсматривали подобныя сочиненія и, во-вторыхъ, чтобы они о каждой такого содержанія книгѣ, какъ прежде позволенія напечатать оную, такъ и при каждомъ новомъ изданіи оной, представляли св. синоду на разрѣшеніе" [190]). Тотъ же указъ, лишь въ еще болѣе категорическихъ выраженіяхъ, былъ повторенъ въ 1848 году (29 окт.), когда Пратасовъ обратилъ особенное вниманіе на печатное „объявленіе о новомъ Руководствѣ къ чтенію Библіи", не бывшемъ въ разсмотрѣніи св. синода [191]).

Въ силу этихъ общихъ указовъ, а равно и множества частныхъ разъясненій и подтвержденій [192]) (требовавшихъ, напр.. чтобы въ одобряемыхъ комитетами сочиненіяхъ „не было впредь допускаемо въ наименованіи православной вѣры и церкви неточныхъ названій, но только тѣ, какія издревле употребляются въ православныхъ исповѣданіяхъ вѣры и сводѣ законовъ россійской имперіи, изданія 1842 года", т. е. „Христіанская Православная Каѳолическая Восточнаго Исповѣданія" [193]), комитеты съ готовностью стали предоставлять окончательную цензуру сочиненій синодальнымъ членамъ, даже не предлагая имъ своихъ собственныхъ заключеній, Въ предупрежденіе этого синодъ постановилъ: поручить петербургскому комитету принять на будущее время за неизмѣнное правило, чтобы рукописи и печатныя

---

[190]) Дѣло дух.-учебн. управленія, 1842, 1515.

[191]) К. О. П. С. С., 1848, 41078.

[192]) Напр. за одинъ 1855 годъ въ петербургскій комитетъ поступило изъ синода около 50-ти сообщеній.

[193]) К. О. П. С. С., 1845, 35570. Сборникъ законоположеній и распоряженій по дух. цензурѣ, стр. 127—8; также стр. 150: указъ отъ 31 дек. 1850 г. «О замѣненіи въ рукописи «Алфавитъ именъ всѣхъ святыхъ, празднуемыхъ Православною Греко-Россійскою Церковію», выраженія: Греко-Россійскою, выраженіемъ: Греко-Восточною».

сочиненія, долженствующія по заведенному порядку поступать на разсмотрѣніе св. синода, были подвергаемы предварительно тщательному разсмотрѣнію одного изъ членовъ комитета, а потомъ сдѣланныя имъ замѣчанія повѣрялись въ полномъ собраніи комитета, и затѣмъ вносимы были въ св. синодъ, съ изложеніемъ подробнаго заключенія какъ цензора, такъ и комитета, и съ указаніемъ въ сочиненіи такихъ мѣстъ, которыя обращаютъ почему-либо особенное вниманіе, если таковыя встрѣтятся [194]). Когда былъ учрежденъ при синодѣ „секретный цензурный комитетъ" (4 апр. 1851 г.), послѣдній, конечно съ цѣлью облегченія своихъ занятій, заручился синодальнымъ подтвержденіемъ изложеннаго указа [195]).

При такой напряженности цензурнаго надзора неудивительно, что трудъ Филарета рижскаго „О церкви Христовой, какъ посредствующемъ началѣ благодатнаго освященія", переданный Сербиновичемъ на рецензію Аѳанасія (Дроздова), былъ признанъ „ не совсѣмъ удовлетворительнымъ, [196]); что пропускъ одного „неосторожнаго примѣра" въ книгѣ „Обозрѣніе ложныхъ религій", ректора харьковской семинаріи Израиля, повлекъ за собою отрѣшеніе цензора отъ должности [197]), и что господство на каждомъ шагу „высшихъ соображеній" приводило въ отчаяніе православныхъ апологетовъ [198]).

Съ тою же цѣлью—устранить изъ догматическихъ произведеній всѣ „неточныя выраженія, которыя могутъ порождать въ читателяхъ недоразумѣніе" [199]), производилась и синодальная повѣрка каждаго такого сочиненія при новомъ его изданіи. Од-

---

194) Тамъ же, стр. 128, указъ отъ 10 окт. 1849 г.

195) К. О. П. С. С., 1852, 239 (по поводу рукописи прот. Красноцвѣтова „О Богослуженіи православной церкви", пропущенной архм. Іоанномъ (Соколовымъ).

196) К. О. П. С. С., 1846, 37420. На первомъ планѣ было отмѣчено изложеніе текстовъ «по русскому и притомъ нерѣдко по собственному переводу автора».

197) К. О. П. С. С., 1850, 44319.

198) „Вотъ, напр., заключеніе рецензіи арх. Венедикта олонецкаго на трактатъ прот. Вершинскаго „О таинствѣ евхаристіи". „Въ догматическомъ и религіозномъ отношеніяхъ сочиненіе это весьма основательно, доказательства на сторону Православной церкви собраны изъ источниковъ вѣрныхъ, изложены въ порядкѣ преемственномъ и сужденіямъ западнымъ противупоставлены твердо. Но, при всѣхъ таковыхъ и другихъ подобныхъ достоинствахъ сочиненія, нѣтъ, кажется, прямой нужды на изданіе его въ свѣтъ; ибо въ предѣлахъ отечественной нашей церкви нельзя,—благодареніе Богу,—предполагать никакихъ пустыхъ мудрованій объ употребленіи таинства евхаристіи подъ обоими видами; за предѣлами же Россіи, при соприкосновенности къ неблагонамѣреннымъ видамъ напечатаннаго въ Парижѣ въ 1842 г. иновѣрнаго сочиненія, очевидно, не можетъ принести пользы". К. О. П. С. С. 1845, 35535. (Отзывъ 1847 года).

199) К. О. П. С. С.. 1850, 44325 (по поводу неточныхъ выраженій въ книжкахъ: Слова и рѣчи свящ. Тихонравова, 2-е изд.; „О святыхъ чудотворныхъ иконахъ въ церкви христіанской", Д. Соснина, 2 изд.; и „Три слова на страстную седьмицу" свящ. Любимова).

нако, уже самое введеніе этой хронической цензуры не служитъ ли яснымъ доказательствомъ ея слишкомъ относительнаго значенія? За это говорятъ и факты, именно обстоятельства синодальнаго пересмотра „руководствъ", принятыхъ въ классное употребленіе.

Два раза было на разсмотрѣніи св. синода „Богословіе догматическое, или пространное изложеніе ученія вѣры православныя каѳолическія восточныя церкви" (М. 1838, I изд.), профессора московскаго университета П. Терновскаго. Препровождено оно было въ синодъ и для пропуска къ четвертому изданію. Произвести тщательный пересмотръ синодъ поручилъ сначала епископу Венедикту, потомъ Аѳанасію. Спустя два года, послѣ многократныхъ напоминаній, книга была возвращена въ синодъ, „съ присовокупленіемъ, что безъ исправленія недостатковъ она не можетъ быть признана соотвѣтствующею требуемымъ условіямъ". Объ этомъ было сообщено попечителю московскаго округа, причемъ было рекомендовано, какъ „вполнѣ одобренное св. синодомъ", догматическое богословіе архм. Антонія [200]).

Тѣмъ не менѣе и это усиленно распространяемое руководство при дальнѣйшихъ изданіяхъ не избѣжало возраженій. Предъ выходомъ этой книги въ свѣтъ м. Филаретъ кіевскій, прося ускорить пропускъ ея въ синодѣ, писалъ архіеп. Иннокентію: „Кажется, это дѣло не встрѣтитъ препятствія: ибо оно прошло всѣ переходы цензуры самой строгой" [201]). Рукопись, дѣйствительно, была разсмотрѣна (епископомъ Евсевіемъ, ректоромъ академіи), одобрена, передана духовно-учебному управленію для разсылки по семинаріямъ; и вскорѣ были выпущены одно за другимъ четыре изданія,—каждый разъ съ согласія синода [202]). И все это не предохранило автора отъ горькихъ чувствъ, которыя такъ живо излагаетъ онъ въ письмахъ къ Иннокентію: „Я до сихъ поръ въ томительномъ чаяніи, чѣмъ рѣшится судьба моей догматики. Вотъ уже скоро годъ, какъ томятъ меня. Буди воля Божія" [203]). „Что моя догматика? спрашиваетъ онъ нѣсколько позже. Вотъ уже второй годъ пошелъ, какъ я не получаю ни да, ни нѣтъ на свою просьбу о дозволеніи вновь ее напечатать для себя". Еще черезъ годъ: „Вотъ третій годъ, какъ не даютъ мнѣ разрѣшенія печатать ее вновь, и, наконецъ, въ этомъ мѣсяцѣ только получены при указѣ къ владыкѣ замѣчанія, сдѣланныя на мою книгу извѣстнымъ критикомъ, послѣ двухлѣтняго содержанія ихъ въ секретѣ; а между тѣмъ въ этотъ промежутокъ времени дано было подъ

---

[200]) К. О. П. С. С. 1847, 39235.

[201]) Матеріалы для біографіи Иннокентія..., вып. I. Письма Филарета м. кіевскаго и архм. Антонія... къ Иннокентію, арх. херсонскому, стр. 34, отъ 5 апр. 1848 г.

[202]) К. О. П. С. С., 1848, 41057.

[203]) Матеріалы..., стр. 57, отъ 25 окт. 1852.

рукою порученіе другому автору составить свою подобную книгу, которая и составлена и отправлена на разсмотрѣніе московскому владыкѣ. Удивительно, какъ поступаютъ и поощряютъ у насъ ученые труды и самыя безкорыстныя пожертвованія вознаграждаютъ!“[204])...

Замѣчанія,—свыше сорока,—представлены были въ синодъ архіеп. Григоріемъ (Постниковымъ). По оцѣнкѣ автора догматики они являлись „серьезнымъ процѣживаніемъ комаровъ“. Не придавалъ имъ особеннаго значенія и синодъ [205]), но все же онъ предпочелъ держаться выжидательно, до отъѣзда Григорія въ епархію. При этомъ была допущена и крупная непослѣдовательность. Не давая втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ опредѣленнаго отвѣта относительно богословскаго учебника, синодъ, однако, по настойчивому представленію духовно-учебнаго управленія, дозволилъ выпустить пятое изданіе „въ прежнемъ его видѣ“, и тѣмъ не менѣе въ половинѣ 1856 г. состоялось окончательное опредѣленіе синода: „Принимая въ разсужденіе, сказано здѣсь, что книга Догматическое богословіе архм. Антонія имъ исправлена по замѣчаніямъ преосв. казанскаго Григорія, другія же мѣста одобрены м. кіевскимъ, св. синодъ опредѣлилъ разрѣшить напечатаніе новымъ изданіемъ книги въ исправленномъ видѣ“[206]).

Въ это время, смущенный, очевидно, количествомъ замѣчаній на горячо рекомендованный имъ учебникъ, Пратасовъ сталъ готовить путь къ отступленію. Онъ, отъ имени синода, поспѣшилъ препроводить къ м. м. Филарету поступившую тогда въ петербургскій комитетъ рукопись „Краткое начертаніе православно-догматическаго богословія“, епископа Макарія, поручая ему дать въ своемъ отзывѣ „не просто цензурное разрѣшеніе къ печати, но высшую оцѣнку сочиненія въ классическомъ отношеніи“. Далѣе же слѣдовало такое поясненіе. „До 1848 г., за неимѣніемъ у насъ достаточнаго по сей части печатнаго учебнаго руководства, оно по необходимости замѣнялось какъ въ духовныхъ семинаріяхъ, такъ и въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ разнообразными записками самихъ преподавателей. Къ устраненію та-

---

[204]) Тамъ же, стр. 61, 66, (21 февр. 1853 и 23 марта 1854 г.).

[205]) Особое вниманіе синода привлекло лишь изложеніе пункта о неповторяемости таинства миропомазанія, въ виду возникшихъ на востокѣ споровъ о чинѣ принятія обращающихся къ церкви.

[206]) Все это подробно изложено въ сочиненіи: «Высокопреосвященный Филаретъ (Амфитеатровъ) м. кіевскій и галицкій». Архм. Сергія (т. III, Казань, 1888), стр. 124—133. Кстати можно упомянуть еще объ одной тогдашней тревогѣ Антонія: «Недавно получилъ я разрѣшеніе печатать уроки свои по богословію пастырскому, и началъ уже печатать. Но нѣсколько опасаюсь: ибо разрѣшеніе послѣдовало прямо отъ св. синода, безъ цензуры. А кажется, принято было за правило, чтобы подобныя сочиненія св. синодъ одобрялъ не иначе, какъ черезъ посредство цензуры. Какъ бы не взяли назадъ свое разрѣшеніе». Матеріалы для біографіи Иннокентія. Письма м. Филарета... и Антонія, стр. 51 (7 іюля 1851 г.).

кого неудобства, св. синодъ разрѣшилъ ввести въ классическое употребленіе въ семинаріяхъ (а въ послѣднее время и въ высшихъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія) изданное тогда первымъ тисненіемъ Православное догматическое богословіе... архм. Антонія, впредь до появленія въ свѣтъ иного лучшаго въ семъ родѣ сочиненія. Весьма бы желательно было, чтобы оказалось таковымъ препровождаемое къ вашему высокопреосвященству, которое есть сокращеніе уже изданнаго въ пяти томахъ пространнаго догматическаго богословія, но, принимая въ соображеніе, что едва ли скоро появится въ свѣтъ третье, еще болѣе удовлетворительное руководство, и что посему можетъ быть еще долго нужно будетъ ограничиваться сею книгою для преподаванія богословія юношеству всѣхъ образованныхъ классовъ,—св. синодъ не могъ не подвергнуть ее опытному и просвѣщенному взгляду вашему и просить вашего строгаго и безпристрастнаго разсмотрѣнія, въ той увѣренности, что исправленная по замѣчаніямъ вашимъ, она, для общей пользы, явится въ видѣ болѣе достойномъ столь важнаго назначенія" [207]).

У м. Филарета сокращенная догматика Макарія пробыла десять лѣтъ—по 1863 г. Отсутствіе напоминаній объ этомъ дѣлѣ изъ центральнаго управленія показываетъ, что, съ окончаніемъ трехлѣтней „полемической бомбардировки" [208]) учебника архм. Антонія, вопросъ о его замѣнѣ потерялъ свою остроту [209]).

Несмотря на всѣ старанія церковной власти обезопасить себя и паству отъ недоумѣній и особенно отъ вторженія новыхъ догматическихъ вопросовъ, они возникали и ставились на очередь. И на фонѣ опасливаго отношенія къ критическимъ изысканіямъ каждый изъ нихъ пріобрѣталъ большую, чѣмъ можно было ожидать, остроту. Такъ необходимо было дать новую постановку полемикѣ со старообрядцами, въ виду свѣжихъ историческихъ матеріаловъ. На греческомъ востокѣ поднялись вновь страстные споры между партіями на пробужденную Пальмеромъ тему о значеніи обливательнаго крещенія и на тему о позволительности для христіанъ клятвы. И такъ какъ споръ о клятвѣ былъ вызванъ главнымъ образомъ переводомъ катехизиса Филарета на греческій языкъ, то естественно греки очень категорически ставили вопросъ: „что скажетъ на все это Синодъ Русскій?" [210]). Наконецъ энциклика папы Пія IX, вызвавшая „окружное посланіе патріарховъ", заставляла вновь вернуться къ разбору ученія о главенствѣ папы,

---

[207]) К. О. П. С. С. 1853, 162.

[208]) Такъ охарактеризовалъ этотъ инцидентъ м. кіевскій Филаретъ, по «живой ассоціаціи» съ полученіемъ тѣмъ же архм. Антоніемъ креста за крымскую войну 1853—56 г. В. Филаретъ м. кіевскій... Сост. архм. Сергіемъ (Василевскимъ), т. III, стр. 133.

[209]) К. О. П. С. С., 1853, 162. Собр. мн. и отз. м. м. Филарета, т. V, ч. I, стр. 350—54.

а назрѣвавшій догматъ о непорочномъ зачатіи требовалъ соотвѣтствующаго изложенія православной точки зрѣнія.

Отвѣтомъ правящихъ церковныхъ сферъ на эти очередныя темы было прежде всего желаніе уйти отъ нихъ. „Представилъ я въ цензуру академическую и синодальную, кратко замѣчаетъ въ своей автобіографіи арх. херсонскій Никаноръ, большую монографію о перстосложеніи; цензурою и членомъ св. синода Евгеніемъ, арх. псковскимъ, одобрена къ печати; но задержана К. С. Сербиновичемъ“ [211]). М. Филаретъ сѣтовалъ на пробужденіе Пальмеромъ дремавшихъ вопросовъ [212]). На просьбу Пратасова сообщить свое мнѣніе о греческихъ пререканіяхъ, онъ,—болѣе всѣхъ компетентный въ дѣлахъ востока [213]),—уклоняясь отъ отвѣта по существу, писалъ: „Особенно несчастное обстоятельство то, что на долю расположенныхъ охранять древнее ученіе церкви, сверхъ ожиданія, досталась неправильная мысль о совершенной непозволительности клятвы, а правильная мысль о позволительности въ важныхъ случаяхъ—явилась въ устахъ лицъ, склонныхъ къ нововведеніямъ... Посему заключаю, что нѣтъ другого врачевства въ настоящее время, какъ только молчаніе, въ ожиданіи времени менѣе неблагопріятнаго“ [214]).

Въ какомъ состояніи находился злободневный вопросъ о непорочномъ зачатіи, можно судить по слѣдующему факту. Въ петербургскій дух.-цензурный комитетъ въ 1852 г. поступилъ запросъ отъ одного изъ цензоровъ проповѣдей волынской епархіи Коссовича. Онъ выписалъ, въ качествѣ пособія для молодыхъ священниковъ, „сборникъ проповѣдей на малороссійскомъ языкѣ“, свящ. Василія Гречулевича (изд. 1849 г.), пропущенный цензоромъ Аввакумомъ, и тамъ „нашелъ ученіе о непорочномъ зачатіи въ выраженіи: „почыналась во чреви матери своеи... безъ того перворechoднаго грѣха“. „Доселѣ не зная, дѣйствительно - ли этотъ римскій догматъ принятъ въ православной церкви, и не имѣя основанія соглашаться“...,—Коссовичъ просилъ разъясненій. Комитетъ призналъ, что „мысль о зачатіи пресв. Дѣвы выра-

---

[210]) К. О. П. С. С., 1852, 150.

[211]) Архіепископъ Никаноръ. Біографическіе матеріалы, подъ ред. свящ. С. Петровскаго, т. 1 (Одесса, 1900), стр. 266. Нѣсколько позднѣе цѣлымъ скандаломъ сопровождалось изданіе составленнаго имъ же «Описанія раскольническихъ рукописей Александра Б.». Тамъ же, стр. 266—7, 278—280.

[212]) К. О. П. С. С., 1852, 150. Сравн. 1852, 151, по поводу книги Пальмера „Разсужденіе о православной вѣрѣ“, которую повѣренный въ Греціи Персіяни счелъ долгомъ представить въ Петербургъ.

[213]) Срав. Собр. мнѣній и отз. Филарета м. м., т. IV, № 518, 522, 525.

[214]) К. О. П. С. С., 1852, 150. Въ концѣ „дѣла“ есть канцелярская замѣтка: „между тѣмъ настоящее положеніе греческой церкви не представляетъ благопріятныхъ условій для переписки съ нею по догматическимъ разногласіямъ. И потому не приказано ли будетъ это дѣло зачесть конченнымъ?“ Резолюція: „Согласенъ“ (1862 г.).

жена такъ, какъ не выражается православная церковь",—но и только. М. Никаноръ противъ этого поставилъ вопросъ: „именно?". Комитетъ тогда долженъ былъ сознаться въ отсутствіи у него опредѣленнаго отвѣта на вопросъ: „какъ же православная церковь выражаетъ?". При этомъ обнаружились у самихъ цензоровъ существенныя разногласія. Такъ архм. Іоаннъ, основываясь на выраженіяхъ службы 8 сентября о „чистотѣ зачатія, о плодѣ дѣвства", болѣе склонялся къ римскому взгляду и предлагалъ, какъ лучшій выходъ изъ сомнѣній, исключить указанное мѣсто. Но другой цензоръ Кириллъ хотѣлъ стоять на почвѣ опредѣленій „посланія восточныхъ патріарховъ" относительно „удобопреклонности ко грѣху" всѣхъ людей. „Нельзя же, возражалъ онъ, выпустить изъ виду этого мѣста. По крайней мѣрѣ, зная его, сказать, что церковь прямо не выразила своего ученія, опасно. Не подвергнуться бы замѣчанію отъ Синода". Цензора объяснили Никанору свою уклончивость, и онъ предложилъ на ихъ обсужденіе слѣдующую мѣру: „Не воспретить ли духовенству волынской и подольской епархіи, къ коей принадлежитъ прот. Гречулевичъ, произнесеніе въ церквахъ проповѣдей, напечатанныхъ первымъ изданіемъ?" Этимъ предложеніемъ дѣло и заканчивается [215]).

Въ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, послѣ выхода въ свѣтъ, очутилось и обширное сочиненіе архіепископа Анатолія Мартыновскаго: „Объ отношеніяхъ Римской церкви къ другимъ". „Эта книга, писалъ м. Филаретъ намѣстнику Антонію, судя по заглавному листу—Авдія Востокова, а въ самомъ дѣлѣ преосв. Анатолія, была бы полезна, если бы писана была съ должною осмотрительностью. Но въ ней есть недосмотры, которые ослабляютъ довѣріе къ ней, и подаютъ оружіе врагамъ православія. Напр., онъ приписываетъ султану утвержденіе избранія патріарха, какъ божественное. И вотъ странности относительно сей книги. Это сочиненіе богословское, полемическое, посему требующее особенно внимательнаго разсмотрѣнія богословскаго: но оно въ цензурѣ разсматриваемо было свѣтскимъ лицомъ Карповымъ. Увѣряютъ, что члены св. синода читали сію книгу прежде напечатанія и одобрили, а когда, по напечатаніи, показаны имъ были въ ней погрѣшности, они признали ихъ такъ немаловажными, что сіе неблагопріятно подѣйствовало на мнѣніе о достоинствѣ сочинителя" [216]).

Неудивительно, что всѣ такія испытанія сочиненій производили крайне тяжелое впечатлѣніе на ихъ авторовъ. „При мысли, пишетъ тотъ же Анатолій, что на самыя полезныя для церкви сочиненія нападали съ патріаршею властью свѣтскія лица,

---

[215]) СПБ. Д. Ц. К., 1852, 7.
[216]) Письма къ намѣстнику... Антонію, ч. IV, стр. 75, отъ 26 янв. 1858 г.

служащія при св. синодѣ, и даже съ наглою злобою выдирали цѣлыя превосходныя статьи изъ журнала „Христ. чтеніе“..., нельзя не сѣтовать, не сокрушаться сердцемъ, не плакать о судьбѣ нашей церкви и не подумать, что едва ли враги церкви не справедливо утверждаютъ, что наша церковь мертва, безжизненна! Въ самомъ синодѣ разсматривающіе сочиненія ревнующихъ о благѣ церкви, принимаясь разсматривать рукопись, предварительно говорятъ сами въ себѣ: „вотъ еще выскочка! Взялся сочинять! Видно нечего ему дѣлать!“,—а разсматривая рукопись, думаютъ: „вотъ какъ онъ пишетъ, я бы не такъ написалъ“,—и вообще не могутъ вообразить, что есть еще люди, которые готовы трудиться безкорыстно для блага церкви со всею ревностью и самоотверженіемъ“ [217]).

Учрежденный въ 1837 г. „комитетъ для разсмотрѣнія классическихъ и вспомогательныхъ книгъ по всѣмъ частямъ богословскаго ученія“ далъ очень отчетливую характеристику тогдашняго состоянія въ Россіи церковнаго права, какъ науки. „Для преподаванія въ духовныхъ академіяхъ каноническаго права необходимо составить классическое руководство, такъ какъ отечественныхъ сочиненій по сей части нѣтъ у насъ никакихъ“. Какъ и проектъ академическаго устава 1814 года, записка названнаго комитета могла указать лишь, въ качествѣ пособій, номоканонъ, переводъ собранія церковныхъ правилъ греческихъ комментаторовъ и кормчую [218]).

Одной изъ главныхъ причинъ этой неразработанности матеріаловъ, относящихся къ области каноники, было сомнѣніе представителей церковной власти, насколько умѣстны историко-критическія разысканія въ отношеніи памятниковъ, являющихся вмѣстѣ съ тѣмъ основами дѣйствующаго права. Слѣдствіемъ этого были всегдашнія ограниченія и задержки для тѣхъ предпріятій, которыя служили выраженіемъ интереса къ вопросамъ „церковнаго управленія“ со стороны юристовъ-практиковъ и теоретиковъ, а равно—неумѣніе и нежеланіе пользоваться ихъ силами. Не будь этого инстинктивнаго предубѣжденія, появленіе „отечественныхъ сочиненій по сей части“ имѣло бы мѣсто. Есть основанія думать, что оно отличалось бы и естественною послѣдовательностью, отправляясь отъ созданія архивныхъ описей и описаній и восходя до трактатовъ и „курсовъ“ объ основныхъ положеніяхъ церковнаго права.

Еще въ царствованіе Екатерины II синодомъ было предположено изданіе „подлинныхъ постановленій восточной церкви,

---

217) Кіевская Старина, 1882 г., май. „Архіерейскія печали“, ст. К. Березы стр. 231—232.

218) К. Д. У., 1837, 10281.

изъ которыхъ почерпнута кормчая книга. Трудъ сей былъ начатъ съ особою поспѣшностью и продолжался съ неутомимою дѣятельностью до 1776 года". Синодальными переводчиками Козловскимъ и Полетикою былъ переведенъ съ латинскаго каноническій памятникъ „Synodicon, sive Pandectae", оригиналъ котораго былъ сличенъ архм. Варлаамомъ и іером. С. Младеновичемъ съ греческими оригиналами. Но когда этотъ трудъ въ 1776 г. былъ переданъ для провѣрки переводчику Лукѣ Сичкареву, послѣдній не возвратилъ его и дѣло прекратилось [219]). Впрочемъ, настоящей причиной послужило, конечно, не это случайное обстоятельство, а скорѣе—недостатокъ рѣшимости со стороны синодальныхъ членовъ довести дѣло до предположенной ранѣе цѣли, т. е. исправленія кормчей. Въ протоколѣ отъ 5 мая того же года были изложены главнымъ образомъ „предосторожности", съ которыми надлежало приступить къ разбору этого кодекса. Недостатокъ же рѣшимости, въ свою очередь, объяснялся, можетъ быть, слишкомъ смутными тогдашними представленіями о происхожденіи, составѣ, редакціяхъ и подлинномъ значеніи кормчей книги.

Какъ положительное наслѣдство въ области церковнаго права отъ XVIII вѣка перешли въ слѣдующій вѣкъ лишь робкіе опыты, вродѣ рукописи: „Собранные законы по св. правительствующему синоду", составленной въ концѣ XVIII в. „Цѣлію настоящаго сочиненія было собрать важнѣйшія постановленія, по преимуществу синодскія, относительно церкви и вѣры. Составитель расположилъ матеріалъ свой въ хронологическомъ порядкѣ, съ перечисленіемъ указовъ и выпискою самыхъ пунктовъ... Выписка указовъ доведена до 1773 г.; рукопись, повидимому, не окончена; всего въ ней 15 главъ"[220]). Остались и намеки на будущія монографіи, какъ напримѣръ: „Историческое показаніе о бракахъ" (рукопись 1804 года). Составитель этого очерка мотивировалъ его необходимость тѣмъ, что свѣдѣнія объ этомъ „святомъ ученіи содержатся у насъ въ темныхъ только неудобовразумительныхъ главизнахъ и книгахъ, каковыя въ кормчей книгѣ напечатаны"[221]).

Практическій характеръ этихъ опытовъ ясно указывалъ на ближайшія нужды при разработкѣ церковно-юридическаго матеріала,—на необходимость собранія и систематизаціи церковныхъ постановленій новѣйшаго синодальнаго періода русской церкви. Немалую услугу въ этомъ отношеніи могли бы оказать труды

---

[219]) К. О. П. С. С. Секретное дѣло № 100, (1836 г., содержащее «соображенія относительно изданія актовъ объ учрежденіи св. синода и собранія коренныхъ уставовъ православной церкви»).

[220]) «Описаніе 432 рукописей, принадлежашихъ с.-петербургской духовной академіи и составляющихъ ея первое по времени собраніе. Сост. библ. Алексѣй Родосскій (СПБ., 1894), стр. 147—8, № 119.

[221]) Тамъ же, стр. 149, (№ 120).

фанатика-законовѣда епископа Августина Сахарова. Въ епархіальномъ управленіи онъ заявилъ себя „суровымъ, неумолимымъ формалистомъ“, который былъ въ состояніи извести всякаго неугоднаго ему на точномъ основаніи „соборныхъ правилъ, генеральнаго регламента и воинскихъ артикуловъ и указовъ“. Однако, онъ существенно отличался отъ другихъ деспотовъ-правителей тѣмъ, что для него эти узаконенія были предметомъ культа: онъ вѣрилъ, что они „мудрыми и человѣколюбивыми средствами ведутъ священно-и церковно - служителей всероссійской церкви къ благонравію, къ домостроительству, къ мудролюбію, къ духовному просвѣщенію, къ познанію разныхъ духовныхъ обязанностей..., ко всякому духовному совершенству и цвѣтущему благоденствію“.. [222]).

Такъ писалъ онъ синоду, представляя въ 1808 г. первый рукописный томъ своего труда „Памятникъ изъ указовъ св. синода“, и съ тѣхъ поръ до конца своей жизни онъ не покидалъ своихъ занятій. „По смерти его оказалось сорокъ огромныхъ томовъ..., которые и хранились у наслѣдниковъ, обреченные, конечно, если не на продажу на вѣсъ, то на совершенную безызвѣстность подъ спудомъ“ [223]). Спрашивается, отчего это?

Пріемъ, который встрѣтили въ синодѣ какъ первый, такъ и слѣдующіе за нимъ томы сборника Августина, хорошо отразился въ уклончивомъ характерѣ перваго опредѣленія: „Преосвященному дать знать указомъ, что св. синодъ труды его пріемлетъ за благо: памятникъ же самый оставляетъ до будущаго времени на тотъ конецъ, дабы сдѣлать изъ него такое употребленіе, каковое признано будетъ полезнымъ“ [224]).

На дѣлѣ, однако, никакого полезнаго „употребленія“ изъ фоліантовъ Августина не дѣлалось. И только въ концѣ тридцатыхъ годовъ, когда Августинъ, повидимому въ отчаяніи, прислалъ на имя имп. Николая „пятнадцать томовъ полнаго собранія духовныхъ законовъ хронологическимъ порядкомъ въ историческомъ видѣ“, м. м. Филарету было поручено Пратасовымъ дать общую оцѣнку трудовъ Августина для всеподданнѣйшаго доклада. Филаретъ согласился, что „въ качествѣ сочинителя книгъ онъ оказывалъ необыкновенное трудолюбіе..., представивъ синоду въ разныя времена сперва нѣсколько рукописныхъ фоліантовъ изъ сочиненій св. Златоуста, а потомъ разные труды свои относительно свода законовъ. Но сіи труды остаются при синодѣ въ рукописяхъ вообще по непризнанію въ нихъ такого достоинства, которое сдѣлало бы общеполезнымъ изданіе оныхъ

---

[222]) А. С. С., 1808, 624.

[223]) „Высокопреосвященный Филаретъ, м. кіевскій...“, сост. архм. Сергіемъ, т. I (Казань, 1888), стр. 122, прим.

[224]) А. С. С., 1808, 664.

въ свѣтъ, и въ особенности къ своду церковныхъ законовъ, потому, 1) что въ трудахъ преосв. Августина не усмотрѣно ясной и правильной системы, которая бы сдѣлала ихъ полезными и удобными къ употребленію; 2) потому что синодъ для приведенія въ извѣстность церковныхъ узаконеній полагалъ нужнымъ не изданіе свода новѣйшихъ узаконеній, но изданіе вѣрнаго и яснаго текста коренныхъ постановленій церковныхъ, т. е. правилъ апостольскихъ, соборныхъ и отеческихъ, къ изданію которыхъ нынѣ и дѣлается приготовленіе по высочайшей волѣ вашего императорскаго величества“ [225]).

На дѣлѣ, однако, и въ томъ компилятивномъ матеріалѣ, который собралъ Августинъ, было „довольно много дѣльнаго, и потому потребнаго и полезнаго для общаго свода церковно-духовныхъ законовъ и правилъ по синодальному и епархіальному управленіямъ“, „довольно-таки стоющаго вниманія“ [226]). И еслибы, вмѣсто двадцатилѣтняго пребыванія на покоѣ въ варницкомъ монастырѣ, тотъ же Августинъ имѣлъ возможность непосредственнаго ознакомленія съ архивными матеріалами центральныхъ учрежденій, онъ и при отсутствіи ясной и правильной системы выполнилъ бы ту необходимую черновую работу, которую въ области русской исторіи выполнилъ, напр., „регистратурный умъ“ м. Евгенія Болховитинова.

Впрочемъ, въ это время для церковной власти представился случай создать перечень постановленій своими средствами. Въ октябрѣ 1826 г. секретарь св. синода Я. Гиновскій обратился чрезъ синодъ со всеподданнѣйшимъ прошеніемъ, въ которомъ писалъ, что въ продолженіе службы, занимаясь въ свободное отъ должности время собраніемъ узаконеній, до духовнаго управленія относящихся, онъ собралъ оныхъ столько, что едвали они не всѣ; при чемъ въ составъ сего собранія онъ старался вносить только такія узаконенія, которыми руководствоваться должно, тѣхъ же, которыя или вовсе отмѣнены, или по другимъ особымъ учрежденіямъ духовнымъ получили измѣненіе, не помѣщалъ; Но такъ какъ изданіе собранныхъ имъ узаконеній подлинникомъ потребовало бы весьма значительныхъ издержекъ, то, во избѣжаніе сего, онъ составилъ подробное и обстоятельное собраннымъ узаконеніямъ систематическое оглавленіе, раздѣливъ оное на шесть частей, изъ коихъ первая часть—о церковномъ законоположеніи, вѣрѣ, богослуженіи и должностяхъ христіанскихъ; вторая о церквахъ и монастыряхъ, III—о духовномъ чинѣ, правахъ и обязанностяхъ, IV, о мѣстахъ и заведеніяхъ духовнаго

---

[225]) Мнѣнія, отзывы и письма Филарета м. м. и коломенскаго по разнымъ вопросамъ за 1821—67 г. г. (М. 1905, сост. Л. Бродскимъ), стр. 38—41. (1837 г.).

[226]) «В. Филаретъ м. кіевскій»... сост. архм. Сергіемъ, т. I, стр. 123, прим. Отзывы м. Филарета кіевскаго и проф. П. Лашкарева.

вѣдомства, V—объ управленіи судебной частью и VI объ иностранномъ духовенствѣ, въѣзжающемъ въ Россію, и объ иновѣрцахъ.

Разсмотрѣть и провѣрить „Оглавленіе церковнымъ законамъ“ синодъ поручилъ своей канцеляріи. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ синодъ, на основаніи сообщенія оберъ-прокурора Мещерскаго, что, по отзыву комиссіи изъ трехъ секретарей, содержащіеся въ первой части труда Гиновскаго „законы собраны и изложены вѣрно, для понятія достаточно и ясно“, постановилъ отпечатать книгу въ синодальной типографіи.

Однако, послѣ выхода этой части „оглавленія“ въ свѣтъ, м. Филаретъ призналъ необходимымъ, „къ предупрежденію неблагопріятныхъ и съ общею пользою несообразныхъ послѣдствій“, представить на нее рядъ замѣчаній [227]). Но такъ какъ въ концѣ своей рецензіи онъ заранѣе выразилъ свое согласіе на то, чтобы разсмотрѣніе сомнительныхъ мѣстъ книги и ея исправленіе „было произведено безъ оффиціальныхъ формъ“, то синодъ вовсе „не учинилъ оффиціальнаго дѣйствія по этому предложенію“. Вскорѣ даже вышла въ свѣтъ вторая часть „оглавленія“. М. Филаретъ подвергнулъ ее еще болѣе тщательной цензурѣ, выписалъ съ своими комментаріями такіе „законы“, какъ „Въ церквахъ предъ образами въ лампады и подсвѣчники много свѣчъ не ставить“, или „Монахамъ особливыхъ келлій не имѣть, но чуланы“, и синодъ призналъ необходимымъ остановить ея продажу и печатаніе [228]).

Какъ ревниво и потомъ смотрѣло вѣдомство православнаго исповѣданія на появленіе всего, относящагося къ группировкѣ законовъ церковныхъ, видно изъ слѣдующаго. Въ 1849 г. былъ изданъ справочникъ: „Указатель законовъ о властяхъ и установленіяхъ духовныхъ“ [229]). Пратасовъ прежде всего запросилъ духовно-цензурные комитеты, была ли ими пропущена въ печать эта книга. По полученіи отрицательнаго отвѣта, Пратасовъ счелъ нужнымъ указать министру народнаго просвѣщенія кн. Ш.-Шихматову на превышеніе власти гражданской цензурой, „изъ

---

[227]) Сущность ихъ сводилась къ тому, что въ „оглавленіе“, предполагавшее систематизировать лишь постановленія, сохранявшія руководственное значеніе, введены были уже утратившія свою силу распоряженія, притомъ болѣе гражданскаго характера, напр., „Бракъ торжествовать въ жениховомъ домѣ“, или: „Крѣпостныя, вышедшія замужъ за академическихъ художниковъ и мастеровъ, пользуются вольностью“. „Неужели и это законъ греко-россійской церкви“?—спрашивалъ Филаретъ. Не укрылись отъ взора критика и „сомнительныя выраженія“: упоминаніе о таинствѣ брака подъ заголовкомъ „обряды церковные“, равно и „странныя заглавія“, напр., „О крещеніи православныхъ“; „О крещеніи невѣрныхъ“.—„Православныхъ не крестятъ, возражалъ Филаретъ: они уже крещены. Невѣрныхъ тоже не крестятъ: надобно имѣть вѣру и тогда креститься“. А. С. С., 1826, 817; Собр. мн. и отзыв. м. Филарета, т. II, стр. 195—202.

[228]) Тамъ же, 250 и слѣд.

[229]) Колоколова, (М., въ унив. тип.).

вѣдѣнія которой были изъяты составляемыя частными лицами своды и собранія россійскихъ законовъ, печатаемыхъ по одобренію того мѣста, которое отъ правительства будетъ для сего назначено“. Ссылаясь же на уставъ духовной цензуры, Пратасовъ полагалъ, что данный указатель долженъ былъ пройти и чрезъ духовную цензуру. Однако министръ народнаго просвѣщенія Ш. Шихматовъ успѣлъ доказать правильность дѣйствій своей цензуры тѣмъ, что она сносилась по поводу указателя со II отдѣленіемъ собственной его величества канцеляріи, и что по смыслу д.-цензурнаго устава необходимо доставлять въ дух.-цензурные комитеты лишь сочиненія и переводы, относящіяся къ церковному управленію: объ извлеченіяхъ же изъ законовъ тамъ упоминанія не содержится [230]).

Между тѣмъ, въ самомъ началѣ „огласительнаго періода“ было сдѣлано напоминаніе относительно дальнѣйшей разработки церковно-юридическаго матеріала. Привилегированный кодификаторъ александровской эпохи баронъ Розенкампфъ въ 1829 году издалъ „Обозрѣніе Кормчей книги въ историческомъ видѣ“. Этотъ трудъ прошелъ мимо духовной цензуры, и объ отношеніи къ нему со стороны церковной власти можно судить лишь по одному случайному факту. Въ концѣ 1829 г. корректоры-справщики московской синодальной типографіи возбудили ходатайство предъ типографской конторой о покупкѣ книги Розенкампфа, въ виду того, что она „можетъ быть нужна въ конторѣ или библіотекѣ“ для справокъ и свѣдѣній, тѣмъ болѣе, что такого рода книги рѣдко печатаютъ вторымъ изданіемъ, а потому, по исходѣ сего перваго, трудно будетъ ее отыскать [231]). Контора съ сохраненіемъ мотивировки представила объ этомъ въ синодъ, присоединивъ кстати и просьбу о разрѣшеніи ей „пріобрѣтать и другія книги, относящіяся до описаній греко-россійской церкви, таинствъ, священнослуженія и соборовъ“.

Въ отвѣтномъ указѣ было сообщено, что „св. синодъ не находитъ нужнымъ имѣть въ типографской библіотекѣ книгу „Обозрѣніе Кормчей“ [232]).

---

[230]) К. О. П. С. С., 1850, 44270.

[231]) Вторично „Обозрѣніе кормчей“ было издано въ 1839 г., но въ продажу оно не поступало, и ни въ синодѣ, ни въ академіи наукъ экземпляровъ его не оказалось. К. О. П. С. С., 1846, 37398.

[232]) А. С, С., 1830, 14.

Можетъ быть церковной власти показались слишкомъ „вольными“ основныя положенія автора, какъ напр.: „Законы и установленія, права общія и частныя, дѣйствіе разныхъ властей и обряды, присудственными мѣстами употребляемые, словомъ: весь составъ Государственнаго управленія, общественнаго и народнаго положенія измѣняются временемъ. Долгъ историка есть, сколько возможно, объяснить сіе положеніе прошедшаго и настоящаго вѣка; впрочемъ, никто не можетъ правильно судить о семъ послѣднемъ, пока не вникнетъ въ

При всемъ томъ, послѣ „историческаго" разбора Розенкампфа и другихъ изслѣдователей, уже не оставалось мѣста для догматическаго отношенія къ кормчей. Прошло не болѣе пяти лѣтъ, и въ синодальныхъ дѣлахъ появился составленный въ очень опредѣленныхъ выраженіяхъ проектъ всеподданнѣйшаго доклада. „Кормчая книга, говорится здѣсь, въ настоящемъ видѣ представляетъ многія сомнѣнія и правила неудобопонятныя. Отсюда возникаютъ по дѣламъ духовнаго вѣдомства рѣшенія произвольныя и заключенія противорѣчивыя... Прискорбно думать, что мы русскіе, исповѣдуя уже болѣе 800 лѣтъ христіанскую вѣру восточнаго исповѣданія, не могли до сего времени переложить на отечественный языкъ коренныхъ постановленій восточной церкви, и довольствуемся только краткимъ и неправильнымъ извлеченіемъ оныхъ въ кормчей книгѣ. Ежели послѣдуетъ высочайшее соизволеніе на сіе благоговѣйное и столь давно нашими пастырями вожделѣнное предпріятіе св. синода, можно будетъ надѣяться, что наше юношество, назидаемое въ основныхъ законахъ православной церкви, найдетъ въ сихъ несомнѣнныхъ преданіяхъ св. отцевъ твердую опору противъ духа иновѣрнаго мудрствованія, неоднократно посягавшаго подъ разными видами и предлогами поколебать православіе россійской церкви" [233]).

Поводомъ къ спѣшному обращенію вниманія св. синода на „коренныя постановленія православной церкви" послужило, главнымъ образомъ, состоявшееся при Нечаевѣ, подъ вліяніемъ Сперанскаго, высочайшее повелѣніе собрать и издать, при ближайшемъ участіи чиновника II отдѣленія собственной его величества канцеляріи Ал. Куницына, „узаконенія, до управленія православной церкви относящіяся", начиная съ 1721 г. При осуществленіи этого предпріятія, „открылось, что въ протоколахъ св. синода приводятся, въ качествѣ справки, многія узаконенія, изданныя прежде 1721 года, особенно изъ статей собора 1667 г." Это побудило Куницына ходатайствовать о расширеніи задачи его работы, причемъ имъ была представлена, „для предварительнаго обревизованія духовной властью", часть собранія узаконеній по 1762 годъ. М. Филаретъ, по предложенію Пратасова, долженъ былъ принципіально высказаться по данному предмету, „не видавши, однако, проекта о изданіи собранія узаконеній, ниже какой-либо части сего собранія", что онъ и поставилъ на видъ

первый, и не пойметъ онаго во всѣхъ отношеніяхъ общественной и частной жизни гражданъ. (Предисловіе, стр. VI, изд. 1829 г.).

Что же касается изложенной просьбы общаго характера, то синодъ поручилъ лишь конторѣ представлять въ концѣ каждаго года реестры о вышедшихъ изъ другихъ типографій книгахъ, „относящихся до описаній гр.-россійской церкви", съ изложеніемъ, какія изъ нихъ признаются нужными для типографской библіотеки.

[233]) Секретн. дѣло арх. канц. об.-прок. св. син., № 100 (1836 г.)

въ началѣ своего отзыва. Основная мысль послѣдняго состояла въ томъ, что „собраніе законовъ гражданскихъ не можетъ служить образцемъ и оправданіемъ предполагаемому собранію церковныхъ. Собраніе законовъ гражданскихъ стоитъ само собою, и заключаетъ свои основанія въ самомъ себѣ: собраніе опредѣленій св. синода послѣдняго столѣтія не имѣетъ сего характера самостоятельности, Основаній и повѣрки сихъ опредѣленій должно искать внѣ ихъ собранія, въ древности, въ апостольскихъ и церковно-отеческихъ правилахъ. Синодальныя постановленія суть только примѣненіе сихъ правилъ къ случаямъ болѣе или менѣе частнымъ, встрѣтившимся въ управленіи россійской церкви". Выводъ отсюда былъ тотъ, что „надобно начать дѣло съ корня, то есть съ изданія точнаго перевода полныхъ правилъ св. апостоловъ, седми вселенскихъ и девяти помѣстныхъ соборовъ и правилъ св. отецъ, составляющихъ кормило церковнаго управленія" [234]).

Пратасовъ тотчасъ ухватился за эту идею и заставилъ выполнить ее съ тою тенденціозностью и шумомъ фразъ, которыми отличались почти всѣ его предпріятія. Были отысканы въ архивахъ рукописи „перевода сихъ уставовъ, совершеннаго подъ смотрѣніемъ знаменитыхъ русскихъ митрополитовъ: Платона, Гавріила и Амвросія, и подвергнуты новому тщательному пересмотру и сличенію со всѣми варіантами греческаго текста по древнѣйшимъ рукописямъ и печатнымъ изданіямъ. Три года продолжаемъ былъ сей трудъ особо назначенными къ тому учеными духовными лицами, при постоянномъ наблюденіи и руководствѣ опытнѣйшихъ членовъ синода". Изданная въ 1839 г. „Книга Правилъ св. Апостолъ, св. Соборовъ Вселенскихъ и помѣстныхъ и Святыхъ Отецъ" должна была „служить въ отечествѣ нашемъ главною основою церковному суду и самому каноническому праву, котораго прилежное изученіе столь необходимо для предохраненія отъ иновѣрныхъ мудрованій" [235]).

Усвоивъ „книгѣ правилъ" охранительное значеніе, ея издатели готовы были считать ее вѣнцомъ всѣхъ изысканій въ области церковнаго права. „Афанасій, да Афанасій, а не другой кто проповѣдуетъ: для меня исповѣданіе Могилы и Кормчая все— и болѣе ничего", писалъ изъ Петербурга Горскому Филаретъ Гумилевскій [236]). Опять все „историко-критическое" было взято подъ подозрѣніе.

---

[234]) Тамъ же.

[235]) „Извлеченіе изъ отчета оберъ прокурора св. синода за 1839 г.", стр. 44-5. Надъ изданіемъ „трудились и удостоены приличныхъ награжденій ректора семинарій: рязанской Афанасій и вологодской Ѳеогностъ; архм. новоторжскаго монастыря Платонъ; прот. І. Ивановъ и священники: І. Колоколовъ и Симеонъ Красноцвѣтовъ".

[236]) Приб. къ твор. св. от., 1884, ч. 33, стр. 549, отъ 5 апр. 1842 г.

Какія цензурныя затрудненія стояли на пути всякаго самостоятельнаго изслѣдователя церковнаго права, объ этомъ можно судить прежде всего по мытарствамъ статьи проф. Неволина „О собираніяхъ и ученомъ обработываніи церковныхъ законовъ въ Германіи и Россіи“, представленной уже въ корректурныхъ листахъ „юридическихъ записокъ“ проф. Рѣдкина. Московскій д.-цензурный комитетъ намѣтилъ къ исключенію нѣкоторыя соблазнительныя мѣста [237]), хотя въ общемъ далъ благопріятный отзывъ. „Статья можетъ быть пропущена съ пользой для читателей по новости излагаемаго въ ней предмета. Но поелику въ ней все относится къ церковному управленію, то комитетъ не осмѣлился самъ собою привести свое опредѣленіе въ исполненіе“ и представилъ рукопись синоду. Синодъ поручилъ разсмотрѣть ее арх. рязанскому Гавріилу. Онъ, по увольненіи изъ синода, увезъ рукопись къ себѣ въ Рязань и лишь послѣ напоминанія отъ экзекуторской части синода представилъ свое мнѣніе. Какъ и комитетъ Гавріилъ призналъ статью „не противной исторической истинѣ“, полезной, „какъ первый опытъ на россійскомъ языкѣ“, излагающій исторію собранія церковныхъ законовъ въ Греціи и Россіи. Но въ то же время и Гавріиломъ не только ни одно изъ замѣчаній цензурнаго комитета не было ослаблено, но внесены еще новыя, какъ напр.: „Верховною государственною властью, утверждалъ авторъ, были издаваемы постановленія по всѣмъ частямъ церковнаго управленія и благочинія“. „Здѣсь, замѣчаетъ Гавріилъ, должно присовокупить такъ:.. по разнымъ частямъ церковнаго управленія и благочинія, въ согласіи впрочемъ со властію церковною“. Съ тѣмъ же оттѣнкомъ явилось и утвержденіе автора: „россійскіе князья и государи издавали различныя узаконенія о церковныхъ предметахъ“ чрезъ добавленіе: „по связи ихъ съ гражданскимъ управленіемъ“.

Всего въ духовной цензурѣ корректурные листы статьи Неволина, „полезной для читателей по новости излагаемыхъ въ ней предметовъ“, пробыли болѣе двухъ лѣтъ. Изъ нихъ въ московскомъ комитетѣ статья находилась двадцать дней, остальное же время—въ разсмотрѣніи синода [238]).

---

[237]) Вотъ два типичныхъ указанія комитета: „стр. 151. Государство въ вѣкъ апостольскій или находилось во „враждебномъ отношеніи къ Церкви Христовой, или, по крайней мѣрѣ, совсѣмъ не заботилось объ ея благосостояніи. Почему она образовала свои постановленія независимо отъ власти гражданской“.— „Она, возражалъ цензоръ, образовала.. независимо.. потому, что она не есть царство отъ міра сего, что она имѣетъ совсѣмъ другія основанія и управляема была І. Христомъ посредствомъ откровеній и дарованій Св. Духа“. „Со времени Петра В. верховною государственною властью были издаваемы, на основаніи правилъ св. апостоловъ, постановленія по всѣмъ частямъ церковнаго управленія и благочинія“.—„Здѣсь много сказано: «по всѣмъ частямъ» и не досказано, съ согласія ли св. синода были сіи постановленія“. М. Д. Ц. К., 1841, 98.

[238]) А. С. С., 1841, 459. Также К. О. П. С. С., 1848, 41072 о рукописи «Обозрѣніе греко-римскаго права въ его отношеніяхъ къ церкви».

Въ виду начавшихся экскурсій въ область церковнаго права гражданскихъ юристовъ, и ученыя лица изъ духовенства, волей или неволей, должны были обратить на него свое вниманіе и заняться обработкою для печати своихъ частныхъ „записокъ". Условія пропуска ихъ трудовъ въ печать въ нѣкоторой мѣрѣ опредѣлялись академическимъ положеніемъ авторовъ. Менѣе зависимый отъ церковной власти „архм. Гавріилъ, богословскихъ и философскихъ наукъ при императорскомъ казанскомъ университетѣ преподаватель, казанскаго зилаптова монастыря настоятель и ордена св. Анны 2 ст. кавалеръ", издалъ свой трактатъ „Понятіе о церковномъ правѣ и его исторія", съ одобренія университета [239]). Несравненно труднѣе оказалось дѣло изданія для профессора кіевскаго университета прот. І. Скворцова, состоявшаго одновременно и на службѣ въ академіи. „Меня просятъ записать и издать церковное право", сообщаетъ онъ въ 1842 г. Иннокентію [240]). Черезъ три года онъ обращается къ нему съ просьбою „на досугахъ просмотрѣть тетрадки прежде, нежели онѣ поступятъ въ бюро цензурное". Благодаря заступничеству архм. Макарія (Булгакова), „церковное законовѣдѣніе", несмотря на „затрудненія" [241]), было пропущено цензоромъ Окуневымъ. „Какъ восполняющее въ нашихъ духовныхъ училищахъ на русскомъ языкѣ важный недостатокъ и написанное съ достаточнымъ знаніемъ дѣла, оно, писалъ Окуневъ, не можетъ не быть одобрено" [212]).

Далѣе начались авторскія тревоги насчетъ рѣшенія высшей цензуры. „Не переписываетесь ли съ кѣмъ въ синодѣ? спрашивалъ Скворцовъ Иннокентія. Спросите, почему это вотъ одиннадцатый мѣсяцъ держатъ мое Церковное Законовѣдѣніе? Если судьба его, прежде благопріятная, теперь in adversam partem mutata est, то чего же думать долго? Пусть отдадутъ мнѣ мое. Я самъ третицею молить уже не смѣю" [213]). Къ счастью для автора записокъ, въ это время былъ вызванъ для присутствованія въ синодѣ самъ Иннокентій, и дѣло подвинулось впередъ. „Хотѣли было записки ввести въ число книгъ учебныхъ, писалъ Скворцову архим. Антоній, но остановились за тѣмъ, что въ нихъ-де есть мѣста, требующія исправленія и исключенія".

І. Скворцовъ рѣшился,—правда лишь въ частномъ письмѣ къ Иннокентію,—выступить съ горячимъ протестомъ противъ

[239]) „Казань, 1844, въ унив. типографіи". Впрочемъ, очевидно съ цѣлью обезпечить благосклонный пріемъ этого очерка церковною властью, авторъ ввелъ въ него лестныя выраженія по адресу „двухъ блистательныхъ опытовъ правительственной мудрости, освѣщающихъ небо церковнаго законодательства... Книги правилъ... и Устава духовныхъ консисторій" (1841 г.); стр. 30—1.

[240]) Матеріалы для біографіи Иннокентія. Вып. II. Письма прот. И. М. Скворцова, стр. 30.

[241]) Тамъ же, стр. 75 и 81.

[243]) Тамъ же, стр. 84.

рекомендованныхъ Антоніемъ „исключеній“ во имя авторской свободы. „...Такъ предлагалъ о. Антоній это исправленіе и исключеніе, но, какъ это касается мѣстъ вѣрныхъ, гдѣ объясняется отношеніе церкви къ государству, то я отвѣчалъ, что безъ особеннаго предписанія и указанія св. синода, (въ которомъ книга была разсматриваема), не возьму на себя такого труда, по моему мнѣнію, неполезнаго для церкви.—Покорнѣйше прошу, если зайдетъ объ этомъ рѣчь въ синодѣ, не рѣшать дѣла по одной мысли предлагающихъ, но разсмотрѣть его со всѣхъ сторонъ“ [244]).

Синодъ чрезъ цензурный комитетъ возвратилъ рукопись для исправленія. Прот. Скворцовъ повиновался и, отсылая вторично въ цензурный комитетъ свои „записки“, объяснялъ: „Все исправлено по замѣчаніямъ св. синода. Согласно общему замѣчанію, тамъ, гдѣ могло представляться у меня смѣшеніе церковнаго законовѣдѣнія съ исторіею его, исправлены выраженія и яснѣе отличено то, что говорится о прошедшемъ (въ изъясненіе настоящаго), отъ того, что относится къ нынѣшнему состоянію церкви. Сдѣланы дополненія изъ номоканона, гдѣ возможно“ [245]).

„Наконецъ странствованіе моего дѣтища кончилось. Записки пришли ко мнѣ изъ цензуры“, съ благодарностью писалъ своему покровителю Скворцовъ. Это непосредственное чувство радости авторъ записокъ могъ переживать тѣмъ сильнѣе, что онъ самъ былъ свидѣтелемъ горькой „обиды“, причиненной ректору академіи Димитрію (Муретову) „тѣмъ, что Петербургъ не уважилъ прежняго трактата его по церковному праву, который имъ представленъ лѣтъ 5 или 6 тому назадъ“ [246]).

Среди такихъ же испытаній явилось на свѣтъ и начало „Курса церковнаго законовѣдѣнія“, архим. Іоанна Соколова. Представленныя имъ въ цензурный комитетъ „Записки по церковному законовѣдѣнію“ были разсмотрѣны цензоромъ архим. Аввакумомъ. Въ нихъ онъ не нашелъ „ничего противнаго правиламъ устава“ (въ началѣ 1848 г.). Комитетомъ рукопись была представлена въ синодъ, а оттуда, чрезъ дух.-учебное управленіе, передана въ конференцію петербургской академіи для отзыва. Конференція, приложивъ прежде всего къ „запискамъ“ шаблонъ установленный для учебниковъ, не одобрила ихъ „обширности и многосложности, ибо одно предварительное разсмотрѣніе источниковъ церковнаго права заключаетъ въ себѣ 450 большихъ страницъ“. Зато вполнѣ былъ признанъ ею „ученый интересъ и

---

244) Тамъ же, стр. 90 (отъ 18 янв. 1848 г.).

245) СПБ. Д. Ц. К. 1847. «Дѣло о разсмотрѣніи рукописи «Записки по церковному законовѣдѣнію, прот. Скворцова». Комитетъ призналъ записки исправленными, но долженъ былъ вновь препроводить ихъ въ св. синодъ.

246) Матеріалы... стр. 91, 93.

историческая занимательность“ этого труда, съ его „удовлетворительнымъ изложеніемъ и объясненіемъ церковныхъ правилъ и полезными и дѣльными замѣчаніями“.

„Записки“ Іоанна прошли чрезъ синодальную цензуру и увидѣли свѣтъ [247]). Но что и этотъ, повидимому благопріятный, исходъ предпріятія Іоанна на самомъ дѣлѣ отравленъ какъ „страхомъ неудачи и всякихъ огорченій“, такъ и дѣйствительнымъ желаніемъ власть имѣющихъ „согнуть его, стереть въ порошокъ“, можно судить по тому, что именно этимъ примѣромъ сослуживецъ Іоанна архіепископъ Никаноръ иллюстрируетъ условія научныхъ занятій ученаго монашества. „Посмотрите, пишетъ онъ, собственно на монаховъ: тѣ изъ нихъ, которые что-либо писали и издавали въ свѣтъ, всѣ до единаго страдали... за свои сочиненія. Нужно быть столпомъ и по характеру, и по извѣстности, нужно быть Макаріемъ, чтобы не свалиться. А вѣдь даже Іоаннъ смоленскій свалился... Всего болѣе доставалось Іоанну за оригинальность мысли и слова... Изъ огромнаго труда его „Курсъ церковнаго законовѣдѣнія“, послѣ многолѣтнихъ треволненій, увидѣли свѣтъ только два первые тома; а пять томовъ, какъ сказывали, легли въ архивахъ цензурныхъ и впослѣдствіи прошли въ печать отдѣльными несвязными статьями уже въ Казани, въ журналѣ „Православный Собесѣдникъ“. Конечно, этотъ трудъ далъ автору степень доктора богословія, но и много горя“ [248]).

Сверхъ перечисленныхъ группъ сочиненій, самымъ уставомъ подчиненныхъ ближайшему надзору св. синода, особымъ вниманіемъ церковной власти пользовались сочиненія „составляющія собственность св. синода“. Здѣсь охраненіе имуществен-

---

[247]) Дѣло дух.-учебнаго управленія, 1848 г., № 179.

[248]) Архіепископъ Никаноръ. Біографическіе матеріалы. Т. 1 (Одесса 1900, подъ ред. свящ. С. Петровскаго), стр. 156, 187.

Почти одновременно съ «записками» Іоанна на разсмотрѣніе синодальной власти (или, точнѣе, учрежденнаго при синодѣ секретнаго цензурнаго комитета) поступила книга проф. Неволина „Исторія россійскихъ гражданскихъ законовъ“ (Спб. 1851). По поводу ея были высказаны слѣдующія соображенія: „Въ сей книгѣ статья о бракахъ лицъ православнаго исповѣданія между собою была въ разсмотрѣніи духовной цензуры. Въ примѣчаніяхъ же къ упомянутой статьѣ помѣщено выписанное изъ полнаго собранія законовъ синодское рѣшеніе 1744 г., декабря 12. Секретный комитетъ, признавая, что не всякій безъ разбора историческій матеріалъ полезно дѣлать общеизвѣстнымъ, полагалъ необходимымъ предписать всѣмъ вообще духовно-цензурнымъ комитетамъ, чтобы впредь безъ разрѣшенія св. синода не дозволяли печатанія выписокъ изъ синодскихъ рѣшеній, не исключая и тѣхъ, кои прежде сего были гдѣ-либо напечатаны. Таковое мнѣніе секретнаго комитета св. синодомъ утверждено“.

Это опредѣленіе отъ 28 марта 1852 г. можетъ служить естественнымъ заключеніемъ характеристики тѣхъ условій, въ которыхъ происходила разработка вопросовъ церковнаго права даже по «гдѣ-либо напечатаннымъ»,—напр. въ „Полномъ собраніи законовъ“,—источникамъ!

ныхъ правъ церковныхъ учрежденій вступало въ непосредственную связь съ цензурнымъ наблюденіемъ и сообщало послѣднему необыкновенную зоркость и настойчивость.

Тѣсная традиціонная связь интересовъ цензурныхъ и типографскихъ была уже отмѣчена при изложеніи исторіи московской духовной цензуры. Съ преобразованіемъ цензурныхъ учрежденій исключительныя права синодальныхъ типографій на печатаніе всего, прошедшаго чрезъ духовную цензуру, сами собою ограничились. Какъ бы взамѣнъ этого, имъ было дозволено, съ 1821 года, принимать къ печатанію сочиненія, одобренныя цензурой свѣтской. Тѣмъ не менѣе, не довольствуясь постояннымъ печатаніемъ богослужебныхъ и иныхъ церковныхъ книгъ и не удовлетворяясь случайными частными заказами, управляющіе синодальными типографіями и теперь настойчиво стремились къ расширенію предоставленныхъ имъ исключительныхъ правъ печатанія. Въ этихъ видахъ они, между прочимъ, попрежнему пользовались соображеніями цензурнаго характера, и часто мелкіе факты служили поводомъ для ихъ пространныхъ „донесеній“.

Въ маѣ 1825 г. товарищъ директора московской синодальной типографіи Левашевъ въ своемъ рапортѣ изложилъ слѣдующее. „Вольные книгопродавцы, для выгодъ своихъ выпуская въ публику листы, частью противные духу вѣры, служить могутъ къ подрыву продажи книгъ въ казенномъ мѣстѣ. Прилагаемые при семъ листы святцевъ, надъ которыми вырѣзаны неприличныя содержанію матеріи фигуры, доказываютъ это“. Затѣмъ слѣдовало „представленіе, неблагоугодно ли будетъ запретить печатать и продавать какъ сіи листы..., такъ и подобные имъ вольнымъ типографіямъ и книгопродавцамъ, дабы они не производили ущерба казенному интересу“.

Черезъ московскую полицію было произведено разслѣдованіе, причемъ оказалось, что стѣнной календарь дѣйствительно былъ напечатанъ книгопродавцемъ Логиновымъ у себя въ домѣ, на собственномъ станкѣ, но съ дозволенія полицейской цензуры. Одновременно съ тѣмъ Левашеву было поручено донести подробнѣе, „какіе другіе замѣтилъ онъ листы, противные духу вѣры“. Дать точный отвѣтъ для автора донесенія оказалось затруднительнымъ. „Сколько могу разумѣть и видѣть, писалъ онъ, подъ тѣ листы подходитъ книга подъ названіемъ „Подарокъ дѣтямъ“ на 1824 г., гдѣ священная исторія напечатана съ картинками въ одной книгѣ съ баснями, пѣснями и другими сочиненіями. Книгу препровождаю“ [249]).

Какого-либо рѣшенія синода на этотъ разъ не состоялось. Тѣмъ не менѣе вскорѣ появились и указы, соотвѣтствовавшіе желаніямъ типографскихъ конторъ, начиная съ указа 11 марта

---

[249]) А. С. С., 1825, 600.

1829 г., что „изданіе книгъ, относящихся къ церковному молитвословію, зависитъ отъ одного духовнаго начальства, частное же лицо никакого права на то не имѣетъ“ [250]). Нѣсколько ранѣе, на просьбу московскаго университета объ отпускѣ изъ синодальной типографіи церковныхъ литеръ для напечатанія славянской грамматики, синодъ далъ знать, что находитъ это неудобнымъ и что университетъ можетъ издать ее и въ синодальной типографіи [251]).

Въ 1830 году директоръ типографіи Левашевъ донесъ оберъ-прокурору Мещерскому, что въ романѣ „Юрій Милославскій“, изданномъ въ театральной типографіи, „на оберткѣ и въ титулѣ напечатаны „часть первая, вторая и третья“ церковными литерами“. Содержатель типографіи оправдывался какъ „желаніемъ автора, чтобы въ романѣ изъ эпохи 1612 г. означеніе частей было оттиснуто готическими буквами, поелику въ то время наша гражданская печать еще не существовала“, такъ и тѣмъ, что въ правилахъ содержателей типографій воспрещается лишь печатаніе церковныхъ книгъ, а не всякое употребленіе церковныхъ литеръ.

Не смотря на такіе доводы, синодъ опредѣлилъ: „сообщить, куда слѣдуетъ, что св. синодъ употребленіе въ романѣ или другихъ свѣтскихъ книгахъ церковной печати, существующей для однѣхъ богослужебныхъ и духовнаго содержанія книгъ, находитъ неприличнымъ, и чтобы впредь въ свѣтскихъ типографіяхъ церковныя литеры—въ печатаемыхъ въ оныхъ книгахъ—употребляемы не были“ [252]).

Въ 1830 году было обнародовано высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта о правахъ авторовъ и издателей сочиненій. Въ синодальныхъ учрежденіяхъ начался подсчетъ произведеній, которыя духовное вѣдомство могло считать своею собственностью [253]). Когда возникъ вопросъ объ органахъ наблюденія за имущественными правами синода въ области литературы, рѣшено было возложить эту обязанность на духовно-цензурные комитеты [254]).

---

[250]) М. Д. Ц. К., 1829, 23. (По поводу изданія купцомъ Колядинымъ книжки „Молитвы при божественной литургіи“.) Ср. А. С. С. 1831, 398; К. О. П. С. С., 1845, 35547, о запрещеніи аналогичныхъ изданій Сычева.

[251]) А. С. С., 1830, 94; копія указа св. синода отъ 16 марта 1827 г., № 2070.

[252]) А. С. С., 1830, 94. Съ такимъ ревнивымъ отношеніемъ къ «церковной» буквѣ интересно сопоставить письмо Аракчеева къ Голицыну отъ 1817 года. „По высочайшему повелѣнію препровождая при семъ рукопись «Постепенный переходъ коренныхъ жителей въ военное состояніе», прошу ваше сіятельство приказать напечатать 600 экз. въ синодальной типографіи четкими церковными литерами на бѣлой бумагѣ“. Это было „Положеніе“ о печальной памяти военныхъ поселеніяхъ. А. С. С., 1817, 268.

[253]) П. С. З., т. V, № 3411, 8 янв. 1830; А. С. С., 1830, 101.

[254]) Примѣнительно къ § 32 положенія: „Комитеты внутренней цензуры и

Члены послѣднихъ, сами по себѣ, не склонны были, однако, служить агентами по охраненію правъ чьей-либо собственности. Когда, напр., въ спб. дух.-цензурный комитетъ было представлено въ 1832 г. частнымъ лицомъ жизнеописаніе, почти дословно заимствованное изъ Христіанскаго чтенія, члены комитета не увидѣли въ этомъ препятствія къ пропуску брошюры. „Сходство со статьею академическаго журнала, писали они,.. не можетъ быть препятствіемъ къ одобренію онаго, потому что цензура не обязана входить въ разборъ правъ сочинителей или издателей". Правда, въ черновикѣ отзыва слова „не обязана" написаны уже надъ двумя перечеркнутыми выраженіями: „не должна" и „не можетъ". Ясно, что цензура не могла опредѣленно формулировать своего отношенія къ вопросамъ, касающимся авторской собственности, но во всякомъ случаѣ она желала оставаться нейтральною.

Синодъ, однако, „не находя въ повтореніи надобности", отмѣнилъ въ данномъ случаѣ постановленіе комитета [255]) и сверхъ того вообще привлекъ цензуру „къ разбору правъ" въ смыслѣ охраны, главнымъ образомъ, своей литературной собственности. Сначала, въ указѣ московскому комитету „о принадлежаніи впредь св. синоду сочиненій епископа Тихона воронежскаго", было упомянуто, что синоду „принадлежатъ также сочиненія Димитрія ростовскаго, Гедеона, всѣ вообще переводы арх. Иринея, м. Амвросія, многія сочиненія м. Гавріила, Платона и другихъ архипастырей" [256]).

Когда же комитетъ представилъ синоду, что онъ, „не имѣя доселѣ никакого списка сочиненій, принадлежащихъ св. синоду, и въ настоящемъ указѣ не находя подробнаго переименованія не только сочиненій, но и сочинителей, чрезъ сіе самое подвергался и подвергается возможности поступать въ противность правилъ св. синода, дозволяя частнымъ лицамъ печатаніе сочиненій, оному принадлежащихъ", синодъ, при указѣ отъ 20 авг. 1834 года, сообщилъ комитетамъ „реестръ сочиненій, собственно принадлежащихъ св. синоду и печатаемыхъ насчетъ синодальныхъ—здѣшней и московской типографій.., съ изъясненіемъ, что должно считать принадлежащими св. синоду вообще всѣ духовныя книги въ ономъ спискѣ означенныя"

Всего реестръ заключалъ около сотни сочиненій, большею частью устарѣвшихъ. Наиболѣе цѣнными оставались произведенія, перечисленныя въ предыдущемъ указѣ [257]).

главное управленіе оной наблюдаютъ, каждый по своей части, за точнымъ исполненіемъ правилъ, въ семъ положеніи постановленныхъ". Тамъ же.

[255]) СПБ. Д. Ц. К. 1832, 36.

[256]) М. Д. Ц. К. 1832, 54 (указъ 10 окт. 1832 г.).

[257]) М. Д. Ц. К. 1832, 54; ср. А. С. С., 1838, 942; СПБ. Д. Ц. К., 1834, 23.

Это подтвержденіе правъ св. синода на цѣлый кругъ сочиненій, съ одновременнымъ устраненіемъ правъ частныхъ издателей, явилось сильнымъ препятствіемъ для распространенія „духовныхъ книгъ“. Заимствованія изъ нихъ, опыты изложенія ихъ на современномъ языкѣ и пр. могли выходить въ свѣтъ лишь въ видѣ исключеній, частичныхъ льготъ, вообще же пользованіе содержаніемъ закрѣпленныхъ за синодомъ произведеній для издательскихъ цѣлей стало дѣломъ противозаконнымъ.

О подлинной „силѣ указовъ“ можно судить уже по тому, что послѣ изданія указа 1829 г. о печатаніи молитвъ „отъ одного духовнаго начальства“, комитеты обязывались исключать изъ всѣхъ азбукъ, букварей, „подарковъ дѣтямъ“ даже повседневныя молитвы и самыя краткія священныя исторіи. И только соображеніе, что безусловное „исключеніе изъ азбукъ молитвословіи лишило бы дѣтскій возрастъ существенной пользы.., чрезъ чтеніе пріобрѣтаемой, и первѣйшей цѣли христіанскаго обученія“, побудило московскій комитетъ, по иниціативѣ Ѳ. Голубинскаго, ходатайствовать предъ синодомъ о дарованіи извѣстной льготы издателямъ дѣтскихъ книгъ [257]). Синодъ уважилъ это ходатайство и вскорѣ опредѣлилъ [258]) максимумъ статей религіознаго содержанія, которыя дозволено было включать въ названныя книги. Но что и это отчужденіе правъ собственности въ пользу „дѣтскаго возраста“ производилось далеко не щедрою рукою, видно изъ позднѣйшихъ замѣчаній комитетовъ, вродѣ слѣдующаго: „Въ молитвахъ псалмы 50 и 90 не могутъ быть пропущены, потому что святѣйшій правительствующій синодъ не разрѣшилъ псалмовъ печатать между молитвами, помѣщаемыми въ азбукахъ“ [259]).

Болѣе всего, однако, изданіе реестра 1834 года отразилось на развитіи народной религіозно-нравственной литературы. При введеніи излагаемыхъ ниже ограничительныхъ по отношенію къ ней мѣропріятій именно онъ служилъ,—если не всегда причиною, то тѣмъ ближайшимъ поводомъ, въ виду котораго церковная власть съ бо̀льшимъ удобствомъ могла регулировать изданіе религіозно-нравственныхъ произведеній въ духѣ и интересахъ тогдашней общей политики.

Начало распространенія въ Россіи народной религіозно-нравственной литературы на общедоступномъ языкѣ было положено „масонами-мистиками“, въ лицѣ Новикова, и продолжено дѣятелями библейскаго общества. Наряду съ непосредственной своей задачей—дать народу Библію на понятномъ для него языкѣ,

---

257) М. Д. Ц. К., 1833, 79.

258) По поводу преставленныхъ издателями Петровымъ и Чижковымъ азбукъ съ различными редакціями молитвъ предъ ученіемъ и послѣ ученія. М. Д. Ц. К., 1834, 24.

259) М. Д. Ц. К., 1846, 16. Отзывъ П. Делицына о „Полномъ новѣйшемъ самоучителѣ русскаго языка“.

общество преслѣдовало и другія—филантропическія и просвѣтительныя цѣли. И хотя на русской почвѣ относящіяся сюда предпріятія не могли получить такого яркаго развитія и устойчивости, какъ на западѣ,—все же и они являлись чрезвычайно цѣнными начинаніями. Въ частности, всякій, кто искренно, во имя религіи, ратовалъ за переводъ священнаго писанія на общедоступный языкъ, тѣмъ самымъ, по естественной связи, принималъ на себя обязанность заботиться и о доставленіи народу религіозно-назидательнаго чтенія.

Что успѣли сдѣлать въ этомъ отношеніи члены библейскаго общества,—это подробно изложено А. Н. Пыпинымъ [260]). „Распространеніе библейскихъ обществъ, пишетъ онъ, сопровождалось обыкновенно и учрежденіемъ обществъ для изданія религіозныхъ сочиненій. Первообразомъ ихъ было англійское общество этого рода Religious Tracts Society, существовавшее еще раньше библейскаго. У насъ не было основано для этой цѣли особеннаго формальнаго общества, но изданіе религіозныхъ книгъ и брошюрокъ для назидательнаго популярнаго чтенія уже съ первыхъ годовъ стало предметомъ систематической заботы людей, стоявшихъ близко къ библейскому дѣлу. Трудами этого рода въ особенности извѣстна кн. Софья Сергѣевна Мещерская, стоявшая въ близкихъ отношеніяхъ къ императору Александру.

„Княгиня Мещерская, разсказываетъ о ней Пинкертонъ, еще до основанія библейскаго общества ревностно предалась дѣламъ благочестія и человѣколюбія. Въ 1811 г. она была въ числѣ первыхъ людей, поддержавшихъ Пинкертона въ его стараніяхъ устроить библейское общество въ Москвѣ, что осуществилось въ 1813 г.... Вмѣстѣ съ тѣмъ она была однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ попечительнаго общества о тюрьмахъ... Еще съ 1813 года она занялась изданіемъ упомянутыхъ назидательныхъ книгъ, предназначавшихся одинаково для читателей всѣхъ классовъ [261]). Пинкертонъ оказывалъ кн. Мещерской постоянное содѣйствіе въ

---

[260]) Россійское Библейское Общество, А. Пыпина, В. Евр. 1868 г., т. V, стр. 253—6.

[261]) «Первымъ трудомъ С. Мещерской въ этомъ родѣ было, по указанію Пинкертона, воззваніе „къ страждущимъ», изданное тотчасъ послѣ того, какъ французы оставили Москву. Съ этихъ поръ и до того времени, когда Пинкертонъ оставилъ Россію, кн. Мещерская издала 93 книги и брошюры, въ числѣ болѣе 400000 экземпляровъ; всѣ вмѣстѣ эти изданія составляли до 18 томовъ; книжки продавались по дешевымъ цѣнамъ или раздавались даромъ. Почти весь матеріалъ этихъ изданій заимствованъ былъ изъ англійской литературы, и изъ изданій англійскаго «общества трактатовъ»; ...Сюда же вошли труды кн. Мещерской: „Разговоры матери съ дѣтьми о духовныхъ предметахъ» и составленная ею книга о протестанскихъ миссіяхъ къ язычникамъ; трактаты Ричмонда, Адиссона о христіанствѣ; выборы изъ трактатовъ Ганны Моръ, плодовитой англійской писательницы; нѣсколько книжекъ, переведенныхъ съ нѣмецкаго,—двѣ книжки самого Пинкертона,—наконецъ выборъ изъ сочиненій Тихона задонскаго и митрополита Михаила». Тамъ-же.

изготовленіи этихъ изданій, самая мысль которыхъ, вѣроятно возникла подъ его вліяніемъ. Издержки изданія кн. Мещерская долго несла одна; и хотя распространеніе книгъ, которому содѣйствовали многія лица изъ высшаго духовенства, приносило выручку, но она истратила болѣе 10,000 р. на эти изданія. Наконецъ, имп. Александръ также выразилъ желаніе частнымъ образомъ содѣйствовать этому дѣлу, и въ разное время употребилъ па него 12,000 р. Впослѣдствіи кн. Мещерская удалилась въ свое помѣстье, и дѣло изданія этихъ трактатовъ перешло въ руки ея благочестивыхъ друзей, и, напримѣръ, въ 1832 г. они издали 12,000 экземпляровъ такихъ книжекъ".

„Пинкертонъ, который въ этомъ случаѣ, безъ сомнѣнія, высказывалъ также и мнѣнія своихъ русскихъ друзей, придавалъ этимъ изданіямъ кн. Мещерской большую важность для религіознаго воспитанія русскаго общества. „Въ самомъ дѣлѣ,—говоритъ онъ,—эти изданія составили въ Россіи новую эру относительно религіозныхъ книгъ, потому что главнѣйшія догматическія и религіозныя книги у русскихъ всѣ написаны по-славянски; такъ что, когда эти трактаты появились на новѣйшемъ русскомъ языкѣ, и притомъ написаны были въ простомъ и изящномъ стилѣ, вмѣсто тяжелой схоластической манеры церковныхъ сочиненій, религія какъ будто облеклась въ болѣе привлекательную одежду, была приближена и сдѣлана болѣе понятною читателямъ изъ всѣхъ классовъ". „Дѣйствительно, заключаетъ Пыпинъ, какъ бы мы ни думали вообще о цѣнности „трактатовъ" для религіознаго воспитанія, едва ли сомнительно, что въ нашей литературѣ они были нѣчто новое и имѣли свое значеніе, какъ попытка говорить о религіозной морали на обыкновенномъ языкѣ общества, въ знакомыхъ образахъ его дѣйствительной жизни,—взамѣнъ искусственно-схоластическаго стиля, который составлялъ почти неизбѣжную принадлежность этого рода литературы".

Въ виду общаго покровительственнаго отношенія къ брошюрамъ англійскаго происхожденія, также отнеслась къ нимъ и духовная цензура [262]). Пинкертонъ даже изъ этого факта поспѣшилъ сдѣлать общіе выводы: „Большая часть этихъ изданій, пишетъ онъ, была утверждена духовными цензорами, замѣчательное доказательство того, въ какой большой чистотѣ христіанское ученіе до сихъ поръ сохраняется въ русской церкви. Въ самомъ дѣлѣ, если только вы удерживаетесь отъ спора относительно исхожденія Св. Духа, числа таинствъ, призыванія святыхъ, молитвъ за умершихъ и пр.,—вы можете выставлять всѣ жизненныя ученія евангелія, безъ опасенія, чтобы вашъ трудъ былъ отвергнутъ духовными властями" [263]).

---

[262]) Напр. СПБ. Д. Ц. К., 1819, 9.

[263]) В. Евр. 1868, т. VI, Россійское Библейское общество, стр. 236. Что дѣйствительно нѣкоторые духовные цензоры, на которыхъ религіоз-

Во вторую четверть XIX вѣка дѣло распространенія дешевыхъ книгъ для народнаго чтенія готово было развиваться, хотя бы въ виду коммерческихъ соображеній. Такъ, въ самомъ началѣ

ное движеніе александровскаго времени оставило болѣе глубокіе слѣды, и впослѣдствіи не рѣшались „отвергать труды, излагающіе жизненныя ученія евангелія“, объ этомъ можно судить по добровольной энергичной защитѣ „трактатцевъ“ Ѳ. Голубинскимъ—въ рецензіи на книгу Стурдзы „Письма о должностяхъ священнаго сана“ (ч. II). Книга эта, составленная въ духѣ пратасовскаго времени, содержала въ себѣ настойчивыя указанія на вредъ,—даже для студентовъ академіи (кіевской). «трактатцевъ, издаваемыхъ протестантами». Именно вліяніемъ ихъ объяснялись „колкіе намеки студентовъ на монашеское житіе, рѣзкія сужденія о тщетѣ наружныхъ подвиговъ благочестія, выходки противъ невѣжества и грубаго суевѣрія простого народа“. Издателямъ ихъ приписывалось „желаніе лишить православныхъ участія въ двухъ спасительныхъ таинствахъ“ (исповѣди и причащенія). Наконецъ, ставилось имъ въ упрекъ то, что „тѣ самые преобразователи XVI вѣка, которые укоряли церковь вселенскую за легковѣрное будто бы принятіе описываемыхъ иноками чудесъ, исцѣленій и обращеній св. подвижниковъ ея, наводняютъ христіанскій міръ разсказами о чудодѣйственномъ обращеніи людей безвѣстныхъ, о святости ихъ житія,... ни мало не заботясь о засвидѣтельствованіи неподложности издаваемыхъ ими повѣствованій“.

Исключая изъ писемъ всѣ эти обличительныя мѣста, Голубинскій приводитъ подробные мотивы въ оправданіе своихъ дѣйствій. Прежде всего онъ доказываетъ, что въ „трактатцахъ“, выходящихъ съ одобренія духовной цензуры, нѣтъ порицанія монашества etc..., что нѣтъ нужды требовать отъ нихъ систематической связи и ораторскаго слога, ибо это не система богословія и не проповѣдь. Обвиненіе этихъ изданій (фирмы Иверсена) въ посягательствѣ на таинства признаетъ неосновательнымъ, ибо «этого не видно изъ ихъ содержанія. Напротивъ помѣщаемыя въ нихъ бесѣды о томъ, что „грѣхъ не бездѣлица“ и подробныя обличенія грѣховъ могутъ служить домашнимъ приготовленіемъ къ тому, чтобы глубже входить въ свою совѣсть и съ большимъ сокрушеніемъ каяться предъ священникомъ на исповѣди. „Но въ нихъ нѣтъ ученія о таинствѣ исповѣди и причащенія?“—На сіе можно отвѣтить, что и въ нѣдрахъ православной церкви есть такія духовныя книжки, въ которыхъ предлагаются назидательныя правила и совѣты, но не говорится о св. таинствахъ. Неужели же всѣ такія книжки запрещать?“

Наконецъ, послѣднему доводу писемъ Стурдзы о связи „трактатцевъ съ „преобразователями XVI в.“ и ихъ замыслами Голубинскій противопоставляетъ слѣдующія возраженія: „а) Преобразователи XVI вѣка не писали трактатцевъ, а издатели послѣднихъ нигдѣ не обнаруживаютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ достовѣрности отеческихъ повѣствованій; б) цѣль ихъ не та, чтобы описываемые ими обратившіеся грѣшники были вписаны въ святцы: они желаютъ только возбудить въ сердцахъ читателей то чувство, какъ гибельны грѣхи и какъ спасительно слово Божіе. Для сей цѣли не необходимо приведеніе доказательствъ достовѣрности и неприведеніе еще не даетъ права называть ихъ вымышленными. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ показаны время, мѣсто и лица. в.) Возбуждая недовѣріе вообще противъ этихъ книжекъ, можемъ остановить возбужденіе истинно-христіанскихъ чувствованій въ сердцахъ простыхъ, которому, какъ извѣстно изъ опытовъ, книжки сіи способствуютъ; между тѣмъ, какъ своихъ подобныхъ книжекъ, примѣненныхъ къ нуждамъ и состоянію людей разнаго возраста, пола и званія, у насъ очень мало (см. 63 л. „писемъ“)... Хорошо ли отнять ото рта, хотя и скудныя, впрочемъ, служащія къ назиданію (см. л. 59) и дешевыя крупицы, когда свой чистый хлѣбъ дорогъ и достать его (64 л.) очень трудно?» М. Д. Ц. К. 1841, 7.

Далеко не таковъ былъ, какъ видно будетъ ниже, отзывъ о тѣхъ же самыхъ изданіяхъ цензоровъ пратасовской эпохи Окунева, СПБ. Д. Ц. К., 18 43,13 янв.) и секретнаго цензурнаго при св. синодѣ комитета (К. О. П. С. С., 1851, 46056.

тридцатыхъ годовъ не осталось, кажется, ни одного московскаго книгоиздателя, который не печаталъ бы, съ цѣлью широкаго распространенія въ народѣ, книжекъ вродѣ „избранныхъ мѣстъ" изъ Іоанна Златоуста, Тихона воронежскаго („Сокровище духовное, отъ міра собираемое"), Ѳомы Кемпійскаго, Іоанна Арндта,—также „христіанскихъ размышленій" (съ греческаго), извлеченій изъ „Англійскаго зрителя",—который не переиздалъ бы, „за истеченіемъ 25-лѣтняго срока сдѣлавшейся уже собственностью публики", книги „Путь ко спасенію", Ѳ. Эмина, „Исторіи о Іосифѣ", „Спасительнаго способа, руководствующаго простого христіанина къ познанію Бога" [264]) и т. д. Въ свою очередь петербургскій издатель Иверсенъ цѣлыми десятками представлялъ въ цензуру свои религіозно-бытовыя брошюры [265]).

Однако, самое изданіе этого сборнаго религіозно-назидательнаго матеріала, съ заимствованіемъ такихъ чуждыхъ сюжетовъ, какъ „пастухъ сализбургской долины", „новозеландская дѣвушка Елизавета", „Моисей, благочестивый негръ", „жизнь Ивана Гармсена", „душеполезный разговоръ двухъ матросовъ послѣ бури", указывало на необходимость и цѣлесообразность, за неимѣніемъ иного готоваго матерьяла, такого же широкаго обращенія и къ той области „почитанія книжнаго", которая стала привычнымъ чтеніемъ, но лишь для немногихъ. Занимавшія въ ней центральное мѣсто четьи-минеи, прологи и пр. требовали лишь болѣе общедоступнаго изложенія, выдѣленія болѣе яркихъ примѣровъ и темъ и возможнаго удешевленія.

Но какъ разъ въ это время, по провозглашеніи въ 1832 году тройственной уваровской формулы, вопросъ о книгахъ для народнаго чтенія осложнился политикою. Чрезвычайно яснымъ выраженіемъ ея могутъ служить слѣдующія строки всеподданнѣйшаго доклада министра народнаго просвѣщенія [266]): „Съ нѣкотораго времени начали поступать отъ многихъ лицъ прошенія о позволеніи имъ періодическихъ изданій въ родѣ выходящихъ въ чужихъ краяхъ подъ названіемъ „Penny Magasine", „Heller-Mag." и проч. Обративъ на это обстоятельство вниманіе главнаго управленія цензуры, я предложилъ на разсужденіе онаго запросъ: „Полезно ли допускать введеніе и укорененіе у насъ сего рода дешевой литературы, которой цѣль и непосредственное слѣдствіе есть дѣйствованіе на низшій классъ читающей публики?"

Главное управленіе цензуры, сообразивъ всѣ стороны сего вопроса, полагало бы, что приводить низшіе классы общества нѣкоторымъ образомъ въ движеніе и поддерживать оныя какъ

[264]) М. Д. Ц. К., 1832, 25; 1831, 38; 1833, 49, 75 и 1829, 48; 1832, 52; 1833, 20 и 84; 1829, 26; 1831, 41, 47, 50; 1832, 25; 1830, 29.

[265]) СПБ. Д. Ц. К., 1831, 30; 1839, 5.

[266]) Выписки изъ цензурн. дѣлъ, хранящ. въ Спб. публ. библ.; докладъ отъ 10 марта 1834 г.

бы въ состояніи напряженности не только безполезно, но даже вредно. Потому управленіе признало, что литературныя предпріятія, которыя клонятся къ пріобрѣтенію вліянія на вышеозначеннаго рода читателей, вовсе несовмѣстимы съ существующимъ у насъ порядкомъ.

Дешевыя повременныя изданія тѣмъ неумѣстнѣе нынѣ, что вкусъ къ чтенію и вообще литературная дѣятельность, которые прежде заключались въ границахъ сословій высшихъ, именно въ настоящее время перешли въ средніе классы и предѣлы свои распространяютъ даже далѣе. Впрочемъ, и независимо отъ этой политической несовмѣстности дешевой литературы для народа, она не только не приноситъ существенной пользы истиннымъ успѣхамъ ума и просвѣщенія, но напротивъ того скорѣе служитъ препятствіемъ онымъ. Во вредѣ этой литературы сознаются благомыслящіе люди даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ она возникла и утвердилась: ибо легкое пріобрѣтеніе неполныхъ свѣдѣній о многихъ предметахъ, отклоняетъ отъ изученія основательныхъ и распространяетъ поверхностныя познанія, а, слѣдовательно, и весь вредъ оныхъ.

Главное управленіе цензуры, бывъ убѣждено и выгодами государственными и самого просвѣщенія въ необходимости отклоненія введенія у насъ дешевыхъ простонародныхъ журналовъ", представило свои соображенія черезъ министра на высочайшее благовоззрѣніе. Резолюція имп. Николая была кратка: „Совершенная истина, отнюдь не дозволять".

Чтобы устранить, по возможности, частную инціативу отъ изданія народныхъ книгъ, въ министерствахъ приступили, подъ контролемъ низшихъ и высшихъ цензуръ, къ составленію сборниковъ, какъ напр.: „Нравоучительные разговоры для воспитанниковъ удѣльныхъ училищъ", „Книга для чтенія воспитанниковъ сельскихъ училищъ", изданная управленіемъ государственнаго коннозаводства [267]). Общая тенденція подобныхъ сочиненій клонилась, конечно, къ тому, чтобы, приспособляясь къ предполагаемому уровню умственнаго развитія и, главное, „состоянія" читателей, „непримѣтно воспитывать добрые нравы сообразно съ ихъ положеніемъ".

Когда такія сочиненія вносились на разсмотрѣніе духовной цензуры, она своей благонамѣренностью старалась превзойти даже авторовъ—чиновниковъ департаментовъ [268]). Какъ выходя-

[267]) „Какъ будто,—замѣтилъ еще Никитенко,—поселяне коннозаводскаго вѣдомства не такіе какъ всѣ"... Записки и дневникъ, т. I, стр. 492.

[268]) Такъ, разсматривая книгу «Нравоучительные разговоры».. членъ спб. дух.-ц. комитета Платонъ вноситъ слѣдующія поправки къ сомнительнымъ мѣстамъ книги: „Повелѣвается любить Государя, какъ добрый сынъ любитъ своихъ родителей. Изъ сего можно выводить то вредное заключеніе, будто любовь къ Государю должна быть равна любви къ родителямъ. Государя, какъ Помазан-

щія изъ ряда другихъ сочиненій, она считала необходимымъ представлять ихъ на разсмотрѣніе и утвержденіе синода. [269]) Усвоенная духовно-цензурнымъ надзоромъ особая осторожность по отношенію къ народнымъ изданіямъ религіознаго характера не замедлила выразиться въ безрезультатномъ исходѣ дѣла изданія духовнымъ вѣдомствомъ нравоучительныхъ книгъ для народа [270]). Это предпріятіе, благодаря энергіи оберъ-прокурора Нечаева, пошло, казалось, по надежному пути. Онъ заручился высочайшимъ благоволеніемъ къ этому дѣлу, и оно возбудило довольно сильный интересъ въ обществѣ. „Для народнаго чтенія, сообщали другъ другу современники, будутъ издаваться житія святыхъ, преимущественно русскихъ, почерпнутыя большею частью изъ четіи-миней,—продаваться порознь и по самой дешевой цѣнѣ. Великое дѣло!" [271]) Синодъ обнаружилъ даже готовность поступиться въ нѣкоторой мѣрѣ недавно закрѣпленными правами своей литературной собственности, что видно изъ слѣдующаго факта.

Въ 1835 году внесено было въ синодъ слѣдующее предложеніе арх. Григорія тверского: „княгиня Софья Мещерская просила меня исходатайствовать у св. синода дозволеніе печатать изъ сочиненій Тихона воронежскаго извлеченія для употребленія народа. Находя сіе полезнымъ..., я полагалъ бы мнѣніемъ предписать здѣшнему цензурному комитету, чтобы онъ представляемыя отъ кн. С. Мещерской извлеченія.. разсматривалъ, а) согласны ли они съ подлинникомъ, б) не могутъ ли они въ предлагаемомъ

ника Божія, какъ второго по Богѣ на землѣ, должно любить болѣе родителей. Мы даемъ клятву ни для дружбы, ни для свойства не измѣнять Государю.

«Должно платить подати, наставляло удѣльное вѣдомство, съ удовольствіемъ и охотою, точно такъ, какъ добрый сынъ помогаетъ родителямъ, имѣющимъ въ немъ нужду». „Съ апостольскимъ ученіемъ, вноситъ поправку цензоръ, сообразно было бы сказать: точно такъ, якоже Господу, а не человѣку (Колос. III, 23). Притомъ Государя нельзя сравнивать съ бѣднымъ или немощнымъ родителемъ, имѣющимъ нужду въ нашемъ вспомоществованіи. Мы даемъ подати собственно не на нужды Государя, а для того, дабы онъ имѣлъ возможность посредствомъ ихъ удовлетворять нашимъ нуждамъ,—нуждамъ государственнымъ".

И лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда департаментъ удѣловъ слишкомъ увлекался ролью проповѣдника, цензоръ осторожно смягчалъ крайности. „Богъ наказываетъ бѣглыхъ, поучала книга, въ сей жизни страхомъ, стыдомъ и нищетою, а въ будущей—лишеніемъ вѣчнаго блаженства". Не рѣшаясь признать бѣгство крѣпостныхъ восьмымъ смертнымъ грѣхомъ, архм. Платонъ нѣсколько ограничиваетъ эту мысль: надлежало бы прибавить: если они умрутъ бѣглыми, безъ раскаянія во грѣхѣ своемъ". Но и послѣ соотвѣтствующихъ исправленій комитетъ счелъ необходимымъ представить „разговоры" синоду, который, впрочемъ, предписалъ комитету пропустить ихъ за своею отвѣтственностью. СПБ. Д. Ц. К., 1832, 13; А. С. С., 1832, 708.

[269]) А. С. С., 1832, 708; Дух.-учебн. упр. 1848, 140.

[270]) Въ старыхъ описяхъ арх. св. син. значится особое дѣло (на 92 л.) о изданіи книгъ для народн. чтенія и о прекращеніи сего изданія; нынѣ его налицо не имѣется.

[271]) Барсуковъ. Жизнь и труды М. Погодина, кн. IV, стр. 266.

извлеченіи быть перетолкованы, и, ежели не усмотритъ сомнѣнія, пропускалъ бы по надлежащему“.

Предложеніе было утверждено синодомъ съ предписаніемъ комитетамъ обращать особенное вниманіе на то, чтобы все издаваемое отдѣльно было совершенно согласно съ подлинникомъ.

Полученное право изданія Мещерская, „по случаю постояннаго житія въ деревнѣ“, вскорѣ передала „г. Мериллису и Аннѣ (Саррѣ) Александровнѣ Биллеръ, предоставляя себѣ удовольствіе вспомоществовать имъ денежнымъ пособіемъ“ 272).

Но вдругъ предпріятіе Нечаева оборвалось. Даже самъ онъ долгое время не могъ уловить причинъ его прекращенія, какъ и всей своей отставки. „Вы спрашиваете, уже въ 1840 году писалъ ему архм. Игнатій (Брянчаниновъ), почему начатое при васъ изданіе отдѣльныхъ житій, принятое публикою столь благосклонно, нынѣ остановлено? Что вамъ на это отвѣчать? Этому причиною страсти человѣческія“ 273).

„Страсти человѣческія“, главнымъ образомъ всегдашнее опасеніе, что перемѣна въ буквѣ, въ текстѣ, можетъ быть принята за „измѣненіе вѣры“, породить толки,—въ сороковые годы изъ скрытаго состоянія перешли въ явное. Подлинные взгляды церковной власти на общедоступныя изданія житійной литературы выразились въ синодальныхъ опредѣленіяхъ 1842—1843 г. относительно представленнаго въ синодъ московскимъ комитетомъ отпечатаннаго „житія великаго угодника Божія и чудотворца Николая“.

„Такъ какъ изданное съ разрѣшенія.. комитета.. житіе, говорится въ первомъ опредѣленіи, есть извлеченіе изъ церковныхъ книгъ, сдѣлано въ русскомъ переводѣ и напечатано гражданскими литерами, а въ таковомъ видѣ книги духовнаго содержанія, по существующимъ узаконеніямъ, должны быть предварительно представлены св. синоду, то сдѣланное комитетомъ упущеніе по сей части поставя оному на замѣчаніе, подтвердить, чтобы впредь не рѣшался подобныя книги пропускать къ напечатанію самъ собою, безъ представленія св. синоду“. Въ началѣ же 1843 г., разсматривавшій по порученію синода то же самое житіе арх. Никаноръ предложилъ синоду обратить на него, въ виду нѣкоторыхъ неточностей изложенія, особенное вниманіе; „Такъ какъ, докладывалъ онъ, простой народъ къ житіямъ, изложеннымъ на

---

272) А. С. С., 1835, 1377; СПБ. Д. Ц. К., 1840, 11.

273) Р. Арх., 1893, II, стр. 153. Сравн. „Жизнь и труды Погодина, кн. VI, стр. 88—9, гдѣ находится письмо Загряжскаго Погодину (1841 г.):. „Начали здѣсь издавать краткія житія святыхъ, маленькими книжечками, по самымъ низкимъ цѣнамъ, и послѣ нѣсколькихъ тетрадокъ изданіе прекратилось, а зачѣмъ? Спроси Филарета. Но довольно, я бы никогда не кончилъ. Самъ видишь, какъ у насъ духовенство, и во главѣ его должно поставить Филарета, содѣйствуетъ распространенію полезнаго чтенія“.

славянскомъ нарѣчіи, благоговѣетъ, какъ къ святынѣ, то, читая подобныя извлеченія изъ церковныхъ книгъ и находя измѣненія и дополненія, можетъ смотрѣть на оныя, какъ на нѣчто новое, и, по недостатку здраваго разсужденія, принимать за измѣненіе вѣры". Синодъ вполнѣ согласился съ такимъ взглядомъ на житія и циркулярно предписалъ д.-цензурнымъ комитетамъ, „чтобы при разсматриваніи поступающихъ къ нимъ сочиненій и переводовъ, особенно же заимствованныхъ изъ св. писанія и вообще книгъ церковныхъ, были внимательны и не пропускали къ печатанію сами собою тѣхъ, которыя подлежатъ разсмотрѣнію св. синода, подъ опасеніемъ строжайшаго взысканія и съ предупрежденіемъ, что впредь подобныя книги будутъ воспрещаемы къ продажѣ, съ обращеніемъ убытковъ, какіе могутъ быть отъ кого-либо представляемы, на счетъ цензоровъ, пропустившихъ изданія сіи" [274]).

Предубѣжденіе противъ общедоступныхъ извлеченій изъ „духовныхъ книгъ", тѣмъ болѣе при участіи мірянъ, особенно сильно сказалось въ вопросѣ о дозволеніи члену московскаго тюремнаго комитета камергеру Львову издавать для чтенія простолюдинамъ книги духовнаго и нравственнаго содержанія [275]).

Львовъ черезъ г.-ад. Бенкендорфа вошелъ съ соотвѣтствующимъ представленіемъ въ комитетъ министровъ. Указывая на свой двадцатилѣтній опытъ, онъ, между прочимъ, писалъ: „Обращаясь съ сими несчастными виновниками противъ небеснаго и земного правосудія, я опытомъ убѣдился, что большая часть изъ нихъ не имѣетъ почти никакого понятія о божественной религіи нашей, ни объ обязанностяхъ, ею налагаемыхъ въ отношеніи къ Богу и ближнимъ, и, такимъ образомъ, будучи внѣ закона нравственнаго, руководствуются однимъ инстинктомъ животной своей природы. Благодѣтельное правительство... быстро разливаетъ свѣтъ просвѣщенія, и грамотность въ народѣ умножается со дня на день, но, по мѣрѣ успѣховъ ея, болѣе и болѣе ощущается недостатокъ книгъ, могущихъ удовлетворять любознательности,—съ тѣмъ вмѣстѣ питать душу и сердце русскаго примѣрами нравственными и благородными, а не тѣми безсмысленными сказками, которыя до сихъ поръ составляютъ почти единственное чтеніе простолюдиновъ. Миссіонеры шотландскіе, англійскіе и американскіе желаютъ помочь намъ своими произведеніями, которыя, несмотря на нравственную цѣль свою, не могутъ приносить никакой пользы, описывая языкомъ, простому народу непонятнымъ, нравы и обычаи, еще болѣе непонятные, а, напротивъ, могутъ быть вредны: проповѣдуя религіозныя идеи, совершенно исключая изъ объема своихъ сочиненій обряды право-

---

274) А. С. С., 1842, 28.
275) А. С. С., 1843, 21.

славной церкви и многіе догматы оной, какъ-то: почитаніе пр. Богородицы и св. угодниковъ Божіихъ..., отрицательно дѣйствуютъ на умы, вытѣсняя изъ нихъ непримѣтно то, что должно быть предметомъ благоговѣйнаго почитанія"...

Руководимый „пламеннымъ желаніемъ послужить братьямъ своимъ"..., Львовъ и ходатайствовалъ о разрѣшеніи перепечатывать житія святыхъ изъ чет.-миней, прологовъ, отрывки изъ твореній Димитрія ростовскаго и т. д. При этомъ, для скорѣйшаго распространенія этихъ книгъ, онъ просилъ у властей позволенія перепечатывать ихъ безъ малѣйшаго измѣненія съ подлиннаго текста, слово въ слово, не представляя въ цензуру. „Я, писалъ онъ, тѣмъ болѣе смѣю надѣяться, что мнѣ будетъ оказана сія милость, ибо обязуюсь перепечатывать только одобренныя св. синодомъ и разсмотрѣнныя цензурными комитетами книги. Отвѣтственность же въ томъ, что при семъ перепечатываніи не будетъ искаженія и вредныхъ опечатокъ, я принимаю лично на себя. Сочиненія же и переводы, прежде не напечатанные, я обязуюсь представлять въ цензуру по установленнымъ для сего правиламъ."

Но, по всей вѣроятности, именно это ходатайство о льготахъ при пропускѣ книжекъ въ тогдашнее подцензурное время побудило духовную и свѣтскую власть [276]) съ опасеніемъ взглянуть на все предпріятіе Львова и подавить его ничѣмъ инымъ, какъ нарочито созданнымъ для него цензурнымъ прессомъ.

Для отзыва просьба Львова была передана Пратасову, который, въ свою очередь, затребовалъ мнѣніе м. Филарета. Тотъ согласился съ доводами Львова о необходимости полезнаго чтенія для народа; согласился, что „миссіонерскія" брошюры „намѣренно или ненамѣренно имѣютъ такое направленіе, чтобы образовать христіанина въ мірѣ безъ церкви, т. е. мореплавателя въ морѣ безъ корабля".

„Но, добавлялъ Филаретъ, надобно, чтобы сіе соглашено было съ законнымъ порядкомъ и охранено предосторожностями, поелику самое доброе намѣреніе можетъ быть подвержено погрѣшительному исполненію". Въ частности, „и изъ одобреннаго сочиненія взятый отрывокъ, неудачно отторженный отъ предыдущаго и послѣдующаго, можетъ подвергнуться неблагопріятному и неправильному примѣненію". Въ результатѣ, желая создать „удобную" для Львова цензурную инстанцію, Филаретъ предлагалъ обусловить печатаніе „совѣщаніемъ и согласіемъ члена московскаго тюремнаго комитета изъ священно служителей".

Синодъ, разрѣшая перепечатываніе изъ принадлежащихъ

---

276) Сборникъ законоположеній и распоряженій по духовной цензурѣ. (Спб., 1870), стр. 76.

ему сочиненій, нашелъ, между прочимъ, что обращеніе къ общей цензурѣ не можетъ быть стѣснительнымъ для издателя. Потому Львову, было предписано сноситься каждый разъ съ духовной цензурой „подъ главнымъ надзоромъ преосвященнаго митрополита московскаго“.

Чтобы сдѣлать свое предпріятіе болѣе прочнымъ, Львовъ, заручившись благосклоннымъ вниманіемъ министра государственныхъ имуществъ, чрезъ Бенкендорфа испросилъ высочайшее разрѣшеніе на учрежденіе въ Москвѣ „комитета для изданія духовныхъ и нравственныхъ книгъ для чтенія простолюдинамъ“. Онъ и былъ учрежденъ, подъ предсѣдательствомъ митрополита московскаго, съ предоставленіемъ ему права избранія членовъ. Извѣщая объ этомъ Пратасова, Бенкендорфъ пояснилъ, что „государь императоръ... высочайше повелѣлъ подвергнуть оное предпріятіе личной цензурѣ вашего сіятельства“.

Въ виду всего этого Львовъ отказался отъ участія въ комитетѣ. Организовать послѣдній выпало на долю Филарета. Свое отношеніе къ этому порученію онъ такъ выразилъ въ письмѣ къ Григорію (Постникову). „На мои руки упало неожиданное дѣло... Камергеръ Львовъ вздумалъ издавать небольшія книжки выборомъ изъ ч.-миней... для чтенія арестантовъ и народа. Дѣло было въ комитетѣ министровъ и св. синодѣ и дозволено, съ цензурою, подъ моимъ надзоромъ. Св. синодъ въ указѣ благосклонно оговорился, что надѣется на мою готовность. Потомъ министръ государственныхъ имуществъ получилъ мысль воспользоваться симъ изданіемъ для сельскихъ училищъ, и посему, чтобы дать дѣлу видъ оффиціальный, положено составить комитетъ..., на что государь императоръ высочайше соизволилъ съ тѣмъ, чтобы сіе было подъ личною цензурою оберъ-прокурора. Львову сіе послѣднее обстоятельство показалось такъ затруднительнымъ, что онъ вовсе отказался отъ дѣла; и мнѣ отдано одно имя комитета, изъ котораго надобно сдѣлать и людей и дѣло. Еще не знаю, что будетъ. Но думаю, что не безполезно было бы изданіе малыхъ книжекъ для народа, есть ли бы удалось образовать оное по предметамъ и изложенію соотвѣтственно цѣли нравственно-религіознаго и общежительнаго назиданія. Не скажете ли мнѣ, что думаете о семъ, и не укажете ли что въ составъ матеріала. Выборъ предметовъ, мнѣ кажется, не должно стѣснять въ предѣлы наименованныхъ выше книгъ, но и при семъ не легко найти готовое, соотвѣтствующее требованію. Надобно довольно досуга перебирать, выбирать, а иное и писать. У меня досуга, при скудости силъ, мало“ [277]).

Естественно, что „неожиданно упавшее на руки“ дѣло не могло спориться даже и тогда, когда комитетъ былъ составленъ

---

277) Чт. общ. люб. д. пр., 1877, XI, стр. 134, письмо отъ 30 марта 1844 г.

путемъ включенія въ него заслуженныхъ протоіереевъ. При отсутствіи энергичныхъ работниковъ, въ связи съ нежеланіемъ употребить въ дѣло „пособіе отъ троице-сергіевой лавры“ [278]), его скудная издательская дѣятельность стала даже предметомъ соблазна. Львовъ, который внимательно слѣдилъ за ходомъ дѣла, началъ выставлять всѣ замѣченные дефекты въ оффиціальныхъ запискахъ, какъ мотивы къ разрѣшенію издавать книги для народа на ранѣе предложенныхъ имъ основаніяхъ. Въ 1847 году вновь поступила къ гр. Киселеву докладная записка Львова съ подписями еще восьми лицъ, желавшихъ сдѣлать популярными всѣ тѣ творенія, „которыя, какъ говорилось здѣсь, никогда не были и не могутъ быть удѣломъ какой-либо монополіи, и должны быть собственностью народа“ [279]). Опять содержалось обязательство не измѣнять ни единой буквы въ избранныхъ статьяхъ. Въ позднѣйшей (отъ начала 1849 г.) запискѣ тѣхъ же лицъ указывалось на то, что издательскій комитетъ 1844 года издалъ втеченіе пяти лѣтъ только семь книжекъ, и что синодальная типографія не въ состояніи удовлетворить предъявленныхъ временемъ запросовъ [280]).

Такая настойчивость Львова исподволь стала накоплять въ м. Филаретѣ непріязненное чувство. Однако, и онъ не отрицалъ справедливости главныхъ доводовъ добровольцевъ—издателей. Въ этомъ смыслѣ характерно его письмо къ Пратасову. „Извѣстны в. сіятельству, писалъ онъ между прочимъ, неоднократныя домогательства кам. Львова завести печатаніе сочиненій для народнаго чтенія безъ цензуры, не остановленныя даже и высочайшимъ повелѣніемъ. Смѣлость домогательствъ предполагаетъ надежду, а надежды, вѣроятно, возлагаются на министерство

---

[278]) Ср. Письма... къ намѣстнику Антонію, ч. II, стр. 121, отъ 7 марта 1844 г.

[279]) Какъ иллюстрацію къ этому доводу Львова интересно привести здѣсь посвященіе издателемъ „Великихъ Миней-Четьихъ“ м. Макаріемъ своего труда:

«...И тѣ святыя великія книги дванадесятъ Миней-Четьихъ... далъ есьми преч. Богородицѣ въ домъ... настоящимъ св. митрополитомъ всея Русіи въ душевную пользу и прочимъ церковникомъ, свящ. протопопомъ и свящ. іереомъ... и діаконамъ и чтецомъ и пѣвцомъ и всѣмъ православнымъ христіаномъ, пріемлющимъ и со вниманіемъ прочитаюшимъ сіи святыя книги по благословенію митрополита или церковнаго чиноначальника въ великую душевную пользу.. И да никто же сіи святыя великіа книги дванадесятъ Миней-Четьихъ освоитъ, или отъ святыя церкви преч. Богородица честнаго и славнаго ея Успеніа рускіа митрополіа и отъ великихъ чюдотворцевъ насилствомъ восхититъ, таковый да судится яко преобидникъ и похищникъ Божіа церкви, не токмо здѣ, но и въ будущій вѣкъ осудится». «Чтенія въ имп. общ. исторіи и древн. росс., 1847, № 4, «Оглавленіе Четіихъ-Миней всеросс. митр. Макарія». Вступленіе, (ч. IV—V) В. Ундольскаго.

[280]) Дѣйствительно къ началу 1847 г. была выпущена въ свѣтъ лишь одна книжка въ количествѣ 3,500 экз.; десять находилось въ печати. К. О. П. С. С., 1847, 39239.

государственныхъ имуществъ, которое, умноживъ училища, имѣетъ нужду въ предметахъ чтенія. Посему не излишня нѣкоторая предосторожность. Причины, на которыхъ утверждаются упомянутыя домогательства, суть 1) медленность синодальной типографіи и 2) дороговизна въ ней, которая происходитъ особенно отъ множества подносныхъ экземпляровъ. Не угодно ли обратить на сіе вниманіе, дабы домогательства, по возможности, лишены были повода“ [281]).

Подвластные Пратасову директора канцелярій и типографій справками и вычисленіями постарались засвидѣтельствовать о возрастающей дѣятельности типографій „особенно со времени учрежденія хозяйственнаго управленія, что доказывается... возрастаніемъ типографскаго капитала“. Тѣмъ не менѣе, на этотъ разъ, глава духовнаго вѣдомства счелъ неудобнымъ объявить себя безусловнымъ защитникомъ книжной монополіи. „При всемъ томъ, писалъ онъ м. Филарету, кажется мнѣ, что нѣтъ никакого повода, почему бы состоящему подъ предсѣдательствомъ в. в.-преосвященства издательному комитету не печатать въ вольныхъ типографіяхъ книжекъ гражданской печати, ибо гдѣ дѣло идетъ о нравственномъ назиданіи народа, тамъ духовному вѣдомству не прилично было бы извлекать изъ того—для своихъ типографій—денежную выгоду“.

Львову опять былъ данъ совѣтъ, „чтобы онъ и нынѣшніе сотоварищи его приняли участіе въ комитетѣ, который вслѣдствіе его же просьбы учрежденъ въ Москвѣ, и обратили бы въ оный свои труды и пожертвованія для столь полезной цѣли подъ опытнымъ и просвѣщеннымъ руководствомъ митрополита московскаго“ [282]).

Между тѣмъ, не говоря уже о далеко не блестящей финансовой сторонѣ дѣла, самыя цензурныя условія, которыми былъ связанъ комитетъ, попрежнему не располагали къ сотрудничеству въ немъ. Назначенныя къ печатанію статьи болѣе чѣмъ по году удерживались въ петербургской цензурѣ [283]). Затѣмъ, по всякому поводу синодъ усиленно подчеркивалъ условіе печатать „безъ всякой перемѣны текста и не иначе, какъ церковнымъ шрифтомъ“ [284]). Въ результатѣ, число выпущенныхъ комитетомъ книжекъ къ 1852 году достигло лишь 15, а вмѣстѣ съ напечатанными хозяйственнымъ управленіемъ извлеченіями изъ трудовъ Димитрія ростовскаго—до 40 [285]).

Благодаря докладнымъ запискамъ частныхъ лицъ о неот-

---

[281]) К. О. П. С. С., 1843, 41096.
[282]) К. О. П. С. С., 1847, 39239.
[283]) Тамъ же, 1845, 35581.
[284]) Тамъ же, 1846, 37422.
[285]) К. О. П. С. С., 1852, 173.

ложности широкаго распространенія религіозно-нравственныхъ изданій [286]), имп. Николай обратилъ на этотъ предметъ особое вниманіе и синодъ обязывался принять болѣе дѣятельное участіе въ изданіи книгъ для народа.

Въ мартѣ 1848 г. „св. синодъ, принявъ во вниманіе, что изданіе духовныхъ сочиненій въ небольшихъ книжкахъ, по самой цѣнѣ, много можетъ способствовать распространенію чтенія оныхъ между простымъ классомъ народа, но что, для достиженія сего, необходима особая предусмотрительность въ выборѣ книжекъ, назначаемыхъ для изданія, предоставилъ предварительное разсмотрѣніе“ матеріала присутствовавшему въ синодѣ арх. Иннокентію херсонскому, съ помощью ректора академіи Христофора. Въ 1850 году продолжать дѣло Иннокентія было поручено синодальному члену Григорію казанскому.

Какъ тотъ, такъ и другой, исполняя возложенное на нихъ порученіе, представили по нѣсколько отрывковъ изъ сочиненій святителей Димитрія и Тихона. При этомъ Григорій, которому былъ предоставленъ болѣе широкій выборъ, „по неоднократному соображенію съ потребностями и степенью умственнаго развитія наибольшей части простого народа, а также по совѣту нѣкоторыхъ лицъ, достойныхъ уваженія и довѣренности“, представилъ синоду о напечатаніи отдѣльными брошюрами всей книги Тихона воронежскаго „Сокровище духовное, отъ міра собираемое“.

Опять и это изданіе обусловлено было особыми правилами, напр., чтобы слогъ сочиненія нигдѣ не былъ исправляемъ, но сохранялся въ томъ видѣ, какъ онъ есть; чтобы буквы для напечатанія употреблены были славянскія и пр. [287]).

Не спѣша, съ продолжительными перерывами, спб. синодальная типографія стала выпускать дешевыя и „удобополезныя“ брошюры, какъ то: „Апологія во утолѣніе печали человѣка сущаго въ бѣдѣ“, „Духовный Алфавитъ“, „О еже точію о единомъ Господѣ радоватися“ и т. п. На запросы другихъ вѣдомствъ сообщалось, что „св. синодъ уже приступилъ къ изданію книгъ духовно-назидательныхъ для народа собственными своими средствами, которыя, конечно, не могутъ вполнѣ удовлетворять духовнымъ потребностямъ столь огромнаго населенія, и потому изданіе по-

[286]) К. О. П. С. С., 1847, 39239, 1851, 45984. „Распространившееся чтеніе таковыхъ богодухновенныхъ книгъ (житій), доказывалось въ одной запискѣ, возвыситъ и улучшитъ нравственность народа, укрѣпитъ его въ любви къ Богу, въ вѣрности и преданности къ помазаннику Божію, своему природному государю, подастъ утѣшеніе въ перенесеніи всѣхъ горестей жизни и, возвышая массу народа духомъ религіознаго благочестія и надеждою будущаго воздаянія, укрѣпитъ наше отечество нравственнымъ чувствомъ изъ поколѣнія въ поколѣніе на многіе вѣки, въ которыхъ мы и потомки наши, огражденные оплотомъ божественной благодати, посмѣемся въ нашемъ благополучіи всѣмъ крамоламъ европейскаго безумія“. (Записка датирована 27 октября 1849 г.). Тамъ же.

[287]) К. О. П. С. С., 1851, 45974.

добныхъ книгъ могло бы достигать своей цѣли только при совокупномъ участіи другихъ вѣдомствъ, преимущественно же министерства народнаго просвѣщенія и министерства государственныхъ имуществъ въ нужныхъ для сего издержкахъ“ [288]).

Министерство народнаго просвѣщенія, руководимое кн. Пл. Ал. Ш.-Шихматовымъ, готово было оказывать рѣшительное предпочтеніе книжкамъ церковнаго содержанія и печати, „ибо книги духовнаго содержанія укрѣпятъ простолюдина вѣрою и упованіемъ на святой промыслъ къ новымъ трудамъ и къ благодушному перенесенію всякаго рода лишеній,между тѣмъ какъ книги свѣтскія разсѣютъ ихъ только на время, но въ то же время ослабятъ ихъ дѣятельность и терпѣніе“.

Такое усердіе Ш. Шихматова было ограничено самимъ государемъ, который хотя и утвердилъ докладъ, но съ тѣмъ, чтобы „не упускать изъ виду и изданіе для простого народа книгъ гражданской печати занимательнаго, но безвреднаго содержанія, предназначая такое чтеніе преимущественно для грамотныхъ дворовыхъ людей“ [289])...

Министерство государственныхъ имуществъ, при гр. Киселевѣ, не склонно было возлагать, подобно Ш.-Шихматову, большихъ надеждъ на предпріятіе синода, тѣмъ болѣе, что оно не считало изданія книгъ церковныхъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, исчерпывающимъ всѣ запросы населенія [290]). Въ поискахъ книгъ нравственнаго содержанія министерство предпочло вновь обратиться къ издательскому опыту фирмы Иверсена, которая и отпечатала по его заказу новыя изданія „трактатцевъ“ [291]). Но теперь возможность ихъ выпуска въ свѣтъ стало оспаривать вѣдомство православнаго исповѣданія. Обогатившись тридцатью девятью „строго церковными“, по изложенію и шрифту, брошюрами и листками, оно сочло своевременнымъ выступить противъ иноземныхъ книжекъ. Учрежденный при синодѣ секретный цензурный комитетъ, разсмотрѣвъ двадцать четыре брошюры Иверсена, составилъ слѣдующій обстоятельный докладъ [292]):

„Книжки сіи печатаются въ большомъ числѣ экземпляровъ, продаются по самой дешевой цѣнѣ и весьма распространяются въ народѣ и между нижними чинами войскъ въ столицѣ и, какъ

---

[288]) К. О. П. С. С., 1850, 44250, и

[289]) Р. Ст., 1903, VIII. „Цензура въ царствованіе имп. Николая I“, стр. 425—6.

[290]) По крайней мѣрѣ программой объявленнаго въ 1846 году конкурса на составленіе народныхъ книгъ предполагалось изданіе этихъ книгъ болѣе разнообразнаго содержанія. К. О. П. С. С., 1851, 45984.

[291]) К. О. П. С. С., 45993. Кстати, въ сороковые годы, кромѣ прежняго религіозно-повѣствовательнаго матеріала, фирма Иверсена стала выпускать брошюры болѣе практическаго характера, какъ напр: „Объ опасности откладыванія покаянія“, „Другъ грѣшниковъ“, „Чего вы достигаете пьянствомъ?“ „Священникъ въ больницѣ“, „Убѣжденіе къ уразумѣнію слова Божія для безграмотныхъ“.

[292]) К. О. П. С. С., 1851, 46056.

извѣстно, раздаются и даромъ. При разсмотрѣніи оныхъ оказалось, что правила и примѣры христіанскаго благочестія изложены въ нихъ безъ упоминанія о томъ, что составляетъ сущность православія, и, какъ онѣ суть по большей части переводы духовно-нравственныхъ сочиненій иноземныхъ писателей, то (не смотря на дѣланныя цензурою исключенія) преобладаетъ въ нихъ иновѣрный образъ мыслей.

„Такимъ образомъ, въ нихъ все духовное совершенствованіе приписывается единственно чтенію Библіи—подъ непосредственнымъ озареніемъ Св. Духа, но нѣтъ ни слова о томъ, чтобы въ чтеніи семъ руководствоваться ученіемъ церкви по объясненіямъ св. отецъ; нигдѣ не упоминается о необходимости прибѣгать къ святымъ таинствамъ, сообщающимъ вѣрующему благодать Божію,—о необходимости покаянія чрезъ устное исповѣданіе грѣховъ предъ священникомъ, о говѣніи, постѣ и молитвѣ по чину православной церкви, о призываніи предстательства Божіей Матери и святыхъ угодниковъ, о елеопомазаніи болящихъ, о поминовеніи умершихъ и о прочемъ, чѣмъ въ особенности должно назидаться благочестивое чувство православнаго русскаго народа, для котораго именно сіи книжки и издаются на русскомъ языкѣ. А между тѣмъ въ нихъ помѣщены намеки на то, что истинная вѣра не нуждается въ епитиміяхъ, обрядахъ и вообще во внѣшнихъ знакахъ внутренняго чувства, напримѣръ: „нерадивые и косные сердцемъ, они воображаютъ, что нѣсколько мертвыхъ молитвъ и сухихъ обрядовъ достаточно для достиженія неба“; „Не ожидайте, чтобы покаяніе, благодать и блаженство пришли къ вамъ отъ проповѣдника“ (стр. 18).

„Съ другой стороны въ сихъ книжкахъ обращеніе грѣшниковъ къ Богу обыкновенно изображается въ видѣ какой-то внезапной перемѣны духовнаго нашего существа, совершающейся быстро безъ всякой постепенности, и читатель не приготовляется къ подвигамъ долговременной духовной брани, необходимой для несравненно большаго числа людей. Назиданіе и обращеніе къ истинѣ представляется въ сихъ книжкахъ совершающимся большею частію не чрезъ духовныхъ пастырей, а чрезъ міранъ же. Такъ въ повѣсти: „Военная служба спасенію души не помѣха“, солдатъ пріобрѣтаетъ познаніе истины не отъ священника, а отъ своего товарища. Въ другой повѣсти: „Марья—солдатская дочь“, не священникъ и не родители знакомятъ ее, а она знакомитъ отца своего съ истиннымъ богопознаніемъ. „Я хочу познакомить васъ, отецъ, съ моею собесѣдницею,—вотъ она, и, положивъ Библію на столъ, присовокупила: эта книга разрѣшила много важныхъ для меня вопросовъ“, и проч. (стр. 11); а въ книжкѣ: Спасительныя дѣйствія слова Божія—представленъ даже примѣръ, какъ приходскій священникъ тогда только началъ съ пользою

назидать семью свою и другихъ, когда купилъ у крестьянина Библію, которой до того и не имѣлъ у себя.

„Чтеніе подобныхъ книгъ, указывающихъ путь независимый отъ православной церкви и тѣмъ внушающихъ равнодушіе къ ея ученію, іерархіи, таинствамъ, уставамъ, обрядамъ и преданіямъ, не безопасно для русскаго простаго народа тѣмъ болѣе, что онъ, незнакомый ни съ такъ-называемыми общими понятіями о христіанствѣ, ни съ догматами иноземныхъ вѣроученій, можетъ охлажденіе свое къ іерархіи церкви выразить только прямымъ участіемъ или въ духоборческой сектѣ, именующей себя духовными христіанами, или въ другихъ толкахъ раскола, гдѣ наставники—міряне, или такъ-называемые начетчики, замѣняютъ собою законныхъ духовныхъ пастырей.

„Сознавая сію опасность, комитетъ находилъ бы необходимымъ какъ всѣ сіи, такъ и прочія издаваемыя книгопродавцемъ Мейеромъ на русскомъ языкѣ духовно-нравственныя книжки подвергнуть самому строгому и внимательному пересмотру духовной цензуры съ тѣмъ, чтобы о каждой изъ нихъ представлено было синоду особое мнѣніе, вновь же допускаемы были къ печатанію только тѣ, которыя или составлены въ духѣ православія, или будутъ передѣланы согласно ученію православной церкви."

Мнѣніе это синодомъ, конечно, было утверждено, цензору [293]) за пропускъ книжекъ къ новому изданію объявленъ былъ „строжайшій выговоръ". Охрана „простоты вѣры" народа, въ тѣхъ видахъ, дабы онъ „охлажденіе свое къ іерархіи церкви" не выразилъ „прямымъ участіемъ въ духоборческой сектѣ, именующей себя духовными христіанами, или въ другихъ толкахъ раскола",—достигла крайнихъ предѣловъ.

Что основной причиной вялости и безплодности изложенныхъ оффиціальныхъ попытокъ дать книгу народу было тайное опасеніе вредныхъ послѣдствій, и что всѣ болѣе широкія частныя предпріятія этого рода неминуемо парализовала „система"—этого не приходится устанавливать позднѣйшему изслѣдователю. Вліяніе этихъ пружинъ сразу ощутили болѣе внимательные современники. Въ частности, нельзя обойти молчаніемъ одного момента въ перепискѣ кн. Ш.-Шихматовыхъ, выходящаго изъ ряду по заключающейся въ немъ проницательности.

Отклоняя своего брата Сергія отъ пострига въ обители Фотія, они, на опытѣ дознавшіе глубину народнаго невѣжества, зовутъ его трудиться въ своемъ общемъ имѣніи,—„монастырѣ"—

---

[293]) Прот. А. Окуневу, который, какъ будетъ отмѣчено ниже, еще ранѣе призналъ въ нихъ „безплодіе ума, лютеранскій типъ" и т. под. общіе недостатки. Спб. Д. Ц. К., 1842, 6.

надъ просвѣщеніемъ окрестнаго населенія, причемъ рисуютъ ему такую картину: „Обрати теперь взоръ твой на тѣхъ, которымъ законъ Божій и вѣра евангельская никогда преподаваемы не были. Все, что составляетъ вѣру таковыхъ, есть одно обрядовое служеніе. Желаешь ли знать ихъ понятіе о Богѣ? Вопроси сію толпу. Мудрѣйшіе въ ней скажутъ тебѣ чистосердечно: мы люди темные, некнижные, а потому ничего о семъ не вѣдаемъ. Но не мало найдется и такихъ, которые, подобно малымъ дѣтямъ несмысленнымъ, вопрошаемымъ о Богѣ, отвѣтствуютъ тебѣ указаніемъ на образъ. За симъ, что и спрашивать о св. Троицѣ, о искупленіи, о благодати: объ этомъ они, навѣрное, не имѣютъ никакого понятія, какъ равно и о таинствахъ, которымъ слѣдовательно пріобщаются изъ одного обычая. Что составляетъ ихъ нравственный законъ? Также обычай одинъ, или страхъ временнаго наказанія. Вслѣдствіе сего видимъ ихъ отъ того изъ запрещеннаго закономъ Божіимъ наипаче воздерживающимися, за что взыскиваетъ законъ гражданскій, подвергающій преступника строгому взысканію. При такомъ невѣжествѣ могутъ ли они имѣть надлежащее понятіе о богослуженіи и молитвѣ? Могутъ ли они поклоняться Богу духомъ и истиною (Іоан. IV, 23), тогда какъ духовная ихъ часть оставляется въ природной невоздѣланности, и малый лучъ природнаго свѣта погребенъ подъ грудою обычаевъ и предразсудковъ?“ [294]).

Вслѣдствіе уклончивыхъ отвѣтовъ Сергія возникла между братьями обширная полемика по вопросу о томъ, могутъ ли спастись христіане, незнающіе своей вѣры и нравственнаго закона, а также и о моральной отвѣтственности, лежащей на тѣхъ, кто „освобождаетъ христіанъ отъ обязанностей христіанскихъ и дозволяетъ имъ только считаться въ церкви“. При этомъ, желая провѣрить утвержденіе Сергія, что и онъ и вообще приверженцы Фотія—не отвергаютъ необходимости заботъ о подъемѣ религіознаго сознанія народа, братья Алексѣй и Павелъ ставятъ ему опредѣленную задачу.

Зная о чрезвычайномъ вліяніи архм. Фотія на А. А. Орлову-Чесменскую, они просятъ Сергія обратить ея вниманіе на невѣжество крестьянъ въ ея помѣстьяхъ, „сообщить ей братолюбивое остереженіе... Она есть помѣщица нѣсколькихъ десятковъ тысячъ крестьянъ, если съ женатыми, то, можетъ быть,—сотенъ тысячъ, которыхъ благополучіе непосредственно зависитъ отъ нея, благополучіе не временное только, но и вѣчное, по зависимости, въ которой находятся всѣ крестьяне у своихъ помѣщиковъ, и по обязанности, какая лежитъ на первыхъ пещись о бла-

---

[294]) Матеріалы для исторіи русской богословской мысли тридцатыхъ годовъ текущаго столѣтія. Изъ переписки братьевъ князей Ширинскихъ-Шихматовыхъ. Свящ. Василія Жмакина. (Спб. 1890), стр. 119—20.

госостояніи ихъ душъ, какъ то явствуетъ всякому, знающему наши права и вникающему въ христіанское благочестіе, вѣдая по христіанскимъ вѣсамъ, что помѣщикъ для крестьянъ, а не крестьянинъ для помѣщика... Вѣроятно, никто по сіе время не указалъ ей сію богатѣйшую руду въ ея помѣстьяхъ“...

Сергій на это предложеніе отвѣчаетъ: „Иного я не могъ сдѣлать, какъ открыть отцу моему о Господѣ, настоятелю и наставнику, сдѣланное мнѣ вами настойчивое порученіе... По сему случаю, не входя въ пространную бесѣду..., далъ онъ мнѣ и вамъ краткій отвѣтъ..., что не дѣло ума нашего изслѣдовать глубину благодати, дѣйствующей въ сихъ простыхъ умахъ и сердцахъ... Благодать Божія почиваетъ и на госпожѣ, изливается и на рабовъ ея: на дняхъ получено извѣстіе, что одно селеніе ея чувашское, до тысячи душъ, крестилось въ православную вѣру“.

Этотъ типичный по своей „теплохладности“ отвѣтъ вызвалъ со стороны братьевъ слѣдующія горячія строки: „Грубое невѣжество, повидимому, любовно всей вашей системѣ, а съ нимъ все то множество грѣховныхъ порожденій невѣровъ, которыя оковываютъ духъ отъ дѣятельнаго прославленія имени Божія и отъ упражненія въ душеполезныхъ и общественныхъ добродѣтеляхъ.. Раскрой исторію ересей прошедшихъ: въ какомъ государствѣ ты не найдешь гибельныхъ слѣдовъ.. И въ нашемъ отечествѣ довольно имѣемъ примѣровъ, до какого остервенѣнія можетъ довести суевѣрный фанатизмъ черни, которая, благодаря тупости и снисхожденію вашихъ правилъ, и по сіе время не подалась ни на волосъ въ истинномъ просвѣщеніи противъ прошедшаго вѣка и многихъ ему предшествовавшихъ... Ужели ты все еще не видишь и не чувствуешь, въ какой ты заведенъ лабиринтъ? Намъ же сіе ясно“.

„Для чего вы, продолжаютъ братья, такъ явно противъ заповѣди церковной и евангельской.., освобождаете христіанъ отъ обязанностей христіанскихъ дозволеніемъ имъ не знать оныхъ, слѣдовательно и не исполнять, а только допускаете считаться въ церкви, или вѣровать, какъ церковь вѣруетъ?.. Для чего? Не для того ли, смотрите, что если они ознакомятся съ евангеліемъ и познаютъ изъ онаго догматическую свою вѣру, то гораздо не тотъ уже жаръ и ревность будутъ обращать къ внѣшнимъ обрядамъ и обычаямъ, которые теперь одни составляютъ вѣру премногихъ невѣжествующихъ. Вмѣсто пробужденія спящаго сномъ грѣховнаго невѣжества, громогласно повторяя ему въ уши исцѣленіемъ его призывающій его къ вѣрѣ сей гласъ Божій: „востани спяй и воскресни отъ мертвыхъ и освѣтитъ тя Христосъ“ (Ефес. V, 14), вы,—чеша слухъ его пріятнымъ себялюбію его превознесеніемъ вѣры несуществующей,—болѣе лишь усыпляете;

и, можетъ быть, сонъ, отъ котораго онъ могъ бы проснуться, въ предсмертную летаргію обращаете“... [295]).

Какъ было уже упомянуто въ началѣ этой главы,—общей централизаціи духовно-цензурнаго надзора должны были служить годичные отчеты комитетовъ, съ краткой передачей содержанія цензорскихъ отзывовъ о каждомъ сочиненіи. По истеченіи года, они, дѣйствительно, представлялись въ синодъ. Однако, при своемъ конспективномъ и не всегда точномъ изложеніи, эти отчеты для синода не могли служить и фактически не служили, сами по себѣ, средствомъ для провѣрки дѣйствій комитетовъ— ихъ „небрежности и послабленій“ или же „излишней строгости“ [296]).

Поводами для ревизіоннаго наблюденія за органами цензуры чаще являлись спеціальныя представленія лицъ какъ входившихъ въ составъ синода, такъ и постороннихъ. Таковы, напримѣръ, были донесенія синоду м. м. Филарета о „противныхъ здравому ученію, исторической истинѣ и приличію“ мѣстахъ „Библейской исторіи для дѣтей, книги „Іисусъ“, журнала „Христіанское чтеніе“, изданія „Памятники древностей христіанской церкви“, Вѣтринскаго; затѣмъ заявленія анонимныхъ критиковъ [297]) и т. д.

Конечно, цѣль всѣхъ этихъ докладныхъ записокъ состояла въ томъ, чтобы указать на упущенія цензоровъ и вызвать со стороны синодальной власти соотвѣтствующія распоряженія. Представленій противоположнаго характера, въ смыслѣ заступничества за авторовъ, не встрѣчается.

Равнымъ образомъ, совершенно мертвою буквою оставалась въ данное время внесенная въ духовно-цензурный уставъ статья 88-ая: „Если случится, что сочинитель, переводчикъ или издатель будутъ недовольны опредѣленіемъ комитета: то они, смотря по роду книгъ, могутъ приносить жалобу въ св. синодъ или въ коммиссію духовныхъ училищъ (дух.-учебное управленіе), гдѣ и разсматривается, справедлива ли или несправедлива ихъ жалоба, по предварительномъ разсмотрѣніи дѣла въ конференціи и по представленіи онаго съ ея мнѣніемъ“. Даже среди частныхъ обращеній на имя синодальныхъ дѣятелей съ ходатайствомъ о содѣйствіи къ пропуску ихъ трудовъ цензурными учрежденіями почти отсутствуютъ рядовые непривилегированные авторы. Приходится убѣждаться, что нужно было стоять въ такихъ близкихъ или независимыхъ отношеніяхъ къ Пратасову, въ какихъ стоялъ

---

295) Тамъ-же, стр. 103, 105—7, 113—115 (Письмо отъ 1829—30 г.г.).

296) Иногда лишь пользовался ими м. Филаретъ, ср. Письма.. къ Алексію, стр. 82—3.

297) С. Красноцвѣтова, А. С. С. 1838, 943; 1835, 1389; 1828, 1508; К. О. П. С. С., 1846, 37412.

А. Стурдза, чтобы изливать передъ нимъ—да и то безрезультатно—скорби автора по поводу медленности и строгости цензурныхъ комитетовъ [298]); что необходимо было дерзновеніе А. Н. Муравьева въ отношеніи къ м. м. Филарету для надежнаго пользованія ст. 83 устава, согласно коей „неправильное или медленное дѣйствованіе цензурнаго комитета, по усмотрѣнію епархіальнаго архіерея, подвергается разсмотрѣнію конференціи“ [299]). Обычные же оффиціальные отвѣты на подобныя заявленія „сочинителей, переводчиковъ и издателей“ составлялись по такому шаблону объявленій чрезъ полицію: „..объявить, что разрѣшеніе дѣлъ духовной цензуры отъ меня не зависитъ, и что если... считаетъ нужнымъ принести по сему предмету просьбу, то долженъ обратиться съ нею куда слѣдуетъ, установленнымъ порядкомъ“ [300]).

Нецѣлесообразность же „установленнаго порядка“ и принесенія авторскихъ жалобъ чрезъ конференцію и комиссію въ синодъ состояла въ томъ, что самъ св. синодъ по цензурнымъ дѣламъ являлся прежде всего высшей цензурной инстанціей, призванной къ разбору сочиненій на основаніи „строго церковныхъ“ критеріевъ. Всякое обращеніе къ нему должно было вызывать пересмотръ сочиненія уже съ особыхъ, не всегда доступныхъ даже рядовымъ цензорамъ, точекъ зрѣнія.

Все это случилось, напримѣръ, когда составитель книги „Памятники древностей христіанской церкви“ Вѣтринскій при новомъ изданіи, по собственной инціативѣ, представилъ экземпляръ ея Пратасову, исправленный и одобренный уже петербургскимъ комитетомъ. Цѣль этого обращенія къ высшей власти состояла въ томъ, чтобы напередъ обезопасить сочиненіе отъ тѣхъ нападокъ и обвиненій, которымъ оно подверглось въ 1830 г. со стороны м. Филарета. Итакъ, представляя свои возраженія на прежнія замѣчанія м. Филарета, Вѣтринскій просилъ „независимо отъ одобренія комитета“ разсмотрѣть еще разъ его сочиненіе, чтобы онъ „могъ съ полною увѣренностью приступить къ новому отпечатанію его и, въ случаѣ одобренія, получить разрѣшеніе на выписку его для лицъ и мѣстъ духовнаго вѣдомства, что было воспрещено въ 1830 году“.

На дѣлѣ оказалось, что, въ виду вошедшихъ въ силу новыхъ взглядовъ, названное сочиненіе встрѣтило теперь (въ 1847 г.) еще болѣе холодный пріемъ, между прочимъ „вообще по неудовлетворительности требованіямъ древней истины и пра-

[298]) К. О. П. С. С., 1846, 37409. 1851, 45968.

[299]) М. Д. Ц. К., 1851, 16; ср. Письма Филарета м. м. къ Алексію, стр. 10, 55, особ. 103 и 72—3 („По приказанію Андрея Николаевича—кто бо можетъ преслушать его?—посылаю вамъ, о. ректоръ, рукопись: „Хиландаръ“ для переписки и возвращенія ко мнѣ“,—отъ 25 авг. и 3 сент. 1850 г.).

[300]) Отвѣтъ Пратасова книгопродавцу Мейеру, К. О. П. С. С., 1851, 45993.

вославія". Вѣтринскому было предложено „заняться вновь исправленіемъ своей книги, если желаетъ непремѣнно издать ее". Цензурному же комитету было предписано „по вторичномъ представленіи отъ него (автора) книги, пересмотрѣвъ исправленное тщательнымъ образомъ, представить на дальнѣйшее разсмотрѣніе въ св. синодъ". Кромѣ того, синодъ постановилъ „строго замѣтить комитету сдѣланную имъ неосмотрительность"., съ предупрежденіемъ, „что если впредь будутъ допускаемы подобные недосмотры, въ столь важныхъ сочиненіяхъ, каково настоящее, то допустившіе ихъ неминуемо будутъ подвергнуты строгому взысканію" [301]).

Подтвержденіемъ всегдашней высшей напряженности синодальнаго цензурнаго надзора и доказательствомъ того, что далеко не всякое сочиненіе, прошедшее чрезъ цензуру комитетовъ, могло съ успѣхомъ выдержать и испытаніе синодальной цензуры, могутъ служить инциденты, связанные съ разсмотрѣніемъ въ синодѣ „подносныхъ" экземпляровъ сочиненій.

Отчасти по тщеславію, отчасти по практическимъ разсчетамъ,—въ надеждѣ на большій успѣхъ сочиненія, разъ оно удостоится всемилостивѣйшаго принятія [302]),—авторы довольно часто и разными путями стремились достигнуть такого увѣнчанія своихъ трудовъ. Имп. Николай, впрочемъ, и въ этомъ случаѣ держался принципа разграниченія вѣдомствъ, такъ что когда, напр. ст.-секретарь Вилламовъ, поднесъ государю книгу прот. Лебольскаго „Дни богослуженія православной церкви", на докладѣ его была положена высочайшая резолюція: „Должна быть представлена гр. Пратасовымъ" [303]).

Обсужденіе вопроса, заслуживаетъ ли данная книга поднесенія, оберъ-прокуроры предоставляли св. синоду. Къ новой провѣркѣ достоинствъ сочиненія члены синода приступали съ особою тщательностью и находя въ книгахъ хотя „нѣкоторыя фразы, не вполнѣ соотвѣтствующія духовнымъ произведеніямъ или сказанія о чудесахъ, почерпнутыя изъ недостовѣрныхъ источниковъ", усматривая „въ нѣкоторыхъ мѣстахъ недостатокъ окончательной отдѣлки и тона, вполнѣ приличнаго духовнымъ произведеніямъ", немедленно признавали ихъ „незаслуживающими быть особо представленными на высочайшее воззрѣніе. Лишь по снисхожденію, а также въ виду того, что нѣкоторыя изъ этихъ книгъ выходили уже не первымъ изданіемъ, св. синодъ иногда „полагалъ оставить ихъ въ обыкновенномъ употребленіи" [304]). Однако тѣ замѣчанія и выговоры, которые при этомъ посылались

---

301) К. О. П. С. С., 1846, 37412.
302) А. С. С., 1831, 805,306.
303) А. С. С., 1840, 10.
304) К. О. П. С. С., 1850, 44263, 1849, 42586.

въ цензурные комитеты [305]), показываютъ, что и свои особо-строгія точки зрѣнія синодальная власть считала долгомъ прививать и комитетамъ, лишь бы представлялся къ тому какой-либо поводъ.

Въ царствованіе имп. Николая, какъ уже было замѣчено, св. синоду, „какъ высшему духовному мѣсту въ государствѣ“, было рекомендовано полагать „общія единогласныя рѣшенія“, такъ какъ „въ догматахъ вѣры разногласія быть не можетъ“ [306]). Поэтому и въ литературно-цензурныхъ дѣлахъ подъ общими опредѣленіями синода стоятъ обычно подписи всѣхъ наличныхъ его членовъ, безъ различія направленій, или „партій“ [307]). Интересно теперь выяснить, насколько при этомъ оффиціальномъ приведеніи мнѣній къ одному знаменателю играли роль или, напротивъ, должны были стушевываться индивидуальныя черты и стремленія самыхъ выдающихся членовъ синода, когда они принимали активное участіе въ разсмотрѣніи сочиненій.

Изъ всѣхъ синодальныхъ дѣятелей разсматриваемаго періода совершенно исключительнымъ значеніемъ въ области надзора за направленіемъ церковной мысли пользовался м. московскій Филаретъ. Въ то время какъ прочіе члены синода и присутствовавшіе въ немъ выступали въ роли цензоровъ болѣе или менѣе случайно и съ условной степенью авторитетности,—роль Филарета, какъ высшаго цензора, продолжалась болѣе полувѣка, подвергаясь лишь колебаніямъ, но не болѣе [308]).

Желая нагляднѣе представить „законоопредѣляющее и руководящее значеніе Филарета въ сферѣ теоретической дѣятельности нашей правящей церкви, въ сферѣ догматическихъ, каноническихъ и іерархическихъ вопросовъ“, проф. Н. Барсовъ называетъ его „Моисеемъ нашей церкви въ недавнее пятидесятилѣтіе ея жизни“ [309]). Почти всѣ вопросы тогдашней церковной

---

[305]) А. С. С., 1832, 1574а.

[306]) Всеподд. доклады, хранящ. въ канц. об.-прок. св. син., 1829, 13 апр., № 91.

[307]) Выраженіе В. Кутневича. В. Евр. 1883, сент., Петербургская дух. академія при гр. Пратасовѣ. Д. Ростиславова, стр. 237.

[308]) Перечень, хотя и неполный, принадлежащихъ м. Филарету отзывовъ о книгахъ и рукописяхъ содержится въ «Алфавитномъ указателѣ къ собранію мнѣній и отзывовъ Филарета м. м... и къ перепискѣ его съ разными учрежденіями и лицами духовными и свѣтскими. (СПБ. 1891), стр. 431—50.

[309]) По сравненію съ Аарономъ—Иннокентіемъ Борисовымъ. Матеріалы для біографіи Иннокентія..., вып. I предисловіе, стр. 4.

Детальнѣе перечисляетъ проявленія дѣятельности м. Филарета въ области печатнаго слова преклоняющійся передъ этой дѣятельностью М. Звѣздинскій: „Его замѣчаніямъ, пишетъ онъ, подвергались произведенія, вышедшія изъ подъ пера какъ простого неизвѣстнаго монаха, такъ и ученаго архіерея, скромнаго священника и знаменитаго профессора, были ли то произведенія въ

жизни прямо или косвенно должны были пройти сквозь „отвлеченную рефлексію“ митрополита московскаго. Въ чемъ же, въ частности, заключалась сложная охранительная роль м. Филарета въ области церковно-богословской мысли?

Если бы Филаретъ, при своемъ природномъ предубѣжденіи ко всему новому и крайней осторожности въ обращеніи съ печатнымъ словомъ,—осторожности, которая „не давала ему спать“ [310]), началъ свою активную дѣятельность въ русской церковной жизни однимъ или двумя десятилѣтіями позже,—его охранительныя стремленія могли бы не представлять существенныхъ отклоненій отъ программы тогдашнихъ ревнителей православія. Но сильный духовно-просвѣтительный подъемъ первой четверти минувшаго вѣка, увлекшій архм-та Филарета на путь преобразовательной дѣятельности и сдѣлавшій его орудіемъ реформы духовнаго образованія, послужилъ прививкою противъ воздѣйствія на него послѣдующаго безотчетнаго консерватизма. Въ голицынскую эпоху Филаретъ имѣлъ возможность близко познакомиться съ духовнымъ настроеніемъ главныхъ дѣятелей и практически убѣдиться въ необходимости и цѣлесообразности ихъ начинаній.

Взгляды Филарета складывались въ атмосферѣ мистицизма. Въ результатѣ, если даже идейная „гіероглифическая“ сторона этого движенія и не могла осилить его всегдашняго рефлективнаго настроенія,—его „вѣры въ умѣ“, зато онъ успѣлъ оцѣнить теплоту и искренность этого рода религіозныхъ исканій. Филаретъ не страшился имени Штиллинга и Эккартсгаузена [311]), несравненно снисходительнѣе Серафима относился къ твореніямъ Гіонъ, оказывалъ матеріальную поддержку находившемуся въ ссылкѣ Лабзину [312]); до самой смерти кн. Голицына сохранилъ дружескія къ нему отношенія [313]), пытливо всматривался въ

области богословія, исторіи, философіи, юриспруденціи. Результатомъ замѣчаній строгаго и безпристрастнаго критика и цензора были: вновь полный тщательный пересмотръ и внимательное исправленіе или сокращеніе авторами своихъ трудовъ, порученіе ихъ для той же цѣли присутствующимъ въ Сунодѣ преосвященнымъ или подвѣдомственнымъ Филарету духовнымъ лицамъ, извѣстнымъ по своей учености и благонадежности, при чемъ препровождались къ нимъ и самыя замѣчанія Филарета; надлежащія постановленія и опредѣленія св. синода комитетамъ для цензуры духовныхъ книгъ объ усиленіи вниманія и осторожности при разсматриваніи сочиненій, приказы—пріостановить начатое печатаніе книгъ въ силу замѣченныхъ митрополитомъ въ нихъ недостатковъ, конфискація и полное уничтоженіе таковыхъ“ (стр. 782). Вѣра и Церковь 1907 г., кн. V, Святительная дѣятельность Филарета м. московскаго въ области печатнаго слова, М. И. Звѣздинскаго (стр. 772—795).

[310]) Письма къ А. Н. Муравьеву, стр. 218—9.

[311]) Чт. въ имп. общ. истор. и древн., 1877, II, «О Филаретѣ м. м. моя память» е. Никодима, стр. 60. Ж. мин. нар. просв., 1875, XI. Обзоръ мистической литературы, А. Галахова, стр. 169—71.

[312]) Р. Ст. 1905, X, Воспоминанія С. А. Лайкевичъ, стр. 195.

[313]) Письма... къ А. Н. Муравьеву, стр. 147.

указанный мистиками „послѣдній“ 1836 годъ [314]) и т. д. Болѣе другихъ онъ понималъ душевное настроеніе тѣхъ лицъ съ мистическими воззрѣніями, которыя являлись своего рода пережитками послѣ кризиса, и старался смягчить принятыя противъ нихъ мѣропріятія.

„Будьте милостивѣе къ Золотареву, писалъ онъ, напр., намѣстнику Антонію. Другой видѣцъ и событія сильно на него подѣйствовали; и принявъ слова: „скоро конецъ“—слишкомъ строго и буквально, онъ подвергъ себя насильственному труду принаровить весь апокалипсисъ къ вышеозначенному изреченію. Въ немъ есть доброе намѣреніе. Что касается до неудачнаго толкованія,—не онъ первый, не онъ послѣдній“ [315]).

„О запрещенныхъ книгахъ, писалъ Филаретъ тому же лицу, можете сказать полиціи посада. Но что будетъ: запретятъ продажу, или возьмутъ деньги за молчаніе о ней? Запретятъ „Краткій способъ молиться“, сочиненіе г. Гіонъ, но запретятъ ли книги развратныя и развращающія?—Надобно намъ по долгу и возможности убѣждать людей, чтобы черпали изъ обильныхъ чистыхъ источниковъ православія и святыни и не простирали почерпала въ кладенцы мутные или со вредомъ, или по крайней мѣрѣ безъ нужды и съ опасностью вреда“ [316]).

Однимъ словомъ, митрополитъ усвоилъ сложность мистическаго движенія и далеко не сочувствовалъ поверхностному къ нему отношенію. Такъ нѣсколько необдуманная фраза одного біографа о „ложномъ ученіи мистицизма“ вызвала уже въ 1852 году со стороны Филарета слѣдующую горячую отповѣдь: „Неужели сочинитель думаетъ, что въ академіи учили ложному ученію мистицизма? Или это онъ находитъ въ тогдашнемъ духовенствѣ внѣ академіи? И понимаетъ ли онъ дѣло? Были недоразумѣнія: но ихъ трудно было разобрать и видящему вблизи, а тѣмъ болѣе издали. Напримѣръ, случилось, что когда одинъ предлагалъ напечатать добротолюбіе и книгу Исаака Сирина, другой возразилъ, не скажутъ ли, что это мистическое направленіе?.. Не скажетъ ли сочинитель, что это все мистицизмъ? Не обвинитъ ли онъ въ мистицизмѣ и издателей новаго перевода писаній св. Макарія? Ибо историки мистической богословіи причисляютъ Макарія къ мистическимъ богословамъ“ [317]).

При такомъ вдумчивомъ отношеніи Филарета къ содержанію религіознаго движенія александровской эпохи неизгладимый,

---

[314]) Письма къ Антонію, ч. I, № 129, стр. 183. Кстати, какой сильный слѣдъ оставили въ Филаретѣ мистическія исканія, въ смыслѣ тяготѣнія ко всему таинственному, видно изъ многихъ примѣровъ помѣщенной въ Душеполезномъ чтеніи (1883 г., II, 1, стр. 3—33) статьи: „М-тъ Филаретъ въ его отношеніяхъ къ міру таинственныхъ явленій“.

[315]) Письма къ Антонію, ч. I (изд. 1877), стр. 97.

[316]) Тамъ-же, стр. 289, № 213 (1838 г.).

[317]) Письмо м. Филарета.. къ Алексію, стр. 104—5.

слѣдъ оставила въ немъ и практическая сторона этого движенія,—культъ слова Божія и горячее рвеніе къ его распространенію на понятномъ для каждаго языкѣ [318]). „Свѣтильникъ ногама моима законъ твой“ и „да не отъимется хлѣбъ чадомъ“,—вотъ основные принципы, вынесенные Филаретомъ изъ этой эпохи [319]).

Напротивъ, униженіе писанія, умаленіе его роли инстинктивно возбуждало въ Филаретѣ протесты. Такъ, напр., въ одинъ изъ первыхъ годовъ реакціи изъ подъ его пера вылился страстный монологъ: „А люди, не заботясь о томъ, что воздвигается гоненіе на слово Божіе и молитву, боятся, чтобы религія не пострадала отъ того, что Турчанинова (магнетизерка) лечитъ больныхъ глазами. Какъ густо идетъ дымъ изъ студенца бездны (Апок., 9, 2) и какъ высоко поднимается! Дымъ ѣстъ глаза; а они говорятъ: какъ ѣдокъ солнечный свѣтъ! Задыхаются отъ дыма, и съ трудомъ выговариваютъ: какъ вредна вода изъ источника жизни! Блаженъ, кто можетъ не только возводить очи свои въ горы, но и вовсе бѣжать туда, на чистый воздухъ, къ живой водѣ! Но прекратимъ рѣчи, за которыя и меня, можетъ быть, лишили бы Библіи, естьли бы на то власть была“ [320]).

Этой силой убѣжденія проникнуты и позднѣйшія письма и записки Филарета по данному вопросу,—даже той поры, когда онъ руководился правиломъ: „Что же дѣлать? Надобно уступить что нибудь и имъ: иначе все отнимутъ“ [321]). Такъ, по поводу совѣтовъ намѣстника Антонія быть осторожнымъ въ атмосферѣ политики 1842 года, Филаретъ пишетъ: „Много благодарю за писанное 11 дня сего мѣсяца. Дѣло не въ томъ, чтобы уклониться отъ непріятностей, а въ томъ, что въ запутанныхъ и темныхъ обстоятельствахъ полезнѣе и безопаснѣе отъ нарушенія долга. Подписанное полумертвою рукою представлено, какъ написанное живою и сильною и высочайше утверждено. Въ такомъ случаѣ

---

[318]) Въ этомъ отношеніи интересны выраженія письма А. Н. Голицына Филарету, тогда епископу ревельскому, отъ 7 сент. 1817 г.: «По извѣстному и многими опытами доказанному усердію вашего преосвященства къ дѣлу распространенія слова Божія, комитетъ россійскаго библейскаго общества во вчерашнемъ своемъ засѣданіи единогласно положилъ включить васъ въ число вице-президентовъ своихъ. Сіе новое званіе, конечно, не можетъ усугубить усердія вашего въ семъ благотворномъ и святомъ дѣлѣ, въ коемъ вы подвизаетесь, безъ всякаго сумлѣнія, изъ чистѣйшихъ побужденій—изъ глубокой увѣренности въ пользѣ и силѣ слова Божія и чистой любви къ Богу и ближнему; при всемъ томъ комитетъ проситъ васъ принять оное слабымъ изъявленіемъ благодарности своей вамъ за дѣятельное соучастіе ваше въ общихъ трудахъ по сему предмету». Секретн. дѣло канц. об-прокур. св. син., № 207.

[319]) Чт. въ общ. ист. и древн. росс., 1870, кн. I. Мнѣніе о разности между восточною и западною церковью, стр. 34. Письма м. Филарета къ роднымъ (М. 1882), стр. 171.

[320]) Приб. къ тв. св. от., 1872, XXV, 430—2.

[321]) Чт. въ имп. общ. ист. и древн. росс., 1877. II. «О Филаретѣ м. м. моя память», е. Никодима, стр. 49.

молчать, значитъ нѣкоторымъ образомъ не давать свидѣтельства истинѣ, а говорить значило бы дать ищущимъ вины—вину къ тяжкому обвиненію, которое бы поставило еще болѣе крѣпкія преграды противъ свидѣтельствованія о истинѣ. Въ такомъ положеніи дѣла, я радъ, что мои мысли, хотя похищенныя у меня, вошли въ акты съ моимъ именемъ, и слѣдственно, что по мѣрѣ моего разумѣнія представлялось истиннымъ, о томъ и свидѣтельствовано. Другіе сказали, или умолчали свое мнѣніе, или не имѣли благовременности сказать. Не мнѣ ихъ судить. Господь, самъ сый истина, да изведетъ истину свою, яко свѣтъ [322]).

По требованію обстоятельствъ Филаретъ готовъ былъ энергично защищать и другія пріобрѣтенія александровскаго времени, тѣсно связанныя съ его именемъ, особенно же духовно-учебный уставъ 1814 года (сильнѣе въ 1825 г., осторожнѣе въ началѣ сороковыхъ). Онъ же охранялъ отъ огульнаго обвиненія въ „раціонализмѣ“ составленныя тогда по иностраннымъ источникамъ учебныя руководства и авторитетно доказывалъ, что въ нихъ нѣтъ ереси, а существуютъ лишь неточности, какъ результатъ неустановившейся еще тогда терминологіи [323]). Во всѣхъ этихъ случаяхъ Филаретъ, если и являлся охранителемъ, то охранителемъ лучшихъ завѣтовъ александровской эпохи, когда и церковные дѣятели, въ виду широко поставленныхъ на очередь задачъ, должны были усвоить широкія точки зрѣнія.

Но, съ другой стороны, тотъ же м. Филаретъ въ разсматриваемый періодъ являлся охранителемъ status quo ante церковно-богословскаго сознанія и противникомъ его дальнѣйшихъ стремленій,—стремленій имъ самимъ недостаточно или вовсе неиспытанныхъ. И здѣсь уже его консерватизмъ служилъ узломъ многихъ драмъ авторовъ и причиной печальной судьбы многихъ сочиненій.

Смущеніе предъ всѣмъ новымъ, недовѣріе ко всякой „неправославной“, „несовмѣстимой съ достоинствомъ церкви“ мысли,—ко всякому выраженію, „которое незнающихъ искушаетъ желаніемъ познанія зла“ [324])—вотъ фонъ, на которомъ выступаютъ эти драмы. Недугъ этотъ вообще былъ широко распространенъ въ николаевское время, но въ Филаретѣ онъ разразился болѣе сильными проявленіями, не давалъ ему сна, можетъ быть именно потому, что складъ его душевныхъ силъ былъ упорнѣе и незауряднѣе. Съ этой стороны заслуживаетъ вниманія горячо написанный отрывокъ одного изъ писемъ А. Н. Муравьева къ м. Филарету. „Митрополитъ московскій и собственно вы—не простой епископъ; итакъ я не могу оставаться равнодушнымъ къ

[322]) Письма къ Антонію, ч. II, стр. 20—1, № 320.
[323]) Собр. мн. и отз., т. III, №№ 286, 288, 301.
[324]) Письма къ Алексію, стр. 60, 98.

вашему мнѣнію, ибо по вашему авторитету и всеобщему уваженію, какимъ вы лично пользуетесь, вы представляете собою всю церковь русскую.—Не подозрѣваю васъ въ страхѣ человѣческомъ и мірскихъ надеждахъ, не потому, что близко или далеко отъ гроба, не потому, что вы епископъ и, слѣдственно, выше житейскаго; но мнѣ представляется иногда, что 30-лѣтнее трудное поприще минувшаго царства сдѣлало васъ слишкомъ осторожнымъ"... [325]).

Даже самъ Филаретъ не отрицалъ въ себѣ этой черты, какъ это можно видѣть, напр., изъ слѣдующаго—полусерьезнаго, полушутливаго — но справедливаго отвѣта его епископу Алексію: „Заставляете меня судить о рѣчахъ. Замѣчалъ я, что нѣкоторые старые люди образъ воззрѣнія на людей и дѣла, пріобрѣтенный въ молодости, удерживаютъ въ старости, тогда какъ около нихъ многое измѣнилось; а потому сужденія ихъ признаются болѣе способными поступить въ архивъ нежели въ дѣло. Можетъ быть, и я принадлежу къ такимъ людямъ. Однако, какъ всегда говорилъ вамъ свободно, такъ и теперь [326]).

Весьма характерной чертой въ традиціонномъ „образѣ воззрѣнія" Филарета, была непреклонная мысль о строгой неподвижности догмы церкви и ея установленій [327]), вслѣдствіе чего все, не подходившее подъ эту точку зрѣнія, смущало, а нерѣдко и возмущало его духъ [328]).

Поскольку такая философско-историческая точка зрѣнія, являлась однимъ изъ цензурныхъ критеріевъ м. Филарета, она обнаруживалась въ соотвѣтствующихъ замѣчаніяхъ. Подъ ея вліяніемъ Филаретъ, напримѣръ, счелъ „долгомъ присяги" обратить въ 1828 г. вниманіе синода на „соблазнительные" недосмотры Христіанскаго чтенія. Отмѣтивъ, между другими, фразу: —...„Почему онъ (Григорій Богословъ) и въ семъ отношеніи сдѣлался

---

[325]) Письма духовныхъ и свѣтскихъ лицъ къ м. м. Филарету (Спб. 1900), стр. 283; письмо отъ 22 марта 1857 г.

[326]) Письма къ Алексію, стр. 252 (въ 1863 г.).

[327]) Свой взглядъ на идею „развитія церкви" онъ весьма наглядно изложилъ по поводу сочиненій Пальмера. „Послѣ 1800 лѣтъ существованія христіанской церкви, писалъ м-тъ Алексію, даютъ для ея существованія новый законъ—законъ развитія... Дѣло Божественное хотятъ подчинить закону развитія, взятому отъ дерева и травы! И есть ли хотятъ приложить къ христіанству законъ развитія: какъ не вспомнятъ, что развитіе имѣетъ предѣлъ? Изъ земли выходитъ былинка, потомъ она становится деревомъ, растетъ, даетъ цвѣтъ—плодъ: развитіе кончилось; слѣдуетъ постоянная жизнь плодоношенія, потомъ старость и разрушеніе. Сѣмя вѣры посѣяно въ началѣ міра, росло вѣки, процвѣло и принесло плоды въ открытіи христіанской церкви; за симъ и по закону развитія должна слѣдовать постоянная жизнь плодоношенія; и есть ли не сохранимъ живого древа, иныя вѣтви отломятся, увянутъ, засохнутъ, или полуотломленныя будутъ зеленѣть полужизненно, доколѣ живое древо превратится въ древо очевидно райское, а вялое, сухое, умершее посѣчется и во огнь вметнется. Письма... къ Алексію, стр. 100.

[328]) Богословскій В., 1900 г., XI., „А. В. Горскій", С. И. Смирнова, стр. 404—5.

главнымъ основателемъ церковнаго правовѣрія", Филаретъ строитъ силлогизмъ: „Надобно обратить вниманіе на выраженіе „и въ семъ отношеніи": оно предполагаетъ, что то же справедливо и въ другомъ или другихъ отношеніяхъ. Итакъ главнымъ основателемъ церковнаго правовѣрія, болѣе нежели въ одномъ отношеніи, сдѣлался одинъ человѣкъ—въ IV столѣтіи существованія церкви, и, слѣдовательно, церковь триста лѣтъ существовала безъ церковнаго правовѣрія въ нѣсколькихъ отношеніяхъ! Это сказано совсѣмъ не на основаніи церковнаго правовѣрія: „основанія инаго никто же можетъ положити паче лежащаго".. [329]).

На аналогичныхъ посылкахъ основана значительная часть неблагопріятныхъ для авторовъ выводовъ Филарета. Исходя изъ предвзятыхъ общихъ идей, его критическій умъ позволилъ себѣ даже повѣрить въ „безуміе" Чаадаева [330]); назвать „безтолковыми" нѣкоторыя выраженія религіозныхъ исканій Ѳ. Бухарева; видѣть главнымъ образомъ „шатаніе языковъ" и „поученіе тщетнымъ" въ движеніи шестидесятыхъ годовъ [331]) и т. д.

Послѣ этихъ краткихъ замѣчаній о направленіи охранительной дѣятельности м. Филарета необходимо охарактеризовать субъективную и объективную сторону этой дѣятельности,—выяснить, насколько самъ Филаретъ вѣрилъ и готовъ былъ подчиняться игу закона цензуры и въ какой мѣрѣ и формахъ проявлялось его цензурное вліяніе на авторовъ.

Что „помышленія человѣческія погрѣшительны"; что „спасеніе,—особенно въ трудныя минуты,— во мнозѣ совѣтѣ" [332], и что отсюда для каждаго возникаетъ нужда и обязанность отдавать свои сужденія на судъ другихъ,—это являлось для Филарета аксіомой. Самъ онъ много разъ подавалъ и затѣмъ указывалъ на примѣры, подтверждавшіе его готовность сообразоваться съ такимъ „уставомъ природы". „Можно подивиться, писалъ онъ въ московскую академію, премудрости нынѣшнихъ людей. Прослуживъ тридцать лѣтъ въ архіерейскомъ званіи, я чувствую въ нѣкоторыхъ случаяхъ нужду совѣтоваться съ протоіереями, учениками моихъ учениковъ, а они не находятъ подобнаго нужнымъ" [333]). „Смиримъ свой помыслъ, уменьшимъ довѣріе къ себѣ; испытаемъ свое дѣло прежде, нежели оно пойдетъ въ народъ. Совѣтую сіе вамъ, какъ себѣ, и себѣ какъ вамъ. Очень радъ буду, есть-ли будете отвѣчать мнѣ столь же откровеннымъ совѣтомъ, а не гнѣвомъ". Такъ совѣтовалъ митрополитъ епископу Гавріилу [334]). Свои собственные труды, Фила-

[329]) А. С. С., 1828, 1508.
[330]) Письма къ Антонію, ч. I, стр. 209.
[331]) Тамъ же, ч. IV, стр. 387 (1863 г.).
[332]) Письма къ Антонію, ч. II, стр. 11 (отъ 12 марта 1842 г.).
[333]) Письма къ Алексію, стр. 17, 26.
[334]) Письма къ высоч. особамъ и др. лицамъ (изд. 1888 г.), ч. I, стр. 68 (отъ 1833 г.).

ретъ отдавалъ въ цензуру и проявлялъ заботу о безпристрастной ихъ оцѣнкѣ. „Благодарю, отецъ ректоръ, васъ и соцензоровъ вашихъ за неукоснѣнный трудъ, паки благодарю за сдѣланныя замѣчанія, изъ которыхъ ни противъ одного не прекословлю и которыми я воспользовался, или исправляя сомнительное, или опуская. Только надъ цѣлыми проповѣдями не довольно вы оказали правосудія, какъ я просилъ. Уже нѣсколько изъ одобренныхъ вами я не одобрилъ, особенно изъ первой книги [335]). Нерѣдко онъ искалъ даже многократной цензуры: „Для посылаемой тетради, пишетъ онъ къ архимандриту Антонію, желаю во-первыхъ вашей, отецъ намѣстникъ, цензуры. Думаете ли, что сказанное годится и читать, особенно духовенству? Если ваша цензура разсудитъ остановить всю тетрадь, или сдѣлаетъ замѣчанія: возвратите оную ко мнѣ. А если пропуститъ ваша цензура: то предложите цензурѣ академической, и пусть она изречетъ свой судъ“ [336]). Желая перемѣнить въ одобренной цензурой рукописи одно мѣсто, онъ не рѣшается, однако, сдѣлать это „безъ вѣдома цензуры“. „Покажите, пишетъ онъ Антонію, цензорамъ и возьмите ихъ рѣшеніе“ [337]). Или еще: „Посылаю вамъ статью, относящуюся до раскола. Ее читали въ синодѣ и члены по домамъ, и не изъявили сомнѣнія. Но мнѣ все еще думается, такъ ли, какъ надобно, поймутъ тѣ, для которыхъ она кажется надобною. Прочитайте, и если вамъ представится возраженіе, напишите съ возвращеніемъ ея“ [338]).

Въ свою очередь Филарету весьма нравилось, если лица, довѣрявшія его опытности и критической способности, какъ бы по собственной инціативѣ, еще въ рукописи, присылали для отзыва свои литературные опыты. „За довѣренность благодарю“, писалъ онъ въ подобныхъ случаяхъ [339]). Съ теченіемъ времени такихъ обращеній,— искреннихъ и не искреннихъ, — къ его неоффиціальной цензурѣ становилось все больше и больше, и они уже не мало тяготили митрополита. „Мнѣ надобно было какъ-нибудь выбиться изъ подъ груды, которую, не знаю за какую вину, взвалилъ на меня отецъ архимандритъ“, — жаловался онъ ректору академіи [340]).

Вообще же, хотя и съ продолжительными задержками, митрополитъ считалъ себя обязаннымъ дать подробную или

---

335) Тамъ же, письма къ архим. Филоѳею, стр. 143 (отъ 1844 г.).

336) Письма м. м. Филарета къ намѣстнику Антонію, 1831—1867, ч. III, (1850—1856). М. 1883, стр 268 (отъ 16 февр. 1854 г.).

337) Тамъ же, ч. II, стр. 40, отъ 6 окт. 1842 г.

338) Тамъ же, ч. III, стр. 318 (3 февр. 1855 г.). Разумѣется „изъясненіе о клятвахъ собора 1667 г.“

339) Письма м. м. Филарета къ Гавріилу арх. рязан., (М. 1868), 20 стр.

340) Письма м. м. Филарета къ Алексію, стр. 69 (1850 г.); къ Антонію, стр. 99.

краткую мотивированную оцѣнку всего, что предлагалось его вниманію.

О характерѣ замѣчаній и отзывовъ данной категоріи можно судить, напр., по слѣдующему отрывку изъ письма Филарета къ Григорію (Постникову): „Если велите говорить о поученіи, то приготовьтесь быть терпѣливымъ судіей моихъ мнѣній... „По крайней мѣрѣ, говорится въ проповѣди, скрывайте свое неуваженіе къ вѣрѣ“... Что еслибы слушатели и подлинно приняли сіе наставленіе? Доволенъ ли былъ бы проповѣдникъ? Итакъ, должно ли сіе наставленіе выдать за „совѣтъ благоразумія“ и оставить безъ дальнѣйшаго замѣчанія? Въ другой добрый часъ не случилось ли бы сказать, что лицемѣрное уваженіе къ вѣрѣ человѣка, почитающаго ее ничтожною, опаснѣе открытаго наглаго невѣрія, какъ змѣя въ цвѣтахъ. При всей увѣренности, что поученіе произошло отъ чистаго намѣренія и пастырской ревности, и что оно для безпристрастно слушающаго назидательно и полезно, я не рѣшаюсь показать его теперь кому-нибудь, чтобы безъ нужды не возбудить сужденій (... до вашего отзыва). Меня же сдѣлайте милость простите, что, не умѣя исправить моихъ собственныхъ недостатковъ и погрѣшностей и забывъ бревно въ моемъ окѣ, грубою рукою ощупываю пылинку въ окѣ ближняго, которой, можетъ быть, и не найдетъ лучше меня видящій“ [341]).

Или: „Если мои мысли не пріобрѣтутъ вашего одобренія, такъ заканчиваетъ Филаретъ свой отзывъ объ одномъ изъ трудовъ архіеп. Иннокентія, и вы будете винить меня за нихъ; то часть сей вины моей примите на себя, потому что вы ихъ у меня вызвали, часть облегчите, положивъ на вѣса мою искренность, а за остальную часть вины накажите меня подобною искренностью, и я останусь благодаренъ“ [342]).

Съ такою же предупредительностью старался м. Филаретъ исправлять „недостатки и погрѣшности“ и нѣкоторыхъ другихъ своихъ корреспондентовъ [343]). И нельзя, конечно, отрицать, что эта взаимная повѣрка взглядовъ имѣла свое относительное значеніе въ смыслѣ воспитанія навыка слѣдить за ходомъ мысли. Но это значеніе она имѣла лишь при томъ условіи, если являлась подлинно добровольною провѣркою и до тѣхъ поръ, пока близкій характеръ отношеній могъ растворять въ себѣ ту „жесткость“ цензорскихъ отзывовъ, „суровость обличенія“ которой не отрицалъ и самъ митрополитъ.

Въ подлинно же близкія отношенія къ м. Филарету прежде всего удавалось стать не многимъ. „Рѣзко выдающеюся чертою

---

[341]) Чт. общ. люб. дух. пр., 1877, XI, стр. 126. (Отъ 2 дек. 1841 г.).

[342]) Собраніе мн. и отзыв., т. III, № 314 стр. 263—4, 1848 года.

[343]) Ср. напр. Письма м. м. Филарета къ А. Н. М (уравьеву). Кіевъ 1869, стр. 36, 95. Письма къ архм. Антонію, ч. III, стр. 144—5, (28 апр. 1852).

въ характерѣ м. Филарета, говоритъ проф. П. С. Казанскій, было то, что его отношенія къ извѣстнымъ ему лицамъ опредѣлялись главнымъ образомъ первымъ впечатлѣніемъ. Кто понравился ему съ перваго раза, тотъ почти навсегда пользовался его расположеніемъ. Напротивъ, человѣкъ, произведшій на него съ перваго раза непріятное впечатлѣніе, рѣдко успѣвалъ впослѣдствіи снискать его расположеніе. Хотя впослѣдствіи и становились ему виднѣе достоинства этого человѣка, и онъ отдавалъ ему должное, но сердечнаго расположенія со стороны Филарета такому человѣку трудно было достигнуть. Онъ не любилъ вообще характеры пылкіе, увлекающіеся, но любилъ ровные, спокойные или, по крайней мѣрѣ, передъ нимъ умѣвшіе скрывать свою пылкость". Въ результатѣ, даже пользовавшійся полнымъ расположеніемъ и довѣріемъ митрополита его духовникъ и намѣстникъ Антоній признавался въ 1856 г: „Двадцать пять лѣтъ служу при митрополитѣ, и каждый шагъ разсчитываю; а съ нимъ иначе нельзя для его спокойствія и для успѣха дѣла".

„Отсюда, продолжаетъ проф. Казанскій, становится понятнымъ и то, почему читая переписку м. Филарета съ о. Антоніемъ, замѣчаемъ, что о. Антоній не былъ всегда искрененъ въ сношеніяхъ съ митрополитомъ, болѣе искреннимъ являющимся въ письмахъ. На м. Филарета болѣзненно дѣйствовало извѣстіе о всякомъ безпорядкѣ, и онъ охотнѣе не вѣрилъ худымъ вѣстямъ, нежели вѣрилъ. Это хорошо знали люди близкіе къ нему. „Vult falli, сказалъ нѣкто объ немъ, ergo fallitur"... Только въ послѣдніе 15 лѣтъ м. Филаретъ подавилъ горячность своей натуры и съ полнымъ снисхожденіемъ, не теряя душевнаго мира, принималъ вѣсти о безпорядкахъ и непріятностяхъ"... [344])

При такомъ положеніи дѣла даже тѣ лица, которыхъ самъ Филаретъ призывалъ къ учено-литературной работѣ, останавливались въ недоумѣніи: „да какъ и писать? что ни будетъ написано со стараніемъ раскрыть новую сторону въ предметѣ, — все это покажется ересью. Вотъ напримѣръ ересь: мысль о развитіи догматовъ..." [345]). Равнымъ образомъ лица, всей своей дѣятельностью доказавшіе православный образъ своего мышленія, какъ напр. философъ прот. Ѳ. Голубинскій, не были застрахованы отъ публичныхъ, часто остроумныхъ, но далеко не всегда объективныхъ, „испытаній" со стороны митрополита. И они тогда не осмѣливались возражать, подавляемые положеніемъ противника [346]).

---

[344]) Прав. Обозр., 1878, мартъ. Очеркъ жизни архм. Антонія, намѣстника св.-троицкой сергіевой лавры. П. С. Казанскаго, стр. 394—5, 401.

[345]) Дневникъ А. В. Горскаго, (м. 1885), стр. 43—4; 50—3.

[346]) Хроника моей жизни. Автобіографическія записки... Саввы; т. I, стр. 369.

Отсюда даже въ выраженіяхъ нелицемѣрнаго преклоненія передъ умомъ и критическою способностью Филарета слышится тотъ же оттѣнокъ подав-

Въ этомъ-то „положеніи“ м. Филарета и въ вытекавшемъ отсюда неравенствѣ автора и критика заключалась одна изъ главныхъ причинъ того тягостнаго состоянія, которое производили рецензіи Филарета, а тѣмъ болѣе его приговоры ex cathedra, т. е. отзывы какъ синодальнаго члена. „Легко было преосвященному Филарету, пользующемуся такимъ авторитетомъ, жаловался Пратасову авторъ книги „Христіанскія древности“, одною общею чертою уничтожить первый томъ моей книги, сказавъ вообще, что „въ ней есть изреченія, неправильно переведенныя съ латинскаго, такъ что они представляютъ смыслъ сбивчивый, ложный, а иногда почти никакого; выраженія неприличныя для читателей всякаго званія, для которыхъ назначаетъ книгу предисловіе, недоказанныя, благопріятствующія то латинству, то протестантству, а св. писанію и истинному преданію противорѣчущія. Но все это слѣдовало ясно, подробно и основательно доказать“ [347]).

ленности. Вотъ какъ пишетъ Филарету превосходившій другихъ своего самостоятельностью епископъ Григорій:

...„Срѣзало меня послѣднее письмо ваше. Неужели вы поняли письмо мое такъ, что я хочу учить васъ? Я писалъ вамъ только слышанное. Не вы ли учитель мой? Не отъ васъ ли я занялъ все, что имѣю? Знаю, что вы будете перетолковывать мои всегда, теперь, все; но я по совѣсти говорю, что отъ васъ я получилъ внимательность, отъ васъ получилъ расположеніе къ порядочному мышленію. Къ чему бы послужило безъ сего многое чтеніе? Я и прежде много читалъ, и не умѣлъ ничего порядочнаго написать. Вы пишете: у васъ мало сочиненій и вы мало еще упражнялись; а у меня и совсѣмъ нѣтъ сочиненій. Есть рукописи, но онѣ наполнены глупостями. Вы сами давали о нихъ мнѣнія, вы сами весьма многое въ нихъ исправляли весьма справедливо, то, чего точно, можетъ быть, и по пяти и по десяти пересмотрахъ мнѣ не замѣтить бы. Я по чистой совѣсти писалъ вамъ прежде, что я глупъ. Это истинная правда!»... Письма духовныхъ и свѣтскихъ лицъ къ м. м. Филарету, стр. 60—61; письмо отъ 17 апр. 1824 г.

Затѣмъ, если вспомнить, что тѣ же лица—Голубинскій, Евлампій, Делицынъ, Сергій и др., которые почти ежегодно подвергались испытаніямъ Филарета, являлись и цензорами его произведеній,—становится понятнымъ, почему автору приходилось взывать къ ихъ «правосудію» и «безпристрастію»...

Въ результатѣ, далеко не для всѣхъ корреспондентовъ, которыхъ Филаретъ убѣждалъ „смирять свой помыслъ“, являлись доказательными его ссылки на собственный примѣръ подчиненія общей цензурѣ. Любопытенъ отрывокъ изъ письма м-та къ епископу Гавріилу: „За довѣренность касательно вашего покаяннаго слова благодарю. Я очень радъ одобрить его: но это было бы неоффиціально; а и малое недарованное восхищать не должно. По тому я предложилъ слово ваше цензурному комитету, и, по одобреніи, отдамъ для напечатанія.—Вы скажете, что я печатаю же свои проповѣди безъ цензуры. Отвѣтствую: и это дерзость, но меньшая. Употребилъ я ее для скорости: ибо двѣ изъ четырехъ проповѣдей, въ сіе время напечатанныхъ, мнѣ вздумалось предложить священникамъ для прочтенія въ церквахъ (что и сдѣлано) и потому надлежало не пропустить времени. Для васъ подобной скорости, или поспѣшить (ности? А. К.), по мѣстному разстоянію быть не можетъ: и потому нѣтъ подобнаго основанія выйти изъ обыкновеннаго порядка“. Письма м. м. и колом. Филарета къ Гавріилу, арх. ряз. (Изд. общ. ист. и древн. росс. М. 1868), стр. 20, отъ 22 окт. 1830 г.

[347]) К. О. П. С. С., 1846, 37412.

Въ тѣхъ отзывахъ Филарета, которые писалъ онъ уже не съ одною только моральною силою, но и со властью положенія, послѣднее обстоятельство оказывало свое неблагопріятное вліяніе на качества аргументаціи. Участіе въ высшемъ охраненіи вѣры давало возможность пользоваться самыми „строгими“ критеріями, такъ что изъ всѣхъ разборовъ книгъ митрополитомъ выдѣляются „жесткостью обличенія“ составленные для синода или по порученію синода. „Если я былъ строгъ много, однажды объяснялся онъ, то потому, что указъ св. синода былъ строгъ очень много, и я боялся далеко отступать отъ него“ [318]).

Неблагопріятныя послѣдствія пользованія высшими цензорскими правами еще усиливала та черта, которую справедливо отмѣтилъ одинъ изъ біографовъ Филарета. „Будучи самъ авторитетомъ для членовъ синода въ отдѣльности, какъ лицъ, Филаретъ былъ всегда рабомъ этихъ же лицъ, какъ составляющихъ корпорацію, учрежденіе. Сильный для того, чтобы оспорить каждое лицо въ частности, какъ лицо частное, онъ не рѣшался возвышать голосъ противъ этого же лица, если оно имѣло значеніе высокое для церкви, числясь въ высшемъ правительственномъ учрежденіи... и оказывалъ всегда послушаніе“ [319]). Это „послушаніе“ способно было въ иныхъ случаяхъ подавлять въ м. Филаретѣ чувство личной отвѣтственности за всякое „праздное слово“ его примѣчаній и возраженій. Сверхъ того, добровольное подчиненіе Филарета корпораціи,—высшему правительственному учрежденію,—давало возможность членамъ послѣдняго эксплоатировать способность его къ критическимъ изысканіямъ въ своихъ видахъ. Достаточно сказать, что повинуясь этому указанію свыше Филаретъ писалъ свой разборъ учебниковъ Павскаго. „Вотъ важный случай, который промыслъ Божій представляетъ вамъ употребить отличныя дарованія и свѣдѣнія на пользу святыя церкви и отечества“,—такимъ предисловіемъ вызывалъ Филарета первенствующій членъ синода на разборъ „неологизмовъ“ Павскаго. И принявъ на себя это послушаніе, присоединивъ, затѣмъ, личное свое нерасположеніе къ Павскому, Филаретъ выполнилъ порученіе съ такимъ успѣхомъ, что м. Серафиму оставалось выразить полное свое „удовольствіе“. „Сія записка ваша такъ мнѣ понравилась, что, по моему мнѣнію, ничего къ ней прибавить и ничего изъ нея убавить не слѣдуетъ. Ибо все въ ней, при содѣйствующей вамъ благодати Божіей, сказано вами, что въ защиту истинъ сказать должно было; сказано кратко (ибо и сіе по обстоятельствамъ нужно), и притомъ сказано весьма ясно и ос-

---

348) Чт. въ общ. люб. дух. просвѣщ., 1877, декабрь, стр. 174.

349) Сборникъ, изд. общ. люб. дух. просвѣщенія по случаю празднованія столѣтняго юбилея со дня рожденія (1782—1882) Филарета, м. м. (М. 1883), т. II. А. Смирнова: „М. Филаретъ, какъ авторъ начертанія Церковно-Библейской исторіи“, стр. 156—7.

новательно такъ, что сочинитель книжки, при всѣхъ возможныхъ изворотахъ своихъ, не можетъ защитить себя отъ наносимыхъ ему вами жестокихъ ударовъ. Ибо вы предусмотрѣли и самые его извороты, какъ то мракъ, коимъ прикрываетъ онъ истину, чтобы она не могла быть ясно усмотрѣна, и злонамѣренное его молчаніе о самыхъ важныхъ предметахъ, о коихъ отнюдь не должно было умалчивать"... [350]).

Оффиціальнымъ тономъ, какъ должнаго, требовалъ отзывовъ Филарета и Пратасовъ, не стѣсняясь въ своихъ запросахъ предопредѣлять характеръ отвѣтовъ. „Не изволите ли признавать нужнымъ, писалъ онъ по поводу пятаго тома Исторіи русской церкви Филарета Гумилевскаго, особенно при настоящихъ обстоятельствахъ, чтобы сочиненіе сіе на случай новаго изданія было въ чемъ-либо исправлено" [351]).

Изъ объемистыхъ отзывовъ Филарета синодальной власти очень удобно было дѣлать нужные выводы, пока это было въ соотвѣтствіи съ „настоящими обстоятельствами".

Но, когда „прошло тридцатилѣтнее трудное поприще царства" имп. Николая, и вошли въ силу новыя теченія, та же власть не выражала особенной готовности сообразоваться съ представленіями Филарета. Его письма за послѣдніе годы жизни пестрятъ сентенціями вродѣ слѣдующихъ: „До страннаго времени велѣлъ Господь дожить моему недостоинству. Странныя сужденія учащаются въ мірѣ: но, къ удивленію и скорби,—также и въ нашей братіи" [352]). „Статья изъ газеты дурна кощунственна; но одна ли? Печатаютъ и худшее. И трудно, нѣтъ средствъ противодѣйствовать. О легендахъ Аѳанасьева, полныхъ кощунства и безнравственности, я писалъ въ св. синодъ; сообщили министру; онъ отвѣчалъ, что пропустившій сію книгу цензоръ уже отставленъ, а послѣ археологическое общество присудило за сію книгу Аѳанасьеву награду" [353]). „Писалъ я о безнравственныхъ зрѣлищахъ, безвѣрной и безнравственной литературѣ, и въ заключеніе сказалъ: „объ охранительномъ дѣйствованіи законодательными и административными мѣрами уповательно св. синодъ прострѣтъ предстательствующій и умоляющій гласъ къ державному защитнику церкви". Но писать сіе побудила меня обязанность, а не надежда успѣха" [354]). Наконецъ, за нѣсколько дней до своей кончины, онъ пишетъ: „Выраженіе „священный обрядъ", вмѣсто наименованія таинства, не могли не замѣтить многіе внимательные къ православному ученію и, конечно, со скорбью; но слово

---

[350]) Письма духовныхъ и свѣтскихъ лицъ къ м. м. Филарету, стр. 71—74, отъ 30 мая, 9 и 27 іюля 1834 г.

[351]) К. О. П. С. С., 1848, 41077. Ср. Прав. обозр., 1889, янв., стр. 103—121

[352]) Письма къ намѣстнику... Антонію, ч. IV, стр. 290 (12 апр. 1861 г.).

[353]) Тамъ-же, стр. 332 (31 янв. 1862).

[354]) Тамъ же, стр. 423 (26 марта 1864 г.).

пролетѣло и не возвратить его. Думаю написать о семъ въ Петербургъ: но примутъ съ неудовольствіемъ, и едва ли со вниманіемъ для будущихъ случаевъ. Возвращающіеся изъ Петербурга говорятъ, что многое тамъ дѣлается не съ такою стройностью, какъ прежде“ [355]).

Но, съ другой стороны, слѣдуетъ признать, что именно это отсутствіе „прежней стройности“ и шаблоннаго теченія цензурныхъ дѣлъ „по донесеніямъ преосвященнаго митрополита московскаго“ оказало сильное воздѣйствіе на самого Филарета. Вообще, „въ царствованіе Александра Николаевича митрополитъ словно ожилъ, сталъ менѣе стеречься властей“ [356]). Въ частности же самостоятельное теченіе событій, неоправдавшіяся опасенія за грядущее, напр., за послѣдствія освобожденія отъ крѣпостной зависимости, относительная свобода слова, въ виду которой прежнія „умствованія“ Бухарева, Н. Гилярова-Платонова и другихъ свободомыслящихъ утратили свой исключительный характеръ,— все это заставило и Филарета произвести нѣкоторую переоцѣнку цѣнностей. По крайней мѣрѣ, трудно поставить хотя бы одинъ цензорскій отзывъ м. Филарета изъ предыдущей эпохи рядомъ съ его письмомъ къ гр. А. П. Толстому въ защиту журнала „Православное обозрѣніе“. Можно ограничиться существенною частью этой апологіи.

„Въ отношеніи вашего сіятельства приводится слышимое въ обществѣ обвиненіе, что „Православному обозрѣнію“ не чуждъ недостатокъ, общій, къ сожалѣнію, и другимъ духовнымъ изданіямъ,—излишняя уступчивость и какъ бы угодливая списходительность въ отношеніи къ философскимъ воззрѣніямъ и требованіямъ міра —Для всякаго обвиненія нужны доказательства, чтобы можно было судить, въ какой степени оно справедливо или несправедливо. Здѣсь ихъ нѣтъ. Слѣдственно и разсуждать о семъ обвиненіи неудобно... Посему тѣмъ, которые представляютъ вашему сіятельству подобныя обвиненія, не излишнее было бы посовѣтовать, чтобы они въ семъ случаѣ не превращали частное въ общее и не обвиняли невинныхъ вмѣстѣ съ виновными, если есть таковые“ [357]).

Отзывы Филарета, относящіеся къ предыдущей эпохѣ, въ своей значительной части, повинны именно въ этомъ смѣшеніи общаго и частнаго, виновныхъ съ невинными. Зато такъ же смѣшивали общее съ частнымъ и современники Филарета, когда они произносили свои сужденія о его цензорской роли.

Въ настоящее время, послѣ—до-сихъ поръ еще не закончен-

---

[355]) Тамъ же.
[356]) Р. Арх., 1906, X, стр. 214, примѣчаніе П. Б(артенева).
[357]) Собр. мн. и отзыв., т. V, ч. I, стр. 35—6 (24 марта 1861). Письмо м. Филарета къ об.-прок. гр. А. П. Толстому съ мнѣніемъ о книгѣ арх. Θеодора, о Православномъ Обозрѣніи и о духовной цензурѣ.

наго—изданія обширнѣйшей переписки Филарета, собранія его мнѣній и отзывовъ, систематизаціи резолюцій, напечатанія воспоминаній его и о немъ, его дѣйствія въ значительной мѣрѣ освѣщены психологическими данными, его поступки болѣе или менѣе объединены прагматизмомъ. Но всего этого не было въ ту эпоху, когда онъ дѣйствовалъ, въ частности опекалъ церковное сознаніе. Тогдашніе отзывы о печальныхъ эпизодахъ изъ области духовно-цензурнаго надзора, сколько-нибудь связанныхъ съ именемъ московскаго митрополита, проникнуты полнымъ пессимизмомъ. „Спроси Филарета", „обвиняютъ Филарета", „отсылаютъ къ Филарету„ [358]),—вотъ краткія формулы, которыя для современниковъ не нуждались въ дальнѣйшихъ поясненіяхъ и были полны негодованія, опасеній, досады...

Теперь, на разстояніи, можно различать въ этихъ безапелляціонныхъ приговорахъ долю легенды, отыскивать иныхъ дѣятелей, объяснять „движеніе посредствомъ пружинъ постороннихъ", на что съ горечью жаловался Антонію самъ Филаретъ [359]). Но, при всемъ томъ, нѣтъ возможности самые разительные цензурные инциденты, связанные съ именемъ Филарета, разложить на разнаго рода факторы такъ, чтобы на его долю осталась по крайней мѣрѣ роль „безпристрастнаго критика и цензора" [360]) и лишались почвы жалобы на него современниковъ. Кромѣ того, даже то, что при этомъ анализѣ оказывается относящимся къ категоріи ихъ личныхъ впечатлѣній, отъ одного этого еще не становится quantité négligeable. Изъ субъективныхъ впечатлѣній слѣдовалъ вполнѣ реальный выводъ: „какъ писать?—все ересь"...

„Остриги виноградное дерево, будетъ болѣе плода"—въ такихъ словахъ митр. Филаретъ счелъ однажды нужнымъ выразить цѣль своей охранительной дѣятельности [361]). Очевидно, этимъ девизомъ онъ желалъ подчеркнуть ея связь съ „уставами природы". На дѣлѣ, однако, и этотъ девизъ представляетъ скорѣе лишь частное выраженіе современнаго правительственнаго взгляда на литературу, какъ на терпимую только смоковницу, нуждающуюся въ усиленной опекѣ, на основаніи особыхъ предначертаній.

Если искать образныхъ выраженій, то ту мораль и вмѣстѣ философію цензуры, которая вытекаетъ изъ обозрѣнія полувѣковой работы м. Филарета на полѣ духовно-цензурнаго надзора, гораздо умѣстнѣе оттѣнить другимъ евангельскимъ сравненіемъ,—именно запрещеніемъ даже благонамѣреннымъ рабамъ прежде-

---

[358]) Барсуковъ. Жизнь и труды Погодина, кн. VI, 88—99; Никитенко, Записки и дневникъ, т. I, стр. 323.

[359]) Письма, ч. I, стр. 154—5. (1835 г.).

[360]) Выраженіе изъ цитированнаго отрывка ст. М. Звѣздинскаго.

[361]) Письма къ Алексію, стр. 106 (отъ 24 ноября 1852 г.).

временно выбирать плевелы, чтобы не уничтожить вмѣстѣ съ ними и пшеницы. И замѣчательно, что именно этотъ образъ былъ указанъ Филарету его противниками при первомъ выступленіи его на путь охраны чистоты церковной мысли.

Когда Филаретъ, съ молодымъ задоромъ и передержками, написалъ, по волѣ м. петербургскаго Амвросія, свои замѣчанія на переводъ „Эстетическихъ разсужденій" Ансильона, ему отвѣчалъ руководившій переводомъ архіепископъ Ѳеофилактъ. И вотъ послѣднія слова его апологіи: „Г. критикъ, оканчивая разборъ, сказалъ, что выписаны имъ только тѣ мѣста, которыхъ несогласіе съ вѣрою, нравственностью и гражданственностью безъ затрудненія усматривается, и что остается еще на семъ полѣ богатая жатва лжи и заблужденія.

„Отдается на судъ всякаго безпристрастнаго читателя: не одни ли призраки онъ видѣлъ? Или не имѣлъ ли скрытнаго желанія подавить пшеницу своими плевелами?" [362]).

Въ этомъ своевременномъ напоминаніи о грѣхѣ насилія надъ мыслью заключалось пророческое предостереженіе. Но его смыслъ и значеніе,—да и то скорѣе по отношенію къ другимъ, чѣмъ къ себѣ,—м. Филаретъ сталъ сознавать лишь въ концѣ своей долголѣтней охранительной дѣятельности.

Оффиціально ликвидировать мистическое движеніе съ оставленнымъ имъ разнаго рода наслѣдствомъ выпало на долю м. Серафима. Отъ юности своей питалъ онъ нерасположеніе къ этому „новомодному образу мыслей", и даже близость къ „дружескому обществу" Шварца—Новикова не поколебала его. Предубѣжденіе это такъ и осталось инстинктивнымъ: понять положительныя стороны этого согрѣвающаго теченія онъ не старался. Вообще взгляды на направленіе церковной жизни складывались у Серафима „отъ противнаго",—отъ тѣхъ „пагубныхъ и зловредныхъ" фактовъ, которые вездѣ прежде всего воспринимало его наблюденіе.

Критическая способность у м. Серафима была не весьма развита. При оцѣнкѣ чужихъ мнѣній онъ весьма скоро переходилъ въ тонъ раздраженія и личныхъ нападокъ. Правда, отзывовъ, принадлежащихъ собственно его перу, осталось немного. Но достаточно, напр., прочесть составленную имъ по указу имп. Александра I рецензію на мистическое сочиненіе Гіонъ: „О послѣдованіи младенчеству І. Христа",—и черты цензора становятся ясными.

„1) Переводчикъ въ сей книжкѣ говоритъ, что она „писана такою особою, которая проходила собственнымъ опытомъ всѣ

---

362) К. Д. У., 1810 г., 374. „О книгѣ подъ названіемъ: „Эстетическія разсужденія Г. Ансильона".

степени духовнаго возрастанія до самаго соединенія съ Богомъ".— Такимъ образомъ онъ ставитъ писательницу неизвѣстную въ православной церкви на ряду съ самыми верховными святыми"...

..3) „Внутреннее покаяніе часто все совершаетъ безъ содѣйствія наружнаго" (стр. 21). Симъ явно внушается, что внѣшнее покаяніе не нужно. Вотъ ересь.

...6) „25 число мѣсяца декабря должно быть для насъ днемъ торжества. Сіе однако же не препятствуетъ людямъ должностнымъ и ремесленнымъ продолжать обыкновенныя свои занятія" (150).— „Нѣтъ, г-жа Гіонъ! IV заповѣдь Господня запрещаетъ дѣлать сіе".

„Боже мой! Боже мой! до какихъ временъ мы дожили! Католическая церковь, къ коей принадлежала сочинительница сія, отвергла и осудила всѣ ея сочиненія, какъ еретическія; у насъ же въ прав. Россіи они переводятся, печатаются и публично продаются, не токмо какъ содержащія въ себѣ здравое ученіе, но и какъ богодухновенныя!

„Но кто къ намъ призвалъ сію рабыню Господню? Масоны! Когда?—При самомъ началѣ французской революціи! Тогда то цѣлые обозы сочиненій ея привозили въ Москву, что мнѣ довольно извѣстно; однако тогда печатать ихъ не смѣли; а напечатали уже избранныя изъ нихъ мѣста въ 1807 г. или около сего года, въ трехъ или 4-хъ томахъ; но книга сія тотчасъ запрещена была св. синодомъ. Когда же масоны опять усилились, то и почли они первою и главною обязанностью своею распространять сочиненія сей божественной, какою они почитають, писательницы, почитая ихъ за наилучшее средство къ достиженію цѣли своей, т. е. къ разрушенію церковнаго и гражданскаго благоустройства. Но какъ теперь благодатіею Божіею и прозорливою мудростію государя императора зловредная и пагубная для всего рода человѣческаго масонская ложа разрушена; то и орудіе силы ея—сочиненія г. Гіонъ и другихъ премногихъ нечестивыхъ писателей, коими всѣ книжныя лавки наполнены, необходимо нужно истребить и тѣмъ успокоить и утѣшить православную церковь нашу, чего она нетерпѣливо и ожидаетъ отъ благочестивѣйшаго монарха, яко защитника и покровителя своего" [363]).

Интересно, однако, что годомъ ранѣе о той же книгѣ Серафимъ въ письмѣ къ Филарету отзывался гораздо снисходительнѣе:.. „не могу я дать вамъ совѣта, чтобы вы распространяли книжку сію по епархіи вашей. Есть ли-бъ въ ней исправлены были цензурою два мѣста, вами замѣченныя: тогда бы смѣло можно было рекомендовать ее всякому; и она бъ не могла ни-

[363]) Щукинскій Сборникъ, т. II, 285. Копія съ замѣчаній м. Серафима на кн. Гіонъ „О послѣдованіи младенчеству Іисуса Христа" отъ 8 мая 1824 г.

кому причинить соблазна, а могла бы доставить довольную пользу. Жаль, что цензуруютъ духовныя книги такіе цензоры, которые едва-ли катихизису учились“ [364]).

Такая непослѣдовательность,—въ этомъ и въ другихъ случаяхъ,—объясняется тѣмъ, что предъ лицомъ м. Филарета, на очной ставкѣ съ нимъ, Серафимъ большею частью приходилъ въ смущеніе и „старался казаться искренно сочувствующимъ ему во всемъ. Когда же факты говорили противное, м. Серафимъ выставлялъ себя жертвою обстоятельствъ, лицомъ, дѣйствующимъ по необходимости, и взывалъ обыкновенно къ терпѣнію Филарета“ [365]).

Впрочемъ, многіе поступки первенствующаго члена сами собой являлись въ формѣ „дѣйствій по необходимости“. „При извѣстной приверженности старца къ древнимъ уставамъ нашей церкви и ненависти ко всѣмъ нововведеніямъ, его нетрудно было напугать даже призракомъ опасности, угрожающей будто бы православію, и всякій случай, имѣвшій малѣйшее сходство съ образомъ дѣйствій прежняго библейскаго общества, могъ встревожить его такъ, что онъ въ состояніи былъ рѣшиться на все, особенно если преднамѣренно увеличивали видъ опасности и усиливали такимъ образомъ его пугливость“ [366]).

Этой чертой митрополита отлично пользовались разнаго рода ревнители, чтобы заставить его выполнять свои планы, начиная отъ Аракчеева и Фотія до Пратасова и Аѳанасія. При своемъ нерѣшительномъ характерѣ онъ, правда, не сразу давалъ согласіе на энергичные поступки, и робость отвѣчала наивными мотивами.— „Да куда же дѣваться намъ съ такимъ множествомъ напечатанныхъ книгъ“—какъ извѣстно, отвѣтилъ Серафимъ генералу Аракчееву и адмиралу Шишкову на ихъ представленіе о необходимости конфискаціи катехизиса и вообще переводовъ св. писанія [367]). Но, инспирированный, онъ уже до конца шелъ по указанному ему пути, не разъ являлся даже во дворецъ, чтобы лично умолять „защитника и покровителя церкви“ о спасеніи вѣры отъ мистиковъ, отъ поэтовъ, отъ оберъ-прокуроровъ (Нечаева), отъ законоучителей—неологовъ [368]).

Очень живо охарактеризовалъ эту ревность Серафима въ

---

[364]) Письма дух. и свѣт. лицъ къ м. м. Филарету, (СПБ. 1900) стр. 33.

[365]) Тамъ же. Предисловіе, стр. 30.

[366]) Сборн. имп. русск. истор. общ., т. 113, кн. 1, стр. 22—3.

[367]) Записки А. С. Шишкова. Чт. въ имп. общ. истор. и древ., 1868, III, стр. 50. При этомъ Аракчеевъ строго замѣтилъ: „не о деньгахъ дѣло идетъ: пусть ихъ пропадаютъ, лишь бы остановить и сколько можно отвратить сдѣланное зло“.

[368]) Р. Ст. 1895, ноябрь. Автобіографія юрьевскаго арх-та Фотія, стр. 217—19. Никитенко. Записки и дневникъ, т. I, стр. 345—6, 350; Историческій Вѣст. 1882, XI, стр. 397—8; Русск. Ст. 1880, апрѣль, стр. 714. Собр. мн. и отзыв. м. м. Филарета, т. III, № 266.

одномъ изъ своихъ писемъ архм. Иннокентій. „На бѣду вашъ владыка недавно расходился съ своимъ православіемъ. Повѣрите ли, онъ не постыдился письменно обнести меня неологомъ предъ нашимъ преосвященнымъ. Такая отеческая попечительность, простираемая за тысячи верстъ, право, отзывается преслѣдованіемъ. Имѣю не неосновательныя причины думать, что въ вашемъ кругѣ есть люди, кои находятъ удовольствіе раздувать въ душѣ старца давно тлѣющія искры“... [369])

Безусловный авторитетъ „церкви учащей“ былъ непоколебимымъ догматомъ митрополита. Въ немъ всегда таилось далеко неравнодушное чувство по отношенію къ удобствамъ властнаго „папистическаго“ управленія церковью. Свой взглядъ на первенствующую роль „сословія пастырей и учителей“, хотя и подъ диктовку, но горячо изложилъ онъ на смертномъ одрѣ, въ отзывѣ по дѣлу о переводѣ Павскаго [370]). И это его мнѣніе, „подписанное полумертвою рукою, было представлено какъ написанное живою и сильною и высочайше утверждено“ [371]). Вообще упрямствомъ своихъ взглядовъ и хроническими „дерзновенными“ обращеніями къ монарху Серафимъ, даже не стремясь къ систематическому надзору за направленіемъ церковной мысли, производилъ сильное вліяніе въ смыслѣ поддержанія бдительности духовной цензуры.

Филаретъ (Амфитеатровъ), м. кіевскій, принималъ непосредственное участіе въ синодальномъ управленіи въ періодъ съ 1826 по 1842 г., когда, одновременно съ митрополитомъ московскимъ, былъ уволенъ во ввѣренную ему епархію.

„Благочестіе и строгая жизнь даютъ важность его наставленіямъ и силу его власти“, еще въ 1815 году писалъ о немъ Филаретъ (Дроздовъ) [372]). „Назидательное дѣйствіе своего характера“ Филаретъ отчасти проявлялъ и въ качествѣ синодальнаго члена. Къ нему, какъ къ третейскому судьѣ, обращались или, по крайней мѣрѣ, съ нимъ не желали рѣзко расходиться представители тогдашнихъ синодальныхъ „партій“. Въ свою очередь

---

[369]) Р. Ст., 1880, іюнь, Г. П. Павскій, Н. Барсова, стр. 230. (Письмо архм. Иннокентія къ Павскому отъ 27 мая 1831 г.).

Иллюстраціей предубѣжденія Серафима противъ неологовъ служитъ и слѣдующій фактъ, записанный епископомъ Никодимомъ. Когда въ засѣданіи синода арх. подольскій Кириллъ читалъ свои отзывы о диссертаціяхъ студентовъ московской академіи и въ одномъ случаѣ замѣтилъ: „Разсужденіе сіе (о вѣчности мученій) не представляетъ новыхъ взглядовъ на этотъ предметъ“, Серафимъ подхватилъ: „Благодарю васъ, преосвященный. Замѣчаніе хорошее. У нихъ все новые взгляды“!

„— Изумились всѣ и свѣтскіе и духовные“. Чт. въ общ. ист. и др. росс., 1877, II, стр. 68.

[370]) Секр. дѣло арх. св. син., № 307, I, стр. 35—8 и 61; ср. Собр. мн. и отз. м. м. Филарета, т. III, стр. 57—61.

[371]) Письма къ Антонію, ч. II, стр. 20—1.

[372]) Собр. мн. и отз. м. м. Филарета. т. I, стр. 298 и 442.

и Филаретъ, всегда стремившійся стоять на идеалистической точкѣ зрѣнія, желалъ подъ тѣмъ же угломъ оцѣнивать и факты тогдашняго церковнаго управленія, какого бы характера они ни были.

Когда, напр., поднялось гоненіе на катехизисы м. м. Филарета, и послѣдній „изнемогалъ отъ суда и осужденія человѣческаго“, Филаретъ Амфитеатровъ въ такихъ словахъ умолялъ его не предаваться чрезмѣрной скорби: „Молитва о васъ всѣхъ истинныхъ сыновъ церкви прилежная дойдетъ до Господа, и Господь Богъ скоро прогонитъ мракъ, и изведетъ истину во свѣтъ. Скорблю о васъ до глубины сердца. И молю Господа Спасителя нашего, да подастъ Самъ Онъ силы съ терпѣніемъ святыхъ Его перенесть искушеніе вѣры вашей и чистой любви вашей къ нему; а въ немъ и ко всѣмъ. Ибо „не вѣдятъ, что творятъ“... [373]).

Такимъ же созерцателемъ хотѣлъ оставаться Филаретъ и въ виду тогдашняго обратнаго хода комиссіи духовныхъ училищъ. „Богъ вѣсть, писалъ онъ, откуда повѣялъ засушительный вѣтръ, и когда онъ перестанетъ и что будетъ съ симъ растеніемъ... Конечно, ежели бы насъ спросили, сказали бы всю правду. Но намъ одно остается: молить Господа Бога да послетъ свѣтъ Свой, и теплоту Свою и дождь Свой“ [374]).

Наконецъ, когда послѣ дѣла Павскаго м. м. Филаретъ сталъ намѣчать путь къ выходу своимъ трактатомъ „о догматическомъ достоинствѣ и охранительномъ употребленіи греческаго 70 толковниковъ и славянскаго переводовъ св. писанія“, м. кіевскій предупредительно писалъ: „Касательно текстовъ св. писанія я совершенно съ вами согласенъ. Въ дѣлѣ такой важности надлежитъ основываться на единогласномъ образѣ дѣйствованія вселенской церкви, водимой духомъ Божіимъ, а не влаяться всякимъ вѣтромъ помышленій человѣческихъ, яже суть суетна“ [375]).

Но, высказывая такіе общіе взгляды въ порицаніе оффиціальныхъ ревнителей и въ назиданіе дѣятелей по убѣжденію, м. кіевскій затруднялся самостоятельно и разносторонне намѣтить тотъ путь, который совпадалъ бы съ „единогласнымъ образомъ дѣйствованія вселенской церкви“.

Какъ и Филаретъ московскій, митрополитъ кіевскій былъ по своимъ взглядамъ строгимъ догматистомъ. Съ приведеннымъ выше отзывомъ перваго относительно идеи развитія церкви вполнѣ совпадаетъ credo второго. „По моему и другихъ искреннихъ особъ мнѣнію, писалъ онъ Иннокентію, нельзя согласиться съ мнѣніемъ, что съ продолженіемъ времени церковь Христова приходитъ

---

[373]) Письма дух. и свѣтскихъ лицъ къ м. м. Филарету, стр. 120, отъ 12 дек. 1824 г.

[374]) Тамъ же, стр. 124.

[375]) Тамъ же, стр. 131.

въ большее совершенство. Это бы значило дѣло Божіе смѣшивать съ дѣлами человѣческими. Вселенная по сотвореніи явилась предъ очима Творца во всей лѣпотѣ своей—„и се вся добра зѣло“. Подобно и новое твореніе—церковь Христова въ началѣ явилася во всей духовной лѣпотѣ. „И вѣрующимъ бѣ сердце и душа едина“. Потому то всѣ новостей вводители и реформаторы церквей, подъ предлогомъ улучшенія ихъ, суть весьма вредные самозванцы и обманщики. Преуспѣяніе въ мѣру возраста исполненія Христова принадлежитъ церкви торжествующей на небесѣхъ;—а на землѣ совершенство церкви зависитъ отъ непоколебимаго храненія преданій апостольскихъ и святыхъ богомудрыхъ отцевъ“ [376]).

Но въ то время, какъ митрополитъ московскій изъ этой и изъ другихъ подобныхъ предпосылокъ въ каждый моментъ, безъ особыхъ затрудненій, готовъ былъ дѣлать соотвѣтствующіе выводы, умѣя примѣнять ихъ къ данному положенію дѣлъ,— этой способностью не обладалъ его соименникъ. По крайней мѣрѣ одни изъ его выступленій въ роли надзирателя за проявленіями церковно-богословской мысли являлись недостаточно мотивированными, другія не получали соотвѣтствующаго признанія, третьи оказывались поверхностными, четвертыя, какъ запоздалыя и несвоевременныя, оставлялись безъ послѣдствій.

Когда Филаретъ, въ первые же годы присутствованія въ синодѣ, изложилъ свои замѣчанія на книгу „О молитвѣ за умершихъ“, они оказались недостаточно сильными, такъ что даже м. Серафимъ склонялся въ пользу возраженій, представленныхъ на нихъ авторомъ книги. Лишь епископскій санъ критика доставилъ перевѣсъ его рецензіи [377]).

Зато, когда съ дозволенія того же Филарета была издана въ 1837 году Библейская исторія для дѣтей свящ. Красноцвѣтова, рецензентомъ остался недоволенъ м. московскій Филаретъ. Послѣдняго „въ то время, передаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ епископъ Никодимъ, не было въ Петербургѣ. Потому книга цензурою подана была Филарету кіевскому, здѣсь бывшему. Филарету не читать же такую громаду—рукопись, изъ коей вышло двѣ книги, чтобъ сказать, годится ли она въ печать или нѣтъ:

---

[376]) Матеріалы для біографіи.. Иннокентія, вып. I, Письма Филарета м-та кіевскаго, стр. 4.

Близко знавшій м. Филарета прот. Скворцовъ, оспаривая какое-то «подозрѣніе» на владыку, пишетъ Иннокентію: „Справедливѣе кажется то, что у владыки есть излишнее опасеніе въ дѣлахъ трудныхъ, и все выходящее изъ обыкновеннаго ему круга представляется ему подозрительнымъ, опаснымъ. Говоритъ онъ, напр., имярекъ: «зачѣмъ много говорить о паденіи прародителей, когда самъ Духъ Святой написалъ такъ мало?“—забываетъ владыка, что Духъ Святой въ новомъ завѣтѣ объясняетъ эту исторію всѣмъ ученіемъ христіанскимъ)». Тамъ же, вып. II. Письма И. М. Скворцова, стр. 84.

[377]) „Ал. Тим. Никольскій... Очеркъ жизни и дѣятельности“, стр. 7—8.

Онъ спросилъ цензора, ее представившаго (архм. Климента). „Хороша ли книга?“ Цензоръ отвѣчалъ: „Хороша“. Филаретъ разрѣшилъ печатать.

Когда Филаретъ московскій подалъ свой рапортъ въ синодъ, требуя запрещенія книги, Филаретъ кіевскій принялъ сіе за личное себѣ оскорбленіе“ [378]). Тѣмъ не менѣе его попытки выразить свое недовольство въ аналогичной формѣ, именно замѣчаніями на конспекты преподаванія учебныхъ предметовъ, составленные, какъ онъ предполагалъ, „по велѣнію московскаго“, не имѣли успѣха. Онѣ могли даже еще болѣе утвердить м. Филарета (Дроздова) въ мнѣніи о некритичности ихъ автора. О такомъ именно взглядѣ, совмѣщавшемся съ неизмѣннымъ уваженіемъ къ личности митрополита кіевскаго, говоритъ слѣдующее письмо его къ арх. Григорію.

„Посылать въ Кіевъ исторію Аристея, и разсужденіе о ней, писалъ м. м. Филаретъ Григорію,—не вижу пользы. Правда, что чудо единогласнаго перевода въ 70 келліяхъ опровержено ясно. Но не охотникъ вникать въ критическія соображенія скажетъ: святому Іустину, какъ святому, надобно повѣрить больше всѣхъ. Вотъ и конецъ дѣлу. Отцевъ, говорящихъ о переводѣ LXX съ уваженіемъ, онъ также безъ строгаго вниканія въ силу свидѣтельствъ приметъ за свидѣтелей его богодухновенности... Касательно текста LXX онъ (митрополитъ) сдѣлалъ замѣчаніе даже и противъ того, что я взялъ изъ синодскаго предисловія, хотя, между тѣмъ, признаетъ справедливымъ сказанное и доказанное, что въ текстѣ LXX есть недостатки не терпимые безъ исправленія по еврейскому Это меня затрудняетъ. Не хочется разногласить съ нимъ. Но если ослабить указаніе недостатковъ текста LXX, то это будетъ неискренно и можетъ быть сіе случаемъ къ вредному рѣшенію дѣла“ [379]).

Не находя въ данный моментъ опредѣленнаго отвѣта на обращенные къ нему запросы, Филаретъ, если позволяли обстоятельства, старался придерживаться выжидательнаго образа дѣйствій—въ надеждѣ, что „время объяснитъ“. Такъ, въ началѣ 1841 г. Филарету было предложено дать отзывъ о книгѣ г.-л. Ѳ. Талызина „Утѣшенія инвалида, подражаніе французскому переводу псалмовъ и древнихъ пѣсенъ Лагарпа“, о которой московскій комитетъ затруднялся дать опредѣленный отзывъ. Филаретъ долгое время продержалъ книгу у себя и затѣмъ, когда воз-

[378]) Чт. въ общ. истор. и древн., 1877, II, стр. 45—6.

[379]) Чт. въ общ. люб. дух. просв., 1877, ноябрь, стр. 142, 140 (отъ 24 іюля 1845 г.). «Говоря сіе, добавляетъ Филаретъ, впрочемъ, не осуждаю расположеній мужа, который водится благочестивымъ намѣреніемъ, такъ какъ нельзя осуждать и многихъ древнихъ, которые исключительно благоговѣли предъ LXX, не имѣвъ способовъ и случаевъ достовѣрнѣе узнать и переводъ, и подлинникъ и ихъ взаимное отношеніе».

никло дѣло о переводѣ Павскаго, „основываясь на секретномъ указѣ св. синода отъ 31 марта сего (1842) года за № 17, коимъ запрещается всякое нововведеніе въ книги св. писанія", предложилъ синоду „не пропускать книги въ свѣтъ", послѣ чего она и была отдана на храненіе въ архивъ. Такъ же медлилъ онъ и съ своими отвѣтами на тѣ проекты записокъ и руководствъ, которые считалъ долгомъ посылать къ нему на предварительную цензуру м-тъ. московскій [380]).

Правда, предложенныхъ ему темъ Филаретъ не бросалъ, и путемъ долгихъ размышленій ему въ концѣ концовъ удавалось формулировать свои взгляды, въ духѣ личныхъ—неясныхъ дотолѣ—предрасположеній. Но практическихъ послѣдствій эти несвоевременные отзывы не имѣли,—являлись лишь облегченіемъ души для ихъ автора. Это особенно нужно сказать о его предсмертномъ обширномъ протестѣ противъ перевода св. писанія на русскій языкъ, представленномъ имъ въ 1856 году, (21 декабря), уже послѣ синодальнаго опредѣленія о дальнѣйшемъ движеніи этого дѣла [381]). Самъ Филаретъ не скрывалъ несвоевременности этого протеста, что видно изъ слѣдующихъ его комментаріевъ по этому предмету. „Какъ они хотятъ, я высказалъ свое мнѣніе по этому дѣлу, измѣнить этого мнѣнія я не могу, съ нимъ я умру, спокойный въ совѣсти, что не буду отвѣчать предъ Богомъ. Суда человѣча я не боюсь; еслибы даже произнесли противъ меня отлученіе, и тогда я былъ бы покоенъ и не отказался бы отъ своего убѣжденія. Впрочемъ, какъ Богу угодно: если даже я ошибаюсь, то уповаю, что Богъ не осудитъ меня. Я дѣйствую въ этомъ важномъ дѣлѣ по крайнему моему разумѣнію и убѣжденію совѣсти, заботясь не о себѣ, а единственно о благѣ церкви, государя и отечества, а потому примутъ ли въ уваженіе мнѣніе мое или не примутъ, я покоенъ; для личности моей тутъ нѣтъ нисколько оскорбленія. Я исполнилъ свой долгъ, а они какъ хотятъ. Если они успѣютъ въ своемъ замыслѣ, то вѣрно Богу будетъ угодно попустить это по какимъ-либо особеннымъ цѣлямъ" [382]).

Филаретъ скончался въ самомъ началѣ эпохи освободительнаго движенія. Однако, уже одни признаки ея имѣли способность обнаруживать „совѣты сердечные". Вліяніе ихъ сказалось и на кіевскомъ митрополитѣ. Сердечно, съ восторгомъ, онъ привѣтствовалъ первые проблески благопріятнаго разрѣшенія крестьянскаго вопроса, стремленій „вырвать несчастный народъ изъ адскихъ

---

[380]) А. С. С., 1836, 1555. Сборникъ, изданный по случаю столѣтія.. м. м. Филарета, II, стр. 801. О характерѣ рецензіи м. Филарета на книгу проф. О. Новицкаго «О духоборцахъ» (А. С. С., 1839, 683) будетъ сказано ниже.

[381]) Въ полномъ видѣ онъ изложенъ на стр. 459—514-й I-го тома сочиненія: „Высокопр. Филаретъ... м. кіевскій.., сост. архм. Сергіемъ.

[382]) Тамъ же, стр. 398.

рукъ", и заранѣе называлъ „преблагословеннымъ" новаго государя [383]).

Зато тѣ же признаки „новшествъ" въ церковной жизни сразу обнаружили, что Филаретъ духомъ былъ слишкомъ близокъ къ охранительному направленію прежняго времени. Возвращаясь все къ тому же вопросу о возобновленіи перевода, онъ, по словамъ его біографа, выражался такъ: „Справедлива пословица, что бываетъ иногда и худо не безъ добра". И затѣмъ объяснилъ, что онъ разумѣетъ эту пословицу въ приложеніи къ оберъ-прокурорству гр. Пратасова.—„Не умри бы онъ, тогда бы, небось, и дѣло о переводѣ не возникло бы, и, во всякомъ случаѣ, не подняли бы его на всѣ паруса съ такою ревностью и рьяностію, какъ теперь. И меня-то, вотъ при самыхъ дверяхъ гроба, вызвали и заставили высказать имъ, конечно, очень неугодное и не въ пользу ихъ предпріятія.—Они могутъ меня и осуждать за это, но и объ нихъ, кажется, справедливо бы сказать, что сами „не вѣдятъ, что творятъ, а узрятъ по сихъ",... если доживутъ... Нужны бы здѣсь въ своей мѣрѣ и та воля и рѣшимость, разумѣется, добрая и во благо, каковы были у покойнаго гр. Пратасова.. Правда, послѣдній употреблялъ свою волю и не по праву, и не по долгу, и даже не по своему убѣжденію, а иныхъ „лукавнующихъ".. Но да проститъ ихъ всѣхъ Господь!.." [384]).

Преемникомъ м. Серафима по каѳедрѣ былъ избранъ имп. Николаемъ арх. варшавскій Антоній (Рафальскій),—„въ десять лѣтъ изъ протоіерея незначительнаго и малоизвѣстнаго уѣзднаго городка (Кременца, волынской губ.) сдѣлавшійся митрополитомъ с.-петербургскимъ.., одаренный въ высшей степени смѣтливостью, практическимъ умомъ и способностью распознавать людей, приноравливаться къ нимъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самому на нихъ дѣйствовать" [385]). Какъ обязанному своимъ назначеніемъ исключительному вниманію лицъ свѣтскихъ, м. Антонію оставалось, насколько возможно, ограничивать свою оффиціальную первенствующую роль въ синодѣ и прежде всего быть внимательнымъ къ Пратасову и его ставленникамъ. Отсутствіе высшаго богословскаго образованія заставило Антонія ввѣриться руководительству ректора академіи Аѳанасія. И дѣйствительно, подъ его вліяніемъ онъ удалилъ отъ преподаванія въ академіи профессора философіи Карпова [386]); въ силу его представленій приказалъ конфисковать отпечатанную уже герменевтику Савваитова [387]), наконецъ, по представленной имъ канвѣ изложилъ свой отзывъ въ защиту Аѳанасія какъ руководителя Христіанскаго чтенія.

---

383) Тамъ же, т. III, стр. 534.
384) Тамъ же, стр. 532.
385) Сборникъ имп. русск. ист. общ., т. 113, кн. 1, стр. 89 и слѣд.
386) Тамъ же, стр. 98.
387) СПБ. Д. Ц. К., 1844, 3 янв.

И этотъ,—кажется единственный,—отзывъ Антонія по литературнымъ вопросамъ вполнѣ ясно изображаетъ его настроеніе, какъ преемника по каѳедрѣ м. Серафима.

Въ 1844—5 г. на имя государя были присланы двѣ анонимныя записки, изъ коихъ въ одной содержались замѣчанія на разосланный при академическомъ журналѣ, въ качествѣ приложенія, „Алфавитный указатель къ православному исповѣданію... и къ посланію восточныхъ патріарховъ", а въ другой—на статью того же журнала о дѣвствѣ, заимствованную изъ твореній І. Златоуста. Руководимый личной антипатіей къ Аѳанасію, критикъ, не щадя трудовъ, подобралъ множество мѣстъ, которыя, взятыя внѣ связи рѣчи, въ состояніи были бросать тѣнь на взгляды Аѳанасія [388]).

Послѣдній безъ особыхъ затрудненій могъ отклонить отъ себя сдѣланные упреки однимъ указаніемъ на то, что „Алфавитъ" нѣсколько разъ издавался втеченіе XVIII в. и что и за выраженія Златоуста онъ не обязанъ отвѣчать. Тѣмъ не менѣе, онъ подвергнулъ замѣчанія и болѣе подробному разбору. Въ свою очередь м. Антоній счелъ нужнымъ присоединить къ апологіи какъ общее освѣщеніе самаго факта появленія возраженій, такъ и свое исповѣданіе. Вотъ въ сокращенномъ видѣ письмо Антонія къ Пратасову.

„Сочинитель безыменнаго доноса, безъ сомнѣнія, изъ нѣкоей личной вражды, желаетъ доказать неправомысліе нынѣшняго ректора академіи, избраннаго къ сей должности приснопамятнымъ для православія предмѣстникомъ моимъ м. Серафимомъ, тогда какъ онъ, доноситель, собственнымъ своимъ въ тѣхъ запискахъ вольнóмысліемъ обличаетъ въ себѣ явнаго презрителя церкви и св. отецъ.

...„То не можетъ укрыться, что онъ, дѣлая свои извѣты на ректора академіи, главнымъ образомъ устремляетъ нападеніе на строго православное ученіе, въ оной преподаваемое: къ чему не смѣлъ бы приступить при предмѣстникѣ моемъ, всю жизнь подвизавшемся противу всякихъ чуждыхъ церкви мудрованій, подобныхъ настоящему.

„Предметы вѣры столь важны, что объ оныхъ и съ противниками надлежитъ говорить съ должнымъ благоприличіемъ: напротивъ сего сочинитель безыменныхъ записокъ дозволяетъ

---

388) Секретн. дѣло арх. канц. об.-прок. св. син., № 172 (1845 г.).

Съ особенною тщательностью выписаны были выраженія относительно высшей іерархіи, напр.: «Епископъ есть живой образъ Бога на землѣ», «Архіереи суть мѣстоблюстители христовы и частныя главы церквей», „Епископъ есть обильный источникъ всѣхъ таинствъ вселенской церкви", „Писаніе священное не всѣмъ читающимъ понятно" и т. д. „Въ этихъ выраженіяхъ, соглашался критикъ, есть и истинное, но они не такъ легко принимаются, когда встрѣчаются наряду съ догматами вѣры и когда такъ часто слышишь ихъ изъ устъ молодого епископа". (Ср. „Руководящіе дѣятели" И. Чистовича, стр. 346).

себѣ ни мало неприличныя шутки и язвительныя насмѣшки. Въ порывѣ какой-то личной злобы, онъ подъемлетъ святотатственную руку на обѣ книги „православное исповѣданіе“ и „посланіе“ и на величайшаго изъ отцевъ,—св. Златоуста...

„По всему видно, что онъ долженъ принадлежать къ числу тѣхъ людей, кои обильно напитавшись чтеніемъ иноземнымъ и иновѣрнымъ, уже не имѣютъ сердечнаго убѣжденія въ истинѣ ученія церкви нашей, кои желаютъ согласить свою принадлежность къ оной съ понятіями, заимствованными отвнѣ, и для сего хотѣли бы ввести въ ученіе оной реформу по своимъ протестантскимъ понятіямъ...

„Такъ доноситель не признаетъ авторитета церкви въ позднѣйшее время, ибо критикуетъ книги, изданныя оною противъ протестантовъ: слѣдовательно не вѣритъ онъ, что церковь до скончанія вѣковъ есть хранительница св. преданія и животворнаго духа ученія, приснотекущаго отъ временъ апостольскихъ.

„Не хочу думать, чтобы сочинитель былъ изъ среды духовнаго чина; но если онъ служитель церкви, то, своимъ собственнымъ доносомъ столь очевидно изобличивъ себя въ святотатственномъ поруганіи ученія матери своей церкви и боговдохновенныхъ мужей, ею ублажаемыхъ, онъ недостоинъ приступать къ божественнымъ таинамъ, если не очиститъ совѣсть свою чистосердечнымъ исповѣданіемъ тяжкаго грѣха своего и церковнымъ покаяніемъ.

„Преосв. Аѳанасій весьма справедливо признаетъ въ объясненіи своемъ, какихъ пагубныхъ послѣдствій ожидать должно, если бы дозволено было распространяться вольномысленному сужденію доносителя о названныхъ твореніяхъ; ибо ученіе, содержащееся въ оныхъ, служитъ нынѣ залогомъ единства всей каѳолической церкви... Я присовокуплю къ сему токмо, что естли въ настоящее благословенное царствованіе до 250000 раскольниковъ обратилось къ познанію истины, то не иначе, какъ посредствомъ убѣжденія, что церковь наша твердо держится преданія св. отецъ; и естли около двухъ миліоновъ бывшихъ уніатовъ возратилось въ лоно матери ихъ церкви нашей, то также не иначе, какъ по убѣжденію ихъ пастырей, что церковь наша нераздѣльна духомъ вѣры съ православными церквами востока... Но естли бы (чего да не будетъ во вѣки!) нарушилось сіе вожделѣнное единство; то уже не токмо церкви нашей не возможно было бы надѣяться стяжать новыхъ чадъ, а, напротивъ того, надлежало бы опасаться отпаденія возсоединенныхъ, и не токмо сего, но и конечнаго распаденія на безчисленныя секты.

„Къ тому же настоящій безыменный доносъ есть, какъ и бываетъ въ подобныхъ дѣлахъ, не иное что, какъ токмо первый шагъ или первое покушеніе: если допустить мысль, что оно имѣло бы хотя малѣйшій успѣхъ, то, безъ сомнѣнія, можно быть увѣреннымъ, что вслѣдъ за симъ явилось бы непремѣнно, отъ того

же или другого лица, новое покушеніе, направленное противъ иныхъ какихъ-либо членовъ православной вѣры и т. д. И къ чему бы вели всѣ таковыя покушенія? Страшно изрещи! Къ расторженію дражайшаго духовнаго союза съ древнею церковью Христовой, яже торжествуетъ на небесѣхъ, и къ вѣчной гибели душъ, къ гордости разума, взимающагося на разумъ Божій. А опыты прошедшаго и настоящаго столѣтій не поучаютъ ли насъ, что вольнодумство въ дѣлахъ вѣры привноситъ съ собою нестроеніе въ государствахъ, своеволіе въ нравахъ, и необузданную страсть къ мечтамъ о мнимой свободѣ, съ забвеніемъ долга къ царской власти, къ коей, по ученію апостола, церковь внушаетъ послушаніе не токмо за страхъ, по и за совѣсть.

„Ученіе церкви есть единое истинное ученіе вѣры. Утвержденная церковію книга „Православное исповѣданіе вѣры" служила нѣкогда единственною книгою, изъ коей почерпалось познаніе закона Божія всѣмъ духовнымъ юношествомъ... Въ семъ благочестивомъ ученіи матери нашея греко-восточныя церкви воспитанъ бывъ, я пребуду и до послѣдняго издыханія моего вѣренъ долгу моему соблюдать стадо Христово въ правовѣріи...; только симъ могу, какъ несомнѣнно увѣренъ, оправдать и ту монаршую надежду, которую благоизволилъ возымѣть о мнѣ благочестивѣйшій государь, высочайше указуя мнѣ мѣсто почившаго м-та Серафима, да шествую стезею сего неусыпнаго ревнителя древнихъ уставовъ вселенской церкви.

„Настоящій случай есть первый со времени моего засѣданія въ св. синодѣ (о далъ бы Богъ ему быть и послѣднимъ!). И потому, почитая священною обязанностью употребить все отъ меня зависящее къ пресѣченію столь нечестиваго умысла, покорнѣйше прошу ваше сіятельство, дабы препровождаемое при семъ подлинное объясненіе преосв. Аѳанасія, повергнуто было на высочайшее воззрѣніе, купно съ симъ мнѣніемъ моимъ и всеподданнѣйшимъ моленіемъ, да благоволитъ его императорское величество, яко блюститель, покровитель и защитникъ святости вѣры въ народѣ своемъ, оградить православную церковь отъ подобныхъ покушеній, да не распространяется сей тонкій ядъ лжеученій, прикровенный мнимою ревностію по вѣрѣ" [389]).

Такъ какъ м. Антоній, несмотря на всю угодливость по отношенію къ Пратасову, не избѣжалъ, однако, „нравственнаго разрыва" съ нимъ [390]), и, помимо другихъ причинъ, вслѣдствіе этого былъ пораженъ параличемъ, то еще при жизни его былъ секретно назначенъ преемникъ ему—арх. Никаноръ (Клементьевскій). Послѣдній уже по самому складу своего характера не былъ способенъ на какіе-либо протесты и самостоятельныя вы-

---

[389]) Секретн. дѣла № 172 и 217 (1845 г.).

[390]) Арх. Никаноръ. Біографическіе матерьялы, т. I, стр. 115.

ступленія [391]). Его уже давно считали іерархомъ, весьма пригоднымъ для устройства разнаго рода компромиссовъ. Такъ, когда нужно было ослабить остроту, приданную дѣлу о переводѣ Павскаго, Никаноръ былъ назначенъ предсѣдателемъ комитета по разсмотрѣнію всего матерьяла, добытаго слѣдственными коммиссіями. И онъ, дѣйствительно, постарался выполнить поставленную ему задачу [392]).

Такимъ же примирительнымъ характеромъ отличаются и нѣсколько оставленныхъ имъ рецензій. Составлять ихъ,—или, по крайней мѣрѣ, скрѣплять ихъ своимъ именемъ,—Никанору поручали въ особенно важныхъ случаяхъ. Именно онъ, съ помощью ректора академіи Макарія, давалъ заключенія по представленіямъ секретнаго цензурнаго комитета 2 апр. 1848 г. относительно упущеній духовной цензуры. Какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія, вѣдомство православнаго исповѣданія не желало безусловно сдаваться въ виду этихъ представленій. И вотъ „митрополитъ с-петербургскій, на усмотрѣніе коего относимы были замѣченныя въ книгахъ мѣста“, доносилъ, что „въ нѣкоторыхъ изъ нихъ есть дѣйствительно нѣсколько неточныхъ и неопредѣленныхъ словъ, но ни въ одномъ нѣтъ ничего неприличнаго и противнаго слову Божію и ученію вѣры. Впрочемъ, и какія есть неточности, всѣ онѣ будутъ исправлены въ слѣдующемъ изданіи сихъ книжекъ, если въ таковомъ изданіи окажется надобность: о чемъ на всякій случай и снабжена цензура надлежащимъ предписаніемъ“ [393]).

Можно еще замѣтить, что въ м. Никанорѣ, воспитанникѣ м. м. Платона и свидѣтелѣ преобразовательныхъ начинаній александровской эпохи, не исчезло желаніе ознаменовать свое пребываніе у власти хотя какимъ-либо предпріятіемъ, которое служило

---

[391]) „Надо знать, пишетъ о немъ арх. Никаноръ херсонскій. что м-тъ Никаноръ былъ мягкаго характера почти до безхарактерности и въ то же время соблюдалъ свой авторитетъ. По академіи онъ дѣлалъ только то, что подскажетъ или напишетъ ректоръ Макарій... Такъ мы и подшучиваемъ бывало:— „Макарій: Ваше высокопреосвященство! О. Никаноръ, къ сожалѣнію, неправославенъ“. Митр-тъ: „а-а? Неправославенъ? Такъ прогнать его“. Макарій: „Но онъ, ваше в-во, даровитъ и я беру его на свои руки“.—М-тъ: А-а! Такъ оставить его“.

«На экзаменѣ по богословію м-тъ Никаноръ выразился: «вы много воли даете своему уму, о. Никаноръ», тѣмъ не менѣе представилъ... къ благословенію свят. синода. Но, продолжаетъ Никаноръ, не знаю почему, должно быть вслѣдствіе моей исторіи, св. синодъ не соизволилъ почтить насъ своимъ благословеніемъ». Архіепископъ Никаноръ. Біографическіе матерьялы, т. I (Одесса, 1900), стр. 264—5.

[392]) Чистовичъ И. Исторія перевода Библіи на русскій языкъ, стр. 184.

[393]) К. О. П. С. С., 1850, 44325. Вполнѣ сходно съ этимъ отзывомъ и заключеніе м. Никанора о «сомнительныхъ мѣстахъ», найденныхъ въ переводѣ твореній Тертулліана. К. О. П. С. С., 1850, 44323. Объ участіи м. Никанора въ разсмотрѣніи сборника проповѣдей В. Гречулевича (СПБ. Д.-Ц. К., 1852, 7) упомянуто выше (стр. 280).

бы хотя блѣднымъ напоминаніемъ этихъ „духовныхъ дѣлъ“. Подъ его покровительствомъ и на его средства были изданы переведенные проф. Е. И. Ловягинымъ богослужебные каноны на русскій языкъ [394]). Но даже и въ этомъ скромномъ дѣлѣ лица, проникнутыя охранительными заботами, увидѣли намѣреніе изгнать славянскій языкъ изъ богослуженія и сочли его новаторомъ [395]). Таковы ужъ были условія конца николаевскаго времени, которое лишь однимъ годомъ пережилъ м. Никаноръ.

Весьма продолжительное время въ составѣ св. синода числился арх. Григорій (Постниковъ),—съ 1856 года митрополитъ с.-петербургскій. Его возвышеніе спачала шло почти такъ же быстро, какъ и м. м. Филарета, который „покровительствовалъ Григорію и какъ бы преднамѣренно передавалъ ему свои должности при академіи. Съ 1821 года онъ состоялъ уже членомъ коммиссіи духовныхъ училищъ; въ 1827 году вызванъ для присутствованія въ синодѣ и въ 1829 году сдѣланъ его членомъ, но съ 1837 г. по 1850 въ немъ не присутствовалъ по причинѣ глазной болѣзни... Память о себѣ въ петербургской академіи Григорій увѣковѣчилъ основаніемъ духовнаго журнала „Христіанское Чтеніе“ [396]), родоначальника духовно-періодическихъ изданій, въ тѣсномъ смыслѣ слова.

То сравнительно живое направленіе, которое сообщилъ Григорій названному журналу, можетъ служить показателемъ его тогдашнихъ взглядовъ на характеръ богословской литературы. Съ одной стороны видно стремленіе усвоить достойныя вниманія черты современнаго мистицизма, а съ другой—твердое намѣреніе сдѣлать журналъ органомъ реальныхъ церковно-историческихъ и экзегетическихъ знаній. Все это выгодно отличаетъ этотъ періодъ изданія журнала, даже при небольшомъ числѣ сотрудниковъ, отъ узкой назидательно-практической программы слѣдующихъ десятилѣтій, когда прежній эпиграфъ журнала: „наздани на основаніи апостолъ и пророкъ, сущу краеугольну самому Іисусу Христу“, былъ тенденціозно замѣненъ другимъ: „да увѣси, како подобаетъ въ дому Божіи жити, яже есть церковь Бога жива, столпъ и утвержденіе истины“ (I Тим. 3, 15) [397]).

---

[394]) СПБ. Д.-Ц. К., 1854, г. Дѣло о разсмотр. перевода богослужебныхъ каноновъ, представленныхъ бакк. Е. Ловягинымъ».—О дѣятельномъ участіи, принятомъ м. Никаноромъ, за недѣлю до своей кончины въ возобновленіи перевода св. писанія на русскій языкъ, см. приб. къ твор. св. отцевъ, 1889 г., кн. IV „Труды московской дух. академіи по переводу св. писанія и твореній св. отцевъ на русскій языкъ за семьдесятъ пять лѣтъ (1814—1889) ея существованія“, И Корсунскаго, стр. 502—3, 505,

[395]) «В. Филаретъ м. кіевскій»..., т. I, стр. 397. Между, тѣмъ, какъ видно изъ приведеннаго уже отзыва Никанора о житіи св. Николая, онъ былъ слишкомъ далекъ отъ какого-либо радикализма.

[396]) Сборникъ И. Р. И. Общ., т. 113, кн. 1, стр. 66—7.

[397]) Съ 1842 г. И. Чистовичъ. Исторія перевода Библіи..., стр. 128.

Изъ неоднократно уже цитированныхъ отрывковъ переписки Григорія съ м. Филаретомъ можно видѣть, какъ совпадали ихъ взгляды, особенно на дѣйствія представителей церковно-государственной реакціи. Иронически отзывался онъ о программѣ м. Серафима, Штера, Шишкова, настойчиво предостерегалъ м. Серафима отъ Магницкаго, какъ отъ „человѣка неосновательнаго, лживаго и непостояннаго“, не боялся, наконецъ, по нѣкоторымъ вопросамъ оказываться въ оппозиціи получившимъ силу теченіямъ [398]). О своихъ наблюденіяхъ Григорій тотчасъ сообщалъ м. Филарету, былъ, такъ сказать, его повѣреннымъ въ Петербургѣ въ періоды его пребыванія въ Москвѣ. Митрополитъ Серафимъ зналъ это и, повидимому, не все открывалъ своему викарію. Приверженцы же реакціонной партіи готовы были воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы удалить Григорія изъ Петербурга. „Вся бѣда, пишетъ онъ въ одномъ письмѣ, обратилась на меня. Говорятъ, что я́ вездѣ сбиваю владыку, и потому, какъ слышу, употребляютъ разные способы удалить меня отъ него. Въ четыре епархіи уже жаловали меня; теперь пошли опять жаловать съ низшей“ [399]).

Тѣмъ не менѣе прямота и смѣлость молодого епископа сильно импонировали даже строптивому м. Серафиму. Послѣдній, по крайней мѣрѣ въ письмахъ къ Филарету, готовъ былъ выставлять Григорія, какъ образцоваго викарія, называлъ его своимъ „сотрудникомъ, къ коему имѣю я полную довѣренность“, и т. д. [400]) Эти похвалы заставили даже Григорія какъ-бы оправдываться предъ Филаретомъ. „Я уже свой въ той сторонѣ, противъ которой вы пишете,—и это весьма хорошо. Такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ кажется. Я говорю обо всемъ свободно, и меня слушаютъ безъ подозрѣнія; на иное, по крайней мѣрѣ, въ десятомъ, соглашаются, а иное умѣряютъ. Если бы я не былъ въ семъ положеніи, то я и, извините меня, вы не имѣли бы ни малѣйшей довѣренности“ [401]).

Въ концѣ того же письма, впрочемъ, находится одна немаловажная подробность,—совѣтъ м. м. Филарету, какъ цѣлесообразнѣе ему держаться въ виду тогдашнихъ нападокъ на библейское общество. „О замѣчаніяхъ на н. завѣтъ писать ко владыкѣ можно; онъ, кажется, ихъ знаетъ всѣ, и самъ не одобряетъ. Всего лучше, если бы вы написали что-нибудь о библейскомъ обществѣ въ средину“ [402]).

Это характерное выраженіе „написать въ средину“ въ устахъ большинства тогдашнихъ членовъ синода могло бы служить точ-

---

[398]) Письма дух. и св. лицъ къ м. м. Филарету, стр. 66—7.
[399]) Тамъ же, стр. 66.
[400]) Тамъ же, стр, 52.
[401]) Тамъ же, стр. 63.
[402]) Тамъ же, стр. 65.

нымъ выраженіемъ политики приспособленія, компромисса. Имѣя, однако, въ виду общій складъ характера Григорія, его тяготѣніе ко всесторонней оцѣнкѣ фактовъ, можно принять этотъ совѣтъ Григорія Филарету за проявленіе его объективизма. Онъ менѣе другихъ былъ склоненъ къ крайностямъ и нерѣдко въ одномъ и томъ же письмѣ кидалъ свои замѣчанія налѣво и направо,— ставя вопросъ „что это такое?“ и по поводу проповѣдей Госнера, объявлявшаго, что онъ будетъ „проповѣдывать ученіе самое чистое именно евангельское“, и по поводу поведенія Фотія,—его агитаціонныхъ служеній въ крестовой церкви митрополита [403]).

Въ послѣдніе мѣсяцы своей службы викаріемъ у м. Серафима Григорій имѣлъ возможность живо ощутить двусмысленность своего положенія. „Кажется, мы православные, хотя и не весьма ученые; но насъ все считаютъ еретиками, хотя и весьма учеными“,—такъ опредѣлялъ Григорій свое положеніе по поводу инцидента съ студенческими сочиненіями, признанными комиссіей духовныхъ училищъ сомнительными [404]).

Получивъ самостоятельную епархію и лишь временами присутствуя въ синодѣ, Григорій не могъ принимать значительнаго участія въ дѣлахъ высшей духовной цензуры.—Изъ относящихся къ этому періоду рецензій болѣе другихъ выдѣляется рецензія на книгу „Размышленія о важнѣйшихъ истинахъ религіи“ Іерузалема, пропущенную къ третьему изданію петербургскимъ дух.-цензурнымъ комитетомъ и представленную въ синодъ съ цѣлью поднесенія наслѣднику цесаревичу. „Прочитавъ книгу, писалъ Григорій, нахожу, что многія возраженія, разсѣвавшіяся въ Европѣ, наипаче въ концѣ прошедшаго вѣка людьми вольномыслящими, рѣшены очень хорошо. Въ семъ отношеніи „размышленія“ съ пользою могли бы быть читаны и въ нашемъ отечествѣ, гдѣ по мѣстамъ ходили и нынѣ еще ходятъ подобныя возраженія. Но, между тѣмъ, въ сихъ возраженіяхъ разсѣяно нѣсколько такихъ мнѣній, которыя противны вѣрѣ православной церкви и такихъ въ протестантскомъ духѣ упрековъ римско-католической церкви, кои падаютъ и на церковь православную, и потому весьма соблазнительны для православныхъ читателей“. „Примѣтнѣйшими“ изъ такихъ мѣстъ оказались слѣдующія:

„Намекая на р.-католическую церковь, пишетъ Григорій, сочинитель называетъ духъ ея „невѣжествомъ, фанатизмомъ, суевѣріемъ и стѣсненіемъ совѣсти“. Поелику многое изъ того, за что протестанты такъ порицаютъ р.-католическую церковь, держитъ и наша церковь,—то сіе порицаніе, падая и на нашу цер-

403) Тамъ же, стр. 664 («Не много лучше и у насъ», писалъ объ этомъ Григорій).

404) Тамъ же, 85 (отъ 30 авг. 1825 г.). Ср. „Руководящіе дѣятели дух. просвѣщ.“, И. Чистовича, стр. 252.

ковь, должно производить въ нашихъ читателяхъ сильный соблазнъ.

Стр. 282. „Несправедливо думаютъ, будто христіанство въ началѣ своемъ было яснѣе, совершеннѣе".—Сіи мысли явно даютъ такую мысль, что нынѣшніе богословы просвѣщеннѣе апостоловъ. Сколько соблазна!

Стр. 210, 232, 252 (т. II). „Сочинитель опять мѣтитъ на р.-католическую церковь и присвояетъ ей множество и чрезмѣрную пышность обрядовъ, прибавленія, неестественную воздержность и не сродное человѣчеству изнуреніе плоти. Все сіе также можетъ падать и на нашу церковь.

„О шестидневномъ твореніи дается такая мысль, что оно описано Моисеемъ въ сей постепенности потому, что такъ надобно было его представить слабому разсудку человѣческому" (т. IV) [105]).

Глазная болѣзнь,—кстати сказать, и по прекращеніи служившая Пратасову удобнымъ поводомъ держать Григорія вдали отъ синода,—еще болѣе, конечно, должна была сократить степень участія арх. Григорія въ синодальной цензурѣ. Вновь его имя появляется въ дѣлахъ этого рода уже въ пятидесятыхъ годахъ. Но теперь его отзывы оказывались весьма мало соотвѣтствующими хотя бы принципу „писать въ средину" [406]). Есть основанія полагать, что участіе въ разнаго рода секретныхъ комитетахъ, (секретномъ цензурномъ при св. синодѣ, съ момента его учрежденія, секретномъ совѣщательномъ о раскольникахъ), къ чему предпочтительно предъ другими призывали теперь Григорія, а равно и другія отвѣтственныя порученія создавали крайне неблагопріятную обстановку для сохраненія равновѣсія его духа [407]).

---

405) А. С. С., 1831, 306.

406) Про его «оцѣживавшій комаровъ" отзывъ о догматикѣ архм. Антонія уже упомянуто выше.

407) По нѣсколькимъ фразамъ изъ письма Григорія къ м. м. Филарету отъ второй половины 1858 года можно судить о тогдашнемъ его настроеніи: „Наша борьба съ расколомъ оканчивается, и расколъ беретъ верхъ. Вчера было у меня собраніе опять бурное... Горчаковъ сказалъ: „да что это за правила, которыхъ держимся? Они не годны ни къ чему"... Я сказалъ, что наши правила составлялись много лѣтъ, и составлялись съ тѣмъ, чтобы они были основательны. Ежели ихъ измѣнить потому, что они вамъ не нравятся, то, пожалуй, по вашему мнѣнію, окажется нужнымъ передѣлать и весь сводъ законовъ...

«Адмиралъ (в. кн. Константинъ Николаевичъ) сказалъ: «секретныя дѣла? къ чему секретныя дѣла? Надобно дѣйствовать открыто. Нынѣ требуется гласность». Эти слова показали, что за люди, съ которыми мы имѣемъ дѣло, и что говорить что-нибудь въ опроверженіе ихъ мнѣній значитъ раскалить ихъ до совершеннаго безумія. Я не сказалъ ничего.

«Въ настоящее время, заключалъ свое письмо Григорій, присутствіе вашего высокопр-ва въ С.-Петербургѣ необходимо. Господомъ Богомъ прошу, не откажитесь отъ поѣздки, ежели какъ-нибудь согласимъ государя... на вызовъ вашего в-ва. Вы крайне нужны намъ въ подкрѣпленіе"... Письма духовныхъ и свѣтскихъ лицъ къ м. м. Филарету. стр. 106—7.

Такъ, въ 1859 году синодальнымъ указомъ было предписано петербургскому комитету, чтобы онъ „о всѣхъ вступающихъ въ комитетъ изъ гражданской цензуры и отъ свѣтскихъ авторовъ статьяхъ немедленно, до пропуска еще ихъ къ печати, доносилъ преосв-му Григорію, съ краткимъ оглавленіемъ сихъ статей, и за симъ въ разсмотрѣніи и одобреніи оныхъ поступалъ на точномъ основаніи цензурнаго устава, представляя о заключеніи своемъ на усмотрѣніе его же преосвященнаго“ [408]).

Спѣшная будничная „указная“ работа сдѣлала Григорія мелочнымъ. Достаточно сказать, что самъ м. Филаретъ не всегда узнавалъ теперь безпристрастнаго Григорія въ его поступкахъ. „И мнѣ, пишетъ онъ архм. Антонію, не понравилось іерусалимское письмо въ „Духовной бесѣдѣ“. Страшно темное время. Претыкаются и тѣ, которые кажутся хорошо видящими. Меня спросили, что я думаю о статьяхъ въ Духовной бесѣдѣ противъ іезуита Гагарина. Я отвѣчалъ, что первая, какъ вступленіе, была хороша: а во второй нельзя одобрить укоризнъ; ибо онѣ только раздражаютъ, а ничего не доказываютъ. На сіе мнѣ отвѣчали, что одно слово прибавилъ самъ владыка.—Какое?—Было написано къ іезуитамъ: вашъ орденъ: поправлено: вашъ всѣми презираемый орденъ. Остаюсь при своемъ мнѣніи, что лучше бы не поправлять такъ“. „Я не разъ, пишетъ Филаретъ въ другомъ письмѣ, дѣлалъ владыкѣ замѣчанія о подобныхъ рѣзкостяхъ: но онъ думаетъ, что эта простота имѣетъ силу. Желаю быть въ семъ не правъ: но думаю, что можно было и лучше бы было избѣжать такихъ выраженій“ [409]).

Къ перечисленнымъ іерархамъ, пользовавшимся или по своему личному авторитету или по первенствующему положенію каѳедръ извѣстной степенью вліянія въ области духовно-цензурнаго надзора, слѣдуетъ присоединить оберъ-священника В. Кутневича, по его продолжительному участію въ синодальныхъ дѣлахъ, сначала (съ 1833 г.) въ качествѣ присутствующаго, а потомъ и члена синода.

По своему первоначальному образованію Кутневичъ принадлежалъ къ старой школѣ, но оканчивалъ его уже въ періодъ реформъ и оказался въ числѣ первыхъ преподавателей обновленной московской академіи. Спеціальныя занятія философіей пріучили его серьезнѣе другихъ считаться съ религіозно-философскими проблемами и въ самые молодые годы побудили его испробовать свои силы въ области полемики. Его студенческое сочиненіе „Разсужденіе противъ новѣйшихъ вольнодумцевъ“ въ

---

[408]) Сборникъ законоположеній и распоряж. по дух. цензурѣ..., стр. 162, (21 авг. 1859, № 937).

[409]) Письма къ Антонію ч. IV, стр. 90 и 138, отъ 3 апрѣля и 8 дек. 1858 г.

свое время обратило особенное вниманіе синода и было напечатано на казенный счетъ [410]).

Занимая должность баккалавра физико - математическихъ наукъ въ московской академіи, Кутневичъ состоялъ членомъ академическаго духовно-цензурнаго комитета (въ 1819—20 г.). Впрочемъ, въ дѣлахъ комитета сохранился лишь одинъ его отзывъ именно о переводѣ „Опровер̆женіе заблужденій философовъ 18-го вѣка“. Отрицательное заключеніе выведено изъ такого построеннаго цензоромъ періода: „Поелику заблужденія, въ означенной книгѣ предлагаемыя, были опровергаемы не токмо въ нашемъ отечествѣ, но и во всѣмъ ученомъ свѣтѣ и въ настоящее время не обращаютъ почти никакого вниманія; поелику трудившійся въ переводѣ не имѣлъ достаточныхъ свѣдѣній о предметахъ, въ сей книгѣ содержащихся, что видѣть можно изъ неправильнаго перевода многихъ рѣченій, въ наукахъ употребляемыхъ, въ чемъ онъ и самъ сознается въ предисловіи, то отослать переводчику безъ одобренія“ [411]).

Цензорскіе отзывы Кутнѐвича, относящіеся ко времени его присутствованія въ синодѣ, являлись болѣе благопріятными для авторовъ, чѣмъ слѣдовавшіе за ними опредѣленія общаго собранія синода. Въ видахъ улучшенія сочиненія онъ входилъ иногда въ непосредственныя сношенія съ авторомъ и „исправлялъ съ согласія сочинителя“ [412]). Затѣмъ, когда Кутневичу было поручено разсмотрѣніе „Всеобщаго нравоученія“ Рейнгарда (изъ „Нравственной библіотеки“ Фавицкаго), онъ, несмотря на „огромность“ дѣла, обнаружилъ стремленіе дать возможно объективную оцѣнку этому произведенію, для чего постоянно обращался къ подлиннику. Съ общими взглядами автора на христіанство, удѣлявшими слишкомъ много вниманія „религіозному сознанію“, Кутневичъ не соглашался. Но, какъ уже замѣчено ранѣе, „разсужденія о предметахъ, относящихся къ естественному нравоученію“, онъ призналъ довольно основательными и рекомендовалъ изданіе на русскомъ языкѣ общей части „нравоученія“, какъ весьма полезной. Синодъ же, находя, что „изъ замѣчаній петербургскаго комитета и прот. В. Кутневича достаточно усматривается, что книга сія содержитъ въ себѣ ученіе на ложныхъ, а не изъ откровенія взятыхъ началахъ“, призналъ сочиненіе безусловно вреднымъ для Россіи“ [413]).

Недостаточно твердою представилась общему собранію синода и рецензія Кутневича на „Историческій словарь объ угодникахъ православной Россійской церкви“ (Эристова и Яковлева), гдѣ въ виду трудности переработки словаря, Кутневичъ, несмотря на до-

---

[410]) А. С. С., 1808, 984.
[411]) М. Д. Ц. К., 1820, 6.
[412]) СПБ. Д. Ц. К., 1839, 21.
[413]) А. С. С., 1835, 1379.

пущенныя ошибки, предлагалъ не останавливать выпускъ въ свѣтъ уже отпечатанной книги, а отложить детальное ея исправленіе до слѣдующаго изданія. Заступничества В. Кутневича за издателей синодъ не уважилъ [414]).

Еще болѣе кратка можетъ быть рѣчь о тѣхъ іерархахъ, которые принимали участіе въ синодальныхъ засѣданіяхъ по вызову на отдѣльныя сессіи. Если, какъ извѣстно, самое избраніе ихъ временно-присутствующими, а тѣмъ болѣе оставленіе въ Петербургѣ на дальнѣйшее время опредѣлялось степенью ихъ готовности жертвовать своей независимостью [415]), то напрасно искать какой-либо самостоятельности и въ ихъ цензорскихъ отзывахъ. Сверхъ того, на основаніи одной-двухъ рецензій рискованно было бы дѣлать какія-либо общія заключенія о тѣхъ, кто ихъ оставилъ, хотя, съ другой стороны, онѣ обыкновенно и не противорѣчатъ сохранившимся о нихъ біографическимъ даннымъ.

Нѣсколько сочиненій было просмотрѣно епископомъ курскимъ, а впослѣдствіи арх. казанскимъ Владиміромъ во время его двукратнаго присутствованія въ синодѣ (1828—1831 и 1839 г. г.). „Обладалъ онъ, по отзыву одной біографіи, умомъ яснымъ, строго логическимъ, внимательно слѣдилъ за современнымъ направленіемъ литературы и за всѣми вопросами общественными и учеными, тщательно прочитывалъ каждую журнальную статью почему-либо замѣчательную, вѣрно замѣчалъ погрѣшности и ошибочныя мысли, осмѣивалъ нелѣпости и хвалилъ доброе“ [416]).

Свои рецензіи Владиміръ, дѣйствительно, составлялъ въ опредѣленныхъ выраженіяхъ. Такъ отзывъ объ одномъ изъ переводовъ епископа Августина (Сахарова) рецензентъ заключаетъ слѣдующими строками: „Изъ сихъ и изъ весьма многихъ другихъ... мѣстъ видно, что онъ безъ пособія кого-либо изъ опытныхъ въ греческомъ языкѣ и россійской словесности исправить сего перевода самъ собою не можетъ, что позволенія давать на изданіе оной рукописи въ настоящемъ ея качествѣ, по моему мнѣнію, вовсе не слѣдуетъ и что въ цензурный комитетъ отсылать ее опять на разсмотрѣніе значило бы только обременять его напрасно“ [417]). Или тамъ, гдѣ даже цензоръ московскаго комитета Делицынъ, знатокъ духовнаго слога, признавалъ „передачу мыслей ясною, языкъ правильнымъ, чистымъ, соотвѣтственнымъ языку бесѣдъ церковныхъ“, Владиміръ отмѣчалъ „излишнюю небрежность въ словахъ и выраженіяхъ“, заявлялъ, что „изъяс-

---

[414]) А. С. С., 1835, 1378.

[415]) Самая яркая характеристика тогдашняго „бездѣйствія нашихъ генераловъ, т. е. членовъ синода“, ихъ «осаднаго положенія» принадлежитъ Филарету Гумилевскому. (Письмо къ А. В. Горскому. Приб. къ твор. св. отц., 1883 г., I, стр. 255.).

[416]) Сборникъ имп. русск. ист. общ., т. 113, кн. 1, стр. 72—3.

[417]) А. С. С., 1829, 243.

ненie... такъ темно, что я и связи въ мысляхъ не нашелъ"; указывалъ „выраженія, оскорбительныя для слуха", и рекомендовалъ „отослать рукопись въ московскій комитетъ съ подтвержденіемъ ему разсматривать переводы св.-отеческихъ твореній тѣмъ тщательнѣе, чѣмъ предосудительнѣе пускать въ народъ ложную мысль переводчика подъ именемъ св. отца". Интересно, однако, что синодъ не сразу уважилъ это представленіе Владиміра и поручалъ ему „вновь пересмотрѣть означенную рукопись, согласно происходившему въ св. синодѣ разсужденію объ оной" [418]).

Въ самый разгаръ дѣла Павскаго въ синодѣ довелось присутствовать архіепископу рязанскому Гавріилу. Послѣдній былъ болѣе близокъ къ взглядамъ м. м. Филарета, чѣмъ къ „руководительнымъ началамъ", принятымъ тогда въ Петербургѣ. Въ частности, „вызванный въ синодъ, онъ хотѣлъ имѣть свой взглядъ на вещи, не подчиняясь безусловно опекѣ графа Пратасова". Выраженіемъ недовольства послѣдняго поведеніемъ Гавріила былъ отказъ въ исходатайствованіи подъемныхъ денегъ при возвращеніи архіепископа въ епархію [419]).

Тѣмъ не менѣе цензорскіе отзывы Гавріила далеко не запечатлѣны какою-либо самостоятельностью. Даже болѣе: его именно перу принадлежитъ приведенная выше рецензія на статью проф. Неволина по вопросамъ церковнаго права, гдѣ онъ, напр., къ тезису автора: „верховною государственною властью были издаваемы постановленія по всѣмъ частямъ церковнаго управленія и благочинія" счелъ необходимымъ „присовокупить такъ: въ согласіи впрочемъ со властію церковною" [420]).

Выразить свои цензорскіе взгляды на самые разнообразные предметы Гавріилъ имѣлъ случай въ своемъ отзывѣ на первый выпускъ (въ рукописи) „Церковной библіотеки" Дм. Языкова. По мнѣнію спб. цензурнаго комитета, этотъ трудъ имѣлъ „всѣ достоинства, требуемыя §§ 46—50 дух.-цензурнаго устава, но, заключая въ себѣ жизнеописанія святыхъ, изложеніе догматовъ и правилъ", онъ не могъ минуть синодальной цензуры. Занявшись его разборомъ, Гавріилъ отмѣтилъ, что словарь могъ бы принести пользу, если бы составленъ былъ въ менѣе обширныхъ размѣрахъ и „съ большею внимательностью, разборчивостью и знаніемъ духовныхъ предметовъ". Но свое „знаніе духовныхъ предметовъ" Гавріилъ обнаружилъ преимущественно въ массовомъ исключеніи статей, сопровождая ихъ обычной цензорской мотивировкою. Особенно возсталъ онъ противъ внесенія въ энциклопедію „описанія ересей, которыя изложены въ ней подробно, безъ всякаго впрочемъ на нихъ опроверженія, что не только не принесетъ никакой пользы читателямъ, но еще можетъ воз-

418) А. С. С., 1839, 680; ср. 1830, 599.
419) Сборникъ имп. русск. ист. общ., т. 113, кн. I, стр. 85.
420) А. С. С., 1841, 459.

рождать и усиливать вредныя мысли: Агапиты, которые, предаваясь любодѣянію, говорили, что чистымъ нѣтъ нечистаго: правило ихъ: клянись и нарушай клятву сколько угодно. Аеріане—отвергали посты и молитвы за умершихъ; епископовъ равняли простымъ священникамъ. Сомнительно также напечатать въ представленномъ видѣ статьи: Авгарь, царь едесскій, ибо рукопись сомнѣвается о посланіи его къ Іисусу Христу; Арсеній Глухій, который, исправляя требникъ къ напечатанію, исключилъ лишнія слова изъ канона водоосвященія „иогнемъ“, за что сарскій митрополитъ Іона осудилъ его и онъ содержался въ оковахъ 1½ года, но справедливо ли поступилъ митрополитъ—рукопись не объясняетъ; Арсеній Мацѣевичъ, митрополитъ ростовскій, который лишился сана за противорѣчія нѣкоторымъ учрежденіямъ коллегіи экономіи, по дѣламъ касающимся отвѣтственности по производившимся въ отчинахъ архіерейскихъ расходамъ, подвергся ссылкѣ и умеръ въ ревельской крѣпости... Сверхъ того, писалъ Гавріилъ, многія статьи слово въ слово заимствованы изъ Христіанскаго Чтенія и Писемъ о Богослуженіи, но имѣли ли издатели на это право,—не указано. Нѣкоторыя статьи написаны весьма пространно, цѣлыми разсужденіями, даже краснорѣчиво, хотя и не столь важны, напр. жизнь іер. Аникиты Ш.-Шихматова“...—Рукопись синодомъ была возвращена издателямъ съ предложеніемъ представить ее, по исправленіи, вновь въ духовную цензуру [421]).

Оставленные другими временно-присутствовавшими въ синодѣ іерархами отзывы о сочиненіяхъ и цензурныхъ эпизодахъ частью уже приведены выше (заключеніе Гедеона арх. полтавскаго [422]) по дѣлу Павскаго; отзывъ Кирилла, арх. подольскаго, о сочиненіи „Дни богослуженія..,“ прот. Дебольскаго; Венедикта, архіепископа олонецкаго, о сочиненіи Вершинскаго; Николая, епископа тамбовскаго, о житіи іер. Серафима), частью цитируются въ разныхъ мѣстахъ дальнѣйшаго изложенія (Евгенія, м. кіевскаго, Иннокентія, арх. херсонскаго, Игнатія, арх. донского, Евгенія, арх. астраханскаго).—Но нельзя закончить рѣчь о синодѣ, какъ высшей цензурной инстанціи, не коснувшись еще одного руководителя тогдашней церковной мысли—графа Пратасова.

Въ изданномъ въ 1844 году „Адресъ-календарѣ с.-петер-

---

[421]) СПБ. Д. Ц. К., 1841, 22. Матеріалъ для болѣе подробнаго знакомства со взглядами арх. Гавріила можно находить въ его письмахъ, особенно къ арх. Иннокентію. По нимъ можно судить и о скорбяхъ Гавріила, какъ «кочующаго» автора, котораго «повлекли», «запрятали», „перевели и такъ далѣе“... (Матеріалы для біографіи Иннокентія Борисова, вып. I. Письма Гавріила, арх. херсонск., стр. 10. Также вып. II., стр. 10, 22 и др.).

[422]) Гедеонъ, кстати сказать, «очень нравился графу Пратасову, который держалъ его въ синодѣ около семи лѣтъ, какъ вполнѣ соотвѣтствовавшаго его желаніямъ и угадывавшаго его намѣренія». Сборникъ ист. общ., т. 113, кн. I, стр. 108.

бургскихъ жителей"... „въ статьѣ о св. синодѣ, вмѣсто означенія составляющихъ оный седьми высшихъ духовныхъ особъ, пребывающихъ въ столицѣ", было „показано подъ общимъ наименованіемъ „присутствующихъ" только одно духовное лицо и три свѣтскія: оберъ-прокуроръ и чиновники за оберъ-прокурорскимъ столомъ". Несмотря на возникшую по этому поводу переписку составители, кажется, такъ и не уяснили себѣ, почему именно „подобное изложеніе представляетъ составъ высшаго управленія въ превратномъ видѣ, несовмѣстимомъ съ церковными и государственными узаконеніями", о чемъ настойчиво стали имъ твердить представители вѣдомства православнаго исповѣданія [423]).

Этотъ случай наглядно показываетъ, въ какомъ видѣ представлялся для стороннихъ людей составъ святѣйшаго правительствующаго синода, и каковъ былъ бытовой взглядъ на роль въ немъ свѣтскихъ лицъ, особенно графа Пратасова.

Отмѣтивъ уже ранѣе отдѣльныя черты воздѣйствія Пратасова на ходъ русской богословской мысли и считая пока преждевременнымъ подводить общіе итоги его охранительной дѣятельности, ограничимся здѣсь характеристикой той точки зрѣнія, съ которой могъ смотрѣть полковникъ, а впослѣдствіи генералъ-адъютантъ Пратасовъ на всякую и, въ частности, духовную литературу.

Многія подвластныя гр. Пратасову лица, вынужденныя добиваться его благосклоннаго вниманія къ своимъ литературнымъ трудамъ, щедро расточали въ своихъ обращеніяхъ на его имя отмѣнныя аттестаціи. Одни находили въ его „благочестіи дѣятельнаго и мудраго способника ученыхъ упражненій" [424]); другіе восхваляли его „особенную любовь къ наукамъ и просвѣщенію и отличающія его доброту сердца и возвышенныя правила" [425]). Третьи начинали издалека. „Нѣкогда пастыри стада, писалъ одинъ епископъ, восхищенные славословіемъ небесныхъ силъ, прошли до Виѳлеема града воздать поклоненіе Рождшемуся... Подобно и я нынѣ... переношусь духомъ до престольнаго града принести Вамъ радостнѣйшее привѣтствіе..., моля Его благость, да съ новымъ... лѣтомъ даруетъ Вамъ силы въ благопопечительныхъ трудахъ на пользу церкви и отечества". И затѣмъ, уже въ качествѣ post-scriptum'а, епископъ-переводчикъ справлялся о судьбѣ своего труда [426]).

---

[423]) К. О. П. С. С., 1845, 35537. По увѣренію предисловія, адресъ-календарь былъ составленъ на основаніи «оффиціальныхъ документовъ и свѣдѣній».

[424]) К. О. П. С. С., 1846, 37404.

[425]) К. О. П. С. С., 1846, 37397.

[426]) К. О. П. С. С., 1846, 37421. Труду этому,—«переложенію на русскій языкъ неприкосновенной Ч.-Минеи»,—Пратасовъ сочувствовать не могъ. Такъ на одно изъ первыхъ писемъ отвѣтъ былъ составленъ въ духѣ резолюціи: «отвѣчать, что если угодно прислать свой трудъ, то можетъ».

Конечно, „любителемъ наукъ“ и „способникомъ просвѣщенія“ Пратасовъ можетъ быть названъ въ той лишь мѣрѣ, въ какой его домашнее образованіе и карьера въ лейбъ-гусарскомъ полку—научнымъ образованіемъ и успѣхами въ просвѣщеніи. Мостомъ, по которому, за три года до своего назначенія въ синодъ, Пратасовъ перешелъ изъ военной на гражданскую службу, было участіе его въ главномъ управленіи цензуры въ качествѣ члена. Это званіе осталось за нимъ до самаго 1850 г., когда онъ вошелъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ объ освобожденіи его—между прочимъ по многосложности обязанностей—отъ этого званія [127]).

Сверхъ того имп. Николай, въ самые отвѣтственные моменты духовно-цензурной охраны, предпочиталъ возлагать полномочія высшаго духовнаго цензора не на кого-либо другого, а именно на своего „достойнаго и вѣрнаго слугу“ [128]). Пратасовъ, конечно, „какъ лицо свѣтское“, затруднялся „окончательно судить о предметахъ богословскихъ“ и стремился, при первой возможности, передовѣрить свои полномочія. Но чтобы это не имѣло характера отказа отъ „службы его императорскаго величества“, онъ, въ удобный моментъ, указывалъ на необходимость создавать особые комитеты для тщательнаго выполненія возложенныхъ на него порученій, или же входилъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ съ предложеніями св. синоду [129]).

Въ виду такой тѣсной связи Пратасова съ цензурой, вполнѣ естественно, что онъ привыкъ мѣрить всю литературу взглядомъ высшаго довѣреннаго цензора. При этомъ свою опеку надъ богословской мыслью онъ готовъ былъ утверждать на своеобразно понимаемыхъ словахъ Іоанна Златоустаго: „доброе невѣдѣніе лучше худого знанія“ [130]).

Пратасовъ зналъ объ авторскихъ невзгодахъ и страданіяхъ,

---

[127]) Всеподд. доклады, хранящ. въ канц. об.-прок., 1850 г., № 33, 25 февр.

[128]) Слова высочайшей отмѣтки на докладѣ о смерти гр. Пратасова (16 янв. 1855 г.). Извлеченіе изъ отчета об.-прокурора св. синода за 1855 г., стр. 2.

[129]) Ср. далѣе,—объ обстоятельствахъ учрежденія при синодѣ секретнаго цензурнаго комитета; также о цензурѣ народныхъ изданій (стр. 306).

[130]) Секр. дѣло канц. об.-прокур., 1842 г., № 8. Кстати, по поводу ссылки Пратасова на І. Златоуста, любопытно привести «анекдотъ», передаваемый Н. Лѣсковымъ. «Разсказываютъ, что Пратасову, въ видѣ намека на его неподготовленность, кто-то анонимно прислалъ выписку изъ мнѣній Григорія Богослова, гдѣ говорится объ «опасности, чтобы священный санъ не сдѣлался наиболѣе подлежащимъ осмѣянію, ибо предсѣдательство пріобрѣтается не добродѣтелью, а происками. Не бываетъ-де ни врача, ни живописца безъ предварительной подготовки». Пратасовъ будто бы написалъ на этомъ изъ того же св. отца (письмо къ Василію В.): «Не видалъ я ни одного собранія епископовъ, которое имѣло бы во всѣхъ отношеніяхъ полезный конецъ и не увеличивало бы бѣдствій, вмѣсто того, чтобы избавлять отъ нихъ». Историч. Вѣст., 1882, XI, 401, «Синодальныя персоны».

вызываемыхъ строгостью цензуры, не прочь былъ, при случаѣ, по первоисточникамъ провѣрить настроеніе авторовъ; тѣмъ не менѣе ихъ горячія заявленія были для него не болѣе, какъ докладными, ни къ чему не обязывавшими, записками. Особенно интересно обращеніе къ Пратасову т. с. А. Стурдзы съ критикой дѣйствій духовной цензуры. Возвращая Стурдзѣ одну его рукопись, не пропущенную петербургскимъ дух.-цензурнымъ комитетомъ, Пратасовъ, очевидно изъ вѣжливости, сдѣлалъ въ концѣ письма добавленіе: „При семъ покорнѣйше прошу..., въ случаѣ, если вы изволите найти нужнымъ сдѣлать какое-либо возраженіе противъ означеннаго мнѣнія, доставить его мнѣ, чтобы я могъ дать дѣлу сему дальнѣйшій ходъ“.

Стурдза, не особенно настаивая на изданіи „настоящаго скуднаго произведенія“, воспользовался случаемъ, чтобы высказать все то, что наболѣло даже у консервативнаго писателя при сношеніяхъ съ д.-цензурными комитетами. „...Если позволено, писалъ онъ между прочимъ, переходить отъ случаевъ частныхъ и маловажныхъ къ соображеніямъ большаго объема, то, необинуясь я долженъ признаться вашему сіятельству, что образъ сужденія и пріемы нашихъ духовныхъ цензуръ вовсе для меня неизъяснимы.

„Ибо, во-первыхъ: цензура рѣшительно не знаетъ или не хочетъ знать, что цензура никогда не должна быть критикою. Цензура должна ручаться за б е з в р е д н о с т ь подлежащихъ ея разсмотрѣнію сочиненій; за полноту же оныхъ, за изящество, отдѣлку и слогъ она ни въ какомъ случаѣ не отвѣчаетъ. Пока цензоры духовные и свѣтскіе не убѣдятся въ этой простой истинѣ, до тѣхъ поръ у насъ на святой Руси не будетъ ни духовной, ни свѣтской литературы. Во вторыхъ, духовная цензура, именно московская, позволяетъ себѣ удерживать представленныя рукописи по нѣскольку лѣтъ, — это испытывалъ я самъ; иногда же возвращаетъ рукопись съ грубыми и колкими на поляхъ отмѣтками. На все сіе имѣю доказательства. Въ-третьихъ, неумолимая и строгая въ отношеніи къ православнымъ писателямъ цензура нерѣдко оказывала и оказываетъ преступное снисхожденіе къ издаваемымъ въ огромномъ количествѣ переводнымъ трактатцамъ съ языковъ—англійскаго и нѣмецкаго.

...„Мнѣ кажется, что если строго судить о духовныхъ твореніяхъ, то—о всѣхъ безъ разбора и лицепріятія. Напротивъ, отъ указуемой мною несообразности въ дѣйствіяхъ цензуры рождается соблазнъ и въ умахъ читателей вселяется жалкое смѣшеніе понятій.

„Высказанныя мною в. с-ву почтительныя замѣчанія, тѣмъ болѣе достойны вниманія, что въ настоящее время приносятся къ намъ отвнѣ странные слухи о какомъ-то мнимомъ стремленіи нашихъ духовныхъ книжниковъ къ і е р а р х и ч е с к и м ъ измѣ-

неніямъ, съ духомъ и уставами восточной церкви несогласнымъ. Увѣреннымъ о Господѣ остаюсь въ томъ, что эти слухи ложны; да послужатъ однакожъ намъ предостереженіемъ".

Такія разсужденія,—вполнѣ благонамѣренныя, какъ видно изъ третьяго пункта,—безъ сомнѣнія, не могли понравиться Пратасову, особенно намеки на „мнимыя" латинствующія тенденціи „духовныхъ книжниковъ". „Принять къ свѣдѣнію" была его резолюція [431]). А вскорѣ затѣмъ наступилъ 1848 годъ, послѣ котораго вмѣсто какихъ-либо послабленій авторамъ введены были чрезвычайныя мѣры охраны.

Считая для себя болѣе удобнымъ въ цензурныхъ пререканіяхъ уклоняться отъ отвѣтовъ по существу дѣла и не высказываться ни за, ни противъ—Пратасовъ зато принялъ подъ свою опеку ту сторону цензурнаго надзора, которая особенно соотвѣтствовала характеру какъ его, такъ и его вдохновителя—К. Сербиновича.

„Знаемъ, что его глазъ обращается болѣе на формы и поверхности",—писалъ о Пратасовѣ І. Скворцовъ [432]). И духовно-цензурный надзоръ, какъ и все, испыталъ сильное вліяніе этой особенности „глаза" Пратасова. Послѣдній считалъ своимъ долгомъ предупреждать всякаго рода упущенія, обнажать лазейки и заботиться о дальнѣйшемъ „развитіи и усовершенствованіи" цензурныхъ учрежденій. Единичный самъ по себѣ фактъ служилъ поводомъ для новаго закрѣпленія цѣпей и звеньевъ системы. Такъ напр., уже черезъ годъ по вступленіи Пратасова въ синодъ всѣ духовно-цензурные комитеты были охвачены новыми усовершенствованными рамками годичныхъ отчетовъ. Поводомъ послужилъ незадолго до этого открытый „соблазнительный проступокъ". Въ нѣкоторыхъ экземплярахъ седьмого изданія книжки „Безцѣнный подарокъ дѣтямъ", вышедшей съ дозволенія духовной цензуры, были напечатаны въ искаженномъ видѣ символъ вѣры и седьмая заповѣдь,—послѣдняя съ опущеніемъ отрицательной частицы. На дознаніи, однако, выяснилось, что наряду съ испорченными существовали и чистые экземпляры, а равно и то, что по отпечатаніи книга не была представлена въ цензуру для полученія билета на выпускъ. Поэтому отъ отвѣтственности цензоръ (Филаретъ Гумилевскій) былъ освобожденъ [433]).

Имѣя въ виду этотъ инцидентъ, Пратасовъ обратилъ вниманіе синода на то, что въ получаемыхъ изъ комитетовъ вѣдомостяхъ содержатся свѣдѣнія лишь о пропущенныхъ, а не о дѣйствительно вышедшихъ въ свѣтъ книгахъ. Между тѣмъ, „Верховное Духовное Управленіе не должно оставаться въ не-

[431]) К. О. П. С. С., 1846, 37409.
[432]) Матеріалы для біографіи... Иннокентія.., вып. II, Письма І. Скворцова, стр. 59, (отъ 6 іюня 1844 г.). Ср. В. Евр. 1883, сент., стр. 224—7.
[433]) Арх. Св. С., 1837, 1472.

извѣстности о числѣ и наименованіяхъ таковыхъ книгъ". Въ результатѣ, были утверждены строго регламентированныя формы отчетовъ [434]).

Однако, какъ оказалось, строгая отчетность должна была служить не однѣмъ цѣлямъ цензурнаго надзора. Она давала цифры, необходимыя для статистики успѣховъ духовнаго просвѣщенія во всеподданѣйшемъ отчетѣ. Съ характеромъ и результатами относящейся сюда бухгалтеріи можно познакомиться по отчету за самый мрачный для богословской науки 1842 годъ.

Въ отдѣлѣ отчета о трудахъ цензурныхъ комитетовъ еще довольно сухо излагается число „рукописей и изображеній", пропущенныхъ каждымъ изъ нихъ. „Всего, говорится тамъ, цензурными комитетами разсматривано 394 книги, рукописи и изображенія; изъ нихъ получили цензурное одобреніе 333". Но въ заключеніе отчетъ вновь возвращается къ тѣмъ же цифрамъ и уже вдохновенно повѣствуетъ: „Для читающаго класса народа разсмотрѣно было духовною цензурою до 400 сочиненій; изъ типографіи синода и епархіальныхъ вновь выпущено богослужебныхъ и назидательныхъ книгъ въ числѣ 273650 экз. Къ двумъ повременнымъ духовнымъ изданіямъ въ С.-Петербургѣ и Кіевѣ, уже пріобрѣтшимъ общую извѣстность, прибавилось третье въ Москвѣ, излагающее творенія св. отцевъ въ русскомъ переводѣ. Особо напечатанными бесѣдами простиралось слово убѣжденія къ заблуждшимъ отъ истины, и въ минувшемъ году церковь ревностью служителей своихъ стяжала еще 29,000 изъ послѣдователей раскола и изъ иновѣрцевъ разныхъ исповѣданій. Сіи новыя чада древняго православія, вмѣстѣ съ приращеніемъ народнымъ, увеличили ея паству 416,000 душъ" [435]).

Но не говоря уже о томъ, что въ окончательномъ итогѣ триста тридцать три превратилось въ четыреста и почти полтораста „изображеній и листовъ" въ сочиненія, можно еще далѣе продолжить разъясненіе нарисованной картины, сопоставляя выводы съ „дѣлами" комитетовъ.

Главную массу „сочиненій" составляли отдѣльныя статьи и стихотворенія журналовъ—академическихъ и знаменитаго „Маяка", а также отдѣльныя мѣста изъ разныхъ книгъ, присылавшіяся изъ гражданской цензуры. Не менѣе десятка нумеровъ доставили объявленія о книгахъ (между ними „посвященіе сенатору Абакумову") и столько же одна священная исторія Муравьева, вносившаяся въ цензуру отдѣльными статьями. Слѣдуетъ затѣмъ усомниться, насколько можно считать пріобрѣтеніемъ именно для отчетнаго года много уже разъ повторявшіяся мелкія изданія Иверсена, и насколько служили къ общему назиданію рѣчи „по случаю по-

434) Арх. Св. С., 1837, 1474.
435) Извлеч. изъ отчета об.-пр. св. син. за 1842 г., стр. 61 и 114.

лученія церковнымъ старостою медали“ или „надъ гробомъ дѣйств. ст. совѣтницы NN“ [436]).

Правда, и свѣтская литература не дала за тотъ же годъ блестящихъ результатовъ, но относительно этого можно привести „особое мнѣніе“ Бѣлинскаго. Въ своемъ обозрѣніи „Русская литература за 1842 годъ“ онъ пишетъ: „Можетъ быть многіе увидятъ... противорѣчіе въ нашемъ воззрѣніи на русскую литературу въ послѣднее время съ отчетомъ о ея бюджетѣ за прошлый годъ, бѣдности котораго мы сами не скрываемъ. Для такихъ читателей замѣтимъ, что мы въ своемъ воззрѣніи руководствовались не числомъ, а качествомъ произведеній. Сущность и духъ литературы выражаются не во всѣхъ ея произведеніяхъ, а только въ избранныхъ. Пусть число этихъ „избранныхъ“ будетъ не велико, но какъ они лучшія, то они и представители литературы. Когда литература умираетъ на своей засохшей почвѣ, тогда не можетъ явиться ни одного превосходнаго творенія, а прошлый годъ подарилъ насъ „Мертвыми Душами“. При томъ же, если теперь и много представляется явленій посредственныхъ и плохихъ, то развѣ нельзя назвать успѣхомъ литературы и общественнаго вкуса то обстоятельство, что такія произведенія тотчасъ же оцѣниваются какъ слѣдуетъ и не пользуются никакимъ успѣхомъ?..“ [437]).

Между тѣмъ шедевръ духовной литературы за тотъ-же годъ, согласно отчету, состоялъ въ слѣдующемъ: „Въ числѣ книгъ, съ разрѣшенія св. синода дозволенныхъ къ напечатанію, особенное вниманіе заслуживаетъ представленный ст. совѣтникомъ Востоковымъ списокъ съ древней рукописи, хранящейся въ императорской публичной библіотекѣ,—Остромірова евангелія“ [438]).

И вотъ сопоставленіе этихъ двухъ—подлинно-критическаго и бюрократическаго взглядовъ на литературу: сравненіе „превосходнаго творенія“, съ одной стороны, и палеографическаго памятника съ другой; помѣщеніе въ активъ духовнаго вѣдомства изданія Остромірова Евангелія [439]), съ рѣзко выразившимся въ томъ же 1842 году стремленіемъ сдѣлать вообще рѣдкостью экземпляры св. писанія,—все это невольно заставляетъ ассоціировать мертвящій „взглядъ Пратасова на формы и поверхности“ со словами пророческаго обличенія: „Ты говоришь: я богатъ, разбогатѣлъ и ни въ чемъ не имѣю нужды; а не знаешь, что ты несчастенъ и жалокъ, и нищъ, и слѣпъ и нагъ“ [440]).

---

[436]) А. С. С., 1843, 19; Спб. Д. Ц. К. и М. Д. Ц. К. за 1842.

[437]) Собр. сочиненій, т. III, (Кіевъ, 2-е изд.), стр. 170.

[438]) Извлеченіе изъ отчета оберъ-прокурора за 1842 г., стр. 61.

[439]) Какъ было упомянуто (стр. 245, прим.), именно духовное вѣдомство выдвинуло на первый планъ „сомнѣнія“ относительно возможности изданія этого памятника со всѣми его «отступленіями отъ общепринятаго текста».

[440]) Апокал., III, 17.

Изъ приведенныхъ данныхъ относительно дѣятельности св. синода, какъ высшей цензурной инстанціи [141]), видно, что цензурныя права и обязанности не только закрѣплены были за синодомъ статьей устава, но и фактически осуществлялись имъ въ очень широкихъ размѣрахъ. Къ концу разсматриваемаго періода съ вѣдома синода издавались не только перечисленныя въ уставѣ „цѣлыя сочиненія“, но и „части“ ихъ и „изложеніе и защищеніе какихъ-либо неосновныхъ догматовъ вѣры и христіанской дѣятельности“, вплоть до „отрывка изъ одобренныхъ сочиненій“, который „неудачно отторженный отъ предыдущаго и послѣдующаго, можетъ подвергнуться неблагопріятному и неправильному примѣненію“,—вплоть до цитаты изъ полнаго собранія законовъ.

Въ силу многократныхъ напоминаній синода объ усиленіи бдительности цензурнаго надзора, рядовые члены духовно-цензурныхъ комитетовъ даже въ той области, гдѣ они могли „одобрять или отказывать сами собою“, чаще всего должны были дѣйствовать по внушенію, а иногда и прямо механически примѣнять циркуляры, вытекавшіе изъ неясныхъ даже для нихъ соображеній.

Синодальная власть сдѣлалась средоточіемъ и выразителемъ всѣхъ тѣхъ предпосылокъ, цѣлей и средствъ, которыя своей совокупностью образуютъ извѣстный режимъ. И если, въ частности, въ отмѣченномъ въ свое время порядкѣ сношеній съ синодомъ московской духовной цензуры, по поводу каждаго сочиненія, можно находить вліяніе безжизненной традиціи, то централизація духовно-цензурнаго надзора въ николаевское время была дѣломъ сознательнымъ и сообразованнымъ съ дѣйствовавшими тогда предначертаніями.

Творцы и представители режима, утверждая его пригодность для даннаго времени, принимаютъ на себя и главную долю отвѣтственности—предъ современниками и исторіей—за качества этого режима и результаты его примѣненія. Къ тѣмъ, кому болѣе дано, приходится по преимуществу обращать вопросы о степени соотвѣтствія проводимаго ими режима дѣйствительнымъ интересамъ даннаго времени, и по итогамъ дѣятельности тѣхъ учрежденій, которыя, находясь вверху, произносили свои приговоры отъ имени церкви, умѣстнѣе всего судить о степени „церковности“ ихъ взглядовъ и дѣлъ.

Послѣ всего сказаннаго въ очеркахъ цензурныхъ судебъ

---

[141]) Нѣкоторыя черты синодальнаго надзора за литературой излагаются въ слѣдующихъ главахъ, по связи ихъ съ другими,—еще не охарактеризованными доселѣ, сторонами духовной цензуры. Въ тѣхъ же цѣляхъ прагматизма выдѣлена изъ обозрѣнія цензурной дѣятельности синода и рѣчь объ «учрежденномъ въ 1851 году при св. синодѣ секретномъ комитетѣ въ видахъ строгаго наблюденія за дѣйствіями духовной цензуры». Его генезисъ заключается прежде всего во взаимоотношеніяхъ духовной и свѣтской цензуры.

различныхъ группъ духовныхъ сочиненій, въ характеристикахъ личныхъ взглядовъ синодальныхъ дѣятелей и послѣ всего высказаннаго въ приводимыхъ попутно болѣе типичныхъ отзывахъ современниковъ о разныхъ сторонахъ „простираемой за тысячи верстъ отеческой попечительности“, отвѣтомъ на только что поставленные вопросы можетъ служить краткое напоминаніе основныхъ чертъ этой „попечительности“.

О соотвѣтствіи уровня церковно-богословской литературы запросамъ жизни гораздо болѣе, нежели оффиціальные „хлопоты о церкви“, заботилась частная инициатива. И скорѣе чѣмъ сознаніе руководителей способны были отражать на себѣ живыя теченія „неоффиціальные“ научно-литературные опыты авторовъ, не исключая опытовъ и нѣкоторыхъ представителей высшей іерархіи.

Уже въ виду одного этого различія степени отзывчивости, всякій, кто „брался сочинять“ на жизненныя темы, долженъ былъ предъ лицомъ высшей власти, „корпораціи“, чувствовать себя „выскочкою“, вышедшимъ за предѣлы обязанности „смирять свой помыслъ“,—сглаживать свою индивидуальность.

Но, какъ извѣстно, вопросъ о чуткости церковной власти не исчерпывается однимъ этимъ отрицательнымъ моментомъ. Ея примѣненіе къ требованіямъ времени шло еще особымъ путемъ и выражалось по преимуществу въ формахъ приспособленія и предупредительности къ господствовавшимъ правительственнымъ настроеніямъ.

Это всегдашнее тяготѣніе къ „союзу двухъ властей“ и ко взаимной охранѣ съ особенной силой раскрывалось во весь разсматриваемый періодъ, измѣняясь лишь въ зависимости отъ обстановки. Такъ сложность обстоятельствъ конца александровскаго времени вызывала большую осторожность и предусмотрительность церковной власти какъ во всемъ, такъ и, между прочимъ, въ примѣненіи своихъ цензурныхъ полномочій. Лишь самыя важныя произведенія вносились на обсужденіе высшей церковной власти. И одной изъ причинъ этого факта,—сверхъ другихъ независящихъ,—было нежеланіе членовъ синода привлеченіемъ къ своей цензурѣ сочиненій увеличивать число поводовъ „для борьбы съ свѣтскими членами“ церковнаго управленія [442]). Опасаясь необходимости скрѣплять своей подписью не строго православные акты и произведенія, современные іерархи предпочитали или „уклоняться на время“ отъ выступленій со своими мнѣніями, даже когда представлялся къ тому поводъ, или, напротивъ, высказывали особенную предупредительность къ предложеніямъ министерства духовныхъ дѣлъ, чтобы этимъ самымъ заслужить хотя нѣкоторое вліяніе на выполненіе его предпріятій.

---

[442]) Ср. Письма м. Филарета къ Антонію, ч. IV, стр. 152.

Зато, когда „корабль церкви“ былъ выведенъ изъ „мглы мистицизма“, получившіе преобладаніе члены синода повѣрили въ безусловную правильность новаго курса или—выражаясь тогдашнимъ терминомъ—„обратнаго хода“. Безъ колебаній,—иногда лишь со слабыми протестами,—они готовы были подписываться подъ указаніями приставниковъ этого курса относительно дальнѣйшаго теченія церковныхъ дѣлъ и, частнѣе, церковной мысли.

Это было нетрудно и удобно. Но тогда синодальной власти оставалось прежде всего выполнять тѣ обязательства, которыя вытекали изъ внушеннаго Шишковымъ и неоднократно запечатлѣннаго во всеподданнѣйшихъ докладахъ Пратасова именемъ церковной власти положенія: „тѣло—государство, церковь—душа“. Признаніе неразрывной связи между неповрежденностью вѣры и прочностью государственныхъ связей—съ одной стороны, реформаціей и революціей,—съ другой пріучило къ механической оцѣнкѣ собственно церковныхъ представленій [443]). Для всесторонняго обсужденія фактовъ церковной жизни и обнаруженій церковной мысли оставалось слишкомъ мало мѣста. И если среди самихъ членовъ синода бывали еще такіе, у которыхъ не исчезли хотя ограниченные порывы „бѣжать туда, на чистый воздухъ, къ живой водѣ“, то и они скоро должны были „прекращать рѣчи“. Несогласные съ ними всегда имѣли наготовѣ такіе факторы, съ помощью которыхъ болѣе живую рѣчь безъ труда можно было остановить „немощнымъ словомъ“ и, напротивъ, „подписанное полумертвою рукою представить какъ написанное живою и сильною“ и добиться высочайшаго утвержденія. Оригинальныя мнѣнія погребались въ совершенно секретныхъ производствахъ.

Допустивъ возможность обращенія къ помощи внѣшнихъ воздѣйствій, какъ къ средству устранять „разногласія въ догматахъ вѣры“, оффиціальное церковное сознаніе уже не могло идейно протестовать противъ того, что богослужебные чины составлялись по высочайшей волѣ и съ ея „апробаціи“; что „уравненіе церковнаго пѣнія“ готово было въ полной мѣрѣ отойти къ придворному вѣдомству; что рѣшающее вліяніе на судьбу образцовъ вѣры могли оказывать высшіе чины военной іерархіи; что вопросъ о распространеніи между паствой св. писанія и религіозно-нравственной литературы принималъ тотъ или иной оборотъ въ зависимости отъ „предуставленной гармоніи“; что проповѣдь церковная была связана цѣлою цѣпью контролирующихъ другъ друга инстанцій и т. д. и т. д.

При такомъ положеніи дѣлъ не могли находить себѣ признанія и принятые на себя синодомъ „самоотверженные труды“

---

443) Сравн. приведенный выше отзывъ м. Антонія (Рафальскаго), стр. 344.

по устраненію отъ своей паствы всѣхъ соблазновъ, сомнѣній и претыканій. Сами эти заботы носили въ себѣ горшій соблазнъ для современниковъ. Ибо передъ ними выступало не одно уже недомысліе, малодушіе или карьеризмъ рядовыхъ цензоровъ, протоіереевъ и архимандритовъ, но „подозрительная“, какъ выразился А. Тургеневъ, измѣнчивость въ своихъ заключеніяхъ „цѣлаго синода“. И какъ ни тяжелы были обстоятельства „тридцатилѣтняго труднаго поприща“, какъ ни естественны могли казаться, въ виду ихъ, заботы „считавшихъ себя хорошо видящими дѣла и людей“ объ охраненіи даровитыхъ членовъ церкви отъ „нарушеній дисциплины“ и затѣмъ „мрачныхъ казематовъ“,— лучшіе изъ нихъ не могли и не хотѣли примириться съ пріобрѣтеніемъ личнаго покоя жертвой церковной независимости, не могли простить „цѣны цѣненнаго“. И чѣмъ напряженнѣе становилась высшая охрана чистоты и безопасности церковной мысли и слова, тѣмъ болѣе тоски и отчаянія находимъ въ ихъ интимныхъ отзывахъ. Горькое слово одного изъ нихъ пусть послужитъ заключеніемъ характеристики св. синода, какъ высшаго цензурнаго учрежденія.

По поводу сомнѣній относительно возможности напечатать въ Воскресномъ чтеніи одну „обличительную проповѣдь“, сказанную въ Харьковѣ арх. Иннокентіемъ (Борисовымъ), редакторъ журнала философъ І. Скворцовъ пишетъ ея автору [411]: „О. ректоръ имѣлъ разговоръ о проповѣди вашей съ нашимъ владыкою, и владыка сказалъ, что хорошо бы такую проповѣдь представить св. синоду, хотя, впрочемъ, и онъ не совсѣмъ одобряетъ наше напечатаніе такой проповѣди. А какъ же представить синоду, не дѣлая непріятности харьковскимъ властямъ?— Вотъ до чего мы дожили, что и святой правды вслухъ сказать уже не смѣемъ!.. Гдѣ же тѣ, которые предъ цари глаголали и не стыдились? Гдѣ Ѳеодосіевы обличители? Гдѣ Златоусты, не щадившіе вельможъ?...“

---

[411]) Матеріалы для біографіи Иннокентія. Письма прот. И. М. Скворцова, вып. II, стр. 79 (отъ 21 апр. 1846 г.). Барсуковъ. Жизнь и труды Погодина, кн. VI, стр. 385. (Письмо къ арх. Иннокентію М. Погодина).

ГЛАВА VI.

Цензурные комитеты при духовныхъ академіяхъ.

Въ качествѣ одной изъ основъ произведенной въ 1808—1828 г.г. реформы духовно-цензурнаго надзора явилась, какъ было уже отмѣчено, его порайонная система. Цензурный комитетъ при академіи получалъ значеніе центральнаго учрежденія для духовныхъ сочиненій, появлявшихся въ предѣлахъ каждаго академическаго округа. Соотвѣтственно этому постепенно были учреждены комитеты при петербургской, московской, кіевской и казанской духовныхъ академіяхъ, правда, съ нѣкоторыми отступленіями отъ общаго плана въ силу разнаго рода причинъ и соображеній. И этой простой схемѣ естественно слѣдовать при общемъ разграниченіи того матерьяла, который оставила по себѣ дѣятельность новыхъ органовъ надзора за книгопечатаніемъ.

Что же касается порядка распредѣленія историческихъ данныхъ въ предѣлахъ каждаго цензурнаго комитета, то цѣлесообразнѣе предпочесть біографическое изложеніе матеріала — по личностямъ отдѣльныхъ цензоровъ. Объясненіемъ выбора такого именно метода изслѣдованія можетъ служить слѣдующее.

Главнѣйшія точки зрѣнія, господствовавшія въ области духовно-цензурнаго надзора за данное время, также тѣ руководственныя указанія, которыя неоднократно, по роду сочиненій, преподавались центральной властью подчиненнымъ ей органамъ,—уже изложены въ двухъ предыдущихъ главахъ, съ попутными указаніями ихъ отраженій на мѣстахъ. Нѣтъ, поэтому, особенной надобности разсматривать тѣ же темы, пусть даже теперь изъ оконъ отдѣльныхъ комитетовъ.

Затѣмъ, необходимо отмѣтить, что,—въ отличіе отъ своеобразнаго быта московской духовной цензуры, — комитеты не могли создать спеціальнаго бытового уклада, или, говоря точнѣе, даже существуя въ извѣстной мѣрѣ, онъ не имѣлъ поводовъ отражаться въ цензурныхъ дѣлахъ. Члены каждаго комитета, состоя изъ лицъ академическаго—административнаго и профессорскаго—персонала, проживая обыкновенно въ разныхъ частяхъ города, приходили между собою лишь во внѣшнее соприкосновеніе на засѣданіяхъ комитета. Отсюда тѣ черты коллегіальной жизни, которыя хотя отчасти можно воспроизводить по черновымъ запискамъ членовъ московской цензуры едва-ли могутъ быть возстановлены въ отношеніи комитетовъ. Не было въ нихъ и отдѣльныхъ предсѣдателей, которые могли бы, по примѣру московской цензуры, являться нѣкоторымъ средоточіемъ этой жизни.

Важнѣе всего, однако, то, что, съ преобразованіемъ цензуры на новыхъ началахъ, индивидуализмъ членовъ комитета въ дѣлѣ разсмотрѣнія книгъ получилъ въ нѣкоторой мѣрѣ законное обоснованіе.—Если „положеніе" 1799 г. и позднѣйшія подтвержденія московской духовной цензурѣ настаивали на представленіи каждымъ членомъ цензуры отдѣльнаго отзыва о всякомъ поступавшемъ въ нее сочиненіи, то уставъ академическихъ комитетовъ дѣлаетъ на этотъ счетъ существенную уступку. „Разсмотрѣніе... сочиненій и переводовъ, предназначаемыхъ для общественнаго употребленія, комитетъ, смотря по содержанію и важности оныхъ, предоставляетъ своимъ опредѣленіемъ или одному изъ членовъ своихъ, или всѣмъ членамъ" [1]).

Хотя, согласно смыслу дальнѣйшихъ статей (66—8), свой отзывъ каждый членъ комитета обязанъ былъ читать общему присутствію и отъ него получать „разрѣшеніе сомнѣній", но, конечно, практика не усваивала этимъ статьямъ особеннаго значенія, тѣмъ болѣе, если оказывалось, что даже засвидѣтельствованное подписями рѣшеніе общаго собранія о той или другой книгѣ не имѣло характера круговой поруки. О послѣднемъ же свидѣтельствуетъ слѣдующій фактъ. Когда началось дѣло о пропускѣ цензоромъ Голубинскимъ книги „Іисусъ", и возникъ вопросъ объ отвѣтственности, конференція московской академіи стала на такую точку зрѣнія: „Какъ книгу сію разсматривалъ и исправлялъ прот. Голубинскій, а прочіе члены цензурнаго комитета въ разсмотрѣніи и исправленіи ея не участвовали, хотя, соображаясь съ мнѣніемъ его, и дали согласіе на одобреніе ея, то прот. Голубинскій одинъ и долженъ отвѣтствовать въ неправильномъ одобреніи ея". Синодъ и сдѣлалъ замѣчаніе одному Голубинскому [2]).

Наконецъ, воспроизведеніе дѣятельности академическихъ комитетовъ посредствомъ характеристикъ отдѣльныхъ цензоровъ является путемъ наиболѣе справедливымъ. „Исторія цензуры эпохи императора Николая I—это рядъ анекдотовъ, то комическихъ, то печальныхъ, оставляющихъ, однако, по себѣ чувство какого-то недоумѣнія. Читая, напримѣръ, исторію русской цензуры А. М. Скабичевскаго, или дневникъ Никитенко, или матеріалы, собранные Барсуковымъ, начинаешь жалѣть нашихъ цензоровъ, хотя между ними и попадались удивительные экземпляры въ смыслѣ типичности, съ какой они воплотили въ себѣ

[1]) П. С. З., т. III, 1981, § 37.

[2]) Правда, въ пятидесятые годы, по представленію новоучрежденнаго при синодѣ секретнаго цензурнаго комитета, церковная власть стала вновь настаивать на усиленіи коллегіальнаго способа разсмотрѣнія сочиненій. Но теперь это требованіе менѣе чѣмъ когда-либо могло быть реально осуществлено, если не по усиленному притоку сочиненій, то, по многогранности тѣхъ критеріевъ, которыми обязаны были руководиться цензоры.

духъ времени и бурбонства. Послѣ введенія новаго цензурнаго устава, эти маленькіе чиновники совершенно растерялись, не зная, чего же въ концѣ концовъ отъ нихъ требуютъ" [3]).

Это общее впечатлѣніе, вынесенное однимъ историкомъ литературы отъ знакомства съ приставниками „умственныхъ плотинъ" николаевской эпохи, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, дѣятельность цензоровъ гражданскихъ, въ извѣстной мѣрѣ относится и къ членамъ цензуры духовной. Здѣсь царилъ тотъ же трагикомизмъ, который можетъ возбуждать и сходное чувство сожалѣнія.

Тѣмъ не менѣе, хотя одинъ рокъ тяготѣлъ надъ всѣми, и никого не освобождалъ отъ своей власти общій режимъ, но было, разумѣется, и различіе въ отношеніяхъ къ его велѣніямъ со стороны отдѣльныхъ цензоровъ.

Одни добровольно „споспѣшествовали предначертаніямъ" свыше, другіе поступали также, но уже послѣ борьбы съ собой, третьи обнаруживали нѣкоторый протестъ и... страдали.

Долгъ изслѣдователя не смѣшивать однихъ съ другими. Онъ обязанъ, насколько, конечно, позволяютъ матеріалы, оттѣнить индивидуальные штрихи отдѣльныхъ мнѣній, подчеркнуть различіе взглядовъ.

С.-Петербургскій Духовно-Цензурный Комитетъ.

Уже по своему топографическому положенію—вблизи центральнаго духовнаго управленія—петербургскій духовно-цензурный комитетъ болѣе другихъ долженъ былъ испытывать вліяніе и отражать на себѣ колебаніе непостоянной петербургской атмосферы. Если митрополиты петербургскіе, въ качествѣ попечителей академическаго округа, въ общемъ, не такъ ревниво, какъ іерархи провинціальныхъ академическихъ городовъ, слѣдили за дѣятельностью комитета,—зато невдалекѣ находились синодальныя канцеляріи,—еще ближе органы Голицына, а впослѣдствіи Пратасова въ видѣ взысканныхъ ими ректоровъ академіи и семинаріи. И эти закулисныя вліянія оставили свои слѣды даже въ оффиціальныхъ дѣлахъ, хотя, конечно, самыя интимныя воздѣйствія происходили втайнѣ, такъ что въ числѣ документальныхъ данныхъ содержится лишь приглашеніе того или другого изъ цензоровъ явиться къ извѣстному часу „для объясненія по дѣламъ службы" [4]). Эти личные переговоры, внушенія, ходатайства, безъ сомнѣнія, имѣли не маловажное значеніе въ дѣятельности петербургскаго духовно-цензурнаго комитета, зато въ той же мѣрѣ

---

[3]) Евг. Соловьевъ (Андреевичъ). Очерки по исторіи русской литературы XIX в., Спб. 1902 г., стр. 47—8.

[4]) Напр. дѣло спб. духовно-цензурнаго комитета 1843 г., 21 декабря; 1839, 32.

они являются и препятствіемъ къ возстановленію пожалуй самыхъ интересныхъ деталей при характеристикѣ лицъ и фактовъ.

Вторая черта, которая также обращаетъ на себя вниманіе особенно при сравненіи спб. комитета съ московскимъ, заключается въ частой смѣнѣ членовъ цензуры. Одни умирали, другихъ переводили и отрѣшали, третьи сами „за распространеніемъ круга обязанностей“ отказывались. Въ общемъ, за сорокъ пять лѣтъ (1809—1855) въ его составѣ перебывало тридцать два лица. Немалое число изъ входившихъ въ составъ комитета членовъ-протоіереевъ и даже архимандритовъ имѣли дѣйствительно распространенный кругъ весьма разнородныхъ обязанностей въ ущербъ аккуратности по цензурѣ [5]).

Выше уже отмѣчено, что въ силу разныхъ причинъ дѣятельность петербургскаго духовно-цензурнаго комитета въ первые годы его существованія была крайне ограничена. За отсутствіемъ же въ его архивѣ до 1816 года какихъ-либо данныхъ нельзя намѣтить даже общими штрихами характеристикъ его первыхъ членовъ [6]).

Историческая жизнь комитета начинается собственно со времени участія въ немъ архм. Иннокентія. Его выступленія противъ мистиковъ, даже производимыя имъ на собственный страхъ и рискъ, все же оттѣняли и политическую роль представляемаго имъ комитета. Чтобы не повторять еще разъ инцидента съ пропускомъ „Бесѣды на гробѣ младенца“ и затѣмъ имѣя въ виду далѣе отмѣтить стремленія Иннокентія къ распространенію церковнаго вліянія на свѣтскую литературу, достаточно для характеристики его ревности ограничиться нѣсколькими замѣчаніями на трудъ Монтескье.

„Недавно, пишетъ архм. Иннокентій, отпечатана изд. четвертая

---

[5]) Вотъ перечень членовъ петербургскаго духовно-цензурнаго комитета съ 1809 по 1855 годы:

Анатолій (Максимовичъ) архм. (1809—1812); свящ. И. Данковъ, 1809—17; И. Голубовъ 1809—10; І. Бедринскій, 1811—24; Меѳодій (Пишнячевскій), архм., 1812—13; Иннокентій (Смирновъ), 1813—1819; Г. Павскій, свящ., 1817—1827; Поликарпъ (Гойтанниковъ), архм., 1819—24; Іоаннъ (Доброзраковъ) 1824—27; С. Платоновъ, прот. 1825—31; Иннокентій (Борисовъ), архм. 1827—30; Антоній (Домкинскій), архм. 1826—7; Наѳанаилъ (Павловскій), архм., 1827—30; Іосифъ (Поздныш евъ), соб. іером., въ 1831 г.; Макарій (Зиминъ), архм. 1831—37; І. Ивановъ (свящ.) 1831—35 г.; Платонъ (Городецкій) 1832—38; І. Колоколовъ, свящ. 1835—38 г; Климентъ (Можаровъ) архм. 1837 г.; Евсевій (Ильинскій), архм. 1839; Аѳанасій (Соколовъ), архим., 1838—1841 г.; Филоѳей (Успенскій) 1840—41 г. Іоасафъ (Покровскій), архим. 1839—41 и 1843—44; Делекторскій, К., свящ., 1841—2; Райковскій, А., прот., 1841—5; Макарій (Булгаковъ, сверхштатный членъ), архм., 1844—48; Никольскій Т., прот., 1842—48; Ѳеогностъ (Лебедевъ), архим., (времен.); Окуневъ А., прот., 1842—51 г; Аввакумъ (Честной), архм. 1845—9; Іоаннъ (Соколовъ) архм. 1848—57 г.; Іоанникій (Горскій), архим., 1850—57 г; Кириллъ (Наумовъ), архм., 1851—5; Богословскій М., прот., съ 1853 г.; Карповъ, В., проф. съ 1855 г.

[6]) Стр. 87 и слѣд.

часть „О существѣ законовъ“ г. Монтескье. Въ журналахъ авторъ называется безсмертнымъ и такимъ, коего долженъ имѣть всякій человѣкъ мыслящій и коего часто одна строка стоитъ цѣлаго тома. Но въ немъ между прочимъ находится противное евангелію, грекороссійской церкви и отечеству. Именно, перевернувши нѣсколько листовъ, нечаянно читаемъ: „Религія, повелѣвая прекращеніе труда, должна смотрѣть болѣе на нужды людей, чѣмъ на величіе существа, въ честь котораго сіе дѣлается“. Такое правило г. Монтескье можно назвать безбожнымъ: поелику нужды человѣческія, временныя, предпочитаетъ нуждѣ богопочтенія. Величіе существа Божія выше всякихъ нуждъ человѣческихъ; почитаніе Бога есть нужда вѣчная и необходимая для всякаго человѣка. Слѣдственно религія не должна смотрѣть болѣе на нужды людей, нежели на величіе существа. Перевернувъ же сей листъ, находишь еще: „Константинъ, установивъ праздновать воскресеніе, сдѣлалъ сіе учрежденіе для городовъ, а не для сельскихъ жителей: онъ зналъ, что въ городахъ занимаются трудами полезными, а въ селеніяхъ трудами необходимыми“. Есть ли предположить, что праздникъ воскресенія учрежденъ только для градскихъ жителей, а не для всѣхъ христіанъ, то сіе учрежденіе противно бы было четвертой заповѣди, гдѣ седьмый день, что нынѣ есть воскресеніе, отлагается Господу Богу. Въ словахъ автора находится клевета и на христіанскую церковь: поелику не „Константинъ установилъ праздновать воскресеніе“: но отъ апостоловъ церковь приняла установленіе сего праздника.

„Далѣе авторъ открываетъ свои мысли о духовныхъ лицахъ: „Духовенство есть родъ недолженствующій умножаться; вмѣсто того, чтобы запретить духовенству дѣлать пріобрѣтенія, надобно стараться внушить въ него отвращеніе отъ оныхъ, т. е. оставить право, а самое дѣло уничтожить“ (гл. V, стр. 55). На стр. 57 о монастыряхъ говоритъ, что „сіи люди (монахи) играютъ противъ народа, съ тою только разницею, что мечутъ противъ него банкъ“. Сими правилами и мыслями г. Монтескье ведетъ къ вольномыслію и, есть ли позволено сказать, къ уничтоженію христіанства: а по одобренію господъ журналистовъ преимущественно приглашаются всѣ христіане россіане читать его сочиненія. Христіанская церковь можетъ испытать отъ сего сперва холодность читателей, довѣрившихся сему автору: а потомъ вольнодумство и презрѣніе ко всему священному“... [7])

Сослуживецъ Иннокентія, протоіерей казанскаго собора І. Бедринскій по количеству лѣтъ, проведенныхъ въ званіи цензора, занимаетъ первое мѣсто среди членовъ петербургскаго комитета. За свою 13-лѣтнюю (1811—1824 г.) „усердную службу

---

[7]) К. Д. У., 1814, 1135. О твердости взглядовъ Иннокентія,—«присутствіи духа въ протестахъ“ сравн. Письма м. м. Филарета къ А. Н. Муравьеву, стр. 18.

по должности цензора“ онъ, при оставленіи ея, былъ награжденъ орденомъ Анны 2-ой степени [8]). Но въ то же время количество разсмотрѣнныхъ имъ сочиненій весьма скромно. Въ 1813 г. онъ не прочелъ ни одной рукописи, въ 1814 г. разсмотрѣлъ четыре, въ 1815—одну, въ слѣдующемъ двѣ и т. д. [9]). Кромѣ того есть основанія думать, что Бедринскій уклонялся отъ разбора сочиненій, написанныхъ на спорныя и щекотливыя темы, и предоставлялъ высказываться относительно ихъ своимъ сочленамъ. „Lexicon theologicum“; „Начертаніе церковной исторіи отъ библейскихъ временъ до XVIII в.“, архм. Иннокентія; „Изъясненіе на посланіе ап. Павла“; „Изложеніе соборнаго посланія Іакова“; „Исторія россійской іерархіи“; „Книга Сираха, переложенная въ стихи“,—вотъ перечень болѣе значительныхъ произведеній, о которыхъ далъ отзывы Бедринскій. Конечно, при постоянномъ тяготѣніи духовной цензуры къ критикѣ, можно было бы ожидать, что и онъ въ своихъ отзывахъ, напримѣръ, о „классическихъ“ произведеніяхъ Евгенія и Иннокентія, постарается сказать свое слово. Но какъ разъ именно здѣсь онъ ограничивается лишь нѣсколькими голословными строками [10]).

Въ другихъ, болѣе подробныхъ, отзывахъ онъ иногда давалъ перевѣсъ милости, „въ томъ, напримѣръ, уваженіи, что изданіе словарей стоитъ трудящемуся большого пожертвованія душевными и тѣлесными силами и однимъ пріемомъ не бываетъ оно совершенно“... Иногда же, наоборотъ, всю силу своей проницательности онъ употреблялъ на отысканіе знаменитаго „двоякаго смысла“, „когда простая травка можетъ казаться змѣинымъ жаломъ“, по выраженію самого Шишкова.

„Какой мечъ?“, переспрашиваетъ цензоръ, прочтя фразу Стурдзы, что „церковь тихими стопами приближается къ предѣлу сихъ бѣдствій, нося мечъ слова въ своемъ сердцѣ...“ „Планъ сотворенія міра—да будетъ Богъ всяческая во всѣхъ“, резонерствуетъ протоіерей по поводу мысли автора, что и „раздѣленіе церквей совершилось не безъ промысла Божія“ [11]).

Впрочемъ, не всѣ „недоумѣнные вопросы“, которые такъ охотно ставилъ Бедринскій, оставались безъ отвѣта со стороны заинтересованныхъ лицъ. Такъ его замѣчаніе на поляхъ одной рукописи, что слова ап. Іакова „терпѣніе Іовле слышасте и кончину Господню видѣсте“ оставлены въ контекстѣ безъ поясненія, вызвало такую отповѣдь со стороны арх. тверскаго Филарета: „Неправда, поясненіе сдѣлано въ слѣдующихъ словахъ: слышали вы, чѣмъ вѣнчалъ его всеблагій и многомилостивый Богъ. Цен-

---

[8]) СПБ. Д.-Ц. К., 1824, 4.
[9]) СПБ. Д.-Ц. К., 1817, 8.
[10]) Тамъ же, 1816, 3.
[11]) Тамъ же, 1816, 2; 1821, 37; 1820, 3.

зоръ не понялъ толкованія оттого, что самъ не такъ понималъ толкуемыя слова“ [12]).

Еще интереснѣе эпизодъ со „стихотворнымъ переложеніемъ книги Сираха“, трудомъ слѣпого священника Пакатскаго. Бедринскій, можетъ быть, въ отместку автору за то, что свой „Плачъ пророка Іереміи“ онъ издалъ въ 1814 году съ разрѣшенія свѣтской цензуры [13]), со всей силой ополчился противъ новаго его произведенія и воспретилъ его изданіе. Это вызвало со стороны автора горячее обличеніе цензора въ томъ, что онъ, отыскивая натяжки въ стихахъ, „самъ натягивается излить на трудъ долгихъ лѣтъ всю строгость цензуры своей до безпредѣльности“. Затѣмъ не безъ ловкости онъ стремится поразить цензора его же оружіемъ. Приведя, напримѣръ, свои стихи: „Великій Богъ, съ начала міроздания, Вся съ твердымъ разумомъ творилъ свои созданья“, и замѣчаніе цензора „твердый разумъ какъ бы предполагаетъ, что можно ему имѣть слабый разумъ“, Пакатскій заставляетъ цензора сдѣлать отсюда и выводъ: „слѣдовательно нельзя назвать его и премудрымъ?! благимъ? и т. д.“ Пуританской строгости Бедринскаго по отношенію къ цитатамъ изъ языческихъ писателей авторъ противопоставляетъ фактъ употребленія ихъ І. Христомъ и апостолами („яждь, пій, веселися“, въ притчѣ о богачѣ и пр.) и вообще защищаетъ „освященное вѣками право свободы стихотворцевъ“. Исправленное переложеніе кн. Сираха было уже черезъ два года одобрено цензоромъ Іоанномъ [14]).

Послѣ удаленія въ Пензу архм. Иннокентія, его мѣсто въ цензурномъ комитетѣ было предоставлено архм. Поликарпу (Гойтанникову [15]). Въ этомъ званіи онъ находился съ 1819 по 1824 годъ, когда былъ переведенъ въ московскую академію,— слѣдовательно въ самое смутное время, въ періодъ тайной и явной борьбы двухъ направленій. И нельзя не замѣтить, что печальныя обстоятельства, освободившія занятую Поликарпомъ вакансію, а также пожалованіе его Голицынымъ въ директоры библейскаго общества сдѣлали его положеніе довольно затруднительнымъ.

Характеръ его цензурной дѣятельности можно, кажется, опредѣлить тою же фразою, которую Фотій прилагаетъ къ митр. Михаилу: „мало нѣчто думалъ противиться, но тайно“ [16])... Въ самомъ дѣлѣ, всѣ отзывы Поликарпа о книгахъ, въ той или

[12]) Собр. мн. и отзыв., т. II, № 141.
[13]) Журналы К. Д. У., 13 іюня 1814 г.
[14]) СПБ. Д. Ц. К., 1822, 13.
[15]) К. Д. У., 1819, 2483. Въ 1824 г. былъ назначенъ ректоромъ московской академіи, но въ 1836 былъ освобожденъ отъ этой должности за неустройства по академіи и немонашескій образъ жизни. Ср. письма м. Филарета къ Антонію, ч. I, стр. 93—5; 185 и слѣд.; Приб. къ твор. св. от. 1883, 4, стр. 658—660.
[16]) Р. Ст., 1895, VII, 185.

иной степени испытавшихъ вліяніе мистицизма, носятъ характеръ партизанскихъ вылазокъ. Не называя нигдѣ подобныхъ сочиненій настоящимъ именемъ, Поликарпъ дипломатически умѣлъ выбрать изъ нихъ самыя характерныя мѣста и, приведя ихъ въ отзывѣ, все твореніе ad absurdum reducere.

Такъ, разсматривая книгу „Наука о познаніи самого себя", писанную полууставомъ и изданную въ свѣтъ „нѣкоторымъ премудрымъ авторомъ", цензоръ пишетъ: „книга, несмотря на обѣщаемую отъ ней въ самомъ надписаніи пользу.., напечатана быть не можетъ, какъ по невразумительности языка и выраженій, большею частью астрономическихъ и химическихъ, такъ и по уклоненію, болѣе или менѣе примѣтному, отъ здравыхъ словесъ Господа нашего І. Христа къ стихіямъ міра и къ словопреніямъ лжеименнаго разума... Напримѣръ: „Авель положилъ начало линіи жизненной, даже до Маріи чистѣйшей между дѣвами, которой дѣвическое основаніе свѣта осѣнила сила вышняго, т. е. слава его, яко страдательное божество, въ коемъ духъ слова чрезъ возбужденіе магическаго треугольника образовалъ истинную мужескую огненную душу, тингировалъ мгновенно оную свѣтомъ Божества своего и составилъ для обоихъ ефирное тѣло изъ святой стихіи и наконецъ породилъ истиннаго человѣка". Все сіе, заключаетъ архм. Поликарпъ, предлагаю на разсмотрѣніе цензурнаго комитета" [17]).

Подъ тѣмъ же предлогомъ сомнительности, слабости, неопредѣленности „выраженій" Поликарпъ и въ послѣдующіе годы старался очищать проходившія чрезъ его цензуру книги отъ не совсѣмъ православныхъ мнѣній. Таковы его отзывы о произведеніяхъ: Стурдзы „О ученіи и духѣ православной церкви"; Таулера „Избранныя мѣста" (переводъ Ястребцова), „Изображеніе нравственности", чиновника Шелгунова [18]).

Но самымъ характернымъ образцомъ указанной тактики Поликарпа можетъ служить его критика проповѣдей Малова. Онѣ представлялись въ цензурный комитетъ частями. О первой части Поликарпъ далъ еще сдержанный отзывъ, основная мысль котораго такова: „хотя проповѣди большею частью хороши и назидательны, но въ настоящемъ видѣ напечатаны быть не могутъ"... „Въ нихъ не мало противнаго здравому ученію; часть уступительная или возразительная растянута до половины проповѣди, что можетъ соблазнить"...

Однако, сильный связями проповѣдникъ мало обращалъ вниманія на цензорскія сентенціи и для первой же части проповѣдей выхлопоталъ соизволеніе на посвященіе ихъ в. кн. Михаилу Павловичу. Вѣроятно, не безъ вліянія этой причины въ

---

[17]) СПБ. Д. Ц. К., 1820, 6.
[18]) Тамъ же, 1820, 3 и 14; 1824, 21.

отзывѣ Поликарпа о второй части уже замѣтно раздраженіе, выражающееся въ нападкахъ личнаго характера. Цензоръ обращаетъ вниманіе на „странные и неумѣстные вопросы проповѣдника“, на „мѣста, гдѣ онъ не забываетъ похвалить себя самого (говоря, что душа его-де пламенно предана Господу, что онъ есть орудіе Божіе и посредникъ)“, на то, что „лишь для увеличенія листовъ онъ дѣлаетъ выписки о раввинахъ“ и т. д.

Свое отношеніе и къ этому отзыву Маловъ ясно обнаружилъ тѣмъ, что еще до представленія въ цензуру третьей части сдѣлалъ объявленіе о ней въ С.-Петербургскихъ вѣдомостяхъ и раздавалъ на нее билеты. Послѣднее обстоятельство особенно сильно задѣло Поликарпа, и вотъ онъ постарался разобрать представленную рукопись по всѣмъ цензурнымъ и гомилетическимъ правиламъ. Здѣсь онъ уже не стѣснялся дѣлать натяжки [19]) и придавать незыблемое значеніе всѣмъ предписаніямъ относительно раздѣленія, предложенія, изложенія, трактаціи, цитированія текстовъ...

Въ заключеніе Поликарпъ предложилъ цензурному комитету, вмѣсто отсылки рукописи автору, сдать ее въ архивъ и донести м-ту Серафиму о томъ, „не благоугодно ли будетъ его высокопреосвященству приказать кому-либо рѣчи и слова Малова тщательнѣе просматривать прежде произнесенія, дабы въ особенности неправильностью изложенія догматовъ не подать случая многимъ къ соблазну, а неправильностью слога и выраженій, вмѣсто назиданія, не подать случая къ посмѣянію для благоразумныхъ и безпристрастныхъ“.

Результаты были согласны съ желаніями Поликарпа: сочинителю была выдана лишь копія опредѣленія съ указаніемъ причинъ отказа, а предварительная цензура проповѣдей Малова была возложена митрополитомъ на Бедринскаго и Павскаго[20]).

Вообще симпатіи Поликарпа лежали въ другой области. Онѣ ясно сквозятъ, напр., въ отзывѣ о „Избранныхъ мѣстахъ изъ словъ пр. Исаака Сирина“. „Слова сіи по духу и силѣ, съ каковыми написаны, выше всякой похвалы и весьма желательно издать и остальныя сочиненія преподобнаго. Въ виду же нѣкоторыхъ недостатковъ перевода, не благоугодно ли будетъ комитету возвратить рукопись переводчику и просить его держаться, гдѣ можно, обыкновеннѣйшаго нарѣчія, дабы принесть истинную пользу и назиданіе гораздо большему числу читателей“[21])...— Различіе тона приведенныхъ отзывовъ говоритъ само за себя

[19]) „Во многихъ мѣстахъ, заявляетъ, напр., цензоръ, сочинитель погрѣшаетъ въ извѣстнѣйшихъ догматамъ. Въ субботу, по нему, І. Христосъ—страдалъ, умеръ и погребенъ“...

[20]) Спб. Д. Ц. К., 1821, 32, 1822, 4.

[21]) Тамъ же, 1820, 6.

Самымъ выдающимся изъ цензоровъ, перешедшихъ изъ александровской эпохи въ николаевскую, былъ, конечно, свящ. Г. П. Павскій.

При сопоставленіи понятій „духовная цензура" и „прот. Павскій" въ сознаніи прежде всего выступаетъ пассивное положеніе знаменитаго экзегета-филолога,—испытаніе его правовѣрія въ горнилѣ спеціальныхъ комитетовъ,—выступаетъ болѣе, чѣмъ его собственная дѣятельность на поприщѣ той же цензуры.

Среди отзывовъ членовъ спб. духовно-цензурнаго комитета отзывы Павскаго замѣтно выдѣляются своимъ спокойствіемъ, сравнительной объективностью, отсутствіемъ мелочныхъ придирокъ, восклицательныхъ знаковъ и т. п. По этой же причинѣ и измѣнчивыя вѣянія „духа времени" не колебали его цензурной точки зрѣнія, основанной на почвѣ св. писанія, „здраваго разума" и фактовъ дѣйствительности [22]). Такъ, въ самый разгаръ мистическихъ чаяній единой религіи, онъ не стѣснялся усиленно подчеркивать „папистическія тенденціи и уклоненія частной церкви римской". Зато, напримѣръ, среди пререканій по вопросу о судьбѣ духовнаго схоластическаго образованія онъ и до и послѣ „достопамятнаго 1824 года" всегда оставался противникомъ книгъ, „написанныхъ школьнымъ языкомъ и изобилующихъ такими терминами, которые въ людяхъ неученыхъ производятъ отвращеніе отъ истиннаго богословія"[23]).

Прежде всего онъ старательно изгонялъ все схоластическое изъ спеціальной области своего знанія,—пособій въ дѣлѣ преподаванія еврейскаго языка и одобрялъ примѣненіе „новѣйшихъ по сей части наблюденій". Разсматривая грамматику Пожарскаго, онъ вооружается противъ приписываемыхъ удареніямъ „высокихъ титуловъ царей, императоровъ, князей, что противно доброму вкусу, а свойственно лишь раввинской схоластикѣ". Допуская для грамматикъ лишь самые необходимые техническіе термины, Павскій, при разсмотрѣніи одной изъ нихъ (Мироносицкаго), не удержался даже, чтобы не воскликнуть: „Храни Боже нашъ языкъ отъ такихъ грубостей, какъ термины: парагога, аферезисъ, синкопа, метатезисъ"[24]).

Стоя на точкѣ зрѣнія жизненныхъ потребностей, не могъ онъ примириться и съ такими проповѣдями, которыя представляли собою „ученическія хріи въ ученическомъ вкусѣ", съ произвольными толкованіями, доказательствами отъ противнаго и т. далѣе хотя бы онѣ произносились при погребеніи княженъ, или сказаны были авторитетными лицами въ іерархіи [25]).

---

[22]) Спб. Д. Ц. К., 1825, 14.
[23]) Спб. Д. Ц. К., 1819, 12; 1821 г., 9; 1821, 36 (самый отзывъ 1825 г.).
[24]) Спб. Д. Ц. К. 1818, 6, 1825, 5; 1820, 10.
[25]) Спб. Д. Ц. К. 1820, 1.

Съ другой стороны, вызывали строгое порицаніе Павскаго и рѣчи упомянутаго уже Ал. Малова,—лица очень близкаго къ мистикамъ. Разбирая его „слово надгробное", Павскій между прочимъ замѣтилъ: „По моему мнѣнію, оно не имѣетъ никакого достоинства въ отношеніи къ церковной каѳедрѣ. Изъ устъ проповѣдника всякій хочетъ слышать мысли христіанскія, изложенныя важнымъ слогомъ. Но въ семъ словѣ одни пустые звуки, наборъ словъ... Ораторъ изъ общихъ мѣстъ собираетъ хвалы усопшей, называя ее „утѣшительницей человѣчества, домоправительницей благоразумнѣйшей" и прочими именами въ превосходнѣйшей степени. „Почему, спрашиваетъ ораторъ, она должна была увянуть какъ цвѣтокъ (очень русское), отпасть какъ листвіе (очень славянское), отлетѣть какъ вѣтръ, прейти какъ сонъ, убѣжать какъ видѣніе, сокрыться какъ метеоръ привременный" (странный наборъ словъ!..)".

„Если назвать рѣчь не словомъ, а напр., „плачъ молитвенный", то она, продолжаетъ Павскій, могла бы быть издана; но подъ именемъ проповѣди или слова не можетъ быть въ публикѣ. Въ сей проповѣди—ни одного слова, ни одной мысли почерпнутой изъ св. писанія. Наборъ словъ, лесть нестерпимая для слуха и для чувства... Не въ наборѣ прилагательныхъ, въ превосходной степени поставленныхъ, состоитъ достоинство рѣчи, но въ указаніи самыхъ дѣлъ, заслуживающихъ вниманія публики"[26]).

Не пропустилъ, конечно, Павскій и мистической рукописи „Толкованіе именъ божественныхъ", гдѣ слово „ура" было включено въ эту категорію...[27]).

Тѣмъ естественнѣе Павскій искалъ „указанія самыхъ дѣлъ" при разсматриваніи сочиненій историческихъ. Такъ, о книжкѣ „Краткое историческое обозрѣніе россійской церкви" Павскій замѣчаетъ: „Духъ, съ которымъ смотрѣлъ сочинитель на событія, болѣе набожный, нежели разборчивый, историко-критическій. Оттого повѣсти, носившіяся въ набожныхъ преданіяхъ, становятся на ряду съ исторіей и вносятся въ очень длинныя, но ни мало не убѣдительныя разсужденія..." Впрочемъ,—вѣрный своему обычаю отмѣчать все за и противъ,—Павскій даетъ такое заключеніе: „Не нахожу книгу сію классическою, но, впрочемъ, для употребленія въ народѣ признаю годною, по ея набожному стремленію—(безъ назначенія для школъ). Если же какая школа сочтетъ ее своею классическою, пусть считаетъ и употребляетъ. Пока нѣтъ наилучшаго, дотолѣ годится и хорошее и посредственное"[28]).

Зато, когда представлялись въ цензуру сочиненія, имѣвшія

26) Спб. Д. Ц. К., 1822, 9.
27) Спб. Д. Ц. К., 1824, 9.
28) Спб. Д. Ц. К., 1819, 4.

болѣе широкія цѣли и претензіи, Павскій примѣнялъ къ нимъ и болѣе острые критеріи. Такъ одобрить „Евангельскую исторію" (сводъ) онъ согласился лишь подъ условіемъ выпуска примѣчаній: „въ нихъ указываются только разногласія, а не указывается способъ соглашенія, а потому читатель будетъ введенъ ими въ непріятную мысль о разногласіи евангелистовъ. Указывать разногласія можно тамъ, гдѣ указывается и способъ соглашенія... Точность требуетъ того, чтобы мѣста изъ писанія приводились подлинно въ томъ духѣ и тонѣ, въ какомъ они поставлены тамъ" [29]).

Или: не протестуя противъ изданія въ свѣтъ „Археологіи церковныхъ обрядовъ", Ив. Дмитревскаго, Павскій добавляетъ: „впрочемъ, классическою она быть не можетъ,—ибо для таковой не довольно одного свода разнообразныхъ матерій подъ извѣстныя статьи, чѣмъ особенно она отличается, но нужны сужденія, сравненіе, болѣе точное и основательное расчлененіе содержанія, чего въ ней не достаетъ. Также есть такія положенія, которыя основаны на частномъ мнѣніи и сдѣланы общими"... [30]).

Оригинальное явленіе въ цензурной дѣятельности Г. П. Павскаго представляетъ разсмотрѣніе имъ переводовъ св. писанія на инородческіе языки.—Повидимому Павскаго уже тогда склонны были считать обладающимъ даромъ языковъ до безпредѣльности. По крайней мѣрѣ, издавался ли переводъ катехизиса Филарета на грузинскій языкъ, или—новаго завѣта на какое-либо финское нарѣчіе, свидѣтельствованіе его правильности поручалось Г. П. Павскому. И если въ первомъ случаѣ ему еще могъ оказать помощь какой-либо чиновникъ-спеціалистъ изъ министерства иностранныхъ дѣлъ, или заѣзжій іеромонахъ [31]), то въ послѣднихъ приходилось ему изобрѣтать собственные цензурные пріемы. Они могутъ быть охарактеризованы двумя отзывами Павскаго [32]). Свидѣтельствуя переводъ евангелія на остяцкій языкъ, составленный разными лицами въ тобольской епархіи, онъ пишетъ: „Не зная остяцкаго языка, я не могу судить о достоинствѣ перевода, касательно его ясности и удобопонятности для остяковъ, а также правильности и чистоты языка. Впрочемъ, такъ какъ при этомъ переводѣ есть буквальный съ него переводъ на россійскій языкъ, то можно нѣсколько судить и о качествахъ подлинника. Онъ очень недостаточенъ по всѣмъ отношеніямъ и его нельзя назвать переводомъ евангелія отъ Матѳея, а лишь свободнымъ повѣствованіемъ о дѣлахъ І. Христа по руководству ев. Матѳея, въ примѣненіи къ правиламъ и обычаямъ остяковъ и къ мѣстному положенію и состоянію ихъ земли. Въ переводѣ не пере-

29) С.П.Б. Д. Ц. К. 1822,15.
30) С.П.Б. Д Ц. К., 1820,10.
31) Тамъ-же, 1827,3.
32) С.П.Б. Д. Ц. К., 1820, „Дѣло по сношеніямъ съ комм. дух. училищъ".

дается чистое понятіе о дѣлахъ и жизни Іисуса, какъ онъ жилъ и дѣйствовалъ въ землѣ іудейской, но какъ бы хотѣлось переводчику, чтобы онъ жилъ и училъ у остяковъ въ Сибири. Оттого, вмѣсто слова пустыня поставлено „лѣсъ“; вмѣсто акриды — звѣрки,—родъ комаровъ; динарій—серебрянная рублевка; сыны царствія—богатые люди; мытари—государственные сборщики; блаженны нищіе духомъ—передано: счастливы тѣ, которые неучены; да святится имя твое,—да будетъ имя твое свѣтло, какъ солнце, дай намъ на томъ свѣтѣ хорошее мѣсто; вмѣсто „пасха“—слова, которое вездѣ принято,—сказано: „великій святой обѣдъ, праздничный день великолѣпнаго стола“. Очевидно, заключаетъ цензоръ, причиною сего было то, что языкъ остяцкій не имѣетъ словъ для выраженія всѣхъ вещей, находившихся въ землѣ іудейской, но въ такомъ случаѣ можно бы было употребить слова русскія для остяка и внизу объяснить. Ни одинъ въ свѣтѣ переводъ не существуетъ, гдѣ бы переводились обычаи на обычаи, климатъ на климатъ“.

Еще болѣе сложную задачу представляло разсмотрѣніе перевода евангелія на вогульскій языкъ. Къ нему не было даже приложено дословнаго пояснительнаго текста на русскомъ языкѣ. Тѣмъ не менѣе Павскій и здѣсь далъ свой отзывъ. „О достоинствахъ перевода, писалъ онъ, судить не могу, потому что нѣтъ буквальнаго перевода на россійскій языкъ. По соображенію, какое можно было сдѣлать, видно, что переводъ близокъ къ подлиннику, постояненъ въ выраженіяхъ, ибо одни слова подлинника одинаково переведены. Слова, которыхъ не достаетъ на вогульскомъ языкѣ, переводчикъ передаетъ россійскими, напр.: мытарь, душа, народъ, ибо, вотъ, горчица, молитва. Очень вѣроятно, что слова сіи вошли или могутъ войти въ вогульскій языкъ, но невѣроятно то, чтобы они перешли вмѣстѣ съ склоненіями и даже съ предлогами. Я не думаю, чтобы по вогульски было сказано „съ ангелами“. Ни въ одинъ языкъ не переносятся такъ слова, а всегда, переходя въ чужой языкъ, слово или остается не склоняемымъ, или склоняется по образцу того языка, въ который переходитъ. Предлоги въ вогульскомъ языкѣ есть свои. По сему подозрѣнію, я не могу думать, чтобы переводъ сей былъ ясенъ и вѣренъ“.

Итакъ, къ чему ни прикасалось цензорское перо Павскаго,— вездѣ оно старалось отмѣтить доводы за и противъ, и въ результатѣ оставляло слѣды подлинно-критической оцѣнки. Такая объективность послѣ 1824—6 года была признана неумѣстною. Обстановка, при которой Павскій выходилъ, „согласно прошенію“, изъ состава комитета, хорошо изображена его ученикомъ и почитателемъ—А. Никитенко. Въ своемъ дневникѣ подъ 25 апрѣля 1827 года онъ записалъ: „Попечитель представилъ Павскаго къ

бриллiантовымъ знакамъ ордена св. Анны второго класса. Но министръ (Шишковъ) его не любитъ, и представленiе не пошло дальше. Мало того. Павскому на дняхъ грозила еще худшая непрiятность. Злоба, раздраженная всего болѣе достоинствами своего предмета, задумала было погубить этого человѣка, одного изъ добрѣйшихъ, умнѣйшихъ, ученѣйшихъ людей въ столицѣ.

„Павскiй—цензоръ духовныхъ книгъ. Назадъ тому мѣсяца три напечатана книга „Очевидность божественнаго происхожденiя христiанской религiи", переведенная однимъ изъ моихъ товарищей по университету, кончившимъ курсъ въ нынѣшнемъ году. Попечитель возилъ и книгу и переводчика къ министру, который принялъ обоихъ весьма благосклонно. Но, дня три тому назадъ, желая найти способъ повредить Павскому и, безъ сомнѣнiя, не находя онаго, онъ рѣшился воспользоваться вышеупомянутою книгою. Она была свезена и прочитана государю. Но государь поступилъ вопреки ожиданiямъ министра. Онъ не нашелъ въ ней ничего разрушительнаго, какъ утверждалъ министръ, а только выразилъ удивленiе, что сей, вмѣсто дѣла, занимается бездѣльемъ. Поступокъ мудрый, подающiй надежду, что участь людей и просвѣщенья не будетъ у насъ всегда зависѣть отъ сплетней праздныхъ или неблагонамѣрныхъ людей" [33]).

Iоаннъ (Доброзраковъ), инспекторъ академiи, докторъ богословiя за трудъ по герменевтикѣ, членомъ цензурнаго комитета былъ недолго,—съ 1824 пò 1827 годъ. „По характеру живой и веселый, по уму острый, любящiй пошутить надъ другими и замѣтить ихъ слабую или смѣшную сторону, откровенный, не умѣющiй скрывать, что у него на сердцѣ, Iоаннъ съ подчиненными своими былъ добръ, ласковъ, привѣтливъ, снисходителенъ и не формалистъ" [34]). Поэтому-то, конечно, онъ и оказался непригоднымъ во времена „обратнаго хода" для должности цензора. Въ 1827 году, „по представленiю академической конференцiи, о нежеланiи ректора академiи арх. Iоанна и проф. Павскаго продолжать обязанности цензора, комиссiя предписала ихъ уволить", а на ихъ мѣсто были назначены Антонiй и Иннокентiй [35]).

„Откровенный и не формалистъ", Iоаннъ и во времена Шишкова (какъ потомъ Пратасова) не умѣлъ или, точнѣе, не хотѣлъ присматриваться къ знаменiямъ времени и слѣдовать ихъ указанiямъ. Вотъ три примѣра, въ которыхъ изъ-подъ оффицiальной оболочки сквозитъ его разногласiе съ духомъ времени.

11 апрѣля 1825 года въ духовно-цензурный комитетъ по-

---

[33]) Записки и дневникъ, т. I, 224—5.
[34]) Сборн. имп. рус. истор. общ., т. 113, кн. I, стр. 146.
[35]) К. Д. У., 1827, 4441.

ступило прошеніе отъ вдовы ген.-м. Крыжановскаго: „Отъѣзжая въ деревню, писала она, я имѣю желаніе собственно для своего употребленія напечатать по прилагаемой у сего рукописи отъ 10 до 20 экземпляровъ „Молитвъ при божественной литургіи“ и „Канона пр. Богородицѣ“ русскими буквами, а потому прошу духовно-цензурный комитетъ дать на сіе дозволеніе“. Архим. Іоаннъ, можетъ быть и ненамѣренно, но тяжко погрѣшая противъ „символа вѣры“ Шишкова [36]), „по уваженію обстоятельствъ“ дозволилъ отпечатать просимое число экземпляровъ. 23 апрѣля въ цензурный комитетъ уже было доставлено узаконенное ихъ число (9). Но черезъ четыре дня цензору пришлось писать управляющему медицинской типографіей: „Благоволите прислать въ цензурный комитетъ всѣ экземпляры отпечатанной книжки „молитвъ и канона“ для уничтоженія оныхъ“. Исполняя это требованіе, типографія 5 мая прислала оставшіеся одиннадцать экземпляровъ [36а]).

Во второмъ случаѣ уже комиссія духовныхъ училищъ могла признать Іоанна недостаточно предупредительнымъ къ ея „обратному ходу“. Три раза напоминала она ему о разсмотрѣніи составленной въ ея духѣ рукописи „Сѣмя воспитанія“ свящ. Кмиты, и лишь послѣ этого Іоаннъ далъ отзывъ, въ которомъ довольно неуважительно отнесся къ авторитетамъ комиссіи. „По содержанію, писалъ онъ,—книга есть не совсѣмъ удачный выборъ изъ богословія Платона, Иринея Фальковскаго, П. Могилы, философіи Баумейстера и книги о должностяхъ“... [36б]).

Наконецъ, въ третій разъ архм. Іоаннъ въ своемъ отзывѣ о сочиненіи Смирнова „Побѣдоносный вѣстникъ торжествующаго Сіона“ допустилъ рѣзкій диссонансъ съ безудержнымъ vae victis арх. Фотія. Ничего не имѣя противъ изданія книги, цензоръ настаивалъ на необходимости коренного ея исправленія по слѣдующимъ основаніямъ. „Въ книгѣ, писалъ онъ, помѣщены многія неприличія, ложныя и односороннія мысли, заключается много брани, превышающей мѣру благомыслящаго защитника православія... Колкости же и насмѣшки вмѣсто убѣжденія раздражаютъ часто опровергаемаго, а въ то же время не удовлетворяютъ и благонамѣренному читателю. Таково сравненіе каменьщиковъ (масоновъ) съ рудокопами-преступниками, утвержденіе, что ихъ собранія усердно посвящаются бахусу... Авторъ, затѣмъ, возстаетъ на западную церковь за ученіе о происхожденіи Св. Духа, называя ее виновною и мятежническою для того, чтобы показать свое искусство толковать библейскіе тексты. Между

[36]) Кстати: въ тѣ же дни Іоанномъ была одобрена „Элегія на латинскомъ языкѣ, посвященная А. С. Шишкову“ Якухевича. СПБ. Д. Ц. К., 1825, 5.
[36а]) СПБ. Д. Ц. К. 1825, 12 апрѣля.
[36б]) СПБ. Д. Ц. К., 1825, 23.

тѣмъ, самъ онъ допускаетъ произвольныя изъясненія, высказывая, напримѣръ, мысль близкую къ аріанству. Наконецъ, сочинитель дѣлаетъ неумѣстное воззваніе къ тѣмъ, коимъ поручено правительствомъ исправленіе всѣхъ безпорядковъ, и выражается нескромно насчетъ полиціи“ [37]).

Обладая такимъ дерзновеніемъ, Іоаннъ, естественно, не пришелся ко двору. Болѣе у мѣста, кажется, могъ бы быть его преемникъ арх. Антоній. Такъ какъ дѣятельность его относится къ одному 1827 году [38]), да и имя его встрѣчается лишь въ трехъ-четырехъ отзывахъ, то трудно въ точности опредѣлить его направленіе. Слѣдуетъ, однако, отмѣтить, что Антоній сумѣлъ раскритиковать одну книгу, которую даже Шишковъ желалъ посвятить имп. Маріи Ѳеодоровнѣ, именно переводъ съ французскаго „Бдѣнія бл. Августина“. Тамъ цензоръ замѣтилъ довольно живой перифразъ текста Библіи, именно словъ ап. Павла: „не дѣлайте боговъ изъ обжорства, убѣгайте споровъ и распрей; чистота нравовъ вашихъ да изображаетъ І. Христа, плоть, какъ презрѣнный рабъ, да покоряется всегда разуму“... Противъ этого мѣста холодная рука цензора написала: „слова ап. Павла читаются такъ: „яко во дни благообразно да ходимъ, не козлогласованіи и пьянствы...“ [39]).

Затѣмъ, съ именемъ Антонія связана тяжба между духовной цензурой и тульскимъ протоіереемъ Іоан. Покровскимъ. Послѣдній съ 1815 по 1820 г. былъ преподавателемъ богословія въ тульской семинаріи. Хотя за „жалкіе конспекты“ по своему предмету онъ былъ не на высокомъ счету у арх. Филарета (Дроздова) [40]), но все-таки обладалъ „непреоборимымъ желаніемъ сдѣлаться въ чемъ-либо полезнымъ для церкви и отечества“. Цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ трудился онъ надъ сочиненіемъ „Сокровище древностей церковныхъ“ и, наконецъ, въ 1826 году представилъ его чрезъ синодъ и комиссію духовныхъ училищъ въ цензурный комитетъ.

Отзывъ о рукописи далъ Антоній. Соглашаясь, что „въ сочиненіи довольно собрано свѣдѣній о предметахъ, церкви касающихся“, цензоръ все же болѣе обращалъ вниманія на неточности и неправильности языка, на мало выясненное отношеніе

---

[37]) СПБ. Д. Ц. К., 1825, 15.

[38]) Тамъ же, 1827, 17. «Въ сентябрѣ 1827 г. изъ ректоровъ спб. семинаріи онъ былъ перемѣщенъ на ректорскую же должность въ псковскую семинарію, одновременно съ удаленіемъ инспектора Саввы за нѣкоторыя неисправности, особенно по экономической части. Затѣмъ былъ настоятелемъ во второклассномъ спасо-елеазаровомъ монастырѣ (псков. епарх.), гдѣ и умеръ въ 1828 г. отъ апоплексіи». Исторія спб. правосл. дух. сем., Ал. Надеждина, (СПБ., 1885), стр. 21.

[39]) СПБ. Д. Ц. К. 1827, 14.

[40]) Собр. мн. и отз., т. II, № 147.

автора къ преданіямъ о нерукотворенномъ образѣ и иконахъ, писанныхъ св. Лукою. „Особенно же, писалъ онъ, требуетъ исправленія предисловіе, въ которомъ болѣе надлежащаго приписывается пользы и важности церковнымъ древностямъ и находятся рѣшительныя, но невѣрныя сужденія о иновѣрныхъ христіанахъ и нѣкоторыхъ писателяхъ“. Черезъ тѣ же инстанціи рукопись уже съ рѣшительнымъ заключеніемъ, „какъ не одобренная цензурнымъ комитетомъ“, была возвращена Покровскому.

Въ Антоніи послѣдній увидѣлъ своего личнаго врага и представилъ въ синодъ прошеніе, въ которомъ умолялъ его принять „Сокровище“ подъ свое покровительство и „повелѣть оное вновь оцензуровать другому безпристрастному цензору“. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ прислалъ два рода замѣчаній—частныя и общія.

Въ первыхъ содержатся возраженія по существу дѣла. Порицая цензора за придирки, Покровскій даетъ собственныя объясненія по выставленнымъ цензурой пунктамъ. Нѣкоторыя изъ нихъ довольно характерны. По поводу замѣчанія объ иконахъ онъ говоритъ: „Что же оставалось мнѣ дѣлать? Опровергать ли сіи древнія преданія? Но симъ бы я причинилъ великій соблазнъ для россійскихъ христіанъ и навлекъ бы на себя ихъ ненависть, поелику вся почти греко-россійская церковь увѣрена, что въ Москвѣ, въ успенскомъ соборѣ, есть икона, писанная св. Лукою. Опустить ли? Но тогда бы иконопочитаніе казалось нововведеннымъ изобрѣтеніемъ позднѣйшихъ временъ. Отвергать эти два преданія свойственно одному только иконоборству“.

Оправдывая мысли своего предисловія и отмѣчая подтасовку цензоромъ понятій „древности“ и „познаніе древностей“, Покровскій замѣчаетъ: „конечно, принимая слова подлинника въ другомъ смыслѣ, нежели какъ понималъ сочинитель, можно представить его весьма въ худомъ видѣ“. Наконецъ, будучи увѣренъ, что въ числѣ „нѣкоторыхъ писателей“ цензоръ услужливо защищаетъ и Карамзина, какъ автора „Исторіи государства россійскаго“, Покровскій возражаетъ: „Я имѣлъ достаточныя причины написать то, что въ моемъ предисловіи написано, и то слегка, и не до всей исторіи, но только до нѣкоторой ея части касающееся. И въ своихъ мотивахъ отчетъ не другому кому обязанъ я отдать, какъ только защитникамъ этой самой исторіи. Ибо это дѣло критики, а не цензуры. Можетъ быть, о. цензоръ, разсматривая настоящее мѣсто, хотѣлъ поддержать авторитетъ сего сочиненія, но мало ли мы видимъ въ періодическихъ изданіяхъ критики на столь же важныя сочиненія, какъ и оная исторія. Такъ, кн. Щербатовъ сочинилъ „Россійскую исторію“ по высочайшему повелѣнію и по такому же одобренію напечаталъ ее. Но чрезъ то не избѣжалъ строжайшей и на самой истинѣ основанной критики Г. М. Болтина...“

Высказанныя Покровскимъ соображенія общаго характера о необходимости освободить духовенство отъ „излишней и неумѣстной строгости цензуры“ уже были цитированы выше [41]).

Рукопись Покровскаго была передана изъ петербургскаго въ московскій духовно-цензурный комитетъ, можетъ быть, подъ тѣмъ предлогомъ, что Тула входила въ составъ московскаго академическаго округа. Тамъ архим. Анастасій и Ѳ. Голубинскій явились какъ бы третейскими судьями. Они признали, что сочиненіе это, представляя въ большей части буквальную компиляцію труда „Originum, sive antiquitatum ecclesiasticarum Josephi Binghami, при благопріятномъ изслѣдованіи своего предмета, отличается полнотою въ сравненіи съ другими подобнаго рода сочиненіями на русскомъ языкѣ“. Но не выдали они и Антонія: почти всѣ доводы его были утверждены и, въ качествѣ апологіи собрата, московскіе цензоры представили особыя замѣчанія на каждую статью объясненій [42]).

Но если строгая дѣятельность Антонія соотвѣтствовала тогдашней церковной атмосферѣ, то тѣмъ болѣе неожиданное зрѣлище представляетъ появленіе въ цензурномъ комитетѣ богослова-новатора Иннокентія (Борисова). Вѣроятно, только установившаяся тѣсная связь между должностью инспектора академіи и участіемъ въ цензурномъ комитетѣ, могла побудить высшую духовную власть надѣлить его цензорскими полномочіями. Вѣдь самъ Иннокентій со своимъ увлекающимся настроеніемъ, со своими „смѣлыми порывами перешагнуть всѣ грани таинственнаго и непостижимаго“, съ своей наклонностью къ „религіозистикѣ“ и историческому изученію догматовъ долго оставался подъ надзоромъ [43]). И если перечисленныя выше качества цензора арх. Іоанна заставляли его главнымъ образомъ расходиться съ „обратнымъ ходомъ“ митр. Серафима, то въ виду особенностей Иннокентія невольное caveant вырывалось у митр. Филарета. Его осторожный положительный складъ ума былъ слишкомъ различенъ съ пылкостью стремленій Иннокентія.

Свое положеніе въ роли цензора картинно выразилъ впослѣдствіи самъ Иннокентій. „Что дѣлать? писалъ онъ къ Макарію 26 декабря 1848 года,—„вы теперь, по крайней мѣрѣ живете въ тихую и несуровую погоду. Пожили бы и поцензорствовали въ 1826—7 годахъ! Это была вьюга на вьюгѣ—громъ за громомъ“... [44])

Обращаясь къ самой дѣятельности Иннокентія въ качествѣ

---

[41]) Стр. 138—9.
[42]) А. С. С., 1826, 59.
[43]) Сборн. имп. русск. ист. общ., т. 113, кн. I, стр. 109.
[44]) Церк. вѣстникъ, 1883, № 17—18 (отъ 26 дек. 1846 г.)

цензора, приходится, за скудостью матеріала, говорить не о томъ, что онъ здѣсь сдѣлалъ, а о томъ, чего онъ „не сдѣлалъ", т. е. чѣмъ посѣялъ сомнѣніе и подозрѣнія въ своемъ правовѣріи. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ дать для характеристики цензора Иннокентія разсмотрѣніе имъ „мѣста изъ рукописи: Описаніе села Царскаго, въ коемъ описывается расположеніе иконъ въ Знаменской Церкви", „Краткаго описанія Валаамскаго монастыря", историческихъ свѣдѣній о кіево-межигорскомъ монастырѣ и другихъ, имъ подобныхъ? При томъ же свои отзывы Иннокентій излагалъ всегда крайне сжато—въ 3—5 строкахъ [45]). Въ концѣ концовъ приходится отмѣтить лишь два-три эпизода, гдѣ самъ цензоръ Иннокентій является объектомъ секретныхъ дознаній.

Выше уже были цитированы замѣчанія м. Филарета относительно направленія Христіанскаго чтенія, въ частности помѣщенной въ немъ статьи Павскаго „О богословіи св. Григорія Б.". Цензоромъ журнала былъ тогда Иннокентій. И перечисленныя въ предложеніи Филарета синоду мѣста, въ которыхъ „истина представлена не со всею должною точностью и отъ которыхъ опасаться должно соблазна въ книгѣ, коея назначеніе есть назиданіе христіанскихъ читателей всякаго званія", будучи введены въ цѣпь силлогизмовъ м. Филарета, логически приводили къ обвиненію цензора въ ереси.

Сознавая это, м. Филаретъ на этотъ разъ поспѣшилъ оговориться. „Ни мало не подозрѣвая ни сочинителей, ни издателей, ни цензоровъ въ недостаткѣ православія, но примѣчая нѣкоторый недостатокъ точности и осторожности противъ согрѣшенія въ словѣ, при благонамѣренной мысли, призналъ я долгомъ присяги предложить о семъ на усмотрѣніе св. синода, не признано ли будетъ нужнымъ подтвердить цензурѣ о усиленіи вниманія и осторожности при разсмотрѣніи сочиненій". Св. синодъ 30 ноября 1828 года сдѣлалъ соотвѣтствующее опредѣленіе [46]).

Черезъ полтора года опять имѣлъ мѣсто аналогичный фактъ, центромъ котораго явилась одобренная Иннокентіемъ книга „Памятники древней христіанской церкви" (перев. съ латинскаго). Митр. Филаретъ въ предложеніи синоду нашелъ нужнымъ поставить на видъ содержащійся въ ней подробный перечень названій, которыми клеймили въ древности христіанъ ихъ враги, а также нѣкоторое умаленіе роли епископовъ въ первенствующей церкви. Въ заключеніе онъ предлагалъ: предостеречь духовенство и училища отъ употребленія означенной книги, „благопріятствующей то латинству, то протестантству", а цензуру—отъ допущенія въ печать подобныхъ книгъ, въ про-

[45]) СПБ. Д. Ц. К., 182, 8, 17, 32; 1826, 5; 1830, 17.
[46]) А. С. С., 1828, 1508.

тивность цензурнаго устава, который велитъ надзирать не только надъ чистотою ученія, но и за правильностью изложенія".

Синодъ разослалъ по епархіямъ циркуляры о принятіи надлежащихъ мѣръ противъ распространенія книги и употребленія безъ надзора несвѣдущими въ древностяхъ людьми. Духовно-цензурному комитету сдѣлано было вновь „подтвержденіе, тѣмъ болѣе настоятельное, что невнимательность сего комитета усматривается уже не въ первый разъ" [47]).

Въ 1830 г., за переводомъ въ кіевскую академію, Иннокентій выбылъ изъ состава комитета, тѣмъ не менѣе и тамъ, черезъ два года, онъ долженъ былъ выслушать строжайшій выговоръ синода за старый петербургскій грѣхъ—пропускъ третьяго изданія „Размышленій Іерузалема".

Трудно установить, насколько внимательно и сознательно отнесся Иннокентій къ этой книгѣ, бывшей нѣкогда предметомъ пререканія между духовной и свѣтской цензурой. Судя по отзыву, онъ обусловилъ изданіе „Размышленій" предварительнымъ пропускомъ въ нихъ соотвѣтствующихъ мѣстъ и внесеніемъ нужныхъ примѣчаній.

Но тщательно очищать отъ плевелъ книгу, выдержавшую уже два изданія и даже въ 1825 г. не внесенную въ индексъ сомнительныхъ книгъ, особыхъ побужденій не представлялось. Во всякомъ случаѣ въ книгѣ остались нѣкоторые пункты, подлежавшіе исключенію сообразно съ измѣнившимся настроеніемъ времени.

Итакъ, когда въ 1831 году переводчикъ Іерузалема Т. Крыловъ началъ ходатайствовать о посвященіи своего труда наслѣднику престола, „дабы младые соотечественники, возбудясь таковымъ славнѣйшимъ примѣромъ, съ большей ревностью стремились заранѣе озарять себя божественнымъ свѣтомъ христіанской вѣры", книга была отослана изъ придворныхъ сферъ на разсмотрѣніе въ синодъ синодальнымъ членомъ Григоріемъ. Такъ какъ составленный о ней отзывъ уже охарактеризованъ выше, то приведемъ лишь заключительныя слова синодальнаго опредѣленія. „Св. синодъ, находя, что „сочиненіе сіе протестанта, предназначенное для наслѣднаго принца Бр.-Люнебургскаго и вообще для протестантскихъ его подданныхъ, какъ то изъ посвятительнаго письма явствуетъ,—написано вообще не въ такомъ видѣ, который бы совершенно согласовался со строгимъ смысломъ ученія православной гр.-каѳолической Церкви, дать согласіе на посвященіе не нашелъ возможнымъ". „Строжайшій же выговоръ съ указаніемъ тѣхъ мѣстъ, кои не заслуживаютъ одобренія въ сочиненіи Іерузалема", Иннокентію былъ сообщенъ въ Кіевъ чрезъ митр. Евгенія [48]).

---

[47]) А. С. С., 1830, 139.
[48]) А. С. С., 1831, 306.

Здѣсь можно кстати замѣтить, что, состоя впослѣдствіи временно-присутствующимъ въ синодѣ, архіепископъ Иннокентій имѣлъ поводы оказывать нѣкоторое вліяніе на судьбы духовныхъ произведеній. Но это вліяніе выражалось по преимуществу въ частныхъ его ходатайствахъ предъ высшей и низшей петербургской цензурой за близкихъ ему авторовъ. Самъ онъ какихъ-либо выдающихся отзывовъ о сочиненіяхъ за это время совершенно не оставилъ. Еще менѣе, конечно, Иннокентій былъ въ состояніи провести какія-либо общія мѣры къ облегченію духовной литературы, такъ что, слѣдуетъ сказать, и въ этомъ отношеніи онъ „не оправдалъ вполнѣ надежды своихъ почитателей“, полагавшихъ, при вѣсти о вызовѣ его въ синодъ, что теперь-то наступитъ время проектовъ, реформъ, новыхъ мѣръ, вообще блестящее будущее для церкви и духовенства [49]).

Можетъ быть по примѣру Иннокентія старался нѣсколько по новому относиться къ сочиненіямъ и оставившій одновременно съ нимъ должность цензора ректоръ спб. семинаріи Наѳанаилъ, впослѣдствіи арх. псковскій. Сочувственный отзывъ далъ онъ о проповѣдяхъ для черемисъ протоіерея Альбицкаго, указывая, что „изложены онѣ ясно и совершенно приспособлены къ состоянію простыхъ лицъ... и даже могутъ послужить примѣромъ для сельскихъ проповѣдниковъ“ [50]). Объективно судилъ онъ о переданныхъ изъ комиссіи духовныхъ училищъ „запискахъ по догматическому богословію“, архм. Ѳеофана, поставивъ имъ въ заслугу „слогъ ясный и довольно чистый, изложеніе предметовъ въ лучшемъ порядкѣ и связи, нежели у Фальковскаго“ и пр., но не одобривъ ихъ для класснаго употребленія за принятіе нѣкоторыхъ „схоластическихъ формъ, иногда самыхъ странныхъ“ [51]). Въ „путешествіи по Сициліи“ А. Норова Наѳанаилъ нашелъ возможнымъ оставить нѣкоторыя мессинскія легенды на томъ, между прочимъ, основаніи, что „самъ г. сочинитель признаетъ сіи мѣста за суевѣрныя преданія“ [52]).

Зато, подобно Иннокентію, и Наѳанаилъ заслужилъ отъ своихъ преемниковъ упреки въ „невнимательности“. Въ 1836 г. цензурный комитетъ одобрилъ къ новому изданію „Церковную исторію“ (ч. II), переведенную съ французскаго языка прот. І. Бедринскимъ, довѣрившись главнымъ образомъ отзыву Наѳанаила о первомъ изданіи. Но уже по отпечатаніи книги комитетъ спохватился, найдя „такія мысли, которыя цензору архм. Наѳанаилу одобрять не надлежало бы“. Отмѣченныя мѣста „Церковной

---

[49]) Сборн. имп. русск. ист. общ., т. 113, кн. I, стр. 115—16.
[50]) Спб. Д. Ц. К., 1830, 20.
[51]) Тамъ же, 1828, 5.
[52]) Тамъ же, 1828, 14.

исторіи" были сообщены комитетомъ „императорской россійской академіи для исправленія показанныхъ недостатковъ" [53]).

Не останавливаясь на имени цензора Іосифа, которое встрѣчается лишь подъ двумя отзывами, [54]) слѣдуетъ зато нѣсколько подробнѣе охарактеризовать цензорскую дѣятельность архм. Платона.

Подъ вліяніемъ ли того поступательнаго шага, который сдѣлала реакція, основываясь на событіяхъ 1830—31 года, или же просто имѣя въ виду угоду предержащей власти,—Платонъ особенно тщательно обыскивалъ почти каждое сочиненіе съ точки зрѣнія „государственныхъ правилъ". Богословскіе критеріи въ его рецензіяхъ какъ-то сами собою подчинялись правительственнымъ видамъ. Платону именно принадлежитъ уже цитированный патріотическій отзывъ о „Нравоучительныхъ разговорахъ для воспитанниковъ удѣльныхъ училищъ" [55]).

Затѣмъ, разсматривая одну переводную книгу изъ области христіанской этики, Платонъ также особенно останавливается на мѣстахъ, „неблагопріятныхъ гражданскому правительству". „Въ § 403 внушается, что рабы, если только позволяютъ обстоятель-

---

[53]) Послѣдніе главнымъ образомъ состояли въ присвоеніи лицамъ католическаго исповѣданія эпитетовъ: „святой" „чудотворецъ", „православный", особенно же объясненіе неудачи религіозной и политической уніи запада съ востокомъ „упорствомъ требованій и ненависти грековъ". Тамъ же, 1836, 38.

[54]) Іосифъ, между прочимъ, принималъ участіе въ размотрѣніи Uebersicht der biblischen Geschichte, Эртеля, преподавателя наслѣдника цесаревича. Іосифъ, особенно же назначенный временнымъ членомъ для просмотра этой книги прот. Т. Вещезеровъ, открыли много мѣстъ, въ которыхъ авторъ „втихомолку" давалъ естественное объясненіе библейскимъ событіямъ, напр, казни Содома, „а это значитъ потакать грѣшникамъ и отнимать у нихъ послѣдній страхъ, т. е. Божій". Новозавѣтная исторія была признана изложенною „не въ ясномъ порядкѣ: не видно даже, сколько времени Іисусъ Христосъ совершалъ на землѣ общественное служеніе".

Когда дѣло перешло въ синодъ, Эртель чрезъ обер.-прокурора представилъ свои возраженія, указывая, что «единственная и главнѣйшая цѣль книги—изученіе нѣмецкаго языка»; что онъ сопоставлялъ образцы стиля, а не библію и легенды; что онъ заранѣе настойчиво просилъ цензоровъ исключать все, что, по ихъ мнѣнію, не подходило къ духу господствующаго вѣроисповѣданія и т. д. Св. синодъ прежде всего остановилъ вниманіе „на открывающихся изъ представленныхъ замѣчаній важныхъ погрѣшностяхъ рукописи" и запретилъ ея изданіе. Но защитить всѣ предположенія комитета о тайныхъ мысляхъ привилегированнаго автора оказалось невозможнымъ, и вторая часть опредѣленія гласитъ слѣдующее: «Поелику между замѣчаніями цензурнаго комитета есть такія, кои уклоняются отъ умѣренности, какъ напр., между несовершенствами рукописи замѣчается то, что не видно даже сколько времени І. Х. совершалъ на землѣ общественное свое служеніе, чего, впрочемъ, не видно и у четырехъ евангелистовъ, и что потому не можетъ быть поставлено въ предосужденіе рукописи, которая не имѣетъ хронологіи своимъ предметомъ, то поставить сіе на видъ въ предостереженіе для будущихъ случаевъ». (Подъ опредѣленіемъ подписи: м. Серафима, м. м. Филарета, арх. Григорія тверского и Никодима орловскаго). Спб. Д. Ц. К., 1830, 27; А. С. С., 1831, 258.

[55]) Спб. Д. Ц. К. 1832, 13.

ства, должны стремиться къ своей свободѣ. Сколь вредныя могутъ произойти слѣдствія отъ сего внушенія,—это для всякаго очевидно. Между тѣмъ, по ученію слова Божія, и рабы могутъ достигать вѣчнаго спасенія. Апостолъ ясно говоритъ: „каждый оставайся въ томъ званіи, въ какомъ призванъ“ (1 Кор. VII, 20)“ [56]). Въ § 269 издатель замѣчаетъ, что публичныя лотереи суть самые вѣрные способы развращенія народа, что онѣ тѣмъ только отличаются отъ контрабанды, что въ послѣдней частные люди играютъ противъ правительства, притомъ съ опасностью, а въ лотереяхъ правительство противъ частныхъ людей, притомъ безъ всякой опасности, совершенно ненаказанно. Такимъ замѣчаніемъ издатель явно наноситъ безчестіе нашему правительству, ибо оно, какъ извѣстно, не разъ дозволяло производить лотереи. Въ § 455 сказано, что разумное и свободное существо никогда столько не унижаетъ своего достоинства, никогда не дѣйствуетъ столь противоестественно, какъ когда разумъ свой безусловно подчиняетъ чужому разуму и волю свою волѣ другихъ. Эта мысль не только несовмѣстима съ воинской дисциплиной, но и вообще со строгою покорностью власти, особенно самодержавной“.

Также любопытны и слѣдующіе примѣры борьбы Платона съ вредными выводами. „Богъ, утверждаетъ авторъ, послалъ на землю Сына своего основать царство, которое должно возвышаться надъ порядкомъ природы и гражданскаго общества“. „Эту мысль, пишетъ цензоръ, нужно пояснить, чтобы кто не заключилъ, что христіане, члены земной церкви Христовой, не должны подчиняться гражданскимъ законамъ и необходимымъ требованіямъ природы“. Или: „въ § 73 сказано: любострастіе и изнѣженность видны повсюду и въ чертогахъ царскихъ и въ бѣдныхъ хижинахъ, а черезъ четыре строки: тѣ же пороки, кои господствовали нѣкогда въ Коринѳѣ и проч., господствуютъ и теперь въ Римѣ, Вѣнѣ, С.-Петербургѣ. Ужели въ домѣ Благочестивѣйшаго Государя нашего царствуетъ изнѣженность и... цензоръ не осмѣливается докончить“ [57]).

„Православіе“ въ сознаніи цензора тоже выступало преимущественно какъ „господствующая религія“, которую можетъ оскорбить и унизить всякое—даже попутное—прикосновеніе иномыслія. Напримѣръ, общее замѣчаніе, что „теоретическое безвѣріе почти всегда бываетъ слѣдствіемъ поврежденія общенародной религіи“, „извиняя, по мнѣнію Платона, нѣкоторымъ образомъ невѣровъ, которые всегда могутъ быть въ церкви и между христіанами, въ

[56]) Слѣдуетъ кстати замѣтить, что такая авторитетная до безцеремонности цитація текстовъ, внѣ связи рѣчи, весьма нерѣдкое явленіе въ духовной цензурѣ.

[57]) А. С. С., 1835, 1379.

то же время и безъ всякой причины внушаетъ невыгодное мнѣніе о господствующей въ государствѣ религіи"[58]).

Тѣ же послѣдствія, по мнѣнію Платона, должно было порождать сопоставленіе, даже въ научно-богословскихъ сочиненіяхъ, языческихъ праздниковъ съ христіанскими [59]), выясненіе происхожденія церковныхъ обрядовъ [60]), разсужденіе о болѣе соотвѣтствующей символикѣ храмовой архитектуры [61]), изданіе книги на малорусскомъ языкѣ, „какъ унижающее истину" [62]). Описаніе заботливой опеки Платона надъ мыслью можно заключить слѣдующими двумя мелкими частностями. Въ представленномъ самимъ Д. Руничемъ сочиненьицѣ изъ іудейской исторіи Платонъ отмѣтилъ въ числѣ другихъ такую несообразность: „въ предисловіи говорится, что христіанское вѣроученіе въ продолженіе 1800 лѣтъ осталось неколебимымъ, а книга между тѣмъ издается въ 1834 году" [63]). Затѣмъ, среди препятствій къ новому изданію обыкновеннаго календаря поставлены „замѣчанія о погодахъ". „По моему мнѣнію, писалъ Платонъ, они не только невѣрны, но еще могутъ въ довѣрчивыхъ людяхъ возбуждать напрасный страхъ или питать безпечное суевѣріе, какъ... напр.: „въ іюнѣ умѣренно бывающіе вѣтры ко всему полезны, а дожди въ срединѣ и концѣ обѣщаютъ плодородіе... Каково будетъ 8-е число, таковы будутъ четыре недѣли... Притомъ замѣчаютъ, что если послѣ 24-го кукушка долго кукуетъ, то будетъ неурожай и дороговизна хлѣба" [64]).

Насколько церковная власть цѣнила православный образъ мыслей Платона, видно изъ того, что послѣ удаленія въ 1835 г. „неправославнаго" Павскаго отъ должности законоучителя вел кн. Александра Николаевича, „у Серафима и Филарета было намѣреніе замѣнить его лицомъ монашескаго званія и они предлагали кандидатомъ тогдашняго инспектора академіи архимандрита Платона, но государь, по указанію самого Павскаго, избралъ Бажанова [65]).

---

[58]) Спб. Д. Ц. К. 1834, 14.
[59]) Тамъ же, 1836, 36.
[60]) Тамъ же, 1837, 35, 1838, 15.
[61]) Тамъ же, 1836, 34.
[62]) Тамъ же, 1838, 9.
[63]) Тамъ же, 1834, 11.
[64]) Тамъ же 1837, 25.
[65]) Сборн. имп. рус. истор. общ., т. 113, ч. I, стр. 138.

Во избѣжаніе упрековъ въ какой-либо тенденціозности считаемъ долгомъ сопоставить съ изложенной характеристикой архм. Платона, какъ цензора, одинъ изъ позднѣйшихъ о немъ отзывовъ: „Особенность его взгляда, рѣдко встрѣчающаяся въ духовномъ лицѣ, выражалась въ необыкновенной терпимости его къ инославнымъ исповѣданіямъ, что отнюдь не мѣшало ему высоко держать знамя православія, повсюду гдѣ бы онъ ни находился... „Я, сказалъ онъ по одному поводу, имѣю свое особенное воззрѣніе на Христово вѣроученіе и евангельскую заповѣдь, которое не хочу назвать либеральнымъ и для опредѣленія котораго не нахожу болѣе подходящаго слова какъ толерантность. Для

Преемникъ Иннокентія по цензурѣ Макарій (Зиминъ), „по отзывамъ знавшихъ его лицъ, былъ человѣкъ умный, красивый, съ свѣтскими манерами и стремленіями, склонный къ щегольству и сибаритству, вслѣдствіе чего бывши... вообще весьма способнымъ профессоромъ и дѣльнымъ администраторомъ, не всегда, однакожъ, былъ исправенъ по службѣ“. Онъ пользовался особенною благосклонностью м. Серафима, хотя другіе члены синода „возмущались его образомъ жизни и поведенія“ [66]).

Свой отказъ отъ службы,—непринятый, впрочемъ, синодомъ, Макарій мотивировалъ такъ: „Прослуживъ два трехлѣтія, я не могу продолжать по причинѣ множества занятій по другимъ должностямъ и въ особенности потому, что сверхъ того я занимаюсь изложеніемъ на русскомъ языкѣ догматическаго богословія“ [67]).

Цензурной дѣятельности Макарій не удѣлялъ всего своего вниманія, но въ то же время она не должна была служить препятствіемъ для его движенія по службѣ. И вотъ иногда въ своихъ обширныхъ отзывахъ онъ усиленно гонялся за всякой тѣнью неправильной мысли, выставлялъ на видъ чуть не каждую ороографическую ошибку [68]). Небезынтересный примѣръ представляетъ разборъ имъ бесѣдъ пр. Игнатія олонецкаго. Къ числу невѣрныхъ, — умаляющихъ роль іерархіи,—мыслей былъ отнесенъ слѣдующій вопросъ-отвѣтъ епископа-миссіонера: „Загражденъ ли кому изъ чувствующихъ званіе Божіе входъ къ открытому учительству церкви? Идите, станьте на всяко мѣсто за насъ недостойныхъ, только чтобы входить въ учительство единою дверью, которою есть, по слову Христову, самъ Христосъ, законнымъ порядкомъ, отъ него установленнымъ. Иначе прелазяй инудѣ“... Къ погрѣшностямъ языка цензоромъ было отнесено образное выраженіе: „Когда въ глубинѣ сердца лежать будетъ еще ледъ оже-

---

меня если каждый назоветъ эту ложку ея настоящимъ именемъ, а не вилкою, напримѣръ, то ужъ и этого достаточно; если же одинъ скажетъ, что ложка эта серебряная, другой—что она бронзовая, а третій, что она мельхіоровая, то оно еще не такъ важно, лишь бы каждый призналъ ее именно тѣмъ, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ, и сказалъ, что ложка есть ложка, а не иное что“. Р Арх., 1892, V, 436, ст. Анатолія Ег-ова.

Если этотъ отзывъ въ самомъ дѣлѣ выражаетъ подлинный взглядъ м. Платона, то очевидно лишь долгій жизненный опытъ создалъ эту существенную разницу между сужденіемъ Платона митрополита кіевскаго и соображеніями того же Платона, баккалавра академіи и цензора, который былъ поставленъ надзирателемъ за мыслями и въ то же время самъ подлежалъ запрещенію „писать что-либо отъ себя“ (Арх. Никаноръ. Біографич. матерьялы, стр. 124-5).

[66]) Исторія спб. правосл. дух. семинаріи, Ал, Надеждина, стр. 21—22, прим.

[67]) Спб. Д. Ц. К., 1837, 15. Макарій дѣйствительно былъ „авторомъ обширнаго и дѣльнаго труда—записокъ по догматичеекому богословію, впослѣдствіи отлитографированныхъ его учениками“. Тамъ-же, стр. 21.

сточенія, хладъ нераскаянности“... Вообще, заключалъ Макарій, нѣтъ въ этихъ бесѣдахъ отдѣлки, какая требуется отъ сочиненій сего рода“.

Полуоффиціальное письмо цензора къ автору, правда, нѣсколько разъясняетъ мотивы такой мелочности. „Видя важность проповѣдей по содержанію и особливую пользу для людей, зараженныхъ расколомъ..., я очень желалъ бы, по своему чувству и убѣжденію, одобрить ихъ. Но, руководствуясь строгими правилами, данными цензурному комитету, я никакъ не могъ рѣшиться на то, тѣмъ болѣе, что за нѣкоторое снисхожденіе при разсматриваніи рукописей и одобреніе не разъ были дѣлаемы комитету замѣчанія св. синода“.

Однако, изъ добавленія къ тому же письму видно, что всетаки Макарій оказался строже „строгихъ правилъ“. „Что же касается, говорится здѣсь, до послѣдняго пункта замѣчаній на ваши бесѣды,—я долгомъ поставляю довести до свѣдѣнія вашего, что его высокопреосвященство (м. Серафимъ) изволилъ обнаружить такія мысли, что особливая отдѣлка въ сихъ бесѣдахъ не необходима, такъ какъ онѣ назначаются для людей простыхъ и необразованныхъ..., только чтобы изложены были ясно, просто и удобопонятно, и чтобы не было въ нихъ видныхъ недостатковъ“ [69]).

Но въ другихъ случаяхъ, когда, пожалуй, не было и особенныхъ причинъ заподозрѣвать то или другое сочиненіе (напр., второе изданіе священной исторіи [70]), Макарій, забывая на время о „строгости правилъ“, давалъ одобреніе. И изъ этого выходили исторіи, вродѣ инцидента со второю частью Библейской исторіи свящ. Красноцвѣтова.

Ее, какъ дѣтскую книгу, Макарій пропустилъ въ печать стереотипной формулой: „никакихъ препятствій не имѣется“ [71]). Даже комиссія духовныхъ училищъ начала разсылать пожертвованные экземпляры по духовно-учебнымъ заведеніямъ. Между тѣмъ именно это ея назначеніе „для читателей многочисленныхъ и не довольно способныхъ отличить истинное отъ ложнаго“ и авторское „необдуманное желаніе приблизить высокіе предметы вѣры къ общему разумѣнію“ привлекло особенное вниманіе м. Филарета. Въ его рецензіи и перечислены были

---

[68]) Спб. Д. Ц. К. 1837, 29; 1836, 33, 126.

[69]) Спб. Д. Ц. К. 1831, 6. Кстати, другое письмо—къ епископу слоб.-украинскому Виталію—написано Макаріемъ въ такомъ тонѣ: „Съ особеннымъ удовольствіемъ исполнилъ порученіе комитета о разсмотрѣніи вашего слова..., прошу извинить, что замедлилъ..., и что осмѣлился я нѣчто выпустить и исправить въ вашемъ сочиненіи. На это я рѣшился въ надеждѣ на вашу всѣмъ извѣстную кротость и въ твердой увѣренности, что вы не будете имѣть за сіе на меня неудовольствія“. Спб. Д. Ц К. 1831, 27; ср. 1835, 10.

[70]) Спб. Д. Ц. К., 1832, 15.

всѣ слишкомъ реалистическія по формѣ, хотя и не раціоналистическія по намѣренію автора выраженія (объ Іосифѣ Обручникѣ, ученіи І. Христа, искушеніи въ пустынѣ, тайной вечери и пр. [72]). Синодъ постановилъ конфисковать книгу, Красноцвѣтова испытать въ образѣ мыслей, спб. комитету сдѣлать подтвержденіе объ осторожности въ пропускѣ книгъ, „дабы лжемудрствованія и неприличія, подобныя замѣченнымъ въ сей книгѣ, не прокрадывались въ свѣтъ къ соблазну и вреду православія", отъ Макарія потребовать объясненіе.

Характеръ „объясненія" виденъ по слѣдующему отрывку:... „я допустилъ къ изданію книгу..., потому что не примѣтилъ въ ней погрѣшностей, усмотрѣнныхъ св. правит. синодомъ и нынѣ мною ясно видимыхъ; не примѣтилъ же потому, что на мѣста, заключающія въ себѣ погрѣшительныя мысли, не обратилъ надлежащаго строгаго вниманія, а сіе частью отъ довѣрія къ сочинителю—духовному лицу, священнику и богословія магистру,— частью отъ того, что, бывъ постоянно озабоченъ дѣлами и обремененъ занятіями по другимъ обязанностямъ службы, кромѣ цензора на мнѣ лежащихъ, имѣлъ нерѣдко, во время разсматриванія помянутой книги въ рукописи, вниманіе ослабленное и утомленное.—Глубоко чувствуя всю важность вины моей и чистосердечно исповѣдуя оную, я съ чувствомъ сыновнаго раскаянія пріемлю смѣлость повергнуться къ стопамъ вашего высокопреосвященства, прося всеуниженнѣйше вашего архипастырскаго отеческаго ко мнѣ благоснисхожденія и милостиваго предстательства предъ св правительствующимъ синодомъ объ оказаніи мнѣ возможной милости".

Несмотря на защиту м. Серафима, Макарій изъ ректоровъ петербургской семинаріи былъ переведенъ на ту же должность въ Тверь. Тамъ было преподано ему чрезъ мѣстнаго епископа „приличное начальственное внушеніе, дабы впредь въ исполненіи обязанностей по службѣ былъ осмотрительнѣе и дѣятельнѣе" [73]). На дѣлѣ, однако, Макарій не перенесъ этого удара и, „какъ потерпѣвшій пониженіе по службѣ, естественно, сталъ еще небрежнѣе въ жизни, далъ наконецъ поводъ къ уголовному противъ него обвиненію въ противозаконной связи" и былъ временно запрещенъ въ священнослуженіи [74]).

Д. Ростиславовымъ, въ его характеристикѣ преподавательскаго состава петербургской академіи за тридцатые годы, живо изображены и черты професоровъ академіи прот. І. Иванова и свящ. І. Колоколова, состоявшихъ членами цензурнаго ко-

---

[71]) Спб. Д. Ц. К. 1836, 23.
[72]) Спб. Д. Ц. К., 1838, 19.
[73]) А. С. С. 1838, 943.
[74]) Исторія спб. семинаріи, стр. 22, прим.

митета [75]). Въ сравненіи съ приведенными тамъ анекдотами о ихъ мелочности и буквализмѣ, ихъ цензорскіе отзывы являются не столь выразительными и въ общемъ совпадаютъ съ рецензіями другихъ товарищей по цензурѣ. Такъ, подражая архм. Платону, Ивановъ тщательно отмѣчалъ мѣста „несогласныя съ духомъ правительства", особенно по вопросу объ отношеніи христіанства къ войнѣ [76]). Затѣмъ онъ былъ очень щепетиленъ по отношенію къ вопросамъ библейской критики, хотя, слѣдуетъ отмѣтить, что онъ какъ въ своей цензорской дѣятельности, такъ и въ научной былъ довольно твердымъ защитникомъ употребленія русскаго перевода Библіи [77]).

Прослуживъ одно трехлѣтіе, Ивановъ отказался отъ дальнѣйшаго прохожденія должности цензора „по причинѣ распространившагося круга какъ постоянныхъ, такъ и случайныхъ, но тѣмъ не менѣе необходимыхъ моихъ обязанностей" [78]).

На мѣсто Иванова академическая конференція избрала изъ числа дѣйствительныхъ своихъ членовъ и представила чрезъ коммиссію духовныхъ училищъ въ синодъ двухъ кандидатовъ: баккалавра греческаго языка въ академіи свящ. Іоанна Колоколова и священника при петербургскомъ университетѣ В. Бажанова. Синодъ утвердилъ послѣдняго. „Но какъ, между тѣмъ, по высочайшему повелѣнію на сего священика, произведеннаго въ протоіерея, возложена новая обязанность законоучителя.. наслѣдника всероссійскаго престола, то, предварительно распоряженія о введеніи его въ должность цензора, истребовано было отъ него свѣдѣніе, можетъ ли онъ принять нынѣ сію должность безъ особаго отягощенія.—На сіе прот. Бажановъ отозвался, что онъ не находитъ теперь возможности выполнить надлежащимъ образомъ должность цензора, почему и проситъ уволить его отъ оной". Синодъ утвердилъ Колоколова [79]).

Какъ цензоръ І. Колоколовъ былъ весьма категориченъ и упрямъ. Такъ напр., три раза представляемъ былъ въ комитетъ переводъ „О вѣчномъ покоѣ народа Божія" и каждый разъ онъ возвращался къ автору съ неизмѣнной резолюціей Колоколова. „По причинѣ многихъ недостатковъ въ основательности, ясности, опредѣленности и связности мыслей и въ добротѣ слога, рукопись вообще не можетъ быть одобрена" [80]). Другую свою рецензію тотъ же цензоръ начинаетъ приступомъ: „Разсмотрѣвъ

---

75) В. Евр., 1883, авг. Петербургская академія при гр. Пратасовѣ, стр. 596—8.

76) Спб. Д. Ц. К., 1834, 10; 1832, 31; особ. 1835, 7. Нѣкоторыя выдержки изъ отзывовъ Иванова, Колоколова и др. на жизненныя темы приводятся ниже.

77) Тамъ же, 1834, 14, ср. 32 и 22. Исторія перевода Библіи, И. Чистовича, стр. 221, 226; 179.

78) Тамъ же, 1834, 27.

79) А. С. С., 1835 1372 (Опредѣленія отъ 21 янв. и 25 іюля 1835 г.).

80) Спб. Д. Ц. К., 1835, 38.

порученную мнѣ въ пятый разъ цензурнымъ комитетомъ на разсмотрѣніе рукопись Abregé des Religions..., снова нашелъ многое, препятствующее одобренію". И какъ бы ни смотрѣть на трудъ и обязанности цензора, все же только особенной выдержкой Колоколова можно объяснить „постоянство" его рецензій. Онъ, напр., предпочиталъ въ каждомъ отзывѣ повторять свои пререканія съ авторомъ (напримѣръ,—слова автора: „Литургія церкви россійской составлена частью В. Великимъ, частью І. Златоустомъ", сопровождать вопросомъ: „Удовлетворительно ли такое историческое понятіе о литургіи церкви россійской?" [81]), вмѣсто того, чтобы однимъ—двумя штрихами придать тексту желательный оттѣнокъ. Впрочемъ, конечно, ставить вопросы и выражать недоумѣнія было легче, чѣмъ самому разрѣшать ихъ.

Щедро расточая такія отмѣтки, какъ: „Чистый лютеранизмъ!", „это ересь анаѳематствуемая православною церковью" и т. д., Колоколовъ еще легче находилъ „многія мѣста несогласныя или съ ученіемъ или постановленіями православной церкви." Въ числѣ ихъ оказывались, напр., выраженія: „Ученіе христіанское не осталось въ простотѣ апостольской"; „Библія не есть единственное правило вѣры христіанской"; „Человѣкъ много можетъ самъ собою споспѣшествовать своему оправданію предъ Богомъ, своему обращенію, освященію и спасенію"; „Духовенство въ Россіи не составляетъ, собственно говоря, особливаго класса, но въ манифестахъ иногда упоминается о немъ, какъ и объ отдѣльномъ классѣ"... [82]).

Противъ предположенія автора, что „книга Іова есть, повидимому, драма", цензоръ возражаетъ: „Слово драма можетъ ввести въ соблазнъ простого читателя, ибо, по его мнѣнію, драма представляется только въ театрѣ. А книга Іова есть каноническая книга св. писанія". Противъ фразы: „Іовъ вступилъ въ борьбу съ началомъ злымъ", на поляхъ стоитъ: „Сочинитель принимаетъ два начала!" [83]).

Какъ цензоръ нравовъ, Колоколовъ хорошо обнаружилъ себя въ рецензіи на брошюру Иверсена „разговоръ между двумя женщинами Петровною и Семеновною". Онъ ее одобрилъ подъ условіемъ, „если сочинитель передѣлаетъ приступъ или завязку разговора, которая не годится. Ибо если грѣшно ходить въ лавки для покупокъ въ день воскресный, то грѣшно также закупать припасы къ воскресенью и въ субботу вечеромъ поздно. Въ этомъ случаѣ и Петровна и Семеновна не правы и разговоръ не можетъ состояться, т. е. одна другую учить не можетъ" [84]).

---

[81]) Тамъ же 1837, 26.
[82]) Тамъ же, 1836, журн. 9 ноября; 1835, 39.
[83]) Тамъ же, 1836, 12.
[84]) Тамъ же, 1837, 13.

Въ концѣ цензорскаго трехлѣтія Колоколовъ подалъ заявленіе: „Если начальству благоугодно будетъ меня оставить въ семъ званіи и на второе трехлѣтіе, я не отрекаюсь отъ прохожденія должности по своему званію“. Конференція представила объ этомъ комиссіи, но та поручила конференціи дополнительно произвести выборъ кандидатовъ на должность цензора. Были избраны баккалавръ Евсевій и прот. Т. Никольскій. Центральной властью былъ утвержденъ Евсевій [85]).

Послѣдній черезъ нѣсколько мѣсяцевъ былъ переведенъ въ кіевскую семинарію, и въ комитетѣ оставилъ послѣ себя лишь пять отзывовъ. Повидимому Евсевій хотѣлъ быть „благожелательнымъ цензоромъ“. Онъ готовъ былъ частнымъ образомъ сноситься съ авторами сочиненій относительно исправленія послѣднихъ [87]). Въ своихъ же отрицательныхъ приговорахъ онъ былъ—по крайней мѣрѣ, болѣе чѣмъ другіе—разборчивъ въ выраженіяхъ. И даже тамъ, гдѣ нѣкоторые изъ его товарищей отмѣтили бы crimen laesae majestatis, Евсевій писалъ только такъ: „Ослабляется уваженіе и благоговѣніе, подобающее высочайшимъ особамъ, выражаемое въ радостномъ праздновапіи торжественныхъ дней, потому что на стр. 37—8 сочинитель установленіе торжественныхъ дней считаетъ за одно съ нѣкоторыми произвольными празднествами, учрежденными въ іудейской церкви извѣстными лицемѣрами-фарисеями“ [88]).

Членъ Спб. комитета архм. Климентъ, назначенный цензоромъ уже при Пратасовѣ, сознавалъ, что для успѣха карьеры необходимо улавливать знаменія времени, дѣлать выводы и примѣнять ихъ въ своей дѣятельности. Но для этого-то онъ не былъ въ достаточной мѣрѣ одаренъ проницательностью, отчего и получались роковыя для него недоразумѣнія.

Желая, напримѣръ, во время посѣщенія академіи Пратасовымъ блеснуть своей эрудиціей и подчеркнуть свою благонамѣренность, Климентъ прочелъ лекцію о кормчей. При этомъ „полагая..., что гр. Пратасову, какъ міряниву, можно понравиться мыслями, пріятными для свѣтскаго человѣка, онъ уже слишкомъ усердно расхвалилъ нашего ученаго Розенкампфа и почти ни слова не сказалъ о духовныхъ лицахъ, которыя бы высказали свою дѣятельность въ томъ же отношеніи... Уже панегирикъ Розенкампфу произвелъ на графа неблагопріятное впечатлѣніе, но лекція о первомъ вселенскомъ соборѣ окончательно убѣдила его, что о. Климентъ, православнѣйшій изъ православныхъ, при-

---

[85]) Тамъ же, 1838, 51.

[87]) Тамъ же, 1839, 23, 27, 21.

[88]) Тамъ же, 1838, 19.

надлежитъ къ отчаяннымъ либераламъ; при этомъ убѣжденіи графъ чуть не навсегда оставался“ [89]).

Не принесли для Климента осязательныхъ результатовъ и его выступленія въ роли цензора, какъ ни желалъ онъ казаться ревностнымъ и проницательнымъ. Подобно Макарію изъ Петербурга онъ былъ перемѣщенъ въ провинцію, а потомъ и вовсе удаленъ отъ духовно-учебной службы [90]).

Свои отзывы Климентъ расчленялъ по схемѣ устава, обособляя недостатки, касавшіеся а) „основательности мыслей, б) чистоты христіанскихъ чувствованій, в) доброты слога, г) ясности и правильности изложенія“ [91]); и стараясь показать, что данное сочиненіе „противно образованнымъ, безполезно необразованнымъ и вредно образующимся“, ибо „всѣ сіи недостатки какъ нарочно собраны въ рукописи“ [92]). А къ числу такихъ сочиненій Климентомъ была отнесена даже рукопись, въ которой „жизнь простой иновѣрной служанки выставляется за образецъ вниманія къ дѣйствію благодати и послѣдованія ея внушенію. По моему мнѣнію, писалъ онъ, такая исторія можетъ подать случай хорошо думать о иновѣріи со вредомъ для православія“. Въ категорію мыслей и выраженій, „противныхъ христіанскимъ чувствамъ“, были помѣщены „выходки противъ богатыхъ“, именно суровыя ихъ обличенія [93]).

Степень „основательности мыслей“ Климента можно видѣть по рецензіи его на первую часть перевода съ французскаго „Исторіи церкви временъ апостольскихъ“. „Во введеніи, пишетъ онъ, доказывается превосходство христіанской религіи тою несправедливою мыслью, будто христіанство уничтожило неравенство состояній и преподало высокое ученіе—источникъ равенства по естеству, заглушенное въ сердцахъ людей варварскими постановленіями. Сія основная ложная мысль обставлена и другими ложными сказаніями... Разсказывается также, безъ исторической достовѣрности, о какомъ-то чудномъ гласѣ, который, появясь на востокѣ, потрясъ города Малой Азіи и Греціи, возвысился посреди Рима. Вопрошаемый о себѣ, отвѣчалъ: „я есмь духъ хри-

---

[89]) В. Евр., 1883, іюль. Петербургская духовная академія при гр. Пратасовѣ, стр. 141—2. 128, Что Климентъ дѣйствительно недостаточно былъ освѣдомленъ въ вопросахъ высшей церковной политики, видно и изъ его рецензіи на нѣмецкій переводъ катехизиса м. Филарета (Іоанна-Іеронима Гепнера). Здѣсь Климентъ между прочимъ иронизируетъ: «Переводчикъ разсказываетъ неизвѣстную мнѣ новость, будто въ теченіе времени послѣ изданія катехизиса, какіе-то невѣжды (понятіе переводчика) вооружались противъ сего катехизиса“. СПБ. Д. Ц. К., 1837, 39.

[90]) Письма м. м. Филарета къ высочайшимъ особамъ и др. лицамъ, ч. II, стр. 32—3, 37—8.

[91]) СПБ. Д. Ц. К., 1837, 39; 1838, 53.

[92]) Тамъ же, 1838, 34.

[93]) Тамъ же, 1839, 5; 1838, 56.

стіанскій"; на вопросъ о его предназначеніи объявилъ, что пришелъ примирить людей съ Богомъ и между собою соединеніемъ всѣхъ вокругъ новаго алтаря" [94]).

Впрочемъ, всѣ такія изслѣдованія архм. Климентъ предпринималъ, чтобы выполнить до послѣдней іоты статьи устава. Но если по формальнымъ же основаніямъ можно было отклонить отъ себя разсмотрѣніе книги, Климентъ не упускалъ такихъ случаевъ. „Поелику книга имѣла уже пять изданій и никакого соблазна въ читающихъ не производила, напротивъ доставляла пользу, за которую ручаются ея пять изданій, то полагаю дать дозволеніе, по ст. 87, безъ новаго разсмотрѣнія". Такъ же отклонялъ онъ и разборъ сочиненій, присылаемыхъ изъ общей гражданской и иностранной цензуры [95]).

Близкимъ къ директорамъ синодальныхъ канцелярій и вмѣстѣ правою рукою ректора академіи Аѳанасія въ цензурномъ комитетѣ былъ архим. Іоасафъ [96]). Цензорскія обязанности онъ исполнялъ дважды, сначала какъ штатный, а потомъ сверхштатный членъ комитета. Въ послѣднемъ случаѣ необходимость присутствія Іоасафа въ комитетѣ была мотивирована въ представленіи синоду Аѳанасіемъ. Указавъ на многочисленныя занятія другихъ цензоровъ и на вызываемое этимъ затрудненіе въ пропускѣ статей Христіанскаго чтенія, Аѳанасій предложилъ назначить спеціальнымъ цензоромъ для журнала Іоасафа. „И въ то же время, добавлялъ Аѳанасій, ему, какъ старшему по сану, имѣть наблюденіе за ходомъ дѣлъ комитета, не полагая ему, впрочемъ, за сіе никакого жалованья" [97]).

Неудивительно, поэтому, что именно на долю Іоасафа выпадало разсмотрѣніе такихъ произведеній, въ которыхъ были болѣе или менѣе заинтересованы высшіе церковные дѣятели. Ему было поручено разсмотрѣніе „Врачебно-народнаго наставленія для духовныхъ училищъ" (гдѣ имъ и было исключено „первое отдѣленіе, какъ ненужное и заключающее мысли несогласныя съ духомъ ученія православной церкви" [98]); цензура заграничнаго, посвященнаго Пратасову, изданія „Libri Symbolici Ecclesiae orientalis, edit. Kimmel" [99]), Исторія Іудеевъ, Лоренца [100]).

На большую часть рукописей Іоасафъ набрасывался съ не-

[94]) Тамъ же, 1839, 15.
[95]) Тамъ же, 1838, 35; 1838, 26; 1839, 5 (о книжкѣ „Дѣйствіе благодати въ сердцѣ малолѣтней дѣвицы").
[96]) Спб. Д. Ц. К., 1839, 32; 1843, 1.
[97]) Спб. Д. Ц. К., 1843, 30.
[98]) Тамъ-же, 1843, 1.
[99]) Не допущено въ Россію, «ибо опредѣлять символическое достоинство книгъ восточной церкви дѣло ея самой, а не частнаго человѣка», а также въ виду внесенія въ число символикъ исповѣданія Кирилла Лукариса. Спб. Д. Ц. К., 1843, 1. Впослѣдствіи, впрочемъ, это изданіе было допущено „для ученыхъ".
[100]) Тамъ-же, 1839, 32.

скрываемымъ желаніемъ возможно болѣе опорочить ихъ, пусть даже съ цѣлью вызвать детальную ихъ переработку авторами. Его отзывы, даже о дѣйствительно неудачныхъ трудахъ, выдѣляются изъ ряда рецензій другихъ членовъ уже своей внѣшней стороною. Они уснащаны рѣзкими выраженіями и вспомогательными для выраженія чувствъ знаками. Вотъ копія одного замѣчанія Іоасафа: „Главная мысль всего посланія (къ Галатамъ), говорится въ рукописи, состоитъ въ томъ, что христіане, какъ дѣти Божіи, призваны не къ рабскому и наружному богослуженію, но къ внутреннему поклоненію Богу въ духѣ и истинѣ...“ Это бредни самого автора, будто христіане не призваны къ наружному богослуженію!!!“ [101]). Вообще такія сочетанія знаковъ, какъ:?!!!.. ???!!..—повидимому очень нравились Іоасафу [102]). Пользовался онъ ими въ особенности потому, что на всякое авторское положеніе у него уже была готова взятая откуда нибудь реплика. Четьи-минеи, „Православное исповѣданіе“, октоихъ, тропарь—все это входило въ число его критеріевъ [103]). И съ одинаковой аподиктичностью писалъ онъ свои замѣчанія, какихъ бы предметовъ—философскихъ, психологическихъ, геологическихъ или историческихъ—ему ни приходилось касаться.

„Нѣтъ времени,—разсуждалъ одинъ чиновникъ—авторъ, повторяя, вѣроятно, мысль отцовъ новой философіи,—безъ существованія вещественной вселенной, потому что нѣтъ принадлежностей матеріи (протяженія и пр.), которыя однѣ опредѣляютъ время“. „Авторъ мечтаетъ, иронизируетъ по этому поводу цензоръ, будто время есть принадлежность только вещественнаго міра“ [104]). Не весьма благосклонно отнесся Іоасафъ и къ сочиненію, стремившемуся къ синтезу между Библіей и геологіей. Общій смыслъ его замѣчаній таковъ. „Авторъ хотѣлъ доказать, что геологическія открытія нисколько не противорѣчатъ сказанію Моисея о сотвореніи міра. Но здѣсь онъ слова божественнаго писанія подчиняетъ человѣческому произволу, догадкамъ“ [105]).

Не безынтересна еще и такая поправка цензора психологическаго характера. „Можетъ ли, спрашиваетъ авторъ, бѣдный утѣшаться богатствомъ другихъ и чувствовать радость при видѣ богатства, принадлежащаго не ему?“ Симъ вопросомъ, замѣчаетъ цензоръ, выраженъ отрицательный на него отвѣтъ. Напротивъ, бѣднякъ можетъ утѣшаться богатствомъ другихъ, по-

---

[101]) Спб. Д. Ц. К. 1839, 38.
[102]) Спб. Д. Ц. К., 1839, 17.
[103]) Спб. Д. Ц. К., 1838, 52, 1839, 26.
[104]) СПБ. Д. Ц. К., 1840, 29.
[105]) СПБ. Д. Ц. К., Журналы отъ 31 мая и 18 іюля 1840 г.

тому что оно дается имъ не для себя только, но и для его пользы" [106]).

Въ 1839 г. въ составъ цензурнаго комитета включенъ былъ ректоръ семинаріи Аѳанасій (Соколовъ), впослѣдствіи архіепископъ казанскій. По отзыву біографовъ, онъ былъ „истинно праведный человѣкъ и замѣчательно начитанный ученый, но, по своему благочестію, выказывалъ мало уваженія къ наукѣ и даже ко многимъ богословскимъ научнымъ изслѣдованіямъ, особенно составленнымъ подъ руководствомъ иностранныхъ ученыхъ. На богословскихъ экзаменахъ онъ нерѣдко грубо обрывалъ студента: „Чего ты тамъ плетешь? Скажи, какъ сказано объ этомъ въ священномъ писаніи: мы всѣ и повѣримъ тебѣ", или: „Что ты привязался къ какому-то нѣмцу? И пусть его вретъ; намъ-то что до него за дѣло? Это все равно, какъ если бы въ Кайскомъ уѣздѣ медвѣдь явился, а мы бы здѣсь въ Казани колья да рогатины на него похватали" [107]).

Въ своемъ первомъ отзывѣ—объ одномъ стихотвореніи сочинителя-неудачника — Аѳанасій отмѣтилъ семнадцать группъ недостатковъ. Имъ были найдены: 1) мѣста, содержащія недостатки въ истинѣ мыслей и даже мысли и выраженія противныя православному ученію церкви; 2) противныя православному христіанскому нравоученію; 3) множество недостатковъ въ изложеніи; 4) мысли и выраженія темныя; 5) двусмысленныя; 6) тождесловныя; 7) слова расположенныя неправильно; 8) много словъ неупотребительныхъ; 9) употребленныя въ такомъ значеніи, какого не имѣютъ; 10) много словъ низкихъ и неприличныхъ; 11) названія вещей неприличными именами; 12) странныя понятія; 13) превратное сочиненіе словъ; 14) много грубыхъ погрѣшностей противъ грамматики; 15) много неправильностей въ произношеніи словъ для соблюденія размѣра стопъ; 16) наборъ словъ; 17) наконецъ, разнаго рода неисчислимыя погрѣшности противъ правописанія [108]). При разсмотрѣніи переводовъ на иностранные языки примѣненіе Аѳанасіемъ этихъ пріемовъ являлось, пожалуй, болѣе умѣстнымъ [109]).

Цензоромъ по преимуществу явился Аѳанасій и въ замѣчаніяхъ на статью о пафнутіевомъ боровскомъ монастырѣ. Тамъ онъ отмѣчаетъ „неприличныя выходки противъ сломки старыхъ монастырскихъ зданій, дѣланной, безъ сомнѣнія, по нуждѣ и начальственнымъ соображеніямъ". Такія выраженія, какъ „безжалостно сломана" (въ 1836 г. древняя церковь); „потомство не цѣнитъ, не дорожитъ драгоцѣнной памятью прошедшаго", были

---

[106]) СПБ. Д. Ц. К., 1839, I.
[107]) Исторія казанской дух. академіи, П. Знаменскаго, вып. I, стр. 143.
[108]) СПБ. Д. Ц. К., 1839, 33.
[109]) СПБ. Д. Ц. К., 1840, 28.

старательно подчеркнуты. „Неприлична, писалъ въ концѣ отзыва цензоръ, по моему мнѣнію, и выходка противъ архм. Андреяна, якобы имъ растрачена была богатѣйшая монастырская ризница. Подобныя выходки должны быть основаны на вѣрныхъ документахъ“. Статья, конечно, не была одобрена [110]).

Довольно остроумный отвѣтъ далъ Аѳанасій одному толкователю апокалипсическихъ видѣній, предсказывавшему новое появленіе Наполеона—антихриста: „Такъ какъ сочиненіе отъ несвоевременнаго выпуска въ публику будетъ несогласоваться съ политическими обстоятельствами правительства и духомъ народнымъ, то для изданія его въ свѣтъ нужно выждать время приличное, могущее засвидѣтельствовать силу словъ“... [111]).

Въ теченіе трехлѣтія 1841—45 г. однимъ изъ цензоровъ комитета состоялъ протоіерей А. Райковскій. Въ цензурный комитетъ Райковскій, не будучи профессоромъ академіи, былъ избранъ, какъ дѣйствительный членъ конференціи. Главныя его занятія сосредоточены были въ университетѣ. Тамъ онъ преподавалъ богословіе (догматическое, нравственное, церковную исторію и законовѣдѣніе). Сверхъ того, Уваровымъ была возложена на него обязанность преподавать философію, логику и опытную психологію, что онъ и исполнялъ въ теченіе 18 лѣтъ [112]).

Какъ человѣкъ обремененный занятіями, Райковскій болѣе другихъ позволялъ себѣ манкировать лежавшими на немъ по цензурѣ обязанностями. Такъ одна журнальная статья,—извлеченіе изъ „Камня Вѣры“ Яворскаго,—дождалась одобренія лишь черезъ три года со времени поступленія къ нему [113]). Другая рукопись—чрезъ полтора года, и то лишь благодаря жалобѣ, поданной Пратасову. Отецъ автора баронъ Боде мотивировалъ ее тѣмъ, что выразившая согласіе на посвященіе себѣ книги принцесса Ольденбургская можетъ отнести промедленіе „къ безпечности и вѣтренности сочинительницы, не говоря уже о томъ, что самая задержка отбиваетъ охоту заниматься общеполезными сочиненіями“ [114]). Были и другіе подобные случаи. Интересно притомъ, что даже обязательство, данное оберъ-прокурорской канцеляріи „представить рукопись съ отзывомъ на сихъ же дняхъ“, Райковскій исполнилъ... чрезъ девять мѣсяцевъ [115]).

Одинъ изъ авторовъ отмѣтилъ эту „досадную черту“ цензора не лишенными скорбнаго юмора строками. „Еще въ октябрѣ минувшаго года, пояснялъ онъ комитету, я лично вручилъ рукопись А. Райковскому, у котораго она пробыла до первыхъ

---

110) СПБ. Д. Ц. К., 1840, 30.
111) Тамъ же, 1845, 31 (отзывъ отъ 1840 г.).
112) Истор.-стат. св. о спб. епархіи. Вып. I, (СПБ. 1869) стр. 155.
113) А. С. С., 1842, 29.
114) К. О. П. С. С., 1844, 33682.
115) К. О. П. С. С., 1845, 35 553; А. С. С., 1842, 24.

чиселъ мая, да сбудется со мною реченное Господомъ нашимъ о тѣхъ, „иже добрымъ сердцемъ и благимъ слышавше, слово держатъ и творятъ плодъ въ терпѣніи“... [115 а]).

Томительное ожиданіе авторовъ Райковскій какъ бы старался вознаградить обстоятельностью своихъ заключеній. Нерѣдко весьма объемистыя, тщательно переписанныя, они содержали въ себѣ инкриминируемыя выдержки, расположенныя по группамъ, какъ положенія катехизиса. По своему содержанію эти отзывы, конечно, вполнѣ соотвѣтствовали духу эпохи, страдали, по выраженію арх. Иннокентія „vitio haeresificationis“ [116]).

Самой лучшей характеристикой—типомъ рецензій этого профессора университета можетъ служить отзывъ о произведеніи Иннокентія „Послѣдніе дни земной жизни Іисуса Христа“ [117])—трудѣ уже до того изданномъ въ свѣтъ въ видѣ статей въ духовныхъ журналахъ. Какъ можно убѣдиться изъ ниже приводимыхъ выдержекъ,—всѣ тѣ мѣста, гдѣ авторъ позволялъ себѣ разсуждать съ точки зрѣнія современниковъ Іисуса Христа, гдѣ онъ оживлялъ свою рѣчь психологическими характеристиками, членъ цензуры считалъ своимъ долгомъ вычеркивать ради „надлежащей чистоты и полноты истины“.

Вотъ нѣсколько мѣстъ исключенныхъ цензоромъ:

„Каждая народная потребность, даже каждый предразсудокъ участвовалъ въ составленіи идеала чувственнаго Мессіи; такъ что въ іудейскомъ христословіи можно было видѣть всю іудейскую политику и статистику“.

„Рано или поздно надлежало быть одному изъ двухъ, или врагамъ Іисуса произвольно пасть предъ величіемъ Его святости, или Ему содѣлаться жертвою ихъ злобы и коварства“.

„Если бы новый чудотворецъ, выдающій себя за Мессію, былъ снисходителенъ къ ихъ порокамъ, собразовался въ ученіи своемъ съ предразсудками фарисеевъ,—далъ явственно выразумѣть, что Его будущее величіе будетъ весьма полезно синедріону; то утвердительно можно сказать, что большая часть вельможъ не умедлила бы объявить себя на сторонѣ новаго Мессіи“.

„Дѣло Іисуса, по его (Каіафину) мнѣнію, было дѣломъ высшей политики, которая должна смотрѣть не на законы и справедливости, а на общественную пользу и вредъ.—Пусть Онъ (Іисусъ Христосъ) будетъ невиненъ; но Его жизнь несовмѣстна съ благоденствіемъ общественнымъ,—и Онъ долженъ умереть“.

[115 а]) СПБ. Д. Ц. К., 1847. „Дѣло о сочиненіяхъ, къ изслѣд. слова Божія относящихся».

[116]) Церк. Вѣстн., 1883, № 24. Письма арх. Иннокентія къ... Макарію (Булгакову), отъ 27 марта 1844 г.

[117]) СПБ. Д. Ц. К., 1842, 7.

„Тѣ, кои признавали Іисуса Христа за самого Мессію, также не оставляли мечты о Его земномъ царствѣ, воображая, что Онъ на время только принялъ видъ уничиженія, но вскорѣ покажетъ Себя побѣдителемъ народовъ".

„Ученики Іисусовы, по окаменѣнію сердца своего, лучше соглашались не понимать многихъ словъ своего Учителя, нежели, разумѣя ихъ какъ должно, разстаться съ любимымъ народнымъ предразсудкомъ о царствѣ Мессіи".

„Ученики Іисусовы еще не успѣли отвыкнуть отъ предразсудковъ и войти въ духъ Его религіи".

Авторъ книги „О православномъ бѣломъ и черномъ духовенствѣ въ Россіи" раскрываетъ и болѣе интимную сторону этого эпизода. „Священникъ Андрей Райковскій колебался дать дозволеніе... и захотѣлъ напередъ посовѣтоваться съ присутствовавшимъ въ то время въ синодѣ рязанскимъ архіепископомъ Гавріиломъ.—Да развѣ въ статьѣ есть что-нибудь неправославное?" спросилъ преосвященный.—Нѣтъ, неправославныхъ мыслей я не нашелъ, отвѣчалъ Райковскій, но она оставляетъ въ читателѣ непріятное впечатлѣніе.—Ну такъ поостерегитесь давать дозволеніе, прибавилъ преосвященный [118]). „Послѣдніе дни" вышли отдѣльнымъ изданіемъ уже въ 1857 г. [119]).

Весьма похожи на эту и другія рецензіи Райковскаго, напр., на „Руководство ко всеобщей исторіи", проф. Лоренца, на „Царство духовъ" Элькана [120]).

Затѣмъ, не будучи равнодушенъ къ настроенію тогдашнихъ ревнителей по православію, Райковскій лестно одобрилъ „Духовный подарокъ рекрутамъ", перечислявшій „обязанности, какія возлагаетъ на нихъ Богъ и Св. Церковь, Помазанникъ Господень и Военное Начальство"; запрещалъ упоминать о числѣ раскольниковъ въ астраханской губерніи, какъ предметѣ правительственномъ; вычеркивалъ изъ біографіи Ѳ. Прокоповича фактическія подробности, какъ „ужасныя мѣста, которыя могутъ произвести вредъ и соблазнъ относительно Верховной Власти, Св. Синода... и его Членовъ" [121]).

Въ историко-статистическомъ описаніи с.-петербургской епархіи дана слѣдующая характеристика протоіерея А. Окунева, втеченіе девяти лѣтъ состоявшаго цензоромъ духовно-цензурнаго комитета: „Былъ неутомимымъ, ревностнымъ дѣятелемъ..., отличаясь вездѣ и во всемъ яснымъ, основательнымъ разумѣніемъ дѣла и точнымъ энергическимъ его исполненіемъ" [122]).

118) Т. I, стр. 10 и слѣд. (Лейпцигъ).
119) Ср. Хр. Чт., 1907, мартъ, стр. 410—15. Замѣтка Г. З. Кунцевича.
120) СПБ. Д. Ц. К., 1842, 11, 6.
121) СПБ. Д. Ц. К., 1842, 17: 1843, 32; 1841, 6.
122) Выпускъ I, 2, стр. 52. Ср. Церк. Вѣд., 1908 г., № 24, ст. Н. Глубоковскаго, 1103—1107.

Въ общихъ чертахъ должна бы подтверждать эту положительную характеристику и дѣятельность Окунева въ качествѣ члена цензурнаго комитета. Но въ томъ-то и дѣло, что зыбкая почва надзора за мыслями менѣе всего способна сохранить въ равновѣсіи „неутомимость, ревность и энергію", — въ невинной чистотѣ „ясность, основательность" и другія сами по себѣ цѣнныя качества. Случилось это и съ Окуневымъ и тѣмъ легче, что сравнительно продолжительное цензорство его падаетъ на самые мрачные въ цензурномъ отношеніи годы.

Было бы одностороннимъ признать Окунева неумолимымъ, педантичнымъ во всѣхъ случаяхъ цензоромъ. Безъ особенныхъ, напримѣръ, возраженій—стереотипной формулой одобренія—дозволилъ онъ къ печати „Записки по церковному законовѣдѣнію" проф. Скворцова, „Библейскую герменевтику" Саввантова, „Памятники христіанской древности" Ир. Вѣтринскаго, „О церкви, какъ началѣ спасительнаго освященія"—Филарета Гумилевскаго, „Исторію кіевской академіи" Макарія [123]).

Однако по своимъ принципіальнымъ взглядамъ онъ стоялъ весьма близко къ догмѣ тогдашнихъ охранителей. И, можно даже сказать, что въ ней онъ былъ болѣе убѣжденъ, чѣмъ нѣкоторые изъ его товарищей по цензурѣ, нерѣдко руководившіеся лишь внушеніями свыше. Свои рецензіи прот. Окуневъ довольно часто начиналъ изложеніемъ своего credo по тому или другому вопросу. Вотъ нѣсколько примѣровъ. „Духъ лютеранизма и европейскаго вольномыслія, писалъ онъ въ одномъ отзывѣ, въ совокупности съ внѣшнею одностороннею ученостью вѣка, болѣе искусною въ затѣйливыхъ словахъ и ложныхъ мудрованіяхъ, чѣмъ въ твердомъ здравомысліи и простомъ, по ясномъ изложеніи мысли, отнимаютъ всякое желаніе одобрить эту рукопись къ общественному употребленію въ настоящемъ ея видѣ". Или еще: „Душевенъ человѣкъ не пріемлетъ, яже суть Духа Божія, а потому всякая пытливость его и стремленіе изъяснять міру письменно или словесно святыя, тайныя, высокія, недоступныя истины откровенія есть тяжкая непростительная дерзость противъ Святаго Духа, который единъ вѣрно и истинно глаголетъ въ духовно-истинно имъ просвѣщаемыхъ святыхъ Божіихъ человѣкахъ. Живой, одинъ живой можетъ вѣрно говорить и писать о живомъ и дѣйственномъ; а всяка душа только Святымъ Духомъ живится и чистотою возвышается. Наши предки съ бо̀льшимъ благоговѣніемъ приступали къ слушанію чего-либо духовнаго, нежели съ какимъ нынѣ приступаютъ къ писанію о духовномъ люди не духовные; а потому и бываютъ, что за духовныя выдаются громкія, пышныя, высокопарныя, но въ существѣ своемъ пустыя, ложныя и слѣдственно

[123]) СПБ. Д. Ц. К., 1846, 5 и 6; 1844, 3 января; 1843, 26.

очень вредныя произведенія людей, дмящихся отъ ума плоти. И сіе-то ихъ самопрельщеніе, сей-то недугъ тонкой духовной гордости суть начала той близорукой односторонности, того жалкаго, механическаго набора словъ и мыслей, которыми столь много отличаются мною разсмотрѣнныя и при семъ препровождаемыя три послѣднія рукописи Г. Иверсена...“

Въ такихъ же громкихъ предисловіяхъ выражалъ онъ свое несочувствіе предпринятому изданію снимковъ съ картинъ художественной галереи гр. Кушелева-Безбородко, ко всему, „проникнутому, по его мнѣнію, духомъ пеологизма и раціонализма, такъ много свойственномъ реформаціи,—вообще ко всему, „проникнутому тономъ и духомъ нынѣшнихъ нѣмецкихъ мыслителей, у которыхъ нѣтъ предѣловъ для разума, кромѣ собственной ихъ фантазіи“ [124]).

Для выясненія психологической стороны отзывовъ Окунева стоитъ привести рецензію на сочиненіе „Слово Божіе“. „Здѣсь, пишетъ Окуневъ, содержится разговоръ между докторомъ и священникомъ о богодухновенности св. писанія. Первый возражаетъ, какъ вольнодумецъ, собирая все, что могло изобрѣсти киченіе лжеименнаго человѣческаго разума и злого человѣческаго сердца. Послѣдній это опровергаетъ. Но, судя по тому, что зло прививается скорѣе добра и что, слѣдовательно, рукопись больше можетъ принести вреда возраженіями... чѣмъ пользы отвѣтами... и можетъ соблазнить народъ неутвержденный въ вѣрѣ,—по крайней мѣрѣ подать поводъ къ излишнимъ о столь важномъ предметѣ спорамъ и разговорамъ, я полагалъ бы ее не дозволять, особенно при внѣшнихъ недостаткахъ. Къ тому же, заключаетъ цензоръ, богословская полемика есть предметъ не народный и смотрѣть на слово Божіе со стороны невѣрія и соблазна (какъ здѣсь) было бы, при нашей народной вѣрѣ и благочестіи, и неумѣстно и не безопасно“ [125]).

Въ результатѣ, получалось совпаденіе и согласіе въ воззрѣніяхъ Окунева и руководящихъ дѣятелей. Послѣдніе, конечно, за благонамѣренность цензора уважали, совпаденія во взглядахъ цѣнили. Въ случаѣ же несовпаденій... посылали ему строгія замѣчанія и съ деспотическою откровенностью предписывали ему передѣлывать отзывы.

Такъ „Памятники христіанской древности“ Вѣтринскаго, —разсматривавшіеся Окуневымъ уже послѣ исправленія ихъ согласно отзыва цензора Т. Никольскаго,—вновь подверглись критикѣ м. Филарета. И въ результатѣ—предупрежденіе синода: „если и впредь будутъ допускаемы со стороны цензуры подобные недосмотры въ столь важныхъ сочиненіяхъ, каково настоящее, то

---

[124]) СПБ. Д. Ц. К, 1843, 1, 6, 23, 32; 1846, 7.
[125]) 1847. Дѣло о сочин. прот. Троянскаго.

допустившіе ихъ неминуемо будутъ подвергнуты строгому взысканію". Пропущенная Окуневымъ герменевтика Саввaитова вскорѣ, по распоряженію церковной власти, была конфискована. За пропускъ изданій фирмы Иверсена и книги „О соблазнахъ" Окуневу сдѣланы были замѣчанія отъ секретныхъ комитетовъ [126]).

Затѣмъ, пожалуй, болѣе, чѣмъ эти кассаціонныя рѣшенія, должны были смущать Окунева административныя давленія синодальной канцеляріи. Изъ нѣсколькихъ сходныхъ случаевъ ограничимся однимъ.

Чрезъ Дубельта и Пратасова былъ доставленъ въ духовную цензуру переводъ съ англійскаго поученій Блера (нѣкоей Ситниковой). Окуневъ, найдя недостатки въ слогѣ, цитаціи текстовъ и внѣшности сочиненія, призналъ необходимымъ возвратить его для переписки (согласно 85 статьи устава). Черезъ нѣсколько времени директоръ канцеляріи оберъ-прокурора Сербиновичъ потребовалъ Окунева для объясненій по дѣламъ службы. Въ чемъ они состояли, разъясняетъ слѣдующее письмо Окунева въ комитетъ: „Какъ, вслѣдствіе этихъ объясненій, возвращены мнѣ и наше отношеніе и принадлежащая къ нему рукопись, то и прошу канцелярію комитета отношеніе приложить къ дѣлу, а рукопись поручить новому разсмотрѣнію и, конечно, новому члену, потому что для меня давать по ней другое, кромѣ даннаго уже, мнѣніе было бы очень щекотливо. Вмѣстѣ съ тѣмъ честь имѣю увѣдомить, что воля г. директора есть, чтобы рукопись эта... была бы одобрена къ печати по уваженію къ тому лицу, которому она принадлежитъ, и къ тому, которое приняло на себя ходатайство по этому дѣлу".

Возвращенная Окуневымъ въ комитетъ рукопись перевода около двухъ мѣсяцевъ пробыла безъ движенія. Тогда послѣдовало свыше „напоминаніе", притомъ не кому-либо другому, а именно Окуневу. Въ результатѣ, новая записка цензора въ комитетъ: „Его Превосходительство Господинъ Директоръ Канцеляріи Его Сіятельства Господина Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода поручилъ мнѣ исправить недостатки. Вслѣдствіе этого, разсмотрѣвъ рукопись снова, я нашелъ, что, по сдѣланномъ мною измѣненіи заглавія, исправленіи слога и опущеніи нѣкоторыхъ мѣстъ..., она можетъ быть напечатана [127]).

Въ силу такого постояннаго давленія, Окуневъ къ концу службы въ цензурѣ оказался совершенно изломаннымъ. По его же словамъ,—можетъ быть, правда, не вполнѣ точно воспроизведеннымъ І. І. Базаровымъ,—онъ тогда уже „ничего не пропускалъ въ печать, дабы не лишиться пенсіи" [128]).

---

[126]) СПБ. Д. Ц. К., 1844, 3 янв; 1847 „пам. хр. древн.".
[127]) СПБ. Д. Ц. К. 1843, 21 декабря.
[128]) Р. Ст. 1901, т. 107, стр. 86—8.

Характеръ дѣятельности архм. Макарія (Булгакова), въ качествѣ сверхштатнаго члена комитета, описывается въ его біографіи такими чертами: „Архм. Макарій былъ самымъ желательнымъ цензоромъ, какъ для начальства, которое знало и считало его за человѣка серьезнаго и точнаго въ своихъ дѣйствіяхъ, такъ и для всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя представляли свои рукописи въ с.-петербургскій дух.-цензурный комитетъ и для которыхъ Макарій былъ интересенъ, какъ человѣкъ аккуратный, благородный, гуманный. Благодаря всѣмъ этимъ качествомъ, архм. Макарій скоро сдѣлался самымъ популярнымъ представителемъ духовной цензуры. Мало того, что онъ серіозно и внимательно прочитывалъ всѣ поручавшіяся ему сочиненія и снисходительно относился къ авторскимъ недосмотрамъ или нѣсколько оригинальнымъ мыслямъ ихъ, онъ, при всей своей любви быть точнымъ и аккуратнымъ во всемъ, никогда не задерживалъ поступавшихъ къ нему рукописей и разрѣшалъ ихъ къ печати безъ замедленія“. Къ нему обращались арх. Иннокентій, Анатолій (Мартыновскій), Бодянскій, Я. К. Амфитеатровъ и др. [129]).

Письма названныхъ лицъ дѣйствительно представляютъ въ симпатичномъ свѣтѣ отношеніе Макарія къ ихъ сочиненіямъ. Именно его они просили „посмотрѣть, чтобы рукопись не завалялась долго на полкахъ комитетскихъ, какъ это иногда бываетъ“; ходатайствовали объ ускореніи затянувшихся дѣлъ, при чемъ предлагали „отложить совершенно всякій этикетъ, хотя бы для сего нужно было оставить безъ употребленія пол-книги“; наконецъ, одинъ изъ нихъ, отсылая свою рукопись на имя Макарія, умолялъ: „Примите, ради всѣхъ святыхъ примите ее подъ свою опеку и защищеніе и изведите душу ея и мою... Сдѣлайте милость, будьте ласковы, пропустите... Какъ бы я радъ былъ, еслибы вашимъ именемъ была запечатлѣна моя горькая работа... Крестите, т. е. исправляйте, и вы тамъ сколько хотите. Впрочемъ ересей у меня нѣтъ“.

На все это Макарій большею частью очень предупредительно откликался и отвѣчалъ весьма почтительно, особенно, конечно, Иннокентію. „И въ настоящій разъ, каюсь передъ вами, я не могъ быть строгимъ критикомъ. Вы знаете, что для этого нужно не мало времени, полная осмотрительность и сообразительность... Впрочемъ, въ двухъ трехъ проповѣдяхъ я кое-что поизмѣнилъ или повыпустилъ... Не намъ, скажу чистосердечно, ученикамъ учениковъ вашихъ, быть вамъ въ чемъ-нибудь учителями“ [130]).

При всемъ томъ нельзя упускать изъ виду, что цензорскою

---

[129]) Макарій (Булгаковъ) митрополитъ московскій и коломенскій. Историко-біографическій очеркъ. Т. I. Доц. кіевской дух. академіи Ѳ. Титова (Кіевъ 1895.), стр. 215—6.

[130]) Тамъ же, стр. 219—20; ср. Матеріалы для біографіи Иннокентія, вып. I, Письма... Макарія м. м., стр. 75—6, 78, 79.

благожелательностью Макарія имѣли возможность пользоваться лишь близкіе къ нему по кіевской академіи лица, пріобрѣвшія нѣкоторое право просить „обратить на нихъ, какъ на земляковъ, дружелюбное вниманіе“ [131]). И, какъ видно изъ документальныхъ данныхъ, въ виду своего „сверхштатнаго“ положенія въ комитетѣ, Макарій давалъ отзывы объ отдѣльныхъ сочиненіяхъ лишь въ видѣ исключенія—ради „земляковъ“. Лично онъ одобрилъ только „бесѣды“ арх. Иліодора курскаго; „Великій постъ, или бесѣды на св. четыредесятницу“, арх. Иннокентія; „Краткое начертаніе исторіи церкви ветхозавѣтной (четвертое изданіе) и новозавѣтной“ (третье) І. Скворцова; „Паломникъ кіевскій“ Ив. Максимовича [132]) и „Путешествіе къ семи малоазійскимъ церквамъ“ А. Норова. [133]) Наконецъ, по порученію начальства, Макарій разсматривалъ и „Христіанское православное ученіе, приспособленное къ первоначальному обученію и общенародному наставленію“, или „начатки“ м. Филарета, при чемъ призналъ ихъ „вполнѣ соотвѣтствующими предлагаемой цѣли“ [134]).

Въ качествѣ же цензора Христіанскаго чтенія, Макарій находился въ зависимости отъ редактора его, Аѳанасія, былъ, по его собственнымъ словамъ, „работникъ добрый и безвѣстный“ и „испыталъ такъ же не мало тяготу его, какъ бы сказать, не знаю..., его ученой зависти что ли и эгоизма“. [135]). Окончивъ „двухлѣтнюю безмездную службу въ комитетѣ“, Макарій подалъ въ конференцію академіи категорическое заявленіе: продолжать нести обязанности цензора „по окончаніи срока я не желаю“ [136]).

Вновь имя Макарія вступаетъ въ близкое соприкосновеніе съ цензурнымъ дѣломъ уже въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, когда онъ, въ качествѣ предсѣдателя комиссіи по преобразованію духовной цензуры, высказывалъ зрѣлыя, хотя и безплодныя, „соображенія о томъ, какія измѣненія и улучшенія необходимы въ уставѣ православной духовной цензуры“ [137]).

К. Делекторскій былъ убѣжденный противникъ схоластическихъ формъ изложенія. Въ академіи онъ принималъ энергичныя мѣры къ освобожденію письменныхъ работъ студентовъ отъ семинарскаго стиля. Этимъ онъ даже доводилъ авторовъ до негодованія, и они лишь впослѣдствіи могли оцѣнить его стре-

---

[131]) Церк. Вѣстн., 1883, № 17—18, стр. 6—7.
[132]) СПБ. Д. Ц. К., 1845, 40; 1846, 5; 1845, 37.
[133]) Тамъ же, 1847. «Дѣло о разсм. соч. А. Норова» подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ. Его Макарій одобрилъ «съ тѣмъ, однако, чтобы всѣ тексты св. писанія, приведенные въ рукописи по русскому переводу, были замѣнены славянскими».
[134]) Тамъ же, 1845, 42.
[135]) Матеріалы для біографіи Иннокентія..., вып. I, стр. 73—4.
[136]) СПБ. Д. Ц. К. 1847, «Дѣло объ увольненіи членовъ комитета».
[137]) Секр. дѣло канц. об-прокур. св. син., 1858 г., № 223.

мленія [138]). Желалъ онъ учить авторовъ стилистикѣ и по званію цензора. Изъ самого тона его цензорскихъ отзывовъ видно, что онъ искренно не могъ мириться съ ложнымъ паѳосомъ и „надутыми выраженіями" [139]).

Однако, эта забота о литературномъ изложеніи, при бѣгломъ просмотрѣ сочиненій, при отсутствіи систематическаго руководства, принимала часто характеръ несправедливой привязчивости къ отдѣльнымъ словамъ и выраженіямъ. Воспрещая же, въ частности, въ мотивахъ на библейскія темы употреблять сколько-нибудь вольный перифразъ текста, Делекторскій создавалъ для авторовъ непреодолимыя затрудненія [140]).

Изъ другихъ отзывовъ Делекторскаго интересенъ отзывъ его о брошюрѣ: „Что говоритъ писаніе о спасеніи грѣшника?", точнѣе — начало отзыва. „По моему мнѣнію, пишетъ цензоръ, оно не можетъ быть напечатано... Въ немъ говорится о спасеніи грѣшника на первыхъ шестнадцати страницахъ съ отрицательной, на шести послѣднихъ съ положительной стороны. Слѣдственно оно болѣе разрушаетъ нежели создаетъ".. [141]).

Послѣ смерти Делекторскаго, синодальнымъ опредѣленіемъ отъ 17 іюня—30 сентября 1842 года—вакантная должность цензора была предоставлена протоіерею Тимоѳею Никольскому [142]). Характеристика его цензорской дѣятельности изложена въ біографіи свящ. А. Т. Никольскаго [143]), но лишь въ общихъ чертахъ и требуетъ частныхъ поясненій.

---

[138]) В. Евр. 1872, VII, стр. 184—6.

[139]) Напримѣръ: «И дивный знаменія Духъ
Вскрылился въ видѣ голубинѣ»..., или:
«Тамъ тронъ Спокойствія и Силъ
Въ неограниченной свободѣ»... СПБ. Д. Ц. К., 1841, 14.

[140]) Такъ, несогласными съ подлинникомъ были имъ признаны выраженія: «Народы въ яму павъ, которую копали, запутались въ сѣтяхъ, что мнили втайнѣ скрыть», ибо въ подлинникѣ читается: „Обрушились народы въ яму' которую ископали, въ сѣти, которую скрыли, запутались ноги ихъ". Или: «Какъ серны робкія князья напрасно ждутъ себѣ покою», ибо въ подлинникѣ: «Князья ея какъ серны не находятъ пажити». «Темными» были признаны стихи: «Всѣ смертные Его страшиться будутъ лика»; «Онъ на моряхъ ея (вселенной) основу утверждаетъ». Тамъ же, 1841, 14; 1842, 6.

[141]) Тамъ же, 1841, 14.

[142]) СПБ. Д. Ц. К. 1842, 20.

[143]) Александръ Тимоѳеевичъ Никольскій, 1821—1876... Очеркъ жизни и дѣятельности (СПБ. 1878). «Въ 1825 г., говорится, между прочимъ, тамъ, Т. Ѳ. Никольскій былъ назначенъ членомъ комитета, учрежденнаго въ этомъ году «для разсматриванія вредныхъ книгъ»; въ 1842 г. былъ опредѣленъ членомъ с-петербургскаго комитета духовной цензуры и членомъ комитета, учрежденнаго для разсматриванія конспектовъ учебныхъ предметовъ, преподаваемыхъ въ духовныхъ семинаріяхъ. Благодаря, съ одной стороны, осторожности, правдивости и скромности Никольскаго, съ другой—учености и образованію его, дѣятельность его въ означенныхъ комитетахъ устраняла, по возможности, многія проявленія враждебныхъ отношеній его сочленовъ къ развитію богословской мысли и литературы. Никольскій съ грустью и съ нерасположеніемъ относился къ крутымъ мѣрамъ стѣсненія духовной литературы и учебно-педагогической

Среди разсмотрѣнныхъ прот. Никольскимъ сочиненій, какъ и въ перечняхъ отзывовъ другихъ цензоровъ, преобладаютъ мелкія произведенія случайныхъ авторовъ и сомнительнаго качества, на которыя, однако, академическіе дѣятели обязаны были обращать строгое вниманіе, дѣлая серьезныя замѣчанія на необдуманныя выраженія и въ недомысліи отыскивая неправославныя оттѣнки. Такъ именно и Т. Никольскій разсматривалъ „гимны“ Мармарикова, доказывая выписками, что „они суть наборъ словъ... совершенно безъ поэзіи и піитическаго языка и изложены слогомъ простолюдина“ [144]); анализировалъ житіе, „въ составѣ коего грамматика и логика мало участвовали“ [145]); критиковалъ „Русскую грамматику для дѣтей священнослужителей“ [146]), посвящалъ цѣлыя страницы произведенію: „Христіанское ученіе о жизни вообще и человѣческой въ особенности, о здравіи и сохраненіи онаго, о болѣзняхъ и цѣленіи ихъ“, развивая мысль, что оно „страдаетъ всѣми недостатками, какимъ подвержены книги духовнаго содержанія, писанныя авторами, не слушавшими полнаго богословскаго курса“ [147]).

Еще серьезнѣе—по стихамъ—разбиралъ Никольскій приписываемую Г. Р. Державину поэму „Іисусъ Христосъ“. Приведя, напр., стихъ, „И прежде чѣмъ на свѣтъ родился, Во тьмѣ чудесъ предобразился“, цензоръ пишетъ: „Послѣдній стихъ заключаетъ двусмысленность и указываетъ на какія то такія чудеса, которыхъ намъ и святое писаніе не открываетъ“. Или: „Блескъ свойствомъ даже трисвященный“—отзывается ересью“. Поэма не была одобрена [148]).

Заслуживаютъ вниманія отзывы Никольскаго о нѣсколькихъ проповѣдническихъ трудахъ. „Рѣчь при открытіи въ Тулѣ

свободы въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Состоя четыре года цензоромъ, о. Никольскій пріобрѣлъ извѣстность между духовными писателями во всей Россіи какъ человѣкъ, весьма расположенный къ тому, чтобы богословскія сочиненія выходили въ свѣтъ безъ затрудненій и препятствій, не навлекали на авторовъ непріятностей. Ему обязаны были появленіемъ въ печати такія сочиненія, какъ «Исторія Русской церкви», (синодальный періодъ), архим. Филарета, и «Памятники христіанскихъ древностей», И. Вѣтринскаго. За пропуски той и другой книги въ печать Т. Ѳ. Никольскій подвергся непріятностямъ со стороны власти.

«Благорасположенныя отношенія Т. Ѳ. Никольскаго къ духовной литературѣ въ качествѣ цензора объясняются, между прочимъ, тѣмъ, что онъ самъ былъ литераторомъ и въ своей литературной дѣятельности самъ испыталъ такія стѣсненія, которыя сопровождались невыгодами для ея развитія...» Стр. 4—7; ср. 346—7.

[144]) Спб. Д. Ц. К., 1844, 9 ноября.

[145]) Житіе Василія Блаженнаго, мѣщ. Бѣлянкина, хорошо извѣстное и московскому комитету. Спб. Д. Ц. К., 1842, 11.

[146]) Тамъ-же, 1842, 15.

[147]) Тамъ-же, 1845, 30.

[148]) Тамъ-же, 1843, 16.

пріюта не одобряется, потому что въ ней частнымъ лицамъ много лести написано“ [149]). Разсмотрѣвъ, затѣмъ, „Слово въ юрьевскомъ монастырѣ при гробѣ настоятеля онаго Өотія, сказанное Василіемъ Орнатскимъ“, цензоръ нашелъ его недостойнымъ напечатанія. „Проповѣдникъ, замѣчаетъ онъ, приписываетъ покойному такія мысли, которыя противны духу вѣры православной и которыя недостойны благочестиваго настоятеля монашествующихъ. Напримѣръ: „онъ не бѣжалъ отъ смерти, а самъ старался ускорять внезапный нерѣдко приходъ ея“. Жизнь есть драгоцѣнный даръ Божій (Быт. II гл.), а смерть, по словамъ Премудраго, порожденіе зависти діавола, слѣдовательно, своевольно сокращать жизнь или, какъ говоритъ проповѣдникъ, ускорять приходъ смерти, есть не дѣло христіанина, который живетъ не своею жизнью, а жизнью Христа (Гал. II)“.

„Проповѣдникъ говоритъ, что почившій почти четыре года, съ крайнею заботливостью, какъ бы забывши всякое дѣло, собиралъ для украшенія гроба драгоцѣнныя стяжанія и старался къ нему приставить вѣрныхъ блюстителей. — Кажется нельзя болѣе охулить духа почившаго, какъ сказать, что онъ... собиралъ.. стяжанія.. Ибо покойный зналъ, что Іисусъ Христосъ не только о гробѣ, но и о нужнѣйшихъ вещахъ, какъ напр. о пищѣ и объ одеждѣ запрещалъ крайне заботиться, зналъ, что богатые гробы, по словамъ Спасителя, полны всякой нечистоты (Мѳ. XXVII), а не святыни.

„Но кто же таковы блюстители вѣрные и стражи, которыхъ старался покойный приставить ко гробу своему, который онъ созидалъ съ крайнею заботливостью? Это—Спаситель, Божія Матерь и Ангелы. Но называть ихъ блюстителями.. трупа умершаго человѣка—есть нечестіе, Бласфемія. Такимъ словомъ проповѣдникъ не рекомендуетъ ни себя, ни о. архимандрита“ [150]).

Затѣмъ слѣдуетъ отмѣтить немногочисленныя, но болѣе отвѣтственныя порученія, гдѣ Т. Никольскому волей или неволей приходилось сообразоваться съ непостоянными внѣшними вліяніями.

Такъ въ 1845 году духовно-учебнымъ управленіемъ было поручено комитету разсмотрѣть „продолженіе руководства къ сельскому хозяйству“. Комитетъ постановилъ срочно разсмотрѣть его въ общемъ собраніи. Когда же директоръ д.-учебнаго управленія, будучи у ректора Аѳанасія, сказалъ, „чтобы комитетъ не заботился объ этомъ много“, дѣло пріостановилось. Въ объясненіе своей медленности А. Окуневъ впослѣдствіи доносилъ комитету: „Получилъ я рукопись отъ Тимоѳея Ѳерапонтовича лишь

---

149) 1842, 13.

150) Спб. Д. Ц. К., 1844, Дѣло о сочиненіяхъ, поступившихъ отъ разныхъ лицъ (16 марта).

20 марта. Онъ отзывается въ письмѣ ко мнѣ, что, прочитавъ ее, „не нашелъ ничего, кромѣ земли, слоевъ и прочаго". Не нашелъ и я ничего противнаго правиламъ духовной цензуры, а до какой степени рукопись эта совершенна или несовершенна въ классическомъ отношеніи, того какъ не Агрономъ сказать не умѣю" [151]).

При разсмотрѣніи житійной литературы Никольскій помнилъ о синодальныхъ подтвержденіяхъ: „Какъ указами св. синода неоднократно запрещалось издавать порознь житія святыхъ, извлеченныя изъ четьи-минеи, то рукопись... не разрѣшается къ печатанію" [152]). Безъ одобренія оставилъ онъ и обширное произведеніе прот. Вершинскаго подъ названіемъ „Мѣсяцесловъ". „Авторъ, писалъ онъ, въ предисловіи критически смотритъ на всѣ наши мѣсяцесловы, мѣсячныя минеи, ч.-минеи, прологи и тріоди; ни одну изъ нихъ не считаетъ вѣрнымъ и удовлетворительнымъ руководителемъ въ составленіи своего мѣсяцеслова. Ибо тамъ видитъ опущенія именъ, повторенія, неполноту, разнорѣчія. Съ такимъ предисловіемъ мѣсяцесловъ можетъ быть соблазнителенъ для простыхъ, хотя многія изъ замѣчаній его справедливы" [153]).

Тою же зависимостью отъ духа времени продиктованъ и приводимый ниже отзывъ Т. Никольскаго объ одномъ отрывкѣ изъ „переписки съ друзьями" Гоголя. Но, дѣйствительно, едва ли не всѣ тѣ случаи, гдѣ Т. Никольскій хотѣлъ отступить отъ настроенія руководящихъ сферъ, какъ-то: одобреніе „Памятниковъ древности" Вѣтринскаго, писемъ Муравьева, „исторіи русской церкви" Филарета [154]), не приводили къ положительнымъ результатамъ и дали даже поводъ м. м. Филарету къ такой сентенціи: „Преосвященнаго рижскаго, что нынѣ харьковскій, исторія времени синодальнаго управленія можетъ быть любопытна: но за нее сдѣлано подтвержденіе цензурамъ, чтобы историческихъ сочиненій относительно сего времени не пропускали безъ разрѣшенія св. синода. Отсюда происходитъ вопросъ: надлежало ли спѣшить одному и остановить всѣхъ, или не спѣша осмотрѣть свою дорогу, чтобы не загородить другимъ" [155]).

Отличительныя черты характера архм. Аввакума весьма живо изобразилъ на послѣднихъ страницахъ авторъ „Фрегата Паллады".

„Какъ онъ самъ лично не имѣлъ враговъ, всѣми любимый, и самъ всѣхъ любившій, то и не предполагалъ ихъ нигдѣ и ни

---

[151]) Спб. Д. Ц. К., 1845, 41.
[152]) Тамъ же, 1845, 34.
[153]) Тамъ-же, 1845, 19.
[154]) Тамъ-же, 1845, 28; 1847 („о сочиненіяхъ, представленныхъ преосвященными").
[155]) Письма Филарета м. м. къ А. Н. Муравьеву, стр. 289 (отъ 27 дек. 1848 г.).

въ комъ: ни на морѣ, ни на сушѣ, ни въ людяхъ, ни въ корабляхъ. У него была вражда только къ одной большой пушкѣ, какъ совершенно ненужному въ его глазахъ предмету, которая стояла въ его каютѣ и отнимала у него много простора и свѣту.

Онъ жилъ въ своемъ особомъ мірѣ идей, знаній, добрыхъ чувствъ—и въ сношеніяхъ со всѣми нами былъ одинаково дружелюбенъ, привѣтливъ. Мудреная наука жить со всѣми въ мирѣ и любви была у него не наука, а сама натура, освященная принципами глубокой и просвѣщенной религіи. Это давалось ему легко: ему не нужно было умѣнья—онъ инымъ быть не могъ. Онъ не вмѣшивался никогда не въ свои дѣла, никому ни въ чемъ не навязывался, былъ скроменъ, не старался выставить себя и не претендовалъ на право даже собственныхъ, неотъемлемыхъ заслугъ, а оказывалъ ихъ молча и много—и своими познаніями, и нравственнымъ вліяніемъ на весь кружокъ плавателей, не поученіями и проповѣдями, на которыя не былъ щедръ, а просто примѣромъ ровнаго покойнаго характера и кроткой почти младенческой души...

При кротости этого характера и невозмутимо-покойномъ созерцательномъ умѣ, онъ не легко поддавался тревогамъ. Преслѣдованіе на морѣ враговъ нами, или погоня враговъ за нами казались ему больше фантазіею адмирала, капитана и офицеровъ... „Бѣгаетъ нечестивый, ни единому же гонящу“... Это о. Аввакумъ выразилъ такъ скептическій взглядъ на ожидаемую встрѣчу съ врагами“... [156])

Съ такимъ душевнымъ складомъ Аввакумъ долженъ былъ проходить должность цензора въ концѣ сороковыхъ годовъ, былъ приставленъ къ пушкѣ. По своему званію онъ долженъ былъ давать—отчасти и давалъ—строгіе отзывы, но не безъ борьбы съ другими точками зрѣнія.

Такъ, въ переводѣ на болгарскій языкъ сочиненія Зерцало христіанское (изд. 1801 г.), Аввакумъ считаетъ необходимымъ исключить двѣ главы, въ виду ихъ рѣзкихъ отзывовъ о высшемъ греческомъ духовенствѣ въ земляхъ славянскихъ. „Не отвергая, писалъ Аввакумъ, пользы таковыхъ статей для церкви болгарской, я полагаю, однако, что онѣ могутъ быть издаваемы не иначе, какъ самимъ святѣйшимъ константинопольскомъ патріархомъ, или, по крайней мѣрѣ, съ благословенія его кѣмъ-либо изъ архіеревъ церкви болгарской, а отнюдь не частными членами оной, которымъ изданіе подобныхъ статей вовсе не прилично“ [157]).

Другое сочиненіе тотъ же цензоръ призналъ необходимымъ, „при всей полнотѣ и живости нравственныхъ христіанскихъ

---

[156]) Полное собраніе сочиненій И. А. Гончарова (изд. А. Ф. Маркса, 1899) т. VII, стр. 273—75.

[157]) СПБ. Д. Ц. К., 1846, 9.

чувствованій, удержать въ архивѣ вслѣдствіе множества мыслей, чрезвычайно оригинальныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ несообразныхъ ни съ св. писаніемъ, ни съ ученіемъ православной церкви, которыя, переходя отъ одного къ другому, посредствомъ этой рукописи, могли бы совершенно разстроить воображеніе людей малосвѣдущихъ, а тѣмъ паче юношества" [158]).

Примѣромъ оспариванія Аввакумомъ своихъ собственныхъ мыслей можетъ служить еще рецензія его на „видъ Дымской обители". Онъ готовъ былъ признать, что „въ немъ недостаетъ единства; разнородные предметы повидимому не имѣютъ между собою никакого отношенія, но этотъ недостатокъ въ рисункахъ, издаваемыхъ въ пользу монастырей, извиняется. Довольно того, что эти предметы помѣщены въ одной рамкѣ—вотъ и единство: на землѣ монастырь, въ облакахъ четыре св. угодника, выше облаковъ образъ казанской Б. М., а превыше небесъ три св. ангела въ видѣ путниковъ—это св. Троица. Кто можетъ, тотъ долженъ догадываться, что все изображенное на небѣ имѣетъ ближайшее отношеніе къ монастырю" [159]).

Зато въ другомъ, очень аналогичномъ, случаѣ Аввакумъ долженъ былъ поступиться своей личной точкой зрѣнія. Онъ сурово отозвался о представленномъ въ цензуру снимкѣ съ гефсиманской иконы святогорскаго монастыря. Отмѣтивъ нѣкоторыя „безвкусныя и безобразныя" детали, онъ нашелъ, что „все это произведеніе есть ни что иное, какъ самая пошлая суздальская работа". Однако черезъ двѣ недѣли, узнавъ отъ издателей о древности и почитаніи иконы и о томъ, что „литографированный оттискъ сдѣланъ не по корыстолюбивымъ видамъ какого-либо спекулянта (какъ то ранѣе показалось), но вслѣдствіе общаго желанія набожныхъ людей",—Аввакумъ далъ совершенно иной отзывъ. „Неодобренный мною, писалъ онъ, въ художественномъ и церковно-историческомъ отношеніяхъ оттискъ.. можетъ быть напечатанъ изъ уваженія къ древности и изъ уваженія къ цѣли изданія"... Вмѣстѣ съ тѣмъ Аввакумъ предложилъ комитету на будущее время отъ издателей священныхъ изображеній требовать обстоятельныхъ свѣдѣній какъ объ оригиналахъ, такъ и о цѣли изданія.. [160]).

Впрочемъ, такого рода недоразумѣнія, случавшіяся не разъ [161]),

---

[158]) Тамъ же, 1846, 12.

[159]) Тамъ же, 1849, 13 дек.

[160]) Тамъ же, 1845, 26 и 32. Въ оригинальной формѣ изложилъ одно свое „сомнѣніе". „Считаю долгомъ обратить вниманіе комитета на одну строчку „Обозрѣнія русскихъ раскольническихъ толковъ", мысли которой оправдать или осудить можетъ одна казуистика... именно: „блудъ былъ бы простителенъ, еслибы не было таинства брака". Предоставляю комитету рѣшить, что съ нею дѣлать". СПБ. Д. Ц. К., 1850, 14.

[161]) Тамъ же, 1847, „дѣло о курсѣ франц. языка Рюо".

носили домашній характеръ и не сопровождались тяжелыми для цензора послѣдствіями. Совершенно иначе для дѣятельности Аввакума сложились обстоятельства съ приближеніемъ и наступленіемъ эпохи цензурнаго террора. Уже одни постороннія занятія препятствовали ему со всею тщательностью исполнять обязанности цензора. Поэтому еще въ 1847 г. Аввакумъ представилъ въ комитетъ слѣдующее заявленіе: до срока службы, то есть до 10 апрѣля 1848 г., готовъ служить, но далѣе не могу по множеству занятій со стороны азіатскаго департамента [162]).

На этотъ разъ увольненіе не состоялось,—зато черезъ два года Аввакумъ долженъ былъ оставить службу въ цензурномъ комитетѣ уже не по своей волѣ. Въ центральномъ управленіи исподволь созрѣвало убѣжденіе относительно невнимательности Аввакума къ своимъ обязанностямъ, причемъ ему не разъ пришлось давать объясненія о своихъ и даже чужихъ недосмотрахъ [163]). Наконецъ послѣдовало отрѣшеніе Аввакума отъ должности.

Поводомъ къ этому послужилъ пропускъ имъ труда ректора харьковской семинаріи архимандрита Израиля подъ заглавіемъ „Обозрѣніе ложныхъ религій". По внушенію комитета 2 апрѣля синодъ обратилъ на этотъ трудъ особенное вниманіе. Онъ нашелъ, что „въ одномъ мѣстѣ допущена неосторожность въ выборѣ такого примѣра, которому бы не слѣдовало имѣть мѣсто въ духовной книгѣ, и что вообще, при обличеніи лжеученій языческаго и магометанскаго, авторъ безъ нужды распространяется въ изложеніи излишнихъ подробностей нечистоты этихъ лжеученій, оскорбляющихъ нравственное чувство приличія".

Такая неосмотрительность прежде всего, конечно, была поставлена въ вину пропустившему книгу цензору Аввакуму. Синодъ, „принявъ во вниманіе, что послѣдній уже неоднократно подвергался замѣчаніямъ св. синода за невниманіе къ цензорскимъ обязанностямъ, и настоящимъ случаемъ вновь доказываетъ, что онъ не въ состояніи исполнять сію должность съ точностью, особенно при другихъ лежащихъ на немъ обязанностяхъ по министерству иностранныхъ дѣлъ", опредѣлилъ уволить Аввакума отъ должности цензора и назначить на его мѣсто другое благонадежное лицо [164]).

Однако и послѣ исключенія архм. Аввакума изъ состава цензуры, его имя еще нѣсколько разъ связывается съ цензурными исторіями. Оффиціально признанная неблагонадежность цензора побуждала ревнителей книжной чистоты подвергнуть особо тщательному пересмотру все то, что было скрѣплено подписью Аввакума. Комитетъ 2 апрѣля нашелъ новыя „неприличія" въ

162) СПБ. Д. Ц. К., 1847, „дѣло объ увольненіи членовъ комитета".
163) К. О. П. С. С., 1848, 41078; СПБ. Д. Ц. К., 1845, 32.
164) К. О. п. с. С., 1850, 44319.

пропущенныхъ Аввакумомъ твореніяхъ Тертулліана; секретный комитетъ при синодѣ объявлялъ запоздалые выговоры за пропускъ словаря Яцкѣвича и Благовѣщенскаго, за „Обозрѣніе богослуженія православной церкви" прот. Дебольскаго [165]). Синодомъ было даже предписано петербургскому дух.-цензурному комитету представить вѣдомость о всѣхъ рукописяхъ и книгахъ, одобренныхъ архим-томъ Аввакумомъ къ напечатанію, но еще въ свѣтъ не выпущенныхъ. Выдача билетовъ на выпускъ книгъ изъ типографій была обусловлена новымъ ихъ пересмотромъ и особымъ разрѣшеніемъ синода [166]).

Іоаннъ (Соколовъ) принадлежалъ къ числу тѣхъ архимандритовъ, которые были калифами, хотя и на часъ, при дворѣ Пратасова. И этимъ, главнымъ образомъ, приходится объяснять (помимо, конечно, общихъ условій и настроеній времени) то существенное различіе точекъ зрѣнія, которое можно наблюдать въ Іоаннѣ—цензорѣ спб. духовно-цензурнаго комитета и Іоаннѣ—редакторѣ въ концѣ 50-хъ годовъ „неблагонамѣреннаго" казанскаго Православнаго собесѣдника.

Какъ цензоръ, Іоаннъ по своимъ пріемамъ и опасливымъ сужденіямъ представляетъ довольно заурядное явленіе на общемъ фонѣ тогдашняго духовно-цензурнаго режима. Какъ и его сподвижники, онъ боялся всего, что въ той или иной мѣрѣ отличалось новизной. Вотъ, напримѣръ, его сомнѣнія о догматикѣ епископа Филарета. Не заключая, докладывалъ онъ комитету, ничего худого и противнаго православію, сочиненіе, однако, отличается многими особенностями, во-1-хъ, въ самыхъ основаніяхъ богословія, утверждая догматическія изслѣдованія не столько на положительномъ ученіи церкви, сколько на испытаніи писанія и соображеніяхъ разума; притомъ ученію церкви не придается особаго авторитета и разумѣется подъ нимъ болѣе общее вѣрованіе того или другого времени; во-2-хъ, въ направленіи своемъ, болѣе критико-полемическомъ, нежели положительномъ; въ-3-хъ, въ языкѣ болѣе ученомъ, нежели ясномъ, болѣе изысканномъ, нежели твердомъ въ выраженіяхъ богословскихъ понятій; и въ-4-хъ, въ нѣкоторыхъ мнѣніяхъ, лично принадлежащихъ автору и не совсѣмъ согласныхъ съ общепринятыми понятіями, какъ-то: о преданіяхъ церкви, о символахъ... [167]).

---

165) Тамъ же, 1850, 44323 и 44275; 1851, 46056.

166) СПБ. Д. Ц. К., 1851, 24.

Въ виду такихъ провинностей по цензурѣ архимандрита Аввакума, недаромъ въ дневникѣ знаменитаго цензора А. И. Красовскаго, изобилующемъ главнымъ образомъ растительными интересами, упоминается и его имя. „Богу благодареніе, сонъ былъ хорошъ отъ часу до семи. (Во снѣ видѣлъ дѣла по публичной библіотекѣ, дѣла по цензурному комитету...; какой-то священникъ напомнилъ мнѣ объ архимандритѣ Аввакумѣ и про говѣніе католиковъ"). Р. Стар., 1874, V. Дневникъ А. И. Красовскаго, стр. 128.

167) Арх. СПБ. Д. Ц. К., 1850 г., 2.

Можно пожалуй возразить, что этотъ отзывъ касался догматики—самой чувствительной струны тогдашнихъ ревнителей по православію. Однако, такимъ же опасливымъ и, можно прибавить, угодливымъ цензоромъ является Іоаннъ и въ своихъ сужденіяхъ о книгахъ изъ другихъ областей духовной науки и литературы.

Сближенія геологическихъ теорій съ ученіемъ откровенія онъ находилъ „излагаемыми безъ нужды“ [168]). Въ комментированіи картинъ древняго быта еврейскаго народа „гражданской“ точкой зрѣнія онъ видѣлъ исключительно вліяніе иноземнаго духа и чуждой православію учености [169]). Свой методъ очистки сочиненій отъ раціонализма онъ подробно выразилъ въ отзывѣ о пятомъ изданіи одной священной исторіи для дѣтей, уже не разъ прошедшей и чрезъ духовную цензуру. „Книжка написана слогомъ чистымъ и яснымъ; событія изложены (по буквѣ) вѣрно; вообще книжка читается легко и съ удовольствіемъ. Но если вникнуть въ сущность дѣла, т. е. въ духъ и направленіе книги, то она не можетъ выдержать суда строгой истины. Все повѣствованіе о І. Христѣ изложено такъ, что онъ является здѣсь не болѣе, какъ мудрымъ учителемъ, человѣкомъ чистѣйшей нравственности, но ничто не показываетъ въ немъ Божественнаго Искупителя—Христа...“ [170]).

Съ такими же отточенными критеріями приступалъ Іоаннъ и къ просмотру церковно-историческихъ сочиненій. Все, что здѣсь указывало на генезисъ, на различіе въ практикѣ,—въ зависимости отъ времени и мѣста, онъ считалъ „небезопаснымъ въ отношеніи къ разнороднымъ читателямъ“ [171]). Такъ напр., мысли Филарета харьковскаго о крестномъ знаменіи были проникнуты, по мнѣнію Іоанна, иностраннымъ взглядомъ: авторъ допускалъ, что въ первые три вѣка полагали крестное знаменіе на челѣ... однимъ перстомъ [172]).

Далѣе, весь подробный, но далеко не безпристрастный разборъ Іоанномъ „Описанія славянскихъ рукописей синодальной библіотеки“ (Горскаго и Невоструева) основанъ на тѣхъ же соображеніяхъ. И будучи небезполезными при окончательной отдѣлкѣ „описанія“, замѣчанія Іоанна могли бы, однако, имѣть въ свое время роковое значеніе для этого многолѣтняго труда, если бы не авторитетное заступничество м. Филарета [173]).

Въ виду всего этого, нельзя назвать слишкомъ преувеличеннымъ „жалобное письмо“ Филарета Гумилевскаго Горскому

---

[168]) Арх. СПБ. Д. Ц. К. 1852, 5.
[169]) Тамъ же, 1849, („дѣла разныя“).
[170]) Тамъ же, 1852, 5.
[171]) Тамъ же, 1849,(4 марта).
[172]) Тамъ же, 1850, 7.
[173]) Этотъ эпизодъ вмѣстѣ съ документальными данными подробно изложенъ въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ за 1900 г., кн. XI, 478 и слѣд. Такъ же: Арх. спб. дух. ценз. ком., 1853, „О разсм. истор. соч.“.,

по поводу рецензіи Іоанна на его „исторію русской церкви". „Выслушивать, пишетъ онъ, и принимать замѣчанія заносчивости, по мѣстамъ вовсе не знающей дѣла, очень тяжело. Никакъ не могу объяснить себѣ, какъ молодой монахъ, мало, очень мало знакомый съ исторіей русской церкви, дозволяетъ себѣ быть столько заносчивымъ, дерзкимъ и глупоповелительнымъ? Онъ не допускаетъ и мысли той, что другіе могутъ и болѣе его знать и дѣльнѣе его разсуждать" [174]).

Запрещая печатаніе рукописи „Постъ въ историческомъ развитіи", Іоаннъ, между прочимъ, приводитъ въ качествѣ довода слѣдующее: „обозрѣніе частныхъ уставовъ (различныхъ иноческихъ обителей), оставленное безъ объясненія, только подаетъ мысль о несогласіи и неопредѣленности въ церкви относительно поста..." [175]).

Вполнѣ безупречнымъ, съ точки зрѣнія охранителей, могъ быть признанъ Іоаннъ и какъ цензоръ политикъ. Хотя это въ пятидесятые годы было основнымъ долгомъ всякаго цензора, тѣмъ не менѣе нѣкоторые вердикты всецѣло нужно отнести на счетъ личной проницательности Іоанна. Предъ нимъ, напримѣръ, сочиненіе: „Покушеніе папъ подчинить себѣ русскую церковь"... „Само по себѣ сочиненіе, разсуждаетъ онъ, ничего противнаго правиламъ цензуры не заключаетъ. Но предметъ и направленіе его таковы, что, по настоящимъ обстоятельствамъ европейскихъ (а въ особенности римско-католическихъ) государствъ и отношеніямъ Россіи къ нимъ, появленіе подобнаго сочиненія было бы не благовременно и несоотвѣтственно состоянію общественныхъ мнѣній. Поэтому за лучшее признаю остановить печатаніе рукописи, не отнимая у сочинителя права вновь представить ее въ цензуру при другихъ болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ" [176]).

Полемику съ „извѣстными западными идеями о равенствѣ людей въ обществѣ" Іоаннъ считалъ принципіально неумѣстною. „Хотя мысли сочинителя, говорится въ одной изъ его рецензій, объ этомъ предметѣ, излагаемыя отъ лица русскихъ, сами по себѣ дѣльны и благонамѣренны, но 1) выборъ такого предмета для сочиненія, особенно со стороны духовнаго лица, нельзя признать умѣстнымъ по его политическому значенію, нельзя признать соотвѣтствующимъ духу нашего русскаго общества, которому чужды такія идеи, слѣдовательно нѣтъ надобности и опровергать ихъ публично; а знакомить съ такими идеями массу разнородныхъ читателей посредствомъ печати—и вовсе не нужно. Притомъ эти идеи и на Западѣ уже обезсилены надлежащими мѣрами правительствъ и презрѣніемъ всѣхъ благомыслящихъ

[174]) Приб. къ твор. св. отц., 1883, кн. III, стр. 447. Письма Филарета Гумилевскаго къ Горскому (отъ 5 дек. 1853 г.).
[175]) СПБ. Д. Ц. К. 1850, 13.
[176]) Тамъ же, 1850. 7.

людей. Къ чему же поднимать вопросъ о такихъ предметахъ у насъ?" [177]).

Неудивительно, поэтому, что Іоаннъ съ особой настойчивостью требовалъ изъятія изъ исторіи русской церкви Филарета харьковскаго фразы: „Христіанство уравниваетъ боярина и князя съ послѣднимъ рабомъ предъ лицемъ Господа въ правахъ на благодать его"..., хотя и находилъ, что „сама по себѣ мысль опредѣлена правильно въ указанномъ у автора отношеніи" [178]).

Не могъ онъ примириться съ тѣми „дерзкими выходками", которыя не сотвѣтствовали „видамъ церковнаго правительства". Вотъ заключеніе его рецензіи на переданныя изъ синода статьи: „о небрежности богослуженія" и „о церковномъ благочиніи". „Подъ видомъ ревности о благочиніи въ храмахъ, говоритъ онъ, онѣ заключаютъ въ себѣ однѣ рѣзкія и жестокія укоризны на все православное духовенство, не исключая и высшаго, обвиняютъ его въ невѣжествѣ, въ нерадѣніи о церковномъ богослуженіи, во множествѣ страстей и пороковъ и даже въ послѣдованіи большею частью Іудѣ Искаріотскому. Явно предпочитается ему духовенство иновѣрное и раскольническое. При этомъ предлагаются новыя правила о благоустроеніи духовенства, какъ то, чтобы его опредѣлять на мѣста службы и увольнять не иначе, какъ приговоромъ прихожанъ... Съ такими мыслями допустить эти статьи къ напечатанію не только справедливость не позволяетъ, но и было бы вредно для общественнаго мнѣнія въ отношеніи къ духовенству" [179]). Какъ и начальство, Іоаннъ исключалъ изъ сочиненій даже отрывки перевода св. писанія на русскій языкъ, находя его излишнимъ [180]).

Однако, самой непріятной чертой въ цензорской дѣятельности Іоанна является такъ характерное для него деспотическое отношеніе къ чужой мысли. Тѣ неудачныя реплики и замѣчанія, которыя у другихъ цензоровъ можно было бы назвать лишь недомысліемъ, у Іоанна являются прямымъ обнаруженіемъ „заносчивости, по мѣстамъ вовсе не знающей дѣла", какъ выразился историкъ Филаретъ.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не надъ собой иронизируетъ незаурядный умъ, когда онъ такъ вышучиваетъ боровшійся съ рутиною звуковой методъ обученія. „Сочинитель книжки „Легчайшій способъ неграмотному научиться"—свящ. Поповъ, пишетъ Іоаннъ, только хитритъ... и даже подрываетъ самъ себя: такъ онъ настаиваетъ, что грамоту надо изучать не чрезъ обыкновенные склады, а посредствомъ правильнаго произношенія звуковъ, выражаемыхъ буквами. Но какъ отдѣльные звуки не составляютъ словъ, то

---

177) Тамъ же, 1854, о соч. Троянскаго.
178) Тамъ же. 1854, 7, 1851, 17.
179) Тамъ же, 1849 («дѣло о препровожденныхъ изъ св. синода статьяхъ»...).
180) Тамъ же, 1851, 4.

для составленія словъ надобно сочетавать звуки буквъ, т. е. надобно складывать буквы“ [181]).

То же замѣчаніе относится и къ ригоризму Іоанна въ области стилистической, поскольку имъ признаны безусловно неприличными въ печати выраженія вродѣ: водить за носъ, хлопать ушами, бабій народъ; дѣвки, плутъ, пьяница, мальчишка и т. п. [182]).

Однако, несмотря на всѣ свои старанія, Іоаннъ не избѣжалъ непріятностей по цензурѣ. Такъ за пропускъ ораторіи Stabat Mater ему пришлось предъ лицомъ всей академіи выслушать „разносъ“ Пратасова, не говоря уже о синодальномъ „подтвержденіи“,—быть болѣе внимательнымъ въ разсмотрѣніи сочиненій, и въ случаѣ хотя малаго сомнѣнія, не полагаясь на одно свое сужденіе, обращаться къ совѣщанію полнаго присутствія комитета [183]).

И можетъ быть, именно такіе удары, въ связи съ страданіями Іоанна какъ автора—канониста,—исподволь воспитывали въ немъ духъ протеста противъ того, къ чему онъ приспособлялся. По крайней мѣрѣ, нѣкоторыя его письма показываютъ, что въ душѣ его уже тогда таились и свои завѣтныя мысли, не совпадавшія съ предпосылками современнаго режима [184]).

Вмѣстѣ съ Іоанномъ нѣсколько лѣтъ трудился въ петербургскомъ духовно-цензурномъ комитетѣ инспекторъ академіи архимандритъ Іоанникій, впослѣдствіи архіепископъ херсонскій. Нѣсколько сложныхъ порученій,—даже не всегда чисто-цензурнаго свойства, было выполнено имъ по этой должности для секретнаго цензурнаго при св. синодѣ комитета, духовно-учебнаго и хозяйственнаго управленія и с.-петербургской духовной академіи. Въ своихъ экзегетическихъ, агіологическихъ, литургическихъ рецензіяхъ Іоанникій, если даже не рѣшалъ, то большей частью удачно ставилъ назрѣвшіе научные вопросы, высказывалъ дѣльныя замѣчанія [185]). Тѣмъ не менѣе не даромъ была однажды выражена Іоанникію, не въ примѣръ другимъ членамъ духовной цензуры, и нарочитая признательность синода по докладу секретнаго комитета для наблюденія за дѣйствіями духовной цензуры [186]).

По тѣмъ или инымъ мотивамъ,—то личнымъ, то навѣян-

---

181) Тамъ же, 1854, «О сочиненіяхъ для простолюдиновъ».

182) Тамъ же, 1854. „Дѣла по сочиненіямъ, изъ разныхъ цензурныхъ комитетовъ“.

183) К. О. П. С. С., 1853, 128.

184) Напр., къ пр. Иннокентію по поводу втораго изданія „Послѣднихъ дней земной жизни І. Христа“. (Матеріалы для біографіи Иннокентія, вып. II, стр. 27). Особенно же цитируемыя ниже письма Іоанна въ защиту направленія „Православнаго собесѣдника“. Секр. дѣло К. О. П. С. С. № 197 (1857 г.).

185) К. О. П. С. С., 1852, 245, „о разностяхъ въ текстѣ евангелія при сличеніи различныхъ изданій“, СПБ. Д. Ц. К., 1854, „о сочиненіяхъ относящихся къ иконописанію“, 1853, „объ эстампахъ“.

186) К. О. П. С. С., 1852, 234.

нымъ со стороны, и Іоанникій являлся строгимъ цензоромъ—пуристомъ, во имя тѣхъ же непоколебимыхъ основъ николаевской эпохи. Такъ, напр., проводимый ею принципъ строгаго разграниченія церкви учащей и поучаемой, также своеобразное пониманіе „достоинства и важности православія", безъ сомнѣнія, отразились въ такихъ разсужденіяхъ Іоанникія по поводу „Бесѣдъ съ больнымъ крестьяниномъ".—„Бесѣды, говорится въ отзывѣ, предлагаетъ крестьянамъ барышня... отъ своего лица, но на основаніи слова Божія, такъ что онѣ имѣютъ видъ пастырскихъ наставленій; а это совершенно неблагопристойно и съ каноническими постановленіями церкви не сообразно. 2) Простота языка во многихъ мѣстахъ этихъ бесѣдъ выходитъ за предѣлы благоприличія, какого требуютъ предметы христіанскихъ наставленій по своей важности. 3) Вездѣ въ обращеніяхъ къ наставляемому больному употребляются такія слова сердечной нѣжности, въ которыхъ высокая и святая любовь христіанская не имѣетъ нужды для своего выраженія,—какъ-то: мой милый, мой сердечный, дружечекъ, голубчикъ" [187]).

Далѣе, конечно, лишь апогей цезарепапизма побудилъ цензора исключить изъ шестого изданія извѣстнаго сборника „Училище благочестія" слѣдующее неблагонадежное мѣсто: „О еслибы для всѣхъ гражданскихъ сословій избираемы были чиновники не по красотѣ, не по богатству, не по знатности. Коль счастливъ бы былъ родъ человѣческій"... Исключена была и статья „Россійскій Амвросій", „въ которой описываются возраженія св. Филиппа митрополита московскаго противъ опричнины, учрежденной Іоанномъ Грознымъ, и казнь сего святителя" [188]).

И тѣ же опасливыя разсужденія, которыя высказывались „секретнымъ цензурнымъ комитетомъ 2 апрѣля" насчетъ „политическихъ" проповѣдей епископа рижскаго Платона, повторялись полностью въ рецензіяхъ Іоанникія. Въ сущности, по мнѣнію цензора, даже самое убѣжденіе паствы къ неуклонному соблюденію присяги „представляется излишнимъ для вѣрноподданныхъ". „Притомъ, продолжаетъ онъ, нѣкоторые изъ сихъ вопросовъ касаются такихъ предметовъ, которые прямо противны вѣрноподданническому чувству и о которыхъ одно упоминаніе для него оскорбительно. Такъ, напримѣръ: „стараемся ли, по крайней мѣрѣ, поддерживать царское могущество (Самодержавнаго Царя!), внушаемъ ли благоговѣніе къ священному сану Монарха? Не возбуждаемъ ли въ народѣ неудовольствія на правительство какими-либо своими неправдами и злоупотребленіями?.." Если и предположить, что проповѣдникъ имѣлъ какое-либо основаніе

---

[187]) С.П.Б. Д. Ц. К., 1851, 7.
[188]) Тамъ же, 1852, 6.

произносить такую рѣчь въ своемъ мѣстѣ, то и въ этомъ случаѣ, по моему мнѣнію, она не можетъ быть напечатана для публики" [189]).

Такимъ же не въ мѣру осторожнымъ заявилъ себя Іоанникій и при очисткѣ другихъ историческихъ, дидактическихъ и т. п. сочиненій отъ „дикихъ мыслей" [190]). Но достаточно и сказаннаго...

Въ 1851 году цензоръ Іоанникій, разсмотрѣвъ „слова и бесѣды къ причащенію" прот. М. Богословскаго, доложилъ комитету, что они „отличаются глубиною чувствъ, тонкою и мѣткою наблюдательностью надъ жизнью и нравами людей. Но обличительный и мѣстами колкій тонъ поученій, не растворяемый пастырскою любовью, поставляетъ меня въ затрудненіе одобрить ихъ" [191]).

Черезъ два года самъ Богословскій вошелъ въ составъ комитета, и... его рецензіи очень живо стали напоминать приведенную. Въ одной проповѣди онъ нашелъ „много укоризненныхъ обличеній и излишней пытливости" [192]); поученія о подражаніи І. Христу призналъ „по изложенію холодными, по образу выраженія неосмотрительными, а по нѣкоторымъ мыслямъ чуждыми не только православія, но и христіанства" [193]). „Рукопись De origine Hebraeorum, писалъ онъ, хотя и безвредна, но и безполезна... Изложеніе перечневое очень сухо и латынь желѣзная" [194]). „Въ сочиненіи „Крестный путь человѣка" предметъ избранъ великій. Есть мысли прекрасныя и чувства похвальныя... Но встрѣчаются неопредѣленности, нѣкоторыя мысли, напр. о супружествѣ, проникнуты эгоизмомъ... Поэтому не одобряется"... [195]).

„Въ историко-статистическомъ описаніи Кожеезерскаго монастыря, въ перечнѣ чудесъ, сказано о избавленіи отрока Васильева, пасшаго скоты, отъ лѣсного демона. Умѣстно ли прибавленіе „лѣсного", нельзя опредѣлить, не читавши подробностей" [196]). „Исторія нижегородской епархіи" посвящается жителямъ всей нижегородской епархіи. Такъ какъ сочинитель не епископскаго сана..., то на посвященіе цѣлой епархіи долженъ испросить разрѣшеніе св. синода... Въ самой рукописи, между прочимъ, означены расходы при посвященіи Питирима во епископа. Извѣстіе любопытное въ статистическомъ отношеніи и какъ образецъ тогдашнихъ обычаевъ: но не обратили бы этого кому-нибудь въ предосужденіе по настоящему взгляду на вещи. И потому... лучше исключить" [197]).

---

[189]) Тамъ же, 1852, 7.

[190]) Тамъ же, 1853, о разсм. сочиненія «учебная книжка греческаго языка». Каченовскаго (нов. изд.); 1852, 5; 1851, 7.

[191]) СПБ. Д. Ц. К., 1851, 7.

[192]) Тамъ же, 1854, «разныя поученія и др.»

[193]) Тамъ же, 1854, о сочинен. иг. Макарія.

[194]) Тамъ же, «о сочиненіяхъ на иностр. языкахъ».

[195]) Тамъ же, «разныя поученія и др. сочиненія».

[196]) Тамъ же, «о сочиненіяхъ историко-статистическаго содержанія».

[197]) Тамъ же.

Предлаая исключить многія мѣста въ статьѣ Аѳанасьева „Загробная жизнь по славянскимъ преданіямъ“, Богословскій прибавилъ: „Конечно, было бы всего короче написать, что не одобряется... Но такъ какъ она приготовлена для періодическаго изданія, которое имѣетъ срочные выпуски, и кромѣ того сама по себѣ любопытна и отчасти не безполезна, то возвратить для исправленія“ [198]).

Самый рѣзкій отзывъ Богословскій далъ о произведеніи Д. Рунича „Утренній молитвенникъ для военныхъ и свѣтскихъ, извлеченный изъ утрени, часовъ и вечерни“... „Чтобы въ христіанской церкви положены были особыя молитвы и службы для военныхъ и свѣтскихъ, пишетъ цензоръ, — это дѣло неслыханное“. Затѣмъ онъ отмѣтилъ „много недосмотровъ и небрежности, незнаніе самыхъ первыхъ догматическихъ истинъ, хульныя мысли, признаніе молитвеннаго возношенія къ Богу и благодатнаго воздѣйствія Духа тожественнымъ съ естественнымъ магнетическимъ токомъ“ и т. д. [199]).

Выдержками изъ одного позднѣйшаго письма Богословскаго можно освѣтить его общіе взгляды на значеніе цензуры.

„Вѣкъ нашъ, пишетъ онъ, и люди вѣка вѣчно въ состояніи суеты и тревоги. Нѣтъ твердой почвы подъ ногами. Когда въ основѣ жизни, частной ли, общественной ли, положены непреложные уставы христіанской вѣры и благочестія, я могу быть спокоенъ за себя и за общество. Чту вѣчные законы истины и добра, затѣмъ принимаю и одобряю всѣ преобразованія и измѣненія, насколько они согласны съ евангельской вѣрою и съ уставами вселенской церкви. Но я не подниму вопроса, и не стану считать даже вопросомъ, что идетъ въ разрѣзъ съ церковью и евангеліемъ. Не таковы люди такъ называемой науки, назову ихъ гностиками: они не признаютъ ничего неприкосновеннаго; для нихъ, въ области вѣдѣнія и вѣрованій, нѣтъ ничего завѣтнаго, святого...

„Прежде, умные люди творенія свои зарывали въ землю лѣтъ на десять и болѣе, и потомъ, послѣ строгаго пересмотра, пускали въ свѣтъ: а нынѣ умники, лишь только зародится въ головѣ мысль, какъ бы дика ни была она, сейчасъ даютъ ей ходъ, обращаютъ ее въ вопросъ и назойливо требуютъ поклоненія своей идейкѣ...

„Недавно разсуждалъ я съ однимъ основательно образованнымъ русскимъ публицистомъ о вредѣ, какой вноситъ къ среду общества наша литература своими безнравственными повѣстями, рекламами въ пользу разнузданной жизни, противорелигіозными выходками и кощунствомъ: онъ высказалъ, что въ предотвраще-

---

198) Тамъ же, 1853, дѣло по сношеніямъ съ свѣтскою цензурою.
199) Тамъ же, 1854 «о сочиненіи д. с. с. Д. Рунича...»

ніе этого вреда самое лучшее средство дать полную волю печатному слову и уничтожить цензуру. Не ожидалъ. Одному изъ тысячи, можетъ быть, и не повредитъ свобода печати, но 999 ошалѣютъ. Я не стою за ту цензуру, которая караетъ лишь намеки политическаго характера и неодобрительные отзывы о министерскихъ распоряженіяхъ, а допускаетъ говорить, что угодно, противъ религіи и церкви и ея установленій. Но мудрая, благоговѣйно исполняющая обязанность блюстительницы нравственной чистоты и уваженія къ религіи и царской власти, цензура быть должна, только не подъ давленіемъ блюстителей полицейскаго порядка. Когда-то нашъ Иванъ Сергѣевичъ (Аксаковъ) съ торжествомъ восклицалъ: „шлахбаумы мыслей сняты!“ А я бы желалъ, чтобы карантины отъ прилипчивыхъ мыслей стояли твердо“ [200]).

Кириллъ, авторъ „пастырскаго богословія“, славился, по выраженію І. І. Базарова, своимъ просвѣщеннымъ взглядомъ. Когда снаряжалась іерусалимская миссія и производились тщательные поиски кандидатовъ въ ея начальники, выборъ въ концѣ концовъ палъ на Кирилла. Или его, или никого,—таковъ былъ смыслъ отвѣта министра иностранныхъ дѣлъ по этому дѣлу [201]). Интересно, поэтому, выяснить, не внесъ ли архим. Кириллъ какой-либо новой струи въ отзывы цензурнаго комитета.

Изъ немногочисленныхъ рецензій Кирилла собственно одна заслуживаетъ особеннаго вниманія—это отзывъ о знаменитой (первой) брошюрѣ Хомякова: „Quelques mots par un Chrétien Orthodoxe sur les communions occidentales“. Онъ живо характеризуетъ отношеніе самыхъ просвѣщенныхъ оффиціальныхъ представителей церкви къ новымъ церковнымъ идеямъ славянофильства.

Разсмотрѣвъ „французскую брошюру“, Кириллъ вполнѣ соглашается, что она „написана съ большимъ искусствомъ и съ жаромъ искренняго ревнителя церкви восточной. Та особенно половина ея, гдѣ опровергаются укоризны противъ православія со стороны римскихъ католиковъ (11—32), представляетъ прекрасныя страницы, отличающіяся свѣтлыми понятіями и взглядами, тонкими и основательными соображеніями, мѣткими и сильными выраженіями мыслей, достойными всякаго вниманія. Читая эти страницы, православный не можетъ не восхищаться ими...“.

А далѣе, конечно, слѣдуетъ роковое „но“, за которымъ повторяются обычные обвинительные пункты,—напримѣръ: „На страницѣ 12 говорится: Русскій народъ, избравъ по общему согласію Михаила Романова Верховнымъ Владѣтелемъ своимъ, сложилъ на его руки всѣ права, которыми самъ былъ облеченъ. Но св. церковь учитъ, что цари получаютъ власть не отъ людей,

---

[200]) Къ К. П. Побѣдоносцеву, отъ 20 апр. 1875 г.

[201]) Р. Ст. 1901, май, Воспоминанія І. І. Базарова, стр., 288.

а отъ Бога,... что Вышній владѣетъ царствомъ человѣческимъ".

Затѣмъ, цензоръ довольно подробно оспариваетъ точность авторскаго опредѣленія церкви, указываетъ на неправильное пользованіе окружнымъ посланіемъ патріарховъ 1848 г.,—указываетъ не безъ основаній,—но опять все это съ точки зрѣнія и во имя серафимовскаго понятія о церкви учащей. Опять повторяется обычное представленіе о младенческомъ способѣ мышленія церкви поучаемой, которое и продиктовало заключеніе: „Принимая во вниманіе, пишетъ Кириллъ, такія обмолвки, которыхъ нельзя почесть незначительными, полагаемъ, что книгу... нельзя въ настоящемъ видѣ [202]) одобрить для обращенія въ публикѣ, такъ какъ не всегда можно съ увѣренностью полагать, что всѣ читатели въ состояніи будутъ обсудить мнѣнія автора, и хорошими воспользоваться, а недовольно основательныя обойти, между тѣмъ какъ въ книгѣ подняты вопросы величайшей важности" [203]).

Однимъ словомъ, и Кириллъ оказался способнымъ,—лишь въ еще болѣе деликатной формѣ,—повторить приведенный выше [204]) теплохладный отзывъ о „Исповѣданіи" Хомякова, что оно „вполнѣ православно и только къ тисненію неудобно или сомнительно".

Въ концѣ концовъ при сужденіи о цензорствѣ Кирилла нельзя упускать изъ виду отзыва его современника прот. Рождественскаго. Предостерегая І. Базарова отъ излишнихъ надеждъ и преждевременныхъ восторговъ по поводу отправленія іерусалимской миссіи, онъ писалъ ему: „Хоть бы наши Кириллы— въ чемъ практиковались доселѣ? Въ счетѣ грѣховъ смертныхъ, да студенческихъ балловъ поведенія... Пусть выберутъ меня или другого кого, выйдетъ можетъ быть еще хуже, потому что растили насъ въ одномъ огородѣ и поливали водою изъ одного болота" [205]).

И этимъ горькимъ словомъ,—кстати такъ оправдавшимся на печальной и даже постыдной неудачѣ миссіи,—можно заключить характеристику столичныхъ, академическихъ духовныхъ цензоровъ николаевскаго царствованія. На всѣхъ ихъ наложило свою печать нивеллирующее вліяніе системы. И если даже не всѣ прозябали въ одномъ и томъ же мѣстѣ огорода, на одной и той же подпочвѣ, зато всѣхъ обильно поливали водой изъ одного болота.

---

[202]) Т. е. даже на французскомъ языкѣ... А. К.
[203]) СПБ. Д. Ц. К., 1855, дѣло о сочиненіи «Quelques mots»...
[204]) Стр. 193.
[205]) Р. Ст. 1901, май, стр. 289.

Кромѣ охарактеризованнаго цензурнаго комитета, при петербургской духовной академіи долгое время существовалъ спеціальный „комитетъ для разсмотрѣнія вредныхъ книгъ". Онъ былъ учрежденъ послѣ паденія мистицизма съ цѣлью „искорененія посѣянныхъ имъ плевелъ на благодатной нивѣ единой, святой православно-каѳолической всероссійской церкви" [206]).

Въ одной изъ многочисленныхъ „записокъ" арх. Фотія находится пламенная тирада по поводу найденной имъ „хулы карбонаріевъ". „Какое, восклицалъ онъ, дерзкое изрыганіе мерзости на мѣстѣ святѣ! И архіереи, архимандриты и всѣ учители россійскія церкви какъ бы безумные читаютъ хулы и молчатъ, изъявляя тѣмъ или согласіе свое, или страхъ и стыдъ Христа исповѣдывать предъ человѣками" [207]).

Но вотъ совершилось паденіе министерства духовныхъ дѣлъ, и страхъ исповѣданія долженъ былъ исчезнуть. Основываясь на манифестѣ 17 ноября 1824 года, Шишковъ и митр. Серафимъ желали произвести всероссійскую анкету, или повальный обыскъ для отобранія зловредныхъ книгъ. Сначала по министерству народнаго просвѣщенія было издано циркулярное предписаніе, „чтобы напечатанныя безъ разрѣшенія духовной цензуры книги духовно-нравственнаго содержанія были изъяты изъ книгохранилищъ и отъ всякаго употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ и, запечатанныя, хранились впредь до указа". Подобное же „предварительное распоряженіе", на основаніи присланнаго Шишковымъ краткаго реестра мистическихъ книгъ (числомъ 10), сдѣлалъ и синодъ по епархіямъ 1—9 мая 1825 г. Циркуляръ этотъ стремился создать такое положеніе, чтобы никакія уклоненія и отговорки не имѣли мѣста. Въ самомъ дѣлѣ, не могли епархіальныя начальства отвѣчать голословнымъ: „таковыхъ книгъ не имѣется", когда имъ предписывалось „учинить изъ дѣлъ справки, не было ли когда выписываемо или прямо присылаемо отъ кого означенныхъ книгъ? и буде было, то сколько и отъ кого именно, и кому были розданы? и, отобравъ, хранить ихъ за печатью въ надлежащихъ мѣстахъ, донося по полугодіямъ св. синоду" [208]).

Такой же розыскъ, соединенный уже съ разсмотрѣніемъ содержанія, должны были производить епархіальныя начальства и вообще по отношенію къ книгамъ, изданнымъ въ частныхъ типографіяхъ безъ дозволенія св. синода и духовной цензуры. Вредныя сочиненія епархіальныя власти должны были отбирать

---

[206]) Факты, относящіеся къ двадцатилѣтней его, «дѣятельности» съ достаточною полнотою изложены И. Чистовичемъ въ «Исторіи перевода Библіи на русскій языкъ» (стр. 95-109). Поэтому ограничиваемся здѣсь лишь краткимъ изложеніемъ болѣе характерныхъ сторонъ и моментовъ исторіи и психологіи этого комитета и вообще дѣла искорененія плевелъ.

[207]) Русск. Чт., 1895, VII, Автобіогр. юрьев. архм. Фотія, стр. 181.

[208]) А. С. С, 1825, 505.

черезъ мѣстную гражданскую власть „подъ опасеніемъ отвѣтственности въ случаѣ недонесенія о таковыхъ книгахъ, явно въ народѣ обращающихся“ (въ черновикѣ было сказано еще рельефнѣе:... „отвѣтственности за недосмотрѣніе и попущеніе въ случаѣ стороннихъ доносовъ“).

Этотъ указъ долженъ былъ произвести на мѣстахъ различное впечатлѣніе. Конечно, почти каждая епархія была прежде всего повинна хотя бы въ „революціонномъ катехизисѣ“—т. е. „Воззваніи къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова“, изданномъ правителемъ дѣлъ комиссіи духовныхъ училищъ Ястребцовымъ. Затѣмъ, кромѣ „Воззванія“ были оффиціально—черезъ комиссію духовныхъ училищъ—разосланы по епархіямъ еще три мистическихъ изданія: „Сіонскій Вѣстникъ“ (1817 г.), „Божественная философія“ (1820 г.), и „Краткія разсужденія о важнѣйшихъ предметахъ жизни христіанской“ (1821 г.)[209]). Наконецъ, и о другихъ, нравившихся Голицыну, книгахъ посылались отъ его имени рекомендательныя письма и, по полученіи отвѣта, отправлялось требуемое количество книгъ. При этомъ, конечно, доводы самого министра духовныхъ дѣлъ, что „сія книга по содержанію своему истинно-христіанскому и духовно-нравственному, равно по достоинству слога особенное заслуживаетъ вниманіе и чрезъ введеніе во всеобщее употребленіе приноситъ важную пользу къ уразумѣнію и разрѣшенію важныхъ происшествій въ отношеніи къ вещамъ духовнымъ“,—были слишкомъ убѣдительны... Особенно, кажется, прельщались этими рекомендаціями епархіальныя начальства болѣе отдаленныхъ епархій. Они посылали требованія на сотни книгъ, не стѣсняясь тысячами рублей, и ревностно разсылали по церквамъ мистическія произведенія [210]).

Зато тѣмъ большее смущеніе должны были испытывать такіе ревнители въ эпоху конфискаціи. Въ то время, какъ болѣе предусмотрительные іерархи, близко знакомые съ положеніемъ вещей, могли чуть-ли не полностью возвратить скрытыя ими въ архивахъ изданія,—увлекавшіеся повсемѣстной разсылкою чувствовали за собою немалые дефициты. И если, напр., псковское епархіальное начальство даже изъ разосланныхъ по монастырямъ девяноста двухъ экземпляровъ книгъ сразу могло опечатать восемьдесятъ три, то въ смоленской епархіи не было возвращено около трети общаго ихъ количества (одного названія — даже трехъ четвертей). Большіе недочеты были по казанской епархіи, пензенской, орловской, иркутской [211]).

Въ своихъ отчетахъ преосвященные такихъ епархій разными

---

[209]) К. Д. У. 1820, 2742 и 2802; 1822, 3324.

[210]) А. С. С. 1825, 505.

[211]) Въ послѣдней было разослано по церквамъ—250 кн., выписанныхъ отъ Голицына и не менѣе того прямо отъ издателей.

способами старались освободить себя отъ возможныхъ подозрѣній. Они дѣлали удареніе на фактѣ рекомендаціи Голицына, цитировали его письма. Если находился экземпляръ сомнительной книги въ архіерейской или монастырской библіотекѣ,—приводились иногда объясненія. „Какъ мною книга „Воззваніе“ пріобрѣтена, рапортовалъ пр. Владиміръ курскій, и отъ кого,—не упомню. Присланъ же мнѣ былъ и одинъ экземпляръ книги „Краткій способъ молиться“, при рекомендательномъ отношеніи бывшаго министра, которая, однако, никому не рекомендовалась, а удержана была мною, какъ исполненная квіетизмомъ“. Анатолій минскій и литовскій свидѣтельствовалъ, что имъ лично было выписано 70 экземпляровъ книгъ, которыя и розданы всѣ ученикамъ, священно- и церковно-служителямъ и свѣтскимъ особамъ, но кому именно,—онъ по давности не помнитъ. Лаврентій, арх. черниговскій, упоминая о присланныхъ ему Голицынымъ 54 книгахъ, замѣтилъ: „такъ какъ изъ нихъ ни одной у меня не осталось, то напечатаны ли онѣ съ дозволенія духовныхъ цензуръ,—знать теперь невозможно, и кому онѣ проданы—свѣдѣній не имѣю“. Попадались изрѣдка въ число конфискованныхъ книги раскольничьи, уніатскіе акаѳисты. Самыя усердныя епархіальныя начальства готовы были внести въ index „Черты дѣятельнаго ученія вѣры“ I. Кочетова, „Сокращеніе ѳики христіанской“ (напечатанное въ синод. типографіи), Записки Манштейна о Россіи и т. д. [212]).

Вообще же дѣло отобранія шло слишкомъ вяло. Самъ митр. Серафимъ лишь 30 ноября 1829 г. представилъ нѣсколько книгъ, отобранныхъ по новгородской епархіи. Одной изъ причинъ этой вялости розыска и „ненахожденія“ была неопредѣленность самой постановки изъятія сомнительныхъ книгъ изъ употребленія. Въ сущности, это изъятіе носило видъ не конфискаціи, а лишь ареста „впредь до рѣшенія св. синода“. Между тѣмъ, нелегко было провинціальнымъ органамъ церковной власти, не посвященнымъ во всѣ подробности тайныхъ аудіенцій Фотія и митр. Серафима, свыкнуться съ рѣзкой перемѣной курса правительства. Еще загадочнѣе могло быть для нихъ исходившее отъ высшей власти требованіе рецензій о книгахъ, какъ будто „особы высшихъ умовъ“ [213]) не могли придти къ окончательному рѣшенію о книгахъ, обреченныхъ на храненіе въ ризницахъ и архивахъ.

Нѣсколько присланныхъ изъ провинціи рецензій заключали въ себѣ наряду съ удачными полемическими мѣстами довольно наивныя и несогласныя другъ съ другомъ сужденія. „Сочинитель книги „Блаженство вѣрующаго“, писалъ ректоръ смоленской семинаріи Иннокентій,—повидимому, римско-католическаго исповѣда-

[212]) А. С. С., 1825, 505.
[213]) А. С. С., 1830, 548.

нія: какъ бы для подтвержденія догмата своей церкви о исхожденіи Св. Духа усиливается во многихъ мѣстахъ внушить, что Духъ Св. есть Духъ І. Христа“. Книга была запечатана. Между тѣмъ членъ нижегородской консисторіи о той же книгѣ далъ слѣдующій отзывъ: „ничего въ ней противнаго православному ученію не содержится, поелику все содержаніе основывается на словахъ ап. Павла: да дастъ вамъ Господь... силою утвердитися духомъ Его во внутреннемъ человѣцѣ, вселитися Христу вѣрою въ сердца ваша“ (Еф. III, 16—17), Предлагаю поэтому, отдать тому, у кого отобрана“... [214]).

---

[214]) Тамъ же, 1825, 505.

Вообще, нужно признать, что положеніе такихъ лицъ, надѣленныхъ вдругъ цензорскими полномочіями въ крайне неопредѣленной области „сомнительныхъ книгъ“,—было довольно затруднительно, иногда же прямо трагикомично. Для иллюстраціи достаточно остановиться на ревизіи въ 1830 году тифлисской публичной библіотеки, учрежденной Ек. Котовой.

По инаціативѣ экзарха Іоны, съ согласія губернатора, эта ревизія была произведена чиновникомъ особыхъ порученій Гусевымъ и преподавателемъ философскихъ наукъ въ мѣстной семинаріи кандидатомъ Владимірскимъ. Послѣдній представилъ перечень сомнительныхъ книгъ и въ своихъ комментаріяхъ къ нему не скупился на термины, взятые изъ предмета своей спеціальности. Повсюду отмѣчалъ онъ скептицизмъ, аллегоризмъ, мистицизмъ, папистизмъ, синкретизмъ, эманатизмъ, теософизмъ, фанатизмъ.

Стараясь всячески предупредить соблазнъ „слабыхъ въ вѣрѣ“, онъ прежде всего взялъ подъ подозрѣніе Алкоранъ Магомета, изданный въ 1792 г. академіей наукъ. „Хотя Коранъ, говорится въ отзывѣ, по самому духу и цѣли ислама, естественно долженъ заключать нелѣпости и противорѣчія христіанскому ученію, и хотя законы о вѣротерпимости простираются и на него, но такъ какъ нѣтъ въ немъ никакихъ критическихъ замѣчаній, показывающихъ отступленіе его отъ догматовъ христіанства,—то полезнѣе изъять его изъ библіотеки“.

Впрочемъ, и этотъ отзывъ не представитъ чего-либо исключительнаго, если сравнить его съ рецензіями Владимірскаго на „Исповѣданіе“ бл. Августина (изд. 1787 г., „съ указнаго дозволенія“) и „Подражаніе Христу“, одну изъ самыхъ распространенныхъ въ мірѣ книгъ.

Первой онъ поставилъ въ упрекъ то, что „въ описаніи жизни блаж. Августина перечисляются всѣ грѣхопаденія его и естественныя слабости. Упоминать же о нихъ подробно въ книгѣ къ соблазну слабыхъ христіанъ, кажется, не слѣдовало бы, а просто нужно было изложить внутреннее его сокрушеніе и при томъ по духу св. псалмовъ. Ибо, хотя бл. Августинъ и молитъ Господа о прощеніи грѣховъ юности, но въ молитвахъ его не указывается правилъ къ исправленію жизни и укрѣпленію въ вѣрѣ и благочестіи“...

О твореніи Ѳомы кемпійскаго учитель философіи произнесъ такое сужденіе: „Книга отзывается мистицизмомъ, отвлекающимъ человѣка отъ исполненія обязанностей ко внутреннему послѣдованію І. Христу и внутренней молитвѣ. Судя по духу времени жизни Ѳомы кемпійскаго, можно предполагать въ ученіи его примѣсь схоластическихъ нечистыхъ понятій о божественныхъ вещахъ и наклонность къ распространенію папистизма“.

Не оставилъ Владимірскій безъ вниманія и спеціально мистическихъ твореній Штиллинга, Эккартсгаузена и пр. Но здѣсь въ своихъ рецензіяхъ онъ или просто указывалъ на непонятность химическихъ матерій, или роднилъ ихъ съ каббалою, египетскою мудростью и пиѳагорействомъ.

Св. синодъ, въ отвѣтъ на рапортъ экзарха, предписалъ ему самому разсмотрѣть взятыя подъ сомнѣніе книги и, если онѣ дѣйствительно окажутся

Для тщательнаго разсмотрѣнія мистическихъ книгъ и для произнесенія надъ ними окончательнаго приговора былъ, какъ сказано выше, учрежденъ особый комитетъ изъ двѣнадцати представителей петербургскаго духовенства [215]). Въ число ихъ вошли члены духовно-цензурнаго комитета, которые сначала, на предложеніе конференціи, отказались было отъ участія въ занятіяхъ комитета, отзываясь неимѣніемъ времени за исполненіемъ своихъ непосредственныхъ обязанностей [216]).

Между тѣмъ, годомъ ранѣе, коммисія духовныхъ училищъ констатировала, что „дѣла комитета не столь многочисленны, чтобы не было возможности соединить званія цензора съ другими обязанностями" [217]). Поэтому, обращая вниманіе на составъ цензурнаго комитета и замѣчая здѣсь „оппозиціонныхъ" арх. Іоанна и Г. Павскаго, есть основаніе предполагать подлинную причину этого отказа во внутреннемъ несогласіи на затѣянное дѣло. Апатію къ безполезному предпріятію можно видѣть и у большинства членовъ комитета, двадцать лѣтъ разсматривавшихъ два-три десятка общеизвѣстныхъ сочиненій. Они были призваны творить судъ надъ осужденными.

Препровождая м. Серафиму реестръ книгъ, Шишковъ,—на основаніи отзывовъ Фотія, „записки о пропущенныхъ цензурою богохульныхъ книгахъ" и т. д., сдѣлалъ такія разоблаченія, такъ ясно выразилъ враждебное отношеніе „тѣла-государства" къ сочиненіямъ карбонаріевъ, что, конечно, и двѣнадцать присяжныхъ не могли вынести относительно ихъ иного вердикта, кромѣ обвинительнаго и еще лучше безъ всякаго снисхожденія. Собственно говоря, и дѣла имъ не оставалось бы, еслибы не та формулировка ихъ задачи, которая была предложена въ данной имъ „инструкціи" [218]). Послѣдняя возлагала на комитетъ обязанность произвести оцѣнку книгъ независимо отъ соображеній, представленныхъ А. Шишковымъ, очевидно въ виду ихъ „государственнаго" характера.

противорѣчащими вѣрѣ и благонравію, то, отобравъ ихъ, представить съ замѣчаніями св. синоду. Но содержательница библіотеки почти о всѣхъ книгахъ отозвалась, что онѣ уже проданы ею неизвѣстнымъ людямъ, и этимъ повидимому, прекратила дальнѣйшую переписку Петербурга съ Тифлисомъ. А. С. С., 1830, 807.

[215]) Въ составъ комитета вошли: ректоръ семинарій Іоаннъ; инсп. академіи Гавріилъ: протоіереи и священники: Павскій, Платоновъ, Кочетовъ, Данковъ, Вещезеровъ, Граціанскій, Никольскій, Добронравинъ, Малеинъ, Рождественскій. Арх. конференц. спб. дух. академіи, 1825 г. № 29.

[216]) Христ. Чт., 1876, янв.—февр. «Къ исторіи мистицизма въ Россіи, Н. Барсова стр 129.

[217]) СПБ. Д. Ц. К. 1825, 4.

[218]) Подписанная м. Серафимомъ, она, вѣроятнѣе всего, составлена ректоромъ академіи Григоріемъ.

Хотя вновь учрежденному комитету была дана на первый разъ опредѣленная задача—разборъ десяти книгъ, но этимъ, согласно инструкціи, не долженъ былъ ограничиваться кругъ его полномочій. Одинъ изъ пунктовъ (18) прямо утверждалъ за комитетомъ право иниціативы въ дѣлѣ пересмотра прежде изданныхъ книгъ, содержащихъ что-л. противное церкви. Даже изданныя съ одобренія духовной цензуры книги могли подвергаться переоцѣнкѣ комитета. Рекомендовалось ему пользоваться и тѣми указаніями и замѣчаніями, которыя могли послѣдовать отъ не-вошедшихъ въ его составъ духовныхъ лицъ. Ихъ отзывы могли даже имѣть равноправное значеніе съ рецензіями самихъ членовъ. Для болѣе успѣшнаго и безотлагательнаго выполненія членами комитета возложенныхъ на нихъ обязанностей, имъ былъ данъ совѣтъ прибѣгать ко взаимнымъ наставленіямъ и къ совѣтамъ лицъ, указанныхъ предсѣдателемъ (2).

Что касается самыхъ принциповъ и пріемовъ разсмотрѣнія книгъ, то здѣсь особенно обращаетъ на себя вниманіе требованіе объективности оцѣнки и притомъ оцѣнки исключительно съ точки зрѣнія церкви (12—14).

Исполнять порученное дѣло каждый членъ долженъ былъ „не поверхностно, но съ глубокимъ вниманіемъ, призвавъ на помощь Подателя смысла, дабы могъ узнать во всей полнотѣ и ясности разсматриваемое имъ сочиненіе“. Со всею объективностью и точностью онъ долженъ былъ изложить духъ послѣдняго, т. е. основныя его начала, раскрыть связь главныхъ идей, выводимыхъ изъ этихъ началъ и обнаружить цѣль сочиненія. Во избѣжаніе всякаго подозрѣнія, что содержаніе книги излагается произвольно, цензору вмѣнялось въ обязанность указывать вездѣ страницы и цитировать мѣста, свѣряя даже ихъ переводы съ иностранными подлинниками. (16)

Возраженіе требовалось дѣлать не на каждую противную мысль книги, но только на тѣ ея мѣста, гдѣ это оказывалось необходимымъ, и притомъ—возраженія краткія, ясныя и сильныя. Рекомендовалось вести полемику въ такомъ тонѣ, чтобы выписанныя мѣста сами собою открывали заблужденіе или злонамѣренность писателя. (11)

Критеріями оцѣнки должны были служить св. писаніе и святоотеческія творенія. Рецензентамъ было также поручено по возможности сообщать историческія свѣдѣнія о томъ или другомъ заблужденіи, указывать на полемистовъ противъ него, дѣлать сближенія съ древними ересями, уже осужденными церковью и т. д.

Отзывъ каждаго члена долженъ былъ прочитываться въ частномъ, а затѣмъ въ общемъ собраніи комитета. „Когда же разсмотрѣніе книгъ будетъ приведено къ окончанію, то комитетъ, въ видѣ генеральнаго отчета, имѣетъ составить систематическое

изложеніе того, какимъ образомъ вредное ученіе, содержащееся въ разсмотрѣнныхъ имъ книгахъ, начиналось, постепенно распространялось, раскрывалось, прояснялось въ своемъ изложеніи и какіе принесло плоды“ [219]).

Какъ было уже упомянуто, медленно, безжизненно шли занятія комитета. Число членовъ его убывало и вновь пополнялось, когда вспоминало о его существованіи духовное и, главнымъ образомъ, гражданское правительство [220]). Послѣднее не разъ обращалось къ синоду съ вопросомъ объ окончательномъ рѣшеніи судьбы мистическихъ книгъ. И синодъ еще въ августѣ 1825 года секретно увѣдомилъ министерство внутреннихъ дѣлъ, что „обращеніе этихъ книгъ слѣдуетъ вовсе воспретить“. Черезъ пять лѣтъ вновь поступилъ вопросъ отъ спб. военнаго губернатора: „не послѣдовало ли какого постановленія о книгахъ и если еще не сдѣлано, то не окажется ли возможнымъ перемѣстить ихъ куда-либо въ другое мѣсто, ибо въ съѣзжихъ домахъ онѣ подвергаются тлѣнію“ [221])... Книги тлѣли, стѣсняли архивы, продавались хранителями... Не получая большинства отзывовъ комитета, духовная власть, видимо, готова была уже удовлетвориться хотя какими-нибудь рецензіями, лишь бы легально окончить дѣло. Такъ въ 1837 году предсѣдатель комитета „неисправимый формалистъ и законникъ“ епископъ Венедиктъ, донося о имѣющихся четырехъ отзывахъ, добавлялъ: „хотя они и не во всѣхъ отношеніяхъ соотвѣтствуютъ данной инструкціи, однакоже для той цѣли, чтобы изъять оныя изъ употребленія, весьма достаточны (!) [222]).

Въ 1838 году, когда отъ ревизора пензенскаго консисторскаго архива поступило предложеніе сжечь конфискованныя книги, синодъ распорядился запросить архіереевъ о положеніи дѣла конфискаціи по епархіямъ. Петербургская консисторія съ своей стороны стала осаждать комитетъ запросами, сообщила ему и резолюцію м. Серафима представить „къ марту наступающаго 1839 года доклады“ о книгахъ. Но какъ разъ въ мартѣ поступило въ комитетъ, въ дополненіе къ находившимся на разсмотрѣніи его 29 книгамъ, еще 15—старообрядческихъ и другихъ—изъ Коневца. Для комитета вновь представился поводъ къ отсрочкѣ. Въ 1843 г. 11 января, по настоянію Пратасова, м. Серафимъ далъ

---

[219]) Христ. Чт., 1876, янв.-февр., стр. 134-6.

[220]) Такъ президентами его въ разное время состояли архимандриты: Іоаннъ, Никаноръ, Смарагдъ, Венедиктъ, Виталій, опять Венедиктъ и «управляющимъ» Николай.—На мѣсто умершихъ или выбывшихъ членовъ: Граціанскаго, Вещезерова, Данкова, Иннокентія были въ разное время назначены: А. Окуневъ, Климентъ, Іоасафъ, Колоколовъ, Райковскій.

[221]) По предложенію синоду м. Серафима они были „перемѣщены въ зданія вѣдомству его принадлежащія. А. С. С., 1825, 505.

[222]) Арх. конф. спб. дух. академіи, 1825, 29.

конференціи академіи слѣдующее предписаніе: „Такъ какъ... въ сообщеніи 1839 г. обѣщано было представить общее мнѣніе, но сего въ продолженіе трехъ съ половиною лѣтъ конференція не исполнила, необъяснивъ даже и причины таковаго промедленія на многократныя консисторіи требованія, вслѣдствіе побудительныхъ изъ св. синода предписаній, то мы, поставляя сіе на видъ конференціи академіи предписываемъ ей, чтобы она непремѣнно къ 1 числу февраля кончила дѣло сіе".

Но 17 января м. Серафимъ скончался. Свой докладъ комитетъ представилъ Пратасову. Выдѣливъ, какъ особенно „вредныя и опасныя" для церкви и правительства, шесть изданій (въ томъ числѣ „Сіонскій вѣстникъ"), комитетъ и въ остальныхъ мистическихъ книгахъ, не усматривая злой политической цѣли, нашелъ заблужденія квіэтизма.., излишнюю свободу въ разсужденіи вѣры и пр. Окончательный выводъ его былъ не новъ: „Самая строгая истина оправдываетъ тѣ мудрыя, давно принятыя духовнымъ и гражданскимъ правительствами мѣры къ изъятію оныхъ изъ употребленія; и потому комитетъ полагалъ бы привести въ исполненіе въ отношеніи ихъ такую мѣру, чтобы онѣ вовсе были уничтожены, какъ плевелы, которыхъ ни подъ какимъ видомъ нельзя оставить растущими до жатвы на благодатной нивѣ единой, святой, соборной, апостольской, православно-каѳолической церкви" [222]).

Московскій Духовно-Цензурный Комитетъ.

Во вступительныхъ словахъ къ характеристикѣ членовъ петербугскаго духовно-цензурнаго комитета оттѣнены уже нѣкоторыя отличительныя черты и московскаго духовно-цензурнаго комитета за данный періодъ. Это—отдаленность его отъ центральнаго управленія и, напротивъ, близость къ м. Филарету; затѣмъ,—продолжительность службы самыхъ видныхъ его членовъ.

Можно установить, что вообще въ цензурѣ существовало нѣкоторое различіе между критеріями цензоровъ Петербурга и Москвы, происходившее, конечно, вслѣдствіе естественной невозможности для послѣднихъ быстро оріентироваться въ моментѣ. Отсюда вытекали два слѣдствія. Съ одной стороны, московская цензура была медлительнѣе, пунктуальнѣе въ соблюденіи всѣхъ

[222]) Однако, получивъ это опредѣленіе комитета, центральное синодальное управленіе стало вспоминать о необходимости ликвидировать розыскъ вредныхъ книгъ лишь въ декабрѣ каждаго послѣдующаго года, когда подводились итоги неоконченнымъ дѣламъ канцелярій. Но неопредѣленными постановленіями св. синода «доложить впредь когда будетъ назначено», нѣсколько разъ было подчеркнуто, что и по сознанію присутствующихъ въ св. синодѣ дѣло это никакого интереса, кромѣ историческаго, уже не могло имѣть. (Ср. И. Чистовича. Исторія перевода Библіи, loc. cit., гдѣ передается существенное содержаніе каждаго отзыва членовъ комитета).

требованій устава, сравнительно съ которой можно было оттѣнить „свободу“ петербургскихъ условій для печати. Но, съ другой, несмотря на всѣ „министерскія секретныя предписанія,“ члены московской цензуры не могли быть въ каждый моментъ въ курсѣ сложной политики, и пропускъ ими, по суду здраваго смысла, болѣе оригинальныхъ статей возбуждалъ „трезвонъ по гостинымъ“ Петербурга [223]).

Въ извѣстной мѣрѣ это наблюденіе относится и къ московской духовной цензурѣ, точнѣе цензурному комитету, находившемуся къ тому же не въ Москвѣ, а въ Сергіевомъ посадѣ. Члены его, въ общемъ, весьма тщательно разсматривали входившія въ комитетъ сочиненія и не щадили „сомнительнаго“. Но при этомъ,—по крайней мѣрѣ въ отзывахъ самыхъ значительныхъ членовъ,—сквозитъ и „цензорская благожелательность“ къ авторамъ, руководясь которой, они употребляли свои „скипетры“ [224]) не только на казнь, но и на милость, не только критиковали, но и старались сами исправлять дефекты сочиненій.

Находясь вдали отъ Петербурга, московскій духовно-цензурный комитетъ, какъ упомянуто, тѣмъ непосредственнѣе долженъ былъ испытывать вліяніе м. Филарета. Отношенія Филарета къ московскому духовно-цензурному комитету были гораздо ярче и живѣе, чѣмъ отношенія митрополитовъ петербургскихъ къ комитету подчиненному имъ. По уставу епархіальные архіереи, имѣвшіе въ своемъ вѣдѣніи цензурные комитеты, получали свѣдѣнія о ходѣ дѣлъ въ нихъ посредствомъ ежемѣсячныхъ отчетовъ конференціи. Но въ то время, какъ митрополиты петербургскіе готовы были ограничиваться однимъ принятіемъ ихъ „къ свѣдѣнію“, Филаретъ совершенно не желалъ удовлетворяться лишь запоздавшими оффиціальными докладами, постоянно подчеркивалъ необходимость болѣе интимныхъ отношеній и рев-

---

[223]) „У васъ, москвичей, такое незнаніе о томъ, что дѣлается на Руси.. Такое незнаніе струнъ, которыхъ нельзя трогать“, такъ журилъ Одоевскій Шевырева по поводу напечатанія москвичами письма Чаадаева. Барсуковъ. Жизнь и труды Погодина, кн. IV, стр. 385 и слѣд.

Интересны, какъ поясненіе къ сказанному, и жалобы предсѣдателя московскаго цензурнаго комитета С. Т. Аксакова, содержащіяся въ письмахъ его къ министру юстиціи Дашкову: «При прежнемъ жестокомъ, варварскомъ уставѣ (1826 г. А. К.) цензура дѣйствовала гораздо свободнѣе, сочинители были довольны и комитетъ цензуры не получалъ ни одного выговора, а нѣсколько благодарностей за осторожность въ дѣйствіяхъ. Новый искаженъ министерскими частными секретными предписаніями». Р. Арх., 1898, кн. 2, стр 94 - 5. Сергѣй Т. Аксаковъ какъ цензоръ, Н. М. Павлова.

«Главная непріятность цензора, нѣсколько наивно жаловался тотъ же Аксаковъ, состоитъ въ томъ, что въ цензурное дѣло всѣ вмѣшиваются: министръ двора, министръ иностранныхъ дѣлъ, Бенкендорфъ, военный ген.-губернаторъ, даже оберъ-полицеймейстеръ». Тамъ же.

[224]) Цензорскіе карандаши, по выраженію имп. Николая. Никитенко. Записки и дневникъ.., т. I, стр. 458.

ниво наблюдалъ, чтобы опредѣленная закономъ самостоятельность цензоровъ не переходила въ „скрытность“ [225]).

Какъ Пратасовъ въ Петербургѣ въ сороковые годы приближалъ къ цензурѣ, въ видахъ усиленнаго надзора за нею, ректора академіи,—такъ и Филаретъ видѣлъ въ ректорѣ академіи своего намѣстника въ комитетѣ. Прямое подтвержденіе этого, помимо многихъ намековъ, находится въ одномъ изъ писемъ его къ ректору Алексію: „Надобно было бы и вамъ, пишетъ митрополитъ, послѣ бывшихъ случаевъ, заботливѣе стеречь цензуру, чтобы сомнительнаго не пропускала безъ вашего разсмотрѣнія. Непріятность цензурѣ—непріятность и академіи“ [226]).

Время отъ времени давалъ онъ своей цензурѣ какъ руководящія указанія общаго характера, такъ и наставленія по частнымъ поводамъ. Чрезъ многія изъ нихъ проходитъ тотъ же мотивъ: „да не хулится имя духовной цензуры и академіи“ [227]).

Такъ, не разъ упрекая цензуру въ „человѣкоугодничествѣ къ авторамъ и издателямъ“, Филаретъ преподавалъ наставленія въ такомъ родѣ: „Удивительно, что цензура, человѣкоугодничая издателю, не думаетъ, что стыдитъ себя, подаетъ подозрѣнія и вредитъ званію. Скажите сіе цензорамъ, чтобы согрѣшившій покаялся, а несогрѣшившій не только берегся самъ, но и оберегалъ ближняго“ [228]).

Въ другой разъ, по поводу одного изъ сомнѣній цензуры, митрополитъ писалъ: „Думаю, отецъ ректоръ, что вамъ не должно похвалою преосвященнаго ярославскаго стѣсняться въ сужденіи о книгѣ, которая не выдерживаетъ основательной критики. Похвала преосвященнаго не защититъ академію отъ нареканія въ случаѣ одобренія книги, недостойной одобренія. Надобно судить по правдѣ; а для смягченія несогласія съ мнѣніемъ преосвященнаго можно упомянуть, что оно, вѣроятно, произнесено по снисхожденію, для поощренія сочинителя къ лучшему“ [229]).

Заступаясь за извѣстныя противораскольническія „Выписки“ А. Озерскаго, Филаретъ такъ возражалъ цензурѣ: „Кажется цензурный уставъ не обязываетъ цензора требовать отъ сочинителя купца такой систематической точности, какъ бы отъ доктора и магистра. Замѣчанія о буквѣ ѣ вмѣсто е и о препинательномъ знакѣ такъ ли важны, что бы затруднить одобреніе книги къ напечатанію. Нѣкоторыя замѣчанія показываютъ, что цензоръ священникъ въ дѣло состязанія съ раскольниками менѣе вникнулъ, нежели сочинитель купецъ. Не навязываю цензурѣ моего

---

225) Письма къ Алексію... тверскому, стр. 15—16.
226) Тамъ же, стр. 114.
227) Тамъ-же, стр. 83, 27 и др.
228) Стр. 94 (1852 г.).
229) Сказанное, впрочемъ, смягчено въ слѣдующемъ письмѣ. Тамъ же, стр. 98—99.

мнѣнія: но думаю, что не нужно много трудиться надъ сею книгою, чтобы безъ нарушенія устава пропустить ее къ напечатанію“ [230]).

Зато въ другихъ случаяхъ м. Филаретъ гораздо искуснѣе цензоровъ находилъ и выставлялъ на видъ „погрѣшности и сомнительныя сужденія“. Впрочемъ, чаще, отмѣтивъ нѣсколько недостатковъ и заранѣе отклоняя отъ себя „отвѣтственность за всякую строку“ [231]), митрополитъ лишь оттачивалъ карандашъ цензора, настраивалъ послѣдняго въ желательномъ ему тонѣ для дальнѣйшей работы.

Чтобы видѣть, какъ вводилъ Филаретъ свою цензуру въ пониманіе „петербургской политики“, нелишне привести слѣдующій отрывокъ изъ письма къ тому же ректору: „Текстъ псалма приводится на русскомъ. На что дразнить безъ нужды людей, когда сего не хотятъ. Развѣ недовольно, что московская духовная академія была оклеветана въ нововведеніи сего рода? Развѣ надобно давать оружіе клеветѣ?..“ [232]).

Наконецъ, какъ и синодальнымъ канцеляріямъ, Филарету приходилось считаться съ медлительностью и неаккуратностью духовныхъ цензоровъ. Онъ былъ мягче и менѣе оффиціаленъ въ своихъ запросахъ, но настойчивъ, предупреждая возможность „хулы“. Вотъ образцы его напоминаній: „Повторяю вамъ, отецъ ректоръ, употребите усилія исхитить изъ плѣна цензуры французскій переводъ писемъ о Богослуженіи“. Или: „Отецъ протоіерей Ѳеодоръ обѣщалъ окончить пересмотръ книги....; и я при свидѣтеляхъ уличилъ его въ неисполненіи обѣщанія,—и онъ опять обѣщалъ; и опять не исполнилъ обѣщанія во время, которое самъ назначилъ. Обратите на сіе вниманіе, да не хулится имя духовной цензуры и академіи“. „Узнайте, писалъ онъ по поводу одного сочиненія Стурдзы, пропущено ли: и есть ли еще медлять, способствуйте прекратить медленность“ [233]).

Въ общемъ же, несмотря на мелочныя,—иногда довольно сильныя,—„недоразумѣнія“ съ комитетомъ, Филаретъ былъ доволенъ своей цензурой и уже въ шестидесятые годы, оглядываясь назадъ, онъ свидѣтельствовалъ: „Сорокъ лѣтъ имѣя въ виду цензурный комитетъ, состоящій при московской духовной академіи..., помню одинъ только случай, что, по допущенію его, напечатаны были стихи, которые мною найдены неодобрительными. По моему мнѣнію, цензурный комитетъ московской духовной академіи, въ сравненіи съ нѣкоторыми другими, потому благополучнѣе сохранялъ себя отъ погрѣшностей, что члены его менѣе полагались на свою мудрость, менѣе любили дѣйствовать неза-

[230]) Къ Алексію, 109 стр. (1853 г.).
[231]) Тамъ же, стр. 48.
[232]) Тамъ же, стр. 25; ср. 96, 75.
[233]) Тамъ же, стр. 81 и 83, 29; ср. 87, 91.

висимо, болѣе старались повѣрять каждый свои сужденія взаимными совѣщаніями, а въ особенныхъ случаяхъ и сношеніями съ начальствомъ, иногда оффиціальными, иногда просто довѣренными, неоффиціальными“ [234]).

Цензурный комитетъ при московской духовной академіи возникъ почти одновременно съ преобразованіемъ этой академіи. Именно желаніе издать „сочиненіе, говоренное по случаю открытія московской духовной академіи“, послужило поводомъ къ учрежденію въ 1814 году комитета [235]). Однако, первоначальная исторія этого комитета, до расширенія его правъ въ 1828 году, даетъ также мало матерьяла для опредѣленія цензорскихъ взглядовъ его членовъ, какъ и первые годы дѣятельности петербургскаго комитета. Причина понятна. Въ шестидесяти верстахъ отъ Сергіева-посада существовала,—хотя и бездѣйствующая, однако полноправная—московская духовная цензура. И комитету при московской академіи было гораздо труднѣе чѣмъ петербургскому опредѣлить границы своей компетенціи. Отсюда если и можно отмѣтить что-либо характерное въ малосодержательныхъ комитетскихъ дѣлахъ за данный періодъ, то развѣ только попытки, путемъ распространительнаго толкованія содержавшихся въ академическомъ уставѣ статей касательно духовной цензуры, пойти на встрѣчу авторамъ въ ихъ поискахъ утраченной на Москвѣ духовной цензуры.

Полная дезорганизація духовно-цензурнаго надзора во второе десятилѣтіе XIX вѣка конечно не могла содѣйствовать развитію и вновь образованнаго при академіи комитета. Такъ, въ 1815 году состоялось въ немъ лишь четыре засѣданія, на которыхъ было разсмотрѣно столько же проповѣдей. То же наблюдается и въ послѣдующіе годы [236]). Но съ теченіемъ времени, особенно когда въ концѣ 1818 г. была предрѣшена участь московской цензуры, комитетъ волей или неволей пріобрѣталъ болѣе видное положеніе.

Авторы и издатели, имѣвшіе какое-нибудь—хотя бы даже чисто внѣшнее—отношеніе къ „училищному вѣдомству“ академическаго округа, начали присылать сюда свои рукописи. Къ комитету прежде всего стали тяготѣть духовныя особы, включенныя въ составъ академической конференціи; затѣмъ преподаватели духовно-учебныхъ заведеній московскаго округа; далѣе, бывшіе преподаватели духовной школы; авторы изъ рядового духовенства, наконецъ, даже лица гражданскаго вѣдомства, представлявшіе въ комитетъ свои произведенія на одобреніе „просвѣщенными

---

234) Собр. мн. и отз., т. V, ч. I, стр. 38 (24 марта 1861 г.)

235) Д. У., 1814, 1278 (14 дек.). Открытіе дѣйствій комитета состоялось 9 янв. 1815 г.

236) М. Д. Ц. К., 1815, 3; 1816, 4; 1817, „журналы засѣданій... к-та“.

мужами лавры, обитающими подъ покровомъ преподобнаго и богоноснаго Сергія“ [237]).

И сравнительно немного случаевъ, когда академическій комитетъ прямо заявлялъ, что „въ правилахъ, ему данныхъ, онъ не имѣетъ основаній къ одобренію“, и рекомендовалъ представившимъ „испросить дозволеніе въ такой цензурѣ, которая имѣетъ право“ [238]). Чаще онъ безъ колебаній принималъ къ просмотру разнаго рода сочиненія и переводы отъ извѣстнѣйшихъ лицъ тогдашняго московскаго духовенства: І. Кандорскаго, Н. Другова, А. Бѣликова, Любимова; отъ слушателя университета, книгопродавцевъ, даже провинціальныхъ священниковъ. Рѣшался онъ давать рецензіи и на такого рода произведенія, которыя въ видахъ политики отклонялъ отъ себя комитетъ петербургскій, напримѣръ, на „Катехизисъ или краткое изъясненіе православнаго христіанскаго ученія“, „Догматическое и таинственное изъясненіе на литургію; „Возвращенный Рай“ [239]).

Тѣмъ не менѣе одна практика не въ состояніи была придать объему власти комитета устойчивыхъ формъ. И уже въ 1828 году,—въ самый годъ преобразованія,—комитетъ ясно показалъ, сколько въ сущности мѣста для произвольныхъ толкованій и примѣненія своихъ полномочій всегда оставалось у него въ запасѣ. Въ этомъ именно году архангельскій епископъ Ааронъ представилъ въ гражданскую цензуру переводъ съ англійскаго подъ заглавіемъ „Очевидность христіанской вѣры“. Предсѣдатель ея С. Т. Аксаковъ передалъ рукопись въ цензурный комитетъ при духовной академіи. Послѣдній возвратилъ ее обратно на томъ основаніи, что „въ духовно-цензурный комитетъ, по § 350 уст. дух. академій, поступаютъ сочиненія или по предписанію высшаго начальства, или по просьбамъ самихъ сочинителей или переводчиковъ, но не сказано, чтобы принимались рукописи, присланныя изъ другихъ комитетовъ“. Гражданская цензура отослала рукопись въ московскую консисторію, консисторія, съ своей стороны, препроводила ее въ академическій комитетъ, но комитетъ и теперь возвратилъ „обратно въ оную“... [240]).

За все разсматриваемое время въ составѣ московскаго духовно-цензурнаго комитета перебывало до двадцати членовъ. Нѣкоторые изъ нихъ не оставили ни одной подписанной ими рецензіи. Зато, въ отличіе отъ другихъ духовно-цензурныхъ учрежденій, въ московскомъ комитетѣ сохранялась незыблемая

---

[237]) М. Д. Ц. К., 1818, 3, 6; 1819, 7; 1820, 4, 5, 6; М. Д. Ц., 1818, 23; М. Д. Ц. К., 1820, 13, 8, 11; 1826, 5; 1825, 7.

[238]) М. Д. Ц., 1823, 16 марта; 1822, 18 іюня, 8 февр.

[239]) М. Д. Ц., 1818, 6, 23; 1820, 12; 1821, 1 іюля; 1827, 3 февр.

[240]) М. Д. Ц. К., 1828, 2.

основа въ лицѣ двухъ его несмѣняемыхъ члена, протоіереевъ: Ѳ. А. Голубинскаго и П. С. Делицына [241]).

Первый цензорскій отзывъ Ѳ. Голубинскаго относится къ 1819 году, когда онъ еще не былъ даже въ числѣ дѣйствительныхъ членовъ академическаго комитета [242]). Избранъ онъ былъ на эту должность въ 1826 году, а въ 1828 вошелъ въ составъ реформированнаго комитета, такъ какъ, выражаясь словами указа коммиссіи духовныхъ училищъ, „доселѣ былъ дѣйствительнымъ членомъ и принималъ полное участіе въ дѣлахъ". Вышелъ по болѣзни изъ состава комитета въ 1851 году [243]).

Къ сочиненіямъ, которыя съ разнообразіемъ калейдоскопа проходили черезъ цензуру Голубинскаго, онъ, говоря вообще, старался относиться доброжелательно. Но, конечно, и въ его отзывахъ наблюдаются немаловажные оттѣнки и различія, въ зависимости отъ субъективныхъ настроеній цензора, рода сочиненій, стороннихъ вліяній и пр.

Голубинскій принадлежалъ къ первому курсу московской академіи, слѣдовательно, былъ питомецъ эпохи сильнаго оживленія академическаго образованія. Въ студенческомъ обществѣ „Ученыя бесѣды", членомъ котораго онъ состоялъ, воспитанники „любили, выражаясь его словами, въ часы досуга съ дружескою свободою и откровенностью говорить, что каждый думалъ о предметахъ ученія; иногда же читали другъ предъ другомъ свои сочиненія и судили о нихъ" [244]). Воспитавшись въ такой обста-

---

241) Члены московскаго комитета слѣдовали другъ за другомъ въ слѣдующемъ порядкѣ (съ 1848 г. въ составъ комитета входитъ четвертый членъ для цензуры журнала «творенія св. отцевъ» съ прибавленіями):

Никаноръ (Клементьевскій), соб. іером. и архм., 1814—1826; Гермогенъ (Карповъ—Ѳедоровскій—Сперанскій), 1814—18; Левицкій Григорій Ал., бакк., 1814 18; Кутневичъ Василій, свящ., 1818—24; Тяжеловъ Арсеній Ив., 1819—20; Платонъ (Березинъ), игум. 1820—1828; Евлампій (Пятницкій), архм., 1825—33; Голубинскій Ѳеодоръ Ал., прот., 1826—1851; Анастасій (Воскресенскій), архм., 1828 — 9; Венедиктъ (Григоровичъ), архм., 1829 — 31; Платонъ (Казанскій), иг., 1832—3; Филаретъ Гумилевскій, архм. 1833—1836; Агапитъ (Введенскій), архм., 1834—1841; Делицынъ, Петръ С., прот., 1836—63; Филоѳей (Успенскій), архм., 1842—1847; Евгеній (Сахаровъ-Платоновъ), архм., 1848—51; Сергій (Ляпидевскій), архм., 1848—57; Аничковъ-Платоновъ, свящ., 1851--1854; Леонидъ (Краснопѣвковъ), архм., 1851—1853; Наѳанаилъ (Нектаровъ), съ 1854 г.

242) М. Д. Ц. К., 1818, 23 „Бесѣды о религіи, или исторія церкви ветхаго и новаго завѣта". „Сія исторія, писалъ Голубинскій, въ сравненіи съ другими изданіями на пользу юношества на россійскомъ языкѣ,—исключая изданную для духовныхъ училищъ церковно-библейскую и церковную исторію,—заслуживаетъ особенное вниманіе по полнотѣ своей. Въ исторіи ветхозавѣтной не только событія описаны подробно и основательно, но и изображены нравы израильтянъ во времена патріарховъ и царей; особенно хорошо описано ихъ воспитаніе... Мысли, требующія исправленія, исчислены въ особо прилагаемыхъ замѣчаніяхъ».

243) К. Д. У., 1826, 4283; М. Д. Ц. К., 1828, 23; 1851, 44.

244) В. Филаретъ... митр. кіевскій и галицкій, сост. архим. Сергіемъ, т. I., стр. 184 и сл.

новкѣ и продолжая, затѣмъ, по званію профессора философіи, слѣдить за движеніемъ западно-европейской мысли, онъ могъ относиться къ ея проявленіямъ объективнѣе другихъ современниковъ.

Въ цензорской дѣятельности Голубинскаго „строгія статьи устава“ прежде всего преломлялись сквозь призму личныхъ его симпатій. И будучи самъ склоненъ ко всему теплому, задушевному, отдавая ему рѣшительное предпочтеніе даже въ философіи [245]), Голубинскій особенно искалъ „одушевленія“ и въ подлежавшихъ его разбору сочиненіяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, давая отзывъ относительно извѣстнаго сочиненія, онъ обыкновенно стремился самъ стать на точку зрѣнія предполагаемаго круга читателей. Въ чемъ все это выражалось, и насколько правильною и цѣлесообразною являлась оцѣнка сквозь такую окрашенную среду, объ этомъ говорятъ факты.

Наиболѣе благосклоннымъ и предупредительнымъ являлся Голубинскій безспорно, при цензурѣ дѣтскихъ книгъ. Свое искреннее желаніе утвердить за такого рода книгой воспитывающее значеніе обнаружилъ онъ уже въ первомъ, изложенномъ выше, отзывѣ [246]). И никогда впослѣдствіи не ослабѣвалъ онъ въ своемъ покровительствѣ хотя бы только сноснымъ, не нелѣпымъ, книжкамъ, появлявшимся въ этой, насквозь пропитанной духомъ макулатуры, области. При одобреніи ихъ, самая мотивировка отзывовъ, отмѣчавшая „ясность, вразумительность, благонамѣренность, стремленіе къ утвержденію благочестивыхъ чувствованій, непринужденность, занимательность“ [247])... была, можно сказать, проникнута дѣтской радостью и сочувствіемъ. Равнымъ образомъ и педантизмъ цензора въ очисткѣ дѣтскихъ книжекъ и изображеній отъ всего, „не представляющаго поучительнаго урока“, являлся, по крайней мѣрѣ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо умѣстнымъ, поскольку опекаемыми являлись подлинно дѣти [248]).

---

[245]) Сравн. Прот. Ѳ. А. Голубинскій (его жизнь и дѣятельность)», С. Глаголева. Сергіевъ-Посадъ, 1898 г., стр. 19, 20.

[246]) М. Д. Ц. К., 1818, 23.

[247]) М. Д. Ц. К. 1838, 19; 1836, 47.

[248]) Вотъ образцы замѣчаній Голубинскаго: «Нужно исключить басни: «Собака и ея подруга»,.. «Богачъ и бѣднякъ», выражающія горькую досаду на глупости людскія, которую вливать въ сердца дѣтей нѣтъ пользы... Особенно нельзя одобрить помѣщеніе въ азбукѣ басни «Счастливый мужъ», содержащей грубый разсказъ о томъ, какъ молодой мужъ упрашивалъ бѣса:

Два года вѣдь тебѣ служить я обрекался,
Когда красавицы тобою домогался;
Но нѣтъ, избавь меня ты отъ нея, избавь,
А къ кабалѣ моей хоть годъ еще прибавь...
Хоть тяжко, говорятъ, у чорта быть слугой,
Однако, легче все, чѣмъ съ злою жить женой.

Еще: «въ изображеніи (М. Магдалины) нѣтъ ничего предосудительнаго,

Съ такимъ же вниманіемъ—до наивности—относился Голубинскій и къ немалочисленнымъ тогда опытамъ виршеслагательства. Нѣкоторые „критики“ того времени, вторя вдохновенію этихъ произведеній, писали: „Благодареніе Богу, зима безвѣрія уже проходитъ, весенній дождь святой благодати начинаетъ окрапливать, оказываются цвѣты благодати и время пѣнія приближается“ [249]). Въ частности, и въ духовно-цензурные комитеты стали поступать „поэмы“, „переложенія“, пѣсни на разные случаи. А такъ какъ немалое число избранниковъ музъ оказалось въ Москвѣ, среди мѣщанъ, то и главная масса такихъ произведеній направилась въ цензуру Сергіева посада.

Исполняя предписаніе устава, цензура слѣдила за „основательностью ихъ мыслей, чистотою христіанскихъ чувствій, добротою слога, ясностью и правильностью изложенія“. Разумѣется свободные полеты фантазіи малограмотныхъ стихотворцевъ лишь изрѣдка могли удовлетворять этимъ требованіямъ устава. Поэтому и замѣчанія цензуры, даже если и не являлись совершенно отрицательными, все же оставляли обыкновенно ряды рифмъ въ разстроенномъ состояніи [250]).

Зато, кажется, никакой цензоръ не въ состояніи былъ оказать духовнымъ виршамъ николаевской эпохи столь снисходительнаго пріема, какъ Голубинскій. Онѣ подкупающимъ образомъ дѣйствовали на цензора-философа съ поэтическою настроенностью. И если, несмотря на всю симпатію къ нимъ, ему приходилось давать отрицательные отзывы, онъ старался какъ бы оправдать послѣдніе картинной мотивировкой. Напримѣръ, чтобы охарактеризовать невозможныя качества одного изъ переводовъ поэмы „Возвращенный Рай“, Голубинскій выписываетъ нѣсколько отрывковъ, въ родѣ слѣдующаго: „Старецъ, явившійся на дивіихъ травахъ, хочетъ учинить нѣкоторыя пріуготовленія противъ жестокости зимы, собирая сухое рождіе, дабы воспользоваться онымъ при наступленіи жестокости хлада“ [251]). Или признавая тотъ или иной стихъ недопустимымъ съ цензурной точки зрѣнія, Голубинскій въ каждомъ случаѣ представлялъ и объясненіе своихъ дѣйствій. Въ „духовно-лирическомъ“ стихотвореніи „Міръ“ онъ отмѣчаетъ несогласныя съ истиною строфы:

„На лонѣ вѣчности глубокій сонъ лежалъ,
Бездонный хаосъ мракъ безбрежный наполнялъ“.

„Прежде созданія міра отъ вѣчности существовалъ одинъ

но страшные и гнусные образы 7 чудовищъ написаны слишкомъ отвратительно, такъ что дѣти и вообще имѣющіе живое воображеніе люди едва ли могутъ равнодушно смотрѣть на сію картину—уродливый плодъ воображенія...» Тамъ же, 1840, 44; 1838, 58; 1834, 64; 1836, 22.

[249]) СПБ. Д. Ц. К., 1844, «о разсм. соч. «Орудія Христовыхъ страданій».

[250]) М. Д. Ц. К., 1829, 44; 1841, 58; 1843, 93; 1850, 21, 25; 1852, 42, 25.

[251]) Тамъ-же, 1827, 3 февраля.

Богъ, который... не спитъ и не дремлетъ... Кромѣ него не было ничего, слѣдовательно не было ни сна, ни мрака.

„И ты уснешь навѣкъ подъ гробовой доской".

„Навѣкъ" несогласно съ ученіемъ о безсмертіи души.

„Природа въ прежнюю несущность обратится,
Одна душа твоя надъ первобытной тьмой
Безмолвно къ Моему престолу воспаритъ".

„Не ничтожный хаосъ заступитъ мѣсто теперешняго міра, а небо новое и земля нова. Выраженіе „одна душа твоя"... не правильно, какъ по тому, что не одна душа сочинителя сихъ стиховъ поставлена будетъ на страшномъ судѣ, такъ и потому, что не однѣ только души, но вмѣстѣ и воскресшія тѣла предстанутъ предъ Судію въ послѣдній день...

„По соображенію сихъ неправильностей въ изображеніи кончины міра, заключалъ цензоръ, потребовать, чтобы сочинитель словъ своихъ не приписывалъ Вседержителю и чтобы исправилъ всѣ черты согласно съ св. писаніемъ" [252]).

Соглашаясь одобрить пасхальныя стихотворенія, какъ „одушевленныя и приличныя", Голубинскій иронизируетъ насчетъ отдѣльныхъ стиховъ:

„И чаша смерти роковая Безсмертному поднесена".	„Роковая" здѣсь неумѣстна.
„Десять жертвъ зазорной гнили"...	Такъ можно выразиться о зараженныхъ венерической болѣзнью, а не о прокаженныхъ.
„Зіяетъ (Іорданъ) хлябью роковой".	Преувеличенно: Іорданъ не море: ширина его около 17 саж., глубина отъ 1½ до 2 арш. [253]).

Но вообще Ѳ. Голубинскій съ возможнымъ участіемъ относился даже къ тѣмъ вдохновеннымъ произведеніямъ, гдѣ

„Громъ и грохоты орудій
Эфиръ глушили въ эмпирей [254]).

И указывая недостатки, онъ, по возможности, старался самъ же устранять ихъ. Напримѣръ, въ „пѣснопѣніи св. Митрофану" онъ такъ критикуетъ и потомъ реставрируетъ цѣлыя строфы:

„Херувимъ ты былъ душой,
Нынѣ въ сонмѣ херувимовъ
Славишь Вышняго Творца
И въ сіяньи серафимовъ
Зришь небеснаго Отца".

„Херувимы, замѣчаетъ Голубинскій, принадлежатъ къ высшей

[252]) Тамъ-же, 1839, 44.
[253]) Тамъ-же,
[254]) Описаніе сраженій 12-го года въ стихотвореніи, посвященномъ этимъ событіямъ; тамъ-же, 1841, 92.

іерархіи силъ небесныхъ, и нельзя рѣшительно судить, кто изъ святыхъ причисленъ къ сей іерархіи. Вмѣсто сихъ стиховъ можно написать слѣдующее:

„Здѣсь ты Ангелъ былъ душой,
Въ небѣ, къ ангеламъ причтенный,
Съ ними служишь ты Творцу,
И, во свѣтѣ его введенный,
Зришь его лицемъ къ лицу“...

Не менѣе любопытна и замѣна стиховъ:

„А дщерь ея (императрицы) въ красѣ смиренья,
Предъ ракой чудною твоей
Простерла рукъ своихъ творенье,
Коверъ узорный, дорогой“—слѣдующими:
„А дщерь...
Простерла при стопахъ твоихъ
Коверъ узорный, драгоцѣнный,
Усердну дань трудовъ своихъ“.

Ибо, пояснялъ Голубинскій: 1) „твоей“ и „дорогой“—не рифма; 2) коверъ нельзя назвать твореніемъ рукъ вел. кн. Маріи Николаевны: вышить не значитъ сотворить“.

Впрочемъ, помѣщенное въ концѣ стиховъ обращеніе къ кн. Александру Невскому, по поводу болѣзни арх. Антонія воронежскаго, смутило Голубинскаго. Оно читалось такъ:

„Поборникъ вѣры и ревнитель,
О Невскій Александръ святой,
Будь силъ владыки обновитель,
Звѣзду и крестъ недавно твой
Нашъ мудрый царь и Богоносный
За подвиги ему прислалъ.
Въ крестѣ—источникъ живоносный
Въ звѣздѣ—исцѣленья фіалъ“.

Лучше умолчать, совѣтуетъ Голубинскій, потому что читатели могутъ сдѣлать невыгодное заключеніе о пр. Антоніи, когда подумаютъ, что монаршая награда для него есть „источникъ... и фіалъ“. Имъ трудно слова: „въ крестѣ—источникъ живоносный“ понять такъ, что здѣсь разумѣется крестъ Христовъ вообще, ибо такой крестъ имѣлъ архипастырь и прежде полученія милости монаршей. Затѣмъ, звѣзды небесныя, по указанію св. писанія служатъ символомъ: а) мудрости, б) сана ангеловъ и с) просвѣтленія и славы праведныхъ, но не видно, чтобы означали силу исцѣленья. Тѣмъ менѣе можно это сказать о серебряной звѣздѣ“ [255]).

Отмѣчая, въ другомъ случаѣ, нѣсколько неудобную по размѣру и содержанію строфу:

„Скажи мнѣ: моръ, пустивъ свой ядъ,
Опустошилъ дворы всѣ скотны,—
Душѣ моей не страшенъ гладъ,
Христосъ ей хлѣбъ животный“,

---

255) Тамъ же, 1841, 25.

цензоръ тутъ же предлагаетъ свой варіантъ:

Скажи мнѣ: моръ стада опустошаетъ
Тлетворный зной на нивахъ хлѣбъ сжигаетъ.
Не страшенъ гладъ душѣ моей,—
Христосъ есть хлѣбъ животный ей"[256]).

Даже въ весьма тонкихъ „политическихъ" случаяхъ, гдѣ иной цензоръ, страшась послѣдствій, предпочелъ бы дать общій неблагопріятный отзывъ, Голубинскій хотѣлъ быть вѣренъ себѣ. Онъ зачеркивалъ отрывки вродѣ слѣдующаго:

„Ахъ, не она ль сама (царская багряница) знакома
Съ оброкомъ горести земной,
И скиптръ сколь часто какъ солома
Судьбы крушится подъ рукой".

Но въ слѣдующихъ куплетахъ онъ стремился лишь разрѣшить неудобные аккорды.

„Благословенный Ангелъ мира
Взятъ смертію въ надзвѣздный рай,
Другого ждетъ Царя Порфира
Облекся ею Николай.
Но путь къ престолу заслонился
Крамольной изверговъ толпой".

Голубинскій отмѣтилъ здѣсь двѣ вольности. „Во первыхъ, Николай Павловичъ не облекся въ порфиру тотчасъ по восшествіи на престолъ, и, во вторыхъ, нельзя сказать: путь къ престолу заслонился, ибо предъ возмущеніемъ злоумышленниковъ государь уже взошелъ на престолъ". Однако, чтобы выручить автора, цензоръ предлагаетъ ему варіантъ:

Нашъ Александръ Благословенный
Взятъ смертію въ надзвѣздный рай,
И лишь вступилъ на тронъ священный
Отрада Руссовъ Николай,
Вдругъ адъ къ престолу устремился
Съ крамольной изверговъ толпой"...[257]).

Своеобразныя личныя симпатіи и антипатіи Голубинскаго заявляли о себѣ, когда къ нему попадала и болѣе „твердая пища", чѣмъ дѣтскія книги и произведенія, изложенныя стихами. И здѣсь онъ неравнодушенъ былъ ко всему тому, въ чемъ черты, соотвѣтствовавшіе его находилъ настроенію. По этой причинѣ самыя лестныя его рецензіи относятся, безспорно, къ переводамъ твореній Ѳомы кемпійскаго, Іоанна Арндта, Фенелона, Круммахера, пр. Тихона воронежскаго. Такія произведенія „одушевленныя чувствованіями благоговѣнія, проникнутыя глубокой опытностью, глубокимъ знаніемъ сердца человѣческаго" и пр., получали съ его стороны безусловное одобреніе. Встрѣчавшіеся

[256]) Тамъ же, 1838, 42.
[257]) Тамъ же, 1836, 24.

недочеты перевода онъ самъ исправлялъ, руководясь подлинникомъ [258]).

Предупредительно относился онъ и къ болѣе заурядным произведеніямъ, отличавшимся аналогичными чертами. Объ одномъ выпускѣ „избранныхъ листковъ изъ Англійскаго зрителя" онъ даетъ слѣдующій отзывъ: „Размышленія о надзорѣ за своими мыслями, о добродушіи, любви супружеской, о пристрастіи родителей къ дѣтямъ,—заключаютъ вѣрныя и тонкія изображенія чувствованій и нравовъ человѣческихъ и благоразумныя правила жизни... и могутъ быть одобрены. Размышленія же о ревности, хотя и не заключаютъ мыслей неправильныхъ, но содержатъ слишкомъ живыя описанія любви, мучимой ревностью, и потому, какъ не подлежащія разсмотрѣнію духовной цензуры, кажется, должны быть возвращены безъ одобренія" [259]). Такое же отношеніе къ себѣ встрѣчали у Голубинскаго религіозно-нравственныя письма Сперанскаго, рѣчи довольно близкаго къ мистикамъ архим. Платона [260]). Напротивъ, онъ не скрывалъ своего нерасположенія къ трудамъ, гдѣ видѣлъ „выраженія надутыя, вялое, холодное и отвлеченное изложеніе, слогъ небрежный, безъ одушевленія и украшеній, словоразмѣщеніе трудное и спотыкающееся" [261]). Однимъ словомъ, тонъ сочиненія служилъ, въ сомнительномъ случаѣ, надежнымъ средствомъ пріобрѣтенія цензорскаго расположенія. Послѣднее же было въ состояніи сильно парализовать значеніе тѣхъ „привязокъ" къ словамъ, выраженіямъ и мыслямъ, которыя имѣлъ обыкновеніе дѣлать и Голубинскій, недаромъ всю жизнь пробывшій въ школѣ м. Филарета.

Подобно Филарету, прот. Голубинскій, пропуская въ свѣтъ извѣстную мысль, старался заранѣе угадать впечатлѣніе, которое она можетъ произвести, и предупредить сомнѣнія и соблазны. Тогда онъ нерѣдко бывалъ наивенъ и педантиченъ. Какъ уживалась въ немъ довольно широкая точка зрѣнія при общей оцѣнкѣ сочиненій—со скрупулезнымъ отыскиваніемъ всего, „удобнаго къ перетолкованіямъ", наглядно показываетъ его отзывъ о проповѣдническихъ трудахъ Иннокентія Борисова, представленныхъ въ цензуру для новаго изданія. Что Голубинскій весьма цѣнилъ талантъ витіи, видно изъ его общаго заключенія: „Изъясненія св писанія, пишетъ онъ, правильны и нерѣдко глубоки. Въ устахъ проповѣдника, повторяющаго то, что всѣмъ извѣстно, и правильныя мысли теряютъ свою силу и занимательность, по причинѣ слишкомъ обыкновеннаго изложенія ихъ; напротивъ, здѣсь новость соображеній, своеобразность въ изложеніи, смѣ-

---

[258]) Тамъ же, 1833, 49, 75; 1828, 28; 1839, 107, 42; 1830, 13.
[259]) Тамъ же, 1833, 24.
[260]) Тамъ же, 1845, 11.
[261]) Тамъ же, 1839, 73; 1850, 17; 1828, 14.

лые и неожиданные обороты постоянно возбуждають и поддерживають вниманіе читателей и способствують крѣпкому напечатлѣнію истинъ".

Тѣмъ не менѣе, параллельно съ такою лестною аттестаціею, идетъ своего рода діалогъ автора и цензора:

„Если другіе восходили на престолъ милостію Божіею, то онъ (Николай I) возведенъ милостію и правдою".—И предшествовавшіе благочестивѣйшему государю Николаю Павловичу возводимы были на престолъ правдою Божіею, — потому опустить.

Стр. 72. „Откуда наиболѣе вышло понятіе о свободѣ во всѣхъ ея видахъ? Изъ христіанства".—Опустить, потому что къ видамъ свободы можетъ быть отнесена и революціонная вольность.

75 стр. „За свободою христіанскою не можетъ рано или поздно не слѣдовать въ обществѣ и свобода гражданская".—Не опредѣлено здѣсь, во-первыхъ, понятіе истинной свободы гражданской; во вторыхъ, изъ предшествовавшихъ разсужденій видно только то, что за свободою христіанскою не можетъ рано или поздно не слѣдовать въ царствѣ христіанскомъ огражденіе и свободы гражданской отъ неправильныхъ притѣсненій: довольно было бы такъ здѣсь и выразиться...

„Отношенія гражданъ изравниваются... вмѣстѣ съ развитіемъ начала усовершимости".—Чтобы не подумали, что здѣсь говорится о равенствѣ состояній въ обществѣ, безопаснѣе будетъ это мѣсто опустить [262]).

При очисткѣ сочиненій отъ погрѣшностей съ богословской точки зрѣнія Голубинскимъ употреблялись пріемы, такъ живо напоминающіе методъ м. Филарета. Въ „Первой седмицѣ" Иннокентія, онъ, напр., призналъ необходимыми такого рода поправки:

Стр. 10. „Почти всѣ смотримъ на святѣйшее таинство, какъ на обрядъ благочестивый, полезный въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ"... Исключить. И лютеране называютъ св. причащеніе таинствомъ, а не просто обрядомъ: неужели слушатели сей проповѣди могутъ думать объ ономъ хуже лютеранъ.

Стр. 176. „Предъ очами Господа, по выраженію пророка, не чисто само солнце..."—Нужно исправить: „Предъ очами Господа, по выраженію св. Писанія, небо же не чисто предъ нимъ" (Іов. 15, 15). И т. д.

Правда, въ настоящемъ случаѣ къ оффиціальному отзыву Голубинскій присоединилъ своего рода объяснительную записку—частное письмо къ Погодину, издателю сочиненій Иннокентія. Здѣсь онъ писалъ: „Препровождаю означеніе погрѣшностей... Ихъ исправлять, конечно, я не обязанъ, но искреннее уваженіе къ богато одаренному сочинителю побуждаетъ къ тому желанію,

[262]) М. Д. Ц. К., 1841, 51.

чтобы и малыхъ пятенъ не было на его безсмертныхъ произведеніяхъ. Довольно скучно брать на себя должность корректора, но что же дѣлать?“.

„Если бы намъ, продолжалъ далѣе Голубинскій, довелось цензировать третій томъ, то, признаюсь, что ни я, ни другой членъ нашей цензуры не рѣшились бы взять на себя отвѣтственности одобренія слова на день сошествія Св. Духа, гдѣ говорится, что нынѣ нѣтъ болѣе чудесъ, фіалъ искушеній и скорбей весь испитъ прежними подвижниками, церковь достигла большей силы и стала выше, чѣмъ во времена апостоловъ и мучениковъ, и проч., не рѣшились бы и по внутреннему убѣжденію въ истинѣ противнаго и по вниманію къ сужденіямъ синода“ [263]).

Это „внутреннее убѣжденіе и вниманіе къ сужденіямъ синода“ даже у Голубинскаго нерѣдко выражалось въ формахъ, близко граничащихъ съ недальновидностью и робостью мысли. Такъ, не находя статью „Объ университетахъ среднихъ временъ“ [264]) достойною одобренія, Голубинскій мотивируетъ это перечисленіемъ „невѣрныхъ мыслей“, къ которымъ онъ отнесъ и утвержденіе автора, будто „схоластика или приложеніе діалектики къ богословію, по своему началу, восходятъ къ IV и V вв., и, какъ выражается авторъ, теряется въ соприкосновеніи двухъ началъ—платонизма и христіанства“. Также увѣренно исключаетъ цензоръ и фразу, гдѣ „Алкуинъ названъ точкою отправленія и душею умственнаго перерожденія“.

Разсматривая „Письма о должностяхъ священнаго сана“ Стурдзы, Голубинскій нашелъ защиту монашества отъ нападокъ недостаточною, слишкомъ уступчивою. „Бывали,—соглашался, напр., съ противниками авторъ,—вездѣ, преимущественно на западѣ люди, ревнующіе не по разуму, коварные властолюбцы; увлекаемые нетерпимостью:... они дерзали прибѣгать для укрощенія зла къ земному огню, пыткамъ и казнямъ“... Такія рѣчи Голубинскій прерывалъ нервными замѣчаніями: „Это можно говорить объ инквизиціи у католиковъ, а не о монахахъ россійскихъ“. „Слишкомъ много уступчивости! Какія суевѣрія гнѣздились въ православныхъ монастыряхъ россійскихъ?“ „Излишняя уступчивость: когда это было, чтобы россійскіе монахи возмущали народъ?“ [265]).

Такой же участи подверглись и изложенныя въ біографіи украинскаго философа Сковороды, къ которому Голубинскій чувствовалъ даже особенную симпатію, нѣкоторыя его мысли, какъ-то: „многіе монахи были бы цѣловальниками, если бы употребили себя по своимъ способностямъ“. Исключенъ былъ и

---

263) Барсуковъ. Жизнь... Погодина, кн. VII, стр. 162.
264) М. Д. Ц. К., 1837, 50.
265) М. Д. Ц. К., 1841, 7.

извѣстный отвѣтъ украинскаго философа на призывы его къ монашеству,—къ тому, чтобы быть „столпомъ церкви“. „Одного царскій вѣнецъ преукрашаетъ, а другого низвергаетъ въ тьму кромѣшнюю... Одного богословіе дѣлаетъ свѣтильникомъ міра, а другого обманщикомъ... Одного монашество освятило, а другого очернило и погубило на вѣки“...—„Не царскій вѣнецъ..., не монашество... погубляютъ людей, резонерствовалъ цензоръ-философъ, а превратное дѣйствіе свободной ихъ воли. Званіе не виновато въ томъ, что мы худы“ [266]).

Несмотря, однако, на всю свою ревность при исполненіи цензорскихъ обязанностей, на внимательное отношеніе къ самымъ разнообразнымъ сочиненіямъ, Голубинскій не избѣжалъ и самыхъ разнообразныхъ обвиненій. Время отъ времени ему посылались высшей властью „предупрежденія“ и приходится лишь сожалѣть, что онъ не понялъ ихъ, какъ знаменія, отвлекавшія его отъ неблагодарной дѣятельности.

Такъ въ 1835 году возникло обвиненіе Голубинскаго въ пропускѣ книги для дѣтей „Іисусъ“. Изданная еще въ 1799 году, она теперь, въ 1830 г., двукратно была разсмотрѣна Голубинскимъ и одобрена. Съ текстомъ второй корректуры согласилась и конференція академіи. Однако, м. Филаретомъ было возбуждено дѣло въ пропускѣ книги съ протестантскими тенденціями [267]). Слѣдователь—членъ конференціи—отыскалъ достаточное количество уликъ. Напримѣръ, цензоромъ не были исправлены выраженія: „Народъ іудейскій представлялъ себѣ Бога царемъ честолюбивымъ“; „Іисусъ цѣловалъ дѣтей“; „между язычниками были люди ученые и истинно добрые, но они своего ученія не въ силахъ были сдѣлать понятнымъ и явственнымъ для неученыхъ“. „О разслабленномъ, распространялся членъ конференціи, сказано, что онъ жилъ въ сей больницѣ можетъ быть и потому, что жилъ на лучшемъ содержаніи, нежели бы могъ жить въ другомъ мѣстѣ. Предположеніе сіе сдѣлано безъ всякой нужды, хотя оно и можетъ быть терпимо, если принимать его за дополненіе къ причинѣ, вышеизложенной сочинителемъ, какъ бы было сказано такъ: разслабленный жилъ въ сей больницѣ не только потому, что его болѣзнь болѣе и болѣе умножалась, но можетъ быть и потому еще, что онъ жилъ на лучшемъ содержаніи, нежели бы могъ жить въ другомъ мѣстѣ“ и т. д.

Конференція признала Голубинскаго виновнымъ, но заслуживающимъ снисхожденія. „На сей разъ, полагала она, по уваженію къ чистосердечному его признанію въ неумышленномъ

266) М. Д. Ц. К., 1843, 39.

267) «Въ первомъ изданіи, писалъ онъ, книга представляетъ признаки того, что писана человѣкомъ, неправомыслящимъ въ догматахъ и не свѣдущимъ въ священной исторіи, почему благонамѣренный цензоръ тщетно старался поправками сдѣлать хорошею книгу, худую въ основаніи». А. С. С., 1835, 1839.

недосмотрѣніи и неисправленіи недостатковъ книги, сдѣлать ему только подтвержденіе, чтобы впредь былъ осмотрительнѣе въ разсматриваніи и исправленіи книгъ". Постановленіе конференціи, въ критической своей части вызвавшее новыя замѣчанія м. Филарета, было утверждено синодомъ. Такимъ образомъ, несмотря на сотни поправокъ, внесенныхъ Голубинскимъ въ новое изданіе, ему предписано было „быть осмотрительнѣе" [268]).

Въ 1840 году изъ духовно-учебнаго управленія комитетомъ былъ полученъ запросъ: по какому обстоятельству онъ въ теченіе двухъ лѣтъ и десяти мѣсяцевъ удерживаетъ у себя рукопись „О вѣчномъ покоѣ святыхъ?". Запросъ былъ вызванъ жалобой переводчика—епископа Аарона на имя гр. Пратасова.

Обстоятельства дѣла хорошо изложены въ слѣдующемъ объясненіи Голубинскаго. „Третьяго марта 1838 года, пишетъ онъ, получилъ я изъ комитета одобренную въ ономъ рукопись для доставленія преосвященному Аарону; но не могъ возвратить по той причинѣ, что, хотя при первоначальномъ разсмотрѣніи оной исключены были мною находившіяся въ ней немногія мнѣнія, несогласныя съ ученіемъ православной церкви и съ истиною, также исправлены... погрѣшительныя выраженія..., но такъ какъ пр. Ааронъ просилъ меня въ письмѣ исправить всѣ недостатки его перевода, то, по уваженію къ желанію его преосвященства и къ достоинству самой книги..., я почелъ долгомъ вновь пересмотрѣть сей переводъ, сличить оный отъ слова до слова съ подлинникомъ и исправить, по крайнему моему разумѣнію, всѣ, даже и не столь значительныя, погрѣшности... Всѣхъ погрѣшностей, какъ при первомъ, такъ и второмъ разсмотрѣніи, встрѣтилось очень много: именно оказалось болѣе двухъ тысячъ двухсотъ строкъ, на которыя нужно было сдѣлать—и сдѣланы мною—поправки. По причинѣ такого множества поправокъ, тѣмъ болѣе затруднявшихъ меня, что, при моемъ скудномъ знаніи англійскаго языка, долженъ я былъ безпрестанно справляться съ лексикономъ, а равно и по причинѣ отвлекавшихъ меня другихъ нужныхъ занятій по классу и цензурѣ, я не могъ окончить полнаго исправленія рукописи... прежде января сего 1840 года... Въ заключеніе, долгомъ поставляю изъявить мое искреннее раскаяніе въ томъ, что я принялъ на себя дѣло, котораго не могъ благовременно окончить, и что, желавши послужить пр. Аарону, вмѣсто того моимъ замедленіемъ сдѣлался предъ нимъ виновенъ, въ чемъ и просилъ у него прощенія" [269]).

Въ претензіи былъ на Голубинскаго и епископъ Филаретъ Гумилевскій. „Скажи мнѣ для Господа, писалъ онъ Горскому въ 1845 г., въ простотѣ сердца: отъ чего это такъ со мною, грѣш-

---

[268]) Тамъ-же; М. Д. Ц. К., 1835, 53.
[269]) М. Д. Ц. К., 1840, 10.

нымъ, что мои письменные труды не обращаются въ прокъ? Вотъ и Исторія Русская: годъ прошелъ, а объ ней, или, точнѣе, малой частичкѣ ея, нѣтъ радующаго слуха... Или въ самомъ дѣлѣ я безплодная смоковница... Другъ мой..., попроси Ѳеодора Ал. Голубинскаго и другихъ... Годъ прошелъ,—и какіе-нибудь два листа не просмотрѣны". Или еще: „Тетради мои, видно, покоятся попрежнему за кучею азбукъ. Доложите Ѳ. А. Голубинскому, что при всемъ уваженіи моемъ къ комитету, я скоро вынужденъ буду жаловаться или владыкѣ-митрополиту, или святѣйшему синоду" [270]).

Въ концѣ своей дѣятельности по цензурѣ Голубинскій испыталъ непріятность и за свое пристрастіе къ поэтическимъ произведеніямъ. Онъ одобрилъ, согласно желанію іерусалимскаго патріарха, Σιωνίτις ὑμνῳδός, содержавшій, между прочимъ, акаѳистъ и канонъ гробу Господню. На основаніи его лестнаго отзыва, что „Сіонскій пѣснопѣвецъ", будучи составленъ по образцу древнихъ акаѳистовъ и каноновъ, не заключаетъ ни одного выраженія, несогласнаго съ ученіемъ православной церкви, повсюду одушевленъ благочестивыми чувствованіями"... и т. д., синодъ дозволилъ печатаніе въ синодальной типографіи [271]). Но потомъ возникло дѣло, сущность котораго очень ярко выражена въ одномъ изъ писемъ митр. Филарета. „Увѣдомьте отцовъ цензоровъ, писалъ онъ ректору академіи Алексію, что іерусалимскій игуменъ, непринадлежащій моему вѣдомству, а вѣдомству іерусалимскаго патріарха, удостоиваетъ меня болѣе вниманія, нежели они. Одобренную ими (и, кажется, св. синодомъ [272]) рукопись Сіонскій пѣснопѣвецъ онъ не рѣшился печатать, не показавъ мнѣ. Есть ли они въ дѣлѣ собственно-церковномъ и архіерейскомъ, каково напечатаніе новой церковной службы, хотѣли пройти мимо меня, чтобы я не мѣшалъ дѣлу: то они ошиблись. Я остановилъ дѣло и сдѣлалъ представленіе св. синоду. И чтобы они знали, что я поступаю съ ними откровеннѣе, нежели они со мною: прочитайте имъ прилагаемые листы".

„Скажите, продолжалъ митрополитъ, о. протоіерею Голубинскому, что Господь болѣе взыщетъ съ него отвѣта за то, прилежно ли онъ преподавалъ любомудріе и охранялъ учениковъ отъ лжемудрія, и, ставъ на защиту истины (въ обѣщанныхъ письмахъ о конечныхъ причинахъ), стоялъ ли твердо, нежели за то, угождалъ ли онъ людямъ въ изданіи сочиненій, не обѣщающихъ пользы. Сіе послѣднее говорю о многихъ книгахъ, на

[270]) Приб. къ твор. св. отц., 1885, кн. III, стр. 101—2, 104 (1845 г.).
[271]) М. Д. Ц. К., 1848, 16.
[272]) Есть ли св. синодъ одобрилъ, то, безъ сомнѣнія, на вѣру цензурнаго комитета, не зная содержанія рукописи. (Примѣчаніе самого автора. Письма къ ю, стр. 15).

которыя онъ тратитъ время: о Сіонскомъ же пѣснопѣвцѣ я молчалъ бы, есть ли бы почиталъ его только не обѣщающимъ пользы; не могъ же молчать, потому что вижу угрожающій вредъ"[273]).

Сдѣланное мимоходомъ и нѣсколько односторонне (вѣдь именно постоянная опека митрополита, безъ сомнѣнія, болѣе всего заставляла Голубинскаго тратить трудъ и время на безполезныя занятія)—сопоставленіе Филаретомъ „писемъ о конечныхъ причинахъ" и „траты времени на многія книги" является, однако, весьма цѣннымъ. Руководясь имъ, можно поставить вопросъ: имѣлъ ли Голубинскій нравственное право заниматься цензурной дѣятельностью?

На него слѣдуетъ дать отрицательный отвѣтъ. Въ ту эпоху особеннаго интереса къ философіи и увлеченій смѣнявшими одна другую системами,—для любителя мудрости существовала другая болѣе естественная и благодарная роль. Правда, онъ самъ заявлялъ, что „съ исполиномъ Берлинскимъ (Гегелемъ) бороться едва ли будетъ мнѣ подъ силу". Однако, онъ не скрывалъ и того, что ему „яснѣе другихъ видны несообразности его ученія съ ученіемъ чисто-христіанскимъ".

Между тѣмъ, даже въ отвѣтъ на приглашеніе Москвитянина къ сотрудничеству, Голубинскій писалъ: „Къ сожалѣнію, не могу въ продолженіе трехъ ближайшихъ мѣсяцевъ представить вамъ ничего, стоющаго вниманія. Надобно, хотя не въ полной мѣрѣ очистить нѣкоторые долги, не терпящіе отсрочки: кромѣ постоянныхъ хлопотъ по классу, лежатъ на рукахъ девять книгъ и рукописей, не совсѣмъ исправно переведенныхъ, которыя нужно исправлять, частью по требованію начальства, частью по данному слову. Нѣсколько высвободившись отъ этого груза, я постарался бы представить вашему вниманію что-нибудь относящееся къ исторіи философіи"[274]).

Но изъ подъ этого „груза" Голубинскій не высвободился никогда. И вотъ, въ то время, когда интересующаяся вопросами философіи часть общества ждала отъ философа-учителя разсужденія „о конечныхъ причинахъ", философъ-цензоръ занимался... исправленіемъ градусовъ долготы и широты, провѣркой итоговъ „зрячихъ пасхалій". „По автору, возражалъ, напр., Голубинскій, солнце прежде восходитъ въ Воронежѣ, нежели въ Бобровѣ. Это неправда, ибо Воронежъ находится подъ 56,54 град. западной долготы, а Бобровъ—подъ 57,43"[275]). Или: „щотъ невѣренъ, замѣчалъ Голубинскій, ибо 243 р. 75 к. (стоимость креста),+140,60 и 301,03 (двухъ ризъ)+520 (епитрахили)+149,

---

273) Тамъ же, стр. 16, (3 ноября 1847 г.). Слѣдующее письмо (стр. 17) написано уже въ гораздо болѣе мягкомъ тонѣ.

274) Барсуковъ. Жизнь и труды Погодина, кн. V, стр. 498.

275) М. Д. Ц. 1833, 24; 1834, 34.

50 (двухъ воздуховъ)=1354 руб. 88 коп.; у автора же итогъ= 1.624 руб. 88 коп." [276]). Подобнаго рода вычисленія иногда занимали до двадцати убористыхъ страницъ [277]).

Въ результатѣ, принявъ во вниманіе то множество книгъ, стиховъ и изображеній, на которыя „потрачено время", живо чувствуешь всю справедливость словъ Шевырева, который, подъ впечатлѣніемъ философской эрудиціи Голубинскаго, писалъ о немъ: „Много расточено великихъ и прекрасныхъ силъ по нашему отечеству, которыя не сознаны; много свѣтильниковъ, таящихся подъ спудомъ, а не горящихъ на свѣщникѣ. Русское смиреніе укрываетъ таланты Божіи, и люди призванные быть благовѣстниками истины готовы тратить силы свои и время на такое служеніе, которое за нихъ всякій другой могъ бы исправить" [278]).

Вторымъ, послѣ Голубинскаго, безсмѣннымъ членомъ московскаго духовно-цензурнаго комитета являлся прот. П. С. Делицынъ [279]). Онъ былъ математикъ, не по каѳедрѣ лишь, имъ занимаемой, но и по своимъ природнымъ симпатіямъ. Въ преподаваніи своего предмета Делицынъ, какъ замѣчаетъ біографъ, „отличался отчетливостью изложенія, строгимъ порядкомъ, логическою послѣтовательностью и связью... Изученіе математики имѣло обширное вліяніе на развитіе въ немъ строго-логическаго ума" [280]). Въ значительной степени этотъ математическій складъ мышленія отразился и на цензурной дѣятельности Делицына.

Прежде всего, свои—иногда обширные—отзывы Делицынъ расчленялъ на строго очерченные отдѣлы. Въ особую группу выдѣлялись формальные недостатки сочиненія, въ особую—недочеты содержанія. Въ первой группѣ, затѣмъ, почти всегда находятся подзаголовки: a) выраженія надутыя; b) неправильныя; c) не заключающія опредѣленной мысли; d) не связныя. Анализъ мыслей, въ свою очередь, производится по такимъ, напр., рубрикамъ: мысли слабыя, произвольныя, необстоятельныя, несообразныя, невѣрныя [281]).

Въ отношеніи языка сочиненій главное требованіе Делицына составляла точность и чистота. Правда, самъ онъ былъ извѣстенъ, какъ спеціалистъ въ области церковно-богословскаго языка и какъ лучшій переводчикъ свято-отеческихъ твореній. Кромѣ того, за нимъ самимъ ревниво слѣдилъ зоркій глазъ м. Филарета, въ чемъ можно убѣдиться изъ слѣдующихъ приве-

---

[276]) Тамъ же, 1836, 18, ср. 1837, 61; 1846, 19; 1832, 40; 1835, 46.

[277]) Тамъ же, 1835, 33; 1839, 16.

[278]) Барсуковъ. Жизнь и труды Погодина, кн. III, стр. 63 (ср. 61).

[279]) Въ 1829 г. онъ былъ назначенъ секретаремъ комитета, (М. Д. Ц. К., 1829, 39) съ 1836 по 1863 состоялъ цензоромъ.

[280]) Профессоръ моск. дух. академіи прот. Петръ Спиридоновичъ Делицынъ. Москва. 1864, стр. 4—5.

[281]) М. Д. Ц. К., 1837, 46, 77; 1838, 69, 58; 1839, 8, 67; 1840, 13 и др.

денныхъ уже упрековъ по адресу Делицына. „Недавно, возникъ вкусъ, писалъ Филаретъ по поводу пропуска слова „возгласъ“, смѣшивать чистое съ грязнымъ и небесное съ адскимъ, и тогда священное слово кощунственно приложили къ нелѣпымъ восклицаніямъ. И отецъ Петръ, будучи священникомъ, этому подражаетъ“ [282]). Въ другомъ случаѣ, уже менѣе деликатно, митрополитъ писалъ: „Въ переводѣ Аѳанасія В. встрѣчаю недоразумѣнія. Вотъ, напр., маленькое: стадо комаровъ, стр. 330. До сихъ поръ мы видали рой комаровъ, безпастырный: а теперь является стадо, которое требуетъ и пастыря. Кто же пастырь? Не Отецъ ли Протоіерей Петръ“ [283]).

Уже благодаря однимъ этимъ замѣчаніямъ на переводы, Делицынъ могъ и по цензурѣ явиться весьма близкимъ къ оцѣживанію комаровъ. Вообще же говоря, даже особой нужды въ такихъ напоминаніяхъ не было. Делицынъ не только изгонялъ „подлыя и грубыя“ слова, напр., „жранье, цалую, ретко“, „низкія и площадныя выраженія“, не только исправлялъ оттѣнки въ оборотахъ рѣчи, разбивалъ періоды на отдѣльныя, болѣе мелкія, предложенія, но и доходилъ до ригоризма въ своихъ требованіяхъ къ слогу сочиненій. Не вездѣ онъ дозволялъ употребленіе не русскихъ словъ, какъ-то: герой, идея, система, гармонія, натурализмъ, патріотизмъ, контора, не вездѣ разрѣшалъ „украшеніе слога“ [284]).

Сильно была развита у Делицына и антипатія ко всякаго рода, „напыщенности, высокопарности, велерѣчію или же неустойчивости, расплывчатости мысли и ея выраженія“ [285]). Конкретно и остроумно выразилъ онъ свое нерасположеніе ко всему этому при разсмотрѣніи статьи „о святыхъ мѣстахъ Казани“. Сдѣлавъ достаточное количество выписокъ, напримѣръ: „равнина облекалась снѣговымъ покровомъ съ блистающими и морозными иглами, переливавшими алмазами“, цензоръ въ концѣ приводитъ слѣдующую тираду автора: „Историческая истина для всѣхъ одна и та же старуха; но у каждаго свой взглядъ, свое развитіе этой ветхой длинной нити, спряденной вѣками,—своя мысль и свое слово. Эту знакомую намъ старуху истину мы или одѣваемъ какъ невѣсту ума въ роскошныя и блистательныя одежды слога, накидывая на нее свѣтлый покровъ мыслей, или пускаемъ въ свѣтъ, какъ оборванную нищую, отвергаемую терпѣніемъ“. „Изо всѣхъ сихъ выписокъ, заявляетъ рецензентъ, достаточно видно,

---

[282]) Отчетъ СПБ. публичной библіотеки, 1888, Приб. стр., 8.

[283]) Къ Алексію, стр. 83, 19 ноября 1851 г.

[284]) М. Д. Ц. К., 1837, 72; 1839, 67; 1841, 45; 1842, 82; 1843, 10 и 38; 1837' 52; 1846, 17.

[285]) Тамъ же, 1847, 33 и 34; 1843, 96 (О рукописи: Апокалипсисъ, или пророческая исторія о церкви І. Христа, прот. рыбинскаго собора Матѳія Гумилевскаго, ср. А. С. С., 1840, 8).

что г. сочинитель, если позволено будетъ употребить его образъ выраженія, старался достопамятности Казани какъ невѣсту одѣть въ роскошныя и блистательныя одежды, но не потрудился накинуть на нихъ покрова мыслей, безъ котораго, думаю, не благопристойно явиться въ свѣтъ“ [286]).

Въ той же мѣрѣ и неопредѣленность, загадочность рѣчи не располагала Делицына въ свою пользу: за нею онъ видѣлъ уклоненіе отъ здраваго смысла. Не нравились ему—болѣе чѣмъ другимъ—сочиненія Сковороды [287]), также беллетристическія произведенія съ легендарными сюжетами, высокопарные опыты духовнаго стихосложенія [288]), опытъ „самобытной философіи“ [289]). Вообще, по своимъ симпатіямъ, онъ значительно отличался въ данномъ отношеніи отъ своего сочлена по комитету Голубинскаго.

Что же касается поступавшихъ на разсмотрѣніе Делицына изслѣдованій по болѣе точнымъ отраслямъ знанія, то къ нимъ онъ являлся гораздо болѣе расположеннымъ, не всегда однако же являясь снисходительнымъ [290]). Къ нимъ онъ волею или неволею начиналъ примѣнять тщательно отточенные критеріи, увлекался иногда ролью критика,—даже спеціалиста математика. А надъ всѣмъ этимъ царила еще всегдашняя тревожная забота о благонамѣренности той или другой рукописи. И только нашумѣвшее въ свое время сочиненіе Руднева „Разсужденіе о ересяхъ и расколахъ въ русской церкви со времени Владиміра В. до Іоанна Грознаго“ было одобрено Делицынымъ въ такихъ общихъ выраженіяхъ:... „Благонамѣренно и съ достаточною основательностью изслѣдовано происхожденіе неправыхъ ученій и толкованій, появлявшихся въ русской церкви до I. Грознаго, а также исторія самыхъ лжеученій и мѣръ, какія употребляемы были къ обнаруженію, обличенію и искорененію ихъ государями и духовенствомъ“ [291]).

Вообще же Делицынъ любилъ на десяткѣ-другомъ страницъ оспаривать вычисленія какого нибудь издателя „зрячей пасхаліи“, поразить историка-фельетониста хронологическими выкладками, исправить погрѣшность автора относительно дня ледяной битвы, или времени отправленія Владиміромъ пословъ въ Царьградъ [292]). Еще болѣе, конечно, ревновалъ онъ о точности библейской и

---

[286]) М. Д. Ц. К., 1845, 37.

[287]) А. С. С., 1838, 946.

[288]) М. Л. Ц. К.. 1840, 72; 70.

[289]) Тамъ же, 1854, 38. Состоялъ онъ въ болѣе или менѣе систематическомъ подборѣ народныхъ пословицъ, оригинальныхъ выраженій и т. д. I томъ былъ предупредительно одобренъ Голубинскимъ. Остальныя части II—VI, послѣ отставки Голубинскаго, разсматривалъ Делицынъ; на основаніи частныхъ недостатковъ („дерзкихъ выраженій“, „пустоты“), онъ далъ отрицательный отзывъ.

[290]) Тамъ же, 1838, 37; 1846, 31; 1847, 6, 31; 1848, 7.

[291]) Тамъ же, 1838, 37.

[292]) Тамъ же, 1839, 44; 1850, 3; 1841, 25; 1843, 40.

церковной хронологіи. И недаромъ, поэтому, именно Делицыну былъ порученъ окончательный, послѣ засѣданій многолѣтнихъ комиссій, пересмотръ во всѣхъ деталяхъ авторитетнаго для того времени труда м. Евгенія „Исторія россійской іерархіи". Результатъ этого пересмотра—замѣчанія на 33 страницахъ—могутъ служить яснымъ подтвержденіемъ симпатіи Делицына къ кропотливому анализу [293]). И самые благосклонные отзывы Делицына относятся къ близкимъ къ названному историческимъ трудамъ. „При достовѣрности всѣхъ свѣдѣній рукопись назидательна", или „благонамѣренна и основательна" писалъ о нихъ цензоръ [294]).

Но, идя далѣе, перенося свой „точный" математическій уголъ зрѣнія въ сферу, слишкомъ удаленную отъ законовъ числа, Делицынъ становился близокъ къ педантизму. Всякое неточное, или въ переносномъ смыслѣ употребленное выраженіе могло вызвать цензорскую сентенцію, что и бывало въ дѣйствительности. Напр., говоря о жизни религіозныхъ идей въ язычествѣ, авторъ сравниваетъ ее съ планетой, изъятой изъ круга солнечнаго притяженія. На это Делицынъ замѣчаетъ: „сравненіе не удобопонятно, потому что планета, изъятая изъ круга солнечнаго притяженія, есть нѣчто въ опытѣ неизвѣстное, и о слѣдствіяхъ такого изъятія можно только гадать" [295]).

Затѣмъ, большинство положеній, не удовлетворявшихъ, по мнѣнію цензора, требованію „чистоты и истины мыслей", вызывало со стороны его нервныя замѣчанія. Здѣсь, безспорно, сказывалось вліяніе еще одной черты, отмѣченной біографомъ Делицына. „Искреннее чувство благочестія такъ было въ немъ сильно, что все, враждебное этому чувству, приводило его въ безпокойство; онъ не скрывалъ своего негодованія, если замѣчалъ въ бесѣдахъ съ кѣмъ-нибудь признаки неуваженія къ требованіямъ религіи, если слышалъ отъ кого-нибудь легкомысленныя сужденія о вѣрѣ православной. Въ подобныхъ случаяхъ онъ выходилъ изъ обычнаго спокойствія духа и не щадилъ вольномыслія, поражая оное тяжеловѣснымъ словомъ обличенія" [296]).

Эти возраженія чувства не всегда могли быть убѣдительными съ точки зрѣнія логики и фактовъ. Напримѣръ, авторъ утверждаетъ, что „и язычника и магометанина можно назвать религіознымъ человѣкомъ, если только онъ въ своихъ понятіяхъ о Богѣ умѣетъ находить побужденія къ богопочтенію". „Но апостолъ,—не кстати возражаетъ ему Делицынъ, — говоритъ, что безъ Христа вси безбожни въ мірѣ" [297]).

Давая отзывъ объ одномъ сочиненіи Иннокентія, Дели-

---

[293]) М. Д. Ц. К., Дѣло 1851 г., № 1.
[294]) Тамъ же, 1841, 6; 1850, 15; ср. 1843, 38; 1844, 20.
[295]) Тамъ же, 1845, 23.
[296]) Назв. сочин., стр. 9—10.
[297]) М. Д. Ц К., 1839, 8.

цынъ счелъ необходимымъ исключить, между прочимъ, и слова: „Церковь тогда стала украшать свое пѣніе, когда нѣкоторые изъ христіанъ начали посѣщать зрѣлища, на коихъ раздавалась шумная и разнообразная музыка, и отъ сего скучать простымъ церковнымъ пѣніемъ. Это видно изъ обличеній Златоуста, которыми онъ поражалъ пристрастившихся къ театральному пѣнію". „Выраженіе это, по мнѣнію цензора, наводитъ на мысль, будто церковь, чтобы отвлечь христіанъ отъ театра, сама заимствовала нѣчто у театра. А такая мысль весьма оскорбительна для церкви" [298]).

Цензоръ Евлампій, состоя на службѣ въ академіи, пользовался, какъ и въ послѣдующее время въ санѣ епископа, благосклоннымъ вниманіемъ м. Филарета. Въ частности, митрополитъ тщательно разсматривалъ труды Евлампія, критиковалъ ихъ слабыя мѣста и излагалъ свои отзывы—по настроенію,—иногда въ слишкомъ мягкомъ тонѣ [299]), иногда же вовсе не стѣсняясь въ выраженіяхъ [300]). Евлампій, съ своей стороны, настолько пріучилъ себя къ чувству постоянной опеки, что, по свидѣтельству знавшихъ его лицъ, считалъ признакомъ неблаговоленія митрополита къ академіи и къ себѣ, если тотъ воздерживался на испытаніяхъ отъ рѣзкихъ замѣчаній.

Свою должность по цензурѣ Евлампій несъ какъ послушаніе, и старался исполнять ее со смиреніемъ и памятью объ ограниченности и несовершенствѣ всякаго человѣческаго труда. Среди разсмотрѣнныхъ имъ сочиненій преобладаютъ мелкія: священныя исторіи и близкія къ нимъ религіозно-дидактическія произведенія. Относящіеся сюда отзывы свидѣтельствуютъ, что Евлампій въ состояніи былъ трижды съ одинаковымъ терпѣніемъ разсматривать рукопись „136 священныхъ исторій", пока она, „сплошь наполненная самыми грубыми ошибками правописанія, написанная безъ плана и хронологіи", не была, совмѣстными усиліями компилятора и цензора, представлена въ сносномъ видѣ [301]). Счелъ онъ необходимымъ расхвалить новое изданіе книжки „124 свящ. исторіи", какъ изложенной „ясно, кратко, съ назидательными размышленіями, слогомъ простымъ и чистымъ. Сверхъ того восемьдесятъ двѣ картины, будучи изображены исправной гравировкой, придаютъ новое совершенство и полноту сей исто-

---

[298]) Тамъ же, 1843, 38.

[299]) „Сей отчетъ въ томъ, что вы мнѣ довѣрили, примите съ любовію и прощеніемъ, если мнѣнія мои покажутся вамъ строги"... Или: „Пора возвратить вамъ „исторію русской церкви" и сказать, что мнѣ думается, хотя это не очень легко, потому что я неохотно довѣряю своимъ думамъ. Скажу, что думаю, а вы не принимайте поспѣшно моихъ мыслей, но разсуждайте, есть ли въ нихъ что правое». Чт. общ. люб. дух. прав. 1877, янв. Письма м. м. Филарета къ преосв. Евлампію (Пятницкому) (отъ 16-18 марта 1837, 21 апр. 1840 и др.).

[300]) Чт. общ. люб. ист. и древн. р., 1870, кн. II, „О Филаретѣ м. м. моя память" стр. 10—12.

[301]) М. Д. Ц. К., 1832, 7.

ріи". Тщательному анализу подвергъ онъ и „сто четыре свящ. исторіи". Сначала онъ сдѣлалъ подробныя „замѣчанія", ими обосновалъ „сужденіе" и, наконецъ, отсюда уже извлекъ „мнѣніе", что „хотя я, по возможности, исправилъ, но не все, поэтому издателю нужно отдать кому-л. знающему".. [302]) Даже подвергнувъ жестокой критикѣ изданную въ 1793 г., съ дозволенія св. синода, исторію ветхаго и новаго завѣта, Евлампій не полѣнился представить пятнадцать страницъ замѣчаній, съ цѣлью указать путь и къ ея очисткѣ. Но комитетъ и синодъ изъ выписокъ Евлампія сдѣлали совершенно иной выводъ,—въ смыслѣ безусловнаго ея воспрещенія [303]).

Зато тѣ же пріемы, что и при оцѣнкѣ „священныхъ исторій", Евлампій готовъ былъ употреблять и въ болѣе широкой области. Относительно присланной изъ комиссіи духовныхъ училищъ статьи изъ „всеобщей исторіи" Кряжева о еврейскомъ народѣ, Евлампій удостовѣрилъ, что она „сама по себѣ никакого не имѣетъ сомнѣнія въ общемъ порядкѣ и образѣ изложенія. Она кратка, но не темна". И все-таки онъ не удержался, чтобы не „примѣтить въ сочинителѣ нерасположенность къ чудесамъ, ибо, напр., чудесное смѣшеніе языковъ изъяснено тѣмъ, что „произошли между ними по волѣ Божіей несогласія и разнорѣчія". Авторъ удовлетворилъ желанію цензора, хотя и не скрылъ принципіальнаго несогласія и недовольства: „Я предполагалъ себѣ писать гражданскую исторію еврейскаго народа, а не священную; потому и не касался событій чудесныхъ, по примѣру всемірной исторіи, изданной для народныхъ училищъ... Представляя статью исправленною, добавилъ онъ, смѣю надѣяться, что она не будетъ продержана еще пять мѣсяцевъ". Комитетъ вскорѣ далъ позволеніе на печатаніе [304]).

Когда же, наконецъ, на разсмотрѣніе Евлампія внесена была отобранная отъ старообрядцевъ рукопись „106 отвѣтовъ выгорѣцкихъ раскольниковъ іеромонаху Неофиту", онъ далъ такой отзывъ. „Въ рукописи защищаются раскольническія древнія (якобы) установленія и исчисляются новизны никоніанъ... Посему она содержитъ самое упорное и неблагонамѣренное защищеніе раскола

---

[302]) М. Д. Ц. К., 1829, 41; ср. 1829, 26 и 37. Предупредительность Евлампія къ нѣкоторымъ просителямъ видна изъ записки его къ Θ. Голубинскому относительно „каллиграфическаго листа «Отче нашъ» съ приличными свящ. изображеніями": „Ваше высокопреподобіе, Θ. А-чъ! податель и авторъ явился ко мнѣ въ 12 ч. По моему мнѣнію, тутъ нѣтъ ничего противнаго слову Божію и я обѣщалъ сдѣлать рѣшеніе къ 6 ч. дня. Благоволите, Θ. А., дать ваше о семъ мнѣніе, чтобы мнѣ выдержать даннаго слова"... Тамъ же, 1828, 7.

[303]) Тамъ же, 1829, 32; А. С. С., 1829, 828. Въ исторіи встрѣчались такія фразы, какъ: „Строители вавилонскаго столпа, начавъ дѣло свое со многимъ раченіемъ, произвели въ дѣйство до того, что чрезъ малое время досязаніемъ почти облаковъ оное приходило".

[304]) М. Д. Ц. К., 1829, 31.

въ противность установленіямъ прав. церкви, которую открыто порицаетъ неправославіемъ и утверждаетъ свое защищеніе на раскольническихъ основаніяхъ, напр., на книгѣ Кирилла іерусал.. Поелику, оставаясь въ частныхъ рукахъ, она можетъ питать духъ раскола въ невѣждахъ, какъ упорнымъ и велерѣчивымъ защищеніемъ онаго, такъ и тѣмъ, что въ историческомъ сказаніи о личномъ разглагольствіи посланнаго отъ св. синода... Неофита... весьма соблазнительнымъ образомъ описывается, что онъ не могъ защищаться противъ... Петрова М. и Акиндинова и разговоръ съ ними всегда почти оканчивалъ молчаніемъ къ собственному стыду и явному неудовольствію присутствовавшихъ..., то какъ духу православія вредная, по § 58 и 74, должна быть удержаны въ комитетѣ“ [305]).

Венедиктъ, имя котораго уже упоминалось при изложеніи фактовъ изъ исторіи синодальной цензуры, началъ свою охранительную дѣятельность въ качествѣ члена московскаго комитеета [306]). Высшая церковная власть имѣла обыкновеніе поручать Венедикту „дѣла, сопряженныя съ трудностями, требовавшія усидчивости, знанія законовъ и формъ, а также и учености“ [307]). И самъ Венедиктъ, особенно въ зрѣлые годы, готовъ былъ исполнять какія бы то ни было порученія начальства. Такъ, именно ему было поручено комитетомъ, во исполненіе синодальнаго указа, исправленіе безнадежнаго сочиненія „Нравственный пластырь для старообрядцевъ“ [308]), „требовавшаго передѣлки вновь не только въ частныхъ мысляхъ и выраженіяхъ, но и въ цѣлыхъ статьяхъ“... И „сколь ни затруднительно было сіе исправленіе, докладывалъ Венедиктъ комитету,—по множеству мѣстъ и неудобству въ печатной книгѣ,—я принужденъ былъ снять копію съ сего сочиненія и на немъ сдѣлалъ опытъ исправленія пяти статей“. Про-

---

[305]) М. Д. Ц. К., 1832, 43.

[306]) Предшественникъ Венедикта по цензурѣ архм. Анастасій не успѣлъ оставить какихъ либо рецензій: онъ вскорѣ былъ удаленъ во владимірскую епархію. При этомъ м. Филаретъ писалъ епископу Парѳенію: «Прошу обратить человѣколюбивое вниманіе на архимандрита Анастасія. Онъ добръ: но нѣкіе плевельные помыслы вмѣшались въ его умъ, и не разъ подвергали его припадкамъ, которые я сперва покрывалъ, отведя его тихо отъ семинаріи, и стараясь поддерживать въ монастырѣ: но видно нужно было, чтобы онъ получилъ болѣе сильное наставленіе». «Сорокъ пять писемъ Филарета митр. московскаго къ преосв. Парѳенію Черткову» (отд. отт. изъ «Прав. обозрѣнія»), стр. 34—5, отъ 12 апрѣля 1830 г.

Также скоро и тоже за «нѣкіе плевельные помыслы» долженъ былъ оставить академію и цензорство и игум. Платонъ, главнымъ образомъ въ виду своей близости къ эпигону мистицизма Дубовицкому. Срав. Письма м. Филарета къ Антонію, ч. I, стр. 152, 154

[307]) Сборн. имп. русск. ист. общ., т. 113, кн. 1, стр. 89.

[308]) Было отпечатано въ 1812, г., но вслѣдствіе отзыва члена московской цензуры Владиміра выпускъ его въ свѣтъ былъ пріостановленъ, и съ тѣхъ поръ оно хранилось въ конторѣ московской синодальной типографіи. М. Д. Ц. К., 1831, 9.

долженіе дѣла, въ виду своего назначенія ректоромъ петербургской академіи, онъ предоставилъ комитету. Но послѣдній, „разсмотрѣвъ, нашелъ, что, если исправлять сообразно тому, какъ началъ сіе архм. Венедиктъ, то сіе будетъ сверхъ точнаго указа св. синода, коимъ предписано держаться при исправленіи примѣчаній, сдѣланныхъ архм. Владиміромъ". Комитетъ и положилъ ограничиться докладомъ св. синоду о важнѣйшихъ недостаткахъ изъ тѣхъ, которые указаны въ отзывѣ арх. Венедикта.

Подробный и разносторонній отзывъ далъ Венедиктъ и о статьѣ: „Слеза св. скорби при гробницѣ св. царственнаго сына Россіи",—„написанной въ опроверженіе статьи, помѣщенной въ двѣнадцатой книжкѣ Вѣстника Европы за 1830 г., въ которой указывается, будто кончина св. Димитрія царевича послѣдовала не отъ ухищреній Годунова, но отъ того, что Димитрій, играя, накололся на ножъ".

„Опроверженіе, по отзыву Венедикта, было написано съ благочестивою ревностью, съ цѣлью общеполезною, въ духѣ патріотическомъ, слогомъ нарочито сильнымъ и разительнымъ и посему составляетъ трудъ такой, которому должно желать возможнаго совершенства и полнаго въ своемъ родѣ успѣха. Но для достиженія такой общеполезной цѣли" цензоръ рекомендовалъ автору „присовокупить историческую часть съ точнымъ и вѣрнымъ изложеніемъ обстоятельствъ сего событія", съ анализомъ слѣдственнаго производства по этому дѣлу Шуйскаго, причемъ указалъ и пункты, требующіе особеннаго вниманія.

Указавъ „благочестивой ревности" историческій методъ полемики, Венедиктъ далѣе отмѣчаетъ въ „слезѣ св. скорби" „мысли и заключенія, усиленныя до невѣроятности, и оскорбительныя личности къ издателямъ Вѣстника Европы, какъ-то: „пусть по отступленію, можетъ быть, отъ вѣры, вы не уважаете..., пусть по крайней гордости вы презираете..."; клейменіе ихъ „извергами", „крамолою, искошающею святотатственные взоры свои"; зміемъ; вѣстникомъ лукавыхъ и лицемѣрныхъ крамолъ", наконецъ, изложеніе „такихъ намѣреній В. Европы, кои прежде слѣдственной по законамъ улики въ оныхъ не могутъ быть приписываемы". Статья была возвращена для переработки, но, кажется, авторъ ея не призналъ для себя удобнымъ перемѣнить оружіе борьбы съ крамолою [308]).

Не было одобрено Венедиктомъ „Размышленіе о Величествѣ Божіемъ" Ж. Ж. Руссо [309]), а также переводъ: „Обѣденныя бесѣды Гольбаха". Послѣдній, впрочемъ, былъ задержанъ имъ условно, по такимъ соображеніямъ. „Рукопись, выставляя богохульство, нечестіе и подлость вольнодумцевъ XVIII в. въ соб-

---

[308]) М. Д. Ц. К., 1831, 20.

[309]) Тамъ же, 1831, 35.

ственномъ ихъ видѣ и изъ собственныхъ ихъ словъ и сочиненій, и сопровождая главнѣйшія изъ нихъ опроверженіями, содержитъ, однако..., много такихъ мѣстъ, которыя, будучи взяты отдѣльно, заключаютъ не только противное христіанской нравственности, правительству и религіи, но и столь ѣдки, неблагопристойны, грубы и вредны, что всего лучше бы и не слыхать ихъ. Большая часть изъ нихъ таковы, что никакія серьезныя опроверженія не могутъ отвратить вреда, который они произвели бы, повторяясь въ воображеніи и памяти узнавшаго ихъ не столько по любви къ истинѣ, сколько изъ любопытства...

„Впрочемъ, писалъ цензоръ въ заключеніе, еслибы исчисленныя въ пунктахъ сего отзыва мѣста переводчикъ рѣшился исключить изъ своей рукописи и сверхъ того пересмотрѣлъ оную вновь по отношеніямъ къ чистотѣ и свойствамъ отечественнаго языка: то въ сей книгѣ нашлось бы много добраго и полезнаго, ибо обличенія вольнодумцевъ и приведенныя въ защиту религіи и нравственности мѣста изъ благонамѣренныхъ писателей большею частью сильны, основательны и удовлетворительны...

„Но какъ исключеніемъ всѣхъ содержащихся въ рукописи вредныхъ и соблазнительныхъ мѣстъ нарушилось бы единство и цѣлость самого сочиненія и оно въ семъ случаѣ не походило бы на самое себя: то произведеніе такое, въ которомъ сколько добраго, столько же и худого, безопаснѣе, по моему мнѣнію, оставить безъ напечатанія, чѣмъ приведеніемъ во всеобщее употребленіе подать поводъ къ какому-либо преткновенію, за напрасное опасеніе котораго ручаться съ своей стороны не смѣю“ [310]).

„Іеродіаконъ Агапитъ по окончаніи академическаго курса изъявлялъ желаніе быть уволеннымъ отъ обязанности служить при училищѣ, дабы посвятить себя исключительно монашеской жизни; впрочемъ, по долгу послушанія, предалъ себя въ распоряженіе начальства“ [309]). И „рабъ Божій, воистину израильтянинъ, младенецъ по чувствамъ въ новой духовной жизни..., безкорыстный и благотворитель“ [310]), въ порядкѣ подчиненія, былъ назначенъ членомъ московскаго цензурнаго комитета.

Агапитъ, какъ цензоръ, нѣкоторыми чертами напоминаетъ прот. Ѳ. Голубинскаго. Онъ умѣлъ быть терпѣливымъ чтецомъ и пунктуальнымъ корректоромъ чужихъ обмолвокъ и опечатокъ [311]); тщательно отмѣчалъ „неприличное дѣтскому возрасту въ анекдотахъ“ и придумывалъ хитроумныя комбинаціи, чтобы заполнить тѣ пробѣлы въ сочиненіяхъ, которые дѣлалъ его же карандашъ.

---

310) М. Д. Ц. К., 1830, 28.
309) Исторія московской духовной академіи..., С. Смирнова, стр. 167.
310) Хроника моей жизни. Автобіогр. записки Саввы.., т. I, стр. 93.
311) М. Д. Ц. К., 1837, 38; 1841, 52, 38.

„Полагаю, писалъ Агапитъ о „Полной и новой россійской азбукѣ“, языческія изображенія, поставленныя наряду со священными [312]), замѣнить приличными; обнаженныя фигуры и соблазнительныя или вовсе выбросить или перемѣнить на другія, напр. купидона на коршуна, Меркурія на мушкетера. Нептуна на нетопыря“.

Впрочемъ и у Агапита нарушалось иногда, хотя и не глубоко, мирное настроеніе. Разсмотрѣвъ „Драгоцѣнную книжку о внутренней духовной гордости“, Агапитъ заявляетъ: „Названіе вовсе не прилично, ибо не драгоцѣнна ни по слогу, ни по содержанію. Слогъ представляетъ собою смѣсь русскаго, славянскаго и латинскаго языка и, при настоящемъ развитіи русскаго языка, является страннымъ и неупотребительнымъ“ [313]). „Сочинитель „поэмы на жизнь и дѣятельность пророка Даніила...“ не знаетъ ни піитики ни грамматики и не умѣетъ правильно написать своего имени. И смысла немного“... [314]). „Въ рукописи „Систематическія бесѣды на литургію“ нѣтъ ничего похожаго на систему. Языкъ древній...“ И, приведя доказательства, онъ прекращаетъ дальнѣйшій разборъ: „Столько погрѣшностей на сорока восьми листахъ и еще не всѣ выписаны, а всѣхъ листовъ въ рукописи двѣсти пять и далѣе она столь же изобилуетъ ими“ [315]).

О „церковныхъ поученіяхъ“ Нордова рецензія Агапита была слѣдующая. „Слогъ чистый, изложеніе ясное, по содержанію назидательны, съ ученіемъ православной церкви согласны, почему и могутъ быть одобрены, съ удержаніемъ поправокъ и за исключеніемъ четвертаго поученія, какъ несогласнаго съ ученіемъ о крестѣ, ибо сочинитель крестъ, возложенный на христіанъ, полагаетъ въ любви, тогда какъ любовь сама распинается на крестѣ, и исключаетъ изъ понятія сего креста скорби, страданія и распинаніе плоти“ [316]). Одобрилъ онъ и три слова ректора иркутской семинаріи архм. Никодима, находя, что, „хотя онѣ и не имѣютъ большого достоинства въ ученомъ отношеніи, но не лишены назида-

[312]) Какъ иллюстраціи буквъ, 1841, 35.

[313]) М. Д. Ц. К., 1842, 91.

[314]) Тамъ же, 1841, 58.

[315]) Тамъ же, 1842, 86; ср. 1839, 65.

[316]) Тамъ же, 1840, 19. Разсматривая «бесѣды на литургію» Нордова Агапитъ возражалъ противъ отдѣльныхъ выраженій оратора, напр.:—„Нужны ли теперь труды, издержки, далекія путешествія, чтобы видѣть св. землю? Мы во храмѣ,— и уже вполнѣ на св. землѣ. Всѣ святыя мѣста проходятъ передъ нашими глазами“...—Слишкомъ рѣзко и не совсѣмъ правильно сказано противъ посѣщенія св. мѣстъ. Нѣтъ нужды возставать противъ сего». Въ заключеніе Агапитъ предложилъ «возвратить рукопись для исправленія подъ руководствомъ Новой Скрижали, съ соблюденіемъ единства, не разрывая литургіи различными и одно другому противными изъясненіями».

Вторично представленныя Нордовымъ «бесѣды» были признаны „исправленными согласно съ ученіемъ церкви, полезными по назидательности и здравыми по ученію». Тамъ же, 1841, 52.

тельности и не противны православному ученію“ [317]). „Служеніе алтарю, или совѣты готовящемуся къ священству, кн. Алексѣя Ал. Ш.-Шихматова,.. содержитъ не глубокіе, но полезные совѣты, согласные съ обязанностями православнаго священника“.

Филаретъ Гумилевскій состоялъ цензоромъ три года и оставилъ послѣ себя немного отзывовъ. Гораздо болѣе,—въ теченіе трехъ десятковъ лѣтъ,—ему приходилось самому имѣть дѣло съ духовной цензурой. Въ томъ и другомъ случаѣ очерчивается воспріимчивый, иногда неуравновѣшенный характеръ Филарета,—сколько богослова и историка, столько же и публициста.

„Рукопись „Домашнее повтореніе православнаго законоученія“ содержитъ мысли чистыя, правила дѣятельности согласныя съ духомъ христіанства; слогъ большею частью правиленъ и чистъ, а потому можетъ быть полезною“ [319]). „Въ переводѣ „Хронологическое начертаніе исторіи литературы церковной“ много любопытнаго и полезнаго. Ошибки исправлены. Можетъ быть напечатанъ“ [320]). Въ такомъ же тонѣ изложены отзывы Филарета о книгѣ „Сокращенное обозрѣніе жизни патр. Никона“, объ „опытѣ истолкованія посланія ап. Павла къ ефесеямъ“ арх. Кирилла; о „Дружескомъ разговорѣ о душевномъ мірѣ“ Сковороды [321]).

Зато тамъ, гдѣ Филаретъ находилъ „мѣста противныя вѣрѣ“, напр., въ другихъ „діалогахъ“ того же Сковороды, онъ былъ категориченъ въ своихъ приговорахъ. „Думаю, слѣдуетъ не только не одобрять, но, для пресѣченія соблазна, и не возвращать“ [322]). „Встрѣчаются мысли исторически не вѣрныя. На стр. 1 правленіе церковное до Константина называется демократіею, системою равенства; говорится, что до Павла никто кромѣ іудеевъ не приставалъ къ обществу вѣрующихъ. Все это историческая ложь... Гоненія поставляются причиною установленія церковной іерархіи, правленія церковнаго. Нелѣпая мысль!.. „Средствами, употребляемыми римскомъ дворомъ, было все, что только могло вселять благоговѣніе въ человѣческія чувства, а, слѣдственно, питать и возбуждать фанатизмъ, отнимающій у разсудка право вникать и разсматривать“. Стало быть, по катехизису сочинителеву, благочестіе есть фанатизмъ, отнимающій у разсудка право вникать и разсматривать!“ [323]).—„Съ чего сочинитель вздумалъ называть тѣло и кровь Христову тинктурою свѣта и жизни? Названіе произволь-

---

[317]) Тамъ же, 1840, 50.
[318]) Тамъ же, 1841, 62.
[319]) Тамъ же, 1836, 9.
[320]) Тамъ же, 1834, 80.
[321]) Тамъ же, 1835, 7; А. С. С., 1835, 1387 и М. Д. Ц. К., 1836, 40.
[322]) М. Д. Ц. К., 1836, 78, 69.
[323]) Тамъ же, 1834, 40: „Взглядъ на исторію церкви“. Авторъ имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, нечистыя средства іезуитскаго характера.

ное, которое можетъ имѣть вредное вліяніе на ученіе о таинствѣ причащенія“ [324]).

Но если въ подобныхъ рецензіяхъ, какъ и въ другихъ критическихъ отзывахъ Филарета имъ допускались иногда „ошибки и слабости“, то все же всѣ причиненныя авторамъ огорченія заслоняются и искупаются его личными страданіями подъ игомъ цензуры.

Уже упомянуто, какъ Филаретъ привлеченъ былъ къ отвѣтственности по поводу найденныхъ экземпляровъ „Безцѣннаго подарка дѣтямъ“ съ искаженнымъ текстомъ символа вѣры и десятословія. Изложена также сущность дѣла и о выпискѣ, при его участіи, изъ за границы сомнительныхъ книгъ, а равно и о томъ, какъ вообще заставляли Филарета идти „по чужому пути“ [325]).

Нужно перечесть всѣ письма Филарета Гумилевскаго, чтобы представить себѣ всю ту сумму авторскихъ волненій и искушеній, которая выпала на его долю. Вотъ двѣ выдержки изъ писемъ къ А. Горскому. „Ради любви поспѣшите извѣстить меня... Въ томъ не сомнѣваюсь, что кто-нибудь изъ цензоровъ (между нами, грѣшу на Θеодора Александровича) говорилъ съ митрополитомъ много ли, мало ли, но не въ выгоду. Митрополитъ написалъ нѣсколько строкъ, изъ которыхъ и сдѣланы извлеченія мои. И, однако, въ точности не знаю, что хочетъ дѣлать цензура“.

„Спѣшу, пишетъ онъ въ другомъ письмѣ, воспользоваться твоимъ совѣтомъ. Письмомъ прошу о. ректора Филоѳея принять на себя одного трудъ цензурованія рукописей. Странно, что давно не пришла мнѣ на умъ эта добрая мысль. Добрый о. Филоѳей, конечно, не откажется потрудиться для Господа. И сколькихъ мукъ это избавило бы меня! Да другъ мой, если Господь повелѣлъ намъ молиться объ избавленіи отъ искушеній: то тяжело грѣшатъ тѣ, которые отягчаютъ насъ искушеніями. Потому-то судъ правды такъ нуженъ на лѣнивыхъ самолюбцевъ. Ну— Богъ съ ними“ [326]).

Но и это еще не все. Почти черезъ двадцать лѣтъ по оставленіи должности цензора, Филаретъ сильно „взволнованъ былъ однимъ слухомъ“, вскорѣ подтвержденнымъ и синодальнымъ указомъ. О содержаніи послѣдняго Филаретъ, конечно, тотчасъ сообщилъ своему другу А. Горскому. „Въ послѣднемъ письмѣ писалъ я тебѣ о слухѣ относительно сочиненія Сковороды. Теперь пришлось получить и указъ о семъ дѣлѣ. Требуютъ отъ меня объясненія, почему дозволена къ напечатанію книжка: „брань Михаила съ сатаною“, несогласная съ св. писаніемъ и преданіемъ? Вы понимаете, какъ мнѣ удобно доставлять объясненіе о сей книжкѣ, пересматривавшейся въ 1836 г., не имѣя

---

[324]) Тамъ же, 1834, 20; ср. 1834, 53, объ «Описаніи соловецкаго монастыря».
[325]) Выше, стр. 358, 173—5, 187.
[326]) Приб. къ твор. св. отц., 1885, III, стр. 113—15, 119, 131.

подъ руками ни одного листа о дѣлѣ давно прошедшемъ. Если отвѣчать синоду, что книжка напечатана по журналу цензурнаго комитета, почему только комитетъ, имѣя въ архивѣ своемъ журналы свои и отзывы членовъ его, и въ состояніи доставить требуемое объясненіе: то пожалуй синодъ сочтетъ такой отвѣтъ грубостію."

„Не понимаю, недоумѣваетъ онъ въ другомъ письмѣ, съ чего и какъ поднимаютъ дѣло давно минувшихъ временъ? Притомъ очень помню, что хотя одно или два сочиненія Сковороды были дозволены мною къ напечатанію съ поправками многими, зато другія заарестованы съ удержаніемъ рукописей въ цензурѣ".

Получивъ изъ Сергіева-посада необходимыя архивныя данныя, Филаретъ отправилъ въ Петербургъ отвѣтъ, „согласный съ журналомъ комитета" [327]).

Архм. Филоѳей, впослѣдствіи митрополитъ кіевскій, былъ цензоромъ дважды, притомъ въ двухъ комитетахъ. Спачала около трехъ лѣтъ, онъ, исполняя должность инспектора петербургской академіи, входилъ въ составъ петербургскаго комитета. Потомъ, когда въ академіи былъ открытъ „противозаконный переводъ", начались скитанія опальнаго Филоѳея по семинаріямъ,— харьковской, виѳанской и московской. Въ качествѣ ректора виѳанской семинаріи, онъ и привлеченъ былъ къ участію въ цензурномъ комитетѣ Сергіева-посада (съ декабря 1842 по мартъ 1847) [328]).

Мѣсто службы сообщало нѣкоторые характерные оттѣнки и сужденіямъ Филоѳея какъ цензора. Въ школѣ православнѣйшаго Аѳанасія, среди боевой тогдашней обстановки, онъ примѣнялъ болѣе строгіе критеріи, которые смягчила потомъ сравнительно спокойная, созерцательная обстановка жизни „на Корбухѣ", въ Виѳаніи, хотя и подъ надзоромъ м. Филарета.

Петербургскіе отзывы Филоѳея своею выразительностью и проницательностью могутъ соперничать съ отзывами сподвижника Аѳанасія Іоасафа. Въ нихъ широкое мѣсто отведено было для модной тогда въ петербургской духовной цензурѣ рубрики, въ которой отмѣчались „недостаточныя понятія о нѣкоторыхъ предметахъ"—и, въ результатѣ, осуждались даже допустимыя къ печати въ другія времена мнѣнія [329]).

Слѣдуетъ привести, для примѣра, нѣсколько положеній разныхъ авторовъ, которыя исключены были Филоѳеемъ изъ ихъ рукописей. „Цѣль всего св. писанія та, чтобы чувственныхъ людей сдѣлать духовными" [330]); „Мы не можемъ жить и дѣй-

---

[327]) Приб. къ твор. св. отц., 1885, III, 443 и 442 (отъ 25 авг. 1853 г.) М. Д. Ц. К., 1852, 72.

[328]) М. Д. Ц. К., 1843, 16.

[329]) СПБ. Д. Ц. К., 1840, 7; 1841, 6.

[330]) СПБ. Д. Ц. К., 1841, 6.

ствовать, не подкрѣпляя себя ежедневно пищею"; „Главнѣйшая обязанность христіанина состоитъ въ томъ, чтобы искать горняго и часто возноситься сердцемъ на небо"; „Еслибы христіанство состояло въ тѣлесныхъ упражненіяхъ, въ словахъ, въ колѣнопреклоненіяхъ и тому подобныхъ внѣшнихъ дѣлахъ, то много было бы на свѣтѣ христіанъ" [331]); „Всѣ недостатки нравственные человѣка ни что иное, если разсмотрѣть поближе, какъ послѣдствія тайныхъ и дурныхъ привычекъ его" [332]); „Вѣнецъ Его творенія есть человѣкъ, котораго Онъ поставилъ владыкою надъ своимъ твореніемъ"; „Законодательство Моисеево всевозможнымъ образомъ споспѣшествовало бракамъ. Бракъ Евреевъ представляется въ видѣ многоженства. Кромѣ женъ у нихъ не запрещено было имѣть наложницъ" [333])...

Во всякой такой выдержкѣ Филоѳей считалъ своимъ долгомъ найти опасный смыслъ при помощи соотвѣтствующей, „согласной съ ученіемъ церкви", цитаты. Какъ и его руководители, онъ отвергалъ всякую попытку болѣе серьезнаго отношенія къ представителямъ „филологической ѳенографіи", „у которыхъ твердилъ онъ, рай, ковчегъ и столпъ вавилонскій не имѣютъ никакой важности" [334]).

Въ сравненіи съ этими полемическими опытами московскія рецензіи Филоѳея являются болѣе блѣдными. Безъ сомнѣнія, тѣ подозрѣнія и испытанія относительно православнаго образа мыслей, которыя пришлось перенести самому Филоѳею, за выраженное будто бы потворство студенческому предпріятію, притупили его цензорское перо. Теперь онъ часто, безъ подробностей, привлекалъ статью устава, осуждающую или оправдывающую

---

[331]) СПБ. Д. Ц. К., 1839, 1.

[332]) СПБ. Д. Ц. К., 1841, 9.

[333]) СПБ. Д. Ц. К., 1840, 4.

[334]) 1840, 20. Насколько при этомъ, въ своемъ предубѣжденіи, цензорскій взглядъ страдалъ дальтонизмомъ, можно судить по слѣдующему тезису и антитезису (рѣчь о характерныхъ особенностяхъ еврейскаго и греческаго генія въ религіозной области):

На л. 55-мъ сказано: «лишь произошло въ религіи то великое измѣненіе, которое сѣнь законную замѣнило истиною, религія перешла въ руки такихъ дѣлателей, коихъ глубокомысліе и сильное любознаніе способнѣе постигать и открывать свѣту ея величіе; которые могутъ лучше изучать ея отношеніе къ истинамъ другихъ разрядовъ и открывать новыя побужденія къ вѣрованію, новые поводы къ хваленію Господа разумовъ".

„Если подъ дѣлателями, въ руки которыхъ по словамъ сочинителя, перешла религія во времена новозавѣтныя, разумѣть апостоловъ, то къ нимъ неудобно приложить то, что здѣсь говорится о сильномъ любознаніи дѣлателей. Ибо особенная способность апостоловъ постигать и открывать величіе религіи зависѣла не отъ того, что они имѣли сильное любознаніе и естественное глубокомысліе, а отъ того, что просвѣщены были Духомъ Святымъ. Если же подъ дѣлателями, о которыхъ говоритъ сочинитель, разумѣть христіанскихъ учителей новѣйшихъ временъ, то встрѣчается другая несообразность, именно та, что такіе дѣлатели поставляются выше ветхозавѣтныхъ пророковъ".

данное сочиненіе, и дѣлалъ соотвѣтствующій краткій выводъ [335]). Къ тому же преобладающій характеръ вносимыхъ московскими издателями произведеній не располагалъ его къ какимъ-либо новымъ пререканіямъ относительно деталей [336]). Довольно предупредительно встрѣчалъ онъ труды архіепископовъ: Иннокентія, Іакова саратовскаго, Евгенія ярославскаго, отчасти Нордова, Путятина [337]), такъ что, въ извѣстной мѣрѣ, правъ былъ экспансивный Филаретъ когда ему напомнили о „добромъ о. Филоѳеѣ“.

Для начальства выполненіе Филоѳеемъ цензорскихъ обязанностей въ московскомъ комитетѣ служило однимъ изъ средствъ испытанія его убѣжденій. Въ 1847 году, на запросъ центральнаго управленія, возможно ли назначить Филоѳея ректоромъ московской семинаріи, м. Филаретъ отвѣчалъ: „Имѣя должное наблюденіе за образомъ его мыслей и дѣйствованія..., имѣя случаи слѣдить за его дѣятельностью по цензурному комитету, судя о его управленіи семинаріей..., усматриваю его въ ученіи основательнымъ и православнымъ, въ поведеніи честнымъ и добрымъ, въ управленіи разсудительнымъ, въ надзорѣ внимательнымъ, въ отношеніяхъ къ начальству прямодушнымъ, и потому убѣждаюсь признать его къ прохожденію должности ректора благонадежнымъ“ [338]).

Отъ преемника Филоѳея архм. Евгенія среди дѣлъ комитета остались лишь три отзыва,—всѣ касающіеся историческихъ темъ. Спокойно, нѣсколько доктринерскимъ топомъ, засвидѣтельствовалъ онъ, что „Исторія русской церкви, періодъ монгольскій.. по тщательному собранію въ ней полезныхъ свѣдѣній о состояніи русской церкви въ періодъ монгольскій и по основательному изложенію предметовъ, достойна одобренія“[339]). Но также равнодушно возвращалъ онъ безъ одобренія автору „благонамѣренное, но во многихъ мѣстахъ неосновательное“ разсужденіе „о вліяніи россійскаго духовенства и преимущественно монашества на государственный бытъ Руси“[340]); также статью „жизнь св. пророка Моисея“[341]).

---

[335]) М. Д. Ц. К. , 1843, 103; 1846, 14, 28.

[336]) М. Д. Ц. К., 1846, 1; 1845, 35. Тѣмъ не менѣе всякій болѣе серьезный тезисъ и теперь смущалъ Филоѳея, какъ напр.: „Это (церковное) правительство и священноначаліе не есть уже владычество и господство. Почему нѣтъ тутъ мѣста приказаніямъ, но ученію и увѣщаніямъ“. Тамъ же, 1843, 101.

[337]) Тамъ же, 1844, 24; 1845, 17; 1846, 28, 23; 1844, 23.

[338]) Собр. мн. и отзыв. м. м. Филарета, т. III, № 270.

[339]) Тамъ же, 1848, 18. Одобреніе дано послѣ частныхъ сношеній съ авторомъ, Филаретомъ Гумилевскимъ чрезъ Горскаго. Приб. къ твор. св. отц., 1885 кн. III, стр. 126.

[340]) Вниманіе цензора остановили, напр., слова очерка: „Баторій направилъ побѣдоносный путь свой къ самой столицѣ Россіи. Къ счастью Іоанна Псковъ удерживалъ стремленія Баторія. Но кто собственно полагаетъ преграду этому сильному завоевателю? Псково-печерскій монастырь. Онъ поколебалъ силы непріятеля, готовившаго ударъ въ самое сердце Россіи“. Выписавъ ихъ,

Въ концѣ сороковыхъ годовъ значительная часть работы по цензурѣ, съ которою уже не въ состояніи были справляться старые члены комитета Ѳ. Голубинскій и П. Делицынъ, перешла къ молодому архимандриту Сергію, впослѣдствіи митрополиту московскому. Повидимому, отъ своихъ старшихъ сотрудниковъ онъ хотѣлъ усвоить основные пріемы разбора сочиненій— придать и своимъ отзывамъ черты внимательнаго отношенія къ авторамъ. Можетъ быть именно поэтому его рецензіи оставляютъ впечатлѣніе чего-то искусственнаго, двойственнаго. „Вообще... рукопись душеполезна, но не мало погрѣшностей"...[342]). „Хотя не вездѣ удерживаетъ свойство нѣжной ревности къ правдѣ, однакожъ и нигдѣ не замѣтно клеветы или противорѣчія духу православія" [343]). „Статья по духу благонамѣренна, но въ изложеніи не вездѣ основательна"[344]). „Слогъ цвѣтистъ, но вразумителенъ"[345]). „Не глубоко разсматриваются вопросы, касающіеся начала и судебъ міра, однако не противно православному ученію и достойны души христіанской"...[346]). Вотъ схема рецензій Сергія. Всякаго рода крайности, рѣзкія выраженія, „несвойственныя духу религіозной полемики"[347]), онъ сглаживалъ, не перенося „жестокости выраженій и несправедливости упрековъ"[348]).

Такъ же бережно снималъ Сергій неудобныя наслоенія со слишкомъ благонамѣренныхъ произведеній. „Земной Царь есть видимая глава Церкви", наставлялъ воиновъ одинъ полковой священникъ. Эту мысль цензоръ исключаетъ, но не своимъ авторитетомъ: „Православный Царь вѣруетъ, что у Церкви Православной есть только невидимая Глава и нѣтъ видимой"[349]). Также призналъ онъ благовременнымъ исключить изъ новаго изданія словъ знаменитаго въ свое время кіевскаго проповѣдника

Евгеній разбираетъ какъ стратегъ утвержденіе автора, заявляетъ, что осада монастыря была лишь военною хитростью Баторія и развѣнчиваетъ роль печерскаго монастыря. Тамъ же, 1847, 48.

[341]) Тамъ же, 1848, 4. «Нужно замѣтить, пишетъ авторъ, что порядокъ надзора... за 3600-ми людей былъ учрежденъ (среди евреевъ въ Египтѣ) совершенно такой, какой мы видимъ въ нашихъ войскахъ».—«Будто совершенно такой же? Были ли у евреевъ всѣ нынѣшніе военные чины и вся нынѣшняя военная дисциплина»... «...Изображеніе очевидно преувеличенное и безполезное, пишетъ Евгеній въ той же рецензіи: какъ будто Моисей не былъ бы великимъ человѣкомъ, еслибы сочинитель не помогъ ему своими преувеличенными похвалами!»

[342]) Тамъ же, 1851, 35.

[343]) 1853, 56. Слово Каѳолическаго православія Римскому Католичеству.

[344]) Тамъ же, 1848, 33.

[345]) Тамъ же, 1850, 10.

[346]) Тамъ же, 1852, 114. „Мысли и чувства христіанина при взглядѣ на міръ видимый».

[347]) Тамъ же, 1848, 33.

[348]) 1850, 30, Бесѣды прот. Нордова.

[349]) Тамъ же, 1849, 6.

[350]) Тамъ же, 1853, 6.

Леванды обращенія къ Екатеринѣ II: „О великая Екатерина! Не тебя ли видѣлъ Іоаннъ, облеченную въ солнце и луну?“; къ Александру I: „Желали очи видѣть Ангела, видѣть Христа своего, Бога, который милуетъ насъ: все сіе видятъ теперь въ тебѣ“..;— къ митрополиту кіевскому Гавріилу—въ привѣтственномъ словѣ по случаю полученія имъ ордена ап. Андрея Первозваннаго: „крестъ Апостола сіяетъ вновь на тѣхъ же горахъ, на горѣ—сердцѣ Владыки“. Впрочемъ, сокращая всѣ такія прикрасы, „уклоняющіяся отъ истины и приближающіяся къ лести“, Сергій очень цѣнилъ „изложеніе истинъ... одушевленное чувствомъ вѣрноподданнической преданности, краснорѣчивое выраженіе которой можетъ и въ читателяхъ возбуждать и поддерживать покорность властямъ предержащимъ“[351]). Съ той-же умѣренно-критической точки зрѣнія оцѣнивалъ онъ и „сказанія о житіяхъ“, описанія монастырей. Не анализируя ихъ „съ обремененіемъ себя“, какъ это дѣлалъ Голубинскій, и не всегда настаивая на строгой повѣркѣ ихъ авторами, Сергій пропускалъ ихъ къ печати „въ увѣренности, что изданіе ихъ въ свѣтъ принесетъ благіе плоды“[352]).

При всемъ томъ путь компромиссовъ и Сергія не застраховалъ отъ внушительныхъ замѣчаній свыше. „Быть цензору осторожнѣе впредь“, положилъ свою резолюцію м. Филаретъ на объясненіи Сергія относительно пропуска въ 1851 году „Записокъ о Пантелеймоновскомъ монастырѣ“[353]). Особенно же много непріятностей пришлось испытать Сергію въ слѣдующемъ году за разрѣшеніе издать описаніе рождественскаго тверскаго дѣвичьяго монастыря. „Примѣтивъ, что всѣ свѣдѣнія объ обители составительница предлагаетъ въ духѣ правдолюбія, безпристрастія, смиренія и признавая описаніе полезнымъ для благочестивыхъ читателей“, Сергій, по ходатайству попечителя московскаго учебнаго округа, пропустилъ эту рукопись. Но такъ какъ въ послѣдней находилось и изложеніе новыхъ чудесъ, требовавшее, по уставу, предварительнаго разсмотрѣнія рукописи св. синодомъ, то цензоръ, для ускоренія, рѣшилъ прибѣгнуть къ отмѣченному уже выше пріему. Разграничивъ между собою съ одной стороны „подробности, выражавшія ясные признаки того, что событія суть подлинно чудеса“, а съ другой факты, „свидѣтельствовавшіе лишь о благоговѣніи къ иконѣ“, онъ первыя исключилъ, а „указанія нѣкоторыхъ примѣчательныхъ обстоятельствъ для объясненія необычайнаго усердія почтителей рѣшилъ удержать“.

---

351) Тамъ же, 1850, 10.
352) Тамъ же, 1849, 18; 1854, 63. Отзывъ Сергія о «Историко-статистическомъ описаніи Харьковской епархіи“ пр. Филарета Гумилевскаго (М. Д. Ц. К. 1852, 13.) приводится ниже.
353) Тамъ же, 1851, 7.

Но учрежденный при синодѣ секретный цензурный комитетъ былъ на сторожѣ. По его представленію синодъ предписалъ московскому комитету „объявить архимандриту Сергію, что онъ поступилъ крайне неосторожно, пропустивъ книгу къ напечатанію". Помимо нарушенія статьи устава относительно повѣствованій о чудесахъ, было поставлено на видъ еще одно превышеніе имъ своихъ полномочій. Въ той же рукописи были отмѣчены „упоминанія о церковныхъ событіяхъ новѣйшаго времени, объ удобности печатанія коихъ могло судить токмо высшее духовное начальство"[354]). Въ послѣднемъ обстоятельствѣ, конечно, и заключалась главная вина неосторожнаго цензора.

Въ 1852 году Сергій былъ „назначенъ для исключительнаго занятія разсмотрѣніемъ переводовъ и оригинальныхъ статей, приготовляемыхъ для изданія твореній св. отцевъ, съ производствомъ оклада жалованія изъ суммъ редакціоннаго комитета"[355]). Въ 1857 г. онъ былъ освобожденъ отъ обязанностей цензора, въ виду назначенія ректоромъ московской же академіи. Оставляя, въ 1861 году и эту должность, Сергій „выразилъ предъ академическими профессорами благодареніе Богу, что вырвался наконецъ изъ этого омута"[356]).

Съ уходомъ изъ комитета Голубинскаго, оцѣнивать поступавшія въ цензуру „литературныя" произведенія комитетъ поручалъ цензору Аничкову, профессору по каѳедрѣ словесности. И Аничковъ, конечно, тѣмъ болѣе не разграничивалъ ролей цензора и критика, что именно къ годамъ его цензорства относится появленіе синодальныхъ указовъ, предписывавшихъ „недопускать къ печати духовныхъ стихотвореній, написанныхъ размѣромъ легкихъ стихотвореній и сказокъ", дозволять къ печати „только такія духовно-историческія сочиненія, въ которыхъ заключаются предметы нужные, полезно любопытные" и обращать вниманіе на соблюденіе степеннаго и приличнаго образа изложенія"[357]).

Признавъ неудовлетворительною одну „Піитику" (Алекс. Данскаго), Аничковъ указываетъ въ числѣ недостатковъ: смѣшеніе воодушевленія или вдохновенія съ богодухновенностью пророковъ; нестрогое различіе между эпической поэзіей и исторіей; неопредѣленныя выраженія въ правилахъ; приведеніе примѣровъ изъ ветхаго завѣта по неизвѣстному русскому переводу и, наконецъ, то, что „имѣя въ виду поэтическія произведенія, со-

---

[354]) Тамъ же, 1851, 28; 1852, 83; К. О. П. С. С., 1852, 239.

[355]) М. Д. Ц. К., 1851, 23.

[356]) Богослов. Вѣстникъ, 1906, іюль-августъ. „Проф. М. Д. Ак. П. С. Казанскій и его переписка съ арх. костромскимъ Платономъ", прот. А. Бѣляева, стр. 436 и прим. 2.

[357]) Указы отъ 9 іюля 1852 г. № 108, и 31 авг. 1850 г. № 9888.

образныя съ цѣлью духовнаго образованія, говоритъ о романтизмѣ, сатирѣ и проч." [358]).

Настойчивую борьбу Аничковъ велъ съ поэтическимъ вдохновеніемъ московскихъ стихотворцевъ, выписывая изъ нихъ „въ изобиліи мысли и выраженія странныя", какъ то:

„Слети къ намъ въ дольный міръ подлунный,
Гармонія! О дщерь небесъ!.."

или: Врагъ Наполеонъ
Погибъ какъ въ морѣ Фараонъ"...

или: „О дайте кисть мнѣ Рафаеля...
О, небо, дай мнѣ вдохновенье!..
Хоть что нибудь я напишу"...

На основаніи подобныхъ примѣровъ Аничковъ дѣлалъ соотвѣтствующія заключенія, что авторъ, напр., совершенно незнакомъ съ стихотворными правилами; что онъ перемѣшиваетъ ямбъ съ хореемъ; что по указу св. синода „неприлично излагать священные предметы стихами хореическими и ямбическими (напр.: „Въ странѣ вѣчности блаженной"...); что „обличеніе пьянства въ проповѣди представляетъ сатирическія, могущія возбуждать смѣхъ и потому неумѣстныя въ церковномъ словѣ, изображенія" [359]).

Нѣкоторыя, болѣе серьезныя сочиненія прошли сквозь цензуру Аничкова безъ особыхъ задержекъ. Очень благопріятный отзывъ далъ онъ о „Православномъ нравственномъ богословіи" архм-та Платона (ректора тамбовской семинаріи) [360]), о „Собраніи нынѣ дѣйствующихъ законовъ греко-россійской церкви" [361]), объ „описаніи симбирскаго дѣвичьяго монастыря" Невоструева [362]).

„Утѣшительныя размышленія и молитвы"; „Отверстая дверь благодати"; „Присутствіе Божіе"; „Молитвы на каждый часъ дня и ночи потребныя"; „Умилительныя приношенія или духовные часы жизни христіанина", „Краткое руководство къ обращенію грѣшника на путь истинный" [363]),—не встрѣтили въ преемникѣ Голубинскаго архм. Леонидѣ (Краснопѣвковѣ) привычной отзывчивости.—Леонидъ опредѣлялъ ихъ удѣльный вѣсъ краткими формулами. „И заглавіе и картинки и время изданія—1802 г.—довольно ясно говорятъ, что книга вышла отъ мистиковъ. Это оправдывается и содержаніемъ... Не можетъ быть одобрена къ новому изданію". „Молитвы также не заслуживаютъ одобренія по растянутости. Если и не ставить имъ въ упрекъ, что писаны онѣ на русскомъ, а не на славянскомъ языкѣ, то все же онѣ

---

358) М. Д. Ц. К., 1852, 54.
359) Тамъ же, 1852, 42, 1852, 135; 1853, 23; ср. 1852, 31, 75.
360) Тамъ же, 1852, 107. Въ синодѣ „богословіе" встрѣтило менѣе благосклонный пріемъ. Разсматривалъ его арх. Евгеній астраханскій.
361) Столоначальника кунгурскаго дух. правленія Саввы Попова. М. Д. Ц. К., 1852, 58.
362) Тамъ же, 1852, 41.
363) М. Д. Ц. К., 1852, 29, 28, 20, 124, 19, 84.

совершенно блѣднѣютъ предъ принятыми церковью и хотя, вообще говоря,—вреда читающему не принесутъ, но и пользы душевной не доставятъ". „Изъ предисловія узнаемъ, что цѣль переложенія молитвъ I. Златоуста въ томъ, чтобы стихи, положенные на ноты, „послужили проводниками въ другія сердца всѣхъ мыслей и чувствъ, съ какими написаны подлинныя молитвы".—Слишкомъ нескромныя, заносчивыя претензіи. Какъ будто молитвы I. З. нуждаются въ какомъ-то проводникѣ.., а сами безсильны"... „Книга имѣетъ одностороннее мистическое направленіе"; „Стихотвореніе на день ангела его высокопреосвященства м. Филарета, по скудости мыслей, обоюдности выраженій и догматической погрѣшности, недостойно напечатанія" [364]); „Духовныя стихотворенія"... Маковкина не заключаютъ ничего поэтическаго; стихъ тяжелъ"... [365]).

Зато нравились Леониду „новыя и остроумныя замѣчанія, могущія съ пользою послужить для будущихъ изслѣдователей"; „основательныя и любопытныя свѣдѣнія по части исторіи русской церкви, распространеніе которыхъ въ народѣ полезно"; „поученія, изложенныя слогомъ общепонятнымъ, простымъ, который, однако, не унижается до пошлости"... [366]). Впрочемъ, и въ такихъ случаяхъ, вслѣдствіе разныхъ соображеній, Леонидъ вводилъ въ свои отзывы ограниченія. Рукопись „Сельскій священникъ" могла бы имѣть свое достоинство, еслибы не трудная задача, которую предложилъ себѣ авторъ быть—популярнымъ и безыскусственнымъ. Популярность не вездѣ выдержана и среди самой простонародной рѣчи является недостаточно раскрытое разсужденіе о несложности души... Безыскусственность же доведена до того, что рядомъ съ разсужденіемъ о божественномъ домостроительствѣ нашего спасенія помѣщены въ разговорѣ священника съ крестьянами обстоятельныя наставленія объ унавоженіи полей" [367]). „Въ извлеченіи изъ Хронографа.., хотя много невразумительнаго и страннаго, (о причинѣ грома, о числѣ ангеловъ и пр.), что должно приписать переписчику, отчасти переводчику, и отчасти автору, однако, какъ памятникъ историческій, предназначенный къ напечатанію въ ученомъ изданіи, можетъ быть напечатанъ, особенно если редакція Временника предварить читателей о значеніи рукописи и свойствахъ ея" [368]).

Въ 1853 г. митрополитъ Филаретъ перевелъ Леонида ближе

---

364) Тамъ же, 1852, 22.

365) Тамъ же, 1852, 25. Въ длинныя пререканія вступилъ Леонидъ и съ авторомъ „Потеряннаго и Возвращеннаго Рая", отмѣчая въ поэмѣ мѣста, оскорбительныя для православной церкви,.. сухія рѣчи, приличныя парламентскому резонеру" и пр. Тамъ же, 1852, 31.

366) Тамъ же, 1852, 96.

367) Тамъ же, 1852, 95.

368) Тамъ же, 1852, 37.

къ себѣ, въ московскую семинарію. Сколько вообще вниманія м. Филаретъ удѣлялъ Леониду, объ этомъ, сверхъ частныхъ матеріаловъ [369]), можно судить по слѣдующему письму м. Филарета отъ 24 авг. 1864 г. оберъ-прокурору Ахматову.

„Преосвященнаго Леонида государь удостоилъ особеннаго вниманія (на праздникѣ измайловской богадѣльни). Скажу къ слову, что я очень доволенъ случаемъ представить преосвященнаго Леонида особенному вниманію государя императора. Послѣ владыки Платона викарій Августинъ, не отступая отъ его каѳедры, постепенно занялъ его мѣсто. Не уступитъ ли Господь подобное викарію Леониду послѣ моего смиренія?—Думаю сіе, желая добра московской церкви". На этомъ письмѣ Ахматовъ, въ день своего увольненія отъ должности об.-прокурора, положилъ резолюцію: „Желаніе владыки митрополита о пресв. Леонидѣ извѣстно государю императору и сообщено уже мною графу Дмитрію Андреевичу. Хранить это письмо при дѣлахъ канцеляріи и директору ея напомнить оберъ-прокурору для доклада его величеству, когда Богу угодно будетъ лишить россійскую церковь нынѣ озаряющаго ее свѣтила. Ахматовъ. 3 іюня 1865 г." [369а]).

Цензурный комитетъ при Кіевской духовной академіи.

Комитетъ при старѣйшей духовной академіи, находившейся въ центрѣ обширнаго академическаго округа, явился, согласно устава 1828 года, съ правами весьма ограниченными. Объемъ его вѣдѣнія должны были составлять лишь „небольшія разсужденія, слова и программы, поступающія отъ лицъ собственно училищнаго вѣдомства". И всей своей, въ общемъ весьма блѣдной, исторіей кіевскій комитетъ показалъ, какія неудобства и досадныя чувства возбуждала ограниченная степень компетентности, особенно въ періоды оживленія академической дѣятельности.

Комитетъ при кіевской академіи былъ учрежденъ при ея преобразованіи въ 1819 году. Какъ показываютъ дѣла, сохранившіяся отъ перваго періода его существованія [370]), онъ не держался строго тѣхъ именно границъ, какія для него были проэктированы, а впослѣдствіи и утверждены уставомъ. Главною причиною этого были послабленія м. кіевскаго Евгенія (Болховитинова).

Какъ научному работнику, ему желательно было имѣть у себя подъ рукою комитетъ, имѣющій болѣе широкія права про-

---

[369]) Ср., напр. Русск. Арх., 1906, кн. I, стр. 600—1, 609. Душеполезн. Чт., 1906, 9 кн.

[369а]) Секр. дѣло канц. об.-прокур. св. син., № 239 (1863).

[370]) Начиная лишь съ 1824 г.

пуска книгъ въ свѣтъ. И онъ началъ создавать комитету практику. Прежде всего онъ вносилъ на его разсмотрѣніе собственныя историческія изслѣдованія, какъ напр. „Описаніе кіево-софійскаго собора и кіевской іерархіи“ и Описаніе кіево-печерской лавры“. Подъ наблюденіемъ конференціи рукописи эти комитетомъ были разсмотрѣны и въ нихъ „ничего не найдено противнаго существующимъ правиламъ о печатныхъ книгахъ“ [371]).

Затѣмъ, онъ не отказывался сдавать въ комитетъ для разсмотрѣнія присылаемыя на его имя произведенія, даже такія, какъ „Свѣдѣнія о почтовыхъ и проселочно-повѣтовыхъ дорогахъ по кіевской губерніи, отъ города до города, собранныя въ кіевской почтовой конторѣ“, или: „Обстоятельныя замѣчанія о узнаваніи по барометру качествъ и перемѣнъ воздуха по новѣйшимъ и испытаннѣйшимъ наблюденіямъ“ [372]). Сверхъ того, въ комитетѣ разсматривались труды лицъ, принадлежащихъ къ духовно-учебному вѣдомству и сочиненія студентовъ академіи, предназначавшіяся къ печати [373]).

Даже когда былъ введенъ уставъ духовной цензуры, заинтересованныя лица не оставляли попытокъ раздвигать стѣснявшую ихъ статью устава. Изрѣдка это удавалось, но въ общемъ безплодныхъ попытокъ было гораздо болѣе, чѣмъ осязательныхъ результатовъ.

Въ иные годы вся дѣятельность комитета выражалась въ томъ, что „членъ комитета архим. Іеремія одобрилъ“ нѣсколько словъ своего товарища по цензурѣ прот. Скворцова, а прот. Скворцовъ—нѣсколько словъ Іереміи [374]). Всѣ же остальныя поступленія возвращались обратно со ссылкою, что авторы ихъ не принадлежать собственно къ училищному вѣдомству [375]). Тѣмъ не менѣе вопросъ о правахъ кіевскаго цензурнаго комитета самъ собою выступилъ на сцену съ назначеніемъ на должность ректора кіевской академіи архимандрита Иннокентія. Поставивъ себѣ цѣлью вызвать оживленіе научной и литературной дѣятельности академіи, Иннокентій и его сотрудники сознавали, какъ удобно было бы имъ имѣть собственный полноправный органъ цензуры.

Но въ той же мѣрѣ владыки двухъ прочихъ столицъ сознательно опасались возникновенія именно въ Кіевѣ сколько-нибудь самостоятельнаго органа духовно-цензурнаго надзора. Боль-

---

[371]) Архивъ канцеляріи кіевской духовной академіи, журналы: 2 іюля 1824 г.; 14 декабря 1825 года и 14 мая 1827 г.

[372]) Тамъ же, 1828, 13 января; 1824 г., 1 апрѣля, 1827 г., 11 іюля, ср. 1827 г., 22 сентября.

[373]) Тамъ же, 12 мая 1828 г., 18 августа 1825 г.

[374]) Тамъ же. Опись за 1832 г.

[375]) Журналы: 1834, 10 марта, 1835, 25 февраля, 1839, 17 февраля, 1838, 10 сентября (послѣдній журналъ—о „Ручной книжкѣ» М. Магницкаго, проживавшаго тогда въ Одессѣ).

шинство начинаній Иннокентія встрѣчалось на своемъ пути съ этимъ противодѣйствіемъ. И только искренностью своихъ стремленій онъ успѣлъ добиться нѣсколькихъ частичныхъ уступокъ.

Впервые Иннокентій ощутилъ скрытое противодѣйствіе своему проекту, когда задумалъ основать при академіи журналъ „Благовѣстникъ“. Современное письмо м. м. Филарета удѣляетъ этому вопросу нѣсколько строкъ: „Благовѣстникъ“—какое важное названіе для журнала! Благовѣстникъ то же, что евангелистъ... Не скажутъ ли, что названіе журнала гордо, и не соблазнятся ли? Думаю, что будетъ затрудненіемъ, что вашъ цензурный комитетъ, по уставу, едва ли имѣетъ право пропускать изданіе столь публичное и по нынѣшнему вѣку требующее осторожности. Въ совѣщаніи о семъ подана мнѣ мысль, что вамъ лучше было бы подкрѣплять содѣйствіемъ изданіе Христіанскаго Чтенія“ [376]).

Когда съ разрѣшенія кіевскаго комитета вышли въ свѣтъ первыя отдѣльныя изданія произведеній Иннокентія [377]), и формальная сторона ихъ пропуска не встрѣтила протестовъ Москвы и Петербурга, Иннокентій, принявшись за составленіе „Вертограда духовнаго краснорѣчія“, рѣшился еще разъ напомнить о необходимости полноправія кіевскаго комитета. Но совпаденіе по времени этой робкой попытки съ „негласнымъ дознаніемъ объ образѣ мыслей архм. Иннокентія“ дало поводъ м. м. Филарету прочесть ему такое вразумленіе: „Не вижу я монополіи цензуры духовной (какъ вамъ назвать угодно было), когда и свѣтскихъ цензурныхъ комитетовъ также немного. Есть ли для полтавскаго епископа надобно учредить цензуру въ Кіевѣ: то для иркутскаго гдѣ прикажете?—Есть ли говорить о несообразностяхъ: то будетъ ли сообразность и въ томъ, когда іеромонахъ Мелитонъ будетъ цензоровать епископа Нафанаила. Нельзя все сообразить по желанію каждаго.—Что для „духовнаго вертограда“ нѣтъ близко цензуры, это очень хорошо, чтобы не исполнилось лѣнивое предположеніе одинъ листъ поправлять, а другой печатать. Отдѣлайте всю книгу; всю вдругъ отдайте въ цензуру: дѣло будетъ лучше само на себя похоже“.

И далѣе, въ post-scriptum'ѣ того же письма, митрополитъ вновь возвращается къ сепаратистическимъ стремленіямъ кіевской академіи. „Забылъ было я еще нѣчто сказать вамъ о цензурѣ. У васъ есть цензурное дѣло. Будьте вѣрнѣе вмалѣ, есть-ли хотите быть поставлены надъ многимъ. Нѣкоторыя сочиненія вашихъ студентовъ хороши и православны: но въ иныхъ го-

---

[337]) Матеріалы для біогр. Иннокентія, вып. I. Письма Филарета м. м., стр. 37, отъ 16 апр. 1834 г.

[377]) Журналы, 1835, 2 октября, 28 іюня; 1836, 29 сентября; 26 августа 1835 г., 9 апрѣля 1837 г.

ворятъ, напримѣръ, что догматы развились въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, какъ будто ихъ не преподали Христосъ, апостолы, священныя книги, или бросили тайно малое сѣмячко. Соборы опредѣляли догматы извѣстные, и опредѣленіемъ ограждали отъ лжеученій, а не догматы развивали вновь. Говорятъ, что догматы развиты удачно. Что „церковь во второмъ вѣкѣ утвердила человѣчество І. Х.", какъ будто оно въ первомъ вѣкѣ не утверждалось, и не было извѣстно! Одинъ студентъ разсуждаетъ, можетъ ли Библія быть народною книгою; доказываетъ да и нѣтъ; наконецъ рѣшилъ, что дабы сдѣлать ее народною книгою, надобно выкинуть изъ нея все непонятное: а отецъ докторъ протоіерей Скворцовъ бьется сочинить похвалу студенту и едва наконецъ осмѣливается замѣтить, что не совсѣмъ разрѣшено, что надобно выкинуть изъ Библіи. Послѣ сего едва ли было времени жаловаться на монополію цензуры и желать, чтобы въ Кіевѣ открыто было Порто-Франко цензуры" [378]).

При Иннокентіи права комитета если и были расширены, то только предоставленіемъ ему права разсматривать выпуски вновь основаннаго при академіи журнала „Воскресное чтеніе", что, впрочемъ, было предусмотрѣно уже въ уставѣ духовной цензуры [379]).

Послѣ перевода Иннокентія изъ Кіева и съ назначеніемъ,— по кончинѣ м. Евгенія,—кіевскимъ митрополитомъ Филарета

---

[378]) Матеріалы.., вып. I, стр. 41—43 (отъ 4 янв. 1836 г.). Чтобы фактически обосновать недовѣріе къ способности представителей кіевской академіи быть полноправными цензорами,—время отъ времени создавались инциденты. Такъ, когда «сказаніе о священномученикѣ Макаріи» было представлено въ московскій комитетъ ко второму изданію, кіевскому было поставлено на видъ нарушеніе цензурныхъ формальностей при одобреніи перваго изданія (М. Д. Ц. К., 1834, 61). Производилось и дознаніе о пропускѣ «Кіевскаго мѣсяцеслова» со сказаніемъ о «Байбузской иконѣ», окончившееся, однако, оправданіемъ кіевскаго комитета (Кіев. Д. Ц. К., журн. 15 янв. 1835). Когда въ 1832 г. комитетомъ были пропущены сочиненія студентовъ кіевской духовной академіи, въ томъ числѣ изслѣдованіе «о духоборцахъ» О. Новицкаго,—тотчасъ было разослано комиссіею духовныхъ училищъ циркулярное предписаніе, между прочимъ и по цензурнымъ комитетамъ: «Коммиссія.., говорится здѣсь, возвративъ въ кіевскую духовную академію сочиненія студентовъ оной, совершившихъ нынѣ учебный курсъ, предписала академіи, что если она пожелаетъ нѣкоторыя изъ сихъ сочиненій напечатать, то можетъ сдѣлать сіе, но не иначе, какъ по представленіи каждаго изъ нихъ на разсмотрѣніе въ одинъ изъ цензурныхъ комитетовъ, учрежденныхъ при двухъ прочихъ академіяхъ и по надлежащемъ пропускѣ сими комитетами». М. Д. Ц. К., 1833, 72.

[379]) При этомъ въ собраніи комитета «разсуждено: поелику членъ комитета прот. Скворцовъ есть одинъ изъ издателей, то разсмотрѣніе статей предоставить прочимъ членамъ цензурнаго комитета». Статьи позволено было доставлять въ цензуру во второй корректурѣ, а также «ради поспѣшности и отпускать изъ лаврской типографіи до полученія установленнаго билета, но съ строжайшей отвѣтственностью начальника оной, что листы сіи въ точности напечатаны». Кіев. Д. Ц. К., журн. 23 марта 1837 г.

Амфитеатрова, опасенія насчетъ кіевскаго „порто-франко", повидимому, должны были ослабѣть. И дѣйствительно, какихъ-либо принципіальныхъ протестовъ теперь уже не слышится, зато были выдвинуты соображенія иного рода. „Цензуру учредить въ Кіевѣ, писалъ въ 1840 г. изъ Петербурга м. кіевскій Филаретъ, св. синодъ совершенно согласенъ. Но нѣтъ денегъ на нынѣшній годъ.—Спрашиваютъ меня,—а я васъ и лавру спрошу, нельзя ли на счетъ академіи и лавры содержать цензуру съ уменьшеніемъ оклада? Вотъ препятствіе" [380]).

Вѣроятно, то же препятствіе, какъ поводъ къ отсрочкѣ разрѣшенія дѣла, осталось въ силѣ не только „на нынѣшній годъ". Съ своей стороны комитетъ особенно готовъ былъ подчеркивать ограниченный кругъ своихъ правъ, возвращая, напримѣръ, всѣ безъ исключенія статьи, присылавшіяся изъ мѣстнаго комитета гражданской цензуры [381]), и стараясь оказать косвенное воздѣйствіе на имѣвшихъ извѣстное вліяніе въ Петербургѣ лицъ—Иннокентія, Муравьева, Стурдзу.

Иннокентій, даже находясь въ далекой Вологдѣ, а потомъ въ Харьковѣ, продолжалъ тяготѣть къ кіевскому духовно-цензурному комитету, присылая сюда на просмотръ свои проповѣди не только по-одиночкѣ, но и цѣлыми собраніями. Члены комитета,—особенно же редакторъ-издатель Воскр. чтенія прот. Скворцовъ,—конечно, чрезвычайно внимательно относились къ этимъ „подаркамъ". „Только напередъ скажемъ, писалъ однажды Скворцовъ автору, что если вамъ угодно цензурную печать получить изъ нашей цензуры, то мы дозволимъ только перепечатаніе, т. е. печатаніе того, что помѣщено въ нашемъ журналѣ" [382]).

Изданіе сочиненій въ видѣ оттисковъ статей Воскр. чтенія, какъ средство избѣжать „петербургской цензуры, болѣе затруднявшейся въ такихъ случаяхъ, нежели кіевская" [383]) представлялось для авторовъ довольно удобнымъ. Этой уловкой стали пользоваться не только Иннокентій, но и другіе, какъ напр., епископъ Анатолій Мартыновскій, самъ прот. Скворцовъ,—послѣ оставленія академіи,—кандидаты академіи [384]). Комитетъ не скрывалъ, что въ такихъ случаяхъ онъ поступалъ „не совсѣмъ по нашимъ пра-

---

[380]) Матеріалы..., вып. I. Письма Филарета, м. кіевскаго, стр. 25, 15 марта 1840 г. Ср. А. С. С., 1839, 86.

[381]) Кіев. Д. Ц. К., журн. 1839, 27 февр. Мѣста «изъ Исторіи русской словесности до XVIII в.», проф. Максимовича; 30 іюля и 18 дек. 1845; 8 мая 1848 г.

[382]) Матеріалы для біогр. Иннокентія, вып. II, Письма прот. І. М. Скворцова, стр. 51.

[383]) Тамъ-же, стр. 81.

[384]) Кіев. Д. Ц. К., журн. 28 іюля 1850 г., «справка».

виламъ“, но, ради удержанія за журналомъ сотрудниковъ, „рѣшался“ на это [385]).

Въ 1846 году Иннокентій прислалъ на имя Скворцова изъ Харькова „манускриптъ: Паденіе Адама“,—великопостныя бесѣды 1845 года. Скворцовъ доложилъ общему собранію, что „преосвященный, посылая сіи бесѣды для помѣщенія ихъ въ журналѣ..., изъявляетъ желаніе издать ихъ еще и особою книгою...; посему прошу дозволить сіе изданіе“. Но остальные члены комитета, на основаніи справки изъ устава, „разсудили, что комитетъ не имѣетъ права принимать сочиненій отъ лицъ, состоящихъ внѣ его вѣдомства“. „Въ такомъ случаѣ, заявилъ Скворцовъ, нужно возвратить прот. Скворцову манускриптъ“. Это, разумѣется, было исполнено, хотя уже черезъ годъ послѣ поступленія“ [386]).

Даже когда благонамѣреннѣйшій профессоръ академіи Викторъ Аскоченскій представилъ въ цензурный комитетъ свои вступительныя лекціи по патрологіи, — это обстоятельство вызвало слѣдующія размышленія одного изъ членовъ. „Разсмотрѣвъ и сообразивъ, писалъ онъ, какъ объемъ, такъ и содержаніе и назначеніе оной съ уставомъ духовной цензуры, я нахожу, что, хотя она имѣетъ свое достоинство, но кіевскимъ духовно-цензурнымъ комитетомъ не можетъ быть одобрена къ напечатанію, по крайней мѣрѣ я одинъ, какъ членъ комитета, не могу принять на себя отвѣтственности въ семъ дѣлѣ. Настоящая рукопись не можетъ быть отнесена къ числу мелкихъ какъ по своему объему, ибо состоитъ изъ 66 страницъ довольно частаго письма, такъ и по своему содержанію, ибо она заключаетъ въ себѣ рѣшеніе вопросовъ значительной важности, какъ напримѣръ, кого должно разумѣть подъ именемъ отцовъ въ патрологіи? или: могли ли заблуждаться отцы церкви?“ [387]).

Основываясь на той же буквѣ устава, комитетъ не нашелъ возможнымъ самъ собою разрѣшить второе изданіе брошюры—панегерика А. Н. Муравьева „Кіевъ, въ 1843 году“, пожертвованной имъ лаврѣ. Комитетъ лишь обратился съ ходатайствомъ къ м. Филарету (Амфитеатрову), гдѣ, указывая на отсутствіе важнаго догматическаго содержанія, на небольшой объемъ и на хорошо знакомый именно кіевскимъ цензорамъ предметъ рѣчи,—предлагалъ удовлетворить ходатайство лавры. Членъ комитета Скворцовъ присоединилъ сюда еще особое мнѣніе. „По моему мнѣнію, докладывалъ онъ комитету, нужно просить одинъ указъ, разъ навсегда, святѣйшаго синода о распространеніи права нашей

---

[385]) Тамъ-же, 8 окт. 1842 г. Цензоръ архм. Димитрій внесъ предложеніе: «Не благоугодно ли будетъ комитету, въ благодарность его преосвященству (е. Анатолію) за присланную статью, дозволить напечатать для его пр-ва нѣсколько экземпляровъ?» Дозволено.

[386]) Журналы Кіев. Д. Ц. К., 9 дек. 1846—18 дек. 1847 г.

[387]) Тамъ же, журн. 28 сент. 1844 г.

цензуры на подобныя сочиненія". Но резолюція Филарета носитъ скромный характеръ: „Возвратить экземпляръ въ духовный соборъ, и тѣмъ дѣло оканчивается" [388]).

Ближе къ пятидесятымъ годамъ и м. Филаретъ призналъ необходимымъ установить болѣе дѣйствительный контроль за дѣятельностью комитета, тѣмъ болѣе, что теперь чаще и чаще стали приходить и въ Кіевъ циркуляры—отголоски разныхъ цензурныхъ исторій. Препровождая въ комитетъ синодальный указъ относительно такъ называемыхъ „писемъ Святогорца", митрополитъ сдѣлалъ на немъ слѣдующую отмѣтку: „Смотрѣно. Желательно, чтобы изъ кіевской академіи подобныхъ сочиненій не выходило. А для предосторожности на будущее время представлять предварительно мнѣ о каждомъ сочиненіи, одобряемомъ къ напечатанію" [389]).

Какъ слѣдствіе наступившаго „мудренаго времени" [390]), еще болѣе участились ссылки кіевскаго комитета на ограничительный пунктъ устава. Отъ полнаго бездѣйствія его предохранили лишь особаго рода порученія.

Съ 1850 года м. Филаретъ началъ препровождать въ комитетъ для отзыва поступавшія къ нему проповѣди и краткія церковныя сочиненія сельскихъ священниковъ кіевской епархіи, т. е. лицъ, не принадлежащихъ къ „училищному вѣдомству". Комитетъ рѣшился и въ данномъ случаѣ прибѣгнуть къ обычной ссылкѣ. Митрополитъ отвѣтилъ резолюціей: „Не для того препроводилъ я рукопись въ комитетъ, чтобы онъ далъ свое мнѣніе касательно напечатанія оной,—но думалъ, что отцы цензоры не откажутся помочь моей утружденной на службѣ головѣ и ослабѣвшему отъ старости зрѣнію и доставятъ мнѣ свое мнѣніе для одобренія или для наставленія сочинителю" [391]). Затѣмъ въ комитетъ поступило значительное число рукописей, къ которымъ онъ отнесся въ общемъ благосклонно, хотя и не могъ одобрять къ печати, даже самыхъ лучшихъ [392]).

Далѣе, комитету былъ порученъ предварительный просмотръ актовъ, предназначавшихся къ изданію „Временной кіевской археографической комиссіей". Необходимость представлять всѣ акты, касающіеся церкви, въ спб. духовно-цензурный комитетъ побудила ея предсѣдателя ходатайствовать о предоставленіи соотвѣтствующихъ цензурныхъ полномочій комитету при кіевской академіи. Разрѣшеніе было дано, однако въ такомъ урѣзанномъ

---

[388]) Тамъ-же, журн. 18 декабря 1845 г.

[389]) Тамъ же, журн. 1850 г., 28 сентября; ср. «подтвержденіе», 31 марта 1853 г.

[390]) По выраженію пр. Филарета Гумилевскаго. Матеріалы, вып. I, стр. 121.

[391]) Тамъ же, журн. 1850 г., 29 сентября.

[392]) Тамъ же, 1850, 21 октября; 1851, 5 мая; 1854, 15 апрѣля, 9 іюля 1852

видѣ и съ установленіемъ такой зависимости отъ петербургскаго комитета и синода, что очень скоро Временная комиссія вновь стала направлять болѣе нужные акты непосредственно въ Петербургъ „для избѣжанія медленности“ [393]).

Въ концѣ 1851 года кіевская академія получила синодальное разрѣшеніе издать „сборникъ поученій“ и „опыты“ студенческихъ сочиненій. „Вслѣдствіе разрѣшенія св. синода конференція, избравъ изъ студенческихъ сочиненій XIV-го курса и исправивъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, на первый разъ два: „о благодати по ученію св. отцевъ и подвижниковъ“ и „о жертвоприношеніяхъ въ церкви ветхозавѣтной“, препроводила ихъ въ комитетъ, присовокупляя, что напечатаніе подобныхъ сочиненій разрѣшено св. синодомъ подъ строгою отвѣтственностью за одобреніе ихъ въ цензурномъ отношеніи“ [394]).

Наконецъ, указомъ синода отъ 19 мая 1854 г. предписано было кіевскому комитету разрѣшать недоумѣнія свѣтской цензуры, входя по мѣрѣ надобности и въ разсмотрѣніе ближайшаго содержанія книги [395]).

Подобныя порученія, выполнявшіяся комитетомъ за чужой счетъ, побудили его членовъ обратиться въ 1853 г. въ конференцію академіи съ слѣдующимъ заявленіемъ. „Такъ какъ цензурный комитетъ учрежденъ лишь для разсмотрѣнія мелкихъ сочиненій,.. и такъ какъ въ настоящее время таковыхъ сочиненій и отъ лицъ духовно-учебнаго вѣдомства поступаетъ значительное количество..., и занятій болѣе, чѣмъ при учрежденіи комитета, когда они по легкости могли быть исполняемы безъ вознагражденія..., то комитетъ постановилъ просить конференцію объ исходатайствованіи содержанія членамъ и канцеляріи“. Синодъ, однако, отказалъ въ этой просьбѣ, мотивируя отказъ тѣмъ, что занятія комитета по пересмотру актовъ Временной комиссіи имѣютъ лишь „временный“ характеръ [396]).

Эпилогомъ всѣхъ отмѣченныхъ тщетныхъ попытокъ кіевлянъ служатъ слѣдующія строки письма архм. Антонія (Амфитеатрова) къ Иннокентію отъ 10 сент. 1855 г.:

„Полная исторія академіи нашей пишется: но трудно надѣяться на изданіе ея по причинѣ цензуры; если потребуютъ прислать рукопись въ Питеръ, тамъ ей не будутъ благопріятствовать, ибо Кіева тамъ явно не жалуютъ. Мы просили распространенія правъ нашего цензурнаго комитета, но доселѣ отвѣта

---

393) К. О. П. С. С., 1850, 44.241.

394) Кіев. Д. Ц. К., журн. 4 февр. 1852. Ср. Матеріалы.., для біогр. Иннокентія, вып. II. Письма... архм. Антонія, стр. 59 (18 ноябр. 1852).

395) Тамъ же, журн. 23 дек. 1854;К. О П. С С., 1851.

396) Кіев. Д. Ц. К., журн. 17 марта 1853 г.

нѣтъ. Вообще теперь тамъ медлительность въ дѣлахъ убійственная“ [397]).

Члены кіевскаго комитета, при скудости поступавшихъ въ него сочиненій и вслѣдствіе практиковавшагося тамъ обычая излагать отзывы въ видѣ „общихъ“ по формѣ и шаблонныхъ по содержанію журналовъ, не отразились въ цензурныхъ дѣлахъ настолько, чтобы можно было возсоздавать ихъ личный цензорскій обликъ [398]). Приходится поневолѣ ограничиться перечнемъ ихъ, начиная съ 1824 года: Мелетій (Леонтовичъ); Смарагдъ (Крыжановскій), Кириллъ (Куницкій, ректоръ семинаріи; Іустинъ (Михайловъ, ректоръ семинаріи) 1826—1834; Нилъ (Исаковичъ, іером., инспекторъ академіи); проф. І. Скворцовъ съ 1828 г.; Іеремія (Соловьевъ, инсп. акад.) 1831—1839,

[397]) Матеріалы.., вып. II, стр. 75.

Какія недоразумѣнія и пререканія даже впослѣдствіи, послѣ разныхъ преобразованій комитета, въ состояніи была возбуждать неполная его компетенція,—объ этомъ можно судить, напр., по тѣмъ разсужденіямъ и справкамъ, которыя подняты были въ 1884 г. запросомъ оберъ-прокурора св. синода о пропускѣ сочиненія проф. Н. И. Петрова „Очерки исторіи украинской литературы“. Протоколы кіевской дух. академіи за 1883/4 уч. годъ. (Кіевъ, 1885). стр. 244—49.

[398]) Вотъ, напр., наиболѣе яркіе отзывы прот. Скворцова, самаго долговременнаго участника комитета. «Въ рукописи „о пасхаліи“, свящ. Стельмаховскаго, виденъ трудъ, который полезенъ только для трудившагося, а для другихъ не годится по неисправности слога и пр“. (21 окт. 1850 г.). «Въ «краткомъ уставѣ» свящ. М. Сикачинскаго есть неполнота и невѣрности. Впрочемъ, составитель вообще достоинъ одобренія за вниманіе къ церковнымъ правиламъ и за усердіе дѣлиться своими свѣдѣніями съ другими. Возвращается его высокопреосвященству для архипастырскаго дальнѣйшаго распоряженія“ (7 мая 1851 г).

Цензоръ Даніилъ, разсматривая „Бесѣды объ отношеніи церкви къ христіанамъ“, проф. Я. Амфитеатрова, особенное вниманіе удѣлилъ слѣдующему мѣсту: „Жена, въ качествѣ матери, получаетъ право, которое сильнѣе законовъ и оружія можетъ защитить ее. — Тутъ слово „законовъ“ лучше бы оставить, заявляетъ онъ, чтобы не уронить важности законовъ. Право матери само по себѣ должно быть законно, чтобы доставило ей надежную защиту въ обществѣ и не повело ее къ безчестію“. (22 ноябр. 1852 г.).

Какъ на характерномъ бытовомъ эпизодѣ можно еще остановиться на обстоятельствахъ цензурнаго разсмотрѣнія „чтеній о св. отцахъ церкви“, памятнаго многимъ гомилета Н. Ѳаворова.—Просмотръ былъ порученъ І. Скворцову. Онъ представилъ особое мнѣніе: „Его высокопреподобіе, о. ректоръ семинаріи давно пересматриваетъ эту книгу и потому ему же слѣдуетъ окончить давно начатый пересмотръ“.—Архм. Антоній обидѣлся: „Я вовсе не разсматривалъ этого сочиненія и имѣю теперь другое порученіе—разсмотрѣть герменевтику Платона. Патристика печаталась въ прошломъ году въ Воскр. чтеніи, когда я былъ въ отсутствіи. Вѣрно, цензура была въ рукахъ о. протоіерея, по крайней мѣрѣ ему уже должно быть извѣстно это сочиненіе. Нѣтъ труда вновь скрѣпить его“.

Когда было „объявлено бакк. Н Ѳаворову сіе затрудненіе“, онъ выразилъ готовность „остановить предпринятое намѣреніе“. Комитетъ воспользовался этимъ поводомъ, но, желая придать возвращенію законную форму, онъ второпяхъ произнесъ характерное, утвержденное митрополитомъ, заключеніе: „Возвратить, такъ какъ комитетъ... не имѣетъ права разсматривать сочиненія, заключающія въ себѣ науку“.(!)

Антоній (Шокотовъ, іером., проф.) 1834—6; Григорій (Миткевичъ; инсп. акад.) 1836—7; Димитрій (Муретовъ, инсп. акад.) 1838—45. Евсевій (Ильинскій, ректъ. сем.) 1840—44; Іоанникій (Горскій инсп; акад.) 1845—46; Антоній (Амфитеатровъ, рект. сем.) 1845—51, Ѳеофанъ (Авсеневъ, проф.) 1847—50; Даніилъ Мусатовъ, (инсп. акад.) 1850—3; Нектарій Надеждинъ (рект. сем.) съ 1851 г.; Леонтій Лебединскій, (инсп. акад.) съ 1853 г.

Цензурный комитетъ при Казанской духовной академіи.

Цензура духовныхъ сочиненій по „училищному вѣдомству" казанской духовной академіи была ввѣрена состоявшему при академіи цензурному комитету [399]). Учрежденъ онъ былъ въ 1845 г. по указу св. синода отъ 7 февраля—22 марта изъ трехъ членовъ конференціи: архим. Климента, архим. Серафима и іером. Фотія. По уставу о духовной цензурѣ, казанскому комитету, какъ и кіевскому, предоставлено было право разсматривать только мелкія сочиненія, какъ то: небольшія разсужденія, слова и программы, которыя поступали къ нимъ отъ лицъ собственно ихъ окружнаго училищнаго вѣдомства. Въ виду такой немногосложной работы ихъ членамъ не положено было никакого вознагражденія.

---

[399]) Излагаемыя свѣдѣнія заимствованы изъ Исторіи казанской академіи Знаменскаго, Вып. I, стр. 303—4.—«Въ скрытомъ состояніи» казанскій комитетъ существовалъ и ранѣе. Такъ, въ историческомъ очеркѣ «Старая казанская академія» Ан. Можаровскаго сообщаются нѣкоторыя свѣдѣнія о цензурномъ комитетѣ при этой академіи. Нѣкоторые изъ наставниковъ академіи, говорится здѣсь (напр., префектъ прот. Борисъ Поликарповъ и учитель... прот. Гурій Ласточкинъ), состояли членами цензурнаго комитета учрежденнаго при казанской академіи для разсмотрѣнія проповѣдей, назначаемыхъ къ произнесенію съ церковной каѳедры «ученымъ» священникамъ казанской епархіи. Въ дѣлѣ академическаго архива сохранились и правила, которыми долженъ былъ руководиться цензурный комитетъ при разсмотрѣніи проповѣдей...

«Въ январѣ 1814 г. кол. асс. Михаилъ Морозовъ изъ Ардатова представилъ въ цензурный комитетъ при казанской академіи «своихъ послѣднихъ трудовъ сочиненныя для составленія русской ручной пасхаліи разныя тетради» и «просилъ покорно оныя разсмотрѣть и сдѣлать изъ нихъ всеобщую пасхалію для пользы учащихся». Тетради эти переданы были на разсмотрѣніе члену цензурнаго комитета, учителю чистой математики, прот. Гурію Ласточкину, но у него въ пожарѣ 3 сент. 1815 г. вмѣстѣ съ другими книгами и тетрадями сгорѣли (Дѣло акад. арх. 1817 г. № 87)". Чт. общ. ист. и древн. росс., 1877 г. кн. II, стр. 85—6.

Комитетъ этотъ оказался болѣе живучимъ, чѣмъ сама академія, что, въ концѣ концовъ, привело къ небезынтересному „недоумѣнію".—Когда въ концѣ тридцатыхъ годовъ, церковная власть стала напоминать епархіальнымъ начальствамъ о необходимости окончить, наконецъ, разсмотрѣніе вредныхъ книгъ, между прочимъ, казанскій архіепископъ Владиміръ донесъ, что книги, представленныя въ консисторію, онъ поручилъ разсмотрѣнію казанскаго духовно-цензурнаго комитета. Въ 1842 г. 30 ноября св. синодъ предписалъ ему ускорить

Членами казанскаго цензурнаго комитета послѣдовательно были слѣдующія лица: на мѣсто архим. Серафима, выбывшаго изъ академіи въ 1846 г., назначенъ былъ проф. іером. Антоній Радонежскій; архим. Климентъ и проф. Фотій продолжали служить и второе трехлѣтіе до 1850 г., когда тоже выбыли изъ Казани, а въ 1851 г. вслѣдъ за ними выбылъ и проф. Антоній,—на мѣсто ихъ назначены: инспекторъ Макарій, служившій до 1853 г., проф. Паисій, служившій до 1854 г., и проф. Серафимъ Протопоповъ—до 1856 г.; затѣмъ слѣдовали: архим. Ѳеодоръ Бухаревъ (1854—1858 г.) и протоіерей Андрей Іорданскій (1854—1866 гг.,—четыре трехлѣтія). Кромѣ этихъ постоянныхъ цензоровъ, конференція, по требованію обстоятельствъ, съ разрѣшенія св. синода, назначала иногда еще временныхъ цензоровъ. Въ 1855 г., по случаю изданія проф. Ильминскимъ книги Мухамеда Биркили на арабскомъ языкѣ, котораго наличные цензоры не знали, назначенъ былъ цензоромъ этого изданія проф. Г. С. Саблуковъ. Въ 1857 г. появились переводы книжки преосвященнаго Григорія „День святой жизни" на чувашскомъ и черемисскомъ языкахъ; временнымъ цензоромъ для разсмотрѣнія ихъ назначенъ былъ протоіерей В. П. Вишневскій.

Въ первое время послѣ открытія комитета у него цѣлыхъ 10 лѣтъ не было почти никакого дѣла. Въ своихъ ежемѣсячныхъ донесеніяхъ конференціи онъ только и доносилъ о томъ, что ему ничего не приходилось разсматривать; въ 1847 г. конференція, соскучившись читать эти донесенія, распорядилась даже, чтобы онъ дѣлалъ ихъ не ежемѣсячно, а по третямъ года. На разсмотрѣніе его поступали большею частью только кое-какія проповѣди (преосв. Григорія, архим. Климента и др.); самыми крупными вещами изъ бывшихъ на его разсмотрѣніи въ это время были: „Жизнеописанія казанскихъ чудотворцевъ" баккалавра Елисѣева; „І. Христосъ на Голгоѳѣ, или семь словъ на крестѣ" архим. Антонія Радонежскаго и Русско-калмыцкій словарь свящ. Смирнова. „При всей скудости литературныхъ работъ, поступавшихъ къ нему, онъ, пишетъ проф. Знаменскій, и изъ нихъ добрую половину или браковалъ для печати, или боязливо отстра-

---

разсмотрѣніемъ и доставить свѣдѣніе, что это за духовно-цензурный комитетъ, существуетъ ли онъ нынѣ въ казанской епархіи, если существуетъ, то на какомъ основаніи и какія были занятія его въ истекшемъ и прошедшемъ годахъ. Архіепископъ донесъ, что комитетъ учрежденъ былъ въ 1817 г. преосв. Амвросіемъ (Пратасовымъ), при правленіи казанской академіи, какъ цензурный комитетъ проповѣдей, сказываемыхъ духовенствомъ города Казани и уѣзда его, а по закрытіи академіи въ 1818 г. продолжался оный при семинарскомъ правленіи, и ему же поручено было разсмотрѣніе вредныхъ книгъ; въ 1840 г., по представленіи семинарскаго правленія, что въ немъ нѣтъ болѣе нужды, въ томъ видѣ, какъ онъ учрежденъ первоначально, положено не считать его существующимъ, а членамъ его именоваться просто цензорами проповѣдей". И. Чистовичъ. Исторія перевода Библіи, стр. 102.

нялъ отъ себя. Литературное дѣло было тогда дѣло необычайное и весьма опасное; члены комитета, да и начальство академіи боязливо переворачивали каждую рукопись и такъ и сякъ по цѣлымъ мѣсяцамъ, даже годамъ, не зная, что съ ней дѣлать, браковать или пропустить въ печать, особенно опасаясь пропустить, и нарочно придумывали разные предлоги для того, чтобы какъ нибудь отсунуть ее отъ себя. Въ первый же годъ своего существованія комитетъ былъ обезпокоенъ присылкой отъ попечителя казанскаго округа для цензуры программъ испытанія учениковъ уѣздныхъ училищъ и лицъ, экзаменующихся для полученія перваго чина, по катихизису и св. исторіи; программы эти состояли изъ переписанныхъ въ отдѣльномъ видѣ оглавленій катихизиса митрополита Филарета и учебника свящ. исторіи для народныхъ школъ. И комитетъ и конференція, съ которой онъ снесся по этому дѣлу, нашли, что такое требованіе попечителя превышаетъ ихъ полномочія, и отослали ему присланныя программы обратно, отказываясь ихъ одобрить для печати „по неимѣнію въ виду правилъ касательно печатанія таковыхъ программъ отдѣльно отъ книгъ“. Въ 1848 г. комитетъ пришелъ въ затрудненіе по случаю присланной ему на цензуру рукописи краткой алгебры учителя пермской семинаріи Щапкова; по уставу (§ 348) онъ имѣлъ полное право цензоровать это сочиненіе, какъ назначавшееся въ качествѣ учебника для семинаріи; но дѣло въ томъ, что въ семинаріяхъ былъ уже давно введенъ учебникъ алгебры Себржинскаго, одобренный св. синодомъ,—объ этомъ слѣдовало подумать да и подумать. Подумали и рѣшили—отказать автору подъ предлогомъ величины его сочиненія (30 листовъ), такъ какъ комитетъ имѣетъ право цензоровать только небольшія сочиненія. Въ 1849 г., по причинѣ тоже величины рукописей, комитетъ отстранилъ отъ себя цензуру двухъ брошюръ профессора нижегородской семинаріи іером. Макарія Миролюбова, извѣстнаго изслѣдователя церковныхъ древностей: Сказаніе о жизни и чудесахъ преп. Макарія желтоводскаго и Начертаніе жизни и дѣяній Питирима епископа нижегородскаго. Сочиненія эти напечатаны авторомъ послѣ (первое въ 1857, второе въ 1851 г.) помимо казанской цензуры.—Робость академической цензуры была особенно замѣчательна при разсматриваніи ею рѣчей, читавшихся на академическихъ актахъ 8 ноября и назначавшихся обыкновенно для напечатанія вмѣстѣ съ отчетомъ о состояніи академіи. Комитетъ рано или поздно все таки еще пропускалъ эти рѣчи съ одобреніемъ, но потомъ ихъ задерживалъ у себя ректоръ Григорій. При отъѣздѣ послѣдняго изъ академіи конференція получила отъ него полностью и въ сохранности всѣ рѣчи и отчеты за все время его ректорства и начала было дѣло объ ихъ напечатаніи, но скоро бросила его за неблаговременностью уже такого печатанія. Изъ всѣхъ рѣчей, говоренныхъ на академиче-

скихъ актахъ, въ печати явились только двѣ рѣчи архим. Серафима Аретинскаго и рѣчь: Іисусъ Христосъ на Голгоѳѣ или семь словъ на крестѣ, архим. Антонія Радонежскаго.

„Съ 1855 г. послѣ основанія академическаго журнала дѣятельность комитета сразу оживилась, потому что всѣ статьи журнала проходили чрезъ его цензуру, и самыя книжки Собесѣдника выходили съ его цензурными билетами. Въ прежніе годы онъ разсматривалъ всего по 2—3 статьи въ годъ; въ 1855 г. имъ процензуровано было сразу 28 статей и выдано 3 билета на выпускъ книжекъ журнала... Но только лишь дѣятельность его развернулась, какъ его и самый журналъ постигъ сильный ударъ. Указомъ св. синода отъ 5 марта 1859 г. цензура оригинальныхъ статей журнала была переведена изъ казанскаго въ московскій цензурный комитетъ. Опальное положеніе журнала и цензурнаго комитета продолжалось болѣе полутора лѣтъ. Уже во второй половинѣ 1860 г. дѣятельность комитета снова вошла въ свою обычную колею".

Несмотря на все желаніе церковной власти сосредоточить цензуру въ спеціальныхъ комитетахъ, уже въ данное время были допущены и нѣкоторыя отступленія отъ этого принципа. Выраженіемъ ихъ служило, отчасти, согласіе св. синода на включеніе въ составъ одесскаго комитета иностранной цензуры законоучителя ришельевскаго лицея іером. Порфирія Успенскаго для надзора за пропускомъ въ Россію книгъ религіозно-нравственнаго содержанія [400]); еще болѣе—предоставленіе цензорскихъ полномочій при изданіи въ остзейскихъ и западныхъ губерніяхъ „славянскихъ и русскихъ букварей, въ коихъ находится символъ вѣры, употребляемыя церковью молитвы и вообще мѣста чисто духовнаго содержанія",—мѣстнымъ епархіальнымъ начальствамъ, „во уваженіе отдаленности отъ нихъ духовно-цензурныхъ комитетовъ". Пересмотръ этотъ долженъ былъ производиться въ Ригѣ „по распоряженію тамошняго преосв. викарія, а въ Вильнѣ— архимандрита св.-духова монастыря..., съ тѣмъ, чтобы въ разсмотрѣніи сего рода книгъ и рукописей руководствовались они— викарій и архимандритъ—правилами устава о духовной цензурѣ XIV т." На дѣлѣ, однако, оказалось, что и въ 1843 настоятель виленскаго монастыря просилъ обращавшихся къ нему лицъ „освободить его отъ пересмотра книгъ, такъ какъ онъ не имѣетъ отъ начальства своего никакого на то приказанія" [401]).

---

[400]) А. С. С, 1832, 156.

[401]) А. С. С., 1837, 1479. „Преосв. Іосифъ увѣдомилъ, что впредь до перемѣщенія въ Вильну епархіальнаго управленія цензоромъ назначенъ протоіерей виленскаго николаевскаго собора Василій Поповъ.

ГЛАВА VII.

Взаимныя отношенія духовной и свѣтской цензуры въ царствованіе Николая I и комитетъ 4 апрѣля 1851 г.

Въ николаевскую эпоху почти у каждаго вѣдомства была собственная цензура. Этотъ фактъ вообще никого не удивлялъ; напротивъ,—необходима была даже извѣстная доля рефлексіи, чтобы—подобно Никитенко—заняться счетомъ существовавшихъ въ Россіи цензуръ и насчитать ихъ до двѣнадцати [1]).

Въ каждой отрасли государственнаго управленія существовали свои тайны, которыя, предполагалось, невѣдомы даже занимающимъ высшіе посты въ другихъ сферахъ. Почти каждый департаментъ имѣлъ и ревниво оберегалъ свою традиціонную точку зрѣнія на теченіе государственной жизни и по одному этому считалъ себя вправѣ имѣть и собственную цензуру. О тонѣ между - вѣдомственныхъ сношеній, вызванныхъ цензурными недоразумѣніями, можно судить уже по слѣдующей претензіи почтоваго вѣдомства къ министерству народнаго просвѣщенія. Негодуя на пропускъ общей цензурой замѣтки академика Кеппена о почтовыхъ порядкахъ, содержавшей „разборъ коренныхъ почтовыхъ законовъ“ и обнаруживавшей „незнаніе видовъ высшаго Правительства, по которымъ оно дѣйствуетъ“, главноуправляющій почтами предъявилъ прямое требованіе обезоружить „дерзость“ автора и цензора и всѣ статьи о почтовой части представлять на его разсмотрѣніе [2]).

Конечно, путемъ такихъ взаимныхъ внушеній воспитывалось и стремленіе избѣгать непріятныхъ конфликтовъ, сходиться на принципѣ suum cuique. „Планы, фасады, чертежи и рисунки по части строительной и путей сообщенія“ предупредительно отсылались въ главное управленіе путей сообщенія и публичныхъ зданій; критическія статьи о военномъ образованіи — въ

[1]) Записки и дневникъ т. 1., стр. 518-19.

[2]) «Выписки изъ цензурныхъ дѣлъ». имп. публ. библ., II, л. 1151 (29 окт. 1841 г.).

военно-цензурный комитетъ; „критическіе разборы" частными лицами изданій археографической комиссіи—на разсмотрѣніе канцеляріи министерства народнаго просвѣщенія [3]) и такъ далѣе въ томъ же родѣ.

На почвѣ такого разграниченія вѣдомствъ и духовно цензурный надзоръ—съ одной стороны пріобрѣталъ и могъ отстаивать свою самостоятельность и исключительность, а съ другой—долженъ былъ считаться съ принятымъ междувѣдомственнымъ этикетомъ [4]). Эти общія положенія могли лишь упрощаться или

---

[3]) Тамъ-же, л. 1251 и слѣд., 1846 г. 4 марта.

[4]) Самостоятельность духовно-цензурнаго надзора отлилась теперь въ болѣе устойчивыя формы, хотя, несомнѣнно, она далеко не приняла того облика, который нѣсколько ранѣе старался намѣтить ревнитель александровскаго времени архим. Иннокентій (Смирновъ). Въ своемъ представленіи комиссіи духовныхъ училищъ отъ конца 1813 или начала 1814 г. онъ, имѣя въ виду пропускъ книги Монтескье «о существѣ законовъ», между прочимъ, писалъ:

«Свѣтская цензура не всегда можетъ разсматривать духовные предметы съ надлежащею строгостію, какъ потому, что многіе частные догматы и постановленія церкви ей неизвѣстны, такъ и потому, что смотрѣнію ея вручена польза гражданская, а не церковная, хотя бы, по обязанности, свойственной каждому христіанину-гражданину, и не надлежало имѣть таковой разграниченности.

„Посему предполагается испросить, гдѣ слѣдуетъ, того, чтобы никакое сочиненіе, относящееся къ постановленіямъ церкви, къ христіанской нравственности и ученію, не одобрялось свѣтскимъ цензурнымъ комитетомъ.

„Сверхъ сего встрѣчаются одобренныя свѣтскою цензурою такія книги, которыя заключаютъ въ себѣ и духовное и гражданское... Польза церкви, неразрывно сопряженная съ благоденствіемъ отечества, требуетъ, чтобы сочиненія сего рода не возмущали христіанъ простыхъ, часто довѣряющихъ болѣе мнѣнію публики, нежели своему. Пастыри, имѣющіе отдать отчетъ за каждаго пасомаго на судѣ Божіемъ, по обширнымъ обязанностямъ не могутъ нисходить до тѣхъ подробностей, чтобы каждая книга, вручаемая обществу, проходила чрезъ ихъ руки. Слѣдовательно, довѣріе, данное свѣтскому начальству, въ разсужденіи разсматриванія и одобренія книгъ, должно вспомоществовать пользѣ общественной и церковной, а не вводить такихъ новостей, которыя оскорбляютъ служителей церкви и ниспровергаютъ самую церковь; притомъ не хвалить ихъ, какъ произведенія безсмертныя и единственныя, что дѣлаютъ г.г. журналисты, вѣроятно, не читавши всего сочиненія, или токмо наемнымъ языкомъ въ пользу своихъ журналовъ и какой-либо личности.

«Въ предотвращеніе сего вреда можетъ быть предположеніе таково.: «Духовный цензурный комитетъ, усмотрѣвъ книгу, заключающую въ себѣ предметы духовные и гражданскіе, уже напечатанную по одобренію свѣтской цензуры, но не безопасную по нѣкоторымъ замѣчаніямъ, имѣетъ право пересмотрѣть оную книгу, и есть ли найдетъ что-либо противное даннымъ постановленіямъ,—просить комиссію духовныхъ училищъ о запрещеніи сей книги, показывая достаточныя тому причины. 2) Епархіальный преосвященный, въ подобномъ случаѣ, поручаетъ цензурному комитету разсмотрѣніе сочиненій, и цензурный комитетъ поступаетъ по высшему пункту сего предположенія».

Несвоевременность этихъ плановъ признала прежде всего сама комиссія въ своихъ журналахъ: «Что-же принадлежитъ до мнѣнія цензурнаго комитета о присвоеніи ему права пересматривать духовно-гражданскія книги, по одобренію свѣтской цензуры напечатанныя, и представлять о воспрещеніи тѣхъ изъ оныхъ, въ коихъ найдется что-либо противное постановленіямъ: то предметъ сей оставить до будущаго разсмотрѣнія комиссіи». К. Д. У., 1814, 1135.

осложняться въ зависимости отъ условій времени и личныхъ взглядовъ дѣятелей.

Центральная цензура, чрезъ которую проходила главная масса печатнаго матеріала, попрежнему сосредоточивалась въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. И необходимость установить болѣе опредѣленныя отношенія прежде всего къ этой великой цензурной державѣ сознавало каждое вѣдомство. Имѣлъ свою исторію и вопросъ о границахъ цензурной компетенціи уваровскаго и пратасовскаго вѣдомствъ.

Въ первые два-три года царствованія Николая I, когда гражданская цензура руководилась знаменитымъ цензурнымъ уставомъ Шишкова, а духовная академическая оставалась при одномъ проектѣ устава,—первая съ успѣхомъ могла бы расширять свои прерогативы насчетъ второй. Ревность устава по искорененію всего сомнительнаго, какъ въ свѣтской—политической, такъ и въ религіозной сферѣ, повидимому, содѣйствовала этому.

Тѣмъ не менѣе, рѣзкихъ обнаруженій захватнаго права не наблюдается. Правда, главный цензурный комитетъ иногда своею властью одобрялъ къ печати такія сочиненія, которыя въ послѣдующее время передавались уже въ духовную цензуру. Зато онъ не упускалъ и случаевъ подчеркнуть признаніе имъ ея компетентности,—справляясь даже по мелкимъ поводамъ, „не находится ли въ препровождаемой при семъ рукописи чего-либо непозволительнаго въ духовномъ отношеніи“ [5]).

Въ 1828 году были утверждены новые уставы той и другой цензуры. Параграфами и примѣчаніями старались они уничтожить возможность тренія между учрежденіями, преслѣдующими общія цѣли, съ несходными, однако, критеріями. Но, разумѣется, и на этотъ разъ одно перечисленіе различныхъ категорій сочиненій, относимыхъ къ одной и къ другой цензурѣ, не положило

---

5) СПБ. Д. Ц. К., 1827, 1, 28, 31; 1828, 17, 14; М. Д. Ц. К., 1828, 2, 17.

Между другими была препровождена въ духовную цензуру и рукопись «Роспись россійскимъ книгамъ для чтенія изъ библіотеки Смирдина, ч. I, отд. I, содержащая сочиненія богословскія». «Главный цензурный комитетъ, не зная, не заключаются ли въ числѣ помянутыхъ книгъ подвергнутыя запрещенію», счелъ долгомъ препроводить рукопись въ д.-ц. комитетъ.

Членъ дух.-цензурнаго комитета Антоній потребовалъ исключенія «запрещенной указомъ св. синода отъ 14 мая 1825 г. книги «Краткія разсужденія о важнѣйшихъ предметахъ жизни христіанской», также книгъ «сомнительныхъ въ томъ отношеніи, съ дозволенія ли св. синода или духовныхъ цензуръ онѣ напечатаны, какъ требуется упомянутымъ указомъ, какъ то: «Бесѣды учителя съ учениками о догматахъ христіанской вѣры“, „Торжество Евангелія“, „Размышленія Іерусалема“, „Душеспасительныя размышленія Гіонъ“, „Нѣкоторыя черты о внутренней церкви“ Лопухина, „Нѣчто о сущности христіанства“, его же, «Тоска по отчизнѣ», «Угрозъ Свѣтовостоковъ» и нѣк. др. СПБ. Д. Ц. К., 1827, 23.

точныхъ границъ ихъ дѣятельности. Оставалось достаточно мѣста какъ для болѣе или менѣе удачныхъ толкованій статей устава исполнительными органами, такъ и для самовластныхъ притязаній главъ вѣдомствъ.

Конечно, духовно-цензурнымъ комитетамъ рѣдко приходилось направлять въ учрежденія гражданской цензуры не по принадлежности присланныя къ нимъ сочиненія [6]). Авторы и издатели обыкновенно хорошо различали эти цензурныя инстанціи, особенно въ то, правда, слишкомъ короткое время, пока гражданская цензура сохраняла характеръ „таможни" и не превратилась еще въ „фабрику". Чаще требовали, по разнымъ поводамъ, мнѣнія представителей спеціальнаго церковнаго надзора комитеты гражданской цензуры. При этомъ запросы ихъ часто изложены въ весьма любезномъ тонѣ, носятъ характеръ извиненія за невольное безпокойство. Препровождая, напр., въ петербургскій духовно-цензурный комитетъ двѣ главы переводнаго сочиненія: „Истина, какъ предметъ человѣческаго представленія", членъ гражданской цензуры А. Никитенко писалъ: „главы эти..., хотя и заключаютъ въ себѣ мысли, исполненныя христіанской назидательности, но въ то же время въ нихъ содержится частью догматическое, а частью историческое изложеніе главнѣйшихъ истинъ откровенія, потому, по 2 прим. § 23 уст., препровождаются въ духовно-цензурный комитетъ" [7]). Или: „хотя стихотворное переложеніе изъ свящ. писанія,—изъ кн. Іова,—какъ произведеніе литературное, и можетъ подлежать разсмотрѣнію свѣтской цензуры, но какъ при сличеніи нѣкоторыхъ мѣстъ переложенія съ славянскимъ текстомъ оказывается, что въ оныхъ авторъ... дозволилъ себѣ собственныя добавленія", то отсылается въ духовно-цензурный комитетъ" [8]).

Однако, самая форма изложенныхъ препроводительныхъ записокъ говоритъ о томъ, что свѣтскіе цензоры предпочитали лишь въ дѣйствительно затруднительныхъ случаяхъ пользоваться цитируемымъ выше примѣчаніемъ § 23 устава. Болѣе внимательные изъ нихъ къ авторамъ сознавали, что цензура духовная, въ общемъ, скорѣе чѣмъ гражданская, способна была „растерзать бѣдную книгу" [9]). Поэтому, даже подъ постояннымъ опасеніемъ кары за нарушеніе устава, они всетаки рѣшались придавать возможно широкій смыслъ тѣмъ его выраженіямъ, которыя признавали и за комитетами гражданской цензуры извѣстныя полномочія въ дѣлѣ пропуска сочиненій, „относящихся къ вѣрѣ".— Это обстоятельство было вскорѣ подмѣчено церковною властью,

---

[6]) СПБ. Д. Ц. К., 1832, 14; 1834, 31 (Руководство къ педагогикѣ); 1846, 12.
[7]) СПБ. Д. Ц. К., 1834, 28.
[8]) Тамъ же, 1836, 12.
[9]) Никитенко, Записки и дневникъ, т. I, стр. 320: Рѣчь идетъ объ Аскольдовой могилѣ Загоскина, ср. М. Д. Ц. К., 1833, 10.

и незначительный самъ по себѣ фактъ далъ ей поводъ выразить недовольство послабленіями гражданской цензуры при изданіи „введенія въ философію“ свящ. Ѳ. Сидонскаго, „Аскольдовой могилы“ Загоскина и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ.

Въ Сѣверной Пчелѣ за 1834 годъ былъ помѣщенъ разборъ Всеобщей исторіи Кирова, составленный, по мнѣнію духовнаго начальства, „въ духѣ несогласномъ съ св. писаніемъ, насчетъ истинъ коего встрѣчаются въ разборѣ даже непристойныя,—ни зрѣлаго сужденія, ни благонамѣренности не обнаруживающія— выраженія“. Въ чемъ они заключались, объ этомъ долженъ былъ свидѣтельствовать слѣдующій отрывокъ изъ критической замѣтки: „Всѣ любители наукъ будутъ г. Кирову благодарны за его сочиненіе. Это плодъ новаго взгляда на науку, очищенный критикою и украшенный улучшеніями современныхъ ученыхъ, трудящихся для исторіи. Начиная лѣтосчисленіе отъ Рождества Христова впередъ и назадъ, г. Кировъ избѣжалъ большого неудобства лѣтосчисленія съ перваго дня сотворенія міра, лѣтосчисленія всегда по необходимости невѣрнаго и невѣроятнаго. Онъ избавилъ себя отъ безполезнаго труда разсказывать событія первыхъ вѣковъ міра, недоступныя для исторической критики, и много улучшилъ трудъ своимъ изложеніемъ начала земли и рода человѣческаго по теоріямъ новѣйшихъ мыслителей“.

„Чтеніе сего разбора, заявляло отношеніе оберъ-прокурора Нечаева, можетъ оскорбить всякаго благочестиваго читателя, а самая книга г. Кирова, который, чрезъ столько тысящелѣтій, излагаетъ новую для насъ систему о началѣ міра, можетъ имѣть вредное вліяніе на образъ мыслей неопытныхъ и породить между народомъ недовѣрчивость къ св. писанію, въ такое время, когда благочестивѣйшій государь ревностно дѣйствуетъ къ утвержденію и огражденію вѣры въ государствѣ“.

Въ представленіи, которое Нечаевъ, по порученію св. синода, сдѣлалъ министру народнаго просвѣщенія, рекомендовалось „обратить вниманіе на прописанныя обстоятельства“ вмѣстѣ съ просьбой: „неблагоугодно ли будетъ запретить означенную книгу или приказать очистить отъ всего того, что противно св. писанію и ученію нашей церкви, и на будущее время воспретить цензурѣ, какъ московской, пропустившей такое сочиненіе, такъ и здѣшней, дозволившей напечатать подобный разборъ оной, пропускать такого рода книги, клонящіяся къ поколебанію основныхъ истинъ нашей религіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, писалъ въ заключеніе Нечаевъ, не признаете ли вы, м. г., за нужное обратить вниманіе также на автора книги и писавшаго разборъ оной, а равно и на обоихъ цензоровъ и самого редактора Сѣверной Пчелы“ [10]).

[10]) Выписки изъ цензурныхъ дѣлъ..., т. I, л. 33. Отношеніе об.-прок. Нечаева отъ 18 іюля 1834 г.

Вскорѣ возникли громкіе инциденты по поводу пропуска „Философическаго письма“ Чаадаева, стиховъ „Къ красавицѣ“, сопрождавшіеся апелляціей духовной власти къ государю чрезъ Бенкендорфа [11]). Это, въ концѣ концовъ, не могло остаться безъ вліянія на свѣтскую цензуру и въ значительной мѣрѣ подготовило ее къ непротивленію настойчивымъ домогательствомъ Пратасова. Послѣдній, изъ министерства Уварова перейдя на самостоятельный „министерскій“ постъ, оставаясь, хотя и номинально, по 1850 годъ присутствующимъ въ главномъ управленіи цензуры [12]) и имѣя своимъ помощникомъ бывшаго цензора Сербиновича, не расположенъ былъ къ особенной уступчивости въ угоду недавнему начальнику. Впрочемъ, онъ здѣсь былъ не одинъ. Такъ, въ началѣ 1839 г. Уваровъ получилъ слѣдующее предложеніе Бенкендорфа, по поводу напечатанныхъ въ журналѣ... „Галатея“ стихотвореній „Царевы предложенія“ и „Жажду, пятое слово Спасителя на крестѣ“. „Находя не совсѣмъ приличнымъ помѣщеніе чисто духовныхъ статей, вмѣстѣ съ легкими статьями литературы, новостей и модъ, я долгомъ поставляю сообщить вашему высокопревосходительству съ тѣмъ, не изволите ли вы признать за нужное сдѣлать по сему предмету какое-либо ограниченіе, чтобы впредь подобныя статьи не иначе могли быть помѣщаемы, какъ съ дозволенія духовной цензуры“ [13]).

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ съ такимъ же предложеніемъ обратился къ Уварову и самъ Пратасовъ, по поводу третьяго изданія книги „Часы благоговѣнія“. Ей еще удалось, благодаря хлопотамъ переводчика д. с. с. Крылова, пройти чрезъ гражданскую цензуру, въ чемъ, кстати, нѣкоторые хотѣли видѣть знаменіе времени. Такъ, пострадавшій незадолго предъ тѣмъ Сидонскій писалъ Погодину: „кажется, все подвигается къ лучшему. По крайней мѣрѣ, то явленіе, что „Часы благоговѣнія“ шли не чрезъ духовную цензуру, мнѣ очень пріятно“ [14]).

Но если судьба данной книги и явилась выразителемъ правительственныхъ теченій, то совсѣмъ не тѣхъ, которыя хотѣлъ видѣть авторъ письма. Съ просьбой о распространеніи книги Крыловъ обратился къ Блудову; послѣдній передалъ это ходатайство на обсужденіе синода. Книга была подвергнута цензурному разсмотрѣнію, причемъ найдены были въ ней и мѣста, „несовершенно согласныя съ правилами и ученіемъ православной церкви“. На основаніи этого отзыва отношеніе Пратасова отъ 23 авг. 1839 г. категорически заявляло:... „Поелику книга

---

[11]) О значеніи послѣдняго въ литературной области см., напр., въ изслѣдованіи М. Лемке: «Николаевскіе жандармы и литература, 1826 — 1855. Изд. С. В. Бунина, 1908», стр. 19—26; ср. 11—16.

[12]) Всепод. докл., хран. въ канц. об.-прок. 1850, 25 февр., № 33.

[13]) Выписки изъ цензурныхъ дѣлъ, т. I, л. 4, 25 апр. 1839 г.

[14]) Жизнь и труды Погодина, кн. IV, 243.

Часы благоговѣнія, заключая въ себѣ много предметовъ касательно религіи, издана въ свѣтъ съ дозволенія свѣтской цензуры, то св. синодъ поручилъ мнѣ отнестись къ вашему высокопревосходительству съ покорнѣйшей просьбой не оставить обратить вниманіе на сіе обстоятельство и подтвердить свѣтскимъ цензурнымъ комитетамъ, чтобы сочиненія и переводы, заключающіе въ себѣ предметы духовные, въ какой бы то мѣрѣ ни было, пропускаемы были къ напечатанію не прежде, какъ по предварительномъ объ нихъ сношеніи съ комитетами духовной цензуры" [15]).

Какое впечатлѣніе произвелъ вызванный этимъ отношеніемъ циркуляръ въ учрежденіяхъ гражданской цензуры, можно судить по слѣдующей записи дневника Никитенко—подъ 25 августа: „Въ цензурномъ уставѣ есть статья, въ силу которой книги нравственнаго содержанія, хотя бы основанныя на св. писаніи и подкрѣпленныя текстами изъ него, пропускаются свѣтскою цензурою. Въ духовную же отсылаются только догматическія и церковно-историческія. Теперь мы получили отъ министра предписаніе, основанное на отношеніи св. синода, чтобы всѣ сочиненія „духовнаго содержанія, въ какой бы то мѣрѣ ни было", отсылались въ духовную цензуру. Что это значитъ? Законъ, изданный самодержавной властью, отмѣняется оберъ-прокуроромъ синода? Но такія вещи не въ первый разъ случаются въ нашей администраціи. Въ настоящемъ случаѣ цензура въ большомъ затрудненіи. Рѣдкая журнальная статья не должна будетъ отсылаться въ духовную цензуру. Я просилъ князя Волконскаго сдѣлать объ этомъ представленіе министру. Онъ сдѣлалъ уже. Мы спрашиваемъ: „Чему должно слѣдовать—новому распоряженію или высочайше утвержденному тексту цензуры?" [16]).

Но Уваровъ не желалъ отвѣчать на такъ остро поставленные его подчиненными вопросы. Это ясно показало отношеніе его къ задержкѣ статьи кіевскаго профессора Максимовича „Сказаніе о колiивщинѣ". Пратасовъ не призналъ удобнымъ помѣщеніе этой статьи, „заключающей въ себѣ описаніе неистовыхъ дѣйствій религіозной вражды по поводу уніи", въ кіевскомъ сборникѣ. Въ отвѣтъ на новые доводы и разъясненія Максимовича Уваровъ заявилъ, что „не хочетъ вмѣшиваться тамъ, гдѣ замѣшалась духовная цензура" [17]).

Слѣдовать этой политикѣ невмѣшательства и даже уступокъ Уваровъ имѣлъ достаточныя основанія. Правда, незадолго предъ тѣмъ, именно онъ явился „избраннымъ мужемъ, провозгласителемъ великаго символа русской жизни", формулировав-

---

[15]) Выписки... I, л. 103.
[16]) Записки и дневникъ. т. I, стр. 399.
[17]) Барсуковъ. Жизнь и труды Погодина, т. VI, 63; выписки изъ цензурн. дѣлъ, I, л. 136. (15 дек. 1839 г.).

шимъ взглядъ на православіе, какъ на одно изъ „истинно русскихъ охранительныхъ началъ, послѣдній якорь нашего спасенія и вѣрнѣйшій залогъ силы и величія нашего отечества“ [18]). Включеніемъ „православія“ въ тройственную формулу, министерство Уварова, по его собственному объясненію, съ самаго же начала ясно обнаружило свое „стремленіе ко всему положительному въ отношеніи къ предметамъ христіанскаго вѣрованія и удаленіе отъ всѣхъ мечтательныхъ призраковъ, слишкомъ часто помрачавшихъ чистоту священныхъ преданій церкви“ [19]).

Но когда послѣдователи Уварова—Пратасовъ и Сербиновичъ, исходя изъ провозглашенныхъ имъ основъ, начали детально опредѣлять „священныя преданія церкви“, министръ народнаго просвѣщенія долженъ былъ уже имъ предоставить роль „крайнихъ судей“ въ этой области. Притомъ, они, близко знакомые по прежней службѣ съ министерствомъ народнаго просвѣщенія, легко могли отмѣчать грѣхи невѣдѣнія или небрежности его дѣятелей, что можно подтвердить нѣсколькими фактами.

Въ то время, какъ духовная цензура тщательно очищала мысли и выраженія издаваемыхъ коммерческимъ людомъ брошюръ священно-историческаго содержанія, благонамѣренное уваровское министерство десятками изданій воспроизводило прежніе учебники. Когда же, по переходѣ въ вѣдомство православнаго исповѣданія, Пратасовъ возбудилъ вопросъ о пересмотрѣ духовными лицами этихъ учебниковъ при новыхъ изданіяхъ [20]), въ нихъ были обнаружены многіе недочеты. Такъ, въ „таблицахъ для взаимнаго обученія“ было найдено около двухсотъ „разностей въ текстѣ“, съ которыми такъ не мирилось тогда сознаніе охранителей. О небрежности изданія свидѣтельствовало и то, что къ четвертому изданію слово „мытари“ превратилось въ „матери[21]). Не мало ошибокъ и анахронизмовъ было найдено въ „изъясненіяхъ на воскресныя евангелія“. Затѣмъ, въ предположенномъ къ изданію московскимъ учебнымъ округомъ „начальномъ чтеніи для развитія нравственныхъ понятій“ духовная цензура замѣтила уже появленіе вольныхъ тенденцій. „Не упомянуто, заявляла она, ни объ искусителѣ, ни о проклятіи Богомъ, ни о вліяніи грѣха прародительскаго на весь родъ человѣческій, ни объ обѣтованіи Спасителя, т. е. ни объ одной изъ истинъ, составляющихъ первыя основанія христіанства“. Подобныя же мнѣнія отмѣтила она и въ другихъ частяхъ учебника [22]).

Послѣ того, какъ всѣми этими „разборами“ пособій къ преподаванію закона Божія была доказана некомпетентность министер-

---

[18]) Барсуковъ, назв. соч., кн. IV, стр. 2.
[19]) «Десятилѣтіе минист. нар. просв. 1833—1843 г.г.», стр. 96.
[20]) А. С. С., 1837, 1476.
[21]) А. С. С., 1842, 30; Спб. Д. Ц. К. 1842, „дѣло о разсмотрѣніи таблицъ“...
[22]) А. С. С., 1841, 458.

ства, духовно-цензурному надзору можно было оказывать въ данной области свое воздѣйствіе и далѣе, до того, что въ 1851 году, по предложенію самого министра народнаго просвѣщенія Ш.-Шихматова, признано было необходимымъ замѣнить, по возможности, въ этихъ учебникахъ русскій языкъ славянскимъ [23]).

Показателемъ того, въ какой степени гражданская цензура, находившаяся въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, не могла приспособиться къ тогдашнимъ заботамъ о достоинствѣ православія [24]), служитъ слѣдующій, уже нѣсколько затронутый выше, фактъ.

Въ 1845 году Пратасовъ обратился къ Уварову съ заявленіемъ: „Въ изданномъ, писалъ онъ, въ прошедшемъ году адресъ-календарѣ спб. жителей, кромѣ многихъ другихъ ошибокъ, касающихся духовнаго православнаго вѣдомства, въ статьѣ о святѣйшемъ синодѣ, вмѣсто означенія составляющихъ оный седьми высшихъ духовныхъ особъ, пребывающихъ въ столицѣ, показано подъ общимъ наименованіемъ „присутствующихъ“ только одно духовное лицо и три свѣтскія (оберъ-прокуроръ и чиновники за оберъ-прокурорскимъ столомъ). Подобное изложеніе, представляя составъ высшаго управленія нашей церкви въ превратномъ видѣ, несовмѣстимомъ съ церковными и государственными узаконеніями, можетъ ввести незнающихъ въ заблужденіе, тѣмъ болѣе, что означенный адресъ-календарь показанъ въ заглавіи „составленнымъ по оффиціальнымъ документамъ и свѣдѣніямъ“.

На основаніи этого сообщенія статья о синодѣ была исправлена,—но опять вызвала возраженія: въ ней попрежнему въ разрядъ „присутствующихъ“ были включены три свѣтскія лица. Наконецъ, канцелярія оберъ-прокурора сама составила проектъ правильнаго изложенія, причемъ дала и всѣ необходимыя техническія указанія, какъ-то: „Заголовка „Присутствующіе“, наставляла она, должна быть напечатана одинаковымъ шрифтомъ съ заголовкою „Члены“, и заголовка „Чиновники“—одинаковымъ шрифтомъ съ „Оберъ-Прокуроръ“, притомъ шрифтъ двухъ послѣднихъ заголовокъ... долженъ быть „мельче двухъ первыхъ“ [25]).

Преемникъ гр. Уварова кн. П. А. Ш.-Шихматовъ готовъ былъ употребить всѣ усилія, чтобы достигнуть полнаго единства

---

[23]) К. О. П. С. С., 1851, 45999.

[24]) Въ дневникѣ Никитенко встрѣчается не одно мѣткое замѣчаніе относительно тогдашнихъ хлопотъ о церкви Пратасова, Сербиновича, Бурачка, Муравьева, Аѳанасія, Райковскаго (стр. 399, 451, 447, 350, 417, 468) и ревности ихъ ко священнымъ преданіямъ (467, 419; 387). И, очевидно, ихъ постояннымъ давленіемъ болѣе всего объясняется слишкомъ „внимательное чтеніе «самимъ Никитенко произведеній, сколько-нибудь затрогивавшихъ религіозныя темы. Сравн. книгу: „На славномъ посту, 1860—1900“. Литературный сборникъ, ч. II. В. Семевскій: Изъ исторіи общественныхъ идей въ концѣ 40-хъ годовъ, стр. 116—7. (Примѣры разбора Никитенко стихотвореній Плещеева).

[25]) К. О. П. С. С., 1845, 35537.

дѣйствій всѣхъ ревнителей въ дѣлѣ охраненія народной вѣры и нравственности и, прежде всего, конечно, въ области цензуры. Министръ—онъ, однако, охотно выступалъ въ роли цензора. Его сужденія и критеріи могли служить урокомъ даже для духовныхъ цензоровъ пятидесятыхъ годовъ. Со всѣхъ сторонъ осматривалъ онъ сомнительное произведеніе вплоть до оцѣнки умѣстности употребленія, въ каждомъ данномъ случаѣ, словъ: „ангелъ, небесный, обожать, боготворить“[26]).

Впрочемъ, кромѣ корректурныхъ занятій, Ш.-Шихматовъ составлялъ и цѣлые доклады—трактаты по цензурнымъ и близкимъ къ цензурѣ вопросамъ.

Согласно съ Пратасовымъ онъ докладывалъ государю о необходимости преобразовать университетское преподаваніе такимъ образомъ, чтобы впредь всѣ положенія и выводы науки были основываемы не на умственныхъ, а на религіозныхъ истинахъ, въ связи съ богословіемъ. И заручившись высочайшимъ одобреніемъ такихъ взглядовъ, Ш.-Шихматовъ старался уже быть точнымъ исполнителемъ воли государя[27]). „Высочайше утвержденная инструкція ректору и деканамъ, писалъ онъ по одному поводу попечителю московскаго округа, вмѣстѣ съ новыми строгими правилами, которыми руководствуется теперь цензура, не даютъ уже мѣста никакому сколько-нибудь уважительному извиненію профессора [28]) въ прежнихъ примѣрахъ преподаванія или въ дозволенныхъ прежнею цензурою книгахъ. Профессоръ, при составленіи своихъ лекцій, можетъ и долженъ пользоваться всѣми учеными источниками, имѣющими болѣе или менѣе близкое отношеніе къ его предмету; но направленіе этихъ лекцій остается на его отвѣтственности. Преподаваніе его въ окончательныхъ своихъ выводахъ должно всегда строго сообразоваться съ священными обязанностями православнаго христіанина, вѣрнаго подданнаго и усерднаго сына отечества. Здѣсь уже никакое снисхожденіе не можетъ быть допущено“ [29]).

Практическимъ результатомъ теоріи благонамѣренности было придирчивое отношеніе ко всякаго рода сочиненіямъ, особенно же задававшимся цѣлью популяризаціи знаній. Труда министерству по принятому на себя долгу defensoris fidei было не мало. Пласты геологіи, ископаемыя палеонтологіи, сближенія съ христіанской догматикой данныхъ миѳологіи и этнографіи,—все это, даже въ робкихъ попыткахъ, напоминало объ „идеяхъ“ и увлекало Ш.-Шихматова на путь борьбы [30]). Онъ, напримѣръ, напи-

---

[26]) Цензура въ ц. имп. Николая I, Р. Ст., т. 116, стр. 695.

[27]) Сравн. характеристика его у Никитенко, Дневникъ, т. I. стр. 552 -3.

[28]) цензора Шевырева.

[29]) Выписки изъ цензурныхъ дѣлъ, хран. въ публ. библ., I, л. 36—65 (18 янв. 1852).

[30]) Тамъ же, л. л. 36,88, 69—70; 5, 10.

салъ въ руководство цензурѣ цѣлый трактатъ о значеніи дней творенія, цитируя шестодневъ, записки на книгу Бытія м. Филарета, православно-догматическое богословіе пр. Макарія винницкаго,—„замѣчательное, добавлялъ князь, между прочимъ, потому, что оно есть самое позднѣйшее богословское произведеніе, подробно разсмотрѣнное и одобренное св. синодомъ“ [31]).—Въ томъ же направленіи дѣйствовалъ и преемникъ Ш.-Шихматова А. Норовъ.

До какой прозорливости въ духовномъ отношеніи старались министры довести подвластную имъ цензуру, видно изъ слѣдующаго руководственнаго указанія по поводу напечатанной въ Отечественныхъ запискахъ статьи: „Фантастическая зоологія“. „Она, по мнѣнію министерства, отъ стр. 3-й до конца соотвѣтствуетъ названію, излагая предразсудочныя повѣрья среднихъ вѣковъ о саламандрахъ. Но въ самомъ началѣ статьи говорится: „Пустынники ѳиваидскихъ песковъ и лѣсовъ Галліи создали въ своемъ уединеніи отдѣльный фантастическій міръ. Въ этихъ легендахъ“... пустынники говорятъ съ животными, исправляютъ ихъ...

„Предъидущія изъясненія могутъ возбудить въ читателяхъ, знакомыхъ съ исторіей пустынножительства въ первые вѣка христіанства, неумѣстныя сближенія этихъ разсказовъ со священными преданіями церкви о господствѣ святыхъ подвижниковъ надъ звѣрями... Еслибы даже переводчикъ и не имѣлъ въ виду подобныхъ преданій..., то цензура обязана отстранять всякое разсужденіе, могущее поколебать вѣрованіе читателей въ непреложность церковныхъ преданій“. Цензору было объявлено строгое замѣчаніе [32]).

Но, принимая на себя обязанности духовно-цензурнаго надзора, министерство вовсе не имѣло въ виду ослаблять значеніе отзывовъ спеціалистовъ. Такъ, напримѣръ, чиновникъ, которому поручено было разсмотрѣть рукопись подъ названіемъ „Миѳологія“, помнилъ, что „подобныя сближенія между догматомъ и миѳомъ нерѣдко встрѣчаются у отцовъ церкви, особенно III вѣка“. Но въ то же время онъ зналъ, что аналогичныя сближенія „со стороны свѣтской учености произвели совершенно противное дѣйствіе“. Поэтому заключеніе отзыва было таково: „Дабы отклонить у насъ, по возможности, такія послѣдствія, мнѣ кажется, что вообще подобныя сближенія язычества съ вѣрою не должны появляться иначе, какъ съ вѣдома церкви, и потому окончательное разсмотрѣніе упомянутой рукописи подлежитъ, какъ я думаю, духовной цензурѣ“. Мнѣніе это было признано въ министерствѣ „совер-

---

[31]) Тамъ же, л. 36, 43—65.
[32]) Тамъ же, л. 116, 12 октября 1854 г.

шенно справедливымъ" [33]). Въ самомъ же концѣ разсматриваемой эпохи, было высочайше повелѣно свѣтской цензурѣ входить въ сношеніе съ духовною всякій разъ, когда можетъ возникнуть сомнѣніе, не подлежитъ ли книга, въ цѣлости или отчасти, разсмотрѣнію той цензуры, хотя бы по прямому закону..., она и должна была поступить на разсмотрѣніе одной свѣтской цензуры" [34]).

Впрочемъ, исполнительныя цензурныя инстанціи нисколько не дожидались предписаній свыше. По самымъ мелкимъ поводамъ справлялись онѣ о мнѣніи представителей церковнаго надзора [35]). Каждой строкѣ или іотѣ, относящейся къ церкви, онѣ не прочь были придавать принципіальный характеръ. Такъ, отсылая въ духовную цензуру „Пасхальныя таблицы", предсѣдатель спб. комитета М. Пушкинъ объясняетъ: „Пасхалія на тысящелѣтіе составлена соборомъ... Если будетъ ошибка въ какомъ либо вычисленіи, то произойдетъ всеобщая разница между пасхаліей и ключемъ церковнымъ, который печатается въ святцахъ... По ошибочному исчисленію люди непросвѣщенные или злонамѣренные могутъ возмущать умы, утверждая, что перемѣнились церковные уставы, что было бы весьма вредно" [36]).

Члены духовной цензуры, разсматривая, согласно принятымъ въ ней критеріямъ, поступавшія изъ свѣтской цензуры произведенія [37]), довольно скоро почувствовали и неудобства, вытекавшія изъ чрезмѣрной ревности свѣтской цензуры о церковныхъ уставахъ. Препровождая на ихъ разсмотрѣніе всевозможныя сочиненія и отрывки, „по прямому закону" подлежавшіе цензурѣ свѣтской, послѣдняя далеко не всегда съ точностью указывала мѣста, превышавшія ея компетенцію, что стало сильно затруднять духовную цензуру. Перечисленіе всѣхъ неудобствъ новаго порядка можно видѣть въ слѣдующемъ проектѣ донесенія св. синоду петербургскаго духовно-цензурнаго комитета.

---

[33]) Тамъ же, стр. 93—6.

[34]) Тамъ же, л. 90—2.

[35]) СПБ. Д. Ц. К., 1851, 9 (о разсмотрѣніи 12 статей, присланныхъ изъ свѣтской цензуры), 19; 1852, 5; 10, особ. 16. М. Д. Ц. К., 1851, 15 (запросъ моск. ценз. к-та о судьбѣ 17 рукописей, отосланныхъ въ духовную цензуру въ 1847—9 г.г.).

[36]) СПБ. Д. Ц. К., 1849, „о разсм. мелкихъ сочиненій".

[37]) Вотъ нѣсколько отзывовъ, сообщенныхъ въ гражданскую цензуру: С.-петербургскій комитетъ духовной цензуры, разсмотрѣвъ рукопись подъ заглавіемъ: „Статьи изъ новаго собранія сочиненій Василія Андреевича Жуковскаго", присланную изъ спб. цензурнаго комитета при отношеніи отъ 18 іюля 1850 г. (№ 382), нашелъ, что, во первыхъ, въ ней авторъ слѣдуетъ одному французскому писателю, котораго признаетъ святымъ, но который однако же не извѣстенъ и не признанъ въ нашей церкви и котораго мысли, изложенныя Жуковскимъ, не отличаются вѣрностію и основательностію; что, во вторыхъ, собственныя мысли Жуковскаго также требуютъ исправленія въ отношеніи къ точности и ясности, и потому эти статьи не иначе могутъ быть одобрены къ

„Въ присылаемыхъ изъ свѣтской цензуры сочиненіяхъ, жаловался комитетъ,—во первыхъ, при множествѣ мѣстъ отмѣчаемыхъ карандашемъ цензорами, не всегда легко, безъ точнаго указанія, удостовѣриться, какія именно мѣста назначаются ими для духовной цензуры и какія отмѣчены ими только для собственныхъ соображеній. Во вторыхъ, по точному смыслу цензурнаго устава (ст. 23, пр. I), мѣста, заключающія въ себѣ общія религіозно-нравственныя размышленія и чувствованія, не относящіяся ни къ догматамъ вѣры, ни къ церковнымъ преданіямъ или постановленіямъ, могутъ быть разсматриваемы и одобряемы и свѣтскою цензурою, а между тѣмъ не только такія мѣста назначаются г. г. свѣтскими цензорами въ цензуру духовную, но и нерѣдко сообщаются на разсмотрѣніе ея только отдѣльныя слова и выраженія о какихъ-либо духовныхъ или религіозныхъ предметахъ. Наконецъ, въ третьихъ, при сообщеніи рукописи или книги въ духовную цензуру, не прилагается со стороны свѣтской никакого мнѣнія о достоинствѣ ея и возможности напечатанія“. Въ заключеніе комитетъ просилъ у высшей власти распоряженій къ устраненію всѣхъ этихъ неудобствъ.

Впрочемъ, общаго благопріятнаго разъясненія комитетъ не получилъ, и попрежнему члены духовной цензуры получали транспорты сомнительныхъ мѣстъ. Лишь въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ особыми мотивированными отзывами могли они отклонять отъ себя разсмотрѣніе сообщеннаго имъ матеріала [38]).

Какъ примѣръ отвода духовной цензурой самой себя отъ разсмотрѣнія рукописей, интересенъ слѣдующій докладъ архим. Іоанна. Предлагая возвратить въ гражданскій цензурный комитетъ „Опытъ изслѣдованія душевныхъ болѣзней“, онъ приводитъ такіе доводы: „Какъ общій предметъ, пишетъ онъ, такъ и част-

---

печатанію, какъ по исключеніи всего, что касается французскаго писателя и исправленіи собственныхъ мыслей Жуковскаго“. (Спб. Д. Ц. К., отъ 12 дек. 1850 г.). Или: „Разсмотрѣвъ рукопись подъ заглавіемъ: „Ночи раскаявающагося грѣшника“, переводъ съ англійскаго, съ 19-го изд., присланную изъ с.-петербургскаго цензурнаго комитета, комитетъ нашелъ, что въ означенной рукописи, состоящей изъ разнородныхъ статей, не имѣющихъ между собою никакой общей связи, не видно никакихъ ночей, кромѣ одной статьи (ночь уединенія), а тѣмъ больше никакого раскаянія во грѣхахъ. Зато видны напыщенность слога, пареніе ума, не согрѣвающее сердца, поэзія безъ души, и частію духовныя мысли безъ духа истины и умиленія, чѣмъ обличается писатель совершенно неправославный. По всѣмъ этимъ причинамъ комитетъ и опредѣлилъ возвратить означенную рукопись съ мнѣніемъ, что она не можетъ быть одобрена къ печатанію“. (Тамъ-же, отъ 5 окт. 1850 г.). Еще: „Разсмотрѣвъ мѣста, подлежащія духовной цензурѣ въ рукописи: описаніе намѣстничества черниговскаго, присланной изъ кіевскаго цензурнаго комитета, комитетъ нашелъ, что означенныя мѣста, по политическому изложенію богословскихъ предметовъ, не—умѣстному и излишнему въ сочиненіяхъ подобнаго содержанія, не могутъ быть одобрены къ печатанію“ (Спб. Д. Ц. К., 25 авг. 1850 г.).

[38]) СПБ. Д. Ц. К., 1851, 7; 1852, 16; 1853, „дѣло по сношеніямъ съ спб. ценз. к-томъ“.

ные, не относятся къ цензурѣ духовной. Они не касаются ни христіанскаго ученія о душѣ, ни религіи вообще, а касаются только естественной жизни души или ея проявленій и дѣйствій въ тѣлѣ. Здѣсь нѣтъ разсужденія вообще о душѣ, о ея жизни внутренней, ея существѣ, назначеніи и т. п., а есть только изслѣдованія самыя спеціальныя о разстроенныхъ состояніяхъ души, называемыхъ ея болѣзнями, Если же и есть мѣста, требующія духовной цензуры, то они не означены свѣтской цензурой. Должно возвратить, заключалъ цензоръ, съ сообщеніемъ, чтобы впредь рукописи не иначе препровождаемы были въ духовную цензуру, какъ по предварительномъ разсмотрѣніи ихъ свѣтской и съ точнымъ указаніемъ тѣхъ отношеній и мѣстъ, въ какомъ онѣ, по усмотрѣнію г. г. цензоровъ свѣтскихъ, подлежатъ цензурѣ духовной [39]).

Такъ разсуждали рядовые члены мобилизованныхъ цензурныхъ комитетовъ, видимо уставшіе уже отъ трудовъ и лишеній. Но въ это время ихъ голосъ имѣлъ мало значенія. Центры охраны и обороны были далеко вверху, тамъ, гдѣ царили, въ числѣ другихъ, таинственные верховные комитеты 2 апрѣля 1848 года и 4 апрѣля 1851 г. И только чрезъ выясненіе взаимныхъ отношеній этихъ секретныхъ верховныхъ цензурныхъ комитетовъ можно составить болѣе вѣрное представленіе объ отношеніи свѣтской и духовной цензуры въ эпоху цензурнаго террора.

---

22 февраля 1848 года въ Петербургѣ было получено извѣстіе о провозглашеніи французской республики, а 27-го былъ уже составленъ комитетъ для разсмотрѣнія „правильности дѣйствій цензуры по части журналистики“.[40]) Этотъ временный ревизіонный

[39]) Тамъ же, 1854, «О поступившихъ изъ спб. цензурнаго комитета».

[40]) Оффиціальныя данныя объ учрежденіи и закрытіи этого комитета содержатся въ Сборникѣ... распоряженій.. по духовной цензурѣ, изд. 1870 г., стр. 163—7. Но какъ мало еще выяснены обстоятельства его возникновенія, видно хотя бы изъ того, что спеціальный изслѣдователь «эпохи цензурнаго террора» и, въ частности, дѣятельности «комитета 2 апрѣля 1848 г.», М. Лемке ограничивается въ данномъ случаѣ слѣдующими скудными и неточными строками: «По всей вѣроятности, около 1852 года изъ вѣдѣнія комитета 2 апрѣля изъяты были сначала всѣ сочиненія духовнаго содержанія, а затѣмъ вскорѣ и всѣ, выходящія на восточныхъ и еврейскомъ языкахъ. Къ сожалѣнію, единственный источникъ, откуда удалось извлечь это указаніе, не даетъ точнаго срока такихъ изъятій. Во всякомъ случаѣ въ этомъ вовсе нельзя видѣть хотя малѣйшее недовѣріе къ комитету. Вѣроятно, онъ самъ, по сложности дѣла, ходатайствовалъ объ освобожденіи себя отъ тяжести нѣкоторыхъ обязанностей“ „Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики“ (СПБ. 1904), стр. 288.

Меншиковскій комитетъ чрезъ мѣсяцъ уступилъ мѣсто постоянному „Комитету 2 апрѣля 1848 г.“, существовавшему до 1855 г.

Цѣль, характеръ и полномочія комитета опредѣлялись слѣдующими тремя положеніями.—Цѣль комитета есть высшій, въ нравственномъ и политическомъ отношеніи, надзоръ за духомъ и направленіемъ нашего книгопечатанія. Комитетъ, не касаясь предварительной цензуры, разсматриваетъ единственно то, что уже вошло въ печать, и о всѣхъ наблюденіяхъ своихъ доводитъ до высочайшаго свѣдѣнія. Комитетъ, какъ установленіе неоффиціальное и негласное, не имѣетъ самъ по себѣ никакой власти, и всѣ его заключенія вступаютъ въ силу лишь чрезъ высочайшее ихъ утвержденіе [41]).

Надзору верховнаго секретнаго комитета, по точному смыслу положенія, была подчинена и область духовнаго книгопечатанія. Такъ было и въ дѣйствительности. Комитетъ 2 апрѣля началъ производить „наблюденіе“ надъ книгами, изданными по вѣдомству православнаго исповѣданія. Но это вмѣшательство,—не духъ его, а самый фактъ,—все болѣе и болѣе тяготило ревниваго къ власти оберъ-прокурора Пратасова. Онъ сталъ предпринимать попытки къ болѣе точному разграниченію сферъ вліянія. И, въ результатѣ, спустя три года послѣ возникновенія комитета 2 апрѣля, вѣдомство православнаго исповѣданія обзавелось собственнымъ—аналогичнымъ ему комитетомъ 4 апрѣля 1851 года.

Генезисъ этого комитета,—тѣ причины, которыя побудили синодальныхъ дѣятелей установить сначала такое или иное отношеніе къ комитету 2 апрѣля, а затѣмъ и обособиться въ своемъ секретномъ комитетѣ,—представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Въ самый періодъ западныхъ событій, когда даже уваровскіе, „соотвѣтственные обстоятельствамъ времени“, проекты преобразованія университетовъ и цензуры, не удостоились одобренія, и представитель духовнаго вѣдомства не считалъ удобнымъ принимать на себя отвѣтственность за политическую благонамѣренность духовной цензуры. Пратасовъ въ этомъ случаѣ предпочелъ слѣдовать примѣру начальника III-го Отдѣленія Орлова, „которому приходилось серьезно подумать о томъ, какъ бы сложить съ себя обѣщавшія стать и очень тяжелыми и очень хлопотливыми обязанности по надзору за литературой и цензурой, принятыя III Отдѣленіемъ еще при самомъ своемъ основаніи въ 1826 году... Въ результатѣ—твердое желаніе Орлова уступить эту цензурную дѣятельность кому-нибудь другому“ [42]).

Въ началѣ 1849 года Пратасовъ обратился съ слѣдующимъ всеподданнѣйшимъ докладомъ. „Преосвященный херсонскій про-

---

[41]) Тамъ же, стр. 203—5.
[42]) Тамъ же, стр. 194.

ситъ о разрѣшеніи напечатать сочиненное имъ слово на день Рождества Христова и воспоминанія избавленія церкви и державы россійскія отъ нашествія галловъ и съ ними двадесяти языкъ. Оно примѣнено къ обстоятельствамъ нынѣшняго времени и направлено къ утвержденію читателей въ вѣрѣ и преданности престолу и къ вразумленію въ гибельныя послѣдствія уклоненія отъ сихъ спасительныхъ началъ. Политическія смуты западныхъ государствъ возбудили и въ другихъ духовныхъ пастыряхъ ревность къ огражденію паствы своей отъ вредныхъ внушеній, и нѣтъ сомнѣнія, что подобныя внушенія имѣютъ на народъ самое благодѣтельное дѣйствіе по тому уваженію, коимъ у насъ пользуется архипастырскій санъ. Между тѣмъ, въ подробностяхъ изложенія можетъ вкрадываться иногда и невѣрность взгляда на событія Европы или недостатокъ точности по предмету, вовсе не входящему въ кругъ чисто духовныхъ обязанностей. Духовная цензура, столь же мало знакомая съ политикой, не можетъ также принять на себя отвѣтственности за вѣрность и точность изложенія въ гражданско-политическомъ смыслѣ.

„По симъ соображеніямъ обязаннымъ себя считаю всеподданнѣйше представить вашему императорскому величеству, не благоугодно ли будетъ, въ огражденіе общей пользы, высочайше повелѣть, чтобы изъ выходящихъ въ здѣшней столицѣ духовныхъ сочиненій, тѣ, кои заключаютъ въ себѣ мѣста гражданско-политическаго содержанія, были, сверхъ духовной цензуры, предоставляемы разсмотрѣнію опытныхъ и свѣдущихъ свѣтскихъ сановниковъ, кого в. в-ству благоугодно будетъ для сего назначить“.

Результатомъ этого доклада было объявленіе Пратасова синоду: „государь императоръ соизволилъ предоставить мнѣ отправлять подобныя сочиненія на разсмотрѣніе существующаго по части цензуры комитета подъ предсѣдательствомъ д. т. с. Бутурлина“ [43]).

На проповѣдяхъ Иннокентія, послѣ разбора ихъ секретнымъ комитетомъ, была положена высочайшая резолюція: „прекрасно, кромѣ вычеркнутаго“. Благонамѣренный ихъ духъ поразилъ даже Погодина, который нашелъ притомъ основанія ставить ихъ въ связь съ наградами, вскорѣ полученными Иннокентіемъ [44]).

Немного спустя на предварительное разсмотрѣніе секретнаго комитета были представлены три „политическія“ рѣчи епископа рижскаго Платона. Послѣдній, будучи еще цензоромъ спб. духовно-цензурнаго комитета, достаточно показалъ свое крайнее усердіе именно въ очисткѣ сочиненій отъ всего подозри-

---

[43]) К. О. П. С. С., 1849, 42590.

[44]) Барсуковъ. Жизнь и труды Погодина, кн. IX, стр. 190.

тельнаго съ государственной точки зрѣнія. Нечего и говорить, поэтому, насколько благонамѣренны были его теперешнія проповѣди, о которыхъ и самъ верховный трибуналъ прежде всего счелъ долгомъ засвидѣтельствовать, что „онѣ написаны въ духѣ чистѣйшей любви и самой искренней преданности къ престолу и отечеству“. Тѣмъ не менѣе „комитетъ не могъ не замѣтить во второй и третьей изъ нихъ нѣкоторыхъ сужденій о политическихъ обстоятельствахъ, которыя въ печати могутъ подать легкомысленнымъ читателямъ поводъ къ неблаговиднымъ и превратнымъ толкованіямъ. Напримѣръ, помѣщенные во второй рѣчи намеки на совершающіеся во Франціи достойные сожалѣнія перевороты могутъ въ глазахъ читателей казаться приготовленіемъ къ близкому разрыву съ симъ государствомъ, съ которымъ, однакожъ, правительство наше остается въ добрыхъ отношеніяхъ; а въ третьей—встрѣчаются слова, никакими фактами недоказанныя, которыя выражаютъ, будто бы внѣшніе враги нашего отечества желаютъ найти въ Россіи предателей и отторгнуть западную ея часть.

„Съ другой стороны, комитетъ нашелъ, что хотя проповѣдники наши и прежде говаривали о политическомъ положеніи отечества, но при этомъ строго всегда придерживались лишь современныхъ событій и намѣреній правительства, гласно обнародованныхъ, приводя оныя въ рѣчахъ своихъ только для того, чтобы присоединить къ нимъ свои молитвы...; выходящія же изъ сихъ предѣловъ разсужденія о политическихъ обстоятельствахъ, по мнѣнію комитета, отнюдь не должны быть предметомъ ученій или проповѣдей богослова. По симъ соображеніямъ, комитетъ призналъ болѣе осторожнымъ обѣ эти рѣчи не предавать печатанію, допустивъ издать одну только первую проповѣдь, которая основана именно на намѣреніи правительственномъ, гласно обнародованномъ.

Для характеристики направленія и тона проповѣдей и отношенія къ нимъ комитета 2 апрѣля слѣдуетъ привести нѣсколько выписокъ, сдѣланныхъ самимъ комитетомъ.

„Чтобы мы, русскіе, восклицалъ ораторъ, сыны славнаго отечества, рѣшились предать его въ жертву мятежа и гибельныхъ послѣдствій онаго? (чтобы мы—подданные великаго монарха захотѣли подло измѣнить ему?); чтобы мы, православные, захотѣли нарушить заповѣдь Божію о повиновеніи властямъ?“... Противъ словъ, взятыхъ въ скобки, комитетомъ поставленъ вопросительный знакъ и краткое замѣчаніе: „Даже не упоминать бы объ этомъ“.

Въ критикѣ проповѣдниковъ коммунизма противъ выраженій, отмѣченныхъ курсивомъ, комитетомъ поставленъ знакъ вопроса:

„Они умышляютъ ниспровергнуть власти, *отринуть* за-

коны, уничтожить право, на коихъ держится весь общественный порядокъ. Представьте, братіе, что какой либо наглецъ вошелъ бы въ вашъ домъ и началъ самовластно распоряжаться въ немъ..., ломать и перестраивать. Представьте, что, не ограничиваясь симъ, онъ расхищаетъ ваше имущество, собранное многолѣтними трудами вашими, и беретъ оное себѣ или отдаетъ какому-нибудь другому негодяю, потому только, что вы богаты, а онъ бѣденъ по своей винѣ...; что онъ возмущаетъ противъ васъ подчиненныхъ вашихъ и не только лишаетъ васъ власти, но еще заставляетъ васъ повиноваться бывшему слугѣ вашему...,— и скажите, что было бы съ вашимъ домомъ, каково было бы и ваше собственное положеніе, еслибы такое наглое самоуправство осуществилось... А крамольники дѣйствительно хотятъ осуществить это, вторгшись во всякій домъ отечества нашего“ [45]).

Однако, не въ духѣ неограниченной власти комитета 2 апрѣля было вѣдать однѣ выдержки изъ политическихъ проповѣдей. Какъ призванный къ надзору за литературой и „въ нравственномъ отношеніи“, онъ предпринялъ наступательныя дѣйствія на са́мую заповѣдную область вѣдомства православнаго исповѣданія. Въ ноябрѣ 1849 года въ синодъ поступило слѣдующее отношеніе Анненкова, замѣнившаго въ комитетѣ Бутурлина. „Въ недавнемъ времени на разсмотрѣніе комитета 2 апрѣля поступили двѣ напечатанныя въ московской синодальной типографіи книжки духовнаго содержанія: служба святителю Иннокентію иркутскому и молитвы при божественной литургіи. Такъ какъ при изданіи сихъ книжекъ не соблюдено изображеннаго въ уставѣ о цензурѣ (§ 23, п. б. 41) правила, коимъ постановлено на каждой печатаемой книгѣ означать позволеніе просматривавшаго ее цензора,—то я счелъ нужнымъ обстоятельство сіе сообщить на усмотрѣніе вашего сіятельства... Покорнѣйше прошу почтить увѣдомленіемъ: не имѣется ли по духовному вѣдомству какого либо особаго постановленія по сему предмету, составляющаго изъятіе изъ приведеннаго здѣсь общаго цензурнаго закона?“

Отвѣтъ на этотъ разъ былъ вполнѣ успокоителенъ. Св. синодъ, писалъ Пратасовъ, поручилъ отвѣтствовать, что богослужебныя книги, печатаемыя въ типографіяхъ св. синода, не подлежатъ разсмотрѣнію цензурныхъ комитетовъ, какъ издаваемыя собственно отъ церкви и на отвѣтственности синода, и что по сей причинѣ и не выставляется на нихъ одобренія цензуры“ [46]).

Спустя, однако, нѣсколько дней былъ полученъ новый отзывъ секретнаго комитета, который, задѣвъ Пратасова, побудилъ его стать въ оборонительное положеніе и достигнуть значительнаго успѣха.

---

[45]) К. О. П. С. С., 1849, 43657.
[46]) К. О. П. С. С., 1849, 42661.

Найдя въ трудѣ архіеп. Игнатія воронежскаго „О таинствахъ единой, святой, соборной и апостольской церкви“ сомнительныя мѣста, комитетъ „почтилъ“ Пратасова слѣдующимъ конфиденціальнымъ отношеніемъ:... „При всемъ уваженіи къ сану и лицу ученаго и благонамѣреннаго автора книги, комитетъ не могъ не ощутить печальнаго впечатлѣнія отъ того рѣзкаго и едва ли совершенно приличнаго тона, въ которомъ онъ опровергаетъ тутъ нѣкоторыя разномыслія съ нами протестантовъ. Со словами „подивитесь“ сочинитель приводитъ цѣлый рядъ ученій Лютера и потомъ въ опроверженіяхъ своихъ называя его „Господинъ Докторъ“, „Г. Лютеръ“, перемѣшиваетъ все это слѣдующими выраженіями: „сохрани Боже“, „ужасно помыслить“, „удивительное, непостижимое забвеніе“; „не евангельское ученіе называющихся евангеликовъ“, и, наконецъ, въ заключеніе прибавляетъ: „не вижу ничего, столь явно и опасно несообразнаго съ Божіимъ словомъ, какъ два первые, самые главные члены ученія Лютера“.

„Не входя въ вопросъ: необходимо и полезно ли къ подтвержденію истинъ святой нашей вѣры привлекать полемику, допускающую возможность сравненій и критическаго разбора въ томъ, что должно быть превыше всякихъ сравненій и разборовъ, комитетъ признавалъ, что приведенныя выраженія сами по себѣ несвойственны важности предмета и духу кротости и терпимости, всегда отличавшихъ православную церковь; съ другой же стороны, они не могутъ не быть огорчительны для многочисленнаго населенія, исповѣдывающаго у насъ лютерово ученіе, и даже могутъ вызвать такія пренія, которыхъ правительству ни въ какомъ случаѣ не возможно бы было допустить, и коихъ запрещеніе, между тѣмъ, оставляя право порицанія въ дѣлахъ совѣсти и вѣры за одною господствующею церковью, усилило бы еще болѣе мѣру сего огорченія.

„Вслѣдствіе сего комитетъ полагалъ, не обращаясь къ цензору (архм. Іоанну), поставить вышеизложенныя разсужденія въ виду пр. Игнатія для предостереженія его въ семъ смыслѣ на будущее время, исполненіе чего негласнымъ образомъ поручить вашему сіятельству, какъ оберъ-прокурору св. синода.

„Государь императоръ, удостоивъ изложенное здѣсь заключеніе высочайшаго утвержденія, изволилъ съ тѣмъ вмѣстѣ собственноручною на журналѣ комитета резолюціею повелѣть предоставить вамъ, милостивый государь, донести его императорскому величеству, зачѣмъ духовная цензура пропускаетъ подобныя сочиненія“.

На этотъ вызовъ Пратасовъ отвѣтилъ двумя всеподданнѣйшими контръ-докладами. Первый имѣлъ въ виду „сомнительную“ книгу, второй носитъ характеръ объяснительной записки.

„...Упомянутая книга, писалъ оберъ-прокуроръ, содержитъ изложеніе ученія нашей церкви о св. таинствахъ, сравнительно

съ ученіемъ римско-католиковъ, протестантовъ и раскольниковъ. Посему она, какъ догматическая, по предварительномъ—въ 1845 году—разсмотрѣніи и одобреніи сперва цензоромъ, а потомъ духовнымъ цензурнымъ комитетомъ, была отъ него представлена въ св. синодъ, по указу коего вновь разсмотрѣна конференціею спб. духовной академіи и ею вполнѣ одобрена, какъ назидательная для православныхъ, способная предохранить ихъ отъ уклоненія въ иновѣріе, и особенно полезная для тѣхъ священниковъ, коихъ паства находится среди христіанъ разныхъ исповѣданій. Засимъ она окончательно получила разрѣшеніе въ текущемъ году, по опредѣленію св. синода 6 мая. Изъ сего видно, что цензоръ, коего имя выставлено на книгѣ, былъ только исполнителемъ распоряженій всего высшаго духовнаго начальства.

„Во исполненіе высочайшей воли в. и. в-ства, долгомъ считаю всеподданѣйше представить относительно замѣченныхъ комитетомъ выраженій нижеслѣдующее соображеніе.—Всѣ они находятся только на четырехъ страницахъ (207—210), отмѣченныхъ чертою въ подносимомъ при семъ экземплярѣ, и если ваше императорское величество соблаговолите удостоить взглянуть на нихъ, то изволите усмотрѣть, что они комитетомъ выписаны отрывочно, имѣютъ же настоящій смыслъ только въ связи съ рѣчью, откуда взяты.

„Говоря о таинствѣ евхаристіи, различно понимаемомъ, сочинитель неминуемо долженъ былъ коснуться первыхъ двухъ членовъ лютерова ученія, изъ коихъ первый есть извѣстное отрицаніе необходимости добрыхъ дѣлъ ко спасенію, потому что человѣкъ оправдывается якобы съ своей стороны единою вѣрою, а во второмъ литургія именуется „крайнею и ужасною мерзостью, идолослуженіемъ, опаснымъ изобрѣтеніемъ человѣческимъ“ и проч.

„Послѣ сего даже могла ли духовная цензура посягнуть на исключеніе словъ православнаго пастыря: „удивительное непостижимое забвеніе“, или: „Не вижу ничего, столь явно и опасно несообразнаго съ словомъ Божіимъ, какъ два первые, самые главные члены ученія Лютера“, равно какъ и не должна ли она была, послѣ упомянутой хулы на священнодѣйствіе божественной литургіи, согласиться, что это „не евангельское ученіе“, и признать весьма справедливыми прочія замѣченныя комитетомъ выраженія. И хотя Лютеръ говоритъ о литургіи римской, потому что имѣлъ дѣло съ Римомъ, но тѣмъ не менѣе осужденіе его падаетъ прямо на установленіе литургіи вообще, слѣдственно, и на нашу литургію, имѣющую одно основаніе съ римскою, положенное Спасителемъ и апостолами. Обѣ онѣ цѣлые девять вѣковъ совершались въ восточной и западной церкви единомысленно.

„Признавая опасность, писалъ въ заключеніе оберъ-прокуроръ, даже самой тѣни какого-либо со стороны гражданской

ограниченія въ изъясненіи православныхъ догматовъ,—ограниченія, могущаго, хотя косвеннымъ образомъ, произойти отъ сдѣланныхъ комитетомъ замѣчаній на богословскій трудъ архипастыря, весьма извѣстнаго благочестивымъ русскимъ читателямъ ревностью противъ раскола, и чрезъ то дать поводъ къ превратнымъ толкамъ въ духовенствѣ и народѣ,—вмѣняю себѣ, по долгу званія моего, въ обязанность, какъ вѣрный подданный и проникнутый убѣжденіемъ не только въ святости всего ученія православной церкви, но и въ величайшей важности его для престола и государства,—всеподданѣйше испрашивать, не соизволите ли высочайше одобрить мысль, чтобы означенный комитетъ, по книгамъ, подлежащимъ духовной цензурѣ, во избѣжаніе недоразумѣній и одностороннихъ мнѣній, приглашалъ къ общему о нихъ сужденію кого-либо изъ высшихъ духовныхъ сановниковъ—достойнаго и высочайшаго довѣрія, какъ и прочіе члены комитета, но въ то же время имѣющаго болѣе спеціальныхъ познаній духовной части: для чего могъ бы быть назначенъ или одинъ изъ присутствующихъ въ св. синодѣ архіереевъ или постоянный членъ онаго, духовникъ вашего императорскаго величества, протопресвитеръ Бажановъ“.

Основныя идеи второго доклада Пратасова—болѣе общаго характера. Сначала здѣсь идетъ защита полемической части богословія, „столь важной и столь необходимой, что безъ нея и догматическая теряетъ силу. Въ православной полемикѣ идетъ дѣло не о суетныхъ тонкостяхъ схоластическихъ преній среднихъ вѣковъ, но о существенныхъ основаніяхъ вѣры и о жизненныхъ началахъ самой церкви“. Особенно необходима она въ настоящее время... „Чѣмъ болѣе знакомства съ Европою, тѣмъ неизбѣжнѣе сравненіе чужихъ мнѣній съ нашими и тѣмъ легче, по врожденной человѣку слабости, дается предпочтеніе тому ученію, въ правилахъ коего менѣе строгости и болѣе свободы для жизни.

„Хотя законы государства россійскаго, при всей вѣротерпимости, строго воспрещаютъ совращеніе изъ православія: но для совѣсти нѣтъ закона выше внутренняго убѣжденія. Кромѣ того, не пользуясь въ Россіи правомъ публично или печатно защищать и распространять свое вѣроученіе, съ опроверженіемъ православія,—иновѣрцы съ избыткомъ вознаграждаются тѣми пособіями, кои выписываются изъ-за границы для ихъ богословскихъ факультетовъ.

„Этими именно причинами, при недостаточномъ, къ сожалѣнію, знаніи различныхъ вѣръ, обусловливается охлажденіе къ родной вѣрѣ. Отъ неутвержденія въ догматахъ православія происходили всѣ совращенія въ латинство, кои, однакожъ, никогда не были столь опасны, какъ безразличный образъ мыслей, внушаемый духомъ протестантизма. Первое, т. е. латинство, тотчасъ обличаетъ своихъ послѣдователей явнымъ отпаденіемъ ихъ

отъ вѣры отцовъ, которое преслѣдуется—хотя только для формы—государственнымъ закономъ. Вліяніе же протестантизма распространяется безъ всякихъ видимыхъ, преслѣдуемыхъ закономъ, отпаденій... Отъ воспрещенія и ограниченія права сочинять или издавать православно-полемическія книги непремѣнно пострадетъ православіе, а еще болѣе государство, коего благоденствіе зависитъ отъ тѣснѣйшей связи съ православною церковью.

„Это ограниченіе—нынѣ совершенно неожиданное и противоположное всѣмъ прежнимъ распоряженіямъ, особенно же въ нынѣшнее царствованіе—можетъ лишь смутить пастырей и усилить пропаганду... Латинство всего успѣшнѣе дѣйствуетъ па колеблющіеся умы православныхъ тѣми убѣжденіями, будто церковь россійская не тверда въ своихъ основаніяхъ и будто съ начала прошлаго вѣка наклоняется правительствомъ къ реформѣ.

„Раскольники также уважаютъ лишь тѣхъ пастырей и тѣ мѣропріятія правительства, которыя защищаютъ священную древность. Напротивъ, изъ каждаго ограниченія дѣйствій церкви расколъ извлекаетъ поводъ для упрека и церкви и правительству къ вящшему ожесточенію своихъ послѣдователей.

„Самостоятельность же, къ которой расколъ стремится и внутри и внѣ государства, которой достигнувъ, онъ непремѣнно расторгнулъ бы духовную и даже политическую связь цѣлыхъ милліоновъ православнаго населенія Россіи, составляетъ только одну сторону неисчислимаго вреда, могущаго произойти для государства отъ ослабленія церкви. Не меньшей опасности ожидать должно, когда, при продолжающемся вліяніи европейскаго образованія на отечество наше и при недостаткѣ противодѣйствія протестантизму, разныя отдѣльныя секты раскола ознакомятся съ иноземнымъ свободомысліемъ, встрѣтятся съ подобными же сектами другихъ вѣръ, отъ ученія коихъ, въ Россію занесеннаго, многія косвенно происходятъ (напр., духоборцы, перекрещиванцы и пр.), и хотя съ ними не сольются, но займутъ отъ нихъ отвагу дѣйствій, которой еще не имѣютъ.

„Противъ всѣхъ сихъ опасностей, заключалъ докладъ, единственный оплотъ—церковь, когда ей всемѣрно споспѣшествуетъ государство,—въ исключительно нераздѣльномъ бытѣ ихъ. По мѣрѣ убѣдительнаго для православныхъ отраженія ею протестантскаго духа, возрастаетъ ея сила предъ латинствомъ и расколомъ, а жизнь и сила церкви есть жизнь и сила отечества; воспитываемый ею народъ есть народъ безусловно послушный власти самодержавной, богоучрежденной по смыслу догмата нашей церкви о таинствѣ священнаго царскаго миропомазанія“.

Предположенія Пратасова были высочайше одобрены, предостереженія автору не было сдѣлано. Мало того, доклады произвели эффектъ, нѣсколько неожиданный и для самого оберъ-про-

курора. Десятаго декабря 1849 г. было „изъявлено высочайшее соизволеніе, чтобы въ подобныхъ случаяхъ, когда, при разсматриваніи книгъ и сочиненій духовнаго содержанія, представятся предметы къ замѣчаніямъ или возникнутъ недоумѣнія, приглашаемъ былъ въ комитетъ оберъ-прокуроръ св. синода“ [47]). „Высшимъ духовнымъ сановникомъ, достойнымъ высочайшаго довѣрія и имѣющимъ спеціальныя познанія духовной части“, былъ признанъ, слѣдовательно, не кто иной, какъ графъ Пратасовъ.

Но такой исходъ дѣла могъ явиться и, дѣйствительно, явился лишь компромиссомъ. Мобилизація всѣхъ цензурныхъ комитетовъ [48]) повлекла за собой и новыя указанія недочетовъ духовной цензуры. Замѣчанія эти иногда имѣли подъ собою почву,—чаще оказывались неосновательными. Во всякомъ случаѣ, они заставили Пратасова исподволь стремиться къ отдѣленію, путемъ организаціи собственнаго секретнаго комитета.

Въ тѣ же дни, когда оберъ-прокуроръ введенъ былъ въ комитетъ, состоялось строжайшее подтвержденіе по всѣмъ вѣдомствамъ правилъ о неуклонной присылкѣ въ спб. публичную библіотеку по два экземпляра всего, издающагося въ имперіи [49]). Одинъ изъ этихъ экземпляровъ передавался въ комитетъ 2 апрѣля, и онъ, такимъ образомъ, могъ расширить до крайнихъ предѣловъ горизонтъ своихъ наблюденій, оставаясь, какъ и прежде, невидимымъ.

Въ результатѣ, участилась присылка комитетомъ 2 апрѣля на обсужденіе синода сомнительныхъ выдержекъ изъ одобренныхъ духовной цензурой книгъ. Одинаково стали привлекать вниманіе комитета и замѣтки хроникеровъ губернскихъ вѣдомостей и учено-историческія изслѣдованія. Наблюдалъ онъ за благонравіемъ переводовъ изъ отеческихъ твореній и за благонамѣренностью цитатъ изъ св. писанія [50]).

Однако, къ этимъ представленіямъ въ духовномъ вѣдомствѣ стали относиться далеко не съ прежнею предупредительностью. Замѣчанія комитета уже чаще стали встрѣчать антикритику, для составленія которой Пратасовъ старался привлекать спеціалистовъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда прямо оспаривать точку зрѣнія верховнаго комитета было неудобно, подыскивались смягчающія обстоятельства.

„Въ Костромскихъ вѣдомостяхъ (№ 20), сообщалъ комитетъ Пратасову, напечатано описаніе прибытія въ Кострому пр. Леонида. Комитетъ, находясь въ недоумѣніи: вполнѣ ли соотвѣтствуетъ это описаніе самому событію, поручилъ мнѣ сообщить

---

[47]) К. О. П. С. С. 1849, 42662.
[48]) По выраженію М. Лемке, назв. соч., стр. 220.
[49]) П. С. Зак., т. XXIV, 23.733, 14 дек. 1849 г.
[50]) К. О. П. С. С., 1850, 44319, 44320, 44323, 44328.

вамъ"... Въ отвѣтѣ синода содержится слѣдующее: „Св. синодъ не находитъ достаточнаго повода къ изслѣдованію правильности описанія встрѣчи подчиненнымъ духовенствомъ и воспитанниками своего новаго архипастыря, происходившей согласно съ древними церковными обычаями, въ виду и при участіи многочисленныхъ посѣтителей, стекавшихся на сію встрѣчу по благочестивымъ чувствованіямъ. Притомъ статья и не содержитъ ничего такого, что, по существовавшимъ доселѣ правиламъ, могло бы подлежать замѣчанію со стороны цензуры" [50]).

Сильно встревожила секретный комитетъ и актовая рѣчь ректора могилевской семинаріи Серафима о свободѣ воли [51]). Въ общей ея благонамѣренности онъ нимало не сомнѣвался. „Читая замѣченныя мѣста въ порядкѣ рѣчи, писалъ онъ, можно видѣть, что сочинитель не хотѣлъ ни защищать, ни высказывать неточныхъ мыслей и написалъ ихъ только отъ недосмотра. Однако, это нисколько не помѣшало комитету, читая мѣста внѣ „порядка рѣчи", тотчасъ обставить ихъ своими внушительными комментаріями. Вотъ три такихъ отрывка изъ рѣчи: 1) „Великіе дѣйствователи—благотворители человѣчества,—это Солонъ, Ликургъ, Нума Помпилій, М. Аврелій, Титъ, Альфредъ, Петръ В., Александръ Благословенный"...; 2) „Деспотизмъ исключительно принадлежитъ Азіи, и она не способна имѣть другого образа правленія"; 3) „Свобода, поскольку она есть свобода, всегда готова воспротивиться вліянію силъ стороннихъ и дѣйствовать по своему произволу".

Первый отрывокъ вызвалъ слѣдующее замѣчаніе: „Такое сопоставленіе или смѣшеніе лицъ изъ язычества и христіанства невыгодно для истины и особенно неприлично сочинителю статьи по его сану". Второму былъ противопоставленъ доводъ: „Если выраженіе принимать въ прямомъ смыслѣ, то смыслъ выходитъ не согласный ни съ здравымъ разсужденіемъ, ни съ исторіею, особенно священною". По поводу третьяго положенія комитетъ разразился длинной тирадой на тему, что существо нравственной свободы не въ томъ состоитъ, чтобы противиться постороннему вліянію, а въ томъ, что воля, подъ руководствомъ разсужденія, непринужденно избираетъ или предписываемое закономъ, или внушаемое превратнымъ самолюбіемъ. Въ первомъ случаѣ"... и т. д.

Тонкіе вопросы и мотивировка оказали свое дѣйствіе, хотя и не вполнѣ. „Въ упомянутой рѣчи, соглашался синодъ, есть происшедшая отъ недосмотра неясность изложенія въ разныхъ мѣстахъ, неточность выраженій и нѣкоторая напыщенность слога. Всѣ сіи недостатки свойственны большей части подобныхъ со-

---

[50]) К. О. П. С. С., 1850, 44328.

[51]) перепечатанная изъ могилевскихъ въ пензенскія губ. вѣд.

ченій, исключая развѣ весьма немногихъ образцовыхъ авторовъ, и не могутъ ни мало быть соблазнительны для воспитанниковъ семинарскихъ, достаточно приготовленныхъ къ слушанію наукъ отвлеченныхъ, тѣмъ болѣе, что они знакомятся съ сими предметами не изъ одной рѣчи, а изъ совокупности всего того, что о нихъ говоритъ имъ наставникъ въ теченіе всего курса. Но что понятно для нихъ, то не можетъ быть еще понятно для всѣхъ, особенно же для малознакомыхъ съ языкомъ ученаго развитія предметовъ чисто духовныхъ. Такіе читатели, конечно, могутъ одно принять за другое и то, что говорится о внутренней свободѣ человѣческой воли, понять въ смыслѣ внѣшнихъ ея проявленій, и потому и не слѣдуетъ подобныхъ рѣчей печатать въ губернскихъ вѣдомостяхъ, безъ особеннаго разсмотрѣнія ихъ духовною цензурою, что доселѣ не наблюдалось".

Практическимъ результатомъ этого эпизода явилось, во-первыхъ, распоряженіе, чтобы проповѣди, слова и рѣчи духовныхъ лицъ не печатались въ губернскихъ вѣдомостяхъ безъ особаго разсмотрѣнія духовно-цензурными комитетами; во-вторыхъ, предписаніе этимъ комитетамъ „при разсматриваніи подобныхъ статей усугублять все вниманіе къ тому, дабы въ нихъ не были допускаемы разсужденія, которыя по отвлеченности и неудобопонятности могутъ возбуждать въ читателяхъ превратныя мысли и толки", и, въ-третьихъ,—подтвержденіе имъ же „усугубить вниманіе и осторожность и относительно прочихъ сочиненій, строго держась всѣхъ правилъ, преподанныхъ къ наблюденію при разсмотрѣніи оныхъ" [52]).

Несмотря, однако, на всѣ эти грозныя прещенія, изъ самаго тона синодальныхъ разсужденій видно, что духовная власть не особенно привѣтствовала появленіе агентовъ комитета 2 апрѣля въ актовыхъ залахъ богословскихъ школъ.

Сходный характеръ переписки можно наблюдать и въ другихъ инцидентахъ 1850 года, когда тѣ или иныя обстоятельства побуждали къ дипломатической осторожности. Таковъ былъ случай съ „историческимъ описаніемъ могилевской губерніи", печатавшимся въ губернскихъ вѣдомостяхъ преподавателемъ мѣстной семинаріи Соколовымъ.

По мнѣнію комитета, „подобныя статьи, печатаемыя въ вѣдомостяхъ возвращенныхъ отъ Польши губерній, должны бы имѣть главною цѣлью сближать и, такъ сказать, сдружать этотъ край съ коренною Россіею, а не давать поводъ къ толкамъ и нерасположенію... Нѣкоторыя же мѣста этой статьи, по необдуманности изложенія, едвали соотвѣтствуютъ означенной цѣли, напримѣръ: „Ни одно изъ племенъ, обитавшихъ въ древности въ нынѣшней могилевской губерніи, не участвовало въ призваніи въ

[52]) К. О. П. С. С., 1850, 44247.

Россію князей изъ варяговъ,... и эти племена, волею или неволею, должны были признать надъ собою власть варягоруссовъ". „Далѣе въ № 7 за 1850 годъ, на стр. 109, авторъ разсказываетъ въ четырехъ сухихъ и безцвѣтныхъ строкахъ взятіе Смоленска въ 1514 г. великимъ княземъ Василіемъ Іоанновичемъ, а потомъ на трехъ страницахъ описываетъ гибельное для русскихъ сраженіе подъ Оршею; причемъ въ повѣствованіи между прочимъ сказано: „когда въ русскомъ станѣ узнали, что половина непріятелей уже на сей сторонѣ рѣки (Днѣпра), и прочіе воеводы совѣтовали ударить на эту половину, гордый бояринъ Челяднинъ сказалъ: „мнѣ мало половины, жду ихъ всѣхъ, и тогда однимъ разомъ управлюсь съ ними". За эту самонадѣянность воеводы „Россія заплатила стыдомъ и кровію".

Доведя о такихъ сепаратистическихъ замыслахъ Соколова до высочайшаго свѣдѣнія и сообщивъ министру внутреннихъ дѣлъ, Анненковъ увѣдомилъ и духовное вѣдомство „на тотъ конецъ, не признаетъ ли оно полезнымъ привести въ извѣстность все, относящееся до личности автора статьи..., для удостовѣренія, довольно ли онъ благонадеженъ, чтобы оставаться при занимаемомъ имъ мѣстѣ учителя въ могилевской семинаріи".

Получивъ соотвѣтствующій запросъ отъ и. д. оберъ-прокурора Карасевскаго, епископъ могилевскій Анатолій сдѣлалъ прежде всего Соколову „строжайшій словесный выговоръ за необдуманность употребленныхъ имъ въ той статьѣ слововыраженій, не объявляя ему особенныхъ къ тому побужденій, а какъ бы по собственному усмотрѣнію и отъ своего имени". Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, епископъ, самъ испытывавшій „наглую злобу" духовныхъ цензоровъ [53]), приложилъ всѣ старанія къ оправданію Соколова. „Что касается до личности учителя А. Соколова, рапортовалъ Анатолій, то онъ коренной русскій, родомъ изъ Кашина, тверской губ., характера откровеннаго, общительнаго, добраго, простосердеченъ, незлопамятенъ, поведенія благочестиваго и потому состоитъ помощникомъ инспектора семинаріи; въ исполненіи возлагаемыхъ на него обязанностей аккуратенъ, преподаетъ предметъ свой съ ревностнымъ усердіемъ, и считается наставникомъ семинаріи не только полезнымъ, но даже однимъ изъ лучшихъ.

„Вмѣстѣ съ симъ, продолжалъ Анатолій, смѣю удостовѣрить ваше высокопревосходительство, что здѣсь тѣ, коихъ желательно было бы сблизить съ Россіею, вовсе не читаютъ губернскихъ вѣдомостей, а напитываются сочиненіями на французскомъ и польскомъ языкѣ,... гдѣ съ такою тонкостью скрываются пагубныя цѣли, для которыхъ онѣ издаются, что никакая цензура не найдетъ въ нихъ повода къ запрещенію".

Наконецъ, Анатолій въ подлинникѣ приложилъ обстоятель-

---

[53]) Сравн. выше, стр. 280—1.

ное объясненіе Соколова, согласно коему почти всѣ мѣста, соблазнявшіе комитетъ, оказались точными цитатами изъ карамзинской „Исторіи государства Россійскаго, напечатанной по Высочайшему повелѣнію".

Синодъ уважилъ заступничество Анатолія и оставилъ Соколова на мѣстѣ. Тѣмъ не менѣе, послѣднему было рекомендовано содѣйствовать вящшему сближенію края съ древнимъ отечествомъ Россіей путемъ историческихъ наведеній и осторожно пользоваться историками. Духовно-цензурнымъ же комитетамъ вновь предписано „объ усугубленіи въ подобныхъ случаяхъ вниманія" [54]).

Такимъ образомъ, въ дѣлѣ Соколова духовное вѣдомство не рѣшилось на цѣльное, однотонное заключеніе,—вѣроятно въ виду его по преимуществу политическаго характера. Зато вскорѣ явилась возможность дать комитету 2 апрѣля болѣе сильный отпоръ на собственной богословской территоріи. Яркимъ выраженіемъ этого отпора служатъ два отзыва, принадлежащіе, судя по почерку черновика, перу ректора академіи Макарія Булгакова.

Въ „поучительныхъ словахъ" златоустовскаго архимандрита Гавріила комитетъ 2 апрѣля нашелъ и представилъ синоду сомнительныя мѣста, полагая, „не можетъ ли подать повода къ превратнымъ сужденіямъ неумѣстное примѣненіе текстовъ, въ пунктахъ 2 и 6 указанное". Приводимъ вкратцѣ эти и другіе пункты въ непосредственной связи съ заключеніями о нихъ эксперта-догматиста:

1) „Какъ наслѣдникъ престола терпѣливо переноситъ всѣ труды и непріятности, доколѣ не обладаетъ царствомъ, такъ всякій христіанинъ..., дабы наслѣдовать царство, уготованное ему отъ сложенія міра".—Сравненіе, разъяснялъ Макарій, весьма обыкновенное у проповѣдниковъ, потому что христіанинъ есть наслѣдникъ царства Божія (Корин. VI, 9), и сказано: „побѣждающему дамъ сѣсть на престолѣ" (Апок. III, 21)...

2) „Повергайтесь, говоритъ проповѣдникъ христіанамъ, въ распростертыя на крестѣ объятія Іисуса Христа. Здѣсь и самые громы небеснаго правосудія не могутъ поразить васъ". Точно— „громъ небеснаго правосудія" не можетъ поразить грѣшника, притекающаго къ заслугамъ Христовымъ, коими умилостивляется Богъ. На семъ основано все христіанское ученіе о покаяніи.

3) „Святые будутъ судить насъ въ страшный день пришествія Іисуса Христа".—Апостолъ Павелъ говоритъ: яко святіи міровн судити имутъ; яко ангеловъ судите имамы...; сядете на обоюнадесяти престолу...

4) „Кто обыкновенно называется въ мірѣ великимъ? Тотъ,

---

[54]) К. О. П. С. С., 1850, 44324.

кто происходитъ отъ знаменитыхъ предковъ, кто имѣетъ силу въ народѣ, кто можетъ похвалиться своею независимостью. Христосъ величественнѣе всѣхъ сыновъ міра и по происхожденію, и по силѣ, и по независимости".—Совершенно согласно съ ученіемъ евангелія... Но изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобы знаменитый, сильный, независимый въ мірѣ не могъ быть и чадомъ Божіимъ, и, слѣдственно, еще знаменитѣе, независимѣе, нежели просто въ смыслѣ міра сего... И сами языческіе мудрецы вмѣняли всю мірскую славу, самую знаменитость въ ничто, если при нихъ нѣтъ добрыхъ дѣлъ. Можно ли запретить это церкви?

5) „Сыны міра сего обыкновенно полагаютъ силу свою... въ многочисленности войска"...—Такъ дѣйствительно: а сыны благодати полагаютъ всю силу въ помощи Божіей. Сіи на колесницѣхъ и сіи на конѣхъ... (Пс. 19). Не спасется царь многою силою и исполинъ не спасется множествомъ крѣпости своея (Пс. 32). Какое же изъ этого заключеніе? То, что многочисленность войска важна только при помощи Божіей. А развѣ не то у насъ? Развѣ не призываемъ Бога въ помощь? Ясно, что сказанное о сынахъ міра не можетъ относиться къ воинству христолюбивому.

6) „Истинная независимость—въ свободномъ исполненіи закона Божія, когда человѣкъ обратилъ въ свою дѣятельность заповѣди Божіи, когда онъ можетъ похвалиться, что ни скорбь, ни тѣснота, ни гоненіе, ни голодъ..., ни мечъ, ни смерть, ни жизнь, ни ангелы, ни Начальства, ни власти, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не можетъ отлучить его отъ любви Божіей".—Это точныя слова русскаго перевода новаго завѣта" [55]).

Тотъ же полемическій, неуступчивый характеръ можно наблюдать и въ другихъ отзывахъ, главнымъ образомъ, о проповѣдяхъ, одобренныхъ духовной цензурой. Подчеркнутыя комитетомъ, „какъ не совсѣмъ вѣрныя или не совсѣмъ прилично выраженныя", мысли: „ангелы посылаются на служеніе человѣку", „ангелы имѣютъ полное право участвовать въ дѣлѣ суда Божія", „мы обожествились и стали сами яко боги", „І. Христосъ придетъ неожиданно, какъ тать въ нощи", оказывались вполнѣ обоснованными на первоисточникахъ [56]). Наконецъ, та же судьба постигла и представленную комитетомъ рецензію на переводъ твореній Тертулліана. „Въ сочиненіи этомъ, разъяснялъ Анненковъ, содержащемъ превосходныя изъясненія христіанскихъ истинъ и ученія вѣры, обратили однако же вниманіе комитета 2 апрѣля 1848 г. въ изложеніи ученія еретиковъ нѣкоторыя подробности, едва ли умѣстныя въ сочиненіи христіанскаго писателя, и, сверхъ того,—и рѣзкость выраженій, переходящихъ границы должнаго

[55]) К. О. П. С. С., 1850 г., 44330.
[56]) К. О. П. С. С., 1850 г., 44325.

приличія, хотя русскій переводчикъ и предупреждаетъ въ предисловіи, что Тертулліанъ, увлекшись страстями и мечтами, заблуждался и даже впалъ въ ересь монтанистовъ... Не слѣдуетъ ли, заключалъ комитетъ, избѣгать, по возможности, пропуска въ печать подобныхъ неприличій".

Св. синодъ, согласно съ запиской м. Никанора, призналъ, что выписанныя комитетомъ мѣста приводятся въ текстѣ твореній, какъ мысли языческія или еретическія, чуждыя ученію церкви, и приводятся сочинителемъ для обличенія нелѣпости ихъ; потому, читаемыя въ контекстѣ, не представляются противными исторической истинѣ... Вообще, всякое ученіе, которое противно церкви, признается ею неприличнымъ и даже пагубнымъ; тѣмъ не менѣе отцы церкви, для опроверженія противныхъ, неприличныхъ и вредныхъ ученій, изъясняли ихъ, и въ столь важномъ вопросѣ не столько заботились о выборѣ словъ, сколько о самой сущности вопроса. Съ другой стороны, извѣстно, что древность отличается отъ нашего утонченнаго времени иногда такою простотою выраженій, которая въ наше время показалась бы грубостью и неприличіемъ. Такія мѣста и выраженія, находимыя даже у самыхъ благонамѣренныхъ писателей, никого въ свое время не могли вводить въ соблазнъ, не должны также вводить и нынѣ, если гдѣ встрѣтятся въ древнихъ духовныхъ твореніяхъ.

И лишь заключеніе синодальнаго опредѣленія не гармонировало съ только что изложенными принципами. При всемъ томъ, говорится тамъ, „принимая во вниманіе, что Тертулліанъ не принадлежитъ къ числу св. отцевъ, ни даже къ числу учителей, послѣ того, какъ отпалъ къ монтанизму, должно согласиться, что цензоръ архм. Аввакумъ (уже въ прошломъ году отрѣшенный за замѣченную св. синодомъ слабость въ исполненіи своей должности) не долженъ былъ стѣсняться авторитетомъ заблуждавшагося писателя и имѣлъ право и обязанность исключить замѣченныя мѣста [57]).

Во всѣхъ этихъ пререканіяхъ безспорно самая неудобная роль выпала на долю Пратасова, который такъ неожиданно, по высочайшей волѣ, очутился въ роли знатока духовной части. Даже запасаясь въ каждомъ случаѣ тѣмъ или инымъ мнѣніемъ синода, оберъ-прокуроръ все же чувствовалъ себя лишь докладчикомъ въ комитетѣ 2 апрѣля, передаточной инстанціей. Не могло затѣмъ быть, ему пріятнымъ и общее подозрительное, сопровождавшееся поспѣшными докладами, отношеніе комитета къ лицамъ вѣдомства православнаго исповѣданія.

Въ мартѣ 1851 г. Пратасовъ вошелъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ слѣдующаго содержанія: „По высочайшему повелѣнію 2 апрѣля 1848 года учрежденъ особый комитетъ, изъ свѣтскихъ

[57]) К. О. П. С. С., 1850 г., 44323.

лицъ, для высшаго надзора въ нравственномъ и политическомъ отношеніи за духомъ и направленіемъ всѣхъ произведеній нашего книгопечатанія. 10 декабря 1849 года объявлено сему комитету, чтобы въ случаяхъ, когда, при разсмотрѣніи книгъ и сочиненій духовнаго содержанія, представятся предметы къ замѣчаніямъ или возникнутъ недоумѣнія, приглашаемъ былъ въ комитетъ оберъ-прокуроръ св. синода.

„Съ тѣхъ поръ сообщались мнѣ комитетомъ выписки изъ разсмотрѣнныхъ въ немъ книгъ, заключающіяся въ себѣ, по мнѣнію онаго, мысли несогласныя съ надлежащими понятіями о разныхъ духовно-нравственныхъ предметахъ. Какъ лицо свѣтское, я не могу окончательно судить о предметахъ богословскихъ, а потому долженъ былъ встрѣчаемыя комитетомъ сомнѣнія относить на уваженіе членовъ святѣйшаго синода, которые, признавая основательность нѣкоторыхъ сомнѣній, по всѣмъ прочимъ замѣчаніямъ комитета не находили, по ученію православной церкви (основанному на отеческихъ писаніяхъ), никакихъ причинъ къ сомнѣніямъ, а, между тѣмъ, въ тѣхъ же разсмотрѣнныхъ комитетомъ книгахъ не одобряли такихъ мыслей и выраженій, на которыя и комитетъ не обратилъ вниманія. Все сіе привело къ заключенію, что, въ видахъ строгаго и вмѣстѣ правильнаго, по духу православной церкви, наблюденія за произведеніями, въ пропускѣ коихъ участвуютъ мѣстные духовно-цензурные комитеты, не только полезно, но даже необходимо имѣть святѣйшему синоду достаточные способы, какими пользуется комитетъ 2 апрѣля 1848 года, но которыхъ синодъ не имѣетъ въ своемъ распоряженіи. Тогда не только можно было бы вполнѣ достигать предположенной правительствомъ цѣли, но и въ особенности усилить полезное направленіе духовной словесности, имѣющей столь важное вліяніе на читателей. Посему долгомъ считаю испрашивать высочайшаго вашего императорскаго величества соизволенія на учрежденіе съ сею цѣлью при святѣйшемъ синодѣ особаго комитета (по примѣру комитета 2 апрѣля 1848 года) для высшаго надзора за направленіемъ всѣхъ произведеній нашего книгопечатанія, въ пропускѣ коихъ участвуетъ духовная цензура, и на постановленіе нижеслѣдующихъ правилъ, кои, съ учрежденіемъ онаго, представляются необходимыми:

„1) Комитету сему состоять изъ нѣсколькихъ, по назначенію святѣйшаго синода, высшихъ духовныхъ сановниковъ (не причастныхъ къ дѣйствіямъ духовной цензуры, но имѣющихъ надлежащую опытность въ дѣлахъ ея и всѣ свойства, нужныя для надзора за нею) и изъ одного или нѣсколькихъ старшихъ чиновниковъ духовнаго вѣдомства, по назначенію оберъ-прокурора.

„2) Святѣйшему синоду, по замѣчаніямъ комитета о упущеніяхъ духовной цензуры, принимать, зависящими отъ него распоряженіями, должныя мѣры ко взысканію съ виновныхъ и испра-

вленію замѣченнаго ...Если же комитетъ по предмету наблюденій своихъ въ духовномъ отношеніи усмотритъ что-либо, касающееся изданій иныхъ вѣдомствъ, то... представляетъ о семъ на высочайшее усмотрѣніе.

3) Какъ въ духовную цензуру передаются на разсмотрѣніе изъ гражданской нѣкоторыя, касающіяся духовныхъ предметовъ, мѣста или статьи изъ книгъ свѣтскихъ, то для доставленія комитету возможности повѣрять всѣ дѣйствія духовной цензуры, установить, чтобы сверхъ книгъ, ею исключительно одобренныхъ и на основаніи § 52 устава о цензурѣ представляемыхъ типографіями по напечатаніи въ извѣстномъ количествѣ экземпляровъ въ духовно-цензурные комитеты, было доставляемо въ сіи же комитеты по одному экземпляру и тѣхъ книгъ или статей, въ коихъ нѣкоторыя мѣста разсмотрѣны духовною цензурою, и чтобы сей экземпляръ былъ также немедленно препровождаемъ въ святѣйшій синодъ.

4) Всѣ канцелярскія издержки по комитету, а также и вознагражденіе сотрудниковъ за занятія по разсмотрѣнію книгъ относить насчетъ духовно-учебныхъ капиталовъ, по усмотрѣнію святѣйшаго синода, примѣнительно къ другимъ подобнымъ учрежденіямъ“ [58]).

Докладъ этотъ 4 апрѣля 1851 года былъ утвержденъ, при чемъ опредѣлились и нѣкоторыя детали. Такъ, „его императорскому величеству благоугодно было высочайше повелѣть, чтобы всегда первоначальный пересмотръ книгъ не духовнаго содержанія дѣлаемъ былъ въ комитетѣ 2 апрѣля, и отъ него уже, въ случаѣ сомнѣнія, передаваемы были книги въ учреждаемый при святѣйшемъ синодѣ комитетъ; собственно же книги духовнаго содержанія разсматривать прямо въ семъ послѣднемъ комитетѣ“. Въ концѣ концовъ, было принято за правило, чтобы „всѣ печатныя произведенія, пропущенныя духовною цензурою, не были уже подвергаемы никакому въ комитетѣ 2 апрѣля разсмотрѣнію и, напротивъ, изъ числа сочиненій, пропущенныхъ цензурою свѣтскою, въ комитетѣ при святѣйшемъ синодѣ разсматривались только тѣ, которыя, въ случаѣ сомнѣнія, будутъ переданы въ оный изъ комитета 2 апрѣля. Засимъ наблюденіе комитета 2 апрѣля за исполненіемъ устава о духовной цензурѣ заключалось бы единственно въ томъ, чтобы свѣтская цензура не принимала на себя разсмотрѣнія тѣхъ сочиненій и переводовъ, которые, по сущности своей, должны подлежать цензурѣ духовной“.

Видную въ комитетѣ роль играли сподвижники Пратасова Сербиновичъ и Войцеховичъ [59]), которыхъ онъ сразу же пред-

---

[58]) К. О. П. С. С., 1851, 46054.

[59]) Очень живая характеристика ихъ находится у М. Морошкина. Сборн. имп. русск. ист. общ., т. 113, кн. I, стр. 222—27.

ложилъ зачислить въ члены комитета наряду съ духовными особами: арх. Григоріемъ казанскимъ, протопресвитеромъ В. Б. Бажановымъ и Христофоромъ, епископомъ ревельскимъ. Дѣлопроизводителемъ комитета назначенъ былъ младшій секретарь синода Юзефовичъ.

Какой же характеръ получила работа новаго секретнаго комитета? Могъ ли онъ имѣть достаточное количество матеріала для занятій, могъ ли онъ, затѣмъ, отыскивать настолько важныя упущенія въ дѣятельности и безъ того ригористическихъ духовныхъ цензоровъ, которыя достойны были бы высочайшаго вниманія?

Въ духовномъ вѣдомствѣ не было Современника, Отечественныхъ записокъ, не было Салтыкова, Даля, кружка пяти „открыто неблагонамѣренныхъ" славянофиловъ—издателей „Московскаго сборника" (Хомякова, двухъ Аксаковыхъ, Кирѣевскаго и Черкасскаго), не было и достаточной опытности—у авторовъ печатать, у читателей же—понимать напечатанное между строкъ. Неудивительно, поэтому, что отчеты синодальнаго комитета и доклады Пратасова въ значительной мѣрѣ уступаютъ яркости докладовъ комитета 2 апрѣля.

Но зато тѣмъ сильнѣе на первыхъ порахъ обнаружилось стремленіе комитета и его учредителя время отъ времени представлять доказательства неусыпной бдительности, импонировать, насколько было возможно, цыфрами, блеснуть, при случаѣ, чистотою своихъ точекъ зрѣнія.

Спустя три—четыре мѣсяца послѣ учрежденія комитета Пратасовъ представилъ первый докладъ о его дѣятельности. „Поступило и разсмотрѣно, заявлялъ онъ, 86 книгъ, изъ коихъ нѣкоторыя подвергнулись и замѣчаніямъ". Гвоздемъ доклада служила критика народныхъ изданій Мейера (Иверсена), содержаніе которой уже изложено выше [60]).

Въ докладѣ изложены были кромѣ того постановленія комитета относительно Библейско-біографическаго словаря Яцкѣвича и Благовѣщенскаго и Исторіи русской церкви [61]) Филарета, епископа харьковскаго. Въ первомъ еще комитетъ 2 апрѣля нашелъ разныя „излишности и неумѣстныя сужденія", какъ то: сравненіе ученія философа Сенеки съ ученіемъ апостола Павла, ссылки на Руссо въ защиту св. писанія и т. п. Комитетъ при синодѣ, на основаніи отзыва спб. духовно-цензурнаго комитета, обусловилъ новое изданіе словаря исправленіемъ всѣхъ погрѣшностей.

Передѣлать всю книгу вновь было рекомендовано и историку Филарету. При этомъ синодъ поставилъ ему на видъ, что и вообще во всякомъ сочиненіи, а тѣмъ болѣе при составленіи

---

60) Стр. 310—312.

61) (Т. V. Синодальное управленіе. М., 1848).

книги такой важности, какова исторія церкви ближайшаго къ нашему времени, неприлично допускать какую-либо „поспѣшность и неосновательность, вводящую читателей въ заблужденія, тогда какъ сей предметъ требуетъ возможной зрѣлости труда, равно какъ и неприлично употреблять выраженія насмѣшливыя, колкія, несоотвѣтственныя ни достоинству церковной исторіи, ни тону духовнаго писателя“ [62]).

Въ слѣдующей—отъ 1852 г.—группѣ разсмотрѣнныхъ комитетомъ 4 апрѣля книгъ особенное вниманіе обратили „Письма“ архим. Макарія (Глухарева). „Хотя, говорится въ отзывѣ, эта книга принадлежитъ къ числу доставляющихъ назидательное чтеніе, но, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказалось въ ней не мало мѣстъ, несогласныхъ съ правилами духовной цензуры и такихъ, которыя въ неопытномъ читателѣ могутъ рождать вопросы и недоумѣнія.—Такъ, между прочимъ, приводятся въ ней нѣкоторые тексты Библіи по нѣмецкому переводу; превозносятся похвалами иностранныя книги: „Объ истинномъ христіанствѣ“, Іоанна Арндта, и другія, принадлежащія къ числу мистическихъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ допущено неправильное объясненіе событій изъ священной исторіи“.

Нѣкоторыя неправыя мнѣнія были отмѣчены въ Краткомъ обозрѣніи богослуженія прот. Дебольскаго (напр. римско-католическій оттѣнокъ въ изъясненіи смысла епитимій, недостатокъ ссылокъ на свв. отцевъ церкви, изъяснявшихъ обряды богослуженія и т. д. [63]).

Въ томъ же 1852 г. секретный синодальный комитетъ доложилъ, что имъ разсмотрѣны еще 272 рукописи и печатныя книги. Нѣкоторые, относящіеся сюда, отзывы, напр., о давно изданномъ и имѣвшемъ уже свою исторію переводѣ „Часы благоговѣнія“, о „Мысляхъ, извлеченныхъ изъ евангелистовъ,“ Миляева,—довольно обширны и проникнуты тѣмъ же стремленіемъ изгнать всякое проявленіе духа протестантизма. Подвергались замѣчаніямъ и снимки съ картинъ европейскихъ художниковъ, какъ „несогласныя съ духомъ и преданіемъ православной церкви“, и религіозныя стихотворенія, писанныя легкимъ размѣромъ. Со всею тщательностью оцѣнивались догматическія опредѣленія, такъ что, напримѣръ, не допускалось выраженіе: „Троичность лицъ въ Богѣ составляетъ основной догматъ христіанства“, а ограничивалось: „одинъ изъ основныхъ догматовъ христіанства“... Выраженіе: „Церковь новозавѣтная есть собраніе вѣрующихъ въ Іисуса Христа“ признавалось неправильнымъ, „ибо и ветхозавѣтная также вѣрила въ него, яко грядущаго Мессію“ [64]).

---

[62]) К. О. П. С. С., 1851, 46056.
[63]) К. О. П. С. С., 1852 г., 234.
[64]) Тамъ же, 1852, 239.

Не приводя всѣхъ этихъ,—въ общемъ очень однообразныхъ,—замѣчаній, необходимо обратить вниманіе на то, что сталъ представлять собою синодальный комитетъ среди учрежденій духовной цензуры.

Въ то время, какъ комитетъ 2 апрѣля болѣе послѣдовательно выдерживалъ типъ карательной цензуры, его отрасль—комитетъ 4 апрѣля обнаружилъ сильную тенденцію къ тому, чтобы стать вмѣстѣ и органомъ предварительнаго надзора. Это не трудно объяснить. Первый стоялъ внѣ и надъ вѣдомствомъ министерства народнаго просвѣщенія и всѣхъ его цензурныхъ учрежденій. Второй же, главнымъ образомъ изъ-за недостатка печатнаго матеріала для своихъ наблюденій, чтобы оправдать свое существованіе, охотно сталъ пріурочивать къ себѣ цензурныя функціи синода и безъ различія готовъ былъ разсматривать не только уже изданныя книги, но и предназначавшіяся къ печати рукописи. Синодъ лишь утверждалъ его заключенія. Съ постепеннымъ же выбытіемъ изъ состава комитета членовъ, „поступавшія въ него бумаги непосредственно представляемы были въ св. синодъ и, по докладѣ оному, разрѣшались тѣмъ же порядкомъ, какъ и прочія бумаги, поступавшія на имя св. синода, и особыхъ производствъ по нимъ въ комитетѣ заводимо не было“ [65]).

По иниціативѣ секретнаго комитета было издано уже отмѣченное предписаніе дух.-цензурнымъ комитетамъ, чтобы они о представляемыхъ въ синодъ рукописяхъ и книгахъ „не полагали впредь общаго сужденія своего до тѣхъ поръ, пока каждый изъ членовъ не обратитъ надлежащаго вниманія на представляемое сочиненіе со всѣми сдѣланными въ немъ цензоромъ исправленіями, дабы такимъ образомъ представленіе комитета имѣло надлежащую полноту и благонадежность“. Кромѣ того, цензорамъ было вмѣнено въ обязанность, чтобы они „красными чернилами дѣлали положительныя указанія, какія именно мѣста въ представляемомъ сочиненіи слѣдуетъ исключить, но никакъ не обводили бы чернилами сомнительныя мѣста, предоставляя исключеніе оныхъ на произволъ сочинителя или издателя“ [66]). Все это значительно облегчало „труды“ комитета.

Въ своихъ отношеніяхъ къ подвѣдомственнымъ ему учрежденіямъ секретный комитетъ при синодѣ копировалъ строгость секретнаго комитета, наблюдавшаго за гражданской цензурой. Какъ синодальный комитетъ въ своихъ отчетахъ, такъ и Пратасовъ въ своихъ докладахъ любили отмѣчать, что за преступленіями цензоровъ тотчасъ слѣдовало и наказаніе, въ видѣ замѣчаній, строгихъ выговоровъ и отрѣшенія отъ должности [67]).

---

[65]) Сборникъ законопол. и распоряж. по дух. цензурѣ, стр. 163—166.
[66]) Указъ 2 іюля 1853 г.
[67]) К. О. П. С. С., 1852, 234 и 239.

Въ учредительномъ положеніи о синодальномъ цензурномъ комитетѣ, какъ было выше указано, строго разграничивались области наблюденія обоихъ верховныхъ цензурныхъ учрежденій на основаніи принципа невмѣшательства. Это общее правило комитеты обязывались соблюдать. Такъ, въ 1852 г. московскому дух.-цензурному комитету было поставлено синодальнымъ комитетомъ на видъ одобреніе біографіи Пожарскаго, какъ книги чисто исторической, и вмѣстѣ предписано всѣмъ прочимъ комитетамъ не принимать на разсмотрѣніе книгъ не духовнаго содержанія [68]).

Впрочемъ, имѣли мѣсто и отступленія отъ этого основнаго правила. Напримѣръ, по поводу изданія въ Кіевѣ книги „О числѣ, мысль Порфирія Гоствило-Корниловича", на комитетъ 2-го апрѣля было оказано со стороны духовной власти давленіе. И, имѣя въ виду, что въ книгѣ оказались „многія разсужденія, касающіяся догматовъ вѣры", комитетъ 2 апрѣля объявилъ по гражданской цензурѣ слѣдующее распоряженіе: свѣтская цензура должна входить въ сношеніе съ цензурою духовною всякій разъ, когда можетъ возникнуть сомнѣніе, не подлежитъ ли книга, въ цѣлости или отчасти, разсмотрѣнію той цензуры, хотя бы по прямому закону, какъ въ настоящемъ случаѣ, она и должна была поступить на разсмотрѣніе одной свѣтской цензуры [69]).

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ восшествія на престолъ имп. Александра II, комитетъ 2 апрѣля прекратилъ свое существованіе—6 декабря 1855 г. Видя наступленіе новыхъ временъ, самъ его председатель баронъ Корфъ представилъ докладъ на тему, что „комитетъ въ настоящее время не только пересталъ быть полезнымъ, но и сдѣлался вреднымъ" [70]). Секретный комитетъ при синодѣ не сразу рѣшился на такое самоубійство, хотя состоялъ лишь изъ двухъ членовъ. Онъ еще, вѣроятно, „выжидалъ" и только въ 1860 году прекратилъ свое существованіе [71]).

Интересенъ доводъ, которымъ синодъ мотивировалъ свое предположеніе о закрытіи комитета. Онъ дипломатичнѣе, чѣмъ соображенія Корфа. „Св. синодъ, говорится здѣсь, имѣя въ виду, что въ теченіи слишкомъ семилѣтняго наблюденія сего комитета за произведеніями печатной духовной литературы не замѣчено имъ въ дѣйствіяхъ духовной цензуры ни одного случая, кото-

---

[68]) К. О. П. С. С., 1852, 239.

[69]) Выписки... спб. публ. библ-ки, I, л. 90—2.

[70]) «Проектъ устава о книгопечатаніи», составленный комиссіею, высочайше учрежденною при министерствѣ народнаго просвѣщенія (СПБ. 1862) стр. 53.

[71]) Докладъ синода о закрытіи комитета датированъ 11—24 февраля 1859 года, но высочайше утвержденъ лишь 25 мая 1860 года и заслушанъ въ синодѣ 20 августа.

рый бы указывалъ на необходимость продолженія подобнаго наблюденія на будущее время, полагаетъ: означенный секретный комитетъ упразднить“ [72]).

Изложенныя существенныя черты взаимоотношеній главнѣйшихъ органовъ духовной и свѣтской цензуры [73]) наглядно показываютъ, какъ механически прилажены были другъ къ другу ихъ функціи и какъ даже въ эпоху усиленнаго сосредоточенія всѣхъ видовъ надзора за печатью ихъ объединеніе оказывалось и ненадежнымъ и неискреннимъ. Причина заключалась въ томъ, что даже и въ эту пору гражданскій и церковный взгляды на допустимое и вредное съ религіозной точки зрѣнія не лежали въ одной плоскости, и охранители политической роли православія обыкновенно тяготились формой обнаруженія синодальной ревности по вѣрѣ.

Добываемые время отъ времени изъ архивовъ III отдѣленія, секретныхъ и тайныхъ комитетовъ матеріалы даютъ свѣжіе образцы и доказательства того, съ какимъ, въ сущности, равнодушіемъ къ содержанію „незыблемыхъ основъ и устоевъ“ производили ихъ защиту агенты Бенкендорфа, Дубельта, Бутурлина и пр. [74]). „Вѣчныя начала“, въ ихъ сознаніи стояли въ пол-

[72]) К. О. П. С. С. 1859 г., № 40.

[73]) Полная картина этихъ взаимоотношеній получится лишь тогда, когда спеціальныя изслѣдованія, путемъ детальнаго изученія всего архивнаго матеріала, возстановятъ исторію дѣятельности всѣхъ гражданскихъ цензурныхъ учрежденій и дадутъ характеристику отдѣльныхъ ея представителей. До настоящаго же времени въ этомъ направленіи сдѣлано еще слишкомъ мало, по отношенію же къ громадной области цензуры иностранной—почти ничего.

Какъ на самую характерную черту въ разграниченіи сферы компетенціи цензуры духовной и иностранной, слѣдуетъ указать на то, что даже несмотря на обращенія вождя цензуры иностранной А. Красовскаго цензура духовная неизмѣнно отвѣчала отказомъ въ разсмотрѣніи присылаемыхъ книгъ, „какъ изданныхъ за границею“. Ср. СПБ. Д. Ц. К., 1838, 26.

[74]) Въ такомъ именно духѣ судилъ генералъ Дубельтъ о сочиненіяхъ В. А. Жуковскаго. «Хотя, писалъ онъ, съ одной стороны уже одно имя автора ручается за благонамѣренность его сочиненія, съ другой - результатъ всѣхъ его сужденій въ рукописи (за исключеніемъ только нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мыслей и выраженій) стремится къ тому, чтобы обличить съ вѣрою въ Бога удалившагося человѣка отъ религіи и представить превратность существующаго нынѣ образа дѣлъ и понятій на западѣ,—тѣмъ не менѣе вопросы его сочиненія духовные слишкомъ жизненны и глубоки, политическіе слишкомъ развернуты, свѣжи, намъ одновременны, чтобы можно было безъ опасенія и вреда представить ихъ чтенію юной публики. Частое повтореніе словъ: свобода, равенство, реформа, частое возвращеніе къ понятіямъ: движеніе вѣка впередъ, вѣчныя начала, единство народовъ, собственность есть кража и тому подобнымъ, останавливаютъ на нихъ вниманіе читателя и возбуждаютъ дѣятельность разсудка. Размышленія вызываютъ размышленія; звуки—отголоски, иногда невѣрные. Благоразумнѣе не касаться той струны, которой сотрясеніе произвело столько разрушительныхъ переворотовъ въ западномъ мірѣ и которой вибрація еще колеблетъ воздухъ. Самое вѣрное средство предостеречь отъ зла—удалить самое понятіе о немъ». Полн. собр. сочиненій князя П. А. Вяземскаго. т. IX, СПБ., 1884, стр. 48).

ной зависимости отъ измѣнчивыхъ „вибрацій политическихъ струнъ" [75]).

Придерживаясь же откровенно утилитарныхъ и приспособляющихся ко времени точекъ зрѣнія при опредѣленіи опасности или безопасности литературныхъ и, въ частности, церковно-богословскихъ теченій, оказывая подчасъ „разсудительное снисхожденіе" къ темамъ, которыя являлись безразличными въ политическомъ отношеніи и потому допустимыми къ обращенію въ публикѣ,—даже полезными въ смыслѣ отвлеченія вниманія читателей отъ болѣе острыхъ и „развернутыхъ вопросовъ",—высшіе представители гражданской цензуры тяготились неподвижностью критеріевъ и упрямствомъ логики прошедшихъ узко-спеціальную школу духовныхъ цензоровъ. Получались разногласія въ самыхъ конкретныхъ случаяхъ,—даже при оцѣнкѣ изображеннаго на одной и той же картинѣ [76]).

[75]) Сумма тѣхъ условій, которыя должны были опредѣлять даже «благожелательныя» отношенія цензора къ сочиненіямъ знаменитыхъ русскихъ писателей, хорошо выражена, напримѣръ, въ соображеніяхъ относительно пропуска собранія сочиненій Гоголя. «Главному управленію цензуры было предоставлено при разсмотрѣніи донесеній цензурныхъ комитетовъ о сомнительномъ содержаніи нѣкоторыхъ мѣстъ въ полныхъ собраніяхъ сочиненій извѣстныхъ нашихъ писателей, пользующихся общимъ уваженіемъ, оказывать разсудительное снисхожденіе въ примѣненіи къ содержанію ихъ цензурныхъ правилъ, съ принятіемъ въ соображеніе времени первоначальнаго выхода произведеній ихъ въ свѣтъ, тогдашнихъ внѣшнихъ и внутреннихъ политическихъ обстоятельствъ, слога и языка, которыми эти произведенія написаны, большей или меньшей занимательности ихъ, вѣроятнаго числа и состоянія читателей оныхъ въ настоящее время и, наконецъ, тѣхъ впечатлѣній, которыхъ ожидать должно отъ чтенія сихъ твореній въ предѣлахъ нынѣшняго ихъ обращенія, различая сочиненія, относящіяся къ легкому чтенію и доступныя большему числу читателей, отъ тѣхъ, которыя читаются людьми, посвятившими себя подробному изученію нашей литературы.» (М. Лемке. Николаевскіе жандармы и литература, стр. 223).

Кстати въ 1852 году и по духовной цензурѣ было объявлено характерное „высочайшее повелѣніе, 1) чтобы данное цензоромъ дозволеніе на напечатаніе одобренной рукописи оставалось дѣйствительнымъ въ теченіе слѣдующихъ сроковъ: для сочиненій однотомныхъ—одного года, для сочиненій, заключающихъ въ себѣ отъ двухъ до трехъ томовъ, -два года, и наконецъ для сочиненій болѣе объемистыхъ—трехъ лѣтъ, и 2) чтобы во всѣхъ сихъ случаяхъ отпечатанное сочиненіе, прежде выдачи билета на выпускъ онаго въ свѣтъ, соображаемо было съ требованіями цензуры послѣдовавшими послѣ дозволенія напечатать рукопись». II П. С. З., т. XXVII, 1852, № 26837, декабря 2 (31 окт.).

[76]) «Цензура гражданская, объяснялъ однажды А. Голицынъ Фотію по поводу открытаго имъ недоумѣннаго изображенія, должна и за печатными картинами смотрѣть, но она не разумѣетъ, что противно св. писанію нарисовано... Въ мірѣ такъ отдалились отъ истины, что сего не чувствуютъ и остановить сего трудно, ибо тотчасъ скажутъ, что правительство нѣсколько сотъ лѣтъ терпѣло сіи картины и даже есть въ церквахъ, то какое право я имѣю сіе запретить." (Р. Ст., 1882, май, стр. 431—2.

Съ другой стороны, и свѣтская цензура имѣла аналогичные поводы жаловаться на «неразуміе» защитниковъ вѣры. Однажды московское духовное на-

Въ результатѣ, хотя представленія духовнаго вѣдомства объ изъятіи вредныхъ книгъ и принимались къ производству, какъ цензурными, такъ и административными учрежденіями, но встрѣчали сочувствіе по преимуществу въ тѣхъ случаяхъ, когда тѣсно совпадали съ предположеніями властей гражданскихъ. Это особенно относится къ конфискаціи книгъ, принадлежавшихъ старообрядцамъ, которые въ николаевское время находились подъ наблюденіемъ особаго секретнаго комитета о раскольникахъ, и книгъ, служившихъ къ пропагандѣ католицизма въ западныхъ губерніяхъ и протестантизма въ прибалтійскихъ [77]).

чальство возбудило ходатайство о запрещеніи эстампа съ подписью Saint Joseph Patriarche, найдя, что здѣсь неприлично изображенъ Іосифъ обручникъ —молодымъ и съ французской бородкой. Потребовались спеціальныя разъясненія, чтобы наконецъ и духовное начальство увидѣло на эстампѣ не Іосифа обручника, а Іосифа съ Веніаминомъ. Р. Ст., 1875, сент., воспоминанія О. А. Пржецлавскаго, стр. 177.

[77]) Какъ, однако, фатально—даже въ этихъ случаяхъ—образъ дѣйствій церковной власти долженъ былъ примѣняться къ преобладающимъ настроеніямъ правительственныхъ сферъ,—это можно пояснить нѣкоторыми эпизодами изъ отношеній къ старообрядческой письменности и р.-католическимъ брошюрамъ.

Теченіе въ пользу вѣротерпимости первой половины царствованія Александра I парализовало самую возможность систематическихъ розысковъ старообрядческихъ книгъ. Гражданская власть возлагала въ это время надежды на урегулированіе вопроса о раскольническихъ книгахъ путемъ открытія законной типографіи. Почву для развитія этого рода письменности она желала найти въ единовѣріи, которое было надѣлено правомъ перепечатывать старыя книги. Хотя это печатаніе должно было производиться съ разрѣшенія св. синода, но последнее обстоятельство, очевидно, считали несущественнымъ препятствіемъ въ дѣлѣ распространенія подобныхъ книгъ среди раскола. Тѣмъ не менѣе проектъ учрежденія самостоятельной единовѣрческой типографіи не сразу получилъ осуществленіе. Причиной могъ служить еще долго составлявшій одну изъ проблемъ единовѣрія вопросъ о дѣйствительномъ отношеніи церковной власти къ буквальному воспроизведенію старопечатныхъ книгъ. Для православнаго сознанія, напр., порицаніе троеперстія древней псалтири было столь же соблазнительно, какъ для приверженцевъ старыхъ обрядовъ хула на двуперстіе въ книгахъ исправленныхъ.

Въ виду подобныхъ затрудненій св. синодъ не бралъ на себя иниціативы въ созданіи типографіи. Въ 1810 году два торговца единовѣрческими книгами ходатайствовали предъ синодомъ о печатаніи этихъ книгъ въ московской синодальной типографіи. Въ качествѣ мотивовъ они приводили затрудненія въ доставкѣ книгъ, печатаемыхъ въ Клинцахъ, Махновкѣ и Яновѣ, указывали на ихъ ошибки и несходство съ оригиналами и—на отсутствіе для казны пользы при такомъ положеніи вещей.

На всѣ эти доводы синодъ далъ лишь тотъ отвѣтъ, что, такъ какъ высочайшимъ указомъ 1801 и 1803 года учрежденіе для единовѣрцевъ типографіи предоставлено гражданскому правительству, сообразно съ высочайше утвержденными правилами, то синодъ къ дачѣ просителямъ дозволенія приступить не можетъ. А. С. С., 1810, 94.

Уже въ 1818 году была учреждена въ Москвѣ типографія для печатанія единовѣрческихъ книгъ, относящихся къ богослуженію. Сличеніе книгъ должны были производить „надзиратели“, а разрѣшеніе ихъ зависѣло отъ св. синода (при посредствѣ московскаго митрополита и консисторіи).

На почвѣ этой зависимости возникали недоразумѣнія, тѣмъ болѣе, что

Зато въ тѣхъ случаяхъ, когда отношенія вѣдомства право-

и синодъ не чуждъ былъ колебаній по данному предмету. Кн. Голицинъ и арх. московскій Филаретъ относились, напримѣръ, снисходительнѣе къ просьбамъ единовѣрцевъ, чѣмъ другіе члены синода.

Арх. Филаретъ, имѣя въ виду приверженность просителей къ буквѣ книгъ, отчасти же въ силу вліянія на него Голицына, вполнѣ соглашался на „оставленіе нѣкоторыхъ разностей, не дѣлающихъ существеннаго измѣненія въ смыслѣ". Мотивъ былъ тотъ, что исправленіе такихъ мѣстъ, не противорѣчащихъ слову Божію, безполезно, такъ какъ обращается въ претыканіе для немощныхъ и подрываетъ ихъ довѣріе къ дѣлу печатанія. Наоборотъ, оставленіе явныхъ несообразностей можетъ возбудить и у ожесточеннаго раскольника критическое отношеніе къ содержимымъ книгамъ. (А. С. С., 1821, 323).

Затѣмъ, арх. Филаретъ не склоненъ былъ со строгимъ педантизмомъ наблюдать различіе между книгами собственно богослужебными и учебными. И хотя послѣднихъ нельзя было издавать въ единовѣрческой типографіи, но, благодаря его вліянію, допускались исключенія. Снисходительность Филарета дошла до того, что онъ, вопреки мнѣнію своей консисторіи, ходатайствовалъ предъ св. синодомъ о дозволеніи издать „канонникъ" съ экземпляра, напечатаннаго въ почаевской нелегальной типографіи, указывая, что это обыкновенная у единовѣрцевъ домашняя молитвенная книга. Но синодъ не рѣшился идти такъ далеко, и утвердилъ мнѣніе консисторіи (1823 г.).

Впрочемъ, расширеніе правъ единовѣрческой типографіи давало арх. Филарету возможность усилить надзоръ и обосновать конфискацію привозимыхъ изъ-за границы старообрядческихъ книгъ. Предоставленная вновь учрежденной типографіи монополія по перепечаткѣ старыхъ книгъ обрекала ихъ на изъятіе. Въ ихъ распространеніи видѣли теперь, сверхъ всего прочаго, и нарушеніе денежныхъ интересовъ, -подрывъ не только единовѣрческой, но и подвѣдомыхъ синоду типографій. Просмотръ отобранныхъ тюковъ книгъ имѣлъ главною цѣлью опредѣлить „годность ихъ къ продажѣ на бумажныя мельницы ради пользы обѣихъ типографій" (согласно правиламъ 1720 г.). А. С. С., 1822, 779.

Однако, если подобная конфискація тысячъ книгъ еще могла приносить пользу типографіямъ, то какъ средство ослабленія раскола, - она принесла лишь отрицательные результаты вслѣдствіе субъективизма цензоровъ и предвзятости начальственныхъ резолюцій.

Отнятыя у раскольниковъ книги стали присылаться въ синодъ, особенно изъ пріуральскихъ губерній. Для разсмотрѣнія отдавались онѣ одному изъ синодальныхъ членовъ—м. Филарету, арх. Григорію, Владиміру- и обыкновенно, „по словесному объявленію", сдавались въ архивъ. (А. С. С., 1829, 202, 754; 1830 г., 765). Съ теченіемъ времени, въ виду многочисленности отбираемыхъ книгъ, синодъ предпочелъ ввести въ данномъ случаѣ децентрализацію цензуры,— сталъ требовать отъ епархіальныхъ властей подробныхъ отзывовъ. Надъ составленіемъ послѣднихъ трудились мѣстные «ученые» священники. (Кстати духовно-цензурные комитеты отклоняли отъ себя разсмотрѣніе конфискованныхъ книгъ, на томъ основаніи, что они не предназначались вновь къ печати. М. Д. Ц. К., 1832, 18). Въ силу общаго взгляда на старообрядческія книги, безпристрастіе отзывовъ встрѣчалось рѣдко,—еще рѣже оно приводило къ положительнымъ результатамъ. Напримѣръ, въ 1832 г. ярославская консисторія поручила разсмотрѣть двадцать книгъ пяти священникамъ. Въ то время, какъ четыре изъ нихъ представили обычные отчеты: «много ошибокъ грамматическихъ, но никакихъ нелѣпостей и богохульныхъ мнѣній»,--пятый, разбирая страницу за страницей, писалъ цѣлые полемическіе трактаты съ лирическими изліяніями. Въ результатѣ, консисторія опредѣлила разсмотрѣнныя имъ книги: минею, служебникъ, житіе Макарія и описаніе страстей Христовыхъ, „какъ содержащія ереси, суевѣрія и нелѣпости, хранить въ ризницѣ, а остальныя 16, на основаніи указа св. синода отъ 5 ноября 1830 года, возвратить раскольникамъ. Однако, освѣдомившись объ этомъ, св. синодъ потребовалъ къ своему разсмотрѣнію всѣ книги. По

славнаго исповѣданія на имя управляющихъ отдѣльными частями носили характеръ хотя бы косвенныхъ упрековъ въ нерадѣніи о

присылкѣ же ихъ было просто „разсуждено“ подвергнуть ихъ общей участи - отдачѣ въ синодальный архивъ. (А. С. С., 1832, 17; ср. 1833, 222; 1830, 115, 765).

Въ общемъ, тѣ же черты характеризуютъ процессъ изъятія изъ обращенія «книгъ римско-католическаго исповѣданія, противныхъ духу православной греко-россійской церкви.--Отношеніе правительства къ римско-католическому исповѣданію въ концѣ XVIII и началѣ XIX в. представляетъ крайне сложную картину. Въ эту эпоху натиска католицизма слишкомъ многое и важное рѣшалось не столько въ залахъ засѣданій, сколько въ салонахъ и будуарахъ, и успѣхъ достигался не всегда доводами разсудка, а и путемъ вліянія на сердца.

Пользуясь правами вѣротерпимости и покровительствомъ Чарторижскаго, защищенные дружиной іезуитовъ, издатели католическихъ книгъ могли, конечно, свободно развивать свою дѣятельность, хотя бы и направленную противъ господствующаго исповѣданія. Св. синодъ съ подвѣдомственною ему духовною цензурою стоялъ вдали отъ надзора за ихъ дѣятельностью. Притомъ и самъ онъ съ 1817 года былъ поставленъ въ весьма своеобразныя отношенія къ министру духовныхъ дѣлъ,--былъ лишь первымъ изъ равныхъ между собою департаментовъ исповѣданій. Голицынъ же, если и дѣлалъ замѣчанія цензорамъ инославныхъ исповѣданій, то преимущественно въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда задѣвалось библейское общество или мистицизмъ.

Съ воцареніемъ имп. Николая I, правительство стало болѣе удѣлять вниманія нашей западной окраинѣ. Начало оно теперь прилагать заботы къ «предупрежденію и ослабленію вліянія католичества» на уніатство, и ихъ обоихъ— на православіе. При этомъ, конечно, долженъ былъ получить особенную остроту вопросъ о надзорѣ за издаваемыми книгами. Цензура послѣднихъ находилась въ вѣдѣніи гражданскихъ властей, главнымъ образомъ, въ вѣдѣніи управленія духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій, которое создавало на мѣстахъ свои органы въ лицѣ инославныхъ епископовъ, настоятелей монастырей и «епархіальныхъ ксендзовъ-цензоровъ“. Духовная цензура и теперь этой области не касалась, и лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда случайно обращала на себя вниманіе какая-либо книжка, изданная на русскомъ языкѣ и содержащая католическія тенденціи, вѣдомство православнаго исповѣданія выказывало нѣкоторую иниціативу. Такъ, въ 1830 г. митр. Серафимъ возбудилъ въ св. синодѣ дѣло о католическомъ -на русскомъ языкѣ катехизисѣ, въ которомъ никеоконстантинопольскій символъ вѣры былъ напечатанъ съ filioque. Въ отвѣтъ на запросъ оберъ-прокурора Мещерскаго, главноуправляющій дѣлами иностранныхъ исповѣданій отвѣтилъ, что еще въ 1827 г. было обращено вниманіе правительства на катехизисы—учебники кадетскихъ корпусовъ, «по содержанію въ нихъ въ превратномъ видѣ догматовъ православной нашей церкви». Тогда же состоялось высочайшее повелѣніе на имя А. С. Шишкова о составленіи, для «единообразнаго преподаванія закона Божія во всѣхъ вообще свѣтскихъ заведеніяхъ въ государствѣ, приличныхъ учебныхъ книгъ» какъ для православныхъ, такъ и для инославныхъ учениковъ.

Въ силу этого указа богословскимъ факультетомъ виленскаго университета были составлены на польскомъ языкѣ два катехизиса. Но такъ какъ учрежденная для ихъ разсмотрѣнія при министерствѣ народнаго просвѣщенія особая комиссія «нашла выраженія и цѣлыя мѣста не совсѣмъ согласныя съ правилами вѣротерпимости, а его имп. величеству благоугодно было изъявить высочайшее соизволеніе, чтобы сію книгу, назначенную для дѣтскаго возраста, очистить отъ замѣченныхъ въ ней недостатковъ и потомъ уже ввести въ употребленіе», то дѣло замедлилось. Прежніе катехизисы не замѣнялись новыми исправленными. И хотя, въ виду указанія митр. Серафима, управленіе дѣлами иностранныхъ исповѣданій исходатайствовало высочайшее повелѣніе «запретить сію книгу и изъять изъ употребленія безъ всякаго стѣсненія свободы терпи-

пользѣ церкви,—тотчасъ давался отпоръ, порождаемый инстинктомъ самосохраненія, присущимъ каждому вѣдомству [78]).

маго вѣроисповѣданія», но это запрещеніе проявилось главнымъ образомъ въ канцелярской перепискѣ. (А. С. С., 1830, 538).

Лучшей иллюстраціей самаго процесса конфискаціи «неблагопріятныхъ для православія» католическихъ книгъ, служитъ дѣло о «юбилеушовыхъ книгахъ».

Въ 1825 году, въ виду наступающаго «юбилея», главноуправляющимъ дѣлами иностранныхъ исповѣданій было разрѣшено почаевскому монастырю напечатать на славянскомъ языкѣ «увѣдомленіе» о празднествѣ. Воспользовавшись этимъ поводомъ, насельники монастыря—базиліане издали и начали распространять среди народа нелегальныя книжки. Было перехвачено письмо виленскаго ксендза Годовицкаго къ находившемуся въ Почаевѣ его брату о присылкѣ книги «на славянскомъ языкѣ о паденіи имперіи и всего народа господствующей вѣры».

Литовскій военный губернаторъ Корсаковъ отнесся къ волынскому губернатору Андржейковичу. Послѣдній отправилъ въ Почаевъ одного, а потомъ другого агента. Уже до ихъ прибытія, по всѣмъ признакамъ, дѣло было сдѣлано, даже, кажется, компрометирующіе листы перепечатаны. Но всетаки мѣстныя власти, арестовавъ наборщика и Годовицкаго—переплетчика,—должны были приложить всѣ усилія, чтобы выполнить секретное предписаніе намѣстника цесаревича: «непремѣнно открыть, какія «неприличныя выраженія были напечатаны». Агенты постарались сосредоточить вниманіе начальства на «неприличныхъ» выраженіяхъ первой попавшейся книги «Милостивое лѣто». Тамъ, напр., проводилось «ученіе, дабы хотящіе спастися, соединены были вѣрою съ Римомъ, и что другія вѣры никого не спасутъ».

Тѣмъ не менѣе это «политическое дѣло» было передано губернскими властями намѣстнику, а потомъ—чрезъ главноуправляющаго дѣлами иностранныхъ исповѣданій Шишкова—государю. Сверхъ того, оно еще неожиданно осложнилось. Епископъ волынскій Стефанъ, узнавъ о производившемся разслѣдованіи и не получивъ отъ губернатора свѣдѣній, постарался въ своемъ донесеніи св. синоду бросить тѣнь подозрѣнія на ходъ секретнаго дѣла. Синодъ чрезъ оберъ-прокурора послалъ запросъ министру народнаго просвѣщенія, который въ то же время являлся и главноуправляющимъ. Послѣдній отвѣтилъ не сразу и вотъ почему. Императоръ Николай, вмѣсто собственной резолюціи, «соизволилъ, чтобы главноуправляющій всѣ свои соображенія сообщилъ предварительно на разсмотрѣніе государю цесаревичу». Лишь послѣ этого наступилъ конецъ дѣла. Арестованные были освобождены. Въ св. синодъ поступило увѣдомленіе, что, по заявленію настоятеля почаевскаго монастыря, книга не поступала въ продажу. «Это его объясненіе кажется тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что самъ епископъ Стефанъ не представилъ даже экземпляра книги, что не трудно было бы сдѣлать, еслибы она находилась въ общемъ употребленіи по его епархіи».

Въ качествѣ радикальной мѣры предупрежденія незаконнаго книгопечатанія, управленіе инославными исповѣданіями постановило: издавать для уніатовъ церковныя и вообще духовно-нравственнаго содержанія книги не иначе, какъ по разсмотрѣніи и одобреніи уніатской духовной коллегіи и департамента уніатскихъ дѣлъ. Они должны были имѣть наблюденіе, чтобы не издавались такія уніатскія книги, кои могутъ служить къ соблазну людей православнаго исповѣданія. Св. синодъ вполнѣ удовлетворился данными объясненіями и, «за предпринятыми главноуправляющимъ мѣрами къ истребленію вредныхъ для господствующаго исповѣданія юбилеушовыхъ книгъ и къ отвращенію впредь подобныхъ изданій, опредѣлилъ дѣло сіе почислить рѣшеннымъ» (11 мая 1828 г.).

Итакъ, цѣлый десятокъ инстанцій долженъ былъ удѣлять вниманіе одному, двумъ выраженіямъ, которыя проводили избитую мысль, что лишь въ Римѣ спасеніе! А. С. С., 1827, 1116.

[78]) Срав., между прочимъ, дѣло дух.-учебн. управленія, 1845 г. № 64, по донесенію священника собора въ г. Крестцахъ Смирнова „о бывшемъ въ г. Крестцахъ представленіи пьесы нижними чинами инвалидной команды,

Неискренность междуведомственной предупредительности обнаружилась сама собою, лишь только были пробиты бреши во всеохватывающемъ нѣкогда режимѣ. Какой тонъ пріобрѣли пререканія духовнаго и свѣтскаго надзора,—можно судить по перепискѣ, относящейся къ 1857 г. По поводу разрѣшенія духовною цензурою къ печати непропущенной цензурою свѣтскою брошюры „Современныя идеи и православіе", обличавшей направленіе одного изъ фельетоновъ С.-Петербургскихъ вѣдомостей, министръ народнаго просвѣщенія писалъ, между прочимъ: „Брошюра..., по содержанію своему, на основаніи устава о цензурѣ ст. 23 букв. в. примѣч. 1 и 2 и ст. 174, не могла быть напечатана безъ одобренія цензуры свѣтской, въ коемъ ей было отказано. Посему, находя нужнымъ принять мѣры къ отклоненію на будущее время подобныхъ столкновеній обѣихъ цензуръ, занятія коихъ положительно разграничены закономъ, я имѣю честь покорнѣйше просить ваше сіятельство сдѣлать надлежащее распоряженіе, чтобы духовная цензура не принимала къ своему разсмотрѣнію сочиненій, подлежащихъ исключительно цензурѣ свѣтской, и чтобы при одобреніи къ печати сочиненій духовнаго содержанія, подлежащихъ ея разсмотрѣнію, не допускала никакихъ разсужденій, могущихъ подать поводъ къ обвиненію свѣтской цензуры въ неправильныхъ дѣйствіяхъ, а тѣмъ болѣе въ невозможномъ съ ея стороны потворствѣ направленію, въ чемъ либо несогласному съ православными вѣрованіями; въ случаѣ же сомнѣнія препровождала бы такія сочиненія на предварительное разсмотрѣніе цензурныхъ комитетовъ. Къ сему считаю долгомъ присовокупить, что я съ благодарностью приму всякое конфиденціальное сообщеніе духовнаго вѣдомства, въ случаѣ, если бы духовною цензурою замѣчено было въ произведеніяхъ свѣтской литературы что-либо не согласное съ ученіемъ православія".

Разсмотрѣвъ это представленіе, св. синодъ призналъ, что „въ дѣлѣ представляется вопросъ не только о томъ, правильно ли поступилъ духовный цензоръ, одобривъ къ печати брошюру „Современныя идеи и православіе", но и о томъ, правильно ли поступилъ свѣтскій цензоръ, допустивъ въ фельетонѣ „С.-Петербургскихъ вѣдомостей" такія статьи, которыя вызвали ее. Сей

оскорбительнаго якобы для церкви и духовенства содержанія". По произведенному штабомъ отдѣльнаго корпуса внутренней стражи разслѣдованію оказалось, что... въ пьесѣ „ничего оскорбительнаго для духовенства не заключалось, ибо въ противномъ случаѣ городничій никогда бы оной не допустилъ. При чемъ городничій засвидѣтельствовалъ, что инвалидная команда вообще ведетъ себя хорошо, и дисциплина между нижними чинами самая безусловная; начальникъ же команды обязанность свою исполняетъ съ особенною рачительностью, достойною похвалы, и никакихъ послабленій не допускаетъ". Въ такомъ видѣ дѣло было представлено имп. Николаю, и духовное вѣдомство должно было тотчасъ уступить.

послѣдній вопросъ не разрѣшенъ г. министромъ народнаго просвѣщенія. Онъ только ограничился общимъ удостовѣреніемъ, что министерство стремится охранять въ литературѣ неприкосновенность православія, въ чемъ и св. синодъ съ своей стороны не имѣетъ повода сомнѣваться".

Далѣе, правда, слѣдуетъ какъ бы смягчающая рѣзкій характеръ конфликта оговорка: „Впрочемъ, какъ погрѣшность духовнаго цензора г. министръ не относитъ вообще къ духовному вѣдомству, что было бы и не справедливо, такъ и погрѣшность одного изъ свѣтскихъ цензоровъ не можетъ служить къ предосужденію всей цензуры вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія". На дѣлѣ, однако, эта оговорка не могла стушевать общаго рѣзкаго характера синодальнаго отвѣта.

„...Брошюра „Современныя идеи...", говорится тамъ, безъ сомнѣнія, подлежала разсмотрѣнію свѣтской цензуры, но, касаясь православной вѣры, ни въ какомъ случаѣ не должна бы ею быть разсматриваема безъ сношенія съ духовною цензурою (Уст. о ценз. § 23, п. 3 прим. 2), а потому и нельзя утверждать, будто бы свѣтская цензура одна имѣла право судить о семъ сочиненіи. Напротивъ того, судить о сочиненіяхъ, касающихся вѣры православной, есть неотъемлемое, законное и исключительное право церкви. Безъ участія же духовной цензуры, цензура свѣтская безусловнымъ своимъ отказомъ сочинителю брошюры оградила только себя, какъ еслибы все допущенное ею должно быть признаваемо безошибочнымъ, но не оградила православія, оскорбленнаго статьями такой газеты, которая расходится по городамъ всей Россіи и читается людьми всякаго сословія. Министерство же, которое не участвовало въ пропускѣ сихъ статей, безъ сомнѣнія согласится, что столь одностороннее сужденіе не можетъ называться безпристрастнымъ и согласнымъ съ справедливостью."

Гарантіей противъ дальнѣйшихъ столкновеній духовной и гражданской цензуры, по мнѣнію синода, могъ бы служить такой порядокъ, при которомъ „какъ свѣтская, такъ и духовная цензура, въ подобныхъ случаяхъ столкновенія, каждая, предварительно пропуска, или отказа статьи, представляла объ оной своему начальству, для конфиденціальнаго между обоими начальствами сношенія" [79]).

Но и такими конфиденціальными предложеніями и договорами, съ паденіемъ руководящихъ тайныхъ комитетовъ, гармонія отношеній цензурныхъ вѣдомствъ не достигалась. Наконецъ, литературные процессы шестидесятыхъ годовъ, когда каждая судебная инстанція, отъ окружного суда до сената, различнымъ

79) Сборникъ законоположеній и распоряженій по духовной цензурѣ вѣдомства православнаго исповѣданія съ 1720 по 1870 г. (СПБ., 1870), стр. 151—159.

образомъ разъясняла смыслъ терминовъ цензурныхъ уставовъ и, въ результатѣ, по собственному разумѣнію истолковывала ихъ взаимоотношенія, послужили полнымъ раскрытіемъ несостоятельности юридическихъ нормъ, дотолѣ разграничивавшихъ области духовнаго и свѣтскаго надзора за печатью [80]).

---

[80]) Сравн. особ. «Матеріалы, собранные особою коммисіею, высочайше учрежденною 2 ноября 1869 г. для пересмотра дѣйствующихъ постановленій о цензурѣ и печати, ч. III, СПБ. 1870, стр. 334—390: Процессъ о книгѣ Вундта «Душа человѣка и животныхъ, т. II», изданной временнымъ купцомъ П. Гайдебуровымъ.

ГЛАВА VIII.

Цензура литературныхъ отраженій церковной жизни.

„Прошедшее Россіи было удивительно; настоящее ея—болѣе чѣмъ великолѣпно, что же касается ея будущаго, то оно выше всего, что можетъ нарисовать себѣ самое смѣлое воображеніе" [1])...

Вторя этой извѣстной вдохновенной рѣчи шефа жандармовъ Бенкендорфа М. Ѳ. Орлову, начальники другихъ вѣдомствъ изобрѣтали соотвѣтствующіе панегирики, каждый по своей части управленія. Напримѣръ, министръ иностранныхъ дѣлъ въ своемъ отчетѣ-адресѣ по поводу двадцатипятилѣтія царствованія Николая Павловича, за два—три года до крымской войны, утверждалъ, что никогда еще Россія не была такъ сильна, какъ въ ту пору [2]).

Тому же оффиціальному оптимизму платило дань и вѣдомство православнаго исповѣданія. „Ко благоденствію любезнаго отечества нашего процвѣтаетъ Православная Церковь во благословенной державѣ Великихъ Государей Россійскихъ[3])"...—вотъ основной тонъ тѣхъ увѣреній, которыя щедро разсыпались руководителями церковной жизни въ николаевскую эпоху. Понятны и практическія послѣдствія такого горделиваго, безапелляціоннаго взгляда. Для его поддержанія необходимо тщательно скрывать и замалчивать всѣ тѣневыя стороны дѣйствительнаго состоянія церковной жизни и, наоборотъ, развивать культъ тенденціознаго панегиризма. Для сохраненія же невинности и цѣлостности религіознаго сознанія представляется болѣе полезнымъ не излагать со всею откровенностью прошлаго церкви, ея не всегда блистательнаго и соотвѣтствующаго ея идеѣ пути.

Такъ было и на дѣлѣ. Всякая попытка безпристрастно освѣтить фактическое положеніе церковныхъ дѣлъ легко попадала въ категорію „вредныхъ для общественнаго мнѣнія въ отношеніи

[1]) В. Европы, 1871, сент., ст. М. И. Жихарева «Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ" (Изъ воспоминаній современника), стр. 37—38, прим. 3.; ср. М. Лемке: Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 годовъ, 1908, стр. 411.

[2]) Сборн. русс. ист. общ., т. 98, стр. 296—7, прим.

[3]) А. С. С., 1837, 1476.

къ духовенству“ [4]). Затѣмъ, въ самомъ честномъ научномъ стремленіи историка охранители вѣры безъ труда отыскивали „излишній критицизмъ“, борьба съ которымъ предусматривалась и нарочитымъ пунктомъ реакціонной программы [5]). Слѣдуетъ отмѣтить детали этой борьбы противъ внесенія реализма съ одной стороны въ изображеніе тогдашняго состоянія церкви, съ другой — въ изложеніе ея исторіи.

Въ тридцатые годы, разумѣется, было бы преждевременно искать публицистическаго реализма шестидесятыхъ. Самъ Искандеръ въ ту пору еще не вышелъ изъ стадіи переписки съ Захарьиной. Массы увлекались Марлинскимъ. Тѣмъ не менѣе ступени общественно-литературнаго развитія и здѣсь тѣсно примыкали одна къ другой. Тотъ же Марлинскій до Гоголя былъ нашимъ самымъ талантливымъ нувеллистомъ, писателемъ съ наиболѣе колоритнымъ воображеніемъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, первымъ по силѣ изъ реалистовъ своего времени... „Какъ реалистъ, Марлинскій былъ прямымъ предшественникомъ Гоголя и Лермонтова“ [6]).

Въ виду этого нельзя отрицать, что даже составленные въ духѣ эпохи фельетоны могли имѣть немаловажное значеніе для освѣщенія уголковъ церковной жизни. Совершая популярныя тогда „прогулки па Кавказъ“, „поѣздки изъ Казани въ Н.-Новгородъ“ и пр. [7]), сочинители заносили въ свои описанія весьма интересныя и немаловажныя бытовыя подробности. „Надуто и преувеличено“ [8]) изображая, напр., какъ „Донъ взыгралъ пѣнистыми волнами, берега его мелькали около насъ мимолетными видѣніями“, авторъ въ концѣ концовъ останавливался на чемъ-нибудь, приводилъ біографію мѣстночтимой, но сомнительной „многотруженицы“, или въ живыхъ краскахъ изображалъ „темное царство суевѣрій“.

Не находя у себя оффиціальныхъ свѣдѣній, цензурные комитеты и синодъ не давали разрѣшенія на печатаніе такихъ статей. Негласнымъ же образомъ наводились справки на мѣстахъ, и, благодаря случайной замѣткѣ, церковная власть получала возможность захватить легенду въ процессѣ ея образованія, лишній разъ обратить вниманіе на крайне тяжелыя условія для правильнаго религіозно-нравственнаго развитія какого-нибудь града Одоева или другого уголка Руси и т. д. [9]).

---

[4]) СПБ. Д. Ц. К., 1849, «о разсмотрѣніи статей, присланныхъ изъ св. синода».

[5]) К. Д. У., 1838, 10675.

[6]) «Декабристы, Кн. А. Одоевскій и А. Бестужевъ», Н. Котляревскаго, (СПБ., 1907), стр 282—83, 266—7.

[7]) А. С. С., 1839, 682, 1839, 38; 1849, 27.

[8]) Какъ замѣчали цензоры.

[9]) А. С. С, 1839, 628; М. Д. Ц. К., 1832, 9; 1851, 40; 1846, 13; 1839, 71.

Но эти частныя напоминанія были рѣдки, и, главнымъ образомъ, оттого, что, не цѣня услугъ печати, церковная власть постоянно склонялась къ отрицательному на нее взгляду. Инцидентъ съ письмомъ Чаадаева, на которое, правда, духовная власть обратила свое вниманіе нѣсколькими днями позже, чѣмъ III отдѣленіе [10]), обнаружилъ одну важную подробность.

„Въ январѣ мѣсяцѣ 1835 г., писалъ м. Серафимъ Бенкендорфу, ваше сіятельство объявили мнѣ лично высочайшую его императорскаго величества волю, чтобы въ такихъ случаяхъ, когда въ издаваемыхъ для всеобщаго употребленія сочиненіяхъ усматриваемы будутъ противныя вѣрѣ, нравственности и общественному устройству сужденія, либо неблагонамѣренности, сообщалъ я замѣчанія свои на то вашему сіятельству для доведенія до высочайшаго свѣдѣнія. Обращая на таковой предметъ вниманіе свое, усмотрѣлъ я, что въ пятнадцатой книжкѣ періодическаго изданія подъ названіемъ „Телескопъ“, вышедшей въ Москвѣ изъ печати въ сентябрѣ сего 1836 года, помѣщены двѣ такія статьи, въ коихъ все, что для насъ россіянъ есть священнаго, поругано, уничижено, оклеветано съ невѣроятною продерзсстію и съ жестокимъ оскорбленіемъ какъ для народной чести нашей, такъ и для правительства и даже для исповѣдуемой нами православной вѣры... Первая изъ таковыхъ статей есть „философическое письмо“... Сужденія о Россіи, помѣщенныя въ сей негодной статьѣ, столько оскорбительны для чувства, столько ложны, безразсудны и преступны сами по себѣ, что я не могу принудить себя даже къ тому, чтобы хотя одно изъ нихъ выписать здѣсь для примѣра...

„Въ другой статьѣ, подъ заглавіемъ „Мнѣніе иностранца о русскомъ правленіи“, на стр. 386 сказано: „у нихъ, русскихъ, есть (что требуется въ политикѣ точно также какъ и въ математикѣ) свой центръ и этотъ центръ ихъ императоръ! Учрежденіе совѣщательнаго сейма, составленіе общаго законоположенія, одной церкви для всей россійской имперіи и для всѣхъ ея народовъ, все это—и подобное тому, безумно и невозможно“.

„Не могши представить себѣ, какъ возможно русскому издателю журнала дойти до такой дерзости, чтобы распространить между соотечественниками столь преступныя хулы на отечество, вѣру и правительство свое, я долгомъ поставляю препроводить... вашему сіятельству... вышеозначенную XV кн... и прошу покорнѣйше всѣ замѣченныя въ ней мѣста довести до высочайшаго государя императора свѣдѣнія“ [11])...

Митр. Филаретъ, какъ видно изъ письма его къ Антонію [12]),

---

[10]) Сравн. М. Лемке, назв. соч., стр. 412.
[11]) Р. Старина, 1870 г., т. I, стр. 577—78.
[12]) Письма къ Антонію, ч. I, стр. 209.

не успѣлъ принять въ этой кампаніи активнаго участія. Зато къ тѣмъ же годамъ относятъ другой инцидентъ, уже связывая его съ именемъ Филарета.

Подъ 1834 годомъ Никитенко занесъ въ свой дневникъ слѣдующій „анекдотъ“. „Отъ Сидонскаго, пишетъ онъ, услышалъ я забавный анекдотъ, какъ Филаретъ жаловался Бенкендорфу на одинъ стихъ Пушкина въ Онѣгинѣ, тамъ, гдѣ онъ, описывая Москву, говоритъ: „и стая галокъ на крестахъ“. Здѣсь Филаретъ нашелъ оскорбленіе святыни. Цензоръ, котораго призывали къ отвѣту по этому поводу, сказалъ, что „галки, сколько ему извѣстно, дѣйствительно садятся на крестахъ московскихъ церквей, но что, по его мнѣнію, виноватъ здѣсь больше всего московскій полицеймейстеръ, допускающій это, а не поэтъ и цензоръ. Бенкендорфъ отвѣчалъ учтиво Филарету, что это дѣло не стоитъ того, чтобы въ него вмѣшивалась такая почтенная духовная особа: еже писахъ, писахъ“ [13]).

Этотъ инцидентъ, даже въ случаѣ какихъ либо передержекъ со стороны авторовъ и разсказчиковъ, нѣтъ основаній игнорировать. Даже болѣе. Его можно назвать прямо символическимъ для тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Когда оффиціальными усиліями стало декорироваться зданіе „процвѣтающей Церкви“, — наступила эпоха преслѣдованія въ печати всего того, что, по суду охранителей, оскорбляло ея наскоро позлащенныя главы. При этомъ вводились въ дѣло исключительные критеріи, разсчитанные прямо на данный случай, и, понятно, ихъ придирчивую оцѣнку съ трудомъ могло выдержать что-либо живое, вѣрное жизни.

Здѣсь прежде всего невольно вспоминается отношеніе духовной цензуры къ письмамъ Гоголя „о нашей церкви и духовенствѣ“. Если вообще „переписка съ друзьями“ вызвала множество разнообразныхъ нападокъ и сѣтованій, то, кажется, уже никакъ не могла заподозрить ихъ въ неблагонамѣренности духовная цензура. Въ частности, переданныя на ея разсмотрѣніе два письма слѣдующимъ образомъ силились отвѣтить на упреки, главнымъ образомъ, заграничные, относительно мертвенности нашей церкви: „Чтобы защищать такое дѣло, нужно самому прежде узнать его. А мы вообще плохо знаемъ нашу церковь. Духовенство наше не бездѣйствуетъ. Я очень знаю, что въ глубинѣ монастырей и въ тишинѣ келій готовятся неопровержимыя сочиненія въ защиту церкви нашей... Но дѣла свои они знаютъ лучше, нежели мы: они не торопятся, и, зная, чего требуетъ такой предметъ, совершаютъ свой трудъ въ глубокомъ спокойствіи, молясь, воспитывая самихъ себя“... „Однако, продолжаетъ Гоголь, этого недостаточно для полнаго убѣжденія западныхъ католиковъ. Церковь должна святиться въ насъ, а не въ словахъ нашихъ. Мы

[13]) Записки и дневникъ, т. I, стр. 323—4.

должны быть церковь наша и нами же должно возвѣстить ея правду. Они говорятъ, что церковь наша мертвый трупъ; они сказали ложь, потому что церковь наша есть жизнь; но ложь свою они вывели логически, вывели правильнымъ выводомъ. Мы трупы, а не церковь наша, и по насъ они назвали и церковь нашу трупомъ. Какъ намъ защищать нашу церковь, и какой отвѣтъ мы можемъ дать имъ, если они зададутъ намъ такіе вопросы: „А сдѣлала ли ваша церковь васъ лучшими въ сравненіи съ нами? Счастливо ли отъ васъ государство ваше. Исполняетъ ли всякъ у васъ какъ слѣдуетъ свой долгъ внутри его. Двинулись ли у васъ отъ содѣйствія вашей церкви искусство и науки, находящіяся повсюду въ праздномъ застоѣ? Упредила ли ваша церковь развитіе всѣхъ даровъ и силъ, данныхъ отъ Бога человѣку? Вознесла ли васъ на высоту совершенства вашего и вывела ли васъ на ту законную дорогу, которой мы всѣ такъ жадно ищемъ?“. Что мы тогда станемъ отвѣчать имъ, почувствовавши вдругъ въ душѣ и совѣсти своей, что шли все время мимо нашей церкви и едва знаемъ ее даже и теперь... Эта церковь, которая, какъ цѣломудренная дѣва, сохранилась одна только отъ временъ апостольскихъ въ непорочной первоначальной чистотѣ своей,—эта церковь, которая вся со своими глубокими догмами и малѣйшими обрядами наружными какъ бы снесена съ неба прямо для русскаго народа, которая одна въ силахъ разрѣшить всѣ узы, недоумѣнія и вопросы наши, которая можетъ произвести неслыханное чудо въ виду всей Европы, заставя у насъ всякое сословіе, званіе и должность войти въ ихъ законныя границы и предѣлы, и, не измѣнивъ ничего въ государствѣ,—дать силу Россіи изумить весь міръ стройностью того же самаго организма, которымъ она доселѣ пугала,—и эта церковь нами не знаема. И эту церковь, созданную для жизни, мы до сихъ поръ еще не ввели въ нашу жизнь“...

И что же? Даже такую своеобразную и строго консервативную апологію православія духовная цензура не нашла возможнымъ пропустить къ печати на томъ основаніи, что содержащіяся въ ней „понятія о Церкви Русской и духовенствѣ конфузны“. Лишь ходатайство въ синодѣ Плетнева и Жуковскаго смягчило цензурный приговоръ, хотя и не вполнѣ: всѣ слишкомъ отчетливо поставленные „иностранцами“ вопросы объ отношеніи церкви къ прогрессу были исключены [11]).

Не избѣжала подобныхъ же урѣзокъ и книга А. С. Стурдзы „Письма о должностяхъ священнаго сана“. Многое ей было прощено, во вниманіе къ ея назидательности, „доброму расположенію“ и ожидаемой отъ нея пользѣ для молодыхъ пастырей. Но тѣ мѣста, гдѣ авторъ пытался давать совѣты—совѣты скромные,

[11]) К. О. П. С. С., 1846, 37414. Отзывъ прот. Т. Никольскаго.

почтительные, но не однимъ ставленникамъ, а и лицамъ высокопоставленнымъ въ духовномъ мірѣ,—цензура исключала съ соотвѣтствующей мотивировкой. Такъ, противъ словъ: „курсъ преподаванія наукъ свободныхъ и точныхъ во многихъ частяхъ своихъ не являетъ желаннаго согласія съ ученіемъ божественнаго откровенія",—стоитъ возраженіе цензора: „Учебныя книги для преподаванія въ гимназіяхъ, институтахъ и пансіонахъ назначаются высшимъ училищнымъ начальствомъ. Но сочинитель не докажетъ, чтобы сіе начальство одобряло или назначало учебныя книги, въ которыхъ есть положенія, противныя откровенію. А если бы и нашелъ что-нибудь приближающееся къ этому, то слѣдовало бы ему со своими предостереженіями отнестись къ высшему начальству, а не обнародовать своихъ недоказанныхъ подозрѣній во услышаніе всѣхъ" [15]).

Совершенно съ той же точки зрѣнія судилъ о личныхъ взглядахъ автора „писемъ" и м. Филаретъ. Нѣкоторыя пожеланія книги относительно постановки языкознанія въ академіяхъ вызвали съ его стороны такой приговоръ: „Я признаю должнымъ исключить сіе мѣсто книги. Предметъ ея—дать наставленія готовящимся къ священству и священникамъ, а не подать совѣты о устройствѣ академическихъ каѳедръ. Кто имѣетъ ревность сдѣлать сіе послѣднее, тотъ можетъ предложить свои мысли начальству. Не полезно книгою распространять между подчиненными мнѣніе, что начальство не такъ расположило каѳедры въ академіяхъ, какъ слѣдовало бы и какъ было бы спасительно для православія" [16]).

Замалчиваніе въ печати дѣйствительнаго положенія церковныхъ дѣлъ простиралось до того, что, какъ справедливо замѣчаетъ прот. І. Базаровъ, „о томъ, что дѣлалось внутри Россіи, вѣдалось только въ тайной полиціи. Я помню, поясняетъ онъ, когда я привезъ съ собою въ Россію выписку изъ только что появившейся въ 50-хъ годахъ книги бар. Гакстгаузена о Россіи касательно нашихъ раскольническихъ сектъ, то тесть мой, протоіерей Кочетовъ, бывшій профессоромъ церковной исторіи въ петербургской академіи, обрадовался этому какъ кладу. Такъ у насъ секретничали на счетъ этого, что Липранди зналъ больше о русскомъ расколѣ, чѣмъ профессоръ церковной исторіи въ высшемъ духовномъ заведеніи" [17]).

Правда, въ полуоффиціальныхъ „Маякахъ" существовалъ отдѣлъ „русское православіе", составлявшійся, между прочимъ, изъ корреспонденцій,—„извлеченій изъ писемъ деревенскаго

---

[15]) М. Д. Ц. К., 1841, 7.
[16]) А. С. С., 1839, 678.
[17]) Р. Стар. 1901, февраль, 298—9.

жителя“ и пр. Но, прочтя нѣсколько такихъ замѣтокъ, не трудно убѣдиться, гдѣ обитали и писали эти корреспонденты... [18]).

Зато, конечно, не могли пройти сквозь игольныя уши цензуры статьи съ нѣкоторыми притязаніями на вскрытіе рубища подъ мишурой. Разсмотрѣвъ, напр., статью „Препровожденіе свѣтлаго Христова воскресенія въ удѣльной образцовой усадьбѣ“, цензоръ петербургскаго комитета архимандритъ Климентъ выступаетъ съ такимъ поученіемъ. „Вмѣсто главнаго виновника праздника—Іисуса Христа..., пишетъ онъ, выставленъ на видъ священникъ, ходящій по приходу съ крестомъ и св. иконами; ему предшествуютъ два мальчика, называемые богоносцами, которые изъ того и ходятъ, чтобы получать яица; а сопутствуютъ, вопреки указамъ изъ святѣйшаго синода, попадья, діаконница и дьячиха. Онъ кушаетъ здобный пирогъ и жирнаго поросенка въ сметанѣ, пьетъ вишневку и смородиновку..., заслушивается привѣтливаго хозяина такъ, что забываетъ итти къ другимъ кре-

---

[18]) Для примѣра: „отрывки изъ письма деревенскаго жителя кіевской губерніи“ (Маякъ 1843, т. VIII, смѣсь, 60—64; т. XII, смѣсь, 21; VII, 72—85):

„Жители села Л.... не разсуждаютъ философски объ истинахъ религіи и о прочихъ предметахъ важнѣйшихъ; но въ нравственномъ отношеніи они стоятъ на высокой степени... Разсуждать объ истинахъ религіи они считаютъ дѣломъ непозволительнымъ и богопротивнымъ, а о прочихъ предметахъ, подлежащихъ свѣдѣнію человѣка, или вовсе не имѣютъ никакихъ познаній, или имѣютъ, но темныя и неосновательныя... Зато о предметахъ общежитія судятъ здраво и основательно. Они думаютъ: „наше дѣло трудиться надъ земледѣліемъ и другими ремеслами,—а учиться предоставлено людямъ высшаго круга“.—Впрочемъ, не должно слишкомъ обвинять ихъ въ невѣжествѣ; будучи всегда заняты простыми работами, они не имѣютъ ни времени, ни средствъ учиться. Нѣкоторые изъ нихъ умѣютъ читать, писать по русски и славянски и знаютъ первыя четыре дѣйствія ариѳметики.—Знаютъ, что христіанинъ долженъ исполнять всѣ заповѣди Іисуса Христа, имѣютъ болѣе или менѣе полныя и ясныя свѣдѣнія объ истинахъ догматическихъ и нравственныхъ и о прочихъ важнѣйшихъ предметахъ, какіе необходимо знать христіанину.

„Къ приходскому своему Настоятелю (учащему своихъ прихожанъ словомъ и дѣломъ) питаютъ глубочайшее уваженіе, послушаніе и искреннюю сыновнюю преданность. Всему, сказанному священникомъ въ церкви, вѣрятъ безпрекословно... и, желая въ чемъ-либо увѣрить другъ друга, говорятъ: „да священникъ говорилъ, що цо такъ“ (sic).

„Въ разговорахъ простой народъ откровененъ и нелицемѣренъ; въ общественныхъ отношеніяхъ дружелюбенъ и добродушенъ; въ характерѣ ихъ истинное смиреніе и стыдливая невинность, а особенно простота и прямодушіе. Они гостепріимны и ласковы, не скрываютъ своихъ слабостей и заблужденій, не упрекаютъ другъ друга въ физическихъ недостаткахъ и слабостяхъ. Скромны, почтительны и уступчивы до крайности...

„Жители с. Л..., какъ и всѣ малороссіяне,—простой народъ, вѣрятъ разнымъ предразсудкамъ, вѣрятъ въ появленіе мертвецовъ и т. п.

„Предразсудки сіи, происходящія отъ недостатка просвѣщенія и образованности, простолюдины основываютъ на многократныхъ наблюденіяхъ и опытахъ своихъ дѣдовъ и прадѣдовъ. Впрочемъ, сіи и подобные этимъ предразсудки не охлаждаютъ религіозныхъ чувствъ простого народа. Да и кто безъ предразсудковъ и безъ слабостей? Грубыхъ же заблужденій и суевѣрныхъ мнѣній у жителей села Л... нѣтъ“.

стьянамъ, и послѣ всего, вопреки постановленію православной церкви, даетъ благословеніе работать на пасхальной недѣлѣ... Такое препровожденіе св. Христова воскресенія, заключаетъ цензоръ, по моему мнѣнію, не только не назидательно, но даже смѣшно и соблазнительно, и потому не должно быть одобрено къ напечатанію" [19]).

Въ этомъ теченіи мыслей архимандрита отразилась вся логика цензуры при столкновеніи ея съ реализмомъ, отпечатлѣлось основное ея убѣжденіе, что выгоднѣе потворствовать оскверненію жизни, чѣмъ страницъ литературы [20]).

Опасеніе, какъ бы даже при простой передачѣ самыхъ мелкихъ фактовъ церковной жизни не прошло что-либо неблагонамѣренное и неудобное къ оглашенію, заставляло церковную власть подвергать, напримѣръ, особенно стѣснительнымъ условіямъ хроникерскія замѣтки въ губернскихъ вѣдомостяхъ. Правда, общій характеръ времени объясняетъ многое. Тогда вѣдь даже критика поведенія извозчиковъ, — указаніе на ихъ „неумолимость",—трактовалась, какъ самовольная „литературная расправа въ предметахъ общественнаго устройства", и вызвала высочайшее

---

[19]) Спб. Д. Ц. К., 1838, 32. (Курсивъ нашъ).

[20]) Можно лишь замѣтить, что, не говоря уже о такомъ - прямо тенденціозномъ—цензорскомъ обращеніи съ фактами, проникнуться трезвымъ реализмомъ было не легко и лучшимъ людямъ того времени. Характеризуя одинъ кружокъ данной эпохи, М. Е. Салтыковъ пишетъ:

„Какъ ни безупречна была, въ нравственномъ смыслѣ, убѣжденная восторженность людей кружка, она въ то же время страдала существеннымъ недостаткомъ. У нея не было реальной почвы. Истина, добро, красота—вотъ идеалы, къ которымъ тяготѣли лучшіе люди того времени, но, къ сожалѣнію, осуществленія ихъ они искали не въ жизни, а исключительно въ области искусства, одного безпримѣснаго искусства.

„Это было, впрочемъ, понятно. Жизнь того времени представляла собою запертую храмину, ключъ отъ которой былъ отданъ въ безконтрольное завѣдываніе табели о рангахъ, и послѣдняя настолько ревниво оберегала ее отъ стороннихъ вторженій, что самое понятіе о „реальномъ" какъ бы исчезло изъ общественнаго сознанія..."

Оторванность отъ реальной почвы производила печальное двоегласіе и въ существованіи отдѣльныхъ индивидуумовъ. Она породила легенду о царившей всюду „святой простотѣ". Послѣдняя, въ свою очередь, въ связи съ формулой, что „существующее уже по тому одному разумно, что оно существуетъ", создала „цѣлую систему оправданій и примиреній" съ рабствомъ крестьянъ, лихоимствомъ чиновниковъ, невѣжествомъ, жестокостью, произволомъ.

„Тѣмъ не менѣе, замѣчаетъ Салтыковъ, какъ ни оторванъ былъ отъ жизни идеализмъ сороковыхъ годовъ, но лично своимъ адептамъ онъ доставлялъ поистинѣ сладкія минуты. Мысли горѣли, сердца учащенно бились, все существо до краевъ переполнялось блаженствомъ. Спасибо и за это. Бываютъ сермяжныя эпохи, когда душа жаждетъ, чтобы хоть шопотомъ кто-нибудь произнесъ: sursum corda! и не дождется..."

Салтыковъ. Полное собр. соч. (изд. Нивы), т. XII (кн. 39), стр. 454—6. Гл. XXIX «Валентинъ Бурмакинъ».

замѣчаніе [21]). Для помѣщенія замѣтки о куполѣ исаакіевскаго собора необходимо было добыть соизволеніе строительнаго комитета [22]). Для провѣрки точности, архіерейская рѣчь должна была восходить на разсмотрѣніе казачьяго атамана [23]). Министръ иностранныхъ дѣлъ по политическимъ видамъ задерживалъ статьи, гдѣ говорилось о признакахъ новой жизни въ нѣдрахъ православія на Востокѣ, о проявленіяхъ многообѣщающей взаимности между церквами (учрежденіе русской миссіи въ Іерусалимѣ) и проч. [24]).

И при всемъ томъ прямымъ абсурдомъ вѣетъ отъ той практики, согласно которой замѣтка иркутскихъ вѣдомостей о переходѣ мѣстной семинаріи въ новое помѣщеніе должна была сначала явиться въ Петербургъ, лишь для того, чтобы здѣсь синодальная канцелярія наложила свой разрѣшительный штемпель [25]).

Но, устраняя всякую частную попытку освѣтить современное положеніе церкви, руководители духовнаго вѣдомства, казалось бы, должны были взамѣнъ ихъ открывать нѣкоторыя страницы своихъ „синихъ книгъ", хотя бы подвергая ихъ заранѣе самой тщательной цензурѣ. Роль этихъ оффиціальныхъ меморій естественнѣе всего могла принадлежать всеподданнѣйшимъ отчетамъ оберъ-прокурора. Одна изъ статей свода законовъ гласитъ: „Отчеты министровъ предаются тисненію выписками тѣхъ статей, кои подлежатъ общему свѣдѣнію" [26]). Такимъ образомъ, разъ отчеты дѣйствительно печатались, они, хотя бы въ видѣ „извлеченій", по закону, „подлежали общему свѣдѣнію". На дѣлѣ, однако, содержаніе ихъ составляло своего рода государственную тайну. Къ этому, по крайней мѣрѣ, были направлены искреннія стремленія сподвижниковъ Пратасова, стремленія, не остававшіяся, конечно, безъ результата. Была пущена въ ходъ вся казуистика, чтобы ограничить смыслъ приведенной выше статьи свода законовъ.

Чтобы данныя о положеніи православія въ Россіи не получали широкаго распространенія, оберъ-прокурорскіе отчеты издавались въ весьма ограниченномъ количествѣ. Въ еще меньшемъ числѣ, со строгимъ разборомъ, разсылались они высокопоставленнымъ лицамъ духовнымъ и свѣтскимъ. При этомъ, конечно, предполагалось, что всѣ, удостоенные чести, оправдаютъ оказанное имъ довѣріе.

Между тѣмъ, время отъ времени, въ періодическихъ изданіяхъ

---

[21]) Сборникъ постановленій и распоряженій по цензурѣ съ 1720 по 1862 г., стр. 250.

[22]) К. О. П. С. С., 1845, 35555.

[23]) К. О. П. С С., 1845, 35534.

[24]) К. О· П. С. С., 1849, 42588.

[25]) К. О. П. С. С., 1847, 39242.

[26]) Св. Зак., т. I, ч. 2, кн. V, стр. 145 (по изд. 1892 г.).

начали появляться выдержки—самыя благонамѣренныя—изъ этого секретнаго источника. Сообщалось, напримѣръ, о томъ, что большая часть раскольниковъ г. Саратова подала просьбу о принятіи ихъ въ нѣдра церкви на правахъ единовѣрія; или что въ саратовской губерніи „секта духоборческая лишилась въ семъ году 53 послѣдователей, кои обращены въ православіе“ [27]).

Отсутствіе въ этихъ выдержкахъ чего либо предосудительнаго очень затрудняло для вѣдомства православнаго исповѣданія борьбу съ гласностью. Тѣмъ не менѣе, оно воспользовалось чуть ли не первымъ появленіемъ въ С.-Петербургскихъ вѣдомостяхъ выдержекъ изъ отчета, чтобы вступить сначала въ „словесныя объясненія“, а потомъ въ конфиденціальную переписку съ петербургской гражданской и военной цензурой. При этомъ въ первые годы настаивали лишь на томъ, чтобы не допускались перепечатки изъ отчета въ журналахъ и газетахъ, а потомъ, чтобы вообще воспрещено было дѣлать извлеченія. Провинціальныя же изданія объ этихъ сношеніяхъ не знали; не были увѣрены въ необходимости строгаго сохраненія тайнъ отчета и тѣ лица, которыя его получали. Скорѣе, они даже имѣли основаніе думать, что ознакомленіе массъ съ фактами и цыфрами, характеризующими благоденствіе церкви, послужитъ лишь къ ея возвеличенію. Какъ бы то ни было, сообщеніе арх. Іаковомъ въ редакцію саратовскихъ губернскихъ вѣдомостей вышеприведенныхъ свѣдѣній о раскольникахъ и духоборцахъ послужило поводомъ къ любопытной перепискѣ. Преосвященному былъ посланъ дипломатическій запросъ: не извѣстно ли ему, кѣмъ сообщенъ въ редакцію для перепечатанія отчетъ. Было поставлено объ этомъ въ извѣстность и министерство внутреннихъ дѣлъ, которому были подчинены губернскія вѣдомости. К. К. фонъ-Поль въ своемъ секретномъ отвѣтѣ К. Сербиновичу писалъ: „По цензурѣ существуетъ правило, какъ мнѣ извѣстно частнымъ образомъ, чтобы изъ отчета оберъ-прокурора св. синода ничего перепечатываемо не было. Между тѣмъ, въ № 6 сарат. губ. вѣд. напечатана статья изъ отчета... Вслѣдствіе сего я считаю долгомъ... просить ваше превосходительство, почтить увѣдомленіемъ, дѣйствительно ли существуетъ вышесказанное постановленіе и въ чемъ оное заключается, дабы со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ можно было сдѣлать распоряженіе, чтобы на будущее время отступленія отъ существующаго порядка не было“.

По полученіи этой бумаги, канцелярія оберъ-прокурора оказалась въ затруднительномъ положеніи. Съ одной стороны, въ числѣ справокъ находилась и неудобная статья свода законовъ. Кромѣ того и „его сіятельство изволилъ отозваться, что не находитъ нужнымъ, чтобы по министерству внутреннихъ дѣлъ посы-

[27]) К. О. П. С. С. 1845, 35538; также 1846, 37395.

лаемъ былъ циркуляръ къ губернаторамъ о неперепечатываніи выписокъ изъ отчета". Съ другой стороны, необходимо было принять мѣры противъ дальнѣйшаго появленія въ губернскихъ вѣдомостяхъ цитатъ. Нѣсколько черновыхъ проектовъ [28]) было раскритиковано Сербиновичемъ, этимъ великимъ знатокомъ канцелярскихъ формъ. Въ концѣ концовъ канцелярія оберъ-прокурора составила такое отношеніе къ Полю. „Отчеты оберъ-прокурора, поясняла она, печатаются обыкновенно въ небольшомъ числѣ экземпляровъ только для особъ духовнаго званія и нѣкоторыхъ лицъ, занимающихъ почетныя должности по разнымъ частямъ государственнаго управленія, и такъ какъ въ сихъ отчетахъ заключаются между прочимъ свѣдѣнія, не могущія подлежать гласности, то посему духовнымъ начальствомъ и сдѣлано было сношеніе съ цензурою о наблюденіи, чтобы никакія выписки изъ отчетовъ не были пропускаемы къ печатанію".

Покончивъ съ этой оффиціальной перепиской, авторы-издатели отчета подверглись искушеніямъ съ другой стороны. Московскій профессоръ Шевыревъ, которому, по знакомству и ради его испытанной благонамѣренности, ежегодно отправлялся Пратасовымъ экземпляръ отчета, началъ ходатайствовать о разрѣшеніи „передать во всеобщую извѣстность на страницахъ возобновленнаго Москвитянина нѣкоторыя событія и разительныя цифры" изъ этого источника. На этомъ письмѣ къ Пратасову была положена резолюція: „Не иначе, какъ съ нашею цензурою всякой статьи".

Статьи въ цензуру были присланы. Сначала подверглись запрещенію статистическія свѣдѣнія, напримѣръ, о томъ, сколько православныхъ „очистило совѣсть исповѣдію, не приступая къ св. причащенію (2259641); сколько не воспользовалось сими спасительными таинствами, отчасти по нерадѣнію (около трехъ милліоновъ), отчасти по наклонности къ расколамъ (306532 м. и 368795 ж.); сколько упразднено церквей по излишеству и ветхости". Но потомъ канцелярія, очевидно, сочла за лучшее и остальные—

---

[28]) Довольно интересенъ по своей нелогичности слѣдующій: „по цензурѣ, вслѣдствіе особаго сношенія духовнаго начальства, дѣйствительно не могутъ быть допускаемы къ напечатыванію какія-либо выписки изъ отчета, но какъ духовное начальство не усматривало еще надобности въ распространеніи подобнаго же воспрещенія на губернскія вѣдомости, то по сему не изволите ли вы, м. г., признать нужнымъ оставить это дѣло впредь до дальнѣйшаго усмотрѣнія".

Характерно и слѣдующее канцелярское соображеніе: «Архіереи и другія лица, къ которымъ разсылается отчетъ, не знаютъ. что изъ него ничего нельзя перепечатывать, почему безпрепятственно могутъ сообщать его другимъ, слѣдовательно, и редакторамъ губ. вѣдомостей. Сообщать же каждому лицу (и свѣтскимъ), при отсылкѣ къ нему отчета, что оный нельзя перепечатывать, крайне неудобно»...—Что за дѣло, возражалъ на поляхъ Сербиновичъ, лишь бы редакторы губернскихъ газетъ сами не принимали». Тамъ же.

вполнѣ благонамѣренные пункты, напр., сколько „притекло подъ сѣнь православія изъ римскаго исповѣданія“ (3337 ч.) удержать отъ разглашенія [29]). По крайней мѣрѣ, вотъ что писалъ въ слѣдующемъ году профессоръ, благодаря за присылку „ежегоднаго гостинца“. „И въ нынѣшнемъ году мнѣ весьма бы хотѣлось передать чрезъ Москвитянинъ во всеобщее свѣдѣніе факты и числа, которые краснорѣчивѣе всего доказываютъ неусыпныя заботы правительства о православіи и успѣхахъ сего послѣдняго, но такъ какъ въ прошедшемъ году я не получилъ обратно статьи..., то уже не смѣю безпокоить васъ моею вторичною просьбою. А, признаюсь, очень жаль, что публика лишена возможности имѣть эти свѣдѣнія, которыя, кажется, не могли бы произвести иного впечатлѣнія, кромѣ какъ добраго и полезнаго во всѣхъ отношеніяхъ“ [30]).

Какъ и все прочее, въ пятидесятые годы эта охрана робкихъ и туманныхъ отраженій жизни приняла уродливыя формы. Достаточно привести одинъ примѣръ.

Министерство внутреннихъ дѣлъ желало помѣстить „статистическую замѣтку по предмету изслѣдованій о народонаселеніи въ Россіи“ въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія. Гражданская цензура обусловила пропускъ статьи согласіемъ церковной власти. При обсужденіи замѣтки въ синодѣ, оказалось, что авторъ ея одну изъ причинъ статистической неточности видѣлъ въ несовпаденіи границъ церковнаго и административнаго дѣленія государства. Такъ, указывалъ онъ для примѣра, „приходъ спасопреображенской церкви с. Б.-Солей, костромской губерніи и уѣзда, весь состоитъ изъ деревень ярославской г... Село Качаево представляетъ еще болѣе любопытную особенность. Оно находится на границѣ любимскаго и даниловскаго уѣздовъ. Церковь и домъ церковнаго причта стоятъ въ немъ на землѣ даниловскаго уѣзда, а домы крестьянъ—любимскаго уѣзда. Отъ этого выходитъ, что въ любимскомъ уѣздѣ есть нынѣ приходское село Качаево безъ церкви“...

„Св. синодъ... приказали: статью „Статистическая замѣтка по предмету изслѣдованій о народонаселеніи въ Россіи“, содержащую въ себѣ, съ критическимъ взглядомъ на предметъ, примѣръ изслѣдованія границъ духовнаго и гражданскаго раздѣленія имперіи, святѣйшій синодъ находитъ къ выпуску въ свѣтъ неудобною“ [31]).

---

[29]) Исключено было и заявленіе отчета: „Существовавшій въ нѣкоторыхъ епархіяхъ обычай давать воспитанникамъ духовно-учебныхъ заведеній произвольныя фамиліи совершенно воспрещенъ, какъ противный духу постановленій о союзѣ семейственномъ и производящій запутанность въ дѣлахъ о различіи правъ по происхожденію“. К. О. П. С. С., 1848, 41049.

[30]) Тамъ же.

[31]) К. О. П С. С., 1853, 153.

Между „настоящимъ“ и „прошедшимъ“ нѣтъ и нельзя провести строгой границы. Поэтому, если даже совершенно изгнать со страницъ литературы подлинное отраженіе современной жизни,—стремящаяся къ реализму мысль, духъ алчущій правды съ увлеченіемъ обратится къ пожелтѣвшимъ листамъ фоліантовъ, и древніе акты откроютъ ему многое, что замалчивается въ фактахъ дѣйствительности. И тѣ, для кого прошедшее и настоящее („не говоря уже о будущемъ“) Россіи характеризовалось тождественными выраженіями „прекрасно“ и „великолѣпно“, не упускали этого изъ виду. Они не игнорировали того интереса къ родной старинѣ, который охватилъ людей самыхъ разнообразныхъ положеній во второй четверти минувшаго вѣка. И даже поощряя иногда юношеское ихъ рвеніе, ихъ самоотверженную готовность посвящать свои силы и время собиранію и исторической оцѣнкѣ памятниковъ старины,—власть, однако, считала своимъ долгомъ регулировать эти порывы, заботиться, чтобы плоды этого усердія являлись прежде всего чистой жертвой служенія исконнымъ спасительнымъ началамъ.

Какъ замѣчаетъ М. Семевскій въ своей автобіографіи, „въ царствованіе Николая Павловича наши архивы были или склады полусгнившаго бумажнаго хлама, или хорошо устроенныя кладовыя, куда не проникалъ ни одинъ нескромный взоръ. Очень рѣдко, совершенно случайно, выходили изъ этихъ кладовыхъ въ крайне скромныхъ размѣрахъ новыя свѣдѣнія, большею частью по запросу самого августѣйшаго ихъ хозяина. Поинтересовался, напр., знать Николай Павловичъ о судьбѣ Артемія Волынскаго, о судьбѣ правительницы Анны Леопольдовны, и вотъ чиновниками крайне секретно составлялись двѣ, три записки и оставались въ копіяхъ въ рукахъ весьма немногихъ лицъ“ [32]).

За этимъ высокимъ исключеніемъ, всѣ остальныя интересовавшіяся стариной лица принуждены были помнить, что bovi licet гораздо меньше. Независимо отъ достигнутаго ими положенія и авторитета выслушивали они внушенія и предостереженія даже по поводу отдѣльныхъ выраженій своихъ историческихъ трудовъ. По отношенію къ этимъ трудамъ духовно-цензурный надзоръ превосходилъ своею подозрительностью уваровскихъ цензоровъ,—оказался строже знаменитаго Красовскаго.

Общій интересъ къ древности увлекъ немалое число и лицъ духовныхъ, между ними были люди вліятельныя. Самымъ неутомимымъ среди нихъ являлся извѣстный собиратель старины митр. Евгеній Болховитиновъ. Въ 1824—5 году онъ былъ призванъ къ ближайшему участію въ дѣлахъ церковнаго управленія. Въ немъ партія Фотія хотѣла видѣть достойнаго сотрудника м. Серафиму. Надежда эта осуществилась въ слабой степени,—главнымъ обра-

---

[32]) Р. Стар., 1892, апрѣль, Мих. Ив. Семевскій (некрологъ), стр. XI.

зомъ, потому, что Евгеній и въ Петербургѣ попрежнему болѣе занимался учеными изысканіями, чѣмъ церковно-политическими проектами. Зато, въ свою очередь, разочаровавшіеся въ немъ церковные политиканы и ему не дѣлали снисхожденія.

Трудно повѣрить, что именно благонамѣренному историку Евгенію принадлежатъ слѣдующія строки изъ письма къ его другу Анастасевичу: „Посылаю 1 часть моего „духовнаго словаря“, во многихъ статьяхъ пополненнаго, поправленнаго, а индѣ вновь совершенно передѣланнаго. Dies diem docet. Прошу просмотрѣть всѣ статьи, нѣтъ ли ошибокъ, особливо въ хронологіи. Потомъ прошу на послѣднихъ дняхъ масляницы отдать ее въ цензуру именно Красовскому, ко мнѣ нѣкогда благосклонному. На свободѣ 1-й недѣли поста онъ успѣетъ ее прочитать и подписать. Къ сему NB: есть-ли бы онъ вздумалъ о сей книгѣ сноситься съ духовною цензурою, всячески отклоните сіе. Вы знаете недоброхотство ко мнѣ нашихъ. Они затруднятъ выпускъ. Растолкуйте, что книга сія и прежде вышла изъ гражданской цензуры и притомъ она не догматическая, а литературно-историческая. Выхлопотавъ такимъ образомъ цензуру, пришлите мнѣ книгу поскорѣе назадъ“.. [33]).

За исключеніемъ личныхъ симпатій отдѣльныхъ іерарховъ преобладающее отношеніе церковной власти къ цѣлямъ и подвигамъ археографіи было холоднымъ, подозрительнымъ. Вмѣсто содѣйствія обнаруживалось лишь попустительство, всегда готовое налагать ограниченія. Это испытала на себѣ уже археографическая экспедиція Строева, явившаяся первымъ организованнымъ обнаруженіемъ интереса къ древней письменности.

Въ своемъ проектѣ организаціи ученаго путешествія по сѣвернымъ губерніямъ, представленномъ въ 1829 г. въ академію наукъ, Строевъ просилъ ее „исходатайствовать у оберъ-прокурора св. синода слѣдующее: а) чтобы синодальныя, монастырскія, соборныя, духовно-училищныя и проч. библіотеки и архивы старыхъ лѣтъ были доступны археографической экспедиціи; в) въ зданіяхъ, гдѣ они помѣщаются, или вблизи оныхъ отводить покой, удобный для ученыхъ занятій, достаточно сухой и неугарный; с) въ монастыряхъ, гдѣ есть гостинницы для богомольцевъ, экспедицію помѣщать въ нихъ; а гдѣ нѣтъ таковыхъ, отдѣлять приличную келью съ отопленіемъ зимою, за что археографъ бѣднымъ обителямъ не преминетъ дѣлать соразмѣрные вклады“.

---

[33]) Древн. и новая Россія, 1881, I, стр. 309. Письма митр. Евгенія къ Анастасевичу (27 января 1822 г.).—Поводомъ къ такому «недоброхотству» къ Евгенію «духовныхъ» могъ служить укоренившійся взглядъ на раціоналистическій оттѣнокъ его изысканій, о чемъ ср. П. Милюковъ: „Главныя теченія русской исторической мысли“, т. I, (М. 1897), стр. 186—8. Сравн. отзывъ о немъ А. Н. Голицына: Р. Ст. 1882, май, стр. 431.

„Начальство академіи, говорится въ монографіи Барсукова о Строевѣ, исходатайствовало П. Строеву открытые листы отъ г. г. министровъ внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и народнаго просвѣщенія; но св. синодъ во всемъ просимомъ у него для экспедиціи отказалъ рѣшительно“ [34]). Изъ дальнѣйшаго изложенія дѣла видно, что рѣшительный отказъ встрѣтила собственно просьба о выдачѣ открытаго листа. Но участники экспедиціи сразу оцѣнили моральное значеніе этого акта, а не много позже опытомъ дознали и его практическіе результаты.

По полученіи отъ Фуса засвидѣтельствованной копіи опредѣленія св. синода, Строевъ писалъ ему: „Отказъ св. синода о дачѣ открытаго листа весьма огорчилъ меня и обезкуражилъ; я теперь совершенно во власти отцовъ настоятелей; привѣтливые и просвѣщенные сдѣлаютъ все и по собственной доброй волѣ, но грубое невѣжество?—Какъ объяснить синодальные доводы: библіотеки и архивы монастырскіе предписано отворить мнѣ и нужныя выписки дѣлать позволено, а въ предписаніи отводить приличный покой для дѣланія сихъ выписокъ отказано. Гдѣ же и какъ я долженъ заниматься. Странное дѣло по истинѣ“.

И резюмируя въ первомъ своемъ отчетѣ итоги своихъ изысканій, Строевъ такъ исповѣдывался предъ аудиторіей. „Разсматривая мои дѣйствія по обыкновенію строго, должно имѣть въ виду и сіе обстоятельство: я совершалъ ихъ не въ роскошномъ кабинетѣ, полномъ удобствъ жизни и учености, но на пространствѣ двухъ сѣверныхъ губерній, испытуя костьми [35]) измѣненія стихій, дорогъ и тяжкихъ пріютовъ, часто при пособіи одной памяти и очень нерѣдко въ бореніи съ невѣжествомъ, лѣнью и подозрительностью, столь обыкновенною въ областяхъ дальнихъ. Замѣчу мимоходомъ, что доступъ къ иному хранилищу старины былъ для меня многократно труднѣе и продолжительнѣе, нежели разборъ скрывающихся тамъ документовъ.“

„И теперь еще, писалъ много лѣтъ спустя Строевъ Н. И. Суворову, мерещатся мнѣ упрямые Евтихіаны, Августины, отцы Жаворонковы и пр., съ коими предстояло хлопотать и терять дорогое время. Зная все подробно, вы, безъ сомнѣнія, посмягчили бы приговоръ вашъ о результатѣ моихъ изысканій и находокъ“ [36]).

Послѣ собиранія матерьяловъ началось изданіе и редактированіе „Актовъ Экспедиціи“. Здѣсь новыя сомнѣнія, новыя опасенія предъ неисповѣдимыми путями духовной цензуры. „Все готово къ печати, писалъ въ 1835 году Сергѣй Строевъ своему брату, ждутъ только васъ, а посему не худо было бы вамъ по-

---

[34]) Жизнь и труды П. М. Строева, Николая Барсукова, (СПБ. 1878) стр. 174.

[35]) Строевъ страдалъ ревматизмомъ.

[36]) Жизнь Строева, стр. 206.

спѣшить, хотя бумаги ваши и не приведены въ порядокъ. Вчера мы отправили къ Нечаеву акты, касающіеся до церкви: я заранѣе пою имъ requiem. Муравьевъ сказалъ, что они достанутся Филарету Московскому" [37]).

Въ данномъ случаѣ авторъ письма, видный представитель „скептической школы",—выразился, впрочемъ, не въ строгомъ соотвѣтствіи съ фактами. Къ археографической экспедиціи м. Филаретъ относился довольно корректно и, напримѣръ, при отправленіи П. Строева въ лавру, далъ ему рекомендательное письмо къ намѣстнику Антонію съ порученіемъ „доставить начальнику археографической экспедиціи возможную удобность осмотрѣть лаврскій архивъ и древности, не исключая и академической библіотеки" [38]). И эти именно книгохранилища доставили Строеву богатые матерьялы, особенно по исторіи русскаго законодательства въ XIV—XVI в. в. [39]).

Тѣмъ не менѣе, какъ увидимъ ниже, общая охранительная—неразрывно связанная съ подозрительностью—точка зрѣнія церковной власти не давало археографамъ повода и къ какому-либо оптимизму. И очень возможно, что именно это ожиданіе всего худшаго побудило меценатовъ экспедиціи заблаговременно принять соотвѣтствующія мѣры.

Для изданія собранныхъ археографическою экспедиціею актовъ была учреждена, въ концѣ 1834 года, археографическая комиссія. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ министръ народнаго просвѣщенія Уваровъ началъ присылать въ синодъ болѣе или менѣе обширныя коллекціи документовъ, „кои принадлежатъ къ церковной исторіи и заключаютъ въ себѣ большею частью правила и разрѣшенія по дѣламъ, относящимся къ церковному управленію, а въ нѣкоторыхъ находятся объясненія на догматы православной нашей вѣры". Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ первомъ же отношеніи, министръ предупредилъ духовное вѣдомство о нежелательности какихъ-либо проволочекъ при цензурѣ актовъ,—„въ такомъ дѣлѣ, на которое государь императоръ изволитъ обращать особенное вниманіе", и о необходимости возвращать всѣ акты по описи, даже еслибы нѣкоторые, по мнѣнію св. синода, и не подлежали изданію въ свѣтъ. [40])

Изъ синода, для предварительнаго разсмотрѣнія, документы были отосланы въ петербургскій дух.-цензурный комитетъ, который и сдѣлался съ тѣхъ поръ главной ретортой для обезвреживанія харатейныхъ и старопечатныхъ источниковъ. Разсматривались они въ общемъ собраніи комитета, внѣ очереди, и затѣмъ воз-

---

[37]) Тамъ-же, стр. 289—90.
[38]) Письма къ Антонію, ч. I, стр. 14.
[39]) Жизнь Строева, стр. 220.
[40]) А. С. С., 1835, 1383.

вращались въ синодъ. Большинство актовъ не вызывали никакихъ замѣчаній и одобрялись въ полномъ объемѣ. Но зато нѣкоторые, на самомъ, такъ сказать, порогѣ у выхода въ свѣтъ, готовы были опять возвратиться въ прежнее состояніе, въ виду придирчиваго отношенія со стороны членовъ комитета. Главнымъ критеріемъ ихъ при оцѣнкѣ содержанія памятниковъ древней письменности служило прежде всего щекотливое „нынѣ“,—современное для рецензентовъ положеніе церкви, которое, предполагалось, какъ незыблемое и священное, вправѣ судить все, само же не требуетъ суда и освѣщенія исторіи.

Даже объ обрядовыхъ частностяхъ цензурный комитетъ судилъ съ точки зрѣнія современной церковной практики. Всѣ несогласныя съ нею свидѣтельства онъ признавалъ за лучшее исключать. Можно ограничиться нѣсколькими примѣрами. „Въ актѣ, замѣчалъ комитетъ, предписывается: умершихъ провожати и отпѣвати отцемъ духовнымъ и дѣти крещати и свадьбы вѣнчати во всемъ священническомъ сану (облаченіи), якоже божественная литургія. Аще кто сіе повелѣніе преступитъ, таковымъ отъ святителя быти въ великомъ запрещеніи... Исключить, разсуждалъ комитетъ, какъ несообразныя съ уставомъ богослуженія, постоянно хранимымъ православною церковью“. По тому же побужденію, „какъ несогласное со всеобщимъ обычаемъ“, исключила цензура и повелѣніе патр. Никона не совершать водоосвященія въ самый день богоявленія.

Еще интереснѣе исключеніе комитетомъ разсужденія. „яко лучше есть всякая злая мука пріяти, нежели на правѣ или кривѣ крестъ животворящій цѣловати“, какъ противорѣчащаго постановленію православной церкви, а также апологіи въ защиту иконъ Іисуса Христа въ ангельскомъ образѣ, „дабы не соблазнять иконописцевъ нынѣшнихъ“.

Устраняя всѣ эти „отступленія отъ настоящаго“, духовная цензура руководилась еще тѣмъ соображеніемъ, „чтобы не подать раскольникамъ новаго повода къ ложнымъ толкамъ, будто въ позднѣйшее время греко-россійская церковь во многомъ отступила отъ древнихъ своихъ постановленій“. И, конечно, тѣмъ съ большею тщательностью очищала она документы отъ неудобныхъ свидѣтельствъ въ пользу, напр., употребленія имени Исусъ, „Господа истиннаго“, двуперстнаго сложенія, запрещенія брадобритія, вообще свидѣтельствъ, которыя „могутъ подать поводъ раскольникамъ еще болѣе упорствовать въ своемъ заблужденіи“ [11]).

Не напрасно носила духовная цензура свой мечъ и въ другихъ случаяхъ, уничтожая все „строптивое“ даже въ отдаленныхъ вѣкахъ. „Разсмотрѣнный актъ, рапортовала она синоду, содержитъ приговоръ спасскаго монастыря (каргопольскаго уѣзда): управленіе

[11]) С. П. Б. Д. Ц. К., 1838, 14. Также А. С. С., 1837, 1469 объ «Описаніи рукописей Румянцевскаго музея», А. Востокова.

монастыремъ предоставить самимъ себѣ, безъ всякаго отношенія къ высшимъ духовнымъ властямъ; по своему произволу разбирать и рѣшать частныя дѣла братіи; въ случаѣ, если кто-либо изъ братіи будетъ подлежать суду свѣтской власти, употреблять совокупныя усилія, не щадя церковнаго имущества, если судимый виновенъ, къ успѣшному окончанію процесса; оставлять безъ помощи и содѣйствія только того изъ братіи, который заблаговременно не признается прочимъ въ учиненномъ имъ проступкѣ, и посему сей актъ, съ одной стороны проникнутый духомъ самоуправства и буйнаго самовластія, а съ другой,—заключающій свѣдѣнія, безполезныя для исторіи церкви, недостоинъ обнародованія“ [42]).

Почти тѣми же словами осудила цензура другой актъ, который, „при маловажности содержанія, обнаруживалъ въ подчиненныхъ строптивый духъ противъ поставленной надъ ними власти“ [43]). Та же участь постигла и извѣстную грамоту п. Никона на имя константинопольскаго патріарха Діонисія, содержащую, между прочимъ, „весьма рѣзкіе и оскорбительные отзывы о царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ“. Не ссылаясь уже на маловажность содержанія, комитетъ полагалъ, что чрезъ обнародованіе свое этотъ протестъ можетъ произвести „вредныя впечатлѣнія во многихъ изъ читателей тѣмъ, что въ немъ содержатся невыгодные отзывы о государственныхъ постановленіяхъ“ [44]).

Даже въ сочиненіяхъ Максима Грека цензура отмѣтила слишкомъ свѣжія мысли, которыми, по ея мнѣнію, неблагонамѣренные люди легко могутъ воспользоваться къ униженію верховной власти. Въ самомъ дѣлѣ, тамъ вѣдь содержится „обличеніе большинства властителей, которые жестоко морятъ подчиненныхъ всякаго рода денежными вымогательствами и принудительной постройкой многоцѣнныхъ домовъ, нисколько не способствующихъ

---

42) А. С. С., 1835, 1383.

43) Тамъ же.

44) А. С. С., 1835, 1382; М. Д. Ц. К., 1835, 7.

Очень сходенъ съ изложеннымъ и позднѣйшій (отъ 1850 г.) отзывъ того же комитета. «Разсмотрѣвъ рукопись подъ названіемъ: старинные грамоты и акты рязанскаго края, собранные Пискаревымъ, присланную изъ свѣтской цензуры, комитетъ нашелъ, что въ означенной рукописи всѣ мѣста, подлежащія разсмотрѣнію духовной цензуры, напечатать можно, кромѣ отписки Іосифа, митрополита рязанскаго, къ патріарху Іоакиму (№ 37, стр. 49—52), противъ Іосифа, митрополита коломенскаго, подвергшагося суду за неистовство и за непристойныя его явныя слова къ лицу великаго государя, царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, и за безчинства его къ людямъ—ругательное наказаніе,- а иныхъ даже до смерти. Такія дѣла архіепископа, никого не назидая, никого не просвѣщая, очень многихъ могутъ ввести въ соблазнъ, или подать имъ случай къ порицанію высокаго архіерейскаго сана». (Отзывъ А. Окунева; отношеніе въ спб. цензурный комитетъ отъ 15 дек. 1850 г., № 357).

укрѣпленію ихъ державы, но лишь служащихъ къ увеселенію ихъ изнѣженныхъ душъ“.. [45]).

Съ отзывами комитета акты археографической комиссіи поступали въ синодъ. Для вторичнаго разсмотрѣнія они передавались одному изъ синодальныхъ членовъ, и, конечно, отъ его личныхъ воззрѣній зависѣло многое. Но, въ общемъ, синодальныя заключенія отличаются сравнительною мягкостью и снисходительностью. То есть, говоря точнѣе, центральная власть не такъ склонна была находить соблазны въ тѣхъ мѣстахъ, которыя тревожили членовъ комитета. При всемъ томъ иногда весьма типичныя бытовыя черты,—„разные на духовенство и мірскихъ людей доносы“,—не пропускались и при вторичномъ разсмотрѣніи [46]).

Впрочемъ, церковноисторическіе памятники, присылаемые въ духовную цензуру изъ археографической, кіевской временной и другихъ комиссій, являлись лишь отдѣльными находками въ сравненіи съ тѣми мощными залежами, которыя за многіе вѣка накопились въ церковныхъ центральныхъ библіотекахъ-архивахъ. Работать здѣсь, на мѣстѣ, съ извѣстной свободой,—вотъ что манило изслѣдователей. Но долго и безрезультатно стучались они въ окованныя желѣзомъ двери этихъ книгохранилищъ. Онѣ не отворялись и, главнымъ образомъ, по цензурнымъ условіямъ. Въ Москвѣ, гдѣ, конечно, по преимуществу сосредоточивались книжныя богатства древности, слишкомъ ревнивымъ охранителемъ ихъ являлся м. Филаретъ. До поры до времени рѣшилъ онъ защищать архивы,—особенно синодальную библіотеку,—отъ натиска „не призванныхъ оффиціально“ изслѣдователей и дѣйствовалъ уклончиво. Здѣсь не безынтересно отмѣтить судьбу довольно настойчивыхъ попытокъ Погодина и Шевырева.

Въ 1836 г., по словамъ Барсукова, Погодинъ началъ принимать мѣры къ полученію доступа въ московскую синодальную библіотеку. За посредничествомъ онъ обратился къ своему старинному пріятелю—близкому къ князю А. Н. Голицыну—Н. А. Загряжскому, который писалъ ему: „сейчасъ видѣлся съ Филаретомъ у кн. Голицына. Онъ сказалъ, что не можетъ разрѣшить брать подъ твою росписку рукописи; сему примѣры были весьма рѣдки, такъ напримѣръ, Карамзину было сіе разрѣшено не иначе, какъ по указу синода. Для сего, онъ говоритъ, твое начальство должно отнестись о семъ къ Филарету, а онъ уже выхлопочетъ дозво-

---

[45]) А. С. С., 1838, 953. Кстати, и здѣсь фигурируетъ подпись цензора-политика архм. Платона.

[46]) А. С. С., 1835, 1383, К. О. П. С. С., 1844, 33674; также К. О. П. С. С., 1844, 33688—о пропускѣ «Исторической хрестоматіи» Галахова, гдѣ составителю пришлось отстаивать право пользованія отрывками изъ Остромирова евангелія и др. источниковъ въ ихъ подлинномъ видѣ.

леніе синода. Но если ты хочешь заниматься въ библіотекѣ, то на сіе и Филарета дозволеніе не нужно, поди просто и пустятъ“ [47]).

Но пускали не такъ то просто. Даже будучи въ Римѣ, нашъ историкъ могъ лишь сильнѣе почувствовать отечественную обиду. Познакомившись съ описаніемъ славянскихъ рукописей, хранящихся въ Ватиканѣ, составленнымъ каноникомъ Бобровскимъ, Погодинъ невольно восклицаетъ: „Когда же мы получимъ доступъ въ московскую синодальную библіотеку?“. Равнымъ образомъ, широко поставленное въ Чехіи дѣло изданія памятниковъ славянской исторіи опять могло вызвать въ сознаніи людей науки лишь печальный контрастъ: „А у насъ не позволяютъ и патерика печатать“. „И правда!“ добавилъ Погодинъ [48]).

Въ 1838 году мелькнула надежда: „Библіотека синодальная намъ будетъ открыта, писалъ Шевыревъ Погодину, но издавать все мы можемъ только съ разрѣшенія синода“. Однако и новыя обѣщанія постигла та же участь. „Въ этомъ году у Погодина явилась мысль заняться описаніемъ библіотеки патріаршей ризницы. Оберъ-прокуроръ поручилъ Муравьеву поговорить съ Филаретомъ. Сербиновичъ оффиціальнымъ письмомъ сообщилъ, что св. синодъ разрѣшилъ допустить и заниматься въ ней составленіемъ каталога. Но синодальній ризничій не дозволилъ дѣлать выписки въ синодальной библіотекѣ. Филаретъ дѣйствовалъ уклончиво“.

Подъ вліяніемъ такого разочарованія Погодинъ 12 окт. 1840 г. внесъ въ свой дневникъ: „Непріятное письмо отъ Филарета. Какъ можетъ умный человѣкъ написать такое глупое письмо. Это письмо пойдетъ въ его біографію“. Упомянутый выше Загряжскій, на вопросъ о причинахъ, почему не дозволили пользоваться синодальной библіотекой, отвѣчалъ лаконически: „спроси Филарета“ [49]).

Съ теченіемъ времени, правда, м. Филаретъ постарался дать отвѣтъ на это „спроси“,—разъяснить мотивы своего отрицательнаго взгляда на работу въ церковныхъ библіотекахъ представителей свѣтской учености.—Онъ искалъ подходящихъ людей „между своими“ и, наконецъ, намѣтилъ ихъ въ лицѣ А. Горскаго и К. Невоструева. Характеръ и основанія этой выжидательной политики точнѣе всего можно выразить лишь подлинными словами м. Филарета.

---

[47]) Барсуковъ. Жизнь... Погодина, т. IV, 401.

[48]) Другіе примѣры того, какъ «медленность и ежедневно новое затрудненіе отнимали всякую довѣренность», см. въ «Опытѣ русской исторіографіи“, проф. В. С. Иконникова (Кіевъ, 1891—2), т. I, стр. 178—9. Также его же ст. «Графъ Николай Петровичъ Румянцевъ», Р. Ст. 1881, сент., стр. 70—1.

[49]) Барсуковъ. Жизнь.. Погодина, кн., V, 427.

Въ 1849 году, благодаря содѣйствію Блудова, получило высочайшее одобреніе предложеніе Ундольскаго описать акты, хранящіеся въ московскихъ библіотекахъ—патріаршей, типографской и успенской. Это обстоятельство заставило выйти изъ прежняго пассивнаго состоянія и церковную власть. Митр. Филаретъ, по порученію синода, представилъ свое мнѣніе. Вотъ наиболѣе характерные его пункты:

„Мысль сія, писалъ митрополитъ, довольно давно уже начала занимать синодальную контору... Дѣло же сіе не таково, чтобы можно было бы безъ большой заботы откладывать оное. Духовная ученость ожидаетъ удобства пользоваться синодальною библіотекою. Нѣкоторые свѣтскіе писатели уже напечатали обвиненіе, что синодальная библіотека не довольно извѣстна и не довольно открыта. Обвиненіе сіе неосновательно, каково бываетъ обыкновенно обвиненіе, произносимое прежде выслушанія обвиняемаго, но оное не совсѣмъ недостойно вниманія.

„Что синодальная библіотека не совсѣмъ свободно доступна всякому, сіе зависитъ отъ распоряженій св. синода, основанныхъ на соображеніяхъ, которыя, можно надѣяться, уважила бы и свѣтская ученость, если бы догадалась имѣть сіи соображенія. Невѣрное или неосмотрительное употребленіе содержанія какой-либо свѣтской исторической рукописи произведетъ споръ, опроверженіе и только. Невѣрное или неосмотрительное употребленіе древнихъ рукописей, относящихся до церковныхъ догматовъ, законодательства, ученія и церковной исторіи, можетъ произвести соблазнъ и дать пищу лжеученіямъ. Посему для всякаго приходящаго отворять дверь въ церковную библіотеку не такъ удобно, какъ въ свѣтскую“.

Для ясности м. Филаретъ указываетъ на тѣ неблагопріятныя послѣдствія, какія, напримѣръ, могло бы возбудить обнародованіе „завѣщанія св. Митрофана воронежскаго“ съ его протестомъ противъ командованія еретиковъ. „Совѣтъ святителя, разъясняетъ Филаретъ, основанъ на благочестіи и благонамѣренности и, можетъ быть, въ свое время не безъ возможности употребленія въ нѣкоторой степени могъ сдѣлаться извѣстнымъ имп. Петру I—и только ему одному. Но если бы теперь допустить любопытствующихъ списать его и напечатать здѣсь выписанное мѣсто, то сіе было бы, конечно, не умѣстно и особенно, если бы напечатанное принести въ селеніе крестьянъ, не охотно поступающихъ во владѣніе помѣщика иновѣрца.

„Изложенное соображеніе и примѣръ даютъ, по моему мнѣнію, твердое основаніе заключить, что „описаніе“ должно быть составлено, подъ ближайшимъ надзоромъ духовнаго начальства, людьми свѣдущими въ церковныхъ догматахъ и законоположеніяхъ. Церковный взглядъ на древнія рукописи при ихъ описаніи естественно откроетъ и внесетъ въ описаніе черты, которыя долж-

ны быть въ виду для пользы церковной учености. Напротивъ того, свѣтскій взглядъ легко пропуститъ сіи черты и сдѣлаетъ описаніе синодальной библіотеки менѣе полезнымъ для тѣхъ, для которыхъ оно болѣе нужно, т. е. для занимающихся церковными и духовными знаніями“ [50]).

Благодаря настойчивости Блудова, синоду, параллельно съ указаннымъ, пришлось заняться рѣшеніемъ и болѣе остраго вопроса. Въ томъ же 1849 году гр. Блудовъ, занятый планомъ устройства „государственнаго хранилища древностей“, получилъ отъ имп. Николая своего рода открытый листъ для пересмотра документовъ московскихъ архивовъ-библіотекъ, не исключая самыхъ секретныхъ дѣлъ. Впрочемъ, по тѣмъ или инымъ причинамъ, онъ не отважился самъ сломать синодальныя печати, охранявшія нѣкоторыя дѣла въ синодальной и типографской библіотекахъ [51]). Именно оказались запечатанными: „Выписка изъ духовнаго завѣщанія святителя Митрофана воронежскаго“; „Дѣло слѣдственное... о Дм. Тверитиновѣ“; „Соборное дѣяніе на еретика Мартина“; Книга о Маннѣ“; „Дѣло... объ удаленіи патріарха Никона“; „Симфонія“; „Розыскъ, почему римскіе императоры назывались понтифексами, и могутъ ли христіанскіе государи именоваться епископами“, и „О возношеніи имени патріарха“.

Прежде чѣмъ высказать свой взглядъ на предпріятіе Блудова, синодъ, конечно, затребовалъ мнѣніе м. Филарета. Отвѣтъ его построенъ по всѣмъ правиламъ умозаключенія. „Подъ печатью, писалъ онъ, скрывается, какъ предметъ, такъ и причина запечатанія. Но церковная печать даетъ разумѣть, что причина запечатанія была церковная. Сіе ведетъ къ заключенію, чтобы запечатанное оставалось въ духовномъ вѣдомствѣ... Ибо запечатаніе употреблено, конечно, не для чего иного, какъ для предупрежденія неблагопріятныхъ послѣдствій гласности“...

Основываясь на мнѣніи Филарета, синодъ сообщилъ Блудову, что, судя по описямъ, „въ числѣ запечатанныхъ рукописей нѣтъ памятниковъ важныхъ для отечественной словесности, а также для государственной исторіи... Запечатанныя книги всѣ касаются до ересей и церковнаго управленія. Настоитъ ли поэтому, заключалъ синодъ, надобность требовать ихъ?..“

Блудовъ вполнѣ естественно возразилъ на это, что по заглавіямъ нельзя съ достовѣрностью судить о содержаніи; что,

---

[50]) К. О. П. С. С., 1849, 42601.

[51]) К. О. П. С. С., 1849 г. 42596. Вотъ подлинное выраженіе письма гр. Блудова къ Пратасову по этому поводу: „При обозрѣніи библіотеки... я счелъ невозможнымъ, какъ по краткости времени, такъ и по другимъ причинамъ, (которыя я имѣлъ честь объяснять лично в. сіятельству) распечатать бумаги и книги, присланныя въ означенныя книгохранилища за печатью св. синода“. (Слова, взятыя въ скобки, зачеркнуты въ дѣлѣ. А. К.)

напр., дѣло Никона можетъ считаться настолько же церковнымъ, насколько и государственнымъ. „Смѣю думать, скромно добавлялъ онъ, что высшее духовное начальство не можетъ сомнѣваться какъ въ осторожности и скромности моей, такъ и въ исправномъ возвращеніи документовъ“. Тогда синодъ предоставилъ м. Филарету распечатаніе и предварительный просмотръ таинственныхъ рукописей съ тѣмъ, чтобы о каждой онъ далъ положительный или отрицательный отзывъ для отвѣта Блудову.

Познакомившись съ ихъ содержаніемъ м. Филаретъ сразу смягчилъ свою прежнюю точку зрѣнія. „Почему запечатана, писалъ митрополитъ не объ одной рукописи,—на сіе она не даетъ довольно убѣдительнаго объясненія своимъ содержаніемъ“. Тѣмъ не менѣе посвященіе Блудова въ секретныя дѣла синодальныхъ библіотекъ было расположено по правилу постепеннаго перехода отъ менѣе секретнаго къ болѣе секретному.

Три самыхъ интересныхъ памятника—дѣло Никона, Медвѣдева и Тверитинова почти семь лѣтъ пробыли въ цензурѣ Филарета. Есть основанія думать, что эта медлительность была не случайна. По крайней мѣрѣ, канцеляріямъ было приказано „не возобновлять по сему дѣлу никакой переписки, пока не поступитъ новаго требованія отъ гр. Блудова по сему предмету“. И лишь въ 1856 году синодъ утвердилъ предположеніе м. Филарета, что какъ „книга о маннѣ“, такъ и дѣло о Тверитиновѣ, съ принадлежащими къ нему тетрадями, могутъ быть въ настоящее время открыты [52]). При этомъ митрополитъ произнесъ и судъ надъ тѣми доводами, на которыхъ по преимуществу была основана выжидательная политика. Онъ самъ призналъ, что содержащіяся въ этихъ дѣлахъ тайны, еретическія мнѣнія и проч. являются теперь уже „не опасными“, а только „любопытными“ [53]).

Частныя домогательства и оффиціальныя экскурсіи въ архивы духовнаго вѣдомства оказали въ концѣ концовъ свое воздѣйствіе на вѣдомство православнаго исповѣданія, принудили его спѣшно заняться вопросомъ объ археографіи. При этомъ центральная власть сочла самымъ удобнымъ присвоить себѣ иниціативу въ дѣлѣ собиранія и изданія церковно-историческихъ памятниковъ и направить это дѣло по своимъ соображеніямъ. Уже въ 1850 г. было издано предписаніе о составленіи „церковно-историческаго и статистическаго описанія епархій“. Какъ и всегда, выступленіе на необычный путь мотивировалось особою „запиской“, и канцелярское производство было отнесено къ числу секретныхъ. Въ запискѣ не безъ витійства сообщалось, что „однимъ изъ главныхъ предметовъ духовнаго образованія въ нашемъ

---

52) К. О. П. С. С., 1849 г., 42601.
53) Собр. мн. и отз., т. IV, № 428 (28 февр. 1856 г.).

отечествѣ есть исторія россійской церкви, какъ такая наука, которая, съ одной стороны, служитъ весьма важнымъ пособіемъ къ основательному изученію исторіи отечественной, открывая наблюдательному взору то благотворное вліяніе, какое церковь имѣла всегда на судьбу государства, съ другой—представляетъ непрерывный рядъ доказательствъ, подтверждающихъ истину нашего православія, излагая подробно: когда и кѣмъ внесены были къ намъ первыя сѣмена христіанской религіи, какими путями распространялась она по всѣмъ отдаленнымъ предѣламъ имперіи и какими средствами, при содѣйствіи промысла, сохранялась и доселѣ сохраняется во всей первоначальной своей чистотѣ и неповрежденности".

Указавъ далѣе, что „появлявшіеся время отъ времени опыты по исторіи русской церкви, при всѣхъ достоинствахъ, не представляютъ полноты", записка дѣлаетъ выводъ: „Необходимо прежде привесть въ извѣстность всѣ матеріалы, разсѣянные по всему пространству обширной нашей имперіи, и соединить въ одинъ общій составъ тѣ драгоцѣнныя церковно-историческія и статистическія свѣдѣнія, которыя хранятся въ разныхъ мѣстахъ духовнаго вѣдомства, часто недоступныхъ для самыхъ трудолюбивыхъ изслѣдователей, каковой трудъ не иначе можетъ быть совершенъ, какъ при особенномъ содѣйствіи епархіальныхъ преосвященныхъ и подъ личнымъ ихъ руководствомъ" [51]).

Осязательные результаты синодальнаго указа 1850 г., въ видѣ рукописныхъ или напечатанныхъ томовъ описаній нѣкоторыхъ епархій, относятся, главнымъ образомъ, къ слѣдующему царствованію. Для разсматриваемаго времени любопытно отмѣтить лишь отраженіе перемѣны оффиціальнаго взгляда на археографію въ умѣ одного изъ духовныхъ цензоровъ.—Когда въ московскій комитетъ была представлена первая часть „историко-статистическаго описанія харьковской епархіи", епископа Филарета (Гумилевскаго), цензоръ, архм. Сергій, нашелъ, что уже „имя сочинителя, извѣстнаго историческими и археологическими трудами и строгою правдивостью взгляда, служитъ ручательствомъ, что свѣдѣнія осмотрительно и вѣрно извлечены"; призналъ, что „данное описаніе—ученое и не столько отличающееся украшеніемъ языка и слога, сколько обогащенное полнотою изслѣдованія".

---

[51]) Секретн. дѣла, хранящіяся въ архивѣ канц. оберъ-прокурора св. синода, № 184 (1850 г.).

Историко-статистическое описаніе каждой епархіи, согласно проекту, должно было слѣдовать такой схемѣ: 1) начало и распространеніе христіанства въ предѣлахъ епархіи; 2) время ея учрежденія; 3) епархіальная іерархія; 4) монастыри—съ описями актовъ и рукописей; 5) свѣдѣнія о соборахъ, приходскихъ и домовыхъ церквахъ; 6) о свв. угодникахъ, съ приложеніемъ списковъ житій; 7) объ иконахъ—со сказаніями о нихъ; 8) о благочестивыхъ обычаяхъ (посты, крестные ходы и пр).

При всемъ томъ одобреніе рукописи цензоръ обставляетъ соображеніями ad tempus et ad hominem. „Такъ какъ, пишетъ онъ, нынѣ повсюду простирается попеченіе правительства о приведеніи въ извѣстность матеріаловъ, полезныхъ для русской исторіи, и такъ какъ сіе описаніе обителей доставляетъ духовное услажденіе благочестивымъ читателямъ, то рукопись соотвѣтствуетъ и благимъ видамъ правительства и доброму любовѣдѣнію христіанскаго сердца“ [55]).

Съ такою неумолимостью духъ времени вскрывалъ затворы, измѣнялъ взгляды, выводилъ на свѣтъ таинственныя idola specus. Благодаря главнымъ образомъ „обвиненіямъ нѣкоторыхъ свѣтскихъ писателей“, оказалось возможнымъ подставить хотя приблизительныя конкретныя величины въ схематическія формулы руководящихъ дѣятелей, и по этой провѣркѣ они сами убѣдились въ ихъ несостоятельности. Пробужденное отъ гипнотизма самообольщенія и церковное сознаніе не могло не увидѣть, какой суетной и ложной охраной были его кустодіи. Дѣтскимъ лепетомъ, напримѣръ, показались уже для него „еретическія мудрованія“ какого нибудь нѣмчина, при сравненіи съ эволюціей, пройденной русскими расколами и сектами. Равнымъ образомъ и на тщательно скрываемый въ архивахъ „розыскъ.., могутъ ли христіанскіе государи именоваться епископами“, очевидный для всѣхъ отвѣтъ давала наличная дѣйствительность.

Итакъ, принципы оказались несостоятельными. Тѣмъ не менѣе, развѣ не церковная ученость, въ лицѣ Горскаго и Невоструева, „подъ ближайшимъ надзоромъ духовнаго начальства“, составила классическое описаніе рукописей синодальной библіотеки? И не возмѣщаетъ ли этотъ практическій результатъ всѣхъ неудобствъ, соединенныхъ съ политикой откладыванія?—Слѣдуетъ отвѣтить прямо: нѣтъ, не возмѣщаетъ, такъ какъ ничто не возмѣститъ потеряннаго времени. Въ частности, составленіе описанія было поручено Горскому уже въ концѣ эпохи массоваго увлеченія трудомъ чернорабочаго архивиста. Ранѣе же этого удѣлъ церковныхъ историковъ былъ тотъ же, что и свѣтской учености. Сверхъ того, и самое изданіе „описанія“, потребовавшее особыхъ апологій противъ цензорскихъ обвиненій въ его неблагонадежности, лишній разъ оттѣнило тотъ фактъ, что неблагодарная дотолѣ работа архивиста и на переломѣ была въ сущности трудомъ подневольнаго раба [56]). А затѣмъ выступили на сцену новые интересы, новыя обязанности были возложены и на автора „описанія“. Одно поколѣніе историковъ смѣнялось другимъ. Каждому приходило свыше оффиціальное напоминаніе продол-

---

[55]) М. Д. Ц. К., 1852, 13.
[56]) Богословск. В., 1900, ноябрь, стр. 475 и слѣд.

жать начатую работу. Но не являлось уже прежняго типа любителей древней письменности [57]). И до сихъ поръ „описаніе“ выполнено въ той лишь части, въ какой его оставило разсматриваемое время.

Кромѣ сырого историческаго матерьяла въ данный періодъ чрезъ духовную цензуру прошло не малое число трудовъ, представлявшихъ уже нѣкоторую разработку добытыхъ данныхъ. Но въ преобладающей массѣ эти сочиненія не шли далѣе шаблоннаго типа историко-статистическихъ описаній отдѣльныхъ церквей и монастырей, и дѣла о нихъ мало представляютъ интереса при характеристикѣ духовно-цензурнаго надзора. Сверхъ того, во время, ближайшее къ эпохѣ Шишкова, несправедливо было бы усвоять спеціально церковному надзору все то, что совершали его именемъ добровольцы по части благонамѣренности въ исторіи.

Такъ, напр., лишь только появился въ Библіографическихъ листкахъ Кеппена переводъ труда І. Добровскаго о Кириллѣ и Меѳодіи, тотчасъ послѣдовалъ доносъ на имя Шишкова. Въ переводѣ Магницкій нашелъ обличеніе святцевъ, церковію утвержденныхъ, и т. п. вины [58]). Такіе же добровольческіе доносы употреблялись и при опроверженіи попытокъ реабилитаціи Годунова при разрѣшеніи вопроса объ угличскомъ дѣлѣ [59]).

При выясненіи особенностей собственно церковной цензуры интереснѣе остановиться на болѣе спеціальной области. Догматико-полемическое настроеніе времени пробудило и въ церковно-исторической наукѣ соотвѣтствующія живыя стремленія. Охотники занялись составленіемъ такихъ трактатовъ, какъ „Исторія о расколахъ въ церкви россійской“, „О духоборцахъ“, „О ересяхъ и расколахъ въ русской церкви“ и пр. Отчетливо обнаружилось здѣсь стремленіе прежде всего ознакомиться съ иномысліемъ, выяснить подлинныя причины возникновенія сектантства, установить, наконецъ, чего искали въ церкви и не находили отдѣлявшіеся отъ нея.

Первое впечатлѣніе отъ прикосновеннаго сюда цензурнаго матерьяла то, что разработка указанныхъ темъ была терпима, и церковная власть какъ будто была готова примириться съ фактомъ появленія подобныхъ монографій. Но изъ ближайшаго выясненія всѣхъ обстоятельствъ оказывается, что здѣсь скорѣе имѣли мѣсто цензурныя недоразумѣнія. Какъ было уже указано выше, „Духоборцы“ проф. Ореста Новицкаго въ первомъ изданіи

---

57) На это неоднократно съ горечью жаловался, напр., епископъ дмитровскій (впослѣдствіи арх. литовскій) Алексій (Лавровъ) въ письмахъ къ К. П. Побѣдоносцеву, отъ 1883 г.

58) Барсуковъ. Жизнь... Погодина, кн. 1, 270.

59) М. Д. Ц. К., 1831, 20.

проскользнули въ свѣтъ лишь потому, что были включены въ одинъ изъ изданныхъ кіевской академіей сборникъ „опытовъ“ ея студентовъ. Къ тому времени (1832 г.) цензурныя права академіи еще не успѣли подвергнуться ограничительнымъ разъясненіямъ. Сверхъ того, просматривавшая „опыты“ комиссія духовныхъ училищъ на этотъ разъ отнеслась довѣрчиво къ представленію м. кіевскаго Евгенія. Но не далѣе, какъ черезъ годъ послѣ пропуска и, безъ сомнѣнія, въ тѣсной причинной связи съ нимъ, ею уже издается спеціальное предписаніе, по которому сочиненія студентовъ кіевской академіи дозволялось печатать „не иначе, какъ по представленіи каждаго сочиненія на разсмотрѣніе въ одинъ изъ цензурныхъ комитетовъ, учрежденныхъ при двухъ прочихъ академіяхъ и по надлежащемъ ихъ пропускѣ сими комитетами“ [60]). А предпринятое проф. Новицкимъ, въ концѣ 30-хъ годовъ (уже послѣ кончины м. Евгенія), второе изданіе книги „О духоборцахъ“ выяснило подлинное отношеніе церковной цензуры къ этому сочиненію.—Московскій комитетъ обусловилъ его пропускъ цѣлымъ рядомъ исправленій. Синодъ отнесся къ нему еще отрицательнѣе.

Не касаясь замѣчаній, вызванныхъ собственно изложеніемъ ученія духоборцевъ, слѣдуетъ отмѣтить общій, съ точки зрѣнія цензуры, его недостатокъ. „Сочинитель, излагая ученіе, не сопровождаетъ его здравой критикой и замѣчаніями, гдѣ требуется, а если гдѣ и защищаетъ православное ученіе противъ духоборцевъ, защищаетъ слабо и самъ впадаетъ въ несообразности. Напр., на стр. 113 онъ не сдѣлалъ замѣчанія на очень важное заблужденіе духоборцевъ въ политическомъ отношеніи, что всеобщее равенство по естеству (какъ учатъ они) не исключаетъ понятія о земныхъ властяхъ“.

„Въ послѣдней части, объясняетъ затѣмъ цензура, сочинитель сначала распространяется о томъ, что ученіе духоборцевъ все чужое, заимствованное, излагаетъ, въ чемъ они сходятся съ гностиками, манихеями, квакерами, анабаптистами, ложными мистиками и друг. Потомъ приводитъ причины, побудившія духоборцевъ принять неправославное ученіе, которыя, по мнѣнію ихъ самихъ, состояли въ невразумительности православнаго богослуженія и небрежности пастырей, а по ученому, отвлеченному изъясненію сочинителя, сокрыты въ духѣ тогдашняго времени, т. е. XVI—XVII ст., которыя были временами всеобщихъ потрясеній и измѣненій на религіозно-политическомъ поприщѣ запада... Затѣмъ неправильно изъясняетъ исправленіе книгъ, бывшее при патр. Никонѣ, изъ духа времени и набрасываетъ много выраженій очень сомнительныхъ, напр: „Церковь сама видѣла потребности

---

[60]) М. Д. Ц. К., 1833, 72.

вѣка“, или: „найдутся такіе, которые при всякомъ сотрясеніи въ образѣ религіи останутся при одномъ ея механизмѣ, при ея безплодной обрядовой внѣшности“, или: „необходимыя измѣненія во внѣшности вѣры“.

„Продолжая изъяснять, какъ тяготѣніе ко внутреннему, духовному могло проявиться въ Россіи, сочинитель возноситъ клевету на Петра В., говоря: „когда онъ открылъ въ Россію свободный входъ самимъ чужестранцамъ, тогда приносились сюда и человѣческія мудрованія о религіи“. Также на кіевскія училища: „духъ схоластики и мистики, проникавшій въ то время чрезъ тогдашнія кіевскія училища легко могъ предраспологать нѣкоторыхъ къ отвлеченностямъ и таинственности“.

„Разбирая причины уклоненія духоборцевъ отъ православной церкви, сочинитель очень слабо защищаетъ православное ученіе противъ нихъ, напр.: Духовенство казалось имъ недѣятельнымъ, не потому, чтобы оно дѣйствительно забывало свой пастырскій долгъ... Въ сужденіи объ ученіи духоборцевъ сочинитель не опровергаетъ прямо ни одного изъ ихъ положеній, а только или повторяетъ оныя, или предположительно говоритъ, что должно произойти въ цѣломъ вѣрованіи духоборцевъ, когда постигнетъ ихъ религіозное разочарованіе, когда разсѣется мракъ самообольщенія,... и предсказываетъ, что менѣе, чѣмъ въ столѣтіе, они дойдутъ до явнаго безвѣрія. Наконецъ, авторъ несправедливо выражается о ѳеократіи такъ: „по времени и правильной теократіи уже не существуетъ для человѣка“. Между тѣмъ, сердце царево, по Писанію, въ руцѣ Божіей; нѣсть власть, аще не отъ Бога... Имъ и царіе царствуютъ“.

Св. синодомъ книга „О духоборцахъ“ была отослана въ Кіевъ, съ предписаніемъ митр. Филарету (Амфитеатрову), послѣ исправленія ея авторомъ, изложить о ней свое мнѣніе. Но, кажется, даже не вручая ея Новицкому, м. Филаретъ написалъ о книгѣ свой отзывъ. „Я нашелъ заключеніе московскаго духовно-цензурнаго комитета совершенно справедливымъ. Почему полагаю мнѣніемъ сочиненіе сіе не издавать въ свѣтъ и сочинителю Новицкому, состоящему нынѣ профессоромъ философіи при университетѣ св. Владиміра, запретить чрезъ его начальство представлять оное къ напечатанію“.

Окончательная резолюція св. синода была такова: „печатаніемъ не дозволять“ [61]).

---

[61]) А. С. С., 1839, 683.

Вѣроятно, изъ опасенія предъ духовной цензурой не могла появиться въ свое время въ полномъ объемѣ и представленная Ю. Самаринымъ въ московскій университетъ диссертація „С. Яворскій и Ѳ. Прокоповичъ». Совѣтъ университета одобрилъ къ напечатанію лишь третью, болѣе нейтральную, часть изслѣдованія—о проповѣдническихъ трудахъ Яворскаго и Прокоповича. Ср. „Сочиненія Ю. Ѳ. Самарина, т. V (м., 1880), предисловіе, стр. VII.

Нѣтъ нужды останавливаться на изложеніи подробностей уже не разъ затронутаго инцидента съ книгою Руднева „О ересяхъ и расколахъ въ россійской церкви". Она по своей судьбѣ имѣетъ много сходства съ предыдущей. Своимъ появленіемъ она была обязана вниманію и покровительству сотрудника Евгенія—Румянцева. Въ ея изложеніи отразилось живое чувство изслѣдователя, вступающаго въ новую область, желаніе охватить причинною связью вновь открытыя группы фактовъ, хотя бы съ нѣкоторой поспѣшностью. Зато, одновременно съ Новицкимъ, и Рудневъ долженъ былъ испытать и горечь изслѣдователя, вплоть до упрековъ въ „безтолочи" его изысканій [62]). Названная выше „Исторія о расколахъ въ церкви россійской", Игнатія (впослѣдствіи архіеп. воронежскаго), была представлена имъ синоду еще въ 1834 г. Въ слѣдующемъ году, послѣ просмотра арх. Григоріемъ тверскимъ, была возвращена автору для исправленій. Затѣмъ поступила на цензуру къ митр. м. Филарету. „Что было дальше, неизвѣстно",—добавляетъ біографъ Игнатія. Вышла книга изъ печати уже въ 1849 году [63]).—Тогда же со страданіями и униженіями проводилъ чрезъ „узкія врата цензуры" „періоды" своей „исторіи русской церкви" и Филаретъ Гумилевскій.

Но не только въ этихъ громкихъ эпизодахъ обнаруживала себя та гнетущая обстановка, которая была создана для историческихъ изслѣдованій. Не менѣе отражалась она и въ цензурныхъ сужденіяхъ относительно монографій по частнымъ вопросамъ, мелкихъ статей и замѣтокъ историческаго содержанія.— Разсмотрѣвъ, напр., присланную изъ кіевскаго цензурнаго комитета рукопись подъ названіемъ: „Состояніе женщины въ періодъ времени отъ введенія христіанства до нашествія монголовъ", петербургскій дух.-цензурный комитетъ нашелъ, что, въ этой рукописи, въ мѣстахъ, подлежащихъ разсмотрѣнію духовной цензуры, предметы высочайшей святости, каковы, напримѣръ, жизнь Богоматери и подвиги мучеництъ, поставлены въ уровень обыкновеннаго быта женщинъ (отъ стр. 18 до 28), и православному русскому духовенству приписано такое частное, домашнее вліяніе на судьбу русской женщины, котораго оно никогда не имѣло (стр. 14, 15, 16 и отъ стр. 74 до 87); вообще же въ подлежащихъ разсмотрѣнію духовной цензуры мѣстахъ (отъ стр. 5 до 30, отъ 74 до 87, стр. 70, 184 и 194) нѣтъ ни основательности мыслей, ни высоты христіанскихъ чувствій, ни доброты и ясности слога, ни правильности самого изложенія,—по причинѣ всѣхъ этихъ недостатковъ, комитетъ, на точномъ основаніи § 55-го устава духовной

---

[62]) Письма м. м. Филарета къ архм. Филарету, впосл. арх. черниговскому Приб. къ твор. св. отц., 1883, ч. XXXII, стр. 682.

[63]) С. Артоболевскій. Игнатій, арх. воронежскій (1904 г.), стр. 28- 8, прим. 67.

цензуры, опредѣлилъ: возвратить означенную рукопись съ заключеніемъ, что въ ней ни одно изъ мѣстъ, подлежащихъ разсмотрѣнію духовной цензуры, не можетъ быть одобрено къ напечатанію“ [64]).

Въ статьѣ „О состояніи россійской церкви во второмъ ея періодѣ, или церкви подъ управленіемъ патріарховъ съ 1589 по 1700 г.“, было опущено, „какъ неосновательное“ слѣдующее разсужденіе: „При патріархахъ государь, при всей благонамѣренной дѣятельности, не могъ свободно дѣйствовать на образованіе духовенства и даже въ дѣлахъ гражданскаго просвѣщенія и устройства останавливаемъ былъ иною властью, которая, при большой силѣ, не могла имѣть много дальновидности. Человѣкъ, возросшій въ монастырѣ, не иначе можетъ смотрѣть на свѣтъ, какъ сквозь келейныя стекла, и не иные можетъ издавать законы, какъ келейные. Ему чужды люди такіе, какіе живутъ въ обществахъ гражданскихъ, и неизвѣстно то смѣшеніе добрыхъ и дурныхъ качествъ, то разнообразіе нравовъ, которое составляетъ необходимое условіе жизни человѣческой. Его взглядъ на жизнь всегда будетъ односторонній, косвенный, а потому и управленіе его будетъ наклонять все въ свою сторону, вкось. При томъ же на патріаршую степень восходили обыкновенно въ старости, которая по своей природѣ не любитъ дѣйствовать и даже ропщетъ на людей, живущихъ и дѣйствующихъ. Такой дряхлый правитель церкви способенъ только остановить жизнь и быть хранителемъ тлѣющей старины, а поновить и одушевить ее не въ силахъ. На все это ясныя доказательства представитъ патріаршеское столѣтіе. Тамъ, если и оказывались иногда признаки жизни, то она пробуждаема была отвнѣ. Попечительные государи Михаилъ Ѳ., Алексѣй М., Ѳеодоръ Ал. и Петръ Ал., вступившіе въ связь съ просвѣщенною Европою, рѣшились разсѣять мглу невѣжества и въ своемъ царствѣ. Часто совѣтовали патріархамъ изыскивать къ тому средства; но что сдѣлано патріархами въ пользу благочинія и духовнаго просвѣщенія? Вся заботливость ихъ о благочиніи остановилась на томъ, чтобы размножать монастыри, возвышать права и преимущества духовной власти, судить о качествахъ одежды церковной и домашней, а попеченіе о просвѣщеніи не простерлось далѣе перепечатыванія церковныхъ книгъ и безусловной борьбы съ иномыслящими“ [65]).

---

[64]) СПБ. Д. Ц. К., 1846, «о разсм. сочиненій, присланныхъ изъ свѣтской цензуры“. Ср. М. Д. Ц. К., 1847, 48, „О вліяніи русскаго духовенства и преимущественно монашества на государственный бытъ Россіи».

[65]) СПБ. Д. Ц. К., 1835, 7.

Одновременно исключены были изъ другой статьи нѣкоторыя мѣста, «несогласныя съ Іерархіей Россійской Церкви и даже оскорбительныя», какъ напр.: „Состояніе духовныхъ весьма различно, смотря по степени, которую они занимаютъ въ іерархіи. Тогда какъ митрополиты, архіепископы, епископы и архимандриты живутъ во всякомъ довольствѣ,—большая часть духовенства съ трудомъ удовлетворяетъ нуждамъ своимъ“. СПБ. Д. Ц. К., 1835, 39.

Настоящему остракизму стало подвергаться въ сороковые годы все то, что касалось новѣйшаго—синодальнаго періода русской церковной исторіи. Вотъ, напримѣръ, отзывъ о статьѣ „Ѳ. Прокоповичъ", предназначенной для "Русской Бесѣды". Въ этомъ описаніи жизни „архіепископа новгородскаго и первенствовавшаго члена св. синода цензура нашла многія мысли, кои могутъ произвести вредъ и соблазнъ".

„Въ Литвѣ Елеазаръ встрѣтилъ препятствіе, по причинѣ исповѣдываемой имъ православной церкви, назвался уніатомъ и даже вступилъ въ братство витебскаго базиліанскаго монастыря подъ именемъ Елисея!..

„Пролагая себѣ дорогу къ сердцу обладателя Россіи, Прокоповичъ ласкалъ и любимца царскаго.

„Помоги, прибавилъ Петръ В. при пріобщеніи, моему невѣрію...

„Не стало Петра Вел., и царедворцы (какъ всегда бываетъ, когда наслѣдіе престола не упрочено при жизни самодержцемъ) приступили къ исполненію своихъ честолюбивыхъ видовъ, не помышляя о благѣ отечества: одни желали себѣ присвоить власть, другіе отклонить удары, могшіе ихъ постигнуть.

„По повелѣнію синода государыня (Анна Іоанн.) была провозглашена самодержавною. Верховный совѣтъ еще надѣялся ограничить власть царскую новою присягою.

„Этотъ пастырь (Ѳеодосій Яновскій), честолюбивый, дерзкій, самонадѣянный, желалъ въ то время упрочить за собою верховную власть надъ духовенствомъ, домогался высокаго званія патріарха, и не страшился Ѳеофана.

„Въ 1732 г. Ѳ. Прокоповичъ, желая показать усердіе свое Бирону, предалъ Ѳ. Лопатинскаго тайной канцеляріи".

Даже положительныя черты характера Ѳеофана, отмѣченныя авторомъ статьи, не встрѣтили сочувствія въ цензорѣ:

„Ѳеофанъ наставлялъ его (Кантеміра), несмотря на то, что послѣдній задѣвалъ духовныхъ въ своихъ сатирахъ.

„Ѳеофанъ замѣтилъ Ломоносова и, на вопросъ о его происхожденіи, услышавъ, что юноша выдаетъ себя дворяниномъ, сказалъ ему: не бойся ничего, хотя бы со звономъ въ большой московской соборной церкви колоколъ стали тебя публиковать самозванцемъ,—я твой защитникъ".

„Въ общемъ, сказано въ заключеніи цензурнаго комитета, новгородскій архіепископъ Ѳеофанъ изображенъ здѣсь въ ужасномъ видѣ. Поэтому и вся статья, какъ содержащая такія мѣста, которыя могутъ произвести вредъ и соблазнъ относительно Верховной власти.., относительно Св. Синода и его Членовъ, не можетъ быть одобрена для помѣщенія въ журналѣ" [66]).

---

[66]) СПБ. Д. Ц. К., 1841, 6. Составленная тогда же записка „Краткія историческія свѣдѣнія о св. синодѣ» очутилась въ числѣ дѣлъ секретныхъ. Туда же была зачислена и „Историческая записка проф. Устрялова о духовныхъ

Систематическая борьба съ отраженіями подлинной церковной жизни въ литературѣ сопровождалась, безспорно, осязатель-

именіяхъ въ Россіи". См. секр. дѣла канц. оберъ-прокур. св. синода, 1833, 143 и 1841, 162.

Въ дополненіе къ отмѣченнымъ фактамъ очищенія духовной цензурой историческихъ сочиненій,—судьбою произведеній Загоскина можно охарактеризовать ея отношеніе къ области историческаго романа.

Если „Юрій Милославскій", какъ было упомянуто выше, пострадалъ, главнымъ образомъ, по навѣтамъ синодальной типографіи,—за „готическія литеры", то „Аскольдова могила" была „растерзана духовною цензурою" (какъ выражались современники) за соблазнительный характеръ своего содержанія.

Комитетъ свѣтской цензуры, куда первоначально поступила книга, хотя и находилъ въ ней мѣста, возбуждавшія сомнѣніе, но тотчасъ старался ослабить послѣднее своими разсужденіями, напримѣръ: I) „В. кн. Владиміръ, къ лицу святыхъ церковью причтенный, представляется жестокимъ, порочнымъ и даже развратнымъ, но таковымъ онъ описывается до принятія христіанской вѣры всѣми, какъ свѣтскими, такъ и церковными историками, что и авторъ въ предисловіи доказываетъ. II) Нѣкто старецъ Алексѣй, названный іереемъ, объясняетъ молодому язычнику Всеславу святость христіанской вѣры, но какъ это ученіе болѣе начальное и неподробное, то, кажется, можно пропустить оное безъ отношенія въ духовную цензуру" и т. д. Впрочемъ, по полученіи второй части рукописи, гражданская цензура, признавъ оба тома относящимися къ книгамъ собственно духовнаго содержанія, направила ихъ въ цензуру Сергіева посада.

Дух.-цензурный комитетъ прежде всего, конечно, обратилъ вниманіе на тѣ же мѣста, которыя отмѣтила и свѣтская цензура. Только онъ уже не былъ склоненъ приводить какіе-либо доводы въ пользу ихъ оставленія въ рукописи. Отзывъ относительно изображенія въ романѣ языческой жизни кн. Владиміра онъ отложилъ „до окончанія повѣсти, гдѣ должно быть описано обращеніе его въ христіанство и добродѣтельная жизнь". Первоначально комитетъ остановился на частностяхъ. Особенно интересно слѣдующее, приводимое по черновику, умствованіе цензоровъ съ тѣми возраженіями, которыя они сами себѣ ставили: „Въ наставленіи іерея Алексѣя не должна быть помѣщена притча о блудномъ сынѣ почти точными словами св. писанія [безъ означенія, откуда взяты въ нее (нужно ли это прибавлять?)], ибо благомыслящій читатель, не ожидая въ романической повѣсти встрѣтить слово Божіе,—встрѣтивъ оное, огорчится, а неблагомыслящій и неопытный, не умѣя отличать онаго отъ слова человѣческаго по внутреннему достоинству (при томъ же текстъ притчи помѣщенъ въ рукописи по русскому переводу безъ отличенія онаго отъ прочаго текста рукописи), прочтетъ ихъ безъ надлежащаго вниманія и уваженія".

Это и другія подобныя замѣчанія заставили Загоскина сдаться. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ сообщилъ комитету: „По требованію цензуры я исправилъ повѣсть: Всеславъ не принимаетъ уже за Пресвятую дочь Алексѣя Надежду и даже въ разговорѣ съ ней и слова сего не употребляетъ. Притчу о блудномъ сынѣ, которую дозволено было мнѣ пересказать не иначе, какъ она разсказана въ св. писаніи,—я исключилъ совсѣмъ изъ моей повѣсти... Въ эпилогѣ III части я вывожу в. кн. Владиміра христіаниномъ и, какъ явныя доказательства святости и торжества религіи Христовой, представляю его не жестокимъ и развратнымъ, но образцемъ кротости и всѣхъ добродѣтелей христіанскихъ".

Но дѣло успѣло уже значительно осложниться. М. Филаретъ, по полученіи изъ конференціи академіи ежемѣсячнаго отчета, предписалъ цензурному комитету немедленно представить въ синодъ свое мнѣніе о сочиненіи Загоскина. Мнѣніе „во всемъ было утверждено" центральной властью. Въ виду такого высокаго вниманія къ произведенію Загоскина, комитетъ и по разсмот-

ными для цензуры результатами. „Нескромные взоры“ почти не проникали въ церковные архивы. Не одинъ историческій талантъ отстранилъ отъ себя широкія задачи, сознавая, что впрямь „странная задача: прагматическая исторія въ наше время, при нынѣшней цензурѣ и источникахъ, не очищенныхъ и не разработанныхъ критически“ [67]).

Далѣе, хотя и являлись охотники посвящать свои силы правдивому описанію современнаго положенія церкви, но совсѣмъ уже не было охотниковъ помѣщать ихъ произведенія.—Въ книгѣ „О православномъ бѣломъ и черномъ духовенствѣ въ Россіи“ живо изображены роковыя препятствія, стоявшія предъ авторами. „...Третій редакторъ укажетъ вамъ на полку въ шкафѣ и прибавитъ:

рѣніи исправленной и законченной „Аскольдовой могилы“ предпочелъ изложить свой отзывъ въ обоюдныхъ выраженіяхъ. Особенно не хотѣлъ онъ примириться съ отрицательными чертами въ характерѣ просвѣтителя Россіи. „Впечатлѣніе, доказывалъ онъ, производимое мѣстами повѣсти, гдѣ св. кн. Владиміръ представленъ до принятія христіанской вѣры жестокимъ, порочнымъ и даже развратнымъ, не уничтожается тѣмъ, что сочинитель въ эпилогѣ повѣсти говоритъ объ обращеніи Владиміра въ христіанство. Но, при исторической вѣрности сихъ изображеній, впечатлѣніе, ими производимое, ослабляется нѣсколько тѣмъ, что иное высказывается въ видѣ упрека отъ лица, непріязненнаго Владиміру, иное приписывается царедворцамъ В.; а когда является дѣйствующимъ самъ В., то характеръ его изображается нерѣшительнымъ, впрочемъ, съ сильнѣйшими наклонностями къ добру, нежели каковы поползновенія ко злу. Между тѣмъ, не могутъ быть одобрены слишкомъ рѣзкія выраженія на счетъ В., получающія особенную силу отъ того, что влагаются въ уста,—хотя злодѣю Блуду, но злодѣю съ сильной волей, съ крѣпкимъ умомъ и котораго сочинитель, противъ приговора о немъ исторіи, представляетъ дѣйствующимъ по побужденіямъ патріотическимъ“.

И на этотъ разъ м. Филаретъ не преминулъ обратить вниманіе синода на повѣсть, „допускающую такое смѣшеніе предметовъ священныхъ и свѣтскихъ, отъ котораго нельзя не опасаться соблазна, когда книга поступитъ въ руки людей всякаго рода, читающихъ книги сего рода“... Синодъ, на основаніи этого представленія, поручилъ оберъ-прокурору Нечаеву снестись съ министерствомъ народнаго просвѣщенія, чтобы оно вмѣнило въ обязанность свѣтской цензурѣ разрѣшить изданіе „Аскольдовой могилы“ лишь подъ условіемъ совершеннаго очищенія мѣстъ, замѣченныхъ духовной цензурою. М. Д. Ц. К., 1833, 10.

Въ другихъ случаяхъ, когда возбуждать вопросы о сакральномъ значеніи буквъ и лицъ не приходилось, представители духовной цензуры съ той же энергіей принимались оспаривать точность историческихъ показаній беллетристики. Ее смущали нѣкоторые анахронизмы и поэтическіе вымыслы такихъ разсказовъ, какъ „День въ Троице-Сергіевой лаврѣ“, „Вечеръ въ Симоновомъ монастырѣ“, „Утро въ Новоспасскомъ монастырѣ“... Конечно, она дѣйствовала здѣсь „на основаніи“ данныхъ ей директивъ, и по-своему была права. Тѣмъ не менѣе, гораздо основательнѣе поступали авторы такихъ повѣстей. Одинъ изъ нихъ, небезызвѣстный въ свое время Иванчинъ-Писаревъ, такъ защищалъ избранный имъ родъ литературы: „Я рисковалъ еще тащиться по обветшалымъ слѣдамъ Карамзина, и вы весьма счастливо замѣтили, что я писалъ не для ученыхъ, не для археологовъ. Зато мнѣ плетется вѣнокъ отъ нашихъ дамъ! Съ какимъ восторгомъ, нѣсколько для меня смѣшнымъ, читаютъ онѣ мнѣ мои распѣвы и божатся за себя и своихъ дочекъ, что никогда не рѣшатся читать одни числа и годы, розыски и доводы“. (Жизнь... Погодина, кн. VI, стр. 115).

[67]) Никитенко. Записки и дневникъ, т. I, стр. 375.

вы доставляете статью о духовенствѣ? да что мнѣ съ нею сдѣлать? Вотъ смотрите у меня цѣлыя полки, или цѣлый ящикъ заваленъ такими же статьями, да духовная цензура ни одной не пропускаетъ. Четвертый разскажетъ вамъ, какъ онъ или его сотрудникъ по нѣскольку разъ должны были ѣздить къ духовному цензору, выдерживать съ нимъ борьбу, чуть не бородинскую битву за мысли, за выраженія, за слова даже. Знаете ли, добавитъ онъ, что мнѣ часто одна статья о духовенствѣ стоитъ гораздо болѣе хлопотъ и непріятностей, чѣмъ цѣлая книжка. Пятый чего добраго, выслушавши васъ, спроситъ съ саркастической улыбкой: вы, вѣроятно, не петербургскій, не московскій житель? вѣрно вы еще въ первый разъ хотите явиться въ печатномъ мірѣ?.. Иначе бы вы не стали писать о духовенствѣ" [68]).

Зато, можетъ быть, ни въ чемъ другомъ не обнаружилась такъ ясно недальновидность цензуры, какъ въ этомъ ея отношеніи къ постепеннымъ проблескамъ реализма.—Когда пробилъ часъ и вскрылись затворы,—явилось возмездіе. Мстителемъ выступилъ даже не изстрадавшійся авторъ, а самый фактъ, дотолѣ замалчиваемый. Всякое выхваченное изъ дѣйствительной жизни сообщеніе, уже благодаря своей новизнѣ, пріобрѣтало силу откровенія. „Прикажите непремѣнно написать отвѣтъ на книгу о сельскомъ духовенствѣ, взывалъ, напр., къ м. Филарету А. Н. Муравьевъ. Вы молчите, а книга сія, какъ ядъ, производитъ глубокія язвы въ высшемъ кругу, и ей вѣрятъ какъ Евангелію" [69]).

Не обогащенное фактическими свѣдѣніями обыденное сознаніе оказалось особенно чуткимъ и воспріимчивымъ къ самымъ крайнимъ взглядамъ. И если его раньше легко гипнотизировали оффиціальныя увѣренія: „Le passé de la Russie a été admirable, son présent est plus que magnifique...", то теперь съ силою набатнаго колокола поражалъ приговоръ: „Прошлое русскаго народа темно, его настоящее ужасно, но у него есть права на будущее" [70]).

---

[68]) Стр. 14. (Лейпцигъ, 1864).

[69]) Письма духовныхъ и свѣтскихъ лицъ къ м. м. Филарету, стр. 289, отъ 26 янв. 1859 г., по поводу распространенія изданной за границей книги І. Бѣллюстина.

[70]) А. И. Герценъ. Собр. сочин., т. V, стр. 263.

ГЛАВА IX.

Духовенство и цензура въ первой половинѣ XIX вѣка.

„Почему духовные молчатъ?“—не одинъ разъ на протяженіи полувѣка повторяется этотъ печально-негодующій вопросъ современниковъ [1]. Его вызывала и крайне слабая отзывчивость духовенства на религіозныя нужды паствы съ церковной каѳедры, и незначительное,—далеко не соотвѣтствовавшее численности духовенства и запросамъ читателей, участіе его въ разныхъ отрасляхъ литературы.

Не принимая на себя задачи дать полный историческій отвѣтъ относительно всѣхъ—іерархическихъ, экономическихъ, научно-образовательныхъ причинъ этого молчанія, остановимся лишь на причинахъ цензурнаго характера. Отмѣтимъ тѣ условія, которыя прямо посягали на свободу пастыря, какъ проповѣдника, и затѣмъ косвенно ограничивали его продуктивность, какъ писателя.

Какъ бы ни было сильно въ духовной цензурѣ стремленіе къ централизаціи и желаніе подвергнуть общему организованному контролю все то, что сообщается массѣ,—всегда и неизбѣжно должна оставаться одна область, необходимо требующая предоставленія извѣстныхъ полномочій мѣстнымъ силамъ. Это—область проповѣди.

Конечно, изданіе въ свѣтъ гомилетическихъ опытовъ духовенства, втеченіе всего разсматриваемаго періода, подчинялось надзору общихъ цензурныхъ учрежденій. Но, спрашивается, какъ контролировался самый процессъ живого слова, какія гарантіи были установлены для сохраненія чистоты ученія и назиданія въ проповѣдяхъ, составляемыхъ и произносимыхъ самими священнослужителями?

---

[1] А. С. С., 1817, 815. Барсуковъ. Жизнь и труды Погодина, кн. VII, стр. 164-165.

Нѣтъ недостатка въ мрачныхъ описаніяхъ образовательнаго уровня духовенства до и даже послѣ просвѣтительнаго движенія начала XIX вѣка [2]). Масса духовенства не въ состояніи была принимать какое-либо участіе въ дѣлѣ проповѣдничества. Зато тѣмъ болѣе должны были цѣниться и могли выдвигаться „ученые" іереи-проповѣдники. Они обязаны были за всѣхъ выполнять эту функцію пастырства.

Дѣйствительно, на востокѣ и на западѣ Россіи были такіе избранные, которые, даже живя въ селахъ, какъ бы приписывались къ городамъ, уѣзднымъ и епархіальнымъ, съ обязательствомъ произносить проповѣди въ соборахъ. Основаніе такому порядку было заложено еще духовнымъ регламентомъ,—его спеціальнымъ трактатомъ о проповѣди [3]). А въ какомъ положеніи находилось дѣло проповѣди въ ближайшее къ разсматриваемому періоду время,—достаточно видно изъ циркуляра 1794 года. Разосланъ онъ былъ по епархіямъ тогдашнимъ синодальнымъ оберъ-прокуроромъ М.-Пушкинымъ. Циркуляръ этотъ утверждался на незыблемомъ камнѣ того же творенія Ѳ. Прокоповича [4]).

„Извѣстно, говоритъ онъ, изъ регламента, что каждый, проповѣдывающій слово Божіе въ проповѣдяхъ своего сочиненія, долженъ быть изъ ученыхъ и свидѣтельствованныхъ въ способностяхъ къ этому. Въ регламентѣ же находиття и подробное наставленіе, изъ чего должна быть заимствована проповѣдь, какое заключать въ себѣ нравоученіе, даже какія проповѣднику употреблять тѣлодвиженія.

„Нынѣ же замѣчено, что нѣкоторые проповѣдники, отступая отъ предписанныхъ правилъ, вмѣсто полезнаго нравоученія, входятъ въ разсужденіе о другихъ стороннихъ матеріяхъ, упоминая даже о политическихъ, совсѣмъ къ проповѣди слова Божія не относящихся дѣлахъ, приводя къ тому изъ исторіи неприличные примѣры..., отъ чего могутъ произойти непріятныя слѣдствія и для самаго начальства духовнаго.

„Въ твердой надеждѣ на архипастырское попеченіе и прозорливость, предлагается епархіальнымъ архіереямъ сдѣлать немедленно распоряженіе, чтобы сочиняемыя учеными людьми проповѣди вездѣ произносимы были лишь послѣ одобренія ихъ или самими преосвященными, или вообще учеными духовными особами, имѣющими къ сему довольное просвѣщеніе и способность и снабженными потребными наставленіями" [5])...

Такимъ образомъ, не легкая ферула регламента вновь начала

---

[2]) Р. Ст. 1895., Наши мистики-сектанты, Н. Дубровина, октябрь, стр. 101, 105, 109, 115. Духовныя школы въ Россіи до реформы 1808 г. Соч. П. Знаменскаго (Казань, 1881), стр. 736, 740 и друг.

[3]) П. Собр. зак., т. VI, 3718, гл. «О проповѣдникахъ слова Божія послѣдующія регулы полезныя суть»...

[4]) Приводимъ его въ перифразѣ.

[5]) А. С. С., 1803, № 222.

тяготѣть надъ живымъ, по идеѣ, словомъ проповѣди. Еще чаще и сильнѣе задѣвало болѣе самостоятельныхъ проповѣдниковъ цензорское перо ученыхъ духовныхъ особъ. Поэтому, почувствовавъ новыя вѣянія начала XIX вѣка, нѣкоторые проповѣдники начали ходатайствовать предъ своими епископами, иногда даже предъ синодомъ объ освобожденіи ихъ отъ предварительной цензуры. Они жаловались на цензурныя придирки и замѣчанія, указывали, что ими они „пристыжаются предъ прочими учеными священниками и самой публикой, а сверхъ того отнимается у нихъ почти всякая охота къ упражненію въ какихъ-либо сочиненіяхъ и къ усердному наставленію своихъ прихожанъ“ [6]).

Въ рѣдкихъ случаяхъ епархіальные преосвященные сдавались на просьбы „не принуждать къ цензурѣ“, за то преемники ихъ по епархіи полагали уже иную резолюцію: „не знавъ совершенно ни разума, ни учености сего священника,—безъ цензуры говорить въ городѣ проповѣди дозволить ему я сумлѣваюсь“ [7]).

Впрочемъ, и внимательно относившіеся къ дѣлу проповѣдничества архипастыри (напр., черниговскій, впослѣдствіи петербургскій, Михаилъ Десницкій) не рѣшались защищать свободу проповѣди, въ виду постоянной возможности запросовъ свыше, гдѣ, притомъ, являлись иногда и краснорѣчивыя знаменія времени.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь одинъ только разборъ въ 1814 г. синодомъ,—при участіи главнымъ образомъ арх. Серафима,—проповѣди арх. Ѳеофилакта (Русанова) на занятіе Парижа могъ служить всероссійскимъ урокомъ для проповѣдниковъ и ихъ цензоровъ,—такъ характерны были въ немъ нѣкоторые пункты. Напримѣръ, четвертый пунктъ рецензіи гласитъ: „Читая изложеніе признаковъ безразсудности честолюбія, порока (по выраженію въ словѣ) низкихъ душъ, и остановясь на словахъ: *но я содрогаюсь отъ одного воображенія о несчастіи той страны, гдѣ заблаговременно ихъ не проникаютъ и не обуздываютъ*, читатель не можетъ не подозрѣвать, что проповѣдникъ подъ такими чертами и представляетъ себѣ извѣстныхъ ему лицъ. Но таковое слово подходитъ подъ претительное правило въ духовномъ регламентѣ постановленное“. Или— пятый пунктъ: „Въ ученіи, что *по всей строгости должна быть наказана щедрость неплатежемъ собственнаго долга приводящихъ въ конечное разореніе своихъ заимодавцевъ*,—нѣтъ духовнаго убѣжденія, проповѣди свойственнаго, чтобы тако согрѣшающіе покаялись, но какъ бы произносится только на таковыхъ приговоръ, долженствующій исходить не изъ устъ проповѣдника, а отъ силы и

[6]) А. С. С., 1803, 222.
[7]) А. С. С., 1803, 222; 1814, 834.

дѣйствія гражданскаго законоположенія". Заключительное же „праведное ожиданіе св. синода, что преосвященный Өеофилактъ въ поученіяхъ своихъ имѣетъ слѣдовать пастырскому своему долгу, наполняя оныя истинами, словомъ Божіимъ утвержденными, сообразно правиламъ, въ духовномъ регламентѣ о проповѣдникахъ напечатаннымъ", еще рельефнѣе оттѣнило точку зрѣнія церковной власти на критеріи проповѣднической цензуры [8]).

Тѣмъ не менѣе, конечно, еслибы эта власть лишь указывала проповѣдникамъ при всякомъ случаѣ на регламентъ,—это привело бы къ такимъ же анахронизмамъ, какіе созданы папами, во всѣ вѣка приковывающими вниманіе римскихъ богослововъ къ Өомѣ Аквинату. И вотъ, отчасти въ видахъ болѣе современной постановки дѣла проповѣди, отчасти въ цѣляхъ соединенія контроля надъ нею съ нѣкоторымъ оживленіемъ ея содержанія, новообразованная комиссія духовныхъ училищъ задалась идеей составленія сборниковъ изъ лучшихъ проповѣдей всей Россіи.

Еще въ 1808 г. синодъ сдѣлалъ по епархіямъ распоряженіе о присылкѣ въ концѣ года тѣхъ проповѣдей, которыя окажутся „полезными для назиданія, по важности слога и мыслей, въ нихъ содержащихся". Такія проповѣди предполагалось издавать на казенный счетъ, послѣ разсмотрѣнія ихъ въ синодѣ. И дѣйствительно, время отъ времени епархіальные архіереи присылали поученія ввѣреннаго имъ духовенства, конечно болѣе „ученаго".

Судя по заглавіямъ, не всѣ проповѣди были составлены по шаблону. Изъ присланныхъ, напр., въ 1815 г. изъ Казани тринадцати проповѣдей пять были посвящены событіямъ 12-го года. Но вотъ, поступали проповѣди въ цензурный комитетъ,—и память о нихъ сохранилась лишь въ видѣ краткихъ фразъ цензурныхъ записей: „прислано изъ комиссіи духовныхъ училищъ... 69,.. 33,.. 43.. слова, и за неодобреніемъ возвращены" [9])... Если принять во вниманіе, что такимъ отзывамъ положилъ начало достаточно безпристрастный архим. Иннокентій (Смирновъ), то приходится остановиться на той печальной мысли, что регламентированное въ 1720 году поле русскаго проповѣдничества не дало жизненныхъ ростковъ. И, чуткій ко всему теплому въ проповѣди [10]), Иннокентій, вѣроятно, не безъ сердечной скорби ставилъ надъ произведеніями безплодной смоковницы общій крестъ.

Между тѣмъ, время шло, и чѣмъ далѣе, тѣмъ очевиднѣе и поразительнѣе становилось невѣжество народное въ религіозномъ отношеніи.

Ко времени первоприсутствованія въ св. синодѣ митр. Ми-

---

[8]) Подробнѣе—см. И. Чистовича „Руководящіе дѣятели дух. просвѣщенія, стр. 82.

[9]) СПБ. Д. Ц. К. 1817, 8.

[10]) Жмакинъ В., Иннокентій, еписк. пензен. и сарат., стр. 67—69.

ханла относится нѣкоторое усиленіе заботъ о церковномъ проповѣдничествѣ. Была сдѣлана справка относительно прежнихъ синодальныхъ распоряженій, касавшихся преподаванія въ церквахъ катехизиса. Арх. Филаретъ (Дроздовъ) предложилъ синоду свое мнѣніе, гдѣ такъ обрисовалъ состояніе проповѣдническаго дѣла. „Поученія, читаемыя при богослуженіи изъ печатныхъ книгъ, большею частью невразумительны по языку и неприспособлены къ потребностямъ слушателей по содержанію и потому читаются нерѣдко безъ особеннаго вниманія и успѣха. Проповѣди же собственнаго сочиненія приходскимъ духовенствомъ говорятся не довольно часто, безъ соблюденія порядка во времени и предметахъ и также большею частью безъ примѣненія къ потребностямъ слушателей и къ степени ихъ развитія“.

Къ устраненію подобныхъ недостатковъ Филаретъ предлагалъ соотвѣтствующія мѣры. Съ точки зрѣнія цензуры нужно отмѣтить лишь его заботу о томъ, чтобы, при примѣненіи мыслей, чувствованій и языка катехизическихъ поученій къ состоянію слушателей, не примѣшивалось къ простотѣ что-либо низкое, грубое и смѣшное. Съ этою цѣлью онъ проектировалъ предварительное разсмотрѣніе епархіальными архіереями плановъ преподаванія, а также новый переводъ и изданіе книгъ, содержащихъ изложеніе православнаго вѣроученія [11]).

Впрочемъ, указъ синода по поднятому вопросу имѣлъ характеръ обычнаго „подтвержденія объ усиленіи церковнаго наставленія“, и о результатахъ его говорить не приходится. Нельзя было указами вызвать къ жизни то, чего, между прочимъ, не давала школа, постоянно тяготѣвшая къ отвлеченностямъ богословія на латинскомъ языкѣ. „Отсюда знаніе сухое и холодное, писалъ Филаретъ, недостатокъ дѣятельной назидательности, принужденный тонъ и безплодность поученій, неумѣніе говорить съ народомъ о истинахъ, которыя казались очень знакомыми въ училищѣ“ [12]).

Струя, влитая въ церковную проповѣдь мистическимъ движеніемъ,—отчасти, можетъ быть, вслѣдствіе тѣсной его связи съ властью и политикой,—была незначительна. Лишь немногіе высокообразованные проповѣдники въ атмосферѣ мистицизма выработали въ себѣ тихую религіозную мистику и увлекали слушателей простыми задушевными рѣчами. Менѣе талантливые или руководившіеся посторонними цѣлями легко впадали въ напыщенный тонъ, съ которымъ такъ боролись цензоры спб. комитета. Сверхъ того, и слушатели проповѣди уже переходили на слѣдующую ступень развитія. Самые даровитые духовные мистики уже встрѣчали критическое къ себѣ отно-

---

[11]) Собр. мнѣн. и отз., т. II, 138.
[12]) Тамъ-же.

шеніе [13]). Проповѣдь могла соотвѣтствовать времени, лишь органически соединивъ въ себѣ теплоту мистики со свѣжестью фактическаго содержанія. Утвержденіе паствы въ православіи не должно было развиваться на счетъ предпринятой широкой евангелизаціи общества. Живое дѣло, наконецъ, требовало къ себѣ довѣрія и свободы.

Если бы всѣ эти необходимыя условія были на лицо,—проповѣдь николаевскаго времени составила бы эпоху въ исторіи русскаго проповѣдничества. Успѣвшіе нѣсколько окрѣпнуть до перелома таланты пытались оставаться вѣрными себѣ и въ дальнѣйшемъ, а свѣжіе ростки пробивались даже сквозь толщу рутины и схоластики и оковы административныхъ регламентацій. Въ это время, какъ извѣстно, продолжали появляться новыя слова м. м. Филарета, Иннокентія; успѣли обратить на себя вниманіе сильныя ораторскія дарованія Путятина и Нордова, іер. Никанора, іер. Іоанна, В. Гречулевича и другихъ. Притомъ,—что далеко не безразлично,—въ этотъ огласительный періодъ проповѣди не только произносились, но и выслушивались: ихъ изданія ожидались съ захватывающимъ интересомъ и цѣлыми томами были переводимы на иностранные языки.

Правда, наряду съ талантами, нѣкоторые проповѣдники не смущались и теперь даже въ сельскихъ храмахъ говорить языкомъ воспитавшей ихъ „холодной школы". „Начинаемъ систематическое изложеніе догматовъ трактатомъ..."; „предлагается вамъ метафизическое ученіе о единствѣ Божіемъ",—такъ хотѣлъ поучать сельскихъ прихожанъ одинъ церковный ораторъ [14]). Другой, въ качествѣ законоучителя лицея, старался выражаться художественнѣе, распространяясь, напримѣръ, „о внутреннемъ тлѣнѣ мятежныхъ страстей, готовомъ вспыхнуть при одномъ прикосновеніи небеснаго свѣта",—о „языкѣ, раскаленномъ и скованномъ на адской

---

[13]) Какъ выразительна, напримѣръ, характеристика, данная А. Герценомъ - тогда еще студентомъ—своему университетскому законоучителю: „Отецъ Василій—восторженный мистикъ, съ душой, раскрытой всему таинственно-изящному. Въ немъ можно понять служителя церкви христовой. Я видѣлъ огонь въ его глазахъ во время преподаванія, видѣлъ слезы на его глазахъ во время литургіи, при всемъ этомъ онъ на меня дѣйствуетъ меньше, нежели этого можно было ожидать. Виной этому частью матеріалистическіе софизмы учителей (исключая Маршаля), которые хвастались своимъ esprit fort, занимавшій меня міръ политическій, непониманіе отношеній религіи къ государству, наконецъ, его мистицизмъ. Я вижу въ немъ человѣка отличнаго, высокаго, но увлеченнаго. Еслибы онъ принималъ христіанство евангельски просто, еслибы онъ не столько объяснялъ мнѣ мистическій характеръ религіи, я увѣренъ, онъ сократилъ бы путь, которымъ я достигъ бы до религіознаго воззрѣнія. Я смотрю на В. В., какъ на блестящій метеоръ, люблю его, слушаю et je passe outre. Не насталъ еще часъ религіи въ душѣ моей"... Изъ дальнихъ лѣтъ. Воспоминанія Т. П. Пассекъ, т. I, (СПБ., 1878), стр. 245.

[14]) М. Д. Ц. К., 1851, 34.

наковальнѣ“ [15]). Ораторъ-епископъ вмѣсто проповѣдей предлагалъ цѣлые трактаты, вызывая тѣмъ справедливое порицаніе митр. Филарета [16]).

Тѣмъ не менѣе всѣ эти наслоенія школьной схоластики уже не оставались безъ возраженій. „Намъ къ народу надо говорить просто“,—писалъ Филаретъ [17]). Сознаніе и отчасти примѣненіе этого принципа должно быть поставлено въ заслугу всѣмъ, кто въ эту эпоху размышлялъ объ отношеніяхъ проповѣди и жизни. „Опрощеніе“ церковнаго витійства сказалось даже на тѣхъ—правда не многочисленныхъ—образцахъ, которые время отъ времени присылались въ цензуру изъ разныхъ концовъ Россіи [18]). Наконецъ, подъ вліяніемъ новаго теченія въ проповѣди, въ значительной мѣрѣ отрѣшились отъ типа схоластическихъ руководствъ къ изученію элоквенціи и новыя, хотя бы и компилятивныя, теоріи проповѣдничества [19]).

Но вотъ почти и все, что можно поставить въ активъ тогдашней проповѣди и по чему можно было бы судить о свойствахъ ея „самой въ себѣ“, еслибы и она не была охвачена тисками тогдашняго режима. Послѣдній же не признавалъ того, что настоящее, искреннее „слово не вяжется“, связывалъ его, и, въ результатѣ, дѣлалъ проповѣдь несостоятельной предъ лицомъ смѣнявшихся запросовъ.

Проповѣдь была скудна. „Пищи духовной рѣдко попадается въ руки намъ грѣшнымъ“, писалъ въ тридцатые годы одинъ умный и наблюдательный сельскій священникъ владимірской епархіи, „и духовные писаки пустились искать философскаго камня. Обѣщали преосвященнаго митрополита проповѣди,—да и доселѣ не видимъ“... „Слава Богу, продолжаетъ онъ въ другомъ письмѣ, досталъ Иннокентія. Окончивъ его сочиненія, нечего, кромѣ московскихъ газетъ, читать будетъ,—примуся за канонникъ и акаѳистникъ: старцу чѣмъ болѣе заниматься“ [20]).

Еще интереснѣе, какъ наблюденіе лица посторонняго, слѣдующій отрывокъ изъ третьяго тома извѣстнаго нѣмецкаго путешественника по Россіи Гакстгаузена: „Нынѣ, говоритъ авторъ, поучаютъ народъ весьма многіе епископы и высшее духовенство. Однако, проповѣдь—не въ духѣ общественныхъ нравовъ и отнюдь не

---

15) М. Д. Ц. К., 1851, 32.

16) Чт. Общ. люб. дух. просвѣщ., 1877 г., январь. Письма м. Филарета къ преосв. Евлампію (Пятницкому), отъ 1837 года, стр. 6—8.

17) Тамъ-же: „Надобно и народъ вести къ духовному дѣланію, писалъ онъ же, но наставленіемъ простымъ, яснымъ, дѣятельнымъ, а не темными путями гадательнаго умствованія“.

18) М. Д. Ц. К., 1848, 9; 1850, 18; 1852, 96.

19) СПБ. Д. Ц. К., 1846, 7.

20) Хроника моей жизни. Автобіогр. записки арх. Саввы, т. I, стр. 124 и слѣд., 265.

составляетъ необходимой части богослуженія. Мало того, сказывали мнѣ, что синодъ опасается предоставить каждому попу на произволъ, говорить проповѣдь или нѣтъ, и желаетъ, чтобы они испрашивали на то разрѣшеніе епископа. Боятся злоупотребленій,—именно распространенія постороннихъ ученій и идей. Чтеніе печатныхъ гомилій и одобренныхъ проповѣдей дозволено“.

Отвѣчая на это, въ общемъ объективное, замѣчаніе Гакстгаузена, критикъ-цензоръ изъ оффиціальныхъ сферъ заявляетъ: „Напротивъ того, сказываніе проповѣдей поощряется, и, по уставу духовныхъ консисторій, священники обязаны говорить проповѣди, но, для соблюденія въ семъ важномъ дѣлѣ должной осмотрительности и особенно для руководства младшихъ священниковъ, требуется, чтобы каждая проповѣдь была представлена на просмотръ особымъ цензорамъ изъ старшаго въ епархіи духовенства“ [21]).

На основаніи фактическихъ данныхъ можно разсудить, кто правъ въ этомъ спорѣ относительно условій тогдашней церковной проповѣди.

Въ сущности, уже начальные годы царствованія имп. Николая сообщили основной тонъ для послѣдующихъ отношеній политики и гомилетики [22]). Изъ частныхъ случаевъ „ободренія священниками крестьянъ къ неповиновенію помѣщикамъ“ [23]) правительство сдѣлало выводъ о необходимости зоркаго наблюденія вообще за духовенствомъ. Подлинное его отношеніе къ церковной іерархіи очень хорошо выяснили 1830—31 годы.

Страшный призракъ, а затѣмъ не менѣе ужасный фактъ холеры, сопровождавшія ее волненія и злодѣянія, польскій мятежъ, голодъ въ разныхъ мѣстахъ,—все это стало предметомъ проповѣди оффиціально непризванныхъ лицъ. Сверхъ того, „1836“ годъ—„послѣдній“, по вычисленіямъ мистиковъ, какъ грозное memento mori для всей вселенной, вызывалъ особенную интенсивность народнаго чувства, придавалъ его выраженіямъ что-то средневѣковое [24]). Самый ходъ вещей заставлялъ обратиться къ живому пастырскому слову. Содержаніе для проповѣди въ изобиліи давала сама жизнь.

---

[21]) К. О. П. С. С., 1852, 157.

[22]) Любопытно, напр., предупрежденіе, сдѣланное митр. кіевскимъ Евгеніемъ изъ Петербурга ректору своей академіи: „P. S. Вчера бывши у преосв. Серафима, видѣлъ я присланную изъ Москвы безъимянно и неизвѣстно отъ кого выписку изъ проповѣдей и диссертацій, недавно изданныхъ здѣшнею академіею. Выписчикъ показываетъ мѣста, не хорошо и даже не православно, вопреки ученія церкви и святыхъ отцевъ, выраженныя. Это заставляетъ и меня остеречь васъ и посовѣтовать, дабы прежде изданія вашихъ академическихъ сочиненій, прислали вы ихъ ко мнѣ для разсмотрѣнія. Нареканіе на цѣлыя академіи наши есть нареканіе на всю нашу православную церковь“. (Кіевск. Стар., 1884 г., февр., стр. 303—4, отъ 12 ноября 1825 г.).

[23]) 2-ое П. С. З., т. I, 413.

[24]) Т. Пассекъ, назв. соч., стр. 351.

„Время требуетъ наставленія и народъ совершенно готовъ принимать ихъ, какъ вижу у себя, писалъ м. Филарету арх. Григорій. Обстоятельства весьма удобряютъ землю для посѣва, и ежели въ сіе время земля останется впустѣ, худо будетъ послѣ. Земля сія сама собою рождаетъ только терніе и волчцы“ [25]). И таланты—проповѣдники откликнулись на скорбь народную въ это время плача. Въ Москвѣ утѣшалъ паству м. Филаретъ. Въ Кіевѣ, по мѣрѣ возможности, освѣщалъ съ христіанской точки зрѣнія политическія и соціальныя условія народной жизни архим. Иннокентій. Архіеп. Григорій самоотверженно посѣщалъ свои епархіи: рязанскую, потомъ тверскую и пр. [26]).

Но, конечно, этого было мало. Слѣдовало въ каждомъ приходѣ вызвать на дѣятельность пастыря и дать ему возможность говорить благовременно и безвременно.

Седьмого августа 1831 года былъ изданъ высочайшій манифестъ. Въ виду совершившихся злодѣйствъ, „несвойственныхъ доброму и православному народу русскому“, возлагалось на мѣстныя начальства и помѣщиковъ особое попеченіе о порядкѣ, и преподаны были соотвѣтствующія указанія и внушенія. При этомъ, въ особомъ предложеніи синоду, государь выразилъ желаніе, „чтобы со стороны духовенства, всегда признаваемаго у насъ твердою опорою вѣры, закона и властей, Богомъ установленныхъ, оказано было въ настоящемъ случаѣ все должное содѣйствіе къ успѣшному достиженію благопріятной цѣли означеннаго манифеста“. Духовенство обязывалось втеченіе двухъ мѣсяцевъ читать манифестъ по церквамъ, стараться въ особенности назидать народъ христіанскими поученіями и бесѣдами, примѣненными къ современнымъ обстоятельствамъ, внушая смиреніе, опровергая ложные слухи объ отравѣ, возстановляя довѣріе къ врачамъ и предупреждая, что всякое сопротивленіе властямъ есть тяжкій грѣхъ, влекущій на виновнаго гнѣвъ Божій и справедливое наказаніе отъ правительства.

Во исполненіе этой высочайшей воли, синодъ разослалъ по епархіямъ секретные указы. Вмѣняя духовенству въ непре-

---

[25]) Письма духовныхъ и свѣтскихъ лицъ къ м. м. Филарету., изд. А. Н. Львовымъ, стр. 90 (отъ 5 дек. 1830 г.).

Не менѣе выразительны и слѣдующіе отрывки изъ писемъ того же лица: „На прошедшей недѣлѣ я ѣздилъ въ Зарайскъ и въ Егорьевъ, и былъ въ нѣскольких большихъ и малыхъ селеніяхъ сихъ уѣздовъ... Не могу надивиться крайней милости Божіей: я нашелъ почти вездѣ преоживленный духъ, вседушевную молитву, всесердечныя слезы, глубочайшее вниманіе къ проповѣди о покаяніи и искреннѣйшее принятіе всего сказаннаго“...

«Мы не должны быть наемниками, которые видятъ волка грядуща, и бѣгаютъ и не радятъ о овцахъ. Не вижу еще проповѣди, но призываю на васъ моремъ (?) силы и благодать Божію за сію проповѣдь. Она для овецъ весьма спасительна и непріятна только для волковъ, но ежели имъ дать волю, то въ стадѣ удобно можетъ не остаться и ни овцы“... Тамъ же, стр. 88—90.

[26]) А. С. С. 1830, 548, „о совершеніи молебнаго пѣнія по случаю холеры“.

мѣнную обязанность „неослабное и сообразное съ обстоятельствами проповѣдничество“, синодъ указывалъ и на источники поученій, разумѣя подъ ними „изложенныя предначертанія правительства“, слово Божіе и святоотеческія творенія.

Тѣмъ не менѣе, непосредственно за такимъ торжественнымъ отправленіемъ русскаго духовенства на дѣло благовѣстника,—второй пунктъ секретнаго указа гласитъ: „Причемъ принять ту предосторожность, чтобы приходскіе священники не иначе произносили проповѣди своего сочиненія, какъ по тщательномъ разсмотрѣніи и одобреніи назначенныхъ для сего въ каждомъ мѣстѣ духовныхъ лицъ, наиболѣе извѣстныхъ основательнымъ своимъ образованіемъ, правильнымъ сужденіемъ, степенностью и чистотою правилъ“ [27]).

Итакъ, и въ дни скорби живая импровизація обрекалась на анатомію тщательнаго разсмотрѣнія, и въ годину страданія передъ пастыремъ, плачущимъ съ плачущими, должна была стоять фигура „степеннаго“ цензора!.. Не удивительно, поэтому, что и въ своихъ отвѣтныхъ рапортахъ епархіальные архіереи распространялись болѣе о принятыхъ ими мѣрахъ къ огражденію отъ злоупотребленій проповѣдническимъ словомъ, чѣмъ о дѣйствительномъ ростѣ послѣдняго. Здѣсь, въ частности, не безынтересно изложить принципіально-скептическую точку зрѣнія на проповѣдь сельскаго духовенства Авраамія, арх. ярославскаго. Въ рапортѣ синоду отъ 26 октября 1831 г. онъ писалъ: „ежели по мѣстнымъ обстоятельствамъ ярославской губерніи можно сомнѣваться о слѣдствіяхъ твердаго, особами высшихъ умовъ составленнаго и разсмотрѣннаго увѣщанія [28]), кольми паче близко такое сомнѣніе о сочиненіяхъ, какія будутъ излагать и разсматривать недостигшіе полной зрѣлости въ просвѣщеніи и опытности пастыри церкви“.

Послѣ всего этого, понятно, что, когда прекратилась „язва Давидова“ [29]), возстанія и голодъ,—робкіе опыты самостоятельнаго выраженія мыслей и чувствъ должны были значительно стушеваться. Правительство уже не только не имѣло основаній поощрять жизненность проповѣдей, но, напротивъ, забывъ „чистую преданность духовенства престолу и отечеству на оселкѣ 1825 года, вѣрность его правительству во время польскаго мятежа“,—даже усилило къ нему свою подозрительность [30]). Для характеристики послѣдней достаточно упомянуть о томъ, что самъ хранитель государственныхъ тайнъ митрополитъ Филаретъ въ то время едва не былъ осужденъ за свои слова. Какъ

---

[27]) Тамъ же.

[28]) Синодальнаго (тамъ же).

[29]) Извѣстное сравненіе м. Филарета (см. Барсуковъ. Жизнь... Погодина, кн. III, стр. 199—204).

[30]) Собр. мн. и отз. м. Филарета, т. II (1837 г.), № 228.

извѣстно, проповѣдь его отъ 18 сент. 1830 г., на текстъ объ избраніи Давидомъ наказанія, вызвала продолжительный гнѣвъ имп. Николая I-го. Черезъ министра двора Волконскаго ему былъ сдѣланъ строгій выговоръ и угроза отправить митрополитомъ въ Грузію. „Филаретъ смиренно покорился и разослалъ новое слово по всѣмъ церквамъ, въ которомъ пояснялъ, что напрасно стали бы искать въ текстѣ первой проповѣди какое-нибудь приложеніе къ благочестивѣйшему императору, что Давидъ—это мы сами, погрязшіе въ грѣхахъ. Разумѣется, тогда и тѣ поняли первую проповѣдь, которые не добрались до ея смысла сразу“ [31]).

Отыскать что-либо болѣе яркое, чѣмъ изложенная политика холерныхъ лѣтъ, нелегко даже въ николаевское время. Въ сравненіи съ „систематической организаціей“ проповѣдническаго слова въ этотъ моментъ всенародныхъ бѣдствій, дальнѣйшія—до 1848 года — преступленія и наказанія отдѣльныхъ „служителей слова“ естественно носятъ характеръ частныхъ эпизодовъ. Сверхъ того, нельзя отрицать, что, при всей методичности тогдашняго цензурнаго режима, напряженность его была неравномѣрна. Это сказалось даже въ вѣдомствѣ цензуры иностранной, гдѣ такъ долго царилъ всегда единый Красовскій. Какъ видно, напримѣръ, изъ сравнительныхъ статистическихъ данныхъ, даже тамъ количество „абсолютно запрещенныхъ“ [32]) книгъ на нѣкоторыхъ языкахъ за одинъ—два „крамольныхъ“ года почти равнялось индексу за весь промежуточный періодъ [33]). Въ виду этого, можно бы было ожидать нѣкотораго хотя бы потворства и дѣлу проповѣди. Но какъ разъ, взамѣнъ опеки правительственной, вступилъ въ свои права пуританскій надзоръ за чистотою проповѣди со стороны власти церковной.

Много высказано характернаго для освѣщенія тогдашнихъ условій проповѣдническаго слова въ письмѣ прот. I. Кочетова къ пр. Иннокентію, отъ 25 августа 1842 г., по поводу предпринятаго имъ отдѣльнаго изданія серіи бесѣдъ подъ заглавіемъ „Послѣдніе дни земной жизни Іисуса Христа“.

„Голгофа“ [34]), пишетъ Кочетовъ, которой появленія читающая публика такъ давно съ нетерпѣніемъ ожидаетъ..,—Голгофа, поступившая на судъ къ судіѣ благонамѣренному, доброжелательному, полному искренняго уваженія къ автору ея, усердно желающему слушать тѣ громкія похвалы, которыми должно сопро-

[31]) добавляетъ Скабичевскій. Очерки..., стр. 226-7. Защитникомъ м. Филарета явился кн. А. Н. Голицынъ. Ср. письма разныхъ лицъ къ м. м. Филарету, изд. А. Н. Львовымъ, стр. 21 (отъ 28 сент. 1831 г.).

[32]) „Въ отличіе отъ недопускаемыхъ лишь къ свободному въ публикѣ обращенію“.

[33]) К. О. П. С. С. 1852, 242.

[34]) Сокращенное названіе изданія „Послѣдніе дни..“

вождаться появленіе ея въ образованной публикѣ,—Голгофа, съ чистымъ усердіемъ много разъ смотрѣнная и пересмотрѣнная, внимательно и превнимательно читанная и перечитанная, то съ однимъ воззрѣніемъ на ея изящество, съ однимъ удивленіемъ красотамъ ея, то со строгимъ вниманіемъ къ ея духу, при заботливомъ сравненіи его со строгимъ духомъ настоящаго времени, которое на всѣхъ и на все смѣло кладетъ клеймо еретичества и неправославія, то съ желаніемъ споспѣшествовать громкой славѣ автора, то съ тревожнымъ страхомъ за отличную о немъ репутацію нач.... и за другія недобрыя послѣдствія, которыхъ нельзя не предусматривать,—эта Голгофа, для собственной безопасности и для предотвращенія всякихъ недобрыхъ толковъ и перетолковъ, шума, гама и тревоги, скоро возвратится въ свой кабинетъ. Это не по одному приговору судьи, но и по мнѣнію всѣхъ, искренно уважающихъ автора ея, даже по сердечному совѣту владыки, къ которому не разъ было объ ней писано и который, выслушавъ замѣчаніе судьи, повѣрялъ вѣрность ихъ собственнымъ разсмотрѣніемъ". И далѣе, въ утѣшеніе адресата, авторъ письма поучаетъ: „Всякое время имѣетъ свой духъ, и всякій духъ имѣетъ свое время. Въ свѣтѣ то хорошо, то въ уваженіи, въ ходу и въ модѣ, что сообразно съ духомъ настоящаго времени. Чтобы Голгофѣ въ настоящее время со славою явиться въ свѣтъ, для этого, по моему мнѣнію, необходимо снять съ нея всѣ цвѣты, кусты и кустарники, которые перенесены на нее изъ новѣйшей Европы, и которыми она вся покрыта, и на мѣсто ихъ перенести изъ древне-христіанской Греціи растенія и древа, которыя и цвѣтутъ хорошо и плодами богаты" [35]).

Нелишне еще разъ повторить афоризмъ письма: „Въ свѣтѣ то хорошо, то въ уваженіи, въ ходу и въ модѣ, что сообразно съ духомъ настоящаго времени". Эта приспособляющаяся мораль не ограничилась, къ сожалѣнію, скромными рамками письма. Ея оппортунизмомъ, иногда утонченнымъ, иногда неприкрытымъ прельщалось независимое по идеѣ слово. Въ области проповѣди скорѣе, чѣмъ въ чемъ-либо другомъ, сказалось стремленіе „угадывать мысль, которая теперь въ модѣ и покровительствуется сильными".

Восхваленіе всякаго правительственнаго мѣропріятія, благоденствіе церкви, процвѣтаніе православія сдѣлалось излюбленной темой „современныхъ" проповѣдей [36]). Съ недоумѣніемъ и скорбью наблюдали слушатели, какъ угодливость воцарялась на амвонѣ.

[35]) Матеріалы для біографіи арх. Иннокентія., Н. Барсова, вып. II. Письма прот. Кочетова, стр. 15-16.

[36]) О тонѣ ихъ можно судить по слѣдующимъ отрывкамъ изъ „назидательныхъ размышленій о холерѣ" 1848 года, составленныхъ „по приказанію" свыше цензоромъ-протоіереемъ Окуневымъ (Въ скобкахъ поправки особаго цензора). „Благочестивѣйшій Государь сдѣлалъ противъ болѣзни самыя спаси-

и какъ даже свѣтила проповѣдничества въ иные моменты не удерживались на высотѣ положенія [37]).

Во всякомъ случаѣ, когда ораторы, окружавшіе себя призраками уюта и безмятежія, услышали изъ правительственныхъ сообщеній о западныхъ нестроеніяхъ конца сороковыхъ годовъ, они уже были въ состояніи произносить вполнѣ благонамѣренныя слова. При мало развитомъ и заботливо усыпляемомъ критическомъ отношеніи къ дѣйствительности, къ язвамъ тогдашней руской жизни, они изощрялись въ принципіальныхъ противопоставленіяхъ съ одной стороны гнилыхъ, а съ другой „спасительныхъ началъ" [38]).

Однако, къ этому времени критеріи благонамѣренной разработки политическихъ темъ успѣли совершить въ сознаніи правительственной власти дальнѣйшую эволюцію. Въ частности, мысль, что церковная проповѣдь, по самому существу своему, должна являться живымъ изложеніемъ идей Библіи и многому давать оцѣнку, не совпадающую съ оффиціальнымъ освѣщеніемъ, смущала администраторовъ типа Бутурлиныхъ, Анненковыхъ и т. п.

Примѣромъ могутъ служить междувѣдомственныя сношенія 1851 года относительно проповѣди митр. Филарета „о свободѣ". Найдя ее, по отзывамъ слушателей, твореніемъ образцовымъ, московскій военный губернаторъ Закревскій выразилъ желаніе, чтобы она, „въ видахъ общихъ", скорѣе появилась въ Московскихъ вѣдомостяхъ. Попечитель,—состоявшій вмѣстѣ съ тѣмъ предсѣдателемъ цензурнаго комитета,—направилъ ее къ министру народнаго просвѣщенія Ш.-Шихматову. Но и тотъ счелъ за благо представить ее сначала на высочайшее усмотрѣніе при такомъ докладѣ: „хотя я нахожу, что слово м. Филарета опредѣляетъ

тельныя распоряженія... Исполненія ихъ желаетъ Всемилостивѣйшій Государь нашъ, того требуетъ его премудрость, человѣколюбіе и вѣра. Не смѣй же никто противиться желанію (=какъ же дерзать кому-либо не сообразоваться съ такимъ желаніемъ) Монарха (=Отца отечества).

„Пусть каждый строжайше избѣгаетъ праздности, работаетъ и трудится, какъ всегда, по долгу своего званія, съ миромъ совѣсти, спокойствіемъ духа, и остерегается только изнуренія и упадка силъ. Это вѣрныя также средства отъ холеры. Высшій классъ, который больше употребляетъ ихъ, меньше и умираетъ"... (К. О. П. С. С., 1848, 41068).

[37]) Жизнь... Погодина, кн. VI, 385; IX, 190.

[38]) „Пріятно видѣть на страницѣ двадцать пятой вашего отчета", лебезилъ въ письмѣ къ Пратасову проф. Шевыревъ, „что и проповѣдь не оставлена, а процвѣтаетъ болѣе, чѣмъ когда-либо. Въ 1848 году особенно радостно было замѣтить, сколько вдохновленныхъ голосовъ раздалось изъ разныхъ концовъ Россіи отъ духовныхъ нашихъ пастырей по случаю западныхъ событій. Представители церкви говорили одушевленнѣе и убѣдительнѣе всѣхъ литераторовъ, потому что они всегда оставались неуклонно вѣрны кореннымъ русскимъ началамъ. Вѣроятно, мы прочтемъ объ этомъ въ отчетѣ вашего сіятельства на будущій годъ". (К. О. П. С. С., 1848, 41049).

истинную свободу человѣка правильно и согласно съ ученіемъ христіанскимъ и потому не усматриваю съ своей стороны затрудненія къ напечатанію онаго, при всемъ томъ, по важности самого предмета и по уваженію къ лицу проповѣдника, я считаю долгомъ всеподданнѣйше представить на предварительное благоусмотрѣніе вашего императорскаго величества".

„Можно"—послѣдовала резолюція [39]).

Въ результатѣ, слѣдовали одно за другимъ подтвержденія объ усиленіи цензурой вниманія къ опытамъ проповѣдничества, о запрещеніи печатать ихъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ безъ разрѣшенія центральныхъ духовно-цензурныхъ комитетовъ, наконецъ,—внушенія неосторожнымъ ихъ авторамъ [40]). И, если нужно говорить о послѣдствіяхъ всего этого, достаточно прочесть сентенцію м. Филарета изъ письма его къ епископу тульскому Алексію [41]): „По моему мнѣнію, печатать проповѣдь инспектора (о крестьянахъ) не должно, и, если попроситъ предводитель, то сказать, что, хотя писана она съ добрымъ намѣреніемъ изобразить благопопечительность государя императора о благѣ подданныхъ, но, какъ частію касается предмета, еще находящагося на разсмотрѣніи и не разрѣшеннаго, то разсуждено не предавать ея дальнѣйшей гласности... Вопросъ о крестьянахъ, развивалъ митрополитъ свою мысль въ томъ же письмѣ, темный, спорный, не разрѣшенный, не позволяющій еще предвидѣть, какое будетъ рѣшеніе, таковъ, что о немъ только по необходимой обязанности говорить можно и то съ большою осторожностью.. Въ спорныя подробности входить не наше дѣло; и можетъ случиться, что мы не угадаемъ мысли правительства, еще не довольно раскрытой, и въ такомъ случаѣ напрасно сойдемъ съ церковной дороги, чтобы по дорогѣ политической оступиться въ яму".

Однако, какъ ни старалось духовенство не идти далѣе „угадыванія мыслей правительства",—оно не пріобрѣло даже искренняго довѣрія послѣдняго. Напримѣръ, въ относящейся къ 1855 году запискѣ: „Внутреннее положеніе въ Россіи въ 1855 году" находятся слѣдующія строки: „Духовенство наше, какъ и вездѣ, имѣетъ сильное вліяніе на массу народа... Нѣтъ мѣры зоркости, которая была бы достаточна относительно лицъ, этотъ классъ составляющихъ. Я не буду говорить ни о пасторахъ разныхъ сектъ, ни о ксендзахъ разныхъ орденовъ, особенно враждебныхъ пра-

---

[39]) Р. Арх., 1897, I, стр. 335. Двѣ цензуры.

При напряженности положенія, опасенія шли далѣе. „Изреченія, взятыя на выдержку изъ славянскаго текста св. писанія, сообщалъ, напримѣръ, синоду комитетъ 2 апрѣля, безъ перевода и особенно безъ поясненія оныхъ, едва ли доступны понятіямъ солдатъ и могутъ давать поводъ къ произвольнымъ и даже превратнымъ толкованіямъ". К. О. П. С. С., 1852, 249.

[40]) К. О. П. С. С., 1850, 44247.

[41]) Уже отъ 21 февраля 1859 г.; (М. 1884, стр. 193).

вительству, ни о раввинахъ и муллахъ; но обращу вниманіе только на нашихъ священниковъ, изучившихъ богословіе съ точки зрѣнія философической, а потому проникнутыхъ съ юныхъ лѣтъ болѣе или менѣе Западомъ... Вліяніе такихъ священниковъ на народъ, конечно уже не таково, какъ это было въ 1812 г. Предметъ этотъ, по особенной важности своей, требуетъ пространнаго развитія“... [42]).

Теперь нѣсколько словъ въ разъясненіе того, „почему духовные молчали“ въ области научно-литературной, почему даже ихъ современники, сами пропагандировавшіе лозунгъ: „времена шатки, береги шапки“ [43]), не могли, однако, удержаться отъ спеціальнаго укора по адресу духовенства. Не было ли какихъ-нибудь исключительныхъ условій, которымъ было подчинено это сословіе на путяхъ науки и литературы?

Такія чрезвычайныя мѣры охраны, конечно, существовали. Еще вѣдь при самомъ учрежденіи духовной цензуры господствовала идея сдѣлать ее формой и закономъ мышленія по преимуществу для духовенства. И только благодаря порывамъ александровскаго времени, не мирившимся съ узкими формами, была на время обезпечена и относительная независимость духовныхъ авторовъ и переводчиковъ [44]). Но, какъ и всегда, они очутились въ числѣ первыхъ, кого новый режимъ приговорилъ „къ пожизненному трепету“.

Мотивы и дѣйствія опекуновъ духовнаго сословія были различны. Одни считали долгомъ отечески оберегать чистоту и святость званія своихъ духовныхъ собратій и, въ предупрежденіе соблазна, пріучать ихъ къ осторожности. Другіе призывали къ радикальному очищенію церкви отъ пастырей, распространяющихъ „ученія неправыя и мудрованія противохристіанскія“. Третьи, реакціонеры—постепеновцы, мечтали о созданія въ представителяхъ богословской мысли „твердаго умоначертанія“ чрезъ возвращеніе духовной школы къ классицизму, признавая его самой основательной цензурой для жаждавшей самодѣятельности мысли.

На практикѣ, впрочемъ, эти разнообразные оттѣнки церковной политики выразились въ одномъ результатѣ,—въ заботѣ объ усиленіи цензурнаго надзора за сочиненіями духовныхъ авторовъ. Средствомъ для этого служило закрѣпленіе ихъ за цензурою церковною и постоянное давленіе на нихъ путемъ начальственныхъ внушеній и церковно-административныхъ взысканій.

---

[42]) Р. Стар. 1901 г., мартъ стр., 582. Записка составлена неизвѣстнымъ по желанію гр. Ѳ. В. Ридигера, проектировавшаго учрежденіе «военной полиціи».
[43]). Барсуковъ. Жизнь Погодина, кн. XI, 365.
[44]) Ср. выше, стр. 32.

Первой и, безспорно, одной изъ самыхъ роковыхъ,—мѣрой охраненія достоинства сана духовныхъ литераторовъ явилась „новелла" 1822 года. Она устанавливала предварительное разсмотрѣніе сочиненій духовенства епархіальными архіереями. Инициаторомъ этого синодальнаго опредѣленія, кажется, безошибочно можно назвать архіепископа московскаго Филарета. По крайней мѣрѣ, этотъ указъ состоялся сразу же по возведеніи его на московскую каѳедру, имѣлъ въ виду частный случай изъ дѣятельности московскаго духовенства, и, наконецъ, именно въ московскихъ предѣлахъ всего ревнивѣе сохранялся въ послѣдующее время.

Умирающая московская цензура прислала въ Петербургъ обычный рапортъ о пропускѣ и отсылкѣ въ синодальную типографію проповѣди священника Бѣликова. Въ отвѣтъ на это синодъ постановилъ слѣдующее: „Такъ какъ слово, говоренное священникомъ Бѣликовымъ, вошло въ цензуру безъ вѣдома и безъ посредства епархіальнаго начальства и священнику Бѣликову, прежде представленія того слова въ цензуру, въ намѣреніи напечатать его, слѣдовало испросить на то позволеніе отъ епархіальнаго своего преосвященнаго, то, въ сохраненіе на будущее время сего порядка, московской духовной цензурѣ предписать указомъ, чтобы сочиненія духовныхъ лицъ принимаемы были въ цензуры и достойныя по разсмотрѣніи одобрялись къ напечатанію не иначе, какъ ежели тѣ сочиненія войдутъ туда съ вѣдома и разсмотрѣнія епархіальнаго преосвященнаго".—Въ частномъ письмѣ на имя предсѣдателя цензуры Іакова Никольскаго архіеп. Филаретъ пояснялъ: „Полезное сдѣлаете, если предписанное вашей цензурѣ сообщите и академическому комитету, какъ относящееся и до его исполненія" [45]).

Такимъ образомъ печатные труды духовныхъ лицъ подпали minimum двойной цензурѣ, чаще же обязаны были пройти три или даже четыре инстанціи. И первой изъ нихъ являлась наиболѣе субъективная, наиболѣе зависимая отъ мѣстныхъ вліяній цензура епархіальная... Полная картина дѣяній этой нелегализированной уставомъ и неоформленной цензуры, безъ сомнѣнія, не можетъ быть возстановлена. Есть основанія полагать, что большая часть литературныхъ опытовъ провинціальныхъ авторовъ прошла вполнѣ безслѣдною стезей, и не вышла за предѣлы епархіальныхъ городовъ [46]). И только по нѣкоторымъ слѣдамъ, сохранившимся въ цензурныхъ архивахъ, можно отчасти выяснить характеръ и значеніе этой ультра-предварительной цензуры въ общей системѣ духовно-цензурнаго надзора,

---

[45]) М. Д. Ц. К., 1823, 2.

[46]) „Представилъ я архіерею груду катехизическихъ бесѣдъ, прочелъ, замѣтилъ, благодарилъ и только". „Хроника моей жизни", арх. Саввы, т. I, стр. 344. Письмо свящ. В. Богородскаго отъ 31 окт. 1847 г.

О сохраненіи прерогативъ епископской цензуры болѣе всего ревновали члены комитета въ Сергіевомъ-посадѣ. Съ опасеніемъ слѣдили они, чтобы не пропустить въ печать безъ вѣдома митрополита Филарета сочиненія, принадлежащаго кому-либо изъ духовенства московской епархіи [47]). А это пріучало цензоровъ къ такому же педантизму и въ другихъ случаяхъ, даже тамъ, гдѣ епископскія отмѣтки не выдерживали и сравненія съ авторитетными для нихъ резолюціями митрополита.

Безъ епископской резолюціи рукописи духовныхъ авторовъ не принимались къ разсмотрѣнію. „Поелику, говорится въ одномъ отзывѣ, рукопись есть сочиненіе саратовской губерніи протоіерея Герасима Геналѣева, и неизвѣстно, имѣетъ ли означенный протоіерей дозволеніе епархіальнаго преосвященнаго на напечатаніе своего сочиненія, то рукопись возвратить безъ разсмотрѣнія“. Или: „Такъ какъ въ рукописи не прописано, что она представлена съ дозволенія епархіальнаго начальства, а по указу св. синода сіе требуется непремѣнно, и другіе представляютъ или при указахъ консисторіи, или въ самомъ прошеніи прописываютъ, что съ благословенія епархіальнаго начальства представляютъ, то дать знать о. протоіерею, чтобы представилъ дозволеніе епархіальнаго начальства“. Авторъ, впрочемъ, объяснилъ, что онъ „докладывалъ о томъ высокопреосвященнѣйшему архипастырю Филарету и получилъ словесное его высокопреосвященства дозволеніе, но въ прошеніи не упомянулъ, потому что не почиталъ то для комитета цензуры нужнымъ“ [48]).

Зато другіе авторы изъ духовенства, заручившись архіерейскимъ благословеніемъ, старались пользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы оказать на комитетъ нѣкоторое давленіе. Такъ, въ одномъ прошеніи авторъ какъ бы мимоходомъ замѣчаетъ: „трудъ свой я имѣлъ счастье представить Высокопреосвященному Филарету, Митрополиту Московскому и Коломенскому и разныхъ орденовъ Кавалеру. Его Высокопреосвященство благоволилъ приказать оную рукопись препроводить въ цензурный комитетъ для разсмотрѣнія. Исполняя приказаніе..., прошу принять...“ [49]).—Другой авторъ, отправляясь изъ захолустнаго городка въ столицу съ своимъ литературнымъ дѣтищемъ, вносилъ отмѣтку объ архіерейскомъ разрѣшеніи въ свой паспортъ [50]).—Третій напередъ посвящалъ свой трудъ мѣстному епархіальному преосвященному, и для послѣдняго, такимъ образомъ, нелегкое дѣло безпристрастнаго „свидѣтельствованія“ осложнялось новыми искуше-

[47]) М. Д. Ц. К., 1838, 66; 103.
[48]) М. Д. Ц. К., 1830, 29; ср. 1832, 62; 1840, 83.
[49]) М. Д. Ц. К., 1835, 5.
[50]) М. Д. Ц. К., 1832, 61.

ніями... О тѣхъ струнахъ, затронуть которыя въ душѣ владыки казалось для авторовъ иногда небезполезнымъ, хорошо говоритъ слѣдующій отрывокъ изъ рецензіи Ѳ. Голубинскаго на переводъ ярославскаго священника Головщикова: „Въ посвященіи рукописи арх. ярославскому Аврааму есть лишніе комплименты и выраженія необработанныя. Неправильно называется преосвященный Авраамъ Главою Церкви. Нужно передѣлать и написать короче"[51]).

Несмотря, однако, на то, что представлять сочиненія съ вѣдома епархіальнаго начальства было непремѣннымъ условіемъ дальнѣйшаго ихъ движенія въ специальной цензурѣ,—для послѣдней компетенція епархіальнаго начальства такъ и осталась невыясненной. Члены цензуры видѣли въ препроводительныхъ бумагахъ или на первомъ листѣ рукописи разнообразныя по формѣ, но одинаково неопредѣленныя резолюціи: „читано", „не возбраняется", рѣже: „Богъ благословитъ", „признаю достойнымъ напечатанія"[52]). Лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти шаблонныя формулы сопровождались поясненіями въ письмахъ или указаніями при личныхъ встрѣчахъ преосвященныхъ съ цензорами. Изъ этихъ разъясненій члены комитетовъ могли видѣть, что, напримѣръ, м.м. Филаретъ не склоненъ былъ придавать своимъ резолюціямъ безусловнаго значенія, а особенно принимать на себя отвѣтственность за полную исправность рукописи въ цензурномъ отношеніи. Онъ своими ремарками настраивалъ цензуру на желательный ему ладъ, но заключалъ свои мнѣнія смиреннымъ: „что тутъ дѣлать приказали бы цензоры?"[53]).

Вообще же подлинное значеніе и степень авторитетности епископскаго разрѣшенія всегда оставались неуловимыми для духовныхъ цензоровъ—пресвитеровъ и отчасти смущали ихъ. Уже, напримѣръ, въ 50-хъ годахъ м. Филаретъ долженъ былъ давать такое толкованіе указу 1822 года: „Думаю, отецъ ректоръ, писалъ онъ архим. Алексію, что вамъ не должно похвалою преосвященнаго ярославскаго стѣсняться въ сужденіи о книгѣ, которая не выдерживаетъ основательной критики. Похвала преосвященнаго не защититъ академію отъ нареканія въ случаѣ одобренія книги недостойной одобренія. Надобно судить по правдѣ: а для смягченія несогласія съ мнѣніемъ преосвященнаго можно упомянуть, что оно, вѣроятно, произнесено по снисхожденію, для поощренія сочинителя къ лучшему" [54]).

Ближайшимъ слѣдствіемъ мѣстнаго надзора за мыслью была непобѣдимая робость авторовъ. Такъ, въ отвѣтъ на пригла-

[51]) М. Д. Ц. К., 1831, 30.
[52]) М. Д. Ц. К., 1833, 33; 1832, 12.
[53]) Письма м.м. Филарета къ архим. Алексію (изд. 1883), стр. 94.
[54]) Письма къ... Алексію, стр. 98. (Ср. выше, стр. 433).

шеніе Погодина сотрудничать въ Москвитянинѣ, историкъ Горскій, выражая согласіе, пишетъ: „Но и здѣсь та же просьба, какъ и выше (т. е. не дѣлать извѣстнымъ моего имени). Одна изъ причинъ та, что мы, духовные, обязываемся прежде печатанія своихъ сочиненій просить на то благословенія епархіальныхъ преосвященныхъ. Есть и другія. Между тѣмъ, для истины, которой Господь призвалъ служить, все равно, какая бы ни была подписана литера подъ статьею... Я говорилъ о вашемъ предложеніи о. ректору Филарету, который одинъ и знаетъ здѣсь обо всемъ, что я пишу къ вамъ. Онъ также не отказывается, при случаѣ, сообщить что-нибудь для вашего журнала, но съ тѣмъ же условіемъ, чтобы его имя не было объявленнымъ“ [55]).

Такъ же старались обезопасить себя и многіе другіе авторы. „Насилу то я собрался дать литературную форму вашей статьѣ о предразсудкахъ, писалъ своему шурину-священнику даровитый Иринархъ Введенскій. Вчера ее кончилъ и отослалъ въ журналъ „Отечественныя записки“, гдѣ она будетъ напечатана въ этомъ мѣсяцѣ. Я хотѣлъ подписать подъ нею фамилію, но разсчиталъ, что вы можете подвергнуться непріятности отъ вашего архіерея, и потому просто подписалъ подъ нею: сельскій житель К. Это лучше“[56]).

Опасенія подначальныхъ, произволъ и невниманіе власть имѣющихъ являлись существенною причиною обѣдненія духовной литературы. Справедливое негодованіе по поводу такого положенія дѣлъ содержится въ одномъ изъ писемъ прот. І. Рождественскаго къ І. Базарову: „Получили ли вы какой-нибудь отвѣтъ на свой проектъ объ ученомъ журналѣ?—спрашивалъ онъ Базарова. Вы полагали, что его препроводятъ въ академическую конференцію. Этого не сдѣлано доселѣ. Я слышалъ отъ кого-то, что гр. Толстой передавалъ проектъ митрополиту здѣшнему, а у него онъ затерялся между многими другими бумагами. Правда ли? По соображенію, это представляется весьма вѣроятнымъ. Такъ затерялся нѣкогда у другого митрополита еврейскій лексиконъ Г. П. Павскаго; такъ теряется теперь у кого-то изъ владыкъ новозавѣтная исторія Мих. Изм—ча (Богословскаго), такъ потерялись сотни разныхъ сочиненій, преимущественно дѣльныхъ, у разныхъ владыкъ, цензоровъ, гг. овичей и евичей, и прочихъ блюстителей правовѣрія“[57]).

Приведенное письмо Горскаго о сохраненіи литературнаго инкогнито его и его друга весьма интересно не только при сужденіи объ епархіальной цензурѣ. Оно вообще характеризуетъ настроеніе авторовъ при наличности тогдашнихъ церковно-адми-

[55]) Барсуковъ. Жизнь... Погодина, кн. V, стр. 351; ср. кн. VII, 165; V, 181 и 207.
[56]) Р. Арх., 1901 г., V, 114.
[57]) Р. Ст., 1901, V, 296.

нистративныхъ условій. Умоляли о тайнѣ тѣ, которыхъ самъ м. Филаретъ,—по своей инпціативѣ и по порученію свыше,—вызывалъ на поле литературной дѣятельности. Вѣдь, именно въ тѣ годы къ ректору московской академіи Филарету было адресовано слѣдующее письмо митрополита: „Говорилъ мнѣ издатель журнала министерства (народнаго) просвѣщенія [58]), что онъ хочетъ отнестись къ вамъ и къ профессору прот. Голубинскому съ приглашеніемъ доставить ему что-либо въ его журналъ. Я бы совѣтовалъ принять сіе приглашеніе. Когда соберемся мы издавать свой журналъ? Между тѣмъ недовѣрчиво спрашиваютъ, что у насъ думаютъ, особенно по философіи. Пусть бы что-нибудь прочитали и увидѣли, что мы, по благости Божіей, мудрствуемъ въ цѣломудріи. Скажите сіе о. протоіерею“ [59]).

Призывъ не нарушилъ молчанія Голубинскаго: въ слабой степени откликнулись на него и другіе. Одна изъ причинъ сквозитъ въ самомъ письмѣ. М. Филаретъ весьма кстати сохранилъ въ немъ мотивировку Сербиновича. Въ самомъ дѣлѣ, не жгучимъ интересомъ къ философіи, охватившимъ тогда московскіе „кружки любомудрія“, былъ продиктованъ этотъ призывъ, а главнымъ образомъ—желаніемъ провѣрить „цѣломудріе“ мысли собственныхъ философовъ; въ лучшемъ случаѣ—желаніемъ похвалиться ихъ непорочностью.

Всякое отступленіе духовныхъ мыслителей отъ философскаго цѣломудрія каралось съ особенною строгостью. Это вполнѣ обнаружилъ инцидентъ съ профессоромъ философіи въ петербургской академіи священникомъ Ѳ. Ѳ. Сидонскимъ.

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ Сидонскій долженъ былъ прекратить ученую дѣятельность въ академіи, за чтеніе лекцій по введенію въ философію. [60]). Вскорѣ тѣ же лекціи онъ обработалъ для печати. „О возможности получить разрѣшеніе на печатаніе этой книги отъ духовной цензуры нечего было и думать; Сидонскій представилъ рукопись въ свѣтскую, что и вызвало бурю противъ автора. Недоброжелатели его въ высшемъ духовномъ мірѣ негодовали на него не только за изданіе книги, которую находили очень либеральною, но и за то, что авторъ ея,

[58]) Сербиновичъ.

[59]) «Письма Филарета м.м. къ Филарету Гумилевскому». Приб. къ твор. св. отц. 1883, кн. 4, стр. 678—9, отъ 31 октября 1838 года.

[60]) Въ запискахъ арх. Леонида изложены воспоминанія объ этомъ дѣлѣ м. Филарета: „На публичномъ испытаніи оберъ-священникъ Кутневичъ, замѣтивъ неправомысліе, вступилъ съ нимъ (Сидонскимъ) въ состязаніе. Я на экзаменѣ не присутствовалъ. Мнѣ сказали и представили его уроки. Прочитавъ уроки, я далъ мнѣніе, что лучше его отпустить изъ академіи. Онъ опредѣлился въ Казанскій соборъ, издалъ свое „Введеніе“ и пріобрѣлъ расположеніе свѣтскихъ. Такъ какъ все это передано подробно м. Серафиму, то, пока м. Серафимъ здравствовалъ, Сидонскій, по крайней мѣрѣ, не былъ отличаемъ, а вотъ теперь и Сидонскій вышелъ въ люди“. Р. Арх., 1906, 4, стр. 610.

священникъ, осмѣлился печатать свое сочиненіе съ дозволенія не духовной, но свѣтской цензуры [61]).

„Были назначены особые рецензенты [62]). Книгу прочитали, раскритиковали и представили куда слѣдуетъ". Правда, въ виду нежеланія церковной власти обострять отношенія къ свѣтской цензурѣ, критика „не имѣла оффиціальныхъ послѣдствій". Но тѣмъ не менѣе и принятая еще ранѣе домашняя мѣра—изгнаніе навсегда могучаго таланта изъ аудиторіи,—и послѣдующая многолѣтняя опала, чуть ли не до конца жизни Сидонскаго, сдѣлали свое дѣло.

Свое моральное состояніе, послѣ такого удара, Сидонскій тогда же изобразилъ въ письмѣ къ Погодину,—секретарю общества любителей словесности. „Извѣщеніе ваше [63])... очень много меня порадовало. Послѣ тѣхъ,—или, можетъ быть, лучше,—среди тѣхъ непріятностей, какія испыталъ я, частью передъ выходомъ моей книги, частью послѣ онаго, сами согласитесь, пріятно узнать, что есть нѣсколько людей образованныхъ, которые умѣютъ цѣнить и одобрять труды ученые. Ваше участіе въ дальнѣйшихъ моихъ трудахъ вознагражу, не имѣя чѣмъ больше,—искренностью. Теперь я занятъ составленіемъ небольшой исторіи церкви Христовой. Предметъ этотъ давно занималъ меня; скучное изложеніе (схематическое), въ какомъ онъ былъ представленъ доселѣ, заставляетъ жалѣть, что золото мало получаетъ блеска въ своей оправѣ. Желаніе мое—представить постепенное развитіе церковнаго устройства и ученія въ тѣсной связи однихъ обстоятельствъ съ другими. Но, по тому началу, которое уже сдѣлано, вижу, что подобному сочиненію трудно будетъ протѣсниться сквозь узкія врата духовной цензуры, въ которыхъ остаются не только клочки шерсти, но и чего нибудь побольше самыхъ смирныхъ овечекъ. Но, кажется, все подвигается къ лучшему. По крайней мѣрѣ, то явленіе, что „Часы благоговѣнія" шли не черезъ духовную цензуру, мнѣ пріятно. Только ради Бога не извѣщайте о семъ нашихъ духовныхъ" [64])...

Если справедливо было предположеніе многихъ, что удаленный изъ академіи вмѣстѣ съ Сидонскимъ краснорѣчивый Делекторскій пострадалъ за критическое отношеніе къ проповѣдямъ митрополита Филарета [65]), если не забывать, что въ тѣ же

---

[61]) В. Евр. 1883, VIII, 594. Петербургская духовная академія при гр. Пратасовѣ. Сравн. Записки и дневникъ Никитенко, т. I, стр. 323 и „Біогр. словарь студ. спб. дух. ак., А. Родосскаго, СПБ. 1907, стр. 436—39.

[62]) „Къ искреннему сожалѣнію, выражаясь словами Ростиславова, покойный профессоръ академіи Карповъ имѣлъ слабость не отказаться отъ участія въ этомъ походѣ на честнаго труженника и дѣятеля по философіи".

[63]) Объ избраніи Сидонскаго въ члены общества.

[64]) Барсуковъ. Жизнь Погодина, кн. IV, 242.

[65]) В. Евр. 1883, VIII, 590—1.

годы происходили секретныя испытанія Г. Павскаго, архм. Иннокентія, то, при такой обстановкѣ, не голословнымъ являлось утвержденіе современниковъ, что печальная судьба Сидонскаго могла послужить страшнымъ моральнымъ „ударомъ лѣтъ на двадцать пять для нашего, и безъ того робкаго, духовенства“ [66]).

О наступленіи полосы особеннаго недовѣрія къ духовенству на переломѣ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ уже сказано выше. Лишь уступчивость м. Филарета, обнаруженная имъ въ согласіи на переработку его катехизиса, послужила громоотводомъ для „принадлежащихъ къ вертоградамъ духовнымъ“. Но академіи былъ данъ достаточный урокъ: „Можетъ быть, соглашался митрополитъ, подлинно нынѣ болѣе вниманія обращено на ихъ недостатки, нежели на то, что въ нихъ лучшее, и отсюда происходитъ желаніе преобразовать, какъ кому разсуждается, вмѣсто истиннаго исправленія и усовершенія. Но удобно ли защищать, когда защищаемые иногда подкапываютъ сами себя?... Жаль..., и на это уже я не въ первый разъ жалуюсь, что, при сильныхъ напоминаніяхъ объ осторожности, еще оказывается у насъ или беззаботная или самонадѣянная неосмотрительность“ [67]).

Разыгравшееся же вскорѣ дѣло о переводѣ Павскаго пріобрѣло значеніе второго предостереженія. Насколько глубокое впечатлѣніе оставило оно въ умахъ, показываетъ эволюція научно-литературныхъ взглядовъ самого Павскаго. Вся она можетъ быть представлена тремя цитатами изъ писемъ его къ Иннокентію— отъ 1838, 1842 и 1851 года.

Въ первомъ случаѣ предъ нами ученый съ опредѣленными задачами и перспективами: „Весь прошедшій годъ употребленъ мною на приведеніе въ порядокъ прежнихъ моихъ филологическихъ соображеній, а въ нынѣшнемъ году надѣюсь кончить ихъ и обратить вниманіе на Библію и церковность“.

Въ срединѣ рокового 1842 года Павскій, по поводу своихъ „филологическихъ наблюденій“, уже пишетъ: Скажете: вотъ какія занятія избралъ человѣкъ, который могъ бы углубляться въ богословскія истины. Но богословскія истины уже обдуманы и обдѣланы столько, сколько требуется для служенія Богу съ вѣрою и любовію. При томъ же обдѣлка богословскихъ истинъ и поясненіе св. писанія соединены не только съ трудами, но и съ большими опасностями. Найдется довольно проницательныхъ людей, которые на каждой страницѣ усмотрятъ или умышленно отыщутъ по нѣскольку еретическихъ мыслей; если же не усмотрятъ прямо, то предположатъ по своимъ дальновиднымъ соображеніямъ. Ужъ такъ нынѣ настроены люди. Въ филологиче-

---

[66]) Барсуковъ. Жизнь и труды Погодина, кн. IV, стр. 176.

[67]) Письмо къ архим. Филарету (Гумилевскому). Приб. къ твор. св. отц., 1883, кн. 4, стр. 679,—отъ 12 ноября 1838 г.

скихъ соображеніяхъ этой опасности не предвижу. Отступать отъ общихъ мнѣній и выставлять новыя предположенія тамъ позволительно".

Наконецъ, третье письмо содержитъ итоги и комментаріи къ нимъ... „Недалеко отъ 70 лѣтъ, которые и во времена Давидовы считались полнымъ числомъ человѣческаго возраста. „Дней лѣтъ нашихъ всего до семидесяти лѣтъ". Переходить въ другую область не боюсь, зная, что не во зло употребилъ данные мнѣ дни жизни подсолнечной. Посылаю вамъ второе изданіе моихъ филологическихъ наблюденій, къ которымъ присоединилась при этомъ изданіи новая часть. Не осуждайте меня, что я занялся такими мелочами. Когда нѣтъ возможности посвящать свое время на лучшее, тогда и занятіе мелочами не постыдно. Когда нѣтъ возможности идти далѣе азбуки, тогда и азбука стоитъ того, чтобы занимать ею себя и другихъ и называть ее книгою" [68]).

Пятидесятые годы имѣютъ своихъ собственныхъ „свидѣтелей" [69]). Особенно выразительнымъ представляется дѣло о книгѣ

[68]) Матеріалы для біогр. Иннокентія, вып. II. стр. 24-27.

[69]) Если страданія, причиняемыя «независящими обстоятельствами», усиливаются съ повышеніемъ сознательности, если незаурядная личность интенсивнѣе томится муками слова, то именно въ такомъ положеніи очутилась въ разсматриваемую эпоху группа заграничнаго духовенства. Члены, входившія въ составъ ея, какъ отборныя зерна, готовы были развиваться на новой почвѣ, соотвѣтственно личнымъ симпатіямъ каждаго лица. Работы въ богатыхъ библіотекахъ, съ широко раскрытыми дверями, непрерывное общеніе съ лицами самыхъ разнообразныхъ взглядовъ въ значительной мѣрѣ способствовали расширенію ихъ кругозора. Съ того берега заграничные священники могли объективнѣе судить о стоявшихъ въ то время на очереди вопросахъ и живѣе откликаться на нихъ. Въ болѣе свободной атмосферѣ самая рѣчь ихъ становилась независимѣе, увѣреннѣе.

Но тяжело было этимъ передовымъ людямъ, когда они брались за перо, когда они желали сообщить другимъ свои мысли и чувства. Не разъ, иногда втеченіе десятилѣтій, странствовали ихъ рукописи между петербургской цензурой и какимъ либо городомъ западной Европы, пока, въ лучшемъ случаѣ, въ урѣзанномъ и очищенномъ видѣ, имъ не удавалось пробиться сквозь родныя тѣснины.

Такъ, протоіерей парижской церкви Вершинскій, желавшій познакомить русскихъ агіологовъ съ новыми матерьялами, добытыми имъ въ мѣстныхъ библіотекахъ, «получилъ разрѣшеніе напечатать свои святцы почти черезъ десять лѣтъ по представленіи ихъ въ цензуру». (О православномъ бѣломъ и черномъ духовенствѣ, Лейпцигъ, 1864, стр. 11. Также СПБ. Д. Ц. К., 1845, 19).

Далѣе—можно назвать члена копенгагенскаго общества сѣверныхъ антикваріевъ, санскритолога прот. Сабинина. «Многія изъ его работъ, замѣчаетъ І. Базаровъ, по части истолкованія пророческихъ книгъ помѣщались въ «Христіанскомъ чтеніи», еще большія остались въ рукописяхъ, какъ не выдержавшія чистилищнаго огня тогдашней цензуры».—Достаточную острастку получилъ еще на студенческой скамьѣ, Тарасій Серединскій, впослѣдствіи настоятель церкви въ Неаполѣ и Берлинѣ, извѣстный въ свое время литургистъ. Ср. «Руководящіе дѣятели», И. Чистовича, стр. 345-6.

Еще тягостнѣе, даже сравнительно съ этихъ жребіемъ людей науки, было положеніе заграничныхъ священниковъ—публицистовъ по природѣ. Ихъ нравственную пытку характеризуетъ монологъ изъ воспоминаній протоіерея въ

священника Сокольскаго. — Будучи преподавателемъ тверской духовной семинаріи, онъ составилъ учебникъ всеобщей граждан-

---

Штутгартѣ І. Базарова. «Все это (т. е. религіозно-философское движеніе на Западѣ) знать и видѣть, не имѣя возможности съ кѣмъ-нибудь подѣлиться своими впечатлѣніями, было очень тяжело. Писать ли обо всемъ этомъ? Я писалъ, но писалъ для себя. Тогда не такое было время, чтобы написанное можно было и печатать. У насъ боялись давать знать о чемъ-нибудь соблазнительномъ, происходившемъ даже за предѣлами Россіи. Поэтому мнѣ и думать было нечего о сообщеніи своихъ наблюденій надъ церковною жизнью въ Германіи въ какой-нибудь изъ русскихъ церковныхъ журналовъ, какъ это дѣлается теперь. По счастью, бывшій тогда директоръ духовно-учебнаго управленія К. С. Сербиновичъ приглашалъ циркуляромъ всѣхъ заграничныхъ нашихъ священниковъ участвовать своими трудами въ издаваемомъ подъ его главною редакціею журналѣ министерства народнаго просвѣщенія. Воспользовавшись этимъ, я сталъ писать ему свои наблюденія; онъ, хотя и ни одного не напечаталъ, но ободрялъ мои, какъ онъ выражался, интересныя сообщенія, говоря, что они читаются съ большимъ вниманіемъ членами св. синода. Ободренный этимъ, я началъ составлять цѣлые трактаты и о религіозномъ движеніи въ Германіи, и обзоръ догматической науки и литературы, и обозрѣнія журналовъ и періодическихъ изданій духовнаго и церковнаго содержанія по годамъ. Все это такъ и осталось гдѣ-нибудь въ архивахъ, а можетъ быть и совсѣмъ затерялось. Такъ, по крайней мѣрѣ случилось съ моимъ обзоромъ философско-догматическаго ученія въ Германіи въ связи съ политическими событіями 1848 года, написаннымъ мною для покойнаго митрополита Григорія, по его собственному желанію. Спустя годъ послѣ его смерти, мнѣ былъ присланъ черезъ консисторію запросъ, не находится ли у меня черновой этой статьи, и не могу ли я воспроизвести ее. Но, къ сожалѣнію и стыду моему, я долженъ сознаться, что никогда черновыхъ сочиненій у меня не имѣлось». (Русск. Ст. 1901, 11, 298 9).

Достаточно успѣлъ понять, что значитъ сказать не во время хотя бы два слова и. Порфирій Успенскій. Не скоро было забыто то мѣсто его отчета о палестинской командировкѣ, гдѣ онъ, изъ печальнаго примѣра сирійской церкви, извлекъ мораль, что и для развитія церкви необходима свобода. „Книга бытія моего“, ч. III (СПБ., 1896), стр. 137-8.

Неудивительно, поэтому, что чуть ли не самыми настойчивыми сочинителями изъ духовнаго сословія являлись тѣ, которымъ уже нечего было терять, и по разсчетамъ которыхъ литература даже могла дать облегченіе ихъ печальной участи. Изъ Ростова, Коневца, Переяславля, Слуцка, Пошехонья, Кіева регулярно поступали въ цензурные комитеты литературные опыты такихъ же неудачниковъ въ наукѣ и поэзіи, какъ и въ жизни. (К. О. П. С. С., 1848, 41.114). Своеобразной, трагикомической мелодіей проникнуты ихъ прошенія. Авторы-неудачники изъ свѣтскихъ, стараясь разжалобить цензоровъ, вводили въ свои прошенія незатѣйливые доводы. Чаще всего попадалось прозаическое: «занимаясь литературой для поддержанія многочисленнаго семейства, я пріемлю дерзновеніе умолять»... (К. О. П. С. С., 1848, 41.071). Духовныя же особы, о которыхъ здѣсь рѣчь, «архимандриты на іеромонашеской порціи», уволенные префекты, сосланные протоіереи, льстили, вспоминали свои заслуги, жаловались на удаленіе отъ служенія церкви «по однимъ непріязненнымъ намѣреніямъ» (К. О. П. С. С., 1846, 37.405), и т. д. Впрочемъ, вотъ въ копіи одно изъ «жалобныхъ писемъ»: «Въ спб. духовно-цензурномъ комитетѣ находится шесть моихъ книгъ; рѣшенія не видно. По высочайшему указу отъ 14 апрѣля 1829 г., сочинители по духовному званію сопричисляются къ ордену св. Анны, чего хотя я и не желаю, но я скорблю, что не имѣю и наперснаго креста, слѣдующаго мнѣ по службѣ и ученымъ трудамъ; къ представленію же сего награжденія я ничѣмъ не могу убѣдить мѣстное свое начальство, особенно настоятеля—архим. Поли-

ской исторіи. Къ этому побудили его разнаго рода причины: недостатки устарѣлаго руководства по данному предмету; прямое

карпа, который отказываетъ мнѣ въ справедливости, потому что мои сочиненія были на виду у вашего сіятельства, но не удостоены вниманія. И сверхъ сего оный настоятель, на основаніи 36 пункта дух. регламента, по коему воспрещается писать монашествующимъ только соблазнительныя письма, отобралъ у меня всѣ сочиненія, на лицо находящіяся, какъ то: три книги поэмы «Александръ Благословенный» и «Псалтирь», переложенную мною въ стихи, и лишаетъ даже свободы заниматься оными сочиненіями (К. О. П. С. С., 1853, 136).

Другой авторъ, сосланный архимандритъ, также настойчиво выводилъ въ свѣтъ свою поэму (на одну изъ ветхозавѣтныхъ темъ), несмотря даже на то, что по его собственному, вполнѣ правильному, силлогизму:—

«Что плохо есть—все то не годится,
Стихи сочинителя сего плохи,
Слѣдовательно они не годятся,
Что же не годится, то извергаютъ вонъ,
Стихи сочинителя сего плохи,
Слѣдовательно они извержены будутъ вонъ».
(К. О. П. С. С., 1843, 23).

Не обходилось и здѣсь, такимъ образомъ, безъ страданій, безъ своеобразныхъ «мукъ слова». Однако понять эти муки въ ихъ высшей напряженности, въ отвлеченіи отъ кумировъ, «ордена св. Анны», можно лишь ознакомившись съ современными «записками». «апокалипсическими толкованіями» и пр. Они служатъ краснорѣчивымъ показателемъ того, какъ въ герметически закупоренномъ котлѣ безплодно скоплялась энергія духа и какъ угнетающе дѣйствовала полная невозможность огненными искрами разрядить эту энергію. Грозныя посланія ревнителей по призванію епархіальная и центральная власть обыкновенно изъясняла «безуміемъ, или разстройствомъ умственныхъ способностей сочинителя». (А. С. С. 1841, 4; 1836, 1548. Ср. ст. въ Русск. Стар. за іюль 1907 г.: «Безуміе духовнаго публициста»).

Нельзя отрицать, что нѣкоторый моноидеизмъ данныхъ произведеній, иногда сектантская рѣзкость тона, давали поводъ подбирать нужныя квалификаціи изъ области психіатріи. Но настоящія «конечныя причины» безумія лежали глубже. Ихъ можно иллюстрировать на одномъ, выхваченномъ изъ тогдашней жизни, примѣрѣ.

Пѣвчій православной церкви въ Веймарѣ Стрѣлинскій представилъ Пратасову въ 1844 г. рукопись. Трудъ его имѣлъ цѣлью доказать происхожденіе всѣхъ царей Европы отъ Израильтянъ. Въ частности, по его убѣжденію, «нынѣ въ Россіи живущіе Варіаги произошли отъ Варіи, послѣдняго сына Ефрема, сына Іосифа Іизраилева и состоятъ изъ девяти поколѣній сыновъ Варіиныхъ». Стрѣлинскій и себя уже именовалъ «Ѳалайскимъ Варіагомъ».

Какъ и слѣдовало ожидать, первымъ результатомъ присылки явился слѣдующій запросъ со стороны Сербиновича веймарскому протоіерею Сабинину: «По странному изложенію сей просьбы и по темнотѣ мыслей сочинителя, прошу сообщить свѣдѣнія объ образѣ мыслей и поведеніи Стрѣлинскаго, не замѣтно ли въ немъ какого-либо разстройства и какія къ тому могли бы быть причины»... Въ своемъ отвѣтѣ Сабининъ сообщилъ, между прочимъ, такія психологическія наблюденія: «Стрѣлинскій, писалъ онъ, очень добръ сердцемъ;--трезвъ до того, что кромѣ воды совершенно не пьетъ, прилеженъ до безконечности... Протекло около двадцати лѣтъ, что онъ занимается около двѣнадцати часовъ въ сутки своимъ предметомъ и исписалъ множество бумаги, но невѣроятно, чтобы онъ, не имѣя предварительнаго образованія, т. е. не зная ни логики, ни грамматики, ни даже русскаго правописанія, могъ сдѣлать что-либо полезное для ученаго свѣта... Отъ долговременнаго занятія своимъ предметомъ ему представляется,

предписаніе устава духовно-учебныхъ заведеній—въ преподаваніи каждой науки всегда держаться на одной линіи съ последними открытіями и успехами въ ея области (§ 112); наконецъ, неоднократныя предписанія академическихъ правленій о составленіи руководствъ по различнымъ предметамъ.

Начавъ свой трудъ въ 1845 году, Сокольскій представлялъ его по частямъ семинарскому начальству; не скрылъ своей рукописи и отъ ревизовавшаго семинарію историка Макарія (Булгакова). Везде встречая сочувственное отношеніе и поощреніе, Сокольскій, наконецъ, решилъ представить свое сочиненіе въ духовную цензуру. При этомъ, желая точно обозначить цель его, онъ далъ ему названіе: „Всеобщая гражданская исторія для классическаго и домашняго употребленія".

Петербургскій духовно-цензурный комитетъ отослалъ, однако, рукопись, по принадлежности, въ гражданскую цензуру, где, после двукратнаго разсмотренія и исправленія, она была одобрена къ напечатанію. Мало того, еще до выпуска изъ типографіи руководство Сокольскаго было передано для спеціальнаго просмотра въ комитетъ по разсмотренію учебныхъ пособій при министерстве народнаго просвещенія. Указанія комитета также были приняты авторомъ во вниманіе. Лишь после всего этого цензурный комитетъ выдалъ установленный билетъ. Но Сокольскій, какъ писалъ онъ потомъ въ своемъ объясненіи, и „тогда не дерзнулъ и доселе не дерзаю, по полученіи права на продажу,

что все то, что перебывало въ его голове, можетъ быть, тысячи разъ, должно быть известно каждому земнородному..., какъ и ему самому. Почему онъ уже не стыдясь пишетъ то, что другому можетъ представляться нелепостью и безуміемъ. Образовался у него и языкъ, только ему одному свойственный, потому что, въ продолженіе двадцати двухъ летъ пребыванія заграницею, читалъ только Библію и церковныя книги, не читавъ, между темъ, ни одной строчки по русски.

„Теперь, писалъ въ заключеніе Сабининъ, уже восьмой годъ, какъ я знаю его, и всегда находилъ его страннымъ въ выраженіи мыслей, не примечая, впрочемъ, помешательства въ уме. Надобно полагать, что многолетнее умственное напряженіе ослабило его душевныя силы, но этого ослабленія въ обыкновенныхъ разговорахъ непримѣтно. По службе онъ исправенъ, въ домашней жизни скроменъ и тихъ и живетъ теперь совершеннымъ анахоретомъ»... Въ заключеніе находится «P. S. Если надежда его на сочиненіе, отъ котораго онъ ожидаетъ многаго, обманетъ его, то онъ наверное потеряетъ разсудокъ». (К. О. П. С. С., 1844, 33701).

Въ образе этого певчаго изъ Веймара, способнаго къ труду и порывамъ, но малообразованнаго, анахорета среди чуждыхъ холодныхъ условій жизни, не читавшаго втеченіе десятковъ летъ «ни одной строчки по-русски» и, вследствіе ограниченнаго кругозора, всецело порабощеннаго своей idée fixe, представляется наблюдателю и участь техъ лицъ изъ духовенства, у которыхъ не было еще совершенно атрофировано живое чувство. А въ безспорно умной характеристике певчаго Сабининымъ находится и вполне логичный ответъ на заботливый вопросъ питомца полоцкой іезуитской академіи: «не заметно ли въ немъ какого-либо разстройства, и какія къ тому могли бы быть причины»?...

приступить къ формальной продажѣ". Въ виду этого,—въ началѣ 1852 года онъ представилъ семинарскому правленію экземпляръ съ „просьбой исходатайствовать у высшаго духовнаго начальства окончательное разрѣшеніе, соотвѣтственно учебнымъ цѣлямъ книги".

Но въ это время секретный комитетъ 2 апрѣля обратился въ духовное вѣдомство со слѣдующимъ отношеніемъ по поводу исторіи Сокольскаго: „Принявъ на видъ цѣль составленія этой книги и званіе составителя, комитетъ не могъ не замѣтить, что изложеніе оной недовольно соотвѣтствуетъ тому и другому; для примѣра можно указать на слѣдующія мѣста [70]):

„Въ параграфѣ объ образѣ изложенія всеобщей исторіи (стр. 13) сочинитель, между прочимъ, говоритъ, что задача исторіи „показать весь этотъ великій процессъ, который выдержалъ свободный духъ человѣка, находясь въ постоянной борьбѣ съ природою и исполинскими препятствіями".

„Стр. 43. О Саулѣ: „самоубійствомъ передалъ престолъ свой Давиду, тайно помазанному Самуиломъ".

„Тамъ же говорится, что мудрый Соломонъ своимъ расточительнымъ и изнурительнымъ правленіемъ положилъ начало паденію своего царства".

„Стр. 183. О Лютерѣ и реформаціи. „Папа ничего не могъ сдѣлать. Должно было или истинѣ противопоставить истину, или силою подавить нововведеніе".

„Стр. 188. „Вмѣстѣ съ симъ открыто было средство образованія и для низшаго сословія; старались уврачевать ихъ суевѣріе и дать имъ средство къ лучшей дѣятельности. Рабство бѣдныхъ крестьянъ смягчалось все болѣе и болѣе. Науки тѣмъ лучше процвѣтали, чѣмъ болѣе духъ протестантизма обращался къ изслѣдованію и борьбѣ съ невѣжествомъ".

„Стр. 209. О Кромвелѣ. „Какъ хитро хищникъ власти и убійца царя умѣлъ присвоить себѣ власть надъ умами и подъ тогу простого гражданина надѣть корону, хотя и ненадолго".

„Въ особенности представляется несоотвѣтственнымъ и цѣли учебной книги и званію автора отдѣлъ (стр. 275): „Философія усовершилась значительно". Здѣсь говорится, между прочимъ, что въ философіи прославились: Юмъ, Фихте, Гельвецій, Руссо, Вольтеръ и множество сочинителей большихъ энциклопедій. Но Руссо, Вольтеръ и другіе изъ поименованныхъ извѣстны, какъ разрушители вѣрованій, какъ отрицатели божественнаго ученія церкви; и потому не странно ли, что пастырь церкви относитъ труды ихъ къ усовершенствованію философіи".

[70]) Ниже приведены лишь нѣкоторыя болѣе характерныя—замѣчанія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ сообщена была комитетомъ и высочайшая резолюція, положенная на его журналѣ: „И узнать, по чьему порученію книга писана, ежели подобнаго порученія ему дано не было, то и не слѣдовало допускать подъ подобнымъ названіемъ“.

Синодъ поручилъ мѣстному епископу произвести секретное дознаніе о Сокольскомъ, потребовавъ отъ него отвѣты на вопросы: кто поручилъ ему составленіе учебника, сообщалъ ли онъ о своемъ трудѣ непосредственному начальству, представлялъ ли въ цензуру и, если представлялъ, то въ какую и какое получилъ разрѣшеніе и пр. Послѣдній вопросъ касался благонадежности Сокольскаго и образа мыслей его.

На всѣ вопросы авторъ руководства далъ изложенныя выше обстоятельныя разъясненія. Послѣднее же его слово заключалось въ смиреннѣйшей просьбѣ: „если св. синодъ найдетъ что-либо несовершенное, или необдуманное, или обоюдное, подающее поводъ къ невыгоднымъ выводамъ въ какихъ бы ни было отношеніяхъ, то это могло быть допущено не намѣренно, а единственно по неопытности, къ которой и прошу милостиваго снисхожденія“.

„И по справкѣ приказали: 1) священника Николая Сокольскаго уволить отъ учительской должности въ тверской семинаріи, такъ какъ сочиненная имъ Исторія обнаруживаетъ въ немъ недостатокъ опытности и осмотрительности; сдѣланныя на книгу замѣчанія объявить чрезъ академическое правленіе съ воспрещеніемъ продажи книги, но съ дозволеніемъ исправить оную соотвѣтственно замѣчаніямъ и представить въ цензурный комитетъ, и съ тѣмъ, чтобы ни въ какомъ случаѣ не было означено „для класснаго и домашняго употребленія“; 2) потребовать отъ спб. дух.-цензурнаго комитета объясненіе, на какомъ основаніи была передана книга въ цензурный комитетъ, то есть, по разсмотрѣніи и одобреніи или просто по принадлежности; если по одобреніи, то кто изъ цензоровъ разсматривалъ оную; 3) объясненіе Сокольскаго о гражданской цензурѣ сообщить министру народнаго просвѣщенія“ [71]).

На докладѣ Ш.-Шихматова объ этомъ дѣлѣ была положена государемъ резолюція: „поставить на видъ спб. цензурному комитету о неумѣстности оставленія нѣкоторыхъ, замѣченныхъ комитетомъ 2 апрѣля, мѣстъ и цензору Крылову за недостаточное вниманіе сдѣлать надлежащее внушеніе“ [72]).

---

[71]) Эпизодъ съ учебникомъ Сокольскаго, достаточно извѣстный по очеркамъ изъ исторіи свѣтской цензуры (сравн., напр., М. Лемке: Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики», стр. 279 80) пріобрѣтаетъ подлинную силу и выразительность лишь при восполненіи его данными духовно-цензурныхъ архивовъ.

[72]) К. О. П. С. С., 1852, 232. Сравн. „Выписки изъ цензурныхъ дѣлъ имп. публ. библіотеки“, № 1, л. 110, о сношеніи комитета 2 апрѣля съ св. синодомъ по поводу „Логики, или науки о законахъ мышленія“, прот. І. Смирнова, причемъ особенно была инкриминируема фраза: „Различіе между Александромъ І,

Какія воззрѣнія власти лежали въ основѣ исключительныхъ мѣръ опеки надъ литературною дѣятельностью духовенства,— это обнаружилось въ конфиденціальной перепискѣ между ректоромъ казанской духовной академіи архм. Іоанномъ Соколовымъ и синодальнымъ оберъ-прокуроромъ А. П. Толстымъ. Тотъ и другой откровенно выразили свои точки зрѣнія, и ихъ несовпаденіе обнаружилось съ полною отчетливостью.

„Съ нѣкотораго времени, писалъ 18 февраля 1859 г. архим. Іоаннъ, въ русскихъ журналахъ и газетахъ являются постоянныя жестокія нападки на наше духовенство, то въ видѣ насмѣшекъ надъ его образованіемъ, которое представляется отсталымъ и тупымъ, то въ видѣ укоризнъ за дурное поведеніе и грубые нравы, то въ видѣ подозрѣній, что духовенство нисколько не сочувствуетъ современнымъ стремленіямъ Россіи къ улучшенію своей внутренней жизни и даже, по своему духу и направленію, враждебно всякому улучшенію. Понятно, что въ этихъ нападкахъ духовенство служитъ только предлогомъ, или передовою стѣною, которую нужно пробить, чтобы уничтожить ту силу, которой оно служитъ представителемъ и органомъ, то есть, силу вѣры и церкви. При настоящемъ направленіи умовъ и теченіи дѣлъ такія нападки весьма вредны и опасны: ибо онѣ дѣйствуютъ живо на общее мнѣніе. Поэтому нашъ первѣйшій долгъ противостоять этимъ стремленіямъ противу вѣры, церкви и духовенства. Но какъ противостоять? Прямо опровергать ихъ? Это значитъ заводить публичные споры, только разжигать вражду, въ которой, при нашемъ положеніи въ обществѣ, Богъ знаетъ—кто одержитъ побѣду; да и споры будутъ нескончаемые, да и не хорошо само по себѣ дѣлать вѣру и церковь предметомъ публичныхъ споровъ. Излагать ученіе вѣры и церкви положительно, не касаясь противныхъ мнѣній? Это будетъ недѣйствительно. Молчать? Противно долгу и совѣсти и страшно за вѣру. При томъ люди благонамѣренные требуютъ нашего слова, чтобы мы и имъ помогали твердо стоять въ истинѣ. Размышляя объ этомъ предметѣ и соображаясь съ важными современными потребностями русскаго общества, я нахожу, что лучшій для насъ образъ дѣйствованія состоитъ въ слѣдующемъ: надобно доказать, 1) что наше духовенство вовсе не такъ отстало и не такъ тупо въ образованіи, чтобы не могло слѣдить за современнымъ просвѣщеніемъ, чтобы не могло видѣть въ немъ, что есть хорошаго и истиннаго и

россійскимъ императоромъ, и Наполеономъ, императоромъ французскимъ, есть различіе численное или недѣлимое“. Также Р. Стар., 1903, IX, 652-4, гдѣ излагается эпизодъ съ напечатаніемъ актовой рѣчи проф. ришельевскаго лицея Михневича о философіи Шеллинга. „Тѣмъ болѣе должно обратить на него вниманіе, написалъ на докладѣ имп. Николай, что онъ повидимому полякъ“, тогда какъ благонамѣренный Михневичъ былъ ранѣе профессоромъ кіевской духовной академіи.

изобличить то, что есть въ немъ худого, позорнаго; 2) что духовенство вовсе не враждебно всякому доброму и полезному начинанію въ отечествѣ, а искренно сочувствуетъ ему и готово содѣйствовать, чтобы соглашать всякое улучшеніе съ духомъ вѣры; что оно само сознаетъ нужду улучшеній во многомъ; 3) что вѣра и церковь вовсе не препятствуютъ движенію общества впередъ, а только требуютъ, чтобы это движеніе шло путемъ Христовой истины и чистой нравственности; 4) что духовное вліяніе на общество не своекорыстно, не проникнуто средневѣковымъ деспотизмомъ духовной власти, не желаетъ и не вноситъ въ общество мрака, а проникнуто свѣтомъ истины разумной и любви. На эти темы и съ этими именно цѣлями у насъ написано и отпечатано въ Прав. Собесѣдникѣ нѣсколько статей, какъ-то бесѣда при началѣ ученія, слово о духовномъ просвѣщеніи Россіи, рѣчи на академическомъ актѣ и пр. Къ утѣшенію, результатъ вышелъ самый счастливый: статьи Собесѣдника возбудили сильное вниманіе публики и возбудили живѣйшее сочувствіе; нѣкоторыя изъ нихъ были перепечатаны въ свѣтскихъ журналахъ и газетахъ; со всѣхъ сторонъ мы слышимъ самые благопріятные отзывы; число подписчиковъ увеличилось вдвое; не только люди благонамѣренные и строгіе въ мысляхъ, но и самые свободномыслящіе убѣждаются, что духъ вѣры и церкви и духовенства совсѣмъ не таковъ, какимъ ихъ представляютъ нынѣ въ обществѣ и въ журналахъ литературныхъ. Съ такими именно отзывами я даже получилъ не мало писемъ изъ разныхъ мѣстъ, отъ лицъ свѣтскихъ— совершенно мнѣ не знакомыхъ и не извѣстныхъ.

Мнѣ пришла мысль представить нѣкоторыя изъ этихъ писемъ вниманію вашего сіятельства, какъ для того, чтобы вамъ, какъ начальнику и покровителю духовнаго просвѣщенія, видны были дѣйствія его въ обществѣ и условія, подъ которыми общество сочувствуетъ этому просвѣщенію, такъ и для того, что въ этихъ письмахъ есть замѣчанія относительно духовенства, которыя вашему сіятельству не излишне принять къ свѣдѣнію, такъ, наконецъ, и для того, чтобы оправдать передъ вами направленіе Прав. Собесѣдника. Къ величайшему нашему удивленію и прискорбію, распространился слухъ, будто-бы высшее духовное начальство неблагопріятно смотритъ на Собесѣдникъ именно за направленіе его къ современнымъ вопросамъ и за современный живой языкъ, будто-бы даже есть мысль подвергнуть нашъ журналъ оффиціальному осужденію и даже запрещенію. Если это правда, то я долженъ откровенно признаться вашему сіятельству, что такое распоряженіе начальства крайне смущаетъ насъ, потому что оно опровергаетъ наши искреннія намѣренія дѣйствовать истинно во благо церкви, которую мы видимъ въ опасности; это значитъ— отнять у нашего просвѣщенія послѣднее, единственное средство приближаться къ обществу и дѣйствовать на него въ пользу

вѣры и церкви: это значитъ оправдывать тѣ предубѣжденія, тѣ жалкія понятія, какія имѣютъ о насъ, а чрезъ насъ о церкви, современные люди. Я никакъ не могу думать, чтобы найдено было въ журналѣ нашемъ какое-либо вольномысліе, нетерпимое въ вѣрѣ: объ этомъ и слуховъ нѣтъ; а говорятъ, что духовному начальству не нравится живая рѣчь Собесѣдника съ обществомъ о современныхъ предметахъ. Простите, в. с—во, что я такъ смѣло говорю: но я привыкъ говорить отъ сердца, и тамъ, гдѣ дѣло идетъ о правдѣ, я готовъ на все. Я уже не говорю, что оффиціальное осужденіе или запрещеніе Собесѣдника отниметъ у насъ всякую ревность къ труду и убьетъ нашъ духъ, тогда какъ на Собесѣдникъ я истощаю послѣднія силы мои, при моемъ здоровьѣ, едва дышущемъ. Не скрою и того, что такое распоряженіе произведетъ сильнѣйшее впечатлѣніе въ публикѣ не въ пользу нашего управленія [73]). Нынѣ всякое полезное дѣло, уважаемое публикою, публика считаетъ своимъ. Но также тщательно слѣдитъ она и за каждымъ словомъ, сказаннымъ вопреки ея хорошему настроенію. Позвольте, в. с., на этотъ предметъ разсказать случай, за достовѣрность котораго мнѣ поручились. Говорю, однако, по секрету, не желая прослыть доносчикомъ. А можетъ быть вамъ этотъ случай уже извѣстенъ.—Въ одномъ городѣ мѣстный преосвященный, при большомъ собраніи людей свѣтскихъ, сталъ доказывать, что рабство или крѣпостное состояніе не противно духу любви христіанской, что оно даже утверждается словомъ Божіимъ и поддерживается религіею, поэтому нѣтъ причинъ для церкви дѣйствовать своимъ вліяніемъ къ освобожденію крестьянъ. Эта рѣчь такъ поразила слушателей (это было въ какомъ-то домѣ), что они встали со своихъ мѣстъ и доказывали въ глаза преосвященному, что онъ ошибается, что не понимаетъ даже духа христіанства и слова Божія и т. д. А нѣкоторыя значительныя лица даже говорили между собою, что такая рѣчь опасна и что даже не худо бы довести ее до высочайшаго свѣдѣнія, въ доказательство, какъ духовенство враждебно даже такому дѣлу, которое такъ близко сердцу самого государя императора. Умоляю, в. с., оставить этотъ случай въ совершенномъ секретѣ. Подобное замѣчаніе о духовенствѣ вы найдете въ одномъ изъ прилагаемыхъ писемъ (числомъ 5); если благоугодно будетъ удостоить ихъ вниманія, покорнѣйше осмѣливаюсь просить о возвращеніи ихъ. Еще разъ прошу простить моей смѣлой искренности" [74]).

На всѣ эти доводы, мольбы и надежды оберъ-прокуроръ отвѣчалъ слѣдующимъ посланіемъ:

[73]) „Въ одномъ изъ прилагаемыхъ писемъ уже высказаны мысли на этотъ предметъ" (Прим. автора письма).

[74]) Секр. дѣло канц. оберъ-прок., № 197.

„Письмо ваше отъ 28 февраля я имѣлъ честь получить, и признаюсь, оно не порадовало меня; съ сожалѣніемъ предвижу, что и васъ не порадуетъ мой отвѣтъ.

„Многія статьи Православнаго Собесѣдника поразили и огорчили членовъ святѣйшаго синода, меня и многихъ другихъ. Мы были однако готовы приписать ихъ появленіе недосмотру, или печальной случайности; изъ вашего-же письма видно, что онѣ были напечатаны вслѣдствіе сознательнаго разсчета.

„Вы ссылаетесь на одобрительныя письма, полученныя вами. Они ничего не доказываютъ, потому что и до меня доходили отзывы, не только словесные, но и письменные, совершенно противнаго содержанія. Также мало говоритъ въ пользу Православнаго Собесѣдника сочувствіе, выраженное ему свѣтскими изданіями.

„Эти самыя изданія многимъ доказали свое непріязненное расположеніе къ церкви и теперь, очевидно, радуются только уступкѣ, неправильно сдѣланной ею духу міра; и въ то же время другія изданія, болѣе искренніе, не скрываютъ, что они желаютъ еще большаго униженія церкви. Статья г. Щапова подала поводъ редактору Русскаго Дневника объяснить, что у него есть множество актовъ, свидѣтельствующихъ о жалкомъ положеніи бывшихъ монастырскихъ крестьянъ, потребовались хлопоты съ моей стороны, чтобы остановить изданіе этихъ актовъ. Итакъ, единственное несомнѣнное послѣдствіе нѣкоторыхъ статей Православнаго Собесѣдника то, что мы имъ поставлены въ затруднительное положеніе, которое происходитъ особенно отъ невозможности отстаивать и оправдать многія мысли, ими выраженныя. Церковь наша проповѣдывала человѣколюбивое обращеніе и съ рабами и съ крѣпостными людьми (что, замѣчу мимоходомъ, не есть одно и то же); но какое-бы могъ имѣть значеніе церковный судъ надъ крѣпостнымъ состояніемъ, когда сама церковь пользовалась онымъ? Еще важнѣе то, что Православный Собесѣдникъ дошелъ до явнаго разногласія съ церковнымъ ученіемъ.

„Въ словѣ „объ освобожденіи крестьянъ" 21-й стихъ 7 гл. 1-го посланія къ коринѳянамъ объясненъ не только въ противорѣчіи съ славянскимъ переводомъ, принятымъ русскою церковью, но и съ вселенскимъ учителемъ св. Іоанномъ Златоустомъ, коего толкованіе на сіе мѣсто еще въ прошломъ году напечатано въ Христіанскомъ Чтеніи. Что мнѣ послѣ этого сказать? Развѣ то, что члены святѣйшаго синода вѣроятно пожелаютъ, чтобы толкованіе Златоуста на 7 гл. 1 посл. къ коринѳянамъ было перепечатано въ Православномъ Собесѣдникѣ, и я бы вамъ посовѣтовалъ исполнить это въ слѣдующей же книжкѣ.

„Въ заключеніе скажу вамъ откровенно, что самое участіе академическихъ ректоровъ и профессоровъ въ разсужденіяхъ о преходящихъ современныхъ вопросахъ весьма странно. Когда

они проникнуты важностью своей обязанности, состоящей въ томъ, чтобы воспитывать дѣлателей для нивы Господней, образцовъ и проповѣдниковъ для міра, во злѣ лежащаго, будущую соль земли: гдѣ найдутъ они время спускаться съ такого высокаго служенія въ житейскія треволненія. Примѣровъ къ тому нельзя отыскать ни на православномъ востокѣ, ни въ католической Франціи, ни въ Англіи, ни даже въ Америкѣ: вездѣ это показалось-бы несообразностью, или, выражаясь современнымъ русскимъ, живымъ языкомъ казанскаго собесѣдника, аномаліею и регрессомъ“ [75]).

Канцелярская ссылка на молчаніе духовенства западныхъ странъ не могла выдержать даже собственной критики. На особомъ листѣ, за подписью директора канцеляріи, находится справка: „Долгомъ поставляю замѣтить, что едва ли можно съ увѣренностью сказать, чтобы иновѣрные профессоры и проповѣдники въ Европѣ не касались такъ называемыхъ современныхъ вопросовъ; что же касается до сѣверной Америки, то положительно можно сказать, что тамошній современный вопросъ о неграхъ служитъ почти постоянною темою сочиненій и проповѣдей американскаго духовенства“.

Тѣмъ не менѣе эта „неувѣренность“ въ справедливости основной посылки не смутила авторовъ и редакторовъ письма и не отвратила рокового давленія на издателей Пр. Собесѣдника. Иного исхода было бы, впрочемъ, даже странно ожидать. Вся система отношеній къ духовенству была полна такою непослѣдовательностью и противорѣчіями, но они никогда не останавливали ея торжества. Въ оффиціальныхъ актахъ духовное сословіе „всегда признавалось твердою опорою вѣры, закона и властей, Богомъ установленныхъ“, — а тайныя записки не могли найти „мѣры зоркости, которая была бы достаточна относительно лицъ, этотъ классъ составляющихъ“. Правительство знало, что свободно сказанное слово церковныхъ витій обладаетъ особымъ, свойственнымъ лишь ему, авторитетомъ. Но именно въ виду этого, „по уваженію къ лицу проповѣдника“, сверхъ обыкновенныхъ она создавала высокія и высочайшія цензурныя инстанціи. Съ своей стороны церковная власть давно осудила присущее ея вѣдомству „знаніе сухое и холодное, недостатокъ дѣятельной назидательности, принужденный тонъ и безплодность поученій, неумѣніе говорить съ народомъ о истинахъ, которыя казались очень знакомыми въ училищѣ“ и т. д. Однако, лишь только появились въ томъ же Православномъ Собесѣдникѣ болѣе живыя страницы, св. синодъ призналъ, что „всѣ вообще статьи этого журнала оскорбляютъ чистый и неиспорченный вкусъ читателей множествомъ стран-

[75]) Тамъ же.

ныхъ оборотовъ и выраженій, вовсе несоотвѣтствующихъ достоинству духовнаго изданія";.. что „нѣкоторыя статьи его суть не иное что, какъ галиматья, наносящая стыдъ духовной словесности". Или: та же церковная власть подчиненнымъ ей „лучшимъ людямъ" усваивала высокую „обязанность воспитывать дѣлателей для нивы Господней, образцовъ и проповѣдниковъ для міра, во злѣ лежащаго, будущую соль земли". Но... для этого они должны были витать во внѣмірной области, чтобы у нихъ не оставалось и времени „спускаться съ такого высокаго служенія въ житейскія треволненія"...

Конечно, для тѣхъ, кто находился подъ вѣковымъ гнетомъ, нелегко было подняться достаточно высоко надъ привычной атмосферой, чтобы стать на точку зрѣнія идеальной свободы евангельскаго слова и сознать вытекающіе отсюда результаты. Но если сильнымъ изъ нихъ дано было, хотя временами, постигать эту точку зрѣнія,—неужели не должно было охватывать ихъ горькое чувство и сомнѣніе, какъ червь подтачивающее энергію, въ виду основного противорѣчія, о которомъ такъ выразительно говоритъ ареопагитика Мильтона: „Пастыри церкви должны утратить всю свою бодрость, если ихъ увѣщанія дѣйствуютъ такъ мало, что ихъ слушателямъ нельзя дать въ руки ни одной печатной страницы,—если всѣ ихъ проповѣди и толкованія, которыя говорятся, печатаются и продаются въ такомъ большомъ количествѣ, что вытѣсняютъ почти всѣ другія книги, не служатъ достаточнымъ оплотомъ противъ какого-нибудь Енхиридіона, не заключеннаго въ темницу imprimatur'a"? [76])...

---

[76]) Мильтонъ. О свободѣ слова (изд. книгоизд. «Посредникъ», М. 1906), стр. 34. Ср. «Матеріалы для біогр. Иннокентія», вып. II, Письма прот. В. И. Нордова къ пр.. Иннокентію, стр. 8, отъ 20 янв. 1843 г.

Заключеніе.

„Сущность и духъ литературы, повторимъ еще разъ слова Бѣлинскаго, выражаются не во всѣхъ ея произведеніяхъ, а только въ избранныхъ. Пусть число этихъ „избранныхъ“ будетъ не велико, но какъ они лучшія, то они и представители литературы. Когда литература умираетъ на своей засохшей почвѣ, тогда не можетъ явиться ни одного превосходнаго творенія“.

Если, такимъ образомъ, даже при критическомъ обозрѣніи извѣстнаго круга существующихъ литературныхъ произведеній есть основанія не высоко ставить роль числовыхъ данныхъ, то еще естественнѣе оспаривать возможность языкомъ цыфръ точно выразить итоги цензурнаго режима. По утвержденію ветхозавѣтнаго мудреца, возрастъ человѣка не измѣряется числомъ прожитыхъ лѣтъ, и часто идейный порывъ безвременно погибшаго юноши можно поставить выше „сѣдины мудрости“ долголѣтняго опыта [1]). По той же причинѣ даже точно установленное процентное отношеніе между общимъ числомъ рукописей, вошедшихъ въ духовную цензуру, съ одной стороны, и количествомъ билетовъ, выданныхъ ими на выпускъ книгъ изъ типографій, съ другой, не явилось бы мѣриломъ успѣховъ, а равно „сущности и духа“ богословской литературы [2])

---

[1]) Прем. Сол., IV, 8—9.

[2]) Отчеты цензурныхъ комитетовъ со времени введенія устава 1828 г. до половины сороковыхъ годовъ даютъ болѣе детальныя свѣдѣнія о характерѣ восходившихъ на ихъ разсмотрѣніе произведеній. Въ послѣднее же десятилѣтіе въ нихъ содержатся по преимуществу свѣдѣнія о выданныхъ ими билетахъ на выпускъ уже отпечатанныхъ книгъ изъ типографій. Итакъ, въ первыя пятнадцать лѣтъ дѣйствія комитетовъ одобрено и не одобрено ими:

	Рукописей.		Книгъ (къ новому изд.).	
	од.	не од.	од.	не од.
Догматико-апологетическихъ и экзегетическихъ	82	46	17	4
Свящ.-церковно-историческихъ	314	35	65	16
Нравоучительныхъ и религіозно-бытовыхъ . .	226	97	187	19
Богослужебныхъ и уставныхъ	24	14	22	5
Словъ и рѣчей	305	147	13сб.	
Мелкихъ произведеній: азбукъ, стихотвореній и проч.	173	54	45	17
Учебнаго характера	38	4	24	3
Періодическихъ изданій	370л.	—	111 кн.	—
Картинъ, эстамповъ и пр.	964	50	—	—

Общее число всякаго рода произведеній, а) представленныхъ въ цензуру и б) дозволенныхъ къ выпуску въ свѣтъ въ послѣдующее время—съ 1844 по 1855 г. включительно—выражается цифрами: 6904 и 4380.

Невозможность количественно учесть сумму невошедшихъ въ своевременное обращеніе идей побуждаетъ остановиться на болѣе органическомъ, хотя бы и патологическомъ, процессѣ изъ этой области, на чертахъ ненормальнаго развитія ростковъ богословской литературы при дѣйствіи изсушающихъ условій.

„Прекрасное растеніе, благодатію Божіеюи милостью монаршею бывъ согрѣваемо и поливаемо, начинало только расцвѣтать и обѣщало обильный плодъ: но вдругъ засуха. Богъ вѣсть откуда повѣялъ засушительный вѣтръ,—и когда онъ перестанетъ и что будетъ съ симъ растеніемъ" [3]).

Этотъ эскизъ съ натуры, изображающій собственно наступленіе реакціи 1825-го года, приложимъ, однако, не только къ этому моменту, но и ко всѣмъ тѣмъ случаямъ, когда та или другая отрасль богословской литературы разсматриваемаго періода вступала въ соприкосновеніе съ цензурнымъ режимомъ.

Какъ ранніе заморозки, несвоевременныя оттепели, весенніе холодные вѣтры и засуха, обнаруженія цензурной опеки и гнета приносили съ собою увяданіе литературныхъ порывовъ.

Организованная духовная цензура начала дѣйствовать въ эпоху, если не зарожденія, то первоначальнаго образованія современной церковно-богословской литературы, болѣе жизненной, критической, стремящейся къ фактическому обоснованію своихъ положеній и выводовъ,—болѣе близкой къ общей литературѣ по языку. И если даже пока не велико было число писателей, усвоившихъ запросы времени и опредѣлившихъ назрѣвшія темы, если въ разработкѣ послѣднихъ властно руководили иностранные авторитеты,—тѣмъ не менѣе не напрасно выразился объ одномъ тогдашнемъ авторѣ м. м. Платонъ: „дай Богъ намъ имѣть такую духа свободность". Уже одно примѣненіе къ апологетикѣ правила Петра В.,—„чѣмъ ближе къ пушкамъ, тѣмъ меньше вреда и опасности отъ нихъ", указывало на ясность взгляда и силу духа. Сердечное же сочувствіе къ мятежной душѣ ученаго,—пониманіе, что и она—болѣе даже, чѣмъ кто другой—„какъ птичка, пойманная въ клѣтку, повсюду ищетъ себѣ выхода и, переходя изъ системы въ систему, тайно мучается", подготовляло путь ко взаимному сближенію, если даже не на основѣ логики, то хотя бы на почвѣ „чувствительности сердца".

Даже члены московской духовной цензуры, болѣе передовые, пока ихъ не обезличила цензорская должность, съ ея „подтвержденіями и угрозами", высказывали вѣскія, достойныя вниманія, сужденія. Они признавали, что схоластическія произведенія должны уступить мѣсто „несравненно лучшимъ книгамъ новѣйшихъ авторовъ, которые, примѣняясь ко вкусамъ и просвѣщенію но-

---

[3]) Изъ письма м. Филарета кіевскаго, ср. выше, стр. 337.

вѣйшихъ временъ, пишутъ гораздо основательнѣе"; что серьезные читатели „ищутъ не голой нравственности, но основательно объясненной и философски, въ смыслѣ необходимости своей, доказанной"; что „церковь всячески желаетъ пастырей благоразумныхъ, просвѣщенныхъ и добродѣтельныхъ", и, поэтому, заслуживаетъ похвалы книга, по содержанію своему „обличительная и поучительная для нашего священства, въ которомъ доселѣ есть немалое число такихъ, которые не имѣютъ понятія о пастырствѣ духовномъ".

Успѣхъ, который встрѣтилъ при своемъ возникновеніи Сіонскій Вѣстникъ, указывалъ, что господствовавшее настроеніе— „неудовлетворенность, жажда и стремленіе къ усовершенствованію нравственныхъ силъ"—„увлекло немалое число свѣтскихъ и духовныхъ", и онъ, при благопріятныхъ условіяхъ, могъ бы сдѣлаться органомъ прочнаго ихъ объединенія. Но судьба именно этого журнала послужила примѣромъ того, какъ неразумные ревнители насильственно разрушали то, что такъ очевидно служило къ созиданію. „Возмнилъ" князь Голицынъ о тайныхъ замыслахъ Лабзина, и первый самый свѣтлый періодъ существованія журнала окончился,—не достигнувъ даже года.

Потомъ журналъ былъ возобновленъ, но уже въ угоду тенденціозному мистицизму, и среди нападокъ и интригъ не могъ сохранить прежняго равновѣсія. Притомъ предъ Лабзинымъ еще ярче всталъ обликъ духовной цензуры, существовавшей болѣе въ идеѣ, безсильной противъ потока спеціальныхъ—„вольтеровскихъ и мистико-масонскихъ"—сочиненій, но грозной именно для тѣхъ, кто желалъ создать мостъ для сближенія „внутренней" и „наружной" церкви. Духовная цензура теперь выступила въ качествѣ механическаго средства пресѣченія, остріе котораго въ состояніи былъ обращать въ желательную сторону всякій, кто умѣлъ изобрѣтать софизмы. Искать примѣровъ нѣтъ надобности, разъ существуетъ „секретъ-дилемма" Стурдзы, преподанный Голицыну: „объявить формально Лабзину, что впредь поставляется ему въ обязанность обратиться съ изданіемъ Сіонскаго Вѣстника въ духовную цензуру установленнымъ порядкомъ? Если онъ безъ ропота покорится законному распоряженію, то ваше выгодное о немъ мнѣніе будетъ оправдано. Напротивъ, если онъ станетъ отказываться и роптать, то злонамѣренность его обнаружится во всей наготѣ своей".

Неудивительно, что такія примѣненія дух.-цензурной опеки, какъ средства обнаруженія благонамѣренности или злонамѣренности, сдѣлали ея представителей „врагами", людьми, которые „затворяютъ дверь царства небеснаго, сами не входятъ и другихъ не пускаютъ туда", и уклончивыя разсужденія которыхъ „и можно бы и хорошо, да свѣтскимъ писано, а это де бы намъ писать, такъ это намъ безчестіе"..., означали принципіальное отрицаніе вы-

ступленій мірянъ въ области богословской литературы. Потерявъ надежду на соглашеніе, обѣ стороны сосредоточили свои помыслы на удержаніи за собой вліянія на духовную цензуру, чтобы ею поражать своихъ противниковъ [4]).

Послѣ побѣды надъ мистицизмомъ и съ устраненіемъ изъ духовнаго вѣдомства двоевластія, духовно-цензурный надзоръ могъ сосредоточить свои силы для достиженія новыхъ цѣлей. Руководящіе дѣятели церковной политики даннаго времени сознавали, что пресыщенныя мистицизмомъ и свободныя отъ полемической злобы дня научныя силы естественно обратятся къ научно-критической и исторической разработкѣ данныхъ во всѣхъ областяхъ богословской литературы. Было признано своевременнымъ принять радикальныя мѣры предупрежденія и пресѣченія.

Нельзя отрицать, что при осуществленіи своихъ предначертаній ревнители православія находились въ такихъ благопріятныхъ условіяхъ, которыя въ минувшемъ столѣтіи уже рѣдко выпадали на долю даже вождей р.-католическаго imprimatur'a или протестантской ортодоксіи. Внѣ предѣловъ Россіи не существовало единоязычнаго народа, литература и печатные станки котораго могли бы, хотя въ нѣкоторой степени, возмѣщать отечественные пробѣлы. Не было и тѣхъ измѣненій внутренняго строя, которыя хронически происходили въ многочисленныхъ, основанныхъ на принципѣ cujus regio, ejus religio, государствахъ, и производили постоянныя колебанія цензурнаго пресса [5]). Иностранная цензура, руководимая Красовскимъ, не менѣе духовной заботилась о чистотѣ религіозныхъ взглядовъ пропускаемыхъ въ имперію книгъ. Что же касается внутренней гражданской цензуры, то путемъ непосредственныхъ обращеній—въ удобныхъ случаяхъ и съ надлежащими увѣреніями—къ монарху удалось сдѣлать и ее послушнымъ орудіемъ.

Пользуясь этими обстоятельствами, руководители церковной жизни поставили себѣ грандіозную задачу: по возможности устранить динамику—силу движенія—изъ каждой области богословской литературы и ограничиться одной статикой, Обработанные по заказу или возстановленные артикулы вѣры, положенія изъ области библейской, догматической, канонической, отчасти церковно-исторической, должны были пріобрѣсти общеобязательное значеніе. Оффиціальная броня и печати должны были ограждать ихъ отъ прикосновенія свободнаго изслѣдованія.

Впрочемъ, если даже въ извѣстныхъ областяхъ лишь глубокая эрудиція въ состояніи была „выпрямить кривизны и сгладить неровные пути“, это не смущало охранителей: они цѣликомъ

---

[4]) Ср. выше, стр. 113, 122—23.

[5]) Ср., напр.: Н. Карѣевъ. Исторія Западной Европы въ новое время, т. IV (СПБ., 1894), стр. 390; также Р. Стар. 1901 г., февр., 298; мартъ 524.

отбрасывали эти области. „Читай, авторитетно писалъ архим. Фотій своему племяннику, греческую Библію 70 толковниковъ и латинскую истинную. Толкованій же никакихъ, нѣмецкихъ и другихъ, кромѣ Златоуста и другихъ святыхъ отецъ, православною церковью принятыхъ, не читай, да не заразишися“ [6]). „Для меня, восклицалъ Аѳанасій, исповѣданіе Могилы и Кормчая все—и болѣе ничего!“ „Къ чему нужна философія, наука вольномыслія, вздоровъ, эгоизма, фанфаронства?“ вопрошалъ Пратасовъ.

На работы въ менѣе опасныхъ сферахъ богословской науки смотрѣли снисходительнѣе. Но и здѣсь господствовало стремленіе производить эту разработку „подъ ближайшимъ надзоромъ духовнаго начальства, людьми свѣдущими въ церковныхъ догматахъ и законоположеніяхъ“. Съ предубѣжденіемъ встрѣчаемы были богословскіе опыты авторовъ мірянъ, какъ такихъ людей, „кои, обильно напитавшись чтеніемъ иноземнымъ и иновѣрнымъ, уже не имѣютъ сердечнаго убѣжденія въ истинѣ ученія церкви нашей, кои желаютъ согласить свою принадлежность къ оной съ понятіями, заимствованными отвнѣ, и для сего хотѣли-бы ввести въ ученіе оной реформу по своимъ протестантскимъ понятіямъ“. По той-же причинѣ ничто, кажется, не подвергало духовнаго автора такой опалѣ, какъ пріобрѣтенное имъ „расположеніе свѣтскихъ“ [7]).

Разработка богословскихъ темъ пріобрѣтала, такимъ образомъ, тепличный характеръ. Требовались спеціальныя усилія, чтобы охранить искусственныя построенія отъ дуновенія свѣжаго вѣтра. И, дѣйствительно, къ созданію охранительнаго стеклянаго колпака была направлена соединенная дѣятельность высшихъ и низшихъ агентовъ духовной цензуры. Непосредственно приставленные къ литературѣ, они должны были систематически охлаждать пылъ „фанатиковъ“ библеизма, предупреждать „неблагопріятныя и съ общей пользою несообразныя послѣдствія“ отъ ученыхъ изслѣдованій церковнаго права, возвращать „въ кабинеты авторовъ“ выдающіяся по жизненности „бесѣды, для предотвращенія всякихъ недобрыхъ толковъ и перетолковъ“, уничтожать „соблазнительный характеръ“ фактовъ изъ исторіи и дѣйствительности, и вездѣ оставлять лишь „то, что въ уваженіи, въ ходу и въ модѣ, что сообразно съ духомъ настоящаго времени“.

Въ распоряженіи церковной власти оказались реформированные, по плану, разработанному еще въ предыдущее царствованіе, цензурные комитеты. Послѣдніе никогда—ни въ предыдущее, ни въ послѣдующее время—не стояли въ такомъ близкомъ отношеніи къ высшимъ духовно-учебнымъ заведеніямъ, какъ во вторую

---

[6]) Христ. Чт., 1883, сент. окт., стр. 477.

[7]) Ср. выше, стр. 590—91. „Корреспонденты казанскаго ректора, писалъ м. Филаретъ, походятъ на людей, которые поднимаютъ головы изъ засады и манятъ къ себѣ людей изъ другого лагеря“... (Секр. дѣло канц. об.-прокурора, № 197, 2 мая 1859 г.).

четверть минувшаго столѣтія. Въ составъ комитетовъ входили, по избранію, профессора академій или же члены академическихъ конференцій. Находясь,—по своему положенію въ центрахъ духовно-учебныхъ округовъ,—въ постоянномъ общеніи со своими учителями, учениками, сослуживцами, связанные съ ними научными и житейскими обязательствами, члены комитетовъ при академіяхъ являлись, конечно, болѣе вдвинутыми въ кругъ жизни и потому болѣе доступными, чѣмъ, напр., изолированные въ донскомъ монастырѣ члены московской духовной цензуры. Этому вліянію окружающей атмосферы обязаны большею частью тѣ факты, въ которыхъ обнаружилось дерзновеніе того или другого цензора при пропускѣ сочиненій.

Тѣмъ не менѣе, на основаніи всего сказаннаго въ характеристикахъ академическихъ цензоровъ, нельзя не признать чрезвычайно жизненнымъ и для даннаго періода слѣдующій выводъ Дж. Мильтона: „Никто не станетъ отрицать, что тотъ, кто является судьей надъ жизнью и смертью книгъ, непремѣнно долженъ стоять выше обыкновеннаго уровня людей: онъ долженъ быть и трудолюбивъ, и ученъ, и справедливъ; иначе въ его сужденіяхъ о томъ, что годно или негодно, будутъ непремѣнно ошибки, а это должно имѣть въ высшей степени пагубныя послѣдствія. Если же онъ соединяетъ въ себѣ всѣ необходимыя условія, можетъ ли быть болѣе скучная и непріятная ежедневная работа, большая потеря времени, какъ вѣчное прочитыванье негодныхъ книгъ и памфлетовъ? Всякую книгу можно читать только въ извѣстное время; но быть принужденнымъ читать ихъ постоянно, въ плохихъ рукописяхъ, есть такая тягость, которую едва ли способенъ вынести человѣкъ, цѣнящій свое время и свои занятія и обладающій чувствомъ и пониманіемъ изящнаго... Если же мы видимъ, что занимающіе теперь эти должности обнаруживаютъ желаніе покинуть ихъ, и что ни одинъ достойный человѣкъ, не желающій губить своего времени, не соглашается быть ихъ преемникомъ, если только его не привлекаетъ вознагражденіе, назначенное цензору, то мы можемъ легко себѣ представить, будутъ ли у насъ другого рода цензоры, кромѣ невѣжественныхъ и корыстолюбивыхъ людей“ [8]).

Даже на людей съ болѣе цѣльнымъ нравственнымъ обликомъ цензорская дѣятельность оказывала губительное вліяніе: въ непрерывныхъ—хотя бы, чаще всего, и мелкихъ—сдѣлкахъ съ совѣстью изнашивался даже крѣпкій духъ. „Извѣстіе любопытное..., но не обратили бы этого кому-нибудь въ предосужденіе по настоящему взгляду на вещи, посему лучше исключить“; „не подвергнуться бы замѣчанію отъ Синода“; „лучше ничего не про-

---

[8]) Назв. соч., стр. 28.

пускать, дабы не лишиться пенсіи“; „само по себѣ сочиненіе ничего противнаго правиламъ цензуры не заключаетъ, но за лучшее признаю остановить печатаніе рукописи, не отнимая у сочинителя права вновь представить ее въ цензуру при другихъ болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ; „довольно скучно брать на себя должность корректора, но что же дѣлать?“..; „ни я, ни другіе не рѣшимся одобрить слово и по внутреннему убѣжденію въ истинѣ противнаго, и по вниманію къ сужденіямъ синода“,—эти и подобныя признанія произнесены не заурядными людьми, а архм. Іоанномъ, Кирилломъ, Голубинскимъ, Окуневымъ, Карповымъ, Богословскимъ... Неудивительно, поэтому, что менѣе способные къ несенію „цензорскаго послушанія“, какъ, напр., Павскій, Іоаннъ Доброзраковъ, Макарій Булгаковъ, Аввакумъ, спѣшили воспользоваться первымъ поводомъ, чтобы освободить себя отъ возложенныхъ на нихъ обязанностей.

Но это о „лучшихъ“. Между тѣмъ, разъ существовалъ спросъ на „отмѣнно способныхъ къ цензорству“, являлись и соотвѣтствующія предложенія. Цензорская служба являлась, по крайней мѣрѣ, въ идеѣ [9]), самымъ удобнымъ средствомъ обнаруженія полнаго правовѣрія и благонамѣренности по отношенію къ „Закону Божію, правиламъ Государственнымъ, благонравію и литературѣ“. Не успѣвъ, или не пожелавъ развить въ себѣ сколько-нибудь самостоятельнаго кругозора, сверхъ оффиціальнаго, и не обладая литературными симпатіями къ тому или другому роду богословскаго знанія, всякій изъ нихъ—Антоній Домкинскій, Іоасафъ Покровскій, Климентъ Можаровъ, Даніилъ Мусатовъ...—начиналъ обыкновенно свои рецензіи подробною выпискою—memento критеріевъ устава и, конечно, не отступалъ отъ силы его предписаній...

Ко всѣмъ—за рѣдкими исключеніями—духовнымъ цензорамъ разсматриваемаго періода относится приговоръ, вынесенный образованной въ 1870 г. комиссіей по преобразованію духовной цензуры:

„Духовные цензоры стоятъ въ условіяхъ, которыя рѣзко отдѣляютъ ихъ отъ свѣтскаго общества. Къ числу такихъ условій принадлежитъ воспитаніе ихъ и обученіе въ спеціально-духовныхъ школахъ. То и другое даетъ извѣстный своеобразный отпечатокъ не только ихъ понятіямъ, взглядамъ, убѣжденіямъ, но даже внѣшнимъ формамъ выраженія мыслей. Такимъ образомъ, у нихъ образуется свое воззрѣніе на достоинства и общественную пригодность сочиненія не только со стороны направленія въ немъ мыслей, но и со стороны внѣшней формы его—изложенія въ словѣ. Это одностороннее воззрѣніе прилагается

---

[9]) Это ограниченіе слѣдуетъ сдѣлать потому, что для нѣкоторыхъ самыхъ «усердныхъ» цензоровъ именно промахи по этой должности послужили западнею и началомъ конца карьеры.

ими, какъ опредѣляющая мѣра, и къ произведеніямъ печати, подлежащимъ ихъ разсмотрѣнію и одобренію. Но еслибы даже запрещеніе послѣдовало не по этому, все же останется мѣсто подозрѣнію и предположеніямъ, что духовные цензоры запрещаютъ сочиненія только потому, что они написаны не въ условно-принятой и, какъ часто называютъ ее, схоластической формѣ... Дѣйствующій уставъ духовной цензуры не только дѣлаетъ возможными такія предположенія, но прямо узаконяетъ такое педагогическое и литературное отношеніе цензуры къ поступающимъ на разсмотрѣніе ея сочиненіямъ" [10]).

Къ большинству ихъ, лишь въ весьма различной степени, примѣнимъ и слѣдующій пунктъ „соображеній" той же комиссіи—о произволѣ духовныхъ цензоровъ:

„Предварительная цензура открываетъ широкій просторъ произволу цензоровъ. Не говоря о томъ, что они могутъ сами быть на разной степени образованія, они могутъ иногда, по мнительности и личнымъ опасеніямъ, боясь отвѣтственности, задерживать и запрещать то, что на самомъ дѣлѣ не заключаетъ ничего прямо невѣрнаго или вреднаго и опаснаго. Кому неизвѣстны изъ цензурной практики примѣры того, что цензоръ запрещаетъ что-нибудь только потому, что это безопаснѣе, хотя и онъ самъ не убѣжденъ вполнѣ, чтобы въ случаѣ одобренія это показалось вреднымъ и опаснымъ?" [11]).

Впрочемъ, за данное время—время высшаго напряженія цензуры—выработалась и краткая формула, опредѣлявшая нормальное поведеніе, какъ цензоровъ, такъ и авторовъ-издателей: „правило издателя и цензора: если можно что-нибудь in futuro предполагать, то лучше опустить" [12]).

Съ точки зрѣнія философіи исторіи цензурнаго надзора появленіе этого практическаго императива является неизбѣжнымъ. Еще вѣдь Мильтонъ, ссылаясь на „слово сэра Франциска Бакона", высказалъ вполнѣ опредѣленное положеніе: „цензурованныя книги говорятъ только для своего времени. Если даже цензоръ случайно и окажется выше другихъ по своему пониманію, то съ точки зрѣнія правительства это должно почитаться вреднымъ для ближайшаго потомства: положеніе и обязанность цензора должны заставлять его не пропускать ничего, что не принято большинствомъ" [13]).

---

[10]) Секр. дѣло канц. оберъ-прок. св. син., № 223 (1858 г.), л. 127: «Соображенія о томъ, какія измѣненія и улучшенія необходимы въ уставѣ православной духовной цензуры», стр. 13–14.

[11]) Тамъ же.

[12]) Барсуковъ. Жизнь и труды Погодина, кн. VI, стр. 60, изъ письма цензора Крылова Погодину по поводу пропуска стихотворенія А. Хомякова „Кіевъ".

[13]) Мильтонъ. О свободѣ слова (изд. книгоизд. „Посредникъ". М. 1906), стр. 31.

Разъ извѣстный режимъ сотканъ на призрачной основѣ, изъ непрочныхъ нитей, онъ и можетъ держаться подъ условіемъ бдительной охраны ихъ—какого ни на есть—сцѣпленія. Иначе одна „крамольно“ исторгнутая нить можетъ уничтожить весь выведенный узоръ. Только при исключительномъ самоутвержденіи, при подавленіи всякаго сомнѣнія, могъ царить и цензурный режимъ. Онъ не могъ мириться съ перспективою дальнѣйшаго мирнаго развитія мысли, съ перспективою самосокращенія и самоупраздненія, еще менѣе, конечно, желалъ думать о неизбѣжности, въ противномъ случаѣ, роковой катастрофы.

Что дѣйствительно упоеніе властью можетъ внушать вождямъ цензурнаго надзора близкіе къ донкихотству планы завоеваній и уничтоженія всякой самостоятельной мысли, это доказываютъ слѣдующія строки письма одного изъ начальниковъ главнаго управленія по дѣламъ печати недалекаго отъ насъ времени [14]): „...Въ трудности настоящаго дѣла заключается его прелесть... Мнѣ теперь приходится имѣть дѣло съ печатью въ цѣломъ ея составѣ, т. е. съ развивающейся огромной общественной силой, которая нигдѣ еще не введена стройною составною частью въ государственный организмъ, а у насъ еще и силою, къ сожалѣнію, не сознается, и гуляетъ на свободѣ, какъ нѣчто стихійное, неукрощенное, негосударственное, въ то время, какъ всѣ другія общественныя силы стали уже на службу государству и, чѣмъ далѣе, тѣмъ сильнѣе въ нее втягиваются. Дисциплинировать ее—какая занимательная задача!..“

Духовно-цензурный режимъ, въ своей борьбѣ противъ предвѣдѣній будущаго во всѣхъ областяхъ церковной мысли и жизни, дѣлался повиннымъ въ „униженіи пророчества“, хотя бы тѣхъ „среднихъ пророковъ“, существованія которыхъ не отрицалъ даже м. м. Филаретъ [15]). Они издалека „слышатъ тяжелые шаги исторіи [16]), возбуждаютъ „неумѣстные вопросы“, производятъ „испытаніе убѣжденій“, стремясь предупредить „предсмертную летаргію“. Но „врачующіе раны народа легкомысленно, говоря: миръ, миръ! (а мира нѣтъ“ [17]), отметаютъ эту дѣятельность пророковъ, оправдываясь особенно тѣмъ, что „почитаютъ ее вредною для ближайшаго потомства“.

Между тѣмъ, не напрасно въ пророческія книги занесенъ ропотъ сыновъ: „Отцы ѣли кислый виноградъ, а у дѣтей на зубахъ

---

[14]) Письмо М. Соловьева, отъ 30 іюля 1896 г.

[15]) Письма къ архм. Антонію, ч. III, стр. 352.

[16]) Ср. отрывокъ изъ письма А. О. Смирновой: „Помните, какъ К. С. Аксаковъ говорилъ, что онъ уже слышитъ тяжелые шаги исторіи; кажется это было въ 1848 г.? Этому смѣялись; онъ былъ правъ, и для насъ эти шаги въ настоящее время страшно тяжки“... (Р. Арх. 1897, кн. III, стр. 128).

[17]) Іерем., VIII, 11.

оскомина“ [18]). Если отцы дѣйствительно ради блага дѣтей, десятками лѣтъ проходили „трудный путь непрерывныхъ ограниченій, волненій и страданій, то не радовало и дѣтей оставленное ими наслѣдство. Въ дни кризиса, на полѣ брани, приходилось имъ рѣшать, совершать и исправлять все то, что въ эпоху „легкомысленнаго мира“ упустили сдѣлать ихъ опекуны.

И голосу сыновъ, непосредственныхъ наслѣдниковъ благъ цензурнаго режима первой половины XIX в., предоставимъ сказать о немъ послѣднее слово:

„Нельзя не согласиться, заявила коммиссія о духовной цензурѣ 1870 г. [19]), что предварительная цензура, не предотвращая вреда, не приноситъ и желаемой отъ нея пользы. Она принижаетъ всякую мысль, всякую пытливость, какъ только она выйдетъ изъ однажды принятаго строя; не даетъ никакого роста и развитія живой дѣятельности ума, направленнаго на богословское ученіе: притупляетъ всякую энергію въ писателяхъ, постоянно напоминая имъ, чтобы они не сказали лишняго или условно-неправильнаго слова. Между тѣмъ, не только правильныя изслѣдованія, но даже уклоненія въ ученіи служатъ только къ возвышенію, т. е. къ уясненію и утвержденію божественной истины правильнаго ученія, которая не можетъ быть поколеблена человѣческими мудрованіями. Во всѣ періоды исторіи церкви сравнительно менѣе достоуважаемыми являются тѣ, въ которые не положено никакого вклада въ сокровищницу ученія, и наиболѣе уважаемыми тѣ, въ которые были дѣлаемы такіе и часто весьма драгоцѣнные, на всѣ вѣка авторитетные, вклады. Но какія были эти времена? Это великія эпохи перваго, второго, третьяго, четвертаго и пятаго вѣковъ,—эпохи апостольскихъ мужей, эпохи апологетовъ, эпохи свѣтилъ церкви Василіевъ, Григоріевъ, Златоустовъ, Аѳанасіевъ и другихъ великихъ вождей церкви православной, эпохи не индифферентнаго, но живого отношенія къ христіанскому ученію, когда человѣческая мысль, хотя иногда и заблуждалась, но всегда съ энергіей относилась къ слову жизни и спасенія“...

---

[18]) Тамъ же, XXXI, 29; Іез., XVIII, 2.

[19]) Секр. дѣло канц. об.- прокурора, № 223, л. 127, стр. 10—11 „соображеній о томъ, какія перемѣны необходимы въ уставѣ православной духовной цензуры“.

Оглавленіе.

Важнѣйшія опечатки и поправки.

					Напечатано:	*Слѣдуетъ читать:*
II	стр.,		13	строка сн.	рукописи и	рукописи, и
IV	„		3	„ св.	остаются-почти	остаются почти
VIII	„		8	„ „	приложенныя	приложенные
X	„		14	„ „	собо	собою
XI	„		11	„ „	пензурныхъ	цензурныхъ
XII	„		17	„ „	вѣрующимъ и	вѣрующимъ, и
XIV	„		12	„ сн.	даже чѣмъ	даже, чѣмъ
4	„	примѣч.	3	„ „	цензуры	цензурѣ
6	„		4	„ „	въ нѣхоторыхъ	въ нѣкоторыхъ
„	„	примѣч.	1	„ „	власт иотнюдь	власти огнюдь
7	„		2	„ „	м. Платонъ заставило	м. Платонъ, заставило
9	„		14	„ св.	такія, которыя	„такія, которыя
„	„		20	„ „	упражненія	упражненія“
„	„		22	„ сн.	которыя	которые
11	„		15	„ „	отъ—препонъ	отъ препонъ
13	„		19	„ „	Говоримъ традиція	Говоримъ—традиція
15	„		1	„ св.	къ заглавіями	съ заглавіями
„	„		12	„ сн.	вътеченіе	втеченіе
16	„		14	„ св.	извѣстный, навыкъ	извѣстный навыкъ,
20	„		12	„ „	цензура, при	цензура при
24	„		7	„ „	безрезультатна, была	безрезультатна была
27	„	примѣч.	1	„ „	къ преосвѣщенными	къ преосвященнымъ
30	„		21	„ „	отнеся	отнесся
„	„		12	„ сн.	отразилась	отразились
31	„		8	„ „	ученыхъ заявляетъ	ученыхъ, заявляетъ
32	„		21	„ св.	тама	тома
40	„		10	„ сн.	ензурный	цензурный
43	„		2	„ „	необходимымъ „дабы	необходимымъ, „дабы
54	„		2	„ „	на литературно	не литературно
56	„		6	„ „	„благодать“, мало	„благодать“ мало
62	„		9	„ „	съ своихъ	въ своихъ
64	„		11	„ св.	мкла по малу	мало по малу
„	„		15	„ сн.	составить	составить
74	„		5	„ „	соблазна,	соблазна“,
89	„		13	„ „	въ началѣ 1814 г.	въ 1813 г.
122	„		13	„ св.	практики, могла	практики могла
125	„		3	„ „	Божія предполагало,	Божія, предполагая,
127	„		3	„ сн.	раздражить	раздражать
128	„		3	„ „	Голицына, играть	Голицына играть
140	„	примѣч.	1	„ „	8218 г.	1828 г.
145	„		3	„ „	„Слезкинскій	Слезскинскій
149	„		6	„ „	Аникит	Аникитѣ
154	„		21	„ св.	ивъ	изъ

159 стр.,	2 строка	св.	полесочинительства	поле сочинительства
168 „	16 „	сн.	лишь поскольку	лишь постольку, поскольку
188 „	8 „	св.	ецископъ	епископъ
189 „	13 „	„	1841 г.	1842 г.
200 „	13 „	„	усвоятся	усвояется
202 „	1 „	сн.	тайна и	тайна, и
220 „	15 „	„	экзальтаціи легче	экзальтаціи, легче
226 „	3 „	св.	жизне описаніе	жизнеописаніе
249 „	1 „	сн.	въ тупикъ	втупикъ
270 „	13 „	„	даннныхъ	данныхъ
272 „ примѣч.	1 „	„	Антонію	Анатолію
282 „	9 „	св.	его и	его, и
291 „	5 „	сн.	шаблонъ установленный	шаблонъ, установленный
294 „	6 „	св.	неудобнымъ и	неудобнымъ, и
309 „	3 „	„	вниманіе и	вниманіе, и
315 „	3 „	„	главы,—общей	главы, общей
324 „	1 „	сн.	енискому	епископу
365 „	4 „	„	цензуры едва-ли	цензуры, едва ли
368 „ примѣч.	6 „	св.	Доброзравсковъ	Доброзраковъ
372 „	4 „	сн.	связями проповѣдникъ	связями, проповѣдникъ
388 „	4 „	„	званія и	званія, и
391 „	2 „	св.	автора выраженія	автора, выраженія
397 „	5 „	„	уснащаны	уснащены
400 „	12 „	сн.	собразовался	сообразовался
421 „	1 „	св.	Предлаая	Предлагая
431 „	11 „	сн.	петербугскаго	петербургскаго
447 „	3 „	„	въ протензіи	въ претензіи
456 „	13 „	св.	удержаны	удержана
458 „	8 „	„	которыя	который
463 „	10 „	сн.	у которыхъ твердилъ	у которыхъ, твердилъ
467 „	2 „	св.	на сторожѣ	насторожѣ
467 „	1 „	сн.	что «имѣя	что, „имѣя
471 „	3 „	св.	разсмотрѣны и	разсмотрѣны, и
481 „	14 „	„	И комитетъ и	И комитетъ, и
497 „	13 „	сн.	цензуры, не	цензуры не
511 „	6 „	„	быть, ему	быть ему
512 „	9 „	св.	заключающіяся	заключающія
552 „	18 „	„	обличеніе... утвержденныхъ	„обличеніе... утвержденныхъ“
560 „	17 „	сн.	часъ и	часъ, и
569 „	1 „	св.	наставленія и народъ	наставленія, и народъ
583 „ примѣч.	5 „	„	входившія	входившіе

Несходство шрифта въ титулахъ главъ объясняется административнымъ закрытіемъ типографіи, въ которой началось печатаніе этой книги, и передачею печатанія (съ 13 листа) въ другую.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ, УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ КНИГѢ.

